This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

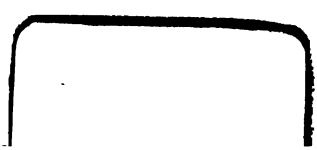
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 4353.50.2

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF

SUSAN GREENE DEXTER



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

Digitized by Google

Slav 4353.50.2

HARV. [illegible]
JAN 7 1931

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

Digitized by Google

Александръ Константиновичъ Шеллеръ.

I.

Въ половинѣ истекшаго столѣтія (54—66 гг.) Россія пережила великій переворотъ, который недаромъ многіе сравниваютъ съ эпохою Петра. Уже такія три крупныя реформы, какъ крестьянская, судебная и земская, въ неизмѣримо большей степени сдѣлали русскихъ европейцами, чѣмъ всѣ тѣ новшества, какія вводилъ Петръ. Но эпоха эта замѣчательна не однѣми только государственными реформами. Вмѣстѣ съ тѣмъ она ознаменовывается сильнымъ умственнымъ и нравственнымъ движеніемъ въ образованныхъ классахъ общества, въ результатѣ котораго произошелъ переворотъ не только въ области общественныхъ отношеній, но и въ частной жизни—семейной и личной. Въ то время, какъ новое, реальное міросозерцаніе, явившись на смѣну мистическихъ и метафизическихъ гаданій, освобождало умы отъ гнета средневѣковыхъ традицій и ставило ихъ на почву свободной критики, сложились новые взгляды и на семью, т. е. на отношенія членовъ ея между собою, и на положеніе женщинъ въ семьѣ и обществѣ, и на воспитаніе дѣтей, семейное и общественное. Можно положительно сказать, что каждый шагъ человѣка, начиная съ его общественнаго служенія и призванія и кончая чашкою чая, выпитаго за домашнимъ столомъ, былъ подверженъ тщательной критикѣ, и мало-

Digitized by Google

по-малу выработались новые идеалы, новый нравственный кодексъ, во многихъ своихъ положеніяхъ діаметрально противоположный старому, традиціонному.

Къ этому надо прибавить, что образованіе этого новаго кодекса зависѣло не отъ однихъ лишь отвлеченныхъ выводовъ изъ реальнаго міросозерцанія. Главную роль играли здѣсь причины, лежащія глубоко въ нѣдрахъ нашего общественнаго организма, независимо отъ вліянія тѣхъ или другихъ проповѣдниковъ. Дѣло заключалось въ томъ, что 60-е годы являются вмѣстѣ со всѣмъ вышеозначеннымъ эпохою перемѣщенія центра умственнаго движенія въ новый слой общества, до того времени мало принимавшій участіе въ этомъ движеніи, не вносившій въ него какихъ-либо своихъ собственныхъ идеаловъ и слѣпо подчинявшійся тѣмъ, какіе господствовали въ передовыхъ классахъ общества.

Чтобы понять, въ чемъ тутъ суть, слѣдуетъ принять во вниманіе, что нравственные идеалы опредѣляются тою практикою жизни, какая господствуетъ въ томъ классѣ общества, въ которомъ сосредоточивается умственное движеніе эпохи. Такъ, въ средніе вѣка, когда образованность сосредоточивалась въ высшихъ классахъ общества, посвящавшихъ себя войнѣ или алтарю, господствовали два идеала: или храбраго, отважнаго, великодушнаго и щедраго рыцаря, или же святого, отрѣшившагося отъ міра и посвятившаго себя служенію Богу. Въ торгово-промышленныхъ классахъ развиваются идеалы предпріимчиваго, ловкаго и смышленаго дѣльца, человѣка наживы, умѣющаго не только нажить, но и скопить копейку.

Въ нашемъ отечествѣ умственное движеніе въ продолженіе всей первой половины XIX столѣтія сосредоточивалось преимущественно въ высшихъ, дворянскихъ классахъ общества. Сообразно этому обстоятельству идеаломъ считался избалованный и изнѣженный денди, съ презрѣніемъ смотрящій на какой бы то ни было мелкій трудъ, не знающій счета деньгамъ, врагъ бережливости и скопидомства, безукоризненный во всѣхъ великосвѣтскихъ обычаяхъ и приличіяхъ, заботящійся лишь о томъ, чтобы блистать въ высшемъ обществѣ и ослѣплять ближнихъ всевозможными духовными и физическими совершенствами, но

Digitized by Google

въ то же время пресыщенный, разочарованный и скучающій. Таковыми являются передъ нами Онѣгинъ, Печоринъ и всѣ прочіе подобные имъ герои романовъ въ жизни и въ литературѣ того времени.

Люди, вышедшіе изъ семей бѣдныхъ дворянъ, мелкихъ чиновниковъ, духовенства, если имъ удавалось получить высшее образованіе, всячески старались осуществлять господствовавшіе идеалы и, такъ какъ вся практика ихъ жизни шла въ разрѣзъ съ этими идеалами, чувствовали себя обыкновенно глубоко несчастными: сокрушались, видя себя застѣнчивыми, неловкими въ свѣтскомъ обществѣ, не знающими, какъ пройти черезъ залу, куда дѣть руки, роптали на родителей, зачѣмъ тѣ не научили ихъ ни говорить по-французски, ни танцовать и пр.

Но по мѣрѣ того, какъ образованность, особенно послѣ учрежденія университетовъ, сдѣлавшихъ ее доступною всѣмъ, начала распространяться въ среднихъ классахъ общества, разночинцы подняли головы и не только перестали подражать великосвѣтскимъ идеаламъ, но начали осмѣивать ихъ и выставили свои собственные идеалы, во многихъ отношеніяхъ діаметрально-противоположные. Это были идеалы, вполнѣ соотвѣтствовавшіе той средѣ, изъ которой вышли ихъ носители. На первомъ планѣ стояла здѣсь крайняя простота въ одеждѣ, пищѣ и во всемъ прочемъ обиходѣ жизни; далѣе слѣдовало полное отсутствіе рисовки, блеска, тщеславія хотя бы и духовными дарами; жизнь основывалась на неусыпномъ трудѣ по призванію, по мѣрѣ силъ и способностей; цѣль же ея опредѣлялась самоотверженнымъ служеніемъ общественной пользѣ.

Подобнаго рода идеалъ, осуществляемый въ жизни и въ литературныхъ сферахъ такими личностями, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій и прочіе ихъ сподвижники, не замедлилъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ проявиться и въ литературѣ во образѣ новыхъ героевъ, не имѣвшихъ ничего общаго со всѣми прежними героями: Онѣгинымъ, Печоринымъ, Бельтовыми и пр. Таковъ былъ Базаровъ въ романѣ Тургенева «Отцы и дѣти». Но Базаровъ далеко не удовлетворилъ людей того времени, въ которое онъ выступилъ въ романѣ. Отъ автора ждали

Digitized by Google

созданія новаго идеальнаго типа а нашли выставленіе ряда недостатковъ и слабостей представителей молодого поколѣнія, окрещенныхъ къ тому же обидной кличкой «нигилистовъ». Словомъ, Тургеневъ отнесся къ новому герою слишкомъ критически и не во всемъ справедливо, что и самъ онъ впослѣдствіи сознался. Такъ, въ статьѣ своей по поводу «Отцовъ и дѣтей» онъ говоритъ:

«Вся причина недоразумѣній, вся, какъ говорится, «бѣда», состояла въ томъ, что воспроизведенный мною Базаровскій типъ не успѣлъ пройти чрезъ постепенные фазисы, черезъ которые обыкновенно проходятъ литературные типы. На его долю не пришлось—какъ на долю Онѣгина или Печорина—эпохи идеализаціи, сочувственнаго превознесенія. Въ самый моментъ появленія новаго человѣка—Базарова—авторъ отнесся къ нему критически... объективно. Это многихъ сбило съ толку — и, кто знаетъ, въ этомъ была—быть-можетъ—если не ошибка, то несправедливость. Базаровскій типъ имѣлъ по крайней мѣрѣ столько же права на идеализацію, какъ предшествовавшіе ему типы...»

Болѣе сочувственное отношеніе къ новому герою мы видимъ со стороны Помяловскаго, изобразившаго его во образѣ Молотова и посвятившаго этому изображенію двѣ повѣсти: «Молотовъ» и «Мѣщанское счастье». Но и Молотова мы не можемъ считать вполнѣ воплощеніемъ новаго идеала. Въ отношеніи къ нему со стороны автора все-таки проглядываетъ нѣкоторая критико-скептическая струйка. Авторъ выставилъ своего героя слишкомъ буржуазнымъ для своего горячаго времени, ну и понятно, не могъ не отнестись нѣсколько скептически къ этой буржуазности, тѣмъ болѣе, что въ себѣ самомъ не замѣчалъ ея. Молотовъ, такимъ образомъ, хотя и вышелъ порядочнымъ и честнымъ разночинцемъ, но и въ изображеніи его не доставало того «сочувственнаго превознесенія», о которомъ говоритъ Тургеневъ.

Судя по оставшимся послѣ Помяловскаго наброскамъ предпринятыхъ имъ работъ («Братъ и сестра», и «Гражданскій бракъ»), можно думать, что онъ не ограничился бы однимъ

Digitized by Google

Молотовымъ, и въ дальнѣйшей дѣятельности вывелъ бы рядъ разночинцевъ, но все-таки сомнительно, чтобы ему удалось исполнить задачу «сочувственнаго превознесенія», принимая во вниманіе отсутствіе въ талантѣ Помяловскаго наклонности къ идеализаціи и того червячка «кладбищенства», который съ дѣтскихъ лѣтъ точилъ его омраченное сердце. Преждевременная же смерть Помяловскаго окончательно отняла у современниковъ его надежду на выполненіе имъ вышеозначенной задачи.

Выполненіе этой задачи выпало на долю А. К. Шеллера.

II.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ имѣлъ всѣ данныя для выполненія задачи, какъ по своему выдающемуся таланту, такъ и по всѣмъ обстоятельствамъ своей жизни. Ему тѣмъ легче было изображать типы идеальныхъ разночинцевъ, что самъ онъ во многихъ отношеніяхъ воплощалъ въ себѣ подобный типъ.

Родители Шеллера были бѣдные люди. Отецъ, Константинъ Андреевичъ, крестьянинъ-эстонецъ, въ дѣтствѣ сиротой былъ привезенъ изъ Аренсбурга въ Петербургъ и отданъ въ театральное училище, гдѣ сначала обучали его балетнымъ танцамъ, но, видя неспособность его къ этой профессіи, начали приготовлять изъ него музыканта на одномъ изъ духовыхъ инструментовъ. Двадцати лѣтъ онъ кончилъ курсъ училища и сперва служилъ въ оркестрѣ казенныхъ театровъ, но на четвертомъ году службы пришлось разстаться съ трубою, такъ какъ юношѣ угрожала чахотка. Онъ служилъ затѣмъ въ суфлерахъ; переписывалъ ноты; вертясь за кулисами, исполнялъ всевозможныя порученія артистовъ, терпя горькую нужду, и обстоятельства его сколько-нибудь поправились, только когда, по прошествіи двухъ лѣтъ подобныхъ мытарствъ, онъ опредѣлился придворнымъ служителемъ.

Путемъ такихъ мытарствъ изъ Константина Андреевича выработался своего рода нравственный богатырь. Вотъ какъ характеризуетъ его Шеллеръ въ своемъ автобіографическомъ романѣ «Гнилыя болота»: «Онъ былъ лысъ, и въ остаткахъ черныхъ кудрявыхъ волосъ проглядывала сѣдина. Между бровями

Digitized by Google

врѣзалась глубокая морщина, придававшая его доброму лицу выраженіе суровой строгости. Онъ ходилъ, поднявъ голову, никому не протягивая впередъ руки, не уступая дороги... Люди со своимъ безцѣльнымъ добромъ и безцѣльнымъ зломъ были ему не нужны. Благодѣяній ихъ онъ не просилъ, злобы не боялся; онъ зналъ выносливость своихъ силъ. Притѣсненія дѣлали его только сильнѣе и тверже: огонь дѣлаетъ изъ дерева пепелъ и превращаетъ гибкое желѣзо въ сталь; отецъ былъ скованъ изъ желѣза. И люди сторонились отъ него; они боялись его проницательныхъ, заглядывающихъ въ чужую душу глазъ и не любили его холодной улыбки, молчаливо указывающей имъ ихъ мелочность, пошлость и подлость. «Звѣрь!»—говорили они, встрѣчая отца, и, какъ-то мизерно съежившись, уступали ему дорогу».

Когда обстоятельства Шеллера-отца мало-мальски поправились, онъ женился на Елепѣ Ѳедоровнѣ Адамовичъ, дѣвушкѣ скромной и трудолюбивой, хотя и возросшей въ аристократической семьѣ, правда крайне обнищалой. Поженившись, молодая чета повела тихую и уединенную жизнь въ небольшой казенной квартиркѣ, состоявшей изъ двухъ каморокъ въ придворномъ домѣ, на углу Сергіевской и Гагаринской улицъ. Мужъ сверхъ службы столярничалъ; мать шила по заказу платья. Въ свободные вечера читались англійскіе романы въ русскихъ переводахъ. Дѣтей у нихъ было трое, но двое умерли во младенчествѣ, и въ живыхъ остался одинъ лишь сынъ Константинъ.

Родился Шеллеръ 30-го іюля 1838 г. Дѣтство оставило въ немъ не много свѣтлыхъ воспоминаній. Правда, какъ единственный ребенокъ въ семьѣ, онъ былъ баловень родныхъ; отецъ и мать души въ немъ не чаяли, и самъ онъ питалъ къ нимъ горячую привязанность, которая не покидала его до самой ихъ смерти. Особенно нѣжное чувство питалъ онъ къ матери, которой онъ былъ обязанъ не только воспитаніемъ, но и впослѣдствіи добрыми совѣтами даже въ его литературныхъ трудахъ.

— Ей первой я читалъ всегда все, что писалъ,—разсказывалъ онъ друзьямъ своимъ:—до этого чтенія я не отдавалъ въ

Digitized by Google

печать своихъ произведеній... Мало того, что съ первыхъ своихъ трудовъ я привыкъ къ ея благословенію; я вѣрилъ ея чутью и зналъ, что, прослушавъ мой новый романъ, она, только она скажетъ непремѣнно правду: что хорошо и что неудачно...

Но какъ ни была согрѣта семейною любовью душа ребенка, все-таки онъ тосковалъ въ душныхъ и смрадныхъ стѣнахъ казеннаго дома на Сергіевской, въ бѣдной обстановкѣ двухъ каморокъ и однообразной, уединенной жизни родныхъ. «Мнѣ не доставало,—вспоминаетъ онъ:—двухъ самыхъ лучшихъ учителей: природы и дѣтей-товарищей. Находясь постоянно въ городѣ, постоянно въ душной комнатѣ, видя всѣ недостатки, которыхъ отецъ и не считалъ нужнымъ скрывать отъ меня, я очень рано научился понимать и переносить невзгоды, сдѣлался задумчивымъ ребенкомъ и нерѣдко просиживалъ, о чемъ-то мечтая и разговаривая съ самимъ собою. Неблестящая дѣйствительность и волшебныя, слишкомъ яркія грезы, навѣянныя бабушкою, мѣшались между собою, и мое воображеніе развилось до крайности сильно. Я вѣрилъ въ невѣдомый волшебный призракъ, управляющій всѣмъ міромъ, въ добрую фею, которая скоро должна прилетѣть въ нашъ домъ, превратить его въ роскошныя палаты и сдѣлать меня генераломъ,—большаго счастія я не могъ себѣ представить. Мой умъ спалъ и былъ неразвитъ. Онъ былъ до того неразвитъ, что я никогда не спрашивалъ себя: отчего дѣлается то или другое на свѣтѣ?.. Отсутствіе общества дѣтей сдѣлало изъ меня что-то въ родѣ отупѣвшаго старика, ничего не знавшаго, не желавшаго знать. Такимъ оставался я почти до девяти лѣтъ, когда меня отдали въ ближайшую отъ нашей квартиру школу...»

Но школа эта оказалась ниже всякой критики, и «черезъ годъ,—повѣствуетъ Шеллеръ:—меня взяли изъ школы, видя безполезность моего пребыванія въ ней. Неучемъ вступилъ я въ нее, неучемъ вышелъ я, неучемъ и остался бы, пробывъ въ ней десятокъ лѣтъ; но сперва я не зналъ, что такое наука, теперь же я ее называлъ мукою и начиналъ ненавидѣть, злобно ненавидѣть».

Послѣ неудачи съ частною школою мальчика отдали въ нѣ-

Digitized by Google

мецкую Аннинскую школу, въ которой онъ прошелъ всѣ семь классовъ, полный гимназическій курсъ, и вышелъ изъ нея въ 1857 году. Хотя школа эта была и иностранная, но порядки въ ней были такіе же дореформенные, какъ и во всѣхъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ того времени: учителя были такіе же малосвѣдующіе, лѣнивые, грубые; дѣтей такъ же ругали, били и всячески истязали и дорозогъ включительно. Подборъ воспитанниковъ тоже былъ не ахти какой и среди товарищей Шеллера не мало было всякой дряни.

Здѣсь нужно обратить вниманіе на двойственность двухъ противоположныхъ вліяній, подъ которыми провелъ Шеллеръ свои отроческіе годы и которыя впослѣдствіи сильно отразились на всѣхъ его произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ отецъ-плебей и мать, отрѣшившаяся подъ его вліяніемъ отъ всѣхъ аристократическихъ традицій, внушали сыну идеалы честнаго труда, простоты и умѣренности, бабушка со стороны матери, часто посѣщавшая родителей Шеллера, была напротивъ того, несмотря на свою почти нищету, преисполнена барской спѣси, суетного тщеславія и не переставала лелѣять идеалы и предразсудки праздной роскоши. Она-то именно и развила мечтательность въ мальчикѣ, возбудивъ въ богатомъ воображеніи его грёзы о громадныхъ сіяющихъ залахъ, наполненныхъ чудными женщинами, одѣтыми въ бархатъ и атласъ, скользящими по паркету мужчинами со звѣздами на груди, въ вышитыхъ кафтанахъ, бѣгающими хорошенькими пажами и пр. Впослѣдствіи она возила мальчика на дѣтскіе балы, устраиваемые въ домахъ ея богатой родни, что еще въ большей степени развивало влеченіе мальчика въ сферу роскоши, блеска и праздника веселья. Понятно, что и въ училищѣ онъ началъ сближаться съ сынками богатыхъ родителей, заражаясь отъ нихъ, какъ ихъ тщеславіемъ, такъ и ихъ преждевременною испорченностью; началъ помадиться, душиться, старался быть одѣтымъ столь же щеголевато, какъ и они.

Но въ мальчикѣ были заложены слишкомъ хорошія и честныя начала, унаслѣдованныя имъ отъ родителей, чтобы онъ могъ сдѣлаться фатомъ и шалопаемъ. Онъ успѣлъ во-время

Digitized by Google

избавиться отъ тлетворнаго вліянія бабушки, уѣхавшей за границу въ качествѣ компаньонки при одной богатой особѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему удалось сблизиться съ нѣсколькими товарищами совсѣмъ иного закала, чѣмъ всѣ тѣ, съ которыми онъ прежде сближался, читавшими серьезныя книги и стремившимися къ умственному развитію. Ко всему этому присоединилось благотворное вліяніе одного изъ тѣхъ идеальныхъ учителей русской словесности, которые въ тѣ времена, увлекая молодежь въ идеальный міръ высшихъ духовныхъ интересовъ, заставляли потомъ всю жизнь вспоминать о нихъ, какъ о своихъ спасителяхъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, привело юношу къ тяжелому и мучительному нравственному кризису, подробности котораго читатели наши найдутъ въ романѣ «Гнилыя болота», въ этомъ же томѣ. Кризисъ этотъ, доведя юношу до тяжкой болѣзни, имѣлъ своимъ результатомъ полное нравственное возрожденіе молодого человѣка. Въ 1857 году онъ кончилъ курсъ училища стоящимъ вполнѣ уже на уровнѣ своего времени, однимъ изъ тѣхъ новыхъ людей разночиннаго типа, изобразителемъ которыхъ онъ впослѣдствіи явился. По выходѣ изъ училища онъ записался вольнослушателемъ въ петербургскомъ университетѣ и оставался имъ до закрытія университета въ 1861 г.

Это было, какъ извѣстно, время полнаго разгара общественнаго движенія, возникшаго послѣ крымской войны. Крестьянская реформа, паденіе откуповъ, первыя попытки обличительной гласности, толки о судебной и земской реформахъ, о преобразованіи всей педагогической системы среднихъ учебныхъ заведеній, горячее одушевленіе прессы, блестѣвшей первостепенными талантами по всѣмъ литературнымъ отраслямъ и непрестанно возбуждавшей общественную мысль то появленіемъ того или другого первостепеннаго произведенія, то рядомъ публицистическихъ статей, поднимавшихъ вопросы первой важности, то ожесточенною полемикой, дѣлившей на партіи весь читающій людъ,— все это держало русское общество въ непрестанномъ лихорадочномъ напряженіи. Можно положительно сказать, что вся Русь отъ края до края была взволнована до самаго нутра; всѣ

Digitized by Google

классы, сословія, города и веси были такъ или иначе затронуты и заинтересованы совершившимися и предстоявшими реформами. Толкамъ, спорамъ, слухамъ, легендамъ, порою самымъ фантастическимъ, взрывамъ то шумнаго восторга, то разочарованія, отчаянія и негодованія не было конца.

Могъ ли двадцатилѣтній талантливый юноша, только-что вырвавшійся на свободу изъ-подъ школьной ферулы, не быть увлеченнымъ и поглощеннымъ этимъ могучимъ потокомъ? Какъ нельзя болѣе естественно, что, проживая въ самую бурную фазу нашего Sturm und Drang такіе роковые годы своей жизни, когда формируются и талантъ, и нравственный характеръ, и убѣжденія,—молодой писатель долженъ былъ явиться всецѣло созданіемъ этой самой фазы. Такъ именно и случилось.

По окончаніи школы Шеллеру пришлось вращаться преимущественно въ средѣ петербургскаго интеллигентнаго пролетаріата, къ которому онъ принадлежалъ и самъ, среди людей пишущихъ и читающихъ, учащихся и учащихъ, у которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли вопросы не столько по общественнымъ реформамъ, сколько философскіе и психологическіе. На первомъ планѣ стояло умственное и нравственное развитіе личности въ духѣ новыхъ идей и, сообразно новымъ условіямъ общественной жизни, выработка новыхъ личныхъ идеаловъ и путей къ ихъ осуществленію. Изъ этой именно среды шло то великое педагогическое движеніе, которое въ эти годы волновало умы нисколько не менѣе крестьянской и всѣхъ прочихъ реформъ. Стоитъ только вспомнить то потрясающее впечатлѣніе на все русское общество, какое произвели въ 1856—57 г. статьи Пирогова и Бема въ «Морскомъ Сборникѣ», а затѣмъ первыя попытки педагогическихъ реформъ, произведенныя подъ руководствомъ Ушинскаго, Водовозова и всѣхъ ихъ сподвижниковъ. Стоитъ вспомнить тотъ глубокій интересъ, съ какимъ общество слѣдило за полемикой о розгахъ или прочитывало статьи Добролюбова о значеніи авторитета въ дѣлѣ воспитанія. Залъ пятой гимназіи, гдѣ происходили два раза въ мѣсяцъ достопамятныя «педагогическія собранія», въ дни засѣданій былъ всегда переполненъ публикой, состоявшей изъ людей всѣхъ возрастовъ

Digitized by Google

и обоихъ половъ. А затѣмъ началась горячка воскресныхъ школъ, возникшихъ во всѣхъ частяхъ города и привлекшихъ къ дѣятельному участію тысячи интеллигентныхъ людей. Не замедлило это педагогическое движеніе отразиться и въ беллетристикѣ въ видѣ массы описаній и обличеній старыхъ училищныхъ порядковъ въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вспомнимъ только ту сенсацію, какую произвели въ то время «Очерки бурсы» Помяловскаго.

Вращаясь среди всего этого хаоса восторженныхъ увлеченій вопросами о воспитаніи дѣтей, развитіи взрослыхъ и равноправности женщинъ, Шеллеръ тѣмъ съ большею горячностью отдался всѣмъ этимъ вопросамъ, что самъ онъ вынесъ столько мрачныхъ впечатлѣній изъ своихъ школьныхъ лѣтъ. Старая дореформенная школа, если не физически, то нравственно измучила его въ такой же степени, какъ и Помяловскаго бурса, и на своемъ опытѣ позналъ онъ, какъ тяжко достается умственное развитіе человѣку, возросшему въ мѣщанской средѣ. Какъ велико было увлеченіе Шеллера педагогическими вопросами не теоретически только, но и практически, въ видѣ страстнаго желанія протянуть руку помощи въ самообразованіи бѣднымъ дѣтямъ,—мы можемъ судить по тому, что тотчасъ же по выходѣ изъ университета, въ 1861 г., Шеллеръ основалъ замѣчательную по своему устройству школу для бѣдныхъ дѣтей, въ которой дѣти получали первоначальное образованіе за плату 30—60 коп. въ мѣсяцъ, а для взрослыхъ читались по субботамъ лекціи по географіи, исторіи и пр. Учениковъ набралось до сотни, и школа успѣшно существовала до 1863 г., когда вмѣстѣ съ наступившимъ поворотомъ въ правительственныхъ сферахъ, ознаменовавшимся, между прочимъ, закрытіемъ воскресныхъ школъ, учебное начальство отнеслось недовѣрчиво и къ школѣ Шеллера, и она была прикрыта.

III.

Литературный талантъ обнаружился у Шеллера уже въ дѣтствѣ; по выходѣ же изъ школы, онъ девятнадцати лѣтъ уже началъ зарабатывать деньги литературнымъ трудомъ, именно—

Digitized by Google

сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Весельчака» Плюшара, гдѣ писалъ фельетоны на разныя темы, подписываясь А. Релешъ (т. е. обратное — А. Шеллеръ), и зарабатывалъ до ста руб. въ мѣсяцъ.

По выходѣ же изъ университета Шеллеръ, по совѣту родителей и своего товарища по школѣ, Яковлева, отказался отъ фельетонныхъ работъ и засѣлъ за романъ. Въ 1863 г., по закрытіи школы, Шеллеръ появился впервые въ толстомъ журналѣ, именно въ «Современникѣ». Другъ дѣтства его, Андрей Михайловъ, отнесъ, безъ его вѣдома, въ редакцію «Современника» четыре его стихотворенія, которыя были напечатаны въ октябрьской книжкѣ журнала за 1863 годъ. Книжка вышла въ свѣтъ 10-го числа, и этотъ день Шеллеръ считалъ всегда годовщиной своей литературной дѣятельности. Стихотворенія были напечатаны подъ фамиліей принесшаго ихъ въ редакцію А. Михайлова, и псевдонимъ этотъ Шеллеръ оставилъ за собою уже навсегда.

Какъ энергично принялся съ 1863 г. Шеллеръ за литературную дѣятельность, можно судить по тому, что, предпринявъ романъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ началъ готовиться къ публицистической работѣ о пролетаріатѣ во Франціи и объ ассоціаціяхъ и, съ цѣлью собиранія матеріаловъ для этой работы, предпринялъ поѣздку за границу. Это была уже вторая его поѣздка; въ первый разъ онъ ѣздилъ за границу, будучи еще студентомъ, въ качествѣ домашняго секретаря гр. Ѳ. М. Апраксина.

Въ теченіе 1864-го и 1865-го годовъ были напечатаны въ «Современникѣ» два первые романа Шеллера—«Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова», обратившіе на автора ихъ общее вниманіе и публики, и прессы, и съ этихъ годовъ Шеллеръ, пріобрѣтя литературную извѣстность, становится въ ряды наиболѣе выдающихся беллетристовъ своего времени.

Въ 1865 году Шеллеръ былъ приглашенъ Благосвѣтловымъ въ «Русское Слово» редакторомъ иностраннаго отдѣла, а по прекращеніи «Русскаго Слова», въ 1866 г., онъ былъ приглашенъ завѣдывать тѣмъ же отдѣломъ во вновь открытомъ Благосвѣтловымъ «Дѣлѣ», гдѣ онъ состоялъ при редакціи до 1877 года. Одновременно съ этимъ онъ принималъ участіе въ «Женскомъ

Digitized by Google

Вѣстникѣ», «Недѣлѣ». Съ 1877 года Шеллеръ перешелъ въ «Живописное Обозрѣніе», которое редактировалъ 23 года подъ рядъ при издателяхъ Полевомъ, Добродѣевѣ и компаніи «Издатель». Одновременно съ этимъ онъ былъ редакторомъ и «Сына Отечества».

Мы считаемъ излишнимъ перечислять всѣ его труды, которые въ полномъ составѣ читатели найдутъ на страницахъ настоящаго изданія. Скажемъ лишь вообще, что не на однихъ словахъ, а и на самомъ дѣлѣ, всею своею жизнію онъ осуществлялъ идеалъ неустаннаго труженика. Трудно понять, какъ, вѣчно заваленный черными редакторскими работами, правкою корректуръ, чтеніемъ рукописей, исправленіемъ безграмотныхъ переводовъ и пр., онъ успѣлъ написать болѣе сотни романовъ, повѣстей и разсказовъ; рядомъ съ этимъ печаталъ во всѣхъ изданіяхъ, которыя редактировалъ, статьи публицистическія и историческія, въ которыхъ живымъ и увлекательнымъ языкомъ популяризировалъ данныя европейской науки—«Революціонный анабаптизмъ», «Пролетаріатъ во Франціи», «Наши дѣти», «Ассоціаціи во Франціи, Германіи и Англіи», «Основы народнаго образованія въ Европѣ и Америкѣ», «Царство двухъ монаховъ» и пр. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить массу статей, фельетоновъ, писемъ по педагогическимъ и общественнымъ вопросамъ; наконецъ, массу стихотвореній оригинальныхъ и переводныхъ,—изъ Петефи, Шерра, Шамиссо, Фрейлиграта, Барри, Корнуэля, Эдгара По, Коппе. При взглядѣ на такую неимовѣрную дѣятельность невольно приходитъ вамъ въ голову, что недаромъ въ жилахъ Шеллера текла эстонская кровь, чуждая славянской лѣни и обломовщины.

Но не однимъ только трудолюбіемъ, а и всѣмъ своимъ нравомъ, всѣми привычками Шеллеръ осуществлялъ въ своей жизни тотъ новый идеалъ, проповѣдникомъ котораго является онъ въ своихъ произведеніяхъ. Крайне воздержный, чуждый малѣйшаго сластолюбія, онъ былъ до послѣдней степени простъ въ своей домашней обстановкѣ. Онъ любилъ украшать свои комнаты лишь хорошими гравюрами и цвѣтами, но въ то же время не допускалъ ни малѣйшей лишней роскоши. Довольно сказать, что

Digitized by Google

прекрасный письменный столъ-бюро, поднесенный ему въ день его юбилея, стоялъ у него въ гостиной, какъ украшеніе; писалъ же онъ въ своемъ кабинетѣ, полулежа на диванѣ, на перенумерованныхъ четвертушкахъ бумаги заранѣе очиненными и постоянно смѣняемыми карандашами.

Похоронивъ сначала мать, умершую въ 1877 г., а затѣмъ, въ 1888 г., семидесяти-семи-лѣтняго отца, которыхъ онъ нѣжно любилъ и до самой ихъ смерти не переставалъ заботиться о нихъ и обставлять ихъ полнымъ комфортомъ, Шеллеръ остался одинокимъ старымъ холостякомъ на попеченіи двоюродной сестры своей Татьяны Николаевны Ѳедоровой. Это было преданное и доброе существо, еще при жизни родителей Шеллера привыкшая къ ихъ дому, ухаживавшая много лѣтъ за больнымъ отцомъ, закрывшая глаза и матери Шеллера, оставшаяся хозяйничать въ домѣ и послѣ смерти стариковъ. Она завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ, избавляя вѣчно занятаго писателя отъ надоѣдливыхъ мелочей, радушно угощала друзей его на обѣдахъ и вечеринкахъ; она же читала ему вслухъ рукописи, перечитывала съ нимъ корректуры и переписывала начисто все, что было написано имъ для печати за послѣднія двадцать пять лѣтъ. А когда Шеллеръ мучительно страдалъ передъ кончиною, оставалось только поражаться невѣроятной выносливости маленькой и тщедушной Татьяны Николаевны. Семьдесятъ дней и ночей она провела почти безъ сна, не отходя отъ медленно умиравшаго писателя, и за все это время ни разу не слыхалъ никто отъ нея не только жалобы на утомленіе, но и усталаго вздоха.

«Работая почти сорокъ лѣтъ подъ рядъ, — говоритъ г. Рышковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Шеллерѣ: — онъ зарабатывалъ достаточно, а временами и — много. Но копить деньги онъ не хотѣлъ, всю жизнь работалъ для другихъ и умеръ бѣднякомъ. Все, что онъ зарабатывалъ, уходило на «близкихъ» и на «ближнихъ». Полною горстью, не считая, онъ раздавалъ деньги нуждающимся людямъ, платилъ въ гимназіи, на курсы и въ университеты за образованіе своихъ многочисленныхъ крестниковъ, названныхъ племянниковъ (родныхъ у него не было), а то и,

Digitized by Google

просто, за едва знакомыхъ молодыхъ людей, которые хотѣли учиться, но не имѣли на это средствъ»...

«Ближайшими изъ «ближнихъ» Шеллеръ считалъ всегда «братьевъ-писателей». И можно сказать утвердительно, что ни у кого изъ крупныхъ писателей—умершихъ и живущихъ—не было столько друзей среди молодыхъ писателей и поэтовъ, сколько ихъ было у покойнаго Александра Константиновича. Масса молодежи окружала его всегда, и не одинъ десятокъ лѣтъ онъ всячески пригрѣвалъ своихъ младшихъ товарищей, любя ихъ и умомъ, и сердцемъ.

«Въ пріемный день и часъ Шеллера не могли отвлечь отъ пріема ни личныя дѣла, ни какія бы то ни было экстренныя надобности, ни даже нездоровье; хворая послѣдніе годы, зачастую онъ принималъ и больной...

«Нуждающагося писателя онъ положительно «угадывалъ», и тогда, немедленно, шелъ къ издателю просить денегъ подъ принесенную имъ рукопись. Когда же онъ видѣлъ передъ собою не только «нуждающагося», но просто «голоднаго» писателя, онъ приглашалъ его въ столовую и тамъ предоставлялъ Татьянѣ Николаевнѣ, которая знала уже — чѣмъ прежде всего занять новаго знакомаго. Какъ бы случайно, либо кстати, появлялся завтракъ или кофе...

«Шеллеръ ни передъ чѣмъ не останавливался, когда видѣлъ, что надо «помочь»... Если «ближній» или другъ прибѣгалъ къ нему за помощью въ тѣ рѣдкія минуты, когда въ маленькомъ стѣнномъ шкапикѣ, работы его покойнаго отца, висѣвшемъ въ кабинетѣ, хранилось нѣсколько сотъ рублей, полученныхъ за послѣднюю работу и чудомъ еще не истраченныхъ,—съ счастливымъ лицомъ и безъ всякихъ разговоровъ онъ шелъ къ этому шкапику, вынималъ оттуда сколько требовалось денегъ и передавалъ въ руки явившемуся.

«Если же шкапикъ былъ пустъ, Александръ Константиновичъ просилъ прибѣжавшаго къ нему зайти «завтра вечеромъ»; а завтра утромъ Татьяна Николаевна везла закладывать «серебряный сервизъ», другіе подарки, полученные Шеллеромъ въ юбилейный день, и тому подобныя вещи. Когда же и все это,—какъ

Digitized by Google

говорилъ Шеллеръ, «ненужное» и «лишнее»,—было уже заложено, а къ нему стучались новые «пострадавшіе» и «искавшіе выхода изъ положенія», Александръ Константиновичъ снималъ съ себя сначала брильянтовыя запонки, потомъ перстень и, наконецъ, золотые часы съ цѣпочкой и брелоками... И только приходившіе въ эти тугія времена вызывали въ немъ раздраженіе и досаду, но не потому, что явились, а потому, что нечѣмъ было помочь и имъ — шестому, седьмому, десятому... И боясь, чтобы не подумали, что онъ «не хочетъ» помочь, онъ молча указывалъ на простыя, дешевыя запонки, надѣтыя на его манжеты, или съ грустнымъ видомъ вынималъ изъ кармана малоцѣнные «черные» часы...

«Ближними своими Шеллеръ считалъ, конечно, не только братьевъ-писателей, и не только имъ помогалъ онъ въ бѣдѣ и въ нуждѣ. Онъ помогалъ всѣмъ, кому было «трудно и жутко». По средамъ и субботамъ въ его пріемные часы, на лѣстницѣ, въ пріемной и въ передней мы постоянно встрѣчали смущенныхъ людей разнаго званія—и горемычныхъ вдовъ и сиротъ, которые приходили «на минутку» не къ редактору «Живописнаго Обозрѣнія», а къ Шеллеру «по своему дѣлу». Всѣ эти люди или состояли у него на ежемѣсячной пенсіи, или получали единовременное пособіе въ случаѣ болѣзни, безработицы и иной бѣды. И въ послѣдніе годы и съ ними повторялось, что и съ крупными «клієнтами». Шеллеръ совалъ, кому три, кому пять рублей до тѣхъ поръ, пока разсовывалъ все, что было въ наличности, въ карманѣ; а бѣдняки приходили еще; ему нечего было давать, и онъ начиналъ ворчать и сердиться на то, что бѣдняковъ больше, чѣмъ у него денегъ.

«Изъ этой категоріи самой долголѣтней пенсіонеркой была его няня. Эта древняя старуха жила давнымъ-давно на покоѣ, въ деревнѣ, за Ораніенбаумомъ, но до самой своей кончины Шеллеръ высылалъ ей аккуратно каждый мѣсяцъ по пяти рублей; потомъ до ея смерти (она не надолго пережила своего воспитанника) эту пенсію высылала ей Татьяна Николаевна.

«Всякій мелкій служащій людъ — рабочіе типографіи, лакеи, швейцары, дворники—тоже пользовались всегда ласковымъ обра-

Digitized by Google

щеніемъ Шеллера; издали завидя его, они бросались ему услуживать; мало того, что онъ обращался съ ними, какъ съ равными,—опять-таки щедрой рукой раздавалъ онъ имъ деньги не только за малѣйшую услугу, но и такъ, ни за что, или, вѣрнѣе сказать, за то, что они бѣднѣе его. На извозчиковъ онъ садился не торгуясь, а платилъ имъ противъ таксы—втрое... Мимо нищихъ, не подавъ, не проходилъ. И на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, куда онъ ѣздилъ такъ часто «на свою могилу» и гдѣ, навѣщая отца и мать, бывалъ уже непремѣнно по утрамъ въ первые дни пасхи и новаго года,—рѣшительно всѣ могильщики и сторожа знали «добраго господина Шеллера»...

IV.

Но какъ ни былъ крѣпко сложенъ Шеллеръ и какимъ ни пользовался онъ здоровьемъ, безустанный дневной и ночной трудъ успѣлъ-таки къ пятидесяти годамъ его жизни надломить его силы. Вскорѣ послѣ двадцатипятилѣтія его литературной дѣятельности, шумно отпразднованнаго его друзьями и почитателями 10-го октября 1888 года, онъ сталъ хворать, и уже до самой кончины разнообразныя болѣзни истощали его. Въ 1891 году у него обнаружились зловѣщіе признаки склероза. Такъ, въ ноябрѣ этого года, во время работы внезапно у него хлынула изъ носа кровь, и кровотеченіе было настолько продолжительно и обильно, что надолго обезсилило его; въ ноябрѣ слѣдующаго года оно повторилось еще сильнѣе; еще черезъ годъ случился небольшой параличъ правой руки и ноги: при ходьбѣ ступня стала судорожно подвертываться, и съ тѣхъ поръ Шеллеру пришлось ходить съ палкой. Онъ рѣшилъ отдохнуть и полѣчиться за границей. Но въ тотъ самый день, когда онъ поѣхалъ за билетомъ для этого путешествія, вернувшись домой и слѣзая съ извозчика, онъ оступился, упалъ и сломалъ правую руку. Однако, этотъ переломъ былъ очень быстро и искусно исправленъ, и въ тотъ годъ Шеллеру все-таки удалось съѣздить въ Австрію и Швейцарію. Едва онъ вернулся,—случилось кровоизліяніе въ правый глазъ, и глазъ разболѣлся; болѣзнь ока-

Digitized by Google

залась серьезной, сдѣлана была операція, но уже до самой смерти онъ видѣлъ на этотъ глазъ очень плохо. Послѣ операціи Шеллеръ уѣхалъ въ Гельсингфорсъ, пробылъ тамъ два мѣсяца, а на другой день по возвращеніи въ Петербургъ у него скривило ротъ, и онъ не могъ ни говорить, ни принимать пищу. Способность рѣчи вернулась, впрочемъ, на другой же день; но питать его пришлось искусственнымъ способомъ и исключительно жидкой пищей цѣлыхъ семнадцать дней. Ослабленіе дѣятельности сердца, неврастенія, полуслѣпота, повторные параличи изводили несчастнаго Шеллера. Онъ терпѣть не могъ лѣчиться, а теперь ему приходилось все время возиться съ докторами, операціями, лѣкарствами, лѣчиться и электричествомъ, и массажемъ, и даже «внушеніемъ».

Весною 1900 года общество «Издатель» ликвидировало свои дѣла, и вслѣдствіе этого разомъ прекратились и «Живописное Обозрѣніе», и «Сынъ Отечества», которыя редактировалъ Шеллеръ. Больной и плохо обезпеченный, онъ остался «не у дѣлъ», и это окончательно доконало его. Всѣмъ стало ясно, что онъ проживетъ уже недолго. Онъ сознавалъ это самъ, переѣзжая этой весной на дачу въ Царское Село и разставаясь навсегда съ квартирой при редакціи журнала, въ Ковенскомъ переулкѣ, на которой прожилъ лучшіе годы своей жизни. Въ Царскомъ Селѣ онъ бродилъ по своему маленькому садику, ѣздилъ кататься въ паркъ, не лежалъ еще, но, тѣмъ не менѣе, все лѣто чувствовалъ себя очень плохо. И настроеніе его было отвратительно.

Раннею осенью, послѣ переѣзда изъ Царскаго Села въ Петербургъ, у него появились уже ясные признаки грудной жабы и водянки. Онъ задыхался и по недѣлямъ дышалъ кислородомъ изъ гуттаперчевой подушки; ноги стали пухнуть, кожа на нихъ лопалась, текла вода. Именно теперь, когда больному было необходимо какъ можно больше воздуха, пришлось занять крохотную квартирку въ четыре клѣтушки, на Петербургской сторонѣ, по Большой Гребецкой улицѣ. Квартирка эта была настолько тѣсна, что и безъ того необильная и нероскошная обстановка Шеллера не могла въ ней помѣститься. Все же, чему не хва-

Digitized by Google

тило мѣста, Шеллеръ, не позволивъ продавать, приказалъ отдать бѣднымъ.

14-го сентября Шеллеръ слегъ въ постель. Но лежать онъ не могъ; лежа, онъ задыхался сильнѣе. Куплено было у Санъ-Галли длинное кресло, Шеллеръ перебрался на него и тутъ же сказалъ, что съ него уже не встанетъ. Такъ и случилось. Съ каждымъ днемъ ему становилось хуже; доктора-друзья и докторъ А., лѣчившій его въ послѣднее время, бывали уже ежедневно; ближайшіе друзья приходили по ночамъ дежурить около него и помогать измученной Татьянѣ Николаевнѣ.

20-го ноября температура была уже сорокъ два град.; началось рожистое воспаленіе ногъ; наступило забытье; больной пересталъ узнавать окружающихъ; наконецъ, онъ словно заснулъ, тихо стонадъ и, не приходя въ сознаніе, скончался 21-го ноября 1900 года. Похоронили его на Митрофаньевскомъ кладбищѣ въ заранѣе пріобрѣтенной имъ могилѣ между могилами его родителей.

V.

При опредѣленіи характера и значенія каждаго писателя приходится отвѣчать на два вопроса: во-первыхъ—въ чемъ онъ сходится со своими современниками, къ какой принадлежитъ литературной школѣ, какія вліянія и теченія—литературныя и общественныя—создали его такимъ, а не другимъ; и во-вторыхъ — чѣмъ отличается онъ отъ писателей одной съ нимъ школы и направленія, что внесъ онъ въ русскую литературу своего, оригинальнаго?

Надъ первымъ вопросомъ намъ не для чего долго останавливаться. Стоитъ прочесть двѣ-три главы перваго же романа Шеллера, чтобы читателямъ сейчасъ же стало ясно безъ всякихъ съ нашей стороны комментаріевъ, что Шеллеръ всецѣло принадлежитъ къ господствовавшей въ его время натуральной школѣ, ведущей свое происхожденіе по прямой линіи отъ Гоголя,—къ школѣ отрицательнаго отношенія къ пошлой дѣйствительности, выставленія мелочей и дрязгъ повседневной жизни во всемъ ихъ безобразіи.

Digitized by Google

Вѣрный традиціямъ своей школы, Шеллеръ останавливается въ своихъ романахъ на обстановкѣ выводимыхъ имъ лицъ, на описаніяхъ мебели, домашней утвари, одежды, и пр. Обиліе внѣшнихъ деталей зависѣло не отъ одной только принадлежности къ господствовавшей школѣ. Здѣсь, кромѣ того, сказывалось вліяніе англійскихъ романовъ, особенно Диккенса и Теккерея. Мы уже видѣли, что англійскіе романы были любимымъ чтеніемъ родителей Шеллера. И дѣйствительно, вліяніе англійскихъ романовъ, и въ особенности Диккенса, сказывается не въ одномъ только сбиліи деталей; вы найдете въ романахъ Шеллера и дѣйствующія лица, и драматическія положенія, и сцены, иногда напоминающія Диккенса.

Затѣмъ, какъ сотрудникъ «Русскаго Слова» и «Дѣла», какъ поклонникъ и, можно сказать, ученикъ Писарева, Шеллеръ, конечно, ужъ былъ приверженецъ тенденціозно-гражданскаго искусства и врагъ чистой поэзіи. Замѣчательно при этомъ, что недостатокъ поэтическихъ красотъ въ его произведеніяхъ и художественной отдѣлки ихъ онъ тѣсно связывалъ со своимъ плебейскимъ происхожденіемъ. Такъ, въ романѣ своемъ «Гнилыя болота» онъ говоритъ:

«Намъ ли, труженикамъ - мѣщанамъ, писать художественныя произведенія, холодно задуманныя, разсчетливо эффектныя и съ безмятежно-ровнымъ, полированнымъ слогомъ? Мы урывками, въ свободныя минуты, записываемъ пережитое и перечувствованное, и радуемся, если удается иногда высказать накопившееся горе и тѣ ясныя, непризрачныя надежды, которыя поддерживаютъ въ насъ силу къ трудовой чернорабочей жизни. Хорошо, если само собою скажется мѣткое слово, нарисуется ловкая картина и вырвется изъ-подъ сердца огонь поэзіи; но если и ихъ не найдется, то горевать нечего—обойдется и такъ...»

Что касается второго вопроса, наиболѣе существеннаго,—именно, вопроса о томъ, что внесъ Шеллеръ въ нашу литературу новаго, своего, и въ чемъ сообразно этому заключается значеніе его въ нашей литературѣ,—то на этотъ вопросъ мы уже отчасти отвѣтили въ началѣ нашей статьи. Значеніе Шел-

Digitized by Google

лера, главнымъ образомъ, заключается въ «сочувственномъ превознесеніи» того новаго идеала, который въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ смѣнилъ прежніе идеалы. Съ этимъ «сочувственнымъ превознесеніемъ» Шеллеръ является въ первомъ же своемъ романѣ «Гнилыя болота».

«Гнилыя болота», собственно говоря, нельзя назвать и романомъ. Это—своего рода замаскированная автобіографія автора, заключающая въ себѣ описаніе дѣтства и школьной жизни героя и оканчивающаяся поступленіемъ его въ университетъ. Но и здѣсь мы видимъ уже тѣ основные взгляды на людей и на жизнь, которые остаются неизмѣнными во всѣхъ послѣдующихъ романахъ Шеллера.

Такъ, уже здѣсь жизнь представляется въ видѣ непрестанной борьбы двухъ враждебныхъ элементовъ: съ одной стороны—среды праздnаго шалопайства, людей ликующихъ и праздно-болтающихъ; съ другой—среды честнаго труженичества, первоначально ради хлѣба насущнаго, а въ высшихъ сферахъ умственнаго развитія съ цѣлію распространенія вокругъ себя свѣта, знанія, правды, добра. Представителями первой среды являются въ романѣ бабушка и дядя героя; представителями второй—родители его и тѣ порядочные товарищи, которые впослѣдствіи повліяли на него.

Добычею, изъ-за которой ведется борьба этихъ двухъ элементовъ, и является герой романа, котораго обѣ борющіяся стороны стараются заманить въ свой лагерь. Первоначально одолѣваетъ злое начало праздnаго шалопайства на томъ простомъ основаніи, что въ то время, какъ честное труженичество рисуется передъ глазами ребенка чѣмъ-то весьма непривлекательнымъ, въ неприглядной прозѣ тяжкаго будничнаго труда, праздное шалопайство, напротивъ того, влечетъ къ себѣ ореоломъ роскоши, блеска, шумомъ праздничнаго веселья и массою обольстительныхъ и безпрерывныхъ наслажденій. Понятно, что юноша склоняется къ послѣднему, исполняется тщеславія, фатовства, рисовки и т. п. Но доброе начало честнаго труженичества не дремлетъ; оно энергично возмущается противъ ложныхъ шаговъ и пошлыхъ увлеченій юноши, выставляетъ на видъ всю неблаговидность его

Digitized by Google

поведенія и подготовляетъ въ душѣ его тотъ нравственный кризисъ, который, потрясая юношу почти до смертельной болѣзни, въ результатѣ ведетъ его къ возрожденію и къ сознательному выступленію на путь знанія, добра и правды. Между тѣмъ какъ представители злого начала не только посрамляются, теряя свою добычу, но и гибнутъ жертвами своего безпутства, романъ оканчивается апоѳеозомъ юношей, устроившихъ жизнь на самыхъ разумныхъ началахъ свободной ассоціаціи. Такой апоѳеозъ всецѣло переноситъ насъ въ годъ появленія романа (1864), когда въ кружкахъ молодежи только и толковали, что о заведеніи всякаго рода общежитій съ цѣлью удешевленія матеріальной жизни и взаимной помощи въ умственномъ и нравственномъ развитіи.

Ту же борьбу двухъ началъ жизни вы встрѣтите и въ другихъ произведеніяхъ Шеллера. Все содержаніе романа иногда исчерпывается тѣмъ, что, выставивши передъ нами двухъ-трехъ героевъ, однихъ изъ барской среды, другихъ изъ разночинной, авторъ слѣдитъ далѣе за всѣми перипетіями умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, и затѣмъ, какъ только они кончаютъ курсы, выходятъ на широкую дорогу жизни и дѣлаются новыми людьми и свѣтилами прогресса, онъ прощается съ ними и предоставляетъ имъ въ дальнѣйшей жизни своей шествовать по пути прогресса и наслаждаться разумнымъ счастіемъ людей, представляющихъ собою «соль земли». При этомъ А. К. Шеллеръ до такой степени строго спеціализируется въ изображеніи однѣхъ только картинъ умственнаго и нравственнаго развитія современнаго ему поколѣнія, что онъ тщательно избѣгаетъ какихъ бы то ни было случайныхъ катастрофъ, которыя хотя и могли бы растрогать читателей, привести ихъ въ ужасъ и негодованіе на несовершенства нашей жизни, но къ дѣлу не шли бы. Исполненный свѣтлаго оптимизма, вынесеннаго имъ, конечно, изъ тѣхъ самыхъ 7 лѣтъ, которыя воспитали его, А. К. Шеллеръ хотя и не отрицаетъ возможности преждевременныхъ смертей и раздирательныхъ катастрофъ въ жизни героевъ, но сознательно не желаетъ мучить ими своихъ читателей, такъ какъ цѣль его повѣствованій за-

Digitized by Google

ключается вовсе не въ томъ, чтобы внушить намъ, какъ непрочно бываетъ человѣческое счастье на землѣ, а, напротивъ того,—какое прочное и разумное счастье могутъ создать люди путемъ умственнаго и нравственнаго развитія.

VI.

Но было бы ошибочно предполагать, чтобы во всѣхъ послѣдующихъ романахъ Шеллеръ выставлялъ своихъ героевъ въ одномъ и томъ же апоѳеозѣ умственныхъ и нравственныхъ совершенствъ. Во-первыхъ, время значительно измѣнилось; прошумѣли 60-е годы и наступила эпоха отрезвленія и разочарованій, а во-вторыхъ, и личная жизнь автора принесла ему не мало горькихъ опытовъ, и это не замедлило отразиться въ послѣдующихъ романахъ писателя.

Такъ, напримѣръ, возьмите хотя бы романъ «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ». Прежде всего онъ отличается отъ предыдущихъ романовъ тѣмъ, что въ немъ изображается не современная жизнь, оканчивающаяся сегодняшнимъ днемъ, а вы видите уже ретроспективный взглядъ на шестидесятые годы, и вслѣдствіе этого романъ имѣетъ отчасти историческій характеръ.

Выставивъ двухъ молодыхъ людей, весьма, повидимому, порядочныхъ—Антона Прилежаева и Александра Прохорова,—авторъ, въ то же время, далекъ отъ того, чтобы ставить ихъ на пьедесталъ безусловнаго совершенства, какъ это онъ дѣлалъ въ первыхъ своихъ романахъ; и мы не видимъ уже въ немъ восторженной вѣры въ то, что разъ герои его сдѣлались «новыми людьми», они непремѣнно совершатъ чудеса прогресса и всѣхъ вокругъ себя осчастливятъ. Авторъ отрицаетъ даже, что они «новые люди». «Теорія и практика,—говоритъ онъ:—были еще крайне далеки другъ отъ друга. Молодой человѣкъ, научившійся по книгамъ любить новыя идеи, но пріученный къ роскоши и праздности въ домѣ разжившагося откупами или оброками съ крестьянъ отца, быть-можетъ, могъ свернуть съ прямой дороги или неумѣло сдѣлать взятое на себя дѣло и испортить его. Молодая барыня, понявшая изъ книгъ необходимость женскаго труда, но сидѣвшая въ четырехъ стѣнахъ, державшаяся въ еже-

Digitized by Google

выхъ рукавицахъ, не подготовленная ни къ чему, могла, можетъ-быть, скверно переводить, портить взятую швейную работу, небрежно преподавать дѣтямъ науки и поддаться на какую-нибудь связь, которую она считала прочною и которая, въ сущности, была тѣмъ же, чѣмъ бывали и всѣ другія любовныя связи въ старое время между довѣрчивыми дѣвушками и развращенными мужчинами. Но все это являлось не потому, что и этотъ молодой человѣкъ, и эта молодая дѣвушка были «новые люди», а потому, что *они были дѣтьми стараго времени*, такими же бѣлоручками, какъ ихъ отцы. Если бы мы жили въ Китаѣ, то эти молодые люди продолжали бы ту же самую жизнь, какую вели ихъ отцы и матери. Но такъ какъ имъ пришлось родиться не въ Китаѣ, такъ какъ имъ пришлось жить въ ту пору, когда выработанныя человѣчествомъ идеи стали примѣняться къ практикѣ у насъ, то они и толковали объ этихъ теоріяхъ, пробовали освоиться съ ними, осуществить ихъ—и очень часто, проповѣдуя новое, поступали по-старому.»

Въ концѣ-концовъ, потерпѣвши fiasco въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами жизни, вотъ къ какому горькому сознанію пришли герои Шеллера, высказанному Александромъ Прохоровымъ въ письмѣ къ Антону Прилежаеву:

«Мы сошли со сцены, сошли для того, чтобы начать мирную, быть-можетъ, буржуазную жизнь съ трудомъ изъ-за куска хлѣба. Нѣкоторыхъ изъ насъ, быть-можетъ, назовутъ жертвами, въ другихъ бросятъ камень осужденія; однихъ, быть-можетъ, возведутъ на пьедесталъ, другихъ смѣшаютъ съ грязью. Но мнѣ кажется, что теперь настало время, когда нужно заниматься не осужденіями и похвалами, расточаемыми тѣмъ или другимъ лицамъ, а стараться избѣгать тѣхъ промаховъ, которые были кѣмъ бы то ни было сдѣланы въ прошломъ, заниматься развитіемъ самихъ себя, неустанно работать въ пользу того, что уже начато... У насъ не всегда доставало развитія, мы иногда оказывались ниже принятыхъ на себя задачъ, но въ этомъ были виноваты не мы... Мы являлись плохими учителями, плохими переводчиками, корректорами, служаками, но все это было и прежде. Правда, прежде эти факты не такъ сильно бросались

Digitized by Google

въ глаза потому, что въ обществѣ при старыхъ порядкахъ, при старыхъ идеяхъ являлось больше лицъ, бѣжавшихъ отъ труда, чѣмъ лицъ, бѣжавшихъ за работою. Новыя идеи и новые порядки произвели наплывъ множества лицъ, почувствовавшихъ необходимость труда. Всю эту массу полуразвитыхъ, шедшихъ къ развитію и, въ то же время, трудившихся изъ-за куска хлѣба пролетаріевъ стали упрекать за неумѣнье хорошо исполнять взятый сю на себя трудъ и за шатанье изъ стороны въ сторону, отъ одной работы къ другой. Но тутъ, конечно, виновата не эта масса и не новыя идеи. Неумѣнье трудиться завѣщано ей прошлымъ; вѣчное хватанье за множество дѣлъ было слѣдствіемъ этого же неумѣнья. Насъ не учили никакому ремеслу и давали намъ только отрывки научныхъ свѣдѣній, и мы выходили негодными ни къ чему. Если въ насъ и было что-нибудь хорошее, то это было куплено самовоспитаніемъ. Вотъ почему и работа исполнялась по-старому, кое-какъ и наавось, вотъ почему и не могли устроиться какія-нибудь мастерскія на прочныхъ началахъ; вотъ почему даже на учительскомъ поприщѣ мы умѣли лучше проводить либеральныя идеи, чѣмъ закладывать въ мозгу учениковъ прочныя основанія знанія.»

Въ этихъ словахъ Александра Прохорова такъ и слышатся тѣ итоги, которые въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и въ началѣ семидесятыхъ подводила эпоха великихъ реформъ; подобнаго рода итоги вовсе были не въ рѣдкость въ то время и въ беллетристикѣ, и въ критикѣ.

Но этотъ холодный анализъ нисколько не мѣшаетъ А. К. Шеллеру оставаться все тѣмъ же и восторженнымъ идеалистомъ, и бодрымъ оптимистомъ шестидесятыхъ годовъ. Жалуясь на неподготовленность своего поколѣнія къ исполненію тѣхъ великихъ задачъ, какія были возложены на него, онъ, въ то же время, не падаетъ духомъ, не сѣтуетъ на то, что произошло, и никого не обвиняетъ. «Еслибъ историческія событія, — говоритъ онъ устами своего героя: — шли иначе, еслибъ они продолжали быть такими же, какими были въ дни нашего дѣтства, — мы, можетъ-быть, мирно и полусонно провели бы спокойную жизнь, жирѣя и множась, безъ всякихъ высшихъ стремленій, безъ вся-

Digitized by Google

[illegible] требованій. Не думай, что я желаю, чтобъ [illegible] не [illegible], прожить этою болотною жизнью до конца,—нѣтъ. Я прошу [illegible] и благословляю [illegible] всѣ [illegible], которыя, несмотря ни на что, ни на какія затрудненія, ни на какія непріятности [illegible] лишь [illegible] жизнь».

VII.

Изъ [illegible] всего вышесказаннаго мы можемъ вполнѣ уяснить себѣ, почему въ продолженіе трехъ десятилѣтій лучшіе, передовые, мыслящіе люди не переставали зачитываться романами Шеллера, и до сихъ поръ считаютъ его въ числѣ наиболѣе симпатичныхъ и полезныхъ писателей?

Причина [illegible] болѣе ясна и проста: [illegible] и любятъ. И такъ усердно читаютъ Шеллера, что онъ имѣетъ въ своихъ романахъ дѣло именно съ картинами умственнаго и нравственнаго развитія своихъ современниковъ, въ теченіе трехъ десятилѣтій, въ различныхъ слояхъ общества. Я убѣжденъ въ томъ, что не найдется на Руси ни одного мыслящаго человѣка, который не переживалъ бы чего-нибудь такого, что переживаютъ герои романовъ Шеллера. Училищныя дрязги, непріятности, исторіи и столкновенія съ учителями, семейные раздоры, нравственно оздоравливающія или, напротивъ того, растлѣвающія вліянія личностей, съ которыми приходится сталкиваться, нравственные кризисы, обусловливающіе поворотъ отъ гибельнаго пути на прямую и спасительную дорогу,—все это должно представлять [illegible] поглощающій интересъ какъ въ такіе годы, когда молодые люди сами переживаютъ, если можно такъ выразиться, каждую страницу любого романа Шеллера, такъ и впослѣдствіи, когда, уже въ зрѣломъ возрастѣ, они вспоминаютъ пройденный ими путь. Трудно и исчислить все богатство тѣхъ дидактическихъ элементовъ, какіе можно найти въ каждомъ романѣ Шеллера,—въ видѣ хотя бы, напримѣръ, разсужденій героевъ между собою о всѣхъ ихъ психическихъ переживаніяхъ, общественныхъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ. Авторъ не ограничивается однимъ объективно-художественнымъ изобра-

Digitized by Google

женіями, но каждый поступокъ и шагъ того или другого дѣйствующаго лица подвергаетъ тщательному анализу и всесторонниму обсужденіямъ. Нужно ли и говорить, что въ основѣ всѣхъ этихъ анализовъ и обсужденій лежатъ гуманныя идеи единенія въ духѣ любви, братства и всепрощенія? Вы не найдете въ романахъ Шеллера ни одной строки, которая ожесточала бы читателей или какъ бы то ни было омрачала ихъ, возбуждая злобу и ненависть. Исполненный чисто-христіанской кротости и смиренія, А. К. Шеллеръ, напротивъ того, непрестанно руководствуется тѣмъ гуманнымъ принципомъ, что все понять—значитъ все простить, и самая крайняя степень его осужденія никогда не идетъ далѣе грустнаго сѣтованія о томъ, что *не вѣдятъ бо что творятъ.*

Болѣе же всего привлекаютъ романы Шеллера именно страстью автора рисовать положительные типы, идеальныя свѣтлыя личности. Не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что идеалистическая, или, какъ ее прежде называли, романтическая, поэзія Шиллера, В. Гюго, Ж. Зандъ, въ такой же, если не въ большей степени необходима, какъ и поэзія отрицательнаго характера, имѣющая дѣло исключительно съ недостатками и пороками общества.

Романы Шеллера въ большой степени восполняютъ этотъ важный пробѣлъ нашей литературы, пробѣлъ поистинѣ вопіющій, принимая во вниманіе, что, по правдѣ сказать, не одна только современная намъ пессимистическая беллетристика, но и наши классики (Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь) бѣдны положительными, идеальными типами.

Идеальные же типы, которые рисуетъ въ своихъ романахъ Шеллеръ, имѣютъ то еще преимущество, что они вставлены въ рамки современной намъ жизни, живутъ и дѣйствуютъ въ той обстановкѣ, въ которой мы сами живемъ, что облегчаетъ намъ возможность подражать имъ.

Наконецъ, не малую симпатію представляетъ тотъ оптимизмъ Шеллера, который такъ и прыщетъ изъ-подъ каждой строки его романовъ. И здѣсь, въ свою очередь, мы имѣемъ дѣло съ живою и естественною потребностью человѣческой природы. Опти-

Digitized by Google

мизмъ тѣсными и неразрывными узами соединяется съ поэзіей положительныхъ, идеальныхъ образовъ. Развѣ могли бы рисоваться высокіе идеалы человѣческой доблести, если бы созданіе этихъ образовъ не вдохновлялось бы свѣтлою вѣрою въ осуществленіе ихъ,—въ то, что, раньше или позже, добро и правда воцарятся на землѣ?

Однимъ словомъ, мы убѣждены въ томъ, что многіе Шуповы, Прохоровы, Орловы или Русовы въ дѣйствительной жизни ускорили свое нравственное развитіе и выходъ на спасительный путь подъ вліяніемъ чтенія романовъ А. К. Шеллера, и, конечно, и до сихъ поръ, на склонѣ жизни своей, не перестаютъ вспоминать объ ихъ авторѣ, какъ о лучшемъ своемъ наставникѣ и другѣ.

А. Скабичевскій.

Digitized by Google

ГНИЛЫЯ БОЛОТА,

ИСТОРІЯ БЕЗЪ ГЕРОЯ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Если читатель ищетъ въ романѣ занимательной завязки и потрясающихъ сценъ, если онъ считаетъ концомъ каждой исторіи смерть или, по крайней мѣрѣ, женитьбу героя, если онъ признаетъ только ту завязку, которая основана на любви или уголовномъ преступленіи,—то совѣтую ему не тратить драгоцѣннаго времени и не читать этой исторіи. Въ ней нѣтъ ни потрясающихъ сценъ, ни любви, ни преступленія, ни героя. Всѣ ея дѣйствующія лица остаются до конца исторіи почти такими же, какими были на первой ея страницѣ. Дѣти немного подрастутъ, старики немного состарятся, но, можетъ-быть, каждому придется еще лѣтъ десять мыкаться по свѣту, коптить небо и преслѣдовать тѣ же интересы, которые онъ преслѣдовалъ, если только у него таковые имѣлись. Въ характерахъ людей и въ общественной жизни не бываетъ скачковъ и внезапныхъ переворотовъ. Медленно осушиваются гнилыя болота! Перевороты изумляютъ своею неожиданностью только близорукихъ и глуховатыхъ людей, не знающихъ, что истинный переворотъ совершался въ теченіе многихъ трудныхъ лѣтъ. Близорукіе и глуховатые люди всегда видятъ и слышатъ выстрѣлъ и вздрагиваютъ въ испугѣ. Если бы они видѣли, какъ устанавливалось огнестрѣльное орудіе, какъ оно заряжалось, какъ прикладывался къ затравкѣ фитиль, — имъ не пришлось бы вздрогнуть и испугаться...

Я романовъ не пишу. У меня накопилось множество записокъ близкихъ мнѣ людей, и однѣ изъ нихъ я рѣшаюсь издать теперь. Быть-можетъ, читатель не повѣритъ въ возможность существованія оконченной исторіи безъ

Digitized by Google

свадьбы и смерти, и будетъ думать, что я рѣшился, по благому примѣру древнихъ и новыхъ русскихъ писателей, порадовать публику обрывкомъ будущаго великаго произведенія, показать кончикъ холста, на которомъ лѣтъ черезъ десять вырастутъ деревья, выстроятся дома, закопошатся неугомонные люди и широко раскинется голубое, прозрачное небо, — но гдѣ теперь представляется любопытнымъ взорамъ недоумѣвающаго зрителя только одинокій стебель крапивы да кустъ цѣпкаго репейника... читатель ошибется. Эта исторія окончена; второго, дополнительнаго тома не будетъ. Она должна быть признана оконченною по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ признаются таковыми двадцатилѣтній юноша и семнадцатилѣтняя дѣвушка, сіяющіе яркимъ румянцемъ здоровья, полные надеждъ на будущее и уже готовые къ жизни. Можетъ-быть, они еще на долгое время сохранятъ и яркій румянецъ, и прелесть молодыхъ лицъ, можетъ-быть, ихъ надежды станутъ еще полнѣе и отчетливѣе; но, читатель, если вы когда-нибудь любили, не хотѣлось ли вамъ сохранить въ своей памяти свѣтлый образъ любимаго существа именно такимъ, какимъ онъ былъ въ минуту первой встрѣчи съ вами, въ пору его расцвѣтанія, когда вы чуткимъ сердцемъ предугадали, какой плодъ дастъ въ будущемъ едва распустившаяся благоухающая почка?

Чудныя, святыя мгновенія надежды на человѣческую личность, вѣры въ ея здоровыя силы! да не смутитъ васъ никогда голосъ угрюмой, во всемъ обманувшейся старости, твердящій: «Не вѣрь ни во что! И мы видѣли такіе же цвѣты, но плодовъ отъ нихъ не было; цвѣты оказались пустоцвѣтомъ. Долгіе годы борьбы, страданій, трудовъ погубятъ молодое здоровье, утомятъ свѣжія силы и обманутъ надежды. Высохнутъ эти полныя щеки, спадетъ съ нихъ румянецъ, и изъ-подъ высохшей желтой кожи мелькнетъ призракъ скелета. Отъ живого человѣка пахнетъ и мертвецомъ!» Страшныя слова, зловѣще сливаются они съ дребезжащимъ старческимъ смѣхомъ! И всѣмъ, кто молодъ и кто вѣритъ въ молодость, хочется сказать: «Неправда! Вы не видали такихъ цвѣтовъ: ваши цвѣты росли въ душныхъ теплицахъ, ихъ берегли отъ дыханія свѣжаго, вольнаго воздуха, и при первомъ его дуновеніи они должны были погибнуть. Мы ожидаемъ плодовъ не отъ такихъ цвѣтовъ».

Digitized by Google

А кто рѣшитъ ихъ споръ?

Стократъ счастливъ тотъ, кто не слыхалъ словъ праздно извѣрившейся старости, кто унесъ въ своей памяти хотя одинъ милый образъ, который, какъ яркій лучъ, изъ мрака прошедшаго, озарялъ одинокую душу своей красотой, своей любовью и твердой вѣрой въ свои силы. Счастливъ читатель, который окончилъ чтеніе хотя одного романа и не потупилъ въ отчаяньи головы, но поднялъ ее и бодро, и весело устремилъ свои взоры за героями въ ихъ будущую, неизвѣстную ему, читателю, жизнь, въ страну вымысла, созданную его пробужденнымъ воображеніемъ. Въ этой странѣ свѣтлые образы навсегда останутся свѣтлыми, и никакого пятна не наложитъ на нихъ наша грязная жизнь. Свѣтлое настроеніе охватитъ душу читателя и промелькнетъ въ его головѣ мысль: «еще можно жить на свѣтѣ, еще есть хорошіе люди, они мнѣ какъ будто знакомы»...

Знакомы, читатель, знакомы! Хорошихъ, *простыхъ* людей много, умѣйте только ихъ искать; сами о себѣ они не кричатъ: это тихіе, но гордые люди. Дурные дѣлаютъ больше шуму...

10 октября 1863 года.

Digitized by Google

Digitized by Google

Часть первая.

I.

Мои родственники играютъ комедію, а я — двухлѣтній ребенокъ—не понимаю ея и плачу.

Въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ все наше семейство собралось около небольшого круглаго стола.

На столѣ шумѣлъ и сопѣлъ самоваръ. Какъ старый, некстати болтливый другъ, посвященный во всѣ семейныя тайны, онъ добродушно напѣвалъ о томъ, что въ домашнемъ запасѣ еще есть и чай, и сахаръ, и что никто изъ присутствующихъ не ляжетъ нынче спать, не согрѣвъ своего тѣла, достаточно продрогшаго въ одной изъ тѣхъ холодныхъ квартиръ, въ какихъ родятся, страдаютъ ревматизмомъ и геморроемъ и умираютъ отъ чахотки петербургскіе бѣдняки. Звуки этой веселенькой и безпечной, какъ беранжеровскій припѣвъ, пѣсни успокоительно дѣйствуютъ на небогатыхъ людей, возвѣщая имъ минуту отдыха и собирая ихъ въ тѣсный кружокъ. Заслышавъ знакомую пѣсню, собралась и наша семья. Мой отецъ оставилъ верстакъ и рубанки, отеръ широкою ладонью крупныя капли трудового пота, покрывавшія его большой, умный лобъ, и занялся чтеніемъ перевода одного изъ безконечныхъ англійскихъ романовъ. Матушка, чтобы не помѣшать отцу, вполголоса разговаривала со своею матерью, красивою женщиною, одѣтою въ щегольское шелковое платье, составлявшее рѣзкую противоположность съ простенькимъ нарядомъ ея дочери и со всей обстановкой нашего жилища. Я же, тогда еще двухлѣтній ребенокъ, сидя на высокомъ стулѣ и ожидая подачки, обозрѣвалъ все окружавшее меня, озаренное неяркимъ свѣ-

Digitized by Google

томъ единственной сальной свѣчи. Взрослые и дѣти всегда занимаются этимъ дѣломъ отъ скуки, отыскивая, нельзя ли чѣмъ-нибудь поиграть. Свѣча озаряла предметы, хорошо извѣстные каждому небогатому русскому человѣку, принадлежащему къ сословію мѣщанъ или къ разночинцамъ. Неуклюжій самоваръ, дѣланный *фтуле*, какъ гласила надпись на немъ, фарфоровый чайникъ, приземистый и толстый, какъ купецъ, зажирѣвшій отъ праздnаго сидѣнья въ лабазѣ и отъ вѣчнаго чаепитія, бѣлыя фаянсовыя чашки и сахарница родной фабрикаціи съ нарисованными на нихъ сѣрыми людьми, весьма похожими на воткнутыя въ землю головастыя булавки, съ сѣрыми же цвѣтами и разрѣзанными дынями, весьма похожими на разгрызенные каленые орѣхи-двойчатки, ложечки польскаго серебра съ обглоданными краями, давно пожелтѣвшія и потерявшія свой недолговѣчный блескъ, слизанный вмѣстѣ съ прилипавшимъ къ нимъ сахаромъ, — вотъ все, что было доступно моимъ глазамъ. Эти вещи и въ давнопрошедшія времена своей незавидной молодости были не изъ числа красивыхъ и, даже лежа на пыльномъ окнѣ въ дрянной лавчонкѣ, ни разу не заставили прохожаго остановиться и со вздохомъ подумать: «эхъ, чортъ побери, кабы деньги, всю бы, кажется, лавку откупилъ!» Покупая ихъ, не думалъ справляться покупатель: дѣйствительно ли этотъ пузатый самоваръ дѣланъ *фтуле*, точно ли Зайцевъ произвелъ на свѣтъ эти чашки? Покупалъ онъ ихъ потому, что цѣна показалась сходною, отдавалъ своей хозяйкѣ-женѣ, и начинала она помыкать ими, какъ помыкаютъ невзрачными бѣдняками, назначенными самой судьбой на помыканье. А теперь эти вещи такъ затерлись и обшмыгались, что не могли занять даже неприхотливаго вниманія ребенка и говорили ему лишь о недостаткахъ бѣдности, еще непонятной, но уже нисколько не привлекательной для него.

Мнѣ хотѣлось, вѣроятно, найти что-нибудь лучшее, но и остальныя знакомыя мнѣ принадлежности нашей комнаты, погруженныя въ полумракъ, были не казистѣе тѣхъ, которыя находились передъ моимъ носомъ. Сурово смотрѣли на меня изъ темныхъ угловъ и массивный шкапъ съ бронзовой отдѣлкой, и брюхастый комодъ, почти почернѣвшій, и стулья съ тяжелыми, потусклыми спинками и засиженными, клеенчатыми, твердыми, какъ дерево, подушками. Какъ фантастическій призракъ съ желтоватымъ лицомъ, отбрасывая по стѣнѣ длинную тѣнь, висѣли часы съ огромнымъ, раз-

Digitized by Google

рисованнымъ передкомъ; тяжело опускались ихъ свинцовыя гири, и маятникъ отчетливо и твердо выбивалъ свое вѣчное «тикъ-такъ»: что, дескать, вы ни толкуйте, а время идетъ и идетъ своимъ чередомъ. Прочія стѣны по верхамъ были голы, кромѣ одной, гдѣ красовался портретъ какого-то господина. Господинъ держалъ въ рукѣ перо и словно наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось у насъ... У бѣдняковъ, самыхъ непрактичныхъ людей въ мірѣ, почти всегда есть какая-нибудь завѣтная вещь, какой-нибудь чубукъ въ бисерномъ чехлѣ, обкуренный неизвѣстно куда заброшеннымъ другомъ, какая-нибудь дрянная, немного вольнаго содержанія картинка, воспоминаніе проказъ молодости, обдѣланная въ голубую съ золотымъ бордюромъ рамку, замасленная и зачитанная книга, или что-нибудь тому подобное, обыкновенно ни на что негодное, не имѣющее никакой цѣны въ глазахъ постороннихъ людей и потому остающееся у владѣльца даже тогда, когда онъ, освобожденный отъ прочей поклажи услужливыми кредиторами, отправляется на казенные хлѣбы въ долговое отдѣленіе. У богачей нѣтъ подобныхъ вещей: у нихъ есть золото. На него купили они сотни друзей, равно имъ надоѣвшихъ и постылыхъ, и уже, конечно, не можетъ радовать ихъ чубукъ, обкуренный однимъ изъ этихъ прихлебателей. За то же золото насмотрѣлись они до тошноты на самыя отвратительныя скоромныя картины, даже видѣли въ натурѣ изображенныя на нихъ сцены. Не дорожатъ они какой-нибудь однажды прочитанной умной книгой, потому что у нихъ есть средства и время купить и прочесть новыя книги, столь же умныя и столь же ненужныя для нихъ, какъ и старая. Богачъ не понимаетъ привязанности бѣдняка къ вещи, какъ къ другу, — бѣднякъ не постигаетъ пресыщенія и мертвящей апатіи богача. Такою любимою вещью-другомъ былъ для моего отца упомянутый портретъ. Отецъ сдѣлалъ къ нему прекрасную рамку, единственный красивый предметъ въ нашемъ жилищѣ, и, при переѣздахъ на новыя квартиры, заботливо пріискивалъ мѣсто для своего любимца. Въ этихъ случаяхъ происходилъ между моими родителями слѣдующій, памятный мнѣ разговоръ.

— Гдѣ ты думаешь, Вася, повѣсить портретъ своего Крылова?—спрашивала матушка.

— Я думаю, не на этой ли стѣнѣ повѣсить?—говорилъ отецъ и прикладывалъ портретъ къ избранному мѣсту.— Посмотри, Соня, хорошо ли будетъ такъ?

— Не мѣшало бы пониже спустить

Digitized by Google

— Вотъ сюда? . . . . . .

Отецъ опускалъ портретъ пониже.

— Да, вотъ теперь какъ разъ, хорошо.

Семейный совѣтъ кончался, важный вопросъ получалъ окончательное рѣшеніе, гвоздь вбивался въ стѣну, и портретъ вѣшался. Нѣсколько минутъ отецъ любовался. «Дѣйствительно хорошо», думалось отцу.

Знакомые предметы, знакомыя рѣчи! На вашъ счетъ высказалось столько остротъ и насмѣшекъ, что, наконецъ, бѣдные, простые люди сами стали стыдиться васъ, хотя именно въ васъ-то и таятся единственные источники отрады и поэзіи ихъ простой, незатѣйливо сложившейся жизни.

Я кончилъ обозрѣніе нашей комнаты. Оно продолжалось на дѣлѣ не такъ долго, какъ вышло на бумагѣ, но я нарочно распространялся, потому что эта обстановка имѣла большое вліяніе на мой дѣтскій характеръ. Веселѣе мнѣ не стало, игрушки не нашлось. Въ нашей квартирѣ въ теченіе недѣли визжала отцовская пила, свистѣли рубанки, стучалъ молотокъ, раздавался веселый голосъ моей матери, и часто звучали разговоры нѣсколькихъ дѣвушекъ, занятыхъ шитьемъ женскихъ нарядовъ, слышалось броженіе трудовой, честной и здоровой жизни. Въ описываемый же субботній вечеръ всевозможныя будничныя работы привелись къ концу, и въ домѣ царствовала тишина. Дѣвушки ушли къ своимъ роднымъ, моя семья спѣшила насладиться заслуженнымъ отдыхомъ. Хорошая эта была тишина! Но не могъ же наслаждаться ею двухлѣтній ребенокъ. Дѣти—годовыя или пятидесятилѣтнія, — это все равно, — любятъ, чтобы ими занимались; если ихъ, видимо, не замѣчаютъ, они начинаютъ скучать и капризничать. Передо мною никто не хлопалъ въ ладоши, не картавилъ: «агу, Сясенька!» и не выдѣлывалъ тѣхъ животики-надрывающихъ штукъ, которыя предназначаются старыми дѣтьми для развлеченія малыхъ дѣтей: я скучалъ. Разныя гримасы выражали мое нетерпѣніе, но ихъ не замѣчали! За гримасами непремѣнно послѣдовали бы слезы и крики: «мама, цаю!» если бы мои глаза не остановились на предметѣ, такъ ярко озарявшемъ картину непривѣтной жизни. Блестящее, вспыхивающее пламя раздвоившейся свѣтильни сальной свѣчи овладѣло моимъ вниманіемъ. Наслаждаясь созерцаніемъ мерцающаго огонька, я, вѣроятно, разсудилъ, какое выгодное мѣсто займетъ эта свѣтлая игрушка посреди моихъ обглоданныхъ и увѣчныхъ солдатиковъ, давнымъ-давно побѣжденныхъ мною.

Digitized by Google

«А ну-ка, возьми меня,—подмигивала игрушка,—поиграй!» Я сталъ протягивать къ ней коротенькія ручонки. Никто, кромѣ отца, хотя онъ и читалъ, не замѣтилъ моихъ движеній, и добрый отецъ поспѣшилъ исполнить желаніе любимаго сына: онъ подвинулъ ко мнѣ свѣчу. Я быстро схватилъ огонь, и въ то же мгновеніе комната огласилась криками, полились долго подступавшія къ глазамъ слезы, благо представился подходящій случай поплакать. Тутъ-то и началась комедія, совершенно непонятная мнѣ и только потому не вызвавшая моего смѣха. Разсказы о всѣхъ ея подробностяхъ и о множествѣ другихъ случаевъ изъ моей дѣтской жизни я слышалъ по нѣскольку разъ отъ родителей и могу ихъ передать вѣрно до мельчайшихъ подробностей.

— Что ты сдѣлалъ, Вася! — упрекнула матушка отца, подбѣгая ко мнѣ и осматривая мою, выпачканную саломъ, но почти не обожженную руку.

— Далъ попробовать Сашѣ, какъ жжется огонь,—хладнокровно отвѣтилъ отецъ, потомъ поправилъ свѣтильню и поспѣшилъ приняться за прерванное чтеніе, какъ будто тутъ-то и было самое занимательное мѣсто въ романѣ.

— А-ахъ, варваръ, злодѣй!—закричала бабушка, чуть не падая въ обморокъ, и вышла изъ себя отъ негодованія. — Нарочно подвинуть свѣчу къ двухлѣтнему сыну, чтобы онъ сгорѣлъ, уродомъ сдѣлался!

— Сгорѣть-то я ему не далъ бы,—съ улыбкою отвѣчалъ варваръ:—а безъ этого урока, можетъ-быть, онъ и сдѣлался бы уродомъ.

— Это что за новости? Сдѣлался бы уродомъ безъ вашего глупѣйшаго урока? (Бабушка въ сердцахъ всѣмъ говорила: вы дуракъ, а не: ты дуракъ). Отчего же, скажите пожалуйста, другія дѣти не дѣлаются уродами? Будьте столь добры, Василій Александровичъ, объясните!

Бабушка разводила пальцами, словно въ нихъ подергивало каждую жилку.

— Не дѣлаются, потому что Богъ милуетъ, или няньки берегутъ; у насъ же нянекъ нѣтъ, а на Бога надѣйся, да и самъ не плошай, говоритъ пословица,—серьезнымъ голосомъ объяснилъ отецъ.

Онъ былъ терпѣливый человѣкъ.

— Мужицкая пословица, какъ и всѣ пословицы! У васъ чувствъ родительскихъ нѣтъ, для васъ сынъ все равно, что муха: налетѣла на огонь, сожгла крылья — туда и дорога!

Digitized by Google

А теперь у ребенка рука-то разболится, и что еще съ ней будетъ—Богъ знаетъ. Pauvre enfant!

Отецъ упорно читалъ, но обвиненія и допросы не кончились.

— Опять борьба!—сказалъ звучный мужской голосъ.

Въ комнатѣ уже съ минуту стоялъ матушкинъ братъ, красивый и стройный господинъ, совершенно неопредѣленныхъ лѣтъ, не то юноша, не то тридцатилѣтній мужчина. Дядя, повидимому, любовался семейной сценой и выжидалъ удобной минуты для своей фразы.

— Какая борьба! Я подвинулъ къ сыну свѣчу, а матушка отъ этого вспыхнула, — сострилъ отецъ, закрывая книгу и пожимая нѣжную дядюшкину руку.

— Il est fou, cher Pierre,—загорячилась бабушка и принялась на французскомъ языкѣ съ величайшими подробностями дѣлать изъ мухи слона.—Вразуми хоть ты его,—заключила она свой разсказъ.

— Peut-être il a ses raisons,—небрежно замѣтилъ Пьеръ, муха показалась ему настоящимъ слономъ, и онъ уже считалъ себя призваннымъ для вразумленія отца. — Точно, странный урокъ! Твоя теорія воспитанія очень опасна, — продолжалъ онъ мягкимъ, неторопливымъ и вкуснымъ голосомъ, какъ человѣкъ, отыскивающій вкусъ въ новомъ, поданномъ на пробу кушаньѣ, и сталъ удобно усаживаться на диванѣ, подложивъ подъ локоть подушку.— Опытъ—дѣло хорошее; но ребенку онъ можетъ обойтись дорого,—и игра не будетъ стоить свѣчъ. Ошибокъ, увлеченій, даже страданій наберется много,—но разовьютъ ли они въ немъ вѣрный взглядъ на вещи? Вотъ въ чемъ вопросъ, какъ говоритъ Гамлетъ.

Начало послѣдней фразы произнеслось по-англійски.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся отецъ.—Кто тебѣ сказалъ, что у меня есть какая-нибудь теорія воспитанія? Я просто счелъ неудобнымъ, коверкая языкъ, объяснить сыну, что отъ огня будетъ пипи или биби... Я увѣренъ, что онъ не понялъ бы меня и заплакалъ бы точно такъ же, какъ заплакалъ теперь. Зато ему не вздумается въ другой разъ тянуться къ огню, и, значитъ, я избавилъ его въ будущемъ отъ ненужныхъ желаній и слезъ. Какая же тутъ теорія? И гдѣ *намъ* выдумывать теоріи!

— Зачѣмъ же самоуниженіе? Зачѣмъ мѣщанство мысли и выраженія? «Гдѣ намъ!» Что же мы? безсмысленныя животныя, бездушныя машины? Я гораздо охотнѣе предпо-

Digitized by Google

ложу, что ты дѣйствовалъ во имя теоріи, убѣжденій, чѣмъ соглашусь съ твоимъ объясненіемъ поступка. Отвергая въ немъ теоретическое начало, ты прямо говоришь: сегодня я сдѣлалъ такъ, завтра я поступлю иначе; у меня нѣтъ никакихъ взглядовъ на дѣло воспитанія. Это полное сознаніе въ безсмысленности своихъ дѣйствій.

— Ну, нѣтъ; взгляды-то есть, а все же, милый ты человѣкъ, теоріи воспитанія у меня не имѣется, — наукамъ я не учился! Я буду именно поступать такъ сегодня, иначе завтра, смотря по обстоятельствамъ. Это не теорія! Вѣрь ты мнѣ, что не *нам*ъ создавать теоріи, — убѣждалъ отецъ своего противника.

Дядя пожалъ плечами.

— Мысли, сейчасъ высказанныя тобою, уже есть теорія. Но ты не хочешь сознаться въ этомъ. У тебя упрямая и скрытная натура, ты настоящій русскій му-у-у...

Вмѣсто слова дядя, быть-можетъ, первый разъ въ жизни, испустилъ коровье мычаніе; подражаніе вышло такъ хорошо, что онъ даже сконфузился. Отецъ улыбнулся.

— Спасибо за комплиментъ! Выпьемъ лучше чайку, чѣмъ толочь воду въ ступѣ и спорить о словахъ.

— Оттого-то и дѣлаются всѣ мерзости, пакости и пошлости у насъ на Руси, что разрѣшеніе вопросовъ, обмѣнъ мыслей называется толченіемъ воды въ ступѣ,—горячо заговорилъ дядя и, вѣрно, разрѣшился бы отъ бремени долговязымъ незаконнорожденнымъ монологомъ о паденіи Россіи, если бы отецъ не испугался и не поспѣшилъ прервать его.

— Петръ Иванычъ, чай стынетъ-съ!—насмѣшливо крикнулъ отецъ.

Дядя подмѣтилъ выраженіе его голоса, еще разъ пожалъ плечами: пропащій, молъ, ты человѣкъ!—и принялся кушать чай.

Покуда горячилась бабушка и ораторствовалъ дядя, матушка вытерла мою руку, приложила клочокъ ваты къ пальцу и дала мнѣ кусокъ сахару, булки и чаю, посмѣиваясь въ душѣ надъ этой бурей въ стаканѣ воды.

Спустя нѣсколько времени, подобная исторія повторилась снова; только главная роль досталась не свѣчѣ, а самовару, недавно вычищенному, ярко блестѣвшему и наполненному кипяткомъ. Мнѣ захотѣлось его погладить, — ну, и погладилъ. Но послѣ второй попытки я уже велъ себя весьма прилично. При появленіи свѣчей и самовара, я чинно складывалъ руки на столѣ или подъ нимъ и издали любовался

Digitized by Google

коварными обольстителями. Я даже выказалъ очень раннюю способность сортировать въ одну группу однородные предметы, оказавъ равное съ самоваромъ почтеніе кофейнику, до котораго не дотрагивался ни разу. Послѣ этихъ уроковъ меня не боялись оставлять одного въ комнатѣ, надѣясь на мое благоразуміе и опытность, и лестное довѣріе драгоцѣнныхъ родителей было вполнѣ оправдано ихъ признательнымъ сыномъ.

Много подобныхъ вечеровъ и подобныхъ комедій совершилось въ дни моей дѣтской жизни, и я смотрѣлъ въ недоумѣніи на дѣйствующихъ лицъ, не зная, нужно ли мнѣ плакать или смѣяться надъ ними. Такъ смотрятъ въ театрѣ на говорящихъ актеровъ актеры безъ рѣчей, вызванные на сцену по волѣ автора пьесы; имъ неловко, они не знаютъ, какое выраженіе придать своему лицу, куда и какъ встать и куда дѣвать свои руки, которыя,—вѣдь могъ же случиться такой казусъ!—вдругъ оказались такъ-таки совсѣмъ ни на что не нужными и лишними. Покуда придется мнѣ играть эту незавидную роль, я постараюсь разсказать потихоньку моему читателю исторіи отца, бабушки, дяди и матери; время между тѣмъ промчится, и мнѣ будетъ возможно выступить на сцену дѣйствующимъ лицомъ.

II.

Жизнь моего отца.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія какой-то простодушный добрякъ (много такихъ добряковъ было въ то время) привезъ изъ Малороссіи въ Петербургъ семилѣтняго сироту Василья Рудаго и, неизвѣстно для чего и почему, опредѣлилъ его въ театральное училище. Долго тосковалъ ребенокъ по роднымъ черешнямъ и сочнымъ арбузамъ, по своей дѣтской волѣ; часто плакалъ онъ и звалъ какого-то Хому, но Хома, быть-можетъ, также тосковавшій по ребенкѣ, не слышалъ призывовъ, и тщетно лились горячія слезы дитяти. Приходилось поневолѣ примириться съ новою жизнью, потому что старая прошла безъ возврата; утихъ ребенокъ и покорился своей судьбѣ... Два или три года французъ-балетмейстеръ—та самая личность, подъ палкой которой впервые началъ чахнуть Мартыновъ—истощалъ всѣ силы и средства, стараясь вывихнуть по-своему руки и ноги неуклюжаго мальчугана. Онъ напрасно испортилъ нѣсколько фунтовъ горячей французской крови, обломалъ объ ученика нѣсколько палокъ, назвалъ его разъ сто «свинъ, скотинъ, сѣнъ, соломъ,

Digitized by Google

полѣнъ дровъ», и, наконецъ, передалъ его въ руки трубача-музыканта. Форма губъ мальчика заставила училищное начальство подозрѣвать въ немъ способность къ игрѣ на трубѣ. Въ тѣ блаженно-наивныя времена оно руководствовалось только подобными соображеніями относительно способностей воспитанниковъ. И точно: дуть въ трубу ребенку было легче, чѣмъ, подъ палкою балетмейстера, становиться на носки и выдѣлывать антраша.

Василій Рудый окончилъ курсъ наукъ двадцати лѣтъ. Онъ умѣлъ съ ошибками писать на трехъ языкахъ, правильно говорить на одномъ русскомъ и лихо волочиться за актрисами. Послѣдняя наука процвѣтала въ театральномъ училищѣ всегда, особенно же тогда. Игра на трубѣ въ оркестрѣ, волокитство, охота на Трухтанскомъ, Кругломъ и Батарейномъ островахъ и шумныя попойки въ пріятельскихъ кружкахъ, гдѣ собиралась разнохарактерная кутящая молодежь, наполняли жизнь молодого человѣка, быстро разрушая его здоровье. На четвертый годъ службы, Рудый почувствовалъ утомленіе и, по мнѣнію докторовъ, долженъ былъ оставить трубу или познакомиться съ чахоткой. Умирать не захотѣлось. Пришлось искать новыя средства для поддержанія существованія. Въ театрѣ открылась вакансія суфлера. Рудый засѣлъ въ суфлерскую будку и принялся за дѣло. Сначала дѣло шло хорошо; но однажды роковыя 28 и 29 страницы репетируемой пьесы склеились вмѣстѣ, и отецъ замѣшкалъ подсказать реплику главному актеру. Артистъ, не имѣвшій позорной привычки учить роль, осерчалъ и ткнулъ ногою въ суфлера, такъ что тотъ едва успѣлъ закрыть лицо тетрадью. Поступокъ не выходилъ изъ предѣловъ театральныхъ нравовъ; но Рудый не перенесъ его; онъ вскочилъ съ мѣста, швырнулъ тетрадь въ лицо актеру и убѣжалъ изъ театра, убѣжалъ навсегда. Такъ кончилась первая и послѣдняя попытка отца суфлировать гдѣ бы и кому бы то ни было. Вырвавшись изъ этого міра мелочныхъ дрязгъ и происковъ, наглыхъ бездарностей и забитыхъ дарованій, взяточниковъ и развратниковъ, вѣтреныхъ любовниковъ и любовницъ, мишурныхъ героевъ и героинь, сдѣлавшихъ изъ своей жизни одну длинную и отвратительную комедію, въ которой погибло множество честныхъ и даровитыхъ личностей, опутанныхъ мелкою тиною гнилого болота, отецъ вдругъ очутился одинъ посреди шумной столицы, лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью,— съ жизнью безроднаго нищаго.

Digitized by Google

Мужикъ по рожденію, полуобразованный, не знающій жизни, забытый пошлыми пріятелями, онъ въ недоумѣніи размышлялъ, за что̀ приняться. Долго размышлять не было времени, приходилось зарабатывать деньги на хлѣбъ. На первыхъ порахъ онъ переписывалъ ноты, исполнялъ всевозможныя порученія, бѣгалъ за ничтожную плату изъ одного конца города въ другой, истощалъ всѣ силы, чтобы заработать копейку и не умереть голодной смертью гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Натерпѣлся онъ мукъ отъ людей! Надо было имѣть много душевныхъ силъ и малороссійскаго упрямства, чтобы перешибить обухъ плетью, пробить стѣну лбомъ и не погибнуть нравственно. Отецъ пережилъ все, не погибъ и черезъ два года опредѣлился на службу.

Отецъ, брошенный судьбою въ одинъ изъ омутовъ нашей прошедшей жизни, былъ закруженъ водоворотомъ и не имѣлъ ни силъ, ни желанія задать себѣ вопросы: хороша ли эта жизнь? нѣтъ ли лучшей? Кругомъ него всѣ жили этою шумною, безпутною жизнью, весело послѣ пятаго стакана пунша лились увѣренія въ дружбѣ, въ любви, громко звучали беззастѣнчивые поцѣлуи; въ немъ кипѣла молодая, неуходившаяся кровь,—о чемъ же было тутъ думать? чего желать? Онъ даже не понималъ, что не труба, а именно эта разгульная забубенность разрушала его малороссійскую натуру, требовавшую покойнаго и тихаго душевнаго счастія и готовую переносить всѣ физическіе труды и невзгоды. И вотъ теперь вдругъ онъ оглянулъ омутъ протрезвленными глазами: омутъ сталъ противенъ. Умъ началъ работать, заставилъ разглядѣть людей, вывести обо всемъ свои заключенія и, наконецъ, стряхнувъ грязь и болотную тину съ человѣческой личности, показалъ ее во всей ея природной красотѣ. Въ молодомъ человѣкѣ воскресъ ребенокъ-малороссъ, но ребенокъ съ твердою волею, съ могучими руками.

Люди, знавшіе отца прежде, не узнавали его по прошествіи роковыхъ двухъ лѣтъ. Онъ былъ лысъ и въ остаткахъ черныхъ кудрявыхъ волосъ проглядывала сѣдина. Между бровями врѣзалась глубокая морщина, придававшая его доброму лицу выраженіе суровой строгости. Онъ ходилъ тверже прежняго, поднявъ голову, никому не протягивая впередъ руки, не уступая дороги. «Я иду по законной правой сторонѣ и не обязанъ сторониться, если встрѣчный вздумаетъ идти по лѣвой», говаривалъ отецъ. Вы, вѣроятно, часто видѣли и сами разыгрывали ту уморительную уличную сцену, когда два встрѣтившіеся человѣка толкаются то въ

Digitized by Google

ту, то въ другую сторону, извиняются, краснѣютъ и снова сталкиваются носъ съ носомъ, проклиная въ душѣ другъ друга и снова извиняясь. Этихъ-то сценъ и не бывало съ отцомъ; онъ столбомъ останавливался передъ налетѣвшимъ на него человѣкомъ и говорилъ: «а не возьмете ли вы вправо?» Казалось, что, говоря съ человѣкомъ, онъ думалъ: «что бы ты мнѣ ни говорилъ, я тебѣ не повѣрю: слова — вѣтеръ. Покажи мнѣ своими дѣлами, что ты за птица, и, можетъ-быть, я стану тебя уважать. Теперь же ты иди своимъ путемъ; мы чужіе, ты *мнѣ* не нуженъ». И точно, люди, съ своимъ безцѣльнымъ добромъ и безсознательнымъ зломъ, были ему не нужны. Благодѣяній онъ не просилъ, злобы не боялся: онъ зналъ выносливость своихъ силъ. Притѣсненія дѣлали его только сильнѣе и тверже: огонь дѣлаетъ изъ дерева пепелъ и превращаетъ гибкое желѣзо въ твердую сталь; отецъ былъ скованъ изъ желѣза. И люди сторонились отъ него; они боялись его проницательныхъ, заглядывающихъ въ чужую душу глазъ и не любили его холодной улыбки, молчаливо указывавшей имъ ихъ мелочность, подлость и пошлость. «Звѣрь!» говорили они, встрѣчая отца, и, какъ-то мизерно съежившись, уступали ему дорогу.

Но, Боже мой, какое наивное, какое добродушное дитя въ душѣ былъ этотъ звѣрь! Мнѣ кажется, только въ мужикахъ и въ малороссахъ могутъ соединяться эта упорная сила, мужественная смѣлость и наружная суровость съ наивнымъ добродушіемъ, младенческимъ простосердечіемъ и дѣтски-лукавою веселостью, не убиваемою ни годами, ни страданіями, ни «мертвыми домами»...

Часто гляжу я на твой портретъ, мой старый батько, и на портреты твоихъ угрюмыхъ усачей-земляковъ, и грустно мнѣ, что ни одинъ художникъ не уловилъ въ вашихъ суровыхъ лицахъ того внутренняго свѣта, который видятъ въ нихъ даже малыя дѣти. Что дѣти видятъ его, это я знаю навѣрное. Иначе чѣмъ же объяснить ту довѣрчивость, съ которою сбѣгались къ тебѣ, батько, всякіе ребятишки? И лазили они по тебѣ, и тормошили остатки твоихъ лоснистыхъ волосъ, и тащили тебя на полъ. Осилятъ, бывало, тебя, неосиленнаго большими, и звонко, звонко хохочутъ... Громче всѣхъ смѣешься ты самъ, большое дитя, вылѣзая изъ-подъ кучи навалившихся на тебя ребятъ, и твердишь имъ: «не всѣ же вдругъ, не всѣ же вдругъ!» Я знаю, что, глядя на эти сцены, благочестивыя черносалопницы, кормившія своихъ

Digitized by Google

и чужихъ дѣтей пинками и подзатыльниками, набожно крестились и шептали: «вотъ,—на вѣтеръ будь сказано,— разыгрался чортъ съ младенцами, не къ добру»... Ты чуялъ этотъ шопотъ, и мало-по-малу черносалопницы исчезли изъ нашего дома. Но чуешь ли ты, что теперь, читая эти строки, написанныя твоимъ сыномъ, сотни будто бы умныхъ, будто бы развитыхъ людей, въ сущности такихъ же жалующихся на судьбу и праздныхъ черносалопницъ, осмѣютъ тебя, назовутъ эти сцены приторными, а тебя юродствующимъ старикомъ? «А пусть ихъ, на здоровье!» слышится мнѣ твой отвѣтъ и твердо опускаетъ твоя могучая рука тяжелый молотъ, расплющивая круглый кусокъ мѣди въ тоненькую пластинку. Вижу я тебя работающимъ на пожарѣ, поднимающимъ съ улицы пьянаго мужика, отдающимъ послѣднюю копейку просящему, хотя этихъ копеекъ не много у твоей семьи. «Я ихъ заработаю», оправдываешься ты передъ семьей. Часто тебя обманывали; часто говорили тебѣ близкіе люди, что надо быть разборчивѣе и не давать денегъ каждому просящему.

— Что тутъ разбирать! Проситъ—значитъ деньги нужны.

— Можетъ-быть, на вино.

— Можетъ-быть,—лаконически отвѣчалъ ты.

Наша семья знала, чѣмъ объяснить этотъ странный взглядъ на благотворительность. Во время отставки, отецъ почти два мѣсяца пилъ, и только сила желѣзной воли могла побѣдить эту страсть. «Вино иному нужнѣе хлѣба,—объяснялъ отецъ:—сдѣлайте такъ, чтобы оно стало не нужно, и тогда, пожалуй, не давайте денегъ на него». Такихъ характеристическихъ случаевъ, какъ пьянство, было много въ жизни отца; они образовали его взгляды на жизнь и на людей. Всѣ его убѣжденія сложились подъ вліяніемъ дѣйствительности, изъ книгъ онъ не почерпнулъ ничего; забавлялся иногда чтеніемъ переводныхъ англійскихъ романовъ, но читалъ съ толкомъ и любовью только басни Крылова. Воспоминаній онъ не любилъ ни горестныхъ, ни отрадныхъ. «Дѣлать людямъ нечего, такъ они и перетряхаютъ ветошь», рѣшилъ онъ, и жилъ настоящимъ.

Вотъ вся исторія моего отца.

Васъ, читатель, можетъ-быть, удивитъ эта личность, и вы назовете ее исключительною. Вы будете не правы. Вы могли не замѣтить этого типа, потому что вы ничего не замѣчали, что само не кричало о себѣ. Прочитайте снова большую часть любимыхъ, написанныхъ и прочитанныхъ вами, второ-

Digitized by Google

степенныхъ разсказовъ съ сытыми героями-помѣщиками, которымъ и хлѣбъ, и деньги валились съ неба, а не добывались трудомъ. Что вы подмѣтили въ этихъ герояхъ? Почему избрали въ герои именно ихъ, составляющихъ меньшинство нашего общества? Не потому ли, что они приносили великую пользу, вели впередъ наше общество? Нѣтъ, тѣхъ, которые вели общество впередъ, вы не описывали, не могли описывать, часто по независящимъ отъ васъ обстоятельствамъ, чаще же потому, что они не подъ-ростъ вамъ были. Этихъ же сытыхъ господъ вы описывали потому, что они сами кричали о себѣ; вы же просто писали подъ ихъ диктовку и не думали порыться въ ихъ душонкахъ. А молчаливые, полные испытанныхъ силъ, простые люди дѣла жили и умирали, не замѣченные почти никѣмъ; надъ ними развѣ только иногда глумились въ литературѣ, по поводу ихъ невзрачной одежды и неловкихъ манеръ, да толкали ихъ въ обществѣ за ихъ нечиновность. Теперь эти пошлыя отношенія приходятъ къ концу, но только приходятъ, не пришли. Между тѣмъ, эти люди были — сила. Силѣ нужна работа. Если находилась честная работа — сила шла на пользу, если нѣтъ—сила ужасала васъ, чистенькихъ и гладенькихъ, грязными, беззаконными и часто злодѣйскими дѣлами. Когда проходилъ вашъ ужасъ, вы старались объяснить эти явленія, и тогда-то проявлялась во всемъ блескѣ ваша недальновидность. Вы рядили силу въ тотъ же плащъ, будто бы демоническихъ страстей, въ которомъ драпировались передъ вами ваши любимые крикуны. Ясно, что вы ея не понимали...

Но пора мнѣ сказать, какое мѣсто получилъ отецъ. Ему нужно было получать опредѣленное ежемѣсячное жалованье и имѣть побольше свободныхъ дней, чтобы порѣже имѣть удовольствіе быть подъ началомъ. Къ чиновничеству онъ чувствовалъ антипатію; некоронную службу со своимъ практическимъ умомъ онъ считалъ ненадежной. Если бы отецъ зналъ какое-нибудь ремесло, онъ совсѣмъ не сталъ бы служить; но ремеслу нужно было учиться, и на это требовалось время и денежное обезпеченіе. Отецъ поступилъ придворнымъ служителемъ... Тутъ-то я и сконфузился!

Въ какой азартъ пришли бы ветхіе люди отъ этого извѣстія. Знакомство съ сыномъ лакея! Лакей-холопъ! Онъ, можетъ-быть, даже въ настоящую минуту дрогнетъ на козлахъ, слушаетъ площадныя остроты кучеровъ, дожидаясь какую-нибудь фрейлину, весело болтающую въ залѣ ветхихъ

Digitized by Google

людей, и вдругъ въ ту же залу безцеремонно входитъ его сынъ, пожимаетъ руки гостямъ и хозяевамъ и начинаетъ разсказывать длинную-предлинную исторію жизни своего отца и своего дѣтства! Но не пугайтесь, я разскажу вамъ за это исторію моей бабушки, она родная—вы понимаете—дочь князя Тресково-Обухова, а родъ его происходитъ изъ мрака татарскихъ ордъ, когда-то терзавшихъ Россію. Sic transit gloria mundi!

III.

Жизнь моей бабушки.

Въ вѣкъ Екатерины и никакъ не ближе
Началось въ Россіи...

Въ 1786 году у княгини Тресково-Обуховой родился десятый ребенокъ, четвертая дочь. Плодовита была прабабушка! Княжна Елисавета родилась въ сорочкѣ; крестнымъ отцомъ ея былъ великій князь Павелъ Петровичъ; на третьемъ году у нея стали безъ помощи папильотокъ виться волосы, и черные, большіе глаза начали немного косить. (Эта легкая косота досталась по наслѣдству и моей матери, а потомъ перешла и ко мнѣ. Другого наслѣдства бабушка намъ не оставила.) Признаки несомнѣннаго счастья и безнадежность имѣть еще законныхъ дѣтей, такъ какъ князь-супругъ умеръ, заставили княгиню-мать любить меньшую дочь болѣе другихъ дѣтей. Дѣвочку баловали, любимые ея слуги блаженствовали блаженствомъ крѣпостныхъ людей стараго времени, не нравившіеся ей не смѣли появляться въ барскихъ покояхъ. Такъ прошло около семи лѣтъ. По прошествіи ихъ, въ одинъ прекрасный вечеръ княгиня-мать поужинала и умерла, сидя въ ваннѣ и заказывая крѣпостному повару обѣдъ на слѣдующій день. Распоряженій относительно будущности семейства, кромѣ заказаннаго обѣда, не осталось никакихъ. Княгиня жила, какъ всѣ русскія княгини, не считая доходовъ и расходовъ и помня одну пословицу: noblesse oblige, гласящую, въ вольномъ русскомъ переводѣ, большому кораблю большое и плаванье. Широко голубушка плавала! Десять человѣкъ наслѣдниковъ осталось почти ни при чемъ. Шестеро уже взрослыхъ сыновей раздѣлили наслѣдственныя крохи довольно странно: сначала поругались, потомъ дѣло дошло до рукопашной схватки, и, наконецъ, дѣлежъ окончился тѣмъ, что княжескій домъ былъ буквально разобранъ по кирпичу, и каждый братъ взялъ свою долю мусора. Этотъ дѣлежъ долго занималъ петербургскихъ

Digitized by Google

сплетницъ, и, я думаю, многія восьмидесятилѣтнія старухи до сихъ поръ помнятъ слышанные ими въ дѣтствѣ разсказы о дѣлежѣ князей Тресково-Обуховыхъ. Княжнамъ пришлось пріютиться у родственниковъ.

Княжна Елисавета попала въ домъ къ двоюродному брату покойной матери, къ бывшей знаменитости того времени, вельможѣ NN. Жизни въ его богатомъ домѣ не было. Вельможа былъ вдовъ, считалъ себя обиженнымъ, собирался на житье въ Москву, но не могъ разстаться съ Петербургомъ и хандрилъ. То вдругъ затворялся онъ въ своихъ хоромахъ и не принималъ никого, то вдругъ задавалъ блестящій пиръ, дѣлалъ балъ и веселился наперекоръ себѣ, желая подразнить тѣхъ, кѣмъ, по его мнѣнію, онъ былъ обиженъ, желая показать имъ, что его не тревожитъ обида. Дней съ пять послѣ бала онъ волновался и спрашивалъ у всѣхъ: «не изволили ли упоминать о моемъ балѣ и въ какомъ смыслѣ разсужденіе обо мнѣ имѣли?» Отвѣтъ получался одинъ: «не говорили!» Опять хандра, опять затворянье дверей, хожденье слугъ на цыпочкахъ, шепотня во всемъ домѣ и черезъ мѣсяцъ новый балъ, новые разспросы... Такой-то домъ сдѣлался пріютомъ княжны. Она пользовалась полною свободою просыпаться утромъ, одѣваться въ великолѣпные наряды, ходить до упада по комнатамъ, говорить по-французски, по-русски и по-англійски, ѣсть и пить, сердиться на горничныхъ, смѣнять ихъ, глядѣть на стѣны роскошныхъ палатъ, зѣвать до судорогъ и вечеромъ ложиться на пуховую постель подъ штофное одѣяло; вотъ всѣ прутики бѣличьяго колеса, по которымъ приходилось ей бѣгать, вертѣться и снова возвращаться отъ послѣдняго прутика къ первому, чтобы начать поутру ту же работу. Людей она не видала. На балахъ дяди видѣла пресмыкающихся, облитыхъ золотомъ, обшитыхъ кружевомъ; они приходили въ восторгъ отъ ея танцевъ съ шалью, кропали по этому поводу стишонки; но и восторгъ, и стишонки относились къ дядѣ-воспитателю, а не къ ней самой: ея не замѣчали, какъ невыгодную невѣсту. Новые, лучшіе люди, занятые дѣломъ, не посѣщали этихъ баловъ и давно называли вельможу старымъ сумасбродомъ. Въ будни княжна видѣла пресмыкающихся въ ливреяхъ, боявшихся любимицы-племянницы и знавшихъ, что первая жалоба вызоветъ грозу, отъ которой долго будутъ дрожать стекла въ богатыхъ хоромахъ. Княжна часто слышала отвратительную, гнусную, выработанную холопствомъ пого-

Digitized by Google

ворку: «мы должны ваши ножки мыть и эту воду пить...» и ей стали противны эти жалкіе холопы. Съ тоской глядѣла она на длинный рядъ блистающихъ холоднымъ блескомъ комнатъ, на мертвенно-покорныя лица слугъ, на мрачные портреты своихъ предковъ и родственниковъ, глядѣвшихъ на нее безпощадно строгими взорами. По цѣлымъ часамъ стаивала она передъ этими портретами и какъ-будто старалась допросить ихъ: неужели и вы такъ жили? неужели такими должны быть люди и жизнь? Предки молчали, а съ устъ княжны срывались горячіе упреки и предкамъ, и судьбѣ. Ея вопросы не были слѣдствіемъ праздности и скуки. Нѣтъ, у нея была страстная, жаждавшая жизни натура. Я видѣлъ портретъ, писанный съ нея въ 1802 году, и онъ всегда пробуждалъ во мнѣ страшное, горькое чувство. Она изображена на немъ въ простомъ русскомъ нарядѣ, съ веретеномъ въ рукѣ, среди небогатой крестьянской избы. (Обстановка была одною изъ прихотей вельможи.) Гладко причесаны ея черные, какъ вороново крыло, волосы, гордо приподнята верхняя губа, глаза немного сощурены, лѣвая ея рука облокотилась на столъ и поддерживаетъ голову, правая опущена по сарафану и готова выронить веретено. Тутъ съ одной стороны чудесная красота, властительная гордость и богатство, проглядывающее въ жемчужной повязкѣ, съ другой стороны—крестьянскій нарядъ, бѣдная изба и выраженіе мучительной тоски. Когда я переставалъ смотрѣть на этотъ портретъ, то въ моемъ воображеніи исчезало все, и оставалось въ душѣ только одно выраженіе мучительной, безпредѣльной, безпощадной тоски. Такія женщины рѣдко покоряются гнетущимъ обстоятельствамъ и часто рвутъ путы, навязанныя на нихъ обществомъ, а страдаютъ онѣ всегда. Судьба сжалилась, или, лучше сказать, жестоко насмѣялась надъ княжной: показала ей и жизнь, и людей.

Вельможа въ молодости посѣщалъ Англію, и въ ней болѣе всего потѣшалъ его шипящій, свистящій и отрывистый говоръ англичанъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы племянница знала англійскій языкъ, и нанялъ ей гувернантку, миссъ Скимполь, женщину незамѣчательную и очень ограниченную. Она прожила, держась прямо и вѣя морозомъ, восемь лѣтъ въ домѣ вельможи и уѣхала въ Англію. На ея мѣсто поступила миссъ Друри. Прекрасная собою и умная, миссъ Друри рѣзко отличалась отъ миссъ Скимполь и отъ толпы холоповъ. Она съ самой ранней молодости

Digitized by Google

посвятила себя на пользу своего семейства. Она работала—чтобы оно могло отдыхать, она отказывала себѣ во всемъ—чтобы оно наслаждалось, она подавила въ себѣ вспышки страсти—чтобы ея братья и сестры узнали всю сладость любви. Въ этомъ самоотверженіи для семьи была великая поэзія, но она была неизвѣстна постороннимъ людямъ. Миссъ была умна и не желала осквернять поэзіи, составлявшей все счастіе ея жизни, пошлымъ удивленіемъ пошлой толпы.

Въ лицѣ миссъ Друри княжна увидѣла первую человѣческую личность. Эта личность смотрѣла на людей прямо, не нагибаясь передъ ними до земли и не становясь на саженныя ходули. Сначала она показалась княжнѣ деревяжкой, потомъ просто чудачкою, наконецъ, воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей, искомымъ идеаломъ. У каждаго человѣка есть чувствительная струна; стоитъ до нея дотронуться, и вы услышите, какія мелодіи способенъ издавать этотъ человѣкъ. Чувствительною струною миссъ были ея родные. Стоило княжнѣ заговорить о нихъ, и англичанка оживлялась, дѣлалась мягче, нѣжнѣе. Она краснорѣчиво описывала быть своего семейства, наружность, характеры и занятія его членовъ. Былъ тутъ и отецъ-старикъ, читающій торжественнымъ голосомъ библію въ воскресный вечеръ, среди мирной семьи, и молоденькія, болтливыя сестры, шопотомъ передающія другъ другу свои невинные дѣвичьи секреты, и братъ—красавецъ и умникъ, надежда и гордость родныхъ. Въ воображеніи княжны нарисовалась картина другой, непохожей на нашу, жизни, тихой, свободной, полной святого мира и торжественно-строгой тишины; эта торжественная тишина дѣйствовала на воображеніе дѣвушки такъ, какъ дѣйствуетъ строгая простота немного темныхъ, старыхъ протестантскихъ церквей на путешественника, только-что оставившаго Римъ и его театральныя богослуженія, апостола Петра съ стразовымъ перстнемъ на пальцѣ и шелковою тканью на мѣдныхъ плечахъ. Княжнѣ сильно хотѣлось взглянуть на семью миссъ. Однажды пришло изъ Англіи письмо, извѣщавшее миссъ Друри, что ея братъ ѣдетъ на житье въ Петербургъ по дѣламъ торговаго дома гг. Спорширь и компанія. Семнадцатилѣтняя княжна обрадовалась извѣстію и нетерпѣливо ждала пріѣзда мистера Друри.—Дождалась.

Молодой англичанинъ, еще не превратившійся въ счетную книгу, что иногда дѣлается съ англичанами на тридц-

Digitized by Google

цатомъ году ихъ жизни, и не зараженный сплиномъ, что дѣлается съ ними во всѣ возрасты при первомъ удобномъ случаѣ, превзошелъ всѣ ожиданія княжны и завоевалъ ея сердце. Оба были молоды, умны, хороши собою, жаждали счастья,—какъ же при такихъ условіяхъ не полюбить другъ друга? Полюбили. Видѣлись въ комнатѣ миссъ почти ежедневно, просиживали вмѣстѣ по цѣлымъ часамъ; мистеръ Друри даже забылъ на время о гг. Споршиляхъ и компаніи. Дядя княжны не зналъ о свиданіяхъ молодыхъ людей; но если бы и зналъ, то не обратилъ бы большого вниманія на какого-нибудь иностранца-купчишку. А нужно было обратить вниманіе! Купчишка вздумалъ просить руку княжны. За предложеніемъ послѣдовало изгнаніе жениха и его сестры, за изгнаніемъ послѣдовалъ побѣгъ княжны, и совершилась тайная ея свадьба съ мистеромъ Друри.

Свадьбу устроилъ ухарь-братъ княжны. Она надѣлала много толковъ въ Петербургѣ, который нѣсколько дней слушалъ варіаціи на тему: неравный бракъ. Потомъ какой-то геніальный, но не признанный композиторъ петербургскихъ толковъ пустилъ въ свѣтъ новыя варіаціи совсѣмъ на другую тему, и неравный бракъ и княжна забылись всѣми. Только дядя-вельможа, давнымъ-давно запоемъ хандрившій и не дававшій баловъ, потому что умерли и тѣ, кого онъ думалъ сердить и дразнить своею веселостью, проклялъ теперь свою племянницу и ускакалъ въ Москву, тогдашній притонъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. О немъ даже и не толковали. Проклятая племянница зажила тихой семейной жизнью, наслаждаясь прелестью медоваго мѣсяца. Какое счастье жить тихой семейной жизнью, любить и быть любимой! Наслаждается любящая пара этимъ счастьемъ и не замѣчаетъ ничего, что дѣлается кругомъ: вооружаются ли люди противъ нея комками грязи, сплетаютъ ли они, какъ тонкое кружево, запутанную сѣть затѣйливо-узорныхъ сплетенъ, собирается ли на темнѣющемъ небѣ грозная, неотразимая туча. Такого счастья дождалась и княжна. Счастливица!.. Но вотъ вопросъ: довольно ли человѣку, если въ продолженіе шестидесяти лѣтъ онъ насладится двумя мѣсяцами подобнаго счастья? Можно ли будетъ написать на его надгробной плитѣ: «здѣсь покоится прахъ счастливаго человѣка!» Не будетъ ли эта надпись безпощадно-злою и страшно-ѣдкою ироніей? Если нѣтъ, то пишите смѣло на могильномъ крестѣ каждаго умершаго голодной смертью нищаго: «здѣсь покоится прахъ сытаго человѣка».

Digitized by Google

Мистеръ Друри былъ небогатъ, и потому новобрачнымъ пришлось вести скромную жизнь. Бабушка ничего не смыслила въ хозяйствѣ и не могла быть помощницею мужу. Привычки и взгляды того круга, гдѣ воспитывалась княжна, дѣлали его членовъ неспособными, лишними и вредными, какъ только имъ приходилось вступить въ другую сферу жизни. Они умѣли расточать, не умѣли наживать. Молодая чета скоро почувствовала недостатки.

— Бетси, милая Бетси, надо быть экономнѣе,—говорилъ мистеръ Друри своей супругѣ.

— Не жить же намъ, Джонъ, по-мѣщански!—отвѣчала Бетси.

— Отчего же не жить такъ, если нельзя иначе?

— Ты знаешь, что я не привыкла такъ жить.

— Но ты знаешь, что я не имѣю средствъ для болѣе широкой жизни.

— Джонъ, ты меня разлюбилъ!—выводила изъ этого разговора свое заключеніе Бетси и начинала плакать. Болотное или, если хотите, тепличное воспитаніе приносило свои плоды.

Мнѣ хотѣлось бы говорить о счастьѣ бабушки, описать его радужными красками, но я далъ себѣ слово ничего не выдумывать и строго придерживаться истины. Уже черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы бабушка не была счастлива. Ея несчастье составляли и отсутствіе богатыхъ нарядовъ, и невозможность ѣздить по баламъ, и необходимость ходить пѣшкомъ. Бѣднякъ считаетъ все это пустыми прихотями, но безъ этихъ прихотей не можетъ быть счастливымъ человѣкъ, выросшій въ богатствѣ. Бабушка страдала, встрѣчая на петербургскихъ улицахъ блестящіе экипажи знакомыхъ людей, на нее наводила тоску афиша о вечернемъ спектаклѣ, попавшаяся ей въ руки, и все это, какъ нарочно, металось въ глаза и дразнило своимъ блескомъ.

Джонъ, неизвѣстно откуда, доставалъ деньги и исполнялъ капризы избалованнаго ребенка. Ребенокъ, къ несчастію, былъ очень милъ. Такъ прошло около четырехъ лѣтъ; родился у бабушки сынъ, родилась дочь. Наконецъ, Джона потребовали съ полными отчетами по дѣламъ торговаго дома, запутаннымъ до-нельзя. Грустно было прощанье супруговъ, но еще грустнѣе было извѣстіе, полученное изъ Англіи черезъ полгода послѣ отъѣзда Джона. Бабушкѣ писали:

«Имѣемъ честь извѣстить почтенную мистриссъ Друри, что во время переѣзда изъ г. С.-Петербурга въ г. Лондонъ у достоуважаемаго мистера Джона Друри, повѣреннаго по

Digitized by Google

дѣламъ въ г. С.-Петербургѣ торговаго дома гг. Споршиль и компанія, закружилась голова, и онъ упалъ за бортъ корабля въ море. Всѣ усилія матросовъ, къ крайнему сожалѣнію знакомыхъ и родныхъ покойнаго, остались тщетными, и спасти утопленника не могли». За симъ слѣдовала подпись одного изъ гг. Споршилей. Посторонніе люди говорили, что у Джона совсѣмъ не кружилась голова въ минуту паденія въ море; говорили, что онъ и не падалъ въ море, но бабушка не вѣрила этимъ слухамъ. «Джонъ зналъ,—говорила она,—что я любила его не за деньги: я жила бы съ нимъ и въ бѣдности, съ милымъ сердцу человѣкомъ»... Тутъ шли разсужденія такого рода, что я не считаю нужнымъ выписывать ихъ; любознательный читатель можетъ ихъ отыскать въ любомъ старомъ романѣ, подъ слѣдующими заглавіями: шалашъ въ лѣсу, рай подъ деревомъ и утоленіе голода сочными и длинными поцѣлуями. Разумѣется, все это говорилось отъ чистаго сердца; но все-таки Джонъ былъ правъ въ своемъ расчетѣ, хотя немного позднемъ. Жить вмѣстѣ они не могли, не разлюбивъ другъ друга; помириться съ родными при жизни Джона бабушка не могла, а безъ ихъ помощи не было средствъ вести роскошную или широкую жизнь. Джонъ былъ помѣхою, и онъ счелъ нужнымъ *сократиться*. У меня даже не поднимается рука на обвиненіе Джона за то, что онъ вырвалъ бабушку на время изъ аристократическаго круга. Ея натура была создана для романа. Не явись Джонъ, явился бы какой-нибудь Григорій или Франсуа. Разница была бы только та, что Григорій, женившись на ней, заставлялъ бы ее шляться по роднымъ за примиреніемъ и за деньгами и вколотилъ бы ее въ гробъ, а Франсуа пожилъ бы съ нею, попѣвая пѣсенки, и года черезъ два уѣхалъ бы на родину, не женившись на бабушкѣ и бросивъ ее съ двумя незаконнорожденными дѣтьми.

Дѣтей, какъ уже сказалъ выше, у бабушки было двое, ихъ нужно было вырастить и воспитать. На это требовались деньги, а ихъ у бабушки въ день полученія письма изъ Англіи было ровно восемь гривенъ ассигнаціями...

IV

Жизнь моего дяди.

Кто долго толкался въ большихъ и малыхъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нашей матушки Россіи и ознакомился съ физіономіями ихъ обитателей, начиная отъ за-

Digitized by Google

лывшаго жиромъ и отупѣвшаго купчины съ окладистой бородой и толстымъ носомъ въ видѣ поношенной туфли, до тощаго франта со стеклышкомъ въ подслѣповатомъ глазу, живущаго весьма подозрительными средствами,—тотъ, вѣрно, знаетъ своеобразный, только у насъ возможный типъ обнищавшей барыни-аристократки, типъ, ведущій свое начало изъ временъ екатерининскихъ. Это личность истинно-трагическая, и тѣмъ болѣе грусти наводитъ она, что сама всѣмъ своимъ существомъ, всѣми поступками накупается на смѣхъ. Нанимаетъ она обыкновенно отдѣльный домикъ на курьихъ ножкахъ и переѣдетъ изъ него только въ могилу; при ней доживаютъ свой скорбный вѣкъ двое или трое изъ ея уцѣлѣвшихъ крѣпостныхъ людей. Чѣмъ питаются эти дряхлые люди,—почти неизвѣстно; но что питаются они плохо,—это видно по ихъ испостившимся лицамъ; они похожи на мертвецовъ, которыхъ забыли положить въ гробъ и похоронить. Обыкновенно единственнымъ источникомъ доходовъ барыни бываютъ деньги богатыхъ родственниковъ-аристократовъ, осаждаемыхъ письмами этой бѣдной тетушки или троюродной бабушки. Ея прошлаго никто не знаетъ. Зачѣмъ и почему вышла она изъ своего круга и обнищала? почему—прапорщица Митькина — она подписывается и величается всѣми княжной Дружиной-Суздальской или графиней Шемякиной?—все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ жизни старушки былъ какой-то любовный романъ съ скандальною завязкой; но она старается не вспоминать о немъ, какъ о глупомъ и необузданномъ поступкѣ. Когда-то давно, молодость, истинное чувство, кипучая страсть изорвали въ клочья и затоптали въ грязь пеленки, въ которыя пеленаютъ людей дикіе сословные предразсудки;—но молодость прошла и унесла порывы чувства, а на мѣсто ихъ, въ очерствѣломъ сердцѣ проснулись и закопошились сожалѣнія о мишурномъ блескѣ. И вотъ старушка заботливо собираетъ клочья ею же разорванныхъ пеленокъ, сшиваетъ ихъ невѣрною дрожащею рукою и силится увѣрить всѣхъ людей, весь міръ, что пеленки цѣльныя, а не сшитыя. Люди въ сомнѣніи качаютъ головами, но, за давностью, не помнятъ событій ея жизни и не могутъ указать на истину. Зато личность старушки извѣстна всѣмъ въ городѣ: и босоногимъ уличнымъ мальчишкамъ, показывающимъ ей языкъ, и высшимъ городскимъ властямъ, на которыхъ барыня сердита за ихъ непочтительность къ ней. Весь городъ знаетъ ея бархатный салопъ, подбитый мѣхомъ не то песцовымъ, не то волчьимъ,

Digitized by Google

ея шляпку допотопнаго покроя съ обдерганными перьями, непремѣнно съ перьями, ея морщинистое лицо, большею частью нарумяненное и набѣленное (это не признакъ кокетства, но во время ея молодости бѣлились всѣ княгини)... Вообще вся одежда носитъ печать того покроя, который былъ въ модѣ во дни ея расцвѣтанія; она является какой-то нетлѣнной муміей, перенесенной въ пеструю толпу ликующихъ людей и модныхъ одѣяній; сѣроватою, ветхою картинкою модъ прошлаго столѣтія, случайно попавшею въ блистающія бѣлизною страницы моднаго журнала за послѣдній годъ. Всѣ знаютъ ея отощавшаго лакея въ порыжѣвшей ливреѣ съ безчисленнымъ множествомъ воротниковъ и въ громадной, треугольной, взъерошенной шляпѣ; потупивъ голову, выступаетъ онъ за барыней и косо глядитъ на насмѣшливыя лица молодыхъ лакеевъ-зубоскаловъ... Неодолимою грустью вѣетъ отъ этихъ покойниковъ... Этотъ типъ барыни не важенъ самъ по себѣ, какъ отжившій свой вѣкъ и, мало-по-малу, зарывающійся въ могилу, но важно то, что и эти женщины были матерями законныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей, воспитанныхъ въ аристократическихъ преданіяхъ, плохо образованныхъ и озлобленныхъ бѣдностью. Эти дѣти играли и отчасти еще играютъ видную роль въ нашемъ обществѣ. Моя бабушка совершала жизненный путь при тѣхъ условіяхъ, какія образуютъ сейчасъ описанный типъ; стоило ей немного состарѣться и начать румяниться,—она сдѣлалась бы его представительницею. Читатель догадается, чѣмъ могъ сдѣлаться дядя подъ вліяніемъ бабушки.

Бабушка долго горевала по мужѣ; являлись къ ней утѣшители, но она ихъ выгнала вонъ. Бабушка осталась вѣрна первой своей любви, хотя и подписывалась на письмахъ княжной Тресково-Обуховой, даже забывая поставить слово: урожденная. Чтобы не умеретъ съ голоду, она обратилась къ братьямъ, давно дослужившимся до значительныхъ чиновъ; князьямъ въ тѣ времена, какъ и всегда, чины шли скоро, и бабушка показывала мнѣ одного старика-князя, который на восемнадцатомъ году имѣлъ двѣ иностранныхъ звѣзды, что ему папаша выхлопоталъ. Братья хладнокровно прочли трогательныя просьбы—письма сестры, однако въ помощи ей не отказали, не желая видѣть нищею одну изъ княженъ Тресково-Обуховыхъ: каждый братъ назначилъ ей по 25 рублей ассигнаціями ежемѣсячной пенсіи. На эти деньги въ то время можно было жить сносно, но бабушка

Digitized by Google

не умѣла разсчитывать. Ея жизнь была длиннымъ рядомъ роскошныхъ обѣдовъ и голодныхъ дней, шитья богатыхъ нарядовъ и закладыванья ихъ въ частныя руки, гдѣ наряды и пропадали. Дѣти ея подросли, и настало время ихъ образованія. Она рѣшилась воспитывать ихъ дома. Для нѣкоторыхъ предметовъ наняла учителей, другіе преподавала сама. Что же она знала? Французскій и англійскій языки, танцовать и плохо писать по-русски: исписанная ею бумага походила на листъ, по которому въ продолженіе цѣлаго лѣта ходили мухи. Этимъ же премудростямъ научились и дѣти. Учитель, взятый для сына бабушки, не могъ справиться съ мальчикомъ. Ребенокъ былъ горячъ и гордъ. Одно строгое слово, сказанное ему, ожесточало его, а вмѣстѣ съ нимъ и бабушку; затѣмъ слѣдовало изгнаніе учителя. И то сказать, хороши тогда были и учителя; нужно было имѣть очень здоровый желудокъ, чтобы переварить ихъ науку и обращеніе. Смѣна учителя продолжалась до тѣхъ поръ, пока дядя не вытолкалъ собственными своими руками одного семинариста. «Довольно мнѣ учиться,—объявилъ онъ,—я знаю больше, чѣмъ всѣ эти поповичи вмѣстѣ». Бабушка подумала-подумала и рѣшила, что, вѣрно, оно такъ и есть, какъ говоритъ Пьеръ. Пьеръ получилъ дозволеніе отдыхать отъ утомительныхъ трудовъ и ждать, когда пріѣдетъ Василій, старшій братъ бабушки, отъ котораго ожидали протекціи и мѣста.

Во время изгнанія послѣдняго учителя, дядѣ Петру было 19 лѣтъ. Кумиръ бабушки—она думала черезъ него снова попасть въ аристократическій кругъ—избалованный донельзя, дядя поражалъ каждаго человѣка нѣжною красотою своего лица, ловкостью и кошачьей гибкостью тѣла, гордымъ и блестящимъ взглядомъ и рѣдкимъ умѣньемъ говорить. Его рѣчи то восхищали васъ поэтическою строкою изъ послѣдняго стихотворенія, пропущеннаго вами безъ вниманія гдѣ-нибудь въ альманахѣ, то поражали мѣткою остротою, не дядей выдуманною, но которою онъ умѣлъ ловко воспользоваться, то сверкали, какъ мелкіе брызги каскада, то смущали немногословнымъ рѣзкимъ приговоромъ. Такая разговорная гимнастика, какъ она ни пуста, важна для нашихъ изнывающихъ отъ скуки гостиныхъ; хозяевъ она спасаетъ отъ головоломной работы занимать гостей, гостей—отъ неприличной судорожной зѣвоты. Хозяева и гости дорожатъ плясунами на фразахъ. Они дорожили и дядею. Онъ ѣздилъ по баламъ, по театрамъ, и для полнаго

Digitized by Google

его счастья недоставало только гвардейскаго мундира: У насъ юноши весьма часто попадаютъ въ кружки болѣе значительные, чѣмъ тотъ кругъ, къ которому они принадлежатъ. Когда одинъ изъ нихъ первый разъ появляется на пирушкѣ людей высшаго полета, то друзья хозяина обыкновенно спрашиваютъ у него вполголоса: «кто сей юный?» — «А чортъ его знаетъ,—въ театрѣ познакомились; кажется, не тупица, а, впрочемъ, можетъ-быть, и пустой малый!» Разговоръ тѣмъ и кончается, и юноша до-поры-до-времени считаетъ себя пріятелемъ важныхъ по рожденію господъ и, поступивъ на службу, имѣетъ удовольствіе видѣть, какъ эти господа начинаютъ не узнавать его, одѣтаго въ печальный костюмъ рыцаря чернильницы. Этихъ юношей можно раздѣлить на два разряда: къ первому принадлежатъ юноши-пролазы, обращающіеся изъ пріятелей важныхъ господъ въ ихъ агентовъ, разсыльныхъ и пажей; ко второму разряду относятся юноши; обманывающіеся насчетъ своего настоящаго положенія въ свѣтѣ; они или дѣлаются врагами прежнихъ пріятелей, или, разлученные съ ними во-время перемѣною мѣстопребыванія, считаютъ ихъ до гроба не только пріятелями, но и друзьями. Первые гадки, вторые жалки. Дядя принадлежалъ ко вторымъ; онъ познакомился съ молодежью, составлявшею цвѣтъ тогдашняго петербургскаго общества. Умная молодежь видѣла въ немъ только заносчивую рѣзкость и не спѣшила сойтись съ нимъ, отвѣчая на его поклоны поклонами и перебрасываясь съ нимъ нѣсколькими незначительными фразами; она оставляла его, вмѣстѣ съ толпою ему подобныхъ людей, въ хвостѣ своего кружка. Дядя зналъ, что дѣлалось на пирушкахъ молодежи, но не зналъ, что говорилось въ ея кабинетахъ. Имена этихъ людей были громки, и дядя сталъ увѣрять себя, что онъ ихъ другъ. Глупо-гордые люди имѣютъ несчастную способность обманывать самихъ себя, приписывая себѣ небывалое значеніе, и начинаютъ зазнаваться, поднимать носъ, а это подниманье носа составляетъ истинное несчастіе ихъ жизни въ минуту паденія.

Въ 1824 году пріѣхалъ въ Петербургъ князь Василій и первымъ долгомъ счелъ поговорить съ бабушкой объ опредѣленіи ея сына. Князь предлагалъ мѣсто по статской, дядя бредилъ военной службой. Переговоры и споры длились долго и окончились ничѣмъ. Планы дяди улыбались бабушкѣ. Она уже давно скучала объ аристократическомъ обществѣ; теперь передъ нею мелькнула надежда, хотя со временемъ,

Digitized by Google

войти черезъ сына въ родной кругъ, и радовала ее дядина пѣсня: «мои друзья похлопочутъ обо мнѣ, послужу нѣсколько мѣсяцевъ юнкеромъ въ гвардіи, а потомъ надѣну эполеты и, наконецъ-то, сброшу съ себя это проклятое мѣщанское званіе...» Катастрофа 14-го декабря разрушила безумные планы; въ слѣдующемъ году дядя уже не могъ найти ни одного изъ своихъ друзей: большинство изъ нихъ погибло въ арестантскихъ ротахъ и ссылкѣ. Пришлось опять обратиться къ князю съ просьбою о мѣстѣ.

— Высѣчь бы нужно прежде твоего сына,—сказалъ князь:— а потомъ дать ему мѣсто.

— Ну, сѣчь-то его мое дѣло, а вы, князь, похлопочите о мѣстѣ,—отвѣчала бабушка.

Князь и не думалъ совсѣмъ о томъ, что говорилъ, но, видя противорѣчіе, уперся.

— Нѣтъ, ma soeur, прежде высѣку, а потомъ опредѣлю.

— Что съ вами, князь! Пьеръ не дитя, и кто же позволитъ вамъ его сѣчь?—испуганнымъ голосомъ проговорила бабушка.

— Не дадутъ высѣчь—мѣста не дамъ!

— Богъ съ вами и съ вашимъ мѣстомъ, если такъ!—почти плача, говорила бабушка.

— Мало того, что мѣста не дамъ, но и пенсію прекращу, и братьямъ закажу, чтобы не давали. И умирай тогда со своимъ тунеядцемъ голодной смертью. По міру пойдете, гроша не брошу!—уже не говорилъ, но гремѣлъ князь.

Вспомнила бабушка разобранный по кирпичу наслѣдственный домъ и струсила. Она плакала, руки цѣловала у брата, ничего не помогло.

Ну, и позволила она высѣчь дядю. Дался ли онъ? Дался! И больно, очень больно его высѣкли; но все же черезъ полгода онъ вышелъ въ отставку и болѣе не вступалъ въ службу. Напрасно только потѣшилъ князь свою душеньку.

Катастрофа, сѣченье и шесть мѣсяцевъ службы измѣнили многое въ характерѣ дяди. Прежде онъ либеральничалъ, поддѣлываясь подъ чужіе голоса, вычитывая изъ книжечекъ новыя идейки, любилъ положить на видное мѣсто въ своей комнатѣ запрещенную книжку и прочитать изъ нея своему пріятелю нѣсколько самыхъ рѣзкихъ страницъ; все это было незлобиво, зелено и наивно. Теперь онъ сталъ дѣйствительно жолченъ, хворалъ отъ прилива жолчи. Его, какъ человѣка, вышедшаго изъ юношескаго возраста, перестали принимать въ свой кругъ молодые князьки и офицерики;

Digitized by Google

ихъ слугой и разсыльнымъ онъ не могъ сдѣлаться, онъ сдѣлался ихъ врагомъ и превозносилъ своихъ шапочныхъ знакомыхъ, пропавшихъ со свѣта, называя ихъ своими друзьями. Князьки и офицерики были, въ самомъ дѣлѣ, пусты, но не ихъ пустота вызывала брань дяди; онъ охотно покутилъ бы съ ними и выкинулъ бы какую-нибудь ухарскую штуку въ обществѣ Алисъ и Матильдъ. У него не было рысаковъ,—онъ ругалъ тѣхъ, которые катаются на рысакахъ, хотя самъ съ удовольствіемъ соглашался промчаться по Невскому проспекту. Онъ не умѣлъ служить,—причина ругать крапивное сѣмя чиновниковъ; Богъ не сыпалъ ему съ неба денегъ и чиновъ,—онъ сдѣлался атеистомъ; его высѣкъ князь—онъ сталъ толковать о гнетѣ семьи и еще о другомъ гнетѣ... Вотъ источники его взглядовъ. Въ этихъ взглядахъ многое походило на убѣжденія мыслящихъ и честныхъ людей, но походило только по наружности; при нѣкоторой способности фразировать, дядя успѣлъ-таки привлечь къ себѣ многихъ юныхъ поклонниковъ.

— Вотъ ѣдетъ мой возлюбленный cousin, князь Григорій NN,—говаривалъ дядя своимъ поклонникамъ, гуляя съ ними по Невскому проспекту.

— Ты бываешь у него?—спрашивали поклонники.

— Нѣсъ-съ, я съ этими жалкими людьми незнакомъ; они прогнили насквозь въ своихъ отсталыхъ понятіяхъ.

И дядя разоблачалъ всю грязь князя Григорія NN.

— Лучше гибнуть безъ помощи, чѣмъ принимать ее изъ такихъ рукъ,—заключалъ ораторъ.

Поклонники удивлялись ему и его честности. Князь же Григорій даже не зналъ о его существованіи и приходился ему не двоюроднымъ, а какимъ-то другимъ братомъ, былъ, что называется, десятая вода на киселѣ; по-французски это выходило cousin. Сначала дядя и на гоненія напрашивался, послѣ же совершенно успокоился, купивъ по сходной цѣнѣ что-то въ родѣ вѣнца... Какого? Не знаю.

Странное было то время! Посреди дѣйствительно честныхъ, жертвовавшихъ собою людей съ глубокими убѣжденіями, толкалось множество господъ, озлобленныхъ своею незначительностію, сердитыхъ на дождь, лившій сквозь щели ихъ собственнаго потолка. Они ругали дождь и не думали чинить щелей. Неопытная молодежь, не умѣя отличить фразъ отъ дѣла, слушала ихъ, восторгалась ими, и часто, еще не зная жизни, озлоблялась, т. е., теряла необходимыя въ дѣлѣ жизни хладнокровіе и твердость. Врагамъ-

Digitized by Google

старовѣрамъ эти болтуны давали орудіе противъ тѣхъ началъ, которымъ они будто бы служили сами; враги видѣли ихъ внутреннюю пошлость, наводили ихъ на какое-нибудь грязненькое дѣльце, ловили, какъ рыбу, на золотой крючокъ и потомъ указывали встрѣчному и поперечному: «Вотъ каковы наши передовые! Вотъ они, щелкоперы!»—хотя сами очень хорошо, лучше всѣхъ, знали, что не эти щелкоперы были передовыми. Они были тормозами нашего прогресса, марали честное дѣло своею грязью. У нихъ были и достойные наслѣдники-ученики: эти были поддѣльные Чацкіе, поддѣльные Печорины, поддѣльныя заѣденныя средою личности, и только одинъ безсмертный Александръ Ивановичъ Хлестаковъ былъ чистѣйшею, неподдѣльною натурою, хотя и воспитывался въ той же школѣ. У наслѣдниковъ-учениковъ не было даже и жёлчности ихъ учителей: она иногда появлялась на кончикѣ ихъ языка, но до бѣды не доводила, здоровья не разстраивала.

Но что же дѣлала въ это время моя мать?

Работала.

V.

Жизнь моей матери.

Мнѣ приходится теперь рисовать личность, передъ которою я всегда благоговѣлъ, личность хорошей русской женщины. Мнѣ до сихъ поръ не случалось встрѣтить вполнѣ хорошаго описанія хорошей русской женщины; одно страдало ходульностью, въ другомъ краски были слишкомъ густы и ярки, третье вмѣсто хорошей руской женщины описывало дѣву идеальную, существующую на Руси только въ пылкомъ воображеніи русскихъ писакъ. Я тоже не слишкомъ хорошо исполню свою задачу (о чемъ и заявляю впередъ), потому что задача мнѣ не подъ силу: сила-то у меня крохотная. Если бы меня спросили: какая отличительная черта хорошей русской женщины? я отвѣтилъ бы: *простота*. и попросилъ бы читать это слово такъ, какъ оно написано, и не смѣшивать его съ простоватостью, или простосердечіемъ. На вопросъ: что дѣлала хорошая русская женщина въ то время, когда мужчина проповѣдывалъ, служилъ, билъ баклуши, создавалъ воздушные замки преобразованія людей и ругалъ настоящее положеніе дѣлъ? я отвѣтилъ бы: *работала*. Мыслящіе люди поняли бы меня и пришли бы къ тѣмъ соображеніямъ и выводамъ, которые бѣгло выскажу я теперь людямъ немыслящимъ.

Digitized by Google

Хорошая русская женщина стоитъ неизмѣримо выше хорошаго мужчины. Переживъ сотую долю тѣхъ страданій, которыя выпали на долю ей, мужчина озлобляется; съ ней этого никогда не бываетъ. Принося самую малую долю пользы своею проповѣдью или службой, мужчина, какъ бы онъ ни былъ развитъ, начинаетъ гордиться въ душѣ своими заслугами, и только умъ спасаетъ его отъ самовосхваленія; о своей честности онъ говоритъ съ гордостью, какъ будто честность есть заслуга, а не обязанность,—и этой черты нѣтъ въ хорошей женщинѣ. Она лишаетъ себя всѣхъ удовольствій, которыхъ никогда не лишитъ себя мужчина, и отдается всецѣло, какъ мать, жена или дочь, своимъ обязанностямъ. Она, и только она, воспитала цѣлыя поколѣнія честныхъ и твердыхъ людей и никогда, даже передъ самою собою, не сводила итоговъ своихъ заслугъ; она даже скорбитъ о своей неспособности приносить пользу. Спросите всѣхъ вполнѣ честныхъ людей, кому они обязаны всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ есть хорошаго? Изъ ста девяносто девять отвѣтятъ: «женщинѣ». Она работаетъ за мужа въ деревнѣ, она грудью отстаиваетъ въ среднемъ классѣ своихъ дѣтей отъ пьянаго или озобленнаго неудачами мужа, она спасаетъ отъ крайней пустоты и разврата людей высшаго круга, и за все это ее держатъ въ неволѣ, въ невѣжествѣ, въ безправіи, оскорбляютъ, позорятъ и потомъ удивляются, если встрѣтятъ падшую женщину! Но спросите ихъ: «кто виновникъ вашего паденія?» Онѣ отвѣтятъ: «мужчины»,—и будутъ правы. Ихъ воспитывали въ школѣ, которую создалъ мужчина, стараясь вырастить для себя хорошенькихъ и ловкихъ, но немыслящихъ самокъ; первая сухая учебная книга и первый растлѣвающій романъ, попавшіе въ ихъ руки, были подсунуты имъ и написаны мужчиною; первая сѣть, сплетенная отъ бездѣлья, для развлеченія отъ праздной скуки, была разставлена имъ опять тѣмъ же мужчиною; бросилъ ихъ онъ, а не онѣ его; первый комъ грязи пущенъ въ нихъ его же рукою. Онъ хвастнулъ въ минуту пріятельскаго кутежа своею удачною интригой, и пошла женщина мыкаться по свѣту съ печатью развратницы, забросанная грязью такими же неразвитыми и падшими женщинами, какъ она, которыхъ также воспиталъ, также погубилъ мужчина. А виновникъ ея паденія клеймитъ ее страшнымъ русскимъ названіемъ, тѣмъ названіемъ, которое заставляетъ прохожаго отвернуться съ отвращеніемъ даже отъ покойницы, носившей его и утопившейся въ минуту безвыходной

Digitized by Google

нищеты... И между тѣмъ, какъ любила мужчину хорошая русская женщина! Пошелъ ли хоть одинъ мужчина въ ссылку за падшей женщиной? Вы не найдете, вѣроятно, ни одного. А женщина шла, полная святой любви, считавшая свои ласки, свои заботы необходимыми для мужа, и таилась въ ней тайная надежда, быть-можетъ, смутная для нея самой, спасти всеспасающею любовью отъ отчаянія, или отъ новыхъ преступленій однажды падшаго человѣка. Но удерживали ее никакія страданія, никакія препятствія: переносила она бѣдность, холодъ и голодъ, брань и оскорбленія этапныхъ звѣрей и долгіе годы тяжелой жизни гдѣ-нибудь въ глубинѣ Сибири. Въ этой рѣшимости была ея высочайшая нравственность, и блѣднѣютъ предъ нею всѣ прославленныя дѣянія героевъ съ ихъ мишурнымъ блескомъ, барабанною славою и эпиѳамными куреніями...

Моя мать не вынесла всѣхъ страданій, выпадающихъ на долю многихъ хорошихъ русскихъ женщинъ; она не имѣла нужды идти за преступникомъ-мужемъ въ Сибирь, но она носила всѣ признаки хорошей русской женщины, и потому я рѣшился подробно поговорить объ этомъ существѣ.

Матушка вынесла изъ уроковъ бабушки еще менѣе познаній, чѣмъ дядя. Почти постоянно одинокая, не слишкомъ любимая бабушкою, безъ причины оскорбляемая братомъ, она возилась съ куклами, шила имъ платья и вѣчно рылась въ лоскутьяхъ шелковыхъ матерій, полотна и коленкора, за что и получила отъ бабушки названіе лоскутницы. Маленькая лоскутница-мѣщаночка походила, какъ двѣ капли воды, на своего отца. Блѣдная, худенькая, съ голубыми жилками на вискахъ, она была миленькимъ и нѣжнымъ ребенкомъ. Находясь всегда дома, она сильно чувствовала недостатки въ дни безденежья и часто голодала въ то время, когда дядя рыскалъ по театрамъ и баламъ. Любя въ душѣ свою несчастную мать, она не любила ея расточительности. У нея родилась какая-то болѣзненная антипатія ко всякому внѣшнему блеску. Въ ея незрѣломъ еще дѣтскомъ умѣ со словомъ аристократы соединялось странное представленіе мотовства, бросанья денегъ на вѣтеръ и голодныхъ дней. Голодные дни и аристократизмъ! Какія несовмѣстимыя понятія! Впрочемъ, чего не придумаетъ и не соединитъ дѣтскій умъ. Она часто помогала своей нянѣ въ ея комнатныхъ работахъ, и бабушка сердилась.

— Не готовитесь ли вы, Софья Ивановна, въ горничныя?—спрашивала она иронически и отчасти строго.

Digitized by Google

— Это я отъ скуки дѣлаю, мама, да и няня такая старая-старая; она устала,—отвѣчала матушка и, не обращая вниманія на насмѣшки брата, облегчала хлопотливые труды любимицы-старушки, крѣпостной няни, подаренной бабушкѣ однимъ изъ братьевъ.

Однимъ изъ главныхъ наслажденій матушки было слушаніе сказокъ и пѣсенъ няни, передававшихся ребенку дребезжащимъ, старческимъ и монотонно-баюкающимъ голосомъ; однимъ изъ лучшихъ утѣшеній была молитва.

Играя въ саду нанимаемаго бабушкою домика, матушка возбуждала зависть сосѣднихъ дѣтей нарядами своихъ куколъ. Дѣти разсказывали объ этихъ нарядахъ своимъ родителямъ, и нѣкоторые изъ родителей обратились къ матушкиной нянѣ съ вопросомъ: гдѣ покупаетъ ея барыня для куколъ своей дочери эти платья?

— Соничка, хочешь достать денегъ?— спросила однажды у матушки няня; она любила до безумія свою воспитанницу и хотѣла дать ей возможность заработать деньги, чтобы ребенокъ могъ купить хоть булку въ голодные дни.

— Гдѣ же, няня, ихъ достать?—спросила дѣвочка.

— А ты сшей нѣсколько такихъ платьицъ, какъ у твоихъ куколокъ, я ихъ продамъ, и тебѣ денегъ принесу на новыя куклы.

Ребенокъ захлопалъ въ ладоши и радостно принялся за работу. Платья были сшиты, деньги получены и вмѣстѣ съ ними полученъ заказъ новой работы. Десятилѣтняя дѣвочка, играя, начала зарабатывать деньги, которыхъ не умѣлъ пріобрѣтать никто изъ ея семьи. Нянька продавала готовыя платья и закупала матеріалъ для новыхъ работъ. Все это дѣлалось тайкомъ отъ бабушки, и только случай открылъ ей тайну.

Разъ въ тяжелые дни безденежья, что случалось въ концѣ каждаго мѣсяца, бабушка рѣшительно не знала, что дѣлать: ѣсть было нечего, ни чаю, ни сахару, ни кофе не находилось въ домѣ, въ долгъ никто не давалъ. Бабушка исходила всюду, чтобы перехватить денегъ до перваго числа, и не достала ихъ нигдѣ. Утомленная, грустная, возвратилась она домой, тяжело опустилась на диванъ и заплакала. Кажется, первый разъ въ жизни не оправдалась ея любимая поговорка: «Богъ дастъ, такъ и въ окно подастъ».

— Что съ тобой, мама?—спросила матушка.

— У насъ ѣсть нечего, Соня. Хоть бы Богъ меня прибралъ, эта жизнь мнѣ невыносима.

Digitized by Google

— У меня, мама, есть деньги; можно будетъ купить покушать.

Соня побѣжала въ спальню къ своему комоду и принесла оттуда весь свой капиталъ.

— Откуда у тебя деньги?

— Извини, мама, я работаю на продажу кукольныя платья,—отвѣчала, краснѣя, дѣвочка и робко подняла большіе голубые глаза и взглянула на мать, ожидая, что̀ та скажетъ.

Бабушка вертѣла въ рукахъ деньги, точно разсматривая, такія ли онѣ, какъ другія, бывавшія доселѣ въ ея рукахъ, и, наконецъ, тяжело вздохнула; ей трудно было поблагодарить, ободрить ребенка, такъ больно кольнули ея слухъ слова: работаю на продажу.

— Швея, швея-Софья! — проговорила она, машинально гладя по головѣ ребенка.—Швея, швея-Софья!—повторила она снова, качая головой, и въ этихъ грустныхъ, ироническихъ словахъ прозвучалъ скорѣе упрекъ, чѣмъ благодарность.

Однако, дѣло сдѣлалось: мать начала открыто брать работу; скоро куклы замѣнились дѣтьми, дѣти взрослыми. Дѣвушка брала недорого за труды, и въ заказахъ не было недостатка. Часто была сыта бабушка на эти трудовыя деньги, и еще чаще выпрашивалъ ихъ дядя, рѣшаясь даже поцѣловать ручку сестры, что всегда смѣшило матушку. Впрочемъ, онъ въ минуты восторга ставилъ ее въ примѣръ всѣмъ, говорилъ, что̀ у него за чудная сестра, что сильнѣе всего сокрушаетъ его ожидающая ее судьба въ нашемъ глупомъ обществѣ: это еще болѣе смѣшило матушку. Такъ проводила она время дѣвичьей жизни, трудясь и считая трудъ за игру: онъ былъ ей не тяжелъ; она шила, попѣвая тихимъ, но веселенькимъ голоскомъ любимыя русскія пѣсни, переданныя ей няней, и никто никогда не зналъ, что̀ дѣлалось въ ея душѣ и какъ развитъ былъ ея умъ.

Девятнадцати лѣтъ Соня вышла замужъ за моего отца. Отецъ познакомился съ семействомъ бабушки черезъ дядю во время своей службы въ театрѣ. Они встрѣчались на пикникахъ и на охотѣ. Дядя пригласилъ отца къ себѣ, чтобы попасть за кулисы, и знакомство завязалось. Матушка и отецъ полюбили другъ друга.

— Гадкую жизнь вы ведете, Василій Александровичъ!— замѣтила однажды матушка отцу.

— Какъ гадкую? Напротивъ того: у насъ, у театраль-

Digitized by Google

щины, славная, свободная жизнь,—отвѣтилъ отецъ и ожидалъ возраженія или согласія на высказанную имъ мысль; но матушка только посмотрѣла на него и покачала головой. Ему стало неловко отъ этого взгляда, и долгое время шевелился въ его умѣ возбужденный и оставленный безъ разрѣшенія вопросъ.

Мѣсяца черезъ три отецъ снова сидѣлъ у матушкина рабочаго стола.

— Вы правы, Софья Ивановна, — тихо говорилъ онъ, вертя въ рукахъ какой-то лоскутокъ.

— Въ чемъ?

— Помните нашъ разговоръ о театральной жизни?

— А! Ну, что же, поняли вы ее?

Матушка пристально поглядѣла на отца.

— Понялъ. Бросилъ. Только теперь жить нечѣмъ.

— Нужно работать.

Разговоръ принялъ другое направленіе.

Во время отставки отецъ не посѣщалъ семейства бабушки, но черезъ няньку матушкѣ давалъ извѣстія о себѣ. «Я еще живъ,—писалъ онъ ей,—еще надѣюсь». Эти двѣ фразы составляли письмо; расписывать листы не было времени, и матушка совершенно успокоивалась; она понимала этого человѣка и не боялась за него, покуда онъ надѣялся. Бабушка, вѣроятно, не согласилась бы на этотъ бракъ, если бы предложеніе не совпало со временемъ сѣченья дяди, когда она упала духомъ. Характеръ матушки тоже много содѣйствовалъ исполненію желанія молодыхъ людей.

Матушка рѣдко рѣшалась на какой-нибудь отважный поступокъ и даже всѣми силами старалась избѣгать такихъ поступковъ; но если она рѣшалась на него, то это значило, что онъ строго обдуманъ ею. Уже за нѣсколько дней она волновалась, взвѣшивала задуманное дѣло, горячо молилась и вдругъ совсѣмъ успокоивалась: рѣшеніе дѣлалось непоколебимымъ. Я часто видѣлъ, какъ умѣла матушка молиться. Ея молитва не была чтеніемъ затверженныхъ наизусть фразъ, *вкусною* молитвою сытаго человѣка съ урочнымъ числомъ земныхъ поклоновъ и «Господи помилуй»; — она была живымъ разговоромъ съ Богомъ. Лицо матушки разгоралось, неслышное моленье постепенно переходило въ шопотъ, въ которомъ явственно слышались отрывистыя слова, пламенные вопросы. Такъ умѣютъ молиться только русскія женщины и юноши отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ,

Digitized by Google

притѣсненные всѣми и ищущіе исходнаго пути. Я люблю такія молитвы; въ нихъ, рядомъ съ вѣрой въ Бога, чуется еще болѣе твердая воля въ собственную силу; онѣ только сосредоточиваютъ эту силу въ дни невзгодъ и воспитываютъ всевыносящее племя русскихъ женщинъ и юношей. Послѣ такихъ молитвъ, матушка, обыкновенно слабая и робкая, дѣлалась необычайно твердою и рѣшительною, какъ будто тотъ Богъ, Котораго она такъ пламенно любила, Самъ становился рядомъ съ нею и говорилъ: не бойся! Я здѣсь. Такъ же молилась она и въ день, назначенный для объявленія бабушкѣ ея рѣшенія выйти замужъ за Василія Александровича Рудаго.

Покойнымъ и нетрепетнымъ голосомъ объявила она бабушкѣ свое желаніе.

— Надо бы спросить меня, согласна ли я отдать тебя замужъ за него,—строго сказала бабушка.

— Ты согласишься, мама, потому что я хочу быть его женою.

— А если я не позволю (да я и не позволю) выйти тебѣ за какого-нибудь лакеишку, нищаго, мѣщанина?

— Онъ хорошій человѣкъ, мама, и я выйду за него замужъ; мы сами мѣщане, и генералы ко мнѣ не присватаются, да я за генерала и не вышла бы.

— Мѣщане! мѣщане! что ты мнѣ говоришь о мѣщанствѣ? ты знаешь, что я княжна по отцѣ?

— Знаю, мама, а мы все-таки мѣщане, и ты, мама, не сердись на меня. Хуже будетъ, если я выйду замужъ безъ твоего позволенія.

Бабушка смутилась, начала плакать, говорила, сколько несчастій готовитъ ея дочери бѣдная жизнь, что она съ мужемъ умретъ голодною смертью и что бабушка не будетъ въ силахъ ей помочь.

— Мама, мы не попросимъ твоей помощи. Тебѣ самой будетъ легче жить безъ меня. Ты не плачь; — я буду счастлива.

— Но что скажутъ родные!—воскликнула бабушка, хватаясь за соломинку; соломинка, какъ и надо было ожидать, сломилась.

— У меня, мама, кромѣ тебя, нѣтъ родныхъ. Твои братья ни разу не спросили, жива ли я или нѣтъ. Они и никогда не спросятъ объ этомъ. Кто же будетъ говорить?

Разговоръ кончился попыткою бабушки упасть въ обморокъ, упреками въ матушкиной безчувственности и согла-

Digitized by Google

сіемъ на бракъ. Василію Александровичу Рудому не было хлопотъ для полученія согласія: пришелъ, сдѣлалъ предложеніе, предложеніе приняли и назначили день свадьбы. Все сдѣлалось холодно, спокойно, точно всѣ приготовлялись къ этому событію въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Посторонній зритель не понялъ бы, какая скорбь и злоба кипѣли въ душѣ матери, урожденной княжны Тресково-Обуховой, отдающей дочь за придворнаго лакея, какихъ усилій стоило дочери рѣшиться привести въ исполненіе свое желаніе, какое презрѣніе питалъ къ жениху братъ невѣсты, пожимавшій руку будущаго своего родственника, и какъ любилъ невѣсту и не любилъ ея родныхъ этотъ женихъ. Каждый день разыгрываются на домашнихъ театрахъ такія же комедіи, и только актеры, ловко вызубрившіе свои роли, знаютъ, что дѣлалось за кулисами, когда занавѣсъ былъ еще спущенъ, и они заботливо прикрывали головы париками и наводили на лица густой слой румянъ и бѣлилъ.

Итакъ, внучка князя Тресково-Обухова вышла замужъ за придворнаго лакея. Съ нимъ невольно познакомился читатель, и я попрошу его продолжать это знакомство до конца исторіи гнилыхъ болотъ; ибо съ хорошими людьми полезно вести знакомство. Теперь пора мнѣ поговорить и о себѣ, какъ я росъ и какимъ выросъ, кто меня обижалъ и кто приголубливалъ, какъ меня учили и чему научили. Главное—чему научили.

VI.

Жизнь моихъ родителей и мое дѣтство.

Жизнь моихъ родителей сложилась просто, буднично и шла тихо и однообразно; такъ свѣтлая рѣка прорываетъ ложбину въ такую ширину, на какую у нея хватаетъ силъ, и, покоряясь участи, катитъ свои волны въ извѣстномъ направленіи; прибиваетъ она къ берегу негодный для нея илъ и бревна; тамъ илъ обращается въ тучную почву, и говоритъ спасибо рѣкѣ какой-нибудь бѣднякъ за выброшенное ею бревно; шипятъ ея волны вокругъ подводныхъ камней, лежащихъ на ея пути; не двигаются они съ мѣста и долго будутъ мѣшать ея спокойному теченію; не одна барка разобьется о нихъ въ щепы, не одна людская душа потонетъ на этомъ мѣстѣ и пошлетъ проклятіе ни въ чемъ не повинной рѣкѣ, и неизвѣстно, подточатъ ли когда-нибудь волны и время страшныхъ губителей благодатнаго міра.

Характеры отца и матери и предразсудки, тяготѣющіе

Digitized by Google

надъ русской общественной жизнью, не позволяли моей семьѣ заводить знакомства. Наше общество дѣлится на множество муравейниковъ, и какъ въ годъ не объѣдешь изъ конца въ конецъ матушки Россіи, такъ въ годъ не перечтешь названій ея муравейниковъ. И каждый-то дѣйствуетъ во имя своихъ убогихъ интересцовъ и узенькихъ стремленьицъ, чаще же во имя полнаго ихъ отсутствія, каждый-то поетъ свою пѣсню, и общая гармонія этихъ пѣсенъ выходитъ похожею на что-то въ родѣ кошачьяго концерта въ лунную мартовскую ночь; то слышится: «саго mio!» то вдругъ пронесется въ воздухѣ: «а вѣдь я тебя по зубамъ съѣзжу!..» Отецъ, по мѣсту службы, принадлежалъ къ муравейнику придворныхъ служителей.

Гнѣздился этотъ муравейникъ,—тогда еще не было новопридворнаго дома съ общими спартанскими кухнями,—на наемныхъ квартирахъ, въ Измайловскомъ и Семеновскомъ полкахъ, и въ собственныхъ домикахъ на Петербургской сторонѣ, въ Гавани и на Пескахъ, любимомъ мѣстѣ жительства фельдъегерей. Его члены мужского пола носили названіе придворныхъ паточниковъ, и упрекались члены женскаго пола въ томъ, что будто бы они мужей на гущѣ пропили. Никакой историкъ не доберется до основанія этого типическаго названія и этого обиднаго упрека, принятыхъ всѣми на вѣру, и придется ему принять ихъ также на вѣру и утѣшить себя тѣмъ, что вѣрно оно такъ и было. Историческихъ, не внѣшнихъ и не официальныхъ преданій въ муравейникѣ много, но всѣ они незначительны; сохранилось, напримѣръ, преданіе о томъ, что жили два семейства истопниковъ въ ветхомъ-разветхомъ домикѣ на углу девятой и десятой улицъ Песковъ, и былъ у пяти женщинъ, принадлежавшихъ къ этимъ двумъ семействамъ, одинъ салопъ, постоянно висѣвшій на гвоздикѣ въ совмѣстныхъ сѣнцахъ, и когда одна изъ женщинъ появлялась на улицѣ въ коммунистическомъ салопѣ, то всѣ песочные жители знали, что остальныя четыре женщины сидятъ дома и пьютъ кофейныя переварки. Таковы и другія преданія; надъ ними можно бы глубокомысленно пофилософствовать, но это не мое дѣло. Создавая свой внутренній бытъ, муравейникъ, несмотря на свою микроскопическую малость, успѣлъ раздѣлиться на двѣ партіи: на плебеевъ и патриціевъ. Къ плебеямъ отошли работники, истопники, должностные помощники, повара и лакеи; къ патриціямъ пристали камердинеры, официанты, гофъ- и камеръ-фурьеры; посредствующимъ зве-

Digitized by Google

номъ между тѣми и другими являлись камеръ-лакеи и скороходы: они заглядывали и туда, и сюда, и при случаѣ напивались до-пьяна въ обоихъ кружкахъ. Каждый членъ муравейника имѣлъ право говорить «ты» тому члену, который одной степенью стоялъ ниже его. Гофъ-фурьеры позволяли себѣ расправляться съ истопниками кулакомъ, и истопники съ достойною подражанія покорностью подставляли свои спины. Члены каждаго кружка сходились между собою по случаю крестинъ, рожденій, именинъ, свадебъ и похоронъ, а совершеніе этихъ торжествъ у плебеевъ неизмѣнно пригонялось къ первымъ числамъ мѣсяца. Только похороны приходилось справлять, когда Богъ обрадуетъ, и мнѣ не помнится, чтобы кто-нибудь продержалъ покойника въ домѣ, дожидаясь перваго числа. У патриціевъ пиры совершались во всѣ числа мѣсяца. Происходили эти торжества слѣдующимъ образомъ: послѣ первыхъ поцѣлуевъ, каждому гостю подносили на подносѣ по рюмкѣ мадеры; отъ этого угощенія не освобождались даже восьмилѣтнія дѣти; потомъ всѣ садились и подвергали себя на нѣкоторое время искусу молчанія, хозяйка между тѣмъ разносила сладости. У плебеевъ подавались миндаль, изюмъ, пастила и крошеныя яблоки, у патриціевъ подавались цѣлыя яблоки, конфеты, обыкновенно выпрошенныя у придворнаго кондитера, поставившаго ихъ на казенный счетъ; мадера и водка полагались въ обоихъ кругахъ. За угощеніемъ начинались забавы: игра въ карты и танцы, женщины сплетничали, мужчины острили и проходились по водочкѣ; женщины пили въ парадной комнатѣ только мадеру, но привычный глазъ могъ подмѣтить, что опѣ, безъ всякой надобности, очень часто выходили поодиночкѣ въ спальню, или въ кухню къ хозяйкѣ, и чуткій слухъ могъ подслушать, какъ отворялись тамъ дверцы завѣтнаго шкапика, что-то наливалось и выпивалось. Это была уже не мадера. Въ теченіе вечера каждая гостья считала нужнымъ удалиться разъ пять, и подъ конецъ всѣ становились очень веселы. Конецъ былъ не одинаковъ: у патриціевъ все оканчивалось тихо, поспорятъ, не отдадутъ другу проигранныхъ денегъ и разъѣдутся; у плебеевъ пиръ кончался пѣніемъ «Подъ вечеръ осени ненастной». Шла иногда въ ходъ «Раиса, бѣдная Раиса»; эту пѣсню, сколько мнѣ помнится, очень часто пѣвала самымъ томнымъ голосомъ одна лакейша, теперь покойница, и бывало кончитъ, да вдругъ и заплачетъ. Молодежь же во весь вечеръ отдергивала не то французскія ка-

Digitized by Google

дрили и польки, не то трепака, но каблуками всѣ стучали необыкновенно эффектно. Разговоры шли о князьяхъ, и часто голодскія сплетни объ этихъ лицахъ вылетали изъ этого муравейника, схватившаго на лету двѣ-три фразы неостерегшихся господъ. Литературой въ муравейникѣ не занимались, и какой-нибудь валяющійся на окнѣ томъ «Таинственнаго Монаха» доказывалъ не пристрастіе его владѣльца къ чтенію, но скорѣе его бережливость и способность хранить даже ни на что не годныя вещи. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я могъ собрать о муравейникѣ; закулисная, семейная его жизнь до насъ не касается: что̀ намъ за дѣло до тайныхъ слезъ и безысходнаго горя?

Я распространился описаніемъ муравейника потому, что всѣ другіе похожи на него; измѣняются только частности, обстановка; сущность же остается та же самая, только немножко прилизанная, немножко причесанная. И вы, читатель, и мы всѣ, надутые собою и очень пустые на дѣлѣ люди, виноваты въ ихъ существованіи и въ той неминуемой гибели, которая ожидаетъ честныхъ, умныхъ людей, причисленныхъ по случайнымъ обстоятельствамъ къ тому или другому муравейнику. Они или должны затвориться въ своемъ домѣ, или уничтожиться въ муравейникѣ,—другого исхода имъ нѣтъ. Такая участь ожидала и моего отца.

Въ лучшіе, образованнѣйшіе круги онъ не могъ попасть: «не знатенъ онъ, не славенъ,—за что-жъ его любить?» Ему нужно было гнуться, въ клубочекъ свертываться, чтобы шарикомъ прокатиться куда-нибудь повыше, а этого онъ не умѣлъ дѣлать: широкъ въ кости былъ.

Отецъ и мать затворилась въ своей квартирѣ и вели одинокую жизнь среди шумной столицы; отецъ служилъ, столярничалъ и отдыхалъ отъ трудовъ за чтеніемъ переводовъ англійскихъ романовъ, матушка шила по заказу платья. Они не скучали, но и не веселились. Сначала въ нашемъ домѣ часто появлялись разныя черносалопницы, вдовы бѣдныхъ чиновниковъ и армейскихъ офицеровъ, женщины, неизвѣстно какъ втирающіяся и въ барскія переднія, и въ бѣдныя жилища, вѣчно жалующіяся на судьбу и зорко поглядывающія, что̀ дѣлается въ чужихъ домахъ; это ходячіе сборники петербургскихъ слуховъ и сплетенъ. Матушкѣ онѣ скоро надоѣли своими злыми языками и жалобами на то, что имъ не падаетъ хлѣба съ неба, какъ падала евреямъ небесная манна. Она затворила отъ нихъ двери, но прежде постаралась освободить отъ ихъ вліянія ихъ дочерей, которыхъ

Digitized by Google

матери считали за обузу и отъ которыхъ рады были освободиться на время. Матушка брала къ себѣ по три и по четыре дѣвочки, пріучала ихъ къ труду, незамѣтно для самой себя передавала имъ свои честныя мысли, и, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, воспитала множество хорошихъ дѣвушекъ.

Дѣтей у моихъ родителей было трое, и всѣ умерли, доживъ до году. Этотъ возрастъ казался моимъ родителямъ роковымъ и, когда въ 1832 году я имѣлъ счастіе родиться, то меня берегли, какъ сырое яйцо. Родился я въ морозный, ясный и смѣющійся день; поплакалъ горько, какъ всѣ рождающіеся на свѣтъ люди, и все же остался жить, почувствовавъ неодолимую привязанность къ нашей холодной и болотистой землѣ. Роковой срокъ прошелъ, и читатель уже видѣлъ, какими уроками пользовался я на третьемъ году моей жизни. Дальнѣйшіе уроки отца касались также нравственнаго моего развитія; собственно науками занималась со мною матушка: она учила меня читать, писать и считать. Третьимъ и главнымъ моимъ воспитателемъ была бабушка. Она часто посѣщала насъ, потому что мы каждый день обѣдали, и исполняла въ нѣкоторомъ смыслѣ роль русскихъ нянекъ, любящихъ разсказывать дѣтямъ волшебныя сказки и пѣть извѣстную всей Россіи пѣсню: будешь въ золотѣ ходить, чисто-серебро носить. Славный напѣвъ у этой пѣсни, и хорошо она баюкаетъ въ дѣтствѣ; плохо одно то, что многихъ убаюкиваетъ она на всю жизнь, и спятъ они, взрослые младенцы, въ гниломъ болотѣ и вет хомъ рубищѣ покойнымъ, непробуднымъ сномъ праведниковъ, воображая, что уже ходятъ они въ золотѣ и носятъ чисто-серебро; долго, долго длится волшебное сновидѣніе, и не дай Богъ никому очнуться отъ него не въ пору, не вовремя, а къ осеннiе, непроглядные дни жизни. Баюкала меня бабушка волшебными сказками, а пуще разсказами о безпутномъ, великомъ, блестящемъ екатерининскомъ вѣкѣ; описывала балы, маскарады, убранство барскихъ дворцовъ и садовъ, и пестрою толпою неслись передо мною роскошныя и румяныя маски нашей старой знати. Какія-то полповѣсныя фигуры съ гордой осанкой и чопорной выступкой видѣлись мнѣ, и удивлялся я, что онѣ могли такъ ловко и низко гнуться и шаркать ногами, какъ говорила бабушка. Какъ сказка изъ тысячи одной ночи, восхищали меня эти разсказы, переданные съ увлеченіемъ, съ пафосомъ моею Шахеразадою. Когда я наивно спрашивалъ: «а у меня, ба-

Digitized by Google

буся, будутъ такія комнаты, такіе наряды?» — то она съ полной увѣренностью отвѣчала: «разумѣется, будутъ; вырастешь большой, будешь служить, дослужишься, можетъ-быть, до генеральскаго чина и будешь богатъ. Вѣдь вотъ, mon petit, ко мнѣ генералъ пріѣзжалъ, такъ это мой родной братъ, твой двоюродный дѣдушка, и ты такимъ же будешь».

— Это тотъ, бабуся, что меня за щеку ущипнулъ; и я еще заплакалъ тогда?

— Да, да, тотъ самый... Только не надо такимъ плаксою быть, онъ тебя любить не станетъ.

— А зачѣмъ онъ щиплется?

— Онъ тебя приласкалъ.

— Развѣ такъ ласкаютъ, бабуся? Папа никогда не щиплется.

Бабушка не отвѣчала на мое разсужденіе, а отецъ исподтишка посмѣивался и шутя говаривалъ мнѣ:

— Ну, Саша, покуда ты не генералъ, набей-ка мнѣ трубку.

Будущій генералъ исполнялъ роль крѣпостныхъ Ванекъ и Гришекъ. Отецъ никогда не спорилъ съ бабушкою, не разочаровывалъ ея мечтаній, но лукаво подсмѣивался надъ ними и давалъ мнѣ это чувствовать. Дядя не имѣлъ на меня въ раннемъ дѣствѣ никакого вліянія; люди его закала не умѣютъ говорить съ дѣтьми, это для нихъ слишкомъ мелко.

Подъ вліяніемъ трехъ наставниковъ, росъ я въ одномъ изъ захолустій Петербурга. Мнѣ недоставало двухъ самыхъ лучшихъ учителей: природы и дѣтей-товарищей. Находясь постоянно въ городѣ, постоянно въ душной комнатѣ, видя всѣ домашніе недостатки, которыхъ отецъ и не считалъ нужнымъ скрывать отъ меня, я очень рано научился понимать и переносить невзгоды, сдѣлался задумчивымъ ребенкомъ и нерѣдко просиживалъ, о чемъ-то мечтая и разговаривая съ самимъ съ собою. Неблестящая дѣйствительность и волшебныя, слишкомъ яркія грёзы, навѣянныя бабушкою, мѣшались между собою, и мое воображеніе развилось до крайности спльно. У насъ вообще, какъ будто нарочно, стараются развивать воображеніе дѣтей, не понимая того, что оно и само собою разовьется довольно сильно и на время остановитъ мыслительную способность ребенка, научитъ его мечтать и отучитъ думать. Я вѣрилъ въ невѣдомый волшебный призракъ, управляющій всѣмъ міромъ, въ добрую фею, которая скоро должна прилетѣть въ нашъ домъ,

Digitized by Google

превратить его въ роскошныя палаты и сдѣлать меня генераломъ,—большаго счастія я не могъ себѣ представить. Мой умъ спалъ и былъ неразвитъ. Онъ былъ до того неразвитъ, что я никогда не спрашивалъ себя: отчего дѣлается то или другое на свѣтѣ? Огонь жжется, потому что жжется; ножъ рѣжетъ, потому что рѣжетъ,—далѣе этихъ истинъ я не шелъ. Я видѣлъ цвѣты на нашихъ окнахъ, но не зналъ я, почему они растутъ. «Папаша посадилъ, оттого и растутъ», отвѣтилъ бы я на подобный вопросъ. И если бы папаша вздумалъ посадить при мнѣ въ землю свою трость и сказать, что изъ нея, какъ изъ жезла Ааронова, вырастутъ миндальные орѣхи,—я свято повѣрилъ бы его словамъ. Отсутствіе дѣтей сдѣлало изъ меня что-то въ родѣ отупѣвшаго старика, ничего не знавшаго, не желавшаго знать. Любознательность пробуждается въ дѣтяхъ только дѣтьми. Ребенокъ охотно разговариваетъ съ ребенкомъ; большихъ онъ только слушаетъ и, встрѣчая въ дѣтскихъ играхъ и болтовнѣ предметы, требующіе объясненія, онъ обращается за этимъ объясненіемъ къ большимъ. Безъ товарищей ребенка ничто и никто не подталкиваетъ на вопросы, онъ холодно смотритъ на окружающее его и составляетъ обо всемъ свои собственныя, превратныя понятія.

Такимъ оставался я почти до девяти лѣтъ, когда меня отдали въ ближайшую отъ нашей квартиры школу.

VII.

Ecole, Schule, школа для дѣвицъ г-жи Соколовой (во 2 этажѣ, по 3 лѣстницѣ, № кв. 21).

Вотъ всѣмъ знакомая вывѣска, прибиваемая къ стѣнамъ большихъ и малыхъ домовъ, являющаяся по преимуществу на многолюдныхъ улицахъ, на бойкомъ мѣстѣ. Ея крупныя буквы, какъ безграмотное объявленіе пронырливаго русскаго торговца, призываютъ простоватыхъ, но плодовитыхъ людей: «отдавайте, добрые люди, своихъ дѣтокъ въ школу госпожи Соколовой для изученія всѣхъ возможныхъ наукъ. Что ребятамъ-то баклуши бить, да васъ безпокоить, пора ихъ и за книжку усадить. Госпожа Соколова знатно усадитъ, будете довольны». Тутъ же подвертываются мелкія буквы вывѣски и юлятъ, какъ выдранный за ушонки мальчуганъ съ Апраксина двора, выкрикивая пискливымъ дискантикомъ: «здѣсь, здѣсь, повѣрьте-съ мнѣ, не далеко идти; только вотъ поворотите во дворъ налѣво, тутъ сейчасъ и будетъ третья лѣстница № 21, хоть только взгляните!»—

Digitized by Google

«Нѣшто заглянуть?—спрашиваютъ себя простоватые, но плодовитые люди; — ребята-то, и въ самомъ дѣлѣ, отъ рукъ отбились, матери языки кажутъ; полно имъ баловаться,— ай заглянемъ!»—рѣшаютъ они; заглядываютъ, проникаются должнымъ благоговѣніемъ передъ госпожей Соколовой и отдаютъ къ ней балующихся ребятъ, платя ей за временное освобожденіе отъ дѣтскаго нашествія ежемѣсячную трехрублевую подать. Госпожа Соколова начинаетъ жить съ нѣкоторой роскошью и почти не голодаетъ, что̀ и было цѣлью всѣхъ ея стремленій. На какія выдумки не подвигаетъ человѣка призракъ голода! Объ этомъ у Льюиса есть очень краснорѣчивая страница, и страдаетъ она только маленькою неполнотой: онъ забылъ упомянуть о школахъ, основанныхъ людьми для избѣжанія отъ голодной смерти.

И меня судьба не спасла отъ г-жи Соколовой, и я, какъ веселый человѣкъ, отчасти благодаренъ ей за это. Госпожа Соколова, дочь статскаго генерала, выросла въ богатствѣ, очень бурно и не очень нравственно провела свою молодость, и по смерти отца, умершаго подъ судомъ за кражу казенныхъ денегъ, осталась ни съ чѣмъ. Чтобы существовать, она открыла школу на имя меньшой сестры, окончившей свое воспитаніе въ институтѣ. Эта дѣвушка была болѣзненная, слабая; она цѣловала украдкою своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ и трепетала передъ старшей сестрой, жившей ея трудами. Бѣдняжка принадлежала къ числу людей-нулей, имѣющихъ значеніе только тогда, когда впереди ихъ стоитъ единица. Человѣкъ-нуль даже своего собственнаго имени не имѣетъ, но заимствуетъ имя у впереди его стоящей единицы. «Вотъ супругъ нашей милой, добрѣйшей Амаліи Федоровны Вороновой»,—говоритъ хозяинъ своему гостю, знакомя его съ нулемъ, и нуль самодовольно ухмыляется, выражая тѣмъ свою гордую мысль: «видишь, братъ, каковъ я гусь: на Амаліи Федоровнѣ женатъ!» Такою же женщиною-нулемъ была сестра госпожи Соколовой; и когда ее спрашивалъ незнакомый посторонній посѣтитель: «не съ госпожей ли Соколовой я имѣю честь говорить?» Она отвѣчала: «нѣтъ-съ, я сестра госпожи Соколовой». Ей даже въ голову не приходило, что у нея такая же фамилія. Сестры съ помощью священника и танцмейстера, альфы и омеги, краеугольныхъ и единственныхъ камней нашихъ частныхъ школъ, учили дѣтей всѣмъ наукамъ. Право онѣ имѣли только на содержаніе школы для дѣвочекъ, но брали и мальчиковъ, вѣроятно, полагая, что и тѣ, и другіе раз-

Digitized by Google

личаются въ дѣтствѣ по одной одеждѣ, безъ нея же были бы похожи, какъ двѣ капли воды, другъ на друга. Я помню тѣ дни, когда въ школу пріѣзжалъ какой-то господинъ съ орденомъ на шеѣ и осматривалъ училище, предлагая два или три вопроса ученицамъ; въ эти дни мальчиковъ запирали въ спальню и однажды спрятали въ очень неприличный чуланъ. Это дѣлается и понынѣ во многихъ школахъ для дѣвицъ. Великолѣпная г-жа Соколова въ эти дни вдругъ дѣлалась мокрой курицей и стушевывалась. Ея сестра, бывало, совсѣмъ заробѣетъ и лепечетъ непонятныя, нечеловѣческія слова и, послѣ отъѣзда господина съ орденомъ на шеѣ, цѣлуетъ еще крѣпче и звучнѣе выпущенныхъ изъ засады учениковъ.

Ученикамъ задавали въ школѣ выучивать извѣстное число строкъ и страницъ изъ діалоговъ, географій, исторій, грамматикъ и ариѳметикъ. Задавалось отъ сюдова и до сюдова; эти слова, вмѣстѣ со словами: зубряшка, долбяшка и тому подобными, принадлежатъ къ извѣстному языку, надъ разработкою котораго трудятся въ русскихъ училищахъ. По выслушаніи отъ сюдова и до сюдова, преподавательница задавала новый урокъ и вручала ученику или пропись, или задачу, стараясь написать ее подлиннѣе, чтобы ученикъ не кончилъ ея ранѣе двѣнадцати часовъ. Дѣти писали курсивными и простыми буквами, рѣшали задачи, или просто дѣла не дѣлали, а тихонько разговаривали, играли въ перышки, ѣли булки, колбасы и тому подобные съѣстные припасы, принесенные въ сумкахъ и наполнявшіе комнату разными возбуждающими аппетитъ запахами. Эти припасы часто дѣлались предметомъ лотерей. Въ двѣнадцать часовъ кто уходилъ домой, кто оставался въ школѣ, а въ два часа начинались снова утреннія занятія. Въ четыре часа мы всѣ бѣжали домой, какъ изъ карантина, и уличные мальчишки кричали вслѣдъ бѣглецамъ: «школьники, разбойники, школу разбили, учителя погубили!» Скука въ школѣ царствовала непомѣрная, зѣвота одолѣвала всѣхъ; зѣвнетъ, бывало, наставница, и заразитъ этотъ зѣвокъ весь мелкій народъ: «а-а-а!» съ глубокимъ протяжнымъ вздохомъ раздастся въ одномъ концѣ комнаты, и тотчасъ же слышится тотъ же звукъ въ другомъ концѣ, точно будочники между собой перекликаются: «слуша-а-ай! посма-а-трива-а-ай!» Отъ скуки заводились разныя исторіи весьма дрянного свойства. О лотереяхъ я уже имѣлъ случай упомянуть. Предметами ихъ дѣлалось все, что только могли сбыть съ рукъ ученики, не

Digitized by Google

подвергая себя слишкомъ сильной брани и побоямъ отъ своихъ добрыхъ, но простоватыхъ родителей. Разыгрывались съѣстные припасы слѣдующимъ образомъ: разыгрывающій завязывалъ узелокъ на платкѣ, а четверо дѣтей, заплатившихъ ему по копейкѣ, выдергивали концы платка, зажатаго въ кулакъ: кому доставался узелокъ, тотъ получалъ выигрышъ; это импровизированная лотерея. При разыгрываніи перьевъ, бумаги и картинокъ дѣлались билеты; одна и та же вещь, иногда въ продолженіе недѣли, дѣлалась предметомъ трехъ или четырехъ лотерей и приходила, наконецъ, къ своему законному первому владѣльцу. Но лотереи были самымъ невиннымъ развлеченіемъ. Въ училищѣ были и шестнадцатилѣтніе юноши и дѣвицы; у первыхъ появлялись прыщи на лбу и пушокъ на верхней губѣ, вторые успѣли начитаться украдкой переведенныхъ съ французскаго языка романовъ и шопотомъ сообщали своимъ подругамъ нѣкоторыя строки, поражавшія ихъ своею вольностью. Эти-то взрослые воспитанники и воспитанницы переписывались между собою и пожимали другъ другу руки въ танцклассѣ. Госпожа Соколова разъ имѣла случай поймать взрослаго ученика въ ту минуту, когда онъ въ темномъ углу передней поцѣловалъ одну изъ учениць; ученика не спровадили изъ школы (жаль было три рубля въ мѣсяцъ потерять), но поставили на колѣни посреди класса и пришпилили на спину билетъ съ надписью: «за дурное поведеніе». Веселое лицо ученика дало случай его товарищамъ убѣдиться, что за такой проступокъ и наказанье не страшно...

Я, быть-можетъ, больше всѣхъ зѣвалъ и скучалъ въ школѣ; для меня не существовало никакихъ развлеченій: въ перышки играть я не умѣлъ по своей неловкости, для переписки съ дѣвочками и для поцѣлуевъ былъ слишкомъ малъ, лотереи мой отецъ называлъ мерзостью, и я съ нимъ согласился, проигравъ нѣсколько копеекъ. Сухая, глупая наука не шла мнѣ въ голову, и часто разсуждалъ я съ самимъ собою, что науку придумалъ, вѣрно, мой двоюродный дѣдушка, который, лаская, щиплется. Изъ всего выученнаго я хорошо запомнилъ только одно четверостишіе:

Всякія науки
Созданы для муки.
И лучше отъ скуки
Сидѣть сложа руки.

Гдѣ-то находится теперь геніальный авторъ этихъ стишковъ? Я думаю, онъ и донынѣ кропаетъ стишки и тайкомъ

Digitized by Google

печатаетъ ихъ въ какомъ-нибудь журнальчикѣ; а въ школѣ онъ былъ сущая дрянь...

Главное несчастіе этой и другихъ такихъ же школъ составляютъ неумѣлость и неспособность ихъ содержательницъ. Потомъ вредитъ имъ близость къ классу кухни и гостиной: изъ первой доносятся до слуха учениковъ домашніе дрязги и побранки съ кухаркой, во вторую часто приглашаются дѣти, особенно любимыя содержательницею школы. Приглашенія возбуждаютъ и зависть, и ссоры между дѣтьми, и заставляютъ ихъ придумывать средства, какъ бы насолить любимцамъ. Любимцы приглашаются въ гостиную для разныхъ причинъ: одни просто для питья кофе, другіе для игры на фортепіано передъ гостями и для питья кофе, третьи для курьеза и для питья кофе. Меня приглашали для курьеза. Вводили меня безъ всякой видимой надобности въ гостиную, поили кофеемъ и гладили по головкѣ, значительно перешептываясь. Послѣ смыслъ этого перешептыванья сталъ мнѣ понятенъ. Въ немъ описывалась судьба моей бабушки, я часто слышалъ слова: «князь Тресково-Обуховъ», и, должно-быть, гости искали на моей физіономіи чего-нибудь въ родѣ наслѣдственнаго княжескаго клейма. Бабушка имѣла сплетницу крѣпостную кухарку; отъ нея перешло сказаніе о бабушкиной жизни къ нашей кухаркѣ, отъ нашей къ школьной, отъ школьной къ г-жѣ Соколовой. Изъ такихъ источниковъ знала госпожа Соколова исторіи родителей каждаго воспитанника и каждой воспитанницы, точно она матеріалы для характеристики нашего общества собирала. Сплетня проѣла до мозга костей все русское общество. Она вноситъ раздоры въ семейства, ссоритъ знакомыхъ, портитъ дѣтей съ самой колыбели, открывая имъ разныя гадости жизни въ превратномъ видѣ. Сплетничаютъ на рынкахъ, въ гостиныхъ, въ департаментахъ, въ полкахъ, въ театрѣ, въ собраніи. Сплетничаютъ наивно и съ тактомъ, добродушно и ѣдко, хладнокровно и раздражительно. Сплетниковъ и сплетницъ можно раздѣлить на необразованныхъ и образованныхъ, послѣдніе раздѣляются на провинціальныхъ и столичныхъ. Провинціальные сплетники наивны до крайности и не скрываютъ страсти къ сплетнѣ: ихъ описалъ Гоголь въ лицѣ дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, и просто пріятной дамы. Сплетники столичные не такъ наивны и сплетничаютъ à propos, не признаваясь даже передъ собою, что они сплетники. Они не поѣдутъ нарочно съ какимъ-нибудь извѣстіемъ, но запомнятъ это

Digitized by Google

извѣстіе, запомнятъ нѣсколько такихъ извѣстій и съ тактомъ, съ достоинствомъ передадутъ ихъ въ обществѣ такихъ же сплетниковъ, какъ они сами, передадутъ не иначе, какъ при удобномъ случаѣ, кстати, à propos. Нужно имѣть очень зоркій глазъ, чтобы уловить въ ихъ бесѣдахъ страсть къ сплетнѣ и не счесть ихъ за простой салонный разговоръ; иную отвлеченную тему жуютъ и разжевываютъ научнымъ образомъ цѣлые полчаса и только потомъ уже раздастся желаннос: «à propos! вы слышали, что моя кузина бѣжала отъ мужа?— это былъ тоже несчастный бракъ.»—Тутъ-то и начинается бросанье грязью въ кузину. Также сплетничала и госпожа Соколова, она даже брала меня съ собою въ гости, какъ живое свидѣтельство правдивости ея разсказовъ о нашей семьѣ, и не стѣснялась тѣмъ, что я не для развозовъ, а для ученья былъ отданъ въ ея школу. Мои родители не подозрѣвали сущности этихъ скандальныхъ исторій, но все-таки сердились на воспитательницу за то, что она приглашала меня съ собой въ гости, отнимая время у моего ученья. Черезъ годъ меня взяли изъ школы, видя безполезность моего пребыванія въ ней. Неучемъ вступилъ я въ нее, неучемъ вышелъ я, неучемъ и остался бы, пробывъ въ ней десятокъ лѣтъ; но сперва я не зналъ, что такое есть наука, теперь же я ее называлъ мукою и начиналъ ненавидѣть, злобно ненавидѣть.

Госпожа Соколова обидѣлась поступкомъ моихъ родителей, прискакала къ нимъ на квартиру, надѣлала дерзостей, объявила, что я лѣнивъ и отъ лѣности не сдѣлалъ успѣховъ въ ученьи, и что они люди необразованные, низкаго происхожденія и потому неблагодарные. Разумѣется, барынѣ показали, гдѣ въ нашей квартирѣ находилась дверь. За что должны были мои родители благодарить ее, я не могу и донынѣ придумать; но, желая поправить ихъ ошибку, спѣшу принести вамъ, госпожа Соколова, искреннюю мою благодарность. Вы научили меня понимать всю гадость подобныхъ вашей школъ. Дай вамъ Богъ здоровья, много лѣтъ счастливой жизни и поменьше учениковъ! Ищите новыя средства для поддержки своей жизни: побирайтесь подаяніемъ щедрыхъ людей, румяньте свое изношенное лицо, торгуйте своимъ грѣшнымъ тѣломъ, если оно кому-нибудь нужно, — но ради всего святого (вѣдь есть же что-нибудь святое и для васъ!)—не учите несчастныхъ дѣтей! Вамъ все простится на томъ свѣтѣ, слышите: все! но ни тамъ, ни здѣсь не простится вамъ то, что вы заѣдали изъ-за

Digitized by Google

куска насущнаго хлѣба сотни свѣжихъ дѣтскихъ умовъ, вселяли въ нихъ отвращеніе къ наукѣ, этому свѣту міра, доводили ихъ скукою до мелкаго торгашества, до первыхъ проявленій беззастѣнчиваго уличнаго разврата. Закрывайте же скорѣй свою школу: она отжила свой вѣкъ.

VIII.

Вступленіе въ новый міръ.

— Куда отдать Сашу?

Вотъ вопросъ, который занялъ моихъ родителей. Попытка отдать въ гимназію не удалась. Дѣти крѣпостныхъ людей капельдинеровъ и придворныхъ служителей въ гимназіи не принимались безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ ихъ обществъ; объ этой опалѣ гласилъ первый параграфъ программы для вступленія дѣтей въ гимназію. Исключить изъ придворнаго вѣдомства было не трудно, но отецъ задалъ себѣ слѣдующій вопросъ: «что-де будетъ дѣлать Саша, если я умру прежде окончанія его образованія, или если ему не пойдетъ въ голову наука? Куда онъ опредѣлится на службу?» Мысль объ отдачѣ меня въ гимназію была отложена въ сторону.

— Однако, что же мы станемъ дѣлать? какъ дадимъ ему образованіе?—спрашивала матушка.

— Наймите учителей,—совѣтовала бабушка:—домашнее воспитаніе лучше, онъ будетъ всегда у васъ на глазахъ, манеръ мѣщанскихъ не наберется.

— Что вы, матушка, толкуете о домашнемъ воспитаніи! для этого нужны большія деньги,—молвилъ отецъ, пожимая плечами.

— Не Богъ знаетъ, какія деньги! Я буду вамъ помогать, буду...

— Вы?.. Нѣтъ, вашъ планъ никуда не годится,—съ улыбкой прервалъ ее отецъ и вспомнилъ, что кто-то говорилъ ему о прекрасномъ воспитаніи дѣтей въ иностранной N—ской школѣ. Рѣшились толкнуться туда, и черезъ мѣсяцъ я поступилъ въ училище. Вступилъ я въ него съ глубочайшимъ отвращеніемъ къ наукѣ. «И на что нужна эта проклятая наука,—думалось мнѣ,—какое мнѣ дѣло до сравнительной степени именъ прилагательныхъ и до страдательнаго залога?»

Училище находилось въ центрѣ города, ходить туда изъ Измайловскаго полка было далеко, и отцу пришлось нанять квартиру поближе. Новая квартира была дороже старой,

Digitized by Google

плата въ училище тоже была значительна, все это не остановило и не смутило отца, получавшаго 16 рублей 64 копѣйки серебромъ мѣсячнаго жалованья, изъ котораго дѣлались вычеты за разныя пропажи.

— Теперь надо, Соня, намъ работать,—говорилъ онъ:— полно жить для себя.

Онъ воображалъ, что они когда-нибудь жили для себя.

— Что-жъ, Вася, за мной дѣло не станетъ, были бы заказы,—отвѣчала матушка.

И вотъ два человѣка принялись трудиться, не разгибая спины, чтобы вырастить одного.

Отецъ въ свободные дни прилежно занимался столярною работою, дѣлалъ на продажу бритвенные ящики, клѣтки и другія мелкія вещи. Мать шила. Помню я до сихъ поръ, какъ въ темные зимніе вечера, когда я, бывало, окончивъ уроки, усну на своей постелькѣ, а она еще все сидитъ и и шьетъ, спокойная, безмятежная. Какъ я любилъ ея кроткое, худенькое личико; какъ тихъ былъ ея поцѣлуй, какъ она, сложивъ работу и уходя спать, на цыпочкахъ подходила ко мнѣ, крестила меня и тихо, осторожно прижимала свои горячія губы къ моей дѣтской головкѣ. Часто не спалъ я въ эти минуты и только оттого не отвѣчалъ поцѣлуями на ея поцѣлуй, чтобы не дать ей повода думать, что она неосторожно разбудила меня, или что я не сплю отъ нездоровья; я жмурилъ глаза, притворялся спящимъ и чувствовалъ, что она стоитъ надо мною, заслонивъ свѣчу рукой, и долго, долго любуется моимъ лицомъ. О, святыя, благодатныя мгновенья, полныя кроткой материнской любви! не вы ли сдѣлали меня лучшимъ, чѣмъ я былъ? не вашъ ли свѣтъ запалъ въ мою душу и навсегда согрѣлъ ее, научилъ любить все достойное любви и прощать недостатки людей, никогда не вѣдавшихъ ея благотворнаго вліянія?

Въ одно сентябрьское утро меня разбудили ранѣе обыкновеннаго. Мнѣ было приготовлено чистое бѣлье и тщательно вычищенныя курточка и брючки. Когда я одѣлся, матушка заботливо сняла съ моего платья нѣсколько пушинокъ, приставшихъ къ нему, напомадила и начала приглаживать мои волосы, что въ другое время обыкновенно дѣлалъ я самъ.

— Не очень охорашивай его, Соня, не на балъ ѣдетъ,— замѣтилъ отецъ.

Мы напились чаю и стали собираться идти въ школу.

— Я думаю, еще слишкомъ рано,—сказалъ отецъ, глядя на часы.

Digitized by Google

— Мы сперва въ церковь зайдемъ,—отвѣчала матушка.

— Ну, это твое дѣло; если такъ нужно, то заходи.

Я и матушка пошли. По дорогѣ зашли въ храмъ, поставили свѣчу свв. Козьмѣ и Демьяну, матушка помолилась, я разсѣянно приложился къ иконѣ и мысленно былъ въ училищѣ, куда черезъ нѣсколько минутъ попалъ и въ самомъ дѣлѣ.

Въ узкомъ коридорѣ большого каменнаго зданія, гдѣ помѣщалась школа, шумѣли и суетились толпы воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ, сословій и вѣроисповѣданій. Пробравшись не безъ труда и толчковъ сквозь пеструю массу мелкаго народа, отцовъ еще существующаго поколѣнія, мы вошли въ пріемную комнату. Матушка подошла со мною къ директору училища, сидѣвшему за большимъ письменнымъ столомъ, около котораго съ газетами и книгами въ рукахъ сидѣли и стояли учителя: въ училищѣ ихъ и счету не было. Директоръ, г. Сарторіусъ, вѣжливо раскланялся съ матушкою и заговорилъ съ нею по-нѣмецки; она объяснила, что не говоритъ на этомъ языкѣ; директоръ поспѣшилъ объясниться по-французски, коверкая каждое слово и выговаривая je, какъ *ше*.

— Вы поступаете въ младшій классъ,—обратился онъ ко мнѣ.

Въ эту минуту раздался рѣзкій, продолжительный звонъ колокольчика. Я вздрогнулъ.

— Теперь пора въ классъ,—сказалъ директоръ.

Я наскоро простился съ матушкою и пошелъ за Сарторіусомъ. Пройдя длинный коридоръ и завернувъ за уголъ, мы подошли къ дверямъ со стеклами. Школьный служитель, Schuldiener, исправлявшій въ числѣ другихъ обязанностей и обязанность палача, отворилъ передъ нами дверь, и директоръ ввелъ меня въ классъ, гдѣ уже начались занятія. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ учителемъ, директоръ вышелъ.

Я стоялъ съ потупленною головою, смутно слыша сдержанный смѣхъ и шопотъ учениковъ.

— Тише!—крикнулъ учитель и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, какъ моя фамилія: онъ ее уже зналъ отъ директора, но исполнялъ въ точности роль допросчика.

— Рудый,—тихо отвѣчалъ я.

— А! русакъ! нашъ братъ. Хорошо, что ты попалъ въ мой часъ, я тебѣ и друга хорошаго дамъ, тоже изъ русскихъ. Розенкампфъ! — позвалъ учитель одного изъ учениковъ:—вотъ тебѣ другъ; слушай его, сиди съ нимъ вмѣстѣ

Digitized by Google

въ мои часы; это примѣрный ученикъ,—говорилъ Саломірскій (такъ звали учителя), указывая мнѣ на ученика, подошедшаго къ каѳедрѣ. Я рѣшительно не зналъ, что значитъ быть чьимъ-нибудь другомъ и какъ имъ сдѣлаться. «Если ты мнѣ другъ, то купи билетъ на мою лотерею», говорили одинъ другому воспитанники госпожи Соколовой; отъ нихъ же слышалъ я еще слѣдующія фразы со словомъ другъ: «хорошъ же ты другъ, всѣ свои пряники одинъ слопалъ!» или: «какой ты другъ, и подсказать-то мнѣ не могъ!» Подъ вліяніемъ этихъ понятій о дружбѣ, я робко взглянулъ на моего будущаго друга и примѣрнаго ученика.

Первое, что меня поразило въ примѣрномъ ученикѣ, была необыкновенная блѣдность его лица; въ немъ не было ни кровинки; худое, миніатюрное, оно окаймлялось черными волосами, весьма гладко приглаженными, и только у пробора какъ-то затѣйливо поднимался непокорный вихоръ, точно онъ хотѣлъ сказать каждому встрѣчному: дудки, братъ, меня не приглаживать! Изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ зорко глядѣли сощуренные черные глаза, а по губамъ пробѣгала недѣтская, отталкивающая усмѣшка. Встрѣтясь съ этимъ мальчикомъ въ саду или у знакомыхъ, я не подошелъ бы къ нему съ радушнымъ предложеніемъ поиграть; но тутъ, противъ воли, приходилось сдѣлаться его другомъ.

— Садись на мѣсто,—сказалъ Розенкампфъ и пошелъ со мною къ задней скамьѣ.—Ты не вздумай, и въ самомъ дѣлѣ, послушать этого дурака и сдѣлаться моимъ другомъ,—шепнулъ онъ мнѣ дорогою.

Мы сѣли; кто-то сбоку успѣлъ ущипнуть меня за руку, спросивъ о цѣнѣ сукна на моей курточкѣ; мнѣ было очень больно, но я не поморщился. Учитель диктовалъ, выкрикивая слово за словомъ и шагая изъ угла въ уголъ. По окончаніи диктовки, онъ отобралъ тетради учениковъ, связалъ ихъ веревкой и началъ вызывать по фамиліямъ мальчиковъ, заставляя ихъ отвѣчать наизусть заданныя имъ басни и стихотворенія. До моего слуха долетали слова: «двойка», «единица», «нуль», «я тебя запишу въ тадель».

— Зачѣмъ записываютъ въ тадель?—спросилъ я у Розенкампфа.

— Чтобы инспекторъ наказалъ ученика, — отвѣчалъ сосѣдъ.

— За что же наказывать?

— За то, что дурно учится или болтаетъ въ классѣ, какъ ты.

Digitized by Google

Меня разозлилъ этотъ отвѣтъ.

— Я и не думалъ болтать, я только спросилъ, что̀ значитъ тадель.

— Это можно было сдѣлать и послѣ класса.

— Кто тамъ разговариваетъ!—крикнулъ Саломірскій.

— Новичокъ, это новичокъ-съ болтаетъ, г. Саломірскій,— закричали радостными голосами нѣсколько учениковъ.

— Обнимись на первый разъ съ печкой, ступай къ ней!— сказалъ мнѣ учитель.

Я, дрожа всѣмъ тѣломъ, всталъ со своего мѣста, чтобы обняться съ печкой.

— Сиди,—шепнулъ Розенкампфъ и дернулъ меня за рукавъ; я присѣлъ.—Онъ не болталъ, г. Саломірскій,—сказалъ Розенкампфъ, фамильярно обращаясь къ учителю:— ему нужно было спросить меня о дѣлѣ, сами же вы меня ему въ друзья назначили.

— Такъ ты бы такъ и сказалъ! А вы, ябедники, сейчасъ рады насплетничать—и на кого же? на новичка! Я васъ всѣхъ заставлю съ печкой цѣловаться, шушера, мелюзга!—кричалъ Саломірскій и началъ еще болѣе ставить нулей.

Ученики, получившіе неутѣшительный баллъ, отходили отъ каѳедры съ злобными лицами. «Пьяница!»—почти вслухъ говорили они:—не выспался, вѣрно, опохмелиться хочется!» Саломірскій точно былъ пьяница. Онъ принадлежалъ къ числу многихъ безцвѣтныхъ, заѣденныхъ средою, т. е. дрянныхъ и жиденькихъ натуръ; къ учительской обязанности онъ не чувствовалъ никакой способности и все же училъ дѣтей, потому что и во всякомъ другомъ званіи онъ былъ бы не на своемъ мѣстѣ. Горе о своей негодности онъ запивалъ виномъ, злобу вымещалъ на ученикахъ бранью и нулями. По вечерамъ онъ приходилъ въ классы, шатаясь, садился на каѳедру и дремалъ, изрѣдка, спросонья, оглашая классъ криками: шушера, мелюзга, сволочь. Но дѣти не боялись его вечеромъ; они знали, что онъ не въ состояніи даже балловъ вписывать въ журналъ; расписываясь вечеромъ въ журналѣ, онъ съ трудомъ выводилъ перомъ: «Сало» и, сдѣлавъ вмѣсто остальныхъ буквъ своей фамиліи длинную чернильную черту, бросалъ перо. Учились у него плохо, выучивались немногому и въ годъ едва-едва начинали писать подъ диктовку, не дѣлая двадцати ошибокъ на каждой страницѣ. И какъ же было научиться писать, если учитель, продиктовавъ что-нибудь, отбиралъ тетради и повѣрялъ ихъ дома? дѣти вообще не имѣютъ привычки раз-

Digitized by Google

смотривать повѣренное учителемъ; взглянутъ они на подпись, гдѣ значится, сколько у нихъ ошибокъ, и сложатъ тетради; вздумай учитель продиктовать имъ то же самое, и они сдѣлаютъ тѣ же самыя ошибки. Саломірскій, какъ и многіе учителя, не понималъ этого. Неизвѣстно, почему держали его въ училищѣ и не выгоняли вонъ.

Наконецъ, послышался звонокъ. Первый часъ кончился, на десять минутъ ученикамъ давалась свобода. Въ классѣ начался шумъ и гамъ. Шумѣли болѣе всего около меня. Вопросы о достоинствѣ моего сукна, сопровождаемые щипками, и насмѣшки надъ приглаженными волосами сыпались градомъ, и уже не одна рука прогулялась по моей головѣ.

— Кто тебя вылизалъ—маменька или нянюшка?'

— Почемъ аршинъ сукна на твоей курткѣ?

— Косой заяцъ, давно ли ты изъ лѣсу?

Я сидѣлъ, какъ мокрая курица, я не зналъ ни одной фамиліи и не могъ ни у кого попросить заступничества и помощи. Розенкампфа не было въ комнатѣ. Вдругъ раздались крики: «масло жать, масло жать изъ новичка!» вся ватага бросилась на скамью, гдѣ я сидѣлъ, и меня приперли къ стѣнѣ... Въ минуту появился Розенкампфъ.

— Охота тебѣ сидѣть тутъ!—сказалъ онъ мнѣ:—здѣсь отдохнуть можно и жара нестерпимая, въ коридорѣ лучше.

Онъ взялъ меня за руку и провелъ сквозь толпу шумѣвшихъ школьниковъ въ коридоръ. На моихъ глазахъ были крупныя слезы, въ воображеніи рисовалась страшная картина выжиманья изъ меня масла. Я всхлипывалъ.

— Какой ты трусъ и неловкій!—польстилъ мнѣ Розенкампфъ, когда мы вышли въ коридоръ, и его лицо исказилось опять гадкой, недѣтской усмѣшкой. Онъ, кажется, жалѣлъ, что спасъ меня отъ выжиманья масла, хотѣлъ теперь насмѣяться надо мною.—Недостаетъ только, чтобы ты разревѣлся и пошелъ бы жаловаться на товарищей,—говорилъ онъ.

— А развѣ вы не плакали, когда васъ щипали и масло изъ васъ жали?

— Я никогда не плачу, я не такая баба, какъ ты.

Мнѣ стало досадно, и я поспѣшилъ идти обратно въ классъ.

— Не расплачься!—крикнулъ мнѣ вслѣдъ Розенкампфъ и засмѣялся.

Нѣтъ, Саша не расплакался бы, потому что въ первый

Digitized by Google

разъ въ жизни онъ былъ золъ на всѣхъ и на все. Ему самому хотѣлось побить кого-нибудь, больно побить, чтобы слышать крики о пощадѣ, видѣть чужія слезы. Скверное, еще незнакомое чувство было у него на душѣ, и если бы ему попалось въ эту минуту самое беззащитное животное, онъ прибилъ бы и его, растопталъ бы своими ногами и звонко захохоталъ бы, услышавъ его стоны. Никогда послѣ не возвращалось ко мнѣ это звѣрское чувство, но воспоминаніе о немъ осталось въ моей памяти, и теперь я чувствую, что я способенъ къ нему такъ же, какъ мой отецъ, какъ всѣ чисто-русскіе, безъ примѣси чухонщины, люди.

Впрочемъ, поколотить я не успѣлъ никого, потому что въ классъ вкатился новый учитель.

IX.

Продолженіе.

Я сказалъ: вкатился, ибо этотъ учитель болѣе походилъ на нивной котелъ, на барабанъ, на бочку, чѣмъ на существо, сотворенное по образу и по подобію Божію. Первый звукъ, произведенный этимъ созданіемъ, была звонкая оплеуха. Ее получилъ мальчуганъ, которому учитель отдавилъ въ дверяхъ ногу. Послѣ звука оплеухи послѣдовалъ оглушительный чохъ, звукъ, похожій на ударъ палкою въ сковороду. Потомъ началось сморканье, не менѣе звучное и раздирающее слухъ; при процессѣ сморканья большой платокъ учителя принялъ форму трубы... Въ классѣ царствовала тишина могилы, можно было услышать полетъ мухи, но, кажется, и мухи присмирѣли и забились въ углы. Только шелестъ листовъ школьнаго журнала, медленно переворачиваемыхъ учителемъ, нарушалъ эту мертвую тишину, и въ ней было нѣчто зловѣщее... Скверно, когда дѣти сидятъ такъ тихо въ классѣ.

— Герценъ!—сказала бочка, носившая фамилію Рейтмана.

Къ каѳедрѣ подошелъ бѣлокуренькій нѣмецъ; онъ, видимо, робѣлъ. Бочка пристально и медленно обвела его глазами и, кажется, осталась довольна, сдѣлавъ мысленное заключеніе: не знаетъ!

— Какъ по-русски: die Flinte?—спросилъ Рейтманъ.

— Ружье,—отвѣчалъ Герценъ.

— Der Kamm?

— Гребенка?

— Какъ? какъ?—обрадовался Рейтманъ.

— Гребенка?

Digitized by Google

— А! ты ничего не знаешь. Вурмъ, какъ по-русски: Der Kamm!—спрашивалъ Рейтманъ, подзывая другого ученика.

— Гребэнка,—отвѣчалъ Вурмъ.

— Ты тоже ничего не знаешь, мой другъ; останься, мой другъ, здѣсь!—Глаза учителя налились кровью и бѣгали.—Розенкампфъ, скажи имъ это слово.

— Гребенка,—отвѣчалъ Розенкампфъ.

— Das ist's, das ist's! гребенка, гребенка. Слышите вы, мои друзья, гребенка!—Учитель уже дралъ обѣими руками уши Герцена и Вурма.—Я говорилъ вамъ, что если васъ ночью спросятъ слово изъ урока, то вы должны вѣрно отвѣтить на вопросъ, перевернуться на другой бокъ и уснуть. Я вѣдь говорилъ вамъ все это тысячу разъ, мои друзья.

Уши учениковъ страдали страшно.

Такъ шелъ весь урокъ. Около каѳедры накоплялось все болѣе и болѣе учениковъ, ошибавшихся въ одной какой-нибудь буквѣ. Тутъ были перебраны: ыль, шилъ, пиль и пылъ, соломые и соломые, столъ и столь, и какъ только добирались до настоящаго выговора роковыхъ словъ, такъ сейчасъ же начиналось дранье за уши всѣхъ учениковъ, стоявшихъ у каѳедры, и повтореніе словъ: das ist's, das ist's, mein Freund! За рѣшеніемъ вопросовъ Рейтманъ обращался всегда къ Розенкампфу, какъ первому ученику въ классѣ, сидѣвшему въ немъ уже второй годъ. Розенкампфъ отвѣчалъ съ какимъ-то пренебреженіемъ и злостью, не двигаясь съ мѣста, и если только подмѣчалъ ошибку въ выговорѣ самого Рейтмана, то тотчасъ же говорилъ ему: «вы сами не такъ выговариваете». Рейтманъ багровѣлъ отъ злобы и признавался въ ошибкѣ. Розенкампфу все сходило съ рукъ.

Какъ ни страшенъ былъ учитель, какъ ни боялись ученики, что ихъ вотъ-вотъ сейчасъ вызовутъ и начнутъ драть за уши, но все же они страшно скучали и черезъ силу удерживались отъ разговоровъ и сохраняли тишину. Посреди этой тишины давно уже слышалось жужжанье мухи; неотвязчивое насѣкомое назойливо жужжало и—странное дѣло—жужжанье начало, наконецъ, возбуждать смѣхъ на задней скамьѣ.

— Что у васъ тамъ?—крикнулъ Рейтманъ по-нѣмецки и уже катился съ каѳедры и летѣлъ по классу.

Начались оплеухи, допросы и новыя оплеухи, и муха отыскалась во образѣ одного русскаго мальчугана. Виновному досталось нѣсколько звучныхъ пощечинъ и велѣно было ему, рабу Божію, и двумъ его сосѣдямъ стоять въ

Digitized by Google

продолженіе недѣли на колѣняхъ во время уроковъ Рейтмана. Такъ прошелъ второй урокъ; меня Рейтманъ заставилъ прочесть двѣ строки и объявилъ мнѣ, что я читаю по-нѣмецки хуже всякаго сапожника; больше со мною онъ не разговаривалъ.

Для полнѣйшей характеристики господина Рейтмана разскажу нѣсколько случаевъ изъ его дѣятельности. Однажды онъ забылъ дома свою табакерку, пришелъ въ классъ, позвалъ къ себѣ своего сына, поколотилъ его и велѣлъ сбѣгать домой за забытою вещью. Другой разъ по ошибкѣ далъ оплеуху одному болѣзненному мальчику, тотъ упалъ въ обморокъ. Рейтманъ поблѣднѣлъ, послалъ за водою, торопливо разстегнулъ ученику курточку и, когда тотъ пришелъ въ память, началъ ласкать мальчика, просилъ у него извиненія и заставлялъ при себѣ прибить того школьника, за котораго невинный получилъ оплеуху. Ребенокъ не согласился, и Рейтманъ имѣлъ удовольствіе собственноручно поколотить виновнаго. Бить, бить и бить было маніею бочкообразнаго господина; онъ ставилъ баллы снисходительнѣе другихъ учителей, ибо за худой баллъ ребенка наказывалъ инспекторъ, оставлявшій его въ школѣ по средамъ и субботамъ долѣе урочнаго часа, и Рейтману это не могло принести удовольствія. Онъ билъ съ увлеченіемъ, поддразнивалъ себя, искалъ случая придраться. Во дни студенчества онъ готовился въ пасторы, не выдержалъ экзамена и посвятилъ себя преподаванію нѣмецкаго языка и всеобщей исторіи. Послѣдній предметъ зналъ онъ по Беккеровой Weltgeschichte и пользоваться другими пособіями не считалъ нужнымъ. Мы зубрили у него тысячи именъ и годовъ; объ иномъ королѣ въ исторіи только говорилось то, что сей знаменитый мужъ былъ плѣшивъ, и въ нашемъ воображеніи рисовалась вмѣсто человѣка одна громадная историческая плѣшь, но все же мы были обязаны помнить о ней такъ же, какъ помнили о дѣлахъ Александра Македонскаго. Въ часы исторіи приносилась въ классъ географическая карта и длинная палка-указка; карта рѣдко шла въ дѣло, но палка безостановочно гуляла по нашимъ головамъ, вбивая въ нихъ имена и числа. Рейтманъ разсказывалъ событія съ жаромъ и, со своей точки зрѣнія, отвергалъ въ человѣкѣ свободную волю, толковалъ о предопредѣленіи, вѣроятно, вспоминая о неудачной попыткѣ сдѣлаться пасторомъ, и проповѣдовалъ Resignation: при этомъ его масляные глазки взводились къ небесамъ, то-есть къ классному

Digitized by Google

потолку, гдѣ часто виднѣлись комки жеваной бумаги и болтавшіеся чортики, и по жирнымъ щекамъ проповѣдника сочилась одинокая слезка умиленія, потомъ глазки вдругъ смахивали долу и искали, нѣтъ ли виновнаго, нельзя ли кого-нибудь побить. И вѣдь находилъ, всегда находилъ.

Этому учителю обязанъ я многими слезами, безсмысленнымъ знаніемъ всеобщей исторіи и чистымъ нѣмецкимъ выговоромъ.

Промежутокъ времени между вторымъ и третьимъ уроками прошелъ довольно сносно. Я даже не замѣтилъ, какъ вошелъ въ классъ учитель. Впрочемъ, трудно было и замѣтить; онъ какъ будто не входилъ въ классъ, а просто находился въ немъ и прежде, сидя гдѣ-то въ толпѣ учениковъ, и теперь только взошелъ на каѳедру, чтобы дѣти замѣтили его присутствіе.

— Тише, тише, дѣти!— увѣщавалъ учитель школьниковъ.

Отъ увѣщанія сдѣлалось немного тише, ученики, повидимому, не боялись этого господина. Я сталъ его разсматривать.]

Представьте себѣ безконечно-длинную, невообразимо-худую фигуру съ лицомъ, изрытымъ морщинами, съ какимъ-то бѣловатымъ шрамомъ на лбу, съ двумя клочками бѣловато-желтыхъ волосъ на ввалившихся щекахъ (нѣкоторые говорили, что эти клочки представляютъ бакенбарды) и точно такого же цвѣта хохломъ надъ лбомъ; прибавьте къ этому изображенію длинный тонкій носъ и ротъ, почти лишенный зубовъ,—и вы будете имѣть *почти* полный портретъ господина Мейера, преподававшаго въ младшихъ классахъ математику, исправлявшаго должность библіотекаря и замѣнявшаго, безъ всякаго за то вознагражденія, отсутствующихъ гувернеровъ. Еще сидя на скамьѣ, я успѣлъ разсмотрѣть это лицо, и оно поразило меня своею некрасивостью: оно было не страшно, но до крайности смѣшно. Такое смѣшное безобразіе можно найти только въ нѣмцахъ; въ Германіи вы часто встрѣтите буршей, взглянувъ на которыхъ расхохочется даже самый суровый человѣкъ, и невольно вырвется у него восклицаніе: «вѣдь создалъ же Богъ этакую потѣшную штуку!»

Мейеръ позвалъ меня къ себѣ.

— Кафаришь ты по-нѣмецки, mein Junge?—спросилъ онъ меня.

— Я по-нѣмецки не знаю,—отвѣчалъ я, стараясь не смотрѣть на его лицо.

Digitized by Google

— Ну, Богъ дастъ, выучишься. Ариѳметикъ ты изучалъ?

— Четыре правила простыхъ чиселъ знаю.

— Умѣешь считать безъ досокъ въ голова?

— Нѣтъ-съ, не умѣю.

— И это выучишься; всэ, мой дружокъ, выучишься, даже и то, чего я не знайтъ.

Нѣмецъ гладилъ меня по головѣ и ласково разсматривалъ черты моего лица. Я рѣшился взглянуть на него и, Боже мой, какіе чудесные глаза я увидалъ! Голубые, ясные, какою глубокою любовью свѣтились они изъ-подъ нависшихъ желтоватыхъ бровей! Ихъ грѣющій взглядъ ласкалъ меня такъ же, какъ его рука ласкала мои волосы. И мнѣ кажется, я не отошелъ бы во-вѣкъ отъ этого некрасиваго, смѣшного человѣка, чтобы только чувствовать на себѣ его взглядъ, быть подъ его защитой.

Вскорѣ я узналъ исторію жизни господина Мейера и постараюсь теперь же разсказать ее читателю: отдохнуть мнѣ захотѣлось.

Мейеръ родился бѣднякомъ, воспитывался въ Германіи и кончилъ курсъ наукъ въ одномъ изъ тамошнихъ университетовъ. Первымъ ученикомъ онъ нигдѣ не былъ, неспособнымъ его считали вездѣ, товарищи подшучивали надъ нимъ, и между тѣмъ что-то непреодолимо тянуло къ нему всѣхъ людей. Это что-то притягивающее проявлялось во всемъ его существѣ; но что это было—объяснить не было возможности. Къ нему приходили за совѣтами, просили его быть посредникомъ между повздорившими друзьями, желали слышать его мнѣніе о дѣятельности разныхъ людей, хотя знали, что онъ былъ однимъ изъ непрактичнѣйшихъ существъ въ мірѣ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался учителемъ математики и женился по любви. Черезъ годъ послѣ свадьбы у него родился сынъ, но его рожденіе стоило женѣ Мейера жизни. Мейеръ, почти юноша, остался съ грудянымъ младенцемъ на рукахъ, но не тяготился ничѣмъ. Сынъ росъ и учился отлично, во всѣхъ классахъ онъ былъ первымъ; настало время послѣднихъ экзаменовъ, мальчикъ сдалъ ихъ блистательно, и вдругъ занемогъ горячкою: черезъ недѣлю его не стало. Мейеръ чуть не сошелъ съ ума. Мало-помалу, онъ успокоился и, въ качествѣ домашняго учителя, уѣхалъ съ семействомъ одного барина въ Россію, черезъ три года онъ поступилъ учителемъ въ N—скую школу. Онъ любилъ всѣхъ и все, ему рѣдко платили благодарностью за любовь и смѣялись надъ нимъ всѣ: «смѣшонъ, какъ Мейеръ»,

Digitized by Google

было школьною поговоркой; но стоило Мейеру сказать, что онъ хочетъ оставить школу, и всѣ вдругъ начинали его упрашивать остаться: безъ Мейера школа была бы не полна. Онъ вѣчно рылся въ библіотекѣ, читалъ всѣ педагогическія книги и писалъ проекты воспитанія дѣтей; проекты выходили крайне гуманны и честны, но совершенно непрактичны: въ людяхъ Мейеръ видѣлъ какихъ-то свѣтлыхъ духовъ. Послѣ паденія каждаго проекта онъ приходилъ въ классъ необычайно грустнымъ.

— Что вы скучны, г. Мейеръ?—спрашивали его ученики.

— Мой проектъ о вашемъ счастіи не удался, я его писалъ съ такая любовь, такъ хотѣлъ вамъ изученія наукъ облегчать, и онъ палъ!—отвѣчалъ Мейеръ и вечеромъ душилъ пансіонеровъ чтеніемъ извлеченій изъ проектовъ.

Ученики такъ привыкли къ этому, что, наконецъ, прямо спрашивали Мейера, если онъ былъ грустенъ:

— Что, г. Мейеръ, вѣрно вашъ проектъ палъ:

— Палъ!—качая въ раздумьѣ головою, отвѣчалъ старикъ; виноватъ! я хотѣлъ сказать: старое дитя.

Только однажды ученики ошиблись; на ихъ обычный вопросъ учитель отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я еще не имѣлъ честь представлять высокой конференціи свой проектъ, но моя канарейка улетѣлъ!..

И у Мейера навернулись на глаза слезы. Онъ страстно любилъ птицъ. Въ этотъ разъ впервые высказалась вполнѣ любовь учениковъ къ учителю. Они, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили единогласно, что надо купить Мейеру новую канарейку, и на другой день у него разомъ появилось пять штукъ канареекъ. Не мало было смѣху при видѣ его радости! Онъ переходилъ отъ одной птички къ другой, слушалъ ихъ пѣніе, разговаривалъ съ ними на разныхъ языкахъ. «А твой вѣрно не знайтъ по-нѣмецки, я съ тобой будетъ по-русски объясняйтся», говорилъ онъ, и, наконецъ, сказалъ ученикамъ:

— Сегодня мой самый спасливый день. Сегодня я херой!

Это слово вызвало всеобщій смѣхъ, и Мейеръ навсегда получилъ названіе героя. Но съ этого дня онъ совсѣмъ пересталъ оскорбляться насмѣшками и еще болѣе полюбилъ дѣтей-учениковъ. Часто отстаивалъ онъ насъ своею грудью... Даже паденіе его проектовъ дѣйствовало на него менѣе грустно, чѣмъ прежде.

— Когда-нибудь мои проекты примутъ,—говорилъ онъ:— и я буду спасливъ.

Digitized by Google

— Героемъ будете?—зубоскалили ученики.

— Да, героемъ,—отвѣчалъ Мейеръ...

Возвращаюсь къ занятіямъ третьяго часа.

Мейеръ задавалъ задачи, и ученики должны были рѣшать ихъ въ умѣ, безъ помощи досокъ, тетрадей, грифелей и карандашей. Задачи Мейеръ выдумывалъ очень интересныя, часто это были цѣлые анекдоты, и вообще онъ приспособлялъ ихъ къ нашимъ дѣтскимъ понятіямъ. Ученики смѣялись, каждый спѣшилъ поскорѣе рѣшить задачу, всѣ были оживлены и веселы. Это былъ не урокъ, но игра, болѣе полезная, чѣмъ всѣ уроки съ громкою бранью, оплеухами и выговорами. Я успѣлъ въ этотъ урокъ рѣшить скорѣе другихъ одну задачу, замаскированную Мейеромъ въ большой анекдотъ, и онъ назвалъ меня молодцомъ, утѣшивъ снова тѣмъ, что я буду знать даже то, чего онъ не знаетъ.

Послѣ звонка бо́льшая часть учениковъ разошлась по домамъ, пансіонеры пошли обѣдать и послѣ обѣда побѣжали на дворъ играть. Я съѣлъ свой скромный завтракъ, состоявшій изъ булки съ масломъ и сыромъ, и тоже пошелъ гулять на школьный дворъ, гдѣ шумѣли и кричали ученики всѣхъ классовъ, летали мячи, взмахивались палки и иногда жалобно взвизгивали собаки, случайно попавшія въ страшную кутерьму разыгравшихся дѣтей.

X.

Продолженіе.

На дворѣ я сѣлъ на ступеньку школьнаго надворнаго крыльца и задумчиво смотрѣлъ на играющихъ дѣтей. Мнѣ было скучно и грустно, но я не желалъ вмѣшиваться въ ихъ пеструю толпу—она была слишкомъ шумна, я не привыкъ ни къ какому шуму, ни къ веселому, въ родѣ игры, ни къ печальному, въ родѣ драки. Въ моей головѣ носились какія-то смутныя мысли: «что́ было бы со мною,—думалось мнѣ, — если бы изъ меня выжали масло? Я вдругъ сдѣлался бы тоненькимъ-претоненькимъ. И неужели изъ каждаго-то человѣка здѣсь выжимаютъ масло? Изъ Рейтмана, я думаю, не выжимали, оттого онъ и толстый такой. Однако, какой же онъ злой! всѣхъ онъ колотитъ. Если онъ меня поколотитъ, то я Мейеру пожалуюсь; славный этотъ Мейеръ, только какой онъ смѣшной и худенькій; ему не справиться съ Рейтманомъ, вотъ мой папа такъ справится: лучше я ему на Рейтмана пожалуюсь. А что-то дѣлаетъ

Digitized by Google

теперь папа? Строгаетъ, я думаю, что-нибудь или обо мнѣ съ мамашей разговариваетъ; можетъ-быть, и бабушка у насъ... Сбѣгать бы домой». Мои мысли, мало-по-малу, унеслись домой, и мнѣ стало еще скучнѣе: три часа, которые я долженъ былъ просидѣть въ училищѣ, представлялись мнѣ въ видѣ трехъ дней, даже болѣе. Наконецъ, меня вывелъ изъ задумчивости разговоръ двухъ мальчиковъ, проходившихъ по двору.

— Новичокъ?—спрашивалъ одинъ изъ нихъ у другого. — Какъ его фамилія?

— Рудый,—отвѣчалъ другой: это былъ Розенкампфъ.

— Русскій, значитъ, къ батькѣ полку прибыло.

— Да только, вѣрно, не въ нашъ классъ, а въ младшій.

— Вотъ мы его сейчасъ проэкзаменуемъ, такъ и увидимъ, въ который классъ онъ пойдетъ.

— Рудый, ты знаешь что-нибудь изъ Закона Божьяго?— спросилъ ученикъ, говорившій съ Розенкампфомъ.

Это былъ довольно большой мальчикъ изъ старшаго класса, съ темнорусыми волосами, съ открытымъ лицомъ и не по лѣтамъ мужественный; верхняя губа у него покрывалась легкимъ пушкомъ.

— Знаю краткій катехизисъ и Ветхій Завѣтъ по пространной исторіи, больше ничего не знаю, — отвѣчалъ я и почему-то разсердился.

— А молитвъ не знаешь? — спросилъ, смѣясь, большой ученикъ, показавъ мнѣ два ряда бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ.

— Молитвы и пятилѣтнія дѣти знаютъ, а мнѣ десять лѣтъ.

— Ого! какой старикъ, да еще и сердитый.

— Лучше быть сердитымъ, чѣмъ смѣяться надъ новичками.

— Такъ ты пожаловался бы на тѣхъ, кто надъ новичками смѣется, — сказалъ большой ученикъ и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Не тебѣ ли?—спросилъ я.

— Хоть бы и мнѣ. Вѣдь я старшій ученикъ въ классѣ у батьки и первый силачъ въ школѣ.

— Тѣмъ лучше для тебя,—отвѣтилъ я, и всталъ со ступеньки, чтобы идти въ классы.

— За что же ты злишься, Рудый?—спросилъ неотвязчивый школьникъ и удержалъ меня за рукавъ.

— Оттого, что мнѣ скучно, оттого, что ты и Розенкампфъ смѣетесь надо мной, оттого, что вы мнѣ надоѣли!

Digitized by Google

Голосъ мой начиналъ дрожать отъ подступавшихъ къ глазамъ слезъ.

— Сейчасъ заплачетъ, — улыбаясь, промолвилъ Розенкампфъ.

— Нѣтъ, не заплачу! Ты глупый мальчишка!—крикнулъ я и побѣжалъ къ играющимъ дѣтямъ.

— Новичокъ, новичокъ! не хочешь ли въ городки играть? Да какъ тебя зовутъ?

— Александръ Рудый,—отвѣчалъ я, и согласился играть въ городки съ незнакомымъ мнѣ мальчуганомъ.

Первый шагъ былъ сдѣланъ, игра меня разсѣяла, и въ часъ свободнаго времени я научился играть и въ городки, и въ лапту. Черезъ часъ послышался призывный звонокъ, и мы всѣ побѣжали въ классы, гдѣ уже собрались вольноприходящіе ученики, уходившіе домой. Я былъ красенъ, какъ ракъ, мои волосы взбились и безпорядочно лежали на головѣ, съ лица лилъ крупный потъ, грудь широко дышала. Мнѣ было весело и хорошо.

— Наигрался! Теперь пойдемъ въ классъ къ попу,— сказалъ мнѣ ученикъ, говорившій со мной на дворѣ. — Да не будь такимъ злымъ и плаксой, плачутъ только старыя бабы,—тѣ всегда хнычутъ.

И ученикъ представилъ предо мною, какъ хнычутъ старыя бабы; онъ былъ сорви-голова и весельчакъ.

— Не будешь плакать, и смѣяться надъ тобой не станутъ.

— Пускай смѣются, я и самъ умѣю смѣяться, — весело отвѣчалъ я.

— Молодецъ! Лучше смѣяться, чѣмъ плакать.

Мы вошли въ комнату, въ которой обыкновенно давалъ уроки священникъ. Всѣ православные школьники раздѣлялись у него на два класса, на младшій и старшій; я поступилъ въ старшій, потому что былъ далекъ въ знаніи Священной Исторіи. Наконецъ, явился и священникъ.

— Нѣтъ ли иновѣрцевъ? — спросилъ онъ, выговаривая твердо на *о* и расчесывая широкимъ гребнемъ жиденькую бороду.

— Есть, батюшка.

— Иновѣрцы, выходите вонъ.

— Мы не будемъ шумѣть, батюшка.

— Врете вы, иновѣрцы, все вы врете; опять пакость какую ни на есть сотворите. Поди-ко карты притащили въ штанахъ?

Digitized by Google

— Ей-Богу-съ, батюшка, картъ нѣтъ; хоть обыщите, — увѣряли иновѣрцы.

— Ну, ну, не божитесь! Въ законѣ сказано: грѣхъ божиться. Сидите смирно,—не то всѣхъ къ порогу поставлю.

Православные хохотали, хотя весь этотъ разговоръ они слышали отъ слова до слова разъ сто; священникъ, кряхтя, усѣлся на свой стулъ и началъ спрашивать уроки. Классъ прошелъ довольно мирно; священникъ былъ добрякъ; бывало, обругаетъ кого-нибудь кочнемъ капустнымъ, да тѣмъ дѣло и кончится.

Первый школьный день окончился классами чистописанія и танцованія; эти два часа прошли вяло и скучно, и я избавлю читателя отъ чтенія ихъ описанія. Въ пять часовъ я отправился домой.

— Ну что, школа понравилась тебѣ?—спросила матушка, когда я возвратился изъ училища.

— Да, хорошо,—отвѣчалъ я, не сознавая, что было хорошаго въ школѣ, и только помышляя объ обѣдѣ.

— Не поколотили тебя?—спросилъ съ улыбкой отецъ.

— Нѣтъ, не поколотили.

— Всегда глупости выдумаетъ! Кто же смѣетъ его поколотить и за что?

Предоставляю угадать читателю, кто произнесъ эту фразу.

— Такъ, здорово живешь! Новичковъ вездѣ колотятъ,— отвѣчалъ отецъ.

— Гдѣ-нибудь въ мужицкой школѣ, у бурсаковъ, а не въ иностранномъ училищѣ.

— И тутъ, бабушка, есть мужики, — поспѣшилъ я вмѣшаться въ разговоръ:—подлѣ меня сидитъ Онуфріевъ, такъ отъ его головы коровьимъ масломъ воняетъ.

— Господи! Куда же ты попалъ? Туда, значитъ, всякую дрянь принимаютъ?—ужаснулась бабушка.

— Полноте, матушка! Не все ли равно дѣти, чьи бы они ни были? Вы же сами сердились, что Сашу не приняли въ гимназію; что же стали бы мы дѣлать, если бы его и сюда не приняли?

— Я не о Сашѣ говорю, а вотъ о томъ, отъ котораго коровьимъ масломъ воняетъ; вѣдь это значитъ, онъ-таки совсѣмъ мужикъ.

— Ну, и Саша не лучше.

— Саша не лучше? Саша? Вы помѣшались въ умѣ, Василій Александрычъ! Сына своего въ грошъ не ставятъ, съ

Digitized by Google

мужиками равняютъ, съ сиволапыми,—ну, люди! — заговорила бабушка.

Я долго слышалъ ея восклицанія, сидя за перегородкой и уничтожая обѣдъ. Я ѣлъ, какъ десять мужиковъ не могутъ ѣсть, не проголодавшись.

Первый день, проведенный мною въ новой школѣ—гниломъ болотѣ, не пробудилъ во мнѣ никакихъ ясныхъ ощущеній, мнѣ было ни весело, ни скучно: я сознавалъ только одно, что этотъ день пролетѣлъ стрѣлою. Такъ пролетѣло еще нѣсколько дней, недѣль, и, мало-по-малу, въ моемъ умѣ сложились слѣдующія мысли: учителя большею частью злы и любятъ наказывать, это я видѣлъ самъ и другіе ученики подтверждали то же; значитъ, надо прилежнѣе учиться, чтобы избѣжать наказанія. Лѣнтяи страдаютъ болѣе всѣхъ отъ учителей и отъ учениковъ. Ученики притѣсняютъ ихъ не потому, что не любятъ лѣнтяевъ, но потому, что на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся; и дѣти, и большіе рады притѣснять и поглубже втоптать въ грязь тѣхъ, кто и безъ того давнымъ-давно по уши въ грязи и не можетъ изъ нея выкарабкаться. Эта мысль не моя: ее я слышалъ отъ отца и вполнѣ согласился съ нею, вглядываясь въ школьный міръ; значитъ, надо прилежнѣе учиться. Я никакъ не соглашался въ душѣ съ мыслью отца, что я и Онуфріевъ одно и то же. Я былъ такой чистенькій, миленькій мальчикъ, я стыдился, если на моемъ сапогѣ или на курточкѣ появлялась дырка, или, что еще хуже, заплатка; на Онуфріевѣ же надѣтъ не то сюртучокъ, не то поддевка, платье это, должно быть, сшито изъ отцовскаго, ибо на немъ видны слѣды старыхъ швовъ. Мнѣ бабушка пророчила, что я буду генераломъ, а Онуфріевъ генераломъ не будетъ, его отецъ лабазникъ. Между тѣмъ мнѣ приходилось сидѣть ниже Онуфріева, иногда даже слушать его приказанія. Чтобы пересѣсть на другое мѣсто, выше его, нужно было прилежнѣе учиться. Вотъ тѣ доводы, которыми я доказалъ себѣ необходимость ученія и прилежанія.

Вамъ они нравятся, читатель? Нѣтъ? Но другихъ школа не вырабатываетъ. И вы, гдѣ бы вы ни воспитывались, руководствовались тѣми же соображеніями, учились изъ страха передъ наказаніями, изъ нежеланія подвергаться насмѣшкамъ товарищей, изъ стремленія удовлетворить свое маленькое самолюбіице самаго пошлѣйшаго свойства. Прилежаніе, вызванное подобными доводами, бываетъ всегда наружное и шаткое; ученикъ никогда не приготовитъ своего

Digitized by Google

урока, если онъ знаетъ навѣрное, что учитель не заглянетъ въ его тетрадь, и никогда не прочтетъ ни строчки, если учитель не прикажетъ, а просто замѣтитъ мимоходомъ: прочтите такую-то статью, если будетъ время. Понять пользу ученія съ другой, съ разумной стороны, удается очень и очень немногимъ дѣтямъ, умамъ-самородкамъ,—не обязаннымъ своимъ развитіемъ ни родителямъ, ни глупымъ школамъ, ни гнилымъ учебникамъ. И обыкновенно эти-то дѣти никогда не бываютъ первыми учениками въ классѣ, учителя не ставятъ ихъ въ примѣръ другимъ школьникамъ, школьники смотрятъ на нихъ съ пренебреженіемъ. Такой умъ-самородокъ былъ и у насъ въ школѣ, но о немъ теперь еще не время говорить, я его тогда еще не понималъ, какъ не понимала его и вся школа; впрочемъ, мнѣ первому удалось разгадать эту личность, и рѣдко кого любилъ я такъ, какъ любилъ ее: въ ней были первыя струи свѣжаго воздуха, пахнувшія мнѣ въ лицо...

XI.

Благодѣтельное вліяніе сильно развитаго воображенія.

Кромѣ этихъ общихъ школьныхъ доводовъ, доказывающихъ пользу ученія, были у меня и другіе.

До сихъ поръ я жилъ въ узенькомъ семейномъ кругу, и большею частію между женщинами, всегда видя однѣ заботы о насущномъ хлѣбѣ, слыша одни разговоры о дороговизнѣ и вѣчныя жалобы бѣдныхъ знакомыхъ. Съ другой стороны, вѣчно-невозмутимое, вѣчно-спокойное лицо отца какъ будто намекало мнѣ, что въ жизни есть что-то *хорошее*, что до этого *хорошаго* можетъ дожить человѣкъ. Добылъ ли отецъ это *хорошее*, не было ли у него въ запасѣ клада, которымъ онъ могъ располагать въ случаѣ нужды,— я не зналъ; но мнѣ казалось, что у отца есть кладъ. Отъ бабушки я слышалъ, что я могу быть богатымъ и генераломъ, что въ этомъ состоитъ счастіе жизни и, чтобы его достигнуть, надо только кончить ученье и начать служить. Отецъ тоже говорилъ: учись — человѣкомъ будешь! То-есть, генераломъ буду, рѣшилъ я мысленно и рѣшился учиться, во что бы то ни стало. Каково было привести въ исполненіе эту рѣшимость?

Дѣти, выросшія въ одиночествѣ, слышавшія множество волшебныхъ сказокъ и повѣрившія пророчествамъ близкихъ людей о будущемъ счастіи, вообще склонны къ задумчивости и мечтательности. Имъ тяжело принудить себя учить

Digitized by Google

наизусть разную сушь школьныхъ учебниковъ, и они часто невольно дѣлаются лѣнтяями. Я испыталъ это на себѣ.

Бывало, сижу я на креслѣ, въ углу нашей комнаты, и зубрю слова и фразы. Der reiche Palast — богатый дворецъ—der reiche Palast, der reiche Palast, твержу я уже безсознательно; мнѣ надоѣло это слово, и въ воображеніи моемъ начинаетъ рисоваться богатый дворецъ со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и блескомъ; расхаживаютъ по его заламъ чудныя женщины, одѣтыя въ бархатъ и атласъ, скользятъ по паркету мужчины со звѣздами на груди, въ вышитыхъ кафтанахъ, бѣгаютъ хорошенькіе пажи. И вижу я себя входящимъ въ этотъ дворецъ, и всѣ улыбаются мнѣ, привѣтствуютъ меня: я герой. Что же далѣе? Этого-то далѣе я и не могу вообразить себѣ. Мнѣ кажется, что всѣ мнѣ удивляются, всѣ меня привѣтствуютъ, а я хожу и хожу по залáмъ, и говорю со всѣми окружающими, пожимаю имъ руки и... И тянется эта однообразная картина долго, очень долго, глаза мои безцѣльно устремляются вдаль, гораздо далѣе противоположной стѣны нашей комнаты: она исчезаетъ и не мѣшаетъ мнѣ; передо мною разстилается какая-то волшебная страна; это не широкое пространство синяго моря съ его блестящими при солнечномъ свѣтѣ волнами, не великолѣпная, сочной травой поросшая, гуливымъ вѣтромъ волнуемая степь, не горы съ снѣговыми вершинами, пугающія человѣческіе взоры своими громадными размѣрами,—всѣхъ этихъ чудесъ природы я не видалъ, не зналъ ихъ безсмертной красоты; въ моей волшебной странѣ несутся и движутся волшебные замки безъ основаній, которые можетъ построить только фантазія ребенка, мечутся образы безъ ясныхъ очертаній, сливаясь съ прозрачно-голубымъ, какъ утренній туманъ, волнистымъ воздухомъ...

— Что, сынушка, выучилъ урокъ?—весело спрашиваетъ меня отецъ.

— Нѣтъ,—очнувшись, отвѣчаю я сконфуженнымъ голосомъ.

— О чемъ же задумался?—уже заботливо говоритъ отецъ, и я знаю, что въ его головѣ промелькнула мысль: здоровъ ли онъ, не нужно ли ему чего?

Сейчасъ его рука пощупаетъ мою голову: не горяча ли?

— Я твердилъ слова на память,—начинаю я лгать своему доброму, чудесному отцу и поспѣшно наклоняюсь къ книгѣ, чтобы скрыть яркій румянецъ стыда, а въ головѣ мель-

Digitized by Google

кает мысль: какой я лгунъ! какой я лѣнтяй! Завтра Рейтманъ придетъ въ классъ, и я не буду знать урока. Онъ меня оставитъ до семи часовъ въ школѣ; всѣ будутъ смѣяться, когда онъ станетъ мнѣ уши драть. Больше всѣхъ посмѣется Розенкампфъ, онъ мнѣ рукою носъ сдѣлаетъ, длинный носъ...

И снова я готовъ замечтаться по поводу длиннаго носа, я уже протянулъ въ умѣ до безконечности слово длинный и, кажется, соображаю, какъ онъ будетъ длиненъ... Но вотъ отецъ роняетъ на полъ рубанокъ. Я вздрагиваю и, какъ испуганныя птицы, Богъ вѣсть куда, несутся мои дѣтскія сонныя грезы; глаза приковываются къ книгѣ.

Много силъ, много даромъ потраченнаго времени потребовалось для того, чтобы побѣдить не въ мѣру развитое воображеніе, чтобы твердо преслѣдовать одну цѣль: учиться. Сколько наказаній, брани вынесъ я отъ учителей, сколько разъ рыдалъ я отъ боли въ надранныхъ до крови ушахъ, а когда меня высѣкли за лѣность... развѣ думалъ я пережить этотъ день!.. Я кусалъ себѣ руку во время зубренья уроковъ, чтобы эта боль мѣшала мнѣ мечтать о постороннемъ... Правда, я уже въ мартѣ мѣсяцѣ того же года былъ третьимъ ученикомъ въ классѣ, но чего мнѣ это стоило! Господи, чего мнѣ это стоило! Какую страшную борьбу выдержалъ я, и только и есть въ ней отраднаго то, что я понялъ силу своего характера. Но для чего развивали мое воображеніе? Для чего развиваютъ его во всѣхъ дѣтяхъ?

Родится и растетъ почти половина всѣхъ бѣдныхъ дѣтей нашей матушки Россіи въ душныхъ городахъ, гдѣ служатъ ихъ отцы-труженики, не видятъ они природы, оживляющей все существо человѣка и отрезвляющей его умъ, разсказываютъ имъ волшебныя сказки, пріучая ихъ умъ создавать несуществующіе міры съ большеголовыми карлами, разъѣзжающими подъ шапкою-невидимкою на коврахъ-самолетахъ, на крылатыхъ волкахъ, говорятъ дѣтямъ о серебряныхъ деревьяхъ съ золотыми плодами, объ Иванѣ-царевичѣ, спасающемъ изъ терема Кащея Безсмертнаго красавицу Царь-дѣвицу и въ то же время баюкаютъ ихъ, полусонныхъ, пѣснею: «вырастешь большой, будешь въ золотѣ ходить». И вотъ грезится ребенку, что и онъ счастливый и всесильный Иванъ-царевичъ, что и у него коверъ-самолетъ и шапка-невидимка, и весело ребенку... Чудныя сказки! знакомятъ онѣ человѣка съ могучей народной фантазіей, но не дай Богъ никому испить одуряющаго вина, не отвѣдавъ

Digitized by Google

свѣжей ключевой воды, познакомиться прежде со сказкою, чѣмъ съ природою и дѣйствительною жизнью. Въ сказкахъ поэзія, но она слишкомъ бьетъ въ глаза, ослѣпляетъ ихъ и послѣ нея трудно трезво глядѣть на міръ и понимать его дѣйствительную красоту, понимать, что желтый листъ, трепещущій на вѣткѣ въ позднюю осень, въ тысячу разъ красивѣе неподвижныхъ серебряныхъ листьевъ и золотыхъ плодовъ, что простая и дымная изба мужика съ его трудовой жизнью въ милліонъ разъ занимательнѣе и ярче всѣхъ похожденій по воздуху небывалыхъ героевъ. И тотъ, кто въ дѣтствѣ былъ убаюканъ этими волшебными сказками и спотворными пѣснями, можетъ-быть, во всю жизнь будетъ повторять изношенную и затертую слезливыми поэтами фразу: «наша безцвѣтная жизнь, нашъ холодный міръ!»

Въ семь мѣсяцевъ, невѣдомой постороннимъ людямъ, внутренней борьбы я пересталъ играть въ лапту и въ городки; два часа обѣденнаго времени употреблялись мною на ученье, и ихъ мнѣ было мало, я едва справлялся съ приготовленіемъ уроковъ. Посреди шумной и беззаботной толпы школьниковъ, я снова былъ одинокимъ и тоскующимъ ребенкомъ, медленно побѣждалъ я себя, и когда побѣда была одержана, когда ученье пошло легко, тогда я не зналъ, куда дѣть два часа свободнаго времени; играть на дворѣ я отвыкъ и не понималъ, что игра можетъ разсѣять и заставить забыть пережитое время. Я сильно скучалъ, въ душѣ было какое-то утомленіе и раздражительность, мнѣ часто хотѣлось плакать. Между тѣмъ и время сдѣлало свое дѣло. Ребенокъ тѣмъ веселѣе, чѣмъ больше у него товарищей, но какъ только начинаетъ онъ переходить къ юности, то тотчасъ же является у него потребность найти одного человѣка и назвать его другомъ, быть всегда вмѣстѣ съ нимъ, жить душа въ душу до тѣхъ поръ, покуда не придетъ новая степень развитія, когда другъ дѣлается снова товарищемъ, и на его мѣсто является женщина. Я вступилъ во второй періодъ развитія, періодъ стремленія къ чистѣйшей и искреннѣй дружбѣ. Это самая поэтическая пора человѣческой жизни; чисты и безкорыстны въ это время всѣ наши стремленія; оно продолжается отъ одиннадцати лѣтъ до шестнадцати, иногда до восемнадцати. Жалки люди, рано очерствѣвшіе и не испытавшіе на себѣ прелести этого періода. Друга по сердцу я еще не находилъ...

Былъ ясный апрѣльскій день; воздухъ, еще не совсѣмъ теплый, согрѣвался яркими лучами солнца; на дворѣ до-

Digitized by Google

таивалъ послѣдній снѣгъ, и мутными волнами съ веселымъ шумомъ бѣжали и стекались въ канавку ручьи воды; различные звуки яснѣе и громче раздавались въ воздухѣ и замирали такъ медленно, какъ будто желали доставить человѣку удовольствіе вполнѣ насладиться гармоніей говорливой городской жизни, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ глухой, безотвѣтно поглощающей звуки зимы. На школьномъ дворѣ весело играли ребятишки, шлепая по грязи и выбрызгивая ногами во всѣ стороны мутную воду, собравшуюся въ канавкахъ. Я сидѣлъ опять, какъ въ первый день моего поступленія въ школу, на ступенькѣ училищнаго крыльца, уперся локтями въ колѣни и опустилъ на руки голову.

— Отчего ты не играешь?—спросилъ меня Розенкампфъ, подходя ко мнѣ.

— Вы знаете, что я никогда не играю,—отвѣчалъ я, не поднимая головы.

— Такъ ходилъ бы съ кѣмъ - нибудь по двору, одному сидѣть скучно.

— Съ кѣмъ же ходить? всѣ играютъ.

Я поднялъ голову и посмотрѣлъ на Розенкампфа; у него было въ эту минуту доброе, ласковое лицо.

— Пойдемъ со мною.

— Пойдемте.

Я всталъ.

— Да для чего ты говоришь мнѣ: вы?

— Вы старшій ученикъ въ классѣ, и вамъ всѣ обязаны говорить: вы.

— А ты говори мнѣ: *ты*, потому что я тебя люблю,—сказалъ Розенкампфъ, и въ первый разъ на его блѣдныхъ щекахъ я увидѣлъ легкій румянецъ.

Мы взялись подъ руки и пошли ходить по двору; я нашелъ друга.

— Отчего ты почти годъ не хотѣлъ подружиться со мною?—спрашивалъ я своего перваго друга.

— Оттого, что я не зналъ, какъ ты будешь вести себя и учиться; вѣдь пьянюшка - Саломірскій навязываетъ мнѣ въ друзья каждаго новичка.

— Значитъ, ты не хочешь дѣлать по его?

— Какой ты смѣшной! Развѣ можно со всякимъ дружиться?—Одинъ изъ друзей, данныхъ мнѣ Саломірскимъ, былъ Онуфріевъ; на третій же день онъ укралъ у меня книгу.

— Ты пожаловался на него?

Digitized by Google

— Нѣтъ, я только пересталъ говорить съ нимъ и сталъ беречь свои вещи.

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Двѣнадцатый; я старше тебя, да это все равно.—Что ты дѣлаешь дома, когда нѣтъ уроковъ?

— Рисую, а нѣтъ такъ слушаю, какъ моя бабушка исторіи разсказываетъ.

— Что же она разсказываетъ?

— Теперь про Малекъ-Аделя и Матильду разсказываетъ: это есть такая хорошая исторія,—и я началъ разсказывать хорошую исторію.

Розенкампфъ слушалъ со вниманіемъ и сказалъ, что онъ такой книги не читалъ, а что онъ читалъ «Донъ-Кихота».

— А еще что ты читалъ?

— Больше ничего не читалъ. Книги для дѣтей скучно читать, мнѣ и здѣсь надоѣли ребятишки, я вѣдь ихъ очень не люблю.

— Отчего же ты не любишь ихъ?

— Такъ, я никого не люблю. Только Мейера люблю, онъ такой жалкій, и тебя теперь люблю.

— За что же ты меня любишь?

— Потому что ты всегда одинъ и скучаешь.

Этотъ невыдуманный разговоръ пустъ и похожъ на разговоры, происходящіе въ повѣстяхъ для дѣтей: вы, Петя, умный мальчикъ, и потому я съ вами буду друженъ, говоритъ въ повѣстяхъ для дѣтей одинъ ребенокъ, и другой ему отвѣтствуетъ: мнѣ очень пріятно быть вашимъ другомъ, Коля, потому что вы благотворительный мальчикъ.—Я согласенъ, что это разговоры безжизненные, и что не такъ должны бы говорить дѣти! Но въ томъ-то и бѣда, что они говорятъ въ нашихъ городахъ именно этимъ мертвымъ языкомъ, и никто не знаетъ, какія чувства прикрываются этими бездушными фразами.

Мнѣ, по моему положенію въ свѣтѣ, пришлось близко взглянуть на дѣтей. Въ первые дни знакомства со мною, почти каждый ребенокъ являлся передо мною куколкою на пружинкѣ, заведенной родителями, безъ чувствъ, безъ мыслей, всегда готовый проплясать на какой угодно проволочкѣ приличный его возрасту танецъ. Я старался расшевелить истуканчиковъ и, послѣ долгихъ усилій, мнѣ всегда удавалось увидать въ нихъ живое, своеобразное, характерное существо. Теперь я не повѣрю никому, кто проповѣдуетъ: «какой у дѣтей характеръ, какія у нихъ чувства! Это пу-

Digitized by Google

стые капризы, мелкія безслѣдныя прихоти, они проходятъ такъ же скоро, какъ высыхаютъ дѣтскія слезы. Дѣти—безцвѣтный воскъ». Такъ, милостивые государи, дитя—воскъ, но не безцвѣтный, не одинаково гибкій. И знаете ли вы, что эти слезы, пролитыя въ дѣтствѣ, смываютъ всѣ благіе порывы въ человѣкѣ, что ни въ одномъ взрослomъ не оставляютъ онѣ такихъ слѣдовъ, какіе оставляютъ въ ребенкѣ; онѣ изсушаютъ, очерствляютъ его, убиваютъ въ немъ постепенно вѣру въ добро, дѣлаютъ его сначала врагомъ грубой няньки, озлобленныхъ товарищей, глупыхъ учителей, и потомъ врагомъ каждаго человѣка-собрата, и осаждаютъ на днѣ его души все накипающее горе, доводятъ его до безотраднаго состоянія, когда человѣкъ говоритъ: «что за дѣло другимъ до моего горя? они его осмѣютъ», и говоритъ онъ это съ сожалѣніемъ, что не фразерство, не ломанье актера, но вся сущность нашихъ человѣческихъ отношеній выработала въ его умѣ эту безотрадную мысль.

Помню я, какъ будто случай былъ вчера, когда меня пригласили учить двѣнадцатилѣтняго мальчика; рекомендовали мнѣ его за лѣниваго, упрямаго и злого ребенка. Ни того, ни другого, ни третьяго не могъ я замѣтить въ его задумчивомъ, но не сонливомъ лицѣ и въ его большихъ карихъ глазахъ. Я началъ учить; однажды прихожу на урокъ, мнѣ говорятъ, что мой ученикъ заупрямился, разозлился, и нѣтъ возможности вытащить его изъ спальни; попросили меня подождать, покуда съ нимъ справятся. Я сѣлъ въ гостиной, спальня была рядомъ, оттуда долетали до меня рыданія и звуки пощечинъ и толчковъ въ спину; я сидѣлъ, какъ на угольяхъ, наконецъ, среди рыданій я ясно услышалъ слова: «не мучьте вы меня ради Бога, убейте лучше разомъ!» Я не выдержалъ, позвалъ хозяйку дома и попросилъ у нея позволенія войти въ спальню. «Войдите,—отвѣчала мать ребенка,—но вашъ трудъ будетъ напрасенъ: въ немъ сидитъ демонъ упрямства и злости». Я вошелъ въ спальню и затворилъ за собою дверь. Ребенокъ сидѣлъ въ углу, положивъ голову на столъ и обвивъ ее руками. Я сталъ его уговаривать и ласкать, просилъ его разсказать встрѣвожившую его исторію, обѣщалъ заступиться за него, быть его другомъ. Онъ взглянулъ на меня, какъ бы желая увѣриться, правду ли я говорю: «Вы добрый! — заговорилъ онъ:—меня здѣсь цѣлыми днями дразнятъ и злятъ братья и сестры, потомъ жалуются на меня матери, она меня начинаетъ бить и разсказываетъ про меня отцу, и онъ

Digitized by Google

сердится, ставитъ мнѣ въ примѣръ братьевъ и сестеръ, а вѣдь я знаю, что они не его дѣти!» Меня, какъ громомъ, поразила эта фраза. [«Спасите меня, не позволяйте имъ меня мучить!»—говорилъ мальчуганъ и приклонился ко мнѣ головою и тихо-тихо плакалъ. Черезъ полчаса я уже давалъ ему урокъ, черезъ годъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ учениковъ и самымъ послушнымъ сыномъ, хотя мать, женщину, плохо скрывавшую свое легкое поведеніе, онъ не любилъ и не уважалъ, но это зналъ только я. Такія драмы происходятъ часто въ душѣ дѣтей, говорятъ же дѣти прилично-благовоспитанно, по дѣтскимъ книжкамъ. Родители средняго и высшаго сословія городскихъ жителей заботятся только объ отсутствіи мѣщанскихъ манеръ, объ умѣньи держать себя, о прилизанной выдержкѣ ребенка. Радъ бы онъ безцеремонно покричать, похохотать во все дѣтское горло, побороться со своимъ другомъ, повозиться съ нимъ на полу, но старается подавить въ себѣ проявленіе этихъ желаній, потому что ужъ слишкомъ привыкъ къ выдержкѣ, слишкомъ благовоспитанъ. Чопорно, съ гусиной важностью выступаютъ эти дѣти даже по тротуарамъ главныхъ городскихъ улицъ, одѣтыя или въ затѣйливошутовской нарядъ, или во фрачекъ и пальто послѣдней моды; выглядятъ они шутами и карлами и, выдерживая свои роли, притворяются, ведутъ *умные* разговоры, утѣшая своею благовоспитанностью франтоватую maman; грустно глядятъ они на играющихъ въ снѣжки уличныхъ мальчишекъ, но и этой грусти не высказываютъ другъ другу; они уже стыдятся и знаютъ безполезность высказыванія своихъ чувствъ. Бѣдныя, несчастныя дѣти!

Такими благовоспитанными дѣтьми были отчасти Розенкампфъ и я; нашъ разговоръ, завязавшій узелъ дружбы, былъ пустъ и безжизненъ, и только очень привычный наблюдатель замѣтилъ бы, какою недѣтскою грустью и глубокимъ чувствомъ дышала послѣдняя фраза Розенкампфа: «я тебя люблю, потому что ты всегда одинъ и скучаешь». Во второй части моей исторіи Розенкампфъ самъ разскажетъ читателю, что развило его характеръ, и почему высказалъ онъ эту мысль.

XII.

Второй школьный годъ.

Понеслись надо мною школьные дни, недѣли и мѣсяцы своимъ чередомъ. Обжился я въ новомъ гниломъ болотѣ,

Digitized by Google

квакалъ по-лягушечьи вмѣстѣ съ другими лягушками, привыкъ съ безпечнымъ хладнокровіемъ смотрѣть на избіеніе младенцевъ въ часы Рейтмана, на сѣченье, доставлявшее неизъяснимое удовольствіе инспектору и его безсмѣнному палачу Schuldiener'у. Не оскорбляли моего слуха слова Саломірскаго: «шушера, мелюзга, сволочь». Хохоталъ я вмѣстѣ съ другими, когда батюшка говаривалъ, входя въ классъ и расчесывая бороду: «опять какую ни на есть пакость сотворите, иновѣрцы, я васъ всѣхъ къ порогу поставлю», и нетерпѣливо ждалъ я, когда иновѣрцы дѣйствительно сотворятъ пакость, то-есть начнутъ играть въ перышки или въ карты. Познакомился я со многими новыми, такими же пошлыми, какъ старые, учителями, и никогда не мелькала въ моей головѣ мысль, что ихъ дѣятельность гадка, что не такимъ долженъ быть учитель. Я даже не могъ составить себѣ идеала хорошаго учителя, потому что для составленія идеаловъ нужны данныя, нужна живая личность, которую можно бы возвысить въ воображеніи до идеала. Рѣшительно ничѣмъ не выдавался я изъ уровня школьнаго развитія и школьной патентованной нравственности. И смутно сознавался передъ самимъ собою, что и прилежнымъ не былъ бы я, если бы не желаніе стоять выше всѣхъ по отмѣткамъ учителей и не боязнь передъ наказаніями: я былъ самолюбивое и трусливое созданіе. Мнѣ хотѣлось блестѣть и блестѣть, во что бы то ни стало. Не питалъ я горячаго чувства привязанности къ прочимъ дѣтямъ, глядѣлъ на нихъ свысока и только ожидалъ одного, когда судьба поставитъ, меня еще выше ихъ. Только къ одному Розенкампфу я чувствовалъ сильную любовь, я гордился тѣмъ, что онъ, непривѣтливый съ другими, былъ ласковъ и нѣженъ со мною. Но я не понималъ его своеобразно-гордаго характера; онъ не покорялся и противорѣчилъ учителямъ, передъ которыми я трепеталъ и которымъ только тайкомъ рѣшался воткнуть въ столъ булавку; онъ грубо обращался съ товарищами и вызывалъ противъ себя всеобщую вражду. Школьники объясняли его гордость тѣмъ, что его отецъ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ той общины, которая управляла матеріальными силами школы; я считалъ его гордость слѣдствіемъ безупречнаго поведенія и прилежанія. Но, отличаясь отъ всѣхъ характеромъ, Розенкампфъ не стоялъ выше другихъ школьниковъ по умственному развитію; его рѣчи были такъ же безцвѣтны, какъ рѣчи всѣхъ его товарищей и большей части городскихъ дѣтей изъ средняго сословія,

Digitized by Google

ни одного мѣткаго слова, ни одного рѣзко - характернаго выраженія, никакого юмора не слышалось въ нихъ, и самые сильные порывы выражались въ нихъ въ мертвой и сухой формѣ канцелярскимъ, чиновничьимъ языкомъ.

Выше всѣхъ насъ стоялъ только одинъ мальчуганъ, сынъ русскаго мелочного торговца - мѣщанина, Калининъ, хотя этого не понимали ни мы, ни онъ самъ. Онъ былъ здоровъ, силенъ и широкъ въ кости. Лицо у него было умное, открытое, глаза плутоватые и бойкіе, длинные русые волосы вились. Онъ былъ не то прилеженъ, не то лѣнивъ: читалъ рѣдко и мало, игралъ часто и много; на первое грубое слово товарища отвѣчалъ десятью грубыми словами, иногда нецензурными, на первый толчокъ отвѣчалъ обидчику полновѣснымъ ударомъ. Несмотря на это, его любили за веселый нравъ, за бойкій языкъ, за беззаботное перенесеніе наказаній. Ученики, знающіе плохо или совсѣмъ не знающіе урока, имѣютъ привычку, надѣясь на подсказыванье и на нѣсколько сохранившихся въ памяти словъ, коверкая и перевирая, отвѣчать урокъ; они получаютъ вмѣсто нулей единицы и двойки, иногда даже избѣгаютъ наказаній и, что всего важнѣе, заставляютъ учителей потратить классное время на возню съ двумя-тремя лѣнтяями и тѣмъ спасаютъ остальныхъ одноклассниковъ. Затѣя дѣтской лукавости въ кровопролитныхъ войнахъ съ учителями! Калининъ никогда не употреблялъ въ дѣло этой затѣи. Когда онъ не зналъ урока, и его вызывали учителя, то онъ прямо отвѣчалъ:—«Я не знаю урока». «Отчего?» спрашивали учителя.—«Не успѣлъ выучить», отвѣчалъ Калининъ. Его, разумѣется, наказывали. Подобные поступки не нравились и казались страшными школьникамъ. «Этакъ тебя всегда будутъ оставлять до семи часовъ въ школѣ»,—говорили они. — «Тѣмъ лучше, уроки вызубрю,» — отвѣчалъ Калининъ. На такой доводъ нечего было возражать, но понять его разумность школьники не могли. Школа никогда не разгадала Калинина съ этой стороны; дѣйствующимъ, выдающимся изъ безпечной толпы лицомъ сдѣлалъ его случай, довольно странный, изумившій школьниковъ, смутившій педагогическое спокойствіе учителей-мудрецовъ. Никто не зналъ, какъ назвать Калинина за совершенный имъ поступокъ; одни ему удивлялись, другіе топтали въ грязь ребенка, а онъ первый позабылъ о случившемся, какъ будто ничего и не случилось.

Однажды какой-то школьникъ налилъ на каѳедру чернилъ, насыпалъ на нихъ песку и сдѣлалъ кашу. Дѣло было сдѣ-

Digitized by Google

лано передъ часомъ французскаго учителя. Этотъ господинъ былъ до крайности гордое созданіе. Вы знаете, читатель, французскую походку? Она рѣзко отличается отъ русской и нѣмецкой походокъ. Русскій не ходитъ, а *претъ*, не глядя подъ ноги и не разбирая пути, и, право, иногда не знаешь, кто своротилъ въ сторону: русскій ли человѣкъ или камень, лежавшій на кочковатомъ пути. Нѣмецъ идетъ и присѣдаетъ, идетъ и присѣдаетъ, какъ будто извиняясь передъ людьми, что онъ во фракѣ, но безъ галстука и жилетки. Не такъ ходитъ французъ: вытягиваетъ онъ свои ноги до того, что дѣлается изъ нихъ дуга, обращенная выпуклостью назадъ, нѣчто въ родѣ русскаго продолговатаго с, и безъ всякихъ книксеновъ твердо ступаетъ, какъ будто завоевывая каждымъ шагомъ то мѣсто, на которое становится его нога, точно этою завоевательною походкой хочетъ онъ добраться до береговъ Рейна. Такая походка была у господина Гро, прозваннаго журавлемъ. Онъ былъ до чрезвычайности щеголеватъ, ловко причесанъ, невозмутимо-хладнокровенъ въ обращеніи съ учениками. «Vous êtes un gamin», спокойнымъ и ровнымъ голосомъ произносилъ онъ, записывалъ ученика въ штрафную книгу и совѣтовалъ инспектору его посѣчь. Безпощадность, презрѣніе, сухая вѣжливость и педантизмъ были отличительными чертами его отношеній къ намъ. Мы его не любили. Этотъ-то господинъ вошелъ въ классъ и увидалъ на каѳедрѣ грязь, составившуюся изъ чернилъ и песку. Онъ принялъ дѣло за личную обиду; съ большими за это стрѣляются на дуэляхъ, маленькихъ за это дерутъ, въ обоихъ случаяхъ капелька крови смываетъ съ чести самыя большія пятна.

— Кто это сдѣлалъ?—спросилъ хладнокровно Гро; у него слегка поводило бровь—признакъ скрытой ярости.

— Не знаемъ, — послышались голоса классныхъ запѣвалъ.

— Если никто не знаетъ, то пятые ученики будутъ высѣчены сейчасъ же,—отвѣчалъ Гро и вышелъ изъ класса, чтобы позвать инспектора и директора. Мы знали, что Гро скорѣе лишится мѣста, чѣмъ измѣнитъ свое рѣшеніе или смягчитъ его по желанію директора, инспекторъ же, по всей вѣроятности, поддержитъ его и не упуститъ интереснаго случая взглянуть на исподнее бѣлье десятка учениковъ. Въ классѣ раздались голоса:

— Господа, признайтесь, кто это сдѣлалъ, за что же насъ сѣчь будутъ! Это ты сдѣлалъ, Онуфріевъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не я,—кричалъ Онуфріевъ:—это, вѣрно, Гренцъ спакостилъ.

— Ей-Богу, я этого не дѣлалъ, — слезливо увѣрялъ въ своей невинности Гренцъ.

Виновнаго не находилось. Многіе начинали хныкать, одинъ же мальчуганъ, самый младшій по лѣтамъ ученикъ въ нашемъ классѣ, просто рыдалъ. Онъ былъ здоровенькое и розовое существо, любимая игрушка, шаловливый котенокъ. Калининъ его мялъ, тормошилъ, сажалъ къ себѣ на колѣни, носилъ ему пряники и рѣшительно игралъ съ нимъ, какъ съ куклой. Увидавъ слезы своего любимца, онъ не выдержалъ:

— Господа,—крикнулъ громко Калининъ:—я скажу, что это я сдѣлалъ; я во всякомъ случаѣ прихожусь пятымъ и съ хвоста, и съ рыла, значитъ мнѣ на роду написано быть сегодня выдраннымъ. Но если мнѣ когда-нибудь попадется подлецъ, который это сдѣлалъ, то я ему всѣ ребра переломаю. Слышите вы!

Мы еще не успѣли отвѣтить на эту импровизированную рѣчь, когда вошли директоръ, инспекторъ и Гро. Директоръ сощурился и сквозь очки разсмотрѣлъ грязь, даже понюхалъ ее и потомъ обратился къ намъ:

— Кто это сдѣлалъ? Совѣтую признаться; собственное сознаніе въ винѣ заставитъ меня смягчить наказаніе.

— Это я сдѣлалъ,—бодро отвѣтилъ Калининъ.

— Для чего ты это сдѣлалъ? — спросилъ директоръ и удивился, зная, что Калининъ велъ себя хорошо.

— Самъ не знаю, глупость нашла.

Калининъ не смигнулъ.

— Это не онъ, это не онъ сдѣлалъ,—раздался голосокъ любимца Калинина; то же повторили за нимъ и другіе голоса;—онъ говоритъ на себя, чтобы весь классъ не сѣкли.

Директоръ нахмурился и смѣрялъ глазами господина Гро; тотъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, кажется, готовъ былъ разорвать Калинина на клочки.

— Зачѣмъ же ты на себя говоришь! — сказалъ директоръ:—если ты этого не дѣлалъ, то ложью ты покрываешь негодяя и избавляешь его отъ заслуженнаго наказанія.

— Развѣ каждый пятый въ классѣ негодяй, господинъ директоръ? — дерзко спросилъ Калининъ, и по его лицу пробѣжала отважная и вызывающая русская усмѣшка.

— Я этого не говорю,—вспылилъ директоръ:—но негодяй признался бы.

Digitized by Google

— Негодяй не признался бы, а я потому и признаюсь, что я не негодяй; на меня просто глупость нашла, и, значитъ, вы меня можете наказать, не трогая всего класса.

— Заботиться о классѣ не твое дѣло. Мы, вѣроятно, больше и лучше тебя умѣемъ заботиться о немъ,—горячо заговорилъ директоръ. — Тебя нужно бы высѣчь за дерзости, онѣ важнѣе твоего поступка. Кто видѣлъ, какъ ты сыпалъ песокъ?

— Никто не видалъ.

Ложь была очевидна; надо было или простить весь классъ, или высѣчь Калинина. Поговорили, пошептались между собою училищныя власти и повели Калинина на сѣкуцію. Гро, которому пришлось выслушать множество колкостей отъ директора, былъ въ ярости.

— Вы думаете,—сказалъ онъ намъ гнѣвнымъ и презрительнымъ тономъ: — что этотъ негодяй, gamin, считающій ни за что сѣченье и стыдъ, хорошо поступилъ? Вы ошибаетесь: онъ отвратителенъ со своимъ поступкомъ! Кто считаетъ ни за что стыдъ и не трепещетъ передъ розгою, тотъ неисправимый мерзавецъ!

Калининъ возвратился съ сѣченья блѣдный, но на его глазахъ не было признака слезъ; онъ прошелъ на свое мѣсто, не взглянувъ на Гро, и, повидимому, былъ спокоенъ. Гро посмотрѣлъ на него съ негодованіемъ и искривилъ свои губы въ гадкую улыбку и какъ-то тревожно гримасничалъ и кривлялся. Это всегда бываетъ съ провинившимися людьми, если правый молчитъ передъ ними и предоставляетъ имъ самимъ судить о своемъ поступкѣ.

— Что, больно высѣкли? — съ участіемъ спрашивали школьники у Калинина по уходѣ Гро.

— Не знаю; меня маленькаго много драли, такъ я привыкъ,—съ убійственною грустью отвѣтилъ Калининъ и уткнулся въ книгу.

Сколько ни старались съ нимъ заговаривать товарищи, онъ не отвѣчалъ и какъ будто боялся заговорить. Блѣдность его не проходила во весь вечеръ, и онъ часто лихорадочно вздрагивалъ.

На другой день онъ былъ тѣмъ же веселымъ и беззаботнымъ школьникомъ и на дворѣ, сидя на бревнѣ, распѣвалъ русскія пѣсни, лаская любимца-мальчугана. Но дѣло было сдѣлано, онъ выдался изъ толпы товарищей, ему удивлялись, его ругали, но, главное, — о немъ говорили. Розенкампфу вдругъ вздумалось съ нимъ сойтись. Но на

Digitized by Google

первыхъ словахъ ихъ бесѣда прервалась замѣчаніемъ Калинина:

— Ты какой-то злющій, чортъ тебя знаетъ!

Съ этими словами Калининъ отвернулся отъ Розенкампфа и, крикнувъ ребятишкамъ: «кто догонитъ Калинина?»—побѣжалъ. Бѣготня и возня на дворѣ началась страшная, и громче всѣхъ голосовъ гремѣлъ голосъ Калинина.

Розенкампфъ грустно задумался и долго молча сидѣлъ на дворѣ, опустивъ голову и чертя палкою по землѣ...

Я не знаю, о чемъ думалъ мой другъ, но, когда онъ всталъ, то я увидѣлъ на пескѣ нѣсколько разъ написанное слово: злющій...

Я въ тѣ времена не задумывался надъ подобными поучительными событіями; зато я задумывался надъ другими, касавшимися лично меня и моей семьи. Мнѣ приходится еще разъ въ этой части моей исторіи вывести бабушку и дядю. Эти люди уже не подавали никакой надежды на полезную общественную дѣятельность, они, видимо, не могли ничего ожидать въ будущемъ; но они, все-таки, ожидали, волновались, совались изъ стороны въ сторону и дѣлали видъ, будто ихъ роль еще не кончена, и имѣли сильное поползновеніе сдѣлаться героями отдѣльной комедіи. На бѣломъ свѣтѣ много такихъ заштатныхъ актеровъ; они мѣшаютъ дѣйствительно играющимъ свои роли артистамъ, путаютъ ихъ, толкаютъ, а иногда просто загородятъ ихъ своими спинами и за ихъ распаркиваются и раскланиваются передъ публикой. Вредны эти личности, а что станете вы съ ними дѣлать? Въ романѣ авторъ можетъ ихъ уморить скоропостижною смертью, а въ жизни этого не сдѣлаешь, не совершивъ преступленія, грозящаго прогулкою въ Сибирь; потому-то и мнѣ приходится говорить въ моей исторіи о заштатныхъ актерахъ до тѣхъ поръ, покуда они живутъ, и чувствуется на мнѣ ихъ вліяніе.

XIII.

Дядя и бабушка.

Отецъ и мать жили попрежнему тихо и однообразно; но не такъ жили дядя и бабушка.

Читатель долженъ помнить, что мое описаніе дядиной личности остановилось на томъ, что его высѣкъ князь Тресково-Обуховъ. Черезъ два года дядя, съ помощію денегъ, выдержалъ гимназическій экзаменъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мечталъ сдѣлаться учителемъ русской сло-

Digitized by Google

весности. Въ тѣ времена у насъ бо́льшая часть юношей, начитавшихся русскихъ журналовъ и потому считавшихъ себя передовыми людьми, думала сдѣлаться учителями русской словесности: предметъ казался имъ легкимъ. Вызубривъ адресъ-календарь русскихъ писателей, составленный Гречемъ, они могли ораторствовать, сколько душѣ угодно, и открывать міру разные современные взгляды, плохо понятые и легко понадерганные изъ критическихъ статей, стоившихъ ихъ авторамъ усидчиваго труда, здоровья и часто очень непріятныхъ объясненій по поводу какой-нибудь лишней истины. Юноши понимали, что послѣ Колумба легко открыть Америку, и брались за этотъ трудъ. Дядя тоже перечитывалъ журналы, ѣздилъ на лекціи разныхъ профессоровъ; грезилось ему, что и самъ онъ будетъ профессоромъ. Публичныя лекціи, толпы слушателей, рукоплесканія, слава, изданіе его портрета и тому подобныя прелести являлись въ его грёзахъ; но грёзы такъ и остались грёзами; горячка скоро охладилась предстоящимъ трудомъ, и дядя сталъ ругать профессоровъ. Выздоровленіе его отъ горячки случилось въ то время, когда я поступилъ въ N—ское училище и въ душѣ проклиналъ науку.

— Отъ лекцій нашихъ профессоровъ мертвечиной пахнетъ,—говаривалъ при мнѣ дядя моему отцу. (Дядя правду говоритъ, думалось мнѣ, отъ нашихъ учителей тѣмъ же воняетъ).—Они заражаютъ своею гнилью молодые здоровые организмы; дѣлаютъ изъ нихъ мертвецовъ, безсмысленныя машины, точно такія же, какъ они сами. При настоящемъ положеніи нашей науки ее нельзя любить, она дѣлается пугаломъ. (Точно пугаломъ,—мысленно соглашаюсь я съ дядей и удивляюсь его уму).—Ее еще можетъ переварить неопытный молодой умъ, воображающій, что корень всякаго ученія горекъ, но плоды его сладки, но мы,—nous autres,—богатые житейскимъ опытомъ, знаемъ, что и плоды-то не сладки у насъ; простора нѣтъ для ихъ созрѣванія. Видно, приходится покориться своей судьбѣ и, склонивъ голову, уступить общественному коснѣнію!

Но вотъ отецъ поднимаетъ свою голову, склоненную надъ работою во время рѣчи дяди, и говоритъ съ горькою насмѣшливостью:

— Легкое ваше дѣло, господа сѣятели!—и снова наклоняется къ работѣ, вбиваетъ гвоздики, сглаживаетъ ихъ верхушки напилкомъ.

— Попробуй!—отвѣчаетъ дядя.—Тебѣ хорошо съ твоими

Digitized by Google

узкими, мѣщанскими—извини за выраженіе—взглядами на міръ; ты, какъ кротъ, зарывшись въ своей подземной норѣ, всѣмъ доволенъ, потому что ты сытъ, одѣтъ и въ теплѣ. Мнѣ этого мало! Если бы ты чувствовалъ всю пошлость, всю гадость нашей общественной жизни, служебныхъ отношеній, чиновничьей дѣятельности,—и ты заговорилъ бы то же, что говорю я.

— Говорить легко, работать трудно.

Отецъ оставляетъ напилокъ и прямо глядитъ на дядю.

— Вѣдь ты на всѣ гадости смотришь отъ нечего дѣлать и радъ переворачивать разную дрянь, — это легко. На это стало бы и моего мѣщанскаго ума. Попробуй самъ послужить и остаться чистымъ, и показать грязи, что она грязь... Послужи и...

— «Служить бы радъ—прислуживаться тошно».

— Значитъ, совсѣмъ не надо служить? Хороша логика, только съ нею не много добра сдѣлаешь, — смѣясь, отвѣчаетъ отецъ и начинаетъ невѣжливо стучать молоткомъ, чтобы прекратить разговоръ.

Дядя кусаетъ губы.

«Зачѣмъ же онъ не возражаетъ отцу?» — размышляю я, и мнѣ дѣлается досадно на дядю, что онъ сконфузился, я даже начинаю краснѣть за него. Мнѣ непонятно, что онъ говорилъ пошлости. И сколько подобныхъ пошлостей слышалъ я потомъ отъ нашихъ паркетныхъ болтуновъ!

Глядя на лицо дяди, можно было ему дать не болѣе двадцати-пяти или тридцати лѣтъ; глядя на его фигуру, легкую походку, можно было принять его за восемнадцатилѣтняго юношу. Душа у него была младенческая, онъ былъ неопытенъ въ житейскихъ дѣлахъ, и ловкіе люди надували его легко; если надувательство открывалось, то дядя кричалъ о безнравственности и испорченности людей, но опытнѣе и осторожнѣе не дѣлался. О своей будущности онъ не думалъ, хотя она была очень непривлекательна. Онъ безпечно жилъ на бабушкинъ счетъ, и если не было денегъ, то говорилъ, что ихъ надо достать. Нѣсколько вечеровъ въ недѣлю онъ проводилъ въ квартирѣ одной небогатой дворянки-швеи, которую онъ развилъ до того, что ей пришлось работать и на себя, и на грудного младенца. Дядя удивился скорости и плодамъ развитія своей Настеньки и утѣшалъ бѣдняжку обѣщаніемъ жениться на ней, хотя женитьбу онъ называлъ «росписью людей въ своей вѣтрености и подлости». Настенька вѣрила его словамъ

Digitized by Google

и души не слышала въ своемъ учителѣ-другѣ. Оба играли ребенкомъ, какъ куколкой, не думая, что ожидаетъ его въ жизни, и очень плакали, когда онъ умеръ...

Между тѣмъ, бабушкины средства къ жизни увеличивались. Одинъ изъ князей Тресково-Обуховыхъ сдѣлался начальникомъ какого-то благотворительнаго учрежденія; онъ велѣлъ бабушкѣ подать просьбу о вспомоществованіи и выдалъ двѣсти рублей, обѣщая сдѣлать то же и въ слѣдующій годъ. Изъ этого же благотворительнаго учрежденія получали вдовы бѣдныхъ чиновниковъ по 5 рублей пособія, и такимъ образомъ бабушка поглощала деньги, назначенныя на вспомоществованіе сорока бѣднымъ женщинамъ, не имѣвшимъ счастія родиться княжнами Тресково-Обуховыми. Ни дядя, ни бабушка не видѣли тутъ безнравственности. Кромѣ этихъ денегъ, бабушкѣ стали выдавать пенсію, по завѣщанію одного изъ наслѣдниковъ ея дяди, вельможи N, давно окончившаго смертію годы земного странствованія. Бабушка зажила широко, стала рѣже обѣдать у насъ и чаще брала меня къ себѣ. Теперь она была въ состояніи нанимать извозчичью карету и въ ней дѣлать визиты своимъ дальнимъ и ближайшимъ родственникамъ, гдѣ ее называли: princesse. Ея родственники уже были не такъ надменны и недоступны, какъ прежде; спала съ нихъ спесь и опустились крылья; они справляли поминки своихъ собственныхъ похоронъ.

Въ обществѣ вѣяло новымъ духомъ, люди стараго времени переставали играть въ немъ главную роль: какъ соръ, выметались они изъ разныхъ должностей и затворялись въ своихъ углахъ. Ругая новое племя людей, называя его племенемъ холоповъ, они рады были каждому лишнему человѣку, готовому слушать ихъ ѣдкія выходки. Въ эти-то берлоги отжившихъ свой вѣкъ людей ѣздила бабушка, возила туда и меня. Мрачно смотрѣли комнаты съ тяжелой мебелью, съ полуопущенными бѣлыми шторами и штофными занавѣсками-драпри. Изъ-за шторъ иногда вдругъ пробивался смѣлый, яркій лучъ солнца и ударялъ тонкою, какъ игла, стрѣлою въ какой-нибудь портретъ стараго и угрюмаго господина, какъ будто пронзая этою яркою стрѣлою свѣта и безъ того отжившаго и убитаго старца. «Петръ! опустите совсѣмъ шторы!» — волновались барыни-старухи; шторы опускались, и комната наполнялась бѣлесоватымъ полусвѣтомъ: такой свѣтъ окружаетъ корабль въ туманное іюльское утро и сжимаетъ сердце непонятнымъ и стран-

Digitized by Google

нымъ чувствомъ болѣзни; путешественникъ далѣе борта корабля не видитъ ничего, ни моря, ни неба, ни бѣгущихъ вблизи судовъ, и между тѣмъ кругомъ его не тьма, а свѣтъ, и чувствуется, гдѣ-то далеко уже сверкаетъ яркое, горячее солнце...

Были въ этихъ жилищахъ и дѣти; это были сироты-родственники отжившихъ свой вѣкъ людей, воспитывавшіеся въ Пажескомъ корпусѣ, потомъ дѣти темнаго происхожденія, чьи-то незаконнорожденные сыновья, пріемыши и воспитанники, росшіе въ богатыхъ хоромахъ, вдалекѣ отъ Божьяго свѣта, въ барскихъ привычкахъ. Я игралъ одну роль съ послѣдними; иногда иной пажикъ спрашивалъ меня:

— Гдѣ служитъ твой отецъ?

— При дворѣ,—отвѣчалъ я и уже начиналъ краснѣть.

— А какой у него чинъ?—продолжалъ допросчикъ.

Я готовъ былъ заплакать и никакъ не рѣшался сказать правду; я уже стыдился званія своего отца и глупо лгалъ, отвѣчая:

— Не знаю.

Кругомъ меня начинался смѣхъ; пріемыши дѣлали то же (впрочемъ, они часто и въ самомъ дѣлѣ не знали своихъ отцовъ, но надо мной смѣялись и они). На моихъ глазахъ дрожали крупныя слезы.

— Ma tante, ma tante, какой онъ смѣшной! — кричалъ пажъ, таща меня въ кабинетъ своей важной тетушки. — Онъ не знаетъ, какой чинъ у его отца, онъ...

— Тише, тише,—говорила тетушка, понюхивая склянку съ какимъ-то спиртомъ:—вы, Леонидъ Николаевичъ, ведете себя неприлично; у меня послѣ каждаго праздника два дня болитъ голова отъ вашихъ криковъ. Я перестану васъ брать изъ корпуса. Извольте идти въ свою комнату и не показывайтесь ко мнѣ, покуда я васъ не позову. Allez!

Дѣти притихали, а пажикъ, попавшій подъ опалу, уходилъ изъ кабинета разгнѣванной старухи, но не въ свою комнату, а въ дѣвичью, гдѣ уже всѣ знали, что Леонидъ Николаевичъ умѣетъ шутить вольныя шутки...

Старые люди часто дѣлали дѣтскіе балы, бабушка привозила меня на нихъ, и, закруженный танцами, я совершенно забывалъ, что не здѣсь мое мѣсто, что я пирую не на своемъ пиру, пожимаю руки и обвиваю своею рукою дѣтскія таліи, до которыхъ не долженъ бы и дотрогиваться. Бабушка заказывала мнѣ новыя курточки, одѣвала

Digitized by Google

меня, какъ куколку, мнѣ было весело, я былъ счастливъ. Такъ же веселы и счастливы были и другія дѣти темнаго происхожденія, появлявшіяся на этихъ балахъ... А знаете ли вы, читатель, что̀ сдѣлало изъ нихъ это воспитаніе? Одни сдѣлались взяточниками и казнокрадами, желая вести роскошную жизнь, другія вышли ни на что не годными, заѣденными воспитаніемъ пьяничужками съ горя, третьи угодили въ солдаты во время рекрутскаго набора, четвертые лишили себя жизни, считая ее за невыносимое бремя, и только немногимъ, могучимъ и здоровымъ натурамъ, удалось спасти себя, сбросить все привитое воспитаніемъ и стать полезными дѣятелями. Но если бы вы спросили этихъ послѣднихъ, чего имъ стоила нравственная ломка, то вы невольно прониклись бы уваженіемъ къ нимъ, услышавъ ихъ отвѣтъ, и пожалѣли бы, что имъ пришлось выдержать такую страшную борьбу. Мои родители, понимая опасность моего положенія и видя, что выѣзды годъ отъ году становятся чаще, стали волноваться.

— Надо кончить, Соня,—говорилъ отецъ.—Сашу рѣшительно съ толку собьютъ наряжаньями, балами и визитами. Неужели мы дадимъ погубить его и разрушить наши надежды?

— Но какъ же кончить? Надо поссориться съ матушкою, это будетъ тяжело и ей, и намъ.

— Хоть бы и такъ! Она отжила свой вѣкъ, мы тоже, намъ не привыкать-стать переносить непріятности; Саша же только начинаетъ жить, за что же изъ-за глупыхъ родственныхъ чувствъ губить молодую жизнь?

— Дѣлай, какъ знаешь, но, ради Бога, не поворачивай слишкомъ круто; если можно, устрой все безъ ссоры.

— Хорошо, обдѣлаю.

Я тайкомъ подслушивалъ эти разговоры и негодовалъ на отца. Бабушка говорила мнѣ, что важные господа составятъ счастье моей жизни, будутъ моими покровителями, дадутъ мѣсто, и вдругъ отецъ, по непонятной для меня прихоти, хочетъ для того поссориться съ бабушкою, чтобы я не ѣздилъ къ своимъ будущимъ благодѣтелямъ. Откровенный во всемъ съ отцомъ, я боялся высказать эти мысли и молча дулся на него, готовясь вмѣстѣ съ бабушкою разрушить планъ родителей. Но благодѣтельная судьба спасла меня безъ помощи родителей отъ грозившей опасности и сдѣлала лишними мои приготовленія къ борьбѣ съ отцомъ; она повернула дѣло такъ круто, что всполошила весь нашъ

Digitized by Google

семейный кружокъ и навсегда измѣнила жизнь двухъ его членовъ: бабушки и дяди.

XIV.

Бабушка на время удаляется со сцены.

Была суббота. Это случилось въ началѣ моего четвертаго школьнаго года. Я возвращался изъ училища домой и дорогою раздумывалъ, куда поѣду я завтра съ бабушкою, не будетъ ли гдѣ бала? Нетерпѣливо желалъ я увидѣть баловницу-старушку, которая почему-то не была у насъ въ теченіе прошедшей недѣли. «Не сердится ли она на насъ, не говорилъ ли ей отецъ чего-нибудь?—думалось мнѣ:—я завтра непремѣнно все разузнаю». Съ такими мыслями пришелъ я домой.

Въ передней нашей квартиры встрѣтила меня матушка: ея глаза были красны отъ слезъ; отецъ ходилъ большими шагами изъ угла въ уголъ по комнатѣ, рубанки валялись на полу; на диванѣ сидѣлъ дядя, положивъ голову на столъ и охвативъ ее руками.

— Что съ тобою, мамаша,—спросилъ я у матушки:— ты плакала?

— Ничего, мой другъ, такъ, скучно стало.

— Здорова ли бабушка?

— Слава Богу, здорова.

— Я пойду къ ней завтра?

— Нѣтъ, мой другъ, ты долго не увидишь бабушки,—сказала матушка и не могла долѣе пересилить себя, заплакала.

— Полно, Соня!—заботливо промолвилъ отецъ и подошелъ къ ней.

— Твоя бабушка въ тюрьмѣ! Я, я виновникъ ея позора!—трагическимъ голосомъ закричалъ дядя.

Я остолбенѣлъ отъ удивленія. Тюрьма, крѣпость, цѣпи—все это смѣшивалось тогда въ моемъ умѣ въ одно страшное цѣлое.

— Бабушка въ крѣпости! развѣ бабушка кого-нибудь убила?—воскликнулъ я съ ужасомъ.—Развѣ бабушка, моя добрая бабушка, можетъ кого-нибудь убить?

Я заплакалъ.

— Не плачь, Саша! бабушка не преступница и не въ крѣпости; ее просто посадили въ домъ, гдѣ содержатся люди, не заплатившіе своихъ долговъ! она очень много задолжала,—объяснилъ мнѣ отецъ.

— Такъ надо заплатить за нее, папа; ты заплатишь?

Digitized by Google

— Нѣтъ, Саша, я не заплачу; у меня нѣтъ столько денегъ,—сказалъ отецъ.

— Я, а не она, надѣлалъ долги! Я застрѣлюсь, застрѣлюсь!—вопилъ дядя, стукаясь головою о столъ и теребя себя за волосы.

— Эта комедія начинаетъ надоѣдать,—замѣтилъ отецъ.

— Комедія? Комедія? Какъ ты осмѣлился это сказать, мужикъ, безчувственное животное?—крикнулъ дядя и со сжатыми кулаками подбѣжалъ къ отцу.

— Ты съ ума сошелъ!—холодно сказалъ отецъ и неторопливымъ движеніемъ руки оттолкнулъ дядю на диванъ.

Я никогда не видалъ отца столь хладнокровнымъ и страшнымъ въ одно и то же время. Въ его глазахъ промелькнулъ какой-то зловѣщій, нехорошій огонь, заставившій меня вздрогнуть. Въ это мгновеніе отецъ былъ похожъ на звѣря.

— Я тебѣ еще разъ повторяю,—заговорилъ онъ, дѣлая ударенія на каждомъ словѣ и произнося ихъ медленно: — это комедія—слышишь ты: комедія, и невыносимая. Теперь не время ломаться. Надо хлопотать и выкупить несчастную мать. Надо съѣздить къ вашимъ аристократамъ, обить пороги и вымолить деньги.

— Голубчикъ! я не могу, я никуда не поѣду, хоть ты убей меня. Лучше умереть, а не ѣхать!—проговорилъ дядя плачевнымъ тономъ.

Бѣднякъ присмирѣлъ и былъ жалокъ въ эту минуту.

— Я пойду,—сказала матушка и пошла одѣваться.

Отецъ снова заходилъ по комнатѣ, дѣлая большіе шаги и хмуря лобъ.

— Добрая женщина Соня!—сказалъ дядя по уходѣ матушки.

— Добрая! рѣшилась унижаться за васъ! Что вы ей? Родня!.. Къ чорту всѣ родственныя отношенія, если они приносятъ одни страданія! Вы жили, баклуши били, мотали, а эта добрая должна за васъ кланяться? И кому, и для чего?—торопливо и съ страшной злостью, почти задыхаясь, говорилъ отецъ.

Наконецъ, онъ остановился передъ дядей.

— Прошу тебя, Петръ Ивановичъ, уйди ты домой! Теперь мнѣ не по себѣ, за себя я не могу поручиться...

Отецъ снова заходилъ по комнатѣ. Дядя взглянулъ на его лицо и поспѣшилъ уйти...

Страшно гремѣлъ въ этотъ вечеръ отцовскій молотокъ,

Digitized by Google

точно отцу хотѣлось разбить все вдребезги. Когда матушка возвратилась, отецъ уже былъ совершенно покоенъ и ласково, крѣпко пожалъ ея руку.

— Есть толкъ?—спросилъ онъ.

— Есть, — отвѣчала матушка, и оба замолчали; онъ не разспрашивалъ, она не разсказывала о томъ, что и какъ сдѣлалось.

Что вынесла матушка въ этотъ день, объ этомъ и говорить нечего. На колкости и обиды оказались щедрыми всѣ, денегъ же не давалъ никто. Старшій братъ бабушки сказалъ матушкѣ:

— «Сама себя раба бьетъ, если худо живетъ! Не стану же я оплачивать долги сестеръ; этакъ, пожалуй, никакого капитала не хватитъ. Ну, если бы у меня десять сестеръ было и всѣ-то задолжали, чѣмъ бы я тогда уплатилъ ихъ долги? Да говорите же, чѣмъ? А?» Онъ долго добивался отвѣта на этотъ глубокомысленный вопросъ и, наконецъ, заключилъ:—«Пенсію за два мѣсяца впередъ я охотно выдамъ, а больше ничего не могу сдѣлать». Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ и трудныхъ попытокъ матушкѣ удалось устроить дѣло. Генеральша Звѣрева согласилась заплатить за бабушку 500 рублей долгу, но съ условіемъ, чтобы бабушка прожила у нея два года въ качествѣ компаньонки. Старухи были давно знакомы и, уѣзжая на зиму въ деревню и потомъ за границу, Звѣрева была рада взять съ собою знакомаго человѣка, умѣющаго болтать на французскомъ языкѣ о нашей старинѣ и играть въ пикетъ. Начались переговоры съ бабушкою; она отвѣчала: хоть въ могилу, но вонъ изъ тюрьмы!

Черезъ недѣлю я увидѣлъ ее. Она посѣдѣла, глаза стали тусклы, вѣки припухли и покраснѣли, походка сдѣлалась неровною. Эту женщину, смотрѣвшую еще за нѣсколько дней надменною царицею, нельзя было узнать. Грустно обняла она отца, мать и меня и долго, нѣжно цѣловала мою голову, всматриваясь въ мое лицо.

— Быть-можетъ, мы никогда не увидимся, Шурушка!— говорила она мнѣ.

Никакихъ наставленій насчетъ манеръ, никакихъ воспоминаній о недавнемъ прошломъ, ни одного пророчества о моей блестящей будущности не сорвалось съ ея языка. «Да благословитъ тебя Богъ!» было теперь ея единственнымъ пожеланіемъ, сказаннымъ мнѣ, и набожно перекрестила меня ея дрожащая рука.

Digitized by Google

Бабушка уѣхала со Звѣревой въ деревню и оставила дядѣ всѣ свои пенсіи. Дядя тоже скрылся отъ насъ, о немъ долго не было ни слуху, ни духу. Только черезъ полгода услышали мы случайно, что онъ путешествуетъ по Россіи, ищетъ мѣста управляющаго или невѣсту. Наша семья уменьшилась, два актера сошли на время со сцены. Отецъ и мать потужили о судьбѣ бабушки, и оба благодарили Бога, что Онъ избавилъ меня отъ грозившей опасности; они не знали, что сѣмя, брошенное въ мою молодую, воспріимчивую душу, еще принесетъ свой негодный плодъ.

Такими событіями начался мой четвертый школьный годъ. Мнѣ шелъ пятнадцатый годъ, послѣдній годъ дѣтства. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ начинаетъ рѣзко проявлять свой характеръ, высказывать свои взгляды на міръ, привитые къ нему воспитаніемъ, житейской обстановкой, окружающими личностями. Онъ начинаетъ разборчивѣе сходиться съ людьми, выбираетъ дорогу, по которой ему хотѣлось бы идти до конца жизни; часто эта дорога оказывается ложною; ея ложность и непривлекательность бросаются человѣку въ глаза, и тогда въ немъ происходитъ внутренняя, самостоятельная ломка всего того, что выработалось въ немъ въ годы дѣтства. Ломкою дѣло и оканчивается; послѣ нея дитя становится уже юношею, въ его лицѣ вдругъ появляются новыя черты, по которымъ можно судить о характерѣ... Тяжелъ бываетъ иногда этотъ переходъ отъ дѣтства къ юности, и грустно, что большая часть являющихся въ эту пору страданій не нужна. Они смѣшны, глупы, но они страданія; въ годы зрѣлаго возраста почти не вѣришь возможности ихъ существованія, а между тѣмъ они были, и даже черезъ долгіе годы воспоминаніе о нихъ вызываетъ на щеки яркій румянецъ стыда.

XV.

Четвертый годъ въ школѣ.

Въ нашу школу принимались дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ сословій. Рядомъ съ бѣлобрысымъ нѣмцемъ, сыномъ колбасника, сидѣлъ черноволосый французъ, сынъ перчаточника; подлѣ князька помѣщался русскій мѣщанинъ; красивая курточка, сшитая моднымъ портнымъ изъ новаго сукна, терлась о синюю вылинявшую поддевочку, по всей вѣроятности, выкроенную дома изъ отцовскаго долгополаго сюртука. Принципомъ школы было равенство дѣтей; этотъ принципъ принимается всѣми русскими учебными заве-

Digitized by Google

деніями; ради его и форменные казакины, и курточки выдуманы; формально школа не ставила между воспитанниками никакихъ перегородокъ. Но подобные принципы всегда остаются у насъ мертвою буквою, и при настоящемъ положеніи членовъ нашего общества не могутъ примѣняться на дѣлѣ. Учителя у насъ грудью стояли за своихъ пансіонеровъ и почти боялись пансіонеровъ директора. И тѣ, и другіе, вмѣсто худыхъ балловъ и наказаній, выпадавшихъ на долю вольноприходящимъ ученикамъ, слышали одну пустую угрозу: «Я пожалуюсь на васъ вашему воспитателю, я поговорю съ нимъ о васъ». «Говори, сколько душѣ твоей угодно», думали пансіонеры, и очень хорошо знали, что воспитатель сдѣлаетъ имъ такой же пустой выговоръ, и дѣло тѣмъ покончится. Во время ежемѣсячныхъ отмѣтокъ чувствовалось очень сильно ихъ выгодное положеніе въ школѣ; у нихъ отмѣтки являлись самыя лучшія, они обгоняли своихъ товарищей — не пансіонеровъ и смотрѣли на нихъ, какъ на лѣнтяевъ.

Между собою ученики сходились въ играхъ, не различая званій своихъ отцовъ; но это продолжалось до поры до времени; съ годами къ дѣтямъ прививались сословные предразсудки; дѣти дворянъ и чиновниковъ слышали дома пренебрежительные отзывы своихъ родителей о мѣщанахъ, о мастеровыхъ, и, мало-по-малу, усвоивали эти взгляды; князь начиналъ отворачиваться отъ сына мелочного торговца и говорилъ, что отъ него селедкой воняетъ; щегольская курточка сторонилась отъ синей поддевочки, за что поддевочка отплачивала курточкѣ полновѣсными тумаками. Едва замѣтно, но постоянно и безостановочно воздвигались между дѣтьми эти невидимыя перегородки и дѣлались онѣ съ каждымъ годомъ все выше и выше, угрожая превратиться въ китайскую стѣну. Онѣ и превращались въ нее, но уже по окончаніи дѣтьми воспитанія, по выходѣ ихъ изъ школы, когда бывшіе товарищи, встрѣтивъ другъ-друга на Невскомъ проспектѣ, стыдятся остановиться и пожать другъ-другу руки, потому что одинъ несетъ какой-нибудь узелокъ по порученію отца-ремесленника, а другой въ богатомъ пальто прогуливаетъ по модной улицѣ себя, своего кучера, рысака и эгоистку. Чѣмъ же можетъ отплатить теперь этотъ бѣдный ремесленникъ (бывшая синяя поддевочка) этому прогуливающему себя и своего рысака барину (бывшей щегольской курточкѣ)? Ремесленникъ знаетъ пошлость и глупость барина-фата и потому старается его одурачить, продастъ ему

Digitized by Google

свои дрянныя издѣлія и товары за хорошіе, и между ними устанавливаются не нормальныя отношенія продавца и покупателя, но безсмысленная личная вражда. «Ловко я надулъ барина», хвастаетъ ремесленникъ въ кругу своихъ собратій.—«Подлецы наши ремесленники и купцы», ругается баринъ. И ни одинъ изъ нихъ не видитъ, что они оба равно глупы и равно пошлы, что они сами вредятъ себѣ, что никогда не можетъ развиваться общество при этихъ тупоумныхъ отношеніяхъ, зародившихся еще на школьной скамьѣ и развивающихся, растущихъ въ глубину до гробовой доски обоихъ глупцовъ.

Въ описываемый мною періодъ школьной жизни мои товарищи, юноши отъ пятнадцати до восемнадцати лѣтъ, занимались сооруженіемъ между собою перегородокъ, дѣлились на кружки курточекъ, сшитыхъ дома, на кружки поддевокъ и синихъ сюртуковъ съ зеленоватыми пятнами, на пансіоперовъ директора, учителей и школы и на вольноприходящихъ учениковъ. Даже на дворѣ, играя въ лапту, рѣдко сходились между собою эти кружки; пансіонеры же директора совсѣмъ не играли и важно прохаживались по боковымъ тротуарамъ. Курточниковъ очень интересовало рѣшеніе слѣдующихъ важныхъ вопросовъ: «кто твой отецъ? сколько у него денегъ?» и часто слышали поддевочки и синіе съ зеленоватыми пятнами сюртучки такіе обидные упреки: «Ахъ ты, сапожникъ! Много ли селедокъ въ день продаетъ твой отецъ? Что твой родитель беретъ за шитье штановъ?» Каждый кружокъ стоялъ за своихъ членовъ; явно, внѣ кружковъ, особнякомъ стоялъ только Розенкампфъ. Онъ называлъ всѣхъ своихъ товарищей по классу пошлыми дураками, и, судя по его гордости, его можно было счесть, по крайней мѣрѣ, за сына владѣтельнаго князя, не имѣвшаго себѣ ровни. А этому-то гордому мальчику не было даже пріюта, гдѣ бы приклонить голову: у него умеръ отецъ, и богатая мать перестала брать своего сына домой даже по воскресеньямъ. Это заинтересовало мальчишекъ, и они начали разгадывать какую-то тайну. Важные ученые вопросы занимали ихъ! И вѣдь до того занимали, что многіе одноклассники рѣшались разспрашивать Розенкампфа:

— Скажите, Розенкампфъ, отчего вы православный, а ваши родители и братъ лютеране?

— Оттого, что меня окрестили въ православную вѣру, а ихъ въ лютеранскую.

Digitized by Google

— Но вѣдь это не причина; не окрестили же вашего брата въ православную, а васъ въ лютеранскую?

— Не окрестили,—лаконически отвѣчалъ Розенкампфъ, нисколько не поясняя дѣла.

— Да вы и не похожи на своихъ родителей и на брата; они всѣ бѣлокурые, а вы черноволосый.

— Что-жъ изъ этого слѣдуетъ?—щурясь, спрашивалъ Розенкампфъ и началъ, видимо, раздражаться.

— Какъ что?

— Да, что, по-вашему, слѣдуетъ изъ этого?—допрашивалъ онъ, и еще болѣе щурилъ глаза, а на лицѣ выражался гнѣвъ, губы тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Но это выраженіе безсилія быстро смѣнялось его обычной отталкивающей, язвительной усмѣшкой.

— Не заказали ли вамъ написать мою родословную? — говорилъ онъ.—Или вамъ приказано отъ полиціи узнавать званіе и чины воспитанниковъ нашей школы? Еще не придется ли мнѣ платить за вашъ трудъ? Если о себѣ будете писать, то пишите: находился въ званіи и чинѣ пошлыхъ дураковъ.

Такія пошлости повторялись нерѣдко, это были развлеченія послѣ ученья; послѣ нихъ Розенкампфъ ругалъ всѣхъ нашихъ курточниковъ и удивлялся, какъ я могу съ ними разговаривать.

— А развѣ тебѣ весело видѣть, какъ всѣ на тебя злятся?—спрашивалъ я у него.

— Весело. По крайней мѣрѣ, я знаю, что я лучше ихъ. Если бы я не привыкъ къ тебѣ, голубчикъ мой, я и съ тобой поссорился бы за то, что ты ласковъ съ ними.

— Не сердись, Коля, но я не могу враждовать со всѣми; тебя на нихъ я никогда не промѣняю, но для чего же ругаться съ ними?

Какую же роль въ этой глупой дѣтской комедіи игралъ я? О, я игралъ самую глупѣйшую изъ глупыхъ ролей. Я танцовалъ, какъ рыба на раскаленной сковородѣ. Былъ сознико̀мъ курточекъ и трепеталъ передъ шалдевочками, которыя могли мнѣ сказать при первой моей высокомѣрной выходкѣ: «да ты-то что носъ поднимаешь?»—и открыть званіе моего отца. Стыдиться этого званія вошло мнѣ въ привычку. Я пускалъ въ ходъ свои нарядныя одежды, щеголялъ ловкими манерами, разсказывалъ о знакомыхъ мнѣ пажахъ, которыхъ въ сущности зналъ немного короче, чѣмъ китайскаго императора; я старался, съ помощію сво-

Digitized by Google

сто остроумія, сдѣлаться популярнымъ въ классѣ и сдѣлался. Школьники любили меня и не замѣчали, что мое остроуміе трудомъ доставалось мнѣ и не носило на себѣ печати того дѣтскаго юмора, который разомъ даетъ мѣткія клички учителямъ и товарищамъ. Я тоже давалъ имъ клички, но отъ нихъ потомъ пахло. Назвалъ я, напримѣръ, школьнаго эконома, не брезгавшаго брать отъ воспитанниковъ палочки сургуча, мальчикомъ Велизарія; осталась эта кличка на вѣки-вѣчные за экономомъ; но развѣ она родилась въ дѣтскомъ живомъ умѣ? Развѣ не пахнетъ отъ нея придумываніемъ, работою, потомъ? Недаромъ звалъ меня Калининъ шутомъ гороховымъ. Впрочемъ, только онъ одинъ смѣялся надо мною; другіе любили меня и считали за порядочнаго человѣка; сами-то они ужъ больно плохи были.

Но бывали и у меня тяжелые дни. Вдругъ нападала на меня скука, и забивался я въ свободные часы куда-нибудь въ уголъ и долго сидѣлъ тамъ, молча, безъ дѣла. Какіе-то смутные не то призраки, не то мысли бродили въ моей головѣ, и чувствовалъ я, что мнѣ противны и наука, и товарищи, и я самъ. Въ эти минуты, и именно за нихъ, любилъ меня Розенкампфъ и вполнѣ высказывалъ свою любовь. Онъ разговаривалъ со мною, ласково утѣшалъ меня, совѣтовалъ не бросать ученья, не заботиться о глупыхъ товарищахъ, и пророчилъ, что я сдѣлаюсь лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ тогда. Но рѣдки были минуты честной тоски, гораздо чаще ихъ были часы театральнаго ломанья.

Въ ноябрѣ я пересѣлъ на мѣсто Розенкампфа, сдѣлался primus, первый ученикъ въ классѣ. Повышеніе заставило меня еще болѣе возмечтать о себѣ; я былъ генералъ отъ третьяго класса, смотрѣлъ въ немъ за порядкомъ, записывалъ на черную доску непокорныхъ шалуновъ. Раздолье!

Однажды я сидѣлъ рядомъ съ Розенкампфомъ; онъ былъ не въ духѣ, что случалось съ нимъ весьма часто; мнѣ понадобился классный журналъ, а встать было лѣнь.

— Коля, принеси мнѣ журналъ,—сказалъ я Розенкампфу.

— Возьми самъ,—отвѣчалъ онъ.

— Развѣ тебѣ трудно принести?

— Не трудно, но вѣдь это пустая прихоть.

— А если я тебя прошу ее исполнить?

— Что съ тобой, Саша?

— Ничего! но ты отвѣчай на мой вопросъ: если я тебя прошу исполнить *мою* прихоть?—я очень важно дѣлалъ удареніе на словахъ *я* и *моя*, точно человѣкъ съ характеромъ.

Digitized by Google

— Такъ я ее не исполню, потому что я не лакей, и не желаю исполнять прихоти господина.

— Мужицкія понятія о дружбѣ! Я начинаю подозрѣвать, что ты мужикъ.

Я всталъ, взялъ журналъ и, не обращая вниманія на лицо друга, сѣлъ на свое мѣсто. Много заботиться о послѣдствіяхъ этой пустой сцены было нечего. Подобныя сцены происходили у насъ и происходятъ во всѣхъ россійскихъ и другихъ училищахъ по десяти разъ въ день; онѣ свидѣтельствуютъ о низкой степени умственнаго развитія дѣтей и подаютъ великія надежды на то, что изъ этихъ дѣтей выйдутъ мелко-обидчивыя и безпутно-настойчивыя личности, о которыхъ разсказывается народомъ мѣткая сказка; въ ней мужъ заставляетъ жену сказать: «слава Богу, мужъ лапоть сплелъ», а жена не хочетъ этого сказать, и вслѣдствіе того начинается ссора, оканчивающаяся очень грустно. Сказка смѣшна, но не весело сойтись въ жизни съ такими мужьями и съ такими женами, а много ихъ выходитъ изъ нашихъ школъ.

Окончились утреннія занятія; я ждалъ, когда подойдетъ Коля мириться со мною, но Коля не подходилъ. Пришлось мнѣ одному ходить по двору. Многіе товарищи успѣли это замѣтить. Ко мнѣ подбѣжалъ Онуфріевъ, вѣчный врагъ Розенкампфа, и спросилъ меня:

— А гдѣ же Розенкампфъ?

— Развѣ я нянька Розенкампфа?—сказалъ я.

— Вы, вѣрно, съ нимъ поссорились?—допрашивалъ Онуфріевъ.

— Да, поссорился,—отвѣчалъ я и поспѣшилъ уйти отъ пелюбимаго одноклассника.

Это было въ пятницу; въ субботу уже весь классъ зналъ о нашей ссорѣ. Насъ такъ привыкли видѣть вмѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что теперь всѣмъ казался страннымъ этотъ разрывъ. Торжествующимъ былъ я. Розенкампфа всѣ ругали за его неуступчивость и насмѣшки. Я имѣлъ глупость и подлость слушать, какъ ругали моего любимаго друга; я даже самъ пожималъ плечами и говорилъ: точно, съ нимъ трудно ладить! Между тѣмъ этотъ человѣкъ, съ которымъ было трудно ладить, былъ для меня единственнымъ дорогимъ существомъ въ школѣ, и я желалъ только примиренія съ нимъ. Почему же я игралъ эту грустную роль? Потому же, любезный читатель, почему играли ее многіе изъ вашихъ знакомыхъ, почему, можетъ-быть, будутъ

Digitized by Google

играть ее и ихъ дѣти. Виноваты тутъ дурное воспитаніе, отсутствіе честнаго взгляда на отношенія къ людямъ, вѣчное желаніе порисоваться, привычка говорить первое попавшееся на языкъ слово. Кто изъ насъ не слушалъ, какъ безъ причины бранили при немъ друзей, и не считалъ безчестнымъ молчать или поддакивать? а потомъ самъ удивлялся, если друзья отворачивались и сторонились отъ него?

— За что? —спрашивалъ онъ себя.

— Другомъ не умѣешь быть,—отвѣчалъ слишкомъ поздно проснувшійся разсудокъ.

XVI.

Горе.

Прошло дней пять, а Розенкампфъ не приходилъ ко мнѣ съ предложеніемъ помириться; я не могъ впередъ протянуть ему руку, отъ этого простого поступка удерживало меня чувство мелочного самолюбія, которое дѣлаетъ не только дѣтей, но даже неглупыхъ людей пошлыми глупцами и вызываетъ множество самыхъ комическихъ, продолжительныхъ ссоръ, возникшихъ изъ пустяковъ. Мнѣ было до того тяжело и скучно безъ друга, что это чувство отражалось на моемъ лицѣ, и его замѣтили многіе товарищи.

— Охота вамъ скучать объ этомъ подкидышѣ! —сказалъ мнѣ разъ Онуфріевъ, юлившій передо мною, какъ бѣсъ, во все время ссоры.

— О какомъ подкидышѣ?—спросилъ я въ недоумѣніи.

Да о Розенкампфѣ: вѣдь онъ не родной сынъ покойнаго генерала; генералу подкинули его на другой день свадьбы.

— Свинья! —оборвалъ я Онуфріева и повернулся къ нему спиною.

— За что обругалъ тебя Рудый?—разспрашивали мальчишки, слышавшіе мое восклицаніе.

— За то, что я ему сказалъ правду, что Розенкампфъ подкидышъ,—отвѣчалъ Онуфріевъ.

Онъ былъ окончательно испорченъ грязью мѣщанской жизни.

— Какой подкидышъ?

— Да такой, какіе бываютъ подкидыши: сынъ какой-нибудь...

Онуфріевъ нагло произнесъ то названіе падшей женщины, которое рѣдко произносится и большими.

— Я давно зналъ это, да говорить не хотѣлось, а теперь

Digitized by Google

къ слову пришлось. А Рудый туда же — ругается, забылъ, вѣрно, что самъ лакейскій сынъ...

И вотъ началась въ нашемъ классѣ одна изъ гнусныхъ исторій разбирательства званій нашихъ отцовъ, высказалось первое проявленіе страсти къ сплетнѣ, и облетѣла сплетня весь классъ; кто выслушалъ ее да плюнулъ чуть не въ лицо сплетнику, а кто и задумался надъ нею, какъ надъ тѣмъ-то важнымъ и лично до него касающимся. Услыхалъ и Розенкампфъ горькій упрекъ за свое происхожденіе, и сильно кольнулъ онъ несчастнаго мальчика, старавшагося столько лѣтъ казаться законнымъ сыномъ генерала. Я тоже упалъ съ высоты своего величія и отрезвился. Первымъ моимъ дѣломъ было подойти и объясниться со старымъ другомъ и попросить у него извиненія.

— Коля, перестань дуться,—нѣжно сказалъ я ему:—помиримся, пожалуйста.

— Оставьте меня! Вы мнѣ мѣшаете учиться.

— Ради Бога, Коля! извини меня, я ни въ чемъ не виноватъ, говорилъ я, волнуясь.

Я уже вполнѣ ясно понималъ всю гадость происходившаго вокругъ меня.

— Вы ни въ чемъ не виноваты, вотъ эти мерзавцы виноваты!—произнесъ Розенкампфъ, указывая на сидѣвшихъ въ классѣ учениковъ, и изъ его глазъ закапали крупныя слезы.—Но подите отъ меня прочь и никогда не подходите ко мнѣ; я васъ такъ же не люблю, какъ и ихъ, слышите вы? Я никого не люблю!

Онъ зарыдалъ и поспѣшно ушелъ изъ класса.

Читатель въ своемъ мѣстѣ узнаетъ грустную исторію Розенкампфа.

Я сѣлъ на свое мѣсто, моя голова находилась въ состояніи опьянѣнія. Кое-какъ прошло время до двѣнадцати часовъ, наконецъ, послышался звонъ колокольчика. Всѣ школьники побѣжали на дворъ, начались веселыя дѣтскія игры, полетѣли комки снѣгу, раздались шумъ и смѣхъ, закипѣла молодая жизнь. Хорошо, если бы всѣ дѣти ловили эти мгновенья, и не было бы ни у одного ребенка ни горя, ни наказанія, ни желанія заводить не дѣтскіе дрязги, ни стремленія обижать своихъ собратовъ. Къ сожалѣнію, и то, и другое, и третье было въ нашихъ дѣтяхъ.

Инспекторъ, по обыкновенію, заперъ въ отдѣльныхъ комнатахъ наказанныхъ дѣтей, оставленныхъ безъ обѣда, и глядятъ они съ завистью на играющихъ товарищей. Подъ

Digitized by Google

вліяніемъ этого чувства, они не могутъ учить своихъ уроковъ, и наказаніе, кромѣ мести, конечно, не будетъ имѣть никакого результата. Уроки не будутъ выучены, а къ дѣтскому характеру прибавится еще одна частица озлобленія. Засѣлъ и я, никѣмъ не наказанный, въ классѣ и не пошелъ на дворъ; томитъ меня первое настоящее горе, и кажется, что не будетъ ему ни конца, ни предѣловъ. Смотрю я съ тоскою, какъ рѣзвятся дѣти, какъ ходитъ одинокій Розенкампфъ по своему завѣтному тротуару, въ сторонѣ отъ товарищей: а вотъ и они, уже испорченные жизненною грязью сорванцы, ихъ четверо, они взялись подъ руки и ходятъ навстрѣчу ему, не давая дороги; онъ уступаетъ имъ путь и переходитъ на другую сторону двора; мальчишки идутъ туда же и снова загораживаютъ ему дорогу. Наконецъ, одинъ изъ нихъ рѣшается толкнуть бѣдняка, тотъ останавливается, они начинаютъ что-то говорить, размахивать руками. Я плотно прижимаю лицомъ къ стеклу, мнѣ хотѣлось бы услышать ихъ разговоръ, я понимаю, что тамъ происходитъ нехорошая, не дѣтская сцена. Вотъ ея содержаніе:

Мальчишка толкнулъ Розенкампфа и самъ же закричалъ:

— Что ты толкаешься, невѣжа?

— Не я толкаюсь, а ты! — вспылилъ Розенкампфъ, желавшій сначала настойчивостью заставить школьниковъ оставить его въ покоѣ. — Вы всѣ толкаетесь,—добавилъ онъ:— вамъ хочется вывести меня изъ терпѣнья; такъ вы лучше поколотили бы меня, вы же знаете, что я и съ однимъ изъ васъ не справлюсь.

— И поколотимъ, чтобы ты не зазнавался! — крикнули сорванцы и окружили Розенкампфа.

Къ нимъ прибавилось еще двое, трое школьниковъ, почуявшихъ предстоящее побоище.

— Если вы его поколотите, то я позову сейчасъ же гувернера,—сказалъ чей-то мягкій и неторопливый голосъ и раздвинулъ толпу сорванцовъ.

Къ Розенкампфу подошелъ высокій, худенькій мальчикъ. Это былъ Воротницынъ, пансіонеръ директора. Онъ учился въ одномъ съ нами классѣ, но тотчасъ же послѣ уроковъ уходилъ вмѣстѣ съ другими пансіонерами директора на квартиру послѣдняго. Воротницынъ принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ аристократическихъ семействъ въ Петербургѣ; отецъ его занималъ видное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Дѣтство мальчикъ провелъ частью въ приволж-

Digitized by Google

ской деревнѣ отца, частью въ Швейцаріи со своею матерью, женщиною умною и образованною, настоящею, а не мишурною аристократкою; она отказалась отъ шумныхъ удовольствій свѣта, чтобы посвятить себя воспитанію сына. Въ описываемое мною время Воротницынъ еще носилъ по ней трауръ. Лицо Воротницына было привлекательно и немного женственно; голубые его глаза были всегда полузакрыты длинными рѣсницами, голова, по привычкѣ, постоянно склонялась на лѣвый бокъ. Онъ хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, зналъ наизусть всѣ стихотворенія Шиллера, прочелъ книги, о которыхъ его одноклассники и понятія не имѣли, и, будучи хорошимъ музыкантомъ, наслаждался произведеніями Вебера и Шопена. Съ «послѣдней мыслью Вебера» соединялись его воспоминанія о матери. Онъ былъ идеально-нравственное и склонное къ мечтательности существо; все его счастіе состояло въ возможности наслаждаться тишиною, читать любимыя книги и мыслить-мечтать. Друзей по своему характеру онъ не могъ найти въ нашей школѣ, да и не искалъ ихъ.

Таковъ былъ человѣкъ, подошедшій къ Розенкампфу.

— Пойдемте, Розенкампфъ, со мною: вы видите, что они сами не знаютъ, чего хотятъ, — сказалъ Воротницынъ и, взявъ подъ руку Розенкампфа, вывелъ его изъ среды школьниковъ, испуганныхъ угрозою.

Они знали, что директоръ любитъ Воротницына.

Когда я увидалъ, что Розенкампфъ спасенъ отъ побоевъ, то у меня какъ гора свалилась съ сердца. Къ двумъ часамъ всѣ ученики собрались въ классъ. Пришли Воротницынъ и Розенкампфъ, они разговаривали между собою: первый засунулъ, по своему обыкновенію, руку за жилетъ и былъ необыкновенно оживленъ, какъ будто радуясь находкѣ понятливаго слушателя: второй наружно оправился отъ недавнихъ тревогъ, слушалъ со вниманіемъ своего новаго знакомца, и на его лицѣ блуждала улыбка. Ихъ, разумѣется, никто не задѣвалъ, и скоро всѣ забыли о сценѣ на дворѣ и обо всѣхъ глупостяхъ, случившихся въ послѣднее время: не забылъ о нихъ только я. Я безвозвратно потерялъ друга и стоялъ совершенно одиноко среди школы; я слишкомъ много и долго ломался, чтобы сойтись теперь съ кѣмъ-нибудь порядочнымъ, а порядочныхъ-то людей было всего только трое въ нашемъ классѣ: Воротницынъ, Калининъ и Розенкампфъ,—они не любили, не могли любить меня.

Настали дни моего испытанія, тяжелые дни...

Digitized by Google

Много лѣтъ прошло со времени этихъ событій моей дѣтской жизни, но воспоминаніе о нихъ навсегда осталось въ моей памяти, и если при мнѣ осуждаютъ пустыхъ и дурныхъ людей, то мнѣ становится и грустно, и тяжело. Дурные люди! пустые люди! кричимъ мы всѣ. А какъ росли, какъ воспитывались эти пустые и дурные люди? Не ожесточали ли ихъ тысячи мелкихъ и грязныхъ непріятностей, не вела ли ихъ нерадивая школа къ вѣрной погибели? Обращала она все свое вниманіе на внѣшнюю, лицевую сторону нравственности дѣтей и отворачивалась отъ ихъ внутренней жизни. Ни одинъ гувернеръ, ни одинъ учитель не знали, что̀ дѣлалось въ дѣтскихъ кружкахъ, покуда дѣти не дрались и не шумѣли; ни одинъ не сдѣлался другомъ дѣтей, чтобы честно развить ихъ убѣжденія и характеры, указать на прямыя отношенія людей другъ къ другу. Воображали учителя и гувернеры, что для развитія дѣтскихъ характеровъ вполнѣ достаточно прописныхъ сентенцій пошленькаго свойства, и выходили дѣти изстрадавшимися, изолгавшимися, негодными для общества личностями, дурными и пустыми людьми. Многіе ли спаслись? Глядя на бѣдныхъ дѣтей, невольно сжимается сердце и срывается съ языка безотрадное слово: «горе!»

XVII.

Тяжелые дни.

Настали мои тяжелые дни.

Моя наружность казалась здоровою, мои отношенія ко всѣмъ окружающимъ были не слишкомъ чувствительны и нѣжны. Но и то, и другое былъ чистѣйшій оптическій обманъ. Я былъ болѣзненный и нервный мальчикъ; любовь моя была глубока и сильна; разъ полюбивъ человѣка, я уже не могъ его разлюбить. Я могъ на него сердиться, могъ ненавидѣть его проступки, но любовь къ нему не проходила; она являлась какъ бы отплатою за прошедшія счастливыя минуты, доставленныя мнѣ этимъ человѣкомъ. Но высказывать свои чувства я не умѣлъ. Въ нашей мѣщанской семьѣ этому нельзя было научиться; ни мать, ни отецъ не любили словесныхъ нѣжностей и рѣчистыхъ изъявленій чувствъ; они слишкомъ вѣрили другъ въ друга, чтобы прибѣгать къ этимъ ничего не значащимъ подогрѣваньямъ любви. Только въ самыя горькія минуты ободряло одно ласковое немногословное утѣшеніе постигнутаго горемъ члена семьи. Такимъ выросъ и я. Подъ наружною пустотою таилась во

Digitized by Google

мнѣ та простая русская нравственность и гордость, которою были такъ богато одарены мои родители. Я могъ дѣлать ошибки, могъ закружиться, увлеченный мишурнымъ блескомъ и ложнымъ самолюбіемъ, но время отрезвленія должно было придти непремѣнно, и для этого требовался только сильный внѣшній толчокъ. У людей, идущихъ по ложной дорогѣ, не бываетъ недостатка въ такихъ толчкахъ. Теперь я отрезвился и, разумѣется, этотъ періодъ моей жизни не провелъ я спокойно. Я волновался постоянно. Сперва началъ работать мое горячее воображеніе; рисовались страшныя картины моей конечной гибели, потомъ представлялся мнѣ торжественный день примиренія съ Розенкампфомъ. Но этотъ день не наставалъ, и я сталъ спрашивать себя: можетъ ли онъ наступить? Умъ въ первый разъ смѣло задалъ себѣ вопросъ и такъ же смѣло разрѣшилъ его. Оказалось: помириться нельзя; мой старый другъ долженъ считать меня пустымъ мальчишкою. Я твердо произнесъ надъ собой этотъ приговоръ и тотчасъ же задалъ себѣ новые вопросы: точно ли я пустой мальчишка? не могу ли я быть лучшимъ? Возникла мучительная внутренняя борьба. То топталъ я себя въ грязь, то доказывалъ себѣ возможность возрожденія. «Ты стыдился своего честнаго отца,—говорилъ мнѣ тайный голосъ,—ты хвасталъ своимъ самолюбіемъ и между тѣмъ плясалъ на балахъ, жалъ руки важныхъ дѣтей, которыя смѣялись надъ тобой въ глаза тебѣ; ты лгалъ въ школѣ, называя этихъ дѣтей своими друзьями; ты ненавидѣлъ науку и учился изъ желанія быть первымъ, блестѣть; теперь ты не учишься, потому что блестѣть нельзя: дѣти-товарищи знаютъ, что ты прикидывался барчонкомъ, и смѣются надъ тобой: ты говорилъ о своей любви къ другу и, обидѣвъ его, не пошелъ къ нему съ извиненіемъ, почти ругалъ его съ другими школьниками. Гдѣ же тутъ самолюбіе? Гдѣ доказательства, что ты не пустой и не глупый мальчишка?»— «Не вѣрь этимъ упрекамъ, - говорилъ другой тайный голосъ, ты ненавидишь свое прошлое, значитъ, ты можешь исправиться». И ни одного указанія, куда мнѣ идти, ни одного наставленія, какъ исправиться, не прибавлялъ этотъ второй тайный голосъ!.. На всю эту внутреннюю ломку уходили часы и дни, и тратилось время ученья. Я быстро падалъ въ отмѣткахъ учителей и уже не былъ первымъ по классу. Новая причина волненій и страданій не думать ни о чемъ и только учиться, учиться и учиться. Но тайный, ободряющій голосъ слышался мнѣ снова: «ученье не уйдетъ, а же-

Digitized by Google

ланіе исправить себя можетъ пройти, успѣхъ въ ученьѣ опять закружитъ твою голову, прежде чѣмъ ты исправишься. Думай!» «А что скажетъ отецъ, если я не перейду въ слѣдующій классъ?» Эта мысль стала мучить меня и днемъ, и ночью. Душевныя пытки, работа ума, неудачи въ ученьѣ съѣдали мое здоровье; я худѣлъ, голова горѣла.

— Здоровъ ли ты, Александръ?—какъ-то спросилъ меня отецъ, щупая мою голову.—У тебя голова горяча, ты похудѣлъ.

— Нѣтъ, я здоровъ,—отвѣчалъ я.

— Отчего же ты постоянно скученъ?

— Мое ученье идетъ плохо.

— Если не отъ лѣни, то не бѣда.

— Но я не перейду въ слѣдующій классъ.

— И это не бѣда; сиди хоть три года въ одномъ классѣ, но учись: ты только ученьемъ можешь пробить себѣ путь.

— Я это знаю; но теперь я не могу учиться; я стараюсь, и все-таки не знаю своихъ уроковъ.

— Подожди, отдохни. Если ты стараешься, то когда-нибудь добьешься и до исполненія своего желанія. Ты много въ комнатѣ сидишь, мало играешь. Рѣзвись съ товарищами, разсѣй скуку.

— Товарищи мнѣ не по душѣ; они скверные мальчишки.

— Не рано ли ты начинаешь судить людей?—серьезно и строго замѣтилъ отецъ.—Ты прежде этого не говорилъ. А что твой другъ?

— Не говори мнѣ о немъ, отецъ.

На минуту мы замолчали.

— Ты мнѣ сказалъ,—началъ я:—что не разсердишься, если я не перейду въ слѣдующій классъ, и я буду спокойнѣе. На будущій годъ я надѣюсь наверстать потерянное время.

— Хорошо; дѣлай, какъ знаешь.—Отецъ помолчалъ.—Нѣтъ ли у тебя какихъ-нибудь вопросовъ, мыслей, съ которыми не можешь справиться одинъ? Не нужна ли моя помощь, я тебя помогу.

Въ его голосѣ было какое-то дрожанье.

— Есть они, да я одинъ съ ними справлюсь. Спасибо тебѣ.

Отецъ любовно посмотрѣлъ на меня.

— Будь же твердъ! Я за тебя не боюсь, ты мой сынъ.

Онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ: «мой» и спокойно принялся строгать доски.

Digitized by Google

Послѣ разговора съ отцомъ я сталъ покойнѣе, но ученье шло не лучше. Отвѣчая уроки, я краснѣлъ, путался и сбивался. Пришло время экзаменовъ; одни сдалъ я кое-какъ, на другихъ провалился. Но горе еще не дошло до крайней точки своего развитія; мнѣ пришлось услышать надъ собою приговоръ тѣхъ людей, которыхъ я считалъ лучшими въ нашей школѣ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ майскихъ дней я проходилъ по школьному коридору мимо дверей надворнаго крыльца; онѣ были полуоткрыты. На ступеняхъ, спиною ко мнѣ, сидѣли Воротницынъ и Розенкампфъ, довольно громко разговаривая между собою. Я зналъ, что они любятъ сидѣть на этомъ мѣстѣ, и шелъ туда нарочно, обманывая даже самого себя, говоря, что я шелъ случайно: мнѣ, во что бы то ни стало, хотѣлось подслушать хоть одинъ изъ ихъ долгихъ разговоровъ. Я притаился за дверью.

— Славное время стоитъ,—говорилъ Розенкампфъ.

— Да, теперь бы у насъ на Волгѣ или въ Швейцаріи пожить. Когда-то я увижу эти мѣста, буду ли тамъ такъ счастливъ, какъ бывалъ при жизни матушки? Ты, Николай, не можешь себѣ и вообразить, какова природа въ весеннее время! – мечталъ Воротницынъ. — Чудное время! Все оживаетъ, дѣлается мягче, нѣжнѣе, простой звукъ, простой писк ранней птицы полны гармоніи — и все это живетъ! Весна всѣмъ расточаетъ свои дары, помнишь der Lenz Шиллера:

In einem Thal bei armen Hirten.

Воротницынъ продекламировалъ мелодическимъ и свѣжимъ голосомъ стихотвореніе Шиллера.

— Теперь и мысль становится бодрѣе, могучѣе, и трудъ спорится легче.

— Разумѣется, легче! Посмотри на нашъ классъ, всѣ бодры, работаютъ, подгоняютъ себя: экзамены сходятъ хорошо.

— Да. А замѣтилъ ты, какъ Рудый сталъ падать? Онъ учится все хуже и хуже.

Я приникъ къ дверямъ и затаилъ дыханіе.

— Замѣтилъ, но не понимаю, отчего это происходитъ. Неужели причиною тому наша ссора? Онъ не такъ глупъ.

— Не глупъ, но онъ слишкомъ мелочно самолюбивъ; онъ упалъ разъ и уже никогда не встанетъ. Мнѣ жаль его, и осуждать его, какъ и другихъ людей, не должно. Нужно прощать и примиряться. Онъ, бѣдняга, похожъ на то, что въ нашемъ кругу называется: un laquais endimanché.

Digitized by Google

Я съежился за дверями, когда услышалъ послѣднія слова Воротницына, и на цыпочкахъ пошелъ прочь, понуривъ свою голову. Un laquais endimanché. Меня жгла эта вѣрная оцѣнка моей личности, и ужаснѣе всего было то, что я не могъ сказать этимъ людямъ, что уже дѣлаюсь другимъ человѣкомъ, что они оцѣнили мое прошлое, но не настоящее. И вдругъ вспыхнула во мнѣ глубокая ненависть къ этимъ людямъ, и въ этомъ чувствѣ было что-то безумно яростное. «А! вы умные, вы безупречные люди!—думалось мнѣ.—Зачѣмъ же вы допустили погибнуть меня, глупаго, испорченнаго? Не нужно мнѣ ваше прощенье! Не нужна мнѣ ваша жалость! Вы хуже меня; я погибалъ, не видя гибели, а вы и видѣли, да не хотѣли подать мнѣ руки, вы и теперь оттолкнули бы меня, если бы я къ вамъ пришелъ. Негодяи!» Жёлчь кипѣла во мнѣ, я не могъ думать и размышлять и на время отдался всецѣло своей судьбѣ, сдѣлался мертвою машиною, бросилъ учиться, падалъ на экзаменахъ и даже не краснѣлъ; даже одинъ разъ—это я помню—улыбнулся, получивъ нуль. Во мнѣ не было надежды на близость перелома во всемъ моемъ существѣ, а онъ уже стоялъ у порога.

XVIII.

Публичный актъ.

На послѣднемъ экзаменѣ я провалился окончательно, не отвѣтилъ съ толкомъ ни на одинъ вопросъ и получилъ четвертый худой баллъ. О переходѣ въ слѣдующій классъ нечего было и думать. Черезъ четыре дня назначался публичный актъ, день торжества и славы для прилежныхъ, день казни и позора для лѣнивыхъ.

Въ эти четыре дня я находился въ болѣзненномъ и тревожномъ состояніи; умъ бездѣйствовалъ и работало воображеніе. Оно рисовало передо мною страшныя картины публичной пытки и позора. Мнѣ хотѣлось и захворать, и провалиться сквозь землю. Хотѣлось убѣжать куда-нибудь далеко и плакать, горько плакать. Въ послѣднее время мои слезы словно прожигали мой мозгъ, но не лились изъ глазъ, и отъ этого мнѣ становилось еще тяжелѣе. Въ ночь передъ роковымъ днемъ мнѣ снился сонъ. Вижу я школьный публичный залъ, онъ полонъ роскошно-одѣтыми посторонними людьми: въ нихъ я узнаю знакомыхъ барынь-старухъ, ихъ воспитанницъ и пріемышей, гордыхъ пажей и надменныхъ дѣвицъ. Я стараюсь скрыться за ними отъ взоровъ това-

Digitized by Google

рицей и отъ директора, но посѣтители раздвигаются и указываютъ на меня директору. Онъ начинаетъ бить меня по лицу, и вижу я, что это не директоръ, а Рейтманъ, багровый отъ злости. Страшно звонко раздаются звуки пощечинъ... Всѣ хохочутъ и громче всѣхъ хохочутъ Воротницынъ и Розенкампфъ. «C'est un laquais endimanché!» кричатъ они во все горло, «такъ его и надо! Бейте его, господинъ Рейтманъ! бейте»... «Коля! Коля!» кричу я рыдающимъ голосомъ и просыпаюсь... На дворѣ свѣтло; слышенъ веселый стукъ колесъ, льется благовѣстъ, и его торжественные звуки доносятся до меня и медленно замираютъ какъ бы надъ самымъ моимъ ухомъ: горячее майское солнце играетъ яркими лучами на стѣнахъ и мебели моей крошечной комнатки, на моемъ разметавшемся тѣлѣ, на сбитыхъ въ ноги простыняхъ... Я вскакиваю съ постели и, не одѣвшись, въ одной рубашонкѣ бросаюсь на колѣни передъ образомъ, припикаю пылающей головой къ холодному полу и долго-долго молюсь...

Никогда не молиться мнѣ такъ, какъ молился я тогда. Поднялся я съ холоднаго пола уже другимъ человѣкомъ, точно во мнѣ что-нибудь порвалось; уже не страхъ передъ собиравшеюся грозою сжималъ мое сердце, но было во мнѣ одно нервическое, нетерпѣливое желаніе сдѣлать разомъ расчетъ съ глупо прожитою жизнью, перенести испытаніе, непремѣнно перенести его, и что-то побѣдить въ самомъ себѣ, отыскать новую дорогу. Я торопился идти на актъ, хотѣлъ скорѣй пережить этотъ день, вычеркнуть его изъ своей жизни, и только одна мысль: «будь, что будетъ!» шевелилась въ моей головѣ. Эта молитва была лебединою пѣснью, пропѣтою моему дѣтству, и унеслась она съ нею въ ту непроглядную даль, куда унеслись и радости, и горе, и юность моя, чудесная, незабвенная юность!..

Я поспѣшно одѣлся и былъ, насколько это было возможно, спокоенъ; только лицо мое было немного блѣдно.

— Не остаться ли тебѣ дома? — сказала заботливо матушка. Ты можешь и послѣ получить годовое свидѣтельство.

— Нѣтъ, матушка, я пойду.

— Но ты блѣденъ, тебѣ нездоровится и, Богъ знаетъ, какъ пройдетъ этотъ актъ.

— Я пойду, что бы тамъ ни было.

Матушка вопросительно взглянула на отца.

— Иди, сынушка! И горю, и радости надо глядѣть прямо въ глаза.

Digitized by Google

— Я это и хочу сдѣлать.

— Только не теряй присутствія духа, не робѣй!

Если бы этотъ разговоръ произошелъ наканунѣ рокового дня, то я остался бы дома. Теперь же во мнѣ пробудилась непонятная для меня самого рѣшимость идти и выдержать пытку.

Въ одиннадцать часовъ я былъ уже въ школѣ, въ двѣнадцать всѣхъ учениковъ попарно повели въ публичный залъ и усадили тамъ на назначенныхъ мѣстахъ. Это была большая, весьма красивая комната, особенно оживленная во дни публичныхъ актовъ. Съ потолка опускалось нѣсколько люстръ съ блестящими хрусталиками, на стѣнахъ висѣли портреты важныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ учрежденію и процвѣтанію школы; надъ каѳедрой директора красовалось лѣпное изображеніе Спасителя, благословляющаго дѣтей. Около каѳедры плотными рядами сидѣли родители нашихъ воспитанниковъ и множество праздношатающихся людей, ищущихъ удобнаго случая убить свободное время. Въ концѣ зала помѣщались воспитанники и воспитанницы училища. Все это было облито горячими лучами солнца и весело сіяло. На хорахъ гудѣлъ органъ, полились ноющіе звуки нѣмецкаго гимна. Торжество началось.

Сказавъ нѣсколько словъ благодарности посѣтителямъ, директоръ ввелъ на каѳедру одного изъ выпускныхъ воспитанниковъ; этотъ началъ говорить о чемъ-то длинную рѣчь, за этой рѣчью послѣдовали еще двѣ рѣчи покидающихъ школу учениковъ. Я ничего не понялъ и даже не слышалъ изъ этихъ разглагольствованій. Изъ моихъ мечтаній вызвалъ меня голосъ директора, произносившій фамиліи учениковъ. Директоръ уже стоялъ на каѳедрѣ и отдавалъ отчетъ публикѣ о каждомъ классѣ отдѣльно. Отчеты начались съ младшаго класса. Сперва были вызваны тѣ ученики, которые переходили въ слѣдующій классъ; особенно прилежнымъ директоръ говоритъ: встаньте! то-есть: «покажи, Мишенька, добрымъ людямъ, какія бываютъ прилежныя дѣти!» Мишенька вставалъ и показывалъ людямъ, какія бываютъ прилежныя дѣти. Потомъ выкликались поименно лѣнтяи, ихъ подзывали къ каѳедрѣ; они должны были пройти всю залу, показать и грудь, и спину постороннимъ людямъ и выслушать громогласные укоры за свою негодность. Нѣкоторымъ дѣтямъ приходилось уже не въ первый разъ играть одну и ту же роль, и они исполняли ее очень развязно. Одинъ мальчуганъ подошелъ къ каѳедрѣ съ такимъ постукиваніемъ

Digitized by Google

сапогами и размахиваніемъ руками, какъ будто онъ пробирался на рынкѣ сквозь толпу мужиковъ; на его лицѣ была такая удалая, забубенная улыбка, что директоръ пожалъ плечами, а вся публика начала улыбаться, хотя именно тутъ-то и нечему было улыбаться, а скорѣе нужно было потужить о будущности несчастливца, сгубленнаго школой. Добрался директоръ и до нашего класса. Вызвалъ учениковъ, переходившихъ въ слѣдующій классъ, похвалилъ прилежаніе Розенкампфа, Воротницына и еще двухъ своихъ пансіонеровъ, поименовалъ трехъ отъявленныхъ лѣнтяевъ, но позволилъ имъ остаться на своихъ мѣстахъ и не подходить къ каѳедрѣ; онъ стыдился показать публикѣ во всей красотѣ этихъ юношей-жениховъ. Отчетъ о нашемъ классѣ, повидимому, кончился, я уже началъ радоваться. «Слава Богу, что обо мнѣ не говоритъ», подумалъ я, и въ то же мгновеніе съ каѳедры раздалось:

— Рудый!

Я привсталъ у своего мѣста.

— Подойдите ко мнѣ,— сказалъ директоръ.

Блѣдный, трепещущій, какъ пойманная птица, пошелъ я между рядами стульевъ и подошелъ къ каѳедрѣ, не поднимая головы.

— Мнѣ хочется поговорить съ вами особенно,— началъ директоръ.— Вы были въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ первымъ ученикомъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ вы находились, примѣромъ для товарищей, любимцемъ учителей, гордостью цѣлой школы, и вдругъ, не знаю почему, съ начала нынѣшняго полугодія вы стали лѣниться, стали разсѣяны, каждый день былъ днемъ новаго паденія. Я не стараюсь угадывать причины, вызвавшія вашу лѣнь; быть-можетъ, въ ея основаніи таится что-нибудь такое, что могло бы навсегда оттолкнуть меня отъ васъ,— этого я не желалъ бы. Я вѣрю въ вашу нравственность. Вы довели вашихъ наставниковъ до того, что они должны были перемѣстить васъ съ перваго мѣста на четырнадцатое. Если бы я не любилъ васъ за ваше прошлое, я не обратилъ бы теперь на васъ никакого вниманія. («Теперь!» мелькнуло у меня въ головѣ). Но мнѣ жаль, если погибнутъ ваши способности, а у васъ ихъ много. Мнѣ жаль оставить васъ въ томъ же классѣ, отнять у васъ еще годъ; вы знаете положеніе своихъ честныхъ родителей, рѣшившихся, несмотря ни на что, дать вамъ прочное образованіе; имъ нужна опора, и чѣмъ скорѣе будете вы въ состояніи помогать имъ въ трудахъ жизни, тѣмъ лучше...

Digitized by Google

При этихъ словахъ кровь хлынула мнѣ въ голову. «Нищетой попрекаетъ!» подумалъ я. Мои губы затряслись, и я съ такой злобой и упрекомъ взглянулъ на директора, что онъ на мгновенье остановился. «Подлецъ, подлецъ!» хотѣлось мнѣ крикнуть на всю залу, оглушить всѣхъ этимъ словомъ; но онъ уже продолжалъ:

— Я могу дать вамъ средства исправиться, воскреснуть во мнѣніи учителей, передъ которыми я сталъ вашимъ адвокатомъ. Я даю вамъ право въ августѣ переэкзаменоваться изъ четырехъ предметовъ.—Замѣтьте: это исключеніе изъ общаго правила, къ нему побудило меня одно чувство любви къ погибающему молодому человѣку. Постарайтесь употребить съ пользою лѣтнее время, докажите, что я не тщетно надѣюсь на васъ, оправдайте блистательно мои надежды. Вы докажете, что у васъ есть силы, не правда ли, мой другъ?

Онъ назвалъ меня этимъ именемъ, я это ясно слышалъ. Зачѣмъ въ такія минуты не находится человѣка, который плюнулъ бы въ лицо подобнымъ господамъ и крикнулъ бы: «ты лжешь, негодяй!» Въ залѣ сидѣли сотни отцовъ и матерей, и, вѣроятно, всѣ были растроганы словами директора, спасающаго отъ гибели молодого человѣка, и, конечно, ни въ комъ не шевельнулся вопросъ: развѣ такъ спасаютъ людей?

Отвѣтомъ на вопросъ директора, на эту рѣчь, полную вкрадчивой ласки, выраженной въ безжизненной формѣ докладныхъ бумагъ, въ которой мое свѣжее, молодое чувство почуяло іезуитскій расчетъ господина блеснуть передъ публикою нѣжною любовью къ ученикамъ, въ отвѣтъ на это безпощадное, публичное топтанье въ грязь человѣческаго самолюбія—было одно глухое, безслезное рыданье; я забылъ, что мнѣ пятнадцать лѣтъ, что нужно быть твердымъ. Напрасно закрылъ я лицо руками, меня и сквозь нихъ жгли любопытные взгляды посѣтителей акта. Ничего не видя, ничего не слыша, быстро пошелъ я изъ залы къ выходу. Я не зналъ, куда я иду, и шелъ, наступая на ноги людей, задѣвая за стулья... Наконецъ, чья-то рука опустилась на мое плечо.

— Что съ тобой, дитя мое? ласково спросилъ меня кроткій голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ Мейера.

Мейеръ вышелъ изъ залы слѣдомъ за мной. Я открылъ свое лицо и поспѣшилъ сѣсть на первую попавшуюся скамью. Разъ остановленный, я не могъ идти далѣе: силы меня оставили.

Digitized by Google

— Воды! едва слышно пробормоталъ я.

Мейеръ сбѣгалъ за водою.

— Пей! Сядь поближе къ окну, успокойся! —говорилъ добрякъ. — Да перестань же плакать, дитя мое. Богъ милостивъ, все перемѣнится. Со мной была такая же исторія въ школѣ, меня даже выгнать хотѣли; но все же Богъ послалъ силы, и я сдѣлался человѣкомъ. Вѣруй въ свои силы и въ помощь Бога — и все пойдетъ хорошо. Das ist ein Traum! Это сонъ! —утѣшалъ меня Мейеръ.

Его рука ласкала мои волосы, и на нихъ одна за другою падали его горячія слезы. Быть-можетъ, въ эту минуту старое дитя плакало о своей неспособности спасать въ пору и во-время любимыхъ дѣтей. Слушая его рѣчи, я горячо и крѣпко пожалъ лѣвую руку своего слабаго, безпомощнаго друга-учителя и вдругъ прильнулъ къ ней губами... Я весь горѣлъ, голова была тяжела, въ ушахъ шумѣло.

Мейеръ поднялъ мою голову, поцѣловалъ меня въ лобъ.

— Ты совсѣмъ нездоровъ,—сказалъ онъ, качая головою.— Лучше бы было тебѣ остаться дома.

— Ничего! я самъ этого хотѣлъ. мнѣ это было нужно.— отвѣчалъ я въ полузабытьѣ; мой языкъ былъ сухъ и едва шевелился.

— Что нужно? —спросилъ Мейеръ.

— Позоръ, искупленіе.

Мейеръ широко открылъ глаза, еще разъ задумчиво покачалъ головою и повелъ меня по лѣстницѣ на крыльцо. Тамъ онъ надѣлъ на меня пальто и фуражку, нанялъ извозчика, заплатилъ ему деньги и отправилъ меня домой съ однимъ изъ школьныхъ служителей.

— Учись, надѣйся на Бога!—были послѣднія слова старика; они звучали въ моихъ ушахъ и тогда, когда пропали изъ виду и онъ самъ, и зданіе школы, и весь окружающій міръ.

Не знаю, внесли ли или ввели меня въ нашу квартиру, но помню, что только черезъ недѣлю я узналъ ее и всѣхъ озабоченныхъ людей, тихо ходившихъ около моей постели.

У меня была горячка.

Докторъ велѣлъ перевезти меня на дачу. Двадцать второго іюня мы перебрались въ Петергофъ. Отецъ купилъ мнѣ нѣсколько книгъ для чтенія, надѣлалъ разныхъ коробочекъ и ящичковъ и ухаживалъ за мною, какъ за годовымъ ребенкомъ. Онъ исхудалъ во время моего недуга, и какъ будто воскресъ, когда я сталъ поправляться.

Digitized by Google

XIX.

Заключеніе первой части.

Здѣсь оканчивается исторія моего безотраднаго дѣтства, совершается полный переломъ во всемъ моемъ существѣ. Мечты о томъ, что я самъ по себѣ, безъ заслугъ и дѣлъ, что-нибудь значу, что счастіе жизни состоитъ въ важномъ чинѣ, въ барскихъ замашкахъ и въ богатствѣ, мечты, привитыя мнѣ бабушкою, школою, контрастомъ богатой обстановки другихъ домовъ съ бѣдною обстановкою моей жизни, теряютъ для меня всякое отрадное значеніе, дѣлаются мнѣ отвратительны. Я начинаю сознавать, что именно онѣ были причиной той глупой роли, которую я игралъ, что онѣ помѣшали развиться во мнѣ сознанію необходимости учиться собственно для себя, а не для того, чтобы блестѣть, получать хорошіе баллы и избѣгать наказаній. «Неужели только я одинъ былъ такимъ глупцомъ?» спрашиваю я себя и, перебирая всѣхъ учениковъ, вижу, что всѣ они были таковы: одни гордились своимъ дворянскимъ достоинствомъ, какъ чѣмъ-то возвышающимъ человѣка, и хвастали чинами отцовъ, какъ своею личною заслугою; другіе старались замаскироваться въ щегольскія курточки, обмануть и себя, и другихъ; трусливые учились, боясь наказаній, самолюбивые—желая отличиться; смѣлыя и безстыдныя дѣти махали рукой на ученье и съ забубенно-беззаботнымъ смѣхомъ получали нули. «Всѣ не лучше меня, у всѣхъ тѣ же ошибки», мысленно рѣшаю я. Но вотъ передо мною растетъ чья-то могучая личность и, кажется, говоритъ: я не такова! Это Калининъ. Онъ пріобрѣтаетъ мое уваженіе и любовь; мнѣ еще смутно, но уже понятенъ его самородный умъ, смекнувшій, для чего надо учиться—вопросъ, до разрѣшенія котораго мнѣ пришлось добираться путемъ обмановъ и опыта. Я краснѣю при воспоминаніи о своихъ привычкахъ и ловкихъ манерахъ, давшихъ поводъ Воротницыну назвать меня un laquais endimanché: но это названіе уже не жжетъ меня такъ, какъ жгло прежде; мало-по-малу, я пріучаюсь смѣяться надъ собою и обгоняю Воротницына: онъ назвалъ меня этимъ именемъ, узнавъ мое званіе и увидавъ паденіе: я же подмѣчаю признаки того же типа, къ которому принадлежалъ я, даже въ тѣхъ важныхъ мальчикахъ, съ которыми встрѣчался я когда-то въ богатыхъ домахъ отжившихъ баръ. «Отчего они спрашивали о званіи моего отца и не искали во мнѣ самомъ никакихъ достоинствъ?» говорю я. «Отчего

Digitized by Google

они въ урочный часъ носились по Невскому проспекту на наемныхъ рысакахъ и, искривясь на бокъ, смотрѣли на бѣгъ коней, пуская пыль въ глаза прохожихъ и дѣлая видъ, что кони ихъ собственные? Отчего они такъ много говорили о блескѣ баловъ и, разсказывая о знакомыхъ, не упоминали ни о честности этихъ людей, ни объ умственныхъ способностяхъ ихъ, но не забывали поименовать ихъ званія и чины, опредѣлить ихъ богатство? Оттого, что они laquais endimanchés», отвѣчаю я, смѣясь... Мой умъ припоминаетъ всѣ событія недавней жизни, до самыхъ мельчайшихъ подробностей; я разспрашиваю у отца и у матери о ихъ жизни, о жизни бабушки и дяди; они съ полною готовностью, не скрывая ничего, удовлетворяютъ моему желанію и, кажется, понимаютъ, что мои вопросы вызвало не одно любопытство. Отецъ, по мѣрѣ своихъ силъ, послѣдовательно развиваетъ передо мною свои взгляды на жизнь, купленные опытомъ. Онъ уже считаетъ меня ровнымъ себѣ, подготовленнымъ для принятія этихъ взглядовъ. Иногда они пугаютъ меня своею безпощадной правдою, и мнѣ дѣлается на минуту страшно. Становятся мнѣ ясны и пустота, и ничтожность, и истинныя заслуги знакомыхъ мнѣ личностей. Я работаю надъ собою, бодро работаю, не утомляясь, не охая, и ищу идеала не просто честнаго, какъ мой отецъ и мать, но честнаго и счастливаго человѣка; отецъ и мать не были счастливыми людьми, они просто безропотно покорялись своей судьбѣ, понимая, что болѣе широкой дѣятельности для нихъ не можетъ существовать; не будь у нихъ меня, и не было бы у нихъ ни одной отрадной надежды въ будущемъ, они жили бы только для того, чтобы умереть. Эту правду дали они мнѣ почувствовать, и я не хочу жить такою жизнью. «Гдѣ же ты таишься, людское счастье?— восклицаю я.—Блесни ищущимъ тебя людямъ и озари яснымъ свѣтомъ ихъ скорбящія души, усталые умы и примири ихъ съ жизнью! Довольно горя, довольно покорности, позволь пожить!» Но представить себѣ идеалъ счастливаго человѣка я не могу. Мой умъ — это я понялъ не въ то время, но гораздо позже,— принадлежалъ къ тѣмъ негеніальнымъ, простымъ умамъ, которые только путемъ опыта и отрицанія добираются до истины и никогда не наталкиваются на нее разомъ, по чутью, по вдохновенію. Тогда я считалъ себя именно такимъ геніемъ-изобрѣтателемъ, и потому не покидалъ своей мечты найти желанный идеалъ, хотя для сознанія его у меня не было данныхъ.

Digitized by Google

И кто же не чувствовалъ этого мучительнаго, захватывающаго духъ желанія быть счастливымъ? Кто не разъ падалъ въ изнеможеніи на избранномъ пути, обманувшись въ своихъ поискахъ и видя передъ собою, вмѣсто искомаго сокровища, вмѣсто драгоцѣннаго клада, разрытую темную и холодную могилу? «Развѣ это цѣль жизни,—кричалъ онъ въ бѣшеномъ изступленіи:—и развѣ я жилъ! Развѣ годы напрасныхъ поисковъ, трудовъ и страданій были жизнью? И хоть бы отрадная надежда надъ этой темною могилой открыть своимъ дѣтямъ тайну жизни и счастья — такъ и ея нѣтъ! Да будутъ прокляты и горькая доля, и обманчивый призракъ, манившій меня за собою съ безпечнаго пира беззаботныхъ людей и толкнувшій теперь въ могилу!» Проклиналъ бѣднякъ весь міръ, и свой честный и пытливый умъ, и свою недремлющую совѣсть, а надъ нимъ въ безграничную даль раскидывалось свѣтлое небо, кругомъ волновались, какъ море, еще зеленые побѣги ржи, весело шумѣли молодые, сочные листья деревъ, и, кружась въ воздухѣ, пѣлъ свою вдохновенную пѣсню поэтъ-жаворонокъ, исчезая въ голубомъ пространствѣ, залитомъ горячими лучами солнца...

Отчего бы не быть счастливымъ?..

Чѣмъ разрѣшились мои поиски, какъ и какія убѣжденія развила во мнѣ послѣдующая жизнь, по какой дорогѣ я пошелъ, къ какой цѣли, и была ли эта цѣль только призракомъ счастья или настоящимъ счастьемъ — узнаетъ читатель въ слѣдующей части моей исторіи, если онъ не вздумаетъ окончить чтеніе на этой страницѣ и, безнадежно махнувъ рукою, сказать: «дрянь исторія!» Но, быть-можетъ, не всѣ читатели поступятъ такъ. Есть и еще разрядъ читателей. Это одинокіе люди, заброшенные судьбой въ разныя болота и пучины нашего общества, давнымъ-давно прекратившіе невѣрную переписку со своими друзьями по убѣжденіямъ. Въ ихъ головахъ вѣчно роятся горячіе вопросы, недоумѣнія и сомнѣнія; они встрѣчаютъ въ своемъ одиночествѣ каждую новую книгу, какъ свѣжаго человѣка, могущаго сдѣлаться ихъ собесѣдникомъ, и жадно дорываются до высказанныхъ въ ней взглядовъ, и дѣлается она ихъ другомъ, если ей удастся дать отвѣтъ хоть на одинъ изъ предлагаемыхъ ей вопросовъ. Незлобивъ и веселъ ихъ смѣхъ надъ неловкимъ выраженіемъ полюбившагося имъ писателя. Это тотъ же смѣхъ, которымъ смѣялись они въ школѣ надъ медвѣжьими ухватками своего любимаго друга, которому (рискуя наткнуться на училищное начальство и подвергнуть

Digitized by Google

себя наказанію) носили они въ карцеръ и говядину, и пирожки отъ своей обѣденной порціи. Такихъ читателей хотѣлъ бы я имѣть, и взгрустнулось бы мнѣ, если бы они вздумали прекратить со мною знакомство на этой страницѣ.

Другъ-читатель, моя исторія не художественна, въ ней многое не договорено, и могла бы она быть лучше обдѣлана; но намъ ли, труженикамъ-мѣщанамъ, писать художественныя произведенія, холодно задуманныя, разсчетливо-эффектныя и съ безмятежно-ровнымъ, полированнымъ слогомъ? Мы урывками, въ свободныя минуты записываемъ пережитое и перечувствованное и радуемся, если удастся иногда высказать накипѣвшее горе и тѣ ясныя, непризрачныя надежды, которыя поддерживаютъ въ насъ силу къ трудовой чернорабочей жизни. Хорошо, если само собою скажется мѣткое слово, нарисуется ловкая картина и вырвется изъ-подъ сердца огонь поэзіи; но если и ихъ не найдется, то горевать нечего, обойдется и такъ. Ты самъ, читатель, не глупъ и чувства у тебя много; ты самъ сумѣешь замѣнить мое неуклюжее, долговязое выраженіе однимъ мѣткимъ словомъ, которое попало тебѣ на языкъ! Счастливецъ! во время чтенія дополнишь ты нѣсколькими бойкими штрихами торопливо набросанную картину и сдѣлаешь ее художественнымъ произведеніемъ, и при двухъ-трехъ словахъ, намекающихъ на поэзію, отдашься ты весь поэтическому порыву, создашь изъ моего сырого матеріала величественное твореніе фантазіи. Хотѣлось бы мнѣ встрѣтиться съ тобою, крѣпко пожать твою руку и съ полной увѣренностью, что я не лишній въ твоемъ домѣ, сказать: «наконецъ-то, мы увидѣлись! Я думаю, ты такъ же соскучился обо мнѣ, какъ я о тебѣ». Въ этихъ простыхъ словахъ не будетъ ни заносчивости, ни нахальнаго хвастовства, потому что ихъ произнесетъ не великій геній, не могучій талантъ, даже не юноша, подающій надежды, а такой же простой смертный, такой же чернорабочій жизни, какъ и ты самъ, мой другъ.

До свиданія!..

Digitized by Google

Часть вторая.

I.

Первые ясные дни юности.

Кому случалось въ молодости перенести тяжелую болѣзнь, тотъ знаетъ то сладостное чувство, которое разливается во всемъ организмѣ человѣка въ дни выздоровленія. Мы чувствуемъ, какъ быстро крѣпнутъ силы, что ничего уже не болитъ, и въ тѣлѣ чуется только истома, но и она уменьшается съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и уже не безпокоитъ; она даже пріятна. Мы то предаемся всѣмъ существомъ отдыху, полнѣйшему far niente, то приводимъ въ движеніе усталые члены, каждый мускулъ, каждый суставъ, какъ будто измѣряя возрождающіяся силы. Привѣтнѣе смотрятъ глаза на міръ, какъ бы снова возвращенный, и становится онъ вдвое милѣе и дороже, чѣмъ былъ прежде. Онъ является примирившимся другомъ послѣ мучительной размолвки и долгой разлуки. Открываются въ немъ новыя прелести и достоинства, и вдругъ пробуждается въ душѣ страстное желаніе полнѣе насладиться всѣмъ, что такъ долго было отнято. И счастливъ тотъ, кто могъ провести время выздоровленія посреди животворящей природы и подышать тѣмъ воздухомъ, которымъ дышатъ птицы. Такъ выздоравливаютъ люди только въ молодости: старчество видитъ въ выздоровленіи только отсрочку смерти, и хотя радуется ему, но не полна эта радость, и много въ ней тихой грусти и невольно навертывающихся на глаза слезъ.

Такія чувства пришлось испытать мнѣ лѣтомъ 1848 года. Моя болѣзнь кончилась. Мы перебрались на дачу въ Петергофъ, гдѣ отецъ нанялъ квартиру. Она находилась въ

Digitized by Google

одномъ изъ мирныхъ уголковъ на краю города, близъ собора св. Петра и Павла, и состояла изъ комнаты съ дощатою перегородкой и кухни. Ея окна выходили на огородъ; тамъ тянулись длинныя гряды съ разными овощами, за грядами былъ небольшой, позеленѣвшій прудъ, въ немъ купали свои вѣтви двѣ-три ивы, широко раскинувшіяся по берегу, а дальше тянулся поперечный рядъ стройныхъ молодыхъ березъ и мелкаго кустарника: малины, смородины и крыжовника. Часто слышались на огородѣ пѣсни разныхъ рабочихъ людей, мужчинъ и женщинъ, то половшихъ гряды, то копавшихъ какую-нибудь зелень; работа шла безостановочно. Между занимаемымъ нами и сосѣднимъ домами былъ небольшой, но густой садикъ, почти всегда полутемный, и только въ полдень, когда солнце высоко стояло на небѣ, въ него западали горячіе лучи, и весело играли на пескѣ тѣни трепетавшихъ въ вышинѣ листьевъ, залитыхъ блескомъ, и яркіе кружки прорвавшагося сквозь густую зелень свѣта. Въ этомъ саду во время жары сидѣлъ или лежалъ я на дерновой скамьѣ съ книгою въ рукахъ, то читая, то рисуя, то просто ничего не дѣлая, любуясь игрою свѣта и тѣни и дыша полною грудью свѣжимъ воздухомъ.

Книги, купленныя моимъ отцомъ на толкучемъ рынкѣ у букинистовъ, состояли изъ нѣсколькихъ разрозненныхъ томовъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, Марлинскаго и повѣстей Гофмана. Выборъ книгъ почти не зависѣлъ отъ отца; приходилось покупать то, что было не слишкомъ дорого и не слишкомъ гадко. Надъ повѣстями Марлинскаго я заснулъ, Пушкина и въ особенности Лермонтова я плохо понималъ; меня занимало мѣрное теченіе стиховъ, но смыслъ ихъ наполовину ускользалъ отъ меня, не волновалъ моего сердца, не приковывалъ къ себѣ моего ума. Поэмы стояли настолько выше меня, настолько шире смотрѣли на міръ, что я, дитя будничной городской жизни и вседневныхъ, быть-можетъ, мелкихъ интересовъ, не находилъ ни одного отвѣта на всѣ свои вопросы и даже не восхищался картинами природы, потому что въ нѣсколько дней дачной жизни еще не успѣлъ ознакомиться съ нею и не понималъ ея красотъ. Зато Гофманъ, какъ и надо было ожидать, заинтересовалъ меня до крайности. Нѣкоторыя повѣсти прочлись по нѣскольку разъ и производили на меня постоянно сильное впечатлѣніе. Это было не то впечатлѣніе, которое произвела на меня когда-то исторія Малекъ-Аделя и Матильды; тамъ я слѣдилъ за вымысломъ съ жаднымъ любо-

Digitized by Google

пытствомъ, мой умъ нетерпѣливо старался узнать, что будетъ дальше, какія событія послѣдуютъ въ будущемъ; здѣсь, напротивъ, я читалъ тихо, не торопясь, и чувствовалъ, какъ холодъ пробѣгалъ по моему тѣлу, но не отъ страшныхъ событій, а отъ страшныхъ лицъ, и, мало-по-малу, они отчетливо выяснились передо мною. Часто, опустивъ книгу на колѣни, припоминалъ я прочитанное, и передъ моими глазами пролетали, какъ живыя, ужасающія и смѣшныя личности, и сверкали яркимъ блескомъ причудливыя картины. Казалось, всѣ дѣйствующія лица повѣстей носились неслышимымъ полетомъ кругомъ меня и смотрѣли изъ-за густыхъ вѣтвей акацій. Я рисовалъ портреты гофмановскихъ героевъ и перечитывалъ описаніе ихъ, чтобы свѣрить, похожи ли мои созданья на созданья полюбившагося писателя, старался разгадать отличительныя черты ихъ характеровъ, ставилъ ихъ въ новыя отношенія другъ къ другу, заставлялъ дѣйствовать. Меня тѣшила эта работа, мой умъ хотѣлъ самостоятельно творить.

Такъ сидѣлъ я однажды, любуясь нарисованнымъ мною портретомъ песочнаго человѣка.

— У-у! какой пугалище!—произнесъ позади меня чей-то серебристый и свѣженькій голосокъ.

Я обернулся назадъ. За мной стояла небольшая дѣвочка лѣтъ одиннадцати, полненькая, нельзя сказать, чтобы очень хорошенькая, съ широко открытыми голубовато-сѣрыми глазами. Кажется, только они, да темнорусые волосы и были хороши у нея; ея руки были еще дѣтски-неуклюжія, слишкомъ тонкія у кисти, красненькой и довольно большой; вдобавокъ эти руки были запачканы землею, въ которой, должно-быть, она рылась за нѣсколько минутъ до прихода въ садъ.

— Кто это написалъ?—спросила она уже застѣнчивымъ голосомъ и покраснѣла до ушей; первое восклицаніе, вѣроятно, вырвалось у нея невольно, и теперь она стыдилась меня.

— Это песочный человѣкъ нарисованъ,—отвѣчалъ я.

— Развѣ бываютъ песочные человѣки?

Я не ожидалъ этого естественнаго вопроса и не могъ вдругъ отвѣчать на него. Не бываютъ, хотѣлось мнѣ сказать; но какъ же не бываютъ, подумалось мнѣ, если я такъ живо представляю себѣ это лицо? Не отвѣчая на ея вопросъ, я сталъ ей разсказывать исторію песочнаго человѣка.

Но она не дала мнѣ времени разсказать эту исторію;

Digitized by Google

листочки, на которыхъ рисовалъ я картины, были уже въ ея рукахъ, и она забросала меня вопросами:

— Это что такое? Ахъ, это кто? Отчего у него такія большенныя ноги?

Восклицаніямъ не было конца; дѣвочка сопровождала ихъ дерганьемъ меня за рукавъ и совсѣмъ не церемонилась со мною.

— Какой ты смѣшной!—замѣтила она между прочимъ.

— Отчего смѣшной?—спросилъ я, улыбаясь.

— Лежишь и все на песокъ смотришь каждый день, а на пескѣ ничего нѣтъ.

— А ты почему знаешь, что я каждый день тутъ сижу?

— Да я здѣсь недалеко грядки. дѣлаю.

— Катя, гдѣ ты?—раздалось со двора.

— Сейчасъ иду,—отвѣтила дѣвочка.—Ты мнѣ разскажешь еще что-нибудь?—спросила она меня, торопливо сунувъ мнѣ книгу.

— Разскажу, если ты придешь опять сюда,—сказалъ я.

— Завтра приду,—проговорила она, убѣгая изъ сада.

Дѣвочка была дочь домового хозяина Полозова, одного изъ петергофскихъ садовниковъ. Во всѣ слѣдующіе дни Катя приходила въ садъ слушать мои разсказы и любоваться однѣми и тѣми же картинками.

Между тѣмъ, моя матушка познакомилась съ ея старшими сестрами. Онѣ получили плохое, грошовое образованіе, едва умѣли читать и писать по-русски, но были не тупы, всегда веселы, вели себя хорошо и трудились очень много. У нихъ была строгая и отчасти грубая мать, русская смышленая мѣщанка въ полномъ смыслѣ, державшая весь домъ въ своихъ рукахъ и иногда запиравшая подъ замокъ своего попивавшаго сожителя. Дѣтей она воспитывала по-мѣщански; до двѣнадцати лѣтъ давала имъ полную свободу, не назначала имъ какого-нибудь постояннаго занятія, употребляла для посылокъ въ лавку и подъ сердитую руку награждала порядочными тумаками; все это дѣлалось во имя слѣдующаго практическаго разсужденія: ребенокъ глупъ, въ работѣ плохой помощникъ, больше напортитъ, а учить его, то-есть бить, надо. Съ двѣнадцати лѣтъ, дѣти, по понятіямъ матери, дѣлаются способными къ работѣ, и она прибирала ихъ къ рукамъ. «Ты не пяль глаза-то на улицу, а работай!»—говорила она, присаживаясь на край стула, противъ дочери.—«Смотрѣньемъ-то денегъ не выработаешь, мужа не накормишь. Ты думаешь: мать ехидна, мать змѣя подколод-

Digitized by Google

пая, — врешь, дѣвка, врешь! мать тебѣ добра желаетъ, мать тебя уму учитъ. Вотъ что мать твоя дѣлаетъ. Ноги-то у нея притоптались, а все бѣгаетъ, для васъ бѣгаетъ, для своихъ дѣтей бѣгаетъ»... И такъ далѣе все въ томъ же родѣ. Съ перваго дня нашего переселенія въ домъ Половыхъ, хозяйка начала наблюдать за образомъ нашей жизни, чтобы узнать, нѣтъ ли чего-нибудь опаснаго въ поведеніи матушки для ея дочерей. Но черезъ недѣлю этотъ мѣщанскій церберъ удивлялся матушкинымъ добродѣтелямъ, то-есть золотымъ ея ручкамъ, по ея выраженію. Хозяйка стала оказывать нашему семейству мелкія услуги и частенько посылала къ намъ то ту, то другую изъ своихъ дочерей. Матушка любила трудолюбивыхъ и бодрыхъ дѣвушекъ, а потому привязалась и къ дочерямъ хозяйки, начала учить ихъ шить по мѣркѣ платья, такъ какъ онѣ умѣли шить одно бѣлье и часто жаловались на трудность и малую выгоду этой вредной для глазъ работы. Онѣ и Катя скоро начали проводить съ нами цѣлые дни и отдыхали у насъ отъ воркотни своей матери. Въ мой садикъ были перенесены стулья и столъ, и этотъ тихій уголъ постоянно оглашался говоромъ и дѣвичьимъ смѣхомъ. Къ нашему обществу присоединялся еще одинъ членъ, восьмилѣтній хозяйскій сынъ. Я, несмотря на свои пятнадцать лѣтъ и привычку держать себя чинно, игралъ, какъ малый ребенокъ. Мы посѣщали сосѣдній паркъ, гдѣ водились грибы, и проводили тамъ по нѣсколько часовъ въ день. Звонко раздавались наши голоса, веселый смѣхъ и ауканье; мы были свободны и беззаботны. Кромѣ прогулокъ съ дѣтьми въ паркѣ, я предпринималъ одинъ прогулки въ отдаленныя и малолюдныя мѣстности, и часто, утомясь ходьбою, ложился на траву гдѣ-нибудь въ лѣсу или на взморьѣ. И шелестъ листьевъ, и шумъ набѣгавшей на прибрежные камни волны, и небо, далеко слившееся съ синимъ моремъ,—все это было необычайно и ново для меня, и приводило меня въ восторгъ; я начиналъ любить природу, у меня являлось желаніе взлетѣть высоко, чтобы сверху окинуть глазами весь міръ, или броситься въ синія волны и плавать, ударяя по нимъ твердою рукою, опираясь на нихъ молодой грудью. Я не могъ объяснить себѣ, что именно хорошо въ этомъ, но невольно срывались съ моего языка слова: «какъ это хорошо! если бы жить такъ всегда!»

Эти прогулки укрѣпляли мое тѣло и давали возможность уму совершать ту работу, о которой я говорилъ въ заключеніе первой моей исторіи. Такъ летѣли мои свѣтлые дни

Digitized by Google

весело и покойно. Только изрѣдка, сидя за уроками, въ дождливое время, я вспоминалъ школу, и становилось и грустно, и скверно у меня на душѣ; опять я чувствовалъ, что я несчастливъ, что пройдетъ лѣто—и я снова буду въ той же тюрьмѣ-школѣ, подъ надзоромъ тѣхъ же тюремщиковъ-учителей, посреди тѣхъ же арестантовъ-товарищей, и станетъ мнѣ гадко ровнять себя съ ними, захочется, быть-можетъ, попрежнему поднять передъ ними голову и застыжусь я, если на моей курточкѣ или сапогѣ покажется заплатка. И еще удастся ли экзаменъ?.. Въ эти дни я бывалъ неувѣренъ въ побѣдѣ надъ собой. Но дождь проходилъ, и послѣдняя хмурая туча уносила, Богъ вѣсть куда, мое горе. Опять съ зарею пробуждали меня лучи солнца и ребятишки, стучавшіе въ наше окно, и весело съ своими друзьями, мѣщанскими дѣтьми, бѣжалъ я за грибами, набиралъ поганокъ, возбуждая всеобщій смѣхъ, самъ хохоталъ надъ своею ошибкою и забывалъ свои думы, какъ страшный, но безслѣдный сонъ.

Происшествія моей дачной жизни оставили во мнѣ глубокій слѣдъ и дали новое направленіе моему характеру; безъ нихъ онъ развился бы иначе, я не понялъ бы такъ ясно и не принялъ бы горячо къ сердцу всего того, что̀ мнѣ вскорѣ пришлось услышать отъ новыхъ людей. Но, разумѣется, эти происшествія покажутся мелкими и незначительными для постороннихъ людей. Такъ веселый весенній дождь, въ продолженіе часа орошавшій землю, развеселилъ труженика-крестьянина, съ боязнью смотрѣвшаго на политую его потомъ, высыхавшую ниву, и этотъ же дождь прошелъ незамѣтно для барина, сидѣвшаго за газетою въ своемъ кабинетѣ. Кто будетъ правъ: крестьянинъ ли, признающій пользу дождя, или баринъ, не обратившій на него вниманія, хотя дождь не миновалъ и его—хотя и не имъ вспаханныхъ—полей? По моему мнѣнію, правъ крестьянинъ.

II.

Встрѣча съ Розенкампфомъ.

Августъ мѣсяцъ приходитъ къ концу. Наступаютъ хмурые дни дождливой осени. Наступаетъ время ученія, передержки экзаменовъ. Прощай, Петергофъ!

Я явился въ школу въ назначенное время, выдержалъ экзаменъ и имѣлъ удовольствіе прослушать новыя наставленія директора, но они пролетѣли мимо моихъ ушей и не задѣли во мнѣ ни одной чувствительной струны. Мои то-

Digitized by Google

варищи почти не узнали меня. Я выросъ, пополнѣлъ, загорѣлъ, и лицо мое получило новое выраженіе. Оно было доброе и привѣтливое. О тщательной заботѣ помадить и приглаживать волосы не было и помину; они причесывались одинъ разъ въ день и потомъ лежали, какъ имъ вздумается; карманныхъ щеточекъ съ зеркальцемъ не существовало, а прежде-то разъ десять въ день ѣздила такая щеточка по моей головѣ, и сердился же я, что въ ея крохотномъ зеркальцѣ можно было удобно разсмотрѣть только одинъ глазъ! Едва замѣтно смутила меня холодная встрѣча курточниковъ, и тотчасъ же подумалъ я: «не хотятъ сходиться со мною—и не надо; плакать не о чемъ.» Но я далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, помириться съ Розенкампфомъ. Я пришелъ въ школу раньше его и съ нетерпѣніемъ ждалъ его прихода.

— Здравствуй, Коля!—сказалъ я, завидѣвъ друга и подходя къ нему.

Мое сердце билось.

— Здравствуй, Саша! Слава Богу, что ты здоровъ; да какой же ты хорошенькій сталъ, какъ выросъ!

Розенкампфъ протянулъ мнѣ обѣ руки и не сводилъ съ меня глазъ. Я былъ тронутъ.

— Ты на меня не сердишься больше?—спросилъ я его.

— Забудемъ объ этой глупой исторіи,—сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку.

Въ эту минуту школьниковъ позвали на молитву въ публичный залъ, и по окончаніи ея начался урокъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ двѣнадцати часовъ, чтобы побыть съ своимъ другомъ. Первый урокъ прошелъ вяло, ученики зѣвали, учитель сидѣлъ, какъ на иголкахъ, и не зналъ, за что взяться; всѣ очень обрадовались, заслышавъ звуки колокольчика. Ученики разбѣжались въ разныя стороны, и только я, да Розенкампфъ остались въ классѣ.

— Ну, теперь поцѣлуемся покрѣпче и будемъ друзьями не попрежнему, а по-новому: пора намъ поумнѣть! — говорилъ Розенкампфъ и крѣпко обнялъ меня.

Мы долго не могли говорить и молча ходили вдоль класса; намъ обоимъ было хорошо, каждый въ свою очередь заглаживалъ старую глупость, и нѣжности были не нужны.

— Ты былъ боленъ, голубчикъ?—спросилъ меня мой любимый другъ: — Мейеръ сказалъ мнѣ, по окончаніи акта, что у тебя начиналось что-то въ родѣ горячки отъ увѣщаній директора.

Digitized by Google

— Да, была горячка; только не отъ увѣщаній Сарторіуса я заболѣлъ; болѣзнь развилась съ начала нашей ссоры. Въ послѣднее время, передъ актомъ, я ходилъ черезъ силу, и нуженъ былъ только какой-нибудь толчокъ, чтобы я съ ногъ свалился. А знаешь ли, Коля, — замѣтилъ я, помолчавъ:—если бы тогда ты сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ теперь, то, можетъ-быть, я и не былъ бы боленъ.

— Голубчикъ! тогда я былъ дуракъ набитый; мнѣ надо было поумнѣть, надо было утихнуть. Я вѣдь теперь не скажу тебѣ: «я никого не люблю, слышите: никого!» Нѣтъ, теперь и тебя, и Мейера, и Воротницына, и всѣхъ школьниковъ я люблю или могу любить. Я даже на жалкаго Онуфріева не очень сержусь за эту гадкую исторію. Такъ должно было случиться.

Послѣдняя фраза произнеслась съ особеннымъ удареніемъ и, кажется, имѣла очень важное значеніе для моего друга.

— Что съ тобой сдѣлалось? ты переродился!—спросилъ я въ изумленіи.

— Воротницынъ переродилъ. Впрочемъ, нѣтъ! не онъ переродилъ, а и онъ, и книги, и время,—все вмѣстѣ. Теперь я вполнѣ понимаю, что все совершается по извѣстнымъ законамъ необходимости, что испорченный жизнью и обществомъ человѣкъ не можетъ быть совершенствомъ добродѣтелей; что испорченныхъ людей можно жалѣть, можно удаляться отъ нихъ, но не должно ихъ презирать или ненавидѣть.

Теперь я смѣюсь, вспоминая о томъ, какъ мой юный другъ въ день свиданія послѣ долгой разлуки, вмѣсто живыхъ рѣчей дѣтской радости, произносилъ съ толкомъ и съ разстановкой, даже съ нѣкоторою восторженностью, мертвыя фразы, вызубренныя изъ какой-то мудреной нѣмецкой книжки; но тогда я только глазами захлопалъ, услышавъ его разсужденія, и воскликнулъ:

— Ты ли это говоришь, Коля? Гдѣ же твои насмѣшки надъ товарищами и твое гордое презрѣніе?

— Тамъ же, гдѣ и всѣ другія глупости. Трудно мнѣ было переломить себя; не удалось еще вполнѣ, но отчасти все-таки я добился своего. Я уже пересталъ злиться запоемъ, хотя все же во мнѣ остался значительный запасъ злости, да какъ ему и не остаться! Вѣдь не весело шла моя дѣтская жизнь... Ты знаешь, вѣдь я подкидышъ. Съ этимъ постылымъ названіемъ соединяются всѣ мои воспоминанія. За него меня безнаказанно оскорбляли, за него

Digitized by Google

получалъ я толчки, за него глядѣли на меня люди съ сострадательнымъ участіемъ и считали своею непремѣнною обязанностью бросить на мою долю какую-нибудь кисло-сладкую ласку, какъ бросаютъ паршивому щенку обглоданную корку черстваго хлѣба? Онъ, благодѣтель, покойный отецъ,—говорятъ, что я его сынъ, — не обижалъ меня, но зато позволялъ обижать другимъ; онъ трепеталъ передъ своею женой, и я не любилъ его боязливыхъ ласкъ, избѣгалъ ихъ. Меня злило, когда онъ давалъ мнѣ деньги и говорилъ: не разсказывай матери. Она, благодѣтельница, презирала меня, и, между тѣмъ, теперь ее прославляютъ при мнѣ за то, что я живу на ея счетъ, что она не выгоняетъ меня изъ своего дома. Вѣдь мнѣ семнадцатый годъ, я это все понимаю; въ дѣтствѣ меня оскорбляли крѣпостные лакеи, горничныя, ключницы; даже нянька, когда я простужался и, лежа на постели, надоѣдалъ ей слезами и оханьемъ, нерѣдко говорила: «вишь, нѣженка, даромъ что холопское отродье!» Говорилось это тихо, за ширмами, но я все слышалъ; я даже старался подслушивать эти рѣчи. Это, можетъ-быть, моя холопская натура высказывалась,— съ горечью промолвилъ Розенкампфъ, и его губы передернулись ѣдкой усмѣшкой.—Когда у нихъ, у благодѣтелей, родился сынъ, тогда слова «мужикъ» и «подкидышъ» доставляли мнѣ еще болѣе огорченій. Онъ былъ барченокъ, я былъ холопъ; онъ могъ капризничать, я не могъ; онъ смѣлъ простужаться, хворать, а когда простужался я, то благодѣтельница говорила доктору, дѣлая кислую мину: «этотъ ребенокъ такой хилый, сколько намъ съ нимъ хлопотъ». И вѣдь, бывало, больше ничего не прибавитъ, не пришибетъ меня, какъ бѣшеную собаку, даже рукою по моимъ волосамъ проведетъ, будто лаская, а по моему тѣлу даже дрожь пробѣжитъ. «Убирался бы на тотъ свѣтъ!»—слышалось мнѣ въ ея словахъ... Знаешь, о чемъ я часто молился, когда мнѣ было десять лѣтъ? «Прибери, Господи, младенца Николая». Это была моя дѣтская молитва. Число земныхъ поклоновъ назначалъ я себѣ, голубчикъ, чтобы она исполнилась... И зачѣмъ они изломали, измучили меня въ колыбели? Зачѣмъ не дали вырасти на волѣ, гдѣ-нибудь въ курной избѣ, не дали мнѣ погибнуть тамъ, гдѣ жила моя несчастная мать? И гдѣ она? Можетъ-быть, опозоренная и голодная, она жива и теперь?..

Розенкампфъ замолчалъ на нѣсколько минутъ, губы его тряслись, какъ въ лихорадкѣ; во время разсказа, на нихъ

Digitized by Google

то являлась злая усмѣшка, то вдругъ онѣ какъ-то судорожно трепетали, какъ у человѣка, черезъ силу сдерживавшаго рыданія, когда можно про него сказать, что онъ рыдаетъ въ душѣ.

Мы помолчали.

— Говорятъ, что большею частью подкидыши выходятъ негодяями? — вопросительно промолвилъ онъ, какъ будто желая узнать мое мнѣніе насчетъ этой мысли.

Я молчалъ. Въ моей головѣ роились думы о томъ, что этотъ человѣкъ нѣсколькими годами старше меня своимъ горемъ, что онъ уже не дитя, взрослый, опытный человѣкъ, что предъ его горемъ ничтожны и смѣшны всѣ пережитыя мною тревоги и непріятности.

— Ты видишь, — продолжалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ: — я и теперь еще злющій, какъ назвалъ меня Калининъ. Со многими я примирился, но съ нею, съ благодѣтельницею, не могъ и, кажется, никогда не примирюсь. Но я ѣмъ ея хлѣбъ... Это мнѣ тяжело. Правда, я тутъ не виноватъ; это такъ *должно* быть, но мнѣ не сладокъ ея хлѣбъ, его не можетъ подсластить,—что ни толкуй Воротницынъ,—никакая теорія необходимости, никакая теорія примиренія съ неотразимымъ фактомъ... Впрочемъ, знакомство съ Воротницынымъ передѣлало во мнѣ многое, и я ему благодаренъ. Тебѣ надо подружиться съ этой личностью, узнать его идеи.

— Захочетъ ли онъ подружиться со мною? Я, кажется, гораздо глупѣе его,—сказалъ я.

Меня смутили слова Розенкампфа: идеи, убѣжденія, теорія, фактъ. Въ то время я не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Слышалъ я ихъ отъ дяди и отъ Рейтмана, въ часы историческихъ лекцій, но смыслъ ихъ былъ для меня темнъ, я не могъ перевести ихъ на тотъ простой языкъ, которымъ говорили въ нашей мѣщанской семьѣ, и каждый человѣкъ, употреблявшій эти слова, казался мнѣ болѣе умнымъ, чѣмъ я самъ.

Розенкампфъ увѣрялъ меня въ добродушіи Воротницына и вплоть до двухъ часовъ развивалъ передо мною теорію, которую проповѣдывалъ тотъ. Воротницынъ, какъ я уже говорилъ выше, былъ сынъ аристократа, пользовался всѣми удобствами жизни, имѣлъ хорошихъ учителей-нѣмцевъ, прочелъ множество книгъ, рано путешествовалъ по Европѣ, и потому очень понятно, что уже на семнадцатомъ году своей жизни, и даже ранѣе, успѣлъ усвоить себѣ какую-то теорію

Digitized by Google

жизни, этотъ печальный даръ всѣхъ ему подобныхъ людей, отъ которыхъ всѣми силами стараются заслонить дѣйствительность. Эти люди часто выходятъ хорошими, ясными и безмятежными личностями; но ихъ ясность и безмятежность есть спокойствіе мертвеца, который потому и спокоенъ, что мертвъ. Дѣтства, живого и кипучаго дѣтства, они не знаютъ, и маленькіе мудрецы философствуютъ на свободѣ, покуда настоящая жизнь, полная тревогъ и горя, не ворвется въ ихъ мирные кабинеты и не смутитъ своими криками ихъ покоя.—«Жизнь людей и обществъ,—гласила теорія Воротницына,—сложилась подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій и обстановки. И хорошее, и худое въ этой жизни суть плоды этихъ условій и обстановки, неотразимыхъ и непобѣдимыхъ силою одного человѣка, или даже нѣсколькихъ людей одного поколѣнія. Условія и обстановка измѣняются постоянно, но почти сами по себѣ, измѣняются потому, что въ мірѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, пребывающаго въ первобытной формѣ. Земля удобряется, на мѣсто ветхихъ избъ воздвигаются прочныя зданія; изобрѣтенія, приносящія пользу, являются ежедневно, совершенствуются,—значитъ, условія и обстановка жизни принимаютъ новыя формы. Въ этомъ постепенномъ измѣненіи формъ къ лучшему должна состоять вся надежда человѣка на будущее, вся поддержка его въ трудѣ. Со всякимъ зломъ человѣкъ долженъ примиряться, какъ съ неотразимымъ фактомъ, и изучать, почему оно произошло, но только изучать, а не вступать въ борьбу; борьба безнравственна и безплодна. Безнравственна потому, что она есть проявленіе эгоизма, гоньбы за личнымъ счастьемъ; безплодна потому, что, во-первыхъ, нельзя знать, кто побѣдитъ: добро или зло; во-вторыхъ, обрубленное дерево можетъ дать ростки отъ самаго корня, сгнившее же само собою никогда не зазеленѣетъ снова; въ-третьихъ, въ борьбѣ человѣкъ теряетъ спокойствіе духа и, вслѣдствіе того, способность анализировать, добираться до истины. Наука, цѣль которой состоитъ въ раскрытіи истины, требуетъ вполнѣ спокойнаго, даже холоднаго человѣка, не боящагося, по какой дорогѣ и куда поведетъ она его. А спасеніе для будущаго только въ наукѣ; значитъ, нужно примиряться со всѣмъ насъ окружающимъ, какъ съ неотразимымъ фактомъ, и изучать его».

Теорія, какъ видите, ясная, мирная, вполнѣ подходившая къ характеру Воротницына. Розенкампфъ схватился за эту теорію съ живою радостью, какъ тонущій хватается за со-

Digitized by Google

ломинку; ему было тягостно вѣчное озлобленіе, онъ хотѣлъ спасти свое молодое сердце. Но, разумѣется, скоро у него явились вопросы, какъ примириться съ тѣмъ, что продолжаетъ тяготѣть надъ нимъ, придавливаетъ его, топчетъ въ грязь. Тѣмъ не менѣе, при первой встрѣчѣ со мною послѣ ссоры, онъ еще поклонялся убѣжденіямъ Воротницына и старался навязать ихъ на себя, какъ навязываютъ на коровъ колокольчикъ, чтобы онѣ не потерялись. Но зоркій глазъ могъ и тогда уже разглядѣть, что навязанное такъ и оставалось навязаннымъ, а не приросшимъ; колокольчикъ такъ и оставался колокольчикомъ, и при удобномъ случаѣ могъ зацѣпить за первый сучокъ въ лѣсу и потеряться навсегда. Я, конечно, не могъ этого замѣтить и думалъ, что Розенкампфъ такъ же искренно вѣритъ въ непогрѣшимость теоріи, какъ горячо ее проповѣдуетъ, и не въ силахъ былъ спорить.

«Какой я глупецъ,—думалось мнѣ въ этотъ день,—я почти не понимаю того, что онъ говоритъ, я даже и пересказать этого не сумѣю. Мнѣ все счастье какое-то хочется отыскать, а Коля называетъ это желаніе счастья порокомъ, эгоизмомъ. Вѣрно, у меня дурное сердце, что я только о себѣ хлопочу».

Прошла недѣля, къ намъ пріѣхалъ Воротницынъ. Онъ увидалъ меня съ Розенкампфомъ, обрадовался нашему примиренію, пожалъ мою руку, разспросилъ, какъ я провелъ лѣто, что дѣлалъ. Я разсказалъ все, кромѣ знакомства съ Катей. Не оттого промолчалъ я о ней, что считалъ это тайною; но чувствовалъ, что разскажу смѣшно и неясно, и побоялся двусмысленныхъ улыбокъ. У нихъ, у моихъ друзей, особенно у Воротницына, все выходило такъ отчетливо и ясно, а у меня сбивчиво и темно. Въ Воротницынѣ я видѣлъ умнаго молодого человѣка, а не юношу, и болѣе гордился его дружбою, чѣмъ радовался ей. «Глупъ ты, Сашенька,—мысленно дѣлалъ я себѣ комплименты,—никогда тебѣ не выдумать пороху».

Такъ на томъ и порѣшилъ, что глупъ, сталъ удерживаться отъ зѣвоты во время мудрыхъ разсужденій новаго друга и старался прислушиваться къ тому, что говорятъ умные люди.

III.

Второй классъ и новые учителя.

Второй классъ, secunda, пользовался нѣкоторыми школьными привилегіями. Въ немъ ученики имѣли право отвѣ-

Digitized by Google

чать уроки сидя и выходить изъ класса безъ позволенія наставника, то-есть дѣлались молодыми людьми. Учителя теряли право плюходѣйствія, дранья за волосы, руготни сволочью, шушерой и тому подобныхъ прелестей. Даже слово *ты* должно было исчезнуть изъ ихъ лексикона, и они обязывались склонять во всѣхъ падежахъ мѣстоименіе *вы*. И сами учителя были большею частью не тѣ, что въ первыхъ классахъ: только важный Гро и мучитель Рейтманъ имѣли несчастіе заниматься съ нами и сдерживать свои порывы; Рейтманъ хоть на сынѣ могъ вымещать злобу, а Гро и этого не имѣлъ. Латинскій и греческій языки преподавались директоромъ, ярымъ филологомъ; онъ по цѣлымъ часамъ возился съ нѣсколькими строками Цицерона, комментировалъ ихъ, цитировалъ нѣмецкихъ филологовъ, какъ будто хвастая передъ нами своею сухою начитанностью и не думая о томъ, какую пользу принесетъ эта мертвечина будущимъ булочникамъ, каретникамъ, купцамъ, чиновникамъ и вообще чернорабочимъ жизни; онъ доводилъ насъ до одурѣнія, посвящая во всѣ тонкости произношенія греческаго гекзаметра, свертывалъ губы въ трубочку, подпѣвалъ тактъ и, надо сказать правду, почти никто не постигъ этихъ тонкостей; у меня и теперь начинается перхота въ горлѣ при чтеніи греческихъ гекзаметровъ. Математикой занимался молодой магистръ с.-петербургскаго университета, очень серьезное и безцвѣтное созданіе, впрочемъ, неглупый малый и въ войнѣ учениковъ съ учителями державшій сторону правыхъ, а это въ учителяхъ рѣдкость. Учителемъ естественной исторіи былъ нѣкто Шпиценъ, нѣмецъ, старичокъ-юноша, носившій розовенькій галстучекъ и отложные воротнички, изъ-за которыхъ выглядывала дрябленькая и желтенькая шейка, поддерживавшая весьма злющее и отмѣнно-хитрое лицо іезуита. Шпиценъ вѣчно вспоминалъ о той порѣ, als er noch in Dorpat war. Эта стереотипная фраза повторялась въ теченіе двадцати пяти лѣтъ и примѣшивалась ко всему; всевозможныя открытія въ естественныхъ наукахъ совершались въ то время, als er noch in Dorpat war, что давало поводъ думать, что онъ былъ не изъ прилежныхъ студентовъ и пробылъ въ Дерптѣ безчисленное множество лѣтъ. Мы всѣ говорили: Gott hat die Welt erschaffen, als Herr Spizen noch in Dorpat war *). Старичокъ очень любилъ разсказывать анекдоты, разъ двадцать повторяя одинъ и тотъ же. Одинъ изъ любимѣйшихъ

*) Богъ создалъ свѣтъ, когда Шпиценъ былъ еще въ Дерптѣ.

Digitized by Google

былъ слѣдующій: Шпиценъ, разумѣется, als er noch in Dorpat war, преподавалъ одной дѣвицѣ минералогію и объяснялъ ученицѣ способность ртути смѣшиваться съ золотомъ и серебромъ. Дѣвица сдѣлала опытъ надъ золотой табакеркой отца, и учителю пришлось поплатиться своимъ карманомъ, въ то время довольно тощимъ, а дѣвицѣ кончить занятія естественною исторіей. Этотъ анекдотъ разсказывался съ неподражаемою серьезностью и замѣчательнымъ тупоуміемъ. «Ахъ, это были тяжелыя времена!» — всегда восклицалъ Шпиценъ, оканчивая анекдотъ. Вообще учителя производили на насъ не очень пріятное впечатлѣніе; каждый по-своему умѣлъ убивать время безъ пользы для учениковъ, разсказывать анекдотцы, исторійки, въ то время, когда наши умы жаждали жизни и свѣжаго воздуха. Изъ этой безцвѣтной толпы рѣзко выдавался учитель исторіи русской словесности, господинъ Носовичъ. О немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Носовичъ былъ изъ семинаристовъ, окончилъ курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, заглянулъ въ деревню къ своему старому отцу-священнику, но вмѣсто него нашелъ дома только старую отцовскую ряску, полторы пары нижняго платья, нѣсколько горшковъ, да зачитанную библію, и свѣжую, еще не покрытую дерномъ могилу на сельскомъ кладбищѣ, къ которой привелъ его новый молодой попъ, поспѣшно занявшій вакантное мѣсто. Отдалъ Носовичъ и ряску, и нижнее платье, и горшки новому попу, попросилъ его за это отслужить панихиду и, съ библіей подъ мышкой, пошелъ мыкаться по бѣлу-свѣту. Жилъ онъ въ качествѣ домашняго учителя во многихъ домахъ, ѣздилъ съ какимъ-то помѣщичьимъ семействомъ за границу, просидѣлъ пять лѣтъ не по своей волѣ въ какой-то трущобѣ; прошелъ огонь и воду, и былъ тертый калачъ, старый воробей, котораго на мякинѣ не обманешь. Приземистый, черненькій, морщинистый, съ кривыми ногами, съ больною грудью, подвижной до крайности, онъ не могъ понравиться съ перваго взгляда, какъ нравятся иногда тѣ ходячія модныя картинки, которыя ежедневно шлифуютъ тротуары Невскаго проспекта. Вы напрасно потеряли бы время, стараясь прочесть на его лицѣ отличительную черту его характера. Выраженіе этого лица мѣнялось ежеминутно, и на немъ являлись оттѣнки всѣхъ душевныхъ ощущеній: не выражало оно только робости, подлости и глупости. Глядя на него, вы могли безошибочно сказать, что чувствуетъ этотъ человѣкъ въ данную минуту.

Digitized by Google

Сначала эта игра выраженія лица казалась постороннимъ людямъ фиглярствомъ; но тѣ люди, которые близко знали этого прекраснаго человѣка, понимали, что эта игра была слѣдствіемъ его впечатлительности, и никакими усиліями не могъ онъ удержать на своемъ лицѣ одно маскирующее чувства выраженіе, заморозиться въ плюгавой формочкѣ, какъ выражался онъ на своемъ языкѣ. Рѣчь его была размашистая, мѣткая и живая, часто страдавшая грамматическими неправильностями, но всегда вѣрная народному говору. Его шутка, а онъ любилъ пошутить,— отличалась то неподдѣльнымъ юморомъ, то поражала мужицкою топорностью: онъ иногда шутилъ, какъ иной мужичокъ, подкравшійся сзади къ своему другу-земляку и хватившій его въ шутку по плечу съ такою ловкостью, что у друга навѣрное будетъ синякъ на плечѣ. Другъ, разумѣется, крикнетъ: «вишь ты лѣшій-чортъ», и все-таки дружески обнимается съ землякомъ, и оба крѣпко поцѣлуются на три стороны. Носовичъ зналъ это свойство своихъ шутокъ и часто говаривалъ: «потритесь съ мое о крестьянскіе зипуны, и къ вамъ прилипнетъ частица трудовой мужицкой грубости; эта грубость все-таки лучше мягкости гнилья». Такой господинъ не могъ прослыть въ мужскомъ обществѣ *за славнаго малаго* и въ дамскомъ *за душку;* но зато любившіе его любили горячо и не перенесли бы спокойно, если бы онъ поворотился къ нимъ спиною,—такой поворотъ выразилъ бы его мысль: ты, братъ, подлецомъ сталъ! И какъ бы ни юлилъ тотъ, кого заклеймилъ Носовичъ этимъ именемъ, никогда не удалось бы ему доказать, что Носовичъ ошибся. Славное чутье было у этого господина!

Мы, второклассники, прежде его появленія въ нашемъ классѣ, слышали о немъ множество анекдотовъ. Разсказывали намъ, напримѣръ, что однажды въ одномъ изъ училищъ, гдѣ Носовичъ давалъ уроки, школьники положили въ его взъерошенную шляпу десятокъ соленыхъ огурцовъ. По окончаніи урока учитель замѣтилъ продѣлку и весело обратился къ ученикамъ съ слѣдующими словами: «ну, вотъ и спасибо вамъ! Моя жена горевала сегодня утромъ, что къ жаркому салату нѣтъ, вотъ ее теперь и обрадую: огурцовъ принесу. Только въ другой разъ, если вздумаете сдѣлать мнѣ или кому другому подобный подарокъ, то не кладите его въ шляпу, а горшочекъ купите, маленькіе такіе горшочки есть, двѣ копейки стоятъ... Теперь же, господа,

Digitized by Google

я попрошу у того, кто это сдѣлалъ, фуражку; онъ молодой человѣкъ и безъ нея можетъ прогуляться, а я, пожалуй, простужу свою старую голову. Завтра я съ благодарностью возвращу фуражку». Фуражекъ было представлено съ десятокъ. «Э! да вы въ складчину огурцы-то покупали: напрасно вы на меня изъянились»,—промолвилъ Носовичъ и взялъ фуражку одного пансіонера, которая была ему впору. На слѣдующій день она была возвращена; учитель похвалилъ вкусъ огурцовъ и никогда не упоминалъ болѣе объ этой исторіи. Съ этой поры дѣти обожали его. Почему? Потому что они съ дѣтскою опрометчивостью и необдуманностью сдѣлали дѣло, и, по обыкновенію, сами же испугались его послѣдствій, когда оно было уже непоправимо; поступокъ Носовича избавилъ ихъ отъ заслуженнаго, даже по ихъ понятію, наказанія, и учитель представлялся виновникамъ спасителемъ отъ порки. Другой анекдотъ былъ слѣдующаго рода: два школьника подрались, и одинъ изъ нихъ, вырвавшись изъ рукъ непріятеля, побѣжалъ по коридору; непріятель погнался за нимъ и, думая нагнать его на поворотѣ коридора, дернулъ кулакомъ по спинѣ перваго подвернувшагося подъ руку человѣка. Этотъ человѣкъ былъ Носовичъ; онъ разговаривалъ съ однимъ изъ воспитанниковъ.

— Тяжелая, батюшка, у васъ рука, — сказалъ онъ, поглаживая спину. — Вамъ нужно быть поосторожнѣе,—прибавилъ онъ и снова обратился къ своему собесѣднику.

Провинившійся ученикъ струсилъ и сталъ извиняться. Носовичъ засмѣялся:

— Странный вы человѣкъ! какъ ни извиняйтесь теперь, а синякъ на спинѣ у меня все-таки будетъ. Будьте лучше осторожнѣе въ другой разъ.

Мы съ нетерпѣніемъ желали увидѣть эту оригинальную личность въ классѣ и уже въ коридорѣ разсматривали его со всѣхъ сторонъ. Носовичъ явился въ классѣ черезъ недѣлю послѣ начала ученія.

— Идетъ, идетъ! — раздались голоса учениковъ, сторожившихъ у дверей класса.

Всѣ притихли, поспѣшно усѣлись на мѣста и устремили свои глаза на двери. Въ нихъ показалась черненькая фигура новаго учителя.

— Ну-съ, господа, имѣю честь рекомендоваться, — сказалъ онъ, весело улыбаясь и прохаживаясь по классу.— Прошу любить, да жаловать. Надѣюсь, что мы будемъ хо-

Digitized by Google

рошими друзьями и не станемъ сердиться: вы будете дѣлать свое дѣло, я свое,—и все пойдетъ, какъ по маслу. Я намѣренъ первые часы употребить на чтеніе нѣкоторыхъ произведеній, которыя мнѣ кажутся хорошими; потомъ попрошу васъ самихъ писать на темы, которыя я задамъ, и въ то же время мы будемъ учить исторію русской литературы. Хорошихъ сочиненій у насъ не то, чтобы очень много, но и не мало. Зато нѣкоторыя превосходны. Мы начнемъ съ отрывковъ изъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора»; прочтемъ одинъ разсказъ изъ «Записокъ Охотника», нѣсколько мѣстъ изъ «Кто виноватъ?» и, чтобы дать вамъ руководящій взглядъ, прочту я отрывки изъ статей Бѣлинскаго и статью «Капризы и Раздумье». Потомъ мы начнемъ заниматься исторіею литературы, переберемъ по косточкѣ всѣхъ писателей и писакъ, посмѣемся, пошутимъ, попишемъ статейки и выучимъ, такимъ образомъ, многое. Я думаю, вы очень мало писали, и не всѣ изъ васъ умѣютъ дѣльно излагать свои мысли... Вы не обижайтесь моимъ мнѣніемъ; я—старый воробей, меня ростомъ да годами не обманете. Дудки-съ! Помню я много курьезныхъ сочиненій, знаю я письмо одного кадета къ родителямъ; начало письма было слѣдующее: «Дражайшіе папенька и маменька! я, слава Богу, здоровъ, только вывихнулъ себѣ руку, чего и вамъ желаю, но вы не безпокойтесь объ этомъ...» далѣе не занимательно—денегъ просилъ. Можетъ-быть, и изъ васъ многіе пишутъ не лучше,—тѣмъ придется много работать.

Носовичъ сощурилъ глаза и посмотрѣлъ на насъ.

— Начнемте читать,—продолжалъ онъ.—Прошу не стѣсняться и тотчасъ же спрашивать меня, если попадутся непонятныя вамъ выраженія или мысли, иначе я подумаю, что вы или все знаете лучше лучшаго, или что вы просто любите процессъ чтенія, наслаждаетесь звуками моего голоса.

Носовичъ началъ читать. Я никогда, ни прежде, ни послѣ, не слыхалъ подобнаго чтенія. Носовичъ не кривлялся, не декламировалъ; но каждая ловкая картина, каждое мѣткое слово, каждая личность рѣзко бросались въ глаза. Глава о Плюшкинѣ, описаніе сада, комнаты, личность самого хозяина совершенно выяснялись передъ нами. Я въ этотъ день впервые познакомился съ произведеніями Гоголя и сразу понялъ, что тутъ дѣло идетъ о дѣйствительной жизни, что это не *сочинено*. Кажется, то же поняли и другіе школьники. При звукахъ колокольчика всѣ въ классѣ приходили въ движеніе, но въ этотъ разъ никто даже и не

Digitized by Google

пошевелился. Носовичъ дочиталъ главу черезъ пять минутъ послѣ звонка.

— До свиданія, господа!

Онъ привѣтливо кивнулъ намъ головой и вышелъ изъ класса.

Онъ относился къ намъ, какъ къ знакомымъ, и ушелъ отъ насъ какъ изъ гостей, не обратилъ вниманія на звонокъ и сказалъ при уходѣ: до свиданія. Эта незначащая фраза уже должна была имѣть значеніе для насъ, потому что другіе учителя при звукахъ колокольчика, не досказавъ послѣдней фразы до точки, хватали въ охапку свои книги и удирали изъ класса при шумѣ и говорѣ учениковъ, какъ удираютъ дежурные офицеры изъ арестантской, куда они были назначены для занятія караула. Въ этихъ отношеніяхъ есть что-то нечеловѣческое и, несмотря на то, они царствовали въ школѣ, и никому не казались противными.

— Какой онъ фигляръ!—сказалъ Воротницынъ.

— Отчасти есть тотъ грѣхъ,—отвѣчалъ Розенкампфъ.— И зачѣмъ онъ прислалъ это кадетское письмо, о которомъ я двадцать разъ слышалъ прежде?

— И можно ли разсказывать такіе глупѣйшіе анекдоты? Этого не сдѣлалъ бы даже Шпиценъ.

Воротницынъ пожалъ плечами.

— Не думаетъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, что и мы не умѣемъ писать? — кричали школьники въ одномъ углу класса. — Надо будетъ постараться отличиться, чтобы ему носъ натянуть.

— Еще другомъ нашимъ хочетъ быть, а прямо дураками насъ называетъ,—волновались униженные и оскорбленные въ другомъ углу класса.

— Самъ-то, вѣрно, глупъ! Вотъ мы ему покажемъ, что мы не дураки,—шумѣли третьи.

— Экій живчикъ!—весело промолвилъ Калининъ и самодовольно передернулъ плечами.

— Калининъ воображаетъ, что онъ сказалъ великую истину,—шепнулъ мнѣ, смѣясь, Воротницынъ.

Но мнѣ показалось, что Калининъ ничего не воображалъ и просто, подобно другимъ школьникамъ, высказалъ то, что думалъ, что Носовичъ дѣйствительно не фигляръ, а живая и хорошая личность. Важнѣе всего было то, что онъ произвелъ на всѣхъ, кромѣ меня и Калинина, повидимому, дурное впечатлѣніе, и между тѣмъ всѣ были возбуждены и

Digitized by Google

заботились о томъ, чтобы блеснуть передъ нимъ и натянуть ему носъ.

Пять или шесть уроковъ посвятилъ новый учитель на чтеніе избранныхъ статей, примѣшивая къ чтенію свои замѣчанія и довольно полно излагая намъ практическіе взгляды на жизнь. Когда послѣдняя статья была дочитана, тогда онъ обратился къ намъ съ просьбою написать статьи на темы. Темъ задалъ довольно много, главная была такая: описать какое-нибудь происшествіе и впечатлѣніе, произведенное имъ на автора статьи.

— Мнѣ хотѣлось бы прочитать вамъ еще нѣсколько произведеній, а именно: «Недоросля», отрывки изъ «Обыкновенной Исторіи», изъ «Бѣдныхъ людей» и изъ «Сочиненій доктора Крупова». На все это нужно много времени, а потому, кто желаетъ познакомиться съ этими статьями, тотъ можетъ оставаться по середамъ въ классѣ, послѣ уроковъ; я буду читать.

Желающимъ оказался весь классъ.

На слѣдующій урокъ мы подали Носовичу тетради со своими сочиненіями; онъ ихъ отобралъ и прочелъ лекцію изъ исторіи русской литературы. Это было введеніе, очень интересное и оживленное.

— Въ слѣдующій разъ я дамъ вамъ отчетъ о вашихъ статьяхъ,—сказалъ онъ, прощаясь съ учениками.

Мы ждали съ нетерпѣніемъ этого дня, и у каждаго вертѣлась въ головѣ мысль: что-то скажетъ мнѣ Носовичъ? Всѣ постарались отличиться—ну, и отличились!

IV.

Одинъ изъ уроковъ Носовича.

Нетерпѣливо-ожидаемый день насталъ. Носовичъ пришелъ въ классъ, его какъ-то странно подергивало; хотя мы и плохо читали на лицахъ людей, но все же замѣтили, что учитель очень недоволенъ.

— Вы, господа, можетъ-быть, въ претензіи на меня,— началъ онъ говорить:—что я задалъ вамъ трудныя темы для статей, а самъ, пожалуй, и двухъ строкъ написать не умѣю. Чтобы разувѣрить васъ, я тоже написалъ *сочиненіе* на одну изъ темъ, заданныхъ мною.

Носовичъ вынулъ тетрадь, сшитую розовымъ шелкомъ, съ листочкомъ голубой протечной бумаги, прикрѣпленной облаткою къ ленточкѣ, какъ это дѣлали школьники, хвастая красотою своихъ тетрадей. На оберткѣ курсивными буквами

Digitized by Google

была выведена надпись: «сочиненіе Носовича 1848 года».

— Слушайте-съ. Я выбралъ самую легонькую тему; трудная мнѣ не подъ силу.

Осень.

Утро было чудесное. Солнце, какъ золотой шарикъ, катилось по небесамъ и улыбалось мнѣ въ окно, маня меня выйти въ садъ. Я взялъ, да и вышелъ. Кругомъ меня разговаривали деревья съ золотыми листьями, полныя спѣлыхъ апельсиновъ, персиковъ и сливъ. На землѣ красовались саженные арбузы, и около нихъ покачивалъ листьями салатъ, облитый уксусомъ и прованскимъ масломъ; тутъ же бѣгали жареные рябчики и бекасы, умильно заглядывая въ мой ротъ. Все приглашало меня утолить голодъ и вкусно позавтракать. Я сѣлъ на берегу голубенькой рѣчки, протекавшей между тысячами благовонныхъ цвѣтовъ, благоухавшихъ лучше, чѣмъ магазинъ Герке. Поймавъ одного изъ жареныхъ рябчиковъ и сорвавъ кочень приготовленнаго салата, я утолилъ голодъ и закусилъ персикомъ, свалившимся къ моимъ ногамъ. Тогда начала томить меня жажда; я наклонился къ рѣчкѣ, чтобы зачерпнуть рукою водицы; но, къ моему удовольствію, оттуда забилъ фонтанъ прямо мнѣ въ ротъ и напоилъ меня чистѣйшимъ шампанскимъ...

— Вмѣсто шампанскаго, господа, каждый можетъ вообразить вино по своему вкусу; сочиненіе отъ этого не измѣнится,—проговорилъ Носовичъ, и молча сталъ выгружать изъ портфеля наши тетради и положилъ въ него свою.

Мы не знали, что̀ намъ дѣлать: смѣяться ли надъ сочиненіемъ Носовича, или счесть его продѣлку пошлостью и состроить обиженныя физіономіи. Разсержены были мы всѣ. Носовичъ не далъ намъ времени долго думать; его брови сдвинулись, глаза сощурились, и по губамъ пробѣжала язвительная улыбка.

— Что-съ, господа?—заговорилъ онъ скороговоркою:—хорошо мое сочиненіе? пошлость! плоскость! Но вѣдь это только шутка, а какъ назвать, напримѣръ, вотъ это *самодѣлкинее* сочиненіе?

Носовичъ быстро развернулъ одну изъ ученическихъ тетрадей, всталъ со своего стула и, стоя, началъ читать. Въ его голосѣ слышалась нервическая раздражительность.

Осень.

Сентябрьское солнце, какъ огненный шаръ, катилось по

Digitized by Google

безоблачному горизонту; въ воздухѣ, полномъ аромата березъ, цвѣтовъ и поспѣвающихъ плодовъ, слышалось звонкое пѣніе птицъ. Повсюду летали онѣ, заботливо собирая кормъ. Крестьяне съ громкими пѣснями шли на веселыя работы; шумною толпой провожали ихъ хорошенькія дѣти въ красныхъ рубашонкахъ; они собирались насладиться послѣдними лѣтними удовольствіями, рвать цвѣты на лугахъ и плести вѣнки. Радость и жизнь разливались во всемъ и все ликовало, прославляя Творца, пославшаго теплую осень съ ея золотыми плодами. Около двѣнадцатаго часа, когда яркое и жгучее солнце...

— Тьфу! гадость какая!—крикнулъ Носовичъ, и тетрадь полетѣла подъ столъ.—Это вы изъ французской книжечки вычитали, quatre saisons передали, что ли? И гдѣ вы видѣли всѣ эти прелести? Веселыя полевыя работы! Подите, поработайте-съ, да тогда и говорите: веселыя! Ребятишки, и еще въ красненькихъ рубашонкахъ, точно шуты, бѣгутъ вѣнки плести! Да знаете ли вы, что эти чудные крестьянскіе ребятишки не такія сахарныя нѣженки, какъ вы, что они коровъ пасутъ, за свиньями смотрятъ, домъ сторожатъ; грудныхъ братьевъ качаютъ въ рабочую пору? Зачѣмъ вы лжете, сочиняете? развѣ я за тѣмъ задаю вамъ темы для статей, чтобы пріучить васъ ко лжи или дѣлать сочинителями? Ихъ и безъ васъ непочатой уголъ. Пишите мнѣ о томъ, что вы видите; покажите, какъ развились ваши понятія, какъ вы понимаете окружающую васъ жизнь, а не выдумывайте сказокъ про деревню, которой вы въ глаза не видали. О жителяхъ луны и я могу сказать только чушь и ложь; а потому о нихъ и не разсказываю. Видите вы лужу передъ своимъ окномъ и пишите: вотъ, молъ, весна наступила, и передъ моимъ окномъ лужа непроходимая стоитъ, потому что хорошихъ водосточныхъ трубъ нѣтъ и мостовая плоха, да и дворникъ не мететъ улицы, занятый другимъ дѣломъ. Да если бы и лужи не было, то все-таки идти на улицу не хочется, ибо въ воздухѣ теперь слышнѣе вонь отъ помойныхъ ямъ, давно не чищенныхъ... Пишите, пожалуй, о жареныхъ бекасахъ и рябчикахъ, только тогда, когда вы ихъ видѣли или ѣли, а то бумагу только попусту изводите и у меня время и здоровье уносите. Вотъ и сегодня прочелъ я поутру это сочиненіе объ осени, вижу: сладость неописанная, благорастворенiе воздусей, ну, и пошелъ безъ калошъ, а теперь и насморкъ, и кашель привязались—пожалуй, и совсѣмъ слягу. Не бережете вы своего учителя!

Digitized by Google

Послѣднія слова Носовичъ произнесъ такимъ уморительно-плачевнымъ голосомъ, что мы всѣ, смущенные началомъ его рѣчи, разсмѣялись; но въ этомъ смѣхѣ слышалась стыдливая сдержанность.

Мысль: какой я дуракъ!—промелькнула въ каждой головѣ.

Носовичъ сошелъ съ каѳедры, поднялъ брошенную имъ на полъ тетрадь и стряхнулъ съ нея пыль своимъ рукавомъ.

— И всѣ сочиненія, написанныя вами, почти таковы, нѣкоторыя еще хуже,—сказалъ онъ уже совершенно серьезнымъ и немного грустнымъ тономъ.—Между тѣмъ, нѣкоторымъ изъ васъ 16, 17, даже 18 лѣтъ, вы уже два года пишете статьи на учительскія темы. Чему же васъ учили! Какъ развивали?.. Вамъ въ слѣдующіе два года придется поработать надъ собою, иначе вы вступите въ жизнь на жертву пройдохъ, которые поймутъ вашу неразвитость. Авось, что-нибудь успѣемъ сдѣлать. Хотите, чтобы я прочелъ вслухъ и другія сочиненія?—спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Нѣтъ! нѣтъ, г. Носовичъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.—Мы лучше постараемся написать новыя сочиненія.

— Пишите,—сказалъ Носовичъ и сталъ раздавать тетради.

— Кто теперь президентъ во Франціи: Кавеньякъ, или Луи-Наполеонъ?—насмѣшливо спросилъ онъ у Воротницына, отдавая тому тетрадь.

— Я этого не знаю,—съ недоумѣніемъ отвѣчалъ Воротницынъ.

— Скажите, пожалуйста! а я совсѣмъ думалъ, что вы политикой занимаетесь. Странно, очень странно! — балаганилъ Носовичъ, покачивая головой.—И не занимайтесь ею; познакомьтесь съ окружающею васъ жизнью, тогда вы увидите, что политика выѣденнаго яйца не стоитъ. Право, такъ!

— Я ею не занимаюсь, вѣдь я вамъ сказалъ,—обидчиво промолвилъ Воротницынъ.

— А мнѣ кажется, что вы скрытничаете. Знаете, почему?

— Нѣтъ-съ, не знаю-съ,—дерзко отвѣтилъ Воротницынъ.

— Нѣтъ-съ, не знаю-съ,—передразнилъ его Носовичъ.—Слушайте же. Ваше сочиненіе можетъ быть хоть сейчасъ напечатано въ любомъ русскомъ журналѣ; но оно положительно дурно. Изъ него видно, что вы много, слишкомъ много читали; но кто-то преусердно выбиралъ для васъ книги, похожія, какъ двѣ капли воды, одна на другую, и посадилъ въ вашу молодую голову дряхлаго старикашку съ разбитыми ногами. Онъ подсказываетъ вамъ то, что вы

Digitized by Google

должны, по его мнѣнію, говорить, водитъ вашею рукою, когда вы пишете. Старикашка, должно-быть, былъ великій грѣшникъ, ибо онъ только и хлопочетъ, что о прощеніи, и, по всей вѣроятности, богатъ, ибо всѣхъ уговариваетъ примириться съ разными гадостями. Молодые люди не додумываются до такихъ мертворожденныхъ теоріекъ. Молодой умъ не то выноситъ изъ чтенія Гоголя, изъ знакомства съ Плюшкиными, Чичиковыми, Ноздревыми. Или, можетъ-быть, я ошибаюсь, считая васъ молодымъ, можетъ-быть, вы родились задолго до первой французской революціи?.. Но вы мыслить умѣете, изъ васъ можетъ выйти хорошій человѣкъ; я хотѣлъ бы поспорить съ вами. Приходите когда-нибудь послѣ класса ко мнѣ.

Воротницынъ стоялъ, засунувъ руку подъ жилетъ, и тамъ пощипывалъ свою рубашку; его лицо покраснѣло и приняло надменное выраженіе. Онъ, кажется, впервые слышалъ оцѣнку своей теоріи и былъ готовъ бороться за нее. Я переглянулся съ Розенкампфомъ. Носовичъ продолжалъ раздавать тетради и давать наставленія каждому ученику отдѣльно. Раздача тетрадей кончилась.

— Господинъ Носовичъ! вы не возвратили моей статьи,— сказалъ Калининъ.

— Знаю-съ, — отвѣчалъ Носовичъ. — Она лежитъ на каѳедрѣ, и я намѣренъ прочесть ее передъ классомъ.

— Какого чорта онъ въ ней вычиталъ?—проворчалъ Калининъ, садясь на свое мѣсто.

Носовичъ началъ читать его статью.

«Происшествіе, о которомъ я хочу разсказать, было прошлой весной. Однажды, окончивъ свои уроки, я глазѣлъ отъ нечего дѣлать въ окно. По грязной улицѣ, несмотря на сильный вѣтеръ и собиравшіяся тучи, тащилось множество народа; всѣ спѣшили на гулянье въ крѣпость, чтобы насладиться тамъ грызеньемъ орѣховъ и слушаніемъ дребезжащей музыки надтреснутыхъ шарманокъ. На это гулянье пошли и мои родные, я же остался дома, потому что мнѣ не хотѣлось гулять тамъ, гдѣ томятся сотни преступниковъ. Сначала я очень любилъ это развлеченіе: съ крѣпостныхъ стѣнъ такой славный видъ на Неву; но, за нѣсколько времени передъ этимъ днемъ, я былъ запертъ инспекторомъ въ школьный карцеръ, и болѣе всего тревожилъ меня въ заключеніи веселый шумъ ребятишекъ, игравшихъ на дворѣ. Въ описываемый день я вспомнилъ это, и мнѣ ясно представилось то горькое чувство, которое должны испытывать

Digitized by Google

арестанты, слыша топотъ гуляющаго народа. Во мнѣ кипѣло не то чувство жёлчной злости, не то чувство плаксивой тоски. Хотѣлось и выругать кого-нибудь, и похныкать хотѣлось. Этому чувству суждено было усилиться еще болѣе. Мимо моего окна шло семейство мѣщанъ, судя по ихъ платью, должно-быть, мужъ и жена съ двумя сыновьями. Внезапнымъ порывомъ вѣтра съ головы одного изъ ребятишекъ сорвало фуражку, ребенокъ побѣжалъ за ней, но вѣтеръ уносилъ ее все дальше и дальше, и, наконецъ, прокатилъ по грязи въ лужу, гдѣ она и застряла. Ребенокъ вынулъ ее изъ воды и со слезами побѣжалъ къ родителямъ. Нѣжная матушка посмотрѣла на измокшую и запачканную фуражку и принялась ругать мальчугана. Отецъ послушалъ-послушалъ руготню жены и вышелъ изъ терпѣнія: вырвалъ изъ ея рукъ фуражку, мазнулъ ею по лицу сына, далъ ему затрещину и, нахлобучивъ на его головенку фуражку, крикнулъ: «ступай же свинья-свиньей на гулянье, пащенокъ!» Возмутительная сцена. Должно-быть, хорошо проведетъ этотъ день мальчуганъ. Не весела ты, мѣщанская жизнь! Мнѣ стало грустно до слезъ, и припомнилось мнѣ мое собственное дѣтство... А, впрочемъ, не будь этой сцены, не было бы и этой статьи... Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица. Однако, лучше, если бы было добро, и не было бы худа».

— Эта статья, господа, мнѣ положительно нравится,— сказалъ Носовичъ.—Но, господинъ Калининъ,—продолжалъ онъ, отдавая тетрадь:—я говорю, что она хороша по своей правдѣ и искренности, а не по формѣ. Если бы вы ее подали нѣмцу-учителю, то онъ отмѣтилъ бы: liederlich geschrieben.

— Я нѣмцу не подалъ бы ее,—отвѣчалъ Калининъ.—Я написалъ бы ему: eine kleine Biene flog или wie ist die Erde so schön, so schön!

Послѣднія слова онъ произнесъ нараспѣвъ. Мы и Носовичъ улыбнулись.

— Откровенный вы человѣкъ, господинъ Калининъ!

Остальное время урока Носовичъ употребилъ на серьезное объясненіе намъ тѣхъ взглядовъ на жизнь и дѣятельность человѣка, которые онъ признавалъ вѣрными и честными.

— Практическій, трезвый взглядъ на все,—говорилъ онъ:— есть единственное основаніе, на которомъ можетъ человѣкъ построить свою жизнь хорошо для себя и безобидно для ближнихъ. Развивать его надо именно теперь, здѣсь въ

Digitized by Google

школѣ. Многимъ изъ васъ придется выступить отсюда на поле самостоятельной жизни, сдѣлаться чиновниками и мастеровыми, или засѣсть на университетскія скамьи. Въ первомъ случаѣ вы прямо должны стать практиками, чтобы не надували васъ пройдохи, во второмъ безъ практическаго взгляда вы сдѣлаетесь игрушками профессоровъ и книгъ. Они нацѣпятъ на васъ свои любимыя мечтанья и теорійки, и вы, какъ овцы, пойдете за вожаками, по тому же пути, по которому шли они, и станете, можетъ-быть, въ тѣхъ же стѣнахъ, съ тѣхъ же каѳедръ, только другимъ голосомъ пѣть ихъ пѣсню, не помышляя о томъ, насколько полезна эта пѣсня, и нужна ли она кому-нибудь. Плохая будущность! Но какъ развить практическій взглядъ? Очень легко: наблюдайте за собою, сближайтесь съ товарищами, но сближайтесь честно, разумно, не за раздѣленную пополамъ сахарную конфетку. Изучайте, что̀ худо и что̀ хорошо въ ихъ и въ вашемъ домашнемъ быту; не осуждайте старыхъ людей за худое; они воспитывались не такъ, какъ вы,—исправлять ихъ глупо и пошло; но старайтесь воспитать себя такъ, чтобы худое не повторялось въ васъ самихъ и въ вашей дѣятельности. Другихъ нечего передѣлывать, не передѣлавъ себя; работать же въ свою пользу надъ собою побуждаетъ насъ эгоизмъ. Вы знаете, что̀ значитъ быть эгоистомъ? Быть эгоистомъ—значитъ любить себя. А кто же не любитъ себя? Всѣ любятъ,—это истина. Эгоизмъ есть главный двигатель всего, совершающагося на землѣ, инстинктъ, присущій всякой твари; безъ него человѣкъ дѣлается ниже животнаго, ибо теряетъ послѣднее оправданіе своихъ поступковъ. Вамъ надо объяснить эту мысль, иначе вы меня не поймете. Я обращаюсь къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя вы могли сдѣлать непосредственно надъ собою. Когда вы чувствовали себя особенно нехорошо? Тогда, когда вы были больны, когда вамъ хотѣлось ѣсть, пить и торопились совершить работу не по силамъ, когда вы были наказаны, когда вы не имѣли ни одного друга, и васъ томило одиночество, когда вы прятались отъ человѣка, собиравшагося васъ побить, отъ маленькаго врага. Или, можетъ-быть, я ошибаюсь, и все это не тревожило васъ, все это было вамъ пріятно? Какъ вы думаете?

— Разумѣется, тревожило,—отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Но отчего же тревожило? Потому что отъ этого страдало ваше *я*, страдали его первыя потребности. Если бы всѣ эти тревожащія обстоятельства были отстранены по

Digitized by Google

вашему желанію, то вы были бы счастливы, *должны* бы были быть счастливы. Не такъ ли? Конечно, такъ! Это вамъ скажетъ любой мудрецъ, и всѣ люди стремятся только къ той жизни, гдѣ нѣтъ исчисленныхъ мною тревожащихъ обстоятельствъ. Всѣ другія, лишнія блага составляютъ роскошь жизни, и безъ нихъ можно обойтись. Если сытый человѣкъ заплачетъ о томъ, что у него нѣтъ жареныхъ устрицъ и шампанскаго, то онъ возбудитъ смѣхъ, и вы скажете: вотъ счастливецъ; ему и плакать-то не о чемъ! Но никто, не будучи подлецомъ, не рѣшится смѣяться надъ голоднымъ, плачущимъ о неимѣніи куска хлѣба. Итакъ, мы съ вами добрались до истинныхъ потребностей человѣка, составляющихъ его счастье. Онѣ эгоистичны. Но развѣ онѣ ведутъ къ дурнымъ поступкамъ, къ преступленію? Напротивъ того, въ разумно практическомъ человѣкѣ именно онѣ-то и исключаютъ мысль о преступленіи. Если вамъ нечего ѣсть, то вы должны работать, а не красть, иначе васъ накажутъ люди или правительство, физически или нравственно, это все равно,—и вамъ будетъ не весело: вы согласились, что наказаніе не радуетъ. Если вашъ трудъ не можетъ быть сдѣланъ вдругъ вашими силами, вы его сдѣлаете исподволь, а не скомкаете кое-какъ и не бросите совсѣмъ, потому что за бездѣлье платы не полагается. Если вы наживаете своею дѣятельностью только враговъ и не имѣете друзей, то первые придавятъ васъ, видя вашу безпомощность. Это непріятно. Но безъ враговъ нельзя прожить, значитъ, надо нажить побольше друзей, готовыхъ стоять за васъ, если вы не будете подлецами. Съ подлецомъ сойдется только подлецъ; но такой господинъ не подставитъ своей груди за васъ и будетъ другомъ только на словахъ... Какъ вы думаете, къ добру или къ злу поведетъ эгоизмъ человѣка, обладающаго вѣрнымъ практическимъ взглядомъ? Подумайте хорошенько и отвѣтьте мнѣ въ слѣдующій урокъ. Звонокъ, кажется, былъ, и намъ пора кончить.

Насталъ слѣдующій урокъ. Многіе изъ насъ дѣйствительно подумали о словахъ Носовича и сознательно согласились съ нимъ. Такіе ученики были сильно возбуждены и уже начинали любить учителя; ошибался ли онъ или нѣтъ, но все-таки онъ заставлялъ насъ думать, говорилъ намъ: и вы люди, а не овцы, ведомыя на закланіе. Другіе же, изъ числа школьныхъ тупицъ, поддакивали, ничего не думая. Слова учителя касались и отскакивали отъ нихъ, какъ отъ стѣны горохъ.

Digitized by Google

— Теперь, господа,—продолжалъ Носовичъ въ слѣдующій урокъ:—вамъ должно быть ясно, что дурные поступки, совершенные во имя эгоизма, суть слѣдствія несообразительности, непрактичности и безсмысленности людей. Казнокрады-взяточники—вы слышали объ этихъ кровожадныхъ двурукихъ животныхъ?—брали взятки, думая нажиться; но они не разсчитывали на то, что рано или поздно они могли попасться и лишиться всего. Но даже, если бы имъ и сходило постоянно съ рукъ, то и тогда ихъ гнусную дѣятельность нельзя бы было назвать разумно-практическимъ эгоизмомъ. Они прожили жизнь подъ страхомъ, вѣчно боялись, не пишутъ ли на нихъ доноса ихъ друзья-подлецы, добивающіеся ихъ мѣста. Вы признали такое состояніе непріятнымъ, несогласнымъ съ требованіями эгоизма, но, разумѣется, и старые взяточники не чувствовали большой пріятности отъ этого состоянія. Большею частью они были людьми жёлчными, угрюмыми, подозрительными въ сношеніяхъ съ окружающими личностями, боялись своей собственной семьи. Пухленькими и веселенькими взяточниками-балагурами были только мѣдные лбы, дошедшіе до послѣдняго животнаго состоянія.

Такимъ образомъ, перебралъ Носовичъ передъ нами всѣхъ порочныхъ и преступныхъ дѣятелей и доказалъ то, что́ было нужно доказать. Наша русская жизнь, нарисованная твердою, размашистою и мѣткою кистью, прошла передъ нами. Мы слышали обо всемъ, начиная отъ христославленья деревенскаго попа по избамъ мужиковъ и пребыванія поповскаго сына въ бурсѣ до высшаго проявленія азіатской изнѣженности и лѣни помѣщичьихъ кружковъ. Носовичъ творитъ судъ и расправу надъ отдѣльными личностями и пороками. Но въ его рѣчахъ не было ни жёлчности, ни раздражительности, ни предубѣжденія; онъ говорилъ намъ: «не думайте, что такъ дѣлается только у насъ; въ другихъ странахъ дѣлается то же, но на свой ладъ. Не бросать каменья, не злиться, не воевать нужно. Нужно смотрѣть за собою, собираться съ честными людьми въ тѣсный кружокъ, исполнять свои обязанности лучше подлецовъ, и тогда подлецы исчезнутъ, какъ пыль. Покуда честные люди будутъ хныкать, жаждать славы, какихъ-то подвиговъ и переворотовъ и оставаться безъ дѣла, оставлять его въ рукахъ подлецовъ, выказывать свою неспособность даже къ малымъ дѣламъ,—до тѣхъ поръ подлецы будутъ блаженствовать. До сихъ поръ бо́льшая часть изъ такъ-называемыхъ честныхъ людей ломалась,

Digitized by Google

кривлялась и геройствовала, губя только себя, и ихъ даже стыдно назвать честными, не прибавивъ «мечтателями». Только нѣкоторые изъ нихъ, владѣя перомъ, дѣлали истинно-честное дѣло, писали по мѣрѣ силъ и раскрывали передъ толпой послѣдніе выводы науки, озаряли мракъ. Этимъ спасибо, и потому-то я считаю важнымъ дѣломъ изученіе исторіи русской литературы».

Носовичъ сильно напиралъ на то, что сначала, въ былыя времена, преступная дѣятельность была какъ будто согласна съ требованіями эгоизма, но что съ размноженіемъ развитыхъ людей она дѣлается все болѣе и болѣе непрактичною и неэгоистичною. Страшно нападалъ онъ на тѣхъ честныхъ людей, которые или ребячески дуются на весь міръ, или надменно надуваются передъ нимъ и воображаютъ себя счастливыми и честными. «Ихъ счастье,—говорилъ онъ,—выѣденнаго яйца не стоитъ, ихъ можетъ каждую минуту раздавить первый подлецъ, и ни одна рука не протянется спасти ихъ. И по-дѣломъ имъ! Человѣкъ, какъ и всякая тварь, надѣленъ инстинктомъ самосохраненія. Это чувство заставляетъ его прибѣгать къ обществу, внѣ котораго онъ нуль, старая онуча. Онъ, только имѣя друзей, разумѣется, въ честномъ, то-есть прямомъ смыслѣ слова, можетъ быть спокойнымъ за свою будущность. Взгляните на табунъ лошадей, когда на нихъ набѣгаютъ волки. Лошади не разбѣгутся, но сплотятся въ одну массу и дадутъ отпоръ врагу. Побѣда остается на ихъ сторонѣ, тогда какъ одинокую лошадь волки растерзаютъ непремѣнно. Безъ друзей, безъ любви къ ближнимъ, требуемой эгоизмомъ,—мы ничто. Ничто же не можетъ быть ни честнымъ, ни подлымъ. Итакъ, практически разумный, настоящій эгоизмъ есть двигатель въ жизни, эгоизмъ есть любовь къ ближнимъ, любовь къ честной дѣятельности, эгоизмъ есть справедливость».

Таковы были уроки Носовича, предшествовавшіе и тѣсно соединенные съ лекціями исторіи русской литературы. Я сократилъ ихъ, насколько было возможно, но все-таки читатель, вѣроятно, соскучился. Я могу извинить себя передъ нимъ тѣмъ, что сказать объ этихъ взглядахъ было необходимо для того, чтобы читатель понялъ, за что полюбили мы Носовича, за что мы назвали его крестнымъ отцомъ нашего умственнаго развитія.

Digitized by Google

V.

Юноши начинаютъ жить.

Бо́льшая часть учениковъ развивалась довольно быстро, пріобрѣтала въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣе нужныхъ познаній, чѣмъ въ предшествовавшія пять лѣтъ. Самое сильное вліяніе имѣлъ Носовичъ на русскихъ; у каждаго изъ нихъ хотя разъ забилось сердце отъ его словъ, касавшихся преимущественно русской вседневной жизни. У иного ученика мелькнули въ головѣ и свѣтлыя, и горестныя воспоминанія и, можетъ-быть, впервые въ дѣтскомъ увлеченіи поклялся онъ быть честнымъ человѣкомъ, не терзать своихъ будущихъ дѣтей, учениковъ и товарищей, какъ терзали его самого. Поняли Розенкампфъ и я, что Носовичъ не рекомендуетъ съ особенно хорошей стороны борьбы, въ смыслѣ ломки и переворотовъ, но что онъ не хлопочетъ, какъ Воротницынъ, о примиреніи и прощеніи. «Дѣйствуйте,— совѣтовалъ онъ,—но дѣйствуйте умно и честно, и не спите. Глядите прямо въ лицо людямъ, не поднимая головы до небесъ и не опуская ея до земли. Окружающія васъ личности одного роста съ вами, и если есть между ними гиганты или карлики, то это уроды, исключенія. Сапожникъ не долженъ гордиться передъ не-сапожникомъ своимъ умѣньемъ шить обувь, и послѣдній не обязанъ краснѣть за свою неспособность къ этому ремеслу: онъ знаетъ что-нибудь другое. Высокихъ призваній нѣтъ. Мы всѣ работники въ одной и той же мастерской и составляемъ колеса и винты одной машины. Только ржавые и поломанные колеса и винты выбрасываются вонъ и топчутся въ грязь. Старайтесь же не ржавѣть и не ломаться».

Многіе изъ воспитанниковъ нашего класса сплотились въ одну семью. Носовичъ давалъ намъ ученыя книги, носившія замѣтки, дѣланныя его рукою; часто заключались въ книгахъ цѣлые листы писчей бумаги, мелко исписанные имъ; иногда на поляхъ страницъ встрѣчались просто немногословныя фразы: «Авторъ злобствуетъ! Мало читалъ и потому не дочитался до истины!» и такъ далѣе. Книги, по его совѣту, прочитывались вслухъ послѣ классныхъ занятій; для этой цѣли мы назначили часы и чередовались въ чтеніи. Замѣтки, въ родѣ вышеприведенныхъ, возбуждали толки, которые разрѣшалъ самъ Носовичъ, часто приходившій на наши сборища. Иногда, собравшись въ болѣе или менѣе многочисленные кружки, мы не читали, а толковали обо

Digitized by Google

всемъ, что̀ насъ интересовало въ жизни. Въ бесѣдахъ не было никакихъ мудреныхъ старческихъ разсужденій; тутъ была просто живая и веселая молодежь, развивавшая свой умъ, начинавшая жить и мыслить.

Розенкампфъ, Калининъ и я, люди совершенно различные по характерамъ, привязались другъ къ другу всею душою, и ни одна тѣнь не промелькнула между нами, хотя мы и не щадили другъ друга и прямо высказывали правду въ глаза. Воротницынъ, это поэтическое созданіе, хлопотавшее о примиреніи, восхитительно читавшее стихи Шиллера, былъ холоднѣе насъ троихъ, смѣялся надъ мелочностью раздражительности Розенкампфа, надъ слишкомъ рьяной любовью Калинина къ народу и вообще безъ волненія выслушивалъ жалобы друзей на домашнюю жизнь. Поводовъ же къ жалобамъ было довольно много. Счастливъ вполнѣ былъ одинъ я. Калинину не весело жилось въ мѣщанской семьѣ, поговаривавшей, что парень на возрастѣ и пора ему кончить науку и поступить въ магазинъ за прилавокъ. Бѣдняку приходилось воевать за каждый лишній мѣсяцъ пребыванія въ школѣ. Розенкампфу было еще хуже.

Наступали рождественскіе праздничные дни. Розенкампфъ совсѣмъ пріунылъ, даже браниться пересталъ.

— Не могу я ходить къ моей благодѣтельницѣ,—говорилъ онъ намъ:—я тамъ опять становлюсь злющимъ. Не честное негодованіе, а какая-то рабская злость пробуждается во мнѣ въ этомъ домѣ. Я совсѣмъ испорчусь, а между тѣмъ, у меня нѣтъ другого угла.

— Проведи праздники у меня,—сказалъ я:—мои родители добрые и хорошіе люди; они не откажутся принять тебя.

— Знаю, голубчикъ, что не откажутся. Я ихъ очень люблю и радъ бы побыть у тебя на праздникахъ; но благодѣтельница не согласится на это.

— Нельзя ли какъ-нибудь устроить дѣло?—молвилъ Калининъ.

— Не знаю, право,—задумчиво отвѣчалъ Розенкампфъ.— Подумайте за меня, я самъ ничего не въ состояніи выдумать, поглупѣлъ совсѣмъ.

Мы помолчали.

— Поклонись-ка въ поясъ Носовичу,—произнесъ Калининъ.—Авось его умная голова что-нибудь выдумаетъ.

Розенкампфъ обрадовался совѣту и на другой же день пошелъ къ Носовичу на квартиру. Носовичъ принялъ его

Digitized by Google

съ обычною ласковостью, внимательно выслушалъ его откровенный разсказъ, и сказалъ, что подумаетъ о дѣлѣ. Дня черезъ три онъ пришелъ въ классъ и сказалъ Розенкампфу, что имъ нужно поговорить, взялъ его подъ руку и пошелъ съ нимъ ходить по коридору

— Я обдѣлалъ ваше дѣло,—объявилъ Носовичъ по выходѣ въ коридоръ.—Вы совершенно свободны.

— Какъ?.. Свободенъ?..

У Розенкампфа духъ занялся, и сотни мыслей вдругъ промелькнули въ его головѣ: свобода, безпомощность, неимѣнье угла, новая жизнь—все это смѣшалось въ какой-то хаосъ.

— Я узналъ сначала,—продолжалъ Носовичъ:—что за васъ заплачены деньги въ школу за два слѣдующіе года. Потомъ поѣхалъ къ вашей благодѣтельницѣ и объяснился съ нею. Объясненіе было горячо, не весело... Она высказалась вполнѣ. Мнѣ удалось уговорить ее оставить васъ въ покоѣ. Она согласна, даже рада этому...

Лицо слушателя передернулось отъ чувства ненависти, пробудившагося отъ этихъ словъ; Носовичъ это замѣтилъ.

— Не вините ее за нелюбовь къ вамъ,—продолжалъ онъ.— Васъ подкинули ей на другой день свадьбы; она обрадовалась вамъ, какъ игрушкѣ, оставила васъ у себя; потомъ до нея дошли слухи, что вы сынъ ея мужа. Они разбили въ прахъ ея самыя святыя упованія, вѣру въ мужа, въ искренность его клятвъ. Въ ней пробудилась ненависть къ вамъ...

— Развѣ я виноватъ?—строптиво перервалъ Розенкампфъ.

— Не виноваты, но иначе не могло быть, она не нашего закала женщина. Ей это служитъ оправданіемъ. Она была несчастна не менѣе васъ. Но не будемъ толковать о прошломъ: передъ вами будущность, и надо подумать о ней. На ваше имя положены двѣ тысячи въ опекунскій совѣтъ. По выходѣ изъ школы вы не будете нищимъ. До тѣхъ же поръ по праздникамъ вы будете ходить ко мнѣ, или, если, какъ вы говорили, васъ будутъ брать Рудые, то къ нимъ. Это одно и то же. На вашу одежду у меня найдутся деньги, о ней нечего заботиться.

— Благодарю васъ, Николай Павлычъ,—отвѣчалъ Розенкампфъ, пожимая руку Носовича.—Но только одежда отъ васъ... Не лучше ли изъ тѣхъ двухъ тысячъ?..

— Нѣтъ, батюшка, ужъ это вовсе не лучше. Во-первыхъ, ихъ по завѣщанію нельзя тратить до вашего выхода изъ школы, а во-вторыхъ, онѣ пригодятся и въ будущемъ. Я

Digitized by Google

понимаю, что васъ стѣсняетъ то, будто я буду вашимъ благодѣтелемъ. Нѣтъ-съ, ужъ это зачѣмъ же? Я благодѣтельствовать такому здоровому парню не намѣренъ. Вы можете записывать мои расходы на васъ и потомъ постепенно выплачивать мнѣ долгъ, когда поступите на службу. Если я умру, не доживъ до этого времени, то вы будете должны не мнѣ, а какому-нибудь молодому человѣку, котораго вы будете знать за истиннаго бѣдняка, и поможете ему отъ моего имени. Тутъ будутъ разомъ сдѣланы два честныя дѣла: вы уплатите деньги, взятыя безъ всякаго письменнаго документа, и поможете собрату, не заставляя его благодарить васъ. Будьте увѣрены, что я не дамъ вамъ милостыни: я слишкомъ много ожидаю отъ вашей будущности и уважаю васъ... Ну, разумѣется, и не насчитаю я на васъ слишкомъ много лишнихъ денегъ, будьте насчетъ этого безъ сумлѣнія,—уже шутя добавилъ Носовичъ.

Розенкампфъ не могъ его благодарить: онъ всегда стыдился слезъ, называя ихъ бабьими причудами и телячьими нѣжностями, а теперь, если бы онъ заговорилъ, то расплакался бы непремѣнно. Носовичъ заглянулъ ему въ лицо и молча крѣпко пожалъ его руку.

— Теперь мы друзья?—спросилъ онъ.

— Да, да, Николай Павлычъ, я весь вашъ, весь вашъ!— прошепталъ дрожащимъ голосомъ Розенкампфъ и поспѣшно убѣжалъ отъ новаго друга.

Гдѣ-то въ углу школы въ этотъ вечеръ рыдалъ и молился Розенкампфъ...

Розенкампфъ провелъ праздники у меня. Почти каждый вечеръ приходилъ къ намъ Калининъ, иногда заѣзжалъ и Воротницынъ. Однажды мы предавались разнымъ школьнымъ воспоминаніямъ, толковали о томъ, какъ трудно было каждому изъ насъ начало ученья, и договорились до того, что у всѣхъ явилась мысль облегчить ученіе маленькимъ школьникамъ. Для исполненія этой мысли намъ стоило только рѣшиться посвятить нѣсколько свободныхъ часовъ для занятій съ дѣтьми. Разумѣется, мы поспѣшили объявить о своемъ планѣ Носовичу. Онъ очень обрадовался.

— Молодцы! Принимайтесь за дѣло, довольно вамъ баклуши-то бить,—сказалъ онъ съ обычною шутливостью.— Вы будете въ большомъ выигрышѣ. Вамъ полезно заняться началами наукъ; поди-ка, вы половину перезабыли, не умѣете два на два помножить, такъ теперь повторите, а между тѣмъ пріучите себя къ учительской дѣятельности. Я

Digitized by Google

за васъ буду хлопотать передъ директоромъ; онъ, вѣроятно, позволитъ привести въ исполненіе вашъ планъ.

Послѣ праздниковъ позволеніе Сарторіуса было получено. Носовичъ при этомъ употребилъ хитрость и увѣрилъ директора, что мы, зная его любовь къ воспитанникамъ, хотимъ помочь ему и учителямъ въ заботахъ о дѣтяхъ; пощекотавъ, такимъ образомъ, директорское самолюбіе, хитрецъ успѣлъ обдѣлать дѣло, не дожидаясь созванія школьнаго совѣта. Мы сами, а не учителя, объявили въ младшихъ классахъ о своемъ предпріятіи. Кромѣ насъ четверыхъ, за дѣло взялись еще шесть нашихъ одноклассниковъ. Каждый избралъ отдѣльный предметъ и назначилъ часы для занятій съ маленькими учениками. Сначала желающихъ приготовлять уроки подъ нашимъ руководствомъ явилось немного, но съ каждымъ днемъ товарищи этихъ немногихъ видѣли, что тѣ знаютъ уроки лучше ихъ и получаютъ меньшее число щелчковъ и нулей, и число нашихъ воспитанниковъ все прибывало. Съ наступленіемъ годовыхъ экзаменовъ намъ уже пришлось заниматься съ двумя младшими классами въ полномъ составѣ.

Между тѣмъ, посвящая чтенію постороннихъ руководствъ три часа въ недѣлю, мы сами знали свои уроки основательнѣе, чѣмъ та малая часть нашего класса, которая стала особнякомъ отъ насъ. Во главѣ ея стоялъ сынъ Рейтмана, забитое, замученное подъ палкой родителя созданіе. Онъ наслѣдовалъ отъ отца всѣ взгляды; такъ же, какъ тотъ, проповѣдывалъ Resignation и ябедничалъ тайкомъ даже на школьныхъ служителей. Мы звали его похудѣвшимъ господиномъ Рейтманомъ. Знаніе уроковъ и любовь къ намъ мелкаго народа возбуждали негодованіе противниковъ. Всѣ средства къ примиренію были тщетны. Соединиться съ нами они не хотѣли и при первомъ удобномъ случаѣ жаловались учителямъ, что имъ трудно учиться, что Носовичъ снабжаетъ насъ учебными книгами, а имъ не даетъ этихъ книгъ. Мы объяснили учителямъ, что Носовичъ не даетъ книгъ никому отдѣльно, но всѣмъ вообще для чтенія ихъ вслухъ. Учителя раздѣлились тоже на двѣ партіи. Благоразумные вполнѣ оправдывали насъ; другіе же, изъ числа тюремщиковъ, подъ предводительствомъ Рейтмана-отца, говорили, что Носовичъ внесъ духъ раздора въ мирныя стѣны школы, что онъ сдѣлалъ изъ насъ непокорныхъ и самонадѣянныхъ мальчишекъ, что мы только изъ тщеславія учимъ маленькихъ дѣтей и учимся сами. Эти господа зли-

Digitized by Google

лись на насъ за то, что ученики, имѣя возможность хорошо приготовлять заданное, переставали, мало-по-малу, трепетать передъ ними и отвѣчали уроки болѣе спокойно и твердо, чѣмъ прежде. Рейтманы, Саломірскіе, Гро теряли случай драться, ругаться и дѣлать презрительныя гримасы, инспектору приходилось рѣже заглядывать дѣтямъ подъ штанишки. Оплеухи, брань, розги — эти атрибуты учительской власти приходили въ упадокъ. Хотѣли наши враги напакостить намъ на годовыхъ экзаменахъ. Собрались экзаменовать съ особенною торжественностью: кромѣ директора и обычнаго учителя, на испытаніе приходилъ еще учитель изъ партіи раздраженныхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что надо узнать, не мѣшаютъ ли намъ наши постороннія занятія исполнять свои обязанности, не понизился ли уровень нашего прилежанія. Если понизился, то слѣдуетъ уничтожить незаконно-разрѣшенное нововведеніе, какъ вредное дѣло. Но руководствуясь правиломъ Носовича: будьте хитры, какъ змѣи, и кротки, какъ голуби,—мы усердно приготовлялись къ экзаменамъ, желая честно выиграть свое дѣло, и выдержали искусъ на славу: изъ десяти учениковъ плохо экзаменовался только одинъ. Противники повѣсили носы. Директоръ былъ страшно раздраженъ противъ нихъ. Онъ согласился, какъ я уже сказалъ, не спросясь школьнаго совѣта, и всѣми силами отстаивалъ дѣло, приписывая первую мысль его себѣ. Конечно, истина не была тайною ни для кого, но онъ все-таки ходилъ, какъ павлинъ съ распущеннымъ хвостомъ и вытянутою шеей. Присутствіе лишняго учителя на испытаніи было личнымъ оскорбленіемъ для него, и онъ ликовалъ при видѣ нашихъ успѣховъ.

— Что, каково экзаменуются?—спрашивалъ онъ на одномъ экзаменѣ почти вслухъ у Рейтмана.

— Каждый обязанъ исполнять свой долгъ,—отвѣчалъ душеспасительною истиной Рейтманъ.

— Обязанъ! Обязанъ!—загорячился директоръ.—Они дѣлаютъ два дѣла и оба исполняютъ отлично. Другіе и одно исполняютъ плохо. Нѣкоторые ученики, напримѣръ, не занимаются въ меньшихъ классахъ, а очень плохо исполнили свои обязанности въ греческомъ экзаменѣ.

— Если вы, господинъ директоръ, говорите про моего сына,—зашипѣлъ Рейтманъ:—то я съ нимъ разсчитаюсь за греческій экзаменъ; но заниматься въ меньшихъ классахъ не позволю: онъ скромное и богобоязливое дитя и не долженъ для тщеславія ломаться. Многіе говорятъ о своей

Digitized by Google

любви къ дѣтямъ, чтобы блеснуть передъ толпою; лицемѣріе есть великій грѣхъ передъ Господомъ.

Директоръ, задѣтый тупою шилькою, сдѣлалъ презрительную гримасу и обратился къ намъ.

— Я вамъ очень, очень благодаренъ. Вы прекрасно исполнили мою мысль, это дѣлаетъ вамъ честь.

Комедія была очень веселенькая. Въ день публичнаго акта Сарторіусъ пригласилъ насъ къ себѣ на чай. Тамъ было нѣсколько учителей, постороннихъ людей и десятка два дѣвицъ. Послѣ чая устроился импровизированный балъ. Теперь преусердно отбивалъ свои руки о фортепьяно, хозяинъ и гости были въ духѣ и плясали до упаду. Наконецъ, Сарторіусъ затѣялъ безконечную мазурку и отличался въ первой парѣ съ директрисой женскаго отдѣленія училища.

— Пошли вы, господа, въ ходъ,—шепнулъ намъ Носовичъ.—Гуляйте, побѣдители: что-то послѣ будетъ!

Много во всемъ этомъ было комическаго; каждое слово, каждая фраза вызывала невольную улыбку, и никогда не чувствовали мы такого прилива веселости и смѣшливости, какъ въ эти дни перваго акта школьной комедіи.

А, можетъ-быть, въ то же время, когда мы плясали на балу, въ томъ же самомъ зданіи, разсчитывался Рейтманъ-ре́е со своимъ сыномъ за греческій экзаменъ. Жаль мнѣ этого мальчика и тѣхъ дѣтей, которыхъ онъ учитъ теперь. Вѣдь онъ тоже учителемъ сдѣлался, и такъ же толстъ, и такъ же за уши умѣетъ драть, какъ его отецъ... Наслѣдственные палачи!

VI.

Старые знакомые.

Я отдался всецѣло школѣ, которая сдѣлалась мнѣ дорога, и проводилъ дома очень мало времени. Молодыя личности моихъ друзей, притокъ новыхъ мыслей, полныя надежды на будущее, разговоры, исполненіе разъ возложенныхъ на себя обязанностей, все тянуло меня въ нашъ тѣсный кружокъ. Отецъ и мать были этимъ довольны. Они успѣли хорошо разглядѣть моихъ товарищей, знали, что дѣлалось и говорилось въ нашемъ обществѣ, и чувствовали, что я становлюсь порядочнымъ человѣкомъ и приготовляюсь къ жизненной дѣятельности. И они, и я были настолько честны, что не насиловали другъ друга. Они не заставляли меня сидѣть дома, высиживать праздную скуку и забавлять ихъ своей болтовней; я часто отлучался изъ дома, не опасаясь

Digitized by Google

пошлыхъ подозрѣній со стороны родителей въ холодности къ нимъ или въ чемъ-нибудь еще болѣе худшемъ. Но мы, если это было возможно, стали еще дороже другъ для друга; рѣдкія минуты, проводимыя мною въ семейномъ кругу, были чрезвычайно оживлены. Отецъ и мать интересовались всѣми подробностями нашей школьной жизни, и я откровенно разсказывалъ обо всемъ. Мои надежды на будущее оживляли стариковъ.

— Поживемъ мы еще,—говаривалъ отецъ:—славно поживемъ на старости лѣтъ.

— Мнѣ, отецъ, и теперь славно живется на свѣтѣ,—замѣчалъ я, и точно, мнѣ хорошо жилось. Я чувствовалъ, что я не лишній на свѣтѣ, и начиналъ въ этомъ сознаніи признавать величайшее человѣческое счастье.

Въ маѣ, когда у насъ оканчивались годичные экзамены, мы получили письмо отъ бабушки; она писала, что внукъ генеральши Звѣревой выходитъ изъ корпуса, и потому обѣ старушки пріѣдутъ въ Петербургъ. Мы обрадовались. Намъ хотѣлось взглянуть на нашу старушку, съ которой мы не видались полтора года и только изрѣдка переписывались, и знали изъ ея писемъ о плохомъ состояніи ея здоровья. Въ день пріѣзда бабушки я и матушка поспѣшили въ домъ Звѣревой, гдѣ должна была остановиться бабушка. Старушка была тронута до слезъ, расцѣловалась съ нами, сильно суетилась, то усаживая насъ, то подзывая къ себѣ, чтобы еще разъ поцѣловать меня или матушку. Она не то, чтобы состарилась во время разлуки, но опустилась и обрюзгла. Ея черные глаза стали какими-то сѣроватыми и тусклыми и плохо видѣли: разсматривая меня, она прибѣгала къ очкамъ. Толщина носила признаки водяной.

— Боже мой, какъ ты выросъ! совсѣмъ другое лицо у тебя сдѣлалось!—говорила она мнѣ, лаская и цѣлуя меня.— Теперь оканчивай поскорѣй ученье и начинай служить, покуда жива Звѣрева. Ей знакомы всѣ важныя лица въ Петербургѣ.

— На службу еще рано, бабушка,—опрометчиво отвѣчалъ я.

— Какъ? ты не хочешь служить? Ахъ, Саша, Саша!— протоворила она, качая сѣдою головой.—Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше; люди не вѣчны, и я въ гробъ смотрю. Кто безъ меня похлопочетъ о тебѣ? И дядя твой былъ такимъ же хорошенькимъ и умненькимъ мальчикомъ, какъ ты; но не хотѣлъ служить, идей вредныхъ набрался, вольтерьянцомъ

Digitized by Google

сдѣлался, все отвергать сталъ—и что же изъ него вышло?

Я улыбнулся, услышавъ о томъ, что дядя все отвергать сталъ, и раскаялся въ своей необдуманности и опрометчивости; теперь приходилось объясниться поневолѣ и толочь воду въ ступѣ.

— Я буду, бабушка, служить, но теперь еще рано; поучиться надо.

— Учиться! А годы-то уходятъ, да улетаютъ; гляди: въ твои лѣта, дружочекъ, сыновья и внуки Звѣревой уже офицеры и камеръ-юнкеры, а ты все еще школьникъ. Къ школьнику никто никакой аттенціи не можетъ имѣть.

— Мнѣ, бабушка, ни офицеромъ, ни камеръ-юнкеромъ не быть.

— Чѣмъ же ты думаешь быть?

— Учителемъ буду.

— Учителемъ! Господи! Что съ тобой безъ меня сдѣлали? Учителемъ! Да вѣдь учителя бурсаки, неужели же и ты этимъ хочешь быть? Вѣдь это значитъ не имѣть никакого самолюбія!

— Бурсакомъ и поповичемъ не буду, потому что не могу; а титулярнымъ совѣтникомъ, можетъ-быть, сдѣлаюсь,— смѣясь отвѣчалъ я, хотя мнѣ и было какъ-то неловко отъ этого разговора.

— Ахъ, Саша, Саша!

Бабушка опять закачала сѣдой головой.

Мнѣ было жаль старушку. Въ годы дѣтства я находилъ какой-то человѣческій смыслъ въ ея рѣчахъ; теперь же онѣ казались мнѣ страшною безсмыслицей. Подъ вліяніемъ дѣдовскихъ правилъ, она говорила: гнись, ползи и доползешь до виднаго мѣста, и въ то же время взывала къ человѣческому самолюбію, заставляла гнуться и ползать во имя его. Она говорила это, хотя сама бѣжала отъ тѣхъ же дѣдовскихъ правилъ изъ барскихъ хоромъ.

Отъ нея мы узнали о существованіи дяди; онъ тоже пріѣхалъ въ Петербургъ, собирался жениться и назначилъ бабушкѣ первое свиданіе у насъ, не желая встрѣтиться съ нею въ домѣ Звѣревой, гдѣ бабушка *служила*, по его выраженію. Свиданіе было назначено на другой день. Бабушка пріѣхала къ намъ къ обѣду. Около двухъ часовъ, когда было накрыто на столъ, къ нашему дому подкатилъ экипажъ. Я побѣжалъ къ окну. У подъѣзда стояла щегольская коляска и изъ нея выпрыгнулъ, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, дядя, у котораго темнорусые волосы почему-то

Digitized by Google

превратились въ черные. Онъ подалъ руку дамѣ, сидѣвшей въ коляскѣ. Хромая, немного кривобокая, она повисла на его рукѣ и, едва переставляя хромыя ноги, заковыляла за нимъ.

— Это что̀ за лягушка-царевна?—воскликнула бабушка.

Я расхохотался; отецъ пожалъ плечами.

— Не стыдно ли такъ называть совсѣмъ незнакомую женщину?—съ неудовольствіемъ замѣтила добродушная матушка и вспомнила, что на столъ уже накрыто, а обѣдъ приготовленъ не слишкомъ роскошный.

Она поспѣшила послать кухарку за пирожнымъ и уже была не въ духѣ: ее смутилъ пріѣздъ барыни-обладательницы роскошнаго экипажа.

— Матушка,—драматическимъ голосомъ воскликнулъ дядя и, рисуясь, подбѣжалъ къ бабушкѣ, таща подъ руку свою спутницу, одѣтую въ свѣтлое шелковое платье съ вырѣзнымъ лифомъ. У нея съ одного плеча свалилась шаль, и мы могли разглядѣть довольно желтую шею и тощую грудь, едва прикрытыя тюлемъ.—Рекомендую вамъ мою невѣсту,—произнесъ дядя и, кажется, хотѣлъ объявить ея имя, но его остановило невольное восклицаніе бабушки:

— А, Настенька?—вырвалось у нея.

Это восклицаніе смутило всѣхъ. Спутница дяди оправилась первая; она бросилась къ бабушкѣ, схватила ея руку, поднесла ее къ своимъ тонкимъ, сладко улыбающимся губамъ и заговорила какимъ-то дѣланнымъ, дѣтскимъ голоскомъ:

— Maman! Maman! какъ я рада васъ видѣть, какъ долго я ждала этой встрѣчи, какъ я хотѣла познакомиться съ вами, maman! Вы мнѣ позволите называть васъ съ сегодняшняго дня этимъ именемъ; я такъ давно никого не называла этимъ сладкимъ названьемъ! — лепетала она и немного закатила глазки.

— Называйте! называйте, если вамъ угодно!—пробормотала бабушка и тяжело опустилась на кресло.

Молодая особа подбѣжала къ матушкѣ; дядя говорилъ съ отцомъ. Я стоялъ подлѣ бабушки.

— На содержаніи! Господи, онъ на содержаніи! — тихо шептала старуха, покачивая головой, какъ бы въ забытьи.

Я слышалъ эти слова, понималъ всю ихъ горечь, и у меня сжалось сердце за старуху, добрую, честную, хотя и испорченную воздухомъ гнилого болота. Она вполнѣ понимала позоръ сына. И точно, что̀ же можетъ быть гаже, постыднѣе мужчины, живущаго на счетъ женщины? А между

Digitized by Google

тѣмъ, тысячи подобныхъ господъ толкаются по городамъ Европы и нашей Россіи, одѣтые въ щегольскія военныя и статскія платья, разъѣзжаютъ въ блестящихъ экипажахъ и трутся въ великосвѣтскихъ обществахъ, хотя не получили ни наслѣдства, ни клада, и вступили въ жизнь съ однимъ приглядным ъ личикомъ, да болтливымъ язычкомъ. Всѣ это знаютъ и жмутъ, не краснѣя, ихъ грязныя руки, потому что въ этихъ рукахъ блещетъ золото. Ихъ считаютъ выгодными женихами, и не одна матушка, которая топчетъ въ грязь падшихъ женщинъ, своихъ сестеръ, не задумается отдать свою дочь за одного изъ этихъ гнилыхъ господъ. Они, изволите ли видѣть, шалятъ, предаются увлеченіямъ молодости!..

Мой дядя вступилъ на этотъ торный путь безъ всякаго сознанія и попрежнему оставался младенчески-спокоенъ, безгрѣшенъ по наружности. Меня всегда удивляла эта особенная черта въ его личности. Рѣчь его дышала честностью, и уже роились въ его головѣ новые планы полезной дѣятельности; онъ замышлялъ какое-то гуманное предпріятіе, говорилъ, что нужно облегчить жизнь рабочаго класса, толковалъ о причинахъ послѣдней французской революціи, поклонялся, по-старому, запрещеннымъ книгамъ. Онъ былъ юнѣе и энергичнѣе на словахъ, чѣмъ когда-либо прежде, и совершенною искренностью звучали его слова:

— Наконецъ-то, люди начинаютъ вспоминать о народѣ! Я видѣлъ близко его въ эти полтора года, полюбилъ его отъ всей души. Несчастныя женщины, что онѣ тамъ терпятъ отъ тяжелаго труда! Если достанетъ силъ, то сдѣлаю что-нибудь для этихъ людей.

Для нашего семейства въ этихъ словахъ звучала какая-то скверная нотка. Мнѣ съ каждою минутою дѣлался все болѣе и болѣе отвратительнымъ этотъ человѣкъ.

— Баклушникъ! — говорилъ со злостью отецъ по уходѣ дяди.—И съ чего онъ вдругъ накинулся на народъ съ своею любовью?

— Теперь всѣ въ Европѣ толкуютъ о рабочемъ классѣ,— замѣтилъ я. (Это было мнѣ извѣстно отъ Носовича).

— А-а! а я думалъ, что источникъ его болтовни еще глубже; онъ что-то женщинъ очень жалѣлъ.

Отецъ махнулъ рукою.

Но я не могу продолжать разсказъ, не познакомивъ читателя съ невѣстою дяди; это будетъ послѣдняя новая личность въ моей исторіи. Читатель, быть-можетъ, и улыбнется:

Digitized by Google

онъ вообще любитъ смѣяться надъ другими, только бы не трогали его самого.

VII.

Моя будущая тетушка.

«Молчаніе, великій міръ молчанія!» —восклицаетъ одинъ англійскій писатель. Я совершенно согласенъ съ нимъ, что молчаніе имѣетъ иногда великое значеніе. Напримѣръ, какъ много смысла въ молчаніи человѣка, распекаемаго начальникомъ и ни съ того, ни съ сего пощипывающаго боковые швы своихъ панталонъ. Или взгляните на крестьянина, увидавшаго, что у него пала послѣдняя кляча-работница; онъ сталъ надъ нею и молчитъ, но развѣ въ этомъ молчаніи не больше горькаго смысла, чѣмъ въ оханьяхъ и вздохахъ чувствительной барыни надъ французскимъ романомъ? А упорное молчаніе, внезапно наступившее въ кружкѣ знакомыхъ людей, послѣ сказанной кѣмъ-нибудь поразительной глупости—развѣ оно не краснорѣчиво?.. Но, къ сожалѣнію, я не умѣю описывать это явленіе. Если бы я былъ способенъ на такое описаніе, то читателю пришлось бы прочесть цѣлую главу о томъ, какъ въ продолженіе цѣлаго обѣда почти все наше общество молчало, изрѣдка перебрасываясь обѣденными фразами: «не угодно ли вамъ жаркого? не возьмете ли вы соуса? благодарю васъ!» и такъ далѣе. Пріѣздъ моей будущей тетушки смутилъ всѣхъ. По странному стеченію обстоятельствъ, особа, сдѣлавшаяся причиной молчанія, была однимъ изъ самыхъ говорливыхъ существъ въ мірѣ. Я воспользуюсь удобнымъ случаемъ и, покуда всѣ безмолвствуютъ, разскажу ея исторію.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, внучка богатаго, но не благороднаго винокура, Катерина Тимоѳеевна Зернина пробыла три года въ Смольномъ монастырѣ и, послѣ смерти родителей, попала въ домъ дѣда, окончившаго свои дѣла и скучавшаго отъ бездѣлья посреди неуклюжероскошныхъ хоромъ и кованыхъ сундуковъ, составлявшихъ мебель его опочивальни. Дѣвочка была слабая, хромая и кривоногая, но не дурная лицомъ и смышленая. У дѣда она заняла среднее мѣсто между презираемымъ шутомъ и любимицей-внучкой. Она тѣшила старика, выжившаго изъ ума, и своимъ убожествомъ, и своимъ кокетствомъ, столь свойственнымъ уродамъ. Онъ заставлялъ ее бѣгать за платками, поднимать изъ-подъ стульевъ какія-нибудь ненужныя бумажки, чтобы видѣть, какъ она зацѣпится за коверъ или

Digitized by Google

за стулъ и свалится на полъ. Отвратительныя сцены отупѣвшаго самодурства смѣнялись сценами другого рода, не менѣе отвратительными и пошлыми. Дѣдъ часто бывалъ боленъ, и никто не могъ угодить ему такъ, какъ угождала внучка.

— Сокровище ты мое! на-а-слѣдница ты моя!—нараспѣвъ говаривалъ въ эти дни старикъ.—Рученьки твои, ру-у-ченьки дай мнѣ поцѣловать,—шамшилъ онъ.

Дѣвочка протягивала свои руки, онъ чмокалъ ихъ, вытягивая вваливіяся въ ротъ губы.

— Но-о-женьки, но-о-женьки твои хочу я расцѣловать,—метался и дурилъ онъ снова.

— Полноте, дѣденька!—отвѣчала внучка.

— Стань сюда, на постель, ко мнѣ стань,—капризничалъ старикъ и, если внучка не соглашалась, то онъ сползалъ съ кровати и ловилъ ея ноги.

Когда цѣлованіе оканчивалось, то приходилось звать прислугу и на рукахъ укладывать старика на постель.

Дѣвочка знала свою бѣдность и рано запаслась гнусно-практическою смышленостью рабовъ, лицемѣріемъ, хитростью и всевыносящею покорностью. Уже на семнадцатомъ году своей жизни она прибрала дѣда къ рукамъ. Больной подагрою, полоумный, онъ дѣлался игрушкою внучки, стоналъ, забытый въ своей опочивальнѣ, и умеръ, оставивъ всѣ свои сокровища единственной наслѣдницѣ. По смерти дѣда она ловила на золотую удочку мелкую рыбицу, праздношатающихся искателей дешеваго счастья. Времени въ уженьи прошло довольно много, мелкая рыбица клевала вкусныхъ червячковъ, но на крючокъ не попадала; наконецъ, попался дядя. Онъ обворожилъ Катерину Тимоѳеевну своими рѣчами и красивой наружностью, все еще моложавою, юношескою. Она забыла на время свою скупость и вполнѣ повѣрила его обѣщанію жениться на ней по пріѣздѣ бабушки, давала ему до свадьбы деньги, лошадей и квартиру, чего не могли добиться отъ нея ея прежніе поклонники. Но всему бываетъ конецъ: бабушка пріѣхала,—и вотъ дядя и его невѣста сѣли вмѣстѣ съ нами обѣдать.

Обѣдъ кончился. Разговоръ началъ завязываться; матушка приходила понемногу въ себя.

— Братъ такъ разсѣянъ, — сказала она: — что даже не сказалъ, какъ васъ зовутъ.

— Като, ma belle-soeur.

— Имя ваше?—спросила матушка въ недоумѣніи.

Digitized by Google

— Като, Като. Такъ звали меня въ монастырѣ.

— Но ваше полное имя?

— Катерина Тимоѳеевна Зернина. Только вы меня, пожалуйста, зовите Като; это такъ напоминаетъ мнѣ нашъ милый монастырь! Меня тамъ Зернышкомъ звали тоже.

Матушка едва удержалась отъ смѣха, услышавъ, что Като и Зернышкомъ звали тоже.

— А гдѣ вы изволили воспитываться?—невѣжливо спросила бабушка.

— Въ Смольномъ монастырѣ.

— Долго изволили тамъ пробыть

— Три года.

— Только-то! И уже успѣли его полюбить?

— Развѣ можно не полюбить его? — удивилась Като. — Тамъ у меня были такія душки-подруги: Аннетъ Дурова, Зизи Михалевичъ, Киса...

— Да вы, я думаю, успѣли позабыть ихъ, вѣдь это такъ давно было, — брякнула бабушка, потерявшая все хладнокровіе и чувство приличія.

Ее грызла мысль, что съ нею говоритъ любовница-покровительница ея сына.

Матушка поспѣшила отдавить ногу бабушкѣ и перемѣнила разговоръ. Такъ прошло время до семи часовъ вечера. Матушка завязывала разговоры, бабушка дѣлала злыя и ничуть не тонкія замѣчанія; но Като неизмѣнно сохраняла дѣтски-восторженный тонъ и ни разу не показала, что ее больно колютъ булавки бабушкиныхъ выходокъ. Трудно было рѣшить, проявлялась ли въ этомъ умѣньи выдерживать принятую роль хитрость тонкаго ума, или это умѣнье было слѣдствіемъ глупости, но какъ только рѣчь коснулась житейскихъ дѣлъ, то Като сдѣлалась чрезвычайно умна и показала, что въ ея головѣ есть довольно здраваго смысла. И точно, только любовь къ дядѣ была съ ея стороны глупымъ и опрометчивымъ поступкомъ, и та же любовь заставляла Катерину Тимоѳеевну играть роль наивной институтки, чтобы казаться не такъ старою: она теперь дѣлала изъ себя Като для Пьера, какъ дѣлала это прежде для Грегуаровъ, Симоновъ и Базилей. Въ семь часовъ дядя и Като уѣхали куда-то на вечеръ. Бабушка осталась у насъ ночевать.

— Лягушка-царевна! — говорила она. — Не будь она лягушкой-царевной, чѣмъ бы ей было приворожить Пьера? Глупа, стара, гадка,—тьфу, какая мерзость!

Digitized by Google

— Она не глупа,—замѣтила матушка.

— Ну, такъ дѣлаетъ изъ себя дуру.

— Это можетъ быть.

— Не дѣлай, Саша, никогда такихъ глупостей, какъ твой дядя,—сказала мнѣ бабушка:—не женись на уродѣ.

Отецъ, матушка и я не могли удержаться отъ смѣха при этомъ замѣчаніи бабушки и успокоили ее, увѣряя, что такой глупости не сдѣлаю. Мы и улыбались, и смѣялись въ этотъ вечеръ, а въ душѣ у каждаго члена нашей семьи было какое-то нехорошее чувство, какъ-будто предчувствіе будущихъ тревогъ и непріятностей.

Матушка, изъ вѣжливости, отдала первый визитъ Катеринѣ Тимоѳеевнѣ и, по совѣту отца, рѣшилась не ѣздить къ ней до тѣхъ поръ, покуда не будетъ назначенъ день свадьбы. И отецъ, и мать всегда считали дядю пустымъ болтуномъ, теперь же онъ сдѣлался въ ихъ глазахъ подлецомъ, безсознательнымъ или сознательнымъ — это было для нихъ все равно. Они не принадлежали къ тѣмъ высокоумнымъ мудрецамъ, которые отыскиваютъ всевозможныя заѣдающія обстоятельства, сдѣлавшія человѣка подлымъ, и оправдываютъ тѣмъ свои сношенія съ нимъ. Они были слишкомъ искренно честны, чтобы во имя отвлеченныхъ разсужденій или семейныхъ связей глядѣть сквозь пальцы на этотъ жалкій развратъ. Бабушка тоже чувствовала всю гнусность поведенія дяди, но покуда молчала и ждала, когда онъ женитьбой загладитъ свой поступокъ.

Пришло лѣто. Моя семья не могла ѣхать на дачу, у матери и отца было набрано много работы. Они дали мнѣ нѣсколько рублей, и я съ Розенкампфомъ, жившимъ почти постоянно у насъ, и съ Калининымъ шлялся по окрестностямъ Петербурга. Иногда мы заходили далеко, за третье Парголово, ночевали по три и по четыре ночи въ какой-нибудь избѣ, и пользовались вполнѣ своею свободой. Чтеніе книгъ у насъ смѣнялось ловлею бабочекъ, составленіемъ гербаріевъ; если мы отправлялись удить рыбу, то къ нашему обществу присоединялся и отецъ; мнѣ было тяжело встрѣчать дядю и слушать его гуманныя рѣчи; моему еще слишкомъ горячему и увлекающемуся уму онѣ казались профанаціей честныхъ идей. Послѣ разговоровъ съ нимъ, я съ грустью читалъ книги, заключавшія тѣ же идеи, и думалось мнѣ: «Неужели и авторы этихъ книгъ то же, что дядя?» Во мнѣ зарождалась недовѣрчивость къ людямъ, чувство мимолетное, исчезнувшее при изученіи исторіи человѣческихъ

Digitized by Google

обществъ, но тревожившее меня въ ту пору. Впрочемъ, дядя не очень часто посѣщалъ насъ и начиналъ дуться. Онъ пріѣзжалъ къ бабушкѣ гораздо чаще, совершенно покойно и безпечно хвасталъ своими лошадьми, разсказывалъ о своихъ удовольствіяхъ.

— Только теперь я начинаю жить,—говорилъ онъ:—теперь я попалъ въ свой кругъ.

Онъ восторженно отзывался о тѣхъ людяхъ, которые сошлись съ нимъ. Люди эти точно слыли въ то время за передовыхъ, за хорошихъ людей. О женитьбѣ не было и помину. Прошло и лѣто. У меня начались школьныя занятія, пришлось постоянно быть въ Петербургѣ и посѣщать бабушку, чего лѣтомъ я не дѣлалъ. Однажды я встрѣтился у нея съ дядею. Онъ совершенно перемѣнился въ обращеніи со мною и обошелся, какъ съ мальчишкой.

— Ну, что ты подѣлываешь, гусь лапчатый? — привѣтствовалъ онъ меня, трепля по плечу.—Букашекъ, да козявокъ собираешь? Что ты не заходишь къ намъ?

— Некогда,—отвѣчалъ я.

— Твоимъ отцу и матери, должно-быть, тоже некогда, государственными дѣлами заняты, философскій камень отыскиваютъ! Они и не думаютъ заглянуть къ намъ?

— Я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла и не могу отвѣчать за другихъ.

— Не худо бы вмѣшаться и посовѣтовать имъ быть повѣжливѣе.

— Это можешь сдѣлать ты самъ, если считаешь нужнымъ; ты же такой краснорѣчивый.

Дядя сощурилъ глаза и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Смотри, поросенокъ!—не то угрожающимъ, не то шутливымъ голосомъ сказалъ онъ и погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Это у Катерины Тимоѳеевны въ гостиной такъ выражаются?—спросилъ я съ усмѣшкою.

— Что-о?!—грозно промолвилъ онъ, точно хотѣлъ сказать: полѣзай въ ротъ, я тебя съѣмъ.—Тебя не сѣкли?

— Вѣдь не всѣхъ же въ нашемъ семействѣ сѣкутъ въ этомъ возрастѣ,—отвѣчалъ я, стараясь не горячиться.

— Вотъ-съ какъ!—промычалъ дядя, закусивъ губу.

Послѣ этого разговора я пересталъ ходить къ бабушкѣ, чувствуя, что не всегда можно ручаться за свое хладнокровіе при встрѣчѣ съ милымъ родственникомъ. То же сдѣлали отецъ и мать. Бабушка ѣздила къ намъ, звала насъ къ себѣ и, наконецъ, поняла смыслъ нашихъ поступковъ. Ее

Digitized by Google

начиналъ безпокоить этотъ семейный разладъ; она видѣла, какъ и почему начинаютъ разрываться послѣднія нити, связывавшія ее съ дорогими для нея людьми, съ единственными любимыми существами во всемъ мірѣ. Видѣла, кто виновникъ разлада, и начала тосковать и волноваться. Страшно кололи старушку вопросы Звѣревой, скоро ли женится ея сынъ. Бабушка приготовлялась къ рѣшительному поступку, задумывала перерубить разомъ ненавистный узелъ, который развязать не было никакой возможности.

VIII.

Женитьба дяди.

Ноябрь мѣсяцъ. Воскресенье. Бабушка въ волненіи ходитъ по комнатѣ и поджидаетъ дядю. Она написала къ нему письмо, приглашая его посѣтить ее. Невеселыя мысли бродятъ въ ея старой головѣ; вспоминаются неисправимыя ошибки, грызетъ безполезное раскаянье, мелькаютъ передъ глазами важныя лица отжившихъ вельможъ и барынь; они безмятежно-покойны, потому что эти люди не бѣжали изъ своей среды; хотѣлось бы старушкѣ жить съ начала, поступать иначе... Не думай, моя бѣдная старушка! Невозвратимо прошлое, да если бы оно и возвратилось, то ты дѣйствовала бы попрежнему, потому что *иначе* дѣйствовать могутъ только другіе люди. Ты даже и придумать не можешь, каковы должны быть лучшія дѣйствія... Но вотъ раздается стукъ подкатившаго экипажа. Старушка вздрогнула и сѣла. Въ комнату вошелъ дядя.

— Пьеръ!

— Здравствуйте, maman. Я думалъ, что вы больны, когда получилъ письмо. Оно встревожило и Като, она напрашивалась ѣхать со мною.

— Хорошо сдѣлалъ, что не взялъ ее; мнѣ надо говорить съ однимъ тобою.

— О чемъ? Развѣ у васъ могутъ быть дѣла?—спросилъ, улыбаясь, дядя и сталъ усаживаться въ кресло, выбирая удобное положеніе.

У него была чисто дѣтская привычка угнѣздиться какъ-нибудь половчѣе.

— Когда ты думаешь жениться, Пьеръ?

У бабушки въ ожиданіи отвѣта захватило дыханіе.

— Только объ этомъ вы хотѣли поговорить со мною?

— Только объ этомъ.

— Не стоило писать. Я о женитьбѣ еще и не думаю.

Digitized by Google

— Надо, Пьеръ, подумать. Твоя роль очень незавидна: ты живешь на счетъ женщины и не можешь не краснѣть за свои отношенія къ ней.

— Свадьба, maman, ничего не поправитъ; я и тогда не буду жить на счетъ мужчины, — пошло и не во-время сострилъ дядя, поигрывая связкою ключей, взятою со стола.

— Но тогда ты будешь жить на счетъ жены. Вѣдь страшно вымолвить: ты теперь на содержаніи!—съ горечью произнесла бабушка это язвившее ея сердце слово.—Я вся дрожу, когда меня спрашиваютъ о моемъ сынѣ, о времени его свадьбы.

— А-а! вамъ страшно вымолвить это! Вы дрожите, когда васъ спрашиваютъ о вашемъ сынѣ! Но позвольте васъ спросить, кто довелъ меня до необходимости жить на содержаніи?

— Не я ли?—съ ужасомъ воскликнула бабушка.

— Вы! Вы своимъ глупѣйшимъ бракомъ разорвали всѣ связи со своимъ кругомъ и наплодили дѣтей-мѣщанъ. Вамъ было весело разыгрывать сладенькую пастушескую идиллію, вы не думали, каково будетъ жить на свѣтѣ вашимъ дѣтямъ. Что же прикажете мнѣ дѣлать? Гряды копать? Воду носить? Дрова таскать? Силы-съ для этой работы нѣтъ; званіе мѣщанина мнѣ дали, а мѣщанской силой не надѣлили. Вотъ вашъ возлюбленный зять стучитъ себѣ молоткомъ и не горюетъ въ своей берлогѣ, обнимаясь со своею кухаркой-женой.

— Оставь ихъ въ покоѣ!.. Меня теперь поздно упрекать,— сказала старуха, понуривъ голову.—Ты не дитя, тебѣ давали всѣ средства честно служить, я и теперь могу доставить тебѣ мѣсто; еще не все потеряно, Пьеръ.

Въ ея голосѣ было что-то молящее, страдальческое.

— Служить! служить! Что вы мнѣ поете пѣсню о службѣ? Канцелярскія бумаги переписывать, быть писцомъ,—это вы называете службой? Довольно и безъ меня гніетъ этихъ ненужныхъ тварей за канцелярскими столами. Они грабятъ казну, берутъ взятки и съ живого, и съ мертваго, пишутъ кляузы—и наслаждаются миромъ. Они тупоумны, имъ можно такъ жить; не то нужно мнѣ. Но другой дѣятельности для меня не существуетъ, покуда я нищій, покуда у меня нѣтъ гроша для осуществленія моихъ плановъ. Я теперь и добываю эти деньги. Цѣль освящаетъ средства! Вы и наши родственники, бросившіе васъ на жертву нищеты, заставили меня дѣйствовать такъ, губили меня!

Digitized by Google

— Теперь поздно упрекать,—повторила бабушка.—Но если ты не можешь служить, если тебѣ нужны деньги для исполненія твоихъ плановъ, то ты можешь не быть подлецомъ: женись!

— Что же вы хотите, чтобы я продалъ себя этому уроду? Нравится вамъ она?

— Не нравится, но ты рѣшился быть ея любовникомъ и...

— Любовникъ, какъ вы выражаетесь, не мужъ. Онъ не привязанъ къ женщинѣ, и вы волнуетесь подъ вліяніемъ отжившихъ предразсудковъ: нашъ вѣкъ пошелъ далѣе ихъ. Теперь...

— Не говори мнѣ ничего,—прервала бабушка, потерявшая терпѣніе.—Женись или разойдись съ ней, другого пути тебѣ нѣтъ. Я не хочу имѣть сыномъ человѣка, играющаго роль публичной женщины. Слышишь ты? Я не хочу, чтобы ты пятналъ честное имя своей семьи. Я рѣшилась на все: если ты не согласишься на то или другое, то не знай моего дома. Я тебя прокляну! Слышишь ты?

Бабушка словно воскресла и выросла, она сдѣлалась такою же гордою женщиною, какою была когда-то.

Дядя схватилъ себя за волосы и сталъ ихъ теребить.

— Проклятіе! Родительскій деспотизмъ! А, такъ вы вотъ какая мать!

Это кричалъ сорокапятилѣтній мужчина, подкрашивавшій волосы.

— Я честная женщина и не хочу видѣть развратнаго сына.

Бабушка встала и пошла въ другую комнату. Тамъ она бросилась на постель и глухо зарыдала; силы ее оставили, и она уже опять была слабою, близкою къ могилѣ старухою.

Дядя уѣхалъ въ бѣшенствѣ. Рванье волосъ, часто застращивавшее бабушку въ былыя времена, теперь оказалось совсѣмъ недѣйствительнымъ средствомъ, только прическа испортилась, да на пальцахъ осталось два-три подкрашенныхъ волоска. Съ мѣсяцъ раздумывалъ дядя, на что рѣшиться. Жить съ бабушкою на ея не слишкомъ большія средства ему уже не хотѣлось: привычка къ роскоши была очень сильна; оставаться на содержаніи и не ѣздить къ матери было невозможно: онъ понималъ, что Катерина Тимоѳеевна, узнавъ причину его ссоры съ матерью, выгонитъ его вонъ, и потому пришлось рѣшиться на женитьбу. Вопросъ: быть или не быть, рѣшился положительно.

Digitized by Google

«По вашему желанію,—писалъ къ бабушкѣ Пьеръ:—я продаю себя совсѣмъ: вы не желали, чтобы я былъ на волѣ. Радуйтесь!»

Свадьба была сыграна въ январѣ. Наша семья опять сплотилась, но только наружно. Внутреннія связи были порваны навсегда. Если вы наблюдали, читатель, за окружающею васъ жизнью, то вы поймете это ежедневно повторяющееся явленіе. Живутъ разнохарактерные члены одного и того же семейства десятки лѣтъ подъ одной кровлей, и живутъ, повидимому, мирно и дружно; но стоитъ имъ только разлучиться на время,—даже не нужно такихъ крупныхъ событій, какія совершились въ нашей семьѣ,—и между этими членами вдругъ ляжетъ непроходимая пропасть. Они ясно увидятъ, что вмѣстѣ жить, попрежнему жить невозможно. Не думайте, что въ дни разлуки они размышляли о поступкахъ своихъ родственниковъ, совсѣмъ нѣтъ! они просто отвыкли отъ нихъ, забыли ихъ привычки и характеры, и теперь, отдохнувъ на свободѣ и столкнувшись съ ними снова, каждый членъ въ свою очередь чувствуетъ весь гнетъ необходимости подлаживаться подъ чужой характеръ, плясать не подъ свою дудку. Наступаетъ полнѣйшій разладъ. Какъ привычка примиряетъ человѣка со всякими гадостями, такъ разлука со старою средою и ея личностями служитъ вѣрною пробою нормальности или ненормальности прежняго быта и прежнихъ отношеній.

Отецъ, мать и я изрѣдка посѣщали домъ дяди и старались по возможности удалятьоя отъ него! Впрочемъ, и супруга дяди, купивъ законнаго мужа, сбросила пошлую маску и не очень дорожила любовью его родныхъ. Она перестала быть Като и сдѣлалась разсчетливою и умною Катериною Тимоѳеевною. Дядя сначала вздумалъ открыть типографію на какихъ-то новыхъ условіяхъ, замышляя осчастливить сотни работниковъ: но супруга попросила его сперва сдѣлать смѣту предпріятія и, увидавъ призрачность и воздушность плана, не рѣшилась довѣрить мужу капиталы, и онъ, отстраненный отъ всѣхъ заботъ по управленію имѣніемъ жены, сталъ получать отъ нея ежемѣсячную плату за свои супружескія обязанности. Плата была не малая, онъ началъ жуировать и держать себя гордо. Либеральныя фразы съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже срывались съ его языка. Онъ сошелся съ значительными людьми, полюбилъ танцовщицъ, пристрастился къ двусмысленнымъ анекдотамъ и игралъ въ свѣтѣ роль богача, пренебрегшаго службой,

Digitized by Google

присталъ къ числу отживающихъ старичковъ, подобно ему подкрашенныхъ, подбитыхъ ватой и дѣлающихъ видъ, что у нихъ такъ-таки совсѣмъ не болятъ ноги. Катерина Тимоѳеевна не дремала, смотрѣла, не даетъ ли мужъ векселей, прибирала его къ рукамъ и ѣла, какъ ржа желѣзо. Впрочемъ, они звали другъ друга: Пьеръ и Като, и цѣловались при постороннихъ людяхъ... Но я забѣжалъ впередъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, послѣ одной изъ стычекъ съ дядею, который отрекомендовалъ меня одному изъ своихъ гостей своимъ единственнымъ *наслѣдникомъ*, я рѣшился не ходить къ нему. Матушку смутило мое рѣшеніе, она не любила ссоръ. Но я сказалъ, что мнѣ непріятно слушать отъ дурака подобныя рекомендаціи и быть въ глазахъ его знакомыхъ прихлебателемъ и наслѣдникомъ, ожидающимъ смерти богатаго родственника. Отецъ и мать согласились со мною и позволили мнѣ поступать по моему усмотрѣнію.Ересталъ я ходить къ любезному родственнику.

— Твой мальчишка-сынъ,—сказалъ дядя матушкѣ при первой встрѣчѣ съ нею послѣ нашей стычки:—кажется, носъ задираетъ. Не думаетъ ли онъ, что онъ важная птица?

— Изъ чего ты это заключаешь?—спросила матушка.

— Изъ того, что онъ мнѣ нагрубилъ и съ тѣхъ поръ глазъ не показываетъ. Не худо бы ему напомнить, что я ему дядя и могу пригодиться. У него, кажется, нѣтъ милліоновъ, съ которыми было бы можно прожить безъ чужой помощи.

— Во-первыхъ, онъ никогда не пойдетъ за помощью къ роднѣ, а во-вторыхъ, онъ не мальчишка и настолько уменъ, что можетъ дѣлать то, что вздумаетъ. Подлости онъ не сдѣлаетъ.

— А! Такъ вотъ вы какъ нынче поете! Не получилъ ли твой супругъ наслѣдства отъ какого-нибудь малороссійскаго вола?

— Ты сталъ невыносимо пошлъ и, должно-быть, помѣшался на деньгахъ и наслѣдствахъ.

Матушка никогда болѣе не заглядывала къ дядѣ и избѣгала даже встрѣчъ съ нимъ. Послѣдняя нить семейныхъ связей разорвалась. Бабушка страдала. Она почувствовала, что и къ ней самой теперь заглядываютъ ея дѣти или изъ сожалѣнія, или изъ приличія, что они рады бы не посѣщать ее, чтобы избѣжать непріятныхъ для нихъ столкновеній. Въ нашемъ домѣ чувствовалось тоже непріятное впечатлѣніе отъ этихъ исторій. Мы боялись столкнуться съ

Digitized by Google

дядею даже на улицѣ, зная его бѣшеный
человѣкъ не задумался бы разыграть скве
посреди уличныхъ зѣвакъ. Вполнѣ споко
отецъ: съ нимъ дядя никогда не рѣш
исторіи, отецъ это понималъ. Я и матушка
бушкѣ оттого, что старушка была дѣйствите
мы дѣлали это какъ-то тревожно, воровск
влялись у прислуги, кто сидитъ у старушки
уже потомъ входили къ ней, сидѣли недол
развитый не одною жизнью, но и книгами,
думался до разныхъ отвлеченныхъ хитросте
ства относилъ я къ категоріи рабскихъ и бо
дился и краснѣлъ, если замѣчалъ въ себѣ п
чувствъ. Характеръ нашихъ отношеній къ
признаки такого рабскаго чувства трусливой
мы, желая избѣжать стычекъ и непріятностей,
были поминутно вертѣться и оглядываться,
цующія передъ шарманщикомъ собачонки. У
иначе я былъ не въ силахъ, и меня это мучи
скучала и жаловалась на судьбу, прося Бога
поскорѣе. Отъ этихъ жалобъ и молитвъ вѣяло
грустью...

А время быстро неслось своимъ чередомъ. Приб
для меня и для моихъ товарищей послѣдніе
вступленіе въ жизнь и дѣятельность. Кончалась
ступала весна, и съ каждымъ днемъ все ярче
солнце, какъ будто улыбаясь всѣмъ юношамъ,
вырваться на волю изъ душныхъ стѣнъ училищъ,
тяжкаго гнета холодныхъ, непривѣтныхъ учите
удвоенной силой работали мозги, кровь этихъ ю
пѣла, и поспѣвала ихъ работа, зубрились и нуж
нужныя книги, чтобы только сдать послѣдній
Тревожная, но веселая и благодатная пора бодр
обдумыванія своихъ плановъ, выбора дороги, кот
ходится проторить молодымъ ногамъ!

IX.

Послѣдніе мѣсяцы въ школѣ.

Послѣдній день школьной жизни приближался
Уже съ марта мѣсяца нашъ дружескій кружок
серьезно подумывать и поговаривать о будущност
взгляды на жизнь, на наши личные характеры
ности совершенно выяснились, и мы могли, не

Digitized by Google

своемъ призваніи, выбирать ту или другую
изъ насъ,—соглашался онъ, какъ я и
бѣжденіями Носовича, или признавалъ только
, какъ Воротницынъ, — былъ благодаренъ
лю и чувствовалъ, что безъ него мы долгое
и бы въ состояніи ученической несамостоя-
безсмыслія, вышли бы на поприще дѣйстви-
и по тому пути, который указали бы намъ
перь было не то: мы были готовы бороться,
идти по той дорогѣ, которая нравилась *намъ*.
и ошиблись въ выборѣ дѣятельности, то не
рава безполезно хныкать, просиживать немилое
ы и роптать на ближнихъ, какъ это дѣлается
юдами, считающими себя не на своемъ мѣстѣ.
го хныканья и небрежнаго исполненія своихъ
ей, мы поспѣшили бы разумно исправить свою
е портя дѣла и зная, что свѣтъ не клиномъ со-
сто добру-молодцу пути не заказаны.

уже давно рѣшилъ, что дѣлать по выходѣ изъ
говорилъ намъ Калининъ.—Поѣду на годокъ къ
ь хлѣбомъ на Волгѣ торгуетъ. Мнѣ онъ будетъ
ла у него много, найдется и на мою долю. Зашибу
копейку, поработаю, отдохну на чистомъ воздухѣ,
на народъ, потолкаюсь съ нимъ между кульемъ и
тодъ подеру въ московскій университетъ. Стану пе-
ься уроками. Здѣсь мнѣ не житье, мечется мнѣ въ
аша семейная мѣщанская грязь. Въ Москвѣ та же
да не своя, за сердце не будетъ хватать.

я тоже только черезъ годъ поступлю въ универси-
— сказалъ Воротницынъ. — Мнѣ хочется прокатиться
ропѣ, и къ тому же это желаніе моего отца.

А что, господа, хорошо бы всѣмъ намъ махнуть въ
вскій университетъ!—произнесъ Розенкампфъ.—Вмѣстѣ
ть—крѣпче будемъ. Годъ куда ни шелъ, и я перебьюсь
ами, на шеѣ у Носовича сидѣть не буду, къ тому же
еня и деньги есть. Какъ ты думаешь, Рудушка? хорошо?

— Я ничего не думаю теперь. Можно будетъ пропустить
ъ—пропущу, можно будетъ ѣхать въ Москву—поѣду.
зависитъ отъ того, будутъ ли у меня средства про-
ть годъ безъ помощи отца или нѣтъ.

— Ты можешь жить со мною,—предложилъ Розенкампфъ.

— Не изъ двухъ ли тысячъ, которыя ты получишь? Онѣ
тебѣ пригодятся.

Digitized by Google

дядею даже на улицѣ, зная его бѣшеный характеръ; этотъ человѣкъ не задумался бы разыграть скверную сцену даже посреди уличныхъ зѣвакъ. Вполнѣ спокоенъ былъ только отецъ; съ нимъ дядя никогда не рѣшился бы начать исторіи, отецъ это понималъ. Я и матушка ходили къ бабушкѣ оттого, что старушка была дѣйствительно жалка; но мы дѣлали это какъ-то тревожно, воровски, сперва справлялись у прислуги, кто сидитъ у старушки въ гостяхъ, и уже потомъ входили къ ней, сидѣли недолго... Мой умъ, развитый не одною жизнью, но и книгами, въ ту пору додумался до разныхъ отвлеченныхъ хитростей: многія чувства относилъ я къ категоріи рабскихъ и болѣе всего стыдился и краснѣлъ, если замѣчалъ въ себѣ признаки этихъ чувствъ. Характеръ нашихъ отношеній къ дядѣ носилъ признаки такого рабскаго чувства трусливой осторожности; мы, желая избѣжать стычекъ и непріятностей, принуждены были поминутно вертѣться и оглядываться, какъ танцующія передъ шарманщикомъ собачонки. Устроить дѣло иначе я былъ не въ силахъ, и меня это мучило. Бабушка скучала и жаловалась на судьбу, прося Бога прибрать ее поскорѣе. Отъ этихъ жалобъ и молитвъ вѣяло нестерпимою грустью...

А время быстро неслось своимъ чередомъ. Приближались для меня и для моихъ товарищей послѣдніе экзамены, вступленіе въ жизнь и дѣятельность. Кончалась зима, наступала весна, и съ каждымъ днемъ все ярче свѣтило солнце, какъ будто улыбаясь всѣмъ юношамъ, готовымъ вырваться на волю изъ душныхъ стѣнъ училищъ, изъ-подъ тяжкаго гнета холодныхъ, непривѣтныхъ учителей... Съ удвоенной силой работали мозги, кровь этихъ юношей кипѣла, и поспѣвала ихъ работа, зубрились и нужныя и ненужныя книги, чтобы только сдать послѣдній экзаменъ. Тревожная, но веселая и благодатная пора бодраго труда, обдумыванія своихъ плановъ, выбора дороги, которую приходится проторить молодымъ ногамъ!

IX.

Послѣдніе мѣсяцы въ школѣ.

Послѣдній день школьной жизни приближался къ концу. Уже съ марта мѣсяца нашъ дружескій кружокъ началъ серьезно подумывать и поговаривать о будущности. Наши взгляды на жизнь, на наши личные характеры и способности совершенно выяснились, и мы могли, не слишкомъ

Digitized by Google

ошибаясь въ своемъ призваніи, выбирать ту или другую дорогу. Каждый изъ насъ,—соглашался ли онъ, какъ я и Калининъ, съ убѣжденіями Носовича, или признавалъ только ихъ честность, какъ Воротницынъ, — былъ благодаренъ умному учителю и чувствовалъ, что безъ него мы долгое время пробыли бы въ состояніи ученической несамостоятельности и безсмыслія, вышли бы на поприще дѣйствительной жизни по тому пути, который указали бы намъ старшіе. Теперь было не то: мы были готовы бороться, только бы идти по той дорогѣ, которая нравилась *намъ*. Если бы мы и ошиблись въ выборѣ дѣятельности, то не имѣли бы права безполезно хныкать, просиживать немилое мѣсто службы и роптать на ближнихъ, какъ это дѣлается всѣми господами, считающими себя не на своемъ мѣстѣ. Вмѣсто этого хныканья и небрежнаго исполненія своихъ обязанностей, мы поспѣшили бы разумно исправить свою ошибку, не портя дѣла и зная, что свѣтъ не клиномъ сошелся и что добру-молодцу пути не заказаны.

— Я уже давно рѣшилъ, что дѣлать по выходѣ изъ школы,—говорилъ намъ Калининъ.—Поѣду на годокъ къ дядѣ, онъ хлѣбомъ на Волгѣ торгуетъ. Мнѣ онъ будетъ радъ, дѣла у него много, найдется и на мою долю. Зашибу у него копейку, поработаю, отдохну на чистомъ воздухѣ, погляжу на народъ, потолкаюсь съ нимъ между кульемъ и черезъ годъ подеру въ московскій университетъ. Стану перебиваться уроками. Здѣсь мнѣ не житье, мечется мнѣ въ глаза наша семейная мѣщанская грязь. Въ Москвѣ та же грязь, да не своя, за сердце не будетъ хватать.

— Я тоже только черезъ годъ поступлю въ университетъ, — сказалъ Воротницынъ. — Мнѣ хочется прокатиться по Европѣ, и къ тому же это желаніе моего отца.

— А что, господа, хорошо бы всѣмъ намъ махнуть въ московскій университетъ!—произнесъ Розенкампфъ.—Вмѣстѣ будемъ—крѣпче будемъ. Годъ куда ни шелъ, и я перебьюсь уроками, на шеѣ у Носовича сидѣть не буду, къ тому же у меня и деньги есть. Какъ ты думаешь, Рудушка? хорошо?

— Я ничего не думаю теперь. Можно будетъ пропустить годъ—пропущу, можно будетъ ѣхать въ Москву—поѣду. Все зависитъ отъ того, будутъ ли у меня средства прожить годъ безъ помощи отца или нѣтъ.

— Ты можешь жить со мною,—предложилъ Розенкампфъ.

— Не изъ двухъ ли тысячъ, которыя ты получишь? Онѣ и тебѣ пригодятся.

Digitized by Google

— Ну, занимайся уроками.

— Не считаешь ли ты уроки средствомъ безбѣдно существовать?.. Нѣтъ, братъ, надѣясь на нихъ, насидишься безъ хлѣба.

— Волка бояться — въ лѣсъ не ходить, — молвилъ Калининъ.

— Лучше прежде справиться, есть ли въ лѣсу волки или нѣтъ, и потомъ идти въ него. Мнѣ жить, а не геройствовать хочется.

Мнѣ было грустно и не по-себѣ; друзья этого не замѣтили.

— Трусъ,—сказали Калининъ и Розенкампфъ.

— Практическій эгоистъ,—было моимъ отвѣтомъ.

— Ну, такъ чортъ тебя возьми! Живи одинъ по-собачьи, если тебѣ друзей не нужно!

Калининъ разозлился.

Я улыбнулся его выходкѣ, а на душѣ кошки скребли.

Друзья пожали плечами и остались недовольны моею нерѣшительностью. Въ тотъ же вечеръ я шагалъ изъ угла въ уголъ въ нашей квартирѣ и обдумывалъ, взвѣшивалъ все, что можетъ случиться въ будущемъ. Разлука съ друзьями казалась мнѣ истиннымъ несчастіемъ: кромѣ обычной грусти, пробуждающейся обыкновенно при разставаніи съ близкими людьми, съ которыми прожилъ я долгое время душа въ душу, я понималъ, что безъ нихъ не услышу я ни отъ кого рѣзко-правдиваго слова, разгоняющаго минутныя заблужденія человѣка, и, вмѣсто такого слова, станутъ мнѣ надоѣдать лукаво-льстивыя, прилизанныя и ни на что мнѣ негодныя фразы различныхъ шаркуновъ, людей другого закала. Понималъ я, что не къ кому будетъ мнѣ прибѣгнуть въ трудныхъ случаяхъ жизни и никто не разрѣшитъ моихъ сомнѣній, не раздѣлитъ со мною труда. «Вмѣстѣ будемъ — крѣпче будемъ»,—сказалъ мой Николай, и я вполнѣ согласился съ этою мыслью. Множество грёзъ и мечтаній, какъ это всегда бываетъ въ минуты раздумья, рождалось въ моей головѣ, на мгновенье онѣ увлекали и развеселяли меня. Но практическій разсудокъ бралъ верхъ, и мечты разлетались въ прахъ. Становилось еще грустнѣе, еще тяжелѣе. Я приходилъ къ тому заключенію, что я бѣднѣе всѣхъ моихъ друзей. Не было у меня ни дяди-торговца, ни отца-богача, ни двухъ тысячъ капитала. Все мое богатство было въ трудолюбіи отца и матери. Сидѣть на ихъ шеѣ еще лишній годъ было совѣстно и казалось мнѣ безнравственнымъ.

Digitized by Google

— Ты что-то встревоженъ сегодня, Александръ,—говорилъ мнѣ за вечернимъ чаемъ отецъ, привыкшій къ моей веселости и говорливости.

Я объяснилъ ему планы моихъ друзей.

– Не худо бы и тебѣ поѣхать въ Москву. Я перейду на службу въ московскій дворецъ, и заживемъ мы потихоньку. Надоѣло мнѣ жить здѣсь, да на всякія гадости смотрѣть

— Я тоже хотѣла бы вырваться изъ Петербурга,—промолвила матушка.

Ее томили семейные дрязги.

— Но ты слышалъ, они думаютъ только черезъ годъ поступить въ университетъ.

— Ну, такъ что же? И ты годъ подожди. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты не разлучался съ этими людьми. Мнѣ они нравятся, ты въ нихъ души не слышишь, безъ нихъ тебѣ ученье не въ ученье будетъ. Новыхъ друзей заводить трудно: натолкнешься прежде на девять подлецовъ и только въ десятомъ найдешь порядочнаго человѣка. Я самъ, братъ, испыталъ, каково жить безъ друзей. Дома у тебя товарища нѣтъ, о дѣлѣ поговорить не съ кѣмъ. Я съ матерью неучи; я старая рабочая кляча, а она только любить умѣетъ, родня же... Отецъ махнулъ рукою:—дальше въ лѣсъ—больше дровъ.

— Все такъ, отецъ, а какъ годъ-то безъ дѣла прожить! Ты довольно поработалъ, тебѣ отдыхъ нуженъ; значитъ, чѣмъ скорѣе я кончу ученье, тѣмъ лучше.

— Отдыхъ нуженъ? Развѣ я жаловался тебѣ на усталость? Развѣ мы съ матерью сбываемъ тебя съ рукъ? Грѣхъ тебѣ это думать, Александръ,—съ видимымъ волненіемъ и горечью проговорилъ отецъ и замолчалъ на минуту, чтобы успокоиться.—Полно, Саша! Не служи, сколько хочешь времени, только дѣло дѣлай; довольно васъ, неучей, изъ-за куска хлѣба пляшущихъ подъ чужія дудки! Въ этомъ смысла нѣтъ! Учись. У меня найдется для тебя хлѣбъ. Мы съ матерью сжились съ чернорабочимъ трудомъ, отдыхать будемъ въ могилѣ. Наша жизнь вся для тебя. Чѣмъ лучше, чѣмъ полнѣе разовьешься ты, тѣмъ спокойнѣе ляжемъ мы въ могилу... Теперь же мы поработаемъ. Взгляни, развѣ я старъ, дряхлъ?

Отецъ поднялъ свою большую, умную голову: передо мною, въ самомъ дѣлѣ, былъ не дряхлѣющій старикашка, но скованная изъ желѣза, давно знакомая и все неизмѣнно могучая личность отца. Какъ горячо любилъ я его, особенно

Digitized by Google

въ эти минуты гордаго сознанія своихъ выносливыхъ силъ! И теперь я любовался его наружностью, сжалъ его широкую руку и принялъ спокойный видъ.

Все, что высказалъ мнѣ отецъ, было мнѣ извѣстно и прежде, и все же я не могъ примириться съ мыслью прожить, лежа на боку, цѣлый годъ. Пришлось и мнѣ обратиться за совѣтомъ къ Носовичу. Пошелъ я къ нему. Разсказалъ наши планы и мое критическое положеніе. Сказалъ, что Розенкампфъ и Калининъ совѣтуютъ перебиваться въ продолженіе года уроками, что я не признаю этого возможнымъ.

— О, олухи царя небеснаго! А если уроки явятся черезъ четыре мѣсяца? а какъ они не явятся вовсе?—воскликалъ онъ.—Голубчики думаютъ, что стоитъ имъ выставить на улицу свои смазливыя мордочки, и весь народъ такъ и кинется къ нимъ: «учите, благодѣтели, нашихъ ребятъ, выгружайте наши кошели!» Держи карманъ шире, чтобъ не просыпалось! Юношей-учителей много, какъ нерѣзаныхъ собакъ. Лучше, Рудый, я подумаю доставить вамъ средства понадежнѣе. Потерпите маленько, авось, не умрете.

Потерпѣлъ, не умеръ.

Въ концѣ мѣсяца Носовичъ призвалъ меня къ себѣ и далъ прочесть письмо одного изъ московскихъ журналистовъ: «Вашего воспитанника,—писалъ тотъ,—я приму съ распростертыми объятіями. Работы всѣхъ родовъ у меня много и на его долю найдется. Вы пишете, что ему для безбѣднаго существованія нужно зашибать отъ 30 до 35 рублей въ мѣсяцъ, не утомляя себя. Это совершенно возможно. Жду его съ нетерпѣніемъ и очень буду радъ, если онъ въ полномъ смыслѣ вашъ ученикъ».

— Вотъ вамъ, батюшка, вѣрный хлѣбъ, по крайней мѣрѣ, на первую пору. Этотъ человѣкъ не надувало, за это я вамъ ручаюсь. Вы не сомнѣвайтесь!

Я воскресъ и горячо поблагодарилъ Носовича.

— Ну, а теперь,—сказалъ онъ шутливо:—нужно помыслить головы нашимъ чурбанамъ. Они все еще мечтаютъ.

Головомойка вышла уморительная. Носовичъ предложилъ моимъ друзьямъ написать и отдать въ печать сочиненіе на тему: жареные бекасы, летящіе въ ротъ молодыхъ людей пріятной наружности. Вообще много шутовства и балагурства было въ поступкахъ и рѣчахъ любимаго учителя; повидимому, онъ очень легко смотрѣлъ на дѣло жизни и считалъ его пустою и глупою шуткой; но въ сущности, я рѣдко

Digitized by Google

встрѣчалъ людей, такъ же трезво и строго глядѣвшихъ на это дѣло, какъ онъ. Имѣя здравый смыслъ, было невозможно не любить и не уважать его.

Такъ рѣшились мы устроить свою будущность, но у насъ было еще одно близкое дѣло, о которомъ мы не забыли позаботиться. Намъ хотѣлось упрочить наше учрежденіе занятій въ младшихъ классахъ. Для этой цѣли съ начала полугодія мы сблизились съ второклассниками, узнали, которые хотятъ быть нашими преемниками. Нашлось шестеро желающихъ. Мы знали ихъ за хорошихъ учениковъ, подобно намъ развитыхъ Носовичемъ, и потому съ мая мѣсяца, кромѣ насъ десятерыхъ, съ маленькими школьниками занималось еще шестеро взрослыхъ воспитанниковъ, чтобы пріучиться къ новому для нихъ дѣлу и показать учителямъ-противникамъ свою способность исполнять хорошо двѣ обязанности. Гро, Саломірскіе и Рейтманы пришли въ ярость; они уже радовались, что предпріятіе окончится съ нашимъ выходомъ изъ школы, теперь эта надежда разрушилась въ прахъ.

— Вы, кажется, считаете себя начальниками-распорядителями школы,—сказалъ намъ Рейтманъ, узнавъ о нашемъ поступкѣ. — Вы распоряжаетесь своими товарищами, какъ подчиненными, назначаете, что они должны дѣлать.

— Мы ими не распоряжаемся, господинъ Рейтманъ, — отвѣчалъ я за своихъ друзей.—Они сами согласились продолжать дѣло, задуманное директоромъ, и онъ уже благодарилъ ихъ.

Рейтманъ пристально посмотрѣлъ на меня и потомъ на моихъ друзей; видно было, что въ его головѣ промелькнула мысль: негодяи, прячутся за директора!

Мы дѣйствительно прятались за директора, и ужъ эта необходимость прятаться тревожила насъ. «Дѣло непрочно,— думалось намъ, — директоръ слабъ и уступитъ школьному совѣту послѣ нашего удаленія изъ школы». Мы всѣми силами старались приготовить новыхъ товарищей къ борьбѣ въ томъ духѣ, въ какомъ мы вели ее сами. Совѣтовали имъ вести себя безукоризненно, отличаться въ ученьѣ, не ссориться съ учителями, приписывать дѣло выдумкѣ директора, даже льстить ему и, такимъ образомъ, доказывать, что оно хорошо, а не худо. Малѣйшій дурной поступокъ могъ испортить все, требовалось строго наблюдать за собою. Иначе дѣйствовать въ этомъ омутѣ было невозможно.

Digitized by Google

— Плохо, если всегда придется такъ хитрить,—говорилъ Розенкампфъ.

— Чего же тутъ плохо? еще веселѣе будетъ; сами будемъ честны, честное дѣло будемъ дѣлать и не оставимъ ни одного уголка, къ которому могли бы придраться подлецы, заставимъ ихъ безъ ссоры плясать подъ нашу дудку,—замѣтилъ Калининъ. — Ты, Рудушка, будешь особенно ловокъ, а вотъ Воротницынъ, такъ тотъ будетъ больно плохъ въ этомъ дѣлѣ.

— Мнѣ не нужно будетъ вести эту борьбу, съ наукой хитрить нечего,—отвѣчалъ Воротницынъ.

— Виноватъ! я и забылъ, что ты на книгѣ женишься, нарожаешь книжонокъ, книги ихъ окрестятъ, книги вырастятъ, книги и похоронятъ.

Мы разсмѣялись при этой выходкѣ. Воротницынъ, задумчиво улыбаясь, покачалъ головою.

- Можетъ-быть, ты и правъ,—какъ-то невесело процѣдилъ онъ сквозь зубы...

Однажды Носовичъ пригласилъ насъ къ себѣ. Мы собрались у него вечеромъ.

— Намъ нужно, господа, о дѣлѣ поговорить. Не худо бы подумать о будущности нашихъ занятій,—сказалъ хозяинъ.

— Мы уже позаботились объ этомъ. Говорили второклассникамъ, и шестеро изъ нихъ начали заниматься съ дѣтьми.

— Знаю, знаю! Вы, молодежь, все на фу-фу дѣлаете. Ваше дѣло начато посреди болота, поганыя лягушки, тотчасъ же по вашемъ удаленіи изъ школы, затащутъ въ свое болото второклассниковъ. Сочувствующихъ дѣлу только одна треть учителей, а двѣ трети состоятъ изъ лягушекъ... Теперь я могу вамъ это говорить: вы кончаете обязательныя сношенія съ этими личностями; становитесь на одну доску съ ними и можете судить о нихъ. Церемониться нечего!

— Что же дѣлать?

Мы пріуныли.

— Утвердить дѣло покрѣпче, чтобы оно просуществовало хоть годъ еще; авось въ это время лягушки уберутся подальше и на ихъ мѣста явятся люди. Скверное теперь время, а надѣяться все-таки нужно...

— Но какъ же утвердить?—спросили мы.

— Тутъ нужны чортовы гвозди,—промычалъ Калининъ.

— Великую истину сказали, именно чортовы гвозди нужны,—улыбнулся Носовичъ.—Объ этомъ-то я и хочу погово-

Digitized by Google

рить съ вами. Надо сдѣлать дѣло по возможности публичнымъ, заинтересовать родителей и поставить директора и учителей въ такое положеніе, что они волей или неволей будутъ стоять за ваше учрежденіе. Попечители о немъ не знаютъ, а ихъ-то и надо посвятить въ тайну. Теперь представляется удобный случай. Вамъ, Рудый, выпадаетъ завидная роль сказать на публичномъ актѣ прощальный спичъ ученикамъ. Отличитесь!

— Я васъ, кажется, понимаю, Николай Павловичъ,— отвѣчалъ я. — Мнѣ придется изложить важность нашего дѣла, похвастать собственными успѣхами и заслугою передъ публикою?

— Да, почти что такъ; но что дѣлать, батюшка, хвастайте! Пожалуй, чтобы не покраснѣть, взведите небылицу на учителей, припишите имъ иниціативу дѣла. Поставьте на ходули слабеху-директора, главнѣе всего заботьтесь о томъ, чтобы выставить успѣхи маленькихъ учениковъ. Да маслица, маслица не жалѣйте!

— А пропуститъ ли эту рѣчь школьная цензура?—спросилъ я.

— Пропуститъ. Цензоромъ-то буду я, потомъ директоръ прочтетъ рѣчь; онъ тоже будетъ вамъ благодаренъ. Надо же хоть на годъ или на два облегчить занятія ребятишекъ, а то срамъ, что за личности выходятъ изъ нашихъ школъ!

Читателю можетъ показаться, что мы хлопотали и волновались изъ-за пустяковъ, онъ самъ принимается только за великіе подвиги, которые, впрочемъ, почему-то никогда не удаются. Но, во-первыхъ, въ дѣлѣ воспитанія не бываетъ пустяковъ, а, во-вторыхъ, въ томъ кругу, гдѣ мы дѣйствовали, наше дѣло имѣло особенное значеніе. Припомните мое описаніе школьной жизни и характеристики учителей. Къ какому заключенію могли они привести? Каждый учитель видѣлъ въ себѣ только начальника, и ни одинъ, кромѣ Носовича, не сознавалъ, что онъ долженъ быть отцомъ, братомъ и другомъ ребенка, что ни тѣни боязни не должно быть въ ученикѣ при столкновеніи съ наставникомъ, что безъ того никогда не будетъ на свѣтѣ честныхъ, прямодушныхъ и смѣлыхъ людей. И точно: въ школѣ воспитанники дѣлались одни пустыми курточниками-франтами, другіе лукавыми пронырами, третьи—трепещущими холопами. Всего этого не понимали и не хотѣли понимать учителя. Служили они для полученья жалованья и для господствованія, обя-

Digitized by Google

занности своей не любили. Они били, ругали дѣтей, придирались къ нимъ, поддразнивали ихъ и въ стѣнахъ училища постоянная велась ожесточенная война начальника съ подчиненными, и въ то же время слышалась проповѣдь о покорности. Война — ненормальное и отвратительное явленіе; но какъ же жить въ мирѣ съ тѣми людьми, которые не любятъ и стараются притѣснить насъ? Лучшіе изъ наставниковъ были Мейеры, слабосильные мечтатели; они позволяли побить, притѣснить ребенка и потомъ брали на себя обязанность утирать его слезы и поручать его Божьей защитѣ. Это было очень чувствительно, но совершенно не питательно. Когда, развитые Носовичемъ, мы стали заниматься съ маленькими дѣтьми, тогда мало-по-малу они стали выходить изъ-подъ палокъ учителей и начали смѣлѣе и спокойнѣе смотрѣть въ наставничьи глаза. Наше вліяніе замѣтно отразилось на дѣтской нравственности, негодяевъ становилось меньше; уменьшилось даже число тѣхъ мелкихъ школьныхъ продѣлокъ, которыя знакомы всѣмъ нашимъ древнимъ и новымъ преподавателямъ; дѣти перестали втыкать булавки въ стулья учителей, перестали подламывать ножки этихъ стульевъ. Значитъ, даже ненависть уменьшилась. Мы это понимали; и радовала насъ и любовь къ намъ мальчугановъ, и та мысль, что изъ нихъ выйдутъ честные люди, съ которыми, можетъ-быть, придется намъ же столкнуться на пути жизни. Конечно, если бы дѣло кончилось, просуществовавъ два года, то скоро не осталось бы и слѣдовъ отъ него. Какъ же было не волноваться, не хлопотать?.. Дѣлайте, читатель, подобныя мелочи въ той сферѣ, гдѣ вы поставлены судьбой, и повѣрьте, что тогда васъ никто не упрекнетъ за пустоту и дармоѣдство. Теперь же, со всѣми вашими поползновеніями къ великимъ подвигамъ, вы часто слышите этотъ справедливый упрекъ. Общество не любитъ великихъ подвиговъ, если они не удаются.

X.

Бабушка сходитъ со сцены.

Въ то время, когда мы предавались свѣтлымъ молодымъ надеждамъ, моя бабушка томилась въ одиночествѣ, измученная, больная, слушающая отъ скуки болтовню двухъ старыхъ служанокъ, едва понимая смыслъ ихъ рѣчей и дремля въ вольтеровскомъ креслѣ. Каждый разъ, посѣтивъ ее, мы убѣждались, что ей не долго остается жить и страдать, и не имѣли ни силъ, ни возможности помочь ея горю.

Digitized by Google

Съ мучительной тоской глядѣлъ я на эту женщину, опустившуюся въ кресла и перебирающую отъ нечего дѣлать ихъ бахромки. Напротивъ нея висѣлъ портретъ красавицы съ жемчужной повязкою на головѣ, въ окно били горячіе и сверкающіе лучи весенняго солнца, весело озаряя печальную картину постепеннаго умиранія. И этотъ портретъ, и эти лучи солнца казались теперь какою-то насмѣшкой надъ старухой. «Та ли это, гордая царица,—спрашивалъ я себя, глядя на бабушку: — которую я такъ горячо любилъ въ дѣтствѣ? Та ли эта восторженная Шахеразада, увлекавшая мое дѣтство разсказами? Куда дѣвались ея гордыя рѣчи, ея важная осанка, ея нарядныя шелковыя платья, забавлявшія меня когда-то своимъ шелестомъ? Износилось ея лицо, какъ износился ея бархатный салопъ, давно висящій безъ употребленія и поѣдаемый молью, скоро и она сдѣлается добычею червей. Прерывистъ и глухъ ея голосъ, какъ будто онъ звучитъ съ того свѣта, и съ каждымъ днемъ все чаще и чаще срываются съ ея языка слова: «смерть и могила». Это живая покойница, и страшнѣе всего то, что она сама сознаетъ это яснѣе всѣхъ. Не дай Богъ дожить до такого состоянія. Ни отрадныхъ воспоминаній, ни надеждъ нѣтъ, и есть только одно горькое сознаніе своей ненужности въ мірѣ.

Планъ переѣзда въ Москву подалъ намъ слабую надежду поднять бабушку: мы считали ее не настолько больною, сколько убитою горемъ. Мы поспѣшили объявить нашъ планъ и пригласили ее переѣхать вмѣстѣ съ нами изъ Петербурга. Она обрадовалась.

— Здоровье-то мое плохо, жаль мнѣ и Пьера оставить. Теперь хоть изрѣдка онъ заѣзжаетъ ко мнѣ, я хоть посмотрю на него,—говорила старушка.

— Поѣзжайте съ нами хоть на время, отдохнете тамъ и поправитесь; тогда можно будетъ съѣздить въ Петербургъ, повидаться съ Пьеромъ,—говорили мы ей.

Матушка боялась оставить ее одну и вѣрила доктору, говорившему, что бабушка при покойной жизни можетъ прожить еще долго.

— Поѣду, Соня, поѣду. Авось, вы меня успокоите на старости лѣтъ. Я и теперь жила бы съ вами, да Пьеръ не станетъ ѣздить. Онъ нынче все такой сердитый... И за что это сердится,—ума не приложу!..

Мысль о переѣздѣ въ Москву, о житьѣ въ нашемъ любящемъ семействѣ начала ее тѣшить; даже стали роиться

Digitized by Google

въ ея головѣ разныя дѣтскія мечты о томъ, какъ она поправится совсѣмъ, станетъ бодрою и вдругъ опять пріѣдетъ въ Петербургъ на свиданье съ Пьеромъ, какъ онъ обрадуется ея пріѣзду... Въ ея квартиркѣ съ этой поры только и шли рѣчи про Москву.

— Не забыть бы намъ чего-нибудь здѣсь?.. Надо будетъ сундучокъ пріискать для платья. Да стирку-то кончайте поскорѣе, чтобы все чистое было...— говорила старушка своимъ служанкамъ, рылась въ комодѣ, перебирала свои вещи и волновалась, не находя какого-нибудь чепца.

— Хорошо, что спохватилась сама,—толковала она:—а то такъ бы и поѣхала въ Москву безъ чепца!

До отъѣзда оставался цѣлый мѣсяцъ. Но вѣчно глумившаяся надъ ней судьба посмѣялась и теперь надъ ея планами.

Однажды, когда сидѣла старушка со своими обычными грёзами и старалась казаться бодрою, къ ней неожиданно пріѣхалъ Пьеръ. Она его не видала полторы недѣли и обрадовалась его пріѣзду; только онъ былъ хмурымъ, какъ осенній вечеръ. Ему плохо жилось и не на комъ было выместить горя. Онъ вздумалъ сдѣлать опытъ надъ матерью, разыграть передъ нею одну изъ старыхъ драматическихъ сценъ.

— Здоровъ ли ты, мой другъ?—спросила бабушка.

— Здоровъ, что мнѣ дѣлается? Прыгаю, да попѣваю пѣсни!—ироническимъ тономъ промолвилъ онъ, швырнувъ на диванъ свою шляпу. — Впрочемъ, было бы лучше, если бы я былъ не здоровъ, а лежалъ бы въ могилѣ.

— Что съ тобой, Пьеръ?

— То, что навязанная вами жена дѣлаетъ мою жизнь невыносимою. Я спеленатъ, меня водятъ на помочахъ. Я хочу жить, а меня заставляютъ прозябать; мнѣ нужны деньги, мнѣ ихъ не даютъ. Я хочу ѣхать на балъ, меня везутъ въ театръ. Такъ жить я не могу, а къ другой жизни теперь нѣтъ выхода.

— Ахъ, Пьеръ, Пьеръ! — качая головой замѣтила бабушка. — Жили же вы прежде хорошо, отчего же вамъ вдругъ тѣсно стало?

— Жили бы и теперь попрежнему, если бы я не женился. Теперь я весь въ ея рукахъ. Я сдѣлался ея пажемъ, лакеемъ, крѣпостнымъ холопомъ—и это все по вашей милости. Радуйтесь теперь на меня! Теперь у меня нѣтъ ни надеждъ, ни желаній, ничего, что поддерживало меня въ жизни. Теперь я нищій и нравственно, и матеріально. Вы

Digitized by Google

отняли у меня все, послѣднюю рубашку, послѣднюю суму. Что же вы мнѣ дадите взамѣнъ всего взятаго? Придумайте! Раскиньте своимъ умомъ, посовѣтуйтесь со своею хваленою честностью и материнскою гордостью, о которыхъ вы мнѣ такъ много кричали, заставляя меня жениться! Что сдѣлали вы со своимъ умомъ, гордостью и честностью? Осчастливили себя или дѣтей? Надѣлали великихъ дѣлъ? стяжали благодарность ближнихъ — что ли? Да говорите же! — ломался дядя передъ полумертвою матерью, незамѣтно для себя самого переходя изъ жалобно-элегическаго тона въ бурный.

Онъ не былъ ни пьянъ, ни помѣшанъ, но въ его поступкѣ были признаки и опьянѣнія, и помѣшательства.

— Говорите же?—повторялъ онъ.

— Возьми свою шляпу и ступай вонъ,—тихо, но строго проговорила бабушка.

— Что-о-о?!—взбѣсился дядя и вскочилъ съ мѣста.

Бабушка протянула руку къ колокольчику; рука тряслась.

— Я позову людей.

— Такъ знайте же, что не вы меня, а я васъ имѣю право проклинать и проклинаю! — крикнулъ онъ, выбѣгая изъ комнаты.

Она тихо опустила на грудь сѣдую голову и впала въ забытье...

На слѣдующій день насъ извѣстили о ея болѣзни. Блѣдная, какъ мертвецъ, лежала она на постели, безъ стоновъ, безъ жалобъ, и съ нѣмою покорностью ждала смерти. Смерть приближалась быстро. Въ началѣ іюня больную причащали и соборовали. Наша семья собралась у нея. Дали знать дядѣ.

— Схорони ты меня, Вася,—говорила она моему отцу:— схорони на свои честныя, трудовыя деньги.

— Богъ дастъ, еще выздоровѣете, матушка!—промолвилъ отецъ, стараясь придать своему голосу веселый тонъ.—Покатимъ въ Москву и заживемъ тамъ припѣваючи.

— Нѣтъ, Вася, не выздоровѣть мнѣ, и не надо мнѣ выздоравливать... Лишняя я на свѣтѣ... Всегда я была лишняя, — промолвила старуха прерывающимся голосомъ. — Вѣдь вотъ теперь я все вспомнила: и дѣтство, и молодость, и замужество... Нѣтъ, Вася, не надо мнѣ выздоравливать...

Отецъ, молча и нахмуривъ брови, держалъ ея руку, но его рука дрожала.

— Славный твой отецъ, отмѣнно хорошій отецъ! — шеп-

Digitized by Google

тала въ полузабытьѣ больная, вѣроятно, полагая, что держитъ мою руку.—Ты здѣсь, Саша? — спросила она спустя нѣсколько времени.

— Здѣсь, бабушка.

— То-то же, не уходи! Побудь здѣсь, я при тебѣ хочу умереть... Закрой мнѣ глаза... Первый покойникъ!

Матушка тихо плакала въ сторонѣ, но бабушка услыхала.

— Не плачь! О чемъ плакать? Ты счастлива, не умрешь безъ сына... Онъ обожаетъ тебя...

Бабушка мучилась, ожидая дядю. Она его любила попрежнему, страстно, безгранично. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пріѣхалъ и бросился къ ея кровати.

— А-а! на кончикѣ засталъ!—сказала она, и что-то въ родѣ улыбки пробѣжало по ея помертвѣлымъ губамъ.

Она опять впала въ забытье.

— Матушка! простите меня!

— Да, да,—бормотала старушка, не открывая глазъ.

— Простите, все мнѣ простите!—повторилъ дядя.

Въ его голосѣ была и искренность, и мольба, и горечь; изъ глазъ одна за другою закапали слезы. Передъ нами уже стоялъ не комедіантъ, а человѣкъ, внезапно потрясенный сознаніемъ своихъ ошибокъ и боящійся, что смерть похититъ оскорбленную имъ душу, не давъ времени виновному услышать слово прощенья. Онъ былъ истинно жалокъ въ это время.

— Простите!

— Да, да, хорошо, — говорила бабушка, и вдругъ какъ будто ожила, воскресла, схватила руками голову дяди и прижала его къ своимъ губамъ.—Голубчикъ! миленькій! сокровище мое! Петенька!—заговорила она, осыпая его поцѣлуями.—Поцѣлуй меня, родной мой, первый мой! Дай мнѣ тебя благословить.

Едва владѣя рукою, она перекрестила дядю и въ совершенномъ изнеможеніи опустилась на подушки.

Прошло полчаса. Бабушка была спокойна и молчала. Въ комнатѣ царствовала торжественная тишина.

— Не забудь, Вася, о чемъ я тебя просила,—промолвила больная и притянула руку моего отца къ своимъ губамъ.

Когда отецъ отнялъ отъ ея губъ свою руку, онѣ были уже неподвижны: вмѣсто бабушки лежалъ на постели холодный трупъ съ широко-открытыми глазами. Въ лицѣ выражалось недоумѣніе, это вѣчное выраженіе людского лица въ минуту смерти.

Digitized by Google

Отецъ съ минуту посидѣлъ у ея кровати и вглядывался въ ея лицо.

— Успокоилась!—проговорилъ онъ, вставая, и, тряхнувъ головой, пошелъ въ другую комнату.

Начались похоронныя хлопоты, монотонное чтеніе читальщика, панихиды, запахъ ладана и воску, тихій плачъ матушки и обмороки дядюшки и тетки, хожденіе праздныхъ зѣвакъ по комнатѣ, разсматриванье одежды покойницы и гробовыхъ украшеній, разспросы о цѣнѣ гроба, объ имуществѣ усопшей, о ея характерѣ и жизни, посѣщеніе важныхъ баръ и равнодушныя, почти оскорбительныя слова, обращенныя ими къ матушкѣ: «о чемъ плакать, надо благодарить Бога, что она умерла». Кто-то изъ нихъ спросилъ отца:

— Можетъ-быть, вы нуждаетесь въ деньгахъ?

— Если бы нуждался, то не хоронилъ бы,—отвѣчалъ онъ.

— Невѣжа!—почти громко говорили они между собою.

Послѣ потянулась погребальная процессія, множество хладнокровныхъ лицъ, множество щегольскихъ каретъ; кончилось послѣднее отпѣванье, стукъ земли о крышку гроба и разъѣздъ... Разъѣздъ послѣ чего?—Послѣ длинной комедіи, послѣ надрывающей сердце драмы, или просто послѣ никого не тронувшаго, никому не понятнаго зрѣлища?

Не весело, господа, умирать такою смертью! Какое страшное чувство пустоты и безцѣльности жизни оставляетъ она въ душѣ присутствующихъ. Смотришь на покойника, вспоминаешь всю его жизнь, размышляешь, жилъ ли онъ для себя или для ближнихъ, ищешь оставленныхъ имъ дѣлъ, дорываешься, не застала ли его смерть за недоконченнымъ планомъ новаго творенія, не высказалъ ли онъ міру новой великой истины, не пролилъ ли куда-нибудь капли свѣта! Ничего нѣтъ! Все пусто, все безцѣльно. Вмѣстѣ съ трупомъ отжившаго человѣка зарывается въ могилу воспоминаніе о немъ. Молчаливо расходятся отъ свѣжей насыпи близкіе люди, что-то въ родѣ паническаго страха охватываетъ ихъ души: они боятся умереть такъ же, какъ онъ; уже не одну такую смерть видѣли они на своемъ вѣку, и бросаетъ ихъ въ дрожь полное ѣдкой иронiи язвительное слово русскаго юмориста: «славно умираютъ русскіе люди!»

А какъ живутъ?..

Смерть бабушки произвела и на меня такое же горькое впечатлѣніе. Я долго ходилъ въ раздумьѣ по нашей квартирѣ, на глазахъ навертывались жгучія слезы, голова невольно клонилась на грудь. Передо мной проносилась наша

Digitized by Google

русская жизнь... Но вотъ грустныя думы, мало-по-малу, стали разлетаться, чувство глубокой вѣры въ собственныя силы охватило душу, бодрый и гордый умъ проснулся, поднялась моя голова, подошелъ я къ открытому окну и, привѣтно улыбаясь Божьему дню и свѣтлому солнцу, промолвилъ: нѣтъ, наше поколѣнье не исчезнетъ такъ безслѣдно съ земли!..

XI.

Публичный актъ.

11 іюня. Въ знакомой читателю школьной залѣ, по обыкновенію, собрались сотни постороннихъ людей, попечителей училища, учителей и учениковъ. Два года тому назадъ, въ этой же залѣ, былъ я публично опозоренъ директоромъ, рыдалъ и думалъ: никогда не подняться мнѣ снова! Но всеуносящее время унесло и мои слезы, и мое отчаянье; поднялся я, и настала пора съ той же каѳедры, съ которой топтали въ грязь мое самолюбіе, сказать мою послѣднюю школьную рѣчь, полную гордыхъ словъ и сознанія нашихъ ученическихъ заслугъ, привлечь къ себѣ одобрительное вниманіе публики, быть-можетъ, той же самой праздношатающейся, безпечной публики, которая съ любопытствомъ наслаждалась моею безпомощною и жалкою слабостью два года тому назадъ. Читатель знаетъ, почему я долженъ былъ хвастать своими заслугами, и не упрекнетъ меня за хвастовство; но я не имѣю привычки маскировать свои чувства; я краснѣлъ и конфузился, когда писалъ и заучивалъ рѣчь, но лишь только вступилъ я въ эту ненавистную мнѣ залу и увидалъ толпу, безъ цѣли собравшуюся сюда, тогда во мнѣ вдругъ пробудилось какое-то нервное, раздражительное желаніе гордо поднять голову передъ этой толпой, дозволяющей столько лѣтъ терзать ея дѣтей варварамъ-учителямъ и любующейся, какъ позорятъ передъ нею чужихъ сыновей. Я чувствовалъ, что рѣчь заносчива и смѣла. По окончаніи акта я уже стыдился этого невольнаго чувства и снова любилъ и жалѣлъ эту публику, плохо воспитанную, безсильную, по отсутствію общихъ взглядовъ и твердыхъ убѣжденій, неумѣющую устраивать свои дѣла; опять видѣлъ въ ней не стоглавое чудовище, а беззащитнаго ребенка, нуждающагося въ добрыхъ наставникахъ.

Послѣ обычныхъ директорскихъ фразъ съ присѣданьями и расшаркиваньями, начались ученическія рѣчи. Въ первой, латинской рѣчи, трактовалось о пользѣ изученія древнихъ

Digitized by Google

языковъ; ея изложеніе было мертвое и вялое, ученикъ считывалъ ее отъ начала и до конца; видно было, что онъ не сознаетъ того, что говоритъ. Директоръ былъ недоволенъ, публика зѣвала. За латинскою рѣчью послѣдовала нѣмецкая, произнесенная Рейтманомъ-сыномъ. Это были воспоминанія о прелестяхъ школьной жизни, о грустномъ чувствѣ, порождающемся въ душѣ учениковъ при разлукѣ съ училищемъ съ милыми стѣнами, охраняющими дѣтей отъ житейскихъ заботъ и волненій, съ его учителями, заступавшими для дѣтей мѣсто родителей, съ любимыми братьями-товарищами. Вся рѣчь состояла изъ цвѣтовъ краснорѣчія, риторической грусти. Калининъ хохоталъ, какъ сумасшедшій, комментируя шопотомъ каждое выраженіе и говоря мнѣ, что Рейтманъ сейчасъ будетъ прощаться съ розгами и пошлетъ воздушный поцѣлуй той скамьѣ, на которой его растягивали при сѣченіи. Воротницынъ увѣрялъ, что съ нимъ дурно дѣлается, а Розенкампфъ злился и весьма неприлично ругался. Рѣчь кончилась. Рейтманъ сошелъ съ каѳедры и прямо попалъ въ разверстыя объятія своего родителя.

— O, du bist ein dankbares Kind,—ты благодарное дитя,— восторженно произнесъ Рейтманъ-рѐге, слезливо высмаркиваясь и отирая табачнымъ платкомъ сальныя губы, чтобы облобызать ненаглядное дѣтище, которому во все время ученья ежедневно доставалось среднимъ числомъ по двѣ оплеухи.

Публика была тронута; вымученное краснорѣчіе увлекло и ее: о правдѣ всего сказаннаго никто и не думалъ. Настала моя очередь.

— Смѣлѣе!—шепнулъ мнѣ Носовичъ, когда я всходилъ на каѳедру.

Мой наставникъ и не воображалъ, что его воспитанникъ и безъ этого ободренія былъ смѣлымъ и даже черезъ мѣру смѣлымъ въ эту минуту.

Я началъ говорить.

Подобно Рейтману-сыну, я толковалъ о чувствѣ грусти, пробуждаемой въ выпускныхъ ученикахъ разлукою съ товарищами, не окончившими ученья, и съ учителями; объяснилъ, что это чувство было бы мелочно и не имѣло бы никакого значенія, если бы оно было слѣдствіемъ простой привычки къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, а не вытекало бы изъ сознанія, что мы были нужны этимъ личностямъ и пробудили въ нихъ своею дѣятельностью прочную и разумную любовь, и наоборотъ. Сказалъ, что только взаимная помощь, оказы-

Digitized by Google

ваемая людьми другъ другу, оставляетъ въ нихъ прочныя воспоминанія и вполнѣ оправдываетъ ихъ слезы при разлукѣ. Затѣмъ я упомянулъ о благодѣтельномъ вліяніи на насъ директора, которое привело насъ къ сознанію необходимости помогать и облегчать тяжелый трудъ учителей. Описалъ наше предпріятіе, ходъ дѣла въ теченіе двухъ лѣтъ и очевидную его пользу; перечислилъ учениковъ, казавшихся лѣнивыми и сдѣлавшихся подъ нашимъ руководствомъ прилежными; доказалъ, что они и прежде были не лѣнивы и только требовали руководителей, чтобы сдѣлаться лучшими воспитанниками. Исчисливъ пользу нашего дѣла, я объяснилъ, какъ легко его продолжать, потому что оно отнимаетъ у старшихъ воспитанниковъ только одинъ часъ въ день и не можетъ быть имъ въ тягость, между тѣмъ приноситъ пользу и имъ самимъ, давая возможность повторять давно пройденныя и полузабытыя начала наукъ и пріучая молодыхъ людей къ дѣятельности. Я польстилъ директору, озабоченному процвѣтаніемъ школы, поблагодарилъ учителей за ихъ поддержку во всякомъ благомъ предпріятіи и замѣтилъ, что родителямъ остается только благодарить ихъ и своимъ сочувствіемъ упрочить начатое. «Впрочемъ,—окончилъ я рѣчь,—дѣло такъ очевидно-полезно, что положительно нѣтъ ни одного человѣка въ школѣ, не сочувствующаго ему, и потому, разставаясь съ товарищами, я могу имъ пожелать однихъ успѣховъ на избранномъ ими пути. Они, подобно намъ, будутъ исполнителями идей господина Сарторіуса, помощниками учителей и любимыми друзьями младшихъ воспитанниковъ. Въ день разлуки со школою имъ будетъ такъ же грустно, какъ намъ, но и ихъ утѣшитъ мысль, что, можетъ-быть, на всю жизнь сохранятъ о нихъ воспоминаніе ихъ маленькіе друзья, какъ они сами сохранятъ воспоминаніе объ учителяхъ».

Я кончилъ рѣчь; она произвела на присутствующихъ желанное впечатлѣніе. Сходя съ каѳедры, я увидѣлъ приближавшагося ко мнѣ директора съ сіяющимъ лицомъ. Онъ крѣпко пожалъ мою руку и подвелъ меня къ одному изъ попечителей училища.

— Это, ваше превосходительство, одинъ изъ исполнителей моихъ идей, дитя моего сердца,—сказалъ Сарторіусъ.

— Дѣльно, дѣльно, молодой человѣкъ! Старайтесь всегда заслуживать одобреніе начальства!—густымъ басомъ наставлялъ меня его превосходительство.

Постараюсь,—отвѣчалъ я.

Digitized by Google

— Передайте отъ меня мой поцѣлуй вашимъ друзьямъ.

При этихъ словахъ особа приложилась губами къ моей щекѣ.

Я раскланялся и поспѣшилъ къ своимъ друзьямъ, чтобы передать имъ поцѣлуй его превосходительства. Проходя между стульями, на которыхъ сидѣли посторонніе люди, я былъ нѣсколько разъ остановленъ матушками и папеньками своихъ бывшихъ воспитанниковъ-товарищей; они благодарили меня за заботы о ихъ дѣтяхъ и просили передать ихъ благодарность товарищамъ. Пожатіямъ рукъ и привѣтствіямъ не было конца.

Рейтманъ, между тѣмъ, горячо выговаривалъ Носовичу за то, что тотъ пропустилъ рѣчь.

— Рѣчь отличная, господинъ Рейтманъ, мы съ директоромъ отъ нея въ восторгѣ, — прищуривъ глаза, сказалъ Носовичъ.

— Но это скандалъ, безумецъ—der Tollkopf—хвасталъ передъ публикою своими заслугами, у него стыда нѣтъ!

— Молодежь горячо стоитъ за свое дѣло, господинъ Рейтманъ, намъ съ вами такъ не стоять, ноги наши слабы стали,—улыбнулся Носовичъ.

Рейтманъ чувствовалъ, что его дѣло проиграно, что эта публика и попечители сдѣлались не моими и моихъ товарищей сторонниками, но сторонниками нашего дѣла, враждебнаго ему; что уничтожить это дѣло директоръ не можетъ, не компрометируя себя передъ попечителями. По окончаніи акта мы всѣ стали прощаться другъ съ другомъ, пришлось прощаться и съ Рейтманомъ. Я подошелъ къ нему; онъ сухо сказалъ мнѣ:

— Вамъ я не могу пожелать ничего; при вашей самонадѣянности всѣ мои желанія покажутся вамъ мелкими. Но да благословитъ васъ нашъ Господь, Іисусъ Христосъ, и да озаритъ Онъ вашу душу смиреніемъ и покорностью; при вашемъ положеніи въ свѣтѣ это всего нужнѣе.

Я расшаркался и поспѣшилъ отойти отъ богобоязливаго палача беззащитныхъ дѣтей.

Черезъ нѣсколько дней наше общество собралось на обѣдъ къ Носовичу. Калининъ, я и Розенкампфъ уѣзжали изъ Петербурга черезъ два дня. Воротницынъ-отецъ хлопоталъ о позволеніи ѣхать съ сыномъ за границу. Мы были веселы и оживлены. Говорили всѣ вдругъ и очень много, отвѣчали не то, что нужно, и хохотали до слезъ. Розенкампфъ подсмѣивался надъ Воротницынымъ, называлъ его будущимъ

Digitized by Google

мягкосердечнымъ профессоромъ и спрашивалъ, сколько пятерокъ поставитъ онъ своимъ будущимъ слушателямъ.

— А теорію примиренія-то какъ онъ проповѣдывать будетъ,—трунилъ Николай, принимая важную осанку и дѣлая серьезное лицо.—«Милостивые государи, все въ мірѣ совершается по неотразимымъ законамъ необходимости, потому примиряйтесь со всѣмъ, лягте въ грязь и изучайте, почему грязь не золото»,—говорилъ онъ уморительно-сладкимъ и вкрадчивымъ голоскомъ, подражая голосу Воротницына.

— «Чортъ побери, не хочу никому кланяться и служить, буду докторомъ, тамъ хоть проклятую жёлчь угомоню, съ ней весь аппетитъ потеряешь!»—пародировалъ Воротницынъ Розенкампфа.

— Они, Рудушка, раздразнятъ другъ друга и пойдутъ стрѣляться на пистолетахъ,—жалобнымъ голосомъ говорилъ Калининъ:—и не будетъ у насъ больше друзей, останемся мы сиротами на бѣломъ свѣтѣ.

— Очень чувствительная исторія,—смѣялся я.

— Ахъ, вы, земляники мои!—довольнымъ голосомъ промолвилъ Носовичъ. — Весело шутки шутить, когда совѣсть чиста!

Обѣдъ кончился. Хозяинъ взялъ бутылку вина и сталъ ее откупоривать.

— Ну,—сказалъ онъ, наливая наши рюмки:—теперь чокнемтесь, будущіе студенты, и выпьемъ на *ты*. Хочу я сегодня свою студентскую старину вспомнить. Когда-то придется мнѣ опять встрѣтиться съ вами.

Мы всѣ встали.

— Спасибо тебѣ, Николай Павловичъ! ты крестный отецъ нашего развитія,—заговорилъ Калининъ и могучею рукою обнялъ Носовича и прижалъ его къ своей широкой, молодой груди.—Не забудемъ мы тебя никогда.

У старика навернулись на глаза слезы. Его усадили на диванъ.

— Ничего, друзья, ничего! Расчувствовался я на старости лѣтъ, да вѣдь я не стыжусь чувства. Желаю каждому изъ васъ испытать когда-нибудь то же отрадное чувство, которое испытываю я, глядя на васъ, молодыхъ, бодрыхъ, честныхъ. Пробивайте себѣ честно широкій путь дѣятельности: еще трудно по немъ ходить, но утопчутъ и угладятъ его молодыя ноги. Не всѣ выходятъ изъ школъ такими трезвыми людьми, какъ вы; но уже многіе выходятъ такими. Надежда есть;

Digitized by Google

что будетъ—покажетъ время. Унывать нечего. Не скучайте на прощаньи, будьте веселы и бодры:

Такъ, знать, Богъ судилъ—разстанемся,
Но когда-нибудь и свидимся.

— Свидимся, свидимся, Николай Павловичъ! обымемся опять съ тобою! — говорили мы, окруживъ старика: — и не покраснѣешь ты за насъ, не отдернешь отъ насъ своей честной руки. Будь счастливъ!

XII

Прощанье съ читателемъ.

Пора и мнѣ проститься съ читателемъ. Мнѣ очень грустно разставаться съ нимъ, я уже успѣлъ полюбить его всею душою за его терпѣнье. Онъ дочиталъ эту поучительную, но малоинтересную исторію безъ завязки и потрясающихъ сценъ; это великая заслуга съ его стороны. Публика давно пріучилась видѣть въ литературныхъ произведеніяхъ забаву, годную для развлеченія въ минуту праздной скуки, она считаетъ писателей за скомороховъ, и писатели, томимые жаждой денегъ и славы, пляшутъ передъ ней до излома костей, пускаютъ въ ходъ и пистолеты, и палки, и ядъ, и кражу, только бы потрясти нервы. Въ одной повѣсти вычисляются удары розогъ, доставшіеся бѣглому мужику, высчитываются капли пролитой въ этой экзекуціи крови, и публика приходитъ въ ужасъ именно отъ числа ударовъ и капель пролитой крови, думая въ наивномъ состраданіи: «ну, посѣкли бы, да не такъ сильно, а это уже ни на что не похоже!» Въ другой, одинъ изъ пятидесяти героевъ заряжаетъ пистолетъ или наливаетъ въ рюмку яду и подноситъ одну изъ этихъ губительныхъ вещей къ своему разинутому рту: публика начинаетъ нюхать спиртъ и съ трепетомъ продолжаетъ чтеніе, но,—увы!—вмѣсто трагической развязки она встрѣчаетъ нѣсколько многознаменательныхъ точекъ... Во всемъ этомъ проглядываетъ умѣнье щекотать помѣщицу-публику; этимъ же умѣньемъ отличались въ старину дворовыя дѣвки, щекотавшія пятки помѣщицъ, отходившихъ ко сну. Содержаніе современныхъ романовъ выходитъ, такимъ образомъ, весьма потѣшное, но утомительное до крайности: дѣйствующія лица смѣшиваются въ одну безразличную и безличную массу пляшущихъ привидѣній; у зрителя кружится голова, онъ отрывается отъ книги въ какомъ-то умственномъ отупѣніи. Состояніе, похожее на положеніе пьянаго человѣка, облитаго водой. Невольно радуешься, встрѣчая людей, ищущихъ не

Digitized by Google

такихъ удовольствій, и дѣлаешься ихъ другомъ, разстаешься съ ними не безъ грусти и спѣшишь на прощанье сказать еще нѣсколько недосказанныхъ словъ.

Молодыя дѣйствующія лица моей исторіи вспорхнули со своихъ мѣстъ и, какъ перелетныя, вольныя птицы понеслись изъ Петербурга. Веселы и шумны были проводы, всѣ надѣялись увидѣться, сойтись черезъ годъ въ Москвѣ и снова зажить разумною, дѣятельною и счастливою жизнью, принося посильную пользу себѣ и ближнимъ. Будущность не пугала ихъ, какъ угрюмое привидѣніе, но манила и звала къ себѣ: они ей были нужны, они готовились быть колесами и винтами управляемой ею машины, а не выгодными колодами, гніющими на пути и мѣшающими спѣшному шествованію людей впередъ. Но зачѣмъ же они бѣжали изъ Петербурга въ Москву? Развѣ только тамъ можно жить и дѣйствовать честнымъ людямъ? Развѣ здѣсь омутъ, пучина? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Города всѣ равны; для насъ же Петербургъ самъ по себѣ былъ милѣе всѣхъ другихъ городовъ; мы привыкли къ нему и, можетъ-быть, никогда не разстались бы съ нимъ, если бы было можно не встрѣтиться въ немъ съ разными постылыми личностями, не слышать безсмысленныхъ рѣчей и розсказней старыхъ знакомыхъ, не тревожиться семейною грязью. Мы чувствовали невозможность всего этого и, желая совершенно новой, *нами* и *по нашему* устроенной жизни, переселились. Намъ нужна была полнѣйшая свобода, нужна была возможность жить вмѣстѣ. Больше мы ничего не желали, зная, что всѣ остальныя блага сумѣемъ добыть своими молодыми силами и упорнымъ трудомъ.

Черезъ годъ мы встрѣтились въ Москвѣ, наняли вмѣстѣ квартиру. Пошла наша жизнь по-нашему. Въ продолженіе недѣли кипѣлъ и поспѣвалъ нашъ трудъ, каждый членъ заработывалъ по-своему деньги, умножая общій капиталъ, и не боялся въ случаѣ болѣзни остаться безъ присмотра и безъ ѣды, какъ это часто случается съ бѣдными одинокими студентами, умирающими въ дрянныхъ больницахъ. По праздникамъ собирался у насъ кружокъ разной молодежи, лились сужденья, кипѣли споры; не юлилъ, не вертѣлся человѣкъ, рѣшаясь высказать своему собесѣднику рѣзкое слово правды, и не злился этотъ собесѣдникъ, выслушивая правду. Свобода мнѣній была у насъ полная. Новому знакомому сначала казалось страннымъ, что въ этомъ обществѣ безбородой молодежи часто появлялись два старика: мой

Digitized by Google

отецъ и моя мать; но, мало-по-малу, онъ знакомился со стариками и понималъ, что если съ ними нельзя говорить о научныхъ предметамъ, то всегда можно посовѣтоваться въ трудныхъ житейскихъ дѣлахъ, не боясь услышать отъ нихъ нелѣпый или подлый совѣтъ. Ихъ часто называли посторонніе юноши отцомъ и матерью, что, разумѣется, возбуждало веселый смѣхъ кружка, а отецъ шутливо говаривалъ: «Значитъ, у насъ сегодня родины, семьи прибыло. Право, выгодно имѣть такихъ дѣтей, которыя хлѣба не просятъ, а уваженіе оказываютъ». Ни тѣни сентиментальности и приторности не было въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ; но мы искренно любили другъ друга и не стыдились это высказывать.

— Ужъ вы не цѣлуетесь ли между собою, когда остаетесь наединѣ?—спросилъ кто-то у Калинина, услышавъ отъ него, что онъ горячо любитъ насъ.

— Зачѣмъ цѣловаться! Поцѣлуи одна штука, а любовь другая штука,—отвѣчалъ Калининъ, улыбаясь.

— Все же это пахнетъ маниловщиной. Я кромѣ себя никого не люблю.

Господинъ, говорившій это, называлъ себя нигилистомъ.

— Ну, значитъ, недодѣланный ты человѣкъ, ты плохо себя любишь, если любви друзей не ищешь. Ты, братъ, видно, не бывалъ въ передѣлкахъ, когда радъ бы въ ноги всѣмъ накланяться, только бы друга помощника найти.

— Такъ, значитъ, ты друзей за ихъ способность къ услугамъ любишь?

— Именно такъ! только замѣни слово «услуга» словами: «помощь и защита». Спроси Рудаго и братію, они то же тебѣ скажутъ.

— Это какая-то мѣщанская проза.

— Вотъ и выходитъ, что ты недодѣланный человѣкъ. Не мѣщанская проза и не маниловщина тутъ, а настоящія людскія отношенія. Понадобится кому-нибудь изъ моихъ друзей, чтобъ я его поцѣловалъ — ну, и поцѣлую; понадобится моя защита — защищу. То же сдѣлаетъ и для меня каждый изъ нихъ... Поцѣлуи-то я, разумѣется, для красоты слова привелъ: этого добра моимъ друзьямъ, можетъ-быть, и въ вѣкъ не понадобится.

Въ минуту мимолетныхъ размолвокъ мы знали, что завтра же посмѣемся надъ своей горячностью и ругнемъ себя телячьими головами. Трудъ нашъ спорился легко, потому что мы читали вмѣстѣ книги и ежедневнымъ обмѣномъ мыслей уско-

Digitized by Google

рили свое развитіе. Стычки съ посторонними людьми, разныя житейскія непріятности и огорченія — все забывалось въ дружескомъ кругу и не оставляло въ насъ страшнаго слѣда мелочной раздражительности и безполезнаго озлобленья, этого медленнаго яда, убивающаго людей и физически, и нравственно. Когда-нибудь мои друзья издадутъ написанныя ими записки о ихъ послѣдующей жизни, и потому я кончаю здѣсь мою исторію. Ихъ исторіи будутъ интереснѣе моей, тамъ будутъ и герои, и героини и, значитъ, будетъ эффектная завязка. Это уже не будетъ описаніе однихъ гнилыхъ болотъ, гдѣ каждый поетъ свою гадкую пѣсню и старается отравить ею жизнь собрата, откуда изъ пятидесяти человѣкъ выходятъ только девять или десять порядочныхъ, да и тѣ сознаютъ, что имъ нужно во многомъ передѣлать себя... Богъ съ вами, гнилыя болота! высыхайте, зарастайте свѣжею травою, или, пожалуй, предавайтесь попрежнему гніенію. Теперь вы не страшны. Все молодое, трезвое, мыслящее и живое не боится васъ; осушаетъ себѣ клочокъ земли и живетъ спокойно, и рукъ прибавляется съ каждымъ днемъ все больше и больше. На вашей почвѣ могутъ только доживать свой вѣкъ, не осушивъ клочка своей земли, Пьеры, эти вчерашніе либералы, сегодняшніе тормоза, Катерины Тимоѳеевны, покупающія по дешевой цѣнѣ продающихъ себя съ аукціона мужей, Рейтманы, избивающіе, подобно фараону, младенцевъ, Гро, презирающіе тѣхъ же младенцевъ за то, что они не родились съ бородами и густымъ басомъ,—все это покойники, которыхъ забыли похоронить, какъ похоронили мою несчастную бабушку... Кстати о ней. Надъ ней, читатель, судьба даже послѣ ея смерти сотворила послѣднюю насмѣшку, и самую горькую изъ всѣхъ насмѣшекъ, потому что ей даже и конца не предвидится: дядя окружилъ могилу бабушки великолѣпной рѣшеткой, усыпалъ толченымъ кирпичомъ, усадилъ цвѣтами и посрединѣ положилъ бѣлую мраморную плиту, на которой крупными золотыми буквами написано: «княжна Тресково-Обухова» и очень мелкими: «въ замужествѣ Друри». Теперь въ продолженіе долгихъ лѣтъ будутъ проходить мимо этой могилы черносалопницы, обычныя посѣтительницы кладбищъ, и говорить между собою: «Вотъ-то счастливица, поди-ка, и на землѣ-то ей только птичьяго молока недоставало, да и теперь-то лежитъ посреди этого благолѣпія. Палестина, мать моя, сущая Палестина!..»

Бѣдная старуха!

Digitized by Google

Давно мои друзья разстались со мною и разбрелись по разнымъ угламъ Россіи, но разстались съ твердою надеждою, что въ трудныя минуты жизни у каждаго изъ насъ найдется и совѣтчикъ, и заступникъ, если въ немъ будетъ потребность. Мои друзья стали дѣльцами, работниками общества и живутъ хорошо. И вы, читатель, встрѣчаетесь съ ними ежедневно, старайтесь же ближе сойтись съ ними. Не тревожьтесь, слушая слишкомъ рѣзкія рѣчи Розенкампфа, не смущайтесь рьяною любовью Калинина къ народу, не считайте слабостью мягкосердечіе Воротницына: онъ далеко не трусъ. Всѣ они люди хорошіе, умные. Что̀ вамъ за дѣло, напримѣръ, слыветъ ли теперь Розенкампфъ ярымъ нигилистомъ или нѣтъ, если вы знаете, что онъ не паркетный шаркунъ, пускающій пыль въ глаза неученому обществу, не полотеръ Невскаго проспекта и Англійской набережной, не пошлая тупица, повторяющая чужія фразы и щеголяющая своею подслѣповатостью, а умный и опытный докторъ, старающійся помогать развитію своей науки, и безукоризненно добрый человѣкъ? Знакомьтесь съ ними и не спрашивайте объ ихъ убѣжденіяхъ; вамъ нужно знать одно: убѣждены ли они въ возможности жить честно и живутъ ли такъ сами. Все остальное до васъ не касается. Дорываясь до прочихъ убѣжденій людей и воздвигая зато гоненія на нихъ, вы нарушаете единственное, неотъемлемое право человѣка: право имѣть свою собственную физіономію и личный характеръ. Такого варварства не совершаютъ даже надъ преступникомъ и, наказывая его за то, что онъ не вѣрилъ въ возможность жить честно, оставляютъ при немъ всѣ остальныя его убѣжденія. Для общества нужны только честные дѣятели.

Теперь прощайте надолго...

Digitized by Google

Digitized by Google

МИЛЫЕ БЕЗДѢЛЬНИКИ.

РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

МИЛЫЕ БЕЗДѢЛЬНИКИ.

РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Вмѣсто предисловія.

— Да что вы мнѣ толкуете объ общественныхъ интересахъ, объ общественной дѣятельности, когда у насъ бездѣльникъ на бездѣльникѣ сидитъ и бездѣльникомъ погоняетъ,— сильно горячился одинъ господинъ, среднихъ лѣтъ, споря въ обществѣ пріятелей о нашихъ общественныхъ дѣлахъ.

— Да, положимъ, что у насъ и много мерзавцевъ,—началъ кто-то изъ его противниковъ примирительнымъ тономъ.

— Да я вовсе же не про мерзавцевъ говорю, а про бездѣльниковъ,—перебилъ его горячій спорщикъ. — Мерзавцевъ вездѣ непочатый уголъ, гдѣ есть люди, а я говорю про бездѣльниковъ, т. е. про людей, которые ничего не дѣлаютъ, пальца о палецъ не ударятъ, лежатъ на боку до гробовой доски. Вотъ какого добра у насъ больше всего во всѣхъ сферахъ. Куда вы ни толкнитесь, вы всюду наткнетесь на такого бездѣльника. Иной—милѣйшій человѣкъ, а все-таки бездѣльникъ, дармоѣдъ... Что-жъ мудренаго, если при такихъ господахъ дѣла плохо двигаются впередъ и въ думахъ, и въ банкахъ, и вездѣ...

— Да почему же ихъ много именно у насъ?—спросилъ кто-то спорщика.

— А я почему знаю!.. Можетъ-быть, потому, что нигдѣ не можетъ быть легче, чѣмъ у насъ, просидѣть всю жизнь безъ дѣла. Мы, по своему благодушію, всегда готовы и пріютить, и накормить, и одѣть тунеядца, и выгоняемъ его только тогда, когда ужъ окончательно убѣдимся, что онъ прохвостъ... Я, по крайней мѣрѣ, встрѣчалъ въ теченіе своей жизни такую массу подобныхъ бездѣльниковъ, что изъ ихъ біографій можно бы книгу цѣлую составить.

— Что-жъ, разскажите что-нибудь изъ своихъ наблюде-

Digitized by Google

ній,—пристали мы всѣ къ горячему спорщику.—Оно будетъ кстати: безплодные споры надоѣли, а расходиться еще рано. Вы поможете убить время.

— Ну да, я такъ и зналъ, что сведется на это: помогать другимъ убивать время и убивать самому время—это какъ-разъ занятіе русскаго бездѣльничества,—сердито проговорилъ спорщикъ. — Впрочемъ, если хотите, буду разсказывать... будемъ убивать время...

И онъ началъ свои разсказы, которые я и передамъ читателю, прося его не забывать, что «наши бездѣльники», въ сущности, могутъ быть даже очень милыми людьми, добрыми малыми, только... прокормъ ихъ дорого стоитъ.

II.

Отставная царица.

Ежегодная ярмарка одного изъ большихъ южно-русскихъ городовъ должна была открыться черезъ два дня. Въ городъ наѣзжали изъ ближайшихъ и отдаленныхъ мѣстностей помѣщики и купцы, евреи и татары, шулера и антрепренеры. Весь городъ пришелъ въ движеніе, вездѣ слышались самые разнообразные звуки, тутъ ругались, тамъ вколачивали какіе-то гвозди, въ третьемъ мѣстѣ немолчно звучали топоры, прилаживая къ чему-то какія-то доски. Но едва ли не въ самой сильной степени отражались ярмарочный гамъ и ярмарочная суета въ квартирѣ, занятой однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ комиковъ тридцатыхъ годовъ Щелковымъ, пріѣхавшимъ въ городъ съ семьею, чтобы, по приглашенію мѣстнаго антрепренера, дать нѣсколько представленій. Щелковъ былъ хорошій мужъ и отецъ семейства, добрый братъ и товарищъ, а потому никуда не ѣздилъ одинъ и всюду таскалъ съ собою вмѣстѣ со своими костюмами и париками цѣлое полчище разныхъ чадъ и домочадцевъ. Жена, дѣти, сестры, какой-то суфлеръ-товарищъ, гдѣ-то подобранный на дорогѣ сирота-мальчикъ, котораго куда-то хотѣли опредѣлить, вся эта пестрая толпа самыхъ разнохарактерныхъ лицъ сопровождала Щелкова, и этотъ маленькій, толстенькій и лысенькій добрякъ, вѣчно обливаясь потомъ, вѣчно суетясь, вѣчно стараясь вывести кого то въ люди, выбивался изъ силъ, чтобы размѣстить и пристроить, чтобы накормить и успокоить свою «команду», а тутъ, какъ нарочно, подвертывался ему подъ руку какой-нибудь оборванный субъектъ съ разсказами о своемъ влеченіи къ театру, и возникали новыя хлопоты о спасеніи «таланта». «Талантъ», по боль-

Digitized by Google

шей части, оказывался какимъ-нибудь бездарнымъ проходимцемъ, какимъ-нибудь кабачнымъ тунеядцемъ, обкрадывалъ своего благодѣтеля, производилъ дебоши и, наконецъ, исчезалъ. Но Щелковъ не смущался, не унывалъ и, мирно посасывая изъ длиннаго чубука трубку, добродушно замѣчалъ:

— Ну, прохвостъ оказался, ну, испорченъ съ дѣтства до мозга костей, а талантъ, все-таки — талантъ! Я вотъ и самъ чуть такимъ не сдѣлался, если бы не добрые люди. Право! Тоже хорошъ гусь былъ прежде, по Владиміркѣ бы пошелъ, если бы не благодѣтели. Ей-Богу!

И Щелковъ разсказывалъ разные ужасы о томъ, какимъ негодяемъ будто бы готовился онъ сдѣлаться...

Теперь онъ нянчился и носился съ какой-то молодой, очень высокой, весьма дебелой женщиной, въ которой онъ провидѣлъ великія способности изображать царицъ въ классическихъ пьесахъ Корнеля, Расина, Озерова и Сумарокова. Онъ такъ и называлъ ее «царицей».

— Вы посмотрите, посмотрите!—говорилъ онъ, захлебываясь отъ восторга, всѣмъ и каждому. — Вѣдь это царица, какъ есть царица! Что за фигура, что за движенія! Не ходитъ, а плаваетъ!

И дѣйствительно, Аглая Ивановна Акимова двигалась съ величественною медленностью, отличалась властительною привычкою пользоваться чужими услугами, съ невозмутимымъ спокойствіемъ героини классической трагедіи не занимаясь никакимъ будничнымъ дѣломъ. Къ семьѣ Щелкова она «пристала» случайно, какъ «приставала» случайно прежде и къ другимъ людямъ. Такъ «пристаютъ» на улицахъ бездомныя собачонки къ первому попавшемуся прохожему. Выросла она въ какой-то русской хлѣбосольной семьѣ купцовъ на пирогахъ и блинахъ, на калачахъ и сайкахъ, ни о чемъ не думая, ничѣмъ не волнуясь, расползаясь въ ширину, вытягиваясь въ вышину, какъ опара, приготовленная на хорошихъ дрождяхъ. Потомъ, послѣ смерти купцовъ-благодѣтелей, въ нее влюбился какой-то провинціальный актеръ Акимовъ и, тронутый ея одиночествомъ, ея печальнымъ положеніемъ, посватался за нее, а, можетъ-быть, и не посватался, а просто она и къ нему «пристала», и пришлось жениться. Щелковъ былъ на этой свадьбѣ посажёнымъ отцомъ, такъ какъ въ Акимовѣ онъ видѣлъ «звѣзду, восходящую звѣзду!» Черезъ три-четыре года, Акимовъ, холившій и берегшій свою величественную супругу,

Digitized by Google

умеръ отъ чахотки, и супруга его отправилась на хлѣба къ «посажёному», т. е. къ Щелкову. Щелковъ не зналъ, что̀ съ нею дѣлать, куда ее пристроить, какъ вдругъ его озарила мысль, что его «наречённая дочь» имѣетъ великія способности играть царицъ, и вотъ онъ началъ биться, отшлифовывая этотъ «алмазъ». Отшлифовать алмазъ было очень не легко, такъ какъ будущая классическая царица, выросшая безъ заботъ и тревогъ, не знала даже грамоты и очень равнодушно относилась ко всякой шлифовкѣ. Роли она должна была заучивать «съ голосу».

— Ну, экая важность!—говорилъ Щелковъ.—И Семеновы не больно грамотны, а какіе самородки! Чистѣйшей воды алмазы!

Но сходство Аглаи Ивановны съ разными безграмотными самородками заключалось только въ ея безграмотности. На первомъ же дебютѣ она потерпѣла полное fiasco. Правда, она произвела нѣкоторый эффектъ, но этотъ эффектъ былъ крайне своеобразный: во время самаго страстнаго, а потому и самаго длиннаго монолога героя она прикрыла ротъ рукой «по-купечески» и безцеремонно зѣвнула. Эта неудача очень опечалила добродушнаго Щелкова, но нисколько не тронула Аглаю Ивановну.

— Вѣдь посмотрите на нее: царица, какъ есть царица!—восклицалъ онъ, волнуясь.—А на сценѣ пень, сущій пень!.. Зѣваетъ-съ во время монологовъ, да еще ручкой изволитъ прикрываться!..

Аглая Ивановна со своей стороны говорила:

— И выдумалъ «посажёный» учить меня! Просто мука мученская! Да Богъ съ нимъ и съ театромъ, если каждый разъ надо такъ мучиться! И ходи-то такъ, а не этакъ, и говори-то Богъ знаетъ что̀, и на полъ-то падай!.. Знала бы, такъ и не мучилась бы съ этимъ ученіемъ.

И она была права: для чего ей было утруждать свою персону, когда у «посажёнаго» можно было и спать, и ѣсть, и пить вволю, когда можно было сидѣть, ничего не дѣлая, и лущить подсолнечныя сѣмечки съ утра до ночи, глазѣя въ окно на ярмарочныя сцены, тараторя съ сестрами и племянницами «посажёнаго». Чего лучше? Это ли не жизнь!

Но дебютъ Аглаи Ивановны не прошелъ безслѣдно. Ее увидалъ на сценѣ молодой помѣщикъ Александръ Петровичъ Дерюгинъ-Смирницкій и воспылалъ къ ней любовью. Любовью онъ проникался ко всѣмъ женщинамъ, которыя были выше его ростомъ, а выше его ростомъ были чуть не

Digitized by Google

всѣ женщины, такъ какъ онъ по своей фигурѣ скорѣе могъ быть причисленъ къ разряду карликовъ, чѣмъ къ разряду людей средняго роста. Дебелыя красавицы съ плавными движеніями, съ роскошными формами были его слабостью. Маленькій, юркій, трусливый и сладенькій, онъ млѣлъ передъ подобными женщинами, но млѣлъ молча, боязливо, не смѣя признаться въ любви. Вѣроятно, и романъ съ Аглаей Ивановной кончился бы этимъ млѣніемъ и не зашелъ бы далѣе, если бы Александръ Петровичъ не попалъ къ Щелкову однажды, въ то время, когда въ квартирѣ, кромѣ Аглаи Ивановны, не было никого. Она встрѣтила гостя и величаво пригласила его присѣсть. Онъ молча принялъ предложеніе и замеръ въ умильномъ созерцаніи красотъ своей собесѣдницы. Всѣ онѣ были такія выпуклыя, что невольно бросались въ глаза.

— А вы въ городѣ или въ деревнѣ живете? — спросила она его, погрызывая подсолнечныя сѣмечки.

— Въ деревнѣ-съ,—отвѣтилъ онъ.

— Въ деревнѣ лучше,—замѣтила она.—Я, если бы у меня была деревня, все бы тамъ жила. Тутъ притомишься въ этихъ платьяхъ. А тамъ надѣла холодай и ходи себѣ или лежи въ жару.

Александръ Петровичъ не зналъ, что за одежду называетъ его собесѣдница «холодаемъ», но ему, вѣроятно, представлялась эта одежда чѣмъ-то въ родѣ костюма Евы, и онъ сладко улыбнулся.

— Что-жъ, у васъ и могла бы быть-съ деревня,—началъ онъ, потупляя глаза, и не кончилъ.

— Да, вотъ если какой помѣщикъ сыщется,—отвѣтила она съ величественнымъ спокойствіемъ.

— Какъ не сыскаться!—захлебнувшимся отъ восторга голосомъ сказалъ онъ.

Они помолчали. Александръ Петровичъ едва переводилъ дыханіе, глядя на обнаженныя толстыя руки Аглаи Ивановны, на ея колыхающуюся подъ узкимъ лифомъ грудь, на ея рдѣвшія румянцемъ щеки.

— А вы женаты?—вдругъ спросила она, прямо уставивъ на него глаза.

— Я-съ? — переспросилъ онъ, потупляясь. — Я-съ?.. Нѣтъ-съ!..

Наступила пауза. Бѣлые крупные зубы Аглаи Ивановны лущили сѣмечки.

— Отчего же?—опять послышался ея вопросъ.

Digitized by Google

— На комъ же-съ?—пробормоталъ онъ и засмѣялся.

Въ эту минуту вернулся кто-то изъ семьи Щелковыхъ, и разговоръ былъ прерванъ. Минутъ черезъ десять гость ушелъ.

— А вы заходите къ намъ еще,—сказала Аглая Ивановна ему на прощанье и протянула свою руку.

Гость шаркнулъ ножкой, пожалъ руку, потомъ быстро поцѣловалъ ее и, красный, какъ піонъ, выбѣжалъ козликомъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько дней онъ былъ опять у Щелкова и опять бесѣдовалъ наединѣ съ Аглаей Ивановной. Среди разговора онъ рискнулъ взять ее за руку и пробормотать:

— Вы очаровательница!

— А вы женитесь на мнѣ,—просто и спокойно отвѣтила Аглая Ивановна.

Дерюгинъ-Смирницкій замеръ отъ наплыва какихъ-то сладкихъ ощущеній, а Аглая Ивановна встала передъ нимъ и погладила его по волосамъ.

— Вы ничего, хорошій,—проговорила она.

Передъ самыми его глазами равномѣрно подымалась пышная грудь, стянутая узкимъ лифомъ; онъ не выдержалъ и скрылъ свое лицо на этой груди.

Отставная царица театральныхъ подмостокъ, облагодѣтельствовавъ такимъ образомъ Дерюгина-Смирницкаго, поѣхала на покой въ его деревню Самодуровку, Лыково тожъ.

— Саша, а Саша! Да куда ты запропастился!.. Аксютка, гдѣ баринъ? Бѣги, паршивица, за барином...

Эти приказанія раздавались въ спальнѣ барскаго дома въ Самодуровкѣ и отдавала ихъ лѣнивымъ голосомъ сама отставная царица. Она лежала на постели въ бѣломъ «холодаѣ», то-есть въ какой-то широчайшей блузѣ съ греческими рукавами. И рукава, и сама блуза, все это висѣло на жирномъ, бѣломъ, выхоленномъ тѣлѣ. Это была не женщина, а большая, большая, бѣлая пуховая перина.

— Что тебѣ, Глашокъ?.. Ты звала меня? — суетливо спрашивалъ Александръ Петровичъ, мелкими шажками вбѣгая въ спальню.

— Да, вотъ два часа битыхъ заснуть не могу, измаялась совсѣмъ. Почитай, что ты тамъ началъ про Кузьму Рощина вчера; авось, засну,—отвѣтила Аглая Ивановна.

— Сейчасъ, сейчасъ, Глашокъ,—засуетился Александръ Петровичъ.—Я прикорнулъ у себя немного... Я сейчасъ...

Digitized by Google

— Аксютка, ты на полъ положи мнѣ подушки, а то жара тутъ,—приказала Аглая Ивановна.

Аксютка, босоногая крѣпостная дѣвка, поспѣшно разостлала на полу коверъ и положила подушки. Аглая Ивановна лѣниво поднялась съ постели, такъ же лѣниво дошла до разостланнаго ковра и такъ же лѣниво опустилась на полъ и легла на спину.

— Гоняй мухъ! Одолѣли, проклятыя,—проговорила Аглая Ивановна.—Да скажи ты, Саша, бабамъ, чтобы завтра въ лѣсъ за мухоморами шли. Тутъ помираешь отъ мухъ, а онѣ мухоморовъ набрать не могутъ.

Аксютка начала гонять надъ головой отставной царицы мухъ опахаломъ домашняго издѣлія. Александръ Петровичъ присѣлъ на скамеечку и сталъ читать.

— Охъ, вотъ маета-то... разломило всю, а сна нѣтъ...— вздыхала Аглая Ивановна. — Аксютка, позови Палашку, пусть волосы почешетъ.

Аксютка побѣжала за Палашкой.

— Чеши волосы!

Палашка сѣла въ изголовьи у Аглаи Ивановны и начала мелкимъ гребешкомъ почесывать барынѣ голову. Аглая Ивановна разстегнула воротъ холодая, откинула вверхъ греческіе рукава, томно зажмурила глаза и, мало-по-малу, при помощи чтенія и почесыванія головы, заснула сладкимъ сномъ съ блаженною улыбкою на лицѣ. Александръ Петровичъ махнулъ «дѣвкамъ» рукою, тѣ перестали чесать и обмахивать барыню. Съ минуту онъ посмотрѣлъ съ умильной улыбкой на роскошныя формы раскинувшейся передъ нимъ его супруги и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

Онъ былъ вполнѣ счастливъ: такой роскошной женщиной не обладалъ никто въ цѣлой губерніи.

Александръ Петровичъ былъ человѣкъ мягкій и добрый; крестьяне у него жили, какъ у Христа за пазухой: онъ даже мечталъ что-то такое сдѣлать, чтобы имъ жилось еще лучше. Но его женитьба измѣнила все, хотя онъ и самъ не замѣчалъ этой перемѣны. Какъ многіе малорослые и слабосильные люди, онъ не любилъ показывать видъ, что имъ кто-нибудь управляетъ, что его кто-нибудь держитъ въ рукахъ. Онъ никогда бы не рѣшился сознаться даже передъ самимъ собою, что онъ попалъ подъ башмакъ жены. Подобно герою какой-то старинной пьесы, онъ могъ отъ страха спрятаться подъ столъ, но и тамъ онъ сказалъ бы, что онъ сидитъ подъ столомъ потому, что это нравится ему. Такихъ

Digitized by Google

самостоятельныхъ людей у насъ непочатый уголъ. Онъ говорилъ: «Я балую Глашу, но у меня въ домѣ моя воля — законъ!» Онъ не замѣчалъ только одного, что ему приходилось на каждомъ шагу вовсе отказываться отъ своей воли, чтобы имѣть возможность баловать жену. Она ему никогда ничего не приказывала, она только ласкала его, когда онъ былъ покоренъ ей, и была холодна съ нимъ, когда онъ не баловалъ ее.

— Вы у насъ настоящая королева!—говорилъ исправникъ Аглаѣ Ивановнѣ.—Идете, какъ лебедь бѣлая. Взглянете — рублемъ подарите. Повелѣвать бы вамъ только!

—Ишь ты финтикъ самъ-то какой, а жену этакую подцѣпилъ!—говорилъ Александру Петровичу отставной ротмистръ Павлищевъ, сосѣдъ его по имѣнію.

— Ваша супруга — русская боярыня!— съ чувствомъ замѣчалъ деревенскій священникъ Дерюгину-Смирницкому. — Степенная, величавая, а не то что какая-нибудь нѣмка поджарая.

Александръ Петровичъ слушалъ эти рѣчи и гордился своею супругою. Онъ, какъ во времена своего сватовства, все еще продолжалъ восхищаться ея роскошными формами, все еще не могъ пресытиться ея прелестями, все еще игралъ роль восторженнаго любовника, который боится и повѣрить, что онъ имѣетъ право дѣйствительно обладать сводящимъ его съ ума сокровищемъ. Аглая Ивановна вовсе не была страстною женщиною, но она была именно изъ числа тѣхъ роскошно распустившихся женщинъ, которыя разжигаютъ страсти, будучи созданы только для этой чисто животной жизни, не направляя умовъ встрѣтившихся съ ними людей ни къ чему иному, кромѣ этихъ животныхъ инстинктовъ, не давая людямъ ничего, кромѣ возможности вволю насладиться этой животной жизнью. Это было тѣло и больше ничего. Когда Александръ Петровичъ провинялся въ чемъ-нибудь передъ Аглаей Ивановной, она не кричала, не бранилась, а только, тихонько всхлипывая, говорила:

— Поди ты, Саша! Не любишь ты меня! Не знала я, что ты такой! Вонъ другіе не такъ бы меня лелѣяли да ласкали!

И затѣмъ она уходила въ свою спальню и запиралась. На всѣ просьбы и моленія Александра Петровича, чтобы она вышла, получался одинъ отвѣтъ:

— Я совсѣмъ расхворалась! Оставь ты меня, пожалуйста! На что я тебѣ нужна, ужъ если ты разлюбилъ...

Digitized by Google

Потомъ, когда дверь открывалась, когда Александръ Петровичъ бросался цѣловать руки жены, она тихо отстраняла его и твердила:

— Не надо, не надо!.. Ужъ если разлюбилъ, то нечего и цѣловать...

Это доводило Александра Петровича чуть не до сумасшествія. Онъ ползалъ передъ своею супругой на колѣняхъ и вымаливалъ прощеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, ступай! — твердила она. — Ты Акулькѣ косы не хотѣлъ обрѣзать за то, что она меня измучила, окаянная; вѣрно, Акулька-то тебѣ дороже, такъ и иди къ ней, а меня цѣловать нечего, я постыла тебѣ... Только кто тебя ласкать-то будетъ такъ, какъ я. Гдѣ ты такую-то другую найдешь, какъ я. Если бы ты не обманулъ меня, ягненкомъ прикинувшись, я, можетъ-быть, губернаторшей или предводительшей была бы. Вонъ про меня сама судьиха сказала, что я точно молокомъ отпоенная, а ужъ у нея на что завидущіе глаза. Такъ такую-то жену другой мужъ на рукахъ бы носилъ, ножки и ручки у нея цѣловалъ бы. И если бы ты еще самъ-то гусаръ, либо какой ни на есть видный человѣкъ былъ, а то вонъ всѣ смѣются, говорятъ: «за что вы только его, Аглая Ивановна, любите? Никакого въ немъ виду и представленія нѣтъ». Да! вотъ что люди-то говорятъ, а я, дура, къ тебѣ привязалась, къ обманщику...

Повелительница говорила и много, и долго, пересчитывала всѣ грѣхи своего вѣрноподданнаго и выставляла на видъ всѣ свои заслуги. Александръ Петровичъ терялъ голову: стригъ косу Акулькѣ, сѣкъ Палашку, сдавалъ въ солдаты Ваську, лишь бы имѣть право наслаждаться любовью своей царицы.

Счастливая жизнь пошла въ домѣ. Захочетъ Аглая Ивановна пиръ устроить, проситъ мужа гостей созвать.

— Дорого это будетъ стоить, Глашокъ, — робко замѣчаетъ онъ.

— Ну да, Саша, тебѣ всегда жаль для меня денегъ, для меня все дорого,—замѣчаетъ она вздыхая.

— Что ты, что ты, Глашокъ! — восклицаетъ онъ поспѣшно.

И гости сзываются, пиръ устраивается.

— Ну, ужъ и угостили же вы насъ! — говоритъ кто-нибудь изъ гостей. — Вскочило вамъ въ копеечку это празднество.

Digitized by Google

— Это все Саша, — говоритъ Аглая Ивановна, ласково глядя на мужа.—Онъ у меня все самъ, меня ни къ чему и не подпускаетъ. Онъ вѣдь у меня—хозяинъ мой и тиранъ мой. Платья себѣ сама ни одного не купила, все онъ — и съѣздитъ, и купитъ.

— Избаловалъ онъ меня, совсѣмъ избаловалъ. Какъ-то только мнѣ безъ него жить будетъ, я ужъ и не знаю. А онъ вотъ не бережетъ себя, на охоту ѣздитъ, простужается.

Останутся супруги вдвоемъ, хочетъ Александръ Петровичъ поохотиться, Аглая Ивановна говоритъ:

— Саша, не ѣзди, простудишься ты, голубчикъ! Пожалѣй ты меня! Здоровье у тебя слабенькое; храни Господи, еще что-нибудь сдѣлается! Вѣдь я безъ тебя пропаду, тобой я только и держусь. Останься лучше, почитай вотъ мнѣ что-нибудь!

— Да я не надолго,—замѣчаетъ мужъ.

— Видно, надоѣло тебѣ сидѣть со мною, — вздыхаетъ жена.

— Полно, полно, Глашокъ, что ты!—восклицаетъ мужъ.

И мужъ остается, читаетъ, убаюкиваетъ жену чтеніемъ. А она говоритъ потомъ при немъ сосѣдямъ:

— Вѣдь до чего онъ бережетъ меня: на охоту пересталъ ѣздить. «Мнѣ, говоритъ, для тебя беречь себя нужно! Ты у меня, ровно дитя малое, неопытна, ничего не знаешь, ничѣмъ не управляешь. Тебѣ безъ меня и дня не прожить!» Охъ, набаловалъ меня, набаловалъ на бѣду.

Александръ Петровичъ глядитъ гордо, сознавая, что онъ дѣйствительно хозяинъ въ домѣ, что онъ относится къ женѣ, какъ баловникъ-отецъ, что онъ не далъ ей забрать себя въ руки.

И все счастливѣе и счастливѣе текла жизнь въ ихъ домѣ. Александръ Петровичъ уже безъ всякихъ просьбъ и слезъ жены предугадывалъ ея желанія, онъ уже самъ убѣдился въ слабости своего здоровья и потому не ѣздилъ на охоту, не кутилъ съ пріятелями. Аглая Ивановна, катаясь какъ сыръ въ маслѣ, все рѣже и рѣже подвергала мужа опалѣ и отлученію отъ себя и осыпала его нѣжными ласками, словесными заботами о его здоровьѣ.

Среди этого мирнаго затишья засталъ ихъ племянникъ Александра Петровича — молодой петербургскій чиновникъ по особымъ порученіямъ, Петръ Васильевичъ Дерюгинъ-Смирницкій.

Digitized by Google

Въ домѣ дяди пріѣзжаго гостя встрѣтили радушно, но его поразило въ этомъ домѣ все, и безграмотная и вѣчно праздная тетка, и превращеніе дяди изъ веселаго человѣка въ какого-то запуганнаго старикашку, и таинственные толки дяди о запутанности его дѣлъ и о плохомъ состояніи его здоровья.

— Дѣла-то у меня, Петя, плохи,—шепталъ старикъ, моргая глазами.—Имѣньишко-то заложено и перезаложено, должишки на сторонѣ есть, а здоровье-то schwach, очень schwach! Я ужъ и не ѣмъ почти ничего, чтобы желудокъ не засорить. Вотъ купилъ два лѣчебника, самъ, знаешь, хочу лѣчиться. Докторовъ вѣдь позовешь, такъ Глашу напугаешь. А я отъ нея все скрываю. Она у меня вѣдь, какъ ребенокъ, ничего не понимаетъ. Вотъ Гуфеланда теперь пробую, по его методѣ хочу пользоваться...

— Да полно вамъ, дядя, выдумывать небывалыя болѣзни! — замѣтилъ племянникъ.—Ободритесь, выѣзжайте, разсѣивайтесь, и будете здоровы. Вы здѣсь хандру нажили, затворившись съ женою. Такъ нельзя. Вы вонъ даже газетъ не читаете.

— Ахъ, Петя, Петя! — съ укоромъ сказалъ Александръ Петровичъ. — Ну, что я стану газеты читать, когда это Глашѣ никакого удовольствія не приноситъ? Она женщина, ее эта политика тамъ не занимаетъ, ей романы нравятся...

— Да вы ей и не читайте газетъ, а читайте ихъ для себя...

— Безъ нея-то? Что ты, что ты, Петруша!.. Да вѣдь она со скуки, голубушка, помретъ, если я буду все одинъ да одинъ про себя читать...

— А не выѣзжаете-то отчего?

— Да все нездоровится...

— Полноте, дядя, вы совсѣмъ здоровы.

— Да и нельзя Глашу одну оставить. Что же я за мужъ буду, если буду бросать жену...

— Ну, ѣздите съ ней...

— Петя, Петя, развѣ ты не видишь, что она женщина сырая, болѣзненная. Гдѣ ей выѣзжать!

— Набаловали вы ее, вотъ я вамъ что скажу, — замѣтилъ племянникъ.

— Тсъ! тсъ! Что ты, что ты! — замахалъ руками Александръ Петровичъ.—Я набаловалъ Глашу... я!.. Вотъ выдумалъ... Ты этого ей не скажи... Она женщина слабая,

Digitized by Google

болѣзненная, нервы тоже... Ахъ, ахъ, что̀ придумалъ!.. Грѣхъ тебѣ, Петруша!..

Петръ Васильевичъ только пожалъ плечами и тономъ сожалѣнія промолвилъ:

— Жаль мнѣ васъ, дядя, очень жаль! Не такимъ вы были прежде...

Петръ Васильевичъ уѣхалъ отъ дяди, глубоко возмущенный всѣмъ, что̀ онъ видѣлъ. Еще болѣе возмущали его жалобныя письма дяди, гдѣ старикъ писалъ, что онъ теперь и лѣтомъ фуфайку носитъ, что онъ выписалъ какую-то жизненную эссенцію и только ею поддерживаетъ жизнь, что онъ уже пересталъ ѣсть мясо, такъ какъ это тяжело для его желудка.

— Несчастный старикъ! Поддался вліянію глупой бабы, разорился, оглупѣлъ, дошелъ до маніи, что онъ болѣнъ,— говорилъ Петръ Васильевичъ. — Я бы проучилъ эту бабу. Пятьдесятъ лѣтъ провалялась на печи, жила на чужой шеѣ, пальца о палецъ не стукнула. И гдѣ, кромѣ Россіи, можетъ просуществовать такой паразитъ, какъ она? И вѣдь находились же дураки, которые всю жизнь поддерживали ее. Просто удивляться нужно нашей россійской глупости, нашему благодушію!..

Но переписка дяди и племянника дѣлалась все рѣже, дѣла Петра Васильевича по службѣ становились все сложнѣе, онъ дѣлался все солиднѣе и, наконецъ, изъ него выработался типъ истаго директора департамента. Невозмутимый, гладко выбритый, съ красивыми бакенбардами, серьезный по виду, онъ занимался теперь общественною службою и уже не волновался разными мелочами въ родѣ того, что какой-то его дядя одурѣлъ подъ вліяніемъ глупой бабы. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Васильевичъ Дерюгинъ-Смирницкій даже вовсе забылъ, что у него есть гдѣ-то на Руси какой-то дядя.

Былъ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда Петръ Васильевичъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать визиты къ своимъ высокопоставленнымъ друзьямъ и пріятелямъ. Онъ довольно долго просидѣлъ у зеркала, подправляя бакенбарды, повязывая галстукъ и причесывая волосы на головѣ такъ, чтобы скрыть маленькую лысину въ пятакъ на затылкѣ. Смотрясь въ зеркало, онъ замѣтилъ въ волосахъ на вискахъ пару сѣдыхъ волосъ, поморщился и началъ вылавливать ихъ, чтобы выдернуть этихъ предательскихъ вѣстниковъ

Digitized by Google

приближавшейся старости. Довольно долго ускользали они изъ-подъ его пальцевъ, наконецъ онъ захватилъ ихъ и сталъ отдѣлять отъ нихъ попавшіеся подъ руку не сѣдые волоса, не желая лишать голову этого украшенія. Занятіе подвигалось впередъ медленно и такъ поглотило все вниманіе Петра Васильевича, что онъ не замѣтилъ вошедшаго въ комнату лакея.

— Тетушка вашего превосходительства изволили пожаловать,—доложилъ лакей.

— Что?—крикнулъ Петръ Васильевичъ и выдернулъ изъ головы штукъ пять зажатыхъ между пальцами волосъ.

Лакей повторилъ докладъ.

— Какъ тетушка? Откуда? Нѣтъ у меня...

Но Петръ Васильевичъ не кончилъ. Въ комнату торопливыми шагами вошла высокая, толстая старуха и бросилась къ нему со словами:

— Вотъ онъ, мой голубчикъ, дорогой мой!

Петръ Васильевичъ не успѣлъ еще опомниться, какъ его уже сжимала въ объятіяхъ Аглая Ивановна, измявъ ему и воротнички, и грудь крахмальной рубашки.

— Благодѣтель ты мой, одинъ ты у меня остался, никого больше нѣтъ у меня, у сироты!—говорила она, цѣлуя его и орошая слезами его модный жилетъ.

Лакей съ глупой миной глазѣлъ на эту сцену.

— Ступай, болванъ! — приказалъ Петръ Васильевичъ и освободился отъ объятій Аглаи Ивановны. — Какъ вы попали сюда? Что дядя?

— Умеръ, голубчикъ, умеръ!—заплакала она.—Разорили насъ злодѣи, въ чужомъ домѣ и умеръ, нищая я теперь, едва дотащилась къ тебѣ сюда...

— Гдѣ же вы остановились?—спросилъ Петръ Васильевичъ.

— Къ тебѣ, дорогой мой, пріѣхала, прямо къ тебѣ! Въ департаментѣ была, узнала отъ добрыхъ людей. «Гдѣ, спрашиваю, живетъ мой племянникъ?» Сказали, спасибо имъ...

Петръ Васильевичъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ. Онъ вовсе не признавалъ себя ея племянникомъ; она просто была жена его покойнаго дяди. Держать ее у себя — этого и въ голову ему не приходило.

— Мнѣ очень жаль, что я не могу вамъ предложить комнаты у себя,—сухо началъ онъ.—Я живу...

— Ужъ гдѣ же мнѣ жить у тебя, дорогой мой! Развѣ я не знаю, что не у мѣста я здѣсь,—говорила плача Аглая

Digitized by Google

Ивановна.—Я только на день, на два... Пристать негдѣ было... денегъ нѣтъ на плату за постой... Пойду завтра хлопотать, чтобы въ богадѣльню пристроили... Помѣщикъ тутъ одинъ, по имѣнію знали его, графъ Посошковъ прозывается, мѣсто видное имѣетъ, подручный при министрѣ онъ у васъ, что ли, его просить буду...

— Помилуйте, что̀ вы, что̀ вы, какъ можно? — съ испугомъ воскликнулъ Петръ Васильевичъ.—Я съ графомъ Посошковымъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ...

— Ну, вотъ и слава Богу, я и скажу, что я тебѣ тетенька, онъ и опредѣлитъ. Мнѣ хоть бы въ мѣщанскую какую-нибудь богадѣльню попасть, все равно! — говорила старуха покорнымъ тономъ.

— Да этого нельзя!—волновался Петръ Васильевичъ, быстро ходя по комнатѣ. — Я не желаю, чтобы жена моего дяди христарадничала. Вы носите мою фамилію! Вы это поймите! Я не какой-нибудь Ивановъ или Ефремовъ, а Дерюгинъ-Смирницкій! Дерюгиныхъ-Смирницкихъ въ Россіи, кромѣ меня, нѣтъ... Это невозможно!

Онъ еще быстрѣе заходилъ по комнатѣ, потирая себѣ лобъ.

— Вотъ-то бѣда, вотъ бѣда!—охала Аглая Ивановна.— Правъ ты, голубчикъ, правъ, не слѣдъ мнѣ позорить тебя. Ужъ лучше умру съ голода, а въ богадѣльню не стану проситься. Ахъ, бѣда какая! Нѣтъ, ужъ я порядокъ знаю, не оконфужу тебя. Лучше съ голоду поколѣю. Мнѣ, старушонкѣ, что̀! Туда и дорога!

— Зачѣмъ же умирать съ голода... я помогу...—сказалъ смягченнымъ голосомъ тронутый Петръ Васильевичъ.—Это мой долгъ...

— Ангелъ, ангелъ, дѣлай, какъ знаешь! — воскликнула Аглая Ивановна, ловя его руку для поцѣлуя.

— Не надо, не надо, что̀ вы! — отдернулъ руку Петръ Васильевичъ.

Аглая Ивановна поцѣловала его въ плечо.

— Я вамъ дамъ двадцать рублей въ мѣсяцъ, — сказалъ онъ.—Какъ-нибудь устроитесь... ну, а тамъ посмотримъ...

— Двадцать рублевъ! Охъ, голубчикъ, разорю я тебя, старушонка несчастная, совсѣмъ разорю....

Послѣдовали новые поцѣлуи въ плечо. Петръ Васильевичъ былъ доволенъ, что могъ помочь старухѣ. Добрыя дѣла всегда пробуждаютъ благодушное настроеніе. Петръ Васильевичъ даже разсуждалъ, что онъ обязанъ помогать

Digitized by Google

теткѣ, такъ какъ, не будь его, она попросилась бы въ богадѣльню, добилась бы гдѣ-нибудь вспомоществованія.

Черезъ два дня Аглая Ивановна помѣстилась въ комнатѣ отъ жильцовъ и сразу сошлась со всякимъ бабьемъ, жившимъ по сосѣдству. Знакомства сводила она быстро съ первыми встрѣчными людьми, не гнушаясь ни дворникомъ, ни кухаркой, ни побирушкой. Она даже любила знакомыхъ «изъ простыхъ», такъ какъ имъ она называла себя «помѣщицей», «дворянкой», чуть не вдовой генерала. Здѣсь она узнала многое, а между прочимъ и то, что въ Петербургѣ деньги можно вносить «на книжку» въ сберегательную кассу и что на нихъ идутъ проценты. Скопить денегъ—эта мысль засѣла ей въ голову, и безграмотная женщина стала цѣлыми днями высчитывать, сколько у нея будетъ «рублевъ», если она снесетъ въ сберегательную кассу пять «рублевъ» нынче, да пять «рублевъ» черезъ мѣсяцъ, да еще пять «рублевъ» черезъ мѣсяцъ; потомъ у нея шли расчеты, сколько «працентовъ» на пять «рублевъ» въ мѣсяцъ ей дадутъ и сколько «працентовъ» пойдетъ на эти «працепты».

— А вотъ, коли у кого двѣсти рублей есть,—говорили ей между тѣмъ старушонки: — такъ тотъ, матушка, выигрышный билетъ можетъ купить, на него—и процентъ идетъ, и выигрышъ въ двѣсти тысячъ идетъ. Каждый годъ, значитъ, это лотерея идетъ и кому присудятъ, тотъ и получитъ. Въ прошломъ году солдатъ выигралъ да только съ радости запилъ и повѣсился.

— А сколько рублевъ въ мѣсяцъ надо вносить, чтобы двѣсти рублевъ было черезъ годъ? — спрашивала Аглая Ивановна.

— Да почитай, что всѣ двадцать,—отвѣтили ей.

— Охъ, не могу родныя! Охъ, не могу, голубушки!— застонала она.—А коли пятнадцать откладывать — двѣсти не выйдетъ?

— Нѣтъ, матушка, больше году ждать надо.

— Охъ, не могу, двадцати откладывать, не могу!

Но отъ мысли отложить двѣсти рублевъ она, тѣмъ не менѣе, не отказалась и начала отказывать себѣ во всемъ, чтобы скопить эти деньги.

Прошло мѣсяцевъ пять или шесть, какъ вдругъ Петръ Васильевичъ получилъ записку:

«Ваше превосходительство, тетенька ваша находится въ болѣзни и просятъ васъ простица съ нею.

Digitized by Google

За симъ имѣю честь быть по порученію ихъ квартирохозяйка

Овдотя Силина».

Петръ Васильевичъ поскакалъ къ теткѣ и нашелъ ее въ очень плохомъ положеніи. Она едва говорила. Уголъ, занимаемый ею, былъ тѣсенъ и сыръ.

— Зачѣмъ вы перебрались изъ свѣтлой комнаты сюда?— спрашивалъ ее Петръ Васильевичъ.

— Охъ, батюшка, средствъ не хватало платить! Охъ, жить я не умѣю!—стонала тетка.—У дяденьки твоего, какъ у Христа за пазухой, жила, ничего-то не знала, все-то готовое было, разсчитать теперь ничего не умѣю... Прежде все крестьяне тебѣ и принесутъ, и сдѣлаютъ. А тутъ мужикъ—грабитель, за все-то содрать норовитъ...

— Вы звали доктора?—спросилъ Петръ Васильевичъ.

— Охъ, нѣтъ... Охъ, заплатить нечѣмъ!—стонала больная.

Петръ Васильевичъ приказалъ послать за докторомъ.

— Пожалуйста, только переведите больную въ другую комнату, а то неловко принять здѣсь доктора,—сказалъ онъ хозяйкѣ.—Я заплачу, сколько будетъ нужно...

— Хорошо, батюшка, хорошо!—засуетилась квартирная хозяйка.

Докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больную и сказалъ, что у нея сильный упадокъ силъ и малокровіе отъ недостатка питанія и отъ плохого помѣщенія.

Петръ Васильевичъ заѣхалъ на другой день справиться о результатѣ докторскаго посѣщенія.

— Охъ, ничего не сказалъ,— проговорила прерывающимся голосомъ больная. — «Ѣдите плохо, говоритъ, помѣщеніе дурно». Прописалъ что-то. «Вы, говоритъ, чуть не умерли отъ голода». «Да изъ чего, говорю, я роскошничать-то стану, здѣсь за все и про все плати, а денегъ-то гдѣ взять...» «Вы, говоритъ, не родня Дерюгину-Смирницкому, директору департамента?..» Это какъ рецептъ-то сталъ писать да фамилью спросилъ. «Нѣтъ, говорю...» Солгала... охъ, на старости лѣтъ солгала... для тебя, дорогой мой... «Странно, говоритъ, я думалъ, что другихъ Дерюгиныхъ-Смирницкихъ нѣтъ. А то, говоритъ, я поѣхалъ бы къ нему попросить помочь вамъ!..» Охъ, не надо, говорю, не надо!..

Петръ Васильевичъ кусалъ губы. Ему было неловко, что старуха лжетъ изъ-за него. Онъ даже внутренно упрекалъ себя за то, что онъ далъ ей только двадцать рублей въ мѣсяцъ. На эти деньги трудно вообще прожить, а ей это

Digitized by Google

было еще труднѣе, такъ какъ она не умѣла разсчитывать, экономничать.

— Васъ надо въ больницу помѣстить,—довольно ласково сказалъ онъ.—Я найму комнату тамъ.

— Охъ, хорошо... Только обносилась я вся... въ чемъ поѣду-то... бѣлье узлами связано... Мнѣ-то ничего, да тамъ-то увидятъ... узнаютъ вѣдь, кто я... Охъ, ужъ лучше бы бросить меня околѣвать... а то только тебя въ изъянъ ввожу...

— Надо сдѣлать все, поторопиться надо,—замѣтилъ племянникъ, прерывая больную.

— Вотъ тоже чепчичекъ бы какой ни на есть... да носовые платчишки... а то въ тряпки сморкаюсь... изъ старыхъ сорочекъ нарвала.

Петръ Васильевичъ потерялъ голову; цѣлый день онъ разъѣзжалъ за покупками, нанялъ номеръ въ больницѣ для платящихъ, нанялъ карету и свезъ больную въ нанятое помѣщеніе. Дня два онъ былъ спокоенъ и даже благодушествовалъ, сдѣлавъ доброе дѣло, но на третій день явился сторожъ съ письмомъ отъ сестры милосердія, гдѣ его превосходительство просили прислать чаю, такъ какъ въ больницѣ для платящихъ чаю не полагается. Петръ Васильевичъ купилъ чаю и поѣхалъ къ теткѣ.

— Охъ, родной, прости, что побезпокоила! Два дня все поджидала... Не хотѣлось просить сестру милосердія писать къ тебѣ... не хочу, чтобы знали, что твоя тетка безграмотная... мнѣ-то самой что... а вотъ тебя не хочу конфузить... И то сказала, что рука дрожитъ, такъ потому не могу писать... Ну, спасибо, что привезъ чайку старушонкѣ... Теперь, кажется, ничего больше не надо...

Съ полчаса Петръ Васильевичъ просидѣлъ у тетки. При выходѣ изъ ея номера онъ былъ остановленъ сестрой милосердія.

— Пожалуйста, навѣщайте нашу больную, а то она такъ скучаетъ. Мы ужъ ей и книги предлагали, но она плохо видитъ, хотя и хотѣлось бы ей почитать... ей очки бы нужно...

— Да, да, я куплю,—въ смущеніи пробормоталъ Петръ Васильевичъ, поспѣшно раскланиваясь съ сестрой милосердія.

На слѣдующій день онъ не поѣхалъ къ теткѣ. Но уже вечеромъ его начали мучить вопросы:

— Не надо ли ей еще чего-нибудь? Не станетъ ли она опять просить за нее писать письмо? Не станутъ ли гово-

Digitized by Google

рить въ больницѣ, что онъ бросилъ и забылъ свою родственницу? Главный докторъ служитъ съ нимъ въ одномъ вѣдомствѣ и можетъ чортъ знаетъ что̀ выдумать про него. Скверно тоже, если поразспросятъ ее; онъ вездѣ говоритъ о своей «фамиліи», о своемъ «родѣ», а тутъ вдругъ...

Онъ провелъ очень тревожно ночь и на слѣдующій день уже около полудня былъ у тетки.

— Ахъ, дорогой мой, не забылъ старуху, — говорила больная. — Я такъ и знала, что пріѣдешь. Я такъ и Аннѣ Павловнѣ Трощинской вчера говорю: «Знаю, что не оставитъ такъ тетку, что навѣдается».

— Гдѣ вы видѣли Анну Павловну? — удивился Петръ Васильевичъ, услышавъ имя и фамилію одной знакомой аристократки-благотворительницы.

— Тутъ съ сосѣдкой я познакомилась, — отвѣтила больная: — а къ ней и пріѣхала самая эта Трощинская. Ну, спросила о фамильи, о тебѣ заговорила... «Родня, говорю, и благодѣтель... Нашу, говорю, хлѣбъ-соль помнитъ... Еще молодымъ человѣкомъ гостилъ у насъ... Молочкомъ отпаивался... Важный, говорю, теперь человѣкъ... Государствомъ ворочаетъ». «Знаю, знаю, говоритъ. Это ему честь дѣлаетъ, что старушку-родственницу бережетъ...»

— Не надо ли вамъ чего? — спросилъ Петръ Васильевичъ, перебивая больную.

Въ его головѣ мелькала мысль о томъ, не жаловалась ли на что-нибудь, не просила ли чего-нибудь старуха.

— Охъ, ничего мнѣ не надо! Долго ли мнѣ и жить-то,— вздохнула больная. — Вотъ только дни-то теперь такіе, великій постъ, поученье мнѣ какое-то принесла сестра милосердія. «Почитайте, говоритъ. Это крупно напечатано и съ слабыми глазами можно разобрать». Ну, а что̀ я разберу, когда я грамоты не знаю. Не прочтешь, спрашивать будутъ, сочтутъ за басурманку. Признаться-то, что читать не умѣю,—тебя, голубчика, оконфузить не хочется... Люди-то злы, скажутъ: «Вонъ у него какая тетка, изъ простыхъ, вѣрно, грамоты не знаетъ. Видно, семья-то ихъ вся изъ грязи вылѣзла». Охъ, злы люди, злы... А почитать некому... Вонъ и книжка-то не длинная, такъ, поученье пастырское...

Петръ Васильевичъ взялъ брошюру, повертѣлъ ее въ рукахъ, пробормоталъ что-то о томъ, что «это, вѣроятно, пустяки какіе-нибудь», что «и сюда ханжи втерлись», и не то нерѣшительно, не то небрежно проговорилъ:

— Я, пожалуй, прочту вамъ.

Digitized by Google

Ему было и досадно, и неловко взяться за роль чтеца священныхъ книгъ.

— Прочти, прочти, дорогой мой!—сказала тетка и приподнялась на локтѣ.

Началось чтеніе поученія. Больная вздыхала и крестилась. Сцена дѣлалась все болѣе и болѣе комичною.

— Вотъ такъ-то твой покойникъ дядя мнѣ читалъ,—бормотала тетка среди чтенія.—И хорошо ты читаешь, съ плавностью!.. Только мы другія книги читали. Этой не читали. То было про Кузьму Рощина, про Юрія Милославскаго, про Давида Коперфильда, тоже про Ревекку Шарпъ. Я тутъ съ сосѣдкой про эти книги говорила; она тоже читала...

Наконецъ, Петръ Васильевичъ кончилъ чтеніе и поспѣшилъ уѣхать. Онъ былъ взволнованъ, раздраженъ и самъ смѣялся надъ собою.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что со мной дѣлается,—бормоталъ онъ дорогою, сдвигая брови.—Въ чтецы еще къ ней приходится опредѣлиться. И еще она же одобряетъ. Съ плавностью читаешь! Этого недоставало!.. Но что же дѣлать-то, дѣлать-то что?.. Бросить ее, оборвать ей крылья то... А что говорить-то она станетъ?.. Языкъ-то у нея безъ костей... Это чортъ знаетъ что такое!..

— Ахъ, а я въ васъ новыя достоинства открыла,—говорила ему черезъ день Анна Павловна Трощинская, встрѣтивъ его въ одномъ домѣ.—Вы не только милый салонный говорунъ, но и добрый родственникъ. Я познакомилась съ вашей тетей. Милая старушка... Слышала, какъ вы у нея почти росли въ домѣ, гащивали въ деревнѣ у доброй старосвѣтской помѣщицы. Это мило, что вы заботитесь о старикахъ. Впрочемъ, она и стоитъ того, такая ласковая и тихая... обожаетъ васъ...

Въ другомъ салонѣ главный докторъ больницы для платящихъ говорилъ Петру Васильевичу:

— Я очень радъ, что могъ помочь вашей тетушкѣ. Она теперь быстро станетъ поправляться. Но я совѣтую вамъ свезти ее на дачу куда-нибудь въ Петергофъ или Ораніенбаумъ. Если она останется здѣсь, то болѣзнь можетъ повториться. Меня, признаюсь, даже удивилъ этотъ упадокъ силъ. Всѣ симптомы долгаго голоданія и...

— Да, да,—поспѣшно перебилъ доктора Дерюгинъ-Смирницкій:—все наши милые посты и богомолья... Но я теперь прекращу эти бдѣнія и постныя масла.

Digitized by Google

— Да, это надо непремѣнно прекратить, — говорилъ докторъ.

Люди, совсѣмъ не знавшіе Аглаи Ивановны, но желавшіе подслужиться къ чиновному лицу, имѣвшему большія связи, считали теперь долгомъ спрашивать у Петра Васильевича:

— Мы слышали, что у васъ опасно больна ваша тетушка. Ну, что̀ ея здоровье теперь?

И Петръ Васильевичъ чувствовалъ, что онъ уже не можетъ теперь отвертѣться отъ старухи-родственницы, что волей-неволей ему приходится нянчиться съ нею. Правда, Петръ Васильевичъ, взявъ ее изъ больницы на время въ свой домъ, пытался освободиться отъ нея, говоря, что ему не удобно держать ее у себя, но она сейчасъ же покорно соглашалась съ нимъ и замѣчала:

— Ужъ гдѣ же тебѣ, дорогой мой, возиться со мною, старушонкой! Ну, найми мнѣ уголокъ, а прокормиться коекакъ теперь прокормлюсь. Вотъ и Анна Павловна Трощинская, и генеральша Мусатова приглашаютъ все къ себѣ. Я, старушонка, тамъ да здѣсь погощу и буду сыта... обносочки тоже какіе-нибудь подарятъ.

— Ахъ, что̀ вы говорите! Развѣ это возможно! при моемъ положеніи въ свѣтѣ! Не носили бы вы моей фамиліи, тогда мнѣ и дѣла бы не было до того, какъ вы живете, гдѣ попрошайничаете. Но вы вспомните, что вы носите мою фамилію!—восклицалъ нетерпѣливо Петръ Васильевичъ.

И точно: вѣдь онъ былъ не какой-нибудь Ивановъ или Ефремовъ, а Дерюгинъ-Смирницкій; Дерюгиныхъ же-Смирницкихъ только и было въ Россіи, что онъ да она, жена его дяди, отставная царица театральныхъ подмостковъ.

Такъ и прожила она всю жизнь, ничего не дѣлая и благосклонно принимая услуги окружающихъ.

III.

Членъ общества.

Мнѣ навязали хлопоты по дѣлу о покупкѣ одного имѣнія въ одномъ изъ поземельныхъ банковъ. Я вспомнилъ, что одинъ изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, генералъ, Алексѣй Николаевичъ Казанцевъ, находящійся не у дѣлъ въ государственной службѣ и только числящійся гдѣ-то, состоитъ членомъ правленія этого поземельнаго банка. Я поѣхалъ къ нему за справками на домъ. Меня встрѣтилъ привѣтливо, какъ стараго знакомаго, его камердинеръ и сказалъ:

— Генералъ занимается.

Digitized by Google

По лицу степеннаго старика скользнула какая-то неопредѣленная усмѣшка.

— Такъ передайте ему мою карточку,—сказалъ я, передавая визитную карточку.

— Хорошо-съ, — отвѣтилъ камердинеръ и тотчасъ же прибавилъ:—да вы обождите минутку, можетъ-быть, и примутъ васъ-то.

— Нѣтъ, зачѣмъ же отрывать отъ дѣла,—сказалъ я.

— Ничего-съ! Я доложу!—проговорилъ камердинеръ съ тою же усмѣшкой и пошелъ докладывать.

Черезъ минуту онъ воротился.

— Просятъ въ рабочій кабинетъ!—проговорилъ онъ.

Я направился къ кабинету. Навстрѣчу мнѣ уже шелъ молодцоватою походкою плотный, высокій человѣкъ, въ синихъ панталонахъ съ красными лампасами и въ бархатномъ щеголеватомъ пиджакѣ. Черные завитые волосы, свѣжій цвѣтъ лица, быстрыя движенія, веселая улыбка, — все это дѣлало его крайне моложавымъ. Это былъ Алексѣй Николаевичъ Казанцевъ.

— Очень радъ, очень радъ видѣть васъ! — быстро заговорилъ онъ, дѣлая мнѣ уже издали привѣтливый жестъ рукою. — Какъ нельзя болѣе кстати завернули. Дадите совѣтъ, посмотрите...

— Готовъ служить, тѣмъ болѣе, что и самъ хочу просить вашего добраго совѣта,—отвѣтилъ я, пожимая протянутую мнѣ руку.

Я переступилъ порогъ генеральскаго рабочаго кабинета, въ которомъ я былъ впервые, и остановился въ недоумѣніи. Весь кабинетъ былъ заставленъ, заваленъ и загроможденъ шкапами и этажерками. съ древнимъ оружіемъ, съ костюмами разныхъ націй, съ гипсовыми головками и торсами; на полу валялись шелковыя драпировки, куски дорогихъ кружевъ, какіе-то римскіе сосуды; окна были снизу закрыты темными заставками, посрединѣ комнаты стоялъ мольбертъ съ начатой картиной, черезъ кабинетъ тянулась плотно задернутая драпировка изъ тяжеловѣсной старинной ткани.

— Смотрите, критикуйте, браните, но только не отдѣлывайтесь банальными похвалами! — весело сказалъ хозяинъ, вводя меня въ рабочую комнату.—Я, видите ли, фантазирую: изображаю Клеопатру въ минуту ея смерти...

Я подошелъ къ картинѣ. На полотнѣ, большихъ размѣровъ, была уже вполнѣ написана во весь ростъ голая жен-

Digitized by Google

щина, приложившая къ груди змѣю. Богатая обстановка, цвѣты, масса тканей окружали красавицу-царицу. Картина была недурна, немного фривольна, немного пикантна: на Клеопатрѣ недоставало одежды, точно она не успѣла прикрыться послѣ купанья.

— Ну, что?—спросилъ хозяинъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній.

— А тѣло? Вѣдь, кажется, живое? — спросилъ онъ, заглядывая мнѣ въ глаза, какъ страстный художникъ, желающій угадать затаенное мнѣніе строгаго критика.

— Да... гдѣ вы добыли такую роскошную натуру?— спросилъ я.

Хозяинъ какъ-то неопредѣленно повертѣлъ рукой въ воздухѣ около лба.

— Фантазія, фантазія, mon cher! — проговорилъ онъ.— Юное воображеніе создало!.. Подсказали воспоминанія... Кое-что добавилъ отъ себя...

— Воображеніе у васъ очень вѣрно природѣ,—замѣтилъ я. — Мнѣ остается только удивляться, когда у васъ хватаетъ времени на искусство при массѣ вашихъ сухихъ практическихъ занятій.

— А! Вѣдь я это долго работалъ, урывками, минутами. Это мой отдыхъ! Полчаса, часъ въ день — вотъ и весь отдыхъ!—говорилъ хозяинъ, вздыхая, какъ человѣкъ, сильно занятый и сожалѣющій о недостаткѣ свободнаго времени.— Вы курите?

— Если позволите!

— О, пожалуйста, пожалуйста!

Онъ подалъ мнѣ папиросы и спички.

— Такъ хорошо?

— Очень хорошо!

— А ваши замѣчанія я приму къ свѣдѣнію! Вы правы, что драпировокъ слишкомъ много и потому мало воздуха. Теперь я понимаю, отчего мнѣ все казалось, что это нѣсколько тяжеловато... Да, да, вотъ тутъ убавить драпировки, просвѣтъ сдѣлать... Это правда...

Онъ смолкъ и залюбовался своею картиною.

— А я пріѣхалъ къ вамъ не безъ цѣли,—сказалъ я.— Есть дѣло.

— Недобрый человѣкъ: безъ дѣла и не заглянулъ бы?— любезно замѣтилъ хозяинъ.—Но все же радъ, что хоть дѣло привело васъ сюда!

Digitized by Google

— Мнѣ хотѣлось бы узнать нѣкоторыя подробности объ имѣніи наслѣдниковъ Миклашевскихъ,—сказалъ я.

Алексѣй Николаевичъ сдѣлалъ серьезное лицо дѣлового человѣка.

— Да, это дѣло не заслушано еще въ судѣ... Тяжба тамъ,—сказалъ онъ.

— Тяжба?—спросилъ я.

— Да... Кто-то изъ нихъ что-то тамъ оспариваетъ,—отвѣтилъ онъ, смотря на меня уже съ недоумѣніемъ.

— А я и не зналъ, что у Миклашевскихъ идетъ дѣло въ судѣ...

— Да, братъ, кажется, что-то говорилъ, что это въ его отдѣленіи, — сказалъ хозяинъ.—Миклашевскіе или Малышевы... помню что-то такое...

— Нѣтъ, вы, вѣроятно, спутали фамилію... Имѣніе Миклашевскихъ заложено у васъ въ банкѣ...

— А, да, да, да!—перебилъ меня хозяинъ.—Они его выкупаютъ... просили, чтобы не въ очередь...

— Нѣтъ, оно назначено въ продажу,— сказалъ я.

— Въ продажу?..—съ недоумѣвающимъ видомъ повторилъ онъ.—Ну да, сперва они хотѣли выкупить, а потомъ увидали, что не стоитъ, такъ какъ имѣніе дрянь, и рѣшили продать его... Да, да, въ продажу оно назначено.

— Мнѣ поручили купить его,—сказалъ я.

— Да? Что-жъ, и прекрасно, покупайте? Пріѣзжайте въ правленіе. Тамъ вамъ все скажутъ.

Какъ я ни добивался, я ничего не узналъ отъ Алексѣя Николаевича относительно имѣнія Миклашевскихъ. Онъ не зналъ ни о какихъ обезцѣнивающихъ это имѣніе контрактахъ и арендахъ, ни о какихъ препирательствахъ по поводу этого имѣнія между наслѣдниками, ни о чемъ, что онъ, повидимому, долженъ бы былъ знать, какъ членъ правленія банка, гдѣ это имѣніе дѣлало не мало хлопотъ и возбуждало много переписки въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Другой разъ случай привелъ меня опять къ Алексѣю Николаевичу. Я былъ избранъ въ одномъ благотворительномъ обществѣ въ попечители богадѣльни, въ которой и Алексѣй Николаевичъ былъ тоже попечителемъ. Я попалъ къ Алексѣю Николаевичу въ его пріемный день. Входя въ пріемную комнату, я засталъ съ десятокъ просителей, стоявшихъ смиренно у стѣны. Алексѣй Николаевичъ въ военной генеральской формѣ съ серьезнымъ и дѣловымъ видомъ говорилъ съ каждымъ по очереди. Онъ былъ неузнаваемъ:

Digitized by Google

его осанка была важна, лицо было строго, голосъ довольно суровъ и отрывистъ.

— Bonjour!—проговорилъ онъ, увидѣвъ меня.—Пройдите въ мой рабочій кабинетъ, я сейчасъ кончу.

Я прошелъ въ кабинетъ. Тамъ теперь стояла на мольбертѣ новая картина: изгнаніе Евы и Адама изъ рая. Картина была только-что начата. Я усѣлся передъ нею и закурилъ папиросу, изъ пріемной раздавался голосъ Алексѣя Николаевича:

— Обратитесь къ секретарю! Я-съ этимъ не занимаюсь, это возложено на секретаря нашего комитета. Онъ вамъ сдѣлаетъ, что̀ нужно... Да, не могу-съ, не могу, это тамъ все дѣлается по порядку, на основаніи правилъ и циркуляровъ нашего общества... У насъ уставъ и нужно дѣйствовать сообразно съ нимъ... Прочтите уставъ и вы увидите, что̀ можно и чего нельзя...

Въ этомъ родѣ фразы сыпались съ устъ Алексѣя Николаевича передъ каждымъ просителемъ. Сидя въ кабинетѣ, я слышалъ, кромѣ его рѣчей, какой-то неясный шорохъ за драпировкой, и мнѣ показалось, что она шевелится. Наконецъ, хозяинъ вошелъ въ кабинетъ.

— Вы не повѣрите, до чего меня утомляютъ эти пріемные дни,—сказалъ онъ, разстегивая сюртукъ и тяжело вздыхая.—Всѣ идутъ ко мнѣ, точно я Богъ всемогущій, и по тому, и по другому дѣлу... Вѣдь понимаете, у меня столько дѣлъ, столько дѣлъ на рукахъ... Не могу же я разорваться...

— Да, вы, кажется, состоите членомъ столькихъ учрежденій?—спросилъ я.

— Ахъ, членъ семидесяти комиссій, обществъ, клубовъ, собраній и еще чего-то,—весело засмѣялся онъ, закуривая папиросу.—Нѣтъ, право же, это мнѣ надоѣло! Дайте мнѣ отдохнуть, дайте духъ перевести!.. Вотъ взгляните!

Онъ указалъ на груду печатныхъ листовъ.

— Что это?

— Повѣстки и приглашенія на общія собранія, засѣданія, обѣды и ужины,—пояснилъ онъ.—Я-съ, батенька, въ трехъ комиссіяхъ предсѣдательствую, въ двухъ распорядительныхъ комитетахъ состою членомъ, въ пяти благотворительныхъ обществахъ состою попечителемъ, гдѣ-то кого-то ревизую... A la fin des fins я не знаю иногда, куда ѣхать, и потому не ѣду никуда. Это вѣдь, наконецъ, утомительно, невыносимо!

Онъ походилъ по комнатѣ.

Digitized by Google

— А вы обратили вниманіе на мою новую работу?—спросилъ онъ, спустя минуту.

— Какъ же! Смотрѣлъ все время!— отвѣтилъ я.—Граціозная вещь выйдетъ.

— Да?—весело проговорилъ онъ.—Мнѣ тоже казалось! Немного во французскомъ вкусѣ. Это мнѣ, кажется, удается. Досадно только, что приходится часто отрываться... Я, право... какъ бы это сказать... J'ai manqué ma vocation. Mon fort, c'est la peinture, а я, какъ видите-съ, членъ, членъ... и больше ничего...

— Кстати о членствѣ. Я выбранъ вашимъ товарищемъ по попечительству въ Воздвиженской богадѣльнѣ,—сказалъ я.

— Право? C'est charmant, c'est charmant!—обрадовался онъ и даже пожалъ мнѣ очень крѣпко руку.—Такъ вы уже дѣлайте, голубчикъ, что тамъ надо! Я былъ тамъ разъ, старики эти и старухи такая ветошь. Маѳусаилы какіе-то; какія-то тряпки на всѣхъ, пахнетъ чѣмъ-то такимъ... чортъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ... Это отлично, что теперь вы тамъ... Это, знаете, все провѣтрить надо, вычистить... Чисто Авгіевы конюшни... Да, кстати, вы, пожалуйста, осторожнѣе дѣйствуйте, меня уже наказали тамъ...

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Да кто-то укралъ тамъ что-то, а можетъ-быть, и не укралъ вовсе. Que sais-je? Знаю только, что сказали, что украли и что я долженъ пополнить что-то. Ну, я далъ тамъ сколько-то, пополнили, но вѣдь это непріятно, это разорительно... Такъ вы осторожнѣе съ этими, какъ ихъ тамъ зовутъ, экономами, что ли...

— А развѣ это экономъ укралъ?

— Да я не знаю, кто: экономъ, экономка, смотритель, сторожъ... Украли просто что-то и нужно было уплатить— вотъ и все... Ну, да все это глупости. Люди хотятъ ѣсть— вотъ и все... Я возвращаюсь опять къ своей картинѣ. Какъ вы думаете, не сухъ ли будетъ пейзажъ? Не голо ли? Я боялся опять загромоздить аксессуарами главную группу... Вы мнѣ тогда задали головомойку за драпировки!.. Мнѣ кажется, тутъ важнѣе всего прозрачный южный воздухъ, теплота освѣщенія... Кстати, вы не повѣрите, до чего тяжело писать при нашемъ воздухѣ, при нашихъ вѣчныхъ сумеркахъ... Вотъ ужъ истинно несчастная мысль построить здѣсь, въ этой Ингерманландіи столицу... Я часто думаю, насколько бы мы ушли впередъ, если бы тогда была взята не Ингерманландія, а Константинополь... Босфоръ, близость

Digitized by Google

Греціи, синее небо юга... А! теперь трудно и представить, куда бы мы ушли тамъ...

Я опять ничего не могъ добиться у него по дѣлу попечительства надъ богадѣльней.

— Видѣли-съ, сударь?—съ таинственной улыбочкой спросилъ меня камердинеръ, когда я вышелъ отъ генерала.

— Что?—спросилъ я.

— Картину-то.

— Видѣлъ!

— А жидовку показывали-съ?

— Какую жидовку?

— А съ которой праматерь-то рисуютъ.

— Нѣтъ, не видалъ.

Старикъ покачалъ головой.

— За драпировку, вѣрно, спрятали!—соображалъ онъ.—Прячутъ-съ! Все говорятъ: это я изъ головы! А чего изъ головы, когда каждый день, въ самомъ, то-есть, растерзанномъ видѣ жидовка передъ нимъ сидитъ. Баловство какое завелось! И какой-то баринъ еще ѣдитъ, тоже на нее смотритъ да подрисовываетъ. Деньги ему за это платятъ. А срамота одна! Совсѣмъ не барское дѣло, голую бабу у себя въ кабинетѣ по цѣлымъ часамъ держать.

Я понялъ, почему мнѣ казалось, что драпировка въ кабинетѣ шевелится.

Алексѣй Николаевичъ Казанцевъ происходилъ изъ богатой семьи и уже въ дѣтствѣ слылъ «красавчикомъ». Воспитанный въ одномъ изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній, онъ рано вышелъ въ офицеры и примкнулъ къ кружку тогдашней «золотой молодежи». Съ этой минуты кончились его занятія и началась привольная жизнь, полная самыхъ громкихъ похожденій, самыхъ баснословныхъ кутежей. Первый танцоръ на балахъ, первый кандидатъ въ любовники среди дамъ, онъ былъ извѣстенъ всему Петербургу. За него на одномъ изъ пикниковъ подрались важныя барыни; его хотѣлъ убить чей-то мужъ, но дуэль была во-время остановлена; ему разъ пригрозили, что его отправятъ «за шалости» на Кавказъ, но какая-то бабушка спасла его отъ этой невзгоды. Служака онъ былъ плохой, но все-таки, по очереди и при помощи связей, онъ дотянулъ до генеральскаго чина и въ этомъ чинѣ былъ куда-то причисленъ, хотя занятій никакихъ не получилъ. Но у него было достаточно и частныхъ занятій. Въ качествѣ богача,

Digitized by Google

онъ былъ акціонеромъ разныхъ обществъ, въ качествѣ человѣка со связями, онъ выбирался въ члены разныхъ филантропическихъ учрежденій, въ качествѣ покровителя наукъ и искусствъ, онъ сдѣлался членомъ разныхъ ученыхъ и художественныхъ обществъ. Списокъ обществъ, гдѣ онъ состоялъ почетнымъ, непремѣннымъ или пожизненнымъ членомъ, могъ бы занять не одну страницу. Покровительствовать онъ былъ готовъ всѣмъ и всему: открывался новый клубъ, онъ хлопоталъ о разрѣшеніи устава этого клуба; учреждалась ученая экспедиція, онъ давалъ деньги и тоже хлопоталъ объ ея устройствѣ; нужно было составить коммерческое предпріятіе—и здѣсь онъ забрасывалъ словцо о концессіи или выбирался въ члены какой-нибудь ревизіонной комиссіи, какъ лицо съ положеніемъ въ свѣтѣ и съ солиднымъ чиномъ. Хлопоты его всегда ограничивались тѣмъ, что онъ замолвитъ кому надо словцо, устроитъ для кого надо свиданіе съ нужнымъ лицомъ, дастъ кому слѣдуетъ обѣдъ во-время. Дальше этого его заботы не шли. Съ теченіемъ времени число разныхъ собраній, комиссій, засѣданій, комитетовъ, ревизій, гдѣ онъ принималъ участіе, все росло и росло и, наконецъ, дѣло дошло до того, что Алексѣю Николаевичу приходилось бы работать по двадцать четыре часа въ сутки ежедневно, если бы онъ вздумалъ только бѣгло прочесть тѣ бумаги, доклады, протоколы и постановленія, къ которымъ ему нужно было прилагать свою подпись. А у него, кромѣ этихъ «дѣлъ», были ежедневно завтраки у знакомыхъ, обѣды по подпискѣ, ужины у Бореля и Дюссо, выѣзды на балы и на спектакли, пикники и занятія живописью, къ которой онъ пристрастился съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ у одного художника натурщицу-еврейку. Эта натурщица и этотъ художникъ, писавшій за него бо́льшую часть его картинъ, отнимали у него не мало времени. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ только подписывать дѣла, не провѣряя ихъ, не зная ихъ, не читая ихъ. Тѣмъ не менѣе, Алексѣй Николаевичъ имѣлъ почти всегда дѣловое, озабоченное и серьезное выраженіе лица и былъ постоянно на чеку, точно онъ постоянно собирался совершить что-то важное, нетерпящее отлагательства. Мягкій, какъ всѣ женолюбцы, и благодушный, какъ всѣ сытые съ колыбели люди, онъ умѣлъ быть строгимъ съ служащими и иногда нагонялъ страхъ на нихъ за бездѣятельность. Разъ я присутствовалъ при подобной сценѣ.

— Я васъ держу за тѣмъ, чтобы вы дѣло дѣлали!—кри-

Digitized by Google

чалъ онъ на одного изъ своихъ служащихъ.—Я не люблю-съ неаккуратныхъ людей, мнѣ не нужны манкирующіе своими обязанностями служащіе! Я самъ-съ занятъ съ утра до ночи и потому не потерплю упущеній! У меня сотни дѣлъ и я успѣваю, а вы за однимъ сидите и не можете поспѣть во-время. Вы по мѣсяцамъ тянете дѣла, которыя можно сдѣлать въ день! Если вамъ не угодно служить, какъ слѣдуетъ, — подавайте-съ въ отставку! На такія мѣста, какъ ваше, есть сотни кандидатовъ!

Служащій бормоталъ какія-то оправданія.

— Мнѣ-съ не извиненія нужны, мнѣ нужны факты вашей дѣятельности!—горячился Алексѣй Николаевичъ.— Кто беретъ на себя извѣстныя обязанности, тотъ долженъ строго исполнять свой долгъ. Обязанностей никому не навязываютъ насильно. Я въ послѣдній разъ дѣлаю вамъ это замѣчаніе!

Когда служащій удалился, Алексѣй Николаевичъ долго еще не могъ успокоиться.

— Вы не можете представить, что̀ это за народъ,—говорилъ онъ мнѣ, ходя по комнатѣ.—Получаютъ жалованье и бьютъ баклуши! Никакого чувства долга, никакого сознанія важности своихъ обязанностей! Они бьютъ баклуши, они дармоѣдничаютъ, а я одинъ, я не могу услѣдить за всѣми! На дняхъ баронесса фонъ-Таубе упрекаетъ, что я не опредѣлилъ еще ея protégé въ училище. Вы вѣдь знаете ее—насядетъ, такъ не скоро отдѣлаешься отъ нея! А этотъ господинъ, изволите ли видѣть, заложилъ дѣло объ этомъ мальчикѣ подъ сукно. Вы понимаете, насколько непріятно выслушивать жалобы женщины, и притомъ хорошенькой женщины...

Онъ усмѣхнулся лукавой и двусмысленной улыбкой и тотчасъ же прибавилъ съ серьезнымъ видомъ:

— Впрочемъ, вы не думайте, что тутъ личико баронессы играло роль! Нѣтъ, но вы понимаете, если дѣло по просьбѣ баронессы исполняется такъ плохо, то какъ же затягиваются дѣла простыхъ смертныхъ, не имѣющихъ прямыхъ сношеній со мною. Вѣдь если ея дѣло положили подъ сукно, то дѣла разной бѣдноты, которая имѣетъ несчастіе de tomber sous la patte какого-нибудь изъ этихъ господъ, и вовсе бросаются. Я это хочу вывести, я слѣжу, я докапываюсь. Но вѣдь я одинъ, я одинъ, а ихъ, этихъ господъ служащихъ, у меня десятки, сотни!

Онъ опять тревожно заходилъ по кабинету.

Digitized by Google

— Да, я иногда удивляюсь, какъ вы успѣваете справляться со всѣми дѣлами,—замѣтилъ я.

— А! привычка, mon cher, привычка!—пожалъ плечами Алексѣй Николаевичъ. — Я дѣлаю въ минуту то, на что другой потратитъ часъ. Глазъ приглядѣлся, рука набилась! Потомъ я занимаюсь ночью, замыкаюсь у себя въ кабинетѣ одинъ. Я знаю, что это мнѣ вредно, но что же вы станете дѣлать! Кромѣ того, je suis un homme d'habitude, у меня все разсчитано, все совершается въ извѣстные часы. Я не могу быть безъ дѣла, не могу просрочить часу, или у меня все пойдетъ à tort et à travers. Вся ошибка людей не въ лѣни, а въ неумѣньѣ распредѣлить время, быть точными, не откладывать ничего, что надо сдѣлать сейчасъ... А кстати! Вы куда отъ меня?

— Домой!—отвѣтилъ я.

— Такъ я васъ подвезу! Я ѣду въ засѣданіе общества страхованія отъ саранчи.

— А вы и тамъ членъ?

— Мой другъ, гдѣ же я не членъ!—разсмѣялся Алексѣй Николаевичъ. — Меня треплютъ, разрываютъ на клочки... Но, entre nous, я усталъ, усталъ!.. Хотѣлось бы отдохнуть, пожить для себя, отдаться живописи... Но что же вы прикажете дѣлать, если нѣтъ людей, нѣтъ дѣловыхъ серьезныхъ умовъ, нѣтъ честныхъ гражданъ!.. На одного взваливаютъ, какъ на вола, сотни дѣлъ и обязанностей, а другіе бьютъ баклуши, пользуются жизнью, пожинаютъ плоды чужого труда. Тяжелое время мы переживаемъ: вы представьте себѣ, что я изъ-за общественныхъ обязанностей не могъ самъ слѣдить за дѣтьми, жить семейною жизнью, а семья— о, это великое слово!.. Мы теперь живемъ въ такія времена, когда нужно поддерживать семью, нужно строго воспитать въ ней юношество, нужно сдѣлать ее оплотомъ противъ разныхъ заблужденій... Но долгъ гражданина прежде всего.

Въ этомъ духѣ Алексѣй Николаевичъ говорилъ всю дорогу до моего дома, и его лицо приняло нѣсколько мрачное выраженіе, точно у него творилось что-то скверное на душѣ во время этихъ толковъ о семейномъ очагѣ.

Этотъ очагъ у Алексѣя Николаевича былъ. Но, Господи, что это былъ за очагъ.

Алексѣю Николаевичъ не женился, но его женили, чтобы спасти его отъ какой-то падшей женщины, забравшей его въ руки, чтобы остепенить его отъ кутежей, чтобы увели-

Digitized by Google

чить его состояніе, чтобы сдѣлать еще болѣе прочныя связи въ свѣтѣ. Александра Ивановна Бѣлопольская,—такъ звали невѣсту Алексѣя Николаевича—тоже не выходила за него замужъ, а выдавалась за него, потому что ее нужно было выдать замужъ одному высокопоставленному лицу того времени. Съ перваго же дня супружества молодые зажили на двѣ половины въ роскошномъ домѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—этихъ мѣсяцевъ было очень мало—у нихъ явилось въ домѣ три отдѣленія: отдѣленіе мужа, отдѣленіе жены и отдѣленіе ребенка съ его мамкой, англичанкой и штатомъ прислуги. Иногда мужъ и жена не видались по цѣлымъ днямъ и порой мужъ, отправляясь къ женѣ, узналъ, что у нея находится въ гостяхъ одинъ изъ ея вліятельныхъ родственниковъ, и круто поворачивалъ назадъ, отрывисто приказывая лакею подать карету: не попавъ къ женѣ, онъ ѣхалъ къ прежней любовницѣ. Иногда жена не выходила изъ своей половины, приказывая сказать мужу, что у нея мигрень, но въ эти дни выдавшій ее замужъ вліятельный родственникъ имѣлъ доступъ къ молодой женщинѣ, несмотря на ея мигрень. Ходилъ даже такой анекдотъ, что одинъ изъ старыхъ свѣтскихъ остряковъ, услыхавъ отъ Алексѣя Николаевича, что у Александры Ивановны мигрень, съ наивнымъ видомъ замѣтилъ:

— А я его встрѣтилъ, кажется, на лѣстницѣ.

Онъ встрѣтилъ уходившаго отъ Александры Ивановны ея вліятельнаго родственника.

Впрочемъ, небеса благословили этотъ союзъ и въ дѣтяхъ недостатка не было. Два сына и двѣ дочери родились у Казанцевыхъ въ теченіе какихъ-нибудь восьми лѣтъ супружеской жизни и были сданы на руки нянекъ, мамокъ, гувернантокъ, гувернеровъ и слугъ, такъ какъ у Алексѣя Николаевича были на рукахъ общественныя обязанности, а Александра Ивановна должна была, по своему положенію, поддерживать свѣтскія связи. Такимъ образомъ мужъ и жена или ѣздили по цѣлымъ днямъ, или принимали на своихъ половинахъ гостей. Они знали, что у нихъ были дѣти, и дѣти знали, что у нихъ были родители, потому что дѣти каждое утро обязаны были приходить къ родителямъ и говорить:

— Bonjour, maman! Bonjour, papa!

Нѣсколько ближе узнали родители старшаго сына, когда онъ не могъ выдержать никуда экзамена и долженъ былъ опредѣлиться въ одинъ изъ конныхъ гвардейскихъ полковъ

Digitized by Google

вольноопредѣляющимся. Еще ближе узнали они его, когда имъ предъявили векселей на тридцать тысячъ. Между отцомъ и сыномъ послѣдовало крупное объясненіе въ нѣсколько вульгарномъ тонѣ:

— Тебѣ еще учиться, а не кутить нужно! — горячился отецъ.

— А я думаю, что мнѣ нужно жить, пока я молодъ,— отвѣтилъ сынъ.—Вы живете, maman живетъ, значитъ, и я хочу жить.

— Я откажусь за тебя платить долги, я это въ газетахъ напечатаю,—сказалъ отецъ.

— Вы знаете, что крестный отецъ положилъ на мое имя независимый капиталъ,—отвѣтилъ сынъ.—Я трачу не ваши деньги.

Крестнымъ отцомъ юноши былъ тотъ вліятельный родственникъ, посѣщенія котораго къ Александрѣ Ивановнѣ совпадали съ посѣщеніемъ мигреня.

— Я все знаю, но мотать тебѣ не позволю! — крикнулъ отецъ.

— Я, papa, кажется, и не просилъ на это позволенія,— отвѣтилъ сынъ.

— Вонъ!—крикнулъ отецъ.

— Гдѣ это вы научились такъ кричать!—сказалъ сынъ, пожимая плечами и удаляясь изъ комнаты.

Послѣ этого объясненія послѣдовало объясненіе родителей между собою. Отецъ назвалъ сына идіотомъ, болваномъ, сказалъ, что въ фамиліи Казанцевыхъ не было никогда такихъ глупцовъ и невѣждъ, на что мать съ ироніей отвѣтила, что, вѣроятно, сынъ не имѣетъ никакихъ общихъ чертъ съ этой фамиліей, кромѣ страсти къ кутежамъ и праздности.

— Потому что, вы, конечно, не станете отрицать, что эти качества онъ наслѣдовалъ отъ васъ,—закончила она.

Долги сына, однако, заплатились, заплатились и еще новые векселя, выданные имъ, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ.

Но наученный опытомъ отецъ поспѣшилъ отдать въ закрытое заведеніе младшаго сына и просилъ начальство заведенія держать юношу въ строгости. Повидимому, все пошло хорошо: юноша былъ запертъ въ училищѣ по цѣлымъ недѣлямъ, онъ находился подъ надзоромъ учителей и начальниковъ, его окружала привилегированная молодежь, онъ обязательно приготовлялъ уроки, онъ аккуратно пере-

Digitized by Google

ходилъ изъ класса въ классъ. Отецъ былъ спокоенъ за его участь.

— Да, правильное образованіе много значитъ,—говорилъ онъ.—Какъ бы ни воспитывали дѣтей дома, а все-таки дома нѣтъ той правильности, той дисциплины, которая господствуетъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Дома всегда бываютъ поблажки, меньше строгости, меньше страха. Я Сержемъ очень, очень доволенъ!

И дѣйствительно, Сержъ росъ приличнымъ, выдрессированнымъ, серьезнымъ мальчикомъ. Онъ держалъ себя умѣло, чинно, ловко и немного свысока относился ко всѣмъ. Я нѣсколько разъ заставалъ этого юношу у Алексѣя Николаевича и удивлялся его сдержанности. Онъ говорилъ даже съ отцомъ съ серьезнымъ достоинствомъ благовоспитаннаго барича. Отецъ, какъ видно, гордился имъ и нерѣдко говорилъ, что въ его Сергѣѣ много общаго съ дѣдомъ, съ дипломатомъ былыхъ временъ, Николаемъ Алексѣевичемъ Казанцевымъ. И точно, юноша выросъ человѣкомъ вполнѣ благовоспитаннымъ. Это понялъ Алексѣй Николаевичъ вполнѣ въ одинъ изъ памятныхъ для него вечеровъ.

Какъ-то цѣлая компанія старыхъ кутилъ, извѣстныхъ всему Петербургу, являющихся неизмѣнно на всѣ первыя представленія и бенефисы въ театры и въ лѣтнія увеселительныя заведенія, пріѣхала съ дамами къ Доротту. Въ числѣ пріѣхавшихъ былъ и Алексѣй Николаевичъ, какъ непремѣнный членъ этой компаніи. Онъ сбросилъ на руки слуги пальто и поднялся съ своей дамой подъ руку въ залъ, чтобы пройти въ отдѣльныя комнаты, и остановился въ недоумѣніи: черезъ залу проходилъ тоже съ дамой подъ руку его Сержъ, окруженный толпой товарищей. Молодежь шумѣла и смѣялась. Сержъ взглянулъ, прищуривъ глаза, на отца, и тотчасъ же развязно заговорилъ со своей дамой, точно не узнавъ отца. Алексѣй Николаевичъ смутился и выпустилъ руку своей спутницы, сдѣлавъ шагъ по направленію къ своему сыну, но сынъ, не моргнувъ глазомъ, прошелъ мимо и исчезъ со своей компаніей въ другихъ комнатахъ. Алексѣю Николаевичу было какъ-то не по-себѣ, у него исчезла всякая веселость; онъ слышалъ въ сосѣднихъ комнатахъ смѣхъ, пѣніе и говоръ сына и не могъ самъ повѣсничать въ своемъ кружкѣ. Но сынъ, повидимому, нисколько не былъ смущенъ встрѣчей съ отцомъ и продолжалъ потѣшать свою компанію, вызывая ея смѣхъ и аплодисменты своими шутками, своими куплетами.

Digitized by Google

Кое-какъ дотянувъ вечеръ, Алексѣй Николаевичъ вернулся домой.

На слѣдующее утро онъ встрѣтился съ сыномъ за завтракомъ. Тотъ, по обыкновенію, спокойно и сдержанно проговорилъ ему, садясь за столъ:

— Bonjour, papa!

Алексѣй Николаевичъ молча пожалъ протянутую ему руку сына и не зналъ, какъ начать разговоръ. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Гдѣ ты былъ вчера?

— У Дороттa,—отвѣтилъ сынъ.

— А! Значитъ, я не ошибся!—сказалъ отецъ.

— А ты меня видѣлъ?—спросилъ сынъ.

Алексѣй Николаевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него:

— Да вѣдь и ты же, вѣроятно, видѣлъ меня,— проговорилъ онъ.

— Я, papa, стараюсь не видать того, чего мнѣ не нужно видѣть, или, по крайней мѣрѣ, не говорить объ этомъ,—сухо отвѣтилъ сынъ, принимаясь за завтракъ.

Отецъ посмотрѣлъ на его спокойное лицо и смутился еще болѣе. Черезъ минуту онъ заговорилъ снова:

— Мнѣ очень досадно, что я тебя встрѣтилъ въ подобномъ мѣстѣ, въ такой компаніи!

— Въ какой компаніи? — проговорилъ сынъ, вопросительно поднимая глаза на отца. — Это были люди нашего круга...

— Но эти кутежи не доводятъ...

Алексѣй Николаевичъ не кончилъ фразы, такъ какъ сынъ, кончивъ котлету, положилъ ножъ и вилку и взглянулъ на отца, откинувшись на спинку стула.

— Мы мужчины и потому намъ нечего особенно церемониться,—проговорилъ юноша.—Мнѣ девятнадцать лѣтъ и ты, конечно, понимаешь, что я не монахъ, не отшельникъ, не скопецъ. Я точно такъ же знаю, что и ты—passez moi le mot, cher papa,—чуть не холостякъ.

При послѣдней фразѣ сынъ вздохнулъ не безъ грусти.

— Значитъ,—продолжалъ онъ:—очень понятно, что мы можемъ иногда случайно столкнуться въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ извѣстной обстановкѣ, при которыхъ намъ, отцу и сыну, не особенно хотѣлось бы встрѣчаться. Но что же дѣлать: il faut faire bonne mine à mauvais jeu!

Онъ вдругъ улыбнулся.

— Мнѣ вспомнилась прекурьезная исторія,— совсѣмъ не-

Digitized by Google

селымъ тономъ, улыбаясь только глазами, продолжалъ онъ.— Я съ Пьеромъ Барнауловымъ на дняхъ поѣхалъ поужинать къ Клемансъ Роберъ... Ты, конечно, знаешь ее? Не глупая женщина, съ ней всегда можно, не зѣвая, causer théâtre et chiffons... Пьеръ Барнауловъ вздумалъ за ней приударить. Но вообрази, только мы усѣлись за ужинъ, какъ ей докладываютъ, что къ ней пріѣхалъ самъ Павелъ Петровичъ...

— Отецъ?—проговорилъ Алексѣй Николаевичъ.

— Да, онъ своей собственной особой, — подтвердилъ сынъ.—Ну, конечно, пришлось бросить ужинъ и ретироваться черезъ черную лѣстницу. Пьеръ и не зналъ, что его батюшка уже съ недѣлю, какъ отвоевалъ Клемансъ отъ Офросимова...

— Объ этомъ же весь городъ говорилъ,—не удержался отъ замѣчанія Алексѣй Николаевичъ.

— Да, весь городъ, но къ намъ въ училище не сразу доходятъ всѣ городскія новости,—отвѣтилъ сынъ.

Отецъ и сынъ помолчали. Алексѣй Николаевичъ все еще чувствовалъ себя какъ-то неловко передъ своимъ сыномъ-дипломатомъ. Наконецъ, сынъ чуть-чуть потянулся и поднялся съ мѣста.

— Ахъ, скорѣй бы кончить курсъ!—проговорилъ онъ.— Надо будетъ поскорѣй жениться. Всѣ эти Клемансы хороши для тѣхъ, кто привыкъ сорить деньгами, а когда ихъ мало...

— Да, кстати, — перебилъ сконфуженно отецъ:—я тебѣ, можетъ-быть, мало даю карманныхъ денегъ...

— О, не безпокойся!—отвѣтилъ сынъ.—Я не изъ числа расточителей! На мелкія глупости у меня съ избыткомъ хватаетъ того, что ты даешь. Наконецъ, я въ такихъ лѣтахъ, когда во всѣхъ этихъ любовныхъ похожденіяхъ деньги играютъ еще послѣднюю роль.

Онъ пожалъ руку отца и вышелъ.

Алексѣй Николаевичъ стоялъ съ какимъ-то потеряннымъ выраженіемъ лица: онъ еще разъ убѣдился, что онъ вовсе не зналъ своихъ собственныхъ дѣтей, что ему нужно поближе входить въ свою собственную семью.

— Экипажъ поданъ!—доложилъ лакей, прерывая эти мысли.

— Экипажъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ Алексѣй Николаевичъ, точно сквозь сонъ.

— Ваше превосходительство въ засѣданіе хотѣли ѣхать,— пояснилъ лакей.

Digitized by Google

— Въ засѣданіе?—пробормоталъ про себя Алексѣй Николаевичъ, припоминая что-то.—Ахъ, да, сегодня общее собраніе въ обществѣ призрѣваемыхъ сиротъ... Да, да, надо ѣхать!

И онъ поѣхалъ рѣшать судьбы призрѣваемыхъ сиротъ, слушать отчеты о ихъ положеніи, подписывать протоколы и отчеты о суммахъ, расходуемыхъ на ихъ содержаніе.

IV.

Барышни.

Съ семействомъ Олениныхъ я познакомился давно и чисто случайно: мнѣ нужна была комната, и эта комната нашлась у нихъ.

— Это у насъ лишняя комната,—говорила мнѣ хозяйка квартиры, вводя меня въ отдаваемое въ наемъ помѣщеніе.— По правдѣ сказать, намъ не хотѣлось бы отдавать ее: Богъ знаетъ, на кого нападешь; но что же дѣлать, маленькія квартиры плохи, безъ всякихъ удобствъ. Впрочемъ, вы, кажется, человѣкъ скромный, я ужъ это по первому взгляду вижу, и потому васъ я готова впустить. У насъ, вѣдь, знаете, барышни, тоже перваго встрѣчнаго нельзя впустить.

Мы поговорили о цѣнѣ, и я переѣхалъ. Комната моя была большая, свѣтлая, и я былъ доволенъ. Я переѣхалъ въ субботу и, уставъ отъ поисковъ за комнатой, проспалъ до одиннадцати часовъ утра. Я, можетъ-быть, спалъ бы и еще дольше, если бы меня не разбудили звуки фортепіано и пѣніе. За стѣной пѣли:

«Что такъ грустно глядишь на дорогу,
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ...»

Молодой женскій голосъ фальшивилъ на каждой нотѣ, а музыка на разстроенномъ дрянномъ фортепіано была еще хуже пѣнія. Куплеты поющейся пѣсни еще не успѣли кончиться, какъ я услыхалъ начало романса:

«Милый другъ, помолись за меня!»

— Пусти, ты опять врешь!—остановилъ пѣвицу другой женскій голосъ.

— Ну да, ты лучше споешь!—отозвалась пѣвица, прекращая пѣніе, но продолжая музыку.

— Сыграй: «Вотъ ѣдетъ тройка...»

Раздались фальшивые звуки новаго романса, и другой женскій голосъ запѣлъ новую пѣсню, перевирая и ноты, и слова.

Digitized by Google

— Ну, и наврала, и наврала! — говорила играющая женщина.

— А ты сама сфальшивила! — отозвалась поющая женщина.

— Ужъ лучше не пой? Я вотъ вальсъ сейчасъ сыграю!

Начался вальсъ, подъ который, конечно, не могъ бы танцовать никто. Я услышалъ въ то же время женскіе шаги по комнатѣ и пѣніе вполголоса романса: «Не пой, красавица, при мнѣ».

— Ты сегодня, Маша, голубое платье въ клубъ надѣнешь?—спросилъ третій женскій голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ хозяйки.

— Нѣтъ, въ бѣломъ поѣду,—отозвалась игравшая женщина и вмѣсто вальса начала наигрывать галопъ.

Барышня, распѣвавшая, ходя по комнатѣ, уже пѣла: «Не уѣзжай, голубчикъ мой!»

Я поднялся съ постели, позвалъ прислугу, чтобы она подавала самоваръ, одѣлся, умылся, сѣлъ пить чай, а музыка все продолжалась, пѣніе все не смолкало. Это начало разстраивать мои нервы. Прошло съ часъ, я рѣшился выйти и немного пройтись. Погулялъ, зашелъ къ одному изъ товарищей, пообѣдалъ, возвращаюсь домой, а музыка и пѣніе все продолжаются и все такъ же безпорядочно, такъ же безъ такту, безъ смысла, фальшиво, такъ же прерываютъ ихъ вопросы и разговоры:

— Маша, ты кушакъ голубой надѣнешь?

— Нѣтъ, вся въ бѣломъ буду.

— А я вся въ черномъ съ пунсовыми розами.

— Право, Катя, тебѣ не идутъ пунсовыя розы.

— Это ужъ мое дѣло.

И опять слышится: «Не уѣзжай, голубчикъ мой», «Ты скоро меня позабудешь», «Мы двѣ дѣвицы». Да будетъ ли этому когда-нибудь конецъ, вѣдь этакъ съ ума сойти можно!

Но вотъ раздается звонокъ, отворяются входныя двери, кто-то входитъ въ переднюю, раздѣвается, идетъ въ залъ.

— Варя, Варя! Вотъ мило, вотъ не ждали!—кричатъ барышни, переставая играть и пѣть.

Слышатся поцѣлуи и звонкіе, звонкіе голоса:

— Ну, какъ живете?

— Отлично, отлично!

— Не скучаете?

— У насъ офицеры бываютъ!

— Въ клубы ѣздите?

Digitized by Google

— Каждый день почти!

— Счастливицы!

— А ты? Душка, разсказывай!

— Пріѣхала на всю зиму къ тетѣ! Отпускать не хотѣли, а я взяла да и уѣхала. Еще бы! У насъ въ Захудаловомъ ни одного мужчины нѣтъ, все купцы да гарнизонные офицеры. Одинъ гвардеецъ на двадцать восемь дней въ отпускъ пріѣхалъ и тотъ чѣмъ-то такимъ боленъ, все больше въ меланхоліи находился; «я, говоритъ, теперь трупъ и все изъ-за женщинъ!» А какой душка, самъ блѣдный, исхудалый, ходитъ, опираясь на палку, и вздыхаетъ! Ну, а вы,—дѣлали себѣ наряды для баловъ?

— Какъ же, какъ же! Дѣлали, всего нашили! Нѣтъ, а ты вотъ скажи Катѣ: вѣдь ей не идутъ пунсовыя розы? Правда? А?

— Душка, душка, тебѣ нужно изъ васильковъ сдѣлать вѣнокъ!

— А я вотъ хочу пунсовыя розы надѣвать и надѣваю.

— Нѣтъ, а ты слышала новый вальсъ?

— Какой?

— А вотъ я тебѣ сыграю!

И опять началась музыка, прерываемая разговорами, началось пѣніе, обрываемое на полусловѣ восклицаніями, хохотомъ и поцѣлуями.

— Чай будете еще пить?—спросила меня вошедшая служанка.—Или кофе заварить?

— Что это у васъ всегда такой гамъ?—спросилъ я ее, не отвѣчая на ея вопросъ.

— Какой гамъ?—спросила она.

— Да вотъ это пѣніе, эта музыка,—отвѣтилъ я.

— Это барышни! Извѣстно, что-жъ имъ больше дѣлать,—отвѣтила она. — Вотъ вечеромъ притихнутъ, въ клубъ поѣдутъ.

И точно, въ восемь часовъ вечера въ квартирѣ воцарилась мертвая тишина: и барышни, и хозяйка квартиры, и ея мужъ уѣхали въ клубъ.

— Аннушка!—крикнулъ я служанкѣ.

Отвѣта не послѣдовало. Я крикнулъ еще—опять нѣтъ отвѣта. Я рѣшился пройти въ кухню, въ кухнѣ ни души. Походилъ я по пустой квартирѣ съ полчаса, вернулся въ свою комнату, пообождалъ немного и снова вошелъ въ кухню. Аннушка уже вернулась.

Digitized by Google

— А я васъ звалъ, звалъ,—сказалъ я.—Куда вы пропадали!

— На лѣстницѣ съ товарками сидѣла,—отвѣтила она.—Извѣстно, господъ нѣтъ, дѣлать нечего дома.

Она была какъ-будто смущена. Я взглянулъ на нее и увидалъ, что она старается заслонить солдатскій киверъ.

— Что это у васъ гости?—спросилъ я, улыбаясь.

Она потупилась и пробормотала:

— Знакомый-съ...

— Поставьте самоваръ! — сказалъ я съ невольнымъ смѣхомъ.

— Слушаю-съ!..

Черезъ четверть часа самоваръ былъ поданъ.

— Вы не говорите-съ хозяевамъ-то,—застѣнчиво сказала она.

— Чего?—спросилъ я.

— Да вотъ что у меня гости-съ,—пояснила Аннушка и лукаво улыбнулась.—Извѣстно-съ, дома никого нѣтъ, ну, и скучно одной-съ...

— Э, полноте, мнѣ-то что за дѣло!—сказалъ я.

— Тоже знаете, они все въ клубъ, да въ клубъ, ажно страшно всю ночь одной въ этакой квартирѣ... Вы не подумайте чего, онъ вѣдь на мнѣ жениться хочетъ!..

— Ну, и помогай вамъ Богъ!—проговорилъ я, смѣясь.

И пошла моя жизнь по-новому въ этомъ новомъ помѣщеніи. Утромъ я выходилъ изъ себя отъ звуковъ музыки и пѣнія, вечеромъ я оставался въ гробовой тишинѣ, боясь войти въ кухню, чтобы не помѣшать tête-à-tête Аннушки и ея тѣлохранителя. Мало-по-малу, Аннушка начала цѣнить мою скромность и понемногу посвятила меня въ тайны квартирохозяевъ.

— Самого-то вы видѣли?—спрашивала она меня.

— Нѣтъ, не видалъ самого,—отвѣчалъ я, такъ какъ я дѣйствительно еще не имѣлъ удовольствія видѣть самого господина Оленина.

— Надворный совѣтникъ, а по виду слонъ, какъ есть слонъ,—говорила Аннушка.—Большенный, ноги, что твои бревна, толщина вѣ какая, лапища, какъ у медвѣдя, ходитъ, точно ступа двигается, самъ сгорбится, пыхтитъ и таково грозно это смотритъ, что, ахъ ты, свѣты мои батюшки! А ничего-съ, онъ у насъ добрый, мухи не обидитъ! Ужъ очень на него насѣли! Ахъ, какъ насѣли, такъ это я

Digitized by Google

и сказать не могу. И точно, шутки ли: жена, двѣ великовозрастныя дочери, сынъ въ гимназіи, дочь одна въ институтѣ, всѣмъ это вынь да положь—и на ѣду, и на наряды, и на клубы, и на театры! Дѣлать никто ничего не дѣлаетъ, а всѣмъ ѣсть надо! Ну, и присмирѣешь тутъ!

— Такъ-таки ничего и не дѣлаютъ?—спросилъ я.

— Ни, ни, ни!—замотала отрицательно головой Аннушка.—Какъ есть барышни самаго деликатнаго сорта! Первое—танцуютъ хорошо, второе—поютъ, третье—музыкѣ обучены,—ну, гдѣ же имъ что-нибудь дѣлать? Ну, это поиграютъ, попоютъ, попляшутъ, глядишь—день и прошелъ! Жениховъ ловятъ. А гдѣ нонѣча женихи-то такіе, чтобы безъ денегъ взяли?

— А вонъ твой-то женихъ хочетъ тебя взять безъ денегъ,—сказалъ я, смѣясь.

— Ахъ-съ, какіе вы шутники, право-съ!—застыдилась Аннушка.—Мы слюбившись! Барышнямъ такъ гдѣ же! Онѣ это сейчасъ: «сдѣлайте предложеніе, какъ папаша и мамаша». А мы... Господь его знаетъ, какъ онъ и навязался мнѣ... Сустрѣлся мнѣ, сталъ ходить, тары да бары, хорошіе товары, да почемъ табачокъ... Все дѣло житейское... Ну, а теперь близокъ локоть да не укусишь... Хорошо, коли не обманетъ... Изъ себя-то ужъ очень онъ виденъ, вотъ и боязно...

Аннушка вздохнула.

— Нѣтъ, наше дѣло простое, глупое, а они господа, у нихъ тамъ такъ не водится!—продолжала она.—У нихъ все по закону... Вотъ еще поглядите, какъ соберется ихъ бамондъ, то-то пойдетъ гонка за женихами. На глазахъ у всѣхъ гоняются! Вотъ дождитесь понедѣльника.

— А что въ понедѣльникъ будетъ?

— Сами увидите!

Понедѣльникъ приближался. Уже въ воскресенье, въ полдень, ко мнѣ постучалась въ дверь госпожа Оленина. Я попросилъ ее войти.

— Ну, какъ вы довольны квартирой?—спросила она, здороваясь со мною.

— Ничего, доволенъ,—отвѣтилъ я.

— Да, у насъ тихо, чинно,—сказала она.—Мы не хотѣли, конечно, отдавать комнаты, только намъ велика квартира, эта комната лишняя. Конечно, два раза въ мѣсяцъ и она намъ нужна, но вѣдь только два раза въ мѣсяцъ. У насъ, знаете, журфиксы два раза въ мѣсяцъ, въ понедѣльникъ черезъ двѣ недѣли...

Digitized by Google

Она замялась.

— Мнѣ такъ досадно, что я этого не сказала вамъ раньше,—продолжала она черезъ минуту.—Можетъ-быть, это васъ стѣснитъ.

— Отчего же?—спросилъ я.

— Да видите ли, въ эти дни намъ эта комната необходима,—сказала она.—У насъ курительной комнаты нѣтъ, ну, тоже и для игорныхъ столовъ... Мнѣ, право, такъ совѣстно, что я васъ хочу просить на эти вечера... только два раза въ мѣсяцъ... позволить намъ занимать вашу комнату... Но я надѣюсь, что вы примете наше приглашеніе и будете въ числѣ гостей...

Я былъ смущенъ этой неожиданностью и благодарилъ за приглашеніе.

— Такъ вы будете нашимъ гостемъ?—спросила она.

— Сочту долгомъ,—отвѣтилъ я.

— Ну да, я очень рада,—сказала она.—Въ такомъ случаѣ вамъ будетъ все равно, если гости наши будутъ и у васъ... У насъ, я вамъ должна сказать, бываетъ избранное общество... Бываетъ гвардейскій капитанъ, баронъ фонъ-Ладенсбургъ, онъ племянникъ жены сенатора Плугова; одного родственника Штиглица увидите; потомъ, можетъ-быть, завтра пріѣдетъ одинъ изъ друзей Серова... Вообще, мы придерживаемся правила имѣть немногихъ, но избранныхъ знакомыхъ... Въ Петербургѣ нужно быть осмотрительными въ выборѣ знакомыхъ... Впрочемъ, я заговорилась, а еще надо похлопотать по хозяйству...

Мы простились. Минутъ черезъ десять ко мнѣ влетѣла снова хозяйка въ сопровожденіи Аннушки, тащившей ломберный столъ.

— Вотъ сюда поставь, сюда!—говорила хозяйка ей и тотчасъ же обратилась ко мнѣ:—надо, знаете, все пораньше разставить, приготовить, а то завтра и такъ хлопотъ будетъ по горло!

Прошло еще нѣсколько минутъ, и ко мнѣ принесли еще ломберный столъ, но зато отъ меня потащили этажерку съ моими книгами.

— Это мы поставимъ въ темную комнату, на завтра, а то она мѣшать будетъ,—говорила мнѣ хозяйка.—Ахъ, только ты, Аннушка, одна не стащишь! Дай я помогу!

Она стала помогать, но дѣло не спорилось. Пришлось снять книги и перенести ихъ потомъ въ темную комнату. Волей-неволей пришлось помогать и мнѣ. Когда я вошелъ

Digitized by Google

съ грудой книгъ въ темную комнату, я едва не полетѣлъ. Эта комната вся была загромождена старыми столиками, какими-то картонками, желѣзными кроватями, посудными шкапами и разнымъ хламомъ.

— Мы это, знаете, все убираемъ,— пояснила хозяйка:— чтобы просторнѣе было въ комнатахъ. Въ хозяйствѣ, въ будничной жизни, конечно, все это нужно, а когда гости— это стѣсняетъ. Вы у насъ не были еще въ комнатахъ?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какой же вы бирюкъ и отшельникъ! Пойдемте, я васъ познакомлю съ моими барышнями.

Мы пошли, и я былъ представленъ двумъ барышнямъ Олениным, черноволосой Машѣ и бѣлокурой Катѣ. Обѣ были прехорошенькія и совсѣмъ юныя.

— Вотъ нашъ залъ, а здѣсь спальня моихъ барышень,— пояснила мнѣ хозяйка.—Теперь въ этой комнатѣ будетъ гостиная, такъ какъ кровати мы вынесли на завтра. А тамъ моя съ мужемъ спальня и для Ѳеди нашего кушетка. Ему еще двѣнадцать лѣтъ тринадцатый, такъ онъ съ нами спитъ. А вотъ тутъ столовая у насъ. Посудный шкапъ вынесли, а то тѣсно. Диванъ тоже тутъ стоялъ для бабушки, ну, и его убрали, потому что бабушка гоститъ теперь у нашей родственницы.

— А вы танцуете?— вдругъ спросила меня одна изъ барышень.

— Нѣтъ.

— Ахъ, вы, вѣроятно, нигилистъ! — заключила другая барышня, сдѣлавъ презрительную гримасу.—Вотъ какъ у Тургенева нынче въ романѣ описано про Базарова.

— Катя!—укоризненно замѣтила мать.

— Что-жъ, мнѣ Воронинъ говорилъ, что всѣ писатели нигилисты, потому что въ писатели только тѣ и идутъ, которые ничего не признаютъ,—пояснила задорнымъ тономъ дѣвушка.

— То-есть, чего же они не признаютъ?—спросилъ я.

— Да такъ, ни по военной, ни по статской служить не хотятъ и никакихъ чиновъ не имѣютъ!—отвѣтила она.— Впрочемъ, для танцевъ и ловкость нужна,—продолжала она, бросая уничтожающій взглядъ на меня:—а у кого ея нѣтъ, тому лучше и не танцовать.

— Да, это и во всякомъ дѣлѣ такъ,—отвѣтилъ я, умышленно впадая въ задорный тонъ барышни.—Поешь, какъ

Digitized by Google

козелъ,—не пой; играешь на фортепіано, какъ на балалайкѣ,—не играй! А то пугаломъ будешь!

Барышня какъ-то недоумѣло посмотрѣла на меня, быстро отвернулась и замолчала.

Вплоть до ночи я не оставался ни минуты покойнымъ. Хозяйка донимала меня своими появленіями въ моей комнатѣ, своими просьбами пособить ей что-нибудь переставить, своими разсказами о томъ, кто будетъ у нихъ завтра въ гостяхъ. Аттестаціи гостей были самыя странныя. Про одного, напримѣръ, я узналъ, что онъ постоянно абонированъ въ итальянской оперѣ и, повидимому, онъ отличался именно только этою особенностью, которая давала ему право быть причисленнымъ «къ избранному обществу» Олениныхъ. Часовъ въ десять въ залѣ послышалось передвиженіе стульевъ. Я удивился этой неожиданной вознѣ, такъ какъ по вечерамъ у насъ царствовала тишина. Я позвалъ Аннушку.

— Я здѣсь,—откликнулась она изъ залы.—Барышнямъ постели стелю.

Я вошелъ въ залъ: Аннушка составляла стулья и устраивала изъ нихъ постели.

— Это у насъ ужъ всегда такъ наканунѣ гостей,— пояснила она:—кровати-то ихъ вынесли изъ той комнаты, мебель тамъ по-модному разставили, ну, и стели, значитъ, въ залѣ...

Въ три часа ночи меня разбудилъ шумъ: это пріѣхали барышни и, напѣвая, смѣясь и болтая, ходили по залѣ, раздѣвались, роняли вещи на полъ, сообщали громко одна другой свои тайны, словно забывъ о моемъ существованіи.

— Тише, услышитъ! — вдругъ проговорила одна изъ сестеръ.

— А мнѣ-то что за дѣло!—отвѣтила другая.—Ты слышала, что онъ давеча сказалъ? Это ужъ онъ не на насъ ли мѣтилъ? Ужъ если я что замѣчу, такъ я его такъ отбалую, что со стыда сгоритъ!

— А онъ тебя пропечатаетъ!

— Ахъ, скажите, пожалуйста, какія страсти! Кто ихъ читаетъ! Голь какая-нибудь, оттого и въ писаки пошелъ. Ужъ порядочный человѣкъ по грошамъ за свои писанья сбирать не станетъ, а служить пойдетъ. У нихъ что: ни чиновъ, ни орденовъ, ни званій, ни жалованья, ни наградъ нѣтъ. И мамаша глупо сдѣлала, что пустила! Офицеръ бы какой-нибудь нанялъ; все компанію бы водилъ. А этотъ что? Медвѣдь! У-у-у! Вотъ, вотъ ему!..

Digitized by Google

Мнѣ, вѣроятно, показывали языкъ, а можетъ-быть, и еще хуже того.

На слѣдующій день наша квартира была неузнаваема, неузнаваемы были и люди въ ней. Все и всѣ принарядились, прибрались, пообчистились. Кромѣ Аннушки, къ вечеру появился лакей въ вязаныхъ перчаткахъ, въ порыжѣвшемъ парикѣ, надвигавшемся постоянно на лобъ, въ потертомъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ сомнительной бѣлизны. По физіономіи, по выправкѣ въ немъ не трудно было узнать отставного солдата; по неловкости движеній, по неумѣнью носить подносы легко было догадаться, что онъ случайно и недавно попалъ въ офиціанты и, можетъ-быть, былъ уже и читальщикомъ и факельщикомъ; по красному носу и дрожанію рукъ было замѣтно его пристрастіе къ вину. Въ свободныя минуты, стоя у дверей и ожидая, что его позовутъ, онъ утиралъ пальцами въ вязаныхъ перчаткахъ носъ, или почесывалъ сзади голову подъ парикомъ, оттопырившимся въ видѣ подстриженнаго птичьяго хвоста; салфетка, бывшая у него подъ мышкой, не разъ отирала катившійся съ его лица крупный потъ и также не разъ отирала ради чистоты подаваемыя тарелки. Онъ былъ и жалокъ, и смѣшонъ, и отвратителенъ въ одно и то же время, производя впечатлѣніе нечистоплотнаго и полуголоднаго бродяги. Онъ конфузилъ даже хозяйку, и она замѣтила ему:

— Ахъ, Иванъ, какой ты неловкій!—и тутъ же тихо объяснила гостямъ:—Это, знаете, нашъ старый слуга, изъ нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ; жаль старика, потому и держимъ, хотя онъ уже и отвыкъ служить.

Въ дѣйствительности, разумѣется, онъ былъ такимъ же ихъ крѣпостнымъ, какъ и крѣпостнымъ китайскаго императора.

Ивану помогалъ Ѳедя, сынъ хозяевъ, остриженный довольно коротко гимназистъ, съ множествомъ вихровъ на головѣ, съ узенькимъ лбомъ и красными большими руками. Его гимназическій мундирчикъ былъ ему коротокъ и въ тальѣ, и въ рукавахъ, изъ которыхъ висѣли и болтались, какъ кисти, его красныя, длинныя и широкія пятерни. Мальчикъ, подгоняемый приказаніями и просьбами матери, отца, сестеръ и гостей, скакалъ изъ угла въ уголъ козлиною, угловатою походкой.

Гости начали съѣзжаться рано, и что это были за гости!

Digitized by Google

Это было буквально вавилонское столпотвореніе. Чиновники, офицеры, барышни, тетки крестниковъ разныхъ извѣстныхъ людей, артисты третьяго разбора, клубные знакомые, какой-то сбродъ съ борка и съ сосенки. Одни шли ради картъ, другіе ради пляски, третьи ради интрижки съ барышнями, четвертые ради ѣды и выпивки. Многіе были здѣсь, подобно мнѣ, впервые; многіе, очевидно, были не только въ первый, но и въ послѣдній разъ. Всѣ почти спрашивали другъ у друга:

— А кто этотъ господинъ? А кто эта госпожа?

Общихъ разговоровъ, конечно, не было и въ поминѣ, всѣ жались и церемонились, всѣ молчали и точно чего-то ждали. Наконецъ началась игра въ карты, танцы и чай,— почувствовалось оживленіе. Какой-то прикомандированный къ гвардіи армеецъ сталъ дирижировать танцами:

— Дамъ-занъ-аванъ! Шенъ-де-дамъ!

И пошло верченіе, топотъ, бряцаніе шпоръ. Кто-то на всю залу чихнулъ отъ поднявшейся пыли. Атмосфера дѣлалась все душнѣе и тяжелѣе. Изъ моей комнаты, какъ изъ трубы, валилъ дымъ въ залу, въ залѣ пахло керосиномъ, потомъ, гарью изъ кухни, дешевыми духами и помадами. Говоръ все усиливался, топотъ дѣлался все отважнѣе, все неистовѣе гремѣла команда:

— Фетъ-ле-ронъ! Ранже-ву, месье?

Факельщикъ въ роли офиціанта съ ловкостью танцующаго на канатѣ слона лавировалъ между гостями съ подносомъ наполненнымъ конфетами, яблоками, виноградомъ. Всего было мало, всего недоставало, а тутъ какая-то старушка съ сладкой улыбочкой набирала въ платокъ гостинцевъ «для внучковъ»; тамъ какой-то беззубый господинъ съ орденомъ на шеѣ, покачивая съ неудовольствіемъ головой, перещупывалъ всѣ яблоки, надавливая ихъ замаранными нюхательнымъ табакомъ пальцами, чтобы выбрать самое мягкое, и перебралъ всѣ конфеты, чтобы найти менѣе сладкую; въ третьемъ мѣстѣ кто-то упорно удержалъ офиціанта за рукавъ и сталъ ѣсть съ подноса угощенія, не выпуская изъ рукъ своей жертвы, пока не набилъ непомѣрно прожорливаго рта сластями. Въ моей комнатѣ уже кричали:

— Да вѣдь этакъ лапти только плести можно, а не въ карты играть! У меня какія-съ были карты? А вы съ чего ходили? Я вамъ что показалъ? Пики?

— Ну!

Digitized by Google

— А вы съ чего ходили? Съ трефъ?

— Ну!

— Да вы что прикидываетесь, что ли, невиннымъ-то? Ну, ну? Я вамъ говорю, что я показалъ пики-съ, пики-съ, а вы съ трефъ! Чортъ знаетъ, что сдѣлали! И дернуло меня сѣсть Богъ вѣсть съ кѣмъ!

Какая-то старая, полуглухая барыня въ яркомъ чепцѣ подсѣла ко мнѣ и начала разспросы:

— Это кто? А это кто?

— Я здѣсь никого не знаю,—отвѣчалъ я.

— Да вы впервые здѣсь?

— Впервые.

— Вы кто же такой?

— Жилецъ.

— Жилецъ? Чей?

— Олениныхъ, комнату нанимаю у нихъ.

— А! А гдѣ же ваша комната? Это темная-то?

— Нѣтъ. Та, гдѣ въ карты играютъ.

— Отдавать, значитъ, стали! Охъ, плохи дѣла. Всегда говорила, не по состоянію живутъ! Шутка ли, все по клубамъ, все по театрамъ, все балы да пиры, а работникъ одинъ. Ну, конечно, мѣсто доходное, по таможнѣ служитъ, а все ни хватитъ, сколько ни бери. Тоже карты эти. Самъ въ должности день, а вечеръ въ клубѣ за картами. Дочерей-то сбыть не могутъ, извертѣлись дѣвки, истрепались. Вотъ съ офицеромъ-то, съ офицеромъ-то Катенька вьется, а что съ него взять. Голь тоже перекатная, поиграетъ съ дѣвчонкой и броситъ. Ему на голые зубы отчего не поиграть, а послѣ она-то кулаками слезы будетъ утирать.

Старуха пожевала беззубымъ ртомъ и начала снова:

— И ужъ онѣ ли въ передѣлкахъ не были: старшая-то дочь такъ и пропала, напоролась на прощелыгу какого-то, погуляла съ нимъ да и нагуляла дѣвчонку. Въ воспитательный отдали, ну, ее-то выгнали, теперь, поди, по Невскому гдѣ-нибудь ходитъ, да мужчинъ ловитъ. Охъ, грѣхи, грѣхи! И ужъ нужды-то, нужды-то что натерпѣлись. Всѣмъ-то должны были, жались въ Гавани, христорадничали, пока мѣста хлѣбнаго самъ не добился. Да что говорить, и теперь-то въ долгу, какъ въ шелку. Меня вотъ принимаютъ, ублажаютъ, а почему? Векселя у меня есть. Да! А ты, батюшка, изъ какихъ?

— Писатель.

— А! А то приказный, думала, спросить хотѣла: векселя-то

Digitized by Google

мои дѣйствительны ли? У трехъ уже спрашивала, говорятъ: дѣйствительны! А все боюсь. Мое дѣло старое, женское, порядковъ не знаю. Все чужимъ умомъ живу, кто что скажетъ, то и дѣлаю.

Старушка опять пожевала беззубымъ ртомъ.

— Ишь, какъ гогочутъ, чему рады!

Дѣйствительно, шумъ становился все сильнѣе, все разнообразнѣе: кто-то вслухъ острилъ: «когда будочникъ бываетъ цвѣткомъ?» Другой кто-то отвѣчалъ также громко: «когда онъ не за будкой!» Какой-то беззастѣнчивый кавалеръ напѣвалъ вполголоса: «Какъ ты мила». Какія-то барышни, заливаясь смѣхомъ, взвизгивали: «ахъ, ахъ, не смѣшите!» Среди игроковъ просто кричали, ругая другъ друга, азартные партнеры. Топотъ, пристукиванье каблуками и шпорами танцоровъ дошли до послѣдней степени, а дирижеръ танцами съ всклоченной прической, съ мокрымъ отъ пота лицомъ, уже не кричалъ, а взвизгивалъ: «Ле-кавалье-занъ-аванъ!»

Закуска была уже подана и всѣ успѣли закусить.

Но девятый валъ этой бури веселья былъ еще впереди: въ столовой накрывали ужинъ, громыхая посудой, звенѣли рюмками и стаканами, факельщикъ ухитрялся такъ откупоривать бутылки, что пробки щелкали на всю квартиру, что-то тамъ у него разбилось, и до меня очень явственно долетѣло, какъ факельщикъ воскликнулъ:

— Ахъ, чтобъ тебѣ!

Крѣпкое слово слетѣло съ его неумытыхъ устъ. Но въ залѣ гости уже ничего не слыхали, ничего не понимали, доплясывая послѣдній кадриль, доигрывая послѣдній роберъ, послѣднюю пульку. Наконецъ всѣ пошли къ ужину и здѣсь произошло маленькое смятеніе; очевидно, что не хватило стола, не хватило приборовъ и потому нѣкоторымъ приходилось ужинать отдѣльно, не за полными приборами.

— Ахъ, эта глухая старушонка вѣчно до конца досидитъ!— жаловалась хозяйка шопотомъ и на ходу мужу.—И ты хорошъ, никого изъ своихъ олуховъ не спровадилъ. Туда же остались къ ужину.

Хозяинъ и хозяйка не садились за ужинъ вовсе и ходили около, угощая гостей, осматривая, все ли подано. Казалось, они сосчитывали каждый проглоченный кусокъ, каждую налитую виномъ рюмку. За столомъ слышался смѣхъ и говоръ.

— Ви-за-ви сонъ де-зами!— говорилъ одинъ кавалеръ дѣвушкѣ, сидѣвшей напротивъ.

Digitized by Google

— Ахъ, вовсе и не желала! Опять смѣшить будете!

— Это мой дѣдушка мою бабушку смѣшилъ, а не я васъ!

— Ахъ, не смѣйте болѣе говорить!

На другомъ концѣ другой острякъ замѣтилъ своему толстому и важно смотрѣвшему сосѣду:

— Нѣтъ, ужъ вы оставьте,—это моя мозоль, такъ вы мнѣ ее своими ногами не давите!

Толстякъ посмотрѣлъ на него гнѣвнымъ взглядомъ и проворчалъ:

— Виноватъ!

— Ничего-съ, это я только потому, что она моя любимая!

Барышня рядомъ фыркала отъ смѣха. На краю стола продолжался еще споръ о картахъ:

— Да нѣтъ-съ! У меня что было—тузъ, король, валетъ и десятка бубенъ, король, дама и десятка пикъ, тузъ, валетъ и десятка червей, дама, валетъ, десятка и девятка трефъ.

— Да вы четырнадцать картъ насчитали.

— Нѣтъ-съ, слушайте: тузъ, король, валетъ и десятка бубенъ...

Другіе два партнера доругивались:

— Нѣтъ-съ, это я называю лапти плести, а не въ отвѣтственную игру играть! Вы-съ подводите своего партнера и выводите противниковъ. Я-съ охотнѣе втроемъ сяду играть, съ болваномъ, чѣмъ такъ.

— Да въ клубѣ за это бьютъ!

— Ну, гдѣ это вы видѣли! Ну, выведутъ и конецъ!

— Ну, гдѣ какъ! Въ иномъ и побьютъ!

— Конечно, если съ умысломъ.

— Съ умысломъ или не съ умысломъ—тутъ некогда разбирать, а бей и конецъ.

— Ну, на кого тоже нападутъ!

Хозяинъ подходилъ и угощалъ гостей. Эти люди, чинные, скучающіе и безмолвные въ началѣ вечера, были теперь неузнаваемы: они и веселились, и шумѣли, и даже были красны, точно это были не тѣ гемороидальныя, золотушныя, малокровныя, чахоточныя лица, которыя явились сюда въ восемь часовъ вечера.

— Ну, ужъ и баня же у васъ!—проговорилъ вслухъ какой-то господинъ съ орденомъ въ петлицѣ.

Раздался хохотъ, начались остроты и шутки насчетъ бани, пошли въ ходъ двусмысленности, скабрезности; сальныя натуры развернулись вполнѣ, разливая цѣлый потокъ циничныхъ намековъ, остротъ и шутокъ. Какой-то гвардей-

Digitized by Google

скій офицеръ, наклоняясь къ одной изъ дочерей хозяевъ, говорилъ:

— Теперь бы на тройкѣ покататься!

— Ахъ, нѣтъ, мамаша не пуститъ, поздно!

— Но я, Марья Александровна, смѣю разсчитывать въ другой разъ?

— Спросите мамашу, если отпуститъ.

— Я пріѣду, и мы штурмомъ возьмемъ крѣпость!

Онъ понизилъ голосъ и началъ что-то нашёптывать. Дѣвушка потупилась и перебирала кончикъ вѣера.

— Ахъ, я не вѣрю вамъ!—шептала она.

— Честное слово!

Бутылки были всѣ опорожнены, и водка, и пиво, и иностранныя вина отъ Денкера, и русскія вина отъ Воронцова были допиты. Кто-то изъ гостей безцеремонно перебиралъ всѣ бутылки, чтобы выпить еще послѣднюю рюмку, и держалъ каждую бутылку противъ свѣта, отыскивая въ ней хотя каплю влаги.

— Послѣдній контрдансъ!—крикнулъ дирижеръ танцевъ.—Ла дерньеръ авекъ галопъ!

Опять всѣ зашумѣли стульями, раздались поцѣлуи съ хозяевами, задвигалась масса, дамы подбирали подолы, чтобы не выпачкать платьевъ о пролитое вино и пиво, объ оброненные куски жаренаго гуся, о растаявшее на полу упавшее съ ложекъ мороженое. Хаосъ, толкотня, грязь, все это царило въ столовой. Въ залѣ уже снова слышалась музыка и вертѣлись пары. Вздремнувшая во время ужина таперша, въ перекрашенномъ черномъ платьѣ, въ большихъ очкахъ, съ красными рабочими руками, должно-быть, когда-то отмороженными, барабанила съ новою силою по клавишамъ разстроеннаго фортепіано.

Когда всѣ уѣхали и я ушелъ въ свою комнату, я не узналъ ея: табачный дымъ, окурки сигаръ и папиросъ, запахъ гари и селедокъ, оброненныхъ здѣсь во время закуски, слѣды грязныхъ ногъ, все это было неприглядно, напоминало кабакъ. Успокоиться и улечься я не могъ долго: хозяйка бѣгала, подсучивъ платье, и тушила свѣчи, обирала огарки, считала колоды картъ, мелки, щеточки; въ кухнѣ считали посуду, приборы ножей, вилокъ и ложекъ, салфетки. Все это было наполовину занято у сосѣднихъ жильцовъ, у знакомыхъ, у какого-то кухмистера. Барышни, уставшія и опустившіяся, раскалывали банты, цвѣты, не обращая никакого вниманія на меня.

Digitized by Google

Бѣдный гимназистъ, сынъ хозяевъ, помогавшій весь вечеръ факельщику, теперь гонялся изъ угла въ уголъ.

— Ѳедя! Ѳедя!—кричала ему мать:—разбери карты!

— Ѳедя! Ѳедя! отколи бантъ мнѣ сзади!—кричала ему сестра.

Онъ огрызался, ругался, но помогалъ всѣмъ.

— Ѳедя! Ѳедя!—крикнулъ, наконецъ, и я.

— Вы еще что?—грубо отвѣтилъ онъ.

Я расхохотался.

— Ничего, голубчикъ, просто хотѣлъ вамъ сказать, что пора и спать!—сказалъ я, протягивая ему на прощаніе руку.

— Да, уснешь у насъ!—отвѣтилъ онъ.—Теперь еще въ спальнѣ отецъ и мать пилить другъ друга начнутъ до третьихъ пѣтуховъ!

Ну, вотъ и прошелъ jour fixe и пошли опять дни попрежнему: весь день музыка и пѣніе, а вечеромъ—мертвая тишина. Днемъ бѣготня Аннушки, а вечеромъ ея тихія бесѣды съ ея солдатомъ. Такъ же неизмѣнно пропадалъ самъ господинъ Оленинъ днемъ въ должности, вечеромъ—въ клубѣ. Такъ же неизмѣнно не былъ виденъ сынъ Олениныхъ, пребывая днемъ въ гимназіи, а вечеромъ—у товарищей. И никто-то не дѣлалъ никакого дѣла, не шилъ, не читалъ, не учился. Иногда я слышалъ, какъ Аннушка говорила:

— Да вѣдь стирать нельзя, сударыня, въ корытѣ чулки останутся, мѣста живого нѣтъ!

— Вы бы хоть подштопали!—совѣтовала мать дочерямъ.—Также изъ угла въ уголъ ходите!

— Что мы богадѣленки, что ли? Рано еще за вязаньемъ и штопаньемъ сидѣть,—отвѣчали барышни.—Скажите папа, пусть на новые дастъ денегъ.

— Такъ онъ и далъ! Припасено у него для васъ!

— А въ карты есть на что играть?

— Не на ваши играетъ!

— Да и вы не на свои играете, а на хозяйственныя!

— Ну, и не ваше дѣло!

— Не наше, а мы оборванными ходимъ!

— Стыдитесь! Сколько платьевъ понашили!

— А юбки обтрепаны!

— А вы подшейте!

— Ну, ужъ нѣтъ-съ! Возьмите швейку!

И точно, въ домѣ появилась швея-поденщица, на кото-

Digitized by Google

рую наваливали цѣлыя груды разнаго расхудившагося бѣлья, проносившихся юбокъ, оборвавшихся сорочекъ. Она съ утра до ночи не разгибала спины, а семья пила, ѣла, пѣла и веселилась. Я дѣлалъ нѣсколько попытокъ поговорить съ барышнями, но изъ этого ничего не выходило. О книгахъ онѣ совсѣмъ не могли говорить, потому что ничего не читали, кромѣ стишковъ изъ какихъ-то сборниковъ, хрестоматій и пѣсенниковъ. О театрѣ ихъ разговоры ограничивались разсказами о томъ, кто изъ зрителей и актрисъ какъ былъ одѣтъ, и восклицаніями: «Ахъ, милка Мартыновъ!» «Ахъ, пупончикъ Самойловъ!» Объ общественныхъ и политическихъ новостяхъ нечего было и заикаться, такъ какъ онѣ никогда не читали никакой газеты и узнавали только отъ Аннушки, что гдѣ-то кого-то ограбили, при чемъ только въ экстренныхъ случаяхъ онѣ говорили: «Ахъ, достань газету, Аннушка, мы сами прочтемъ!» Говоря съ ними, нужно было говорить анекдоты, каламбуры, остроты, чтобы смѣшить ихъ, или любезничать съ ними, чтобы завести интрижку, или вызывать ихъ на воспоминанія, чтобы онѣ защебетали безъ конца. Впрочемъ, ихъ воспоминанія ограничивались тѣмъ, какъ весело провели онѣ время въ Павловскѣ, каждый день на музыкѣ, всѣ аристократы тамъ живутъ, самъ великій князь тамъ бываетъ, или какъ хорошо онѣ жили въ Парголовѣ, каждый день на телѣгахъ, на лодкахъ, верхомъ катались, играли въ серсо, въ воланы, одинъ кавалеръ былъ тамъ душка, утонулъ бѣдный, и такъ далѣе безъ конца. Глубже этого содержанія воспоминанія не шли. Иногда онѣ разсказывали даже, какъ кто упалъ въ клубѣ въ кадрили годъ тому назадъ, какъ два года тому назадъ, въ клубѣ же, одна дама юбку потеряла, и это онѣ помнили съ удивительными подробностями и оживлялись при этихъ воспоминаніяхъ. Онѣ мнѣ скоро надоѣли, и я пересталъ даже дѣлать наблюденія надъ этой пустой, праздной жизнью, стараясь два раза въ мѣсяцъ, по понедѣльникамъ, не ночевать дома, чтобы избѣжать ихъ общества. Но вдругъ судьба снова напомнила мнѣ о ихъ внутренней жизни.

Разъ я ночью, съ воскресенья на понедѣльникъ, когда барышни спали рядомъ съ моей комнатой, проснулся, услышавъ плачъ. Плачъ былъ неутѣшный, всхлипыванья были громки.

— Да ты разскажи, что случилось-то?—приставала мать.

— Ахъ, maman, вы видите, она сама не въ себѣ,—про-

Digitized by Google

говорила Катерина Александровна.—Извѣстно, что, ну, поѣхали на тройкахъ, на Крестовскомъ были, катались съ горъ, ужинали...

— Ну, ну!—торопила мать.

— Маша слаба, шампанское бросилось въ голову, вотъ отъ этого все и случилось,—поясняла дочь.

— А ты-то гдѣ была?—допрашивала мать.

— Я за нею по-пятамъ не могла же ходить! Ну, ушла, а потомъ вотъ и плачетъ,—закончила дочь.

— Да ты что же погубить насъ хочешь?—приставала мать къ плачущей дочери.—Ты, какъ сестра Дарья, видно, хочешь пропасть? Да я тебя теперь прокляну, если ты не выйдешь замужъ, если ты его выпустишь изъ рукъ! Вѣдь кто теперь тебя такую-то возьметъ? Кому такая-то нужна? Онъ тебя обольстилъ, его ты и заставь на себѣ жениться!

— Ахъ, maman, что вы ее терзаете еще!—заступалась за сестру Катерина Александровна.

— Не суйся не въ свое дѣло!—огрызнулась мать.—Тоже, видно, захотѣлось по дорожкѣ сестеръ пойти! Я тебѣ говорю, Марья, не хнычь! Слезами не воротишь. А ты такъ ему и объяви, что на него въ полкъ жалобу твой отецъ подастъ, если онъ не прикроетъ вѣнцомъ безчестія! Шутка ли, взялъ покатать дочерей благородныхъ родителей, компанію цѣлую собралъ, и что надѣлалъ! Жени, говорю я тебѣ, жени его на себѣ и конецъ, а не то...

Рыданія на мигъ смолкли, и я услышалъ всхлипывающій, прерывающійся голосъ Марьи Александровны.

— Маменька, маменька... онъ тутъ же... тутъ же... сказалъ... что онъ... женатъ!..

— Батюшки мои свѣты!—воскликнула мать, громко всплеснувъ руками.—Да что же это будетъ такое? Да какъ же ты не разузнала прежде?

Рыданія болѣзненныя, истерическія начались снова съ удвоенной силой.

— И будь ты проклята! И не дочь ты мнѣ!—зарыдала теперь и мать.—Съ глазъ моихъ ты уходи!

— Что это вы, maman! Ужъ не ходить ли и ей по Невскому, какъ Дашѣ, мужчинъ ловить!—проговорила Катерина Александровна.—Довольно и одной... Фамилію только срамитъ!.. А Машу еще возьмутъ, пока никто не знаетъ... Вотъ Перцовъ влюбленъ въ нее: онъ не богатъ, у папаши крестнаго подъ началомъ служитъ, его и женить... Все же лучше будетъ, потому Перцовъ и пикнуть не посмѣетъ насчетъ

Digitized by Google

неудовольствія: онъ будетъ радъ, что хоть при такихъ обстоятельствахъ ему съ нами породниться удастся, потому что у папаши крестнаго въ рукахъ вся его карьера и, можно сказать, жизнь...

— Ну, и говорите сами отцу и дѣлайте, что хотите, а я знать васъ не хочу!—крикнула мать.

— И обдѣлаемъ-съ, только вы не кричите, потому что васъ никто и не боится.

И дѣйствительно, Перцовъ женился на Марьѣ Александровнѣ, а Катерина Александровна подцѣпила какого-то богатаго старца въ мужья, и всѣ сестры—и Даша, ходящая по Невскому, и Маша, гулящая отъ несчастнаго мужа, и Катя, живущая съ богатымъ старикомъ-мужемъ,—продолжали свою жизнь милыхъ бездѣльницъ.

V.

Мужъ Марьи Александровны.

На свѣтѣ есть не мало лицъ, которыя имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а только вслѣдствіе своихъ супружескихъ отношеній къ разнымъ знаменитостямъ. Это мужья Патти и Жюдикъ, жены Прудоновъ и Тьеровъ. Они какъ будто теряютъ свои собственныя имена и являются чѣмъ-то безличнымъ, какими-то ненужными хвостами блестящихъ кометъ. Въ Западной Европѣ гораздо больше знаменитостей, чѣмъ у насъ, и потому тамъ гораздо больше этихъ мужей Патти и женъ Прудоновъ; но зато у насъ личности подобнаго сорта, будучи супругами даже и не настоящихъ знаменитостей, а какихъ-то двусмысленныхъ выскочекъ, играютъ роль еще болѣе странную и смѣшную, чѣмъ тамъ. Когда вамъ говорятъ: «это мужъ Патти! это жена Тьера!»—вы глядите не безъ нѣкотораго любопытства, не безъ какого-то непонятнаго интереса на указанныя лица и, можетъ-быть, смотря на нихъ, сознательно или безсознательно стараетесь угадать: каковъ вкусъ у этихъ знаменитостей, супруги которыхъ представлены вамъ? могутъ ли быть счастливы эти знаменитости, соединивъ свою участь вотъ именно съ этими людьми? какъ относятся эти близкіе люди къ своимъ знаменитымъ супругамъ? и т. д. Но когда вамъ рекомендуютъ: «это мужъ Марьи Александровны», вы непремѣнно прежде всего спрашиваете: «какой это Марьи Александровны? Кто такая это Марья Александровна?», и если заинтересовываетесь чѣмъ-нибудь, такъ это именно прежде всего самой

Digitized by Google

Марьей Александровной, а не ея мужемъ: имъ можно заинтересоваться только послѣ и то съ чувствомъ сожалѣнія или съ чувствомъ омерзѣнія.

Мужа Марьи Александровны я встрѣтилъ впервые въ маломъ верхнемъ буфетѣ театра Буффъ. Онъ много пилъ шампанскаго и очень громко говорилъ окружавшему его офицерству:

— Ну, что же, и поѣдемте къ француженкамъ!.. И поѣдемте!..

Онъ говорилъ это съ такою напускною развязностью и такимъ задорнымъ тономъ, какъ мальчикъ, желающій доказать, что за это его не высѣкутъ.

— Кто этотъ господинъ?—спросилъ я у своего пріятеля, завсегдатая театра Буффъ.

— Это же мужъ Марьи Александровны,—отвѣтилъ онъ, какъ бы удивляясь, что я не знаю этого господина.

— А кто сія Марья Александровна?—спросилъ я.

— Кто Марья Александровна?—повторилъ мой пріятель съ еще бо́льшимъ удивленіемъ.—Да неужели же ты не знаешь ея? Это одна изъ *этихъ* дамъ, одна изъ львицъ петербургскаго полусвѣта, адвокатъ въ юбкѣ, биржевикъ въ шиньонѣ.

— Но есть же у нея и фамилія,—замѣтилъ я.

— Не важная фамилія:—Перцова, отвѣтилъ мой пріятель.—Она извѣстна въ свѣтѣ просто какъ Марья Александровна...

«Перцова? Перцова? Знакомая фамилія!» думалось мнѣ, и вдругъ я вспомнилъ о семьѣ господъ Олениныхъ, у которыхъ дочь вышла замужъ за какого-то Перцова и ее звали тоже Марьей Александровной. Но не можетъ быть, чтобы это была она. То была малообразованная, мало развитая, далеко не умная барышня. Гдѣ же ей быть адвокатомъ въ юбкѣ, биржевикомъ въ шиньонѣ! Я сообщилъ моему пріятелю, что я когда-то жилъ у нѣкіихъ господъ Олениныхъ и...

— Ну да, это и есть ихъ дочь!—перебилъ онъ меня.—Значитъ, ты можешь прямо ѣхать къ ней и возобновить знакомство. Личность интересная и далеко не лишняя въ числѣ знакомыхъ. Какія дѣла обдѣлываетъ!

— Ну, положимъ, дѣлъ у меня нѣтъ, да и неловко такъ съ вѣтру пріѣхать въ гости,—сказалъ я.

— Къ ней-то?—воскликнулъ мой пріятель со смѣхомъ.—Да къ ней просто съ улицы можно пріѣхать и познакомиться, а у тебя даже нѣкоторыя права есть на знакомство, старыя отношенія къ ея семьѣ. Нѣтъ, ты съѣзди. Ей-Богу, пригодится. Вѣдь у нея ты кого встрѣтишь: заслуженныхъ стар-

Digitized by Google

цевъ, высокомудрыхъ администраторовъ, золотую молодежь, цвѣтъ петербургскихъ дѣльцовъ и кутилъ. Это, братецъ, матеріалъ, твои бифштексы... Помнишь, Гейне называетъ людей своими бифштексами, а ужъ у Марьи ли Александровны не насмотришься на людей!

Я не рѣшилъ ничего: мнѣ и хотѣлось ѣхать къ ней, и не хотѣлось. Я сознавалъ, что матеріалъ для беллетриста въ ея салонѣ можетъ найтись обильный, и въ то же время чего-то боялся. Но какъ бы то ни было, у меня изъ головы не выходилъ одинъ вопросъ: «какъ могла глупенькая барышня сдѣлаться такимъ дѣльцомъ? или она вдругъ поумнѣла?» Отвѣтъ на вопросъ получился случайно: посѣщая часто театры, я однажды увидалъ въ одной изъ ложъ бель-этажа молодую женщину, сидѣвшую, повидимому, со своею компаньонкою; эта женщина была вся въ черномъ бархатѣ, очень декольтирована, очень эффектно причесана, съ оригинальной накидкой изъ черныхъ кружевъ на головѣ въ видѣ испанской кружевной мантильи, ниспадавшей на ея обнаженныя плечи, шею и грудь. Она сіяла той красотой, которая дается не одною природою, а и долгимъ сидѣньемъ у зеркала, долгими усиліями горничныхъ и кауферовъ. Во всей ея фигурѣ, въ чертахъ лица, въ скромно опущенныхъ глазахъ, въ жестахъ, которыми она встрѣчала поминутно входившихъ къ ней въ ложу мужчинъ, было одно выраженіе покорности и смиренія. Она походила на прелестную молодую вдову, которая все еще оплакиваетъ мужа и которую насильно привезли въ театръ, чтобы немного развлечь,—но,—увы!—напрасно, такъ какъ она можетъ покориться волѣ другихъ, но развеселиться не можетъ. Я долго любовался ею, и въ моей памяти вставало какое-то смутное воспоминаніе: я видѣлъ гдѣ-то, когда-то эту женщину, но видѣлъ ее въ другомъ видѣ.

— Ну, хороша?—вдругъ раздался надъ моимъ ухомъ вопросъ.

Я повернулъ голову и увидалъ своего пріятеля, который говорилъ мнѣ о Перцовой.

— Да! Кто это?—спросилъ я.

— Не узналъ?.. Да это же и есть Марья Александровна!—отвѣтилъ онъ.

— Она?—почти воскликнулъ я.—Да развѣ это дама полусвѣта! Развѣ это кокотка! Это воплощеніе грусти, смиренія и покорности!

— А! наречённый папаша крестный вотъ уже цѣлый мѣсяцъ упрямится и не хочетъ хлопотать о дѣльцѣ іеруса-

Digitized by Google

лимскаго дворянина Іоанна Авраамовича Шмулевича! Мы двѣ недѣли никуда не выѣзжали, лежали въ постелькѣ и никого не принимали, даже наречённаго папашу крестнаго. Потомъ нанъ извѣстный медикъ Петръ Платоновичъ Золотовъ, призванный къ постели больной, нашелъ, что болѣзнь заключается въ опасномъ и упорномъ разстройствѣ нервовъ и что нужно черезъ силу развлекать больную, если не желаютъ, чтобы развилось нѣчто въ родѣ тоже упорной и опасной меланхоліи. Вслѣдствіе этого ее вывезли, какъ извольшь видѣть, въ театръ, но онъ ей не доставляетъ удовольствія, она сидитъ въ немъ поневолѣ, по приказанію доктора, хотя она сама сознаетъ, что это не поможетъ.. Да что я говорю! Пойдемъ, она все это тебѣ сама разскажетъ...

И мой пріятель насильно потащилъ меня въ ложу къ Марьѣ Александровнѣ, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться.

— Вы меня простите, Марья Александровна,—сказалъ онъ, таща меня къ ней въ ложу: — медвѣдя знакомаго къ вамъ привелъ, еще барышней смѣялись надъ его звѣроподобіемъ.

Онъ назвалъ мою фамилію.

— Я и такъ бы сейчасъ узнала!—проговорила она, протягивая мнѣ съ улыбкой руку.—Я васъ знала въ хорошія времена, когда еще жилось такъ беззаботно—весело. Можетъ-быть, это было глупо и наивно, но, право же, было лучше.

— А я васъ не узналъ,—сказалъ я.—Вы измѣнились...

— Постарѣла,—вздохнула она.

— Напротивъ, расцвѣли, похорошѣли,—сказалъ я.

— Ахъ, нѣтъ! Бархатъ, кружево, вотъ что лучше теперь, чѣмъ наши барежевыя платья... Помните ихъ?.. А сама я старуха, болѣю, хандрю...

Антрактъ кончался. Я спѣшилъ откланяться.

— Поѣдемте ко мнѣ!—сказала она.—Здѣсь скучно, а тамъ поболтаемъ о старинѣ, о нашихъ jours fixes... Вы очень тогда смѣялись надъ нами?.. Такъ ѣдете?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я.

Она поднялась съ мѣста и взяла меня подъ-руку.

— А вы досидите до конца и потомъ пріѣзжайте тоже,—сказала она моему пріятелю.—Мы успѣемъ до вашего пріѣзда вспомнить все прошлое. Да, кстати, не говорите никому, что и вы ѣдете ко мнѣ... Не хочу я никого у себя видѣть.

— Но всѣ видятъ, что вы уѣзжаете съ нимъ,—замѣтилъ мой пріятель.

— И пусть видятъ, пусть знаютъ!—раздражительно про-

Digitized by Google

говорила она.—Я ихъ не хочу видѣть... я рада, что я отдохну хоть минуту со старымъ другомъ...

— Такъ и прикажете сказать всѣмъ?—спросилъ пріятель.

— Да, да, всѣмъ и каждому!—отвѣтила она и стала спускаться со мною съ лѣстницы.

Мы сѣли въ карету и поѣхали. Всю дорогу Марья Александровна не смолкала ни на минуту, и я снова узналъ въ ней ту болтливую барышню, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ щебетала въ залѣ, смежной съ тою комнатою, гдѣ жилъ я,—только теперь эта барышня говорила другими словами. Она едва ли могла быть названа умною или развитою женщиною, тривіальныхъ выраженій у нея проскальзывало не мало, и ея языкъ часто напоминалъ языкъ того общества, которое вращается въ Петербургѣ въ «благородкѣ», какъ оно само называетъ благородное собраніе; но у нея было много сноровки, хитрости, кошачьихъ ужимокъ, внѣшняго лоска, хотя мнѣ все казалось, что она кого-то копируетъ, кому-то подражаетъ. Разговоръ велся въ какомъ-то минорномъ тонѣ. «Она постарѣла, она погибшее созданіе, ей тяжело ея положеніе»—эти фразы не сходили съ ея устъ, наконецъ, она договорилась до фразы: «мы, Травіаты», и я понялъ, какую роль она разыгрываетъ въ данную минуту. Она выражала сожалѣніе объ утраченной дѣвической наивности, о простой жизни въ своей семьѣ, о томъ, что она не понимала тогда такихъ людей, какъ я, о томъ, что она увлеклась, тогда какъ надо было посовѣтоваться съ умными и честными людьми и т. д. Я узналъ, что она послѣ замужества училась по-французски, взявъ француженку-компаньонку, что она брала уроки музыки и пѣнія, что она много читала французскихъ романовъ. Когда мы вошли въ ея квартиру, меня изумило обиліе шелка, бронзы, цвѣтовъ, картинъ, не нужностей французскаго издѣлія и книгъ той же стряпни изъ мастерскихъ Дюма-сына, Понсонъ-дю-Терайля, Белло. Это была въ полномъ смыслѣ квартира кокотки — яркій примѣръ безумнаго бросанія денегъ на совершенно не нужныя, на крайне малоцѣнныя, по художественной работѣ или по матеріалу, вещи и цѣлый университетъ свѣтскаго разврата: затѣйливыя мягкія кушетки, фривольныя статуэтки, амуры и зефиры на картинахъ, описаніе жизни новѣйшихъ Фринъ въ романахъ, мягкій полусвѣтъ розоватыхъ лампъ, опьяняющіе ароматы распустившихся гарденій, розъ, панкратій и ландышей. Закуривъ

Digitized by Google

легкую папиросу и болтая со мною, Марья Александровна успѣла мнѣ сообщить, что она вышла замужъ поневолѣ, что она почти не видитъ своего мужа, что около нея вертится цѣлый рой ухаживателей, что—ахъ, она вовсе не такъ дурна, какъ о ней думаетъ свѣтъ! Въ то же время она пожимала мнѣ руки, просила быть ея другомъ, бранить ее, и если бы я былъ юнъ и неопытенъ, то я вѣрно былъ бы къ концу вечера однимъ изъ многихъ ея рабовъ. Повидимому, у нея вошло въ привычку интриговать всѣхъ мужчинъ, дѣлать ихъ хоть на минуту своими любовниками, практиковаться въ кокетствѣ съ каждымъ встрѣчнымъ. Я могъ только удивляться ея артистическимъ способностямъ играть «роль». Она, въ какой-нибудь часъ времени, сумѣла разыграть и роль кающейся Травіаты, и роль заигрывающей съ новой жертвой кокетки, и роль дѣловой женщины, серьезно задумывающейся о будущемъ. Правда, переходы были слишкомъ быстры, ни одна роль не продолжала разыгрываться долго, но все же это умѣнье на нѣсколько минутъ проникнуться извѣстною ролью было изумительно. Только два-три раза и то на минуту прорвалась натура капризной и пошловатой женщины, когда въ комнату не во-время вошла компаньонка и когда лакей не разслышалъ какого-то приказанія. Но грубый и раздражительный тонъ, вызванный этими людьми, тотчасъ же сгладился мягкимъ щебетаньемъ и очаровательной улыбкой. Она сдѣлалась еще обворожительнѣе, она придвинулась еще ближе ко мнѣ, когда пріѣхалъ мой пріятель.

— Ахъ, это вы!—воскликнула она и дружески протянула ему руку. — Я сегодня вполнѣ счастлива, я воскресла!.. Я уже думала, что все прошлое во мнѣ умерло, а оказывается, что нѣтъ, что оно еще живетъ во всемъ моемъ существѣ...

Она еще разъ пожала его руку и прошептала:

— Спасибо вамъ, что вы привели его!

Мы проболтали за полночь и на прощаньи Марья Александровна сказала мнѣ:

— Я жду васъ завтра!

Я было попробовалъ отговориться, но она перебила меня:

— О, хоть одинъ еще вечеръ!

— Ну, братъ, поздравляю!—расхохотался мой пріятель, когда мы вышли на улицу. — Капитальное дѣло обдѣлалъ для Марьи Александровны...

— Кто?—спросилъ я.

— Да ты же, кому же больше!—отвѣтилъ онъ.

Digitized by Google

Я не понималъ ничего.

— Какъ же: старый другъ ея ты, внезапно встрѣтились въ театрѣ послѣ разлуки, тотчасъ же уѣхали вмѣстѣ, случилось это какъ-разъ въ то время, когда ей опротивѣли ея жизнь, ея поклонники, свѣтъ. Теперь она покается передъ тобой во всѣхъ содѣянныхъ во время вашей разлуки прегрѣшеніяхъ, вымолитъ твое прощеніе, падетъ къ твоимъ ногамъ съ воплемъ:

«Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!»

И у ея названнаго крестнаго папаши, у ея пажей и рыцарей, у ея биржевыхъ агентовъ и сотрудниковъ не станетъ болѣе Марьи Александровны!..

— Что ты за чепуху городишь!—сердито проговорилъ я.

— Чепуха или нѣтъ, а такъ надо было представить дѣло въ глазахъ свѣта,—отвѣтилъ онъ:—и такъ я его и представилъ, тѣмъ болѣе, что именно этого и желала Марья Александровна. Недаромъ же она назвала тебя старымъ другомъ, недаромъ уѣхала въ половинѣ пьесы съ тобой, недаромъ она велѣла мнѣ сказать всѣмъ, что она не хочетъ ихъ видѣть!

— Ну, братъ, ты, кажется, ужъ слишкомъ много макіавелизма приписываешь этой глупенькой бабенкѣ,—сказалъ я.

— Что она глупенькая бабенка — это вѣрно, что она умѣетъ лукавить и интриговать—это тоже вѣрно, что олухи царя небеснаго, ея поклонники, попадаются на ея незамысловатыя удочки — это тоже вѣрно, какъ дважды-два четыре,—проговорилъ мой пріятель.—Разъ она, братъ, постригаться въ монахини хотѣла, когда долго не давали мѣста одному изъ ея protégé, и въ монастырь ежедневно ѣздила къ обѣднямъ въ теченіе недѣли...

— Ну, и...

— И дали желаемое мѣсто.

Мы помолчали.

— А то разъ она поступила проще: ея наречённый крестный папаша... Онъ, надо тебѣ замѣтить, крестилъ не ее, а ея сестру, но она его для удобства зоветъ своимъ крестнымъ отцомъ... Такъ вотъ этотъ крестный папаша плохо отдѣлалъ ея будуаръ. Она разсердилась, раскричалась, сняла туфли и нахлопала его по щекамъ...

Digitized by Google

— Ну, это ужъ, дѣйствительно, совсѣмъ просто,—засмѣялся я.

— Просто, но радикально,—отвѣтилъ мой пріятель. — Противъ такого аргумента устоять трудно. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ самъ всякаго обидитъ, всѣхъ распекаетъ, всѣмъ распоряжается, и вдругъ женщина бацъ-бацъ! лупитъ его туфлей по щекамъ. Это такъ ново, такъ неожиданно, такъ оригинально, что такую женщину нельзя не обожать. Все этикетъ, да этикетъ—это вѣдь и пріѣстся, нужно же и оплеушины попробовать. Недаромъ же Орлова уважала Фотія: передъ ней всѣ лебезили и кланялись, а онъ первый ее крѣпкимъ словомъ принялъ. Это, братъ, чисто психическія воздѣйствія. Помнишь, какъ у Миллера-Красовскаго въ педагогикѣ...

Спустя минуту, мой пріятель продолжалъ въ раздумьи:

— А вѣдь она и за тебя прибьетъ, пожалуй, своего старикашку. Придетъ она завтра. Станетъ она разсказывать, что ты встрѣтился съ нею, что ты былъ въ нее влюбленъ и прежде, что ты сгораешь и теперь къ ней страстью, что ты предлагаешь ей бросить все и удалиться съ тобою въ пустыню, что она готова для тебя на все. Начнутся упреки, слезы и, можетъ-быть, битва. Врать она мастерица: и плачетъ—вретъ, и смѣется—вретъ.

— Ну, я-то не стану играть роль мнимаго обожателя и не пойду къ ней даже завтра,—сказалъ я.

— И отлично сдѣлаешь, потому что тебя завтра не примутъ.

— Она же звала...

— А все-таки не приметъ. Завтра утромъ она повоюетъ и помирится со старикомъ, который дастъ обѣщаніе хлопотать о дѣльцѣ жида, а вечеромъ они будутъ блаженствовать, разыгрывая идиллію примиренія. Тутъ ужъ будетъ не до тебя, а до выманиванья денегъ: купи это! подари то! А ты лучше, попросту, какъ-нибудь утречкомъ зайди къ ней и говори, какъ я, въ шутливомъ тонѣ — друзьями будете. Она баба нужная, для изученія годная.

Я послѣдовалъ совѣту пріятеля, не пошелъ въ назначенный часъ къ Марьѣ Александровнѣ, посѣтилъ ее какъ-то утромъ, заговорилъ въ шутливомъ тонѣ, и Марья Александровна развернулась, впала въ мой тонъ, начала скабрезничать и даже показалась мнѣ ужъ черезчуръ пошловатою. Какой-нибудь часъ бесѣды показалъ мнѣ эту женщину всю во весь ростъ; праздная, изнѣженная, капризная, мало раз-

Digitized by Google

витая, плохо образованная, лукавая, она брала только бойкостью, беззастѣнчивостью, ловкостью и красотою, которая, при разныхъ новѣйшихъ пособіяхъ, казалась дѣйствительно замѣчательною. Привлекало къ Марьѣ Александровнѣ обожателей и то обстоятельство, что она беззастѣнчиво готова была за деньги обдѣлать всякое дѣло и также беззастѣнчиво готова была за деньги отдаться всѣмъ крайностямъ разврата. Нравственной узды у нея не было никакой, границы ея безнравственности трудно было предвидѣть впередъ. Про нее ходили слухи самые невѣроятные для тѣхъ, кто не зналъ ее лично, но, познакомившись съ нею поближе, трудно было сказать, что она не пойдетъ на тотъ или другой чудовищный скандалъ. Это было настоящее дитя столичной праздности, распущенности, безнравственности и продажности. Деньги и удобства были ея единственными кумирами. Изучать подобныхъ людей нечего долго, потому что они—глуповатые и пошловатые—высказываются быстро.

Но рядомъ съ ней или, вѣрнѣе сказать, за ней стоялъ субъектъ, заинтересовавшій меня. Этотъ субъектъ былъ мужъ Марьи Александровны.

Въ нашемъ обществѣ существуетъ масса мелкихъ чиновничьихъ семей, гдѣ нѣжные родители холятъ и лелѣютъ, кормятъ лакомымъ кусочкомъ и обучаютъ въ гимназіяхъ какихъ-нибудь любимчиковъ-сынковъ, но въ то же время эти едва сводящіе концы съ концами, въ сущности очень добродушные и даже честные по-своему люди, твердятъ денно и нощно, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, этимъ любимчикамъ-сынкамъ: «Голубчикъ, веди ты себя скромнѣе! Сторонись ты отъ озорниковъ-товарищей! Бѣду наживешь ты только съ ними! Да на людей-то смотри ты поласковѣе! Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ! Тоже не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь! Бросишь хлѣбъ назади, а онъ очутится впереди! Начальству-то будь ты покоренъ! Начальство знаетъ, что дѣлаетъ! Ты съ людьми хорошъ и они съ тобой хороши!» И все это говорится съ лаской, при всѣхъ этихъ наставленіяхъ раздаются поцѣлуи, гладятъ мальчика по головкѣ, ты, молъ, у насъ паинька! И растетъ мальчикъ румяный, выхоленный, заласканный и самъ такой тихій, предусмотрительный, нѣжный, мягкосердечный, мухи не обидитъ. Но чѣмъ тише и мягче онъ, чѣмъ больше смотритъ «красной дѣвушкой», чѣмъ болѣе онъ конфузится при каждой мелкой шалости, тѣмъ болѣе мирволитъ

Digitized by Google

ему начальство въ училищѣ. Онъ, можетъ-быть, тупъ, но онъ усерденъ; онъ, можетъ-быть, лѣнивъ, но онъ отличнаго поведенія; его переводятъ изъ класса въ классъ за благонравіе, если не за успѣхи; ему даютъ мѣсто за добрыя качества, но не за знаніе и не за умъ. Въ такой обстановкѣ и въ такихъ условіяхъ въ откормленномъ теленкѣ сильно развивается склонность къ мечтамъ о разныхъ благахъ и лѣнь для упорнаго труда къ пробиванію пути къ этимъ благамъ: избалованному мечтателю все кажется, что эти блага ниспадутъ на него сами собою, какъ манна небесная, и если онъ что-нибудь дѣлаетъ для достиженія ихъ, такъ это только то, что онъ ходитъ аккуратно на службу, усердно вскакиваетъ и краснѣетъ передъ начальствомъ, исполняетъ мелкія порученія какой-нибудь начальнической экономки, вздыхаетъ, проходя съ опущенными взорами передъ дочерью начальника, однимъ словомъ играетъ роль цѣломудренной невѣсты, плѣняющей выгоднаго жениха. Такой невѣстой, плѣняющей выгоднаго жениха, былъ и мужъ Марьи Александровны до своей женитьбы. Служа или, вѣрнѣе сказать, посѣщая мѣсто службы, онъ прислуживалъ всѣмъ, краснѣлъ передъ всѣми и вмѣсто дѣла писалъ стихи «къ ней», дѣлалъ росчерки подъ своею подписью, выводилъ затѣйливые вензеля и ждалъ, когда его женятъ за благонравіе и цѣломудріе. Невѣста, о которой онъ мечталъ и боялся мечтать, была Марья Александровна, дочь его ближайшаго начальника, названная крестница одного высокопоставленнаго лица. Два раза онъ поднялъ ей со вздохомъ платокъ въ церкви, три раза онъ удостоился въ клубѣ подержать ея шарфъ, одинъ разъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье осмѣлился поцѣловать ей ручку—этого было довольно для самыхъ невѣроятныхъ грёзъ, для писанья двухъ сплетенныхъ между собою вензелей, изъ которыхъ одинъ былъ его, а другой ея вензель. И вдругъ, о счастіе! мечты сбылись: его пригласили въ домъ къ его начальнику, его оставили съ нею наединѣ, ему дали понять, что онъ можетъ «осмѣлиться». Онъ «осмѣлился» и наречённый крестный папаша дѣвушки сказалъ ему:

— Я буду васъ имѣть въ виду!

Марья Александровна была не изъ трусливыхъ, но она боялась той минуты, когда ей придется объяснить молодому мужу, что она далеко не такъ чиста и невинна, какъ кажется. Волненіе ея къ концу свадебнаго вечера возросло до того, что она, оставшись съ-глаза на-глазъ съ мужемъ,

Digitized by Google

расплакалась и въ слезахъ начала говорить, что ее погубили. Его такъ тронули ея слезы, что онъ и самъ всплакнулъ, обнимая ее, и только шепталъ:

— Богъ съ ними! Богъ съ ними!

Все, такимъ образомъ, обошлось какъ нельзя лучше и даже придало особенную поэзію любви молодыхъ супруговъ, плакавшихъ въ объятіяхъ другъ у друга.

Такимъ же мягкимъ и покладистымъ мужемъ оказался Александръ Семеновичъ Перцовъ, когда названный крестный отецъ его жены сталъ слишкомъ часто посѣщать ихъ, усылая при этомъ Перцова то съ какими-то порученіями, то въ театръ, то, наконецъ, просто въ командировки. Ему прибавляли жалованье, ему дѣлали подарки, и онъ былъ доволенъ, потому что онъ теперь былъ, въ сущности, обезпеченъ на будущее время и застрахованъ отъ всякой необходимости работать, а работа была для него всегда какимъ-то пугаломъ, чѣмъ-то грязнымъ и утомительнымъ, чѣмъ-то отрывающимъ человѣка отъ спокойствія и отнимающимъ время у удовольствій. Истиннымъ счастіемъ онъ считалъ: спокойствіе, праздность, посѣщеніе театровъ, прогулку по Невскому на рысакѣ, ужинъ съ товарищами въ трактирѣ, хорошую одежду, интрижку «съ дѣвочками», какъ онъ выражался самъ. Теперь это все стало доступно ему, и онъ даже не сердился, когда на него иногда набрасывалась съ какой-нибудь бранью или упреками Марья Александровна, раздраженная чѣмъ-нибудь.

— Ну, цыпка моя, душонокъ ой, опять тебя разсердилъ кто-нибудь!—успокаивалъ онъ ее.—Ну, давай твои лапки, я ихъ расцѣлую! Царица ты моя ненаглядная!

И онъ цѣловалъ ея руки, становился передъ ней на колѣни, гладилъ ея ножки своими красивыми руками, заигрывалъ съ нею, какъ съ капризнымъ ребенкомъ. Иногда онъ былъ противенъ въ эти минуты даже ей; иногда же она, разнузданная и привыкшая къ разгулу, съ циничнымъ смѣхомъ говорила:

— Вотъ и хорошо, что у меня мужъ подъ рукой.—Эта фраза: «Мужъ подъ рукой» быстро распространилась въ кружкѣ Марьи Александровны, и съ той поры Перцова иначе и не звали, какъ «Мужемъ подъ рукой».

По-своему онъ былъ счастливъ. Но онъ былъ трусъ по натурѣ, по воспитанію—и это его погубило.

Праздность есть мать всѣхъ пороковъ, говоритъ прописная истина, но у этой матери рождается еще болѣе дѣтей,

Digitized by Google

когда она сама является дочерью избалованности, изнѣженности, закормленности. Александръ Семеновичъ, выхоленный, избалованный, изнѣженный съ дѣтства, стремился къ праздности, какъ къ высшей цѣли въ жизни, но, достигнувъ этой цѣли, онъ началъ мечтать о наслажденіяхъ, объ удовольствіяхъ, объ удовлетвореніи своихъ животныхъ инстинктовъ, которые такъ сильно развиваются въ здоровомъ, откормленномъ, взлелѣянномъ организмѣ. На это были нужны деньги, и онъ доставалъ ихъ пригоршнями изъ кармановъ жены. Жена не морщилась, не возражала, пока онъ былъ еще нуженъ ей, какъ мужъ подъ рукой. Но чѣмъ больше расширялся кругъ ея знакомыхъ, ея поклонниковъ, ея обожателей, чѣмъ больше она чувствовала любви къ наживѣ, къ крупнымъ кушамъ, тѣмъ чаще пробуждался въ ней вопросъ:

— За что я его кормлю?

Чѣмъ настойчивѣе повторялся этотъ вопросъ, тѣмъ чаще и тѣмъ зловѣщѣе дѣлались сцены между мужемъ и женой изъ-за денегъ. Онъ пробовалъ успокоивать ее своими ласками, но эти ласки уже были ей не нужны; онъ потерялъ для нея даже значеніе хорошенькаго юноши, такъ какъ около нея стояло цѣлое полчище болѣе молодыхъ и болѣе красивыхъ юношей. Она стала говорить ему:

— Подите, вы мнѣ противны!

Тогда онъ, слабохарактерный и мягкосердечный, сталъ рыдать и умолять ее при каждомъ вопросѣ о лишнемъ рублѣ. Этого было довольно, чтобы она почувствовала ясно свою силу надъ нимъ и стала третировать его, какъ лакея.

Въ одну изъ бурныхъ сценъ она разгорячилась до того, что дала ему пощечину: онъ присѣлъ и заплакалъ; она выгнала его вонъ изъ своей комнаты, и онъ пошелъ прямо въ трактиръ и напился тамъ до безчувствія. Съ этой минуты начался новый фазисъ его семейной жизни. Его, въ его собственной квартирѣ, сталъ ругать и осмѣивать каждый, кто хотѣлъ; онъ потуплялся, молчалъ, пропускалъ все мимо ушей и, въ концѣ-концовъ, напивался съ горя.

Иногда поклонники Марьи Александровны, чтобы за что-нибудь отомстить ей, затягивали его въ свою компанію, подпаивали его и пробовали подстрекнуть его къ бунту.

— Мы удивляемся, Александръ Семеновичъ, — говорили они ему:—какъ вы терпите все въ своемъ домѣ! Вѣдь вы мужъ! Вы имѣете право выгнать изъ своего дома всѣхъ непріятныхъ вамъ гостей...

Digitized by Google

— И она уйдетъ, и она уйдетъ съ ними!—бормоталъ онъ, опуская голову.

— Уйдетъ! Что вы говорите! Да вы, по праву мужа, по этапу можете ее вытребовать откуда бы то ни было и заставить жить съ собою,—замѣчали ему.

— Да она меня самого выслать можетъ,—бормоталъ онъ.—Связи у нея...

— Ну, и пусть вышлетъ, а вы ее по этапу къ себѣ потребуйте,—совѣтовали ему.—Да если вы вздумаете власть показать, она по вашей дудкѣ плясать будетъ и ея крестный, что ли, папаша у васъ по струнке будетъ ходить. Вы ободритесь только, смѣлости наберитесь...

— Нѣтъ-съ... гдѣ мнѣ!—уже плакалъ онъ.—Я тряпка! Я погубленный человѣкъ! Она меня обманула! Она меня за мужа не считаетъ!

— Потому и не считаетъ, что вы сами не хотите поставить себя иначе въ домѣ!—подзадоривали его.—А вы вотъ пойдите къ ней, прикрикните на нее, нашумите побольше, сломайте что-нибудь... Да вы выпейте для храбрости! Эхъ, вы, трусъ!

— Я не трусъ... а она меня погубила!..

— Ну, вы и отплатите ей, а то еще и не то будетъ! Вѣдь она васъ выгонитъ еще когда-нибудь, что тогда будетъ? Вѣдь вы нищеты боитесь?

— Я никакъ не могу-съ въ нищетѣ жить...

— А будете, если она васъ выгонитъ! А вотъ если бы вы теперь пришли къ ней да прикрикнули бы на нее, она и дала бы вамъ крупный кушъ. Хоть обезпечили бы себя на время!

Запугиванья, совѣты и подзадориванья пьяной компаніи шутниковъ доводили, наконецъ, Александра Семеновича до того, что онъ набирался пьянаго задора и шелъ къ женѣ въ буйномъ настроеніи.

— Вамъ что нужно?—раздавался гнѣвный вопросъ жены при его появленіи.

— Я пришелъ... Какъ ты смѣешь...—начиналъ мужъ, тараща пьяные глаза.

— Вы пьяны? Идите вонъ!—приказывала жена.

— Я мужъ!.. я по этапу!—бормоталъ онъ, сжимая кулаки.

— Вонъ!—еще разъ звучало надъ нимъ.

— Я тебя... въ бараній рогъ! Я мужъ... по этапу!—бормоталъ онъ, хватаясь за первую попавшуюся вещь.

Раздавался гнѣвный звонокъ жены.

Digitized by Google

— Заприте его куда-нибудь!—приказывала она явившемуся слугѣ.

Слуга бралъ въ охапку барахтавшагося и кричавшаго барина и исполнялъ приказаніе барыни, присоединяя къ этому нѣсколько толчковъ и пинковъ пьяному бѣдняку отъ себя.

Послѣ одной изъ такихъ сценъ Марья Александровна встрѣтила названнаго крестнаго папашу со слезами и криками.

— Вышлите, вышлите его изъ Петербурга!

— Кого? За что? Успокойся!—волновался старецъ, ничего не понимая.

— Мужа, мужа вышлите!—топала она ножкой.

— Да за что?—тревожно спрашивалъ старецъ.

— Я не хочу его видѣть!—кричала она.

— Да этого нельзя!—уговаривалъ старикъ.

— А я хочу, я хочу, чтобы его выслали!—сердилась она.

— Да какое же я имѣю право высылать людей изъ Петербурга?—пожималъ плечами старикъ.

— Ну, хлопочите, чтобъ удалили, хлопочите!—кричала она.—Никакой пустой просьбы не хотите исполнить, а говорите, что любите! Противный! Меня бить, тиранить, позорить онъ будетъ, а вамъ ничего! Чтобы завтра же онъ былъ высланъ!

— Успокойся! Успокойся!—уговаривалъ ее старецъ.—Ну, въ командировку я могу назначить... Правда, онъ ничего не умѣетъ дѣлать... Ну, перевести его можно въ другой городъ... конечно, его тамъ скоро выгонятъ...

— Выслать, выслать его! — плакала она капризными слезами.

— Да ты успокойся! Развести васъ лучше всего!

Старецъ даже просіялъ, озаренный этою геніальною мыслью. Марья Александровна вдругъ успокоилась и совсѣмъ серьезно спросила:

— Онъ денегъ за это потребуетъ?

— Зачѣмъ. Можно все такъ устроить... ну, тамъ причины найти... Я заплачу за разводъ... Тогда ты будешь моя!

Марья Александровна залилась смѣхомъ.

— Ахъ, какая я дѣвочка! Какъ это мнѣ самой не пришло въ голову! Что же надо дѣлать?

— Мы все устроимъ; я поговорю съ нашимъ юрисконсультомъ,—въ нашемъ правленіи есть отличный юрисконсультъ, молодой человѣкъ съ серьезными знаніями.

Digitized by Google

И старецъ исполнилъ свое обѣщаніе.

Въ одинъ прекрасный день Александру Семеновичу дали неожиданно денегъ и послали его въ маскарадъ; тамъ его заинтриговала маска и зазвала его ужинать въ одинъ изъ ресторановъ; они помѣстились въ отдѣльномъ кабинетѣ и остались tête-à-tête, какъ вдругъ ихъ интимная бесѣда была нарушена случайно открывшими двери людьми. Черезъ недѣлю послѣ этого начато Марьею Александровною дѣло о разводѣ ея съ Александромъ Семеновичемъ, который обвинялся въ невѣрности. Свидѣтелей было не мало, все пошло, какъ по маслу, и черезъ годъ Марья Александровна была свободна: таинственная маска, свидѣтели, юрисконсультъ и еще нѣсколько лицъ получили вознагражденіе. Безъ награды остался только Александръ Семеновичъ, потерявшій и жену, и мѣсто.

— Я вамъ отказываю за безнравственность!—говорилъ ему начальникъ.—Я не терплю безнравственныхъ людей на службѣ. Вы сдѣлали скандалъ на весь городъ. Ваше имя стало сказкой города! Стыдитесь!

Александръ Семеновичъ былъ убитъ: съ дѣтства онъ преуспѣвалъ вездѣ и во всемъ за благонравіе и вдругъ его выгоняютъ со службы за безнравственность.

Какъ-то разъ лѣтомъ судьба забросила меня въ небольшой загородный ресторанчикъ. Проходя черезъ буфетную комнату, я увидалъ знакомое мнѣ лицо — господина съ нѣсколько опухшей физіономіей пьющаго человѣка, въ черезчуръ модномъ, хотя и дешевенькомъ лѣтнемъ платьѣ изъ безвкусной клѣтчатой матеріи, въ голубенькомъ галстучкѣ, повязанномъ бантикомъ, съ бронзовою цѣпочкою и бронзовыми брелоками на жилетѣ. Онъ походилъ на прифрантившагося лакея съ завитыми и напомаженными волосами, съ угловатыми ухватками лютаго сердцѣда. Это былъ Александръ Семеновичъ Перцовъ, значительно постарѣвшій въ послѣднія пять лѣтъ, но зато молодившійся и бодрившійся болѣе, чѣмъ въ тѣ годы, когда я зналъ его еще довольно юнымъ. Онъ пилъ и закусывалъ, помахивая тоненькой тросточкой съ стекляннымъ голубымъ шарикомъ вмѣсто набалдашника. Онъ меня узналъ тоже сразу и развязно подошелъ ко мнѣ.

— А, monъ cher, какими судьбами попали въ наши палестины?—проговорилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Гулялъ съ компаніей по островамъ, усталъ и зашелъ

Digitized by Google

сюда отдохнуть и выпить чаю,—сказалъ я.—А вы развѣ здѣсь живете?

— Да. Шатошка тутъ недалеко!—отвѣтилъ онъ.—Я вѣдь теперь танцую!

— То-есть, какъ это танцуете?—спросилъ я.

— А такъ: тру-ля-ля, тру-ля-ля! — нахальнымъ тономъ пропѣлъ онъ, заложивъ пальцы за проймы жилета и принимая позу канканера.—Полно горевать! Плюю я на горе! Молодъ, значитъ, и веселись!

Отъ него несло водкой. Я поспѣшилъ за своими пріятелями въ другую комнату, куда уже намъ подали чай.

— Что, этотъ господинъ часто бываетъ у васъ здѣсь?—спросилъ я слугу.

— Да почитай, что каждый день,—отвѣчалъ онъ.—День здѣсь, вечеръ въ Шато-де-флёрѣ, а потомъ...

Половой засмѣялся.

— Все съ женскимъ поломъ хороводятся!

— Еще, вѣрно, не все пропилъ или служитъ гдѣ-нибудь?—спросилъ я.

— Извѣстно-съ, канканъ пляшутъ, этимъ и кормятся. Господа очень одобряютъ и награждаютъ. Со многими даже на дружеской ногѣ изъ настоящихъ господъ. Ну, тоже и женскій полъ къ нимъ пристрастны, потому человѣкъ онъ еще въ силѣ, самыхъ, то-есть, надлежащихъ лѣтъ. Только хмелемъ ужъ очень шибко зашибаются. Иной разъ сами свою пользу отъ себя теряютъ. А то дѣло ихъ выгорѣло бы...

Слуга еще долго распространялся о новой профессіи Перцова, какъ о серьезномъ и выгодномъ занятіи, приводя въ подтвержденіе своего мнѣнія доводы въ родѣ того, что Перцовъ всѣмъ пользуется даромъ и, даже совсѣмъ напротивъ, ему же платятъ за то, что онъ всѣмъ пользуется.

— Вотъ ужъ можно сказать и пьянъ, и сытъ, и всячески ублажаемъ на чужой счетъ,—продолжалъ слуга.—Такъ нѣтъ, мало, напьется иной разъ такъ отъ себя, что все спуститъ, изваляется, образа человѣческаго не имѣетъ. Ну, а, конечно, ни господамъ, ни женскому полу это не нравится, гоняютъ тоже. Такъ-то вотъ ужъ которое время колесомъ это у него все идетъ, то кверху, то книзу, одно слово—фортуна. А все отъ необузданности, потому человѣкъ тоже узды требуетъ, чтобы по своей колеѣ идти и все въ мѣру дѣлать.

Еще разъ, очень недавно, промелькнулъ передо мной

Digitized by Google

этотъ бездѣльникъ. Онъ уже служилъ фактотумомъ и жилъ на иждивеніи у одной пожилой женщины, промышлявшей въ столицѣ однимъ изъ самыхъ позорныхъ занятій. Я его встрѣтилъ у Бореля, наряднаго, развязнаго, наглаго и потолстѣвшаго. Онъ пилъ какой-то ликеръ въ обществѣ одного юнца изъ нашей золотой молодежи и говорилъ громко:

— Вы не безпокойтесь! Я обдѣлаю это дѣльце! Отъ нашихъ рукъ ужъ не уйдетъ! Днемъ позже, днемъ раньше, а завербуемъ.

Говорятъ, онъ обдѣлываетъ, ничего не дѣлая, катаясь на рысакахъ и попивая дорогія вина на чужой счетъ, тысячныя комиссіи.

VI.

Идолъ.

Одинъ изъ первыхъ встрѣтившихся мнѣ въ жизни бездѣльниковъ былъ чисто русскимъ человѣкомъ. Звали его Псоемъ Сысоевичемъ Расторгуевымъ. По званію онъ былъ купецъ; по роду торговли онъ былъ хлѣбный торговецъ. У него было въ одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ нѣсколько лабазовъ, мелочныхъ и овощныхъ лавокъ. Жилъ онъ въ собственномъ своемъ домѣ, но проводилъ все время зимою въ лабазѣ, лѣтомъ у дверей лабаза. Я его зналъ въ теченіе тридцати лѣтъ и постоянно видѣлъ сидящимъ на одной и той же скамейкѣ, выкрашенной голубою краской, съ шашечной доской посрединѣ сидѣнья. Когда бы я ни приходилъ сюда, я заставалъ его на этой скамьѣ, или со стаканомъ чаю въ рукахъ, или передвигающимъ лѣниво шашки, или съ руками, сложенными на брюхѣ, въ состояніи полнаго снокойствія.

Въ народѣ его звали «идоломъ» и, дѣйствительно, это было самое подходящее для него названіе.

Псой Сысоевичъ имѣлъ большія денежныя средства, но онъ нажилъ свои капиталы не самъ, такъ какъ купцы Расторгуевы—его предки—издавна слыли первыми богачами въ городѣ. Онъ только шелъ по дорожкѣ, протоптанной отцами, и умножалъ свои доходы. Впрочемъ, я неправильно выразился: онъ не умножалъ даже своихъ доходовъ, а только смотрѣлъ, какъ они умножались. Въ извѣстное время его приказчики, повѣренные и агенты скупали по дешевой цѣнѣ хлѣбъ у крестьянъ; въ извѣстное время къ нему пріѣзжали промотавшіеся помѣщики и обнищавшіе крестьяне продавать хлѣбъ ниже дѣйствительной рыночной цѣны; въ

Digitized by Google

извѣстное время его служащіе увозили скупленный за безцѣнокъ хлѣбъ для продажи его по дорогой цѣнѣ. Онъ говорилъ про эти торговыя операціи, что это «заведенная машина», что «такъ это все колесомъ и идетъ». Послѣ каждой подобной сдѣлки ему привозились отчеты; онъ пересчитывалъ деньги и запиралъ ихъ въ сундукъ. По миновеніи надобности въ наличныхъ деньгахъ, онъ посылалъ приказчика купить тѣ или другія процентныя бумаги, пересчитывалъ эти бумаги и запиралъ ихъ въ сундукъ. Этимъ и оканчивались всѣ его дѣла: заведенная машина работала изъ года въ годъ одинаково, ровно, безъ исправленій, безъ починокъ. Каждую изъ своихъ дѣловыхъ операцій онъ совершалъ не безъ усилій, кряхтя, вздыхая и охая. Съ кряхтѣньемъ, вздохами и оханьями пересчитывались деньги, отпирался и замыкался сундукъ, выслушивались отчеты приказчиковъ, велись переговоры съ посѣтителями, и чѣмъ больше отрастало его брюхо; чѣмъ сильнѣе заплывали жиромъ его глаза, чѣмъ значительнѣе отвисалъ его подбородокъ, тѣмъ больше кряхтѣнья, вздоховъ и оханій вылетало изъ его груди при каждомъ движеніи. Казалось, онъ несъ непосильное и тяжелое бремя и этимъ бременемъ была его собственная утроба.

Въ жизни «идола» былъ только одинъ и то весьма непродолжительный періодъ тяжелой и утомительной дѣятельности. Этотъ періодъ начался съ того памятнаго дня, когда отецъ «Псойки» замѣтилъ однажды женѣ, что «пора начать обучать ихъ лоботряса и оболтуса грамотѣ». Лоботрясъ и оболтусъ былъ не кто иной, какъ Псой Сысоевичъ или Псойка, какъ называлъ его отецъ, или Псоинька, какъ называла его мать, или идолъ, какъ его тайкомъ называли уже и тогда сидѣльцы, приказчики, мальчики и слуги. Когда родитель оболтуса изрекъ эту знаменательную фразу, мать оболтуса быстро заморгала глазами, а самъ оболтусъ сталъ натирать кулаками свои глаза и черезъ минуту въ комнатѣ начался цѣлый концертъ плача и причитаній.

— Единственное родное дѣтище изъ дому гонять станемъ! Начнутъ его шпынять разные оглашенные разбойники! Заморятъ его проклятые стракулисты! Кто его, голубчика нашего, тамъ приласкаетъ! Со сволочью разною компанію водить будетъ!

Въ этомъ родѣ полился цѣлый потокъ жалобъ со стороны матери.

Digitized by Google

— Намедни Ваську Терешина въ школѣ такъ избили, что подъ глазомъ во какая шишка вскочила! А Митьку Власьева инспехторъ поролъ-поролъ, такъ что тотъ два дня сѣсть не могъ! Не своя, такъ и порютъ, а я тоже не дамся всякому голоштанному! Имъ деньги вонъ какія платятъ, а они порютъ!

Въ этомъ родѣ сопѣлъ оболтусъ, капризно махая руками и болтая ногами.

Но глава семейства стукнулъ по столу кулакомъ и крикнулъ:

— Молчать!

Плачъ стихъ.

— Яйца курицу учить вздумали! — раздражительно продолжалъ родитель.—Захочу—въ Сибири учиться будетъ, не захочу—болваномъ безграмотнымъ вѣкъ скоротаетъ!

Жена и сынъ, присмирѣвъ, слушали поучительныя рѣчи главы семейства. Гнѣвъ родителя понемногу утихъ.

— Чего разревѣлись?—болѣе мягкимъ тономъ продолжалъ онъ.—Нешто я не знаю, какъ мнѣ надо своего сына воспитать? Капиталовъ у насъ, что-ли, нѣтъ, что я стану его по улицамъ гонять? На домъ учитель ходить будетъ, пока нужно. Не Богъ-вѣсть чему и учить-то нужно. Для своего обихода ученье нужно, а не для чего другого.

У матери оболтуса и у самого оболтуса отлегло на душѣ. Ученье дома не могло существеннымъ образомъ измѣнить строя жизни оболтуса, а жилъ онъ до этой поры такъ: вставалъ онъ со своей мягкой пуховой постельки въ девятомъ часу; умывался и осѣнялся крестнымъ знаменіемъ; одѣвался и причесывался при помощи старой няньки, пилъ чай съ калачиками, сайками, кренделями и домашними булками; въ дурную погоду сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ вышиваетъ дѣвка Акулька, какъ вяжетъ чулокъ нянька, какъ гадаетъ на картахъ, или хозяйничаетъ, или шьетъ пелены мать; въ хорошую погоду выходилъ въ теплой одеждѣ, въ высокихъ сапожкахъ на дворъ или на улицу и смотрѣлъ, какъ дерутся мальчишки, какъ они играютъ въ бабки, въ лапту или въ городки, какъ кучеръ чиститъ лошадей и моетъ экипажи, какъ прачка полощетъ бѣлье на пруду; потомъ, въ двѣнадцать часовъ онъ обѣдалъ и опять смотрѣлъ на вязанье, на шитье, на вышиванье, на гаданье, на драку, на чистку лошадей, въ пять часовъ опять ѣли и пили чай, а затѣмъ шло опять смотрѣнье на чужія занятія; вечеромъ ужинали и пили чай; а потомъ няня раздѣвала его, гла-

Digitized by Google

дила ему грудку и животикъ, ублажала его сказками, крестила его, бормоча: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его», и онъ засыпалъ. Въ субботу, утромъ, вся семья вмѣстѣ отправлялась въ домашнюю баню, гдѣ старая няня парила и оболтуса, и его отца, и его мать. Подъ праздники, вечеромъ, вся семья ѣздила въ церковь монастыря къ вечернямъ и ко всенощнымъ. Въ праздники, утромъ, вся семья ѣздила въ ту же церковь къ обѣднямъ. Праздники отъ будней отличались еще тѣмъ, что ѣли еще больше, пекли два пирога, и съ рыбой, и съ вареньемъ, и подавали на столъ разныхъ сладостей. Бѣлый и румяный, высокій и толстый не по лѣтамъ, съ коротенькими пальцами, съ ямочками на щекахъ, на рукахъ и на подбородкѣ, оболтусъ смотрѣлъ лоснящимся упитаннымъ тельцомъ и почти никогда не хворалъ, не считая тѣхъ случаевъ, когда онъ мучился животикомъ. Нянька говорила, что это «съ глазу», и потому доктора въ такихъ случаяхъ не приглашали, а просто нянька спрыскивала больного съ уголька богоявленской водицей, растирала ему рукой съ полчаса животикъ въ одну сторону, поила его настоемъ какой-то горькой травы и укрывала тремя одѣялами и лисьей шубой. На слѣдующій же день болѣзнь проходила и приступы ея дѣлались съ годами все рѣже и рѣже: должно-быть животикъ оболтуса все болѣе и болѣе привыкалъ и къ дурному глазу, и невообразимой смѣси поросятъ подъ хрѣномъ со сметаною, домашняго кваса съ ледкомъ, пироговъ съ солеными груздями и соленой рыбой, борщей со свининою, кислыхъ щей съ жирною грудиною, бараньихъ боковъ съ кашею и тому подобныхъ яствъ. Оболтусъ, въ сущности, никогда не игралъ, такъ какъ у него характеръ былъ степенный и болѣе созерцательный, такъ какъ у него не было охоты утомлять себя и такъ какъ у него не было товарищей, а были подъ рукою только «мальчишки», «сволочь», «сиволапые». Онъ любилъ только смотрѣть, какъ играли, или занимались, или дрались другіе и потому устраивалъ для себя цѣлые спектакли. Онъ садился у воротъ отцовскаго дома и приказывалъ:

— Ей, вы, что въ бабки не играете!

Мальчишки начинали играть въ бабки: онъ смотрѣлъ на нихъ и улыбался.

— Ванька, Ванька, вонъ Костька идетъ! Отдуй его, подлеца, чтобъ не жилилъ, какъ третьеводнясь!—слышалась новая команда.

Digitized by Google

Начиналась драка: онъ смотрѣлъ на нее и у него разгорались глазенки.

Иногда кто-нибудь изъ мальчишекъ докладывалъ ему:

— А сегодня кучеръ Семенъ крысу во какую Жучкой травилъ. Ужъ было потѣхи!

Оболтусъ начиналъ тяжело дышать и сопѣть отъ волненья и шелъ къ кучеру Семену.

— Ты это чего крысу безъ меня затравилъ? — упрекалъ его оболтусъ.—Вотъ возьму да тятенькѣ пожалуюсь!

— Да вы еще почивали, Псой Сысоичъ, — объяснялъ кучеръ Семенъ.—Другую поймаю—позову васъ. У насъ этого добра много при хлѣбномъ дѣлѣ находится.

И точно, на слѣдующій же день для Псоиньки устраивали травлю.

Любилъ онъ тоже, когда другіе говорятъ и разсказываютъ, и потому подсаживался къ компаніи женщинъ, окружавшихъ странницу, и къ компаніи кучеровъ, обсуждавшихъ вопросъ задняго двора и конюшенъ, и къ компаніи молодыхъ дѣвушекъ, впервые посвятившихъ его на зарѣ его жизни въ тайны гульбы и разврата. Впрочемъ, къ нему ничто не приставало: онъ даже и развратнымъ не сдѣлался, потому что это нарушило бы его созерцательныя склонности; онъ только любилъ смотрѣть на чужой разгулъ и развратъ. Въ сущности, онъ былъ духомъ чистъ и невиненъ; онъ способенъ былъ развлекаться самыми невинными удовольствіями,—такъ ему доставляла неописанное удовольствіе во время прогулки по общественному саду возможность вымазать углемъ усы и бороду у бюста сатира, поставленнаго въ этомъ саду; также приходилъ онъ въ восторгъ, когда ему удавалось воткнуть въ разинутый ротъ этого же сатира какой-нибудь окурокъ папиросы; въ этихъ случаяхъ онъ хохоталъ до слезъ, держась за бока. Это, конечно, свидѣтельствовало о чистотѣ и невинности души. Этого строя жизни не могло нарушить существенно ученье дома, долженствовавшее начаться теперь.

На слѣдующій же день послѣ знаменательнаго рѣшенія родителя оболтуса былъ торжественно отслуженъ на дому молебенъ св. Козьмѣ и Дамьяну, послѣ чего была подана плотная закуска, а затѣмъ началось и ученье. Ученье было не легкое: мучился отъ него оболтусъ, мучился отъ него и учитель оболтуса. Ученикъ выбился изъ силъ, чтобы научиться держать въ коротенькихъ, пухлыхъ пальцахъ грифель, карандашъ или перо и выводить каракули буквъ; въ

Digitized by Google

учителя же летѣли изъ рукъ раздражаемаго неудачею оболтуса тетради и книги, при чемъ нерѣдко наносились и пинки ногами брыкавшагося ученика. Ученика бросало въ потъ отъ получасового сидѣнья на урокѣ въ согнутомъ положеніи; учитель же прилагалъ всѣ старанія, чтобы протянуть законный часъ на урокѣ и не заслужить брани и попрековъ хозяина за то, что онъ даромъ деньги беретъ. Къ счастью оболтуса, ученіе продолжалось не особенно долго. Въ одинъ прекрасный день, онъ самъ своимъ умомъ рѣшилъ, что учиться ему довольно, и сказалъ объ этомъ учителю. Жалкій, забитый приказный, исправлявшій при немъ обязанности учителя, даже струсилъ отъ такого рѣшенія ученика.

— Какъ же это такъ довольно?—проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.—Только до самой сути, до грамматики добираться стали и вдругъ—довольно.

— Да такъ вотъ и довольно!—настаивалъ ученикъ.—Ты такъ и тятенькѣ объяви, что, молъ, выучилъ.

— Нѣтъ, ужъ я этого грѣха на душу не возьму, лгать не стану.

— Ну, такъ я и самъ скажу.

Ученикъ захлопнулъ книгу съ широкимъ вздохомъ, точно свалилъ съ плечъ тяжелую ношу, и вышелъ изъ комнаты.

— Ты что рано урокъ кончилъ?—спросилъ его отецъ.

— Я, тятенька, все равно-съ больше ничему не выучусь,—рѣшительно объявилъ сынъ.

— Болванъ!—проговорилъ отецъ.—Дранъ еще не былъ.

— Это, тятенька, какъ вамъ угодно-съ, а только вы даромъ деньги за меня платить будете, потому я теперь и читать, и писать, и въ арифехтику знаю, а этой грамматики мнѣ не надо...

— Ты потолкуй еще!—пригрозилъ отецъ.

— Мнѣ бы теперь къ лабазу привыкать, потому что это дѣло наше вѣковѣчное,—храбро продолжалъ сынъ.

— Ну, ну, еще что скажешь!—постучалъ отецъ кулакомъ по столу.—Учить туда же, паршивецъ!

Тѣмъ не менѣе, учителю отказали.

— Грамматику бы еще пройти-съ, — жалобно протестовалъ учитель.

— Что, видно, деньги-то любишь получать,—замѣтилъ хозяинъ.—Еще бы, сидишь въ теплѣ, чаю даютъ, деньги платятъ, какъ не любить этого! Только мы, братъ, не по грамматикѣ деньги-то наживали. Ты-то ее знаешь?

Digitized by Google

— Какъ же-съ не знать,—робко отвѣтилъ учитель.

— А денегъ-то ею много нажилъ? Безъ сапогъ ходишь со своей грамматикой-то, — философствовалъ отецъ семейства.—Читать-то да писать хорошо выучилъ?

— Хорошо-съ, ваше степенство,—отвѣтилъ покорно учитель, глядя въ землю.

— Ну, а считать умѣетъ?

— Умѣетъ-съ, ваше степенство... Вотъ дроби бы...

— Я тебя спрашиваю о счетѣ... Считаетъ?

— Считаетъ-съ...

— Ну, и баста!

Такъ на томъ и покончили.

Уроки прекратились; оболтуса посадили въ лабазъ на ту самую голубую скамью съ шашечницей посерединѣ, на которой я видѣлъ его впервые, спустя десятокъ лѣтъ. На этой скамьѣ сидѣлъ онъ зимою въ лабазѣ, на ней онъ сидѣлъ лѣтомъ у лабаза. Зимой онъ пилъ чай и игралъ въ шашки съ приказчиками и молодцами, лѣтомъ онъ пилъ чай и смотрѣлъ, какъ голуби и воробьи подпрыгиваютъ и дерутся у лабаза, подбирая крупу, овесъ, ячмень или рожь, какъ лошадь, впряженная въ телѣгу, отмахивается хвостомъ отъ мухъ и оводовъ или прядетъ ушами, сонливо прищуривая глаза, какъ мальчишки играютъ въ бабки или шлепаютъ по лужамъ, засучивъ по колѣна штанишки. Сидя на этой скамьѣ, онъ учился торговлѣ, обдѣлывалъ крупныя дѣла, прикидывалъ и скидывалъ на счетахъ, обсчитывалъ кого слѣдовало, толковалъ о событіяхъ въ городѣ, въ Россіи, въ Европѣ. Единственный и балованный сынокъ у отца и матери, вѣчно всѣмъ ублаготворенный и сытый до отвала, онъ не былъ ни золъ, ни раздражителенъ, ни нервенъ. Онъ смотрѣлъ на все и на всѣхъ съ равнодушіемъ сытаго животнаго, ничѣмъ не волнуясь, ни любовью, ни ненавистью. Иногда предъ нимъ происходили печальныя исторіи: какой-нибудь разоренный помѣщикъ запродавалъ на корню рожь, какой-нибудь обнищавшій мужичонка кланялся изъ-за лишней копейки за продаваемый хлѣбъ, — онъ смотрѣлъ на нихъ равнодушно, не прибавляя ни полушки къ объявленной цѣнѣ, и только въ крайнихъ случаяхъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ замѣчалъ:

— Ну, ну, не проклажайся, проваливай! Сказалъ: не рука, значитъ, и толковать нечего!

Когда несчастные продавцы уходили, онъ замѣчалъ:

— Плутъ нонича народъ: онъ тебя коли ножомъ пыр-

Digitized by Google

нуть не можетъ, такъ слезами донять хочетъ! Нюни распустить, а ты зазѣвайся, онъ тебѣ карманы-то и выворотитъ!

Онъ подавалъ гроши нищимъ, но это дѣлалось какъ бы по обычаю, какъ-будто подаваніе полушекъ нищимъ входило въ число его торговыхъ операцій. Сожалѣнія или какого-нибудь другого чувства эти люди въ немъ не пробуждали и изъ нихъ онъ особенно благоволилъ только къ одному спившемуся съ круга приказному, который умѣлъ ловить пятаки на лету ртомъ и отличался способностью слизывать языкомъ съ мостовой брошенный на нее гривенникъ. Этому приказному подавались болѣе крупныя подачки. Нравилась ему еще одна, Богъ вѣсть откуда заброшенная въ городъ, дѣвочка-итальянка, ходившая съ шарманщикомъ. Оборванная до-нельзя, съ грязнымъ тѣломъ, просвѣчивавшимся сквозь лохмотья, она кривлялась, пѣла и плясала какой-то циничный танецъ подъ звуки шарманки,—идолу это нравилось, и разъ онъ даже пригласилъ дѣвочку съ шарманщикомъ во дворъ, гдѣ онъ и его молодцы натѣшились вволю надъ выходками развращеннаго ребенка, которому была брошена за потѣху красненькая. Эта потѣха служила съ недѣлю предметомъ шутокъ и остротъ въ лабазѣ.

— Ишь вѣдь чѣмъ ухитрится бестія-нѣмецъ хлѣбъ добывать!—смѣялся Псой Сысоичъ. — Нѣтъ, наши не дошли еще до такихъ штукъ. Сытъ еще народъ!

Одинъ изъ мальчишекъ лабаза, въ угоду молодому хозяину, даже перенялъ нѣкоторыя изъ самыхъ грязныхъ выходокъ дѣвочки-бродяги и потѣшалъ ими идола.

Былъ у оболтуса и свой періодъ «бурь и волненій», когда оболтусу исполнилось восемнадцать лѣтъ и когда его, для окончанія коммерческаго образованія, послали въ русскій коммерческій университетъ—на нижегородскую ярмарку. Правда, дѣла и здѣсь онъ не дѣлалъ, такъ какъ всѣ дѣла лежали на опытныхъ приказчикахъ, но онъ учинялъ здѣсь или, вѣрнѣе сказать, заставлялъ учинять подвластныхъ ему людей «карамболи». Разъ онъ «накатился» такъ, что вдругъ приказалъ бить зеркала въ трактирѣ: перебили зеркала, расплатились и увезли его въ занятый имъ номеръ. Въ другой разъ онъ съ компаніей попалъ въ веселый домъ: здѣсь опять «накатывались» подъ звуки музыки, пѣнія, пляски и разнузданныхъ рѣчей и «накатились» до того, что послѣ всевозможныхъ сценъ разгула и разврата онъ отдалъ

Digitized by Google

приказъ: «выпущай пухъ изъ перинъ и подушекъ»; выпустили пухъ изъ перинъ и подушекъ, осыпали имъ всю улицу, заплатили «за дебошъ» и увезли идола снова въ занимаемый имъ номеръ. Въ это же время онъ заплатилъ не малыя деньги за то, чтобы нѣсколько человѣкъ прошло нагишомъ по улицѣ, и долго вспоминалъ съ восторгомъ объ этомъ «шкандалѣ». Правда, и здѣсь онъ былъ почти постоянно зрителемъ, а не дѣятелемъ, но онъ усталъ даже смотрѣть и командовать и воротился домой съ еще большимъ стремленіемъ къ миру и покою.

— Степенный у васъ, матушка, сынокъ возросъ,—начали говорить его матери знакомыя купчихи.

— Нечего Бога гнѣвить,—отвѣчала мать:—какъ красная дѣвушка, смиренъ. Да не въ кого и быть-то другимъ; сама я не смутьянка, не хабалка какая-нибудь была, а мой Сысой Псоичъ, сами знаете, его не тронь, такъ ужъ онъ-то и нодавно никого не тронетъ. Сидитъ въ своемъ лабазѣ, при своемъ дѣлѣ и ни въ какія дѣла не мѣшается. У насъ, матушка, и своихъ дѣловъ не оберешься.

— Знаю, знаю, тысячныя дѣла!—вздыхала собесѣдница.

— Не стану Бога гнѣвить, есть достатокъ,—соглашалась хозяйка.—Не первый годъ дѣло ведемъ, не прощелыги какіе-нибудь, отъ отцовъ заводъ всему пошелъ. Тоже вотъ и про себя скажу, ину пору съ ногъ собьешься, одну провизію выдаваючи. Тоже всѣхъ накормить надо, и приказчиковъ, и молодцовъ, и мальчишекъ. Ртовъ-то много, а держимъ не впроголодь, своего человѣка не обидимъ.

И мать Псоя Сысоевича пускалась въ разсужденія о своихъ добродѣтеляхъ.

— Ну, ужъ и королевичъ же писанный вышелъ у васъ Псой Сысоевичъ,—тараторила одна изъ городскихъ свахъ.—Бѣлый, румяный, полный, точно огурчикъ, съ грядки не сорванный. Ужъ такого-то жениха и въ Москвѣ днемъ съ огнемъ не найдешь. Гдѣ-то только ему невѣсту найдешь по плечу.

— Что же, можетъ, Богъ и пошлетъ,—вздыхала мать Псоя Сысоевича.—Мы за богатствомъ не погонимся, была бы дѣвка здоровая, да смирная, а деньги и у самихъ есть. На ихъ вѣкъ хватитъ.

— Что говорить! Что говорить! — соглашалась сваха.— Поди-ка, тоже на кого-нибудь засматривается. Въ порѣ человѣкъ, тоже все такое на умъ идетъ.

— Не стану врать, не примѣчала что-то,—отвѣчала мать

Digitized by Google

завиднаго жениха. — Онъ у насъ смиренникъ, прокатается на пролеткѣ, послушаетъ, какъ молодцы ину пору поютъ, въ тіатрѣ посидитъ вечеръ, вотъ и все, а чтобы компанію съ кѣмъ-нибудь особенную водить, такъ этого у него нѣтъ. На подъемъ тяжелъ. Да ему и не для чего себя утруждать: захочетъ—всякій къ нему придетъ.

— Что говорить, что говорить, милліонщикъ! — кивала головой въ знакъ согласія сваха.

Всѣ эти разговоры наводили на мысль, что и точно Псоя Сысоевича пора женить. Только онъ самъ и не заикался объ этомъ, и не задумывался, какъ будто онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что его женятъ во-время и безъ его хлопотъ и усилій. И дѣйствительно, свахи одна за другою все чаще и чаще стали навѣщать его мать. Наконецъ, нашлись и подходящія невѣсты. Ихъ было двѣ, и мать не знала, которую выбрать изъ нихъ. Посовѣтовалась она съ мужемъ, мужъ тоже не могъ рѣшить. Призвали самого Псоя Сысоевича и предложили ему рѣшить, которую изъ двухъ невѣстъ онъ желалъ бы взять въ жены. Псой Сысоевичъ отвѣтилъ, что ему все равно, такъ какъ обѣ онѣ «видныя, здоровыя и изъ себя красивыя».

— Я только сомлѣваюсь одно, ко двору ли намъ будетъ Анна Спиридоновна,—замѣтилъ онъ. — Она черноволосая, а у насъ, тятенька, сами знаете, и коровы черныя, и лошади вороныя не ко двору. Помните, позапрошлый годъ Жучку завели, ужъ, кажется, собака простая, а и то сбѣсилась и сдохла.

— Ну, дуракъ, къ чему невѣсту прировнялъ,—замѣтилъ отецъ, разсмѣявшись отъ остроумнаго замѣчанія сына.

— Нѣтъ-съ, я, ей-Богу, въ серьезъ говорю,—разбитнымъ тономъ проговорилъ сынъ.—И вы, и маменька, и я, всѣ русые... да у насъ и изъ приказчиковъ-то ни одного нѣтъ черноволосаго, всѣ какъ есть подъ одну масть...

— Ну, что-жъ, значитъ и надо брать не Анну Спиридоновну, а Марью Ивановну,—рѣшилъ отецъ.

Такъ и совершилось это дѣло безъ всякихъ усилій со стороны Псоя Сысоевича, хотя это дѣло, по словамъ свахъ, и было не легкое, такъ какъ изъ-за самаго этого дѣла свахи по ихъ же словамъ, «всѣ ноженьки оббили, всѣ пороги обѣгали, всѣ подолы обтрепали».

Повидимому, Псой Сысоевичъ, совершенно равнодушно, совершенно безучастно мѣнялъ свою холостую жизнь на жизнь женатаго человѣка и, въ дѣйствительности, новая

Digitized by Google

жизнь не многимъ должна была отличаться отъ прежней жизни, если не считать важною перемѣной замѣну односпальной кровати двуспальною и введеніе въ его спальню новаго лица. Но какъ бы то ни было, молодые приказчики и немногіе товарищи Псоя Сысоевича настроились наканунѣ свадьбы на какой-то плачевный тонъ:

— Теперь, братъ, прощай!—говорили они ему.—Теперь, братъ, и близокъ будетъ локоть, а не укусишь! Прежней волюшки молодецкой не вернешь...

Псоя Сысоевича это такъ разстроило, такъ ему жаль стало этой волюшки, что онъ всплакнулъ даже на чьемъ-то плечѣ и крикнулъ:

— Я сегодня завихрюсь! Катай во всю Ивановскую, чтобы было чѣмъ молодость помянуть!

И справилъ онъ «мальчишникъ»! И баня, и шампанское, и пѣсенники, и цыганки, и «карамболь», и «шкандалъ», и «дебошъ», все тутъ смѣшалось въ какую-то безшабашную, безумную оргію. Это творились Псоемъ Сысоевичемъ поминки по вольной волюшкѣ, которою онъ никогда и не думалъ пользоваться до этого дня. И долго-долго вспоминалъ онъ этотъ день, и ему казалось, что это былъ не одинъ день, а цѣлый рядъ пережитыхъ дней, что это былъ не день, а цѣлая молодость.

Этотъ безумный, неожиданный разгулъ не смутилъ ни отца, ни мать Псоя Сысоевича, и они, вздыхая, говорили:

— Тоже не легко съ волюшкой-то разставаться... Не легко жену-то себѣ навязать. Еще какая она тамъ будетъ— Господь знаетъ... Вѣдь это навѣкъ!..

И они всплакнули тоже.

Послѣ женитьбы жизнь Псоя Сысоевича окончательно установилась, опредѣлилась, вошла въ свою колею «навѣкъ». Это была жизнь спокойная, однообразная, животная. Въ ней не проявлялось никакихъ новыхъ стремленій, никакихъ новыхъ надеждъ, никакихъ новыхъ порывовъ, точно онъ былъ не человѣкъ, а только одна утроба, всегда съ избыткомъ насыщаемая и потому всегда спокойная въ своей сытости. Только иногда проявлялось что-то такое, что намекало на какую-то неудовлетворенность, на какое-то безсознательное пробужденіе человѣка въ сытомъ животномъ. Эти проявленія были странны: разъ они выразились въ томъ, что Псой Сысоевичъ вдругъ запилъ, закутилъ. Но отецъ, мать и жена начали его тотчасъ же лѣчить, стали поить водкой, настоянной на девяти клопахъ, и водкой, настоянной землею съ

Digitized by Google

могилы какого-то тезки Псоя Сысоевича, пробовали его возить къ знахарямъ, подняли какую-то чудотворную икону, заставили сходить куда-то въ монастырь на поклоненіе къ мощамъ, стали, по совѣту какого-то фельдшера, обертывать его въ смоченныя горячей водой простыни,—и послѣ всѣхъ этихъ истязаній «болѣзнь» прошла, обычная жизнь вошла въ свою колею. Въ другой разъ Псою Сысоевичу вдругъ пришло въ голову, что у него есть богатство, но почета мало, и онъ началъ бредить полученіемъ медали. Начались пожертвованія на пріюты, на богадѣльни, знакомства съ нужными людьми,—и мечта сбылась: медаль получилась. Недѣли двѣ Псой Сысоевичъ даже спалъ съ медалью. Но потомъ она ему надоѣла, и опять, не думая ни о ней, ни о почетѣ, онъ зажилъ жизнью безъ желаній, довольный и міромъ, и собою. Былъ еще одинъ случай, когда Псой Сысоевичъ вышелъ изъ своего благодушно-безмятежнаго настроенія и чуть не умеръ отъ удара. Это было въ тотъ памятный день, когда его впервые въ глаза назвали «идоломъ». Назвалъ его идоломъ простой мужикъ, худой и мрачный съ виду, пившій запоемъ отъ бѣдности или бѣдствовавшій отъ запоя, привезшій продавать послѣдній хлѣбъ за безцѣнокъ. Псой Сысоевичъ сотни разъ покупалъ за безцѣнокъ чужой хлѣбъ и этотъ мужикъ тоже не впервые уступалъ за безцѣнокъ свой хлѣбъ. Но вышло на этотъ разъ какъ-то такъ, что Псой Сысоевичъ, сбивая цѣну, слишкомъ грубо и рѣзко сказалъ ему: «проваливай, проваливай, если говорятъ, что не рука», а мужикъ—боленъ онъ былъ, что ли,—ни съ того, ни съ сего восчувствовалъ эти слова и разразился желчными упреками. Въ обыкновенное время въ этихъ случаяхъ разговоры имѣли наивно и дружески благодушный характеръ.

— Да накинь, Псой Сысоичъ, гривну-то, — говорилъ вкрадчивымъ тономъ мужикъ.

— Гривенъ-то этихъ у меня для васъ не припасено,— отвѣчалъ добродушно-иронически Псой Сысоевичъ.

— Такъ-то оно такъ, да самъ знаешь, какое наше житье,— почесывался мужикъ въ раздумьи.—Тебѣ что гривна?

— Да то же, что и тебѣ,—отвѣчалъ торговецъ.—У насъ курса въ государствѣ одна и для купца, и для мужика.

— Это что говорить! Да цѣну-то ты не по-Божески назначаешь,—мялся мужикъ.

— А ты туда иди, гдѣ больше даютъ,—совѣтовалъ Псой Сысоевичъ.

Digitized by Google

— Да куда-жъ пойдешь, ты у насъ одинъ, — говорилъ мужикъ.

— Ну, такъ и отдавай, а то проваливай! — отвѣчалъ Псой Сысоевичъ.—И чего ты томишь-то меня? Просилъ я тебя рожь-то привозить?

— Чего просить!

— У меня-то, вонъ, отъ этой ржи-то амбары ломятся!

— Извѣстное дѣло, у кого-жъ ей и быть, какъ не у тебя.

— Ну, такъ на что же она мнѣ, твоя-то рожь? Помру я безъ нея, что ли?

— Зачѣмъ помирать.

— Ну, такъ и отваливай!

— Да чего ужъ, бери, бери! Давай деньги!

— Смотри, кошель-то цѣлъ ли, какъ бы не прорвался отъ эфтихъ денегъ-то,—шутилъ Псой Сысоевичъ.

Такъ дѣло и порѣшали мирно и ласково. А теперь случилось что-то необычайное. Псой Сысоевичъ былъ чѣмъ-то раздраженъ и ни съ того, ни съ сего прикрикнулъ на мужика, а мужикъ, тоже ни съ того, ни съ сего, вдругъ началъ ругаться:

— Идолъ ты окаянный! Іуда Искаріотскій! Подавиться бы тебѣ сиротскими слезами! Смотри, утроба-то лопнетъ! Ишь брюха-то своего таскать не можешь! Право, идолъ!

Псой Сысоевичъ сдѣлался багровымъ отъ этой неожиданной, незаслуженной ругани и вскочилъ съ сжатыми кулаками и какимъ-то хриплымъ крикомъ. Но мужикъ не сробѣлъ и продолжалъ ругаться:

— Драться, что ли, хочешь? Такъ нѣтъ, не на такого напалъ. У самихъ руки есть! Тумака довольно, такъ такъ и разсыплешься. Ишь, ожирѣлъ съ чужого-то хлѣба, идолъ.... право, идолъ!

Къ несчастью, въ лабазѣ, кромѣ мальчишки, никого не было, и Псою Сысоевичу нечего было думать о защитѣ. Онъ грузно опустился на свою голубую скамью и, тяжело переводя духъ, только бормоталъ:

— Да я бы съ тебя тысячи не взялъ за такія рѣчи! Да я бы тебя за нихъ въ баранiй рогъ согнулъ! Окаянный!

А мужикъ все еще ругался и ругался. Наконецъ онъ плюнулъ, еще разъ повторилъ: «чтобъ тебѣ подавиться!» и ушелъ.

Псой Сысоевичъ заболѣлъ съ огорченія.

Но всѣ эти проявленія какихъ-то внутреннихъ тревогъ

Digitized by Google

съ теченіемъ времени повторялись все рѣже и рѣже, тѣло все росло и росло и располагало духъ къ спокойствію и лѣни, жизнь все болѣе и болѣе принимала форму какого-то механическаго процесса.

Когда я познакомился близко съ Псоемъ Сысоевичемъ, онъ былъ уже окончательно ходячей утробой. Всѣ его дѣйствія походили на однообразныя, условныя дѣйствія машины; вся его жизнь состояла изъ извѣстныхъ обычаевъ, обрядовъ, совершаемыхъ сегодня такъ же, какъ вчера; всѣ его разговоры напоминали какіе-то отрывки изъ невѣдомаго кодекса мудрыхъ изреченій, изъ прописныхъ истинъ; всѣ его сужденія сложились въ какія-то пословицы, поговорки и присловья; въ его рѣчахъ не было ни оригинальности, ни самобытности, ни наблюдательности, но онъ говорилъ все съ степеннымъ видомъ, серьезнымъ и рѣшающимъ тономъ и его считали всѣ умнымъ человѣкомъ; къ нему шли за совѣтомъ, который очень часто носилъ на себѣ характеръ темныхъ и двусмысленныхъ совѣтовъ оракула. Псой Сысоевичъ говорилъ: «Народъ теперь избаловался, потому—воля!» «Сынки-то нонче спускаютъ тятенькины имѣнія, потому строгости нѣтъ». «Нѣмецъ дошлый, обезьяну выдумалъ, только ему до русскаго далеко, колбаснику». «Французъ поджаръ, щелкоперство у него на умѣ». «Англичанка намъ что: не отпусти хлѣба съ годъ—съ голоду подохнетъ». «Учить много мелюзгу-то начали, оттого и смятеніе въ умахъ». «Свой-то домъ обстрой прежде, а не заглядывай въ чужой, гдѣ тамъ каплетъ». Изъ подобныхъ изреченій состояла вся рѣчь Псоя Сысоевича и спорить съ нимъ было невозможно, потому что онъ на возраженія отвѣчалъ:

— А ты не мудри, а покоряйся да слушай, что̀ умные люди говорятъ! Умные-то люди прежде насъ, дураковъ, жили.

Ученые комментаторы произведеній разныхъ великихъ писателей считаютъ, сколько различныхъ словъ является въ сочиненіяхъ того или другого автора. Если бы они вздумали сосчитать, сколько словъ находилось въ распоряженіи Псоя Сысоевича, то они удивились бы ихъ крайне малому количеству и притомъ многія слова, бывшія въ распоряженіи Псоя Сысоевича, были, очевидно, непонятны ему самому и произносились имъ потому, что они ему почему-то нравились. Такъ онъ говорилъ: «Это формазонство одно!» или: «Станешь такъ-то банкировать, такъ и все спустишь!» или: «Что̀ ты мнѣ рацеи разводишь» или:

Digitized by Google

«Ботвинничаешь только, лежа на печи!» или: «Это одна прокламація!» Но чѣмъ болѣе сжатыми дѣлались его приговоры, чѣмъ безсмысленнѣе становились его изреченія оракула, чѣмъ сосредоточеннѣе становилась его созерцательно утробная жизнь, тѣмъ съ бо́льшимъ уваженіемъ смотрѣли на него.

— Святой жизни человѣкъ!—говорили про него странницы.—Практическій русскій умъ!—разсказывали про него обираемые имъ помѣщики.—Степенный человѣкъ!—толковали про него его собратья-купцы.

Только шальной пропонца-мужичонко, когда-то такъ неожиданно обругавшій Псоя Сысоевича, продолжалъ коситься на него и, проходя мимо его лабаза, сдвигалъ брови и мрачно бормоталъ:

— Ишь, идолище!

VII.

Обломки старины.

Это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Я ѣхалъ въ третьемъ классѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Москву. Противъ меня помѣстилась старушонка, не то отставная нянька, не то салопница-приживалка, съ морщинистымъ лицомъ, цвѣта потемнѣвшаго пергамента, съ слезящимися глазами, вылинявшими отъ времени и моргавшими отъ слабости. Она долго ерзала противъ меня на своемъ мѣстѣ, укладывая разные узелки, коробочки и картоночки, долго вздыхала и охала, покачивая головой и бормоча что-то вполголоса, наконецъ, не выдержала и заговорила; любовь къ болтовнѣ, къ вывѣдыванью, къ разсказыванью, къ интимнымъ откровенностямъ сказалась сразу. Въ какія-нибудь пять минутъ старушонка узнала и «куда я ѣду», и «изъ какихъ я буду», и «женатъ ли я», и «есть ли у меня дѣти». Не желая говорить много о себѣ, я свелъ разговоръ на нее и спросилъ въ свою очередь, куда она ѣдетъ.

— Въ деревню къ себѣ, батюшка, въ деревню,—отвѣтила старуха-говорунья.—Къ брату ѣду. Дѣтей у него крестила. Пусть пригрѣютъ старуху. Имъ что! Живутъ хорошо, ну, и послѣ меня имъ же все останется, пусть похолятъ старушонку. Въ накладѣ не будутъ.

— А вашъ братъ кто?—спросилъ я.

— Крестьянинъ, батюшка, крестьянинъ временно обязанный,—отвѣтила старуха.

Digitized by Google

— А вы, вѣрно, гдѣ-нибудь въ услуженіи жили?—спросилъ я.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! При господахъ находилась съ мужемъ... изъ дворовыхъ мы были съ мужемъ-то,—отвѣтила старуха.

— Ну да, значитъ, какую-нибудь должность, занимали при господахъ,—замѣтилъ я.

— Какъ тебѣ сказать, милый ты человѣкъ, я и не знаю!—проговорила старуха, качая головой.—Должности въ точности мы никакой не занимали, а такъ при господахъ состояли... на всѣ руки, значитъ... для наблюденія больше... Насъ-то много было, а баринъ всего одинъ, ну, вотъ и продавали больше слоновъ да звѣзды на небѣ считали... Для потѣхи больше держали насъ господа-то... Дитёй меня взяли въ домъ-то господскій, чтобы барышни учились... ихъ-то учили, ну, а меня сажали, чтобы имъ не скучно было. Потомъ пѣть я была мастерица, вотъ меня и заставляли для блезиру пѣть... Ну, извѣстно, господамъ тоже ину пору скучно, вотъ и заставятъ пѣть, потѣшать ихъ... У насъ въ старые годы и пѣвчіе, и музыканты, и актеры изъ дворовыхъ были... Мужъ-то мой упокойникъ, царство ему небесное, тоже при молодомъ барчукѣ росъ, чтобы барчукъ все-таки не одинъ былъ, поиграть съ кѣмъ могъ, потѣшиться... И ужъ чего съ нимъ, съ моимъ упокойникомъ-то, не выдѣлывалъ барчукъ въ дѣтствѣ, такъ я тебѣ и представить-то этого, дорогой ты мой, не могу! И верхомъ-то на немъ ѣздилъ, и въ телѣжку-то его впрягалъ, и разъ всю голову ему выщипалъ...

Я выразилъ недоумѣніе, какъ это барчукъ выщипалъ голову своему товарищу.

— Волосики-то, волосики-то всѣ повыщипалъ,—пояснила старуха.—Игру такую затѣялъ въ повара и пѣтуха, онъ-то, барчукъ-то, видишь ты, за повара сдѣлался, а мужу-то моему, упокойничку, велѣлъ за пѣтуха быть, ну, и выщипалъ волосики-то, перья, видишь, это щипалъ, Извѣстно, чего дитё не выдумаетъ, дай ему только волю! Долго такъ мой-то упокойничекъ безъ волосъ и ходилъ и боленъ былъ, да ничего—въ ребячьемъ-то возрастѣ волосы десять разъ успѣютъ вырасти; это вотъ въ наши-то годы оплѣшивѣешь, такъ ужъ и не нагуляешь новыхъ волосъ. Вотъ тебѣ, поди, никто и не дергалъ волосъ-то, а какъ повылѣзали, такъ и поминай, какъ звали. Охъ, годы—великое дѣло! Въ дѣтствѣ-то да въ молодости все это перенесешь, все-то переживешь, все-то

Digitized by Google

это починишь, а въ старости—нѣтъ, тутъ ужъ кажинный вонъ черенокъ отъ зуба и тотъ дорогъ, потому выпадетъ онъ,—новаго не будетъ.

Старуха засмѣялась старческимъ смѣхомъ и показала пальцемъ на остатки своихъ зубовъ.

— Такъ вы, значитъ, дворовыми вышли на волю безъ земли?—сказалъ я, заинтересованный ея разсказами.

— Мы-то? Нѣтъ, насъ допрежь этой воли-то въ чины произвели, мужъ-то мой титулярнымъ совѣтникомъ былъ, ну, и я по немъ чиновницей стала,—отвѣтила старуха.— Такъ теперь и состою при этомъ чинѣ, въ благородныя произошла. Только, конечно, прибыли-то съ этого мнѣ мало, потому пенсіи никакой нѣтъ, и сама знаю, что какая же я благородная... Такъ все потѣхи ради...

— Вѣрно, не дослужилъ вашъ мужъ до пенсіи?—спросилъ я.

— Да онъ, милый ты баринъ, и не служилъ никогда, а такъ для потѣхи, говорю я тебѣ, въ чинъ его произвели, вотъ и все,—отвѣтила старуха.

Я недоумѣвалъ.

— Какъ для потѣхи?—спросилъ я.

— Да такъ для потѣхи, вотъ и все!—отвѣтила старуха, и по ея лицу скользнула какая-то тѣнь грусти.—И родились мы съ нимъ на потѣху, и жили на потѣху и развѣ умирать-то только ужъ взаправду, а не въ шутку придется...

Она отерла губы морщинистыми пальцами, придвинулась ко мнѣ поближе и заговорила какимъ-то интимнымъ тономъ:

— Коли я тебѣ поразскажу, какъ мы жили, такъ ты диву дашься, потому что теперь на такихъ людей, какъ господа наши да какъ мы грѣшные, оскудѣніе пришло. Линія другая пошла и порядки новые... Господа-то наши по самому своему роду, почитай, что первые по всей Россіи были, а не то, что изъ какихъ-нибудь поповичей, либо тамъ изъ купцовъ выщелкнулись. Князья, князья были! Осиновскими князьями прозывались, потому что Осиновскій уѣздъ спокон вѣку въ ихъ подданствѣ состоялъ, когда еще и Петра-то императора не было и въ помин, они уже Осиновскими князьями были; и царь Иванъ Грозный когда былъ, такъ они ужъ осиновскими землями правили и допрежь того всегда такъ и прозывались князьями Осиновскими. Да что говорить: молодой баринъ, бывало, смѣется: «Осиновскіе-то князья прежде Адама еще жили, такъ ужъ не съ ними тягаться какимъ-нибудь парвенямъ». Парвеня-

Digitized by Google

ли онъ это, милый ты человѣкъ, всѣхъ звалъ, кто ниже его родомъ-то былъ, изъ презрительности, значитъ. А кто же это не ниже-то его былъ? Всѣ, какъ есть всѣ! Такъ вотъ у какихъ господъ мы подданными были... баринъ-то молодой насъ своими подданными звалъ, шутникъ былъ, царство ему небесное! И жилъ, и умеръ шутникомъ, а жилъ-то тоже семьдесятъ годовъ съ хвостикомъ на свѣтѣ;— не мало! Ну, да и то сказать, съ чего ему было и не шутить! Дворцы—чаши полныя, крестьянъ—и не пересчитать, сколько ихъ было, почетъ—да гдѣ же ему почету не было: и въ Рассеѣ, и въ заграницѣ, вездѣ его почитали, потому и богатъ, и знатенъ, и щедръ былъ, охъ, какъ щедръ, такъ это я тебѣ и представить не могу.

— Что же, онъ служилъ?—спросилъ я.

— Ну, этого я тебѣ не скажу, милый ты человѣкъ, а по военному сословію числился и въ генералы въ молодые еще годы произошелъ,—отвѣтила старуха, отирая губы:— служить же... что-то я мало видѣла, чтобы онъ служилъ. Все это, бывало, ѣздитъ на своихъ орловскихъ, на балахъ танцуетъ, по заграницамъ катается, а служить... да, милый ты человѣкъ, на что ему служить было при его капиталѣ и знатности? Числился только такъ для своей прихоти, для видимости, на службѣ, а утруждать себя службою надобности никакой не имѣлъ. «У меня, бывало, говоритъ,— и свои подданные, и свое войско, орда безпардонная». Это онъ крестьянъ подданными называлъ, а насъ, дворовыхъ, войскомъ да ордой безпардонной. Да насъ и точно орда была и порядки у насъ одно время военные были. По барабану завелъ это нашъ потѣшникъ будить насъ. Забьетъ, бывало, барабанщикъ въ барабанъ, ну, значитъ, поднимайся и на мѣста стройся. Дворецкій обойдетъ, осмотритъ, каждый ли при своемъ оружіи, оружіемъ-то называли щетки у полотеровъ, у дѣвушекъ сѣнныхъ пяльца, иголки, нитки, у комнатныхъ лакеевъ салфетки, метелки для пыли, ну, вотъ все, что кому нужно имѣть по его должности и сословію,—и если все въ порядкѣ,—начинается служба. Тоже были у насъ въ тѣ поры и пожарныя тревоги: зазвонятъ, это, вдругъ днемъ или ночью въ колокола и долженъ кажинный человѣкъ въ домѣ браться за ту вещь, которая назначена ему для спасенія въ случаѣ пожара. Если кто не успѣетъ къ своему мѣсту во-время прибыть, того сейчасъ и на расправу. «Изъ-за тебя, мошенникъ, у меня мой Ватто сгорѣлъ!—крикнетъ баринъ,—Ваттомъ это онъ

Digitized by Google

картины такія называлъ,—ты за него у меня и заплатишь!» Ну, извѣстно, бѣдному человѣку чѣмъ платить: шкурой своей платитъ. Посѣкутъ его за провинность—вотъ и расплатился. Ину пору пожарныхъ тревогъ баринъ, бывало, долго не дѣлаетъ, а тамъ вдругъ два-три дня подъ-рядъ весь домъ по ночамъ поднимаетъ. Тоже любилъ онъ мальчишекъ артикуламъ военнымъ обучать, цѣлый полкъ у него потѣшный былъ, мундеры и значки понадѣланы всѣмъ были, крѣпости ихъ водилъ брать. Иногда настоящихъ генераловъ въ имѣніе приглашалъ на маневры. Ну, тѣ, извѣстно, смѣются, хвалятъ, поблажаютъ ему. Разъ такъ на маневрахъ этихъ самыхъ войско свое завелъ, что чуть и самихъ настоящихъ генераловъ не потопилъ. Повелъ ихъ въ бродъ, перемочилъ всѣхъ, измаялъ,—ну, а ничего, смолчали. Извѣстно, богатъ былъ! Потомъ только и это ему все надѣло, бросилъ...

— Однако, шутникъ же онъ у васъ былъ, — замѣтилъ я.

— Да, шутникъ, шутникъ!—вздохнула старуха.—А иногда на него михлюдія, болѣзнь такая ,нападала, омрачится, затоскуетъ-затоскуетъ и сейчасъ запрется отъ всѣхъ, никого не принимаетъ, коли кого увидитъ случайно изъ знакомыхъ—отворотится, будто бы и не знаетъ. И въ это время дѣлай въ домѣ, что хочешь,—ему все равно. Въ эти дни только мой упокойничекъ Иванъ Тарасовичъ и смѣлъ къ нему кабинетъ входить и даже не только, бывало, говоритъ съ нимъ баринъ, а усадитъ его у себя, разспрашиваетъ, какъ крестьяне живутъ, довольна ли дворня, не проситъ ли кто о чемъ, не жалуется ли на что-нибудь. «Скоморохъ ты, Иванъ», скажетъ онъ моему-то упокойничку.—«Скоморохъ, ваше сіятельство!» отвѣтитъ Иванъ-то.—«Дуракъ, нашелъ чѣмъ хвастать! Подло быть скоморохомъ! Человѣкомъ нужно быть, человѣкомъ!» скажетъ князь. И бѣда, если Иванъ тутъ вздумаетъ какую-нибудь штуку выкинуть, чтобы князя потѣшить. Раскричится, растопается князь. «Я тебя одного за человѣка почитаю, а ты что дурака-то ломаешь!—крикнетъ онъ.—Я съ тобой душу отвести хочу, а ты мнѣ глаза отводишь!» И ужъ въ это время Иванъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ изъ барина. Одному одно выпроситъ, для другого другое выхлопочетъ, третьему третье устроитъ. Баринъ на все соглашается, а самъ ходитъ по кабинету, вздыхаетъ, подергиваетъ усы да говоритъ: «Скоморошничаемъ, скоморошничаемъ, а люди-то, люди-то что вы-

Digitized by Google

носять!» И все-то, всякая-то мелочь до самаго сердца въ это время доходила, душу его выворачивала...

Старушка задумалась и начала жевать почти беззубымъ ртомъ.

— Много нажилъ вашъ мужъ?—спросилъ я.

Старушка вдругъ оживилась, взволновалась.

— Какъ это, батюшка, много-то нажить!—проговорила она почти съ укоромъ.—Жалованье-то небольшое было, а у насъ и крестники, и посажёныя дѣти, и сироты разныя были, такъ тутъ не наживешь. Много ртовъ-то кормили, чтобы тоже люди спасибо сказали да помянули добромъ послѣ смерти.

— Но вѣдь вы же говорите, что князь вашему мужу ни въ чемъ не отказывалъ,—сказалъ я.

— Не отказывалъ, не отказывалъ, да ничего для себя мой упокойничекъ-то не просилъ,—проговорила старуха.—Не за господина онъ князя считалъ, а за отца, за брата. Не ему было обирать да подачки выпрашивать, когда князь его, холопа, до себя поднялъ да душу ему свою открывалъ. Родные были у князя, друзья знатные были у него, жена была, а второго Ивана у него не было. «Ты, Иванъ,—говорилъ онъ, бывало:—слышалъ мое первое слово, ты примешь и мой послѣдній вздохъ. Другіе мнѣ только лгали, а ты мнѣ говорилъ только правду!»

Старушка опять задумалась и помолчала.

— Нѣтъ, не такой человѣкъ былъ мой упокойничекъ, чтобы наживаться,—проговорила она, спустя минуту, и прибавила:—Да и то сказать, сталъ бы наживаться, такъ его и духу не было бы у князя. Потуда его и любилъ князь, покуда онъ зналъ, что Иванъ не изъ корысти ему, какъ собака, преданъ. Князя тоже провести было трудно, по глазамъ читалъ, что человѣкъ думаетъ. Станутъ ему говорить что-нибудь про человѣка, а онъ смотритъ такъ прямо, прямо въ глаза, а самъ все слушаетъ, слушаетъ да вдругъ и оборветъ: «все-то ты, братецъ, врешь и врешь!» Сгоритъ это, просто, человѣкъ со стыда-то...

Мы доѣхали до большой станціи, и я пошелъ обѣдать, прервавъ на-время бесѣду со старухой.

— Да, примѣчательный человѣкъ былъ князь, а случился грѣхъ и его обошли,—заговорила старуха, когда я снова вернулся въ вагонъ.

Она, очевидно, во время моего отсутствія мысленно про-

Digitized by Google

должала теперь разсказъ именно съ той точки, на которой остановилась,—съ способности князя читать по глазамъ чужія мысли.

— Кто же это его обошелъ?—спросилъ я.

— И сказать-то срамъ: наша сестра, баба,—отвѣтила старуха, качая головой.

— Это интересно, разскажите!—попросилъ я свою собесѣдницу.

Она только этого и ждала.

— Ну, я тебѣ, милый ты мой человѣкъ, все по порядку разскажу,—заговорила она, подсаживаясь половчѣе и отирая рукою ротъ. — Князь нашъ былъ женатъ. Долго онъ это такъ по холостому куролесилъ, по заграницамъ разнымъ актеркамъ и пѣвуньямъ деньги за свое удовольствіе платилъ, на чужихъ женъ тысячи за ихъ снисхожденье бросалъ. Наконецъ, надоѣла ему эта самая канитель. «Ты, говоритъ, Иванъ женился, пора и мнѣ, чѣмъ я хуже тебя!» Это онъ моему Ивану-то Тарасовичу упокойничку говорилъ, а Иванъ-то Тарасовичъ только-что поженился на мнѣ, — рабеночка ждали мы, ну, и поженились, не стану грѣха таить передъ тобой, милый ты человѣкъ, дѣло прошлое, давно мы слюбимшись были, а тутъ, какъ затяжелѣла я, Иванъ Тарасовичъ и прикрылъ грѣхъ, чтобы не зазорно было. Кто Богу не грѣшенъ! Ну, такъ вотъ и говоритъ князь, что и онъ, глядя на моего Ивана Тарасовича, жениться вздумалъ. Сказано—сдѣлано. Приглянулась ему одна барышня... Да ужъ и мудрено было не приглянуться: лебедь бѣлая, роза-сантифолія, сахаръ-рафинатъ и знатности очень большой, — изъ первѣющихъ петербургскихъ графинь родомъ. Какъ только князь сдѣлалъ ей предложеніе, такъ тотчасъ же она и согласіе дала и родители ея сопротивленія не оказали. Князь-то нашъ былъ и постарше ея гораздо, и мало она его знала, а пойти пошла съ радостью: дѣла-то, видишь, денежныя у ея папеньки продырявились, а знатность того доказывать не дозволяла, вотъ и она, и папенька ея и обрадовались предложенью-то князя, знали, что и десятерыхъ такихъ, какъ они, князь на настоящую доску поднять можетъ. Ну-съ, поженился князь, отдѣлалъ дворецъ въ Питерѣ, зажилъ съ молодой женой открыто: балы, театры, собранія— хорошая жизнь, барская, кажется, и умирать не надо. Только одно горе: гусь свиньѣ не товарищъ, какъ говоритъ наша мужицкая-то пословица. Пожениться-то господа поженились, а сойтись-то не могли. Оба они и важныхъ родовъ были, и

Digitized by Google

обучены по-французскому были, а характеры-то—ну, вотъ, какъ небо и земля, отличались. Нашъ-то князь на людей все больше съ насмѣшкою, съ издѣвательствомъ, съ презрительностью смотритъ, всѣхъ подлецами, да низкопоклонниками, да прохвостами честитъ, точно вотъ на проломъ медвѣдь впередъ ломитъ, а она все на политикѣ, все по-петербургскому съ улыбками да съ церемоніями, «очень рада-съ да милости просимъ», а отвернулъ человѣкъ отъ нея голову — «не принимай, говоритъ, его больше»,— одно слово, петербургское обращеніе. И не сошлись, и не сошлись! Начала она на князя нападать: «ты, говоритъ, медвѣдь!» «ты, говоритъ, обращенія не знаешь!» «ты, говоритъ, враговъ нажилъ и всѣ на тебя косятся!» «ты вѣчно въ опалѣ!» А князь смѣется: «Князья, говоритъ, Осиновскіе ничьихъ рукъ не лизали и никому сапогъ не чистили, а у нихъ стаивали въ прихожихъ многіе изъ тѣхъ, до кого теперь и рукой не достанешь! У меня, говоритъ, есть одинъ человѣкъ, котораго я уважаю—это мой Иванъ, а остальные прохвосты и только!» Княгиня пожметъ, бывало, плечами: «холопа уважаешь, а людей своего круга третируешь!» Князь только засмѣется: «Холопа? говоритъ. Ну, вотъ погоди, я его въ чины произведу». Въ это-то самое время онъ моего Ивана Тарасовича и на волю отпустилъ, и приписалъ къ какому-то департаменту и чинъ ему выхлопоталъ, извѣстно, все для своей потѣхи: «Ну, вотъ, говоритъ, Ванька и не холопъ, а его благородіе!» Княгиня только плечами пожала: «Чудодѣй ты, говоритъ, и больше ничего!» Такъ это кондры у нихъ съ первыхъ дней пошли: князь ея гостямъ грубитъ, она его штуки чудодѣйныя осуждаетъ, ну, а съ виду ничего,—живутъ какъ будто и ладно. Только разъ князь спросилъ при княгинѣ у моего упокойничка: «Ну, а какъ ты со своей Настасьей Ивановной живешь?» Это меня-то Настасьей Ивановной, родной мой, зовутъ. «Ничего,—говоритъ Иванъ Тарасовичъ,—живемъ ладно».—«Вмѣстѣ?» спрашиваетъ.—«Да нешто порознь можно?—смѣется Иванъ Тарасовичъ.—Бабу затѣмъ и берутъ, чтобы подъ рукой была». — «И потрафляетъ, говоритъ, на тебя?»—«Какъ не потрафлять,—отвѣчаетъ Иванъ Тарасовичъ. — На то и замужъ шла, чтобы потрафлять!»—«Такъ, такъ,—кивнулъ головой князь.—Я вотъ то же думалъ!» Больше ничего и не сказалъ. Къ чему бы онъ это спрашивалъ? думали мы съ Иваномъ Тарасовичемъ. Ужъ не къ тому ли, что недоволенъ онъ, что княгиня съ нимъ на разныхъ половинахъ живетъ? Такъ вѣдь и то ска-

Digitized by Google

зать, у господъ и всегда такъ. Начали мы присматривать да примѣчать,—странное что-то у насъ въ домѣ творится: князь омрачился, заскучалъ, замкнулся, мизантропія на него напала; княгиня все по баламъ да по театрамъ ѣздитъ, а о князѣ и не спроситъ, помнитъ его только для того съ гостями своими, чтобы осмѣять да въ шуты вырядить. Слугъ-то у насъ было много, орда—одно слово, такъ это одинъ одно подслушаетъ, другой другое и все это промежъ себя передаютъ. Начали мы съ Иваномъ Тарасовичемъ узнавать, что нѣтъ князю у жены лучшаго имени, какъ «чудодѣй», да «шутъ гороховый», да «поврежденный», да «медвѣдь». Ужъ какъ-какъ она его не вышучивала со своими гостями-то, а гостей-то у нея всегда полны комнаты: извѣстное дѣло, ни она ничего не дѣлала, ни они никакихъ занятіевъ, кромѣ своего удовольствія, не знали, ну, и рыскали, она къ нимъ, они къ ней, только и слышишь, что колеса у подъѣзда гремятъ, безпечальное житье! А чаще всѣхъ сталъ къ намъ наѣзжать какой-то молоденькій гусарчикъ. Кузеномъ она его звала, то-есть сродственникомъ, а ужъ съ какой стороны онъ ей сродственникомъ приходился, — этого я доподлинно сказать не умѣю, только видѣли мы, что ужъ онъ очень зачастилъ ѣздить къ княгинѣ. Пошли разные толки и по городу, и по людскимъ, дальше да больше, дальше да больше. А князь ровно ничего и не знаетъ. Вотъ только разъ были у насъ гости и вышелъ баринъ въ парадныя комнаты и такой веселый да разговорчивый. Говорили-говорили, какъ вдругъ баринъ спросилъ у своего тестя, у отца-то нашей княгини: «Просто не знаю, что дѣлать съ любовными шашнями, какъ отучить распутниковъ отъ этого баловства?» Тесть ему на это: «Остричь двумъ-тремъ косы, да выпороть двухъ-трехъ юбочниковъ на конюшнѣ, такъ уймутся».—«Вы думаете, что это лучше всего отучитъ отъ разврата?» спросилъ князь.—«Да, больше нечего дѣлать», отвѣтилъ князю его тесть.—«Ну, спасибо вамъ за добрый совѣтъ!» отвѣтилъ князь. Такъ разговоръ этимъ и кончился, а ночью... Ну, батюшка, еще сто лѣтъ проживу, а этой ночи я не забуду,— со вздохомъ проговорила старуха.—Разбудилъ это меня и Ивана Тарасовича самъ баринъ ночью и велѣлъ намъ идти за собой. Встали мы, пошли, думаемъ: «Господи, что такое стряслось!» Привелъ онъ насъ въ комнату къ барынѣ, а тамъ лежитъ на диванѣ связанный кузенъ барыни, а барыня къ стулу привязана. Подозвалъ меня баринъ и говоритъ: «Вы, Настасья Ивановна, умѣете стричь волосы?»—«Умѣю»,

Digitized by Google

говорю, а сама стою ни жива, ни мертва, поджилки дрожатъ, такъ вотъ и шатаюсь, какъ пьяная. «Такъ вотъ, говоритъ, остригите косу княгинѣ. Тяжело ей, какъ честной женщинѣ, съ косою ходить». Я такъ и повалилась, какъ сноп, въ ноги князю. «Помилуйте, молю, ваше сіятельство». — «Стригите», крикнулъ онъ, топнувъ ногою. Схватила я его за ноги, цѣлую ихъ, плачу, а онъ свое: «Стригите!» Потомъ обернулся къ княгинѣ и проговорилъ ей: «Или, можетъ-быть, хотите, чтобы я васъ для этой холопки пощадилъ?» Княгиня только зубы стиснула... Нечего дѣлать, остригла я ее, голубушку... Остригла, а сердце-то мое, ровно голубь, въ груди трепеталось... Потомъ велѣлъ князь мнѣ выйти и обернулся къ Ивану Тарасовичу: «Раздѣвай его!» указалъ онъ на княгининскаго кузена и тотчасъ же обратился къ этому самому кузену: «Отецъ вашей любовницы совѣтовалъ мнѣ пороть юбочниковъ на конюшнѣ, но я сдѣлаю для васъ снисхожденіе и выпорю васъ здѣсь, въ ея будуарѣ». Иванъ Тарасовичъ не прекословилъ, раздѣлъ связаннаго господчика, разложилъ его на софѣ, притянулъ къ ней веревками и началъ секуцію. Княгинѣ дурно сдѣлалось и чувствъ лишилась она. «Брось его!» крикнулъ тогда князь и обернулся къ лежавшему на софѣ кузену: «Теперь вы можете любить другъ друга, сколько вамъ угодно. Васъ сейчасъ препроводятъ въ домъ отца вашей любовницы». Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, приказавъ проводить мнѣ и Ивану Тарасовичу барыню и барина до поданной къ крыльцу кареты.

Старуха замолчала. Я вышелъ освѣжиться на станцію.

— Съ той поры и зажилъ князь опять одинъ, безъ семьи,— продолжала старуха разсказъ, когда поѣздъ тронулся. — Бросалъ онъ большія деньги на женщинъ, а приближать въ свой домъ ни одной не приближалъ. О женѣ онъ и не вспоминалъ; разъ только, когда дошли до него слухи, что она скутилась и умерла въ нищетѣ въ больницѣ за границей, онъ сказалъ моему Ивану Тарасовичу: «Это съ бездѣлья, Иванъ!..» Съ бездѣлья! ровно онъ помѣшался на этомъ словѣ. Бывало, что ни сдѣлается дурного,—онъ сейчасъ говоритъ: «это съ бездѣлья люди бѣсятся!» Ужъ и точно ли это такъ или нѣтъ, доподлинно не знаю, а только самъ-то онъ дурилъ такъ, что и не приведи Господи. Чѣмъ старше дѣлался, тѣмъ больше чудесилъ... Подъ старость волосъ у него мало стало, такъ онъ завелъ семь парниковъ и кажин-

Digitized by Google

ный парикъ носилъ названіе какого-нибудь дня, и бѣда, бывало, если въ четвергъ ему пятницу подадутъ,— сейчасъ расправа. Тоже пристрастился онъ къ часамъ и сталъ накупать разныхъ часовъ: цѣлые ящики, цѣлыя комнаты были у него часами завалены; въ газетахъ публикаціи дѣлалъ, что покупаетъ древніе часы, часовымъ мастерамъ бѣднымъ всегда помощь готовъ былъ оказать, уроки часовому мастерству бралъ... А разъ пришелъ къ нему Иванъ Тарасовичъ въ кабинетъ и видитъ цѣлую груду часовъ на полу, растоптанныхъ, сломанныхъ, разбитыхъ. «Что это, ваше сіятельство?» спрашиваетъ.—«Что? что?—крикнулъ князь.—Мое сумасшествіе! Мое бездѣлье! И собиралъ отъ бездѣлья, и растопталъ отъ бездѣлья! Уноси, уноси ихъ съ глазъ моихъ долой, чтобы они мнѣ не напоминали, что я сумасшедшій!» Увидалъ мой Иванъ Тарасовичъ, что онъ самъ не въ себѣ, въ изступленіи, и говоритъ ему, да таково-то спокойно и сердечно: «Какой же вы, князь, сумасшедшій? Развѣ вы этимъ зло кому дѣлаете, что часами занимаетесь! Хорошо, кабы всѣ-то такіе сумасшедшіе были да только этимъ и выказывали свое сумашествіе!» Князь задумался. «Ты, Иванъ, мужикъ неотесанный, простота-горемычная,—проговорилъ князь:—а умнѣе меня! Ну, собирай битье, будемъ опять часы дѣлать!» Такъ опять и утихъ, и сталъ часовымъ мастерствомъ заниматься...

— Давно онъ умеръ?—спросилъ я.

— Съ нынѣшняго весенняго Николы третій годокъ пошелъ,—отвѣтила старуха.—Умеръ тихо, ровно заснулъ, а за нимъ и мой Иванъ Тарасовичъ представился. Шести недѣль не выжилъ послѣ барина, на царя Константина и матери Елены скончался. Затосковалъ, затосковалъ и скончался, голубчикъ мой. Видно, князю-то онъ, родной мой, и тамъ нуженъ былъ. И то сказать, вѣдь ровно за дитёй, за княземъ, онъ въ послѣднее время ходилъ...

Старушка вздохнула и отерла слезы, навернувшіяся ей на глаза...

VIII.

Бездѣльникъ по чужой винѣ.

Судьба меня закинула въ деревенскую глушь, въ знакомую помѣщичью семью, на нѣсколько недѣль сладкаго бездѣлья. Я воспользовался имъ вполнѣ, бродилъ безцѣльно по полямъ и лѣсамъ, лежалъ по цѣлымъ часамъ на травѣ, слѣдя безъ мысли, въ полудремотѣ, за бѣгущими въ небѣ

Digitized by Google

облачками, усердно ловилъ рыбу, забравшись въ рѣчныя заросли, катался по рѣкѣ въ лодкѣ, то до поту работая веслами, то лежа въ бездѣйствіи на днѣ и не заботясь, куда занесетъ меня теченіемъ, пилъ, вмѣсто вина и пива, парное молоко, купался по нѣсколько разъ въ день въ холодной водѣ, любуясь расшалившимися тутъ же крестьянскими ребятишками, и бросилъ не только книги, но даже и газеты. Я точно боялся, что печатная бумага напомнитъ мнѣ опять и срочныя корректуры, и обязательное чтеніе еще не напечатанныхъ статей, и журнальные дрязги, и войну на перьяхъ, не закрѣпляющую ни пяди спорной почвы ни за побѣжденнымъ, ни за побѣдителемъ и оставляющую все въ старомъ положеніи, на долгіе годы, быть-можетъ, на цѣлые вѣка, несмотря на массу поломанныхъ перьевъ и пролитыхъ чернилъ, ломавшихся и проливавшихся и прежде, чуть не съ сотворенія міра, за тѣ же идеи, за тѣ же убѣжденія, за тѣ же вопросы.

Гостепріимные друзья, открывшіе мнѣ радушно двери своего дома, ничѣмъ не нарушали образа моей жизни и сами, нуждаясь въ отдыхѣ, вели почти такую же жизнь «на подножномъ корму», какъ мы всѣ говорили въ шутку. Семья была не велика и состояла изъ добродушной старушки-хозяйки, Марьи Ивановны Латкиной, изъ ея племянника и воспитанника, Михаила Петровича Обручева, учителя русской словесности въ одной изъ петербургскихъ гимназій, и изъ внучатной племянницы хозяйки, Ольги Александровны Ильмениной, только-что сдавшей выходные экзамены на педагогическихъ курсахъ. Въ семьѣ въ теченіе года были какія-то утраты, о чемъ свидѣтельствовалъ трауръ, не снятый обѣими женщинами, и произошла какая-то драма, оставившая еще незажившіе слѣды въ сердцахъ всѣхъ членовъ семьи и потому заставлявшая ихъ искать уединенія, затишья, забвенія, если можетъ быть забвеніе для горя. Никто изъ этихъ людей не скучалъ, не хандрилъ, не жаловался, напротивъ того, они старались быть бодрыми, старались быть веселыми, но едва уловимый слѣдъ грусти и печали, какъ легкое облачко, оставшееся на ясной лазури послѣ страшной грозы, еще напоминалъ, что прошлое если и прошло, то не забылось. Они не говорили объ этомъ прошломъ, я не спрашивалъ, зная по опыту, что разспрашивать о прошедшихъ невзгодахъ — это значитъ заставлять человѣка наполовину переживать ихъ снова.

Но въ наше время ни въ какой глухой глуши не скроешься

Digitized by Google

отъ разныхъ словесныхъ битвъ изъ-за вопросовъ дня, и въ одинъ прекрасный день онѣ живо вспомнились мнѣ снова, воскресивъ въ моей памяти наши петербургскіе кружки, наши передовыя газетныя статьи. У моихъ радушныхъ хозяевъ собралось небольшое общество гостей. Въ ожиданіи игорныхъ столовъ, всѣ сошлись послѣ обѣда на террасѣ около чайнаго стола, и разговоръ сразу принялъ характеръ журнальной полемики, коснувшись одного изъ жгучихъ вопросовъ, интересовавшихъ какъ-разъ въ это время всю нашу прессу.

Какой-то немолодой, толстый, короткошей земецъ, только что возвратившійся изъ города послѣ засѣданій суда, съ жаромъ жестикулируя толстыми, короткими руками, разсказывалъ о послѣднемъ уголовномъ процессѣ.

— Вообразите, убила мужа, улики налицо и вдругъ оправдательный вердиктъ!—горячо разсказывалъ онъ, весь красный, весь лоснящійся, отирая пестрымъ шелковымъ платкомъ катившійся съ его лица обильный потъ.—Куда же мы идемъ? Какіе нравы готовимъ подобнымъ отношеніемъ къ преступникамъ, къ убійцамъ? Послѣ этого можно кого угодно рѣзать и стрѣлять, зная, что за это ничего не будетъ...

— А вы думаете, строгія наказанія устраняютъ преступленія и исправляютъ нравы?—насмѣшливо и не безъ ехидства спросилъ его молоденькій господинъ съ клинообразной жиденькой бородкой и худосочнымъ блѣднымъ лицомъ, усиленно изображавшимъ мефистофельскую усмѣшку.—Бывали случаи, что во время казни вора другіе воры опустошали карманы глазѣвшей на казнь публики, бывали случаи, когда во время сожиганія вѣдьмъ...

— Скажите, пожалуйста, вычитаетъ анекдотъ въ газетахъ и думаетъ, что онъ что-нибудь этимъ доказываетъ!—воскликнулъ толстякъ, не дослушавъ и перебивъ его.—Да если бы и такъ, то все-таки изъ этого не слѣдуетъ гладить по головкѣ и оставлять разгуливать на свободѣ всякихъ мерзавцевъ—убилъ, молъ, одного, можешь убить и другого...

— Условія жизни нужно измѣнять, соціальное положеніе людей слѣдуетъ улучшать! — началъ снова тощій молодой человѣкъ докторальнымъ тономъ, точно онъ собирался читать лекцію.

Земецъ усиленно замахалъ руками, точно отбиваясь отъ кого-то, и обратился къ остальнымъ слушателямъ.

— Понесъ книжную мудрость! Вчера въ школѣ вызубо-

Digitized by Google

рилъ! Соскочилъ съ университетской лавки и думаетъ, что онъ самъ профессоръ! Нѣтъ-съ, эти оправдательные вердикты показываютъ гнилость нашихъ нравственныхъ взглядовъ, отсутствіе въ насъ стремленія къ правдѣ, равнодушное отношеніе ко всякой подлости и мерзости. Мы и въ обществѣ готовы жать руку первому попавшемуся подлецу, и на судѣ готовы оставить безнаказанными его злодѣянія...

— Вся бѣда въ томъ, что младенцамъ нельзя давать въ руки права вязать и рѣшать,—вмѣшался въ споръ какой-то солидный господинъ лѣтъ шестидесяти съ желчнымъ видомъ и съ угрюмымъ взглядомъ.—Общество еще не созрѣло, чтобы брать на себя роль судьи, и новые суды у насъ просто преждевременны. Мы прежде должны дорасти до роли судей...

— Не бросившись въ воду, научиться плавать!—насмѣшливо вставилъ юный Мефистофель.

— Ну да, лучше ужъ прямо съ головой броситься въ воду, чтобы и самимъ утонуть, и другихъ утопить,—вставилъ толстякъ.

— Мы умѣемъ только все ломать, вотъ въ чемъ наше величайшее несчастіе,—серьезно произнесъ угрюмый господинъ.—Такъ и въ настоящемъ случаѣ, не зная, въ силахъ ли мы создать что-нибудь новое, мы сразу порѣшили съ старыми судами...

— Ну, старые-то суды были еще похуже,—лѣниво и какъ бы мимоходомъ замѣтилъ хозяинъ.

Это былъ плотный бѣлокурый здоровякъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, съ крупной головой, напоминавшей своими густыми волосами голову льва, съ ясными изсиня-голубыми глазами, съ добродушнымъ и нѣсколько лѣнивымъ выраженіемъ лица, обросшаго вьющейся, мягкой бородой. Напомнивъ гостямъ о зеленыхъ столахъ, для прекращенія надоѣвшаго своею безплодностью спора, онъ медленно поднялся съ мѣста и подошелъ къ своей молоденькой родственницѣ, задумчиво сидѣвшей на ступеняхъ террасы и смотрѣвшей какъ-то безцѣльно передъ собою не то на куртину съ цвѣтами, не то дальше, въ темнѣвшуюся передъ нею глубину густого сада. Высокая, стройная брюнетка съ тонкими чертами продолговатаго лица, одѣтая вся въ черное, она казалась бѣлою, какъ самый чистый мраморъ; только всмотрѣвшись попристальнѣе въ это матовое, блѣдное лицо, можно было замѣтить легкій румянецъ, уже начинавшій съ нѣкоторыхъ поръ играть на ея щекахъ.

Digitized by Google

— А ты, Оля, какіе бы вердикты выносила обвиняемымъ, если бы ты была въ числѣ присяжныхъ засѣдателей?—съ ласковой шутливостью спросилъ онъ ее, дотрогиваясь до ея плеча.

Она вздрогнула, очнулась, подняла на него мягкіе темносѣрые глаза, но, кажется, не сообразила сразу, о чемъ онъ ее спрашиваетъ. Онъ тѣмъ же тономъ шутки повторилъ свой вопросъ. Она опять вздрогнула и слегка нахмурила тонкія брови.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь?.. Я никогда никого не стала бы судить,—отвѣтила она тихо.

— Ну, а если бы пришлось, обязали бы?—продолжалъ онъ шутить, повидимому, не замѣтивъ выраженія ея лица.— Вотъ вы всѣ, юницы, о правахъ женщины толкуете. Ну, вотъ и дали бы вамъ право судить...

Она опять подняла на него глаза, но уже съ кроткимъ упрекомъ.

— Развѣ я толкую о какихъ-нибудь правахъ?

— Но все же,—возразилъ онъ и, почти съ недоумѣніемъ глядя на нее, уже замѣчая ея волненіе, прибавилъ:—ты же не изъ отсталыхъ, кажется, не стоишь за безправіе женщины... Ну, и представь, что тебѣ пришлось бы судить...

— Никого и никогда я не стала бы судить,—еще тверже повторила она и прибавила дрогнувшимъ голосомъ, указывая глазами на гостей:—И зачѣмъ они толкуютъ объ этомъ? Счастливые, сытые, самодовольные... толкуютъ, нужно ли сослать, засадить въ тюрьму кого-то... можетъ-быть, несчастную, изстра...

У нея захватило голосъ, на глазахъ сверкнули крупныя слезы.

— Пережили бы все, перестрадали бы...

Она, дрожащая, точно вдругъ охваченная холодомъ, поднялась съ мѣста и, не глядя ни на кого изъ насъ, пошла безцѣльно впередъ.

— Голубка, что ты?—уже совсѣмъ встревоженно, мягко сказалъ Обручевъ, пробуя ее остановить.

— Я... я... пройдусь,—отвѣтила она, не поворачивая головы и глотая слезы.

Не то встревоженно, не то сконфуженно хозяинъ воротился къ столу на свое мѣсто, сбоку, у самовара, за которымъ, стоя, хлопотала Марья Ивановна. Это была старушка невысокаго роста съ полнымъ розовымъ лицомъ, съ свѣтло-голубыми, нѣсколько выцвѣтшими добрыми глазами, въ бѣ-

Digitized by Google

лоснѣжномъ тюлевомъ чепцѣ, съ широкою бѣлою рюшью, изъ-подъ которой виднѣлись бѣлые, какъ снѣгъ, гладко причесанные волосы. Старушка укоризненно покачала головой подсѣвшему къ ней баловню-племяннику.

— Опять, вѣрно, за больное мѣсто задѣлъ,—прошептала она съ упрекомъ.—Ужъ ты вѣчно такъ!

Онъ, оправдываясь, передалъ ей свой разговоръ съ молодой дѣвушкой.

— Ну, да, такъ и есть, такъ и есть! Нашелъ кого въ судьи звать, нашелъ кого въ этотъ вопросъ впутывать! Привыкли вы въ Петербургѣ у себя изъ пустого въ порожнее переливать, языки чесать...

Она обратилась ко мнѣ и такъ же тихо, видимо, не желая, чтобы ее слышали другіе, сказала мнѣ:

— И полугода не прошло съ тѣхъ поръ, какъ всѣ люди обвинили, опозорили, забросали грязью человѣка, а она не только вынесла ему оправдательный приговоръ, а отдала ему и сердце, и душу, всю жизнь свою чуть не разбила... А онъ, нашъ-то тюфякъ, нашъ-то Михаилъ Петровичъ, съ шуточками по этому вопросу къ ней подъѣзжаетъ... Нечего сказать, хорошъ!

Она махнула рукой въ сторону племянника.

— Мухи не обидитъ, а насчетъ чуткости, тонкости чутья— вотъ ни столечко ничего у него и въ заводѣ нѣтъ!—пояснила она.

Михаилъ Петровичъ уловилъ слова тетки и добродушно засмѣялся:

— Тетя меня совсѣмъ за деревяжку считаетъ...

— Не за деревяжку, а за медвѣдя, воображающаго, что и онъ способенъ шутить и нѣжничать, — отвѣтила старушка.—Вотъ уже не даромъ Мишкой окрестили...

Ея за минуту до этого привѣтливо улыбавшееся лицо приняло озабоченное выраженіе.

— Ты поди къ ней, разговори ее, — сказала она Обручеву.

— Да вы же сами медвѣдемъ меня называете, какъ же я могу,—отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, иди ужъ,—нетерпѣливо сказала старушка. — Самъ знаешь, что ты одинъ и смутить можешь, ты одинъ и разговорить умѣешь...

Онъ поднялся и пошелъ съ террасы въ садъ.

— Добротой своей все поправитъ, — пояснила мнѣ старушка:—неловкостью набѣдокуритъ, а добротой поправитъ...

Digitized by Google

Ея старческіе глаза на минуту съ глубокой, теплой лаской остановились на статной, красивой, вполнѣ мужественной фигурѣ лѣниво удалявшагося отъ насъ по аллеѣ Михаила Петровича.

Бываютъ минуты, когда человѣкъ ощущаетъ непреодолимую потребность высказаться передъ кѣмъ-нибудь, раскрыть свою душу. Въ такія минуты легче пережить въ разсказѣ, выплакать давящее грудь горе, чѣмъ молча хранить его въ глубинѣ души. Я какъ-то чутьемъ угадалъ, что моя милая старушка переживала именно такую минуту. Прежде я уклонялся отъ всѣхъ разспросовъ о постигшемъ семью несчастьи, теперь мнѣ казалось, что я не только могу, но долженъ спросить объ этомъ, и я задалъ вопросъ, котораго, казалось, только и ждала Марья Ивановна. Она встрепенулась, осмотрѣлась кругомъ: всѣ гости уже усѣлись въ залѣ за карточные столы и мы были одни; это, повидимому, успокоило старушку, не думавшую отвѣчать отказомъ на мой вопросъ и въ то же время не желавшую посвящать въ семейныя тайны «чужихъ»; меня она уже давно привыкла считать за «своего» и даже говорила мнѣ «ты». Она, прикрывъ чайникъ салфеткой, начала разсказъ...

— Ты Владиміра-то Степановича нашего вѣдь зналъ?— спросила она меня.

— Обручева? Вашего двоюроднаго брата? — спросилъ я въ свою очередь.

Она утвердительно кивнула головой.

— Нѣтъ... Слышалъ о немъ мелькомъ... Но знакомъ съ нимъ лично не былъ...

Я лгалъ. Я хорошо зналъ и по слухамъ, и по нѣсколькимъ встрѣчамъ этого человѣка, занимавшаго видное положеніе въ обществѣ по своему богатству, по своимъ связямъ и въ то же время слывшаго отъявленнымъ скрягой, негласнымъ ростовщикомъ, жестокимъ, безсердечнымъ человѣкомъ. Его надменная и отталкивающая, длинная и сухая фигура съ маленькой головой, съ землисто-желтымъ лицомъ, съ густыми бровями, съ острымъ взглядомъ коршуна, навсегда запечатлѣлась въ моей памяти. Онъ такъ ясно и живо припомнился мнѣ теперь, какъ будто онъ стоялъ передо мною. Тѣмъ не менѣе, мнѣ не хотѣлось сознаться, что я зналъ его,—зналъ только съ дурной стороны, почти за негодяя.

— И не мудрено, кто и зналъ его, тотъ старался не знать,— замѣтила она со вздохомъ.—Вотъ ужъ если бы подъ

Digitized by Google

судъ попалъ даже безъ вины, такъ и тогда бы въ Сибирь упекли. Ненависть-то въ людяхъ къ нему такъ сильна была, что въ чемъ бы его ни обвинили — всему бы люди повѣрили. А тоже несчастный человѣкъ былъ, всякаго состраданія достойный...

Я невольно сдѣлалъ гримасу.

— Да, да, нечего кислое лицо-то дѣлать, — горячо сказала старушка, вступаясь за своего родственника.—Вы, новые, молодежь, все съ налету судите, умомъ, а сердцемъ... Гдѣ оно у васъ, и не сыщешь! Право!

Она безнадежно махнула рукой.

— Осуждать-то Владиміра Степановича было не трудно,— продолжала она:—на виду у всѣхъ все дурное-то въ немъ было. Да онъ и не старался этого дурного скрывать, потому что онъ и людей-то иначе не называлъ, какъ людишками. Не только ненавидѣлъ, а еще и презиралъ ихъ. Иногда, казалось, просто щеголялъ передъ ними всѣмъ, что въ немъ было гадкаго, точно говоря: «видите, каковъ я, а все-таки лизать мнѣ руки станете, если я только позволю»... А вотъ то, какъ онъ до этого дошелъ, это не легко было узнать, да, по правдѣ сказать, этимъ никто не интересовался. Скажутъ, бывало: «негодяй», «міроѣдъ», «алтынникъ», «ростовщикъ», а почему? какъ сдѣлался такимъ?— кому какое дѣло до этого!.. Я его жизнь знала. Родными приходились. Съ дѣтства помню, какъ ему жилось. Можетъ-быть, если бы добрымъ-то, хорошимъ-то людямъ пришлось то вынести, что онъ вынесъ, такъ многіе изъ нихъ еще и хуже его стали бы... Дрянности-то во всѣхъ много!... Росъ онъ сиротой: отца его за что-то сослали, да такъ онъ и пропалъ безъ вѣсти, мать жила долго, да не на радость дѣтямъ, пила такъ, что въ кабакѣ и умерла; старшій братъ его на ноги поднялъ; немного и старше былъ, а поднялъ. Господи, чего они оба не натерпѣлись! Не тому удивляться-то нужно, какими выросли, а тому, какъ выжили, какъ въ живыхъ остались. И никто, никто не помогъ. И то сказать, не родовитые люди были, собой оба некрасивые, гнуть спины не умѣли, подлаживаться тоже. ну, и приходилось радоваться, что ихъ еще не каждый день бьютъ да ругаютъ, что находятся и такіе люди, которые рукъ о нихъ марать не хотятъ. Старшій братъ, покойный Николай Степановичъ, былъ безпечный добрякъ, умный, ученый, его такъ и звали «благодушнымъ философомъ». Съ нимъ, бывало, какую бы пакость люди ни сдѣлали, онъ только рукой махнетъ да

Digitized by Google

скажетъ: «а ну ихъ!» Владиміръ Степановичъ былъ не таковъ: онъ рано сдѣлался угрюмымъ, желчнымъ, раздражительнымъ. Оно и понятно: старшій братъ хоть въ дѣтствѣ зналъ ласки отца и матери да кое-какое довольство, а младшій видѣлъ только чужихъ, равнодушныхъ, враждебныхъ людей кругомъ себя да замѣчалъ, какъ затягивался въ непосильномъ трудѣ его братъ, таявшій, какъ воскъ, въ злѣйшей чахоткѣ. Когда Николай Степановичъ умеръ, Владиміръ Степановичъ совсѣмъ звѣремъ сталъ, озлобился на весь міръ. По уму-то онъ былъ не совсѣмъ далекъ и никакъ не могъ онъ помириться съ тѣмъ, что нерѣдко честные, добрые и умные съ голоду умираютъ. Сталъ онъ говорить, что послѣ этого не стоитъ быть ни честнымъ, ни умнымъ, ни добрымъ. «Ну, вотъ братъ святымъ человѣкомъ былъ,—говоритъ онъ, бывало,—а кто помогъ ему, кто поддержалъ? Только загонять старались его, благо онъ трудолюбивъ былъ, только обмануть старались, благо онъ довѣрчивъ былъ. Лѣнивый только не помыкалъ имъ, не обманывалъ его, не обиралъ его. А пришлось ему плохо, никто не думалъ спасти». Одно время думали мы, что онъ руки на себя наложитъ съ горя. Но не такой онъ человѣкъ былъ. Какъ сейчасъ помню, какъ онъ, тогда еще совсѣмъ юноша, мнѣ разъ сказалъ про самоубійство: «Тоже радость: при жизни надъ тобой враги наругаются и послѣ смерти еще глумиться будутъ, что ты не одолѣлъ ихъ, да самъ съ собою, какъ съ бѣшеной собакой, прикончилъ. Нѣтъ, ужъ если приходится бороться съ врагами, такъ нужно не самому приканчивать съ собою, а ихъ доводить до самоубійства да надругаться надъ ними, даже надъ мертвыми».

Она вздохнула тяжелымъ вздохомъ.

— И доводилъ!—проговорила она коротко.—Ожесточенный человѣкъ былъ... Про войну вотъ когда читаешь, такъ видишь, до чего люди дойти могутъ: ни сѣдины, ни юности не щадятъ, дѣтей и женщинъ рѣжутъ, и вооруженнаго, и безоружнаго бьютъ, ничего не помня, кромѣ того, что они на войнѣ, что они бить и рѣзать должны. Ну, вотъ и онъ такимъ былъ всю жизнь, одинъ вышелъ воевать со всѣми и тѣмъ безпощаднѣе былъ, чѣмъ яснѣе понималъ, что онъ одинъ. А ужъ что онъ одинъ былъ — это вѣрно. Онъ вѣдь не только самъ не любилъ людей, но и зналъ, что и его люди не любятъ, а чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сознавалъ онъ это. Правда, когда онъ нажился, когда онъ въ люди вышелъ всѣми правдами и неправдами, къ нему стали яв-

Digitized by Google

ляться съ поклонами низкія души, но его уже трудно было обмануть. Бывало, слушаетъ онъ любезности, смотритъ, какъ передъ нимъ пресмыкаются, а потомъ и скажетъ съ усмѣшкой по уходѣ ихъ: «Живымъ съѣсть готовы бы, да зубовъ нѣтъ». Хорошо онъ зналъ, что ни пощады, ни помилованія ему не будетъ, если онъ въ чемъ-нибудь попадется. Ему-то ужъ оправдательнаго приговора никто бы не вынесъ, хоть бы всѣ знали, что его безвиннаго судятъ.

Я усмѣхнулся.

— Только вы, добрая душа, и вынесли бы ему такой приговоръ?—замѣтилъ я.

Старушка оживилась.

— Да, вынесла бы, вынесла бы, потому что несчастіе-то его было выше его преступности. Умомъ, голубчикъ, можетъ-быть, такого человѣка и не оправдаешь, а сердцемъ—сердцемъ оправдаешь, особенно, когда и самому жилось не сладко, когда зналъ человѣкъ, какъ озлобиться отъ неправдъ людскихъ можно...

Кто-то изъ гостей на-время прервалъ нашу бесѣду, попросивъ у старушки еще чаю. Она захлопотала, схватилась за чайникъ, пощупала самоваръ, все остыло. Пришлось позвать прислугу, чтобы снова подогрѣть самоваръ. Разговоръ на нѣсколько минутъ былъ прерванъ...

Прошло не болѣе десяти минутъ, какъ хозяйственныя хлопоты были окончены, гостямъ снова былъ поданъ чай, и Марья Ивановна стала продолжать прерванный разсказъ.

— Ты знаешь, Владиміръ Степановичъ былъ женатъ. Не веселое это было супружество. Женился онъ по расчету, не жену искалъ, а связей и богатства; жена ему попалась пустая, свѣтская барыня. Всю жизнь прожила она въ домѣ, какъ чужая, заботясь о нарядахъ, о визитахъ, о спектакляхъ. Говорятъ даже, что и простой честности въ ней не было. По крайней мѣрѣ, самъ Владиміръ Степановичъ былъ до конца жизни убѣжденъ, что ихъ сынъ не былъ его сыномъ. Ну, да это одному Богу извѣстно...

Старушка круто оборвала рѣчь и обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Сына-то Владиміра Степановича, Николашу-то нашего, ты видалъ вѣдь?

— Да, да, какъ же, помню, видалъ...

— Ну, такъ самъ знаешь, мальчикъ онъ былъ слабенькій, скорѣй на дѣвочку походилъ, чѣмъ на мальчика. Ничего-то въ немъ отцовскаго не было. За это, можетъ-быть, отецъ-

Digitized by Google

то и не любилъ его,—хуже даже: ненавидѣлъ. Ну, а мать—ей не сынъ нуженъ, а тряпки на выѣзды, гости да балы. Росъ мальчикъ одиноко, запуганнымъ, лишеннымъ ласки. Потомъ пристроили его на полный пансіонъ въ Правовѣдѣніе, потому, какъ же иначе — важные тоже господа! — и никто не справлялся, какъ онъ развивается, какъ живетъ, какъ ведетъ себя. Мальчикъ же былъ мягкій, слабохарактерный, податливый, изъ тѣхъ людей, которымъ нужна вѣчно нянька.

— Да, онъ производилъ именно такое впечатлѣніе, когда я его встрѣчалъ,—замѣтилъ я, припоминая Николая Обручева.

И передо мной воскресъ образъ юноши: высокаго, стройнаго, розовенькаго, съ большими голубыми глазами, смотрѣвшими по-дѣтски на всѣхъ и на все. Онъ всегда казался прекраснымъ, но хрупкимъ, какъ тѣ фарфоровые цвѣты, которыми украшаются этажерки дамскихъ будуаровъ. Судьба, казалось, и предназначила его играть именно такую роль украшенія дамскаго будуара, великосвѣтской гостиной. У него былъ мягкій баритонъ, онъ пѣлъ не безъ шика, онъ недурно игралъ на фортепьяно, онъ ловко рисовалъ карикатуры. Но ни одна изъ его художественныхъ способностей не была серьезно разработана, всѣ онѣ развились только до той степени, чтобы служить забавой, развлеченіемъ, украшеніемъ салонныхъ досуговъ. Его можно бы было назвать «милымъ малымъ», «душой общества», если бы рядомъ съ этими способностями развлекать и потѣшать общество у него не было еще одного качества — вѣчнаго недовольства самимъ собою, окружающей жизнью, обстоятельствами. Это недовольство доходило у него до крайнихъ предѣловъ, дѣлало его раздражительнымъ, какъ нервную женщину, хотя онъ пальца о палецъ былъ не въ состояніи стукнуть, чтобы измѣнить хоть что-нибудь въ себѣ самомъ и въ своемъ положеніи. Онъ могъ только плакать, сѣтовать, жаловаться и въ то же время раздражаться на самого себя за эти слезы, сѣтованія и жалобы. Я никогда не былъ съ нимъ близокъ, но даже мнѣ онъ иногда жаловался на свое положеніе, такъ велико было его слабодушіе, такъ велика была въ его натурѣ склонность къ экспансивности, къ беззавѣтной откровенности, имѣвшей почти всегда характеръ жалобы, сѣтованія, недовольства собою и обстоятельствами. Я встрѣчался съ нимъ въ то время, когда онъ уже сильно покучивалъ, жалуясь при этомъ на скуку и пустоту жизни, на свою безхарактерность, на ложность своего положенія.

Digitized by Google

— Я правовѣдъ, а дома желаютъ, чтобы я велъ жизнь химика,—говорилъ онъ по-дѣтски раздражительно.—Отецъ богатъ, а сынъ чуть не милостыню долженъ просить...

Я ему что-то замѣтилъ относительно безобразнаго поведенія золотой молодежи вообще. Онъ раздражительно отвѣтилъ мнѣ:

— Ахъ, что вы говорите! Мнѣ не на эту жизнь недостаетъ денегъ, мнѣ даже не на папиросы онѣ нужны, мнѣ иногда нуженъ рубль, чтобы не ходить оборванцемъ...

И онъ былъ отчасти правъ: отецъ готовъ былъ водить его въ лохмотьяхъ, лишь бы не тратить на него денегъ. Его мать уже давно умерла.

Когда я ему замѣтилъ, что все-таки онъ, кажется, покучиваетъ, онъ воскликнулъ:

— Да, да! Но что же прикажете дѣлать, если я въ это втянулся? Вы думаете, я не сознаю всей пошлости этой жизни? О, это постыдная жизнь, это сплошная оргія. Но втягиваетъ это, какъ болото. Разъ попавъ въ этотъ омутъ, уже не выберешься изъ него. Утромъ даешь себѣ слово остепениться, отрезвиться, а вечеромъ — иногда не знаешь вечеромъ, когда и какъ уснулъ!

Онъ передернулъ плечами.

— А впрочемъ, всѣ такъ живутъ, у кого есть средства! Живутъ только для того, чтобы прожигать жизнь...

— Тѣ, можетъ-быть, не сознаютъ мерзости этой жизни, а вы...

Онъ перебилъ меня.

— Да, да, я сознаю и это-то сознаніе и мучитъ меня, оно-то и отравляетъ мнѣ жизнь. Во мнѣ вѣчно точно два человѣка борются, и эта борьба... Плохо я кончу, если не пристану къ какому-нибудь одному берегу...

Онъ презрительно усмѣхнулся.

— Иногда я становлюсь гадокъ самому себѣ.

По его тону, по выраженію его лица сразу можно было понять, что онъ не напускаетъ на себя ничего, что не рисуется своей двойственностью, что, напротивъ того, именно эта двойственность терзаетъ и мучитъ его. Иногда онъ почти съ ужасомъ говорилъ о силѣ привычки.

— Вы задумывались ли когда-нибудь объ этомъ?—говорилъ онъ. — Это вѣдь что-то роковое. Какъ листья дерева, какъ вы его ни поставьте, будутъ оборачиваться въ сторону солнца, такъ человѣкъ, привыкшій къ чему-нибудь,

Digitized by Google

что вы ни дѣлайте, будетъ возвращаться къ своей привычкѣ...

— А сила воли?—замѣтилъ я.

Онъ горько усмѣхнулся.

— Нѣтъ, вы, значитъ, вовсе не знаете, что значитъ привычка, если толкуете о силѣ воли... Впрочемъ, я, можетъ-быть, самъ такая безхарактерная личность, что не могу этого понять...

И онъ оборвалъ нашъ разговоръ.

Все это живо вспомнилось мнѣ теперь, когда Марья Ивановна спросила меня, помню ли я его.

— Ну,—продолжала она:—такого человѣка могъ забрать въ руки первый встрѣчный. Его стоило только приласкать. Только въ томъ-то и горе, что хорошіе люди рѣдки, а дурныхъ непочатый уголъ. Къ этимъ-то людямъ въ руки и попалъ Николаша. Еще бы! помнишь, ловкій, изящный, красивый мальчикъ онъ былъ и, вдобавокъ, въ будущемъ крупный богачъ. Такихъ всегда сумѣютъ приголубить разные проходимцы. Товарищи, кутилы разные, дурныя женщины, всѣ эти люди завладѣли имъ и наговорили ему, какъ ложно его положеніе, какъ дуренъ его отецъ, какъ могъ бы онъ жить при своемъ богатствѣ. Тутъ же подвернулись и услужливые губители нашей молодежи—ростовщики, готовые всегда ссужать сыновей богатыхъ отцовъ деньгами... Началась старая исторія кутежей на деньги, занятыя за огромные проценты, семейныхъ сценъ сына съ отцомъ, цѣлаго ряда интригъ со стороны разной родни Владиміра Степановича, желавшей одного, чтобы старикъ лишилъ сына наслѣдства и завѣщалъ бы кое-что ей. Старикъ и всегда былъ человѣкомъ ограниченнымъ, а подъ старость, дряхлѣя, и совсѣмъ началъ выживать изъ ума, даже характеръ у него сдѣлался уже не такимъ желѣзнымъ, какъ прежде, и сталъ поддаваться вліянію лести и угодливости. Правда, угодникамъ не легко было ладить со старикомъ, ломался онъ надъ ними, самодурствовалъ, но ради денегъ чего не вынесутъ люди! У старика явилась вдругъ цѣлая стая родныхъ, стремившихся съ бою урвать что-нибудь изъ его капиталовъ. Просто омерзительно было смотрѣть на эту пошлую комедію ухаживаній за старымъ самодуромъ. И каждый-то изъ этихъ низкихъ людей твердилъ старику, что его сынъ негодяй, что онъ гнушается отцомъ, что онъ говоритъ со смѣхомъ о близости смерти отца, что онъ въ сущности и не сынъ ему. Къ несчастію, какіе бы ни были недостатки у Нико-

Digitized by Google

лаши, одного у него не было—не умѣлъ онъ лгать и притворяться, не умѣлъ онъ льстить тѣмъ, кого не любилъ. Бороться съ роднею ему было не подъ силу, и онъ просто брезгливо махнулъ на нее рукою, продолжая прежнюю жизнь, все болѣе и болѣе пріобрѣтая репутацію негодяя...

Старушка вздохнула.

— Спросили бы люди Олю, какъ каялся, какъ плакалъ этотъ негодяй въ тяжелыя минуты...

— Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ольгой Александровной?—спросилъ я.

Послышался опять тяжелый вздохъ.

— Если бы у него была любящая мать, она вѣрно любила бы его не болѣе Оли,—отвѣтила старушка.—Ну, да и онъ платилъ ей тѣмъ же. Вся душа его была на ладони передъ нею. Она и утѣшала, и журила, и останавливала его. Ты Олю хорошо знаешь. Это сильный, почти мужской по твердости характеръ и въ то же время сердце любящей женщины, сестры, матери. Ей все равно, что̀ за человѣкъ передъ нею, если она видитъ, что онъ страдаетъ, — ни о чемъ не думая, все забывая, она бросится ему на помощь. Съ дѣтства она уже такая: бывало, дѣвчонкой маленькой всякихъ облѣзлыхъ щенковъ и котятъ въ домъ тащила, чтобы напоить и накормить ихъ; первой радостью у нея было — отдать свои собственныя лакомства босоногимъ, полуголымъ крестьянскимъ ребятишкамъ...

Старушка усмѣхнулась.

— Ты знаешь, какъ она въ дѣтствѣ играла? «Въ маму», какъ она говорила. Возьметъ куклу, собачонку или котенка и говоритъ: «вы дѣти, а я мама». Такъ мы и говорили, глядя на нее, что она «въ маму» играетъ...

— Это она отъ васъ переняла?—съ улыбкой замѣтилъ я.

— Ну, выдумалъ!—сказала старушка, махнувъ рукою.— Нѣтъ, это у нея ужъ, вѣрно, отъ природы. Да у меня и характера такого нѣтъ. У нея и серьезность, и выдержка, и настойчивость. Я просто слабая женщина: меня бы не обижали, ну, и я не обижу никого. Я вотъ и раздражаюсь иногда, прикрикну на кого-нибудь, разворчусь на цѣлый часъ, обижу иногда несправедливо человѣка...

— Ну, да, ну, да, цѣлый рядъ злодѣйствъ произведете,— перебилъ я ее:—и потомъ сами же ухаживаете за жертвой злодѣйствъ, ублажая ее подарками...

Марья Ивановна даже не улыбнулась на мою шутку и серьезно замѣтила:

Digitized by Google

— А это ты вѣрно подмѣтилъ въ моемъ характерѣ. Я на это способна. У насъ вотъ собачонка тоже такая была: вдругъ облаетъ своего человѣка, потомъ сконфузится, подожметъ хвостъ и ужъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не вылижетъ руки неузнанному ею человѣку.

Я разсмѣялся. Старушка, не обращая вниманія на мой смѣхъ, продолжала:

— Оля не то. Оля «своего» сразу узнаетъ, а «свой» ей всякій, кому помощь нужна. Да, рѣдкая дѣвушка... Она няньчилась съ Николашей, какъ съ ребенкомъ. Да онъ и былъ ребенкомъ, хотя годами и былъ старше ея на два, на три года. Ужъ пробовали родные и журить ее за него, и говорить, что она ведетъ себя неприлично, няньчась съ нимъ. Нашлись даже такіе, у которыхъ языкъ поворотился сказать, что она хочетъ женить его на себѣ, чтобы сдѣлаться богатой.

Латкина набожно перекрестилась, точно открещиваясь отъ дьявольскаго искушенія.

— Не она, а онъ самъ желалъ сблизиться съ нею навсегда,—продолжала она.—И если этого не сдѣлалось, то не по его нежеланію. Онъ еще на школьной скамьѣ мечталъ о женитьбѣ на Олѣ, но обстоятельства не позволяли. Никому не говорилъ Николаша, что̀ ему мѣшаетъ жениться, говорилъ только, что нужно подождать, что есть одно препятствіе. И такъ это тревожило его, что онъ покоя не находилъ. Бывало придетъ къ мнѣ, подсядетъ и говоритъ: «Тяжело мнѣ, бабушка». Знаешь, меня вѣдь бабушкой зовутъ, кто хоть на десять лѣтъ моложе меня. «Да что у тебя за горе?—спрашиваю.—Закутилъ вѣрно?» «Что, говоритъ, кутежъ! Я теперь радъ бы такъ закутиться, чтобы все, все забыть».—«Да что забыть-то?» говорю ему.—«А то, что негодяй я—вотъ и все, говоритъ. И изъ-за чего Оля со мной няньчится? Себя только губитъ. Не исправлять меня надо бы, а пристрѣлить, какъ паршивую собаку». Даже разсердитъ, бывало, меня.—«Уйди, говорю, и никогда мнѣ такихъ словъ не говори. Богу бы лучше помолился, зарокъ бы далъ остепениться». А онъ только рукой махнетъ... И жаль мнѣ его было, и досадно на него, и страшно за Олю.

— А Ольга Александровна знала, что̀ его такъ тревожило?—спросилъ я.

— Въ томъ-то и бѣда, что и она не знала. Разсказать, что̀ его мучило, онъ даже ей не рѣшался, духу не хватало.

Digitized by Google

У него, видишь ли, былъ выданъ фальшивый вексель... на большую сумму...

Старушка въ волненіи смолкла и засуетилась.

— Ахъ, заболталась я съ тобой. Надо велѣть самоваръ и посуду прибрать... И гдѣ это Миша съ Олей запропали? Тоже гости одни безъ хозяевъ.

— Ну, они такъ углубились въ винтъ, что имъ насъ и не нужно,—сказалъ я.

— Да, да, ишь спорятъ и горячатся какъ, пожалуй, еще азартнѣе, чѣмъ давеча объ оправдательныхъ приговорахъ.

— Еще бы! Винтъ-то поближе къ сердцу...

Она покачала головой.

— Ахъ, люди, люди!

Марья Ивановна пошла распорядиться, чтобы прислуга убрала все со стола. Я закурилъ папиросу и прошелся по террасѣ, весь еще охваченный впечатлѣніемъ, навѣяннымъ разсказомъ хозяйки. Передо мною, какъ живые, вставали образы знакомыхъ мнѣ лицъ и сцена за сценой проходили всѣ перипетіи будничной драмы. Наконецъ, Латкина вернулась снова на террасу, присѣла на диванчикъ и, принявшись за вязанье, уже нѣсколько успокоившись отъ охватившаго ее волненія, заговорила снова:

— Тяжелое время настало для нашего бѣднаго Николаши да не легче пришлось и Олѣ. Сначала Николаша попробовалъ уговорить ростовщика переписать этотъ вексель, предлагая удвоить сумму. Но не такой человѣкъ былъ этотъ ростовщикъ, чтобы выпустить изъ своихъ рукъ жертву. По настоящему векселю, выданному на годъ, онъ могъ еще и не получить, по поддѣльному же онъ надѣялся непремѣнно выручить свои деньги, разсчитывая, что отецъ Николаши не захочетъ загубить сына... Плохо онъ только зналъ Владиміра Степановича и, конечно, еще менѣе зналъ, какъ интригуютъ противъ мальчика родные и какъ смотритъ на сына отецъ. Наканунѣ срока векселя, Николаша, какъ онъ самъ говорилъ потомъ, готовъ былъ пустить себѣ пулю въ лобъ, но его спасла любовь къ Олѣ. «Все,—говорилъ онъ,—я готовъ былъ перенести тогда, лишь бы не потерять ее». И перенесъ, много перенесъ... Онъ пошелъ къ отцу и разсказалъ ему все.

Старушка перевела духъ.

— Что же отецъ? заплатилъ?—спросилъ я.

Она безнадежно махнула рукой.

— На другой же день вексель былъ протестованъ, под-

Digitized by Google

дѣлка обнаружена и Николашу арестовали... И хуже всего было то, что Владиміръ Степановичъ, да проститъ ему Богъ этотъ величайшій грѣхъ, рѣшился бросить въ лицо сыну послѣднее оскорбленіе. Онъ ему сказалъ, что Николаша никогда и не былъ его сыномъ...

Лицо Марьи Ивановны приняло такое выраженіе, какъ будто она снова переживала всѣ фазисы этой семейной драмы, какъ будто она снова изнывала и страдала за этихъ несчастныхъ «дѣтей». Немного успокоившись, она продолжала:

— Это было прошлой весной. У Миши послѣдніе уроки кончались, Оля экзамены сдала, мы уже собрались сюда, въ деревню, сняли занавѣси и портьеры на городской квартирѣ, чехлы на мебель надѣли, все уложили... Какъ сейчасъ помню утро на другой день ареста Николаши. Сѣла я это за чайный столъ съ Мишей; я чулокъ вяжу, онъ газету читаетъ; день такой ясный, теплый, обоимъ намъ вспомнилась деревня, потянуло насъ сюда; оставили мы оба свое дѣло, заговорили о лѣтѣ... Вдругъ вошла Оля, блѣдная, серьезная. Мы взглянули на нее да такъ и онѣмѣли.

— Колю за подлогъ векселя арестовали,—сказала она коротко, отрывисто, точно стискивая зубы отъ боли.

Я и руками всплеснула. Господи Боже мой, бѣда какая! Миша сквозь зубы проворчалъ:

— Докутился!

Она, не обращая на насъ вниманія, не глядя на насъ, сѣла къ столу и прибавила:

— Я здѣсь останусь!

Я сразу не поняла, гдѣ она останется. За столомъ съ нами, думаю. Съ чего же это она говоритъ? Потомъ сообразила и испугалась.

— Какъ же, говорю, маточка? Развѣ можно? Одной-то? Вѣдь у насъ и вещи уже уложены...

Тутъ поднялся съ мѣста Миша и заходилъ по комнатѣ.

— Она права, нельзя ей ѣхать,— коротко сказалъ онъ.

Онъ подошелъ къ Олѣ и погладилъ ее по головѣ, точно отецъ ребенка.

— Бѣдная дѣвочка,—проговорилъ онъ ласково.

Она только еще ниже голову наклонила. А я это успокоиться не могу, сообразить ничего не въ силахъ. Не понимаю, что̀ это они говорятъ.

— Какъ же, говорю, ты жить-то здѣсь будешь? Что̀ люди-то скажутъ?

Digitized by Google

— Ахъ, полноте,—нетерпѣливо сказалъ мнѣ Миша.—Не одна она будетъ. Я тоже не поѣду...

Я и руками всплеснула.

Оля поднялась и быстро проговорила ему:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!

Потомъ взглянула въ лицо Миши и пробормотала:

— Добрый мой.. ты на все для меня готовъ, а я...

У нея вдругъ перехватило голосъ, слезы такъ и хлынули изъ глазъ. Вижу, захлебывается она отъ рыданій. Миша подошелъ къ ней, приласкалъ ее, а она молча прижалась губами къ его рукѣ. Онъ даже покраснѣлъ, но руки не отнялъ, не шевельнулся, точно такъ и слѣдовало, чтобы она ему руки цѣловала... Тутъ-то только я и прозрѣла: давно мой Миша безъ ума любилъ ее, давно она поняла это и всѣми силами старалась избѣгать объясненій, избѣжать отказа; Миша тоже чутьемъ угадывалъ, какой отвѣтъ онъ получитъ, и зналъ, почему ему отвѣтятъ: «нѣтъ», а не «да». И такъ мнѣ горько, такъ обидно стало тогда за моего Мишу, что даже согрѣшила я тогда, возроптала въ душѣ на Бога и впервые на бѣднаго Николашу вознегодовала. «Гдѣ же, думаю, правда? Этотъ честный, добрый, хорошій, а страдать ему молча приходится, никто и вниманія на него не обращаетъ, а тотъ, погибшій онъ человѣкъ, никакія силы не спасутъ его, а съ нимъ няньчатся, ему себя въ жертву приносятъ...» Даже къ Олѣ, прости Ты меня, Господи, точно враждебность какая въ душѣ проявилась...

Латкина перекрестилась.

— Стала Оля посѣщать Николашу въ тюрьмѣ, несмотря на всѣ его протесты, — разсказывала старушка послѣ небольшого перерыва. — Онъ и каялся, и называлъ себя погибшимъ человѣкомъ, но она всѣми силами старалась поддержать въ немъ бодрость духа и рѣшительно объявила ему, что, что бы съ нимъ ни случилось, она будетъ его женою, послѣдуетъ всюду за нимъ. Много это придало ему бодрости, ну и отрезвѣлъ онъ въ тюрьмѣ, другимъ человѣкомъ какъ будто сталъ. Мы всѣ ея рѣшенія знали, но ни я, ни Миша не смѣли ее отговаривать. И то сказать: я и любила, и жалѣла Николашу, знала, что, кромѣ Оли, никто ему не подастъ руки помощи, что погибнетъ онъ, въ концѣ-концовъ, безъ поддержки, и хотя скорбѣла за Мишу, а все-жъ молчала; Миша же не могъ отговаривать Олю, потому что не повѣрила бы она ему, въ этомъ случаѣ не повѣрила бы, заподозривъ его въ томъ, что онъ не безъ рас-

Digitized by Google

чета отговаривает ее. Да и не такой онъ человѣкъ, чтобъ сталъ отговаривать ради своихъ интересовъ. Честная и прямая душа, хоть и байбакъ, и медвѣдь неуклюжій... Между собою-то мы часто говорили, что не спасетъ она его, а только себя загубитъ, такъ какъ ужъ слишкомъ мало выдержки было въ мальчуганѣ, характера, силы воли не было у него... Измучилась и я за это время, всѣхъ троихъ жалѣя. Не знала о чемъ и молиться, что и просить у Бога. Бывало, стану молиться, стану на колѣни и только твержу: «Твори, Господи, волю Свою! Спаси ихъ всѣхъ». А гдѣ спасеніе—и придумать я не могла... Время же подходило къ окончанію процесса надъ Николашей. Почти наканунѣ умеръ скоропостижно Владиміръ Степановичъ, не успѣвъ сдѣлать духовнаго завѣщанія. Такимъ образомъ Николаша богачомъ сдѣлался и въ то же время ждалъ ссылки. Насталъ и день суда. Пошли Оля съ Мишей въ судъ. Я не пошла. Тяжело ужъ очень мнѣ было слушать, какъ нашего мальчика публично шельмовать будутъ. Страшны ваши новые суды, ой, какъ страшны! Душу человѣческую передо всѣмъ обществомъ на изнанку выворачиваютъ, публично шельмуютъ человѣка, прежде чѣмъ осудятъ. И прокуроръ его треплетъ, и адвокатъ ему бока моетъ... Можетъ-быть, оно такъ и слѣдуетъ, такъ и надо, ну, а я этого понять ужъ не могу. Стара я, чтобы понимать это. Не пошла я туда. Не подъ силу было, тяжело. А дома не легче оставаться было. Хожу, какъ будто что потеряла и найти не могу, передвигаю все съ мѣста на мѣсто, на часы гляжу каждую минуту. Не выдержала! Пошла я къ Спасителю на Петербургскую сторону, отслужила молебенъ, наплакалась вволю и вернулась домой. Легче стало. Тутъ и мои изъ суда пріѣхали.

— Ну, что?—спрашиваю.

— Оправдали,—говоритъ Миша.

Гляжу я только на Олю, стоитъ она задумчивая, нерадостная, точно не того она ждала, не того желала. Я стала креститься.

— Гдѣ же, говорю, Николаша?

— Поѣхалъ благодарить адвоката, товарищи сошлись поздравлять, — отвѣтилъ Миша, тоже хмурый, сдержанный.

Оля ни слова, точно замерла. «Что это съ ними, думаю. Или хотѣли, чтобъ мальчика въ Сибирь упекли?» Протянули мы кое-какъ день до вечера, точно послѣ похоронъ.

Digitized by Google

Вечеромъ пріѣхалъ Николаша, возбужденный, радостный, цѣлуетъ руки у Оли.

— Вотъ и я! — говоритъ. — Видишь, не засидѣлся съ пріятелями. Теперь скорѣй устроить дѣла и свадьба, свадьба!

Оля улыбнулась, точно ожила, развеселилась.

— А я ужъ боялась,—начала она.

— Ну, вотъ еще! — перебилъ онъ. — Нѣтъ, довольно, урокъ хорошій данъ!.. Эти вещи не забываются, довольно одного того, что я ускорилъ смерть отца...

Онъ сдвинулъ брови.

— Бѣжать бы отъ самого себя хотѣлъ, — сказалъ онъ мрачно. — Мнѣ страшно войти въ нашъ домъ, какъ я все вспомню... И за что онъ изъ-за меня, что я ему?..

Онъ стиснулъ зубы, вспомнивъ, должно-быть, послѣднее объясненіе съ отцомъ.

— Оставайся у насъ,—сказала я спроста.

— Нѣтъ, какъ же, — замѣтилъ онъ. — Это совсѣмъ неловко! Нѣтъ, ничего, надо все пережить, все выпить до дна. И такъ слишкомъ легко отдѣлался...

Говоритъ онъ это, а самъ, вижу я, волнуется, тревожится, посидѣть на мѣстѣ не можетъ, точно ни со своими думами, ни со своими желаніями справиться не можетъ. «Ну, и то сказать,—подумала я,—тяжелое время пережилъ, опомниться, въ себя придти еще не можетъ...»

Начались у него съ этого дня хлопоты по утвержденію въ правахъ наслѣдства, по вводу во владѣніе имѣніемъ, возня съ бумагами, съ нотаріусами, съ адвокатами. Почти каждый день заглядывалъ онъ хоть на часокъ къ намъ, но всегда озабоченный, всегда суетливый. Олѣ все подарки привозилъ.

— Зачѣмъ ты тратишься! — говоритъ, бывало, она. — Развѣ это мнѣ нужно?

— Да я бы тебѣ всѣ брильянты скупилъ, — скажетъ, бывало, онъ:—чтобы всю, всю тебя засыпать ими.

Она только пожметъ плечами.

— Самъ пріѣзжай почаще — это лучшій подарокъ для меня,—говоритъ она.

Онъ начнетъ цѣловать ея руки.

— Дорогая моя, милая! И за что ты меня такъ любишь? Не стою я такой любви. Безхарактерный, негодный, гадкій я человѣкъ...

Говоритъ это, а у самого въ голосѣ и на глазахъ слезы.

Digitized by Google

— Старайся сдѣлаться хорошимъ, — съ улыбкой замѣчаетъ она.

Онъ только вздохнетъ.

— И не вѣрится, чтобы я могъ сдѣлаться инымъ человѣкомъ. Вѣры у меня въ себя нѣтъ, силъ нѣтъ...

И потомъ вдругъ ободрится:

— Да нѣтъ, ты поможешь, ты поддержишь меня? Да, вѣдь? Скорѣй бы кончить дѣла и тогда...

— Да для чего ты хочешь прежде кончить дѣла, а потомъ жениться? Развѣ теперь нельзя?

— Но какъ же? Тутъ нужно разъѣзжать, вотъ въ имѣніе нужно съѣздить...

— Ну, вмѣстѣ будемъ ѣздить...

— Да, да, и то правда...

Онъ встрепенулся, когда она это сказала, ухватился за эту мысль, заторопился свадьбой...

— Боюсь я, кутитъ онъ,—какъ-то замѣтилъ мнѣ Миша.

— Что ты, у него дѣла,—сказала я, испугавшись.

— Да, дѣла и кутежи, кутежи и дѣла, и чего больше—это одинъ Богъ знаетъ!—продолжалъ онъ.—Не можетъ онъ вырваться изъ кружка своихъ товарищей. Теперь они еще больше осѣтятъ его. Ну, и за нѣсколько мѣсяцевъ воздержанія нужно же себя вознаградить. Потомъ угрызенія совѣсти. Э, да кто разберется въ этой душѣ!.. Тяжело будетъ Олѣ вырвать его изъ этого омута.

— Ну, уѣдутъ, тогда...

Миша перебилъ меня.

— Никуда онъ самъ не уѣдетъ, силой его можно только вырвать... И зачѣмъ только его оправдали! Сослать бы его, далеко сослать, чтобы ни старыхъ друзей, ни прежней обстановки, ни знакомыхъ соблазновъ не было. Тогда, можетъ-быть, еще и исправился бы... хотя и то сомнительно...

Впервые я видѣла Мишу не только раздраженнымъ, но почти злымъ.

Я перебилъ разсказъ старушки и спросилъ:

— Неужели Ольга Александровна дѣйствительно любила его?

Марья Ивановна вопросительно посмотрѣла на меня, точно не сразу понявъ мой вопросъ, и потомъ сказала:

— То-есть была ли она въ него влюблена? Нѣтъ, нѣтъ! Просто любила его, какъ мать. Вы, мужчины, этого чувства не знаете. Это мы, женщины, способны такъ любить. Вотъ у меня тоже дѣти были, одинъ родился горбатень-

Digitized by Google

кимъ и хроменькимъ, такъ я, что̀ грѣха таить, больше всѣхъ другихъ дѣтей его любила. Такъ вотъ и она его любила... Ну, а онъ—онъ безъ ума отъ нея былъ... Это-то и мучило его: съ одной стороны любовь, а съ другой проклятая привычка, отъ которой силъ не было отдѣлаться... Если бы онъ не любилъ ее такъ сильно, давно бы онъ на ней женился, не заботясь, что̀ за доля ждетъ ее впослѣдствіи... А его мысль объ этомъ постоянно мучила, постоянно грызло сознаніе, что онъ ее загубитъ...

Она вздохнула.

— Душа-то человѣческая вся изъ противорѣчій состоитъ. Станешь въ ней рыться — самъ не вѣришь, какія чувства въ ней рядомъ живутъ...

Потомъ она опять перешла къ разсказу:

— Великій постъ приходилъ къ концу. Свадьба должна была состояться на Ѳоминой недѣлѣ. Не безъ страха смотрѣла я на Олю, готовя все къ ея свадьбѣ, точно хоронить ее собиралась. И сама она была тревожна, вдумчива, серьезна. Только она боялась не того, чего я боялась. Я боялась, что ей тяжело будетъ жить въ замужествѣ, а она— она не вѣрила до послѣдней минуты, что ей придется назвать мужемъ Николашу. И каждый разъ, когда онъ не являлся день или два — ея тревога росла. И у него въ отношеніяхъ къ ней начали проявляться какія-то неровности, всего чаще сталъ онъ говорить, что его нужно бы бросить, оставить у дверей какого-нибудь кабака издохнуть. А то вдругъ начиналъ просить, чтобы она не оставляла его, не сердилась на него, имѣла бы съ нимъ терпѣніе. Только разъ случилось такъ, что онъ не приходилъ четыре дня сряду. Оля ходила блѣдная, похудѣвшая, молчаливая, точно къ смерти приговоренная. Наконецъ не выдержала она, пошла сама къ нему...

Старушка печально качала головой.

— Пришла она къ нему, позвонила, говоритъ человѣку: «баринъ дома?» Человѣкъ усмѣхнулся, говоритъ: «дома-съ». Велѣла она его позвать и осталась ждать его въ залѣ. Тутъ только она услыхала звуки голосовъ въ другихъ комнатахъ, громкій хохотъ, звонъ посуды. Она испугалась, поняв, что у Николаши гости. Но уходить было поздно, въ дверяхъ показался самъ Николаша съ салфеткой въ рукѣ, весь раскраснѣвшійся, пошатывающійся.

— Это ты? — воскликнулъ онъ. — Что̀ случилось? Какъ ты сюда попала!

Digitized by Google

— Ты такъ давно не былъ... я думала,—начала она съ смущеніи.

— А! Поглядѣть захотѣлось, какъ я живу... Не рано ли начинаешь шпіонить?

Онъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ, спотыкаясь на хлу, и засмѣялся:

— Ну, что-жъ, смотри... Хорошъ?.. Что-жъ, хорошъ, но хорошъ, а жить съ такимъ придется. Да. Только помни...

Онъ нахмурилъ брови и продолжалъ рѣзко:

— Я не желаю, чтобы за мной шпіонили!.. На помочахъ хотятъ водить... теперь уже... что же будетъ послѣ... Я не ребенокъ... всѣ такъ живутъ... всѣ!..

Она поняла, что съ нимъ нельзя говорить, что нужно скорѣе уйти. Ее душили слезы.

— И что за манера: къ холостому мужчинѣ ходить, къ жениху ходить? Что скажутъ люди: невѣста ходитъ къ жениху! Гдѣ это видано? Я хочу, чтобы мою жену уважали, чтобы не говорили, что она сама шлялась ко мнѣ невѣстой, вѣшалась на шею... И безъ того говорятъ, что меня теленать жена будетъ! Да... Взнуздать и осѣдлать хотятъ...

Оля только вскрикнула:

— Довольно! Довольно!

Она, захлебываясь слезами, шатаясь, пошла къ выходу. За нею раздался смѣхъ нѣсколькихъ голосовъ пріятелей и пріятельницъ Николаши. Они изъ любопытства пробрались къ дверямъ залы, чтобы посмотрѣть, съ какой незнакомкой бесѣдуетъ хозяинъ. Обернувшись назадъ и увидавъ всю эту пьяную ватагу, Николаша сразу какъ бы отрезвѣлъ и вскрикнулъ:

— Подлецъ, подлецъ!

На другой день Николаши не стало: онъ наложилъ на себя руки.

Марья Ивановна, круто оборвавъ разсказъ, набожно перекрестилась.

— Ты бы расплакался, — продолжала Латкина, спустя минуту: — если бы тебѣ показать письмо, написанное имъ передъ смертью Олѣ. Всю душу онъ излилъ въ немъ, писалъ, что онъ сознаетъ, что для такихъ людей, какъ онъ, нѣтъ исправленія, что ихъ нужно держать въ четырехъ стѣнахъ, въ тюрьмѣ, чтобы они отстали отъ своихъ привычекъ, что его привычки приняли характеръ умопомѣшательства, и бороться съ ними уже нельзя, что онъ женив-

Digitized by Google

шись на Олѣ, не исправился бы, а только загубилъ бы и ее, такъ какъ она не была бы даже застрахована отъ оскорбленій. Поистинѣ слезами все письмо было написано. Въ концѣ его просилъ онъ прощенія у нея, у всѣхъ насъ... А люди-то, люди-то что стали говорить, узнавъ о его самоубійствѣ. И подлецъ-то онъ, и негодяй-то, и отцеубійца. Господи, и послѣ смерти-то не пощадили его, не сжалились надъ нимъ. Всѣ, всѣ забросали грязью, обвинили...

— И только Ольга Александровна вынесла ему оправдательный приговоръ?—сказалъ я.

— Да, и она, и мы, то-есть я и Миша,—добавила старушка.—Но, вѣрь мнѣ, голубчикъ, на страшномъ судилищѣ не обвинителей, а оправдывающихъ услышитъ Господь!

Воцарилось на нѣсколько минутъ тяжелое молчаніе. Потомъ старушка, вздыхая и качая головой, тихо прошептала:

— Вотъ ужъ и полгода прошло послѣ его смерти, а Оля все еще не вполнѣ успокоилась... Жду я, не дождусь, когда она опять повеселѣетъ, расцвѣтетъ... Миша не теряетъ надежды, бодро смотритъ на будущее... Что-жъ, можетъ-быть, Богъ и успокоитъ ее, будетъ она еще счастлива... Вѣдь Мишу-то она любитъ.

Черезъ нѣсколько минутъ на аллеѣ передъ террасой показались Михаилъ Петровичъ и Ольга Александровна. Они шли тихо, рука объ руку, она склонилась немного къ нему на плечо. Ихъ лица были невозмутимо спокойны и, какъ мнѣ показалось, выражали полное счастіе. Можетъ-быть, они, эти два добрыя и честныя существа, договорились до послѣдняго желаннаго слова. Дай Богъ!

— И взгляни, что за пара! — тихо шепнула мнѣ Латкина.—Они-то ужъ сумѣютъ быть счастливыми...

Лѣтній день уже клонился къ концу, въ саду все гуще и гуще становились тѣни, кругомъ царила невозмутимая тишина. Только изъ залы доносились ожесточенные раздражительные споры и крики: «такъ только сапожники играютъ», «вы сами лапти плетете», «съ вами садиться не слѣдуетъ». Не дожидаясь окончанія игры, весь охваченный впечатлѣніемъ слышаннаго мною разсказа, я прошелъ въ отведенный мнѣ флигель. Я долго не могъ уснуть, отворивъ окно и смотря на разстилавшіеся передъ нимъ холмистые луга, прорѣзанные извилистой рѣчкой. На необозримомъ пространствѣ не было ни души; сама природа, казалось, погрузилась въ сладкую дремоту подъ темнѣвшимъ надъ нею безоблачнымъ, звѣзднымъ небомъ. Въ моей головѣ роились

Digitized by Google

думы о тѣхъ людяхъ, которые предстаютъ на судъ ближнихъ, о тѣхъ ближнихъ, которые выносятъ этимъ людямъ обвинительные или оправдательные приговоры. Какія обстоятельства, какія невзгоды, какія скрытыя отъ всѣхъ страданія доводятъ однихъ людей до проступковъ, до преступленій, до паденія, а другимъ въ рѣшительную минуту суда надъ ближнимъ, завѣдомо преступнымъ, очевидно виноватымъ, уличеннымъ во всемъ, внушаютъ произнести: «Нѣтъ, не виновенъ!» И этотъ вопросъ—вопросъ объ обвинительныхъ и оправдательныхъ приговорахъ—казался мнѣ болѣе глубокимъ и болѣе сложнымъ, чѣмъ онъ представляется обыкновенно въ какихъ-нибудь полемическихъ газетныхъ статьяхъ, написанныхъ наскоро людьми, боящимися не опоздать къ партіи въ винтъ...

IX.

Изъ встрѣчъ съ здоровыми людьми.

Въ частной человѣческой жизни есть тоже свои високосные годы. Они отличаются отъ обыкновенныхъ високосныхъ годовъ только тѣмъ, что послѣдніе наступаютъ періодически, черезъ извѣстные сроки, а въ первыхъ человѣкъ никогда не можетъ сказать впередъ, когда ему придется поминать Касьяна Немилостиваго. Такимъ високоснымъ годомъ для меня былъ 1877 годъ, и въ немъ Касьянъ былъ именинникомъ, кажется, не одинъ разъ, а едва ли не триста шестьдесятъ пять разъ. Нѣсколько тяжелыхъ утратъ и сотни мелкихъ неудачъ, составившихъ вмѣстѣ одну большую неудачу, потрясли окончательно мое здоровье. Къ веснѣ 1878 года я былъ уже совсѣмъ боленъ. Пришлось обратиться къ совѣтамъ друга-доктора.

На дворѣ стоялъ одинъ изъ первыхъ теплыхъ, полныхъ блеска и свѣта, весеннихъ дней. Я, полубольной, лежалъ на диванѣ и лѣниво исправлялъ слогъ въ какой-то статьѣ о дифтеритѣ, сознавая, что она и при дурномъ, и при хорошемъ слогѣ отъ дифтерита никого не спасетъ. За этимъ занятіемъ засталъ меня мой милѣйшій докторъ, Василій Карловичъ Штуббе, старый обрусѣвшій нѣмецъ, гораздо больше знавшій толкъ въ сортахъ пива и вина, чѣмъ въ лѣкарствахъ. Именно по этой причинѣ я глубоко вѣрилъ въ его способность не уморить человѣка, когда тотъ еще можетъ пожить. Увидавъ, что я работаю, онъ укоризненно покачалъ головою.

— Пишетъ, что не здоровъ, а самъ строчитъ что-то,— г...

Digitized by Google

говорилъ онъ, протягивая мнѣ широкую, пухлую руку съ толстыми, плоскими и короткими пальцами.

— Нельзя, дружище, неотложное дѣло,—отвѣтилъ я, дружески здороваясь съ нимъ.

— Неотложное дѣло только одно—поправленіе здоровья,—наставительно замѣтилъ онъ, удобно усаживаясь противъ меня на кресло.—Ну, говори, что у тебя?

— Право, не могу объяснить,—сказалъ я.—Можетъ-быть, это даже и не болѣзнь... Просто чувствую слабость, апатію, страдаю безсонницей...

Онъ взялъ мою руку и сталъ щупать пульсъ. Подержавъ мою руку, онъ очень серьезно взглянулъ на меня и произнесъ:

— Дай-ка другую руку!

Я исполнилъ требованіе, и онъ опять сталъ ощупывать пульсъ.

— Да гдѣ же у тебя пульсъ-то, наконецъ,—проговорилъ онъ нетерпѣливо.

— Это ужъ твое дѣло отыскать его,—отвѣтилъ я съ улыбкой.—Ты на то и докторъ.

— Да, ищи того, чего нѣтъ!—хмуро замѣтилъ онъ.—Раздѣнься, я тебя выслушаю...

Я приподнялся съ дивана и сталъ раздѣваться. Это меня очень утомило, и у меня сдѣлалась одышка.

— Ты что же это такъ дышишь, какъ паровозъ?—спросилъ Штуббе.

— Усталъ,—отвѣтилъ я.

— Съ чего это?

— Да вотъ... раздѣвался,—пояснилъ я.

Онъ покачалъ головой съ сомнѣніемъ, потомъ припалъ ухомъ къ моему сердцу.

— Да у тебя сердце-то есть или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Говорятъ, что было когда-то,—отвѣтилъ я шутливо.

— Что-то его нынче не слыхать!..

Онъ поднялъ жирное, раскраснѣвшееся отъ прилива крови лицо съ красно-синимъ носомъ и, глядя на меня зоркими, хотя и заплывшими жиромъ глазами, сказалъ:

— А это что за отеки у тебя подъ глазами? Вѣдь это мѣшки съ водой...

Онъ сѣлъ снова на кресло и откинулся къ его спинкѣ.

— Чего тебя лѣчить?—пренебрежительно сказалъ онъ.

— Ты находишь мое положеніе опаснымъ?—тревожно спросилъ я.

— Еще бы не опаснымъ! Такъ-то достукаться до гроба

Digitized by Google

можно,— равнодушно отвѣтилъ онъ.— Полный упадокъ силъ, малокровіе...

И вдругъ оборвавъ рѣчь, онъ спросилъ меня:

— Ты какое вино пьешь?

— Я совсѣмъ не пью вина.

— Очень глупо дѣлаешь!.. Въ собранія, въ клубы, въ театры часто выѣзжаешь?

— Я, дружище, совсѣмъ домосѣдомъ сталъ... и притомъ работа.

— Ну, а работаешь много?

— Да что же дѣлать, какъ не работать.

— Вотъ ты говорилъ о безсонницѣ. Что ты дѣлаешь, когда не спится?

— Тоже работаю, читаю...

— Значитъ, двадцать четыре часа въ сутки и еще нѣсколько минутъ за одной и той же умственной работой,— пояснилъ онъ съ ироніей.

И, вынувъ изъ портсигара сигару, онъ заговорилъ уже совсѣмъ пренебрежительно:

— А еще умнымъ человѣкомъ слывешь и самъ себя умнымъ считаешь! Этакое самообольщеніе!

Я улыбнулся.

— Что же ты ругаешься?—спросилъ я.

— Да какъ же не ругаться!—отвѣтилъ онъ, закуривая сигару.—Вина не пьетъ, развлеченій избѣгаетъ, работаетъ безъ передышки и хочетъ быть здоровымъ!

— Но, дружище,—попробовалъ я возражать; но онъ не далъ мнѣ договорить.

— И хороша должна выходить работа, исполняемая при такихъ условіяхъ! Ни энергіи, ни здоровья, ни ясности взглядовъ не можетъ быть въ ней. Я еще понимаю, если работать такъ, какъ я, спокойно, не горячась, не волнуясь, а то вы вѣдь и работаете, и нервничаете. При такомъ образѣ жизни могутъ развиться только безпредметное недовольство, апатія, пессимизмъ...

— А ты, милѣйшій, за оптимизмъ?—спросилъ я.

— Я за здоровье,—отвѣтилъ онъ коротко.—Однако, надо кончить выслушиванье.

Онъ отложилъ сигару и снова принялся выслушивать и выстукивать меня. Кончивъ эту работу, онъ опять взялъ сигару и развалился въ креслѣ. Я одѣлся.

— Ты коньякъ или ромъ больше любишь?—спросилъ онъ.

— Ни того, ни другого,—отвѣтилъ я.

Digitized by Google

— Очень дурной вкусъ или, лучше сказать, отсутствіе всякаго вкуса. Ну, такъ ты пей коньякъ. Если не хочешь такъ пить, пей съ молокомъ, какъ бабы пьютъ; прикажи сварить крѣпкаго кофе. Выпей пару чашекъ. Можешь тоже съ коньякомъ. Гуляй какъ можно больше и послѣ поѣшь ростбифу или...

— Ну, братъ, мнѣ некогда гулять; работа,—началъ я.

— Да, кстати! Работу ты брось на мѣсяцъ или на два... Лучше бы мѣсяца на три, на четыре...

Я широко открылъ глаза.

— Какая можетъ быть у тебя работа, пачкотня какая-нибудь,—продолжалъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на мой взглядъ.

— Ну, пачкотня или нѣтъ...—обиженно началъ я.

— Разумѣется, пачкотня,—уже настойчиво и утвердительно перебилъ онъ меня.—Что же порядочнаго можетъ сдѣлать совсѣмъ больной, потерявшій всѣ силы, страдающій малокровіемъ человѣкъ?

Я начиналъ сердиться; докторъ угадалъ: въ послѣднее время я больше рвалъ бумагу, чѣмъ исписывалъ ее: это меня крайне тревожило, тяготило, даже пугало; я сознавалъ, что я не могу ничего написать спокойно, не раздражаясь.

— Я согласенъ,—заговорилъ я:—что во время нездоровья пишется не такъ хорошо; но вѣдь не могу же я не работать. Это источникъ моего существованія.

На меня напало уныніе. Докторъ пожалъ плечами.

— Все равно, дрянь писать будешь—насидишься безъ хлѣба,—отвѣтилъ онъ.

По мнѣ пробѣжала дрожь. Я уже нерѣдко задумывался о томъ, что можно остаться безъ хлѣба. Что будетъ тогда?

— Да, но теперь у меня нѣтъ средствъ,—началъ я въ смущеніи.

Онъ окинулъ глазами комнату и разсмѣялся.

— Средствъ нѣтъ, а малахитовыя украшенія на письменномъ столѣ!

— Мнѣ это подарено,—сказалъ я, какъ бы оправдываясь.

Онъ взялъ одну изъ малахитовыхъ вещицъ, повертѣлъ ее передъ глазами и съ пренебреженіемъ положилъ снова на столъ.

— И ничего хорошаго нѣтъ,—проговорилъ онъ.—Именно дрянь, а между тѣмъ на то, что она стоитъ, не одну бутылку вина могъ бы купить...

Потомъ онъ взглянулъ на книги, на моихъ неизмѣнныхъ друзей, пережившихъ всѣ другія дружбы, кончающіяся всегда

Digitized by Google

предательствомъ, если только преждевременная смерть не спасетъ отъ этого.

— Вонъ тоже книги въ какихъ нарядныхъ рубашкахъ!— продолжалъ Штуббе. — На балы собирался ихъ вывозить, что ли? Или любишь и книгу-то только тогда, когда она принаряжена? И, вѣрно, какая-нибудь роскошно-изданная чепуха! Продай! Поройся, такъ еще что-нибудь найдешь. Мебель—твоя? Да? Ну, а на что она тебѣ? Нанимать можно квартиру и съ мебелью. Связалъ себя разнымъ хламомъ и удивляется, что съ такими оковами на рукахъ и ногахъ съ мѣста не можешь сдвинуться.

Меня это начинало злить.

— Да ты-то развѣ хуже обставился?—спросилъ я.

— Вонъ сравнилъ!—равнодушно отвѣтилъ докторъ.—Я еще думаю, что надо улучшить мою обстановку. Чѣмъ она лучше, тѣмъ больше платятъ. У меня это въ расчеты входитъ...

Затѣмъ онъ перешелъ къ другой темѣ.

— И много ли тебѣ нужно на путешествіе? Въ третьемъ классѣ дешево ѣздить и для наблюдателя интереснѣе. Въ городахъ, въ провинціи, вѣрно, есть знакомые, гдѣ можно даромъ прогостить недѣлю, другую, пока не надоѣшь. Ну, а если нѣтъ, такъ въ провинціи и теперь еще можно дешево устроиться... Истратишь такимъ образомъ мало, а пріобрѣтешь много: и здоровье, и способность снова писать...

Я опять хотѣлъ заговорить, но онъ остановилъ меня движеніемъ руки.

— Нѣтъ, я тебѣ говорю вполнѣ серьезно, что тебѣ нужно уѣхать, говорю, какъ докторъ и какъ другъ и доброжелатель. Это нужно для твоего здоровья и, главнымъ образомъ, для твоихъ успѣховъ.

Штуббе на минуту остановился и потомъ мягкимъ тономъ, какъ бы боясь огорчить меня, прибавилъ:

— Ты, мой другъ, слишкомъ желчнымъ сталъ, на все смотришь мрачно, и потому все, что ты пишешь, — ты извини меня за откровенность!—является диссонансомъ въ нашемъ мірѣ довольства и благополучія.

Я широко открылъ глаза.

— Какъ? Ты, значитъ, думаешь, что все идетъ отлично, что всѣ довольны и благополучны?—воскликнулъ я.—Это теперь-то?

— А то какъ же? Если бы люди были не довольны и не благополучны, то всѣ давно перевѣшались бы и пере-

Digitized by Google

стрѣлялись бы; если бы все шло не отлично, то всѣ стремились бы къ лучшему, а не сидѣли бы, сложа руки...

— Ну, ты, можетъ-быть, хорошій докторъ, а по части остроумныхъ парадоксовъ ты плохъ,—сказалъ я.

— Да я вовсе и не думалъ высказывать парадоксовъ. Это просто мое убѣжденіе. Живутъ люди—значитъ, жизнь хороша, не рвутся ни къ какимъ новшествамъ—значитъ, порядки имъ по душѣ. Да вотъ ты возьми хоть меня въ примѣръ. Чего мнѣ желать? Практики много.

— То-есть больныхъ много?—вставилъ я.

— Конечно, не здоровыхъ же мнѣ лѣчить!—отвѣтилъ онъ.—Гробовщики тоже довольны, когда работы много, аптекаря тоже. На этомъ міръ держится. Была бы работа, были бы деньги—и все хорошо для здороваго человѣка.

— Ну, братъ, бываетъ такая работа, что...—началъ я.

— Ахъ, не все ли равно какая!—перебилъ онъ меня.—Что-жъ ты думаешь, что мнѣ желать надо, чтобы больныхъ не было? Или адвокатъ долженъ стремиться, чтобы люди не судились? Да случись это, тогда и жить будетъ нельзя.

— Ахъ, ты, циникъ!

— Циникъ не циникъ, а что̀ правда, то правда! Съ твоими-то взглядами на работу, человѣчество и безъ мяса бы передохло и во всякихъ нечистотахъ потонуло бы.

— Какъ такъ?

— А такъ, что и быковъ не весело бить, да и грязь разную выгребать не сладко. Нѣтъ, хочешь кормиться работой, такъ, съ одной стороны, чувствительности отбрось, а съ другой—брезгливость-то свою спрячь подальше. Человѣчество такъ и живетъ...

Онъ усмѣхнулся.

— Да, живетъ такъ—и счастливо... Конечно, я говорю о здоровыхъ людяхъ, а не о васъ, больныхъ и худосочныхъ... Вотъ я теперь лѣчу дѣвочку-урода, да такого урода, что ты, взглянувъ на нее, разревѣлся бы. Мнѣ даже жутко стало, когда я ее увидалъ впервые, невольно подумалъ: «ужъ лучше бы умерла». А отецъ съ матерью плачутъ, умоляютъ спасти. «Мы, говорятъ, просвѣтъ увидѣли съ той поры, какъ она родилась. Теперь и купцы, и господа, какъ прослышатъ о ней, ѣдутъ посмотрѣть, прослезятся и помощь сейчасъ оказываютъ. А допрежь того бились-бились, никто руки не протянулъ». Вотъ ты тутъ и толкуй. Родителямъ плакать бы надо, что такой уродъ живетъ, а они радуются.

Digitized by Google

— А спросить бы ее, каково ей!—горячо воскликнулъ я.

— Что?—переспорилъ Штуббе и засмѣялся жирнымъ смѣхомъ.—Да не будь она уродомъ—ее бы въ черномъ тѣлѣ держали, воду да щепки таскала бы, какъ другія нищія, голодала бы по цѣлымъ днямъ, а теперь—теперь ее ублажаютъ, какъ идола. Чего лучше... Будь она хорошенькой—проституткой бы сдѣлалась, а теперь и невинность сохранитъ, и проживетъ безъ нужды... Нѣтъ, братъ, присмотрись къ міру и увидишь, что всѣмъ онъ доволенъ...

Докторъ докурилъ сигару и, еще разъ повторивъ свои совѣты, ушелъ. Я тяжело, съ какой-то тайной завистью къ этому здоровому человѣку, задумался о себѣ, о состояніи своего духа. Я сознавалъ, что онъ былъ правъ относительно необходимости путешествія, относительно ненужности окружавшаго меня хлама, всей этой обстановочки, сконившейся неизвѣстно какъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ. «Продать, продать все!» мысленно повторялъ я, и мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ легко, какъ будто я уже ощущалъ паденіе оковъ съ моихъ рукъ и ногъ. Да, имущество, обстановка, это страшные кандалы въ извѣстныя минуты, когда хочется бѣжать, бѣжать и только бѣжать даже отъ тѣхъ, кого когда-то любилъ. Именно это чувство охватило меня всего тогда, и я испытывалъ почти ненависть ко всему окружавшему меня, ко всѣмъ окружавшимъ меня,—ненависть за то, что все это мнѣ знакомо, какъ свои пять пальцевъ. Я походилъ на человѣка, принужденнаго изо-дня въ-день смотрѣть на одну и ту же стѣну, гдѣ ему знакомы каждая царапина, каждый кирпичъ. Какъ она ни будь хороша, ее можно возненавидѣть уже за одно то, что она не измѣнятся, не дѣлается хоть хуже, но другою. И я бѣжалъ...

...Я сладко дремалъ, сидя въ вагонѣ третьяго класса. Меня вывелъ изъ этой дремоты какой-то молодой, но охрипшій отъ вина голосъ. Онъ назойливо повторялъ кому-то:

— Пей, пей! Говорю тебѣ, пей!..

Другой старческій, вкрадчивый и подобострастный голосъ отвѣчалъ ему:

— Не могу-съ, ей-Богу, Спиридонъ Николаичъ, не могу-съ! Тятенька вашъ строго-настрого наказывалъ: «не пей, Патапъ, и береги Спирю». Это то-есть васъ, Спиридонъ Николаичъ, я беречь должонъ. Какъ же мнѣ пить?

— Ну, если такъ, то и чортъ съ тобой, старый хрѣнъ!

Digitized by Google

Я компанію найду! Всѣхъ пассажировъ поить стану! Мнѣ компанію всякій сдѣлаетъ, потому я плачу̀ за все...

Я открылъ глаза...

Противъ меня сидѣлъ плюгавенькій старичонка изъ старыхъ приказчиковъ съ обдерганною рыжею съ просѣдью бороденкою. Передъ нимъ, шатаясь, стоялъ молоденькій, пухленькій, розовый купчикъ, похожій на вербнаго херувима. Его нечего было спрашивать, здоровый ли онъ человѣкъ... Онъ былъ одѣтъ, какъ иногда одѣваются иные водевильные актеры, если они не умѣютъ смѣшить публику своими талантами: невообразимо большіе съ оттопыренными концами воротнички, спереди вырѣзъ рубашки чуть не на половинѣ груди, синій съ бѣлыми мушками галстукъ, коричневыя панталоны, бѣлый жилетъ съ пестрыми разводами, все это было дѣйствительно смѣшно по своему безвкусію. При этомъ, на жилетѣ болталась толстая цѣпочка съ массой брелоковъ, на галстукѣ была дорогая коралловая булавка, на пальцахъ сверкали кольца съ крупной бирюзой и брильянтами.

— Ну, такъ не пойдешь пить?—спрашивалъ купчикъ.

— Никакъ не возможно-съ!—отвѣтилъ старикъ.

— Ну, и чортъ съ тобой, кикимора поганая! Пойду къ мамзелѣ...

— Къ какой мамзелѣ?

— А къ той, во второмъ классѣ сидитъ!.. Мой взоръ вездѣ мамзель отыщетъ...

Купчикъ, шатаясь, вышелъ изъ вагона, сдвинувъ на затылокъ кругленькую шляпу-котелокъ.

— Куролеситъ!—со вздохомъ сказалъ старикъ.

Вагоны медленно начали двигаться отъ станціи. Становилось уже совершенно свѣтло, хотя и было очень рано.

— Хозяйскій сынокъ,—обратился ко мнѣ старикъ.—Муху еще со вчерашняго вечера убилъ, ну, и куролеситъ всю ночь... Въ Нижній, въ Саратовъ, да въ Астрахань его тятенька евонный отправилъ провѣтриться.

Я усмѣхнулся.

— Хорошо провѣтривается,—невольно замѣтилъ я.

— Это онъ горе запиваетъ, — съ усмѣшкой пояснилъ старикъ.

— Горе?

— Не то, чтобы точно горе, а такъ куражится, быдто и точно съ горя... Прикидывается!.. Въ душѣ-то ликованіе, а для виду напустилъ отчаянность... И то сказать, какъ не

Digitized by Google

радоваться, руки развязались, и еще деньги дадены на гульбу... Извѣстно, балованный сынокъ! Одинъ у насъ!

Старикъ подстрекнулъ мое любопытство. Спать мнѣ уже не хотѣлось, и я завязалъ бесѣду. Онъ оказался словоохотливымъ и видимо былъ радъ, что можетъ поговорить.

— Мы по чайной торговлѣ,—началъ онъ.—Можетъ, слыхали про Николая Спиридоновича Шлычкина, такъ это евонный. Спиридона-то Николаевича, тятенька и есть, чаями торгуетъ. Богатѣйшій купецъ. И то сказать, не со вчерашняго дня торговлю началъ. Мнѣ вонъ сколько лѣтъ, а я еще при дѣдушкѣ Спиридона Николаевича къ нимъ въ домъ въ племянники былъ взятъ. На моихъ глазахъ все выросло и посейчасъ всѣми дѣлами орудую. На ярманку или куда въ губернію съѣздить—все Патапъ, да Патапъ. Это меня Патапомъ-то зовутъ... Дѣтьми вотъ только Богъ обошелъ Николая Спиридоновича: ужъ сама-то хозяйка и къ Митрофанію въ Воронежъ ѣздила о плодородіи молиться, а одинъ только Спиридонъ Николаичъ и есть. Какъ зѣницу ока берегутъ, потому помри онъ, и всѣ капиталы собакѣ подъ хвостъ, прости Господи, пойдутъ. Родныхъ, какъ есть, ни души...

— А горе-то какое у него?—перебилъ я разсказчика.

— Швейку соблазнилъ,—отвѣтилъ старикъ:—чиновничью дочь, пятнадцатилѣтнюю... Оно, конечно, сами видѣли: человѣкъ молодой, кровь играетъ, всего такого требуетъ, безъ дѣвчонки тутъ никакъ не обойдешься. Ну, и давно онъ съ этимъ женскимъ сословіемъ хороводится, а тутъ случись бѣда—эта вотъ, чиновничья-то дочь, подвернулась. И не то, чтобы настоящаго такого чиновника, а такъ какого-то ярыги она дочь. Увивался за ней, увивался Спиридонъ Николаичъ, да и напоролся: перво-наперво дѣвочка была яко бы честная, второе дѣло въ несовершенныхъ годахъ была, а главное—отецъ на кляузахъ собаку съѣлъ. Какъ это только у Спиридона Николаича съ ней за предѣлы зашло, отецъ ея и шасть къ молодчику, точно изъ-подъ земли выросъ: «какія такія, говоритъ, ваши мнѣнія?» Нашъ-то—головой онъ у насъ не вышелъ, не мозговатъ, никакихъ такихъ мнѣній у него нѣтъ,—сейчасъ и ляпнулъ: «я жениться желаю». Тутъ и пошла катавасія...

Старикъ на минуту смолкъ и потомъ продолжалъ уже болѣе торжественнымъ тономъ:

— Не имѣю я чести, сударь, васъ знать. Но всячески можете вы взять въ свое разсужденіе, каково отцу-милліон-

Digitized by Google

щику видѣть, что его единоутробный сынъ и наслѣдникъ выражаетъ намѣреніе сочетаться законнымъ бракомъ съ какой-нибудь дочерью кабацкаго засѣдателя, съ швейкой-ободрашкой, съ мразью, можно сказать! Ударъ, мы думали, съ самимъ-то хозяиномъ сдѣлается, а Марья Анисимовна— это мать-то Спиридона Николаича-то,—какъ узнала, ахнула и говоритъ: «вы тамъ что хотите дѣлайте, а я слезы проливать до тѣхъ поръ стану, пока вы не ослобоните Спирю отъ этой мерзавки». Марья Анисимовна не знала эту самую швейку, но находилась въ томъ мнѣніи, что все это одинъ подвохъ и кляуза, потому что, если женщина не захочетъ, никогда ее мужчина не совратитъ. Вотъ-съ и стали мы орудовать. Призвалъ меня Николай Спиридоновичъ и говоритъ: «откупай Спирю».

— И откупили?—спросилъ я,

— Откупилъ-съ,—со вздохомъ отвѣтилъ старикъ.—Да и не легко же это мнѣ досталось. Тутъ только я узналъ, что значитъ самая эта женская прелесть и какъ она человѣка въ омраченіе приводитъ... Самъ-то я холостой, не удосужился какъ-то сочетаться бракомъ, на себѣ не испытывалъ... Такъ вотъ я и говорю, впервые я на Спиридонѣ Николаичѣ увидалъ, какъ это льнетъ человѣкъ къ бабьей юбкѣ. Пришлось мнѣ не только съ отцомъ невѣсты да съ нею самой валандаться, а и Спиридона-то Николаича силой нужно было отъ нея оттаскивать... Ей-Богу-съ!.. Бывало, это, придешь къ ея отцу, сторгуешься съ нимъ, ее вразумишь, — кажется, все кончилъ, а Спиридонъ Николаичъ выпьетъ лишнее съ пріятелями и катай опять къ ней, говоритъ: «Жить я безъ тебя не могу! Гдѣ я такую другую найду». Ну, на другой день и дочь, и отецъ опять на дыбы лѣзутъ: «Спиридонъ, молъ, Николаичъ женится, а отецъ его единственнаго своего наслѣдника по-міру не пуститъ». Вотъ вы тутъ и толкуйте. Только и помогло, какъ подъ арестъ взяли Спиридона Николаича.

— Какъ подъ арестъ?—спросилъ я.

— А такъ, скрутили его, да и замкнули въ темную комнату... Въ дверяхъ форточку сдѣлали, чтобы ѣду ему давать...

Старикъ разсмѣялся.

— Много было тогда у насъ смѣху. Только Марью Анисимовну все лихорадка колотила. Извѣстно, мать боялась, какъ бы сынъ рукъ на себя не наложилъ... Ну, да ему чего накладывать на себя руки. Слава Богу, птичьяго мо-

Digitized by Google

лока только недостаетъ... Пока онъ сидѣлъ въ темной, мы все дѣло и обдѣлали, дали отступного и все такое. Пріискали дѣвчонкѣ жениха подходящаго изъ канцелярскихъ, самъ я и свадьбу варганилъ. Балъ задали, ужинъ. Я молодой-то и говорю: «Ишь, какой тебѣ мужъ-то теленокъ попался. Не то, что нашъ. Нашъ-то тебя въ гробъ вогналъ бы. А этотъ—палецъ ему положи въ ротъ, такъ онъ зубовъ не стиснетъ». Говорю это и вижу, что рада и сама она, шельма, потому и точно Спиридонъ Николаичъ истиранилъ бы ее, онъ у насъ балованный, съ норовомъ... Скоро бы надоѣла...

Старикъ умолкъ.

— Ну, а когда выпустили молодца изъ темной, не пошелъ онъ къ ней?—спросилъ я.

— Зачѣмъ ему идти,—отвѣтилъ старикъ.—«Я, говоритъ, не намѣренъ ее съ другимъ дѣлить, да еще ему же на содержаніе давать. Какую-никакую другую для одного себя найду, сходнѣе будетъ». Онъ у насъ молодъ-молодъ, а разсчетливъ. Въ крестные отцы она его, спустя мѣсяцъ, звала—не пошелъ. «Обирать, говоритъ, хотятъ». Вскочило это только въ копеечку Николаю-то Спиридоновичу. Не говоря ужъ о томъ, что пришлось не одну тысячу отступного выдать,—а сколько на Спиридона-то Николаевича просадили. Сперва ему триста рублевъ въ мѣсяцъ отпускали, а тутъ и трехъ тысячъ стало мало. Напустилъ это онъ на себя отчаянность и говоритъ: «Если у меня дорогую мою невѣсту отняли, такъ мнѣ надо вьюномъ завиться, француженку завести, чтобы эту страсть изъ сердца вырвать». И завился... Четвертый мѣсяцъ куролеситъ съ горя...

Старикъ лукаво усмѣхнулся.

— А душа-то, поди, отъ радости прыгаетъ, что руки развязаны. Мало ихъ, что ли, дѣвчонокъ-то такихъ; на свободѣ-то не съ одной еще свяжется. При женѣ-то ужъ не то...

— Значитъ, всѣ остались довольны, — невольно проговорилъ я.

И мнѣ вспомнился мой докторъ, вспомнились его совѣты, какъ нужно смотрѣть здоровымъ людямъ на жизнь. Такъ вотъ они эти здоровыя дѣти изъ міра «довольства и благополучія», думалъ я, чуть не завидуя этимъ счастливцамъ...

...Поѣздъ остановился у одной изъ большихъ станцій на двадцать минутъ. Изъ вагоновъ повалилъ народъ на плат-

Digitized by Google

форму. Около вагоновъ засновали мужики и бабы съ съѣстными припасами. Внизу подъ вагонами послышались пощелкиванья и постукиванья; тамъ шла дѣятельная спѣшная работа смазчиковъ, осматривавшихъ оси и колеса. Я остался сидѣть въ вагонѣ, смотря на движеніе, на дѣятельность. Значительная часть пассажировъ трётьяго класса, «изъ простыхъ», вовсе не входила въ комнаты вокзала, а оставалась на платформѣ. Одни ѣли, другіе тянули квасъ, нѣкоторые тутъ же на платформѣ умывали руки и лица изъ какого-то ведра съ мутной водой. Мое вниманіе остановила на себѣ одна пара, ходившая взадъ и впередъ мимо вагоновъ. Это были дѣвушка и юноша. На ней было простенькое платье изъ розоваго ситца, на немъ была пестрая лѣтняя пара, изъ которой онъ сильно выросъ. Его коротенькіе рукава и коротенькія брючки дѣлали его долговязую фигуру крайне комичной. Но и въ этихъ коротенькихъ брючкахъ онъ, повидимому, чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ и довольнымъ. Онъ сильно размахивалъ руками и тоненькой тросточкой; она, его спутница, смѣялась на его оживленныя рѣчи, то закрывая ротъ рукою, то махая рукой и какъ бы говоря: «Да не смѣшите! Не могу больше!» Раздался первый звонокъ, потомъ второй. Пассажиры третьяго класса торопливо повалили въ вагоны. Пара продолжала ходить по платформѣ. Наконецъ, раздался третій звонокъ, оберъ-кондукторъ далъ свистокъ, пронесся визгъ локомотива, вагоны, скрипя, задвигались съ мѣста. Въ эту минуту, какъ бомба, влетѣлъ кто-то въ нашъ вагонъ и, прежде чѣмъ я опомнился, рядомъ съ моей головой, задѣвъ меня мокрой щекой за лицо, просунулась въ окно чья-то голова. Я невольно отстранился и увидалъ юношу въ коротенькихъ брючкахъ. Онъ чуть не по поясъ высунулся въ окно и, махая шляпой-котелкомъ въ воздухѣ, кричалъ:

— Папашенькѣ кланяйтесь! Мамашенькѣ ручку поцѣлуйте! На-дняхъ безпремѣнно опять къ вашимъ услугамъ!

Потомъ такъ же быстро онъ выдернулъ себя изъ окна, выхватилъ изъ бокового кармана носовой платокъ и сталъ отирать съ лица потъ, весь сіяющій и лоснящійся.

— Это моя невѣста-съ,—выпалилъ онъ, глядя на меня глупыми смѣющимися глазами, и вдругъ, расхохотавшись, прибавилъ: — я васъ задѣлъ-съ давеча? Пардонъ-съ! Все отъ моей живости! Скоропалительный человѣкъ! Чуть вѣдь поѣздъ не пропустилъ!..

Онъ сталъ обмахиваться платкомъ.

Digitized by Google

— Да, ужъ любовь... это, можно сказать, такое чувство, такое,—началъ онъ снова.—Теперь, кажется, скажите мнѣ: «выскочи изъ вагона на всемъ ходу»,—ей-Богу-съ, выскочилъ бы! Я не хвастаюсь...

Я усмѣхнулся. Онъ уловилъ мою улыбку и опять расхохотался.

— Это, точно-съ, смѣшно! Для чего мнѣ выскакивать на всемъ ходу изъ вагона, когда я и такъ могу... каждый праздникъ валяю сюда!

— Вы гдѣ же живете?—спросилъ я.

— Я-съ? Тутъ не далеко, рукой подать, въ В*... У насъ тамъ домъ свой, то-есть не то, чтобы мой, а дяденькинъ, только у дяденьки дѣтей нѣтъ, и потому домъ ко мнѣ перейдетъ. Тоже не вѣкъ же дяденька и тетенька жить будутъ. Да они мнѣ и не мѣшаютъ, пусть ихъ живутъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Въ могилѣ-то тоже еще належатся, бока устанутъ...

Онъ засмѣялся.

— Вы, должно-быть, или большой шутникъ, или ужъ очень счастливый человѣкъ, замѣтилъ я.

— О, вы меня не знаете! Я такой шутникъ, что страсть!—отвѣчалъ онъ. — Безъ меня у насъ, у знакомыхъ то-есть, ни одна вечеринка не пройдетъ. Меня наши знакомыя барышни какъ увидятъ, такъ и говорятъ: «ну, начнетъ морить со смѣху». Я-съ вѣдь на всѣ руки, танцовать или въ карты, въ мельники тамъ, либо въ Акульку, играть, тоже фанты устраивать. У меня сейчасъ эти идеи явятся; другой выдумываетъ, а у меня — разъ и готово. Вотъ начну на ферты говорить.

— То-есть какъ это?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Очень просто-съ. Вотъ такъ: я-фертъ по-фертъ-шелъ-фертъ, вотъ вышло: я пошелъ. Иногда такая смѣхота выходитъ, что барышень даже въ потъ ударитъ...

Онъ началъ меня забавлять. Сначала онъ мнѣ показался просто придурковатымъ, потомъ я увидалъ, что это своего рода философъ, цѣлую теорію счастія выработалъ. Шутка ли! Тоже изъ здоровыхъ людей.

— Вы служите?—спросилъ я его.

— Я по письменной части, на маленькомъ окладѣ, конечно, покуда, восемь рублей въ мѣсяцъ получаю, ну, да у насъ свой домъ, тоже куры, свиней тетенька разводитъ. Свиней, знаете, хорошо держать, потому поросята завсегда свои; какъ-ни-какъ, а ужъ свинья принесетъ ихъ. Я вотъ

Digitized by Google

тоже голубей завелъ. Ну, да это ужъ такъ, для блезиру, баловство одно. Отличные турманы есть. Нашего сосѣдскаго понамаря сынъ тоже пытался голубей завести, да его противъ моихъ не вышли. Шалишь! Мои одно слово: стрѣла и камень,—вверхъ стрѣлою, внизъ камнемъ. Мастеръ я тоже ихъ гонять! Неутомимость все! Иногда гоняешь, гоняешь ихъ, глядишь — на дворѣ ужъ чуть не ночь. Время-то летитъ незамѣтно въ занятіяхъ!

— Гдѣ ужъ замѣтить, если у васъ такое развеселое житье,—проговорилъ я съ улыбкой.

— Нѣтъ, вы этого не говорите,—сказалъ онъ.—Что-жъ, у меня житье, какъ житье, какъ и у всѣхъ прочихъ. А это я ужъ такимъ комикомъ уродился. Да-съ! Какъ тамъ ни живись, а я на комедію всегда напорюсь. По пословицѣ, на ловца и звѣрь бѣжитъ. Да вотъ третьяго дня. Дяденька пришелъ подгулявши. А онъ, какъ только муху убьетъ, сейчасъ въ расположеніе духа приходитъ, радость душевная у него проявляется. Начали мы съ нимъ разныя колѣнца откалывать. Сперва двухъ свиней тетенькиныхъ вздумали за хвосты связать, да не держатся веревки, хвосты-то склизкіе, ну, и не держатся веревки. Потомъ тетенькинаго кота-Ваську генераломъ одѣли, шляпу трехугольную съ перьями изъ бумаги на него навязали. И заметался нашъ генералъ, какъ угорѣлый, осатанѣлъ совсѣмъ, потому что перья-то надъ его головой развѣваются, а сцарапать трехуголку не можетъ. Комедія. Потомъ тетенька пришла; какъ увидала все это, и смазала дяденьку полотенцемъ по лицу. Онъ, было, въ азартѣ вошелъ, да поскользнулся, тетенька и подмяла его подъ себя. Потѣха! Просто бока раскололо отъ хохота!

Онъ вдругъ смолкъ и сдѣлалъ серьезную мину.

— Конечно-съ, если бы это взаправду драка была, то одно безобразіе бы было, а то это такъ—мужъ и жена промежду себя повздорили,—продолжалъ онъ сдержанно.—Безобразіевъ у насъ въ семьѣ нѣтъ никакихъ. И дяденька съ тетенькой вѣкъ честно прожили, и я вотъ потому такъ пристрастенъ къ своей невѣстѣ, что она дѣвица, соблюдающая себя. Такихъ-то, что и мнѣ, и каждому встрѣчному на шею вѣшаются, много. Моя-съ не такая. Вонъ я къ нимъ на праздники ночевать ѣзжу, такъ вы думаете, она въ какое-нибудь вольное обращеніе со мной входитъ? Ничуть-съ! Совсѣмъ даже напротивъ. На такую-то, съ которой дѣлай, что хочешь, я и не распалился бы, потому что это

Digitized by Google

какая же тутъ можетъ быть любовь? Да мнѣ дяденька съ тетенькой и не позволили бы взять жену предразсудительнаго поведенія. Это чтобы пальцами-то всѣ тыкали? Нѣтъ-съ, ужъ пусть другимъ дегтемъ-то ворота мажутъ, а не намъ.

Онъ говорилъ теперь не безъ достоинства и принялъ гордый видъ. Мнѣ захотѣлось его подразнить, и я сказалъ:

— Да, а вотъ какъ женитесь, да жена-то вдругъ и загуляетъ, тогда что?

Онъ вспыхнулъ и разгорячился.

— Съ чего же-съ это ей загулять? Достатковъ нашихъ на насъ хватитъ, я человѣкъ характера веселаго и не тиранъ какой-нибудь, притомъ же молодъ я и въ полной силѣ, потому что я себя соблюдаю. Такимъ-съ мужемъ каждая жена будетъ много довольна. Съ чего же ей другому-то на шею вѣшаться? А тоже, если какой озорникъ, бываютъ такіе нахалы, подъѣзжать станетъ, такъ я-съ—комикъ-комикъ, а скулы тоже своротить на сторону сумѣю...

Онъ весь раскраснѣлся отъ волненія, на его кругломъ лбу заблестѣли капли пота. Меня разбиралъ смѣхъ.

— Ну да, толкуйте,—продолжалъ я его дразнить:—а вотъ станете хмелемъ зашибаться, какъ вашъ дядюшка...

Онъ перебилъ меня обидчивымъ тономъ:

— Мой дяденька не пьяница. Это что я вамъ разсказывалъ давеча, какъ онъ третьяго дня подкутивши вернулся, такъ это отъ веселія сердечнаго. Это со всякимъ можетъ случиться. Я самъ иногда подкучу, такъ это что же? Только веселости придаетъ, колѣнца откалываешь, веселишь всѣхъ. Пьянство-съ, по моему мнѣнію, это отъ горя бываетъ и при малодушествѣ. Говорятъ вотъ тоже, портятъ людей. Такъ это тѣхъ, на кого враги есть. А какіе же у меня могутъ такіе враги быть? Я людей люблю, и меня люди любятъ. «Вася! Вася!» всѣ такъ меня и зовутъ, потому у меня душа чистая, добрая. Я никому-съ обиды не сдѣлаю, и мнѣ никто, нравъ у меня веселый. Живи и на міръ радуйся!..

Его лицо вдругъ приняло выраженіе умиленія. Онъ обернулся къ окну и засмотрѣлся на широко раскинувшіяся зеленыя поля. Я вдругъ понялъ, что онъ дѣйствительно живетъ и радуется на все въ мірѣ, начиная съ этихъ тощихъ полей и кончая своими коротенькими брючками.

— Хорошо-съ жить на свѣтѣ!—сладко проговорилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

Digitized by Google

И прежде чѣмъ я успѣлъ что-нибудь сказать въ отвѣтъ, онъ вдругъ засуетился и заерзалъ на мѣстѣ.

— Сейчасъ пріѣдемъ, сейчасъ пріѣдемъ!—заговорилъ онъ, высовываясь въ окно.—Вотъ Замысловскія барышни! Отецъ Иванъ тоже! Куда это собрались? Ужъ не въ Москву ли? Вотъ потѣха.

Казалось, онъ былъ готовъ отъ нетерпѣнія выскочить изъ окна. Едва остановился поѣздъ, какъ коротенькія брючки замелькали на платформѣ. Сначала юноша бросился къ франтовато-одѣтому, важно смотрѣвшему старику-священнику. Тотъ, благословивъ его склоненную голову, подставилъ ему къ губамъ руку, и, что-то говоря, благосклонно потрепалъ его по щекѣ. Затѣмъ еще болѣе просіявшій юноша, осчастливленный поповскимъ благословеніемъ и ласкою, подлетѣлъ къ Замысловскимъ барышнямъ, и до меня донесся звонкій, звонкій смѣхъ здоровыхъ молодыхъ голосовъ. Счастливцы!..

X.

Мой дядя Тарасъ Григорьевичъ Шаповаленко.

На-дняхъ совершенно неожиданно я получилъ длинное посланіе отъ своего дяди, Тараса Григорьевича Шаповаленко. Я не думалъ вовсе касаться его въ своихъ «милыхъ бездѣльникахъ», но добродушному старику вдругъ вздумалось просить меня причислить и его къ ихъ милому обществу. Повинуясь его волѣ и въ то же время не желая говорить о немъ отъ себя, я просто рѣшился напечатать его письмо. Оно настолько подробно объясняетъ его жизнь, что никакихъ дополненій къ нему съ моей стороны, кажется, не требуется. Вотъ это письмо малоросса въ переводѣ на русскій языкъ; я выпускаю изъ письма только нѣсколько чисто семейныхъ и интимныхъ подробностей о домоправительницѣ дяди, Дарьѣ Марковнѣ:

«Милый мой Сашура!

«Прочелъ я, голубчикъ, твоихъ «милыхъ бездѣльниковъ», прочелъ и умилился. Хорошая тебѣ мысль пришла въ голову обличать насъ въ нашемъ бездѣльничаньѣ, хорошая. Ты вотъ въ письмѣ ко мнѣ сѣтуешь, что исполненье-то у тебя иногда прихрамываетъ, что недомолвокъ у тебя много,—такъ вѣдь это дѣло понятное, Сашурочка: писанье-то для тебя дѣло новое, самъ ты прежде сочинителемъ никогда не былъ и въ роду у насъ тоже сочинителей никогда не было, ну, вотъ оно и понятно, коли что не такъ вышло. А мысль

Digitized by Google

хорошая! Всѣ мы бездѣльники, и потому насъ и обворовываютъ, потому и порядки у насъ въ хозяйствѣ плохіе, потому и жиды на насъ насѣли. Охъ, какъ насѣли-то, такъ это и уму непостижимо! А отчего? Оттого, что мы бездѣльники, а они дѣльцы! Вотъ скажу хоть про себя. Я вѣдь тоже бездѣльникъ, и просто удивительно, какъ это ты меня-то, дяденьку-то своего, до сей поры не описалъ. Можетъ-быть, думалъ, что обидишь старика? И полно! На людяхъ и смерть красна. Бездѣльникъ я, какъ и всѣ мы бездѣльники, ну, и обличай, и обличай! Такъ мнѣ, старому грѣховоднику, и надо! Я вотъ тебѣ самъ и матеріалецъ дамъ и данныя подберу, а ты тамъ обдѣлывай, какъ тамъ это по-вашему слѣдуетъ для публики, и пропечатывай, пусть у насъ въ Даниловкѣ, да и во всей Харьковской губерніи знаютъ, каковъ человѣкъ я есмь и почему на меня, Тараса Григорьевича Шаповаленка, жиды насѣли. Писать-то вотъ только я, Сашура, не мастеръ, совсѣмъ не мастеръ, все въ сторону уклоняюсь, вотъ какъ нашъ кривой Гнѣдко — помнишь?—чуть, бывало, поводья опустишь, а онъ и станетъ забирать все вправо, да вправо и непремѣнно угодитъ въ канаву. Ну, да что говорить о Гнѣдкѣ — и его жиды за какой-то долгъ у меня взяли, — ужъ на что ледащая была лошаденка, а и ту взяли! Ужъ лучше я, голубчикъ, начну о себѣ и начну ab ovo, какъ говорили древніе риторы.

Батька мой, Григорій Даниловичъ Шаповаленко, царство ему небесное,—ты-то его не помнишь,—жилъ уже на покоѣ въ нашей Даниловкѣ, когда я на свѣтъ Божій выглянулъ. Не могу я тебѣ доподлинно сказать, занимался ли онъ когда чѣмъ-нибудь или нѣтъ. Помню я только, что онъ въ мое время жилъ всегда на покоѣ, сосетъ, бывало, свою люльку-носогрѣйку, сидитъ, либо въ хатѣ, либо у хаты, да думу думаетъ и запеканку потягиваетъ, рубаха на немъ виситъ, усы висятъ, волосы тоже на лобъ свисли, ну, вотъ точно его сейчасъ водой окатили, да такъ и застылъ онъ. Матушка, покойница, Авдотья Максимовна, придетъ, бывало, жалуется ему на работниковъ, либо на сосѣдей, а онъ только рукой махнетъ. «А мухи ихъ ѣшь!» Только отъ него и услышишь. Ни до чего-то ему дѣла не было, точно онъ одинъ на бѣломъ свѣтѣ былъ и для того и жилъ, чтобы свѣтъ Божій созерцать, да молча имъ любоваться. Только въ одномъ онъ и сходился съ матушкой—въ сознаніи, что мы не какіе-нибудь мужики и холопы, а дворяне. Ради самаго этого дворянства меня и грамотѣ обучили, и въ писцы

Digitized by Google

въ городъ пристроили, а не поставили за соху или борону, да не отдали въ ученье къ сапожнику или кузнецу. Не дворянское, видишь ли, дѣло землю пахать или тамъ портняжить, что ли, а бумагу марать, чернымъ по бѣлому выводить — это какъ есть дворянское занятіе. Ну, и сталъ я строчить бумаги въ городѣ, треплясь ежедневно въ должность, то по пыли, то по грязи. Тяжела мнѣ была, Сашурочка, спервоначалу эта самая служба, юнъ я былъ очень, на хуторѣ къ волѣ да природѣ привыкъ, въ садъ да къ рѣкѣ меня тянуло, на травѣ, либо на пескѣ, брюхомъ вверхъ, заложивъ руки подъ голову, погрѣться на солнышкѣ мнѣ хотѣлось, потому что я хотя и дворянскаго происхожденія былъ, а росъ не хуже любого мужицкаго мальчишки, безъ призору, на вольной волюшкѣ. А тутъ иди въ должность, да сиди до урочнаго часу, да строчи эти проклятыя, чтобъ имъ пусто было, бумаги, отношенія, да доношенія, отписки, да переписки. Пишешь это, бывало, пишешь о разныхъ «утереніяхъ», да «утонутіяхъ», да «умертвіяхъ», и ничего-то не понимаешь, читать станешь написанное, такъ языкъ не ворочается слова-то эти мудреныя выговорить. И кто это, чтобъ ему на томъ свѣтѣ поперхнулось, языкъ этотъ тогдашній канцелярскій выдумалъ; отъ одного его туманъ, бывало, въ головѣ стоитъ, какъ отхватаешь въ день бумагъ десятокъ или два; ровно очумѣешь, когда на волю вырвешься послѣ рабочаго дня. А дней-то этихъ, Сашурочка, много было въ двадцать-то пять лѣтъ. Сосчитать-то вотъ ихъ никакъ не удосужусь, а то, должно-быть, много бы насчиталось, много, голубчикъ. Теперь, какъ взгляну это я мысленнымъ окомъ назадъ, такъ жутко даже станетъ, какъ это, молъ, я изловчился двадцать пять лѣтъ изо-дня въ-день въ канцелярію ходить и все одно и то же, одно и то же строчить! Чернилъ-то сколько пролилъ, бумаги-то сколько измаралъ, перьевъ-то сколько перечинилъ — тогда, Сашурочка, еще гусиными перьями-то писали, стальныхъ-то не было—и на что все это, на что? Много насъ тамъ такихъ-то, какъ я, было,—и всѣ-то мы строчили и строчили: сдѣлайте отписку, говоритъ начальство, ну и дѣлаемъ по заведенной формѣ, а намъ на эту отписку новое отношеніе шлютъ, а начальство опять отписку велитъ дѣлать, и опять мы по формѣ строчимъ: «на отношеніе за нумеромъ такимъ-то...» Канитель, канитель одна была, видитъ Богъ! Дѣла-то въ тѣ времена не такъ, какъ теперь, дѣлались, иное дѣло двадцать лѣтъ тянулось: оно лежитъ, а мы только отписываемся

Digitized by Google

о немъ. Извѣстно, клузное время было! И говорю тебѣ, Сашурочка, какъ попу на исповѣди, двадцать пять лѣтъ я доносилъ, отписывался и относился, а и по сю пору не знаю, о чемъ я доносилъ, на что отписывался, для чего относился. Или не моего ума это дѣло было, или ужъ и точно только бумагу мы изводили, да какъ бѣлки въ колесѣ бѣгали — бѣгали-бѣгали, а все на томъ же мѣстѣ оставались. Послѣ, какъ насъ за штатомъ десятками оставлять начали, дѣла-то и безъ насъ своимъ порядкомъ пошли, и ничто не остановилось отъ нашего удаленія. Вотъ, значитъ, какіе мы нужные-то люди были. И вѣдь смѣхъ сказать, чины мнѣ за мое бездѣльничанье своимъ порядкомъ шли, хоть и самъ я зналъ, что вовсе я къ этому дѣлу не приспособленъ и вникнуть въ него не могу, и понять его, какъ слѣдуетъ, не умѣю. Другіе, тѣ, можетъ-быть, и понимали, что и для чего они пишутъ, и этимъ понятіемъ даже дома себѣ нажили и лошадей завели, а я, бывало, пишу-пишу, а передъ глазами наша Даниловка встаетъ, пѣсня въ ушахъ звенитъ, вижу, какъ рѣчка подъ садомъ нашимъ плещется, а тамъ даль безконечная синѣется, и птицы въ поднебесьи вереницей тянутся—куда?—на югъ или на сѣверъ? къ зимѣ или къ лѣту? Защемитъ, защемитъ, это, сердце, въ глазахъ стоятъ слезы, на бумагу брызнутъ... пиши сызнова доношеніе!

Скажешь ты, Сашурочка: «Зачѣмъ же служили, если неспособны служить были?» Не суди, голубчикъ ты мой, старика, не суди! Возьми ты одно то, что въ наше время не то было, что въ ваше. Ваше время, можетъ-быть, и лучше нашего, а все-таки скажу я тебѣ, что одинъ грѣхъ лежитъ на васъ великій: старшихъ вы не уважаете, да не слушаете. Ты меня прости, родной мой, а укоръ этотъ по справедливости я дѣлаю. Вы-то, молодежь-то нынѣшняя, все въ свой носъ дуете, а въ наше время—не то въ наше время было, стариковъ-то въ наше время почитали, меня вонъ батько мой за вихоръ до тридцати лѣтъ дралъ. Ну, такъ вотъ, говорю я, батько-то мой не соглашался, чтобы я службу бросилъ и все приказывалъ служить, пока до большихъ чиновъ не дойду. Оно, конечно, я самъ-то зналъ, что никакихъ такихъ большихъ чиновъ я не заслужу по моей неспособности и малоумію, а прекословить не смѣлъ—ни, Боже мой! Теперь возьми другое: хорошо ли, худо ли, а прокармливался я этою самою службой въ городѣ; правда, платьишко чуть съ плечъ не валилось, жилъ въ конурѣ, ѣлъ впро-

Digitized by Google

голодь, а все же существовалъ на свои средства, такъ какъ и жалованье получалъ, и приношеніями отъ добрыхъ людей обойденъ не былъ; въ Даниловкѣ же и безъ меня ртовъ не мало было тогда и кормиться было трудно, такъ не къ лицу мнѣ было еще садиться батькѣ да маткѣ на шею своею персоною. Ты скажешь, что я въ хозяйствѣ могъ бы лишняго работника замѣнить. Такъ, такъ, Сашурочка, да вѣдь я же тебѣ говорилъ, что работать-то въ полѣ я пріученъ не былъ, въ сельскомъ-то хозяйствѣ я столько же понималъ, сколько въ доношеніяхъ. Оно, конечно, выучиться могъ бы я — въ молодости всему выучишься, если захочешь,—ну, да кто же мнѣ позволилъ бы учиться-то, хозяйство-то забрать въ свои руки при жизни батьки и матки? А вѣдь чтобы плавать выучиться—нужно сперва въ воду окунуться. Такъ-то вотъ я и протянулъ лямку свою двадцать пять лѣтъ, точно въ острогѣ просидѣлъ, и когда батько мой померъ—царство ему небесное!—почувствовалъ я, что отворилась дверь моей темницы, что вольнымъ казакомъ я сталъ, что могу я летѣть на всѣ четыре стороны,—а силы-то, а крыльевъ-то и не оказалось! въ двадцать-то пять лѣтъ все отпало — и молодость, и прыть, и силы, и охота, одно только и осталось—желаніе лечь и отдыхать, долго отдыхать, вплоть до самой могилы отдыхать. «Отъ какихъ такихъ трудовъ великихъ отдыхать?» спросишь ты, голубчикъ. «Что наработали-то вы въ эти двадцать пять лѣтъ?» Ничего не наработалъ, ничего не сдѣлалъ, въ бѣличьемъ колесѣ вертѣлся, а отдыхать отъ тюремнаго бездѣлья нужно было.

Такимъ-то я, Сашурочка, человѣкомъ въ свою Даниловку на житье попалъ на сороковомъ году жизни, и точно я ребенкомъ сталъ, точно я впервые свѣтъ Божій увидѣлъ, такое ликованіе въ моей душѣ было. Господи ты, Боже мой, какъ бѣлый-то свѣтъ хорошъ кажется, когда человѣкъ свободы добьется, когда у человѣка родной клокъ земли есть, когда человѣкъ можетъ славословить Господа! Сѣлъ я это у своей хаты на порогѣ, кругомъ такъ тихо, солнце въ безоблачномъ небѣ на покой ложится, вдали гдѣ-то коровы мычатъ протяжно, кто-то пѣсню такую заунывную, да такую сердечную поетъ, въ воздухѣ тепломъ вѣетъ,—и склонилъ я свою сѣдѣющую голову на руки и заплакалъ, какъ ребенокъ малый заплакалъ да такими не горькими, а сладкими, тихими слезами, точно говорилъ я безмолвно: «Благодарю тебя, Господи, за освобожденіе отъ плѣненія, отъ рабства египетскаго!

Digitized by Google

Благодарю за возвращеніе въ страну, мнѣ тобою обѣтованную!» Не смѣйся, что я, сорокалѣтній дурень, слезы на порогѣ родного дома проливалъ! Ты бы, можетъ-быть, и не заплакалъ на моемъ мѣстѣ, ну, да вѣдь вы другіе люди, закалъ у васъ другой, сердца благовоспитанныя, а мы—мы, вѣрно, изъ простой глины простыми руками вылѣплены.

«А впрочемъ, и то сказать, какъ и не смѣяться надъ нами, дурнями! Вотъ хоть бы и надо мною, какъ не смѣяться, когда я-то плакалъ слезами умиленія при видѣ родной земли, а жиды въ это время соки ея, кровь ея высасывали. Я-то любовался, какъ хлѣбъ въ полѣ колосится, а они его на корню скупали; я-то пѣсенъ мужицкихъ заслушивался, а они этихъ мужиковъ въ своихъ шинкахъ спаивали; я-то отдыхомъ желаннымъ наслаждаться хотѣлъ, а они мнѣ на отдыхъ деньги въ долгъ за проценты да съ неустойками ссужали; я-то ихъ съ презрѣніемъ жидами звалъ, а они мнѣ въ поясъ гнулись, полы моей одежды цѣловали, руки мнѣ лизали да въ свои сѣти меня въ это время запутывали! Очнулся я, когда почти вся земля перешла въ аренду къ жидамъ, когда противъ моего хутора жидъ шинокъ выстроилъ, когда поганая рожа шинкаря жидовскаго Мошки Гиршеля стала торчать по цѣлымъ днямъ противъ моихъ оконъ. Опомнился я и задумался: точно ли я люблю эту родную землю, которую я жидамъ за грошъ продалъ? Такъ ли любить-то ее надо? Долго я думалъ, долго я присматривался къ жизни мужиковъ нашихъ, къ жизни сосѣдей—тоже кто въ чиновникахъ не по своей волѣ въ лучшіе годы спину гнулъ, кто въ полку не по своему призванію шагистикой занимался, кто такъ себѣ, мѣста нигдѣ не найдя, по свѣту въ молодости мотался,—и вездѣ-то то же я видѣлъ: любимъ мы свою землю, держимся въ родномъ гнѣздѣ до послѣдней возможности, какъ совы, на шагъ не отлетимъ отъ своего дупла, если можно, а жидамъ все за грошъ отдаемъ, какъ піявокъ, ихъ къ этой землѣ припускаемъ, чтобы пили они ея лучшіе соки, ея лучшую кровь. Что же это такое? Дураки мы, что ли? Фарисействуемъ мы развѣ, говоря о своей любви къ родной землѣ? Задавалъ я себѣ эти вопросы, а отвѣта найти не могъ, да вотъ теперь подвернулись мнѣ подъ руку твои «милые бездѣльники», и подумалось мнѣ: «А ужъ не оттого ли это все и происходитъ, что и мы всѣ—бездѣльники? Не оттого ли все это творится, что мы бездѣльничаемъ, а жиды какіе-нибудь дѣла дѣлаютъ? Думалъ я это, думалъ и собрался вотъ, голубчикъ, тебѣ это

Digitized by Google

письмо написать. Пусть, молъ, думаю, и насъ, Тарасовъ Григорьевичей Шаповаленко, къ своимъ милымъ бездѣльникамъ присообщитъ да пропечатаетъ про наше житье-бытье, авось кому-нибудь и стѣдно станетъ. А можетъ-быть, ты на насъ, старыхъ лежебоковъ, и вниманія-то не обратишь, скажешь: «И подѣломъ вамъ, бездѣльники, если умные да дѣятельные евреи на васъ насѣли!» Что-жъ, какъ знаешь, такъ и суди, только объ одномъ тебя прошу, Сашурочка, разрѣши ты мнѣ одинъ вопросъ: «Что мы всѣ милые бездѣльники—это ужъ такъ, вѣрно, и есть, но скажи ты мнѣ: отчего это мы бездѣльниками-то стали?» Покою мнѣ этотъ вопросъ теперь не даетъ, сосу я это свою трубочку, попиваю вишневочку—Дарья Марковна, моя домоправительница, такъ се дѣлаетъ, что во всей губерніи лучшей не найдешь — и все думаю: «и отчего это мы бездѣльниками стали?» Думаю, думаю, да такъ и задремлю къ вечеру, не додумавшись до отвѣта.

Ну, не взыщи съ старика, голубчикъ, за надоѣдливую болтовню, а настанетъ весна—соберись въ наши палестины, рай у насъ земной, умирать не надо, если бы все это наше было, а не арендованное жидами.

Твой дядя
Тарасъ Шаповаленко».

Къ сожалѣнію, я не могу дать отвѣта на вопросъ дяди, и самъ, подобно ему, спрашиваю: «и отчего это мы бездѣльниками стали?» Пусть отвѣчаютъ другіе.

XI.

На кладбищѣ.

Въ одномъ изъ модныхъ петербургскихъ салоновъ собралось довольно большое общество. Хозяева салона были вліятельные люди; поэтому въ теченіе всего зимняго сезона каждый четвергъ къ нимъ собиралось десятка три или четыре гостей, мужчинъ и женщинъ, молодежи и стариковъ, поговорить о погодѣ, о театрѣ, о политикѣ, о новостяхъ дня.

Отправиться на одно изъ этихъ собраній—значитъ обречь себя на два, на три часа нестерпимой скуки. Тѣмъ не менѣе, цѣлая масса людей бываетъ на нихъ. Однимъ нужно встрѣтиться здѣсь съ «случайными» людьми, иногда просто показать себя; другимъ некуда дѣваться, и они, боясь скучать одиноко, ѣдутъ скучать на народѣ, помня, что на людяхъ и смерть красна. Посѣтители разсаживаются маленькими группами, слоняются изъ комнаты въ комнату, раз-

Digitized by Google

сматриваютъ всѣмъ извѣстные кипсеки и альбомы, перекидываются не интересными ни для кого фразами и все время какъ будто чего-то томительно ждутъ. Они и точно ждутъ— того часа, когда можно, не нарушая приличій, незамѣтно ускользнуть изъ этихъ гостиныхъ на чистый воздухъ, куда-нибудь въ болѣе веселую компанію, въ ресторанъ, въ маскарадъ, домой, наконецъ. Только иногда какое-нибудь «событіе» оживляетъ эту безцвѣтную и безплодную скуку: вчерашнее съ эффектомъ совершенное самоубійство, сегодняшній новый роскошно поставленный балетъ, тревожныя вѣсти о какомъ-нибудь голодающемъ уѣздѣ, новыя опустошенія, произведенныя гдѣ-нибудь въ далекой провинціи дифтеритомъ, новоприбывшій медіумъ - спиритъ, заставляющій ходить и плясать мебель,—все это, подоспѣвъ во-время, вноситъ нѣкоторое оживленіе въ разговоры, покуда не надоѣстъ, какъ нескончаемая сказка «о бѣломъ бычкѣ» и не сдѣлается «общимъ мѣстомъ». Тогда въ салонѣ опять воцаряется скука до новой новости.

Переступивъ порогъ салона, я сразу понялъ, что на этотъ разъ у скучающаго общества есть спасительная новость,— понялъ это по оживленію, охватившему одну изъ первыхъ попавшихся мнѣ группъ разговаривавшихъ мужчинъ. Говорили два высокіе статскіе господина во фракахъ, съ физіономіями чиновниковъ особыхъ порученій. У обоихъ были длинныя ноги, точно эти господа были предназначены природой къ должности скороходовъ, у обоихъ были длинныя, подвижныя шеи, точно спеціально приноровленныя къ тому, чтобы они могли всюду совать свои носы, вездѣ подставлять свои уши, ко всѣмъ обращать свои уста для сообщеній и докладовъ.

— Слышали вы новость?—съ жаромъ говорилъ одинъ.

— Новость? — торопливо спрашивалъ другой. — Какую новость?

— Русина умерла!

— Русина? Что вы!

— Да, да!

— Не можетъ быть!

— Фактъ!

— Пустяки, слухи, сама распустила! Надо же, чтобъ говорили!..

— Я же васъ увѣряю!

— Да вамъ кто сообщилъ?

— Я самъ былъ у нея. Лежитъ на столѣ...

Digitized by Google

Отрывочный разговоръ на минуту оборвался. Далѣе сомнѣваться было невозможно. Сообщившій новость заговорилъ первый:

— Еще за недѣлю тому назадъ, вы помните, мы были въ балетѣ и восхищались этой сильфидой... И вдругъ!

— Это страшная потеря! Что же станется съ несчастнымъ балетомъ?

— Незамѣнимая потеря! да, я смѣло говорю: незамѣнимая! Кѣмъ ее замѣнить? Я перебиралъ всѣхъ и не могу представить, кого назначатъ на ея мѣсто.

— Вотъ-то обрадуется Анучина! Онѣ вѣдь были на ножахъ...

— Анучина—выдра!

— А протекціи-то? Она, батенька, содержанка такого туза... Она всю жизнь преслѣдовала Русину...

— Ну, и та спуску не давала. Но главный вопросъ въ томъ, что ее не скоро замѣнишь...

Разговаривавшіе о неожиданной утратѣ господа стали перебирать фамиліи всѣхъ балеринъ, могущихъ стать на мѣсто Русиной, точно рѣшая государственный вопросъ. Они пришли къ заключенію, что ни у одной изъ балеринъ нѣтъ «этой пластичности, этой элевації, этой мимики, этой поэзіи». Собесѣдники говорили такъ оживленно, жестикулируя, хватая другъ друга за пуговицы фраковъ, за жилетныя цѣпочки, возвышая голоса, что около нихъ образовалась небольшая кучка слушателей.

Я прошелъ далѣе отъ этихъ милыхъ бездѣльниковъ, говорившихъ о милыхъ бездѣльницахъ, и тотчасъ же до моего слуха долетѣли новые толки о томъ же предметѣ. Тутъ говорили о смерти Русиной старикъ-статскій и юноша-гвардеецъ. Старикъ съ обрюзгшимъ лицомъ, съ желтовато-сѣдыми бакенбардами, висѣвшими внизъ, какъ растрепанное мочало, съ холодными выцвѣтшими глазами, былъ высокъ, широкоплечъ и толстъ; на немъ была широкая фрачная пара, какъ бы висѣвшая на этомъ колоссальномъ обвисломъ тѣлѣ. По небрежному, хотя и дорогому костюму, по измятому, обрюзгшему, изжелта-блѣдному лицу, по холодному выраженію стеклянныхъ глазъ, по нѣсколько брюзгливому и насмѣшливому тону хриплаго голоса въ немъ легко было узнать стараго барина-жуира, широко пожившаго, спуская наслѣдственные капиталы и крестьянскіе оброки. Стоявшій передъ нимъ голубоглазый бѣлокурый офицеръ съ типичнымъ лицомъ остзейскаго нѣмчика изъ по-

Digitized by Google

роды умѣренныхъ и аккуратныхъ, былъ высокъ и тощъ, холоденъ и сухъ; онъ производилъ впечатлѣніе только-что вычищенной, выкобленной и отполированной деревянной маріонетки въ офицерскомъ мундирѣ.

— Бѣдный князь Горичъ, онъ совершенно неутѣшенъ,— сипло говорилъ пожилой господинъ во фракѣ равнодушнымъ тономъ, не соотвѣтствовавшимъ смыслу словъ.

— Она весьма дорого ему встала,—отвѣтилъ старику молодой нѣмецъ тономъ благовоспитаннаго мальчика, порицающаго шалость другого неблаговоспитаннаго мальчика.

— Развѣ женщина когда-нибудь можетъ слишкомъ дорого стоить и притомъ такая женщина? — брюзгливо сказалъ старикъ, мѣряя его холодными глазами.—Вообще, что доставляетъ удовольствіе, то никогда не стоитъ слишкомъ дорого... Кромѣ того, это была прочная связь, князь не смотрѣлъ на нее, какъ на случайную любовницу.

— У нея были романы и до него,—неодобрительно замѣтилъ офицеръ.

— Что же изъ этого? Романы? У кого же ихъ нѣтъ? У ребятъ, еще не отнятыхъ отъ груди кормилицы? Навлы и Виргиніи живутъ не въ европейскихъ столицахъ девятнадцатаго вѣка.

— Но... —началъ-было офицеръ, но старикъ тѣмъ же брюзгливымъ и пренебрежительнымъ тономъ перебилъ его:

— Но въ послѣднее время ея жизнь сложилась даже вполнѣ по-семейному. У нея было много прекрасныхъ качествъ. Мы всѣ бывали у нея, какъ...

— Это, кажется, изъ-за нея застрѣлился графъ Друцкой?—не безъ задней мысли и не безъ ехидства спросилъ офицеръ.

Старикъ посмотрѣлъ на него въ упоръ холодными стеклянными глазами, какъ смотрятъ старыя большія собаки на лающаго щенка.

— То-есть какъ это изъ-за нея? Я васъ не понимаю! Какъ изъ-за нея? Стрѣляются всегда сами изъ-за себя, а не изъ-за кого-нибудь другого. Графъ вздумалъ ухаживать за ней, сошелся съ ней и въ два года надѣлалъ столько долговъ, что оставалось только пустить пулю въ лобъ.

— Надѣлалъ долговъ изъ-за ея прихотей...

— Да почему же она знала, что она имѣетъ дѣло съ титулованнымъ нищимъ? Или вы думаете, что онъ ей разсказывалъ во время ихъ сближенія о своемъ пустомъ карманѣ, о своихъ подложныхъ векселяхъ?

Digitized by Google

По лицу старика пробѣжала презрительная усмѣшка.

— Я думаю вообще, что человѣкъ долженъ винить только самого себя, когда онъ погибаетъ отъ того, что, имѣя въ карманѣ только грошъ, хочетъ обѣдать у Бореля, сидѣть въ первомъ ряду въ театрѣ, держать и рысаковъ, и любовницъ изъ балета...

Онъ снова усмѣхнулся.

— А потомъ, баронъ, среди насъ, русскихъ, есть много людей, и къ числу ихъ принадлежалъ графъ Друцкой, которые лучше согласятся взять хоть на одинъ день у жизни все, чѣмъ цѣлый вѣкъ, желая чѣмъ-нибудь насладиться, разспрашивать, что стоитъ это наслажденіе, и пересчитывать въ своемъ карманѣ гроши, чтобы сообразить, хватитъ ли денегъ на это наслажденіе. Теперь, впрочемъ, въ нашъ вѣкъ разсчетливости и аккуратности такія натуры вырождаются, и люди, прежде чѣмъ броситься въ объятія любимой женщины, хватаются за счеты и прикидываютъ, что она будетъ стоить...

— А дѣлать безумства, совершая для этого подлоги, лучше?

— Да, лучше, чѣмъ совершать подлоги, даже и не дѣлая безумствъ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Или вы думаете, что эти разсчитывающіе, взвѣшивающіе аршинники до подлоговъ-то не додумались?

Я не дослушалъ дальнѣйшихъ объясненій и прошелъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ позволялось курить. Нѣсколько человѣкъ, собравшихся здѣсь, говорили наперебой, громко и оживленно, по-холостому, пользуясь отсутствіемъ женщинъ. Имя Русиной повторялось всѣми.

— У нея, помнится, были дѣти, много дѣтей,—замѣтилъ какой-то маленькій, совершенно лысый, сморщенный, какъ печеное яблоко, совсѣмъ беззубый старичокъ съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ.

— Вы запамятовали, ваше превосходительство,—перебилъ его юный разбитной офицерикъ изъ «фазановъ».— Одинъ ребенокъ, правда, былъ, когда она только-что поступила на сцену, но только одинъ. Это фактъ.

— То-то, то-то, я помню, мы еще подсмѣивались надъ ея тальицей... Помню!.. Помню!.. Хе-хе-хе!.. сама еще дѣвочка, бутончикъ, а тальица ужъ того... Хе-хе-хе! Я помню...

Старикъ засмѣялся тихимъ смѣхомъ, показавъ на минуту

Digitized by Google

беззубыя десны, и снова быстро принялъ серьезный, приличный званію, видъ, втянувъ свои губы звѣздочкой въ ротъ.

— Это отъ Горича?—спросилъ кто-то.

— Ну, вотъ! Онъ ее тогда еще и не видалъ; онъ былъ тогда еще въ Пажескомъ корпусѣ,—послышался отвѣтъ офицерика, юнаго по лѣтамъ, но богатаго серьезными свѣдѣніями.

Лысый старикъ, моргая красными вѣками, живо вмѣшался въ разговоръ:

— Нѣтъ, я вспомнилъ... вспомнилъ!.. Это отъ одного изъ актеровъ, отъ танцовщика Флерова.. Это случилось еще въ школѣ... былъ скандалъ... его выгнали... Я вспомнилъ!.. У меня память...

— Ваше превосходительство, вы изволили смѣшать,— обратился къ старику тотъ же офицерикъ, очевидно знавшій все, касавшееся балета.—Флеровъ знакомъ былъ съ Наталиной... это съ ней былъ скандалъ...

— Ахъ, да, да, да!—воскликнулъ старичокъ, хлопая себя по лбу.—Съ Наталиной... Это съ той черненькой... Жердочкой еще ее звали... Помню... Помню!.. Какъ же! Большой былъ скандалъ!.. Да, у меня память хорошая...

— Русина имѣла ребенка просто отъ буфетчика, — раздался рѣшительный басъ, не допускавшій возраженій.—Я-то это отлично знаю.

Всѣ обратили вниманіе на разрѣшившаго сомнѣніе господина. Это былъ отставной военный изъ ремонтеровъ-данти-стовъ, гигантскаго роста, съ большими, сильно начерненными усами и съ круглыми, налитыми кровью глазами на выкатѣ.

— Я ей тогда же говорилъ: «Дура, дура, своихъ интересовъ не понимаешь!»—продолжалъ онъ тѣмъ же грубымъ, какъ трубный звукъ, басомъ.—Она вѣдь была очень легонькой дѣвчонкой. Кто же изъ насъ ея не зналъ. Тоже и нищета. Буфетчикъ прикормилъ. Дура! Не могла выждать. Потомъ-то ужъ сообразила, гдѣ раки зимуютъ и, признаюсь, выжимала соки. Зато ужъ и сложена была...

— Это она на какомъ-то вечерѣ фигурировала въ видѣ Венеры Медицейской?

— Да, все затѣи покойнаго Друцкого.

— Она вскочила ему въ копейку.

— Ну, и натѣшился онъ зато надъ ней.

— Но гдѣ же ребенокъ? — послышался опять чей-то вопросъ.

Digitized by Google

— Что? Гдѣ ребенокъ?—грубо переспросилъ ремонтеръ.— Да гдѣ же обыкновенно бываютъ эти щенята: въ воспитательный домъ отдали. Тоже хорошо бы оставить: мать—голодная дѣвчонка; отецъ—забулдыга-буфетчикъ...

— Да, а теперь вотъ все богатство—выморочное имущество,—перебилъ со вздохомъ какой-то тощій, какъ волкъ въ зимнюю пору, статскій съ жадными глазами хищника.

— Какъ выморочное?—гнѣвно воскликнулъ господинъ съ черными усами.—Какъ выморочное, спрашиваю я васъ? Что это значитъ: выморочное?

— Да у нея нѣтъ родныхъ...

— Чушь порете! Родные-съ всегда есть, когда есть наслѣдство...—рѣшилъ онъ грубымъ тономъ ярмарочнаго игрока-забіяки.

Лысый старичокъ оживился и тревожно затоптался на мѣстѣ.

— О-о!—заговорилъ онъ, захлебываясь.—Родные! родные! Они всегда налетятъ на наслѣдство!... О-о! я знаю... знаю... ждутъ, только умри!.. А она еще и не изъ порядочнаго общества... дочь кучера...

— Ваше превосходительство, опять запамятовали,—вмѣшался молодой офицеръ, спеціалистъ по балету.—Цыфрова—вотъ дочь кучера графа Струкова. А Русина—дочь солдата.

— Да, да, да! Вспомнилъ, вспомнилъ!—воскликнулъ лысый старичокъ и погрозилъ офицеру пальцемъ съ шаловливымъ выраженіемъ.—Все знаетъ, все! У-у, далеко пойдетъ!..

И потомъ, принявъ торопливо серьезное выраженіе лица, прибавилъ:

— Удивительно талантливый народъ... то-есть это чернь наша...

— Ну, голь—вотъ и все!—рѣшилъ, точно отрѣзавъ, господинъ съ усами. — Извѣстно, нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ...

Лысый старичокъ удивился и вытаращилъ на усача глаза, подобравъ съ глубокомысленнымъ видомъ въ ротъ свои губы.

— Вы думаете?—черезъ минуту спросилъ онъ.—Странно, странно!.. Это мысль!.. Очень оригинальная мысль!.. Я объ этомъ никогда не думалъ... Очень, очень странно!..

— Вотъ бы теперь ея брату была пожива, — небрежно проговорилъ офицерикъ.

— А у нея былъ братъ? — спросило разомъ нѣсколько любопытныхъ.

— Да неужели, господа, вы забыли этотъ скандалъ? —

Digitized by Google

удивился офицеръ. — Въ балетѣ всѣ еще помнятъ его. Это въ позапрошломъ году было. Братъ Русиной, мальчишкой 18-ти лѣтъ, уже судился за кражи. Потомъ это для нея былъ настоящій enfant terrible. Онъ, говорятъ, ее просто билъ какъ собаку.

— Онъ ее и буфетчику сосваталъ, — мрачно вставилъ усачъ, затягиваясь сигарой.

— Да? — спросилъ офицеръ. — Я этой подробности не зналъ. Странно!

— А я зналъ,—проворчалъ усачъ.

— Ну, да это не важно,—замѣтилъ офицеръ.—Но дѣло въ томъ, что онъ потомъ всюду дѣлалъ ей скандалы...

— Да онъ, можетъ-быть, былъ съ нею... — послышалось чье-то замѣчаніе.

— Нѣтъ, просто братъ, старшій братъ, ну, и ломался надъ нею. Наконецъ, дѣло дошло до того, что два года тому назадъ онъ судился за грабежъ и убійство. Это былъ замѣчательный типъ уличнаго бродяги, прошедшаго всю школу разврата и паденія. Три года онъ прожилъ буквально на мостовой, шлялся по-міру, ходилъ почти голый, паспортъ даже кому-то продалъ...

— Соціалисту какому-нибудь,—рѣшилъ лысый старичокъ.

Офицеръ презрительно усмѣхнулся.

— И тутъ же вздумалъ еще влюбиться, съ чего и начались его усиленныя кражи, подлоги, а потомъ—ту же самую любовницу и зарѣзалъ, изъ-за которой сталъ отъявленнымъ воромъ...

— Несчастная Русина,—послышалось чье-то восклицаніе.

— Ну, она во время процесса была за границей,—пояснилъ кто-то небрежно.

— А-а!—раздалось успокоительное восклицаніе.

Меня начинало коробить отъ этихъ толковъ о рано погибшей балеринѣ, объ этой женщинѣ, только-что закрывшей навѣки усталые глаза, еще не засыпанной могильной землей. Я оставилъ кабинетъ хозяина. Но скрыться отъ этихъ толковъ было некуда: о Русиной говорили во всѣхъ углахъ. Одни оплакивали рано погибшій талантъ, другіе цинично передавали сальныя подробности о ея жизни, третьи разсказывали, какъ весела была она на послѣднемъ пикникѣ, гдѣ и схватила горячку, простудившись послѣ нѣсколькихъ бокаловъ замороженнаго шампанскаго. Побродивъ съ часъ по заламъ, я рѣшился уѣхать, чтобы отдохнуть, забыться отъ всего слышаннаго мною. У меня кружилась голова, разстрои-

Digitized by Google

лись нервы, точно я битый часъ вертѣлся безъ устали въ бѣличьемъ колесѣ, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ и смотря, какъ издѣваются надъ неостывшимъ еще трупомъ. Но нагнавшіе на меня тоску толки не дали мнѣ покоя и на слѣдующее утро: всѣ газеты въ это утро наперерывъ толковали о Русиной, опять цѣлые столбцы заняты были разсужденіями о ея граціи, пластичности, элеваціи, мимикѣ, опять шли вздохи о незамѣнимой потерѣ, опять дѣлались болѣе или менѣе нескромные намеки на ея частную жизнь. Какой-то составитель некролога не удержался, чтобы не оповѣстить публику, что и онъ сподобился быть въ числѣ зрителей, любовавшихся, какъ плавала Русина, являвшаяся настоящей Наядой. На окнахъ эстампныхъ магазиновъ были разложены вѣерообразно, висѣли въ видѣ гирляндъ фотографическія карточки всѣхъ форматовъ, изображающія въ различныхъ откровенныхъ костюмахъ и въ различныхъ соблазнительныхъ позахъ одну и ту же красавицу, и надъ всѣми этими карточками виднѣлась надпись: Русина, Русина, Русина... Эта смерть была событіемъ дня, отодвинувшимъ на послѣдній планъ, заслонившимъ собою всѣ другія обыденныя и неинтересныя событія въ родѣ предполагаемаго прекращенія работъ на какомъ-то заводѣ, гдѣ было до трехъ тысячъ рабочихъ, въ родѣ краха въ какомъ-то банкѣ, гдѣ хранились послѣднія крохи нѣсколькихъ сотенъ людей, въ родѣ повальной болѣзни, охватившей сразу десятки деревень въ одномъ и томъ же уѣздѣ, однимъ словомъ, въ родѣ всего того, что было буднично, что надоѣло всѣмъ, какъ «общее мѣсто».

Проѣзжая черезъ два дня черезъ Загородный проспектъ, я былъ задержанъ торжественной погребальной процессіей. Масса факельщиковъ, траурныхъ лакеевъ, пѣвчихъ въ черныхъ кафтанахъ, духовенства въ черныхъ ризахъ, роскошная погребальная колесница съ бѣлымъ глазетовымъ гробомъ, покрытымъ золотымъ парчевымъ покровомъ, гирлянды живыхъ цвѣтовъ и лавровыхъ вѣнковъ съ черными и бѣлыми лентами, испещренными трогательными надписями «отъ почитателей», «отъ товарищей», «незабвенной», «незамѣнимой», густая толпа разношерстнаго народа и длинная вереница каретъ, собственныхъ и наемныхъ, все это медленно прошло передо мною. Это везли на кладбище прахъ милой бездѣльницы Русиной...

И мнѣ вспомнились другія похороны...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ весеннихъ

Digitized by Google

дней я тихо брелъ на кладбище, гдѣ спятъ вѣчнымъ сномъ дорогіе мнѣ покойники, гдѣ когда-нибудь придется отдохнуть и мнѣ... Въ одномъ со мною направленіи двѣ замореннныя клячонки, покрытыя полинялыми иззелена-рыжеватыми попонами, тащили убогія дроги. На дрогахъ стоялъ гробъ, обитый бѣлымъ коленкоромъ, окаймленный узенькими и жиденькими серебряными позументами. Гробъ былъ покрытъ съежившимся, вылинявшимъ и потертымъ покровомъ съ пестрыми букетами затканныхъ цвѣтовъ. Впереди шелъ какой-то мальчикъ въ женской кацавейкѣ, подпоясанной веревкой, съ повязанными пестрымъ платкомъ ушами; концы платка, поднимавшіеся надъ его головой, какъ ослиныя уши, то опускались, то поднимались, качаясь подъ вліяніемъ вѣтра; мальчикъ несъ образъ, шлепая дырявыми сапогами съ отцовскихъ ногъ въ грязи. За гробомъ шли высокій, худощавый, сѣдой старикъ въ солдатской поношенной шинели и молодой парень изъ рабочихъ въ нѣмецкомъ платьѣ съ густыми вьющимися волосами, съ красивыми чертами лица. Старикъ брелъ понуро; молодой парень смотрѣлъ безцѣльно, мрачно, почти озлобленно впередъ...

Я зашелъ въ церковь, когда кончились уже и обѣдня, и отпѣваніе. Около стоявшихъ здѣсь гробовъ тѣснился народъ, раздавался плачъ дѣтей, проносились визгливыя причитанія женщинъ: «на кого ты насъ покинулъ, сиротъ горемычныхъ?» Самымъ крайнимъ стоялъ на простой черной скамьѣ бѣдный гробъ, обитый бѣлымъ коленкоромъ. Съ одной стороны около него стоялъ старикъ-солдатъ, опустивъ на грудь голову и всматриваясь въ лицо лежавшей въ гробу молоденькой дѣвушки; съ другой, почти перегнувшись черезъ гробъ, стоялъ парень-рабочій, — онъ взялъ обѣими руками голову покойницы и вглядывался въ черты ея лица, нагибаясь, отъ времени до времени къ ней, приподнимая ея голову и цѣлуя ее въ губы, въ глаза. Тутъ не было ни слезъ, ни криковъ, ни причитаній, но мнѣ стало жутко смотрѣть на эту сцену, на движенія этой безжизненной головы: казалось, молодой парень хотѣлъ сотворить чудо и пробудить снова къ жизни этотъ безжизненный трупъ, а старикъ и не вѣрилъ, и вѣрилъ въ возможность этого чуда— и ждалъ.

Церковь уже опустѣла...

— Что же вы,—окликнулъ сторожъ старика и парня.— Пора выносить!

Они очнулись, засовались, заторопились, какъ бы сконфу-

Digitized by Google

зились. И точно, чего же они? пора выносить! мертвые не воскресаютъ! Гдѣ крышка? Надо скорѣй завинтить...

Прошло три-четыре года, и я сталъ встрѣчать на кладбищѣ этого старика-солдата каждый разъ, когда мнѣ приходилось въ часы безысходнаго сплина спасаться отъ живыхъ людей сюда, въ это царство мертвыхъ. Онъ побирался Христовымъ именемъ. Понемногу мы познакомились, стали своими людьми. Могила его дочери была недалеко отъ купленнаго мною на кладбищѣ мѣста. Мы со старикомъ были, такъ сказать, «сосѣдями по имѣніямъ». Жить въ дружбѣ съ сосѣдями это одно изъ величайшихъ удобствъ. Мы такъ и жили: я называлъ его по фамиліи «Михеевымъ»; онъ величалъ меня «вашимъ благородіемъ»; я давалъ ему пятаки и гривенники; онъ оказывалъ мнѣ мелкія услуги. Мы не имѣли права жаловаться одинъ на другого и, вѣроятно, на томъ свѣтѣ, въ день послѣдняго гласнаго суда, не намъ придется вступить въ перебранку и уличать другъ друга въ какихъ-нибудь каверзахъ и подвохахъ...

Разговорился я съ Михеевымъ о его жизни совершенно случайно.

Это было въ чудный весенній день. Въ городѣ, въ царствѣ живыхъ, еще стояла грязь, пахло навознымъ тающимъ снѣгомъ, дома смотрѣли грязными и сырыми, непривычный грохотъ колесъ особенно раздражалъ слухъ. А тамъ, въ царствѣ мертвыхъ, уже стаялъ и куда-то ушелъ снѣгъ подъ горячими, ничѣмъ не стѣсняемыми, ничѣмъ не задерживаемыми лучами солнца. На могильныхъ насыпяхъ и на скатахъ канавокъ среди старой, сухой травы появлялась молодая сочная зелень. Торговки уже искали на могилкахъ первой крапивы на щи богачамъ. Кладбище, какъ извѣстно, кормитъ многихъ: то дастъ крапиву, то цикорный салатъ, то даже шампиньоны, которые, какъ говорила мнѣ одна монахиня, «на упокойничкахъ растутъ». Хорошая тутъ почва. Я шелъ и любовался возрожденіемъ природы. На деревьяхъ, насаженныхъ, быть-можетъ, руками тѣхъ, которые служатъ теперь тучной почвой для этихъ деревьевъ, наливались вѣтви и почки, и издали эти группы деревьевъ и кустовъ казались окрашенными то въ красноватыя, то въ зеленоватыя краски. На всѣхъ вѣтвяхъ слышалось суетливое немолчное чириканье и щебетанье птицъ, точно гдѣ-то, какъ говоритъ одинъ поэтъ, что-то жарится и шипитъ на гигантской кухнѣ. Я шелъ по мосткамъ, пробираясь къ своимъ могиламъ. Когда я подошелъ къ нимъ, я вспомнилъ,

Digitized by Google

что забылъ ключъ отъ дверей рѣшетки, окружающей мои могилы. Я уже хотѣлъ идти отыскивать могильщика, когда ко мнѣ подошелъ Михеевъ, въ своей неизмѣнной длинной, потертой солдатской шинели. Онъ снялъ фуражку съ своей покрытой серебристыми волосами головы и поздоровался со мной.

— Что, къ своимъ пришли, ваше благородіе? — спросилъ онъ.

— Да. Да вотъ ключъ забылъ взять у Власа, — отвѣтилъ я.

— Позвольте, я сбѣгаю,—сказалъ онъ.

Я усмѣхнулся.

— Ну, старина, не тебѣ ужъ бѣгать.

— Ничего-съ, я сейчасъ... Вы и не найдете его теперь. Онъ могилу копаетъ... Нынче покойниковъ страсть сколько... Я мигомъ...

— Ну, спасибо... Да ты не торопись... Я присяду здѣсь... Хорошо нынче здѣсь...

— Ужъ такъ-то хорошо, что и не ушелъ бы...

Онъ пошелъ. Я присѣлъ на ступени фундамента у рѣшетки и на минуту забылся, пригрѣтый солнцемъ. Минутъ черезъ десять онъ вернулся съ ключомъ. Я далъ ему денегъ... Онъ набожно перекрестился.

— Хорошее мѣсто здѣсь,—сказалъ онъ.—Моя дочурка, изволите знать, вотъ тоже тутъ по близости схоронена.

Онъ указалъ на зеленый холмъ, съ бѣлымъ крестомъ и зеленой огородкой.

— Мнѣ тоже отвели мѣсто... Въ разсрочку согласились... Выкланялся у отца Тихона, дай ему Господь здоровья... самъ вотъ и крестъ, и скамью, и рѣшетку смастерилъ...

— Ты, кажется, Михеевъ, чуть не живешь здѣсь...

— Гдѣ же мнѣ и жить, какъ не здѣсь... Только не жить бы, а лежать бы здѣсь надо, ваше благородіе...

Онъ тяжело вздохнулъ. Я отворилъ дверь рѣшетки и вошелъ къ себѣ за ограду.

— Ахъ, Власъ, Власъ, и не подмелъ сегодня сора,— сказалъ старикъ, глядя на мои могилы. — Замотались они совсѣмъ, могильщики-то... Я вотъ сейчасъ.

Онъ на минуту прошелъ къ могилѣ своей дочери, притащилъ оттуда метлу и началъ мести дорожки около моихъ могилъ.

— Проворенъ же ты, старикъ! — замѣтилъ я, смотря на его работу.

Digitized by Google

— Да, проворенъ, проворенъ, а мѣста нѣтъ... Старъ очень... Какъ скажешь года—никто и не беретъ... Не вѣрятъ, что еще служить могу... Вотъ и питаюсь подаяніемъ... Что-жъ, не отъ лѣни...

— А тебѣ сколько лѣтъ?

Онъ остановился и съ кроткой старческой улыбкой взглянулъ на меня.

— А сколько думаете, ваше благородіе?

— Право, не знаю...

— Парижъ бралъ,—отвѣтилъ онъ:—вотъ и посчитайте...

Я изумился.

— Полно!

— Право слово! Вотъ и контуженъ былъ тамъ въ голову.

Онъ снялъ фуражку и показалъ бѣлый шрамъ, пересѣкавшій вкось весь его загорѣлый лобъ.

— И въ руку контуженъ былъ, — продолжалъ онъ. — Лучше бы ужъ убили, да видно, такъ было Господу Богу угодно...

Я заинтересовался жизнью старика и сталъ разспрашивать его о его жизни, пригласивъ его сѣсть на скамью. Онъ неторопливо домелъ аллейку и присѣлъ, отирая проступившій на лбу потъ. Онъ заговорилъ не спѣша, степенно и просто, такъ спокойно разсказывая о своемъ прошломъ, какъ-будто говорилъ о жизни совершенно чужого, даже мало знакомаго ему человѣка. Выйдя въ отставку не молодымъ уже человѣкомъ, онъ женился и занялся башмачнымъ ремесломъ; жена его была поденщицей.

— Душа въ душу жили и, нечего Бога гнѣвить, не голодали. Только не продлилъ ей Богъ вѣку, — разсказывалъ онъ.—Черезъ десять лѣтъ умерла, а я остался со своей дѣвчуркой-дочерью... Шустренькая дѣвочка была; точно цвѣточекъ цвѣла. Самъ я одинъ и растилъ ее. Опредѣлился я дорожнымъ сторожемъ на Николаевскую желѣзную дорогу, съ самаго ея основанія, и ничего, — зажилъ со своей дочуркой. Жаловаться не могу, еще десятокъ лѣтъ не видалъ горя. Правда, не легко жилось. Кормиться было трудно. Не весело тоже было въ лѣсу, да и жутко по зимамъ было. А все же жили, огородишко кое-какой развели. Зимой, бывало, я башмачничаю, стряпней да стиркой, всякимъ бабьимъ дѣломъ занимаюсь, дѣточка играетъ тутъ же, лепечетъ, все это ей разскажи да покажи, какъ и что. Бывало, начну, примѣрно, про походъ разсказывать, какъ мы француза били, а она: «А за что его, тятя, били?»—За то, говорю,

Digitized by Google

что онъ русскихъ билъ. — «А, она говоритъ, за что русскихъ билъ?»—Потому, говорю, его императоръ Бонапартъ такъ велѣлъ.—«А, она говоритъ, зачѣмъ велѣлъ русскихъ бить?»—Это, говорю, дѣло не наше, а царское.—Занятная была дѣвчоночка. Лѣтомъ, бывало, копается со мной въ огородѣ, завидитъ поѣздъ, и кричитъ: «Тятя, поѣздъ», а сама флагъ въ руки, сбѣжитъ къ полотну и стоитъ, путь поѣзду указываетъ. Помощница тоже!..

По старческому лицу скользнула такая усмѣшка, точно онъ въ душѣ переживалъ снова всю прелесть этихъ свѣтлыхъ дней жизни.

— Только разъ случись, во время заносовъ, всю ночь пришлось мнѣ въ снѣгу простоять, не впервой, кажись, а продрогъ я и, никогда этого со мной не бывало, слегъ да такъ и проболѣлъ, почитай что три мѣсяца. Тутъ-то и кончилось мое счастье. Отказали мнѣ отъ должности, потому и точно, какой же можетъ быть сторожъ дорожный шестидесяти лѣтъ да еще болящій. Перебрались мы съ дочуркой опять въ Петербургъ, сталъ я опять сапожнымъ дѣломъ заниматься... Только ужъ руки были не тѣ, отъ морозовъ ли или отъ старости, только гибкости да проворства въ нихъ прежнихъ не было... Ну, и пришлось моей дочуркѣ на два рта работать. А ей всего пятнадцать годковъ тогда было...

Старикъ вздохнулъ и смолкъ.

— Замужъ-то развѣ не удалось выйти?

— Кто-жъ возьметъ, когда у дѣвушки на рукахъ отецъ, котораго кормить надо? Да къ ней и подступиться было не легко. Дичкомъ она въ лѣсу выросла, со мной ласкова, какъ голубь, а чужихъ людей боялась, ото всѣхъ сторонилась. И то сказать, прежде одни жили, а когда попала она въ Петербургъ, насмотрѣлась она на такихъ людей, что лучше бы ихъ и совсѣмъ не видать... Вы, ваше благородіе, не знаете, что за люди по подваламъ да по угламъ живутъ. Пьянство, дебошъ, драки, сквернословіе... На первыхъ же порахъ одна баба чуть не продала мою дѣточку одному купцу-лабазнику. Сироту погубить хотѣлъ, на красоту польстившись. Она вѣдь у меня загарышъ-загарышъ, а красавицей была, извѣстно на вольной волѣ въ лѣсу выросла. И не будь моя дѣвочка дичкомъ или не явись къ ней этотъ купецъ въ пьяномъ видѣ, не напугай онъ ее своимъ безобразіемъ, и погибла бы; безпремѣнно погибла бы, потому что гдѣ-жъ дѣвочкѣ знать, что къ чему ведетъ.

Digitized by Google

Богъ, всѣхъ насъ, сирыхъ, Заступникъ, спасъ. Честной осталась...

Онъ опять прервалъ разсказъ.

— Двадцать первый годъ ей пошелъ, когда вышло ей счастье, — продолжалъ онъ тихо, въ раздумьѣ. — Сосѣдъ у насъ работникъ былъ, въ рабочихъ на фабрикѣ служилъ. Года три онъ рядомъ съ нами жилъ и какъ придетъ съ работы, такъ къ намъ въ каморку. Сидитъ, разговариваетъ, мои розсказни слушаетъ, на мою дѣвочку посматриваетъ. Чуть закручинится она, онъ ей сейчасъ: «Не тужите, Марья Ивановна, скоро-скоро все перемѣнится». А она вскинетъ на него глаза и спроситъ: «Какъ?»—«А вотъ увидите, родная»,—отвѣтитъ онъ и гладитъ ее по рукѣ. Таково все степенно, уважительно. Тихій, ласковый былъ парень. И понялъ я изъ его словъ, что онъ ждетъ только, чтобы его въ мастера произвели. На линіи давно стоялъ, только управляющій немного косился на него, хоть и зналъ, что лучшаго работника на всей фабрикѣ нѣтъ. Голова не поклонная была, зато и косились. Ну, да косись не косись, а правда свое всегда возьметъ, не сегодня, такъ завтра должны были парня въ мастера произвести. Жениться онъ на моей дочуркѣ тогда хотѣлъ. И она это понимала. Бывало, чуть онъ запоздаетъ, она ужъ и всполохнется, затревожится, затревожится: «Что съ нимъ? Гдѣ онъ?» И мнѣ, бывало, говоритъ: «Вотъ, тятя, человѣкъ! Душа-то какая! Взглянетъ на тебя—вся она на ладони. Нѣтъ неправды въ его душѣ».

Опять послѣдовалъ тяжелый перерывъ.

— Неисповѣдимы пути Господа,—вдругъ началъ опять старикъ дрогнувшимъ и болѣе глухимъ голосомъ. — Не дожила до полнаго счастья моя дѣточка. Слегла отъ непосильной работы и умерла въ чахоткѣ, какъ цвѣтокъ, завяла... На все воля Божія... Видно, такъ надо было... Чуяла она, что смерть, а виду не подавала. Лежитъ, бывало, и улыбается и мнѣ, и жениху своему... Такъ до самаго конца... до послѣдняго вздоха. Въ день смерти подошелъ онъ къ ней, а она говоритъ: «Поцѣлуйте меня»... Наклонился онъ да такъ и упалъ, точно ребенокъ плача... «Добрый вы,—говоритъ она,—добрый человѣкъ, и Богъ васъ за это не оставитъ»... А онъ и слова сказать не можетъ... глотаетъ слезы, а онѣ такъ и льются, льются...

Старикъ нахмурилъ брови, подавляя свои слезы, и, коротко, отрывисто, какъ бы спѣша, продолжалъ:

Digitized by Google

— Онъ и хоронилъ ее. Вонъ тутъ зарыли. Каждый праздникъ ходилъ къ ней на могилку. Только что-то неладное стало съ нимъ. Нашло что-то на него. Сталъ говорить не путевое. «Подлецамъ, говоритъ, жить можно. Честнымъ умирать надо». Я ему, бывало, скажу: ты молись лучше. А онъ засмѣется такъ злобно, лицо перекоситъ и говоритъ: «А вы нешто мало молились? Или Маша не молилась?» А у самого ротъ искривится, глаза разгорятся, остановятся, впередъ смотрятъ, а самъ словно ничего не видитъ. «Правды, говоритъ, на землѣ нѣтъ! Гдѣ она, гдѣ? А безъ правды жить нельзя!» И куда тихость его дѣвалась, куда доброта пропала! Не загулялъ, не запилъ, а совсѣмъ буйнымъ сталъ, всѣ у него подлецы да прохвосты, всѣ аспиды до кровопійцы... Совсѣмъ свихнулся человѣкъ...

Старикъ замолчалъ и глубоко задумался.

— Живъ онъ еще?—спросилъ я.

— Не могу вамъ, ваше благородіе, сказать, — отвѣчалъ старикъ.—Дѣло такое вышло, грѣхъ случился. Управителя на фабрикѣ почти до смерти задушилъ, свои же рабочіе того чуть живого отъ него отняли. Судили его потомъ, сослали его въ Сибирь... Никакого снисхожденія на судѣ не дали, потому и не за что: совсѣмъ ожесточенный человѣкъ сталъ, всѣмъ было видно... Молодъ былъ, не оббился, не обтерпѣлся... Насъ, благодареніе Господу Богу, ко всему пріучила солдатская служба. Тоже сами знаете, какъ въ старые-то годы солдатамъ жилось, не довернешься—бѣда, перевернешься—другая. Все сносить пріучили, все претерпѣвать приспособили. Ну, вотъ теперь и живу, не гнѣвя Господа Бога напраснымъ ропотомъ. Себѣ же хуже, а никому другому сдѣлаешь этимъ самымъ роптаніемъ и ожесточеніемъ: безъ ропота—злой обидитъ, роптать станешь—и добраго врагомъ сдѣлаешь...

Этотъ разсказъ вспомнился мнѣ, когда я смотрѣлъ на погребальную процессію Русиной.

Какъ-то недавно я опять зашелъ на кладбище и долго пробесѣдовалъ съ Михеевымъ, сидѣвшимъ на дорогой для него могилѣ его дочери. Онъ съ тоской разсказывалъ мнѣ, что въ послѣднее время ему стали измѣнять силы.

— Тоже не станетъ силъ ходить, голодомъ насидишься, на улицѣ наваляешься, прежде чѣмъ подберутъ и призрѣютъ,—говорилъ онъ.—Только на Господа Бога и остается надежда, не попуститъ.

Digitized by Google

На колокольнѣ раздался звонъ. Старикъ поднялся.

— Обѣдня кончается, идтить надо... Сегодня съѣздъ большой... Заказная обѣдня въ соборѣ...

— Кого-нибудь богатаго хоронятъ?

— Нѣтъ... Сороковой день сегодня по барынѣ... то-есть не то чтобы барыня... а изъ тіатру богатую комедіантку тутъ хоронили... Каретъ столько сегодня понаѣхало... Авось, перепадетъ что-нибудь...

Старикъ снялъ фуражку и поклонился мнѣ. Я далъ ему денегъ. Онъ покрестился и побрелъ по направленію къ храму. Я тоже спустился на мостки, заперъ двери рѣшетки, замкнулъ замокъ и пошелъ. Мнѣ навстрѣчу валила толпа народа. Впереди шли пѣвчіе съ громкимъ пѣніемъ. Далѣе шли дьячокъ и священникъ въ бѣлыхъ ризахъ. Сзади шла цѣлая масса народа съ дорогими вѣнками и букетами въ рукахъ. Вся эта масса остановилась около могилы, недалеко отъ церкви. Это была не могила, а роскошный цвѣтникъ, на который было потрачено нѣсколько сотенъ рублей. Живые цвѣты ландышей, сиреней, розъ, левкоевъ, гіацинтовъ засыпали сплошь могильную насыпь. Кругомъ могилы все было усыпано красноватымъ пескомъ. Это была могила Русиной...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея съ обнаженной головой съ глубокимъ шрамомъ черезъ весь лобъ стоялъ въ своей дырявой шинели Михеевъ, крестясь и ожидая, что кто-нибудь изъ этихъ господъ, потратившихъ сотни рублей на вѣнки для украшенія могилы покойной танцовщицы, подастъ грошъ ему, защищавшему отечество...

XII.

Соблазнъ.

— Что, сосѣдушка, залюбовались?—раздался около меня веселый и мягкій старушечій голосъ.

Я въ это время смотрѣлъ на только-что поставленный памятникъ по сосѣдству съ моими дорогими могилами. Памятникъ, находившійся подъ легкою, могущею защитить его отъ дождей, желѣзною крышей, былъ поставленъ посрединѣ довольно просторнаго, откупленнаго для могилъ мѣста, вокругъ котораго шла чугунная рѣшетка, а выше поднималась до крыши проволочная сѣтка. Памятникъ состоялъ изъ тяжелаго квадратнаго подножія изъ сѣраго гранита и небольшой часовенки изъ бѣлаго мрамора, заканчивавшейся пятью маленькими мраморными куполами, съ

Digitized by Google

небольшими крестами наверху. Въ срединѣ этой игрушечной часовенки была ниша и въ нее былъ вдѣланъ образъ въ позолоченной бронзовой рамѣ. Передъ образомъ находилась замѣчательной работы бронзовая лампада, висѣвшая на красивыхъ цѣпочкахъ. Лампада и цѣпи тоже были вызолочены. Живопись образа и тонкая чеканка бронзовыхъ вызолоченныхъ рамки, лампады и цѣпей были превосходны.

— Да, Марья Петровна, залюбовался,—отвѣтилъ я, обращаясь лицомъ къ подошедшей, богато и въ то же время просто одѣтой старушкѣ и пожимая ей съ улыбкой руку.— Прелестная игрушка!

Приземистая, кругленькая, румяная, съ ямками на щекахъ и съ добродушною улыбкой на лицѣ, старушка смотрѣла очень симпатично и почти всегда была бодра и весела, какъ вполнѣ обезпеченный, живущій на покоѣ человѣкъ. Она въ шутку звала меня «сосѣдомъ», такъ какъ наши «помѣстья», то-есть могильные участки, находились рядомъ и, по ея словамъ, «какъ-никакъ, а въ дружбѣ надо было жить, такъ какъ лежать придется бокъ-о-бокъ». Къ вопросу о смерти она относилась спокойно, какъ къ самому естественному и обыкновенному явленію, и не упускала изъ виду практической стороны дѣла: заранѣе заготовила себѣ склепъ рядомъ со склепами мужа и сына, заботливо справляясь, не дастъ ли этотъ склепъ течи и прочно ли онъ замазанъ; поставила надъ могилами мужа и сына памятникъ и даже приказала высѣчь на немъ, кромѣ именъ, отчествъ и фамилій сына и мужа, свои имя, отчество и фамилію, а также годъ и число своего рожденія, оставивъ только мѣсто для обозначенія времени смерти. «Хлопотъ меньше потомъ будетъ», сообщала мнѣ она, говоря объ этомъ предметѣ.

— Да ужъ памятникъ, одно слово первый сортъ работа, сто лѣтъ простоитъ—не покривится,—сказалъ старшій изъ группы рабочихъ, стоявшихъ безъ шапокъ около насъ.

— Еще бы не первому сорту работѣ быть; сама наблюдала за всѣмъ, а мужъ-то подрядчикомъ тоже по строительной части сперва былъ, такъ толкъ-то я въ дѣлѣ и знаю,— съ благодушной улыбкой замѣтила Марья Петровна и опять обратилась ко мнѣ:—Нѣтъ, вы, сосѣдушка, на образъ-то полюбуйтесь. Какова работа?

— Превосходно написано!—отвѣтилъ я.

— Ужъ чего лучше. Въ дальній монастырь посылала заказъ, а рамку и лампаду здѣсь на французскомъ заводѣ

Digitized by Google

дѣлали по особому рисунку и черезъ огонь позолотили,— пояснила не безъ гордости старушка, любуясь образомъ.— Сначала-то я хотѣла семейный образъ заказать—написать Марію, Прохора, царя Константина—сына покойнаго Костей звали,—да потомъ раздумала. Несуразное что-нибудь могло выйти, наставили бы зря другъ подлѣ друга святыхъ изъ разныхъ временъ и государствъ, Богъ знаетъ что̀ вышло бы. А мой покойный Прохоръ Васильевичъ все изящное любилъ и ужъ особенно по части живописи. Знатокъ былъ. Ну, и попросила я просто Матерь Божію съ младенцемъ Іисусомъ изобразить, да впередъ мнѣ эскизъ прислать. А тамъ, въ монастырѣ-то, они и надумали, что лучше всего сдѣлать копію съ мѣстнаго образа, что у Исаакія по правую сторону царскихъ вратъ красуется. Написали мнѣ; обрадовалась я. Ужъ лучшаго-то сами они ничего не выдумаютъ. И образъ-то этотъ мой любимый. Глазки-то младенца Іисуса точно живые, такъ и кажется, что смотритъ Онъ на всѣхъ и всѣхъ къ Себѣ призываетъ. Нарочно ѣзжу къ Исаакію къ обѣднямъ, чтобы на него посмотрѣть. Вотъ хорошо и вышло.

— Дорого встало?—полюбопытствовалъ я.

— Не дороже денегъ, родной мой,—отвѣтила старушка, продолжая любоваться образомъ.—Восемьсотъ рублей съ небольшимъ за все-то заплатила, и за образъ, и за рамку, и за лампаду. Спросили бы больше—дала бы и больше. Очень ужъ все это мнѣ въ чертежахъ понравилось. Въ одномъ стилѣ все.

Она обернулась къ рабочимъ.

— Ну, голубчики, на чай ждете? Заболталась я! Вотъ вамъ покуда, а завтра панихида на могилѣ будетъ, приходите,—еще дамъ и обѣдомъ васъ распорядятся накормить. Я ужъ приказала...

Она стала раздавать низко кланявшимся ей рабочимъ деньги и, дойдя до послѣдняго изъ нихъ, посмотрѣла съ недоумѣніемъ на слѣпого старика, котораго поддерживалъ молодой подростокъ. Казалось, она не сообразила сразу, что это нищіе, и удивилась ихъ присутствію тутъ. Когда она подошла къ нимъ, старикъ проговорилъ едва слышно:

— Милостыньку Христа ради!

Она торопливо достала изъ щегольской кожаной сумочки келочь и дала старику.

— Сынъ твой?—спросила она старика и, позабывъ, что онъ слѣпъ, указала глазами на юношу.

Digitized by Google

— Это со мной-то?—спросилъ старикъ.—Сынокъ, сынокъ...

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Хворый?—спросила она, окидывая глазами хрупкую, полунагую, сильно загорѣвшую фигуру мальчугана.

— Голодный,—скорбно отвѣтилъ старикъ.

Она смутилась, опять торопливо достала серебряную мелочь изъ мѣшечка и сунула ее въ руку юношѣ.

Онъ стоялъ понуро, потупясь, смотря въ землю, точно приговоренный къ смерти. Когда онъ и слѣпой старикъ поплелись дальше, она обратилась ко мнѣ нѣсколько тревожно:

— Въ гробъ краше кладутъ!

— Да, я, признаюсь, рѣдко встрѣчалъ такое истощеніе,— сказалъ я, провожая глазами удалявшихся отца и сына.— Это скелетъ, обтянутый кожей.

— А вотъ умыть, откормить, опять красавцемъ сталъ бы. Видѣли, глаза-то какіе и волосы?—замѣтила старушка.

Дѣйствительно, у юноши были поразительно густые, вьющіеся, шелковистые волосы и удивительные по величинѣ и выраженію глаза, полные тоски, грусти, задумчивости, чего-то такого, что влекло къ себѣ и въ то же время надрывало сердце.

— Надо бы вотъ...—начала старушка.

Ее прервали ноющіе, слезливые, гнусавые голоса нищихъ, бабъ, дѣтей, стариковъ:

— Благодѣтельница наша, Христа ради, дай копеечку! На поминовеніе родителей, сотвори подаяніе! Заставь Богу вѣчно молиться!

Около насъ была уже цѣлая ватага нищихъ, грязныхъ, въ лохмотьяхъ, съ грудными дѣтьми, съ кривыми глазами, съ подвязанными руками и ногами. Всѣ они ныли и охали, протягивая руки, залѣзая впередъ другъ передъ другомъ, огрызаясь другъ на друга, а изъ-за сосѣднихъ могилъ по всѣмъ направленіямъ, ковыляя, спѣшили на перегонку новыя и новыя группы такого же оборваннаго люда. Весь этотъ сбродъ, съ слѣдами разгула и пьянства, съ опухнувшими лицами и синяками подъ глазами, ныль и охалъ, протягивая руки, которыя, казалось, готовы было не только принять подаяніе, но и вырвать его, ограбить ту, къ которой онѣ тянулись за грошомъ. Старушка торопливо шарила въ кожаной сумочкѣ, совала мелочь въ руки попрошаекъ, наконецъ, въ какомъ-то комическомъ отчаяніи проговорила:

Digitized by Google

— Больше нѣтъ, не прогнѣвайтесь! Ступайте! ступайте. И торопливо прощаясь со мною и спѣша пройти къ своему экипажу, сказала:

— Просто бѣда, иногда посидѣть придешь къ себѣ на могилы, а тутъ эта стая воетъ и ноетъ,—махнешь рукой и уѣдешь...

Мнѣ пришлось послѣдовать ея примѣру. Я самъ нерѣдко испытывалъ, что̀ значитъ быть осажденнымъ нищими, сидя на могилѣ, и уже не разъ убѣгалъ отъ назойливости этой кладбищенской саранчи. Довольно одному нищему выслѣдить, на какую могилу прошли вы, чтобы черезъ нѣсколько минутъ васъ осадила цѣлая ватага этихъ промышленниковъ. Сколько вы ни говорите имъ: «Богъ подастъ», «Не прогнѣвайтесь», «Идите прочь» и тому подобныя ходячія фразы, они будутъ осаждать васъ, пока вы, потерявъ терпѣніе, не сбѣжите отъ нихъ сами.

Мѣсяца черезъ три мнѣ приходилось уѣхать изъ Петербурга и передъ отъѣздомъ я забрелъ снова на кладбище. Открывая дверь рѣшетки, окружающей мои могилы, я увидалъ Марью Петровну. Она сидѣла около своего памятника на чугунномъ стулѣ и заботлива подвязывала какой-то цвѣтокъ. Увидавъ меня, она кивнула мнѣ ласково головой и сказала:

— Вотъ судьба-то, нѣтъ-нѣтъ и столкнетъ сосѣдей.

— Зато теперь ужъ долго не увидимся,—откликнулся я, отвѣчая на ея поклонъ.—Уѣзжаю мѣсяцевъ на девять!

— О, что такъ надолго? Пожалуй, мнѣ и не дожить,—отвѣтила она.—Старушечій вѣкъ не дологъ!

— Доживете, Богъ дастъ,—сказалъ я въ видѣ утѣшенія.

— Да мнѣ, голубчикъ, все равно, что здѣсь, что тамъ,—сказала она съ благодушной улыбкой.—Тамъ еще спокойнѣе, пожалуй, будетъ, а здѣсь, кажется, все ужъ я пересмотрѣла. Вотъ и нынче старыя кости на воды за границу возила. Нельзя: докторишки посылали! Свои тоже пристали: «если приказываютъ ѣхать, то и поѣзжайте!» Очень тоже мнѣ нужно какой-нибудь годъ у смерти утягивать. Ну, а ужъ тамъ, на томъ-то свѣтѣ рыскать не будешь!

— А родныхъ не жаль?—спросилъ я ее.

— Всѣ на своихъ ногахъ стоятъ,—отвѣтила она.—Да притомъ и тамъ-то тоже родные, да еще поближе этихъ, матушка съ батюшкой, мужъ и сынъ. Поди, тоже соскучились безъ меня, дивятся, что зажилась старуха,—заключила она съ добродушнымъ юморомъ.

Digitized by Google

Въ эту минуту къ ней прибѣжалъ какой-то мальчуганъ, за которымъ шла поспѣшно почтенная няня. Онъ бросился къ Марьѣ Петровнѣ и что-то сталъ торопливо разсказывать.

— Внучекъ мой,—пояснила мнѣ съ мягкой улыбкой старушка, и ея розовое лицо точно засвѣтилось.—Его вотъ жаль оставить, не стану лгать... Сегодня вотъ привезла его сюда съ няней погулять; съ тѣхъ поръ вѣдь я не была здѣсь, какъ тогда памятникъ поставила. Все на водахъ жила. Ну, сегодня и надумала сюда заѣхать. Не все же по островамъ кататься. А дни-то благодатные какіе стоятъ и на конецъ августа не похоже.

Мы поболтали еще немного, и старушка, накинувъ на плечи спущенную ротонду, перекрестилась и не спѣшно пошла съ могилы. Проходя мимо меня, она пожала мнѣ руку, проговоривъ:

— Ну, не встрѣтимся здѣсь, свидимся тамъ!

Затѣмъ я видѣлъ, какъ она прошла съ внукомъ и его няней по мосткамъ къ широкой дорогѣ и стала усаживаться въ щегольскую коляску.

«Не встрѣтимся здѣсь, свидимся тамъ», повторялись въ моей головѣ слова старушки. Какое счастіе такая твердая вѣра! Приходя сюда, она, эта милая старушка, убѣждена, что она приходитъ къ своимъ любимымъ роднымъ и что они это знаютъ. Съ какимъ особеннымъ выраженіемъ она сказала мнѣ тогда, при постановкѣ памятника, что ея Прохоръ Васильевичъ любилъ все изящное и особенно хорошую живопись; въ этомъ выраженіи сказалось убѣжденіе, что ея Прохоръ Васильевичъ видитъ этотъ памятникъ, любуется имъ, благодарить ее за него. А я? что я уношу въ душѣ послѣ посѣщенія родныхъ могилъ? Одно тяжелое сознаніе полнаго моего одиночества въ мірѣ, сознаніе ужасающей пустоты около себя, сознаніе, что никогда-никогда нигдѣ не встрѣтятся тѣ, которыхъ взяла могила. И зачѣмъ я хожу сюда въ часы неодолимой хандры, зачѣмъ добровольно бережу старыя раны, унося отсюда одно горькое сознаніе, что былое невозвратно? Если сюда ходитъ она, эта старушка, то она выноситъ сладкое убѣжденіе, что она повидалась со своимъ Прохоромъ Васильевичемъ, со своимъ Костей, а я уношу одно горькое сознаніе, что тѣхъ уже нѣтъ и не будетъ, кого я любилъ. Да, я сознаю, что я мучу себя этими посѣщеніями могилъ и все-таки снова и снова меня тянетъ сюда какая-то тайная сила и точно кто-то шепчетъ мнѣ: «а авось!» Проклятая двойственность! И я искренно завидо-

Digitized by Google

валъ тому поколѣнію, которое сохранило безусловную вѣру въ будущее, позавидовалъ я и тѣмъ будущимъ поколѣніямъ, которыя, можетъ-быть, когда-нибудь станутъ безслѣдно запахивать подъ посѣвы могилы своихъ мертвецовъ и трезво, разъ и навсегда примирившись съ неотразимымъ фактомъ смерти, скажутъ себѣ: «земля отошла въ землю», скажутъ это съ твердымъ убѣжденіемъ, что живые должны думать исключительно только о живыхъ и оставлять трупы мертвыхъ исполнять единственное прямое ихъ назначеніе — утучнять землю для новыхъ будущихъ посѣвовъ.

Стоялъ чудесный майскій день, когда, вернувшись въ Петербургъ, я снова посѣтилъ родное кладбище. Здѣсь все было уже зелено, надгробные кресты и плиты тонули въ сочной травѣ, среди густо разросшихся деревьевъ слышались немолчный гомонъ и пѣніе птицъ, кое-гдѣ на могилахъ безпечно рѣзвились и хохотали дѣти, близъ самой ограды кладбища, весело пыхтя и стуча колесами, пронесся по высокой насыпи желѣзнодорожный поѣздъ, унося изъ душнаго города ѣдущихъ на дачи. Все дышало жизнью и ничто не говорило о смерти. Я поднялся по ступенямъ къ своимъ могиламъ, открылъ дверь рѣшетки и присѣлъ на скамью, поздоровѣвшій во время долгаго путешествія и теперь охваченный, подъ вліяніемъ грѣвшаго солнца и оживившейся природы, жизнерадостнымъ чувствомъ, какъ-будто я былъ не среди покойниковъ, а гдѣ-то въ цвѣтущемъ и разрастающемся на плодородной почвѣ саду. Въ эту минуту мой взглядъ упалъ на памятникъ Марьи Петровны, и я вспомнилъ о ней. Жива ли старушка? Вотъ кстати бы встрѣтить ее здѣсь теперь, румяную, бодрую, улыбающуюся. Я поднялся и сталъ смотрѣть на надпись на ея памятникѣ: день и годъ ея смерти попрежнему не были обозначены. Ну, значитъ, жива, слава Богу. Отчего ей и не жить, не наслаждаться жизнью? Богата, окружена любящею родней, уважаема въ обществѣ, какъ искренно добрый человѣкъ...

Пробывъ на кладбищѣ съ полчаса, я уѣхалъ.

Въ теченіе лѣта я разъ пять заглядывалъ сюда, но, къ сожалѣнію, ни разу не встрѣтилъ «сосѣдку». Не больна ли она?

Я какъ-то задалъ этотъ вопросъ Власу, могильщику, при-

Digitized by Google

сматривавшему за ея и за моими могилами, то-есть выметавшему съ нихъ соръ, посыпавшему пескомъ дорожки и исполнявшему всѣ тому подобныя обязанности.

— Нѣтъ-съ, живы и здоровы,—отвѣтилъ онъ.— Рѣдко только нынѣ бываютъ здѣсь.

— Рѣдко бываетъ? Что же это значитъ? Ужъ не разлюбила ли она своего Прохора Васильевича и своего Костю?— Я посмотрѣлъ на огороженное мѣсто ея могилъ и удивился немного, замѣтивъ, что оно нѣсколько запущено: на немъ не было тѣхъ дорогихъ цвѣтовъ, которыми обыкновенно лѣтомъ украшалось это мѣсто.

— И цвѣтовъ нынче нѣтъ у васъ тутъ,—сказалъ я могильщику.

— Воруютъ-съ,—отвѣтилъ онъ хмуро:—не усторожишь за этими дьяволами-ворами. Съ отмычками ходятъ, пусто бы имъ было. Украдутъ, а ты отвѣчай, что плохо сторожишь. А не ночевать же на могилѣ.

И, сердито сплюнувъ, онъ прибавилъ:

— Вонъ образъ и тотъ скрали! Лампаду тоже. Извѣстно, дорогія вещи, какъ не позариться. А тоже потомъ все на нашемъ братѣ отзывается.

Я поднялъ глаза и увидалъ, что передъ нишей не было лампадки, а въ самой нишѣ не было ни образа, ни бронзовой его рамы. Пустое невыровненное углубленіе, гдѣ прежде находился образъ, безобразило часовенку, и мнѣ показалось страннымъ, что Марья Петровна не вставила новаго образа вмѣсто пропавшаго. Неужели ее не тревожитъ, что ея Прохоръ Васильевичъ, любившій живопись и все изящное, лежитъ теперь подъ такимъ обезображеннымъ памятникомъ?

Во мнѣ пробудилось любопытство, мнѣ захотѣлось еще сильнѣе увидать Марью Петровну, разспросить ее обо всемъ, разрѣшить загадку. Какъ-то невольно я обратилъ вниманіе на надпись на памятникѣ, и мнѣ бросилось въ глаза: «скончался 1-го сентября 1875 года». Это былъ день смерти ея Кости. Конечно, въ этотъ день она посѣтитъ его могилку. Не завернуть ли и мнѣ въ этотъ день сюда?

Я такъ и сдѣлалъ.

Дѣйствительно, пріѣхавъ 1-го сентября на кладбище, у одной изъ кладбищенскихъ церквей я увидалъ коляску Марьи Петровны среди нѣсколькихъ другихъ щегольскихъ собственныхъ экипажей. Въ главной церкви была

Digitized by Google

заказная обѣдня. Я зашелъ туда, но Марьи Петровны тамъ не было. Я понялъ, что она, вѣрно, на могилѣ, и прошелъ туда. Старушка сидѣла на одномъ изъ металлическихъ стульевъ, стоявшихъ на могилѣ около памятника, и смотрѣла какъ-то особенно не весело. Я окликнулъ ее.

— А, дорогой сосѣдъ,—отозвалась она, едва замѣтно улыбаясь.—Вотъ-то не ждала!

Она, какъ мнѣ показалось, и похудѣла, и побѣднѣла, и постарѣла.

— Привелъ Богъ еще свидѣться,—заговорила она, отворяя дверь рѣшетки и приглашая меня войти.—Рада я, голубчикъ, что свидѣлась. Совѣта нужно спросить. У всѣхъ теперь совѣтовъ спрашиваю, точно одурѣла вдругъ, а всѣ только подсмѣиваются. «По пустякамъ тревожитесь», говорятъ. Вы-то этого не скажете. Сердечный человѣкъ, все такое понимаете, да притомъ и сами причастны къ этому дѣлу.

— Къ какому дѣлу?—спросилъ я, недоумѣвая.

Я сѣлъ на другой стулъ, стоявшій около памятника.

— Да вотъ,—она указала на пустое мѣсто въ нишѣ.—Власъ-то, вѣрно, говорилъ вамъ, какъ и что тутъ случилось.

— То-есть сказалъ, что украли образъ и лампаду, и только,—сказалъ я.

— Ахъ, глупый, глупый народъ,—нѣсколько раздражительно проговорила она.—Украли! украли! Да развѣ въ этомъ суть-то? Развѣ это все внутри меня перевернуло? Тысячи, слава Богу, теряла, да не плакала, потому деньги что—наживное дѣло, да и не съ ними на судъ-то Божій предстанешь. А тутъ горе-то какое случилось! Вотъ, жила-жила, да на старости лѣтъ и натворила бѣдъ, душу христіанскую погубила.

Я ничего не понималъ.

— Разскажите, въ чемъ дѣло!—сказалъ я.

— Помните, милый вы человѣкъ, когда памятникъ-то кончили и вы тутъ были, нашъ разговоръ?—дружески начала она, дотрогиваясь рукой до моей колѣнки.—Расхвасталась я тогда: и живопись-то хороша, и бронза-то по особымъ рисункамъ сдѣлана, и лампада-то по заказу чрезъ огонь позолочена, и восемьсотъ-то рублей съ небольшимъ заплачено. Соврала даже вамъ, цифру убавивши, чтобы похвастать, какъ дешево покупаю. Тоже баба! Помните?

Digitized by Google

— Помню, помню,— отвѣтилъ я.

— Ну, а мальчика-то, голодненькаго мальчика съ слѣпенькимъ отцомъ-нищимъ помните? Еще кудри-то его, мальчика-то, да глаза-то его обоихъ насъ поразили? Тоже не забыли?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Ночью во снѣ эти глаза теперь на меня смотрятъ, да какъ смотрятъ-то, тоскливые да укоризненные, словно на убійцу,— проговорила она въ сильномъ волненіи.— Ей-Богу! Вѣдь это онъ укралъ-то, мальченочка-то этотъ, его это я, голубчика, искусила, грѣшница. Да я думаю, Прохоръ-то Васильевичъ въ гробу перевернулся, когда онъ-то, малышъ-то этотъ несчастный, мною подъ руку подтолкнутый, образъ-то выковыривалъ да лампаду отвинчивалъ здѣсь на могилѣ.

— Полно вамъ,— началъ я:—вы тутъ не...

Она съ несвойственной ей рѣзкостью перебила меня:

— Не говорите мнѣ хоть вы-то того, что другіе говорятъ! Словно сговорились всѣ ухлопать меня самыми этими утѣшеніями! Такъ другіе того разговора не слышали и человѣка этого не видали, и души-то у нихъ кожаныя, а вы...

Она вдругъ прервала начатую фразу и опять задушевнымъ тономъ спросила меня:

— Помните, родной мой, какъ я спросила старичка: «хворый онъ у тебя?» а старичокъ-то коротко отвѣтилъ: «голодный!» Умирать я буду, а этого слова не забуду. Ни слова этого, ни того, какъ сказано оно было, не забуду. Ни въ одномъ грѣхѣ не покаюсь, а въ этомъ буду весь вѣкъ каяться. Голодному гривенникъ дала, а тутъ при немъ же нашла чѣмъ хвастать, что сотни рублей на украшеніе памятника бросила...

Чтобы немного разсѣять ея мысли о ея виновности въ этой исторіи, я спросилъ:

— О чемъ же вы хотѣли со мной-то посовѣтоваться?

— Объ адвокатѣ, объ адвокатѣ, голубчикъ,— заторопилась она.— Кого лучше взять? Говорила я съ родными, со знакомыми. Всѣ шутятъ только: «Да возьмите любого, тутъ и защищать-то нечего, дѣло ясно и никакихъ оправданій быть не можетъ: укралъ воришка, вотъ и все, а тутъ еще святотатство—отягчающія вину обстоятельства!» А? каково? Это они мнѣ-то говорятъ: «отягчающія обстоятельства!» Тупымъ ножомъ по-сердцу рѣжутъ, да еще смѣются: «изъ ума, молъ,

Digitized by Google

наша старушка выживать стала». Ну, а вы меня поймете и поможете мнѣ. Такого мнѣ адвоката надо, чтобы душу-то мою понялъ, чтобы меня-то не казнилъ: вѣдь, накажутъ мальчугана — меня накажутъ, пить-ѣсть я не въ силахъ, какъ вспомню, что сослать его могутъ. Отягчающія обстоятельства, шутка сказать! Вы мнѣ ужо подыщите, голубчикъ. Тамъ среди нихъ, говорятъ, разные есть—одни если крючкотворствомъ надо донять, такъ хороши; другіе, если слезой пронять нужно; извѣстно, дѣла всякія у нихъ, тоже за деньги умудряются.

Я успокоилъ, какъ умѣлъ, Марью Петровну и пообѣщалъ ей разузнать все это дѣло и переговорить съ нѣсколькими присяжными повѣренными. Она крѣпко пожала мою руку и поднялась съ мѣста, чтобы пройти въ церковь, гдѣ шла уже обѣдня.

— Вотъ, вѣдь, на могилки свои перестала даже ѣздить,— сказала она мнѣ, направляясь со мной къ церкви.—Не могу смотрѣть на этотъ памятникъ, точно укоръ онъ стоитъ передо мною... Да и молюсь-то нынче Богъ знаетъ какъ: крещусь, крещусь, а въ головѣ все онъ, все мальчоночка этотъ, смотритъ на меня, да такъ вотъ, что жутко...

Никогда я не думалъ, что я могу такъ горячо заинтересоваться чѣмъ-нибудь совершенно чужимъ и совершенно заурядным дѣломъ, какъ я заинтересовался этимъ дѣломъ о кражѣ образа и лампады. Но что я,—самъ Александръ Васильевичъ Протасовъ, присяжный повѣренный, рекомендованный мною Марьѣ Петровнѣ, очень горячо взялся за это дѣло, хотя онъ уже давно привыкъ смотрѣть совершенно равнодушно на всякихъ воришекъ, на осужденія и оправданія ихъ: «Старушку надо оправдать, — шутливо замѣтилъ онъ мнѣ, переговоривъ съ нею. — Она немножко того!» добавилъ онъ, повертѣвъ рукою около лба. Она дѣйствительно была жалка и трогательна въ своей душевной тревогѣ и могла разжалобить каждаго. Я согласился вполнѣ съ Протасовымъ, что оправданіе было нужно прежде всего ей.

Мнѣ было просто жутко, когда я въ назначенный для разбирательства этого дѣла день входилъ въ зданіе окружного суда и пробирался въ залъ, гдѣ должно было слушаться это дѣло, точно моя собственная участь зависѣла отъ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей.

Digitized by Google

Когда я вошелъ въ зало засѣданія, тамъ было уже нѣсколько человѣкъ зрителей, но особеннаго стеченія публики не было и не могло быть. Для постороннихъ это дѣло не представляло никакого особеннаго интереса и не могло служить приманкой для публики, которой набралось сюда не только въ небольшомъ количествѣ, но какъ бы случайно,— пришли люди потому, что дѣваться некуда было отъ праздности и скуки. Никто, понятно, не могъ и подозрѣвать, что съ психологической стороны это дѣло о какой-то кражѣ Иваномъ Дитятинымъ съ памятника образа и лампады было въ десять разъ интереснѣе множества самыхъ громкихъ процессовъ!

Я какъ-то разсѣянно, въ лихорадочномъ волненіи, пропустилъ мимо ушей всю формальную сторону возгласовъ о появленіи судей, провѣрку присяжныхъ засѣдателей и тому подобную обстановочную часть дѣла, напряженно ожидая одного—появленія преступника. Я тотчасъ же узналъ его, когда онъ появился на скамьѣ подсудимыхъ. Да и трудно было забыть эту фигуру, это лицо. Молодыхъ мучениковъ, идущихъ на растерзаніе къ звѣрямъ, такими изображаютъ художники на картинахъ. Это былъ скелетъ, обтянутый кожей, но, тѣмъ не менѣе, сразу чувствовалось, что при другихъ условіяхъ этотъ юноша былъ бы не только поразительнымъ красавцемъ, но и однимъ изъ тѣхъ, которые невольно привлекаютъ къ себѣ сердца людей. Что-то мягкое, благородное, хрупкое было въ каждой чертѣ его лица. Оно казалось какимъ-то безтѣлеснымъ и, въ то же время, одухотвореннымъ. Его большіе глаза, когда поднимались его длинныя черныя рѣсницы, смотрѣли съ мучительнымъ выраженіемъ тоски, безысходной, безнадежной, запавшей куда-то глубоко. Иногда изъ его исхудалой груди вырывался невольный тяжелый вздохъ. Изрѣдка онъ покашливалъ мелкимъ зловѣщимъ кашлемъ, а на впалыхъ щекахъ проступалъ легкій румянецъ. Въ моей головѣ мелькнула мысль: «И судить бы не зачѣмъ, онъ и такъ осужденъ на-смерть». И какъ онъ былъ юнъ! «Пятнадцать-шестнадцать лѣтъ ему, не болѣе», думалось мнѣ. И вдругъ я услышалъ, что ему уже девятнадцатый годъ пошелъ. Это меня поразило! Какъ онъ могъ остаться такимъ моложавымъ? Какъ могло уцѣлѣть въ его лицѣ выраженіе этой дѣтской чистоты и наивности? Его стали спрашивать, онъ какъ-то особенно тревожно приподнялъ голову на тонкой длинной шеѣ и сталъ внимательно прислушиваться къ вопросамъ, съ своеобраз-

Digitized by Google

нымъ выраженіемъ, какъ-будто немного плохо слыша. Онъ былъ, дѣйствительно, глуховатъ и видимо стѣснялся этимъ, потерявъ слухъ, вѣроятно, недавно. Въ глазахъ его стояли слезы, но онъ не плакалъ. Его отвѣты были коротки, просты, иногда трогательны.

— Нигдѣ мы не жили. Бродили изъ мѣста въ мѣсто. Отецъ ослѣпъ, когда мнѣ еще пять лѣтъ было. У матери правой руки не было, на фабрикѣ оторвало. Работать не могли. Сестра старшая чахоточная была. Старше меня на пять лѣтъ. По-міру мы всѣ ходили. На родину высылали насъ. Тамъ ни кола, ни двора. Изъ дворовыхъ отецъ и мать были. Земли не было. Опять ворочались въ Москву, въ Петербургъ.

Его спросили, грамотный ли онъ.

— Самъ выучился писать и читать. Фигуры чертить любилъ, да гдѣ же! Сестра съ матерью ходили по-міру; я съ отцомъ. Въ науку хотѣли взять. Отецъ съ матерью боялись. Забили бы тамъ. Отецъ самъ былъ въ наукѣ, зналъ, каково житье. Глазъ одинъ выпили, когда еще мальчикомъ былъ. Другой послѣ самъ ослѣпъ.

Его спросили о поведеніи его родныхъ, о ихъ характерѣ.

— Добрые были. Душа въ душу всѣ мы жили. Незадача только была. Богъ не всѣмъ даетъ. Просить - и то не умѣли. Въ одно мѣсто придемъ—гонятъ. Въ другое толкнемся—всѣмъ дадутъ, а насъ оттолкнутъ, ничего и не перепадетъ. Отецъ говорилъ: «За чьи-нибудь грѣхи». Тоже до седьмого колѣна Богъ наказываетъ.

Когда былъ заданъ вопросъ, какъ же онъ рѣшился украсть, если, по его словамъ, и онъ, и его семья вели себя хорошо и честно, онъ встрепенулся, взволновался, заговорилъ тревожно:

— У отца ноги отнялись, мать тоже хворала, сестра и всегда чахоточной была, тутъ и стали насъ гнать изъ нашего угла. Уголъ—въ повалку четверымъ лечь, а даромъ не давали въ немъ спать. Я одинъ сталъ по-міру ходить. Что мнѣ дадутъ? Молодой! «Работай», говорятъ. Гдѣ же мнѣ работать? Кто возьметъ. Вонъ я какой! Разъ въ полицію чуть не взяли. Вывалялся въ ногахъ, отпустили. Мнѣ невозможно было тогда въ полицію попасть. Что съ отцомъ, матерью да сестрой сталось бы? Тутъ и стало мнѣ представляться: образъ въ золотой рамѣ да лампадка восемьсотъ рублей, а то и болѣе стоятъ. Хожу, прошу милостыню,

Digitized by Google

а они все передъ глазами стоятъ. На что, думаю, покойникамъ? Скрасть, продать, можно и отца, и мать, и сестру въ отдѣльную квартиру пристроить. Хоть разъ передъ кончиной. Восемьсотъ рублей, деньги большія. Четверть дадутъ. и то счастье. Тоже думалъ: потомъ замолю грѣхъ. Святые угодники и злодѣевъ прощаютъ! Въ монахи поступлю и замолю. Давно въ монастырь хотѣлось. Только своихъ жаль было бросить, пока живы.

Онъ опустилъ глаза.

Вечеромъ схоронился на кладбищѣ; какъ заперли его да улеглись могильщики, пошелъ на могилу, сталъ пробовать, можно ли дверь у рѣшетки отворить. Открылъ гвоздемъ. Потомъ сталъ пробовать образъ, лампадку. Жутко было. Все будто подъ землей кто ворочался. На первый разъ такъ и бросилъ, ушелъ, не глядючи. «Богъ съ нимъ, думаю, съ чужимъ добромъ!» А тутъ стали говорить хозяева въ углу, что повезутъ отца и мать въ больницу, а меня съ сестрой погонятъ. Опять стало толкать: «поди! возьми!»

Онъ вздохнулъ.

— Ну, и пошелъ опять. Тяжело было. Гвоздемъ все да отверткой ковырялъ. Инструментовъ не было. Въ три ночи все сдѣлалъ, забралъ, пошелъ. У Дѣвичьяго монастыря на дорогѣ запримѣтили меня. Взяли... избили больно дорогой...

По его исхудалымъ щекамъ медленно катились одинокія слезинки. Грудь тяжело дышала, точно послѣ долгой скорой ходьбы.

По желанію защитника, кромѣ цѣлой массы свидѣтелей изъ подвальныхъ жителей, показывавшихъ о безукоризненномъ поведеніи обвиняемаго, вызвали свидѣтельницу Марію Петровну Волошинову. Она, обыкновенно развязная и держащаяся съ достоинствомъ, вошла въ залъ несмѣлыми шагами, видимо растерявшись среди непривычной для нея офиціальной обстановки, и никакъ не могла справиться съ кружевнымъ платкомъ, все сваливавшимся съ ея плечъ и волочившимся по полу. Ей указали мѣсто посрединѣ зала лицомъ къ предсѣдателю. Начались вопросы. Она заторопилась, заговорила прежде, чѣмъ вслушалась въ предложенный ей вопросъ.

— Ничего я, господа судьи, не желаю, ничего не ищу, я человѣкъ богатый и ни съ кѣмъ не судилась. Ни въ нравахъ это у меня, ни въ обычаяхъ.

Digitized by Google

Ее попытались прервать, но она торопливо продолжала:

— Сама я во всемъ кругомъ виновата и каюсь, что подвела несчастнаго человѣка...

— Позвольте, — нетерпѣливо остановилъ ее, наконецъ, предсѣдатель. — Вы должны отвѣчать на вопросы, только на вопросы.

— Виновата, виновата, господа предсѣдатели, — сконфуженно извинилась она.—Не знаю вашихъ порядковъ. Скажу только, что сердце мое разрывается, глядя на этого соблазненнаго мною ребенка. Силъ моихъ...

Ея опять остановили. Защитникъ, едва замѣтно усмѣхаясь, задалъ ей вопросъ, помнитъ ли она, какъ она хвастала образомъ и лампадой при подсудимомъ и говорила о цѣнѣ этихъ вещей.

— Да, какъ же не помнить, Александръ Васильевичъ,— обратилась она къ защитнику: — я же сама это и разсказывала вамъ. Не будь этого...

Ей напомнили, что она должна отвѣчать предсѣдателю на вопросъ, заданный ей защитникомъ. Она въ своемъ домѣ не привыкла къ подобному способу разговора и опять немного растерялась, немного обидѣлась. Потомъ сообразила, повидимому, что дѣйствительно Александръ Васильевичъ и такъ все знаетъ, а что надо разъяснить дѣло другимъ, и начала объясненія.

— Я, видите ли, господинъ предсѣдатель, изготовила памятникъ мужу, сыну и себѣ. Заказала образъ, бронзовую раму для него, лампаду передъ нимъ. Хотѣлось все понаряднѣе, поизящнѣе. И мужъ былъ человѣкъ, любившій все нарядное да изящное, и я тоже. Извѣстно, люди богатые, можно, значитъ, привередничать, хоть кругомъ весь міръ съ голоду погибай. Что дѣлать, всѣ мы люди, всѣ человѣки! Такъ я все и сдѣлала получше, да подороже. Денегъ нечего жалѣть, на мой вѣкъ станетъ и дѣтямъ останется. Спросили за все восемьсотъ съ небольшимъ—что-жъ, и дала, лишь бы хорошо все вышло. Потомъ и еще пришлось приплатить, ну да я объ этомъ никому не говорила. Вотъ какъ изготовили все, пришла я посмотрѣть и встрѣтила знакомаго человѣка... Здѣсь онъ, — сказала она и обернулась, ища меня глазами среди публики.

— Продолжайте,—сказалъ ей предсѣдатель.

— Нѣтъ, я только смотрю его, потому подтвердить онъ можетъ...

— Я васъ прошу продолжать.

Digitized by Google

Она вздохнула, слегка пожала плечами и, опять покоряясь волѣ предсѣдателя, начала разсказывать:

— Такъ вотъ встрѣтился, говорю я, знакомый человѣкъ, я и расхвасталась! «Каково?—говорю.—Работа художественная. Восемьсотъ рублей слишкомъ стоитъ». Для меня, господинъ предсѣдатель, восемьсотъ рублей—пустяки и хвастливость не въ моей натурѣ, да и не въ такомъ положеніи я стою, чтобы хвастать, а разговорилась я объ этомъ, потому что ужъ очень вещи хороши были, и хвастала я, что дешево досталось все. Старушечья бабья слабость. А въ это время, родные вы мои, подошли къ намъ двое нищихъ: старичокъ слѣпенькій, благообразный такой, да мальчоночка съ нимъ, худой-худой. Да что мнѣ разсказывать о немъ, сами видите, господа, въ чемъ душа держится. Въ больницѣ бы ему лежать, а не здѣсь сидѣть, суда ожидая. Залюбовалась я на его волосы да глаза, да удивилась, что онъ тщедушный такой. Спросила старичка: «Хворый онъ у тебя?» а старичокъ отвѣтилъ: «Голодный». Голодный! Слово-то это какое, господинъ предсѣдатель, вы поймите: А у меня образъ да лампадка для украшенія памятника чуть не въ тысячу рублей! Тогда-то ничего этого и въ голову не пришло. Гдѣ же придти, пока Господь глазъ не откроетъ? Подала я имъ, отцу и сыну-то, гроши какіе-то, не помню, право, сколько, а сама думаю: «разспросить ихъ развѣ, да помочь имъ какъ-нибудь», а тутъ другіе нищіе нахлынули, отбою отъ нихъ нѣтъ на кладбищахъ, пьяницы да воришки все больше, и забыла я про старичка и его мальчонка. И вѣкъ себѣ этого не прощу. Натолкнула на грѣхъ человѣка, ввела въ искушеніе ..

Протасовъ задалъ ей вопросъ, не замѣтила ли она тогда же въ лицѣ или во взглядѣ молодого нищаго чего-нибудь подозрительнаго, зависти, злобы, недобраго умысла, вообще чего-нибудь такого, что дѣлало его подозрительнымъ.

Старушка быстро обернулась къ адвокату и съ жаромъ съ горькимъ упрекомъ въ голосѣ заговорила:

— Да что вы, батюшка Александръ Васильевичъ, я же сама вамъ...

Ей не дали кончить и напомнили снова, что на вопросы защитника надо отвѣчать предсѣдателю. Она, бросивъ негодующій взглядъ на адвоката, почти сердито, нѣсколько рѣзкимъ тономъ сказала предсѣдателю:

— Я не клеветать сюда пришла на невиннаго человѣка, а оправдать, потому что не онъ, а...

Digitized by Google

Предсѣдатель спросилъ, перебивая ея рѣчь, не желаетъ ли кто-нибудь сдѣлать еще какой-нибудь вопросъ свидѣтельницѣ.

— Голубчики мои, да чего же еще спрашивать-то?— быстро заговорила она, обводя всѣхъ глазами.—Я, я одна кругомъ виновата. Расхвасталась богатствомъ при голодномъ, да еще дала ему всего...

— Вы можете идти,—началъ предсѣдатель.

— Нѣтъ ужъ, господинъ предсѣдатель,—торопливо перебила она его:— никакъ не могу я уйти, пока камня съ моего сердца вы не снимете...

Ее настоятельно попросили сѣсть.

— Да совѣсть-то есть же у васъ!—вырвалось у нея изъ груди восклицаніе, и по ея старому, раскраснѣвшемуся лицу покатились слезы.

Защитникъ отыскалъ меня глазами и одобрительно кивнулъ головой съ веселой и насмѣшливой улыбкой...

Меня немного удивила рѣчь прокурора: сухая, короткая, вялая, она была сказана какъ бы нехотя, поневолѣ защитнику было легко говорить противъ такого обвинителя, и онъ блеснулъ чувствительными фразами и мрачными картинами, точно декламируя не то ловко написанный фельетонъ, не то талантливо скомпанованную передовую статью. Заканчивая этотъ фейерверкъ блестящаго краснорѣчія, онъ неожиданно произнесъ:

— Впрочемъ, что же могу сказать я лично въ защиту моего кліента, когда мы слышали здѣсь защиту той особы, которая имѣла болѣе всего правъ жаловаться на него за оскорбленіе ея святыни—ея родныхъ могилъ? Она защитила передъ вами его своимъ сердцемъ, и сердце же должно подсказать вамъ, господа присяжные засѣдатели и судьи, что надо отвѣтить вамъ на вопросъ: «виновенъ ли подсудимый».

Подсудимый былъ оправданъ. Марья Петровна такъ обрадовалась, что даже громко вскрикнула и поднялась быстро съ мѣста. Ее кто-то удержалъ, но не надолго. Едва подсудимый сошелъ, пошатываясь, со своей скамьи, какъ старушка была уже около него и, не обращая ни на кого вниманія, обняла его и, какъ мать, стала ласково гладить по головѣ.

— Натерпѣлся, натерпѣлся, родной мой!—говорила она, не помня себя отъ радости.

Протасовъ подошелъ ко мнѣ и, смѣясь, сказалъ:

Digitized by Google

— Это вѣдь она рѣчь-то защитительную сказала, а не я. Славная старушенція, а все же Коробочка. Слава Богу еще, что не доведетъ его вторично до того, что онъ на сей разъ обворуетъ ея квартиру...

Я вопросительно взглянулъ на него; онъ небрежно пожалъ плечами.

— Прожить-то ему осталось безъ году недѣля. Не поторопились бы — и судить некого было бы, — пояснилъ онъ мимоходомъ.—Чахотка въ послѣдней степени развитія...

Оправданный подсудимый и все это оконченное дѣло уже вовсе не интересовали его.

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Жёлчь.

Извините, господа, я тоже обѣщалъ вамъ разсказъ, но позабылъ объ одномъ незначительномъ препятствіи; дѣло въ томъ, что я вовсе не умѣю разсказывать... Ну, начали посмѣиваться! А, право, ничего нѣтъ смѣшного въ томъ, что разсказывать не умѣетъ человѣкъ и, сверхъ того, русскій человѣкъ, то-есть существо молчаливое, несообщительное, проводившее жизнь за перепиской бумагъ, за картами, за пляской, за попойками или въ спаньѣ, однимъ словомъ существо, которому милліоны разъ говорилось: «да какъ ты смѣешь разговаривать!» Чтобы наказать васъ за этотъ вѣтреный смѣхъ, я прочитаю вамъ чужой разсказъ, грубый до цинизма, ѣдкій до боли. Онъ попался мнѣ въ бумагахъ (между счетомъ прачки и первымъ посланіемъ Пушкина къ Чаадаеву) послѣ смерти одного изъ моихъ дальнихъ родственниковъ, Егора Дмитріевича Благолѣпова. Егоръ Дмитріевичъ былъ человѣкъ угрюмый, жёлчный, съ большими причудами, всѣ называли его мизантропомъ, боялись его ядовитаго и остраго, какъ бритва, языка, и, слыша его злобныя, нерѣдко циническія выходки, съ состраданіемъ говорили, что онъ сумасшедшій. Онъ, съ обычною своею находчивостью, очень часто проявляющеюся въ сумасшедшихъ, называлъ это мнѣніе «средствомъ удобно проглотить крупную пилюлю обиды». Какой-то старикъ назвалъ его однажды Пигасовымъ. «Этотъ мальчикъ, — сказалъ Егоръ Дмитріевичъ про старика:—кажется, до сихъ поръ убѣжденъ, что всѣ лошади сдѣланы изъ дерева, какъ его старая игрушечная лошадка». Насчетъ своихъ похоронъ онъ распорядился слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: «На гробъ пять рублей. На могилу три, а если можно заплатить де-

Digitized by Google

шевле, хоть бы и за общую, то тѣмъ лучше, товарищи меня не стѣснятъ. За отпѣваніе рубль. Могильщику полтинникъ. На свѣчи полтинникъ. Читальщика не надо, въ видахъ экономіи я самъ прочиталъ весь псалтырь при жизни. Гости, если таковые придутъ провожать мое тѣло и сплетничать о моемъ прошломъ, могутъ идти по своимъ домамъ и тамъ помянуть меня; если же они ничего не изготовятъ въ этотъ день, надѣясь на поминки, въ чемъ я вполнѣ увѣренъ, то тѣмъ лучше: они узнаютъ правдивость того правила, что на чужой коровай рта не разѣвай. Все остальное имущество и деньги отдать кончающему курсъ гимназисту Ивану Андрееву Лукину; ему деньги нужнѣе, чѣмъ моему скелету приличныя похороны». Послѣ смерти чудака всѣхъ удивило то, что онъ постоянно давалъ даровые уроки шестерымъ бѣднымъ мальчуганамъ и такъ привязалъ ихъ къ себѣ, что они рыдали, какъ большіе, надъ его трупомъ. Кромѣ ихъ, выла надъ нимъ какая-то старая собака...

Потрудитесь придвинуть ко мнѣ свѣчу. Я начинаю чтеніе.

«Вотъ опять зима наступила, шестидесятая зима въ моей жизни, и такая же она суровая, такая же долгая, какою была и въ тотъ годъ, когда, при свѣтѣ сальнаго огарка, подъ вой мятели и проклятья пьянаго отца, я впервые почувствовалъ холодъ жизни и обрадовалъ или опечалилъ, право, не знаю навѣрное, свою бѣдную мать первымъ крикомъ существованія. Боже мой, Боже мой, сколько перемѣнъ въ средствахъ, въ чувствахъ, въ убѣжденіяхъ пережилъ я въ эти шестьдесятъ ничѣмъ не отличавшихся другъ отъ друга зимъ! Съ какимъ телячьимъ восторгомъ привѣтствовалъ я первый снѣжокъ, крутившійся въ воздухѣ, въ тѣ дни, когда, въ какомъ-то капуцинѣ—халатѣ домашняго изобрѣтенія—бѣжалъ я въ прискачку въ уѣздное училище съ ватагой Сенекъ, Ванекъ, Мишекъ, оставшихся на вѣки-вѣчные Сеньками, Ваньками и Мишками... Впрочемъ, виноватъ, одного изъ нихъ уже публично признали за Симеона—при отпѣваніи его тѣла... Коньки, салазки, снѣжки, осады снѣжныхъ крѣпостей, ледяныя горы,—все, все радовало маленькое, глупенькое сердчишко. Зато съ какой горечью, съ какой малодушной завистью встрѣчалъ я зиму, отправляясь въ легкомъ пальто на нелюбимую службу, не имѣя теплой одежонки и видя закутанныхъ въ енотовыя шубы богачей. Какъ я проклиналъ зиму, когда въ эту пору больная мать, завернувшись въ послѣдніе лохмотья, не могла отогрѣть

Digitized by Google

своего продрогшаго въ холодной каморкѣ тѣла, и тихо, какъ догорѣвшая до конца свѣча, гасла, гасла до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, всѣ свыклись съ мыслью о близости и необходимости ея смерти, и рѣшились по дружбѣ изъявлять мнѣ сожалѣніе, что я связанъ старухою по рукамъ и по ногамъ, что пора бы ей дать мнѣ покой и не заѣдать молодого вѣка. Эти намеки пробудили первые упреки моей совѣсти и сомнѣніе въ прочности человѣческихъ чувствъ, потому что эти же позорныя мысли, безъ моей воли, уже не разъ мелькали въ моей головѣ и заставляли создавать планы лучшей жизни, когда умретъ мать. «Нищета, нищета,—воскликнулъ я, поддаваясь отчаянію:—ты отняла у насъ все, даже сладость святой, безкорыстной любви. Твои члены любятъ другъ друга, покуда каждый можетъ добывать свою долю насущнаго хлѣба. Ты сдѣлала человѣка звѣремъ! Но, можетъ-быть, это только я такъ чёрствъ; можетъ-быть, только я такъ мало люблю свою мать, что въ меня закралась мысль о необходимости ея смерти? Нѣтъ, нѣтъ, тогда почему бы знали посторонніе люди, что эта мысль возможна? Какъ смѣли бы они оскорблять меня въ глаза, если бы эта мысль была нравственнымъ уродствомъ? Развѣ смѣетъ кто-нибудь сказать своему собрату: «Какъ жаль, что у тебя нѣтъ ножа, чтобы зарѣзать своего друга!» Нѣтъ, моя мысль была нормальнымъ явленіемъ. Всѣ бѣдняки думаютъ *такъ* въ подобныхъ обстоятельствахъ, и всѣ люди знаютъ это... Но вотъ мать угасла совсѣмъ, и мнѣ осталось одно: купить гробъ, чтобъ сложить въ него худой трупъ, похоронить его и на другой день, чувствуя ознобъ, позавидовать участи покойницы. Какъ искренно ненавидѣлъ я тогда зиму, такую же точно зиму, какую я хотѣлъ бы продлить безъ конца черезъ десять лѣтъ послѣ смерти матери, выбившись изъ нужды, сидя въ собственномъ домишкѣ, наслаждаясь долгими, темными вечерами съ молодой, чудной женою, любуясь рѣзвымъ огонькомъ въ печи, отдыхая подъ звуки любимаго голоса, шептавшаго мнѣ «ты скоро будешь отцомъ!» Какимъ нѣжнымъ, чуткимъ и женственно-нервнымъ существомъ былъ я прежде, какимъ чёрствымъ, сухимъ и суровымъ смотрю я теперь, и только тогда, когда я проклинаю прошлое, проклинаю ту зиму, съ которой начался внутренній переворотъ; только тогда я еще чувствую, что я человѣкъ, что во мнѣ не все убито, что если у меня нѣтъ силы спасти падшаго, то есть сила бросить комокъ грязи въ лицо его враговъ... Вы любите потрясающіе разсказы, они васъ

Digitized by Google

потѣшаютъ. Оно и точно: отрадно въ теплой комнатѣ, въ кругу друзей, среди прекрасной обстановки, послушать, какъ страдаютъ, какъ гибнутъ наши братья и, дослушавъ послѣдніе крики ихъ страданій, проклятій и позора, отправиться къ мягкой постели и чувствовать, что сонъ клонитъ сильнѣй послѣ всѣхъ этихъ прослушанныхъ ужасовъ, что на душѣ дѣлается спокойнѣе... Не вздумайте отвергать этихъ словъ, не вздумайте разсмѣшить меня до колотья увѣреніемъ, что вы этими разсказами хотите смягчить свое сердце, наполнить его состраданіемъ и любовью къ ближнимъ. Вздоръ! Не смягчить его разсказомъ, если его не смягчила жизнь! Она мечется въ глаза страшнѣе самыхъ страшныхъ повѣствованій; даже я, задыхающійся отъ жёлчи, пропитанный ею до мозга костей, не могъ бы передать вамъ милліонной частицы ужасовъ жизни. Но тебя, блестящая львица модныхъ баловъ, тѣшутъ эти разсказы, потому что ты, видя въ нихъ, какъ оскорбляютъ и позорятъ развратники твою бѣдную сестру, можешь радоваться тому, что эти же люди трепещутъ передъ тобою и едва смѣютъ коснуться твоей руки на балѣ. Ты, накопившій имѣнье отецъ, читая про раздоры въ семьѣ, неразлучные съ нищетою, радуешься своему богатству и убѣждаешься все сильнѣе и сильнѣе, что оно крѣпко и надолго привяжетъ къ тебѣ покорность твоихъ сыновей. Ты, любящая мать, слыша, что честная труженица неизбѣжно должна погибнуть въ нуждѣ, а богатая вѣтреница непремѣнно найдетъ жениха по душѣ и будетъ главою въ будущей семьѣ, ты успокоиваешься насчетъ участи своей дочери и засыпаешь съ ясной улыбкой. Да, это все такъ, это все въ порядкѣ вещей, людямъ никогда не надоѣдятъ новыя подтвержденія ихъ силы, счастья и славы. Поэтъ съ трепетомъ прочитываетъ страницы, написанныя по поводу его произведеній, и спѣшитъ убѣдиться, что онъ все попрежнему первый пѣвецъ на родинѣ, что все попрежнему раздаются сѣтованія о малочисленности талантовъ,— и благодаритъ Бога за эту малочисленность, радуется, что въ теченіе десятковъ лѣтъ продолжается застой и не является никакого другого, болѣе могучаго генія... Слушайте же горькіе разсказы, наслаждайтесь, спите сладкимъ сномъ, будьте счастливы и, чтобы ваше счастье было еще полнѣе, даже я, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ горя и жёлчи, какъ подачку, какъ милостыню, какъ обглоданную кость, бросаю вамъ мой разсказъ. Вы его возьмете, вы насладитесь имъ, и я улыбнусь своей злобной улыбкой, потому что въ эту

Digitized by Google

минуту мнѣ удастся стать выше васъ, дать подаянье богачу отъ жалкой трапезы нищаго.

Я уже сказалъ, что я родился бѣднякомъ, и тутъ же имѣлъ смѣлость, глядя вамъ прямо въ глаза, замѣтить, что у меня былъ послѣ собственный домишко. Въ эту минуту—не надѣвайте своей обычной маски лицемѣрія, долой ее, скорѣе долой! — въ эту минуту въ вашихъ головахъ промелькнула мысль: «подлецъ, вѣрно, взятками нажился!» Вы добрые, вы честные люди, и потому вамъ позволительно, вамъ естественно подозрѣвать каждаго изъ окружающихъ въ подлости, во взяточничествѣ, во всѣхъ гнусныхъ порокахъ. Иначе почему бы вамъ и слыть добрыми и честными? Не считайся другіе подлецами, и васъ сволокли бы съ пьедесталовъ и назвали бы обыкновенными, — не добрыми, не злыми, не честными, не подлыми,—а обыкновенными смертными, исполняющими свои обязанности—и не болѣе, исполняющими ихъ, потому что надъ всѣми есть и карающій законъ, и бдительное общественное мнѣніе, и судящій Богъ... Но вы ошиблись въ своемъ предположеніи: я не былъ подлецомъ. Теперь я въ этомъ сильно раскаиваюсь... Румянъ, скорѣе румянъ! слушатели хотятъ нарумянить свои щеки и сказать мнѣ, что они краснѣютъ за мое признаніе... Я не употребляю румянъ, и только потому говорю безъ краски на лицѣ, что раскаиваюсь въ своей честности, но поздно; старъ я сталъ, къ новому образу жизни привыкать трудно, да и не стоитъ, некому копить деньги. Развѣ на поминовеніе души?.. Въ первые годы юности, меня спасли отъ подлости не книги, не люди, не разсудокъ, но особенности моей натуры: нервность, впечатлительность, самолюбіе. То я слезъ бѣдныхъ просителей не могъ видѣть и хлопоталъ для нихъ даромъ (то-есть за казенное жалованье, что и называется даромъ); то меня раздражала наглость сильнаго негодяя, хвалившагося возможностью согнуть въ бараній рогъ слабаго противника; то душа возмущалась тѣмъ, что люди смѣютъ бросить мнѣ взятку только потому, что я нищій и что они считаютъ меня рабомъ, готовымъ лизать ихъ ноги за ихъ проклятое богатство. Ну, вотъ и не бралъ взятокъ, а работалъ. Что работалъ? Все! Пѣшкомъ въ столицу ушелъ, въ университетѣ вольнослушателемъ былъ, бумаги переписывалъ, сапоги себѣ чинилъ, бѣлье штопалъ, за четвертаки дѣтей грамотѣ училъ, полы въ своей комнатѣ шваброй мылъ, на кандидата экзаменъ выдержалъ... Всѣ, кто меня зналъ, умные, глупые, ученые и необразованные, всѣ звали меня

Digitized by Google

или скрягой, или человѣкомъ съ низкой душой, и нашлись такіе остряки, которые увѣряли, что своими глазами видѣли, какъ я шелъ въ прачечную съ корзиной грязнаго бѣлья на головѣ, какъ потомъ полоскалъ его на рѣкѣ и послѣ разносилъ накрахмаленныя и выглаженныя мною юбки давальцамъ. Нашлись и такіе, которые улыбались этимъ остротамъ, какъ улыбаетесь въ настоящую минуту и вы... До меня доходили эти слухи: вѣдь бѣднякамъ и въ глаза такія вещи говорятъ, — и я все выше и выше поднималъ голову, все смѣлѣе и тверже глядѣлъ въ глаза этимъ людямъ и—странное дѣло!—немногіе выносили взглядъ этого человѣка съ низкой душой! Нашлась женщина, которая вынесла этотъ взглядъ, которая отдала за него всю жизнь,—поймите это!—молодую, чудную, непорочную жизнь. Веселъ былъ нашъ трудъ вдвоемъ. Еще веселѣе было намъ, когда мы вошли въ домишко, состоявшій изъ четырехъ комнатъ, и сказали: «это нашъ домъ!» Тутъ была и гордость, и радость, и надежда на свѣтлые дни. И точно, эти дни настали: я, жена и нашъ сынъ были однимъ человѣкомъ. Это былъ крѣпкій союзъ. Часто оскорбляли или огорчали того или другого изъ насъ люди, но мы сходились вмѣстѣ и весело смѣялись надъ людьми, надъ ихъ гнусной злобишкой, стараніемъ ужалить въ пятку, подкрасться сзади, обобрать соннаго, опозорить отсутствующаго. Эта злоба могла насъ лишить всего, кромѣ нашей честности, кромѣ нашей любви. Я помню, какъ-будто это было вчера, одинъ вечеръ, когда нашъ сынишка пришелъ изъ школы красный, какъ вареный ракъ, взволнованный до-нельзя, и съ раздраженіемъ началъ разсказывать о случившейся непріятности.

— Риль,—говорилъ онъ на своемъ дѣтскомъ, безсвязномъ языкѣ, похожемъ на лепетъ: — спрашивалъ классъ. Семеро не знали. Я сталъ отвѣчать. Онъ не разслышалъ, сказалъ: «Ты тоже не знаешь!» А я все зналъ. Это онъ солгалъ. Теперь у меня дурной баллъ...

— Успокойся, — промолвилъ я, слыша въ его голосѣ слезы.—Отвѣть мнѣ урокъ—вотъ и конецъ весь. Что тебѣ за дѣло до балловъ.

Сынишка отвѣтилъ отлично.

— Ну, и молодецъ!—сказалъ я, весело смѣясь.

— А какъ же въ школѣ? Я ниже другихъ буду...

— Такъ что жъ такое? Вѣдь ты знаешь. Что ты лучше ихъ сдѣлалъ свое дѣло, и этого съ тебя довольно.

Я развилъ передъ сыномъ цѣлый рядъ понятій и взгля-

Digitized by Google

довъ, которые поддерживали меня самого въ жизни. Я показалъ ему, что человѣкъ долженъ поступать честно для самого себя, для своей совѣсти, что хорошіе поступки не требуютъ награды. Конечно, я не сказалъ ему, что до сихъ поръ въ человѣческомъ обществѣ, по большей части, правдивые страдаютъ, что негодяи торжествуютъ, что честность есть своего рода оригинальничанье... Въ то время я и самъ не совсѣмъ убѣдился въ этомъ и воображалъ, что какой-нибудь честный Иванъ блаженствуетъ, умирая съ голода за свою честность, а взяточникъ Григорій не знаетъ ни днемъ, ни ночью покоя, и мучится, видя, какъ передъ нимъ ползаютъ и умные, и честные, какъ всѣ его уважаютъ, какъ ему открываются всѣ житейскія наслажденія...

Ребенокъ съ этого дня сталъ бодрѣе учиться. Сначала онъ былъ робокъ передъ учителями, теперь былъ спокоенъ, твердъ, зная, что не ихъ баллы, а его совѣсть должна быть его высшимъ судьей. Когда баллы были худы, онъ прямо приходилъ ко мнѣ, отвѣчалъ урокъ и успокоивался. Съ этого дня онъ хотя и инстинктивно, но сталъ дорожить нашимъ союзомъ.

Чего бы, кажется, было нужно еще? Счастіе было полное, мы могли жить, попѣвая пѣсенки à la Béranger. Но мы смотрѣли на жизнь болѣе трезво. Ребенокъ или Béranger, это все равно, унесенный въ лодкѣ волнами моря, можетъ спокойно плести вѣнки изъ сорванныхъ на берегу цвѣтовъ; но взрослый человѣкъ въ этомъ положеніи будетъ выносить страшную муку, зная, что лодка не колыбель, что море не твердая земля. Счастье человѣка не имѣетъ никакого будущаго, если общество не дорожитъ сохраненіемъ, цѣлостью этого счастья, если оно старается разрушить это счастье. Каждый человѣкъ долженъ самъ устраивать свое счастье, но общество должно его застраховать; иначе... иначе будетъ та же глупая жизнь наугадъ, какою всѣ живутъ до сихъ поръ, будетъ то же хожденіе впотьмахъ, ощупью, тотъ же страхъ передъ завтра. Мы всѣ это знали, и иногда бывали у насъ минуты неодолимой грусти. Разумѣется, вы не поймете этой грусти. On danse chez vous sur le volcan! Вы должны кругомъ, у васъ долговъ больше, чѣмъ волосъ на головѣ—и все-таки вы весело скачете въ бѣшеномъ вальсѣ, въ этой современной пляскѣ св. Витта, не заботясь о томъ, что завтра, послѣ этой Вальпургіевой ночи, васъ могутъ стащить въ тюрьму неисправныхъ должниковъ. Она полна но дай Богъ, чтобы въ ней нашелся уголъ и для васъ!

Digitized by Google

Жена, я и сынъ были нервными, впечатлительными людьми; насъ тревожило малѣйшее горе, посѣтившее ближняго, давило безучастіе другихъ къ этому горю. Вамъ покажется это смѣшнымъ, дѣтскимъ, болѣзненнымъ малодушіемъ, негоднымъ въ обществѣ; вы всѣ знаете пословицу: на кладбищѣ живешь, такъ всѣхъ покойниковъ не оплачешь, этимъ себя только встревожишь, надо быть твердымъ. Я самъ теперь вполнѣ согласенъ съ вами, умные, твердые люди, и никто изъ васъ не можетъ похвалиться такою твердостью, какъ моя... Въ такомъ настроеніи застала насъ та роковая зима, съ которой началось мое перерожденіе. Зима была суровая; богатые люди кутались въ шубы и прятались въ каретахъ; побѣднѣе люди запасались двойнымъ бѣльемъ, фуфайками и кутались въ шинели; совсѣмъ бѣдные отогрѣвали себя водкою, откупъ торжествовалъ, у этихъ бѣдняковъ не было ни фуфаекъ, ни шубъ, ни каретъ: итакъ, слава тому, кто первый превратилъ хлѣбъ въ вино! Ставьте ему монументъ, бѣдняки, напивайтесь до-пьяна страшнаго зелья, заливайте имъ свое горе, разливайте имъ въ своихъ жилахъ адскій огонь, наперекоръ трескучимъ морозамъ, придавайте имъ силы на зло забивающей васъ судьбѣ, и когда горе захватитъ за самое сердце, пойте веселыя пѣсни, громкія, пьяныя пѣсни, будите ими уснувшихъ дѣтей, пугайте ими запоздалаго пѣшехода, тревожьте сонъ сибарита!..

Дѣло было около Рождества; пошелъ я купить елку для сына и десятилѣтней дочери. Какъ-то особенно тяжело было мнѣ въ этотъ день, меня рѣзали по-сердцу жалобные голоса изморившихся нищихъ, бродившихъ около возовъ съ провизіей и выпрашивавшихъ гроши у покупавшихъ дичину богачей. Мнѣ было просто совѣстно тащить десятокъ куръ, пробиваясь между людьми, у которыхъ, можетъ-быть, нѣтъ хлѣба. Закупивъ нужное, я поѣхалъ домой; подъѣзжаю и вижу у своего домика стеченіе празднаго народа. Я заглянулъ, на что смотрятъ любопытные, и увидалъ лежащаго на снѣгу человѣка.

— Что это, пьяный?—спросилъ я.

— Пьяный, батюшка,—отвѣчали мнѣ.

— Надо его подобрать, гдѣ подчасокъ?

Я послалъ за подчаскомъ и, наскоро сунувъ провизію и елку въ кухню, вышелъ снова на улицу. Посланный возвратился и объявилъ, что подчаска нѣтъ, а будочникъ не можетъ отойти отъ будки. Я тотчасъ сообразилъ, что человѣкъ можетъ замерзнуть, и рѣшился внести его въ свой

Digitized by Google

домъ. Въ эту минуту по улицѣ проѣхала карета и остановилась.

— Что вы смотрите?—спросилъ выпрыгнувшій изъ кареты баринъ.—Человѣкъ замерзнуть можетъ, а вы помочь не хотите, мерзавцы! Каждый изъ васъ можетъ завтра же быть въ такомъ положеніи, значитъ надо и другихъ спасать, чтобы отъ нихъ помощи для себя требовать.

— Я его сейчасъ къ себѣ на домъ хочу отнести,—сказалъ я.

— И прекрасно сдѣлаете,—замѣтилъ господинъ.—Удивительный у насъ народъ, скоты безчувственные какіе-то: посмотрѣли бы вы за границей, тамъ общество само подаетъ помощь своимъ членамъ въ подобныхъ случаяхъ, а не ждетъ полиціи. У насъ же человѣкъ можетъ погибнуть на улицѣ, а помощи не дождется. Никто не понимаетъ, что въ этихъ случаяхъ нужна самодѣятельность общества...

Господинъ говорилъ такъ, какъ говорятъ всѣ господа и какъ вслѣдъ за господами пишутъ всѣ журналисты, слѣдующіе своимъ обезьяньимъ наклонностямъ. Я читалъ постоянно газеты и могъ угадать впередъ, что скажетъ мнѣ этотъ баринъ, а потому и поспѣшилъ, не тратя словъ, приступить къ дѣлу.

— Ну, братцы, пособите поднять его,—сказалъ я.

Бо́льшая часть толпы торопливо разошлась при этихъ словахъ, въ остальной пробѣжалъ ропотъ.

— Охота связываться! наживете бѣды!—говорили голоса.

— Свиньи!—крикнулъ баринъ и велѣлъ сойти своему кучеру и помочь мнѣ.

Перенесли бѣднягу ко мнѣ. Я велѣлъ его оттирать, а самъ побѣжалъ въ полицію дать знать. Въ кухнѣ мнѣ попались дѣти, печально ходившія около елки: ихъ встревожило появленіе въ квартирѣ пьянаго человѣка, котораго они считали за мертвеца.

— Что вы, городовой, что ли, что съ улицъ пьяныхъ подбираете?—обидчиво замѣтилъ мнѣ надзиратель, когда я пришелъ въ кварталъ.

— Не городовой, но будочникъ и подчасокъ не явились на зовъ, а человѣкъ могъ бы замерзнуть.

— Ну, и замерзъ бы, такъ не вы бы отвѣчали,—холодно отвѣтилъ надзиратель.

— Вѣдь это безчеловѣчно! Этакъ можно даже допустить убить человѣка у нашихъ оконъ, благо мы отвѣчать не будемъ, оправдываясь тѣмъ, что мы спали и не слыхали криковъ.

Digitized by Google

— Ну, это философія! — воскликнулъ надзиратель и послалъ со мною полицейскихъ солдатъ; хотя я требовалъ доктора, но его не было дома.

Пришли домой, а пьяный все еще не пришелъ въ чувство. Солдаты и я подумали-подумали и рѣшили, что надо, во что бы то ни стало, призвать доктора. Тотъ только-что возвратился къ себѣ въ квартиру и разсердился, что я зову его къ пьяному.

— Это много будетъ, если я ко всѣмъ пьянымъ мужикамъ ходить буду.

— Но вы обязаны; я говорю, что онъ не приходитъ въ чувство.

— Привезите его сюда, тогда увидимъ.

— Но онъ на дорогѣ можетъ умереть.

— Это не ваше дѣло.

— Послушайте, докторъ, я на васъ жаловаться буду. Вы имѣете дѣло не съ мужикомъ, который сталъ бы молчать.

— А! вы жаловаться будете!—промолвилъ страннымъ и зловѣщимъ голосомъ докторъ.—Извольте, я пойду.

Пришли мы. Докторъ освидѣтельствовалъ пьянаго и объявилъ, что онъ избитъ. Наѣхала полиція, составили актъ, пьянаго повезли въ больницу, на дорогѣ онъ умеръ. На другой день меня потребовали къ допросу, продержали долго; дерзости, надѣланныя мнѣ допросчиками, вызвали съ моей стороны нѣсколько жёлчныхъ и крайне рѣзкихъ отвѣтовъ.

— Мы пошлемъ справиться о васъ въ вашъ департаментъ,—сказалъ приставъ.—Вы дѣлаете дерзости здѣсь, то не мудрено, что вы и деретесь съ людьми, которые ниже васъ.

— Не думаете ли вы, что я убилъ этого человѣка?

— Я ничего не имѣю права думать, а собираю справки,— сказалъ онъ съ иронической улыбкой.

— Кажется, дѣло ясно: напротивъ моего дома кабакъ, тамъ, вѣроятно, пьяный и былъ избитъ.

— Очень ловкое объясненіе. Но, къ сожалѣнію, цѣловальникъ говоритъ, что этотъ человѣкъ не былъ въ кабакѣ.

— Онъ можетъ врать...

— Очень можетъ быть. Найдите свидѣтелей, что онъ вретъ, мы вамъ будемъ очень благодарны, это распутаетъ дѣло.

Вбѣшенный этой сценой, я возвратился домой; конечно, о елкѣ, о веселой встрѣчѣ праздника не было и помину.

Digitized by Google

На дѣтей пьяный подѣйствовалъ очень непріятно; они услыхали, что онъ умеръ на дорогѣ, и стали бояться мертвеца, не рѣшаясь пройти по темной комнатѣ. Я былъ раздраженъ и безъ того, и потому не мудрено, что не попробовалъ разъяснить имъ всю глупость ихъ страха, представивъ его въ смѣшномъ видѣ, а прикрикнулъ на нихъ и еще болѣе испугалъ ихъ. Жена была молчалива и какъ-то непріятно строга. Черезъ два дня въ департаментѣ позвалъ меня къ себѣ директоръ.

— Что у васъ тамъ за дѣло съ полиціей завязалось?— спросилъ онъ съ недовольнымъ видомъ.

Это былъ баринъ чопорный, брюзгливый, отличныхъ воспитанія, тона и фамиліи; онъ относился о полиціи съ крайнимъ пренебреженіемъ и, вѣроятно, попалъ бы въ бѣду за этотъ отчаянный либерализмъ, если бы его положеніе въ свѣтѣ не позволяло ему либеральничать какъ угодно и не дѣлало этихъ вольностей довольно миленькимъ кокетствомъ.

Я разсказалъ ему всю исторію.

— Помилуйте, надо не имѣть ни капли смысла и такта, чтобы поднимать пьяныхъ съ улицы и тащить ихъ къ себѣ въ домъ. Вы могли бы просто послать своего дворника за этими—какъ ихъ тамъ зовутъ?—квартальными, подчасками, кажется, такъ?

— Но это все было бы слишкомъ длинно, а я и то разсказываюсь въ своей медленности и раздумьѣ.

— Я думаю, ваша жена очень вамъ благодарна за этого гостя, — улыбнулся директоръ своей тонкой, насмѣшливой улыбкой.

У него были прекрасныя манеры.

— Моя жена—женщина, а не истуканъ съ надписью: «человѣкъ!»

— То-есть, что вы этимъ хотите сказать? — прищурился директоръ, выглянувъ изъ-за бумагъ.

— То, что она понимаетъ необходимость подавать помощь ближнимъ, пьянымъ или ограбленнымъ, генераламъ или мужикамъ—это для нея все равно.

— Вотъ-съ какъ. Совершенство въ чиновническомъ мірѣ! Я преклоняюсь передъ добродѣтелями вашей жены, засвидѣтельствуйте ей мое почтеніе... Только я попрошу васъ: въ другой разъ, если вы будете имѣть дѣло съ этими слѣдственными подчасками, то не тревожьте департаментъ. Я не желаю, чтобы мои чиновники имѣли дѣло съ полиціей,

Digitized by Google

и если они будутъ имѣть съ нею дѣло, то я попрошу ихъ не доводить этого до меня.

Директоръ вздохнулъ, окончивъ эту рѣчь. По своему положенію въ свѣтѣ, онъ имѣлъ полное право управлять русскими и не умѣлъ говорить по-русски; если онъ говорилъ: «подайте мнѣ бумагу съ карандашомъ», то это значило: «подайте бумагу, на которой написано карандашомъ».

— Надѣюсь, что вы дали обо мнѣ хорошій отзывъ?

— Я вашей частной жизни не имѣю счастья знать.

— Но вы знаете мою служебную дѣятельность и можете судить по ней о моей частной жизни.

— Помилуйте, люди такъ разны въ разныхъ положеніяхъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Ахъ, Боже мой, что я не знаю вашей частной жизни.

— Значитъ, полиція можетъ считать меня и за негодяя, и за мерзавца?

— Это не мое дѣло... Извините, мнѣ крайне совѣстно, но у меня есть дѣло теперь.

Директоръ вѣжливо и сухо раскланялся со мною

Я вышелъ отъ него въ какомъ-то чаду. Дома меня уже ждало приглашеніе изъ полиціи. Начали меня таскать... Черезъ мѣсяцъ я былъ принужденъ продать за шестьсотъ рублей свой домишко и переѣхать на вольную квартиру въ двѣ комнаты... На моей шеѣ былъ уже долгъ... Надо мной висѣла черная туча, я былъ озлобленъ, измученъ, униженъ. Жена хворала, ее душилъ кашель... Знаете ли вы, что такое бѣдность? Какъ не знать: вы на художественной выставкѣ видѣли картинку, гдѣ былъ нарисованъ нищій: помните, какъ красиво выглядѣла заплата на его зипунѣ? Но знаете ли вы, что у бѣдняковъ постоянные ссоры, раздоры, непріятности изъ-за лишняго куска хлѣба, изъ-за копейки, переданной на рынкѣ кухаркою, которую непремѣнно считаютъ воровкою? Знаете ли вы, что каждый намекъ, каждое неумышленное рѣзкое слово, произнесенное однимъ членомъ бѣдной семьи, оскорбляютъ и вызываютъ на отвѣтъ другого ея члена? Гдѣ вамъ это знать! Этого нѣтъ на художественной выставкѣ!..

— Папа, нищенка пришла, милостыни проситъ,—сказала мнѣ однажды моя дочь, когда нужда была въ полномъ своемъ развитіи.

Я стиснулъ зубы и, молча, продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Пусть проситъ, мы сами скоро нищими сдѣлаемся!— съ раздражительностію сказала моя жена.

Digitized by Google

Бѣдная женщина страдала за дѣтей, зная, что теперь-то и были нужны деньги на ихъ воспитаніе, что Сашенькѣ не худо бы имѣть и особый уголъ для выучиванія уроковъ, что въ общей комнатѣ, подъ говоръ разныхъ гостей и посѣтителей, плохое ученье.

— Что это ты пророчишь?— замѣтилъ я. — Ограбилъ я, что ли, свою семью, что меня упрекать можно?

— Я не упрекаю, но согласись самъ, что почти нечѣмъ за Сашу платить въ школу. Ты впутался въ дѣло, когда въ нашемъ положеніи надо было благодарить Бога, что насъ не трогаютъ, не замѣчаютъ,

— Хорошій ты примѣръ подаешь дѣтямъ. Эгоизмъ, самый гнусный эгоизмъ проповѣдуешь! Ты, вѣрно, изъ нихъ негодяевъ приготовить хочешь. Это, точно, поможетъ имъ нажить богатство и не разориться, какъ разорился ихъ дуракъ-отецъ. Погоди, они еще купятъ тебѣ дорогихъ нарядовъ...

Несчастная жена задрожала, ее поразила моя жёлчная выходка. Я отвернулся отъ нея и ушелъ за перегородку. На ея лицѣ я впервые замѣтилъ зловѣщія, красныя пятна, и меня ужаснула мысль, что я самъ оборвалъ еще одну изъ нитей ея жизни. Я видѣлъ, какъ она прижала къ своей груди дѣтей, точно кто-нибудь хотѣлъ ихъ отнять у нея, какъ цѣловала она ихъ, какъ плакала надъ ними; я страдалъ, хватался за голову, сходилъ съ ума. Но я не могъ выйти къ ней, не могъ у ея ногъ вымолить себѣ прощеніе, настолько честности во мнѣ не было: для этого я былъ *слишкомъ мужчина*, если можно такъ выразиться. Но и въ васъ, во всѣхъ васъ, мои собратья, не нашлось бы этой готовности въ такую минуту. Дѣти, видѣвшія слезы матери, слышавшія мои гнѣвныя слова, злобный голосъ, но не знавшія, что творилось въ моей душѣ, естественно, присмирѣли и дичились меня во весь этотъ день. Это еще болѣе оскорбляло и раздражало меня; я не поцѣловалъ ихъ, какъ дѣлалъ это обыкновенно передъ отходомъ ко сну. На другой день, утромъ, они поцѣловали мою руку и быстро отошли отъ меня, не дожидаясь, почти избѣгая моего поцѣлуя... Весь слѣдующій день я былъ хмурымъ и употреблялъ нечеловѣческія усилія побѣдить себя. Вечеромъ сталъ спокойнѣе.

— Маша,—сказалъ я женѣ:—прости меня!

— За что, мой другъ?—произнесла она голосомъ, который рѣзалъ мой слухъ; въ немъ была кроткая, но холодная покорность.—Ты ни въ чемъ не виноватъ...

Digitized by Google

— Нѣтъ, я знаю, что я виноватъ!

— Мой другъ, я говорю, что ты не виноватъ. Я, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ, такая слабая, такъ еще привыкла къ внѣшнему блеску, къ этимъ женскимъ тряпкамъ, что меня стоило попрекнуть ими.

— Нѣтъ, нѣтъ!—говорилъ я, слушая эти слова глубокооскорбленной женщины и зная, что каждая стремящаяся къ развитію женщина, сознавая слабость своего пола, не выноситъ ни малѣйшаго намека на эту слабость со стороны мужчины.

— Я кругомъ виноватъ, я это вполнѣ чувствую...

— Ты такой добрый, мой другъ,—заговорила она.— Ты перенесъ всѣ лишенія; я знаю, какъ ты выбился изъ нужды, ты и теперь выбьешься изъ нея, не падешь духомъ: но я слаба, я не успѣла, или, лучше сказать, не умѣла закалиться; я, какъ ребенокъ, любовалась твоимъ мужествомъ и попрежнему была малодушна. Только теперь я сознаю, что дѣйствительно меня занимали, можетъ-быть, тряпки, что я не стоила быть твоей союзницей, что я въ непростительномъ самообольщеніи считала себя равною тебѣ. О, какъ бы много я дала, если бы было возможно воротить назадъ три дня и умереть тогда, а не теперь! —зарыдала она.

— Маша, Маша!—въ волненіи воскликнулъ я и припалъ къ ея рукѣ своими губами.

Она наклонилась ко мнѣ, цѣловала мою голову, мои глаза, ея слезы катились на мои руки, на мое лицо.

Въ эту минуту мы прощались съ прошлымъ; моя Маша самовольно, безропотно, съ неодолимой грустью, выходила изъ роли союзницы и дѣлалась моей ученицей, рабой, и я не могъ всѣми силами міра передѣлать этого, возвратить былое. Эти поминки старой жизни рѣшили все. Я сталъ слѣдовать за больной женщиной-ребенкомъ, какъ нянька, какъ вѣрный песъ, какъ рабъ, и все-таки чувствовалъ, что этотъ ребенокъ считаетъ себя и есть на самомъ дѣлѣ слабѣе меня, ниже меня.

Сентиментальность! глупость! идеальничанье! Да, да, эмансипаторы женщинъ, такими словами встрѣтите вы эти строки, и будете правы, *васъ* нисколько не потревожитъ, если *вашей* жена станетъ вашимъ ребенкомъ, *вы* требуете равноправности не для нея: вы рады тѣшить ее тряпками и играть роль повелителей.

А денегъ между тѣмъ было мало... Квартира, докторъ и лѣкарства для жены, вотъ тѣ новые расходы, которые, во-

Digitized by Google

первыхъ, принудили меня перемѣстить сына изъ дорогой школы въ гимназію, то-есть заставить его подлаживаться подъ характеры новыхъ учителей и подъ новую методу преподаванія; во-вторыхъ, заставили меня приняться давать уроки постороннимъ дѣтямъ, то-есть находиться постоянно внѣ дома, знать, что, при лежащей въ постели, раздраженной матери, дѣти постоянно будутъ безъ надзора. Черезъ два года жена умерла. Я остался одинъ съ дѣтьми, но съ какими дѣтьми? Съ сыномъ болѣзненно-раздражительнымъ въ дѣлахъ, касавшихся лично его, и холоднымъ, безстрастнымъ въ дѣлахъ, касавшихся другихъ людей. Съ дочерью капризной и лѣнивой, уже на одиннадцатомъ году думавшей о тряпкахъ, завидовавшей своимъ богатымъ подругамъ. Попробовалъ я ихъ исправить, мнѣ казалось это не труднымъ, такъ какъ они испортились только въ какіе-нибудь два-три года, но дѣло оказалось неисправимымъ. Три года были для ихъ судьбы вѣчностью: дурное сѣмя, говорятъ, быстро даетъ плоды и заглушаетъ хорошее, посѣянное съ огромнымъ трудомъ, политое потомъ... Стоитъ ли говорить о семейныхъ сценахъ раздоровъ? Стоитъ ли хвастать тѣмъ, что моя дочь вышла замужъ за богатаго старика, что она имѣла важнаго любовника, что ее считали законодательницей модъ въ пошлѣйшемъ свѣтѣ, что она не замерзла безъ одежды на улицѣ, а умерла, наѣвшись мороженаго въ безпутно-блестящемъ маскарадѣ? Пожалуй, иные, услышавъ это, ночь не будутъ спать отъ зависти. Или вамъ угодно потѣшиться, какъ чиновникъ-сынъ попрекнулъ меня моею неумѣлостью?

— Помилуйте, батюшка, — сказалъ онъ: — вы кандидатъ университета, а вышли въ отставку, поссорившись съ директоромъ, не выслуживъ ничего.

— Я заслужилъ честное имя и спокойную совѣсть.

— Но этимъ вы сыты не будете. На міръ надо смотрѣть трезво. A la guerre, comme à la guerre!—говорятъ французы. Если у насъ отнимаютъ все и не даютъ ничего, то и мы не должны сентиментальничать. Вы хвалитесь своею твердостью, а въ сущности она просто слабость, непростительная слабость.

Я любовался въ это время его чиновническою, приличною наружностью, его невозмутимымъ спокойствіемъ, его умѣньемъ класть ногу на ногу, сидѣть удобно на креслѣ, ковырять перышкомъ въ зубахъ; онъ мнѣ напоминалъ нашего директора и ужъ никакъ не могъ я признать въ немъ потомка дьякона Трофима Благолѣпова.

Digitized by Google

— Я васъ не упрекаю, — говорилъ онъ: — вы уже устарѣли для упрековъ, но, согласитесь, что вы ничего не могли сдѣлать со всѣми своими гуманными идеями. На что онѣ годятся теперь, даже для васъ самихъ?

— Чтобы смѣло плевать въ глаза такимъ подлецамъ, какъ ты! — отвѣтилъ я, всталъ и...

Больше я не видалъ своего сына, больше у меня не было сына, я похоронилъ въ этотъ день своего Сашу. Тотъ Александръ Егоровичъ Благолѣповъ, котораго знаетъ весь городъ, какъ умнаго правителя канцеляріи, какъ богача, женившагося на глупой купчихѣ, не мой сынъ. Въ этого звѣрски-грубаго, огрызающагося за малѣйшую царапину, нанесенную ему, давящаго безъ состраданія слабыхъ, ловко изгибающагося передъ высшими, въ этого зашибающаго копейку человѣка, я первый готовъ бросить камень: онъ мнѣ чужой! Онъ, можетъ-быть, забрызгаетъ грязью, проѣзжая въ своей каретѣ, мой заплатанный, покрытый пятнами, сюртукъ, но я нагнусь до грязи и пущу ею въ его блестящій форменный мундиръ, въ его бѣлый, мастерски завязанный галстукъ, въ его приличную, выскобленную физіономію: онъ мнѣ чужой!

На-дняхъ, мучимый, по обыкновенію, безсонницей, я блуждалъ ночью по улицамъ Петербурга. Было около трехъ часовъ ночи. Передъ моими глазами какой-то молодой человѣкъ началъ взбираться по лѣстницѣ штукатуровъ на высоту десяти саженъ. Я зналъ, что это мошенникъ или человѣкъ, рѣшившійся на самоубійство, и не остановилъ его.

— Вонъ мазурикъ лѣзетъ, — сказалъ мнѣ дворникъ, карауливший домъ.

— Да,—отвѣтилъ я ему.

— Развѣ подчаска позвать?

— Что жъ, позови, если хочется,—промолвилъ я и продолжалъ смотрѣть, какъ неизвѣстный мнѣ человѣкъ взбирался на высоту.

Пришелъ подчасокъ, начала собираться толпа. Изъ дома высунулись отвратительныя заспанныя лица женщинъ въ ночныхъ чепцахъ, съ жиденькими косичками, съ полинявшими щеками, бровями, и пугавшія отсутствіемъ вынутыхъ на ночь зубовъ. За этими мегерами торчали еще болѣе отвратительныя физіономіи съ всклокоченными волосами, съ повисшими внизъ усами; это были мужчины, не проспавшіеся отъ вчерашнихъ попоекъ, отъ вчерашняго раз-

Digitized by Google

врата. Я продолжалъ смотрѣть и даже нашелъ силы въ себѣ злобно улыбнуться при мысли, что и эти отвратительныя въ своемъ пьяномъ безпорядкѣ головы требуютъ у кого-нибудь ласкъ и поцѣлуевъ, и требуютъ ихъ именно въ этомъ видѣ. Какъ отвратителенъ человѣкъ съ просонья! Ни одинъ звѣрь не измѣняется отъ сна и только человѣкъ въ минуту пробужденія носитъ на себѣ клеймо своей развратности, своихъ низкихъ побужденій. Въ эту минуту скверно смотрѣть на лучшаго друга! Толпа завела разговоръ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ.

— Вотъ какъ фонари погасятъ, такъ я птицей слечу, никто и не увидитъ, какъ я слечу,—отвѣтилъ онъ и, раскачивая лѣстницу изо всей мочи, запѣлъ какую-то пѣсню.

Въ этомъ голосѣ было что-то страшное, дикое. Я понялъ, что онъ сумасшедшій, и улыбнулся, потому что вѣдь и меня зовутъ сумасшедшимъ. Минуты летѣли, никто не подостлалъ своей шинели на то мѣсто, куда могъ упасть несчастный; никто не рискнулъ взобраться на лѣстницу и, жертвуя собою, спасти ближняго. Вѣка благодѣтельныхъ самарянъ и великихъ героевъ прошли. Да и были ли когда-нибудь такіе вѣка?.. Была одна минута, когда я хотѣлъ вскарабкаться наверхъ своими старыми ногами, но это была только минута.

«Да нужна ли ему жизнь?— подумалъ я. — Или потѣшить толпу и вмѣстѣ съ нимъ слетѣть съ высоты? Нѣтъ, я хочу еще посмотрѣть на людей, потѣшить злобу, и пусть погибаетъ его молодая жизнь, если она ему не нужна! Мы всѣ чужіе, пусть гибнутъ, пусть страдаютъ, пусть проклинаютъ люди,—мы будемъ покойны, пока страданье не коснулось насъ самихъ...»

Толпа между тѣмъ уже успѣла привыкнуть къ новому событію и начала шутить и острить, точно неизвѣстный человѣкъ поселился на вѣчное житье на вершинѣ лѣстницы.

— Вонъ твой женихъ сидитъ! — крикнулъ со смѣхомъ одинъ дворникъ, показывая наверхъ вышедшей изъ дома дѣвушкѣ.

Она подняла голову, чтобы взглянуть туда, и въ то же мгновеніе въ воздухѣ раздался медленный, пронзительный вой, и къ ногамъ дѣвушки упало человѣческое тѣло. Никогда, никогда не забуду я этого страшнаго глухого звука... Я взглянулъ на тѣло, голова еще шевелилась въ предсмертныхъ судорогахъ, кровь лилась ручьемъ на средину улицы... Можетъ-быть, это былъ вашъ знакомый, можетъ-быть, это былъ вашъ сынъ, братъ? Ну, бросайте же въ

Digitized by Google

меня каменья за то, что я не спасъ его! Бросайте ихъ и въ эту толпу, стоявшую со мною въ теченіе трехъ часовъ! Безчеловѣчная толпа! Сегодня она не спасла этого бѣдняка, завтра не спасетъ другого. Вы видите ее каждый день, праздно глазѣющею на лежащихъ въ обморокѣ людей, вы слышите въ эти минуты ея звѣрски-бездушныя шутки... Бросайте же въ нее каменья! Чего же вы боитесь?.. Вы съ ужасомъ смотрите на меня, пятитесь назадъ въ своихъ креслахъ, вамъ кажется, что этотъ человѣкъ забрызгалъ меня своею кровью... Ну, что же? если я страшенъ, такъ идите прочь, идите спать. Я вамъ бросилъ свой разсказъ, свою подачку, вы мнѣ больше не нужны... Теперь вашъ сонъ будетъ крѣпокъ...

На этомъ мѣстѣ, господа, разсказъ прерывается и слѣдуетъ счетъ бѣлья. Но это нисколько не интересно.

II.

Vanitas vanitatum et omnia vanitas!

Нѣтъ-съ, что вы, господа писатели, ни говорите насчетъ нашихъ доходцевъ, пенсій или относительно знаковъ отличія, какъ тамъ ни разсуждайте, подъ вліяніемъ разныхъ этакихъ житейскихъ недоразумѣній и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, а положеніе наше весьма шатко. Не подумайте, что я намекаю этимъ на сатиры какія-нибудь или комедіи обличительныя, гдѣ нашего брата, чиновника, такъ сказать, въ утреннемъ халатѣ и ночномъ колпакѣ, напоказъ публикѣ, на сцену выводятъ. Это что! Это еще съ хлѣбомъ бы съѣсть можно; но гоненія судьбы, удары неожиданные — вотъ что страшно. Спишь-спишь, сны такіе фантастическіе видишь, кругомъ Аркадія, и вдругъ выспишь чортъ знаетъ что такое! Могу васъ увѣрить, что нерѣдко приходятъ минуты, когда пофилософствуешь этакъ, знаете, въ уединеніи своего кабинета, махнешь на все рукой, и

Digitized by Google

невольно скажешь, съ царемъ Соломономъ: суета суетъ и всяческая суета, изъ праха мы взяты и въ прахъ возвратимся! Вотъ теперь хоть бы и меня взять въ примѣръ: столоначальникомъ я сдѣланъ, креста къ новому году жду и непремѣнно получу его, какія тамъ козни ни строй мерзавецъ Бурдашевъ, а, право, не шутя, думаю удалиться на свой хуторъ,—на лонъ природы, если смѣю такъ выразиться, жизнь окончить... Вотъ вы ужъ и улыбаетесь, господа, и я читаю по вашимъ глазамъ, что вы думаете, будто это я такъ-себѣ отъ разстройства желудка, что ли, разнѣжился и фантазирую. А мнѣ, ей-Богу, въ самомъ дѣлѣ, не по-себѣ, такъ тутъ не до фантазированія! Оно, безспорно, пріятно, какъ видишь, что и осанка у тебя облагородилась, внушительною сдѣлалась, что и канцелярскіе писцы, какіе-нибудь регистраторы разные, съ уваженіемъ на тебя смотрятъ, что даже и кресло твое гоголемъ между ихъ жидкими стульями стоитъ; иногда усмѣхнешься, глядя на него, какъ оно, само по себѣ, уже столоначальникомъ смотритъ; а тамъ случится какая-нибудь исторія пасквильная, ну и падешь духомъ и хуже мокрой курицы въ душѣ станешь, едва-едва наружную важность сохраняешь, и то для того только, чтобы низшимъ повода къ неуваженію не подать, чтобы званію ущерба не было черезъ это самое твое малодушіе. Нѣтъ-съ, все—прахъ, повѣрьте мнѣ, и вы головы не вздергивайте; это вы только потому ее поднимаете, что васъ тамъ какія-нибудь высшія лица, редакторы, критики разные обласкали, окладъ прибавили или что-нибудь тому подобное для вашей славы сдѣлали; но и это, помяните мое слово, прахъ и суета, нѣчто преходящее, звонъ колокольный... Да что далеко ходить за примѣромъ: вотъ вчерашняя газета, я ее нарочно себѣ на память изъ департамента унесъ. Прочтите.

«Супруга и дѣти его превосходительства, статскаго совѣтника Іакова Васильевича Рязанцева и кавалера разныхъ орденовъ, съ прискорбіемъ извѣщая во всеобщее свѣдѣніе о кончинѣ, первая — своего безцѣннаго супруга, вторыя— своего родителя, просятъ покорнѣйше друзей, знакомыхъ и бывшихъ сослуживцевъ усопшаго отдать ему послѣдній долгъ при отпѣваніи, имѣющемъ состояться въ церкви Вознесенія, 12-го августа сего 1855 года».

Оно, конечно, немного нелитературно написано, въ разсужденіи слога, и въ титулѣ превышеніе противъ чина значится (вѣроятно, дворецкому впопыхахъ написать велѣли), — но не въ томъ дѣло. Человѣкъ умеръ! И какой

Digitized by Google

человѣкъ: Іаковъ Васильевичъ Рязанцевъ! А отчего онъ умеръ? кто онъ такой былъ? какъ онъ жилъ? что за прискорбные родственники? — вотъ что вы спросите! Вѣдь и къ Александру Македонскому, я полагаю, гостей на похороны приглашали, а между тѣмъ его исторія поучительна для юношества. Если ужъ дѣло коснулось поучительности, то Іаковъ Васильевичъ, былъ въ своемъ родѣ тоже Александръ Македонскій.

Я познакомился съ нимъ, или, вѣрнѣе сказать, онъ познакомился со мною, выбравъ меня своимъ домашнимъ секретаремъ въ то время, когда онъ уже стоялъ, если смѣю такъ выразиться, на высотѣ своего величія, ворочалъ цѣлой канцеляріей, въ лучшемъ обществѣ домашнимъ человѣкомъ сдѣлался; князья, графы къ нему на обѣды ѣздили; чопорныя барыни, словно крѣпость какую, записочками раздушенными осаждали его, прося у него протекціи и мѣстъ для своихъ протежѐ; а какія-нибудь тамъ этакія—извините меня, Марья Васильевна!—Каролины Карловны и Матильды, сидя во второмъ ярусѣ въ итальянской оперѣ, на него масляными глазками поглядывали и, думая поддѣть на свои крючечки такую рыбицу, свои круглыя плечики изъ-подъ открытаго лифа еще больше высовывали, такъ что съ перваго раза и не поймешь, лифъ ли тамъ у нихъ или такъ себѣ поясокъ не широкій грудь придерживаетъ... Про балетъ и говорить нечего! Передъ кѣмъ танцовщица выше всего свои ножки поднимаетъ?—передъ Іаковомъ Васильевичемъ! На кого она съ улыбкой глядитъ въ то время, когда перекинется спиною и повиснетъ на дюжей рукѣ танцора?—на Іакова Васильевича! Въ чьи руки смотритъ, выбѣжавъ, какъ собачонка изъ воды, на сцену, въ день своего бенефиса? — въ руки Іакова Васильевича!.. Первое время мнѣ просто совѣстно было по его комнатамъ проходить. Извѣстно, въ молодомъ человѣкѣ какая осанка? Такъ себѣ, сосиска какая-то онъ съ фалдочками. Опять же и полы скользкіе, того и смотри, что полетишь. Иду я, бывало: въ зеркалахъ мои фалдочки отражаются, кругомъ лакеи снуютъ въ бѣлыхъ галстукахъ, барыни важныя, въ бархатахъ и атласахъ, на половину ея превосходительства проплываютъ, въ гостиной хохочутъ веселымъ смѣхомъ сыновья Іакова Васильевича и ихъ друзья. А надъ чѣмъ они хохочутъ? можетъ-быть, надъ моими фалдочками хохочутъ! Бывало, потъ выступитъ, покуда я доберусь до кабинета Іакова Васильевича, а тамъ уже звучитъ его голосъ отрывистый:

Digitized by Google

— Опять ты, мерзавецъ, оброкъ не сполна привезъ? Когда это кончится? Не прикажешь ли мнѣ государственную службу бросить и самому въ деревню ѣхать недоимки собирать? На что же я тебя держу?

— Виноватъ, батюшка Іаковъ Васильевичъ,—отвѣчаетъ приказчикъ. Бестія-мужичонка былъ, продувной такой; теперь домъ каменный имѣетъ.—Нонѣшній годъ, сами изволите знать, урожаи были плохи...

— Урожаи плохи! А прошлый годъ? А запрошлый годъ? Скажешь тоже—урожаевъ не было?

— Это что Бога гнѣвить, только вотъ пожары опять...

— А, пожары, пожары! Чего жъ вы смотрѣли: подъ вашими глазами горить, а вы спите? Чего вы смотрѣли, говори, чего смотрѣли?— колотитъ Іаковъ Васильевичъ, по своей привычкѣ, оборотомъ правой руки по лѣвой ладони.

— Виноваты, батюшка, оплошали...

— А, оплошали, оплошали! А я безъ денегъ сижу изъ-за васъ, я отъ своей деревни доходовъ не могу дождаться! Чтобъ все было собрано! знать ничего не хочу. Погодите, погодите, доберусь я до васъ!

Постою я, бывало, у дверей, едва съ духомъ соберусь войти въ кабинетъ.

— Гдѣ это вы, милостивый государь, пропадаете?—скажетъ съ неудовольствіемъ Іаковъ Васильевичъ.—Прочтите, что тамъ изъ Ярославля пишутъ, я разобрать не могъ.

Сяду я читать; письма изъ разныхъ деревень: жалобы, кляузы разныя пишутъ негодяи-мужики, на старостъ клевещутъ, нищими прикидываются, будто бы имъ жить нечѣмъ! И вѣдь какъ хитры эти бестіи! Такія небылицы иной придумаетъ, что и уму непостижимо. И неурожаи, и пожары, и падежъ скота, и мертвыя тѣла, и становыхъ—все приплететъ, такая фантазія выходитъ, что хоть бы въ печать, если бы грамотно написано было.

— Грамоты научиться не могли, а кляузничать находятъ время!—скажетъ Іаковъ Васильевичъ и велитъ не читать остальныхъ писемъ, выбросить ихъ вонъ.—Распорядись съ ними,—обратится онъ къ приказчику.—Вотъ этотъ Петръ Косой пятый разъ мнѣ пишетъ. Должно-быть, негодный мужичонка.

— Пьяница, батюшка Іаковъ Васильевичъ,—отвѣтитъ приказчикъ:—безъ просыпу пьянствуетъ...

— И буйный, должно-быть?

Digitized by Google

— Какъ же, за нимъ больше всѣхъ недоимокъ...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: буйный онъ, или нѣтъ?

— Буйный, батюшка.

— Ну да, ну да, я такъ и зналъ это! Буйный, буйный! А, онъ бунтовать вздумалъ! Ну, въ солдаты его, въ солдаты!—колотитъ Іаковъ Васильевичъ правой рукой по лѣвой.— Ты распорядись тамъ, покажи примѣръ. Теперь ступай.— Прочли вы бумаги?—обратится онъ ко мнѣ.

— Прочелъ-съ,—отвѣчаю я.

— Давайте же тѣ, которыя важнѣе.

У меня ужъ, знаете, все разобрано, все разсортировано, начну я докладывать: эта, молъ, о томъ-то, а эта объ этомъ-то.

Іаковъ Васильевичъ слушаетъ и подмахиваетъ перомъ, слушаетъ и подмахиваетъ. Вотъ голова-то была у человѣка. Соображеніе молніи подобное, память... да что и говорить о памяти! Когда его еще столоначальникомъ сдѣлали, то одинъ чиновникъ, Пѣтуховъ по фамиліи, не хотѣлъ его поздравить, и вѣдь—что вы думаете?—до послѣдней минуты, бывало, какъ попадется Іакову Васильевичу докладъ о наградѣ Пѣтухову, такъ онъ сейчасъ и замѣтитъ:

— А, это тотъ вольнодумецъ? Вычеркнуть!

Вотъ такъ память! Но я, такъ сказать, нить разсказа прервалъ, это у меня отъ непривычки; у васъ тамъ, у литераторовъ, все кругло выходитъ, періодами этакими; ну, а съ насъ нечего взыскивать. Ну-съ, итакъ, я остановился на докладахъ.

— Вотъ-съ,—говорю я Іакову Васильевичу:—просьбы о вспомоществованіи.

— Ну ихъ! У насъ самихъ денегъ нѣтъ. Отослать къ митрополиту.

— А это вотъ по подрядамъ.

— Отложите, это я самъ ночью просмотрю.

— Чиновникъ Прохоровъ проситъ о замѣщеніи его сына на службу.

— Куда его помѣстить? На шею себѣ, что ли? Дуракъ, тридцать лѣтъ прослужилъ, а не знаетъ, что безъ вакансіи нельзя принимать на службу.

— Онъ на мѣсто Малышева проситъ его замѣстить.

— Что вы мнѣ толкуете на мѣсто Малышева! На мѣсто Малышева пришлетъ Марья Николаевна Сухощаво-Терпухова; сами же вы ея письмо вчера читали... Ну, все?

Digitized by Google

— Все-съ.

— Уфъ! экъ мы провозились съ вами! Не долго, не долго выдержатъ мои силы,—проговоритъ онъ со вздохомъ и станетъ одѣваться, знаетъ, что въ пріемной уже ждутъ его или важные гости, съ визитами пріѣхавшіе, или просители, жмущіеся другъ къ другу, точно стадо овецъ передъ бурей. А тамъ еще въ канцелярію надо заѣхать, визиты необходимые сдѣлать, на обѣдъ равныхъ себѣ пригласить, въ оперѣ или въ клубѣ показаться, чтобы люди не назвали скрягой и чтобы женѣ одной не ѣздить, какъ брошенной; приходится и о дѣтяхъ позаботиться: однимъ гувернера нанять, другимъ мѣсто приличное достать. Ужъ о мелочныхъ заботахъ, въ родѣ выдачи жалованья прислугѣ, покупки нарядовъ для жены, заказа экипажей и мебели, я не говорю. Но вѣдь на такомъ мѣстѣ, на какомъ стоялъ Іаковъ Васильевичъ, и сервировка стола, не говоря о чемъ-нибудь болѣе значительномъ, требовала личнаго надзора. Официанты тамъ или дворецкіе взяли бы и накрыли бы столъ по-своему, наваливъ зря всякаго серебра, такъ что какая-нибудь чаша-ренессансъ подлѣ русскаго серебрянаго бурака съ солью стала бы: ну, и вышелъ бы не сервированный столъ, а складочный магазинъ аукціонной камеры, гдѣ, конечно, все равно, если помпейская ваза стоитъ рядомъ съ старымъ корытомъ: нищета, значитъ, всѣхъ въ одну яму сажаетъ!.. Да-съ, долженъ былъ Іаковъ Васильевичъ, по своему блестящему положенію, и въ эти мелочи входить и, какъ геній, вездѣ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Выйдетъ онъ передъ обѣдомъ въ столовую, сощуритъ глаза и говоритъ:

— Долой приборы! Узко накрыли. Дамамъ сидѣть нельзя будетъ. Широкую вставку вложить. Это зачѣмъ вы русскія ложки положили? Подать англійское серебро! Петръ, ты неровно приборы поставилъ.

— Кажется, ровно,—вздумаетъ спорить Петръ.

— Говорятъ тебѣ, что неровно! Подай салфетку!—возьметъ Іаковъ Васильевичъ салфетку и начнетъ мѣрять, выйдетъ, что онъ правъ.—Вотъ видишь, негодяй!—швырнетъ баринъ скомканную салфетку въ лицо Петра.

Безстыжій народъ, эти лакеи! Могли бы, кажется, понять, что кто-нибудь другой, ошибется, а не ихъ баринъ со своимъ глазомѣромъ. Фельдмаршаломъ бы ему быть! Если бы, примѣрно, разсказать какому-нибудь сапожнику, что человѣкъ можетъ передѣлать всѣ эти дѣла одинъ, то онъ только усмѣхнулся бы, да подумалъ, что ему очки въ глаза вти-

Digitized by Google

рають, небылицу разсказывають, потому что у него, у сапожника, и все-то дѣло сапоги сшить, въ праздникъ пьянымъ, какъ сапожнику, напиться, да жену побить. Не велика, кажется, работа, а онъ и отъ нея охаетъ и за дѣтьми присмотрѣть не можетъ, жалуется, что они отъ рукъ отбились. Конечно, какому-нибудь сапожнику по этому по самому и не бывать государственнымъ человѣкомъ, а долженъ онъ и то за великое счастье считать, что дала ему судьба возможность отличиться, хорошіе сапоги на государственныхъ людей шить, чтобы эти люди своихъ ногъ не промачивали, мозолей, съ позволенія сказать, не натирали и драгоцѣннаго здоровья не губили. Что — сапожникъ! И вы, любезный Василій Васильевичъ, и вы, почтеннѣйшая Марья Васильевна, могу васъ увѣрить при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, не только не исполнили бы трудовъ Іакова Васильевича, но просто отъ одного его присутствія почувствовали бы нѣкій трепетъ. Часто я, бывало, любовался, когда Іаковъ Васильевичъ въ своей щегольской каретѣ по Невскому мчался, или когда онъ входилъ въ канцелярію: осанка этакая гордая, поступь величественная, всѣ ему кланяются, дохнуть никто не смѣетъ; иному чихнуть хочется, и того не смѣетъ; а онъ идетъ въ свой кабинетъ, едва склоняя голову, если встрѣтить кого изъ начальниковъ отдѣленія. Бывало, всѣ около того увиваются, кого онъ осчастливитъ пожатіемъ руки... И вотъ, если бы меня на мѣстѣ убили въ то время, когда онъ держалъ въ своихъ рукахъ, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбу десятковъ людей, такъ я не повѣрилъ бы, что этакій дубъ можетъ свалиться и отчего свалиться?—сказать страшно!

Въ одинъ прекрасный день, — то-есть день-то былъ не особенно хорошъ, я какъ сейчасъ помню, что я тогда до костей промокъ, ну, да это такъ принято у васъ тамъ въ литературѣ говорить, когда исторія доходитъ до самаго интереснаго мѣста,—итакъ, въ одинъ прекрасный день прихожу я съ бумагами къ Іакову Васильевичу и нахожу его чрезмѣрно, могу сказать, необычайно пасмурнымъ и раздраженнымъ. Удивило это меня, потому что въ это время и приказчикъ изъ деревни съ оброками не пріѣзжалъ и, сколько я зналъ, особенныхъ непріятностей, въ родѣ ревизій или реформъ какихъ по канцеляріи, не было. Любопытство меня взяло, разспросилъ я потомъ стороною, что случилось, и вотъ что узналъ. Отъ кого узналъ, это позвольте мнѣ умолчать, да, впрочемъ, оно и не идетъ къ дѣлу. Источникъ былъ вѣрный. Наканунѣ этого достопамятнаго дня до

Digitized by Google

Іакова Васильевича дошелъ слухъ, что жена его чувствуетъ особенное расположеніе къ гувернеру, живущему въ ихъ домѣ. Этотъ слухъ, какъ и всѣ другіе слухи, обѣжалъ прежде весь городъ и уже только потомъ долетѣлъ до того, до кого касался. Іакова Васильевича сильно встревожило это извѣстіе.

— Не стыдно ли вамъ, сударыня...—выговаривалъ онъ женѣ.—И съ кѣмъ? съ гувернеромъ, съ мальчишкой!..

— Вы сами такъ ведете себя, что я могла бы считать себя свободною,—промолвила его супруга.

Она была, какъ и слѣдуетъ на ея мѣстѣ, женщина хладнокровная, безъ предубѣжденій.

— Если вы промѣняли меня на какую-нибудь Жюли, то я имѣла право отплатить вамъ тѣмъ же, но я не отплатила. Эти слухи, какъ и всѣ слухи, клевета. Мало ли про кого что говорятъ! Я покровительствую Вундту, потому что онъ достойный человѣкъ, вотъ и все.

— Такъ вы утверждаете, что эти слухи—вздоръ?

— Да.

— Ну-съ, въ такомъ случаѣ, я не желаю поддерживать ихъ дальнѣйшимъ присутствіемъ Вундта въ нашемъ домѣ и откажу ему отъ мѣста.

— То-есть, подольете въ огонь масла, дадите поводъ говорить, что вамъ открыли глаза и вызвали этимъ домашнюю драму, дадите поводъ предполагать разныя глупости, сдѣлаете меня мнимой жертвой ревниваго мужа. Свѣтъ будетъ вамъ очень благодаренъ...

— Пусть говоритъ, что угодно, а я наотрѣзъ говорю, что не будетъ его въ нашемъ домѣ.

— Очень жаль, тѣмъ болѣе, что я, заботясь о дѣтяхъ, узнала, какъ способенъ Вундтъ. Но это рѣшено, значитъ, и толковать не о чемъ. Только я попрошу васъ на будущее время самихъ слѣдить за дѣтьми, когда возьмемъ новаго гувернера, чтобы избавить меня отъ новыхъ сценъ и подозрѣній. Вы не считали нужнымъ заботиться о дѣтяхъ лично, вы думали, что ваша обязанность исполнена вполнѣ тѣмъ, что вы платите за ихъ воспитаніе. Если бы я не слѣдила за ихъ ученьемъ, если бы Вундтъ не былъ добросовѣстнымъ человѣкомъ, они могли бы вырасти неучами. Можетъ-быть, вы и наложили на меня эту обязанность слѣдить за дѣтьми, чтобы подготовить эту сцену и оправдать въ моихъ глазахъ свое поведеніе...

Digitized by Google

— Это просто ни на что не похоже! Вы меня подлецомъ въ глаза называете!

— Я васъ никакъ не называю, я вамъ просто напоминаю ваши обязанности. И что у васъ за манера колотить руками... такъ и кажется, что вы драться хотите... Впрочемъ, отъ слушанья сплетенъ до драки одинъ шагъ... И откуда взялись у васъ эти плебейскія привычки?

— Послушайте, я васъ заставлю молчать. Я пришелъ къ вамъ не за наставленіями, вы сами нуждаетесь въ нихъ, а вы меня осмѣливастесь въ грязь топтать! Я васъ въ монастырь упрячу!

— Вы пьяны?—холодно спросила супруга Іакова Васильевича, спокойно глядя на его раскраснѣвшееся лицо.

— Что?!

— Вы пьяны! Ступайте вонъ; если дѣло дойдетъ до скандала, то вспомните, что вы останетесь нищимъ...

— Я васъ попрошу, Наталья Андреевна...

— А я вамъ приказываю, Іаковъ Васильевичъ, идти вонъ и не являться ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока вы не отрезвитесь. Я вамъ еще разъ повторяю, что вы пьяны...

Нѣтъ, вы представьте себѣ положеніе Іакова Васильевича: жена, законная жена, осмѣлилась сказать ему, что онъ пьянъ, и выгнать его вонъ! Бѣсился онъ, изъ себя выходилъ, а она, точно каменная, точно бездушная статуя, не измѣнилась въ лицѣ. Іаковъ Васильевичъ, какъ мужчина, былъ горячъ, пріученъ своимъ положеніемъ встрѣчать покорность, а она, напротивъ того, была хладнокровна, и этимъ-то самымъ она и могла его поразить. Стерпѣлъ онъ этотъ ударъ, махнулъ рукой, оставилъ у себя гувернера, только пасмурнѣе сдѣлался. Но радость къ радости, деньги къ деньгамъ, а горе къ горю идетъ, это дѣло на опытѣ доказано. Черезъ нѣсколько дней пришелъ къ Іакову Васильевичу еврей-ростовщикъ и объявилъ, что Андрей Іаковлевичъ, сынъ Іакова Васильевича, надавалъ ему векселей, что онъ подастъ ихъ ко взысканію. Сталъ на него кричать Іаковъ Васильевичъ; только — шельмы эти евреи, трясутся они, дрожатъ, точно съ мороза, а испугать ихъ трудно. Кланяется бестія Ицка передъ Іаковомъ Васильевичемъ, извиняется, трепещетъ, а на своемъ стоитъ. Нѣтъ хуже положенія, какъ имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ. Ты думаешь, глядя на его подлые поклоны, слушая его рабскія извиненія, что онъ сейчасъ тебѣ въ ноги повалится, — онъ же своимъ дрожащимъ трусливымъ голосомъ

Digitized by Google

бормочетъ: «Сто дѣлать, васе превосходительство, сто дѣлать! долженъ-зе я свои деньги получить, я узь лутце ко взысканію подамъ!» А чего тутъ лучше? Ничего нѣтъ лучшаго! Фамилію осрамить. Выгналъ его Іаковъ Васильевичъ и велѣлъ позвать сына. Явился тотъ. Красивый онъ былъ молодой человѣкъ, въ гвардіи служилъ, всѣ его въ модныхъ ресторанахъ знали, важныя барыни его хорошимъ женихомъ считали и ухаживали за нимъ.

— Ты,—сказалъ отецъ:—векселей тамъ надавалъ?

— Да,—отвѣтилъ сынъ, весело поигрывая съ собачкой Іакова Васильевича.—Деньги были нужны.

— Что же у меня не спросилъ?

— Я спрашивалъ, да вы сказали, что еще не получали изъ деревни, такъ я и занялъ. Apporte!—крикнулъ онъ собачонкѣ, кинувъ на полъ свои перчатки.

— Однако, надо было бы позволенья спросить, можно ли занимать.

— Что это вы, развѣ я ребенокъ?..

— Не ребенокъ, но кутить я тебѣ не позволю. Я давно собирался тебѣ замѣтить, что твоя жизнь меня сильно огорчаетъ.

— Не смѣй грызть, не смѣй. Apporte!—забавлялся сынъ съ собачонкой.

— Послушай, я съ тобой говорю...

— Я слушаю.

— Чего-жъ ты съ собакой возишься?

— Это мнѣ не мѣшаетъ слушать... Ну, служи, Ледька! Т-съ, смирно!

— Ты тамъ съ камеліями возишься, на танцовщицъ тратишься, у кондитеровъ, чортъ знаетъ, сколько проѣдаешь, любовницу держишь...

— А! моя Минхенъ славная дѣвочка!

— Славная или нѣтъ, но все это надо кончить...

— Что съ вами? Вѣрно, васъ приказчикъ разсердилъ? Камеліи, танцовщицы, любовница... Да у кого же ихъ нѣтъ? Я еще молодъ. Когда у меня зубовъ не будетъ, тогда и орѣховъ не буду ѣсть.

— Ну, а я требую, чтобы ты, имѣя зубы, не ѣлъ орѣховъ.

— Что-жъ, вы хотите ихъ всѣ себѣ оставить?—насмѣшливо спросилъ сынъ.—Пошла прочь, дрянная собачонка!—крикнулъ онъ.—Перчатку испортила!

Digitized by Google

— Не думаешь ли ты мнѣ наставленія читать?—вспылилъ Іаковъ Васильевичъ.

— Полноте горячиться! Не читайте мнѣ наставленій и я вамъ не буду ихъ читать. Вы должны знать, что если у васъ, у старыхъ, есть какія-нибудь потребности, то онѣ должны быть и у нашей братьи, молодежи. У васъ Жюли, у меня Минхенъ, разница только въ именахъ.

— Жюли, Жюли! что вы затвердили ее!—Ты мальчишка, я тебя молчать заставлю!

— Что у васъ за манеры! Вы не съ своимъ канцелярскимъ говорите, а со мною.—Убирайся, скверная собачонка!.. Вы берете на себя право учить меня какой-то лучшей жизни, не исполнивъ обязанности показать примѣромъ, что эта пресловутая лучшая жизнь возможна. Заботились бы обо мнѣ, когда я былъ мальчишкой, не оставляли бы съ гувернанткой, которая чортъ знаетъ что со мною дѣлала, не содержали бы Жюли, о чемъ весь городъ до послѣдняго лакея толкуетъ... Да и живите какъ хотите, я не считаю этихъ глупостей преступленіемъ, но не мѣшайте и мнѣ жить. Нынче вѣкъ не тотъ; вы горячитесь, какъ человѣкъ отжившій.

— Мерзавецъ!—вышелъ изъ себя Іаковъ Васильевичъ.— Я тебя уничтожу!

— Для того, вѣроятно, чтобы легче присвоить имѣніе матери? Вы и ее, какъ я слышалъ, попробовали уничтожить. Говорятъ тебѣ отстань, Ледька!—крикнулъ сынъ и швырнулъ собачонку въ уголъ.

Та завизжала.

— Оставь собаку, негодяй!.. Вы всѣ сговорились, всѣ заодно! Вонъ!

— Послушайте, я уйду. Ваше общество не очень пріятно, но вамъ не удастся уничтожить ни меня, ни матери. Совѣтую вамъ не выходить изъ себя и не кричать. Это вредно для вашего здоровья.

Сынъ весь былъ въ мать и могъ шутить даже въ такія минуты. Іаковъ Васильевичъ захворалъ отъ этихъ огорченій. Ему было больно, что онъ отогрѣлъ змѣю на своей собственной груди. Обманутый женой, оскорбленный сыномъ до глубины души, онъ съ прискорбіемъ долженъ былъ искать отрады на сторонѣ; свой собственный домъ сдѣлался ему постылымъ. Я говорю: свой собственный домъ, потому что и домъ, и деревня были его собственные, но онъ ихъ

Digitized by Google

написалъ на имя жены, конечно, не изъ какихъ-нибудь видовъ, а по любви къ ней. Въ это прискорбное время явилась истинною его утѣшительницею совершенно чужая женщина, даже и не нашей націи, не русская, а Жюли, которою его попрекали родные, лишившіе его своей признательности, благодарности и любви; только у этой женщины онъ и отдыхалъ. Она и споетъ ему какую-нибудь французскую пѣсенку, и приголубитъ его, и своимъ молодымъ смѣхомъ разсмѣшитъ. Забудетъ онъ свою тяжелую государственную службу, непокорность негодяевъ-крестьянъ, домашнія непріятности и ободрится опять, чувствуетъ снова силы для служенія отечеству. Іаковъ Васильевичъ радъ былъ душу отдать этой Жюли, и надо сказать правду: стоила она этого. Къ Рождеству онъ отдѣлалъ ей квартиру, великолѣпную мебель разную прислалъ, и за два дня до Новаго года повезъ нѣсколько мелкихъ дорогихъ бездѣлушекъ: серегъ, брошекъ, браслетъ и тому подобныхъ вещей. Жюли и не гадала, какая ей радость готовится, какъ она, въ Новый годъ, въ новыхъ брильянтахъ въ собраніи красоваться будетъ. И вотъ тутъ-то видна вся доброта Іакова Васильевича, часто не замѣчавшаяся людьми подъ его наружной суровостью: сколько заботился онъ о выборѣ вещей, сколько старался не проговориться о приготовляемыхъ подаркахъ! Возьмите въ расчетъ и то, что Іаковъ Васильевичъ былъ такою высокою особою, что онъ не только кому-нибудь другому, а и барину иному руки не подавалъ; Жюли же была просто дочь французской рыбной торговки, и объ этой-то плебейкѣ, такъ сказать, заботился онъ, какъ о дочери, у нея-то руки цѣловалъ, передъ ней на колѣняхъ стаивалъ! Подумайте о всемъ объ этомъ, и тогда вы поймете всю доброту его сердца. Признаюсь, мнѣ всегда было жаль, что эта Жюли не русская, не дочь какой-нибудь бабы, торгующей на Сѣнной печенкой и гнилыми апельсинами. Своему какъ-то больше счастья желаешь, чѣмъ чужому. Пріѣхалъ онъ къ ней утромъ, хотя обыкновенно ѣздилъ по вечерамъ. Ѣдетъ и ужъ чуетъ его сердце, какъ дѣтски обрадуется Жюли, какъ начнетъ примѣрять подарки, смотрѣться въ зеркало и цѣловать Іакова Васильевича; подъѣхалъ къ дому, взглянулъ на него съ улыбкой, зная, что только въ этомъ домѣ и находитъ онъ непритворную ласку, искреннюю радость и любовь, которая дороже золота, которой не купишь за всѣ богатства, какъ не могъ купить ее Іаковъ Васильевичъ у своей жены и у своего сына. Вошелъ онъ по чер-

Digitized by Google

ной лѣстницѣ, чтобы не будить звонкомъ своей подруги, прошелъ кухню, столовую, не встрѣтилъ никого, тихонько отворилъ дверь въ будуаръ, приподнялъ опущенную портьеру и съ улыбкой глядитъ туда... Такъ иногда мать, поднявъ бѣлый пологъ у кровати своего ребенка, любуется спящимъ младенцемъ... На диванѣ, въ утреннемъ пеньюарѣ, сидитъ Жюли и ласкаетъ рукою русые кудри молоденькаго, хорошенькаго, розоваго, какъ персикъ, мальчугана: на томъ нѣтъ сюртука, воротъ батистовой рубашки разстегнутъ; зимнее солнце весело играетъ на богатыхъ коврахъ, на бѣломъ атласѣ мягкой мебели... На нашего Іакова Васильевича точно столбнякъ нашелъ; продолжаетъ онъ глядѣть и все попрежнему улыбается доброй старческой улыбкой, какъ будто онъ влюбился въ этого мальчика, у котораго и пушка надъ верхней губой нѣтъ, какъ будто этотъ мальчикъ его сынъ, приласкавшійся къ матери. Да и точно: красавецъ былъ мальчикъ, я его видѣлъ: быстроглазый, полненькій, веселый и такой смѣльчакъ, что чудо. Вотъ на французскомъ театрѣ я видѣлъ одинъ разъ актрису (билетъ мнѣ знакомые подарили); она была въ военномъ костюмѣ и точно такъ смотрѣла, какъ этотъ юноша.

— Кто это тамъ?—спросилъ онъ, глядя на портьеру прищуренными глазенками и стараясь басить.

— Мари, вѣрно,— сказала Жюли.

— Нѣтъ, это какая-то наштукатуренная обезьяна!—воскликнулъ юноша, разсерженный, что ему помѣшали вести сладкія рѣчи съ Жюли.

— Да вѣдь теперь святки, такъ она и замаскировалась,— засмѣялась веселенькая Жюли.

Она была сущій ребенокъ.

Юноша вскочилъ и подбѣжалъ къ портьерѣ, гдѣ все еще стоялъ Іаковъ Васильевичъ и продолжалъ улыбаться.

— Мерзавецъ: какъ ты смѣешь подсматривать? — крикнулъ взбѣшенный мальчуганъ своимъ дѣтскимъ басикомъ и съ быстротою молніи далъ двѣ пощечины Іакову Васильевичу, повернулъ его за плечи налѣво кругомъ и пнулъ ногою.

По этому пинку было сейчасъ же замѣтно, что онъ недавно изъ училища вышелъ. Нашъ братъ не дастъ такого ловкаго пинка, отвыкли мы отъ этихъ школьныхъ продѣлокъ, у насъ и ноги-то не гнутся теперь, какъ въ былые годы... Іаковъ Васильевичъ обезумѣлъ, разронялъ всѣ подарки и, какъ курица, мелкими шажками, какъ онъ никогда

Digitized by Google

не хаживалъ, побѣжалъ вонъ, согнувъ спину. Извѣстно, молодой гнѣвъ быстро проходитъ, смѣшливость беретъ свое; юноша не выдержалъ, куда у него и бѣшенство дѣвалось, схватился руками за бока и захохоталъ.

— Жюли, Жюли, глядите, какимъ онъ пѣтушкомъ удираетъ! — кричалъ сорванецъ, отирая слезы, катившіяся отъ искренняго молодого смѣха.

Жюли взглянула и прыснула: молодой смѣхъ заразителенъ. А бѣдный Іаковъ Васильевичъ все бѣжалъ, захватилъ шубу, надѣлъ ее бокомъ и все бѣжалъ до самой кареты, и все слышался ему этотъ смѣхъ,— и домой онъ пріѣхалъ, а смѣхъ все звенитъ въ его ушахъ.

— Иванъ!—крикнулъ онъ камердинеру изъ кабинета.

— Чего изволите?—спросилъ тотъ.

— Кто тамъ въ залѣ смѣется?

— Тамъ никого нѣтъ-съ.

— Дуракъ! развѣ можно смѣяться, если никого нѣтъ? Скажи, чтобы не смѣялись. У меня дѣла.

— Слушаю-съ!—произнесъ камердинеръ, покачавъ головой.

А смѣхъ все продолжается, веселый, молодой, звонкій, точно тысячи молодыхъ голосовъ залились и хохочутъ, хохочутъ до слезъ, до колотья. Побѣжалъ Іаковъ Васильевичъ въ залу, въ гостиную, поглядѣлъ— пустыя комнаты, только его встревоженная фигура въ растрепанномъ парикѣ въ зеркалахъ отражается. А смѣхъ все звенитъ и звенитъ. Заткнулъ онъ уши ватой: смѣхъ все звенитъ.

— Иванъ, я никого не принимаю. Всѣмъ отказывай.

— Слушаю-съ.

— Чего ты смѣешься, дуракъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Что ты такую глупую рожу корчишь, мерзавецъ? Говори, зачѣмъ у тебя такая глупая рожа? Пьянъ ты?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Никакъ нѣтъ-съ, никакъ нѣтъ-съ! Что ты смѣяться надо мной вздумалъ, что ли? Погоди, доберусь я до тебя, дай мнѣ только съ дѣлами управиться. Убирайся.

Иванъ вышелъ. Іаковъ Васильевичъ замкнулъ кабинетъ, спустилъ штору и легъ. Провелъ онъ день взаперти, провелъ другой, едва-едва дождется ночи, такъ ему это время длинно казалось. Первый разъ въ жизни не дѣлалъ онъ и не принималъ визитовъ въ Новый годъ. Скука страшная, а выйти боится, страхъ на него напалъ какой-то, знаете.

Digitized by Google

Я полагаю—(наше мѣсто свято!), что тутъ много значило время, совпавшее съ этимъ прискорбнымъ случаемъ. Извѣстно, на Рождествѣ бѣсъ особенно силенъ и любитъ разныя этакія нечестивыя шутки творить надъ людьми; я думаю, и тутъ безъ его козней не обошлось. Разумѣется, я не могу выдавать своего мнѣнія за непреложную истину, а все же... Однако, время взяло свое, и смѣхъ сталъ все слабѣе и слабѣе звучать въ ушахъ нашего страдальца. На четвертый день вздумалъ онъ ѣхать въ должность, поѣхалъ, вошелъ въ канцелярію совершенно не своей походкой, посмотрѣлъ на всѣхъ подозрительными глазами; всѣ на него, разумѣется, поэтому съ удивленіемъ смотрятъ, а его это еще пуще разсердило,—извѣстно, что пуганая ворона... Впрочемъ, нѣтъ! это такое сравненіе низкое!.. Замѣтилъ онъ экзекутору, что въ канцеляріи духъ непокорности и вольнодумства видится, и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Подписалъ нѣсколько бумагъ и взялся за газеты, прочелъ о наградахъ и повышеніяхъ, взглянулъ въ политику, сталъ фельетонъ просматривать, читаетъ, читаетъ—и глазамъ не вѣритъ, и снова слышитъ, какъ звонко-звонко гремитъ въ его ушахъ смѣхъ, да такой, какъ будто вся канцелярія, вся улица, весь городъ въ одинъ хохотъ слились. Въ фельетонѣ, знаете, вся эта исторія, случившаяся съ нимъ, описана до малѣйшихъ подробностей; и цвѣты краснорѣчія, и красоты слога разныя, все тамъ, какъ слѣдуетъ быть въ фельетонѣ. Іаковъ Васильевичъ, внѣ себя, сунулъ газету въ карманъ, схватился за голову и велѣлъ подавать карету. Поскакалъ онъ безъ всякой цѣли къ Ивану Ивановичу Лотухову—дома нѣтъ; поѣхалъ онъ къ Василію Васильевичу Гребенщикову—не принимаютъ; туда-сюда—вездѣ отказъ. Оно и понятно: Ивану Ивановичу не было никакого резона, узнавъ эту исторію, принимать Іакова Васильевича, такъ какъ сынъ Ивана Ивановича мѣтилъ на мѣсто Іакова Васильевича, и Иванъ Ивановичъ давно говорилъ, что пора бы Іакову Васильевичу на покой удалиться и мѣсто молодымъ очистить. То же если и о Василіи Васильевичѣ сказать, то и онъ приходился родственникомъ Ивану Ивановичу, былъ женатъ на его двоюродной сестрѣ, и по родственнымъ отношеніямъ никоимъ образомъ не могъ принять Іакова Васильевича, тѣмъ болѣе, что отъ Ивана Ивановича зависѣло его матеріальное благосостояніе. Про Луку Дмитріевича Кондратьева я не говорю, Лука Дмитріевичъ могъ бы принять Іакова Васильевича; но опять-таки всѣмъ извѣстно, что Лука—

Digitized by Google

Дмитріевичъ всегда первый узнаетъ, кто силы лишится долженъ, и неизвѣстно откуда у него это чутье берется. Иногда собака, уткнувъ въ землю носъ, три дня передъ покойникомъ воетъ, а все-таки ошибается: никто не умретъ; если же Лука Дмитріевичъ кому руки не протянулъ, то такъ и знайте, что этому человѣку не сдобровать. Поэтому по самому, къ Лукѣ Дмитріевичу всѣ и ѣздятъ тонкія справки наводить, поразспросить насчетъ того, другого и третьяго: плотно ли тотъ или другой на мѣстѣ сидитъ. И я думаю, что Владиміръ Константиновичъ и Марья Николаевна Сухощаво-Терпуховы уже на Новый годъ успѣли у Луки Дмитріевича все насчетъ Іакова Васильевича вывѣдать, и только поэтому заперли передъ нимъ свои двери. Ужасно, ужасно, господа, стоять на высокомъ мѣстѣ. Мало ли оплеухъ проглотила разная мелкая рыбица, а кто ихъ считалъ, эти оплеухи-то?.. Такъ-то объѣздилъ Іаковъ Васильевичъ чуть не весь городъ, и, наконецъ, рѣшился вызвать на дуэль молодого врага. Понесся онъ къ молодому львенку Подъѣхалъ къ дому. Велитъ доложить о себѣ, а самъ какъ въ лихорадкѣ трясется; впрочемъ, на улицѣ дѣйствительно было холодно: я въ тотъ день себѣ щеку отморозилъ, и теперь еще знакъ есть.

— Баринъ приказали сказать, что они не имѣютъ удовольствія васъ знать и потому не могутъ принять,—отвѣтилъ швейцаръ, возвращаясь отъ молодого барина.

— Да ты, вѣрно, перевралъ мою фамилію. Скажи, что...

— Помилуйте, я знаю вашу фамилію очень хорошо — улыбнулся швейцаръ.

Наглые эти бестіи, швейцары!

— Долженъ старому барину,—сказалъ Іаковъ Васильевичъ и оживился надеждою, что старый баринъ не станетъ потакать своему сыну и по старому знакомству приметъ его, хотя старый баринъ былъ еще важнѣе Іакова Васильевича!

— Старый баринъ не принимаетъ никого, — возвратился швейцаръ съ новымъ отвѣтомъ.

— Любезный, вотъ тебѣ... пропусти меня безъ доклада,— промолвилъ Іаковъ Васильевичъ, дрожащимъ и мягкимъ голосомъ и сунулъ швейцару красненькую.

— Нѣтъ-съ, этого нельзя,—усмѣхнулся швейцаръ, сунувъ въ карманъ бумажку.

— Ну, вотъ еще... ради Бога, пусти! — вынулъ Іаковъ Васильевичъ сѣренькую.

Digitized by Google

— Да нельзя-съ, какіе вы смѣшные? Развѣ ваши люди смѣютъ кого-нибудь безъ вашей воли къ вамъ допускать?

— Смѣшной! смѣшной! какъ ты смѣешь говорить, что я смѣшной? Да я тебя подъ судъ упеку! — крикнулъ Іаковъ Васильевичъ.

Швейцаръ захлопнулъ передъ его носомъ двери. Іаковъ Васильевичъ обрадовался, увидавъ, что стали подавать сани молодому барину, и остался ждать. Молодой баринъ, веселый, розовенькій, точно персикъ спѣлый, вышелъ изъ дому, около него суетились лакей и швейцаръ. Онъ сталъ садиться. Іаковъ Васильевичъ собралъ силы, принялъ серьезный видъ и подошелъ къ нему.

— Послушайте, милостивый государь, мнѣ надо съ вами поговорить...

Швейцаръ въ эту минуту застегнулъ полость, кучеръ крикнулъ «пади!» и рысаки, какъ полевой вѣтеръ, рванулись впередъ, взвили снѣгъ и унесли молодого барина.

— Ради Бога, ради Бога, выслушайте, убейте меня! — крикнулъ Іаковъ Васильевичъ, упалъ на колѣни и зарыдалъ, какъ дитя.

Его подняли, посадили въ карету и повезли домой. Дома схватилъ онъ газету съ проклятымъ фельетономъ и зарыдалъ надъ нею, потомъ сѣлъ на полъ, поджалъ подъ себя ноги по-турецки, сбросилъ съ себя парикъ, и, сдѣлавъ изъ газеты колпакъ, нарядился въ него, какъ маленькія дѣти иногда въ такихъ треуголкахъ играютъ. Пріѣхалъ, наконецъ, и докторъ.

— Іаковъ Васильевичъ помѣшался, — сказалъ эскулапъ со вздохомъ.

А Іаковъ Васильевичъ все плачетъ и съ пола подняться не хочетъ. Прошли дни, облегченія нѣтъ. Однажды не усмотрѣли за нимъ, убѣжалъ онъ прямо къ дому молодого врага, сталъ на колѣни на улицѣ и плачетъ-плачетъ, такъ что сердце надрывалось. Стали его построже караулить. Грязный онъ такой сдѣлался, все съ собачкой онъ возился, всѣмъ надоѣлъ, даже камердинеръ Иванъ иногда ему говорилъ, когда никого не было:

— Околѣвалъ бы ты скорѣе!

— Ну, прости меня, прости, дурака, — плакалъ бѣдный Іаковъ Васильевичъ.

— Чего дурите-то! — грубо отвѣчалъ Иванъ. — Надоѣли ужъ. А кто фельетонъ-то этотъ писалъ, знаете, изъ нашихъ

Digitized by Google

чиновниковъ былъ, да такой плюгавенькій, маленькій, рябоватый, ногтемъ придавить нечего. Трусишка онъ былъ; бывало, первый вскочитъ, когда только шубу Іакова Васильевича сержантъ пронесетъ; онъ и фельетонъ-то писалъ, такъ, я думаю, зубомъ на зубъ попасть не могъ, а какъ узналъ, что Іаковъ Васильевичъ по болѣзни отставку взялъ, такъ тоже голову поднялъ, посмѣиваться надъ нимъ началъ. И злоба-то въ немъ была, потому что онъ съ своей трусостью еще мизернѣе въ присутствіи Іакова Васильевича смотрѣлъ. Да что онъ! объ этихъ людяхъ и говорить не стоитъ, а вотъ что прискорбно было: зашелъ я вчера въ библіотеку и увидалъ тамъ людей, водившихъ хлѣбъ-соль съ Іаковомъ Васильевичемъ, такихъ же важныхъ, какимъ и онъ былъ, и замѣтилъ, что они этотъ самый нумеръ газеты, съ извѣстіемъ о кончинѣ Рязанцева, читаютъ; любопытство меня взяло, и сталъ я прислушиваться къ ихъ разговорамъ.

— А, отправился, наконецъ, въ елисейскія!—воскликнулъ одинъ значительный баринъ съ орденомъ на шеѣ.

— Давно было пора! — произнесъ докторъ, лѣчившій Іакова Васильевича и пользовавшійся его покровительствомъ.—Отвратительнымъ созданьемъ онъ въ сумасшествіи сдѣлался. Я видѣлъ его каждый день. Постоянно сидѣлъ онъ на полу, безъ парика, въ колпакѣ изъ газетной бумаги, и хныкалъ надъ своею больною болонкою. Она такая же, какъ онъ, скверная сдѣлалась, чесать и мыть ее перестали, глаза загноились у ней, гадѣйшая, однимъ словомъ, тварь стала. «Некому насъ съ тобой защищать, Ледичка!» восклицалъ онъ, и какъ подадутъ ему манную кашу, да не усмотрятъ, онъ ею и вымажетъ и себя, и собаку...

— Ха-ха-ха, — засмѣялся одинъ еще не старый баринъ. — Вы насъ потѣшаете, докторъ, и выдумали эти подробности.

— Право, нѣтъ! Вы бы и не узнали его, въ одну минуту онъ сталъ похожъ на исхудалаго общипаннаго цыпленка; вѣдь вся его толщина была изъ ваты: румянецъ, зубы, волосы,—все поддѣльное, и когда не стало этого всего, то вмѣсто Якова Васильича вышла какая-то плѣшивая, старая крыса съ длиннымъ носомъ.

— Вы слышали,—перебилъ эти подробности какой-то старикъ въ парикѣ и съ нарумяненными щеками, которому, видно, не нравились эти подробности:—онъ подавалъ за день до сумасшествія жалобу на противника.

— Фи! — воскликнулъ господинъ помоложе. — Пятно съ

Digitized by Google

чести смыть клеузой хотѣлъ. Впрочемъ, это понятно съ его стороны, онъ втерся въ нашъ кругъ Богъ знаетъ откуда. Вѣдь и жена его мѣщанка была. Черезъ перваго мужа, князя Зубцова, она въ люди вышла, женивъ того на себѣ подъ пьяную руку... Ну, что же противникъ?

— Ничего, посмѣялся. Вѣдь свидѣтелей не было. Марья Николаевна Сухощаво-Терпухова, проказница, приготовлялась вечеръ сдѣлать и свести обоихъ враговъ. Сцена вышла бы премиленькая. Конечно, Якову Васильичу не дали бы возможности оскорбить нашего фаворита, но немножкото позабавились бы и его положеніемъ...

— Однако, согласитесь, господа, что это было адски-безысходное положеніе,—серьезно и нѣсколько боязливымъ голосомъ замѣтилъ сынъ Ивана Ивановича Лотухова, занявшій мѣсто Іакова Васильевича, дотянувшійся, наконецъ, до одной изъ верхнихъ ступеней общественной лѣстницы.— Меня просто преслѣдуетъ иногда эта мысль, я слышу этотъ смѣхъ, когда сижу на креслѣ Якова Васильича.

— Ну, вотъ еще выдумали! Въ деревню могъ бы онъ уѣхать, тамъ и вообще въ провинціи могъ бы быть еще первымъ при своемъ богатствѣ...

— Ха-ха-ха!—раздался звонкій молодой смѣхъ.

Собесѣдники вздрогнули и обернулись: за ними стоялъ уже знакомый намъ юноша съ розовенькими щечками и пухленькими губками и звонко-звонко смѣялся... Онъ слылъ въ обществѣ подъ именемъ *нашего фаворита* и не боялся... просто ничего не боялся.

Тяжело мнѣ стало; посмотрѣлъ я на этихъ господъ, что разжаловали Іакова Васильевича въ Яковы Васильичи, и я пошелъ изъ собранія съ стѣсненнымъ сердцемъ... Чего они радовались? Ну, а какъ придется этакъ самимъ?.. Да, такъ вотъ-съ, какъ обо всемъ объ этомъ подумаешь, пофилософствуешь, то, я вамъ скажу, это хуже, чѣмъ о свѣтопреставленіи думать. Умъ за разумъ заходитъ, и невольно приходишь къ глубокому, полному горечи, заключенію, что... Да нѣтъ! Я рѣшительно хочу въ нѣкоторомъ родѣ, знаете, удалиться отъ треволненій свѣта...

Digitized by Google

III.

Сила, слабость и неразумiе.

Въ одномъ городѣ жила барыня. Звали ее Татьяной Даниловной Слѣпневой. Городишка былъ бѣдный, маленькій, съ конца въ конецъ рукой подать, а барыня была богатая, важная. Веселыхъ, каменныхъ домовъ, что мечутся въ глаза своимъ просторомъ, большими окнами и яркими красками, встрѣчалось въ городишкѣ немного, и то на одной главной Дворянской улицѣ, гдѣ по сторонамъ дорожки для пѣшеходовъ были выложены изъ кирпичей. Тянулись въ немъ безконечные заборы, мѣстами коломъ подпертые, мѣстами совсѣмъ развалившіеся, и торчали между ними, согнувшись на бокъ, словно пришибленныя, сѣрыя деревянныя лачуги, въ которыхъ и собакѣ жить было бы не особеннымъ счастіемъ. Перебивались въ этихъ лачугахъ со дня на день, едва сводя концы съ концами, жалкіе, безграмотные мѣщане и обтерханные, изморившіеся чиновники, высматривавшіе, не идетъ ли кто изъ мѣщанъ по дѣлу въ присутственное мѣсто, не несетъ ли имъ завалившагося рубля ребятишкамъ на молочишко. Только этими рублями они и жили... Изрѣдка наѣзжали въ городъ помѣщики изъ ближнихъ деревень съ тяжебными дѣлами, только какъ они понаѣдутъ, тогда въ городѣ и праздникъ: и у мѣщанъ работа, и у чиновниковъ прибыль и—что грѣха таить—въ кабакѣ больше косушекъ выходитъ. Въ другіе же дни съ утра до вечера, бывало, тишина стоитъ въ городѣ, не кипитъ въ немъ бойкая жизнь со своими ловкими плутнями, трудовымъ шумомъ и большими ожиданіями, не снуютъ люди съ веселыми лицами и зоркими глазами въ надеждѣ что-нибудь продать или купить и зашибить крупную прибыль; всѣ, точно мухи въ осеннее время, когда на нихъ холодомъ пахнетъ, едва ползаютъ и, глядя на ихъ вялую поступь, кажется, видишь, какъ не трудъ долголѣтній, не страсти кипучія, а одна нужда-горе налегла на ихъ плечи тяжелою ношею, спутала ихъ ноги и руки сильныя и такъ ихъ умаяла, что хоть въ могилу лечь, такъ и то было бы для нихъ благомъ. Вечеръ настанетъ, еще тише сдѣлается на улицахъ, не гремятъ колеса, не ѣдутъ знако-

Digitized by Google

мые другъ къ другу о дѣлахъ общихъ потолковать, посудить о томъ, что на свѣтѣ дѣлается, и рѣшить: такъ ли оно дѣлается? не нужно ли какихъ перемѣнъ?... Ничего этого нѣтъ въ городѣ; радъ каждый, что въ небѣ стемнѣло, что уснуть можно и хоть нѣсколько часовъ не видать лохмотьевъ и заплатъ своей бѣдности. Беззвучно идетъ ночь, только иногда гдѣ-нибудь собака завоетъ съ голода, а, можетъ-быть, и передъ покойникомъ,—кто ее знаетъ! А кругомъ города тянутся поля кочковатыя, безплодныя, мѣняясь съ топкими болотами, въ сторонѣ лѣсъ неприглядный виднѣется съ кривыми березами, съ приземистыми елками и чернѣется избитая дорога. Не много считалось счастливыхъ людей въ городѣ, которымъ удалось прокатиться по ней до другихъ большихъ городовъ, посмотрѣть на другую жизнь; иные и представить-то себѣ не могли, что такіе же точно люди, какъ и они сами, умѣли устроить для себя другую жизнь... Говорится, что на безлюдьи и Ѳома дворянинъ,—такимъ-то дворяниномъ была и барыня. И въ церкви она милостыню нищимъ подаетъ, и духовенство въ праздникъ молебенъ отслужить пригласитъ, и чиновникамъ какую-нибудь бумагу настрочить прикажетъ, и когда кто-нибудь захвораетъ, да лѣкаря не можетъ позвать, то и идетъ къ барынѣ; у нея тамъ лѣкарства разныя, нальетъ она чего-то пять-шесть капель въ пузырекъ съ водою,—ну, бѣдному человѣку и полегчаетъ. Вотъ за нее весь городъ и молится, въ церкви ей первое мѣсто, послѣ обѣдни ей первой несетъ священникъ просфору; ѣдетъ она по улицѣ—ей всѣ въ поясъ кланяются; даже мимо ея окошекъ идутъ, такъ шапки снимаютъ. Ей и хорошо, и весело и, кажется, калачомъ бы ее не выманить въ богатый и большой городъ изъ этого бѣднаго городишка, на который свѣжему человѣку со стороны смотрѣть было бы тошно, потому что хоть чужое горе и не свое, а все-таки какой ни на-есть человѣкъ счастливый, но если онъ ничего вокругъ себя не видитъ, кромѣ горя, да горя, такъ и у него сердце сожмется и, кажется, бѣжалъ бы онъ безъ оглядки, долго бѣжалъ бы, только бы встрѣтить веселое лицо и услышать звонкій смѣхъ беззаботнаго счастья. Ну, а барыня привыкла, присмотрѣлась къ этому городишку, полюбила его, не скучала. И то сказать: скучать-то ей было некогда. Такимъ, какъ она, добродѣтельнымъ людямъ и то скуку разгоняетъ и великую радость приноситъ, что они благодѣтельствовать могутъ, а у нея, кромѣ того, и своихъ заботъ было много.

Digitized by Google

Мѣщане и чиновники отъ бездѣлья пропадали, а барынѣ своихъ двухъ рукъ иногда на дѣло недоставало. Въ праздникъ утромъ спѣшитъ она обѣдъ заказать, чтобы принять старшихъ изъ чиновниковъ, да угостить кого-либо изъ монашествующихъ лицъ, странниковъ или юродивыхъ, потомъ къ обѣднѣ ѣдетъ, почетомъ пользуется, тамъ обѣдомъ распоряжается, гостей разсаживаетъ, вечеромъ въ карты поиграетъ, разсказовъ о Святой Землѣ и разныхъ обителяхъ послушаетъ, а сама уже думаетъ, что завтра надо начать ягоды чистить, варенье варить, капусту рубить или огурцы солить. Подойдетъ поздняя осень,—барыня съ приказчикомъ изъ деревни возится, провѣряетъ его, оброки считаетъ. Около Рождества смотритъ, хороши ли въ деревнѣ холсты выткали бабы, много ли къ полотенцамъ кружевъ деревенскихъ наплели, жирныхъ ли гусей накололи. Сама все смотритъ, все провѣряетъ, въ головѣ же вертятся мысли о томъ, что бы такое сдѣлать съ дряннымъ мужичонкой Ѳомкой, за которымъ каждый годъ недоимки? Пишетъ она письмо къ одному изъ старшихъ чиновниковъ, зоветъ его на совѣтъ.

— Такъ и такъ,—объясняетъ ему:—житья мнѣ нѣтъ отъ этого дрянного мужичонки Ѳомки, въ гробъ онъ меня сведетъ, каналья!

— Ну, стоитъ ли, матушка, вамъ изъ-за него себя убивать?—утѣшаетъ ее чиновникъ.—Вотъ рекрутчина будетъ, такъ мы ему лобъ забреемъ, чтобы и онъ, и другіе знали, каково свою барыню, мать родную, не слушать.

— А я вамъ гусей отобрала,—молвитъ барыня.—Хорошіе пынче гуси.

— Много вамъ обязанъ, благодѣтельница наша,—цѣлуетъ ручку у барыни чиновникъ.—Хотѣла жена васъ еще одной просьбицей утруждать, да у меня и языкъ не поворачивается, такъ много вы насъ одолжаете.

— Говорите, что такое?

— Право, совѣстно мнѣ...

— Ну, вотъ еще! Могу—сдѣлаю, не могу—такъ на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Такъ-то оно такъ, только пусть ужъ лучше жена сама скажетъ.

— Экой несговорчивый!

— Ей-Богу, совѣстно!

— Что это вы первый день, что ли, меня знаете. Дура я развѣ, что не понимаю, каково моимъ ближнимъ-то жить,

Digitized by Google

или я пересмѣшница какая, что надъ чужой нуждой посмѣюсь?

— Да будь я звѣрь безчувственный, такъ и то не подумалъ бы этого, матушка, дѣла ваши святыя видя.

— Такъ и говорите!

— Охъ; ужъ куда ни шло! Бѣльецо, вотъ видите ли, у ребятишекъ обносилось, тряпье-тряпьемъ стало, узлами связываетъ, а достатки наши...

— Э,—перебиваетъ барыня:—холста, вѣрно, надо? Такъ бы и сказали! Вотъ я завтра разберусь, такъ съ Петрушкой пришлю къ вамъ.

Глядишь, на другой день Петрушка кряхтитъ, еле тащится съ холстами къ чиновнику. Впрочемъ, и годы-то Петрушки были не малые, за седьмой десятокъ перевалило. Вообще не любила барыня молодыхъ вертопраховъ. Всѣ ея слуги, и Анютка-ключница, и Глашка-кухарка, и Олягорничная, и Матюшка-кучеръ больше пятидесяти лѣтъ на свѣтѣ прожили. Да и не только что въ прислугѣ, а и въ знакомыхъ не любила барыня этой глупой молодежи, потому что ужъ какой ни родись человѣкъ хорошій, а въ молодые годы все-таки у него вѣтеръ въ головѣ ходитъ. «Всѣ они богоотступники!» говорила барыня про молодыхъ, и, бывало, такъ и возрадуется, если надъ ними какое-нибудь несчастіе стрясется. «Это, говоритъ,—испытанье, это ихъ гордыню сломитъ, пусть горе узнаютъ, тогда и на путь истинный возворотятся!» И не пустая это злоба была, не дьявольское напущеніе, вотъ какъ у иного молокососа на старыхъ злоба бываетъ, а горькое чувство, купленное долгими годами и тяжелымъ опытомъ.

Были у барыни два сына. Еще они едва говорить умѣли, когда она стала о нихъ неусыпно заботиться, чтобы ихъ въ казенное училище пристроить. Ѣздила она и въ Москву, и въ Петербургъ по этому дѣлу, хоть и горько было материнскому сердцу дѣтей однихъ на чужія руки оставлять; только одно ее и утѣшало, что это для нихъ же въ пользу. «Не приходится мнѣ капиталъ на ихъ ученье тратить,—думала она.—Что имъ за радость будетъ, если учеными голяками вырастутъ? Потомъ, пожалуй, и службы не найдутъ, а тутъ будетъ имъ и мѣсто готовое, и деньги на черный день останутся». Отдала она ихъ—когда одному пошелъ девятый, а другому десятый годъ—въ ученье, далеко отдала, за тысячу верстъ отдала. «Вѣруйте въ Бога,—сказала она имъ на прощаньи:—уважайте старшихъ, учи-

Digitized by Google

тесь хорошо и будете счастливы». Дѣти уѣхали, стали учиться, барыня стала попрежнему хозяйничать, имѣніе устраивать, больныхъ лѣчить, въ церковь ходить. Бывало, кладетъ земной поклонъ и думаетъ: «Это за дѣтей!» Привезутъ ей изъ деревни холстовъ:—«Это дѣтямъ!» говоритъ она, отбирая въ кладовую лучшіе куски. Начнетъ тяжбу съ сосѣдомъ, выиграетъ прибавку къ своей землѣ,—пишетъ дѣтямъ: «Вы у меня богатые будете, я вамъ еще землицы пріобрѣла». Материнское-то сердце заботливо, вездѣ его любовь скажется, только дѣти-то ее плохо чувствуютъ. Что хлопотъ было у барыни, когда подошло время ея сыновьямъ въ офицеры выходить! И комнаты она для нихъ приготовляетъ, и дѣвушекъ заставляетъ бѣлье шить, и ночью вскакиваетъ въ окно поглядѣть, какъ услышитъ, что мимо дома бубенцы прозвенятъ... Пріѣхали сыновья. Старшій—коренастый такой, приземистый, съ суровыми бровями, исподлобья смотритъ, неразговорчивый. Меньшой—худенькій, на боль въ спинѣ жалуется, а ничего—веселый. Мать ихъ цѣлуетъ, не наглядится на нихъ, вареньями угощаетъ, но видитъ, что нѣтъ въ дѣтяхъ особенной ласки и точно они въ чужой домъ пріѣхали, дичатся, а все-таки по материнской добротѣ своей думаетъ: «это они съ дороги устали!» Время въ разговорахъ скоро летитъ; съ десяти часовъ, когда они пріѣхали, просидѣла семья до двухъ ночи. Сыновья спать пошли, а барынѣ не до сна. Стала она обѣдъ къ слѣдующему дню заказывать, отбирать лучшую птицу къ жаркому, хлопочетъ, бѣгаетъ, а тутъ и заря стала заниматься... Пошла барыня сыновей будить, чтобы къ обѣднѣ ѣхать.

— Я усталъ,—промолвилъ старшій сынъ:—мнѣ отдохнуть хочется.

— Послѣ отдохнешь,—отвѣтила мать:—а теперь долгъ христіанскій исполнить надо.

— Да что же это за колотьба будетъ, если я буду стоять и думать, какъ бы уйти поскорѣе?

— Ну, ужъ ты мнѣ этихъ рѣчей не говори, это тебя демонъ смущаетъ.

— Какой демонъ! просто здравый разсудокъ говоритъ.

— Вотъ онъ-то и есть демонъ... Да я и толковать объ этихъ вещахъ съ тобой не стану, молодъ ты для этого, а состаришься, такъ и самъ поймешь то, что я теперь понимаю. Поѣдемъ.

Поѣхали. Послѣ обѣдни на дому молебенъ отслужили,

Digitized by Google

позвала барыня всѣхъ знакомыхъ чиновниковъ къ обѣду, духовенство, случились тутъ двѣ странницы и одинъ юродивый. Всѣмъ-то барыня на радости хочетъ своихъ сыновей показать, похвастать ими... Старшій сынъ молчитъ, хмурится, если же и скажетъ какое слово, такъ точно ножомъ по тарелкѣ проведетъ. Услыхалъ онъ, что о нуждахъ чиновниковъ жалѣть стали, и говоритъ:

— Ну, такъ не служили бы, если жалованья мало; развѣ ихъ держатъ?

— А чѣмъ же жить-то тогда они будутъ?—спросили его.

— Пусть дѣло какое-нибудь дѣлаютъ.

— Какое же?

— Мало ли дѣлъ? Пусть сапоги тачаютъ, платье шьютъ, дѣтей учатъ, торговлей занимаются или частныхъ мѣстъ ищутъ.

— Да развѣ они чему-нибудь обучались? Кто имъ частное мѣсто дастъ?

— Ну, а не обучались, частныхъ мѣстъ достать не могутъ, такъ пусть и не жалуются. У мужика еще меньше достатки, а онъ еще и оброки господамъ платитъ.

— Такъ онъ мужикъ.

— Э, всѣ мужики, кто себя въ дворяне произвести не можетъ.

— Полно ты мужика-то жалѣть,—обидѣлась мать на неразумныя рѣчи.—Молодъ ты, не видалъ еще мужика, а былъ бы умнѣе и посмотрѣлъ бы на него, такъ и не то бы запѣлъ. Пьяница мужикъ!

— Что жъ мужику и дѣлать въ свободное время, какъ не пить? Мы, грамотные, газеты и книжки читаемъ, у насъ есть чѣмъ заняться и о чемъ поговорить. А о чемъ онъ говорить станетъ? О своемъ житьѣ-бытьѣ? Такъ онъ не дуракъ, изъ этого пользы никакой не видитъ, горе же и безъ разговоровъ о немъ надоѣло. Нашъ братъ насидится за писаніемъ бумагъ, такъ и поплясать радъ, а трезвому мужику плясать не подъ силу, онъ за плугомъ довольно по полю находился. Вотъ вы бы придумали, что ему дѣлать во время отдыха?

— Такъ, по-твоему, онъ и хорошо дѣлаетъ, что пьетъ.

— Не хорошо, а все-таки другого выхода нѣтъ. Да что вы мужика за пьянство ругаете? Прочли бы, сколько дорогихъ винъ въ городахъ выходитъ, тогда бы и увидали, что не онъ одинъ пьетъ. Пьютъ и тѣ, кому нужды въ питьѣ нѣтъ.

Digitized by Google

— Не приходится мнѣ читать эти глупости, и ты-то глупо дѣлалъ, что книгъ зачитался. Умъ за разумъ у тебя отъ нихъ зашелъ!

Сѣли обѣдать. Меньшой сынъ сталъ подшучивать за обѣдомъ надъ странницами, виномъ ихъ потчуетъ, заставляетъ про Іерусалимъ разсказывать, да, смѣясь, говоритъ, что онѣ все это врутъ. Откушали супъ, на грѣхъ юродивый, по своей глупости, и плюнулъ на тарелку; обтеръ ее салфеткой и хотѣлъ говядины взять.

— Свинья!—крикнулъ старшій сынъ.—Убирайся изъ-за стола!

— Что ты это, Вася?—сказала мать.—Онъ Божій человѣкъ; не стыдно ли притѣснять слабыхъ!

— Онъ свинья, а не Божій человѣкъ. Я ѣсть теперь не могу. Почему я знаю, что онъ не плевалъ и на эту тарелку, что мнѣ подана?—сказалъ суровый сынъ и вышелъ изъ-за стола.

— Вѣрно, ѣсть не очень хочется,—вспылила барыня:—такъ и дуришь!

Гости всполошились-было. Юродивый началъ хныкать, хотѣлъ уйти изъ комнаты, но барыня сказала ему:

— Сиди, Митя!

— Что-жъ онъ лается? Онъ Митю прибьетъ?

— Не прибьетъ!

— Ой ли? Мать за Митю заступится? А? А онъ и мать прибьетъ?

— Ну, это посмотримъ еще,—нахмурилась барыня.

Кольнуло ее въ самое сердце простое слово неразумнаго человѣка.

Прошелъ обѣдъ. Начали гости разговаривать между собою, другіе за карты сѣли, третьи меньшого сына про столицу разспрашивать начали, да все какъ-то не клеилось, каждому будто что-то мѣшало. Мѣшало то, что главнаго гостя въ комнатѣ не было. Вотъ такъ-то иногда можетъ человѣкъ мѣшать людямъ даже и тѣмъ, что его нѣтъ между ними! Кончился день; никого онъ не веселилъ, только одинъ меньшой сынъ и смѣялся, точно онъ и не замѣтилъ, что такое случилось. Хорошо жить на свѣтѣ такимъ веселымъ людямъ, и смотрѣть на нихъ отрадно... На другое утро пришелъ меньшой сынъ къ матери, сталъ чай пить. Видитъ мать, что ему какъ-то неловко и не смѣется онъ, какъ смѣялся все время съ самаго пріѣзда.

Digitized by Google

— Гдѣ Василій?—спросила она.

— Онъ вещи собираетъ.

— Какія вещи?

— Свои. Ѣхать въ полкъ хочетъ.

— Что онъ—съ ума сошелъ? Кто ему позволитъ?

— Вы его не знаете!—промолвилъ меньшой сынъ, боязливо озираясь, будто боясь, что братъ услышитъ его слова.

— Вотъ мило! Своего-то сына не знаю! Да кто же его на свѣтъ родилъ, чье молоко онъ сосалъ? И ты-то глупишь тоже. Пустыя рѣчи говорить научился!

Прошло минутъ десять. Вошелъ сынъ Василій, совсѣмъ готовый къ отъѣзду.

— Прощайте, матушка, — промолвилъ онъ ровнымъ и покойнымъ голосомъ, какъ будто онъ гулять на пять минутъ шелъ.

— Куда ты?

— Въ полкъ.

— Глупости, оставайся! Что ты меня срамить на весь городъ вздумалъ? Третьяго дня пріѣхалъ, а сегодня уѣзжаешь. Что постороннiе-то скажутъ?

— Довольно минуту съ людьми побыть, чтобы узнать, можно ли съ ними вѣкъ прожить.

— Ну, такъ что же?

— Ну, я и узналъ, что я съ вами не могу жить, а ссориться и съ чужими не хочу, съ матерью же и еще того меньше.

— Да развѣ смѣетъ сынъ съ матерью ссориться? Въ умѣ ли ты? Ты, вѣрно, въ дорогѣ горячку схватилъ? Я тебя полѣчу.

— Что намъ изъ пустого въ порожнее переливать. Я ѣду—вотъ и все. Вы для меня своей жизни не перемѣнитс, а я для васъ своей не перемѣню.

— Ужъ я думаю, что не подъ лѣта мнѣ перемѣнять жизнь. Я къ ней въ пятьдесятъ-то лѣтъ привыкла, а ты въ двадцать два года не очень привыкъ и могъ бы перемѣниться.

— Такъ-то оно такъ, но если вы перемѣните свою жизнь, то помучитесь съ новой лѣтъ двадцать, а если я вздумаю перемѣнить свою, такъ, пожалуй, и пятьдесятъ придется мучиться. Значитъ, мнѣ меньше выгодъ къ перемѣнѣ, чѣмъ вамъ.

— Да какъ ты смѣешь разсуждать? Оставайся, я тебѣ приказываю, вотъ и весь сказъ!

Digitized by Google

— Вы сами не знаете, что говорите. Я не за позволеніемъ сюда пришелъ. Позволеніе я только у своего разсудка прошу. Я просто хотѣлъ сказать, что я ѣду, проститься хотѣлъ.

— Нечего и прощаться, потому что ты не поѣдешь. Ступай, раздѣнься и приходи чай пить. Только время у меня отнялъ своею дурью, вонъ и самоваръ заглохъ.

Сынъ покойно пожалъ плечами и вышелъ своей ровной и твердой поступью изъ комнаты. Черезъ четверть часа къ дому подъѣхалъ ямщикъ. Барыня подошла къ окну, глядитъ: сынъ уложилъ чемоданъ въ телѣгу, поправилъ и приловчилъ подушку для сидѣнья, сѣлъ и попробовалъ, плотно ли фуражка надѣта, ямщикъ подобралъ вожжи, тряхнулъ головой и свистнулъ...

— Стой! — не своимъ голосомъ крикнула барыня, такъ что окна задрожали, и въ то же время, какъ застучали лошадиныя подковы и телѣжныя колеса, въ комнатѣ раздался тяжелый звукъ отъ упавшаго человѣческаго тѣла. Меньшой сынъ обернулся, глядитъ: его мать лежитъ на полу... Говорятъ, что Татьяна Даниловна никогда до этого дня не падала въ обморокъ...

— Ты только одинъ у меня, ненаглядный, остался,—говорила барыня меньшому сыну, когда ее привели въ чувство.—Вотъ ты такой веселый, а въ томъ словно дьяволъ поселился, наложилъ на него печать свою страшную. Смотрѣла я на него: онъ мое сердце разрывалъ на-двое, а у самого ни одна жилка не дрогнула! И отчего это у одной матери дѣти разныя вышли? Объ обоихъ я поровну заботилась, за обоихъ поровну молилась?

— Эхъ, — промолвилъ меньшой сынъ: — не тужите о немъ! Его и въ корпусѣ волчонкомъ звали. Ни друзей, ни пріятелей у него не было; сидѣлъ онъ съ своими книгами, да къ одному господину въ гости ходилъ. Тотъ только всѣмъ и твердилъ: «А не кланяйтесь никому—люди равны; не нужно другихъ тяготить собою и не нужно, чтобы насъ другіе тяготили».

— Проклятыя книги и всѣ эти вольнодумцы. Да будетъ надъ ними мое проклятіе!—говорила барыня.—Губятъ они міръ и доведутъ до того, что людямъ жить нельзя будетъ, что братъ на брата возстанетъ и сынъ на отца... Тебѣ-то, Ваня, я думаю, тяжко такого брата имѣть!

— Что мнѣ онъ! Онъ меня не любилъ никогда, вѣчно ругалъ, что я веселъ, что у меня на душѣ свѣтло. «Ты,

Digitized by Google

говоритъ, смѣешься тамъ, гдѣ плакать нужно. Это не смѣшно, что люди заблуждаются и гадости дѣлаютъ, это должно здоровье наше губить, жизнь нашу отравлять...» А какая мнѣ прибыль изъ-за другихъ себя убивать?

— О себѣ-то убивался бы онъ, а ужъ другихъ-то оставилъ бы въ покоѣ. Заблуждаются! Понимаетъ онъ, молокососъ, что̀ такое заблужденіе значитъ.

Зажилъ меньшой сынъ со своею матерью; понялъ онъ, какъ хорошо дѣтямъ подъ крыломъ матери въ родномъ гнѣздѣ жить. Бывало, спитъ до одиннадцати часовъ, всѣ въ домѣ на цыпочкахъ ходятъ. Въ одиннадцать часовъ придетъ Петрушка будить барина, а тотъ лежитъ и не спитъ, смотритъ, какъ Божій день свѣтитъ въ его горенку, по полу лучами играетъ, его, какъ ребенка, грѣетъ. Нѣжитъ баринъ свое молодое тѣло, лежитъ, разбросившись на постели, подложивъ руки подъ курчавую голову, раскрывъ алыя губы; простыни въ ноги сбиты.

— Что, Петрушка, есть у насъ въ деревнѣ хорошія бабенки?—спрашиваетъ онъ, не поднимая головы.

— Какъ не быть, батюшка, Иванъ Петровичъ! Этого добра вездѣ много.

— И бѣлыя, грудастыя такія есть?

— Есть, батюшка, и такія. Всякія есть.

— Вотъ тамъ бы пожить!

— Къ кофею васъ, баринъ, ждутъ.

— Эхъ, не кофей мнѣ теперь нуженъ! — говоритъ баринъ. — Ну, а, впрочемъ, если зовутъ, такъ и кофею выпьемъ. Натяни на меня носки.

Натягиваетъ Петрушка носочки на бѣлыя, молодыя барскія ножки.

— Дай другую рубашку,—приказываетъ баринъ, снимая ночную сорочку. Петрушка держитъ передъ нимъ рубашку.—Видишь, грудь какая бѣлая?—любуется своею бѣлою грудью молодой баринъ. — Вотъ къ ней бы прижать красную дѣвицу.

— Охъ, вы, шутникъ, ей-Богу! — говоритъ Петрушка, надѣвая на барина сорочку, и силится застегнуть ему пуговки старыми и неловкими руками.

— Убирайся къ чорту, свинья! Ничего не умѣешь ты сдѣлать! Руку ущипнулъ своими ногтями, — сердится баринъ.—Видишь, руки-то у тебя точно желѣзныя!

— Съ работы, батюшка, съ работы.

— Ну, разсказывай сказки! Давай мыться!

Digitized by Google

Плещется, моется, весь полъ ульетъ водою, только подтирай послѣ него, и весело ему освѣжить ключевою водою свое горячее лицо. Натянетъ на него Петрушка сапоги, панталоны и остальную одежду; поругаетъ онъ неумѣлаго олуха Петрушку, потѣшитъ себя и пойдетъ кофей пить. Мать не нарадуется, слыша его молодой голосъ и смѣхъ звонкій. Кажется, птица въ весеннее время и та не бываетъ такъ весела, какъ веселъ молодой баринъ, Иванъ Петровичъ. Только иногда доставалось ему отъ матери, что онъ странницъ дразнитъ и въ церковь рѣдко ходитъ. И то не сильно журила его за это мать, зная, что у него спинныя кости болятъ и отъ долгаго стоянія точно кто плечи давитъ и давитъ. Болѣзнь такая есть, съ чего она начинается, не знаю... Только и этого счастья было ему мало, поѣхалъ онъ деревню осмотрѣть. Живетъ тамъ недѣлю, двѣ. Барыня спрашиваетъ у приказчика, что ея сынъ дѣлаетъ.

— Да что, матушка-барыня, сказать-то боюсь!

— Говори, что такое? Захворалъ онъ, что ли?

— Нѣтъ-съ, слава Богу, здоровы...

— Такъ что же?

— Мужики очень ропщутъ...

— Съ чего имъ роптать, взбѣсились они?

— Бабамъ, говорятъ, проходу нѣтъ.

— О, дуракъ! — разсердилась барыня. — Я думала, и Богъ знаетъ что такое! Извѣстно, молодой человѣкъ, кровь не уходилась.

Между тѣмъ задумалась она. Видитъ, что, и въ самомъ дѣлѣ, сына женить надо. Выписала его изъ деревни, потолковала съ нимъ и отправила его въ полкъ.

— Тамъ городъ большой, — сказала она ему: — можетъ-быть, ты и судьбу свою найдешь.

Поѣхалъ сынъ. Годъ прошелъ — сынъ денегъ проситъ. Послала мать денегъ. Другой годъ прошелъ — сынъ опять денегъ проситъ. Опять мать послала. На третій проситъ сынъ двѣ тысячи и пишетъ, что его въ тюрьму могутъ посадить и изъ службы выгнать, если ему не пришлютъ денегъ. Послала мать денегъ и пожурила его не на шутку. Вдругъ получаетъ письмо, что сынъ женится на бѣдной дѣвушкѣ, изъ института она вышла, поетъ хорошо и собой красавица. «За тебя съ приданымъ дѣвушку отдадутъ,—написала мать сыну,—а не только что такая голь выйдетъ. Любовь—глупость, вы не любовью, а деньгами жить будете. Что тебѣ въ

Digitized by Google

ея пѣснях и въ красотѣ? Красотой не торговать, а пѣснями хлѣба не добудешь. Я не желаю этого брака». Ну, а сынъ, не дождавшись этого письма, и женился. Горько поразило мать это извѣстіе. Перестала она сыну писать. «Онъ меня, старуху, не послушался, такъ и я могу его, молодого, не слушать, когда онъ меня о чемъ-нибудь просить станетъ»,— говорила она. Слышала она, что онъ бьется съ женою въ нуждѣ, что у нихъ сынишка родился, и все-таки не написала имъ ни одного слова. «Пусть узнаютъ горе, — говорила она: — а потомъ и счастье слаще будетъ. Погибнуть имъ я не дамъ. Они думаютъ, мнѣ легко было сберечь капиталъ?» Случись же такое несчастіе, что сынъ въ это время умеръ. Мать и не думала, что она переживетъ это горе, такъ ей было тяжко, такъ горячо она сына родного любила. Чужіе люди, глядя на ея горе, плакали. Пожертвовала она денегъ на поминовеніе его души въ монастырь и выписала невѣстку съ внукомъ. Пріѣхала невѣстка, барыня такъ и ахнула.

— Да неужели ему пять лѣтъ?—всплеснула она руками, глядя на ребенка. — У насъ двухгодовалые больше. Впрочемъ, чему и удивляться: у васъ у самихъ въ чемъ душа держится!

Въ самомъ дѣлѣ, невѣстка была маленькая, слабая, каждая жилка у ней видна, точно она изъ сахару сдѣлана.

— Я бы васъ и не выписала, — сказала барыня. — Мнѣ внукъ былъ нуженъ, я его при себѣ воспитывать хочу, онъ мой наслѣдникъ; да только мнѣ не хотѣлось мать съ сыномъ разлучить.

Невѣстка заплакала.

— Что вы, ребенокъ, что ли, что плачете? Это дѣтямъ позволительно. Ну, поди сюда, поздоровайся со мною, — сказала барыня, глядя на внука и съ сожалѣніемъ качая головой.

Сердце у ней сжималось отъ его тщедушности.

— Онъ боится чужихъ людей,—промолвила невѣстка.

— Пусть боится чужихъ,—усмѣхнулась барыня:—а я-то ему не чужая. Иди сюда!

Ребенокъ не шелъ.

— Видно, въ дядю волчонкомъ родился, — разсердилась барыня.—Ну, да мы тебя исправимъ.

Невѣсткѣ отвели одну комнату, внуку другую. Пришло время завтрака. Татьяна Даниловна сѣла, указала на мѣ-

Digitized by Google

сто невѣсткѣ. Та хотѣла подвинуть стулъ для своего сына, но барыня не позволила ей сдѣлать это.

— Погодите, — сказала она. — Вы избаловали мальчика, а мнѣ приходится исправлять.

Начали ѣсть. Ребенокъ сталъ просить кушать. Мать хотѣла дать ему ѣды, но барыня остановила ее.

— Подойди ко мнѣ, такъ я дамъ,—сказала она.

Ребенокъ не подошелъ и сталъ плакать.

— Я не могу ѣсть!—воскликнула въ волненіи невѣстка.

— Глупости! Ѣшьте. Я не такихъ капризныхъ выучивала. Или вы хотите на свою шею негодяя вырастить? Гдѣ у васъ любовь-то материнская? Молоды вы, какъ я на васъ погляжу, вамъ бы въ куклы играть, а не замужъ выходить, не дѣтей воспитывать. Погубить родное дѣтище хотите баловствомъ. Стыдитесь!

Кончился завтракъ. Убрали кушанье. Прошло съ часъ времени. Ребенокъ запросилъ кушать. Барыня показала ему ѣду.

— Подойди ко мнѣ, такъ я тебѣ дамъ кушать.

Ребенокъ тихо, понуривъ голову, подошелъ.

— Вотъ тебѣ кусочекъ булочки.

Ребенокъ съѣлъ и попросилъ еще.

— Поцѣлуй меня, я тебѣ дамъ булочки съ говядиной.

Ребенокъ поцѣловалъ барыню.

— Вотъ видите, и сталъ умнѣе,—сказала барыня.—Дитя не игрушка, о немъ заботиться надо, его воспитать надо. Отъ нашихъ заботъ о немъ зависитъ вся его жизнь. Это каждая мать должна помнить.

Такъ пошли дни за днями. Барыня по хозяйству хлопочетъ, невѣстка вышиваетъ рукавчики и воротнички себѣ, внукъ играетъ въ своей комнатѣ и сказки старой няньки слушаетъ, такъ какъ барыня не велѣла невѣсткѣ съ сыномъ сидѣть, чтобы онъ не баловался. «Мальчику не подъ материнской юбкой сидѣть»,—говорила она. Находится барыня по дому, нахлопочется, устанетъ и придетъ заглянуть, что невѣстка дѣлаетъ, а та либо, пригорюнившись, въ окно на пустую улицу смотритъ, либо воротнички кисейные вышиваетъ, либо плачетъ надъ портретомъ покойнаго мужа. Тошно сдѣлалось барынѣ смотрѣть на эту слезливую праздность.

— Неужели вы и съ мужемъ-то такую жизнь вели? — спрашиваетъ она. — Да какъ вы ему не надоѣли? Видно,

Digitized by Google

вы его своимъ бездѣльемъ и въ гробъ свели. Ну, чего вы смотрите по цѣлымъ часамъ на пустую улицу? Дѣло-то развѣ въ это время само сдѣлается? Вы взгляните на меня: я всегда въ работѣ, все въ моихъ рукахъ кипитъ. А на что ваши воротнички годятся? Для кого вы рядиться въ нихъ будете? Или ужъ не жениха ли вы высматриваете? Такъ въ такомъ случаѣ и плакать надъ портретомъ мужа нечего, и въ моемъ домѣ жить стыдно, если ужъ мой сынъ вамъ постылымъ сдѣлался.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Какъ что? Мало развѣ дѣла? Развѣ вы не видите, что я убиваюсь, вожусь и съ приказчикомъ, и съ прислугой, и по хозяйству, и съ больными?

— Если хотите, я буду вамъ помогать.

— Если хотите! Да вы и безъ моего хотѣнья должны бы знать, что я не кухарка ваша, что я не обязана для васъ биться. Это здравый смыслъ говоритъ. Стыдитесь! Дѣтей нажили, а не понимаете жизни. Чему вы сына-то учить будете? Эхъ, Ольга Васильевна, не стала бы я вамъ этого и говорить, если бы мы не родныя были. Вѣдь жаль мнѣ, что чужіе люди будутъ васъ осуждать. Вотъ, скажутъ, молодая и здоровая женщина заставляетъ за себя старуху бѣгать и заботиться, да еще даромъ.

Слабая невѣстка расплачется и, чѣмъ бы бросить свою лѣнь, она только охаетъ и думаетъ: «хоть бы съ сыномъ раздѣлить горе!» А какое горе? Вѣдь живетъ же барыня безъ горя, не напускаетъ на себя слабости и малодушія? Придетъ ночь, невѣстка на цыпочкахъ въ бѣлой юбкѣ и бѣлой кофтѣ проберется къ своему сыну, сядетъ близъ него и тихо плачетъ, цѣлуя его и обливая горючими слезами. Ребенокъ робко откроетъ глаза и задрожитъ, потомъ натянетъ на себя одѣяльце и лежитъ, не шевелясь, пока не уйдетъ мать. На другой день невѣстка попробуетъ помочь свекрови въ ея хлопотахъ, да неумѣлая она такая; начнетъ счетъ писать — разобрать нельзя, начнетъ холсты разсматривать—дыры проглядитъ и въ счетѣ аршинъ спутается, больныхъ лѣчить станетъ—еще того хуже выйдетъ.

Разъ пришла къ Татьянѣ Даниловнѣ баба за лѣкарствомъ. Руку она зашибла, думала, что пройдетъ; работать стала, потому что не приходится же, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь бабѣ съ рукой няньчиться, а рука какъ на грѣхъ начала пухнуть. Баба постнымъ масломъ ее потерла — рука все больше пухнетъ; попробовала баба къ ней тертой мор-

Digitized by Google

кови приложить—еще хуже, глядитъ—рана сдѣлалась. Пришлось идти къ барынѣ-благодѣтельницѣ.

— Посмотрите, что у нея тамъ,—сказала барыня невѣсткѣ, когда пришла больная.

Невѣстка вышла къ бабѣ въ переднюю.

— Что у тебя?

— Рука, матушка, рука.

— Что же съ ней такое случилось?

— Охъ, ужъ и не знаю, кормилица. Зашибла.

— Покажи.

Извѣстно, баба глупая, безчувственная, размотала она грязныя тряпицы и показываетъ руку: словно это и не ея рука, а такъ какое-нибудь полѣно.

— Вонъ смотри. Ишь! какъ ее разнесло!

— Господи!— воскликнула Ольга Васильевна, взглянувъ на руку, и залилась слезами, закрывъ лицо рукою.

Баба поглядѣла-поглядѣла и на нее, и на свою руку, и спросила, вздыхая:

— Что дѣлать-то съ ней велишь?

— Ахъ, несчастная, несчастная!.. Я смотрѣть не могу...

— Ничаво, значитъ пройдетъ?—спросила баба, поглядывая на руку.

— Не знаю... Нѣтъ... Но я не могу, никакъ не могу...

— Охъ, ужъ ты полѣчи. Работа стоитъ, вишь время-то какое...

— Ну, что у нея?—спросила барыня, возвращаясь въ переднюю.

— Ужасно, ужасно! я видѣть этого не могу. У нея рана.

— Ну, такъ что же, что рана? Обмыли вы ее?

— Нѣтъ.

— Такъ что же вы тутъ стояли съ нею полчаса? Э, да вы, кажется, расплакались!—замѣтила барыня, взглянувъ на лицо невѣстки.—О чемъ это?

— Да это просто ужасно... Страдалица!..

— Страдалица!—усмѣхнулась барыня.—Легче ей, что ли, стало отъ вашихъ причитаній? Уйдите ужъ лучше въ комнату, а то смотрѣть на васъ тошно. Тутъ помощь нужна, а вы хнычете. Вы не ее жалѣете, а просто брезгаете бѣднымъ человѣкомъ, своей блажи потакаете. Подите! Покажи руку,—обратилась барыня къ бабѣ и начала обмывать рану; баба только вздыхала, поглядывая на руку.

Перевязала барыня руку.

Digitized by Google

— Ну, ступай теперь. Перемѣняй примочку, а какъ вся выйдетъ, приди опять.

— Теперь полегчаетъ?

— Разумѣется, полегчаетъ. Ты тамъ разной дрянью со пачкала, оттого и распухла.

— То-то. Спасибо. А то вонъ молодуха-то твоя говоритъ, что не полегчаетъ.

— Много она смыслитъ, полоумная,—разсмѣялась барыня.

— Ишь ты! Я и думаю: съ чего ей не полегчать? А вонъ она говоритъ: не полегчаетъ,—разсуждала баба, качая головой и выходя отъ барыни.

Другой разъ стала невѣстка лѣкарства отпускать—банки перепутала.

— Что это вы, ужъ лучше бы не брались за дѣло. Шили бы свои воротнички. Вы отравите людей-то. Вотъ то-то и есть, что Богу вы худо молитесь, такъ и о людяхъ не думаете. Вамъ ничего отравить ближняго.

— Я, ей-Богу, не хотѣла дурного сдѣлать, — заплакала Ольга Васильевна.

— Не хотѣли, а сдѣлали. Это одно и то же. А все оттого, что вы себя только любите, а о людяхъ не научились заботиться. Вамъ жизнь ближняго ничего не значитъ. А еще рюмите цѣлыми днями, точно и Богъ-вѣсть какое нѣжное сердце имѣете.

Видитъ сама невѣстка, что она такая неумѣлая, незаботливая.

— Простите, говоритъ,—меня, я такая глупая, слабая..

— Что прощенье? Изъ него не шубу шить. Этакъ вы убьете человѣка, да прощенья попросите и подумаете, что вы правы? А вы дѣла добрыя дѣлайте! Съ меня примѣръ берите. Я всю жизнь работаю, я васъ кормлю, внука держу. Ваши родители, небось, не ваяли васъ.

— Они бѣдны...

— Бѣдны! Что вы нищаетесь! Развѣ можетъ здоровый человѣкъ быть бѣднымъ? Чай, руки-то у него есть? Каждый на хлѣбъ достанетъ. Лѣнивые—вотъ отчего и бѣдные! Этакъ всякому бы нужно было имѣніе имѣть, наслѣдство получить, чтобы съ голоду не умереть. Тогда всѣ бы господами были, а кто же работать-то сталъ бы тогда? Ну, вы мнѣ скажите, Ольга Васильевна, кто бы тогда работалъ?

Послушаетъ невѣстка умныхъ рѣчей и опять ночью плачетъ надъ сыномъ, убивается, что у нея силы нѣтъ, что она слабая, что сильный не понимаетъ слабаго, а сынъ

Digitized by Google

опять тихо проснется и натянетъ на себя одѣяльце... Шли годы. Росъ мальчикъ. Странный, чудной онъ былъ такой. Мать любитъ, ласкаетъ ее безъ бабки, а при бабкѣ не подойдетъ къ ней. Скажутъ ему: погуляй въ саду,—онъ погуляетъ. Не бѣжитъ на траву, а по дорожкамъ гуляетъ. Увидитъ цвѣтокъ, — понюхаетъ, а не сорветъ цвѣтка. Запоетъ птица,—онъ остановится и съ мѣста не сойдетъ, пока птица не перестанетъ пѣть. Ползетъ по дорогѣ букашка—онъ ее обойдетъ, раздавить боится. По часамъ сидитъ онъ въ темномъ саду надъ прудомъ, глядитъ, какъ ива купаетъ вѣтви въ водѣ, какъ дрожатъ ея листья отъ вѣтра, какъ изъ пруда какія-нибудь букашки выскакиваютъ на поверхность воды. Придетъ мать его въ комнату звести, а онъ говоритъ ей таинственнымъ шопотомъ:

— Тише, тише, тише!

Махаетъ онъ при этомъ едва замѣтно руками.

— Что такое?—спрашиваетъ мать.

— Вонъ онѣ разговариваютъ!

— Кто онѣ?

— Ивы.

— Полно дружокъ,—скажетъ мать:—ива не умѣетъ говорить. Говоритъ только тотъ, кто думать умѣетъ.

— И она думаетъ.

— Нѣтъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Я сама это знаю.

— Ха, ха, ха,—смѣется онъ глупымъ смѣхомъ.—Ничего ты не знаешь. Ива живая, ива воду любитъ, на ивѣ листья растутъ, а ты говоришь, что она не думаетъ!

— Это не она сама по себѣ, это ей Богъ велѣлъ тутъ расти,—затрудняется мать объяснить глупому сыну его заблужденіе.

— И людямъ Богъ велѣлъ на землѣ жить, а люди говорятъ,—задумчиво говоритъ сынъ, качая головой.— Ничего ты не знаешь!

Начали его учить; дьяконъ ходитъ къ нему. Учится онъ, уроки знаетъ отъ доски до доски; спросятъ его: что ты училъ сегодня?—онъ начнетъ говорить урокъ сначала.

— Да ты скажи, о чемъ это ты училъ?—спросятъ его.

— Не знаю,—отвѣчаетъ онъ.

— Да ты же сейчасъ отвѣчалъ урокъ?

— Отвѣчалъ.

— Ну, о чемъ же ты говорилъ?

Digitized by Google

— Объ урокѣ.

Такъ, бывало, и махнутъ рукою. Упрямство это, должно-быть, было. Вотъ тоже и память у него была странная: прочтутъ ему длинную-предлинную исторію—онъ ее всю разскажетъ, ничего не забудетъ, а велятъ имя какое-нибудь коротенькое запомнить—не запомнитъ. Много ему наказаній за это упрямство доставалось. Совсѣмъ онъ глупый былъ и на человѣка не похожъ: худой, блѣдный, высокій, съ длинными волосами, съ темными большими глазами, только и свѣтятся, бывало, они, когда кто-нибудь его матери обидное слово скажетъ. Смолчитъ онъ, а какъ мать останется съ нимъ одна, онъ и подойдетъ къ ней.

— Ты не плачь, мама,—говоритъ онъ. —Ко мнѣ ночью приходитъ богиня, бѣлая вся, бѣлая съ темными волосами... Она цѣлуетъ меня и говоритъ мнѣ: «не плачь и матери своей скажи, чтобы она не плакала. Я за вами смотрю, я за всѣми людьми смотрю!» говоритъ онъ это, и глаза блестятъ, какъ огонь блестятъ, точно онъ умный, точно онъ сильный.

— Это не богиня,—рыдаетъ мать:—а я прихожу къ тебѣ.

— Неправда, неправда! — крикнетъ онъ, сверкая глазами.—Зачѣмъ ты ей не вѣришь? Она мнѣ сама говорила. Слышишь—сама, сама говорила!

Мать еще больше расплачется и уже не идетъ къ нему въ слѣдующую ночь, а онъ проснется поутру хмурымъ, еще больше противъ прежняго слабымъ и блѣднымъ и упрекаетъ мать за то, что она разсердила его богиню. Матери станетъ его жалко, и придетъ она къ нему снова ночью. Повеселѣетъ ребенокъ, и силъ у него прибавится, и уроки ему легче учить. Такъ-то росъ онъ до одиннадцати лѣтъ, высокій вытянулся, а разума не прибавилось. Часто не спала его мать ночей, мучась думою, что выйдетъ изъ ея неразумнаго сына. А иногда материнское сердце и обманываетъ ее: «Да какой же онъ неразумный? Развѣ онъ дѣлаетъ вредъ кому-нибудь другому или себѣ? Онъ вонъ и комара жалѣетъ убить, когда тотъ надъ нимъ въ лѣтнюю пору носится. Развѣ онъ не такъ же, какъ другіе, пьетъ, ѣстъ, играетъ и учится? Развѣ не больше въ немъ, чѣмъ въ другихъ, горячей любви? Слабъ онъ тѣломъ, отецъ по своей болѣзни падучею его наградилъ; но развѣ не могучій духъ свѣтится въ его глазахъ, когда онъ чутко замѣчаетъ, какъ обижаютъ его мать? И ты сама, умная, иногда не замѣтила бы обиды, если бы не увидала, что у сына искрятся

Digitized by Google

и блестятъ гнѣвомъ черныя очи...» И обманетъ мать свое сердце и называетъ она сына своего умнымъ, а онъ говоритъ:

— Я не умный! умные злые; я глупый, глупый, слышишь ты, мама: я глупый!

И опять мать заплачетъ, и снова ей тяжко... Пришло время отдать его въ ученье. Отвезли его въ большой городъ по близости отъ маленькаго городишка. Спрашивали его, что онъ знаетъ изъ разныхъ наукъ,—отвѣтилъ. И молитвы отвѣтилъ, и священную исторію разсказалъ, и задачи разныя рѣшилъ, и написалъ не хуже другихъ.

— О, это прилежный ребенокъ!—говорили учителя.

Приняли его. Сначала надъ нимъ смѣялись бойкіе мальчуганы, досталось на его долю и побоевъ не мало, но онъ ни словомъ не выдалъ, что ему больно, только еще блѣднѣе сдѣлался. Учителя его любили за прилежаніе и жалѣли, видя его неразуміе. Онъ сидѣлъ цѣлыми днями за книгами и, кажется, не жилъ, ожидая только одного: великихъ праздниковъ, когда настанетъ время отъѣзда домой. Каждый праздникъ мать замѣчала, что сынъ сколько ни учится, а умнѣй не становится. Почти не слышно было его рѣчей при бабкѣ, онъ въ это время все книги читалъ; безъ бабки же у ногъ матери сядетъ и сказки ей разсказываетъ про далекіе края, либо говоритъ, какъ тамъ люди живутъ.

— Я поѣду и открою островъ,—говоритъ онъ:—и привезу тебя туда. Мы будемъ тамъ жить, и хорошо жить. Тамъ высокія-высокія деревья растутъ съ золотыми плодами, вьютъ на нихъ себѣ гнѣзда пестрыя птицы съ яркими перьями и качаются на вѣтвяхъ обезьяны, няньча своихъ дѣтей, перебрасывая орѣхи. Ярко тамъ небо и еще ярче море, сладко оно шумитъ и холодны его волны. Далеко-далеко идутъ корабли съ людьми, и люди не будутъ знать, что на этомъ островѣ хорошо жить намъ съ тобою на волѣ.

— Другъ мой, полно мечтать! Это ты только воображаешь, этого не можетъ быть!—говоритъ мать.

— Не можетъ быть! Почему не можетъ быть?

— Такъ, — возражаетъ мать, не зная, какъ объяснить сыну правду. — Ты не найдешь такого острова, до него и доѣхать трудно, и жить вдвоемъ намъ нельзя, мы съ голоду умремъ.

— Ха, ха, ха, — звонкимъ и глупымъ смѣхомъ смѣется сынъ.—А ты и забыла про плоды-то на деревьяхъ, ихъ тамъ много,-много.

Digitized by Google

— Нѣтъ, Паня, все-таки это невозможно.

— А что же возможно?

— То вотъ, что ты выйдешь изъ гимназіи, поступишь въ университетъ, гдѣ много студентовъ, выучишься всѣмъ наукамъ и поступишь на службу.

— Не хочу, не хочу! — кричитъ сынъ, топая ногой.— Меня ругать будутъ на службѣ, не хочу, тебѣ жить будетъ нечѣмъ, ты у бабки опять жить будешь.

— Зачѣмъ у нея? Я съ тобой жить буду.

— Неправда, неправда! Мы съ голоду умремъ, какъ ты съ папой умирала съ голоду!

— Ты будешь богатый, тебѣ бабка отдастъ имѣніе.

— Не хочу, не хочу! Я хочу, чтобы бабка одна умерла, съ имѣніемъ умерла, чтобы никто никогда не жилъ у нея, не ходилъ къ ней, не писалъ къ ней, какъ ко мнѣ въ гимназію не ходилъ бы никто, чтобы одна она была, какъ я одинъ въ гимназіи.

— Ты не одинъ тамъ.

— Одинъ, одинъ, я одинъ!

— Тамъ и другія дѣти...

— Другія и есть другія, а я одинъ! Ты меня дразнишь? Пусть и бабка будетъ одна, пусть къ ней ходятъ чиновники, больные, приказчики, а она пусть все-таки будетъ одна. Понимаешь ты, пусть она будетъ одна! Чего же ты не понимаешь?—почти плача, воскликнулъ онъ.

— Другъ мой, я этого не могу понять.

— Охъ, ты, Господи! зачѣмъ же ты такая глупая! Пойми ты меня: я говорю, пусть къ ней всѣ ходятъ, весь міръ ходитъ, и пусть она будетъ все-таки одна! Ну, поняла ли ты меня?

— Поняла, поняла, Паня!—успокоиваетъ его мать, зная, что за приливомъ слишкомъ сильнаго волненія иногда у него слѣдовалъ припадокъ падучей болѣзни.

Глупый сынъ хлопаетъ въ ладоши и доволенъ понятливостью матери.

Не легко было матери слушать такія рѣчи отъ любимаго сына, а все-таки ей хотѣлось видѣть его каждый праздникъ, и какъ ни тяжела была ей жизнь въ домѣ свекрови, однако жила она, зная, что только въ этомъ домѣ можетъ она увидать сына, пробыть съ нимъ нѣсколько дней въ году. Не меньше Ольги Васильевны измучилась и Татьяна Даниловна, стараясь наставить на путь истинный внука. И

Digitized by Google

лаской, и строгостью, всѣмъ пробовала она его образумить, слѣдила за каждымъ его шагомъ, стыдила при чужихъ людяхъ, но въ немъ даже стыда-то не было. Начнетъ она его стыдить, а онъ стоитъ, блѣдный, опустивъ и склонивъ на бокъ курчавую голову и засунувъ подъ жилетъ руку. Даже не краснѣетъ онъ и, когда кончитъ свои умныя рѣчи бабка, тихо выйдетъ изъ комнаты въ садъ, слушаетъ, какъ птицы поютъ, любуется, какъ около сада рѣчка катитъ свои свѣтлыя волны, или станетъ купаться, ловко проносясь по водѣ, точно его и не стыдили, точно въ комнатѣ говорили про кого-то другого. Часто думала его мать, слушая выговоры свекрови: «Нѣтъ, не стану я больше здѣсь жить, переѣду въ тотъ городъ, гдѣ сынъ учится, буду работать, буду его брать къ себѣ, не позволю свекрови увозить его въ этотъ домъ. Можетъ-быть, онъ у меня и поумнѣетъ. Ему ласка нужна». И сладка была ей эта дума, а черезъ минуту она разсуждала: «Вотъ и я не умнѣе своего сына, и я такая же глупая! Развѣ я могу наработать настолько, чтобы платить за него въ гимназію? Развѣ я могу не умереть съ голоду, если жить трудомъ? И чему меня учили, что я знаю, кто развилъ мои силы? Нѣтъ у меня силъ! Чѣмъ глупѣе мечты моего сына о жизни на пустомъ островѣ моихъ глупыхъ надеждъ?» Она хваталась за голову, проклинала свое воспитаніе, свои природныя силы, дворянское званіе, мѣшавшее идти въ горничныя, и въ одинъ изъ такихъ дней рѣшила: «А если я стану собой торговать?» и съ этою мыслью подошла къ зеркалу, но съ ужасомъ отскочила отъ него въ ту же минуту: ея лицо было сухо и желто, щеки ввалились, лобъ былъ покрытъ морщинистой кожей, вѣки у глазъ красны, волосы рѣдки... Она опустила руки и поникла головою, даже слезъ не нашлось у нея въ эту минуту... Потекла жизнь опять по-прежнему, никто не зналъ и не думалъ о томъ, что за мысли огонькомъ вспыхнули, и какъ онѣ потухли въ ея головѣ. Такъ-то иногда человѣкъ перестрадаетъ въ душѣ за минуту то, чего не перестрадалъ онъ въ годы, а люди, видѣвшіе его передъ этой минутой и увидавшіе послѣ, даже и не подумаютъ, что передъ ними стоитъ новый, другой человѣкъ, что за минуту у него были и надежды, и возможность мечтать, планы разные строить, а теперь не оставалось ничего, кромѣ никому не нужной жизни, да такого безъисходнаго горя, что и до могилы не изжить его. Время шло своимъ чередомъ. Попробовала барыня испытать послѣд-

Digitized by Google

пее средство образумить неразумнаго внука. Рѣшилась она не баловать его и не потакать его настойчивости!

— Покуда ты будешь дурить и прикидываться дуракомъ, я не возьму тебя домой,—сказала она ему, отпуская его осенью въ гимназію.—Такъ на свѣтѣ жить, какъ ты живешь, не приходится. Пора и за умъ взяться.

Уѣхалъ внукъ. Дорогой цѣной покупалъ онъ свое прилежаніе. Что̀ иной ребенокъ въ десять минутъ выучитъ, то Паня едва въ часъ запомнитъ и то если уши руками заткнетъ и глазъ отъ книги не отрываетъ, иначе каждая драка ребятишекъ въ комнатѣ, каждый крикъ на улицѣ уносятъ за собою его мысли глупыя. Послѣ острастки стало ему еще труднѣе учиться. Съ самаго пріѣзда въ гимназію началъ онъ задумываться о томъ, что его могутъ не взять домой на Рождество, и чѣмъ бы ума набраться, сдѣлаться на людей похожимъ, сталъ онъ тосковать прежде времени. Сядетъ Паня урокъ учить, а самъ горюетъ, мысли далеко вихремъ несутся, черныя картины рисуютъ передъ нимъ,—наука-то въ голову и не идетъ. Глядишь,—учитель придетъ, спроситъ Паню урокъ,—Паня не знаетъ ни слова, ничего не приготовилъ, учитель его бранитъ, попрекаетъ, что онъ и можетъ учиться, да не учится. Пришло время отпусковъ, барыня запросъ сдѣлала, поумнѣлъ ли ея внукъ. Пишутъ ей, что не поумнѣлъ онъ и, къ тому же, еще лѣниться началъ. Велѣла она его оставить на праздники въ гимназіи. Когда ему сказали объ этомъ, такъ онъ, словно листъ подъ осеннимъ вѣтромъ, задрожалъ, такъ что не думали, что онъ и на ногахъ устоитъ. Разъѣхались дѣти по домамъ, опустѣли школьныя большія комнаты. Тихо въ нихъ, какъ въ могилѣ, сдѣлалось, только солдатъ-дядька гдѣ-нибудь всхрапываетъ, сидя на окнѣ въ коридорѣ, только водокачалка постукиваетъ, накачивая воду, да большіе стѣнные часы маятникомъ ровно выбиваютъ «тикъ-такъ, тикъ-такъ», и кажется неразумному Панѣ, что они выговариваютъ: «Праздникъ близко! Праздникъ близко!» Настанетъ вечеръ, на дворѣ вьюга шумитъ, въ трубахъ вѣтеръ воетъ, тьма на всемъ лежитъ страшная, и, точно въ подземельѣ, горитъ въ длинномъ коридорѣ одинокій ночникъ. Въ спальнѣ холодно, кровати пусты, не слышно веселыхъ дѣтскихъ голосовъ. Пришелъ канунъ Рождества. Засновали по улицамъ пѣшеходы, заскрипѣли по снѣгу сани и возы тяжелые. Люди провизію покупаютъ, мужикъ елки продаетъ, кругомъ собираются толпы оборванныхъ ребятишекъ и жадно они гла-

Digitized by Google

зѣютъ на елки, постукивая леденѣющими ножонками, глядятъ, какъ господскіе слуги покупаютъ эти елки и тащатъ на плечахъ въ каменные дома на потѣху богатымъ, счастливымъ дѣтямъ. Одинъ мальчуганъ нашелъ вѣтку еловую, такъ и той обрадовался, домой побѣжалъ съ нею въ прискочку... Начало темнѣть; смотритъ неразумный Паня на улицу, точно къ мѣсту приросъ, тяжело ему, тошно. Невольныя слезы, что жемчугъ съ оборванной нитки, катятся, падаютъ одна за другою,—и вдругъ на другой сторонѣ улицы въ бѣдномъ, почернѣвшемъ и согнувшемся на бокъ домикѣ мѣдника засвѣтился, промелькнулъ по комнатѣ огонекъ, за нимъ другой-третій—и загорѣлась десятками огней рождественская елка, забѣгали, засновали вокругъ нея грязныя дѣти мѣдника и, кажется, черезъ улицу слышно было, какъ они радостно хлопаютъ въ ладоши, глядя на золоченые орѣхи, да на затѣйливыхъ пряничныхъ лошадокъ и пѣтушковъ... Въ школьномъ коридорѣ раздался глухой, костяной стукъ... Вскочилъ дремавшій сторожъ, глядитъ: на полу лежитъ безъ дыханья неразумный Паня и каплетъ изъ-подъ его разсыпавшихся волосъ алая кровь. Сбѣжалась прислуга, директоръ пришелъ, который только-что хотѣлъ позвать Паню къ себѣ на елку, подняли бѣднаго, понесли въ лазаретъ. Чего-чего ни дѣлали съ нимъ, чтобы привести его въ чувство. Только къ вечеру другого дня очнулся онъ и сталъ бредить, горячка у него сдѣлалась. Дали знать бабкѣ и матери. Пріѣхала мать (она, было, пѣшкомъ уйти хотѣла къ нему), не узнаетъ ее сынъ, бредитъ. Дни и ночи она надъ нимъ сидѣла, все нѣтъ ему облегченья. Прошла почти недѣля. Новый годъ наступаетъ. Вотъ наканунѣ Новаго года сидитъ надъ нимъ мать, прислушивается къ его дыханью и видитъ, что онъ открылъ глаза, и ясны они, какъ Божій день.

— Легче ли тебѣ, Паня?—спрашиваетъ она.

— Легко!—говоритъ онъ, глядя на нее блестящими глазами.—Богиня опять приходила ко мнѣ... Давно она не приходила!..

Мать заплакала.

— Не плачь! слышишь, богиня опять приходила ко мнѣ. «Не плачь,—сказала она,—я съ тобою! И матери скажи, чтобы она не плакала: я съ тобою! Я прокляла твою бабку, она одна будетъ,—я ее прокляла. А тебѣ приготовила елку, и матери твоей приготовила елку,—а ее я прокляла». Слышишь ли ты?—крикнулъ онъ могучимъ и яснымъ голосомъ,

Digitized by Google

вскакивая съ кровати, и, вытянувшись во весь ростъ, протянулъ руки, сверкая глазами.—«Я ее прокляла, и будетъ она проклята!..»

Мать подбѣжала къ нему и, какъ малаго ребенка, взяла его на руки и уложила въ постель.

— Успокойся, Паня!—говорила она.—Успокойся! спи, голубчикъ мой, дитя мое, тебѣ легче будетъ, ненаглядный мой, милый! Спи, твоя мама съ тобою, не отойдетъ она отъ тебя...

А Паня и точно уснулъ, тихо уснулъ, навѣкъ уснулъ! И когда пробился въ окно утренній, бѣловатый свѣтъ, то лицо Пани было такое прекрасное, спокойное, улыбающееся, чистое, точно и для него насталъ Новый годъ, съ новою жизнью. Не вѣрила мать, что этотъ красавецъ съ густыми кудрями уже не человѣкъ, не ея сынъ, а мертвое тѣло, кусокъ земли... Богато хоронила его барыня, много пѣвчихъ, монаховъ и священниковъ пригласила она на отпѣваніе. Раздала денегъ на поминовеніе его души, памятникъ мраморный поставила надъ его могилой, лампаду неугасимую затеплила, а мать купила вѣнокъ изъ цвѣтовъ и положила на краю сыновней могилы; не было у нея денегъ для другого украшенія этой могилы...

— Что же вы здѣсь, что ли, остаться хотите?—спросила барыня, когда прошелъ двадцатый день.—Пора и домой ѣхать.

— Да я и собираюсь ѣхать,—отвѣтила невѣстка:—мнѣ мои родители вчера на дорогу прислали, я попутчиковъ жду.

— И со мной можете доѣхать, въ тарантасѣ на двоихъ мѣста хватитъ.

— Намъ не по пути. Я въ Москву ѣду, къ своимъ,—отвѣтила невѣстка.

— Вотъ глупости! Имъ и самимъ плохо жить. Что вамъ нужду-то терпѣть? Можете жить со мною.

— Мнѣ не хочется стѣснять васъ...

— Что за стѣсненіе!

— Нѣтъ, вамъ спокойнѣе быть одной.

— Ну, вотъ еще выдумали, обѣимъ мѣста будетъ!—сказала барыня; она привыкла къ невѣсткѣ, хоть та и была слабая и неумѣлая.

— Нѣтъ, я уже рѣшилась. Вы привыкли жить однѣ, вамъ надо жить однѣмъ.

— Ну, какъ хотите, была бы честь предложена! Проживу и одна,—молвила барыня, и странное дѣло!—ей какъ-то не-

Digitized by Google

пріятно было выговорить это слово: «проживу и одна!» Всю дорогу думала она: «да развѣ я одна живу? Вонъ у меня и Глашка живетъ, и Матюшка живетъ, и Оля, да мало ли кто у меня живетъ, такъ что же это я говорю, что я одна живу?..»

И все-таки ей казалось, что она одна живетъ, даже сердилась она на себя, точно пророчество неразумнаго внука совершилось надъ нею и помутило ея умъ сильный.

Пошли дни за днями. Барыня принялась попрежнему хозяйничать, попрежнему холсты считать, оброки сбирать, больныхъ лѣчить, молебны служить, почетомъ пользоваться, и говорили про нее во всемъ городишкѣ: «добродѣтельная, счастливая женщина!» Только послѣ смерти внука старая барыня не любила оставаться безъ людей, и хоть странницу какую-нибудь, а ужъ позоветъ къ себѣ ночевать и толкуетъ съ нею до тѣхъ поръ, пока у самой глаза не отяжелѣютъ, пока сонъ не склонитъ, а чуть проснется—и будитъ гостью, чтобы слышать человѣческій голосъ, чтобы чувствовать, что около нея есть люди...

— Тяжело жить одной,—говорила она иногда.

— Э, матушка,—отвѣчали ей:—да когда же это вы однѣ-то остаетесь? всегда у васъ кто-нибудь есть, домъ вашъ—чаша полная, находитъ въ немъ пріютъ и званый, и незваный. Когда же вы однѣ-то остаетесь?

— А все же...—вздумаетъ возразить барыня и, махнувъ рукою, умолкнетъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ: когда же она одна остается?..

IV.

Поврежденный.

— Мое почтеніе, государь мой! На погребеніе тоже, вѣроятно, изволили пожаловать?—заговорилъ около меня дрожавшій не то отъ худо скрытой злобы, не то отъ старости и въ то же время лукаво заискивающій голосъ, и прежде, чѣмъ я успѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, спрашивавшій

Digitized by Google

меня сѣдовласый, приземистый и худощавый человѣчекъ тѣмъ же своеобразнымъ и злымъ, и заискивающимъ тономъ, продолжалъ: — Какъ же, какъ же не прибыть на торжественное погребеніе! Такую, можно сказать, особу хоронятъ!

Я сидѣлъ на чугунной скамьѣ за рѣшетчатой оградой около моихъ родныхъ могилъ, когда ко мнѣ подошелъ этотъ заговорившій со мной старикъ, и ни о какомъ погребеніи какой-то «особы» не думалъ вовсе.

— О чемъ и о комъ вы говорите?—сухо спросилъ я, досадуя, что даже и на кладбищѣ нельзя укрыться отъ докучныхъ людей.—Кого хоронятъ? Какую особу?

— Помилуйте, государь мой, что за вопросъ, что за вопросъ!—съ изумленіемъ, видимо не вѣря моимъ словамъ, сказалъ старикъ, подергивая костлявыми плечами, на которыхъ мѣшковато висѣлъ складками зачищенный до лоска старенькій сюртукъ.—Ужъ будто вы и не знали? Всѣ газеты три дня объ этомъ трубятъ. Со всѣхъ, такъ сказать, концовъ Россіи летятъ телеграммы и вѣнки, отъ хладныхъ финскихъ береговъ до пламенной Колхиды!

Я зналъ,—впрочемъ, довольно смутно,—что этотъ старикъ, съ вѣчно припомаженными сѣдыми волосами, въ вѣчно застегнутомъ на всѣ пуговицы, лоснящемся отъ долгаго чищенія сюртукѣ, былъ какимъ-то чиновникомъ въ отставкѣ, что онъ пописывалъ когда-то въ захудалыхъ газетахъ безъ подписчиковъ и безъ сотрудниковъ какія-то не то обличительныя статейки, не то пасквили; зналъ я также, что онъ былъ «съ гвоздемъ» въ головѣ, отличался злою словоохотливостью, и, признаюсь, не долюбливалъ его. Встрѣчались мы раза три-четыре на конкахъ, на желѣзной дорогѣ, на пароходѣ. Эти встрѣчи, вѣроятно, не остались бы даже въ моей памяти, если бы разъ этотъ сѣдовласый, сгорбленный и дряхлый по виду старикъ не затѣялъ при мнѣ въ вагонѣ крупнаго скандала изъ-за того, что кто-то вошелъ съ закуренной сигарой въ вагонъ для некурящихъ. Въ моей памяти врѣзались мелочи этой стычки именно потому, что въ этомъ старческомъ, желтомъ, какъ старый пергаментъ, лицѣ вдругъ вспыхнуло выраженіе дикой злобы, въ голосѣ послышались шипящіе звуки, въ обращеніи къ нарушителю желѣзнодорожныхъ правилъ сказалась ехидная страсть къ обличенію, къ кляузничеству, къ представленію по начальству. Въ то же время при каждомъ словѣ повторялись фразы о томъ, что онъ чиновникъ, что онъ литераторъ, что онъ образованный человѣкъ. Сидѣвшій со мною

Digitized by Google

рядомъ пріятель-журналистъ, окинувъ взглядомъ старика, брезгливо замѣтилъ мнѣ: «А, это Андрей Федоровичъ Маремьяновъ извѣстный сутяга». Кончивъ скандалъ, Маремьяновъ, подошелъ къ намъ, заговорилъ съ нами, продолжая волноваться о невѣждахъ, о нарушителяхъ, и съ той поры считалъ своимъ долгомъ раскланиваться со мною. Чтобы прервать теперь его краснорѣчіе, я, пожимая плечами, сухо отвѣтилъ ему:

— Къ сожалѣнію, я все же не знаю, о комъ вы говорите.

— Да все о немъ же, о Толмачевѣ, объ Иванѣ Сергѣевичѣ Толмачевѣ, государь мой, о персонѣ важной, о геніи россійскомъ, объ общественномъ дѣятелѣ и отцѣ вдовъ и сиротъ,—шипящимъ тономъ пояснилъ онъ и рѣзко закончилъ, почти выкрикнулъ:—о злодѣѣ моемъ!

Тутъ только я вспомнилъ, что дѣйствительно въ послѣдніе три дня всѣ газеты только и говорили что о Толмачевѣ. Некрологи, разборы его дѣятельности, перечисленіе его проектовъ и благодѣяній, все это дало не мало хлѣба труженикамъ прессы. Лично я не зналъ Толмачева, не имѣя дѣлъ ни на биржѣ, ни въ промышленности; играть роль статиста въ торжественныхъ церемоніяхъ я не имѣю привычки; потому и не мудрено, что я вовсе забылъ о днѣ его похоронъ и загнанъ былъ въ этотъ весенній, полный тепла и свѣта день на кладбище совершенно случайно гнетущей, подавляющей всѣ другія ощущенія тоской,—той тоской, отъ которой люди, страдающіе расшатанными среди столичной сутолоки нервами, иногда покаичиваютъ разомъ всѣ счеты съ жизнью. Я хотѣлъ сказать старику что-то рѣзкое, грубое, чтобы онъ отсталъ отъ меня, но онъ не далъ мнѣ времени опомниться и суетливо-радостно воскликнулъ:

— Вотъ-съ, вотъ-съ вѣнки несутъ! Шпалерами разставляютъ. Интересно-съ! Вы ужъ, государь мой, позвольте мнѣ къ вамъ за рѣшеточку пройти. Могила его тутъ-съ вотъ въ двухъ шагахъ. Вотъ, видите, гдѣ камни навалены. Склепъ выложенъ изъ камня; мавзолей потомъ воздвигнутъ. Нельзя-съ безъ мавзолея, великій человѣкъ! Для назиданія потомства... Такъ я къ вамъ-съ пройду, за рѣшеточку-съ. Все видно и слышно отсюда намъ будетъ. Какъ-то начнутъ наши витіи ораторствовать, превозносить...

Онъ, не дожидаясь моего позволенія, открылъ дверь чугунной рѣшетки и, крестясь, съ осторожностью ступающаго по дорогому ковру бѣдняка, поднялся по гранитнымъ сту-

Digitized by Google

пенямъ на площадку съ клумбами цвѣтовъ, съ чугунными скамьями по бокамъ.

— Прекрасно тутъ у васъ, государь мой, цвѣты, скамеечки,—заговорилъ онъ, осматриваясь съ любопытствомъ.— Великая честь тому, кто чтитъ родителей своихъ! «Чти отца твоего и матерь твою»,—сказано въ заповѣди. По нынѣшнимъ нравамъ это рѣдкость и все больше въ забвеніе приходитъ...

Вокругъ насъ сталъ собираться народъ, спѣшившій занять мѣста поближе къ могилѣ Толмачева. Одни безцеремонно взбирались на памятники чужихъ могилъ; другіе безжалостно лѣзли на покрытые молодой зеленью сучья деревьевъ, обламывая ихъ своею тяжестью. Кто-то, увидавъ, что Маремьяновъ забрался ко мнѣ за рѣшетку, рѣшился послѣдовать его примѣру, но старикъ поспѣшно всталъ въ оборонительную позу въ дверяхъ рѣшетки, разставивъ широко руки и ноги.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, господинъ, это зачѣмъ же!—ядовито заговорилъ онъ. — Сюда нельзя-съ, къ намъ нельзя. Наши могилки не театральные подмостки-съ, мѣстъ въ наемъ не отдаемъ-съ, извините-съ!

Онъ поспѣшно вынулъ изъ дверей рѣшетки снаружи ключъ и замкнулъ дверь изнутри.

— Такъ-съ лучше будетъ, государь мой,— пояснилъ онъ мнѣ. — Здѣсь мѣста не отдаются для зрѣлищъ. Цвѣточки тоже перемнутъ и Богъ вѣсть кто еще залѣзетъ осквернять святое мѣсто, жидъ еще какой-нибудь, прости, Господи! Толмачевъ-то и ими не брезгалъ-съ; пожалуй, цѣлый кагалъ жидовъ изъ іерусалимскихъ дворянъ сбѣжится смотрѣть, какъ будутъ хоронить жида изъ русскихъ мужиковъ. Хе-хе-хе!

Кругомъ насъ уже гудѣла толпа. Любопытные все поспѣшнѣе отвоевывали себѣ мѣста поудобнѣе; кричали знакомымъ: «сюда, сюда идите, тутъ удобно!» взбирались на могилы, все ожесточеннѣе хватались за кресты; нѣкоторые пробовали подняться на гранитный фундаментъ, окружавшій мои могилы, и цѣплялись за рѣшетку и сучья деревьевъ. Маремьяновъ воевалъ:

— Нѣтъ, ужъ это вы оставьте, мадамъ! Вашъ Толмачевъ намъ новой рѣшетки не сдѣлаетъ и деревьевъ не выраститъ новыхъ. Вы сойдите, сойдите! Безобразій, мадамъ, здѣсь не полагается дѣлать на нашихъ могилкахъ. Ступайте къ своему Толмачеву, если онъ вамъ свой человѣкъ.

Digitized by Google

Я конфузился и сердился въ душѣ на безцеремонность своего случайнаго гостя. Но онъ, видимо, былъ въ своей сферѣ въ роли придирающагося ко всѣмъ и распекающаго всѣхъ распорядителя. Въ его тонѣ былъ задоръ кляузника, называющагося на скандалъ, готоваго напроситься на пощечину, чтобы имѣть возможность потомъ съ кѣмъ-нибудь судиться и кого-то засадить въ тюрьму. Люди, несшіе вѣнки, между тѣмъ расположились въ видѣ двойныхъ шпалеръ и мой старикъ съ оживленіемъ воскликнулъ:

— Несутъ! несутъ! Въ металлическомъ гробу-съ!

Онъ быстро вытащилъ изъ задняго кармана сюртука большой, тщательно сложенный клѣтчатый платокъ, встряхнулъ и, разостлавъ его бережно на скамейкѣ, всталъ на него, очевидно не желая изъ деликатности марать моей скамьи. Онъ проговорилъ мнѣ:

— Вы позволите, государь мой? Виднѣе будетъ!

Я не протестовалъ. Мнѣ было все равно, что дѣлаютъ эти праздные зѣваки, устраивавшіе спектакль изъ чужихъ похоронъ, что дѣлаетъ этотъ озлобленный старикашка, сдѣлавшійся моимъ непрошеннымъ гостемъ. Моя тоска продолжала давить меня попрежнему. Въ воздухѣ послышалось стройное пѣніе пѣвчихъ, дѣлаясь все яснѣе и яснѣе; среди волнующейся толпы раздавались подчеркнуто озабоченные возгласы пристяжныхъ и лакеевъ изъ добровольцевъ всякихъ церемоній:

— Господа, посторонитесь! Мѣсто, мѣсто дайте!

Толпа, тѣснимая ими, колыхалась, шумя, какъ рой пчелъ. Какія-то дамы изъ вѣчныхъ ассистентокъ при чужихъ колесницахъ неистово визжали:

— Ай! ай! задавили!

Этимъ нехитрымъ способомъ онѣ, пугая окружающихъ, всегда достигали первыхъ мѣстъ и лучшихъ положеній на торжествахъ.

Все это была старая, знакомая исторія и даже лица казались знакомыми, имѣющими всегда наготовѣ запасъ и любопытства, и восторговъ, и даже слезъ для всякихъ торжествъ, начиная съ встрѣчи персидскаго шаха и кончая проводами въ могилу голодавшаго всю жизнь и вѣчно ругаемаго знаменитаго писателя, удостоившагося въ награду за смерть торжественныхъ похоронъ.

Я сидѣлъ на скамьѣ, не смотря, не слушая, раздраженный тѣмъ, что я случайно сдѣлался свидѣтелемъ этого похорон-

Digitized by Google

наго шутовства. До меня стали между тѣмъ долетать отрывочныя выкрикиванія ораторовъ:

— Кого мы хоронимъ? На чьей могилѣ мы присутствуемъ?

И шипящія замѣчанія наклонявшагося ко мнѣ Маремьянова.

— Первѣйшаго мерзавца! Крупнѣйшаго негодяя!

Мнѣ было не по себѣ, и досадно, и смѣшно въ одно и то же время. Тѣмъ не менѣе, уйти, пробраться сквозь эту живую стѣну алчнаго до зрѣлищъ сброда было невозможно. Нужно было терпѣливо ждать конца...

— Законопатили-съ!—въ этомъ восклицаніи Маремьянова, заставившемъ меня вздрогнуть и очнуться отъ думъ, было торжество врага, видѣвшаго, какъ забросали могильною глиной его недруга, тогда какъ онъ самъ еще живъ и здоровъ.

Народъ уже расходился. Я тоже поднялся со скамьи.

— Поѣдутъ-съ теперь поминать его—косточки всѣ перемоютъ въ наилучшемъ видѣ,—проговорилъ старикъ, ехидно скаля желтые зубы и сходя со скамейки, причемъ онъ снялъ съ нея свой платокъ, стряхнулъ его, сложилъ бережно въ трубочку и снова спряталъ въ задній карманъ сюртука.—Безъ этого ужъ не обойдется. Это всегда такъ, государь мой, водится. Любопытно бы послушать! Ну, да подожду, не завтра, такъ черезъ недѣльку и газеты другое запоютъ, тоже перемоютъ бока. Почитаемъ, почитаемъ, отчего же не почитать! Любопытно будетъ, какъ все понемногу да помаленьку выплывать на поверхность станетъ, эта грязьца-то, этотъ букетецъ-то изъ помойной ямы.

Его голосъ дрожалъ и прерывался, точно кто-то душилъ его.

— А вы его, должно-быть, отъ души ненавидѣли?—невольно спросилъ я разсказчика.

— Я-съ! Я-съ?—точно оторопѣвъ и почти захлебываясь, повторилъ старикъ, и даже румянецъ показался на его щекахъ.—Это я-то-съ?

Онъ нервно мотнулъ головой, причемъ его лицо передернулось гримасой, сильно потянулъ стоячій воротникъ рубашки, подпертый широкимъ галстукомъ, точно этотъ воротникъ теперь душилъ его,—и какъ-то особенно рѣшительно, почти съ отчаяніемъ сказалъ:

— Нѣтъ-съ, однимъ словомъ этого не выскажешь!

Казалось, въ эту минуту ему хотѣлось бы собрать всѣ ругательства міра въ одно слово и ткнуть этимъ словомъ прямо въ лицо своего врага, какъ сжатымъ кулакомъ.

Digitized by Google

Мы вышли изъ кладбищенскихъ воротъ и нѣсколько времени шли молча. Мой спутникъ видимо порывался нѣсколько разъ заговорить и тотчасъ же какъ-то безнадежно махалъ рукою. Нервное возбужденіе его дошло до послѣднихъ предѣловъ. Я понялъ, что онъ хочетъ «отвести душу» и рѣшился предложить ему позавтракать со мною въ ресторанѣ. Мнѣ было въ эту минуту все равно, куда зайти, съ кѣмъ зайти завтракать, мнѣ только хотѣлось уже не быть одному, такъ какъ тоска, душившая меня съ утра въ этотъ весенній день, и теперь не только не уменьшалась, но росла все сильнѣе и сильнѣе и начинала серьезно пугать меня. Я высказалъ старику свое намѣреніе. Онъ обрадовался, схватилъ мою руку, сталъ ее жать.

— Я-съ вамъ тамъ, государь мой, все доложу досконально,—быстро и радостно заговорилъ онъ:—я-съ на площади готовъ бы этого негодяя ошельмовать. Я и шельмовалъ его въ газетахъ, знаете, въ разныхъ видахъ шельмовалъ. Вы, конечно, можетъ-быть, и не читаете этихъ газетъ, уличные листки-съ, а у меня и нумера хранятся. Брошюрку разъ про него выпустилъ даже, на послѣднія деньги-съ напечаталъ. Только развѣ его можно было пронять. Шкура мужицкая. Чихать онъ хотѣлъ на все...

Я нанялъ извозчика и проѣхалъ съ моимъ спутникомъ въ одинъ изъ ресторановъ, гдѣ мы заняли отдѣльный кабинетъ. Я присѣлъ къ столу и закурилъ папиросу, заказавъ завтракъ. Маремьяновъ не сѣлъ, а сталъ ходить по комнатѣ, торопливо приглаживая волоса на вискахъ, поправляя галстукъ на шеѣ, волнуясь и видимо не зная, съ чего начать разсказъ. Воспоминанія, казалось, подавляли его.

— Вы меня простите, государь мой, что я начну ab ovo,— наконецъ началъ онъ неловко и почти робко: — и, можетъ-быть, нескладно изложу все. Писать-съ дѣловыя бумаги я мастеръ, въ семинаріи и академіи недаромъ я учился, а разсказывать о своемъ прошломъ, сегодня-съ разсказывать, когда вотъ тутъ, въ головѣ-то, какъ въ котлѣ, все кипитъ и бурлитъ, и когда знаешь, что онъ-то, подлецъ-то, лежитъ себѣ и ухомъ не поведетъ, признаюсь откровенно, очень не легко-съ, даже, можно сказать, мучительно-съ! Я, изволите-съ видѣть, изъ духовнаго сословія происхожу, въ бурсѣ былъ, въ академіи былъ. Нужно бы было попомъ сдѣлаться, путь къ тому велъ. Но судьба играетъ людьми: предполагаютъ одно—дѣлается другое. Угораздило меня влюбиться въ дѣвушку изъ другого сословія, въ барышню, въ бутонъ, такъ

Digitized by Google

сказать, нераспустившійся, въ дочь чиновника, и ради нея пошелъ я самъ служить не по духовной части. Она, изволите видѣть, не желала, чтобы я попомъ былъ, ну, и не пошелъ я въ попы. Это фактъ.

Онъ вздохнулъ, качая головой.

— Ахъ, молодость, молодость, губительница людей! Все увлеченія, страсти, экстазы, а потомъ пройдутъ года, угаръ развѣвается, станешь озираться и видишь, что изъ-за выѣденнаго яйца всю жизнь вверхъ ногами перевернулъ, да ужъ возврата назадъ нѣтъ-съ. Одѣяніе поповское, изволите видѣть, государь мой, не нравилось моей Дарьѣ Степановнѣ; извѣстно, барышня благовоспитанная, бутончикъ нераспустившійся была; а изъ-за этихъ ея вкусовъ вся моя жизнь, вся моя карьера испортилась. Кувыркомъ все пошло. И фантазеръ я былъ тогда, надо сознаться. Влюбился—и вообразилъ, что самая эта любовь нѣчто такое, что въ рай Магометовъ человѣка на землѣ введетъ; отказался отъ поповскаго званія—и вообразилъ, что я съ узкой тропы на необъятный просторъ попадаю, гдѣ только твори, созидай и ворочай горами. Прожектовъ этихъ у меня всегда была куча—въ воображеніи весь міръ пересоздавалъ и милліоны лопатами загребалъ, а въ дѣйствительности за канцелярскими бумагами въ провинціальной глуши стулья просиживалъ, да дома не доѣдалъ, не допивалъ, потому что жалованьишки были тогда у чиновниковъ нищенскія, а у Дарьи Степановны то и дѣло рождались и умирали дѣти, да и сама она хворала и изводилась,—это въ раю-то Магометовомъ! Да и какъ-съ было не хворать да не изводиться, коли она, по своему дѣвическому капризу, всю мою жизнь испортила? Бывало, это всякіе родственники и родственницы мои, оставшіеся въ духовномъ сословіи, колютъ ей глаза: «вотъ, молъ, поповская ряса не понравилась, а теперь зубы кладете на полку». Имъ, надо сознаться, везло. Городъ нашъ — я изъ Чулепина-съ родомъ—купеческій, о благолѣпіи храмовъ заботится, къ духовнымъ пастырямъ почитателенъ, дьяконовъ басовитыхъ на рукахъ носитъ. Что же мудренаго, что и моимъ сродственникамъ жилось хорошо? Не легко было Дарьѣ Степановнѣ видѣть это. Ну-съ, тоже это и я, бывало,—тамъ у меня недохватка, тутъ прореха,—стану это, снявши голову по волосамъ тужить, фантазирую, ходя по комнатѣ, что бы было, если бы самой этой глупостью-страстью не увлекся, любовь скоропроходящую за какое-то блаженство не счелъ, а Дарья Степановна притихнетъ, слушаетъ, со-

Digitized by Google

знаетъ, что все это отъ нея, и недостатки, и непріятности, и, точно къ смерти приговоренная, молчитъ, а сама изводится, изводится. И такъ, скажу вамъ, государь мой, такъ извелась, что одна тѣнь отъ человѣка осталась. Куда красота, молодость и здоровье дѣвались. Бывало, гляжу на нее и думаю: «такою ли я ее полюбилъ и гдѣ все то, что прельстило меня?» Стану мысли эти ей высказывать. «Вотъ, говорю, что значитъ одной красотой увлечься. Гдѣ теперь твоя красота? Другой-то мужъ, можетъ-быть, двадцать разъ измѣнилъ бы тебѣ, а я законъ соблюдаю. Съ какой женой Господь соединилъ, съ такой и живу». Я-съ, государь мой, человѣкъ правилъ строгихъ и взглядовъ серьезныхъ. Дарья Степановна это чувствовала и уваженіе мнѣ всякое оказывала, зная и свои вины, и мое благородство. Да-съ, могу сказать, государь мой, безъ самохвальства: не изъ аристократовъ, не изъ родовитыхъ дворянъ я родомъ, а благородства во мнѣ всегда было много, даже, можетъ-быть, фанаберія развилась отъ этого самаго. Это мнѣ вредило даже въ нѣкоторомъ смыслѣ: покланяйся я, сознайся публично, что ошибся я, поступивъ въ чиновники,—взяли бы въ попы; не держись я самостоятельно и благородно на службѣ, да покоряйся тѣмъ, кто и глупѣе, и невѣжественнѣе меня—преуспѣлъ бы я и здѣсь, такъ какъ начальство любитъ покорныхъ, подвластныхъ, а не тѣхъ, кто ему глаза колетъ своимъ превосходствомъ.

Онъ тяжело вздохнулъ:

— Что дѣлать-съ, что дѣлать-съ! каюсь! не изъ тѣхъ я, которые подъ чужую дудку плясать могутъ и позволяютъ затаптывать въ грязь свои достоинства. Я, государь мой, себѣ цѣну зналъ и гордился этимъ, а начальство этого не любитъ. Да и кто любитъ?

Намъ подали завтракъ, и я предложилъ моему собесѣднику рюмку водки. Онъ сѣлъ за столъ и, затыкая салфетку за воротникъ заношенной сорочки, покачалъ головой.

— Никогда-съ, государь мой, даже въ самыя тяжкія времена жизни не прибѣгалъ къ этой отравѣ бытія человѣческаго! — съ нѣкоторой торжественностью произнесъ онъ. — Гордился и горжусь этимъ, и Дарьѣ Степановнѣ нерѣдко говаривалъ: «Вотъ ты сохнешь и изводишься, а что бы запѣла ты, если бы мужъ-то, какъ другіе прочіе, еще запилъ съ горя, да буйствовать, да драться началъ? У меня вотъ кошки иногда скребутъ на сердцѣ, на все глядя, и на недостатки, и на тебя, а я все же не пью и тебя пальцемъ

Digitized by Google

не трону. А запить-то, кажется, было бы съ чего. Развѣ такъ мнѣ слѣдовало бы жить, если бы я тебя не послушался? Да я бы теперь въ городскомъ соборѣ первымъ лицомъ былъ, и Марья Ильинишна, отца Ильи дочь, что мнѣ тогда въ невѣсты прочили, не малую толику денегъ въ приданое принесла бы. Конечно, тогда я тобой увлекся и затменіе нашло на меня, а теперь что? Ты-то вотъ тѣнь точно ходишь, а она—королева, одно слово». Да-съ, горько жилось мнѣ, очень горько, государь мой, а все же не началъ я пить, какъ другіе. У меня-съ характеръ былъ и умъ. Да-съ, государь мой, гордился я этимъ и горжусь.

Онъ сталъ ѣсть и, торопливо, съ жадностью часто голодающаго человѣка, пережевывая мясо, продолжалъ говорить:

— Иные это тоже пьютъ, государь мой, не съ горя, а для фантазіи, а у меня, какъ я докладывалъ вамъ, фантазій и безъ того было много. У умныхъ людей всегда много фантазій. Это фактъ-съ. Сяду это я, бывало, съ гитарой—я, вѣдь, государь мой, гитаристъ, какихъ съ огнемъ поискать—и фантазирую, фантазирую и насчетъ изобрѣтеній, и насчетъ обогащенія, и насчетъ славы. И могу сказать, что не праздныя эти были мечтанія, а вотъ тутъ подъ рукой золотыя розсыпи были, и значеніе, и слава. Все было-съ подъ рукой, если бы этотъ подлецъ не пришелъ и не лишилъ всего...

— Это вы про кого?—спросилъ я разсѣянно.

— Все про него же, про Ваньку Толмачева, — сказалъ Маремьяновъ, поспѣшно обгладывая, какъ голодная собака, желтыми зубами кость телячьей котлеты и видимо торопясь освободиться отъ ѣды для продолженія разсказа.—Онъ въ это время, какъ тать, пришелъ въ нощи и ограбилъ, и пустилъ по-міру меня.

Маремьяновъ доглодалъ кость, вытеръ поспѣшно ввалившіяся губы, выпятивъ ихъ впередъ въ видѣ звѣздочки, и продолжалъ разговоръ:

— Совсѣмъ мальчишкой былъ Ванька въ то время, когда я зазналъ его. Лѣтъ восемнадцать было, не больше. Шустрый, кудреватый, съ бабьей рожей, юбочникъ первѣйшій, и самъ дѣвчонокъ соблазнялъ за шелковые платочки, и самому перстни да часы вдовыя купчихи преподносили за услуги. Служилъ онъ по откупамъ. Знакомства я съ нимъ не водилъ, потому не ровня онъ мнѣ былъ и по годамъ, и по званію, и по образованію, а по дѣламъ приходилось видѣться по служебнымъ чуть не ежедневно и тоже на

Digitized by Google

улицѣ при встрѣчахъ кланялись, словами перекидывались. Извѣстно, въ провинціи, а не въ столицѣ жили. Зналъ я и какъ онъ мошенничаетъ, да концы хоронить умѣетъ, и какъ онъ бабенокъ оплетаетъ, краснобайствомъ да смазливой рожей прельщая, и какъ во всякомъ дѣлѣ онъ сухъ изъ воды можетъ выйти, глазомъ не сморгнувъ. Ну, однимъ словомъ, человѣкъ безъ креста на вороту былъ. Безстыжій-съ, какъ есть безстыжій! Свелъ насъ да веревочкой связалъ случай. Ему тогда уже лѣтъ двадцать семь, а, можетъ, и поболѣе было, и ворочалъ онъ откупными дѣлами, сколачивая деньгу, благо старикъ нашъ, Козыревъ-Ивашевъ, откупа державшій, изъ ума отъ богатства выживать сталъ и, не зная, чѣмъ разогнать скуку, такихъ-то востроглазыхъ да краснощекихъ краснобаевъ да шутовъ гороховыхъ особенно долюбливать началъ. Пошелъ я это разъ въ лѣтній праздникъ за городъ свѣжимъ воздухомъ подышать; кругомъ это поля хлѣбородныя, необъятныя, ширь благодатная, разыгрались это мои фантазіи. Помните, какъ это у Пушкина про Петра Великаго говорится: «На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ думъ великихъ полнъ». Такъ вотъ и я тогда— заглядѣлся, залюбовался, задумался о желѣзной дорогѣ. Тогда всѣ только о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ и толковали. Манія-съ въ нѣкоторомъ смыслѣ была.

«Соображаю я это, что вотъ тутъ насыпь сдѣлаютъ, рельсы положатъ, тамъ станцію воздвигнутъ, оттуда побѣжитъ, выбрасывая дымъ и пламя, локомотивъ, таща вереницу вагоновъ, а здѣсь потянется рядъ хлѣбныхъ складовъ. Даже стишокъ Лермонтова вспомнилъ: «Берегись, сказалъ Казбеку сѣдовласый Шатъ». Вдругъ слышу кто-то окликнулъ меня, а самъ смѣется: «Куда занеслись? Въ тридесятое царство?» Гляжу — стоятъ бѣгунцы, сидитъ на нихъ Ванька, разрумянился весь, кудри растрепались, глаза маслятся, шапка набекрень. Я поклонился. «Какъ, говорю, сюда Богъ занесъ?» Засмѣялся. «По амурной части, говоритъ.— Дѣвчонку тутъ одну выслѣдилъ. Чудо что за дѣвчонка». Ну, разговорились мы слово за слово, онъ про свою дѣвчонку, а я про свои фантазіи. Знаете, тары да бары, почемъ табачокъ. «Вотъ, говорю,—край-то нашъ какой—умирать не надо, хлѣбороднымъ полямъ конца нѣтъ, а хлѣба сбывать некуда, желѣзныя дороги теперь строятъ, а къ намъ не проводятъ, забыли словно. Провести сюда желѣзную дорогу, такъ одного хлѣба не перевозить. Тоже, говорю, — графъ Завадскій и первѣющее лицо въ государствѣ, и связи у

Digitized by Google

него, а никто не натолкнетъ его на мысль, что будь тутъ желѣзная дорога, такъ его имѣніе золотымъ дномъ будетъ». Разыгралась это у меня фантазія, и пошелъ я, и пошелъ расписывать. Все, что на душѣ было, расписалъ. А Ванька призадумался и слушаетъ. Подсадилъ меня къ себѣ на бѣгунцы. Доѣхали мы это до города, распрощались, только онъ, словно въ туманѣ какомъ, поѣхалъ шагомъ, брови сдвинулись, лицо нахмурилось... Прошло это дня два-три, гляжу, Ванька ко мнѣ идетъ. «Чего ему? думаю, — не ходилъ никогда, а тутъ идетъ». Пришелъ онъ озабоченный, въ мысли погруженный, вызвалъ меня съ-глазу на-глазъ въ отдѣльную комнату и говоритъ: «Я по дѣлу; что ты тамъ насчетъ желѣзной дороги черезъ имѣніе графа Завадскаго говорилъ».

Старикъ перевелъ духъ. Видимо, онъ дошелъ до того пункта своей исторіи, о которомъ онъ не могъ вспоминать спокойно. Торопливо кончивъ второе блюдо завтрака, снова отеревъ губы и положивъ салфетку на столъ, онъ заходилъ по комнатѣ.

— «У тебя, говоритъ, — голова и руки, а я все оборудую». Итакъ, это онъ сразу «тыкать» меня началъ и такую вдругъ власть надо мною взялъ, государь мой, что я вамъ и передать не могу. Мужикъ сиволапый, мальчишка изъ подносчиковъ, бабникъ и юбочникъ безбородый, откупщицкій прихвостень и пакостникъ, и вдругъ и «ты» мнѣ говоритъ, и командуетъ мною, и по плечу треплетъ: «Погоди, я тебя еще въ люди выведу». Я притихъ и смирился. Что жъ, подлецъ онъ, воръ онъ, грабитель онъ, а долженъ я вамъ сознаться, государь мой, сила у него была и власть. Какъ онъ это заговорилъ, такъ вдругъ я и почувствовалъ, что будто что-то придавило меня, и сталъ я ничтожествомъ сущимъ, и пригнулся передъ нимъ, и плясать по его дудкѣ началъ. Магъ и волшебникъ, волшебникъ и магъ!

Старикъ развелъ руками, не находя словъ для описанія того состоянія духа, въ которое онъ впалъ въ это памятное для него время.

— Одно я понималъ тогда, что онъ, Ванька, хочетъ облагодѣтельствовать меня и поднять, такъ сказать, на ступени фортуны. И если я во что-нибудь вѣрилъ, такъ это въ то, что онъ все можетъ сдѣлать и все сдѣлаетъ. Малодушіе на меня такое нашло, что я плакалъ тогда и цѣловалъ его. «Братъ, говорю, — братъ, я по гробъ твой рабъ, песъ твой вѣрный». А онъ положилъ это мнѣ на

Digitized by Google

плечо лапищу и говоритъ: «Надѣйся, на меня положись!» Ну-съ, начали мы составлять бумаги, письма, докладныя записки. Я вамъ, государь мой, докладывалъ, что я на писаньи собаку съѣлъ. Доношенія, прожекты разные, доклады и все такое любимымъ моимъ дѣломъ было, хотя и оставлялось все это, по большей части, начальствомъ втуне. Даже безпокойнымъ человѣкомъ за это называли. А я—чего-чего не умѣлъ, а расписать все могъ. Ну, и онъ, Ванька, откуда у него что бралось, развернулся, подсказывалъ, диктовалъ, даромъ что въ грамотѣ былъ не мастеръ. И все это, бывало, съ поощреніемъ, руки потираетъ, подбадриваетъ: «Вотъ, говоритъ, — откупамъ конецъ; такъ мы на чугункѣ покатаемся». Смѣется. Поѣхалъ онъ съ бумагами въ Петербургъ, къ графу Завадскому, къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, къ своему патрону, откупщику Козыреву-Ивашеву. Прошло мѣсяца два-три, получаю я письмо: «Бросай все, бери отпускъ и пріѣзжай сюда». Поѣхалъ я, прибылъ въ Петербургъ—гляжу: моего Ваньку и узнать нельзя: принарядился, пріосанился, глядитъ озабоченно, говоритъ строго. «Клюнуло, говоритъ.—Надо теперь шумъ въ газетахъ поднять. Пиши». Это вы понимаете, хотѣлось ему, чтобы никто не зналъ, что онъ и двухъ строкъ не умѣетъ грамотно сложить, для того онъ меня и выписалъ. Сталъ я, по его указаніямъ, строчить замѣтки о желѣзной дорогѣ на Чулешинъ и, Господи ты Боже, откуда что у него бралось, когда онъ мнѣ эти замѣтки подсказывалъ. Мои мысли-то были, а не узналъ я самъ ихъ въ цвѣтахъ-то его краснорѣчія. «Кто истинный русскій патріотъ и вѣрный сынъ своего отечества, тотъ не осмѣлится возражать намъ». «Въ настоящее время, когда великая Россія идетъ гигантскими шагами по пути прогресса, мы не можемъ не подать своего голоса». Чего-чего мы не писали! Псевдонимы-съ, государь мой, особые придумывали: «Сынъ Отечества», «Другъ народа», «Истинный патріотъ». Одну статейку такъ и озаглавили: «Голосъ друга народа противъ измѣнниковъ отечества».

Онъ вздохнулъ и шипящимъ, ядовитымъ тономъ прибавилъ.

— Что говоритъ, геній!

Помолчавъ немного, Маремьяновъ продолжалъ:

— И что за сила явилась у него. Ну, я маленькій, обиженный судьбою человѣкъ былъ; я могъ покориться ему. А графъ Завадскій—особа, въ высшихъ сферахъ почетное лицо, а тоже спасовалъ передъ нимъ. Изъ-за одной нашей статейки, гдѣ мы уличали въ предательствѣ и измѣнѣ всѣхъ

Digitized by Google

противниковъ желѣзной дороги на Чулепинъ, вышелъ скандалъ, и графъ Завадскій призвалъ къ себѣ Толмачева. «Что это, братецъ, вы тамъ пишете? Это невозможно,—началъ онъ,—такъ нельзя выражаться». И пошелъ, и пошелъ. Выслушалъ его Толмачевъ и брякнулъ: «Не знаю, ваше сіятельство, кому вы хотите угодить деликатностями, а я служу Богу, Царю и отечеству и потому на языкѣ моемъ должна быть не деликатность, а одна голая правда». Графъ посмотрѣлъ на него, смутился и забормоталъ: «Ну, да... конечно... но все же...» Толмачеву только того и нужно было, и какъ началъ онъ эту голую правду рѣзать, какъ началъ «мы на краю пропасти», «мы изделикатничались до предательства», «мы измалодушествовались до самооплеванія», «мы изъ Россіи дойную корову иностранцевъ сдѣлали», «мы стоимъ на краю пропасти и тянемъ въ нее святую родину», такъ графъ заметался просто, а Толмачевъ и закончилъ: «Вы, говоритъ,—ваше сіятельство, конечно, можете пренебрегать милліонами своихъ личныхъ выгодъ и не отстаивать нашу желѣзную дорогу, а я не могу не заботиться о благѣ Россіи и бросить изъ деликатности начатое святое дѣло». Хитрая бестія былъ. Съ той поры про Толмачева такъ и говорили: «это человѣкъ голой правды». И ломался же онъ, и чудодѣйствовалъ же вволю, чуть не въ глаза людямъ плевалъ, благо ради голой правды все позволительно! Смотрѣть-съ на него ѣздили, за совѣтами къ нему пріѣзжали. Въ какихъ-нибудь пять лѣтъ уже и экипажи, и лошадей, и домъ свой, и жену, дочь своего патрона-откупщика, съ большимъ приданымъ пріобрѣлъ голой правдой-то! И какъ не пріобрѣсти было, когда всѣ дивились и его самородному уму, и его начитанности, видя, какъ онъ въ своихъ замѣткахъ обо всѣхъ спеціальностяхъ трактуетъ да цитатами изъ священнаго писанія и примѣрами изъ исторіи сыплетъ...

Старикъ злобно усмѣхнулся.

— Суфлеры-съ хорошіе были, недаромъ одни институтъ путей сообщенія и университетъ, а другіе семинаріи и академіи прошли! Въ будкѣ-съ суфлеры, государь мой, сидятъ, и никому и дѣла до нихъ нѣтъ. Актеру-съ аплодируютъ, актера-съ вызываютъ, а суфлеръ въ будкѣ сидитъ-съ. Такъ-съ и я, какъ потомъ и другіе прочіе и изъ инженеровъ, и изъ писателей, сидѣли у него въ будкѣ. Заставилъ онъ меня въ отставку выйти, засадилъ у себя въ домѣ за работу, вся переписка на мнѣ лежала, всякія соображенія и замѣтки я долженъ былъ редактировать. «У тебя, говоритъ,

Digitized by Google

бывало, нахалъ,—перо бойкое, сутяга ты по натурищкѣ и тоже кротъ, такъ мнѣ такой и нуженъ секретарь». А у меня-съ, государь мой, семья была, жена, сынъ, дочь...

Въ голосѣ старика прозвучали болѣзненныя ноты...

Завтракъ былъ конченъ, человѣкъ убралъ тарелки, тоска моя поулеглась, и я могъ бы уйти, но мнѣ уже не хотѣлось уходить, не дослушавъ исповѣди этого человѣка. Я приказалъ подать чаю, чтобы затянуть время. Пока лакей прибиралъ тарелки и подавалъ чай, старикъ ходилъ изъ угла въ уголъ молча, шевеля губами. Что-то болѣзненное, мучительное было въ выраженіи его пергаментнаго лица. Признаюсь, мнѣ было трудно понять, какъ могли его трогать и волновать воспоминанія о семьѣ. Изъ его разсказа я могъ усмотрѣть только то, что онъ порядкомъ терзалъ и мучилъ свою Дарью Степановну упреками за то, что онъ изъ-за нея испортилъ свою карьеру, и горделивыми похвальбами тѣмъ, что онъ не бьетъ и не тиранитъ ея. Совмѣстная жизнь съ подобными ограниченными самообожателями всегда бываетъ истинною пыткою для близкихъ къ нимъ людей и еще тяжелѣе дѣлается она тогда, когда эти самообожатели являются неудачниками. Они готовы по цѣлымъ днямъ превозносить себя и жестоко обвинять всѣхъ и каждаго за свои несчастія. О своихъ дѣтяхъ до этой минуты Маремьяновъ вовсе не упоминалъ и, какъ мнѣ показалось, весьма мало интересовался ими. Но человѣческая натура такъ сложна!

— У васъ было только двое дѣтей? — спросилъ я его, прерывая молчаніе.

— Семеро-съ, — коротко отвѣтилъ онъ. — Пятеро померло, двое осталось. Могу-съ съ гордостью, государь мой, сказать, что оба, оставшіеся въ живыхъ, и сынъ, и дочь, отъ меня наслѣдовали разумъ и способности, и духъ занимается, когда подумаешь, до какихъ степеней этакихъ могли бы они дойти, если бы злодѣй мой не оторвалъ меня отъ семьи и далъ мнѣ возможность руководить воспитаніемъ этихъ дѣтей. Дарья Степановна моя, помяни ее, Господи, во царствіи Своемъ, не отличалась ни умомъ, ни способностями, ни характеромъ. Была барышней и такою же до конца дней своихъ осталась барышней, утративъ только красоту, плѣнившую меня во дни моей молодости, когда меня ослѣпило гордое сознаніе того, что въ меня влюбилась первая городская красавица. Офицеры разные увивались, а она меня предпочла. Это ли не лестно? Однако, я

Digitized by Google

отвлекаюсь отъ предмета. Характера, говорю, у нея не было. Приласкать дѣтей, побаловать ихъ, распустить — это было ея дѣло, а выказать характеръ, руководить ими, наставить ихъ на путь истинный,—на это Богъ ей не далъ умѣнья. И что бы вообще изъ нихъ вышло во время моего пребыванія у Толмачева, когда меня утро выгоняло изъ дому, а поздній вечеръ укладывалъ утомленнаго въ постель, я и не знаю, если бы они не наслѣдовали моихъ способностей. Положительно могу сказать, государь мой, что не удивился бы я, если бы они, лишенные моего руководства, сдѣлались уличными ребятишками и лодырями. Но унаслѣдованныя отъ меня способности спасли ихъ отъ этой бѣды. Пристроилъ я ихъ въ Петербургѣ въ гимназіи и—это фактъ-съ, государь мой,— съ перваго и до послѣдняго года оба шли первыми въ классахъ,—первыми-съ, безъ всякихъ репетиторовъ, безъ всякихъ протекцій! Золотыя медали получили. Могу-съ сказать, радовало это меня и льстило моему самолюбію, даже иногда въ увлеченіи фантазіей среди дѣлъ самому Толмачеву хвасталъ я этимъ, хотя этому мужику сиволапому ни до какихъ сердечныхъ чувствъ и родительскаго веселія никакого дѣла не было. Но наука-съ наукой, способности способностями, а дѣти и въ воспитаніи нуждаются. Воспитаніе, можно сказать, камень краеугольный, на которомъ созидается вся человѣческая дѣятельность. Это фактъ-съ. У моихъ дѣтей Ванька Толмачевъ отнялъ даже воспитателя, засадивъ его въ суфлерскую будку, ради своихъ барышей. Не стану-съ облыжно говорить: онъ мнѣ платилъ, даже хорошо платилъ, какъ онъ самъ говорилъ, но онъ-съ вѣдь ни передышки, ни отдыха мнѣ не давалъ. Я сперва не роптал и не отказывался отъ работы, потому что надѣялся на будущее. Онъ же самъ мнѣ говаривалъ: «Погоди, выгоритъ, вотъ, это дѣльце—золото лопатами загребать будемъ»; «постой-ка, это вотъ предпріятіе намъ не одну сотню тысячъ принесетъ». Намъ! намъ! Ему и приносило все тысячи и сотни тысячъ, а мнѣ, который цѣлые дни придумывалъ да соображалъ, какъ и что̀ написать, только и давалось, что жалованьишко. Вотъ-съ она, эксплоатація-то ума грубою силой! Потомъ-съ, государь мой, выжалъ онъ изъ меня соки, какъ изъ лимона, и сталъ помыкать мною, какъ тряпкой. «Охъ, ты, сутяга, ничего-то не понимаешь ты ни въ коммерціи, ни въ биржевыхъ дѣлахъ, ни въ политической экономіи». «И чего это ты отъ поповскаго штиля отучиться не можешь, все точно проповѣди пишешь». «Да не витійствуй ты, а

Digitized by Google

пиши сжато; теперь ваше кляузничество не въ модѣ, а простота штиля нужна». Только эти комплименты и сталъ я отъ него слышать. Навострился тоже, сталъ самъ чиркать, переправлять, марать написанное мною. Разъ дошелъ, подлецъ, до того, что скомкалъ одну бумагу и швырнулъ ею мнѣ въ лицо. «Крыса семинарская!» крикнулъ. И то сказать, завелись около него теперь другіе секретари, другіе суфлеры, благо мошна у него была туго набита. И прятать ихъ теперь не нужно было; напротивъ того, даже напоказъ онъ сталъ ихъ выставлять, бахвалиться,—«у меня, молъ, такой-то извѣстный писатель секретаремъ состоитъ; у меня, молъ, такой-то извѣстный ученый дѣла ведетъ». На что же ему сталъ пригоденъ какой-то Маремьяновъ? А Маремьяновъ ему богатство создалъ! Маремьяновъ фундаментъ заложилъ къ построенному имъ зданію! Маремьяновъ ему свои идеи отдалъ! Я-съ это понималъ и не могъ склонить передъ нимъ своей головы, не могъ пресмыкаться передъ нимъ не могъ не внушать ему того. Амбицію это его задѣвало, надоѣдать стало. Люди, государь мой, правды не любятъ, и черная неблагодарность родилась не въ наше время. Такъ-съ, мало-по-малу, начали расползаться по швамъ наши отношенія: онъ командовать хотѣлъ, а я щетиниться сталъ, да зубы скалить началъ, обманутый въ своихъ надеждахъ. Дошло дѣло до разрыва, и только тутъ-то я увидалъ и понялъ вполнѣ ясно, что въ сущности все его благосостояніе утвердилось моими прожектами и моими руками, а между тѣмъ, онъ всѣ барыши загребъ себѣ и мнѣ ничего не оставилъ. Мало того-съ. Когда я заявилъ свои претензіи, онъ только захохоталъ, да вѣдь какъ-съ, до упаду, до колотья, до удушья, да меня же шутомъ гороховымъ назвалъ. Послѣ этого идти рука объ руку и, такъ сказать, жить въ одной берлогѣ намъ стало невозможно. Ушелъ я отъ него и отрясъ прахъ съ ногъ своихъ. Тутъ я и раскинулъ умомъ, вникъ во всю суть дѣла и понялъ, что онъ околдовалъ меня, подлецъ, опуталъ, провелъ, заставилъ работать на него безъ всякихъ условій, безъ всякихъ контрактовъ, и рѣшился затѣять судебное дѣло...

Маремьяновъ вынулъ свой клѣтчатый платокъ, свернутый въ трубочку, и отеръ потъ съ лица. Онъ былъ страшно взволнованъ и безсознательно ерошилъ свои сѣдые волосы. Это возбужденное состояніе духа дѣлало его похожимъ на помѣшаннаго...

Digitized by Google

— Вы не изволили-съ слышать,—началъ онъ съ лукавой вкрадчивостью и напряженнымъ любопытствомъ, точно желая поймать меня въ ловушку:—чтобы кто-нибудь меня при васъ, то-есть въ вашемъ присутствіи, хотя какъ-нибудь случайно сутягой и поврежденнымъ называлъ?

Его глаза зорко и пытливо были устремлены на меня, точно онъ желалъ прочитать что-то въ моей душѣ. Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ отвѣта.

— Нѣтъ,—солгалъ я.

— Жаль-съ, жаль-съ!—со вздохомъ сказалъ онъ.—А называли! не разъ называли! Только не могу вотъ свидѣтелей найти, чтобы уличить, кто называлъ, и изъ чьихъ первыхъ устъ это пошло. Это онъ-съ и распустилъ. Онъ-съ, я достовѣрно знаю. Только нити въ рукахъ моихъ нѣтъ, чтобы уличить, а то бы я показалъ ему, какой я сутяга и поврежденный. Диффамація-съ! За это-съ строго наказуются. Мнѣ бы только нить найти. Да я доберусь когда-нибудь, доберусь...

Онъ опустилъ голову и задумался. Въ эту минуту онъ, дѣйствительно, походилъ на поврежденнаго. Казалось, что на мгновеніе онъ совершенно забылъ даже о смерти Толмачева, которому были уже не страшны никакіе свидѣтели, могущіе обличить его въ клеветѣ или въ диффамаціи. Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи. Наконецъ, какъ бы очнувшись отъ сна, старикъ заговорилъ снова:

— А сталъ онъ эти слухи распускать, когда я ушелъ отъ него и началъ съ нимъ процессы за присвоеніе имъ моихъ идей и прожектовъ и сталъ требовать законной своей части изъ его прибылей. Вся жизнь моя съ этой поры ушла у меня на это. Всѣ деньги ухлопались на это. Да, я-съ не жалѣлъ; мнѣ не деньги дороги, а признаніе моихъ правъ; правда дорога мнѣ. Тысченокъ десять было скоплено мною во время служенія у него, и всѣ ушли. А онъ только одни слухи распускалъ, что повредился я въ умѣ отъ зависти при видѣ его богатства и что въ умопомѣшательствѣ приписываю себѣ все то, что я переписывалъ въ качествѣ его секретаря. Шутки-съ насчетъ этого шутилъ, смѣяться изволилъ. У него нравъ-съ веселый, смѣшливый! Тоже участіе и сожалѣніе ко мнѣ потомъ сталъ высказывать, когда я въ нищету впалъ. Дарью Степановну, сына и дочь моихъ призывалъ къ себѣ, соболѣзновалъ обо мнѣ, совѣтовалъ въ домъ умалишенныхъ помѣстить меня, брался платить за меня! Ловко-съ! Геній-съ, геній-съ, что и говорить. Нѣтъ-съ, не сутяга я, не поврежденный я, а погубленный имъ чело-

Digitized by Google

вѣкъ, жертва дикой эксплоатаціи, вотъ что я. Мало того, что онъ обокралъ меня,—онъ, государь мой, лишилъ меня семьи, домъ мой въ адъ превратилъ!

Возбужденіе старика дошло до крайнихъ предѣловъ, душило его, заставляло задыхаться. Онъ сталъ торопиться, говорилъ захлебываясь, жестикулировалъ. Его голосъ перешелъ въ сиплое шипѣніе.

— Когда я вышелъ, государь мой, въ отставку изъ секретарей этого генія, засталъ я невеселую картину дома-съ. Дочь моя Настя кончила гимназію и задумала идти подъ вліяніемъ разныхъ сумбурныхъ идей на врачебные курсы. Эта барышня-то, красавица-то, нѣжнаго-то воспитанія дѣвушка, оранжерейный цвѣтокъ, такъ сказать, и вдругъ разныя такія мерзости слушать изъ мужскихъ устъ будетъ, грязныя раны перемывать станетъ, мужчинъ больныхъ въ наготѣ ихъ скверной осматривать. Для блага человѣчества, видите ли, для пользы ближнихъ. Развратъ это, распутство одно! Началась у меня цѣлая исторія съ ней и, слава Богу еще, что по характеру она въ мать уродилась, слабая, молчаливая, покорная. Идеи были, а характера не было. А безъ характера, государь мой, ни съ какими идеями далеко не уйдешь. Ну-съ, и принялся я острые углы, такъ сказать, сглаживать. Побился я съ ней, но не даромъ. Удалось мнѣ внушить ей въ теченіе года, что я, какъ отецъ, не попущу разврата и не позволю ей идти на эту гибель. Нечего и говорить, что при моемъ умѣ, говоря это съ нею изо-дня въ день битые часы, я могъ урезонить ее, хотя и нелегко это мнѣ досталось. Тоже-съ долбить и долбить по одному и тому же мѣсту и сегодня, и завтра, и послѣзавтра, цѣлые триста шестьдесятъ пять дней,—дѣло трудное. А тутъ, къ счастью, и женихъ подвернулся изъ служившихъ у Толмачева, управляющій конторами, человѣкъ не бѣдный, не старый. Присватался онъ, подбился къ ней, гдѣ шуточками, гдѣ прибауточками, тоже изъ шустрыхъ былъ, молодой да ранній, и при моемъ содѣйствіи обтяпали мы все да склепали—вышла она за него замужъ. Точно гора съ моихъ плечъ свалилась. Но этимъ не кончилось. Не сладко пришлось мнѣ и отъ сына, могу даже сказать, что испилъ чашу горечи. Онъ въ меня характеромъ былъ: гордъ, благороденъ, настойчивъ, и какъ на бѣду—фантазій тоже тьма, какъ и у меня. Знаю я по опыту, къ чему фантазіи эти самыя ведутъ: отъ поповскаго званія изъ-за каприза смазливой барышни откажешься; ради краснобайства какого-нибудь про-

Digitized by Google

ходимца Толмачева подъ его дудку плясать будешь; высокими идеями увлекшись, забудешь о разныхъ договорцахъ да контрактцахъ. Ну-съ, а время тогда было превосходное, бродило все, всякія новшества неподходящія да режимы чужестранные были въ модѣ, и сталъ я подмѣчать, что мой Гаврюша—Гавріиломъ моего сына именовали—самыми этими новыми бреднями увлекается, варіаціи разныя на новыя темы фантазируетъ. Началъ я его вразумлять, въ отрезвленіе приводить, ну и пошли у насъ дебаты, споры, несогласія. Я—одно, онъ—другое. Я говорю: черное; онъ говоритъ: бѣлое. Вижу я, лѣзетъ малый на стѣну и лбомъ пробить ее хочетъ. Началъ я подмѣчать, гдѣ корень, откуда это идетъ, и кѣмъ поддерживается. Во всякомъ дѣлѣ прежде всего доберись до корня его, а ужъ потомъ принимайся за мѣропріятія, а то-съ донъ-кихотство одно несообразное выйдетъ, съ вѣтряными мельницами воевать станешь. Разъ и удалось мнѣ напасть на слѣды. Товарищи тутъ у него были, толковали, судили да рядили вкривь и вкось. Понялъ я, гдѣ у него точка опоры. Сталъ я ихъ выслѣживать, выспрашивать и потомъ изложилъ, кому слѣдовало, въ подробности ихъ образъ мыслей. Не легко мнѣ было такимъ образомъ спасти сына отъ зловредныхъ вліяній, да вѣдь я-съ отецъ, и не мнѣ было считать, сколько трудовъ и огорченій переношу я ради блага сына. Но что хуже всего было, такъ это то, что въ домѣ у меня въ эту пору поднялись распри. Никогда, государь мой, никто въ моемъ домѣ не выходилъ изъ-подъ вліянія моего ума; простыя бабы-служанки и тѣ послѣ моихъ усовѣщиваній и нотацій, какъ въ воду опущенныя, отъ нравственнаго потрясенія, ходили, а тутъ даже Дарья Степановна, ужъ на что смиренница была, подняла голосъ. Нужда, конечно, всему виною, она хоть кого собьетъ съ толку. Стала Дарья Степановна упрекать меня за наши лишенія. А нужду, государь мой, терпѣли мы страшную, и зять мой, оказавшійся проходимцемъ не хуже Толмачева, грошомъ мнѣ не помогъ, говоря, что поврежденнымъ помогать не слѣдуетъ. Вотъ и взъѣлась Дарья Степановна на меня. И состояніе-то я убилъ на кляузы, и сына-то я въ гробъ свожу, и дочь-то я погубилъ. Я! я! все я! Не я, государь мой, не я, а все онъ же, Ванька проклятый, злодѣй и врагъ мой ненавистный! Онъ всѣхъ насъ погубилъ. Видалъ онъ не разъ мою Настю до ея замужества, приглянулась она ему, подослалъ онъ къ ней жениха, задарилъ онъ его, потомъ отбилъ ее у него съ его согласія.

Digitized by Google

Докладывалъ я вамъ, государь мой, что всегда онъ, Ванька-то, юбочникомъ былъ; такимъ и до старости остался. И что это началось: я съ нимъ тягаюсь; я противъ него статейки тискаю на свой счетъ, и въ газетахъ, и въ отдѣльныхъ брошюрахъ, а моя дочь съ нимъ въ каретахъ по Петербургу ѣздитъ. Посылалъ я Дарью Степановну къ ней, въ судъ на нее жаловался. Настя и ухомъ не ведетъ. «Мнѣ, говоритъ, теперь все равно, какъ жить. Учиться не дали, такъ хоть повеселюсь!» Нечего сказать, повеселилась, повеселилась! Весь Петербургъ пальцами на нее указываетъ: «Вонъ толмачевская содержанка!» А у насъ адъ-съ, сущій адъ-съ въ это время въ домѣ былъ. И Дарья Степановна, и сынъ поѣдомъ меня съѣли. У Дарьи Степановны чахотка развилась, и лѣчить ее не на что было. Я сознаюсь, увлекся я мыслью благородной побѣдить сильнаго врага и все истратилъ на борьбу съ нимъ. Но вѣдь они же мнѣ были жена и сынъ, они поддерживать должны были меня, бодрости должны были придавать мнѣ, а они меня живого съѣли. Мало того: Дарья Степановна опозорила мою сѣдую голову и тайкомъ отъ меня принимала пособія отъ врага моего ненавистнаго.

Меня начинала тяготить эта страшная повѣсть семейнаго разлада.

— Они еще живы?—спросилъ я, перебивая его.

— Нѣтъ-съ,—коротко отвѣтилъ Маремьяновъ, и что-то сухое и жесткое сказалось въ его тонѣ.—Дарья Степановна умерла своею собственною смертью, а онъ, сынъ-то мой, послѣ ея похоронъ застрѣлился. Нынче это просто дѣлается. Взялъ револьверчикъ, взвелъ курочекъ, чикъ — и конецъ. Совсѣмъ-съ просто, каждый малолѣтокъ можетъ исполнить. Молоко матерное съ губъ еще отереть не успѣлъ, а съ собой, глядь, уже покончилъ. Письмо-съ оставилъ. «Ради матери я только не налагалъ на себя рукъ,—написалъ.—Жить же въ обществѣ, гдѣ мнѣ не протягиваютъ болѣе руки честные люди, я не могу. Причина этого вамъ извѣстна». Не понимаю-съ, не понимаю-съ, какая причина, что извѣстно; ничего не понимаю-съ! Темна вода во облацѣхъ. Молодой человѣкъ, служить могъ, до чиновъ могъ дослужиться и вдругъ бацъ! бацъ! и конецъ весь.

Я уже не задавалъ ему новыхъ вопросовъ и спѣшилъ уйти отъ этого поврежденнаго. Тоска, разсѣявшаяся на время, снова охватила меня. Мнѣ хотѣлось скорѣй выбраться на свѣжій воздухъ, уйти куда-нибудь за городъ, въ поле, точно я пробылъ нѣсколько часовъ въ какомъ-то

Digitized by Google

склепѣ, среди смрада и тьмы. Въ моемъ воображеніи проходили эти люди, губящіе и загубленные, заѣдающіе и осуждающіе другъ друга, сутяги въ одну сторону и поврежденные въ другую. Да, мнѣ нужно было воздуха, свѣта.

Прошло мѣсяца три послѣ этой встрѣчи. Я шелъ по Литейному проспекту, не спѣша, разсѣянно смотря въ пространство. Кто-то загородилъ мнѣ неожиданно дорогу и остановилъ меня. Я невольно вздрогнулъ и поднялъ голову. Передо мной стоялъ Маремьяновъ. По выраженію его лица можно бы было подумать, что онъ выигралъ большой кушъ денегъ, такъ оно было весело, сіяло злой радостью. Но стоило взглянуть на парядъ старика, чтобы понять, что ничего подобнаго не случилось.

— Читали-съ?—торопливо спросилъ онъ меня, радостно потирая руки.—Каково ошельмовали? Совершенно оплеванъ теперь. Благодѣтель, защитникъ вдовъ и сиротъ, геній—и оплеванъ!

Я сразу понялъ, о комъ онъ говоритъ, и вспомнилъ, что я въ послѣдніе дни читалъ въ мелкихъ газетахъ какіе-то беллетристическіе очерки и замѣтки, гдѣ были разные прозрачные намеки на дѣянія одного покойнаго сиволапаго Креза, сивушнаго царька. Я тотчасъ же узналъ въ этихъ статьяхъ перо Маремьянова и, признаюсь, не безъ отвращенія бросилъ эти листки. Теперь, вспомнивъ о нихъ, я брезгливо сказалъ:

— Читалъ какіе-то пасквили на Толмачева.

— Пасквили-съ? — обидчиво спросилъ Маремьяновъ. — Пасквили-съ? Я бы попросилъ васъ, государь мой, выражаться осторожнѣе. Это выдержки изъ моихъ воспоминаній, если вы изволите говорить о статейкахъ, напечатанныхъ на-дняхъ. Воспоминанія не пасквили. Благородные люди пасквилянтами не бываютъ. А если я написалъ правду, такъ говорить правду—это заслуга. И пенять на зеркало нельзя, если рожа крива. Пасквили! Нашли что сказать!.. Но я не о нихъ-съ, не объ этихъ статейкахъ говорю, не о пасквиляхъ-съ, какъ вы выражаетесь, а о дѣлѣ, о судебномъ процессѣ, въ которомъ господинъ Толмачевъ предсталъ передъ публикой во всей своей грѣховной наготѣ...

— О какомъ дѣлѣ?—неохотно спросилъ я, сердясь на встрѣчу съ этимъ человѣкомъ.

— Третьяго дня разбиралось. Мои дочь и зять были привлечены по дѣлу о векселяхъ, которые они предъявили наслѣдникамъ Толмачева. Это я ихъ подбилъ предъявить.

Digitized by Google

Они, было, не хотѣли. Извѣстно, и такъ сыты. Я подбилъ, однако. Зятекъ-то алченъ, я и настоялъ. Наслѣдники, конечно, вздумали доказывать, что векселя поддѣльные. Я это предвидѣлъ. Знаю тоже людей. Векселькн подписаны нетвердою рукой, значитъ и можно оспаривать ихъ подлинность. Ну, по-моему и вышло.

— Что же, ихъ признали дѣйствительными? — спросилъ я.

— Не въ томъ-съ дѣло, не въ подложности или дѣйствительности, а въ томъ, что на-судѣ разоблачили, за что и въ какомъ видѣ писалъ эти векселя господинъ Толмачевъ. Самую грязь-то раскопали. Жаль, что при закрытыхъ дверяхъ разбиралось дѣло, ради подробностей, а то-съ... Вотъ-то грязища! Это-съ уму непостижимо, до чего можетъ извратиться человѣкъ! Я зналъ-съ, что надо будетъ на судѣ все разворотить, и подбилъ зятя идти на все. Правда, векселя были подписаны нетвердой рукой, но вѣдь и писались они гдѣ же—въ гостиницахъ, въ номерахъ, въ баняхъ. Наслѣдники вздумали оспаривать, признавая векселя безденежными или подложными, а мы свидѣтелей со своей стороны представили и доказали, за что и при какихъ обстоятельствахъ выдавалъ господинъ Толмачевъ векселя моей дочери.

— И вы, и вашъ зять рѣшились опозорить ее?—съ негодованіемъ воскликнулъ я.

— Ее-съ? Нѣтъ-съ, мы не ее-съ опозорить рѣшились, а Ваньку, отца вдовъ и сиротъ, генія великаго, самородка. И оплевали-съ, могу сказать, что оплевали, и... Подробности почти не проникли въ печать, но я-съ все записалъ, все сохраню. Это-съ любопытно! Пусть потомство полюбуется. И есть чѣмъ. Двое свидѣтелей изъ номерныхъ...

— Я тороплюсь,—прервалъ я старика, чувствуя отвращеніе къ нему.

— Да я вамъ на ходу все передамъ, — остановилъ онъ меня.—Я теперь всѣмъ передаю эти подробности...

— Прощайте!—сказалъ я, не слушая его, и торопливо нанялъ извозчика.

Онъ, увидавъ, что я сажусь на пролетку, занесъ тоже ногу, чтобы сѣсть со мною, и проговорилъ:

— Такъ я проѣду-съ съ вами; мнѣ все равно, куда ѣхать, и разскажу все...

— Оставьте меня въ покоѣ!—рѣзко проговорилъ я, грубо толкнувъ его отъ себя, какъ гадину, и нетерпѣливо приказалъ извозчику:—Поѣзжай же!

Digitized by Google

Старикъ остался на тротуарѣ, и до меня долетѣло:
— Да какое вы имѣете право оскорблять...
Конца фразы я уже не слышалъ за стукомъ колесъ.

V.

Пучина.

I.

Я прочелъ публикацію о томъ, что кто-то — имени въ публикаціи не было обозначено—приглашаетъ по указанному въ ней адресу учителя для подготовленія молодого человѣка къ пятому классу гимназіи, желая притомъ помѣстить ученика пансіонеромъ къ преподавателю. Это было давно, въ 186* году. Я тогда жилъ исключительно уроками, а также держалъ пансіонеровъ, и потому поспѣшилъ на приглашеніе по указанному въ публикаціи адресу. Отыскавъ указанные домъ и квартиру, я позвонилъ у входныхъ дверей. Дверь открыла здоровая, коренастая и румяная служанка лѣтъ двадцати пяти, изъ деревенскихъ, судя по манерамъ и разговору, но, какъ было сразу видно, уже успѣвшая привыкнуть къ городскимъ нарядамъ, крахмаленнымъ юбкамъ и дешевенькимъ вызолоченнымъ серьгамъ, брошкамъ и браслетамъ съ яркими цвѣтными стеклами и говорившая «мерси-съ», когда ей за услугу совали въ шершавую руку двугривенный на чай.

— Вамъ кого?—грубовато спросила она, стоя въ оборонительной позѣ въ дверяхъ и не впуская меня въ переднюю.

Я смутился немного, не зная кого спросить, такъ какъ въ публикаціи, какъ я сказалъ, значился только нумеръ квартиры, но не значилось ни имени, ни фамиліи ищущихъ учителя.

— Тутъ нуженъ учитель,— пояснилъ я, запинаясь.

— Кого учить-то? —еще болѣе грубо спросила она, смотря на меня злыми и наглыми глазами. — Здѣсь баринъ одинъ Иванъ Трофимовичъ живетъ...

Digitized by Google

Я окончательно сконфузился, полагая, что я ошибся нумеромъ дома или квартиры.

— Вѣдь это двадцать первый нумеръ дома, а квартира нумеръ девятый?—началъ я.

— Ну, да,—отвѣтила она и, какъ бы передразнивая меня, повторила:—домъ нумеръ двадцать первый и квартиры девятый.

— Такъ въ газетахъ публиковали,—сталъ я опять пояснять:—что здѣсь требуется учитель.

— Никакого учителя намъ не надо,—отрывисто произнесла она.—Слава Богу, обучены...

— Аксинья! Аксинья!—раздался изъ сосѣдней комнаты стонущій сиповатый голосъ.—Чего ты тамъ стрекочешь въ дверяхъ? Сквозняка напустила! Кто тамъ?

— А Богъ ихъ знаетъ,—крикнула она въ отвѣтъ.—Учитель какой-то!

Она уже намѣревалась захлопнуть дверь передъ моимъ носомъ, но изъ комнаты послышался тотъ же стонущій голосъ:

— Дура! дура! Охъ, ничего не понимаетъ! Остолопъ деревенскій! Идите сюда, кто тамъ? Охъ! дура!

— Ругатель! только отъ тебя и слышишь, что «дура»!—проворчала вполголоса служанка и громкимъ голосомъ властно приказала мнѣ:—Идите, коли зовутъ!

Она, видимо, умѣла и привыкла повелѣвать. Я поспѣшно вошелъ въ прихожую, сбросилъ легкое пальто и вошелъ въ комнату, откуда слышался стонущій голосъ. Меня разомъ охватило запахомъ нашатыря, оподельдока, камфары. Передо мной была обширная комната, погруженная въ полумракъ, вслѣдствіе опущенныхъ темныхъ шторъ. Сразу я могъ только разглядѣть, что она была загромождена затѣйливой мебелью, вышитыми подушками, картинами, статуэтками, лампами. Потомъ я разсмотрѣлъ, что все это было болѣе или менѣе цѣнное, даже рѣдкое, какъ, напримѣръ, портретъ какой-то дамы съ открытой шеей работы знаменитаго Левицкаго, эскизно вылѣпленная статуэтка даровитаго Пименова, часы въ стилѣ имперіи и тому подобныя вещи. При первомъ же взглядѣ на всѣ эти хаотически разставленные и развѣшенные предметы мнѣ показалось, что я попалъ въ лавку старьевщика, гдѣ сваливается въ одну нестройную кучу разный, нерѣдко весьма дорогой хламъ. Не успѣлъ я приглядѣться къ окружающему меня, какъ услышалъ въ сторонѣ все тотъ же стонущій, хриплый голосъ:

Digitized by Google

— Это вы и есть учитель? Пансіонеромъ-то остолопа можете взять къ себѣ? Помѣщеніе-то есть?

— Могу, — отвѣтилъ я, все еще не зная, съ кѣмъ говорю.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, это главное! Надоѣлъ онъ мнѣ, паршецъ. Теперь и говорить можно. Охъ! Слава Богу! Хоть отдѣлаюсь! Садитесь, поговоримъ.

Я направился почти ощупью къ широкому турецкому дивану, обитому шелковой матеріей, гдѣ лежало что-то крупное, грузное, ворочавшееся съ боку на бокъ, стонущее и брюзжащее. Это былъ очень крупный, высокій и тучный старикъ, съ обрюзгшимъ лицомъ, съ разметавшимися и вьющимися сѣдыми волосами, въ красной турецкой фескѣ, въ пестромъ турецкомъ халатѣ, въ желтыхъ турецкихъ туфляхъ съ загнутыми носками. Теперь, приблизившись къ нему и освоившись съ полутьмой, я могъ разсмотрѣть его фигуру и костюмъ до мельчайшихъ подробностей.

— Аксинья! Аксинья!—застоналъ онъ капризнымъ тономъ блажного ребенка.—О, дура! Никогда не придетъ сразу! Охрипнешь крича. Волю забрала, дура! Аксинья, подними шторы!

Онъ обернулся ко мнѣ, повернувшись немного на бокъ, причемъ я увидѣлъ изъ-подъ распахнувшагося ворота его рубашки могучую волосатую грудь.

— Тьма совсѣмъ, не разсмотришь человѣка,—пояснилъ онъ, продолжая брюзжать.—Точно въ тюрьмѣ. Вы меня ужъ извините, что я лежу, какъ колода. Боленъ я. Охъ, охъ, совсѣмъ боленъ.

Покуда съ шумомъ вошедшая въ комнату Аксинья угловатыми и отрывистыми движеніями поднимала шторы, усиленно дергая за шнурки и что-то ворча, я не безъ любопытства всматривался въ этого старика. Это была туша жиру съ рѣдѣющими, когда-то, должно быть, очень густыми кудрями на большой головѣ. Трудно было опредѣлить, былъ ли онъ когда-нибудь красивъ или нѣтъ, такъ какъ ожирѣніе искажало черты его лица, уже тронутаго параличомъ. Оставались красивыми или, вѣрнѣе сказать, поражающими только глаза, рѣзкіе, проницательные, наглые и хитрые до неприличія. Онъ поминутно вертѣлъ головой и дѣлалъ лицомъ гримасы, подергиваемый мимолетными характерными конвульсіями, говорившими сразу о томъ, что онъ шибко пожилъ на своемъ вѣку. При каждомъ его движеніи запахъ нашатыря, оподельдоку и камфары чувствовался сильнѣе,

Digitized by Google

точно этими снадобьями были пропитаны и его одежда, и его бѣлье. Онъ продолжалъ брюзгливо жаловаться:

— Навязали мнѣ еще это дѣло! Сестра все, двоюродная сестра... Найди, да найди ей болвану учителя и воспитателя. Сама въ деревнѣ сидитъ, сдвинуться лѣнь, мохомъ тамъ обросла, квашня. Ну, и пишетъ... дѣлать нечего, такъ и изводитъ бумагу... Мало того: сюда его прислала, на, молъ, бери это сокровище да вознсь съ нимъ... А у сокровища уже усы отрастаютъ; въ головѣ, поди, всякая дрянь завелась... Повозись-ка съ нимъ... Думаютъ онѣ тамъ въ деревнѣ, что такъ тутъ и есть время бѣгать хлопотать за нихъ. Охъ, ложебоки! Наплодятъ дѣтей и разсылаютъ ихъ, словно посылки по почтѣ, кого въ корпусъ, кого въ институтъ. Воспитывайте и обучайте, молъ, добрые люди, а мы свое дѣло сдѣлали. Прохвосты!.. А я боленъ, гдѣ мнѣ хлопотать съ балбесомъ. Замучилъ онъ меня, вшивецъ! Слава Богу, вотъ вы пришли. Охъ! Да, кстати: мы даже не отрекомендовались. Я не пропечаталъ своихъ имени и фамиліи. Потому друзья-пріятели. Скажутъ сейчасъ: «для незаконнорожденнаго сына ищетъ». Охъ, прохвосты. Рады бока помыть. И такъ говорятъ, что у меня въ каждомъ городѣ по женѣ и по дюжинѣ ребятъ! Про меня все плетутъ... Охъ, прохвосты! Меня зовутъ... Охъ!.. Охъ!..

Тутъ произошелъ маленькій эпизодъ, прорвавшій нашъ tête-à-tête.

Съ минуты моего прихода къ Ивану Трофимовичу я ощущалъ—не видѣлъ, не слышалъ, а только ощущалъ—присутствіе въ комнатѣ или за тяжелой драпировкой двери третьяго лица. Теперь это третье лицо не выдержало, взволнованное усиленными стонами Ивана Трофимовича, и явилось въ комнату. Это была черноволосая и черноглазая дама лѣтъ сорока-пяти, бѣлая, откормленная, выхоленная, съ утинымъ носомъ и сочными губами.

— Иванъ Трофимычъ, пора снять горчичникъ,—заговорила она нѣвучнимъ и сладкимъ голосомъ съ слезой въ звукѣ.—Больше двадцати минутъ.

— Охъ, охъ, хорошо, хорошо! Надоѣли вы мнѣ всѣ, какъ горькая рѣдька!—застоналъ больной и въ изнеможеніи повернулся на спину.

Дама съ слезой въ голосѣ наклонилась надъ нимъ и стала возиться съ сниманіемъ горчичника. Больной сталъ стонать точно отъ невыносимыхъ мученій. Его немного хрипдый голосъ совсѣмъ упалъ, какъ у умирающаго. Это видимо

Digitized by Google

приводило въ отчаяніе даму съ слезой въ голосѣ, и она чуть не плакала, стараясь по возможности осторожнѣе исполнить свое дѣло. Когда операція сниманія горчичника кончилась, и дама съ слезой въ голосѣ снова удалилась, больной опять сталъ извиняться передо мной:

— Охъ, боленъ я, боленъ! Чортъ дернулъ вчера къ пріятелю завернуть. Чуть не на колѣняхъ просятъ-молятъ: приди да приди... Извѣстно, дохнуть отъ скуки, идіоты, живой человѣкъ нуженъ... бывалый... Ну, вотъ и пошелъ... Такъ вотъ вѣдь окормили чѣмъ-то, прохвосты. Каждый разъ окормятъ! Вино подмѣшанное изъ сандала... масло изъ собачьяго жира... сигары изъ капустныхъ листьевъ... Скареды, со всякой дряни пѣнки готовы снимать и гостей угощать... Охъ!.. Да, такъ я вамъ началъ говорить, какъ меня зовутъ... Иванъ Трофимовичъ Братчикъ... Братчикъ... Охъ!.. Слыхали, можетъ-быть? Полъ-Петербурга знаетъ... какое полъ-Петербурга—половина Россіи... Европѣ и той пѣвцовъ русскихъ показывалъ, чортъ ее возьми!.. Да... рвали всю жизнь на части... прохвосты... Таланты были... Охъ, бѣда эта сущая, таланты коли у человѣка...

Я, дѣйствительно, какъ мнѣ показалось, слыхалъ эту фамилію, но не въ Петербургѣ, или, вѣрнѣе сказать, слыхалъ ее, можетъ-быть, и въ Петербургѣ, но въ давно былые года. Когда и при какихъ обстоятельствахъ я ее слыхалъ—этого я не могъ вспомнить сразу, должно-быть, читалъ въ какихъ-нибудь газетахъ, мелькомъ, безъ особеннаго вниманія. Я поторопился назвать свою фамилію:

— Викторъ Петровичъ Желѣзневскій.

— А?!—проговорилъ больной и разомъ повернулся ко мнѣ лицомъ, всматриваясь въ мое лицо зоркими, безцеремонными глазами, старающимися заглянуть въ чужую душу и притомъ съ твердой увѣренностью отыскать въ этой душѣ самую омерзительную грязь. — Желѣзневскій... Викторъ Петровичъ Желѣзневскій? Марьѣ Ивановнѣ Желѣзневской родней приходитесь?..

— Она теткой мнѣ доводилась, то-есть была женой моего дяди,—отвѣтилъ я и вдругъ сразу вспомнилъ, гдѣ слышалъ я его фамилію, когда видѣлъ его.

— Венера! Венера!—воскликнулъ онъ съ одушевленіемъ и сдѣлалъ рѣзкое движеніе, отъ котораго почувствовалъ снова боли и заохалъ:—Охъ! охъ! вотъ вѣдь какъ окормили, прохвосты!.. Безъ ножа зарѣзали!..

Онъ закрылъ въ изнеможеніи свои вдругъ замаслившіеся

Digitized by Google

и засверкавшіе на минуту глаза и, точно въ бреду, среди стоновъ, забормоталъ:

— Вотъ, батенька, женщина-то. Не то, что вотъ эти, цынѣшнія мокрицы!—онъ съ презрительнымъ выраженіемъ мотнулъ головой въ сторону той двери, за которой скрылась дама съ горчичникомъ.—Охъ!.. съ ума люди сходили... Охъ!.. Люди-то какіе были... не теперешніе, не гниль эта... не геморрои эти ходячіе... Охъ!.. здоровые люди были, крѣпкіе... Николаевскіе были люди!.. Охъ!

Онъ открылъ глаза и, зорко вглядываясь въ меня, спросилъ:

— А вы сами-то кто же будете? «Монъ бижу»?

Я усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ; «Монъ шери».

— Да, да, тоже и я хорошъ!.. Перезабылъ все. Память измѣняетъ... Стара стала—глупа стала!.. Съ кѣмъ смѣшалъ, съ кѣмъ сиѣшалъ. Съ карломъ паршивымъ. Вы меня ужъ простите, старика! А что же «Монъ бижу»—живъ, карла этотъ самый.

— Умеръ,—отвѣтилъ я:—спился съ круга и въ больницѣ умеръ.

— Гмъ, гмъ! спился... умеръ въ больницѣ!—проговорилъ Братчикъ, качая въ раздумьѣ головой и дѣлая конвульсивныя гримасы подергивавшимся и подмигивающимъ лѣвымъ глазомъ.—А «Ма пренсессъ»—жива?

— Жива, кажется. Навѣрное не могу сказать. Ее пристроили въ городскую богадѣльню нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Гмъ, гмъ! въ богадѣльню, въ городскую богадѣльню! Да, да, другія времена! другія времена,—проговорилъ задумчиво старикъ.—Совсѣмъ другія! Вы вотъ учительствуете, «Монъ бижу» спился и въ больницѣ умеръ; «Ма пренсессъ» въ богадѣльнѣ, я вотъ... Охъ, охъ!.. животъ все это, животъ... окормили всякой мандрой, прохвосты!.. Да, другія времена!..

II.

Дѣйствительно, времена были совсѣмъ другія, и никогда я не понималъ этого такъ ясно, какъ теперь, смотря на Ивана Трофимовича. А и всего-то прошло какихъ-нибудь двадцать пять лѣтъ съ того времени, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ Ивана Трофимовича, но сколько воды утекло съ той поры!

Digitized by Google

Какъ ясно вспомнился мнѣ теперь этотъ день нашей послѣдней встрѣчи!

Въ барскомъ, роскошно отдѣланномъ и просторномъ домѣ «ma tante», то-есть Маріи Ивановны Желѣзневской, былъ блестящій костюмированный балъ съ живыми картинами. Вечеръ былъ устроенъ съ благотворительною цѣлью, и на немъ присутствовало самое изысканное общество тогдашнихъ великосвѣтскихъ прожигателей жизни и бездѣльниковъ. Время было глухое, скучное, разнообразившееся только чудовищными кутежами, чудодѣйными выходками богачей-самодуровъ, картежничествомъ и бретерствомъ съ финалами дуэлей, послѣ которыхъ одни сходили въ могилу, а другіе отправлялись провѣтриваться на Кавказъ. Въ это время такіе балы, какъ костюмированные балы Маріи Ивановны Желѣзневской, для которыхъ закладывались имѣнія съ крѣпостными душами, были сущимъ кладомъ. Это были своего рода Вальпургіевы ночи. Въ живыхъ картинахъ того вечера, о которомъ я вспомнилъ теперь, принимало участіе множество народу и между прочимъ въ нихъ участвовали всѣ молодые воспитанники, воспитанницы, любимцы и любимицы ma tante, а этого народу у ma tante было всегда не мало, такъ какъ она всегда скучала и не любила старыхъ приживалокъ. Въ одной изъ картинъ, между прочимъ, роль гнома исполнялъ «Монъ бижу», тогда еще изумительно стройный и розовый двадцати-трехлѣтній карликъ, ростомъ не больше пятилѣтняго ребенка. Звали его Дмитріемъ Петровичемъ Кулешовымъ, но этого имени почти никто изъ постороннихъ не зналъ, такъ какъ карликъ значился подъ кличкой «Монъ бижу», данной ему ma tante. У нея вообще всѣ люди имѣли свои клички, какъ и ея собачонки. Ma tante получила эту крѣпостную душу въ подарокъ отъ одного изъ своихъ страстныхъ поклонниковъ, когда карлику шелъ только пятнадцатый годъ, и обращалась всегда съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, одѣвалась при немъ, заходила въ его «дѣтскую», когда онъ еще спалъ, сажала его къ себѣ на колѣни, принимала при немъ своихъ поклонниковъ, брала при немъ ванны и ее крайне забавлялъ этотъ ребенокъ-мужчина. Въ другой картинѣ «Ma princesse» изображала «Спящую красавицу». Она, эта сирота какого-то проворовавшагося и погибшаго подъ судомъ чиновника, взятая на воспитаніе въ домъ ma tante, была дѣйствительно замѣчательной красавицей, но въ то же время она была глухонѣмой. Она вмѣсто связной рѣчи издавала какіе-то странные,

Digitized by Google

глухіе, похожіе на рычаніе звѣря звуки, отъ которыхъ нервныхъ людей коробило, но ma tante они забавляли и смѣшили. Она переименовала ее изъ Катерины Семеновны Поспѣловой въ «Ма принсессъ», обучила ее танцамъ и даже пѣнію, и глухонѣмая танцовала и пѣла или, вѣрнѣе сказать, завывала, какъ вѣтеръ въ трубѣ во время вьюги, и этимъ развлекала ma tante, когда той было невыносимо скучно. Я или, выражаясь языкомъ ma tante, «Монъ шери», тогда еще семилѣтній ребенокъ-сирота, тоже жилъ еще въ домѣ ma tante и потому долженъ былъ фигурировать въ живой картинѣ въ качествѣ Амура, пѣтящаго стрѣлой въ граціознаго Адониса, склонившагося на колѣни передъ Венерой; Венеру изображала сама ma tante—ей тогда уже шелъ лѣтъ десять подъ рядъ сорокъ пятый годъ,—а граціознымъ Адонисомъ былъ Иванъ Трофимовичъ Братчикъ, которому тогда шелъ двадцать восьмой годъ, на видъ же нельзя было дать болѣе девятнадцати...

Врѣзался этотъ день въ мою память, можетъ-быть, именно потому, что на слѣдующій день въ домѣ ma tante случился страшный и совершенно неожиданный переполохъ: ma tante внезапно заболѣла, у нея сдѣлался какой-то припадокъ, началась страшная истерика, въ домѣ всѣ ходили на цыпочкахъ и шептались о томъ, что «Адонисъ» сбѣжалъ, что «Адонисъ» пропалъ безъ вѣсти, что «Адониса» кто-то похитилъ. Я, «Ма принсессъ» и «Монъ бижу» не смѣли переступить порога спальни ma tante и жались всѣ въ дѣтской, то-есть въ комнатѣ «Монъ бижу», перепуганные болѣзнью ma tante. Потомъ переполохъ вдругъ утихъ, и насъ позвали въ большой бѣлый залъ, гдѣ такъ недавно были балъ, живыя картины, музыка и пѣніе. Теперь въ переднемъ углу этого зала, декорированнаго тропическими растеніями, за которыми виднѣлись бѣлыя простыни, закрывавшія десятки простѣночныхъ зеркалъ, стоялъ черный катафалкъ, и на немъ лежала неподвижно какая-то вытянувшаяся женская фигура съ сѣдыми волосами, съ провалившимся беззубымъ ртомъ, съ пожелта-блѣднымъ лицомъ безъ бровей. Это была ma tante, вдругъ состарѣвшаяся въ день смерти лѣтъ на десять и даже болѣе. Пришли священники, пѣвчіе, наѣхали чиновные и вліятельные знакомые на панихиду. Потомъ, въ домъ, гдѣ уже производился грабежъ дворовыми людьми, наѣхали наслѣдники ma tante и выгнали на улицу «Ма принсессъ» и «Монъ бижу». Оставшись на улицѣ, несчастная глухонѣмая «Ма принсессъ» чуть не погибла съ голоду,

Digitized by Google

попала въ нищенскій комитетъ, откуда, потомъ, ее пристроили въ городскую богадѣльню, а «Монъ бижу», развратничая и пьянствуя напропалую, мало-по-малу, докутился до бѣлой горячки и, наконецъ, умеръ въ больницѣ... Меня въ это время новые опекуны сбыли съ рукъ на полный пансіонъ къ какой-то желавшей подкормиться на счетъ осиротѣлыхъ дѣтей нѣмкѣ, у которой жило очень много пансіонеровъ и готовилось очень мало кушаній...

Sic transit gloria mundi!..

III.

Довольно долго вспоминали мы съ Братчикомъ всѣ мелкія подробности давно прошедшихъ временъ—временъ нашей жизни у Маріи Ивановны Желѣзневской. Все былое ярко воскресло въ нашей памяти и, припоминая всѣ его мелочи, оба мы невольно повторяли: «Да, да, другія времена были, другіе люди». Мнѣ казалось, что Братчикъ искренно сожалѣлъ о томъ, что эти былыя времена прошли и не вернутся снова, тогда какъ у меня было тяжело на душѣ при воспоминаніи обо всѣхъ этихъ «Монъ бижу» и «Ма прэнсессъ», которыми поиграли, какъ игрушками, и которыхъ потомъ выбросили на улицу, какъ хламъ.

— Вашъ племянникъ у васъ?—наконецъ, спросилъ я Ивана Трофимовича, желая скорѣе приступить къ дѣлу.

— Что вы! что вы!—воскликнулъ почти съ ужасомъ Братчикъ.—Стану я держать у себя соплякa! Ненавижу я этихъ прохвостовъ, вездѣ тоже носъ суютъ, глаза мозолятъ, вертятся, какъ черти передъ заутреней! Подсмотрѣть да подслушать все хочется! Охъ! Сестра, дура тоже, прислала, не спросясь, зарѣзала безъ ножа. Еще хорошо, что у меня Маремьяны эти есть. Охъ! знаете поговорку: «Маремьяна-старица обо всемъ мірѣ печалится». Ну, вотъ эти самыя Маремьяны и у меня есть, у каждаго онѣ есть. Безъ Маремьянъ ни одинъ видный человѣкъ не проживетъ. Да... Вонъ тамъ эта дура,—онъ указалъ на дверь, куда скрылась дама со слезой въ голосѣ,—она и взяла шалопая. Обрадовалась даже случаю отличиться передо мной, онѣ всегда радуются... на нихъ верхомъ ѣзди, а онѣ радуются. Дуры!.. Охъ! охъ! Нельзя только у бабы-дуры оставить, набалуетъ его. Онъ еще соплякъ, а она его сейчасъ въ чинъ молодого человѣка произведетъ, мужчиной онъ начнетъ себя понимать. Какъ вонъ она только увидала его, сейчасъ и зарапортовалась: «Ахъ, милый молодой чело-

Digitized by Google

вѣкъ! Ахъ, ужъ я васъ потому буду любить, что вы племянникъ нашего дорогого Ивана Трофимовича!» Ну, она-то это сдуру, какъ ей и слѣдуетъ, зарапортовалась, а мальчишка отъ этихъ словъ ужъ и губы оттопыриваетъ: «цѣлуйте, молъ, меня за дяденькинъ счетъ, буду много доволенъ». Охъ! Драть его еще надо, штаны спустить и драть! А она: «молодой человѣкъ»!

Онъ сильно взволновался и раскапризился, охая и бранясь. Его толстая служанка, какъ видно, не безъ основанія называла его ругателемъ. Онъ ругалъ дѣйствительно всѣхъ и за все.

— Когда же я могу видѣть юношу, чтобы проэкзаменовать его и уговориться насчетъ условій?—спросилъ я, когда Братчикъ немного утихъ.

— Ахъ, что̀ тутъ условія!—простоналъ Иванъ Трофимовичъ.—Сестра не нищая, хорошо заплатитъ! Все равно деньги зря мотаетъ, дура. Чего же тутъ говорить объ условіяхъ. Охъ! только бы пристроить щенка.

— Но все же я долженъ хотя знать, насколько онъ подготовленъ...

— Да, да... Такъ вы къ ней, къ Маремьянѣ поѣзжайте...

Иванъ Трофимовичъ крикнулъ:

— Ольга Сергѣевна! Эй, Ольга Сергѣевна, заснули, что ли?

Дама со слезой въ голосѣ появилась изъ-за драпировки, быстро сѣменя ногами.

— Вы меня звали?—искательнымъ тономъ приживалки спросила она.

— А вы оглохли, что ли? Конечно, васъ звалъ,—проворчалъ Иванъ Трофимовичъ брюзгливымъ голосомъ.—Другой тутъ Ольги Сергѣевны нѣтъ. Возьмите вотъ этого молодого человѣка и поѣзжайте съ нимъ къ себѣ домой. Сейчасъ же поѣзжайте! Ему надо Алексашку проэкзаменовать.

— А какъ же вы?—испуганно спросила дама съ слезой въ голосѣ.

— Что: какъ же я?—передразнилъ ее Иванъ Трофимовичъ.

Въ эту минуту раздался звонокъ въ передней, и тотчасъ же до насъ долетѣли быстрые вопросы:

— Неужели лежитъ! Что же меня не извѣстили? Человѣкъ умереть могъ, а меня не извѣстили.

— Ну, вотъ Сорока-бѣлобока еще прилетѣла,—проговорилъ Иванъ Трофимовичъ насмѣшливо.—Охъ, уѣзжайте, уѣзжайте!

Digitized by Google

И съ одной съ ума сойдешь!.. Вотъ сейчасъ трещать начнетъ!.. Охъ! поѣзжайте!

Я всталъ съ мѣста; дама съ слезой въ голосѣ тоже покорилась приказанію. Въ дверяхъ мы встрѣтились съ какой-то высокой, некрасивой и немолодой особой съ рѣзкими и угловатыми мужскими манерами. Она на ходу кивнула недружелюбно и пренебрежительно головой моей спутницѣ и сразу быстро заговорила, обращаясь къ больному:

— А я-то шла, хотѣла разсказать...

— Охъ, вы всегда идете и всегда разсказываете,—застопалъ больной:—и все набатъ, все набатъ бьете!

Дальнѣйшаго разговора я уже не слыхалъ, выбравшись съ моею спутницею на улицу.

— И зачѣмъ онъ ее принимаетъ, зачѣмъ принимаетъ!—въ сильномъ волненіи заговорила моя спутница сладкимъ и опечаленнымъ голосомъ.—Старая дѣва, сплетница первѣйшая, зла на весь міръ за свое собственное безобразіе, корчитъ изъ себя протестующую либералку и говоритъ—за десятерыхъ говоритъ!

Я мелькомъ бросилъ взглядъ на свою спутницу и убѣдился, что она-то, несмотря на свой не особенно красивый носъ, не могла пожаловаться на свою физіономію съ бѣлымъ тѣломъ, съ румяными щеками и сочными губами, съ прекрасно сохранившимися волосами. Лѣтъ двадцать тому назадъ она, вѣроятно, считалась одною изъ тѣхъ русскихъ красавицъ, которыхъ, несмотря на неправильныя черты ихъ румяныхъ лицъ, сравниваютъ съ бѣлою лебедью; теперь же если ея и нельзя было уже назвать хорошенькой, то все же отъ нея вѣяло здоровьемъ, выхоленностью, сытостью, и она, какъ говорится, была въ тѣлѣ.

— Конечно, я понимаю, что за такимъ человѣкомъ всѣ гоняются,—продолжала она волноваться за Ивана Трофимовича.—Но онъ-то долженъ беречь себя, а онъ добръ, онъ всѣхъ терпитъ около себя, никого не можетъ прогнать... Вѣдь почему и хворастъ? Потому что куда ни пригласятъ,—ко всѣмъ ѣдетъ, вездѣ его рвутъ на части. Конечно, такой человѣкъ кладъ для общества, но ему-то надо беречь себя.

Она вдругъ обернулась ко мнѣ и спросила:

— Какъ вы его нашли?

— То-есть,—началъ я, не зная, что отвѣтить.

— Вѣдь онъ плохъ, очень плохъ?—допрашивала она.

— Мнѣ кажется,—началъ я.

Она перебила меня:

Digitized by Google

— Ну да, мнѣ тоже кажется, что плохъ, а тутъ эта сорока... онъ удивительно мѣтко опредѣляетъ людей... эта сорока, какъ онъ ее называетъ, заговоритъ его.

Я, улыбнулся, вспомнивъ, что ее онъ назвалъ «Маремьяной». Она подмѣтила мою улыбку и еще болѣе оживленно заговорила:

— Да, да, его опредѣленія невольно вызываютъ улыбку своею мѣткостью. Это вѣдь просто геніальный человѣкъ. Вы слышали его разсказы? Нѣтъ? Ахъ, это нѣчто такое тонкое и полное юмора. Ну, право, разскажетъ, какъ двѣ бабы ссорятся изъ-за свиньи въ огородѣ: «Это твоя свинья весь огородъ изрыла!» «Анъ нѣтъ, твоя!» или какъ ямщикъ торопился лошадей запрягать, отыскивая цѣлый часъ шлею, которая была у него въ рукахъ,—а всѣ до колотья смѣются. А въ Чацкомъ вы его видѣли? Да неужели не видали? Это же и представить себѣ нельзя, не видавши! Не будь онъ барином до мозга костей, онъ былъ бы первымъ артистомъ у насъ. Чацкій и Хлестаковъ—вы вообразите, такія двѣ крайности, и въ обѣихъ роляхъ онъ неподражаемъ былъ. А что онъ сдѣлалъ по части хорового пѣнія? По Европѣ возилъ составленный и обученный имъ хоръ. Говорятъ, у него голоса нѣтъ. Да онъ безъ всякаго голоса любого мужчину до слезъ растрогаетъ. Королева Викторія...

— Не взять ли намъ извозчика,—прервалъ я ее, не предвидя конца ея восторженнымъ похваламъ Ивану Трофимовичу.—Вы устанете!

— Нѣтъ, я же близко вотъ тутъ живу,—отвѣтила она, указывая рукой въ пространство.—Я нарочно наняла поближе квартиру, чтобы онъ не былъ одинъ въ такія минуты, когда ему нуженъ заботливый женскій уходъ.

— Вы давно знакомы съ Иваномъ Трофимовичемъ?—полюбопытствовалъ я.

— О, я его поклонница Богъ вѣсть съ какихъ поръ, но домами мы знакомы три-четыре года,—пояснила Маремьяна.—Не знать его было бы странно кому бы то ни было изъ русскихъ. Такихъ людей немного на Руси. Онъ все свое состояніе убилъ на свободное служеніе искусству. Огромное состояніе на это прожилъ. Я благоговѣла передъ нимъ прежде, чѣмъ увидала этого оригинальнаго генія. Потомъ я узнала, что онъ все болѣетъ, и пришла къ нему, какъ настоящая русская къ истинно-русскому человѣку, безъ рекомендацій, прямо, просто и честно. Я знаю, какъ тяжко одинокому человѣку, когда около него нѣтъ заботли-

Digitized by Google

вой женской души. Онъ это тоже пережилъ и узналъ по опыту. Я такъ счастлива, что могу быть полезной такому человѣку.

И опять, немного раздражившись, она заговорила скороговоркой:

— Нѣтъ, а вы представьте эту сороку. Она никогда не видѣла его въ пору его лучшей дѣятельности, слышала только о немъ, потому что нельзя же было о немъ не слыхать, и ворвалась къ нему съ улицы. Зачѣмъ вы думаете? Учить его вздумала, зачѣмъ онъ съ его талантомъ разсказчика и пѣвца не обличаетъ язвъ общества. Теперь вѣдь въ модѣ эта обличительная литература, эти куплеты о современныхъ пошлостяхъ. Ну, такъ вотъ, по ея мнѣнію, онъ обличать долженъ, писать долженъ. Онъ разсказчикъ-импровизаторъ, онъ народный пѣвецъ, поймите вы это, а она — пиши, обличай. Она вѣдь глупа, глупа непроходимо, не понимаетъ, что его разсказы именно тѣмъ-то и хороши, что они само вдохновеніе, что они похожи на пѣсни соловья, что все ихъ значеніе въ его передачѣ, и что они должны умереть съ нимъ. Ему пробовали подражать, передразнивать его, но все это выходило жалкимъ и пошлымъ. Ему вонъ и въ Чацкомъ, и въ Хлестаковѣ подражать пробуютъ, да развѣ это возможно? Онъ не актеръ, не голодный писака, не наемный человѣкъ, а свободный артистъ въ душѣ, русскій баринъ въ области искусства. Онъ не служитъ искусству, какъ рабъ, а дѣлаетъ честь искусству, нисходя до него иногда...

«Опять зарапортовалась», вспомнились мнѣ слова Ивана Трофимовича.

Мы дошли между тѣмъ до квартиры моей спутницы и, переступивъ порогъ этого жилища, я на минуту подумалъ, что я попалъ на толкучій рынокъ въ праздничный день. Тутъ все визжало, пѣло, кричало, играло не то на гребенкахъ, не то на гармоникахъ, не то на дудкахъ среди перекувырнутыхъ стульевъ, разбросанныхъ игрушекъ, нарванной бумаги. Нянька, горничная, ребятишки, какая-то горбатая калѣка на костыляхъ, какой-то полуразбитый параличомъ старикъ съ идіотичнымъ взглядомъ, не владѣющій лѣвыми рукой и ногой, все это смѣшалось въ одну кучу.

— Пощадите, пощадите! — шутливо молящимъ тономъ воскликнула моя спутница, обращаясь къ своимъ домашнимъ.—Что у васъ за столпотвореніе!

И, обратившись ко мнѣ, замѣтила:

Digitized by Google

— Я не стѣсняю своихъ дѣтишекъ и боюсь держать ихъ въ одиночествѣ. У нихъ вѣчно гости. Они должны расти въ обществѣ и для общества.

Потомъ, понизивъ голосъ, со вздохомъ прибавила:

— А эта вотъ горбатенькая хромоножка кормится у меня, несчастная. Старичокъ тоже этотъ изъ богадѣльни приходитъ. Когда-то, говорятъ, артистомъ былъ, скрипачомъ. Параличомъ теперь разбитъ. Нельзя тоже жить для одной себя, и это примѣръ для дѣтей. Они должны видѣть, какъ дѣлается добро прямо, просто и честно.

«Маремьяна», припомнилось мнѣ выраженіе Братчика. Я хотѣлъ спросить, гдѣ мой будущій ученикъ, когда мой взглядъ случайно обратился въ уголъ. Здѣсь, въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, сидѣлъ юноша лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, охвативъ обѣими руками приподнятое колѣно правой ноги, откинувъ назадъ голову и насвистывая что-то съ насмѣшливой улыбкой, блуждавшей по его лицу. Я чуть не вскрикнулъ: прошлое, давно забытое прошлое воскресло въ моей памяти; мнѣ казалось, что передо мною сидитъ помолодѣвшій Иванъ Трофимовичъ,—нѣтъ, не Иванъ Трофимовичъ, а Адонисъ, тотъ самый Адонисъ, послѣ бѣгства котораго въ одну ночь посѣдѣла, а потомъ отдала Богу душу Марья Ивановна Желѣзневская. Роскошные золотистые кудри, замѣчательные по выраженію, упрямые, наглые и злые каріе глаза, темныя брови дугою, слегка сросшіяся на переносьѣ и придававшія лицу выраженіе настойчивости, яркій румянецъ здоровья на щекахъ, чуть-чуть тронутый золотистыми веснушками, замѣчательная бѣлизна кожи, явно насмѣшливая, слегка нахальная улыбка, все это было унаслѣдовано юношею отъ Ивана Трофимовича.

IV.

— Милый Александръ,—начала пѣвуче Ольга Сергѣевна, обращаясь къ юношѣ, просительнымъ тономъ:—вотъ господинъ, который долженъ тебя проэкзаменовать.

Онъ слегка сощурилъ глаза, окинулъ меня нѣсколько презрительнымъ взглядомъ съ ногъ до головы и, разжавъ руки, потянулся немного и всталъ. Мы обмѣнялись поклонами. Я оглядѣлся кругомъ, соображая, что среди этого хаоса будетъ трудно экзаменовать. Онъ сразу подмѣтилъ мой взглядъ и съ усмѣшкой пожалъ плечами, какъ бы говоря: «здѣсь это всегда». Я обратился къ хозяйкѣ, прося провести меня и моего будущаго ученика въ какой-нибудь болѣе тихій

Digitized by Google

уголокъ. Она словно растерялась: въ столовой у нея теперь поденщица, несчастная вдова героя-солдата, взорвавшаго что-то и кого-то и вслѣдствіе того тоже взорвавшагося на воздухъ въ Севастопольскую войну,—гладила бѣлье, такъ какъ она очень болѣзненный и нервный человѣкъ и въ кухнѣ не можетъ гладить, не вынося чада; въ дѣтской шьютъ двѣ дѣвушки дѣтское бѣлье и платьица—онѣ изъ благородныхъ, и она, хоть онѣ и не умѣютъ шить, даетъ имъ поденную работу, чтобы спасти ихъ отъ магазиновъ, гдѣ такъ быстро балуются дѣвушки и дѣлаются падшими. Послѣ долгихъ соображеній удобнѣе всего оказалась ея спальня, гдѣ не было никого, и куда былъ не такъ слышенъ шумъ буянившей орды дѣтей. Я и мой будущій ученикъ прошли въ спальню хозяйки, нарядную, съ отдѣланнымъ кружевами и кисеей туалетомъ, съ голубымъ атласнымъ одѣяломъ на постели, съ мягкими голубыми креслами-раковинами, но находившуюся въ полномъ безпорядкѣ, съ валявшимися на стульяхъ полотенцами, съ разбросанными платьями и чулками, съ незапертыми ящиками и дверцами шифоньерки. Неряшливость и неприбранность этой комнаты были поразительными; казалось, что тутъ только-что произошелъ какой-то переполохъ по случаю нашествія непріятелей, пожара или чего-нибудь подобнаго.

— Что вы знаете?—спросилъ я своего будущаго ученика, усѣвшись на кресло.

Онъ не сѣлъ, а выдвинулъ одно изъ креселъ на середину комнаты, сбросилъ съ него брезгливо какой-то хламъ и оперся руками о его спинку. Желаніе казаться старше своихъ лѣтъ сказывалось въ каждомъ его движеніи.

— Я ничего не знаю,—отвѣтилъ онъ мнѣ вызывающимъ тономъ съ легкой усмѣшкой, слегка раскачиваясь на мѣстѣ.

— То-есть какъ же это ничего не знаете? Вамъ, кажется, лѣтъ четырнадцать?—сказалъ я.

— Даже пятнадцатый давно пошелъ,—отчетливо отвѣтилъ онъ, точно желая похвастать своимъ возрастомъ.

— Но все же... вѣдь читаете же вы, пишете, знаете хоть начала,—началъ я.

Онъ безцеремонно перебилъ меня:

— Вы лучше меня не экзаменуйте, а просто возьмите отсюда, покуда я не сбѣжалъ изъ этого дома сумасшедшихъ. Я учиться буду, и способности у меня отличныя...

— Вотъ какъ! Даже отличныя,—немного насмѣшливо сказалъ я, раздраженный его хвастливостью и развязностью.

Digitized by Google

Онъ взглянулъ мнѣ въ глаза смѣлымъ, почти дерзкимъ взглядомъ и рѣзко вызывающе подтвердилъ:

— Да, отличныя!

Я пожалъ плечами и спросилъ его:

— А если вы, не смотря на свои отличныя способности, не подготовитесь къ будущему году къ пятому классу гимназіи?

— Это все равно. Я вообще и не думаю о гимназіи! Я пойду въ военную службу.

— Мнѣ вашъ дядя говорилъ...,—началъ я снова.

— Мало ли что городитъ дядя!—рѣзко перебилъ онъ меня и пояснилъ:—Дядя это говорилъ, потому что такъ моя мать писала, но у нея... Дядя ее самъ зоветъ «седьмою пятницею», потому что у нея всегда семь пятницъ на одной недѣлѣ.

Я постарался сдѣлать строгое лицо, чтобы не улыбнуться.

— У кого вы до настоящаго времени учились?—спросилъ я.

— Гувернантки разныя пріѣзжали ссориться съ матерью, а учился я самъ,—отвѣтилъ онъ.

Я поднялся съ мѣста. Въ моей головѣ мелькала мысль, что мнѣ надо отказаться отъ этого ученика. Ничего не знаетъ, бахвалится способностями, нагло говоритъ о матери, повидимому, исковерканъ порядочно. Имѣть у себя въ домѣ такого воспитанника не радость, да, пожалуй, не удастся даже и подготовить его.

— Когда же вы меня возьмете?—спросилъ онъ меня, видя, что я намѣреваюсь идти.

— Да я, вѣроятно, вовсе не возьму васъ къ себѣ,—отвѣтилъ я.

— То-есть какъ же это?—спросилъ онъ.

— Да такъ: откажусь, вотъ и все.

Онъ вопросительно взглянулъ на меня своими говорящими глазами. Его видимо удивило мое рѣшеніе отказаться взять его въ ученики, когда за это дадутъ деньги, и даже большія деньги. Потомъ я вполнѣ убѣдился, что онъ былъ серьезно увѣренъ, что за деньги можно добыть все и купить всѣхъ.

— Почему же откажетесь взять меня къ себѣ?—спросилъ онъ.

— Не уживемся вмѣстѣ,—пояснилъ я откровенно.—Я покажусь вамъ слишкомъ требовательнымъ, строгимъ, а вы...

Я усмѣхнулся и прибавилъ:

Digitized by Google

— Очень ужъ вы развязный юноша.

Онъ покраснѣлъ до ушей, видимо оскорбленный моимъ тономъ, и нѣсколько рѣзко отвѣтилъ:

— Я не овца!.. Только вы напрасно думаете, что я дуракъ. Я знаю, что я долженъ буду много работать. Недорослемъ изъ дворянъ мнѣ нельзя остаться. Я по слѣдамъ дяди не желаю идти. Я потому и настоялъ, чтобы меня сюда отправили, отъ сестеръ, отъ гувернантокъ, отъ дрязгъ... Мать взбалмошная...

— Какое право имѣете вы, пятнадцатилѣтній мальчишка, такъ говорить о матери?—рѣзко оборвалъ я его, почти прикрикнувъ на него.—Уже одно это...

— Я не слѣпой,—перебилъ онъ меня задорно.

— Да, но судить-то старшихъ вамъ немного рано,—замѣтилъ я.

— Я никогда не лгу и говорю, что думаю,—твердо отвѣтилъ онъ.

Я ничего не сказалъ, не желая ни спорить, ни браниться съ мальчикомъ, котораго я вовсе еще не былъ намѣренъ ни учить, ни воспитать, и, ничего не рѣшивъ, направился къ двери. Мнѣ хотѣлось обдумать всесторонне вопросъ, прежде чѣмъ взять на себя обузу обученія и воспитанія этого юнца. Онъ, видя, что я хочу уйти, торопливо удержалъ меня за рукавъ и вдругъ совсѣмъ новымъ тономъ проговорилъ:

— Нѣтъ, послушайте, послушайте, возьмите меня отсюда. Пожалуйста, возьмите! Тутъ еще хуже, чѣмъ дома у насъ. Тамъ хоть уйти можно, а здѣсь... Я, право, сбѣгу отсюда! Что-жъ хорошаго бѣглымъ быть?

Я улыбнулся и положилъ руку на его плечо, думая поговорить съ нимъ. Но онъ уже уловилъ мою улыбку, заглянулъ мнѣ въ глаза заискивающимъ, чуть-чуть плутоватымъ взглядомъ и невыразимо милымъ, подкупающимъ тономъ ласки и мольбы, съ кокетливостью, свойственной только женщинамъ,—шепнулъ:

— Возьмете? Да? Вѣдь возьмете?

Я невольно улыбнулся снова при этихъ торопливыхъ словахъ. Почему-то у меня мелькнула мысль о томъ, что, вѣроятно, такой лисичкой являлся Иванъ Трофимовичъ въ былые годы, очаровывая людей въ роли Адониса.

— Хорошо. Завтра рѣшу,—отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, ужъ вы сегодня!—молилъ онъ.—Хорошо? А? Сегодня рѣшите?

Digitized by Google

И опять въ его тонѣ, въ его манерахъ была «лисичка». Вообще въ немъ было что-то такое, что я не могъ опредѣлить сразу. Но я чувствовалъ, что онъ, если это будетъ для него нужно, можетъ «залѣзть въ душу». Сомнѣніе и заносчивость, развитіе не по лѣтамъ и дѣтская наивность, отталкивающая рѣзкость въ сужденіяхъ и подкупающая ласковость, все это смѣшивалось въ немъ вмѣстѣ въ одно сложное цѣлое и отчасти лежало въ его натурѣ, отчасти было привито нелѣпымъ воспитаніемъ. Въ немъ было много отталкивающаго, но стоило ему только заговорить своимъ ласковымъ и подкупающимъ тономъ, и всѣ его недостатки забывались невольно. Меня заинтересовалъ этотъ сложный характеръ.

V.

Прибыльскій поселился у меня, и я довольно быстро успѣлъ сжиться съ нимъ, такъ какъ онъ самъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы я освоился съ нимъ. Вообще онъ умѣлъ достигать всего, что̀ казалось ему нужнымъ или полезнымъ для него. Это была основная черта его характера. Для него люди были или дойными коровами, или выжатыми лимонами. Съ первыми онъ былъ, можетъ-быть, вполнѣ безсознательно ласковымъ теленкомъ, чтобы имѣть возможность сосать не только одну, а даже двухъ матокъ; вторые вызывали его холодное пренебреженіе, такъ какъ они не годились ни на что и заслуживали только быть выкинутыми въ помойную яму. Если при такомъ характерѣ было невозможно перевоспитать его, отъ чего я и отказался, какъ отъ непосильной для меня задачи, то было вовсе не трудно при такомъ характерѣ подготовить его къ экзаменамъ для поступленія въ военное училище. Онъ считалъ нужнымъ поступить въ училище и потому лѣзъ изъ кожи, чтобы достигнуть этого. То, что̀ онъ говорилъ мнѣ о своемъ полномъ невѣжествѣ, оказалось вѣрнымъ только отчасти: онъ зналъ очень много для своихъ лѣтъ, но всѣ знанія были нахватаны имъ безъ системы: иногда онъ зналъ отлично «концы», не имѣя понятія о «началахъ»; порой онъ поражалъ начитанностью по извѣстному предмету, по которому онъ и въ руки не бралъ собственно учебниковъ. Способности его были дѣйствительно отличныя, выдающіяся, и въ этомъ отношеніи онъ такъ же напоминалъ своего дядю, какъ лицомъ. Съ первыхъ же дней я увидалъ, что его подготовить не трудно не только что въ два съ половиною года, но

Digitized by Google

даже, если бы понадобилось, и въ болѣе короткій срокъ. Побуждать его къ ученію было легко. Правда, грубостью, рѣзкостью съ нимъ нельзя было ничего подѣлать; тутъ онъ, такъ сказать, закусывалъ удила и, забывъ все остальное, старался только показать, что онъ не какое-нибудь «животное», не какой-нибудь «хамъ», чтобы имъ «командовали». Но онъ боялся насмѣшки, боялся иронiи, боялся презрѣнiя. Сказать ему мягко, какъ бы мимоходомъ: «конечно, вы этого еще не можете осилить»,—это значило заставить его провести безсонную ночь и добиться желаемаго результата. Стоять впереди другихъ, отличаться во всемъ—это было для него главное и ради этого онъ готовъ былъ не только переносить извѣстныя неудобства и лишенiя, но и давить другихъ. Мягкостью онъ по отношенiю къ своимъ соперникамъ и конкурентамъ вообще не отличался. Мнѣ всегда казалось, что онъ не моргнулъ бы глазомъ, если бы ему пришлось раздавить человѣка и перешагнуть черезъ него для достиженiя цѣли. Замѣчательны были его правдивость и отвращенiе ко лжи, но и тутъ была у него особенность, такъ какъ онъ доводилъ эти качества иногда до грубости, до рѣзкости. Онъ самъ говорилъ, что, по его мнѣнiю, «лгать—значитъ быть трусомъ», что «ложь—это хамство», и онъ не замѣчалъ, что иногда то, что онъ называлъ правдивостью, дѣлалось дерзостью или жестокостью: онъ былъ способенъ сказать несчастному калѣкѣ въ глаза, что тотъ отвратительный уродъ, и, вѣроятно, въ качествѣ доктора сказалъ бы прямо безъ всякихъ обиняковъ и подготовленiй больному, что тотъ долженъ не сегодня, такъ завтра умереть, а потому можетъ не лѣчиться, хотя бы это ускорило смерть больного: сердечная мягкость была не изъ числа его добродѣтелей, хотя онъ и могъ быть очаровательной «лисичкой». Трудно сказать, лежала ли эта рѣзкая и грубая правдивость въ его натурѣ или развилась вслѣдствiе своевольно, безъ всякой узды, проведеннаго въ деревнѣ дѣтства подъ вліянiемъ «Седьмой пятницы», какъ называлъ его мать Иванъ Трофимовичъ. Въ связи съ правдивостью находилась его болтливая откровенность, всегда направленная въ одну сторону—къ осужденiю ближнихъ, къ иронiи надъ ними, къ изображенiю ихъ въ карикатурномъ видѣ. Если Иванъ Трофимовичъ безпричинно и безапелляцiонно самъ ругалъ всѣхъ наповалъ, то Прибыльскiй умѣлъ говорить о людяхъ такъ, что его слушателямъ оставалось только ругать ихъ; Братчикъ, такъ ска-

Digitized by Google

зать, самъ судилъ и самъ казнилъ людей, Прибыльскій излагалъ ихъ вины и предоставлялъ другимъ низкую роль палачей. Иногда мнѣ хотѣлось сдержать въ Прибыльскомъ его прокурорское краснорѣчіе и откровенность за счетъ другихъ, особенно, когда дѣло касалось его семейной жизни, его родныхъ, но это было такое же безплодное стремленіе, какъ стремленіе удержать горный потокъ: поставишь загородку въ одномъ мѣстѣ—потокъ прорвется въ другомъ и все-таки достигнетъ своей цѣли. Волей-неволей въ свободные отъ занятія часы въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ я, мой помощникъ-учитель и жившіе у меня два пансіонера узнали и семейную обстановку Прибыльскаго, и характеръ его матери, и жизнь Ивана Трофимовича.

— А, право, хорошо у насъ здѣсь, Викторъ Петровичъ,— вдругъ сорвется, бывало, съ языка у Александра, когда мы, наработавшись за день, усядемся всею семьею за вечерній чай:—все дѣлается въ свое время, въ домѣ тихо, ни шуму, ни дрязгъ... Вотъ вы къ намъ въ деревню заглянули бы: домъ въ пятнадцать чистыхъ комнатъ, слугъ цѣлая орда въ людскихъ, такъ какъ у насъ всѣ старые дворовые грабительства ради остались жить, а порядку нигдѣ,—пыль, грязь, все разбросано, дѣти дерутся, бьютъ носы, орутъ, няньки и гувернантки переругиваются, а мама сегодня всѣхъ до одного человѣка выгнать хочетъ, а завтра чувствительный спектакль всепрощенія разыгрываетъ; сегодня всѣхъ насъ, противныхъ ребятишекъ, въ углы ставитъ, а завтра съ нашей гувернанткой зубъ за зубъ бранится за насъ и другую изъ комиссіонерской конторы выписываетъ... Сама она говоритъ, что это у нея все потому, что у нея «нервы и мигрень», а пріѣдетъ дядя и начинаетъ увѣрять, что это вовсе не отъ нервовъ и мигрени, а только потому, что у нея семь пятницъ на недѣлѣ. Ахъ, дядя, дядя, вотъ-то субъектъ!

Прибыльскій начиналъ смѣяться.

— Вы слыхали, Викторъ Петровичъ, что дядя отъ безъдѣлья четыреста душъ проѣлъ и три наслѣдства?

— Я мало знакомъ съ Иваномъ Трофимовичемъ,—замѣтилъ я уклончиво.

Прибыльскій не безъ лукавства взглядывалъ на меня.

— А правда, Викторъ Петровичъ, что я какъ двѣ капли воды схожъ съ нимъ?—допрашивалъ онъ.

Я пожималъ плечами и какъ можно равнодушнѣе отвѣчалъ:

Digitized by Google

— Съ чего вы это взяли? Можетъ-быть, фамильное сходство и есть, но очень отдаленное.

Въ душѣ я сознавалъ, что Александръ былъ вылитымъ Иваномъ Трофимовичемъ.

— Да, это вамъ такъ кажется, потому что вы не знали его молодымъ,—говорилъ Прибыльскій.—У матери вотъ его портретъ на столѣ стоитъ въ будуарѣ, молодымъ онъ нарисованъ, такъ вотъ совершенно я. Кто въ первый разъ увидитъ, тотъ такъ и думаетъ, что это мой портретъ.

И опять его выразительные глаза пытливо смотрѣли на меня, точно спрашивая, понимаю ли я причину этого сходства, которую знала вся деревня и о которой слухи, вѣроятно, успѣли дойти до ушей пятнадцатилѣтняго барченка, отлично знавшаго, что Иванъ Трофимовичъ, если и приходится ему дядей, то во всякомъ случаѣ дядей троюроднымъ или даже просто седьмой водой на киселѣ. Вообще дворня и людскія были главными воспитателями Прибыльскаго: здѣсь онъ почерпнулъ всѣ свѣдѣнія объ исторіи своей семьи, о человѣческихъ отношеніяхъ, о жизни; но, широко воспользовавшись въ этой школѣ познаніями добра и зла, онъ въ то же время проникся глубокимъ презрѣніемъ къ этой школѣ и ея учителямъ; дворовыхъ онъ иначе не называлъ, какъ дармоѣдами, грабителями, пропойцами, тунеядцами, хамами и дѣвками.

— Нянька моя вотъ-то ненавистница была Ивана Трофимовича,—сообщалъ мнѣ Прибыльскій.—Онъ такъ и зналъ это. Пріѣдетъ, бывало, встрѣтитъ ее и сейчасъ къ ея уху наклонится—глуха она уже была—и кричитъ во все горло: «Что, старая карга,—скалозубъ я?»—«Тьфу ты, бѣсъ окаянный,—отплюнется старуха.—Оглушилъ совсѣмъ. Скалозубъ и есть. Охальникъ безстыжій, вотъ ты что». И ужъ на цѣлые дни начнетъ ворчать старуха: «Ишь мелкимъ бѣсомъ разсыпается; ишь зубы скалитъ; ишь чертей тѣшитъ. Съ изъ-дѣтства такимъ былъ, всѣхъ дѣвокъ и бабъ перегубилъ, безстыжіе глаза. Иная и по сію пору изъ-за тебя кулаками слезы отираетъ, да истязанія отъ своего мужика терпитъ». Дядю это смѣшило. Да и другіе смѣялись. Вообще, гдѣ дядя—тамъ хототъ, гамъ, визгъ, мертвыхъ онъ расшевелитъ.

— А я все стонущимъ его вижу,—замѣтилъ я какъ-то не безъ удивленія.

Дѣйствительно, мнѣ все приходилось заставать Ивана Трофимовича валяющимся на диванѣ и стонущимъ отъ разстройства желудка.

Digitized by Google

— Да это онъ или притворяется, чтобы за нимъ ухаживали больше, или когда объѣстся въ гостяхъ,—пояснилъ мнѣ насмѣшливо Прибыльскій:—а такъ въ компаніи и теперь онъ первый балагуръ. Прежде же, говорятъ, былъ еще веселѣе. Мать часто вспоминаетъ, какимъ онъ былъ въ молодости: въ домашнихъ спектакляхъ игралъ первыя роли, разсказы смѣшные разсказывалъ, сатирическіе экспромты въ стихахъ говорилъ, разъ, когда въ пухъ и въ прахъ разорился, собралъ хоръ изъ бывшихъ крѣпостныхъ и по ярмаркамъ ѣздилъ, за границу даже возилъ этотъ хоръ. Умѣлъ потѣшать людей и веселиться. Его изъ дома въ домъ приглашали, за особенное счастіе считали, если гдѣ-нибудь часто бывалъ и подолгу гостилъ онъ. Жаль только, не умѣлъ стоять на высотѣ своего положенія.

Въ тонѣ игравшаго роль взрослаго и щеголявшаго серьезными фразами юноши, когда онъ говорилъ о Братчикѣ, слышалось нѣкоторое высокомѣріе. Впрочемъ, онъ и вообще говорилъ о людяхъ свысока, точно давно уже переросъ ихъ всѣхъ на цѣлую голову.

— Скажите, вы не знаете, гдѣ служилъ Иванъ Трофимовичъ?—спросилъ я однажды у Прибыльскаго.

— Дядя-то? Да онъ нигдѣ же никогда не служилъ,—отвѣтилъ Александръ.—Онъ нигдѣ и не учился. Такъ вольнымъ человѣкомъ всю жизнь и прожилъ. Правда, разъ въ монахи хотѣлъ поступить да не удалось.

— Ну, это ужъ вы привираете!—сказалъ я недовѣрчиво.

— Право, не вру!—горячо отвѣтилъ онъ.—Мать говорила. Когда проѣлъ всѣхъ своихъ крестьянъ, тогда и рѣшился идти въ монастырь. Выгнали его только тотчасъ же изъ монастыря за безобразія, а тутъ дѣдъ его умеръ, получилъ онъ новое наслѣдство и закуролесилъ снова.

И опять выразительные глаза Прибыльскаго пытливо заглянули мнѣ въ лицо.

— А вы, Викторъ Петровичъ, всѣхъ его Маремьянъ видѣли?—спросилъ онъ.

— Какихъ Маремьянъ?—спросилъ я въ свою очередь.

— А вотъ Ольгу Сергѣевну, у которой мы встрѣтились съ вами, потомъ эту сороку Дарью Михайловну, что на гренадера въ женской юбкѣ похожа, потомъ блоху...

Я невольно улыбнулся.

— Блоху не видали?—со смѣхомъ спросилъ Прибыльскій.—Это такая маленькая, черненькая барышня, зовутъ Настасьей Семеновной: дядя только ротъ откроетъ—она сей-

Digitized by Google

часъ прыгъ-прыгъ отъ восторга, затрепыхается, захлопаетъ руками и хохочетъ-хохочетъ до упаду, чуть не кувыркаясь въ вольтеровскомъ креслѣ. Дядю это тѣшитъ. «Поклонница моя!» говоритъ онъ. Много ихъ теперь около него. Тѣшутъ его, ходятъ за нимъ, въ глаза ему смотрятъ, смѣются, прежде чѣмъ онъ сострить. Это ему теперь необходимо, чтобы смѣялись-то прежде его остроту, такъ какъ онъ линять началъ: повыдохся и повторяется. Недаромъ же онъ на все и всѣхъ сердиться сталъ. «Что насъ ждетъ?» говоритъ. Слышали вы, какъ онъ это говоритъ? Съ чувствомъ! Нѣтъ, теперь ужъ ему безъ Маремьянъ совсѣмъ плохо было бы. Онъ ихъ всѣхъ Маремьянами зоветъ, а про Ольгу Сергѣевну говоритъ: «Это Маремьяна по преимуществу». Онъ моей матери въ прошломъ году, когда гостилъ у насъ, много при мнѣ разсказывалъ про нихъ. Языкъ у него острый и злой: двумя-тремя фразами и очертитъ личность, и зарѣжетъ ее. Я, когда сюда пріѣхалъ, сразу узналъ всѣхъ этихъ барынь, про которыхъ онъ у насъ разсказывалъ. А хоть и тѣшатъ онѣ его, все же не радостна ему съ ними жизнь. Разсказывалъ онъ про нихъ матери и вздыхалъ. «Оборыши,—говорилъ,—все теперь». Очень ужъ онъ ихъ не уважаетъ!

Дѣйствительно, это были оборыши. Онѣ должны были казаться жалкими въ своихъ обноскахъ Ивану Трофимовичу, проѣвшему сотни душъ и нѣсколько наслѣдствъ,—ему, на котораго промотали еще болѣе денегъ разныя барыни иныхъ временъ въ родѣ ma tante, дѣлавшей въ свое время много шуму своей распущенной широкой жизнью. Она-то не походила на Маремьянъ, которыя напоминали ласковыхъ собачонокъ, виляющихъ хвостами даже и тогда, когда ихъ бьютъ: съ ними мало хлопотъ, но мало и сильныхъ ощущеній.

— Ужъ и боятся же онѣ его,—замѣтилъ какъ-то Прибыльскій, заговоривъ про Маремьянъ.—Въ прошломъ году, уѣзжая къ намъ, попугая своего дядя отдалъ на сбереженіе Маремьянѣ по преимуществу. Ну, а у нея, вы сами видѣли: Содомъ и Гоморра. Сперва одинъ изъ ея обожаемыхъ ангелочковъ окормилъ попку, потомъ другой изъ этихъ ангелочковъ вытащилъ у него перья изъ хвоста, наконецъ, третій окончательно свернулъ ему шею. Тутъ-то и началась драма: забѣгала Маремьяна по всѣмъ знакомымъ, во-первыхъ, для того, чтобы занять рублей сто,—она всегда, когда ей необходимы деньги, занимаетъ, точно на радо-

Digitized by Google

стяхъ, вдвое больше, чѣмъ ей нужно,—а во-вторыхъ, для того, чтобы узнать, гдѣ можно купить попугая—она никогда шагу не сдѣлаетъ, не объѣздивши всѣхъ знакомыхъ и не спросивъ въ слезахъ у каждаго совѣта.

— Что же, нашла попугая-то?—спросилъ я.

— Нашла, нашла,—отвѣтилъ Прибыльскій.—Точь-въ-точь такого, какимъ былъ усопшій. Вздохнула она свободнѣе, повеселѣла и вдругъ,—о, ужасъ!—пріѣхалъ дядя, увидалъ попугая, заговорилъ съ нимъ, а тотъ ему по-французски «бонжуръ» говоритъ. Разорался дядя: «Что, кричитъ, это такое? Мой говорилъ: «прохвостъ», а этотъ: «бонжуръ!» это развѣ мой попка? Да вы мнѣ хоть родите, а подайте моего вмѣсто этого «бонжура», чтобы говорилъ: «прохвостъ!»

Было ужъ тутъ слезъ у нея...

Александръ зналъ всѣ мелочи жизни Ивана Трофимовича, какъ видно, не только наблюдая за ними, но и разспрашивая о нихъ всѣхъ и каждаго.

— А какъ онъ теперь скупъ сталъ, такъ этому и повѣрить трудно,—сообщалъ мнѣ Прибыльскій. — Ужъ какъ ни командуетъ имъ его Аксинья, а и на ту онъ набрасывается, если лишній гривенникъ истратитъ она. Она на него кричитъ: «Опять въ гости, а завтра застонете», «опять въ легкомъ пальтѣ идете, а завтра животомъ кататься по дивану будете», «лежали бы, когда Богъ убилъ». Онъ все молчитъ, все сноситъ. А принесетъ она сдачи — недостаетъ пяти копеекъ и начинается грызня: «Обворовала меня, по-міру пустить хочешь, на паперти, что ли, мнѣ съ протянутой рукой изъ-за тебя стоять». Маремьяны только и усмиряютъ: варенья натащатъ, винограду, шарфовъ и набрюшниковъ навяжутъ. Одна передъ другой отличиться старается. Усмирится онъ, притихнетъ, припрячетъ все принесенное и къ вечеру спокойнѣе отбиваетъ обычные поклоны, колотя себя въ грудь и громко восклицая: «Прости, Господи, мои согрѣшенія! Не попусти!» Очень набоженъ онъ сталъ за послѣднее время. Смерти боится! Вѣрно, потому же и жалуется, что люди развратились и страха въ нихъ больше нѣтъ. Тоже проповѣдникъ! Ужъ кто бы другой это говорилъ, а не онъ...

Слушая волей-неволей эти болѣе или менѣе откровенные разсказы болтливаго юноши, я узналъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ всю прошлую жизнь Ивана Трофимовича и, такъ сказать, между строками дополнялъ въ своемъ воображеніи характеристику этого «вольнаго человѣка», Богъ

Digitized by Google

вѣсть зачѣмъ и для чего прожившаго на свѣтѣ долгую жизнь, разорившаго сотни мужицкихъ семей, пустившаго по свѣту десятки незаконныхъ ребятъ и нажившаго въ концѣ-концовъ только катаръ желудка. Красоту, молодость, умъ, таланты, все сгубилъ онъ въ какомъ-то колобродствѣ, гаерствѣ, угарѣ, чтобы въ концѣ жизни, ругая всѣхъ и все, угасать среди восторгающихся имъ отъ дурашливости Маремьянъ, слушая грубости «взявшей волю» и презирающей его деревенской служанки, скаредничая изъ непреодолимаго страха передъ нищетою, валяясь со стонами по дивану послѣ обжорства, или замаливая съ отбиваніемъ земныхъ поклоновъ былые грѣхи въ смертельномъ ужасѣ передъ будущимъ.

VI.

Во все время своего пребыванія у меня Александръ Прибыльскій не доставилъ мнѣ никакихъ особенныхъ непріятностей или огорченій. Учился онъ, какъ я уже сказалъ, хорошо; никакихъ шалостей за нимъ я не замѣчалъ; съ двумя другими пансіонерами, жившими у меня въ то время, онъ держалъ себя довольно ровно, сдержанно и спокойно, какъ разсудительный взрослый съ мальчиками, сторонясь отъ нихъ, когда они, бывшіе по годамъ старше его, дурачились, какъ ребятишки, и вообще держась больше около меня, чѣмъ около нихъ. Особенной пріязни они къ нему не питали, чувствуя, что онъ считаетъ себя и умнѣе, и степеннѣе, и выше ихъ, но и враждебности къ нему я не замѣчалъ въ нихъ, такъ какъ онъ не былъ ни шпіономъ, ни наушникомъ, и всегда, уже просто изъ самолюбія, былъ готовъ даже помочь товарищамъ въ занятіяхъ, когда они просили объ этомъ. Только одинъ прискорбный случай нарушилъ на-время господствовавшій у меня въ домѣ миръ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ поступилъ ко мнѣ новый пансіонеръ, Николай Петровичъ Огородниковъ. Это былъ юноша лѣтъ семнадцати, бѣлокурый, кудрявый, голубоглазый, широкій въ кости, добродушный, веселый и съ сильной лѣнцой, хотя и съ большими способностями. Поступилъ онъ ко мнѣ всего на мѣсяцъ, покуда его не примутъ въ военное училище, къ поступленію въ которое онъ уже былъ подготовленъ другимъ учителемъ, неожиданно покинувшимъ Петербургъ по служебнымъ дѣламъ и попросившимъ меня продержать мѣсяцъ этого пансіонера до его поступленія въ училище. Съ перваго же дня поступленія ко мнѣ Огородникова При-

Digitized by Google

бульскій сталъ съ нимъ въ натянутыя отношенія: по какимъ причинамъ—этого я не могъ понять сразу. Потомъ я узналъ, что Огородниковъ, добродушный юмористъ по натурѣ, любившій довольно безобидно и не всегда удачно подшутить надъ ближними, подмѣтилъ кое-какія слабыя стороны Прибыльскаго и тотчасъ же поднялъ его на зубокъ.

— Что онъ у васъ всегда такимъ пѣтухомъ индѣйскимъ ходитъ?—спросилъ на третій же день послѣ поступленія ко мнѣ Огородниковъ у двухъ другихъ пансіонеровъ, указывая на Прибыльскаго.

Прибыльскій дѣйствительно держалъ себя немного надутымъ и производилъ на первый взглядъ впечатлѣніе заважничавшагося юноши. Шутка Огородникова задѣла Александра за живое. Затѣмъ, увидавъ, что Александръ остригъ волосы подъ гребенку, Огородниковъ не пропустилъ этого случая и замѣтилъ:

— Ну, теперь и совсѣмъ не подходи къ нему, такъ онъ ощетинился!

Потомъ, подмѣтивъ, что Прибыльскій старается быть больше около меня, чѣмъ около товарищей, Огородниковъ уже не безъ ѣдкости пошутилъ:

— А онъ далеко пойдетъ, знаетъ, когда и къ кому прикомандироваться нужно!

Началась мелкая, немного пошловатая пикировка, начался обмѣнъ фразъ въ родѣ слѣдующихъ: «Огородниковъ, передайте мнѣ соль».—«Смотрите, чтобы намъ не поссориться».—«А развѣ мы съ вами дружились?» Или въ другой разъ: «А вы, Прибыльскій, отчего не носите внутреннихъ каблуковъ?» — «Зачѣмъ это?» — «Да вы еще выше своего роста казались бы».

Уже въ какія-нибудь три недѣли оба юнца были врагами, хотя Прибыльскій и старался сдерживаться. Отстрѣливаться шутками отъ шутокъ, какъ я потомъ хорошо узналъ, онъ не умѣлъ вовсе. Я чувствовалъ, что у насъ происходитъ что-то неладное, и радовался въ душѣ, что Огородниковъ скоро уйдетъ отъ меня и такимъ образомъ Прибыльскій успокоится.

Какъ на грѣхъ на послѣдней недѣлѣ передъ самымъ началомъ экзаменовъ въ военномъ училищѣ, куда поступалъ Огородниковъ, въ спальнѣ моихъ пансіонеровъ произошла крупная размолвка между Прибыльскимъ и Огородниковымъ. Это было вечеромъ. Огородниковъ отъ нечего дѣлать перечитывалъ «Мертвыя души» Гоголя, лежа на постели. Вдругъ

Digitized by Google

онъ опустилъ книгу и спросилъ Прибыльскаго, который сидѣлъ у стола и занимался геометріей:

— А вы читали, какъ васъ описалъ Гоголь?

— Опять вы что-то несообразное городить собираетесь!— рѣзко отвѣтилъ Прибыльскій, краснѣя до ушей.—Всѣ и такъ давно убѣждены въ вашей глупости.

Огородниковъ засмѣялся.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—началъ онъ.—Гоголь непремѣнно васъ имѣлъ въ виду, когда описывалъ разговоръ Чичикова про дядю съ генераломъ Бетрищевымъ.

И онъ вслухъ прочелъ:

«Да что онъ съ виду какъ? бодръ? держится еще на ногахъ?»—«Держится, но съ трудомъ».—«Экой дуракъ! И зубы есть?»—«Два зуба всего, ваше превосходительство».—«Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись... а вѣдь онъ оселъ».—«Точно такъ, ваше превосходительство. Хоть онъ мнѣ и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но дѣйствительно—оселъ».

— Мерзавецъ!—крикнулъ Прибыльскій, вскочивъ изъ-за стола.—Ты это будешь долго помнить!..

— Ты только ругаться и умѣешь,—отвѣтилъ Огородниковъ.—Поумнѣе чего-нибудь придумать не можешь.

— И ругаться, и драться умѣю,—сказалъ Прибыльскій стискивая зубы.—Скотовъ только и можно ругать и бить Весь вѣкъ ты не забудешь, какой я Чичиковъ!

Онъ быстро вышелъ изъ спальни...

Въ нашей квартирѣ уже всѣ спали, когда въ комнатѣ пансіонеровъ произошла въ эту ночь неожиданная свалка: Прибыльскій, какъ дикій звѣрь, напалъ ночью на спящаго Огородникова и, усѣвшись на него верхомъ и зажавъ ему ротъ рукою, нанесъ ему нѣсколько ударовъ по лицу, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ очнуться и вскочить.

— Иди теперь завтра на экзаменъ въ синякахъ съ битою мордой!—шипѣлъ Прибыльскій.—Съ рекомендаціей явишься на первый экзаменъ... Увидятъ, что съ битой тварью имѣютъ дѣло... Будешь помнить, что значитъ высмѣивать людей...

Когда мнѣ пришлось разбирать эту исторію, я впервые понялъ, что Прибыльскій способенъ убить человѣка. Отвѣчая на мои разспросы, онъ твердымъ голосомъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ:

— Я и въ другой разъ при подобныхъ обстоятельствахъ поступлю такъ же, Викторъ Петровичъ! Я не хамъ и не овца.

Digitized by Google

VII.

Разъ въ мѣсяцъ я заходилъ къ Ивану Трофимовичу за полученіемъ присылавшихся изъ деревни за Александра Прибыльскаго денегъ; иногда я заходилъ къ нему одинъ, иногда съ Прибыльскимъ. Почти каждый разъ я заставалъ Братчика валяющимся на диванѣ, стонущимъ и охающимъ. Страшныя боли не мѣшали ему, однако, каждый разъ поражать меня своими нарядами: то онъ лежалъ въ турецкомъ халатѣ, фескѣ и туфляхъ, то былъ наряженъ въ венгерку съ массою шнурковъ и пуговицъ, то на немъ было надѣто нѣчто въ родѣ татарской одежды, съ татарской шапочкой на головѣ; разъ я даже засталъ его въ монашескомъ подрясникѣ и послушнической шапочкѣ на головѣ. Этотъ вѣчный маскарадъ сдѣлался уже непреодолимой потребностью этого ярмарочнаго героя изъ дворянъ. У него вошла въ плоть и въ кровь привычка ходить ряженымъ и притомъ ряженымъ не только по костюму, но и по нравственности. Нигдѣ я не видалъ бо́льшаго противорѣчія между словомъ и дѣломъ, какъ въ жизни Братчика, нигдѣ лицемѣріе не было такъ развито, какъ у него. Онъ постоянно игралъ какую-то роль и жилъ внутри себя жизнью совсѣмъ несхожею съ этою ролью. Любимою его ролью была роль «широкой русской натуры», а между тѣмъ основной чертой его характера было сухое «себѣ на умѣ» завзятаго себялюбца: онъ могъ прокутить имѣнія, крѣпостныхъ, деньги, но прокутить только на себя, на свои прихоти, на свой разгулъ и не вслѣдствіе широкаго размаха натуры, а вслѣдствіе чудовищныхъ развращенности и распущенности, стоившихъ большихъ денегъ; гдѣ можно было надуть, утянуть, обойтись безъ затраты денегъ, тамъ онъ дѣйствовалъ не хуже любого барышника; какъ онъ умѣлъ обирать людей—это знали въ былыя времена его хористы и хористки и тѣ несчастныя личности, которыхъ онъ, нисколько не стѣсняясь своей ролью, цѣлыми фурами возилъ на ярмарки, какъ товаръ. Ничего этого, конечно, не понимали и не желали понимать Маремьяны, прикомандировавшіяся добровольно къ этимъ развалинамъ умирающаго Адониса. Онѣ почти неотлучно пребывали при немъ и, несмотря на его брюзжаніе, иногда просто на площадную ругань, покорно и заботливо услуживали ему. Онѣ видимо были вполнѣ довольны и счастливы одною возможностью вертѣться около этой «знаменитости», даже не спрашивая себя, въ чемъ была его извѣстность, въ

Digitized by Google

чемъ была его слава, въ томъ ли, что онъ всю жизнь билъ баклуши, въ томъ ли, что пускалъ по-міру крѣпостныхъ, въ томъ ли, наконецъ, что онъ не стыдился торговать собою и продавать другихъ? Объ этомъ онѣ даже не задумывались и сдѣлались покорными холопками того, кто не полѣнился обратить ихъ въ своихъ холопокъ. Одна Аксинья относилась скептически къ Братчику: для нея онъ былъ просто презрѣнной рухлядью изношеннаго мужчины, и она третировала его съ непозволительной грубостью.

— Ну, куда лѣзете, коли ужъ Богъ убилъ!..—прикрикивала она на него, если онъ задумывалъ куда-нибудь ѣхать.

— Волю взяла, волю взяла!.. Охъ, выгнать нѣтъ силъ,— жаловался онъ на нее, но не гналъ ея. — Она дѣвка здоровая, гдѣ же найдешь другую?—объяснилъ онъ.—А за мной уходъ нуженъ. Не на Маремьянъ же положиться, стрекотать только умѣютъ...

Дѣйствительно, Аксинья годилась не для одного «стрекотанія», она была для него и сидѣлкой, и фельдшеромъ и, можетъ-быть, чѣмъ-нибудь еще.

Занятый однимъ собою, одними своими недугами, онъ почти не интересовался тѣмъ, какъ идетъ ученіе Прибыльскаго. Когда я начиналъ говорить объ этомъ, онъ замѣчалъ:

— Оболтусъ онъ. Драть ихъ надо, прохвостовъ. Охъ, плохо, когда не дерутъ! Въ наше время не церемонились съ ними! Штаны долой и дерутъ, бывало...

— Онъ учится очень хорошо, способности большія,—пояснялъ я.

— Знаетъ черезчуръ много! Да!

— Ну, знаніе не бѣда.

— Да вы о чемъ? О наукѣ? Охъ, я не о томъ! Носъ вездѣ суетъ. Вотъ я о чемъ. Вездѣ подглядитъ, подслушаетъ. Тоже дворня наплела Богъ вѣсть чего. Прохвосты! И мать, дура, тоже разную чепуху городила. Вотъ-вотъ кавардакъ въ головѣ и произошелъ... Почтенія къ старшимъ нѣтъ. Въ свой носъ дуетъ, паршивецъ!

Онъ поворачивался ко мнѣ брюзгнувшимъ, жёлчнымъ лицомъ.

— Замѣчали, какъ онъ на все смотритъ? Охъ, на лицѣ усмѣшечка, критикуетъ. Охъ, былъ бы я здоровъ, написалъ бы я ему критику, такъ что сидѣть бы съ недѣлю не могъ. Лучше нѣтъ этой критики... Вотъ недѣлю у меня

Digitized by Google

только жилъ, а чуть не избилъ я его. Говорю я вамъ, что все въ свой носъ дуетъ. Эхъ, нынѣшняя молодежь!.. Чего мы ждемъ?.. чего ждемъ?.. Нигилятина пошла, отрицаютъ все... Слышали, можетъ, семиспальныя кровати завели. Это комуна! Вы присмотритесь, что дѣлается, что говорится, авторитеты къ чорту, власти не нужны, мужика и того не смѣй пороть, а ужъ о молодежи нечего и говорить — пальцемъ не тронь... А я бы имъ горяченькихъ всыпалъ, перестали бы отрицать, почесались бы небось...

Онъ злобно хихикалъ.

— Прохвосты!

Брюзжанье уже вошло въ привычку, онъ становился иногда просто несносенъ по свой злобѣ на всѣхъ и на все. Меня порой смѣшило, когда онъ начиналъ злиться на кутящихъ и веселящихся людей, называя ихъ прохвостами только потому, что у него самого уже не варилъ желудокъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ особенно сильно настаивать на необходимости воздержанной и цѣломудренной жизни, проповѣдывалъ дѣвственность мужчинъ и женщинъ и ругалъ молодежь за то, что она только и дѣлаетъ, что развратничаетъ. Это давало ему поводъ приводить сотни примѣровъ распущенности, изъ которыхъ одинъ былъ болѣе сальнымъ чѣмъ другой. Иванъ Трофимовичъ видимо смаковалъ эти сальности и придумывалъ ихъ самъ своимъ изобрѣтательнымъ воображеніемъ, входя въ мелочныя подробности грязныхъ сценъ, которыя онъ придумывалъ на досугѣ и которыя будто бы происходили въ дѣйствительности.

VIII.

На третье лѣто пребыванія у меня Прибыльскаго его мать пригласила меня пріѣхать съ Александромъ къ ней въ имѣніе. У меня въ это время не было другихъ пансіонеровъ, и я, отправивъ на дачу свою семью, поѣхалъ съ Александромъ въ провинцію. «Седьмая пятница» оказалась именно такою, какъ я и представлялъ ее себѣ. Это была уже довольно не молодая, изнервничавшаяся, искривлявшаяся, почти не сохранившая слѣдовъ былой красоты провинціальная барыня съ вѣчными охами и вздохами, говорившая обо всякихъ пустякахъ истеричнымъ, приподнятымъ тономъ, точно о разрушающемся мірѣ, и любившая, несмотря на годы, двусмысленности и сальности. Въ концѣ-концовъ, одинъ ея трагическій тонъ по поводу переваренной

Digitized by Google

курицы и не поданныхъ къ кофе сливокъ могъ довести до отчаянія, до положительной ненависти къ ней, но, къ счастію, я и Александръ помѣстились въ отдѣльномъ домикѣ въ паркѣ и могли, отговариваясь занятіями, бо́льшую часть дней проводить въ сторонѣ отъ госпожи Прибыльской.

Такъ прошли три лѣтніе мѣсяца, послѣ которыхъ, въ началѣ августа, намъ пришлось снова перебраться въ Петербургъ.

Какъ-то разъ, когда Прибыльскій уже сдалъ экзамены въ военномъ училищѣ, я зашелъ съ нимъ къ Братчику узнать, вернулся ли тотъ съ дачи, и очень удивился, найдя входную дверь въ квартирѣ отворенною. Въ передней мы встрѣтили какихъ-то неизвѣстныхъ намъ людей, не обратившихъ на насъ никакого вниманія. Мы прошли въ гостиную, гдѣ обыкновенно лежалъ на своемъ турецкомъ диванѣ Иванъ Трофимовичъ. Въ комнатѣ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, пахло камфарой, оподельдокомъ и нашатырнымъ спиртомъ, но Ивана Трофимовича здѣсь не было, а стояли какіе-то незнакомые намъ люди.

— Что онъ опять нездоровъ, что ли? — спросилъ Прибыльскій, обращаясь ко мнѣ.

Мы услышали разговоръ незнакомыхъ намъ людей, они обсуждали какой-то непонятный для насъ вопросъ.

— Закрыть надо скорѣе, такъ нельзя оставить, потомъ не закроешь!—говорилъ одинъ.

— Известки надо положить,—посовѣтовалъ другой.

— Ну да, такъ и поможетъ твоя известка, — отозвался третій.

Мы вошли въ слѣдующую комнату и замерли на мѣстѣ: посрединѣ комнаты стоялъ гробъ, а въ гробу лежало что-то тучное, совершенно почернѣвшее, страшное. Воздухъ въ этой комнатѣ былъ невыносимъ. Насъ точно пришибло что-то.

— А я у васъ была!—раздался около насъ знакомый полный слезъ голосъ Маремьяны по преимуществу. — Вообразите, вчера вечеромъ умеръ, а мнѣ дали знать только съ часъ тому назадъ, да и то не дали въ сущности знать, а сама я зашла...

— Мнѣ и вовсе никто не сказалъ, я мимо шла и узнала,— заговорила грубымъ голосомъ появившаяся тутъ же сорока.

Около покойника, между прочимъ, уже хлопоталъ гробовщикъ, поясняшій, что надо не только закрыть крышку но и запаять ее.

Digitized by Google

— Да кто же распоряжается похоронами?—допрашивала Маремьяна.

— Аксинья, — отозвалась сорока.—Аксинья и какой-то управляющій здѣшняго дома, какъ мнѣ сказали. Простой совсѣмъ унтеръ-офицеръ.

— Ахъ, я знаю, онъ вѣчно на кухнѣ у Аксиньи сидѣлъ,— проговорила Маремьяна.—Несчастный Иванъ Трофимовичъ и не зналъ. Еще убить бы могли его эти люди вдвоемъ...

— Говорятъ, Аксиньѣ все завѣщалъ онъ,—разсказывала сорока.—Да этого быть не можетъ. Врутъ вѣрно!

— Ахъ, онъ былъ такъ слабъ, она его заставила сдѣлать духовную,—прослезилась Маремьяна.—Вотъ что значитъ, что мы всѣ разъѣхались на лѣто...

Въ квартиру Ивана Трофимовича стали набираться люди. Никто не смѣлъ приблизиться къ гробу, всѣ старались стоять въ другой комнатѣ. Гробовщикъ со своими помощниками хлопоталъ о томъ, чтобы гробъ закупорить герметически. Эти люди и читальщики разсуждали о томъ, что покойникъ какъ начнетъ лопаться, такъ тогда «воды не оберешься, ежели не закупорить», и приводили примѣры, какъ одинъ покойникъ «точно изъ пушекъ стрѣлялъ», а другой «крышу выперъ—разбухъ и выперъ». Между Маремьянами шли немолчныя сплетни объ Аксиньѣ, о томъ, какъ смѣла она со своимъ любовникомъ распоряжаться похоронами, не извѣстивъ никого изъ друзей покойнаго. Квартира Ивана Трофимовича превратилась въ какой-то базаръ, гдѣ люди сновали взадъ и впередъ, говорили, спорили, бранились. Я и Прибыльскій отошли въ сторону въ ожиданіи панихиды и молчали: насъ обоихъ поразили и эта неожиданность смерти, и страшный видъ покойника, чернаго, какъ уголь, съ обрамленнымъ сѣдыми волосами лицомъ. Вдругъ около меня раздался неожиданный вопросъ:

— Вѣдь это же несомнѣнно, что онъ былъ моимъ отцомъ?

Я обернулся къ Прибыльскому: онъ былъ блѣденъ и смотрѣлъ какъ-то особенно сосредоточенно въ пространство. Я не могъ ничего ему отвѣтить: не хотѣлось лгать, не хотѣлось и говорить правду. Впрочемъ, онъ, казалось, и не ждалъ отвѣта, погрузившись въ думы. Въ это время явились священникъ и дьячокъ, въ комнатѣ запылали свѣчи и началась служба. Маремьяны молились на колѣняхъ и плакали. Мой ученикъ стоялъ неподвижно, какъ-то безпомощно опустивъ свѣчу, съ которой воскъ, какъ слезы, такъ и ка-

Digitized by Google

палъ на паркетъ. Когда стали гасить свѣчи, онъ даже и не замѣтилъ, что у него взяли изъ рукъ незагашенную имъ свѣчку.

— Пойдемте,—сказалъ я ему, взявъ его за руку.

Онъ очнулся, слегка вздрогнувъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Викторъ Петровичъ, я не желалъ бы такъ прожить, — заговорилъ онъ въ волненіи, выйдя на улицу.—Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не веселая была жизнь. Въ пучину какую-то онъ попалъ...

И, взявъ меня подъ руку, онъ рѣзко спросилъ меня:

— Нѣтъ, скажите откровенно: вѣдь я могу многаго добиться, вѣдь у меня есть характеръ?

Да, у него былъ характеръ и онъ многаго могъ добиться, но въ какую пучину могло затянуть его и его себялюбіе, такое же чудовищное, какъ и у его отца,—это было трудно предугадать.

На другой день появилась утромъ въ газетахъ, въ траурной каймѣ, публикація о смерти Ивана Трофимовича Братчика и приглашеніе къ нему на похороны. Приглашала неутѣшная его вдова «Ксенія Ивановна Братчикъ».

IX.

Почти каждое воскресенье въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ поступленія въ училище Александръ Прибыльскій былъ моимъ постояннымъ гостемъ. Знакомое мнѣ училищное начальство не могло нахвалиться имъ: прекрасный ученикъ въ классѣ, замѣчательный фронтовикъ, строгій исполнитель дисциплины, онъ не заслуживалъ ни отъ кого ни одного упрека и всѣ впередъ знали, что онъ выйдетъ изъ училища однимъ изъ первыхъ и, вѣроятнѣе всего, первымъ: будетъ записанъ на мраморную доску. Я, пользуясь его исключительнымъ довѣріемъ, зналъ даже болѣе—зналъ, что онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы и въ офицерскомъ званіи сдѣлать быструю карьеру: академія, серьезное изученіе военныхъ наукъ, все это уже входило въ его дальнѣйшіе, тщательно составленные планы будущаго... Онъ, какъ я подшучивалъ надъ нимъ, жилъ по циркулю.

— Ахъ, если бы война!—сказалъ онъ мнѣ однажды, разсматривая карту военныхъ дѣйствій только-что начавшейся тогда франко-прусской войны и отмѣчая булавками съ флагами движенія войскъ и ходъ битвъ.

За этимъ занятіемъ, какъ ребенокъ за постройкой кар-

Digitized by Google

точныхъ домиковъ, онъ могъ проводить цѣлые часы, обдумывая и обсуждая, что вошло бы, если бы тотъ или другой отрядъ двинулся не въ ту, а въ другую сторону.

— Ну, да спасетъ насъ судьба отъ этого бѣдствія,—проговорилъ я въ отвѣтъ на его восклицаніе.

— Какое же бѣдствіе?—возразилъ онъ поспѣшно. — То, что убьютъ во время войны тысячи людей? Такъ вѣдь они и безъ того умерли бы годомъ или десяткомъ лѣтъ позже? Не все ли равно? Помните, какъ морякъ отвѣчалъ на вопросъ о томъ, какъ можетъ онъ не бояться моря, гдѣ погибли его предки? Правда, его предки погибли всѣ въ морѣ, но вѣдь и у спрашивавшаго всѣ предки погибли на постели, однако, онъ не боялся же ложиться на постель? Право, это все одно и то же. А война нужна, она необходима для освѣженія воздуха, для прогресса.

— Очень ужъ вы безапелляціонно это говорите, — замѣтилъ я.—Есть люди, научно образованные, которые говорятъ совершенно другое. Вотъ, напримѣръ...

Онъ перебилъ мою рѣчь:

— Нѣтъ, нѣтъ, это пустяки! Безъ войны нельзя жить: борьба—это законъ природы, одолѣвать и побѣждать должны сильные; послѣ войны пробуждается энергія и у побѣдителей, и у побѣжденныхъ, миръ—это застой и болото, развивающіе только плѣсень, тину, развращеніе и деморализацію; война и только война создаетъ важныхъ подвижниковъ, патріотовъ, героевъ...

— А помните заключеніе Прудона въ его «Войнѣ и мирѣ»? Онъ прямо говоритъ: «Человѣчество не желаетъ болѣе войны».

— Ахъ, что понимаютъ всѣ эти кабинетные ученые! Они говорятъ: «Человѣчество не желаетъ болѣе войны», а человѣчество только и движется впередъ борьбою...

Онъ засыпалъ меня цѣлой массой горячихъ и страстныхъ фразъ въ защиту войны и потомъ, смѣясь, закончилъ:

— А о массѣ убитыхъ пусть ужъ плачутъ нервныя барыни! Я лично готовъ бы хоть сейчасъ идти подъ пули: побѣдить или умереть! Вѣдь умереть все равно придется рано или поздно, а тутъ, кромѣ смерти, есть еще шансъ выиграть побѣду, отличиться, стать во главѣ другихъ людей.

Онъ, обыкновенно сдержанный, оживлялся при этомъ и весь горѣлъ, какъ въ огнѣ. Я сознавалъ, что изъ него выйдетъ недюжинный военный, который оставитъ по себѣ слѣды въ этой области дѣятельности.

Digitized by Google

Уже съ первыхъ же дней его поступленія на службу всѣ окружавшіе его товарищи и начальники стали сознавать, что этотъ человѣкъ пойдетъ далеко, и волей-неволей начали относиться къ нему съ уваженіемъ. Идя къ намѣченной цѣли, онъ старался избѣгать даже свѣтскихъ развлеченій, баловъ, театровъ и собраній, затягивающихъ обыкновенно въ свой водоворотъ молодежь и отнимающихъ много дорогого времени въ лучшую пору жизни. Аскетомъ онъ, впрочемъ, не былъ; говорили даже, что животные инстинкты развиты въ немъ въ сильной степени; но онъ какъ-то умѣлъ обдѣлывать дѣла своего закулиснаго разврата безъ большой затраты времени, безъ увлеченій, безъ тѣни поэзіи, презирая несчастныхъ жертвъ общественнаго темперамента и третируя ихъ, какъ животныхъ.

— Къ несчастью, безъ этой скотины не обойдешься,—говорилъ онъ цинично и, когда ему замѣчали, что его взгляды безнравственны, онъ коротко спрашивалъ:— А вы иначе смотрите?

И въ его голосѣ звучала холодная и жестокая насмѣшливость: въ нравственность людей въ сношеніяхъ мужчинъ и женщинъ онъ не вѣрилъ и говорилъ, что именно въ этой области человѣкъ остался и останется вполнѣ скотомъ.

X.

— Вы чувствуете сами, Викторъ Петровичъ, чѣмъ пахнетъ въ воздухѣ?—весело спрашивалъ меня Прибыльскій, входя какъ-то разъ въ мой кабинетъ и пожимая мнѣ руку,

— Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ газету, которую, видимо, только-что просмотрѣлъ и въ которой, вѣроятно, нашелъ извѣстія, обрадовавшія его.

— Братушкамъ рѣшились помочь, собираемъ на нихъ деньги, посылаемъ добровольцевъ,—пояснилъ онъ быстро и бросилъ на столъ фуражку и газету.—Вы понимаете: это начало войны. Добровольцами одними это не можетъ кончиться. Никогда не допустили бы посылать ихъ, если бы не думали о войнѣ.

Онъ заходилъ по комнатѣ, радостный, возбужденный.

— И какъ кстати я успѣю окончить академію. У меня будутъ развязаны руки. Въ добровольцы я, конечно, не пойду, а когда начнется формальная война Россіи съ Турціей, я, конечно, сдѣлаю все, чтобы быть на мѣстѣ военныхъ дѣйствій.

Digitized by Google

— И вы это говорите такъ спокойно? — спросилъ я не безъ удивленія.—Теперь-то?

Александръ Прибыльскій, какъ я слышалъ, намѣревался жениться и, всегда сдержанный, уже раза два проговорился, что ему нравится одна изъ дочерей генерала Терещенко. Насколько я могъ понять, тутъ даже не были замѣшаны особенно сильно расчеты на какія-нибудь выгоды.

— А что?—спросилъ онъ, не понявъ меня.

— А ваши планы относительно женитьбы?—пояснилъ я.

Онъ усмѣхнулся.

— А! вы вотъ о чемъ. Это пустяки! Годомъ раньше—годомъ позже женюсь, не все ли равно.

И впервые онъ разоткровенничался.

— Я спокоенъ, потому что вполнѣ убѣжденъ въ моей невѣстѣ. Она меня любитъ, уважаетъ, чуть-чуть даже идеализируетъ,—проговорилъ онъ, и по его лицу скользнула самодовольная улыбка, говорившая, что ему именно такая жена и нужна, которая создала бы изъ него кумира.—Она будетъ гордиться каждымъ моимъ подвигомъ на войнѣ, мы будемъ, такимъ образомъ, только счастливѣе послѣ войны, которая дастъ мнѣ возможность отличиться, а ей доказать мнѣ, что время и разлука не ослабили ея чувствъ.

— А если васъ убьютъ?—спросилъ я.

Онъ засмѣялся.

— Тогда меня похоронятъ, вотъ и все! Или вы думаете, что я буду скучать и тосковать въ могилѣ: «Какъ это, молъ, такъ умеръ я, даже и не женившись!»

— А ваша невѣста?—полюбопытствовалъ я.

— Она знаетъ, что я, какъ и всѣ люди, смертенъ,—пояснилъ онъ:— но если меня убьютъ, какъ героя, на войнѣ, то она можетъ хоть гордиться мной, тогда какъ при обыкновенной смерти иногда не бываетъ и этого утѣшенія, а остается порой одно воспоминаніе, какъ измучилъ человѣкъ окружающихъ своей болѣзнью и какъ скверно онъ умиралъ. Помните дядю...

Я покачалъ головой.

— А знаете, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что вы можете только позволять любить васъ, но сами не можете полюбить никого.

— Вы думаете, что я Маремьянокъ только могу заводить?—спросилъ онъ.

Онъ засмѣялся.

Digitized by Google

— Впрочемъ, вѣдь и Маремьяны были любимы дядей; конечно, онъ любилъ ихъ по-своему, но все же любилъ.

Мы перемѣнили разговоръ.

Прибыльскій былъ правъ: война приближалась. Онъ зналъ, что онъ будетъ однимъ изъ первыхъ, которые отправятся на мѣсто военныхъ дѣйствій. Онъ не скрывалъ этого передъ своей невѣстой и увлекалъ ее своими широкими планами, своимъ воодушевленіемъ. Молоденькая институтка видѣла въ немъ рыцаря, героя, будущую знаменитость и гордилась имъ; это крайне льстило Прибыльскому, и онъ, и безъ того увлеченный мыслью о своихъ будущихъ успѣхахъ, немного даже рисовался передъ своею невѣстою.

Однажды, уже передъ самой войной, онъ завернулъ къ Терещенко. Ольга Константиновна Терещенко, невѣста Александра, по обыкновенію, обрадовалась его приходу, и тотчасъ же оба заговорили о новостяхъ, о томъ, кого видѣли, что̀ слышали: третьяго дня она была въ театрѣ, вчера на балу...

— Кстати, скажите, у васъ былъ какой-нибудь дядя?— спросила она вдругъ у Прибыльскаго, обрывая разсказъ о балѣ.

— Даже не одинъ, а нѣсколько,—отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, а такой... странный... смѣшной,—пояснила она.

— Я не знаю, о какомъ дядѣ вы спрашиваете, и вообще мнѣ страненъ вашъ вопросъ,—сказалъ онъ, пожимая плечами.

По его лицу скользнула тѣнь, точно отъ предчувствія какой-то готовящейся непріятности.

— Видите ли, я съ однимъ офицеромъ чуть не поссорилась изъ-за васъ вчера,—начала она объяснять.—Противный, надо всѣми подтруниваетъ, усмѣшка на лицѣ. Онъ услышалъ, что я знаю васъ, и спросилъ меня. «Ну, что же онъ все по-старому разсказываетъ про своего комическаго дядю и вышучиваетъ его?» Я разсердилась, потому что я отъ васъ ни про какого дядю вашего не слыхала. Да вы и не любите о пустякахъ говорить. Я сказала ему, что, вѣроятно, онъ васъ смѣшиваетъ съ какимъ-нибудь другимъ Прибыльскимъ, и погорячилась порядочно, оборвавъ этого пошлаго нахала...

Александръ сдвинулъ брови. Онъ уже чувствовалъ приливъ гнѣва, сознавая, что гдѣ-то въ обществѣ, за его спиною, его вышучиваетъ кто-то. Онъ смутно догадывался, кто изволитъ прохаживаться на его счетъ.

— Ужасно досадно и обидно, когда смѣшиваютъ двухъ

Digitized by Google

однофамильцевъ,—продолжала Терещенко:—и приписываютъ одному то, что сдѣлалъ другой. Въ какого-то Чичикова чуть не превратилъ человѣка, который...

— Этотъ офицеръ Огородниковъ?—сухо спросилъ Прибыльскій, блѣднѣя.

— Да! — подтвердила она и удивилась: — развѣ вы его знаете? О, онъ уже никогда не станетъ говорить о васъ пелѣпостей, я...

— Да, я увѣренъ, что никогда не станетъ, — твердымъ голосомъ сказалъ Александръ, перебивая ее, и заторопился уѣхать.

Онъ вышелъ изъ дома Терещенко, нанялъ извозчика и сказалъ ему, куда ѣхать. Черезъ четверть часа онъ уже звонилъ у дверей съ мѣдной дощечкой, на которой значилось:

«Николай Петровичъ Огородниковъ».

— Баринъ у себя? — спросилъ онъ у отворившаго ему дверь денщика.

— У себя, ваше благородіе,—отвѣтилъ денщикъ.

— Доложи...

Прибыльскій передалъ ему свою визитную карточку со словами: «передай барину». Денщикъ ушелъ и черезъ минуту попросилъ гостя въ гостиную. Навстрѣчу Прибыльскому уже шелъ изъ кабинета, застегивая на ходу сюртукъ, Огородниковъ. Онъ былъ все тѣмъ же немного мѣшковатымъ, широкимъ въ кости человѣкомъ съ добродушной улыбкой на румяномъ лицѣ. Въ сосѣдней комнатѣ слышался дѣтскій смѣхъ.

— Вы, конечно, догадываетесь, зачѣмъ я пріѣхалъ къ вамъ?—сухо спросилъ Прибыльскій.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Огородниковъ, улыбаясь.—Но...

— Вчера вы изволили снова вспомнить обо мнѣ и повторить ту же пошлость про меня, за которую вы уже были однажды биты. Я сначала хотѣлъ васъ вызвать за это на дуэль.

— Позвольте, батенька, позвольте,—началъ Огородниковъ добродушно.

Прибыльскій не далъ ему кончить начатой фразы и продолжалъ тѣмъ же невозмутимымъ тономъ:

— Но думаю, что вы, какъ трусъ, отказались бы отъ дуэли, и потому я счелъ нужнымъ прежде всего снова надѣлить васъ пощечинами...

Огородниковъ попробовалъ еще разъ прервать его, но по-

Digitized by Google

пытка была тщетной, а вмѣстѣ съ послѣдней фразой раздалась звонкая пощечина.

— Негодяй! — крикнулъ Огородниковъ и, въ свою очередь, размахнулся рукой.

Прибыльскій грубо отбросилъ его отъ себя, ударивъ кулакомъ въ грудь, и проговорилъ:

— Теперь, надѣюсь, вы будете драться!

И, усмѣхаясь, прибавилъ:

— Или обратитесь къ суду?

Онъ швырнулъ на столъ свою визитную карточку и вышелъ...

Спустя нѣсколько дней послѣ этой сцены, жена и дѣти Огородникова извѣщали въ газетахъ о «внезапной» кончинѣ—первая мужа, а вторыя—отца...

XI.

— Скажите, вы вызвали на дуэль Огородникова или онъ вызвалъ васъ? — спрашивали на судебномъ слѣдствіи Александра Прибыльскаго.

— Вызвалъ меня онъ, но я принудилъ его къ этому, надававъ ему пощечинъ,—отвѣтилъ спокойно подсудимый.

— За что вы избили его?

— Онъ глумился надо мною и желалъ выставить меня въ смѣшномъ видѣ, а я не изъ тѣхъ, кого можно рядить въ шутовскіе колпаки.

— Вы сочли нужнымъ побить его за это?

— Я счелъ нужнымъ убить его за это. Побилъ я его только для того, чтобы онъ не отказался отъ дуэли. Другого выхода я не видѣлъ, такъ какъ битъ онъ уже былъ однажды мною за тѣ же самыя пошлости.

— Значитъ, вы шли на дуэль съ непремѣннымъ рѣшеніемъ убить противника?

— Да, потому что иначе я не могъ оградить себя отъ пошлостей этого человѣка.

— Вы цѣлились прямо въ сердце противника?

— Да,—отвѣтилъ Прибыльскій.

И, смотря строго на допрашивавшихъ его людей, онъ повторилъ то, что уже разъ сказалъ мнѣ:

— И въ другой разъ при подобныхъ обстоятельствахъ я сдѣлалъ бы то же. Я не хамъ и не овца.

Онъ произнесъ это спокойно, даже не вспомнивъ, повидимому, что онъ совершилъ убійство и лишилъ мужа мо-

Digitized by Google

лодую женщину и отца малолѣтнихъ дѣтей,—совершилъ это только изъ-за того, чтобы не быть болѣе предметомъ, въ сущности, невинныхъ шутокъ.

Нѣкоторые говорили о поступкѣ Прибыльскаго съ негодованіемъ, но большинство возводило Прибыльскаго чуть не въ героя, удивлялось этому «сильному характеру». Во всякомъ случаѣ о немъ «говорили», и онъ съ жадностью собиралъ свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ толкахъ, очень довольный тѣмъ, что имъ занимаются въ обществѣ...

VI.

Письма человѣка, сошедшаго съ ума.

На-дняхъ я получилъ слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь!

«Просматривая ваши очерки, я замѣтилъ, что васъ интересуютъ лица съ парадоксальнымъ складомъ ума. Это навело меня на мысль послать къ вамъ прилагаемыя при этой запискѣ письма. Эти письма написаны человѣкомъ, недавно отправленнымъ въ сумасшедшій домъ и потомъ покончившимъ съ собою; я не знаю, когда писалъ онъ свои письма: до своего сумасшествія или уже во время своего умопомѣшательства. Я знаю только одно, что эти письма затрогиваютъ живые вопросы довольно оригинально и не лишены любопытныхъ парадоксовъ: они являются интереснымъ памятникомъ нашего времени, когда развитое большинство блуждаетъ впотьмахъ и сходитъ съ ума отъ проклятыхъ вопросовъ или, махнувъ рукой на эти вопросы, идетъ на торную дорожку наживы, подлостей и паденія, заботясь уже исключительно о своей шкурѣ. Просматривая эти письма, я вспомнилъ о васъ: можетъ-быть, вы можете ими воспользоваться.

«Примите увѣреніе...» и проч.

Я прочиталъ присланныя мнѣ при этой запискѣ письма и рѣшился напечатать нѣкоторыя ихъ нихъ.

Digitized by Google

I.

Письмо къ неизвѣстной мнѣ молодой матери.

Милостивая Государыня!

Я не имѣю удовольствія знать ни вашего имени, ни вашего званія, ни вашего общественнаго положенія. Судьба свела меня съ вами совершенно случайно въ вагонѣ желѣзной дороги. Мы разговорились отъ скуки объ одномъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ: о воспитаніи дѣтей. Я приласкалъ вашего маленькаго, наряднаго, какъ куколка, сынишку и спросилъ, какъ думаете вы воспитывать его, къ какой дѣятельности надѣетесь его подготовить. Вы сказали, что вамъ крайне трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, что вы еще стоите на распутьи въ этомъ дѣлѣ, и замѣтили мнѣ, что вы желали бы только одного, чтобы вашъ мальчикъ былъ счастливъ и выросъ умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ. Конечно, не мнѣ было спорить съ вами о томъ, что именно все это желательно для каждаго человѣка. Но, разставшись съ вами, я глубоко и не безъ горечи задумался о вашемъ желаніи, и мнѣ пришло въ голову, что вы очень легко можете погубить счастіе своего прелестнаго дитяти, если вамъ дѣйствительно удастся сдѣлать его умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ. Этихъ качествъ, можетъ-быть, было бы достаточно для счастія и блага человѣка въ какія-нибудь первобытныя времена, но въ наше время эти качества являются обоюдуострымъ оружіемъ и скорѣй служатъ источникомъ несчастія, чѣмъ счастія, если человѣкъ не будетъ умѣть распоряжаться ими. Вотъ почему, желая всего лучшаго вашему милому мальчику, я рѣшился высказать вамъ въ письмѣ нѣкоторыя мысли, которыя вы не должны упускать изъ виду, воспитывая своего ребенка, если только вы желаете ему счастья.

Представьте себѣ, что вы вполнѣ разовьете умственныя способности своего мальчика и научите его понимать все то, что происходитъ вокругъ него: не увидитъ ли онъ въ мірѣ больше зла, чѣмъ добра, больше страданія, чѣмъ радостей, больше вражды, чѣмъ любви, и не сдѣлается ли это открытіе для него источникомъ страданій, когда онъ будетъ видѣть недуги человѣчества, но не будетъ имѣть силъ исцѣлить эти недуги? Вы можете сдѣлать своего мальчика добрымъ, но оставите ли вы ему состояніе Креза или дадите ли ему умѣнье наживать столько денегъ, сколько

Digitized by Google

наживаютъ Ротшильды, Поляковы, Варшавскіе, Гинцбурги, Громовы, Розентали? Если нѣтъ, то что можетъ выйти изъ его доброты? Встрѣчая на каждомъ шагу бѣдняковъ, притѣсненныхъ, эксплоатируемыхъ, брошенныхъ и голодныхъ, онъ будетъ или безпомощно плакать объ этихъ несчастныхъ, или будетъ отдавать имъ послѣднюю рубашку, послѣдній грошъ и затянется въ работѣ, преждевременно сгубивъ себя, принеся въ сущности очень мало пользы ближнимъ и видя, что число голодныхъ все растетъ и растетъ. Вы сдѣлаете его честнымъ. Но позвольте васъ спросить: какъ долженъ будетъ поступить честный человѣкъ, когда ему предложатъ, напримѣръ, мѣсто директора какого-нибудь акціонернаго общества съ тридцатью тысячами жалованья? Долженъ ли онъ брать это жалованье, когда, съ одной стороны, акціонеры кричатъ о томъ, что ихъ грабитъ правленіе этого общества, а съ другой, конторщики того же общества жалуются, что они съ семьями гибнутъ отъ голода, получая изъ отпускаемыхъ на правленіе суммъ только по сорока или по пятидесяти рублей жалованья за тяжелую черную работу? Долженъ ли честный человѣкъ, гдѣ бы то ни было, смотрѣть сквозь пальцы, когда его сослуживцы будутъ брать взятки, или расхищать казенныя деньги, или производить какія-нибудь продѣлки, въ родѣ поставки гнилого товара, печенья солдатскихъ сухарей съ пескомъ и т. д.? Вы скажете, что честный человѣкъ не долженъ брать у какого-нибудь акціонернаго общества за свой трудъ мошеннически чрезмѣрной платы, ложащейся бременемъ на членовъ этого общества и на низшихъ служащихъ, и также не долженъ потакать ворамъ, смотря на нихъ сквозь пальцы, но въ такомъ случаѣ, вашъ сынъ никогда не найдетъ себѣ нигдѣ мѣста и будетъ способенъ сдѣлаться развѣ только какимъ-нибудь стрѣлочникомъ на желѣзной дорогѣ, такъ какъ стрѣлочники, хотя отъ нихъ и зависитъ участь каждаго поѣзда, получаютъ не тридцатитысячные оклады, а двѣнадцатирублевое жалованье, но зато въ то же время имѣютъ счастіе стоять совершенно особнякомъ отъ всего людского общества и, такимъ образомъ, не принимаютъ участія ни въ разграбленіи общественныхъ кассъ, ни во взяточничествѣ, ни въ мошенническихъ поставкахъ. Но, вѣроятно, вы не такой судьбы желаете своему сыну, стремясь сдѣлать его честнымъ и въ то же время счастливымъ. Вы говорите, что вамъ хочется сдѣлать его правдивымъ—прекрасно. Но если его друзья, его товарищи, его начальники будутъ гово-

Digitized by Google

рить ложь и будутъ даже ссылаться на него, какъ на свидѣтеля, то долженъ ли онъ будетъ поступиться своею правдивостью? Если вы не желаете сдѣлать его врагомъ всѣхъ, то онъ долженъ будетъ въ извѣстныхъ случаяхъ поступаться своею правдивостью. Но гдѣ же границы этихъ отступленій отъ правды? Да, милостивая государыня, желая сдѣлать изъ своего сына умнаго, добраго, честнаго и правдиваго человѣка, вы легко можете сдѣлать его не счастливымъ, а несчастнымъ человѣкомъ.

Но это не все.

Вполнѣ счастливыхъ людей вообще мало на свѣтѣ, и вы можете сказать, что для честнаго человѣка спокойная совѣсть дороже безграничнаго счастья, которое въ сущности есть мечта, химера. Но будетъ ли спокойна совѣсть у вашего сына въ томъ положеніи, которое вы готовите ему? Въ настоящее время, чѣмъ умнѣе человѣкъ, если онъ при этомъ добръ, честенъ и правдивъ, тѣмъ менѣе спокойна его совѣсть: такой человѣкъ постоянно мучится угрызеніями совѣсти, сознавая, что онъ дѣлаетъ далеко не все то, что нужно дѣлать для пользы человѣка; онъ постоянно упрекаетъ себя за то, что онъ не сумѣлъ во-время спасти ближнихъ, что онъ не предотвратилъ какого-нибудь зла, что онъ не всталъ въ защиту какого-нибудь дѣла, убоявшись несмѣтнаго числа своихъ противниковъ; онъ долженъ быть или вѣчно бездѣйствующимъ и вѣчно мучащимся тревогами совѣсти Гамлетомъ, или идущимъ на вѣрную гибель и потому не приносящимъ въ сущности никакой пользы Донъ-Кихотомъ. Подумайте хорошенько, и вы увидите, что совѣсть можетъ быть спокойна у добраго человѣка только тогда, когда онъ рождается бѣднякомъ и умретъ нагой и лишенный крова подъ заборомъ голодною смертью; въ противномъ случаѣ онъ будетъ или не добрымъ человѣкомъ, или онъ будетъ ощущать угрызенія совѣсти, уничтожая лакомый кусокъ хлѣба, когда около него будутъ люди, не имѣющіе вовсе куска хлѣба. У честнаго человѣка совѣсть можетъ быть спокойна только тогда, когда онъ будетъ не только самъ поступать честно, но когда онъ будетъ и громко проповѣдывать честность вездѣ и преслѣдовать всѣ нарушенія честности другими, а это будетъ стоить ему лишенія всѣхъ средствъ къ жизни, разрыва со всѣми близкими, голодной смерти, и потому онъ, въ концѣ-концовъ, можетъ-быть, поступится своею честностью и будетъ опять-таки мучиться угрызеніями совѣсти. То же

Digitized by Google

случится съ нимъ, если онъ будетъ вполнѣ правдивымъ человѣкомъ.

Всѣ эти мысли были вызваны вашими словами о томъ, какимъ человѣкомъ вы желаете сдѣлать своего сына. Я счелъ небезполезнымъ сообщить вамъ эти мысли и заставить васъ призадуматься надъ этими вопросами. Но не подумайте, пожалуйста, что, сообщая вамъ свои соображенія, я хочу сказать вамъ, что вы должны сдѣлать изъ своего сына глупаго, злого, безчестнаго и лживаго человѣка. Нѣтъ, я думаю только, что при настоящемъ положеніи общества вамъ, какъ матери, заботящейся о счастіи своего ребенка, будетъ нужно сдѣлать своего ребенка не просто умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ, а человѣкомъ, умѣющимъ въ мѣру быть умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ.

Если вы дѣйствительно страстно желаете своему сыну счастія и спокойной совѣсти, то вы должны принять на себя не малый трудъ и сдѣлать слѣдующее:

Продолжайте стараться, чтобы вашъ ребенокъ былъ всегда красивъ и милъ, какъ онъ красивъ и милъ теперь. Если бы онъ даже и не былъ хорошенькимъ мальчуганомъ, то придать ему извѣстную привлекательность и миловидность не трудно; одѣвайте его хотя и просто, но всегда со вкусомъ, завивайте ему всегда волосы и причесывайте ихъ такъ, чтобы эта прическа была ему къ лицу; обнажайте ему долго, какъ вы обнажаете ему и теперь, шейку и ножки, если онѣ будутъ долго красивы; однимъ словомъ, сдѣлайте все, чтобы каждая женщина и каждый мужчина, видя его, любовались имъ и говорили: «какое прелестное дитя!» Научите его при этомъ быть вѣжливымъ и развязнымъ, но отнюдь не навязчивымъ; пусть онъ привыкаетъ къ поцѣлуямъ и ласкамъ постороннихъ людей и не дичится даже тогда, когда его будетъ ласкать и цѣловать какая-нибудь отвратительная старуха, или совсѣмъ изношенный старикашка. Покровительство взрослыхъ вообще можетъ оказать въ будущемъ пользу дѣтямъ, а покровительство старухъ и стариковъ важно въ особенности. Бывали случаи, что старые люди оставляли даже свое наслѣдство въ пользу тѣхъ дѣтей, которыя имъ понравились и которыя не противились ихъ ласкамъ. Если вашъ ребенокъ будетъ одѣтъ и причесанъ безъ вкуса, если онъ будетъ вести себя сорванцомъ, если онъ будетъ надоѣдать взрослымъ или дичиться ихъ, то его едва ли будутъ любить, ему едва ли будутъ покровительствовать,

Digitized by Google

его едва ли будутъ защищать отъ несправедливостей другихъ дѣтей, отъ притѣсненій учителей, отъ житейскихъ невзгодъ. Удача ждетъ только хорошенькихъ, чистенькихъ, вѣжливыхъ и притомъ скромныхъ дѣтей. Сдѣлать такимъ своего сына вы можете смѣло, такъ какъ въ этомъ случаѣ вы не сдѣлаете ничего такого, за что васъ могла бы упрекнуть ваша совѣсть. Опредѣляя своего ребенка въ училище, позаботьтесь внушить ему, чтобъ онъ уважалъ учителей, любилъ товарищей, прилежно занимался ученьемъ и не думалъ бы ни о чемъ, что не касается его лично: иногда въ школахъ дѣти ропщутъ на учителей за неправильно поставленные баллы,—но если вашъ сынъ будетъ съ уваженіемъ относиться къ учителямъ и учиться прилежно, то ему не поставятъ дурныхъ балловъ, о баллахъ же другихъ дѣтей онъ не долженъ заботиться, такъ какъ это не его дѣло; если въ школѣ его будутъ дурно кормить, то посовѣтуйте ему не протестовать противъ эконома,—привезите ему лучше чего-нибудь поѣсть изъ дома, или пусть онъ привыкаетъ и къ дурной пищѣ, но не протестуетъ, такъ какъ изъ-за такихъ пустяковъ, какъ дурная пища, онъ можетъ испортить свою репутацію, не исправивъ въ то же время пищи, тогда какъ рисковать своими удобствами можно только тогда, когда изъ этого выйдетъ какая-нибудь польза; бываютъ случаи, что въ школѣ весь классъ отказывается отвѣчать урокъ,—въ этихъ случаяхъ посовѣтуйте своему сыну заявить протестъ товарищамъ, пусть онъ объявитъ имъ, что только лѣнтяи могутъ отказываться отъ урока, пусть онъ подѣйствуетъ на самолюбіе товарищей, и если они все-таки не согласятся отвѣчать урокъ, то пусть онъ заявитъ имъ прямо, что онъ ни въ какомъ случаѣ не станетъ на ихъ сторону, хотя бы они его побили, такъ какъ лучше пострадать за правду, чѣмъ уронить себя въ глазахъ учителей и показать, что онъ и лѣнивъ, и способенъ не исполнять приказанія старшихъ. Лучше всего было бы для вашего сына, если бы онъ нашелъ въ школѣ какихъ-нибудь богатыхъ товарищей, у которыхъ есть приватные учителя. Держа себя съ этими товарищами ровно, искренно и ласково, онъ могъ бы сдѣлаться ихъ другомъ и пользоваться безплатно въ ихъ домахъ приватными уроками, которые необходимы, если ребенокъ хочетъ нынче кончить курсъ ученія, такъ какъ безъ приватныхъ уроковъ нечего и думать, не будучи исключеніемъ изъ общаго правила, дойти успѣшно до конца въ гимназіяхъ или въ училищахъ съ гимназическимъ курсомъ; всту-

Digitized by Google

паетъ въ эти заведенія сотня дѣтей, а кончаетъ въ нихъ курсъ едва ли десятокъ, и потому нужно сдѣлать все возможное, чтобы быть не въ числѣ девяноста изгнанныхъ, а въ числѣ десяти избранныхъ. Не бойтесь, что ему придется унижаться передъ богатыми товарищами: если онъ будетъ чисто и красиво одѣтъ, если онъ будетъ заботиться о своей внѣшности, если у него будутъ мягкія манеры, если вы его научите бойко и красно говорить, то онъ, не унижаясь, сдѣлается другомъ этихъ богатыхъ товарищей и проникнетъ въ ихъ семьи, а тогда ему уже будетъ не трудно упрочить свое положеніе въ ихъ домахъ, такъ какъ родители богатыхъ дѣтей сумѣютъ оцѣнить его скромность, прилежаніе и порядочность. Онъ можетъ сдѣлаться любимчикомъ въ этихъ домахъ, не кривя душой и не заискивая, потому что можно быть честнымъ и самолюбивымъ человѣкомъ и все-таки сумѣть понять, что нужно поднять съ пола платокъ, если его уронитъ почтенный старикъ или почтенная старушка. Сумѣйте указать своему мальчику именно ту границу, гдѣ кончается полная достоинства вѣжливость и гдѣ начинается низкопоклонное лакейство, и сдѣлайте его полнымъ сознанія собственнаѣо достоинства, вѣжливымъ человѣкомъ, котораго будутъ цѣнить всѣ, и предостерегите его отъ низкопоклоннаго лакейства, которое внушаетъ отвращеніе всѣмъ. Вы видите, я предлагаю вамъ путь, отъ котораго не будетъ отвращать васъ ваша совѣсть. Если вамъ угодно будетъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, то вся задача воспитанія вашего сына сведется на одно простое правило: старайтесь сгладить всю шероховатость, всѣ неровности, всякую угловатость, какъ въ его характерѣ, такъ и въ его внѣшности. Пусть онъ ѣстъ и спитъ вволю, чтобы быть кругленькимъ и розовенькимъ, пусть онъ танцуетъ и упражняется гимнастикой, чтобъ быть ловкимъ и развязнымъ, пусть онъ пойметъ, что въ людяхъ есть много неизбѣжныхъ недостатковъ, а въ мірѣ много непреодолимаго зла, чтобы не кипятиться попусту, прощать многое, смотрѣть сквозь пальцы на то, что покуда неисправимо. Все это придастъ ему бодрый видъ и дастъ ему спокойное расположеніе духа. При поступленіи его въ высшее учебное заведеніе вы можете не бояться за то, что онъ впутается въ какую-нибудь скверную и безтактную исторію: пріученный заниматься своимъ дѣломъ, а не посторонними дѣлами, привыкнувшій сознавать, что въ мірѣ есть много недостатковъ, и не кипятиться напрасно изъ-за того, что покуда

Digitized by Google

не поправимо, онъ будетъ застрахованъ отъ разныхъ важныхъ увлеченій молодости, которыя очень часто губятъ въ самомъ началѣ карьеру и счастье молодыхъ людей, не принося въ сущности никому никакой пользы. Но при этомъ я посовѣтую вамъ напомнить вашему сыну о томъ, что и профессора—люди съ извѣстными недостатками и слабостями: они иногда несправедливо относятся къ учащимся, если тѣ не сумѣютъ выставить себя сразу въ выгодномъ свѣтѣ. Вотъ почему посовѣтуйте своему сыну садиться постоянно на первую скамью, не пропускать ни одной лекціи, спрашивать почаще совѣтовъ и указаній у профессоровъ, чтобы они, въ теченіе учебнаго года, привыкли къ физіономіи вашего сына, чтобы они убѣдились, что онъ не баклушъ: тогда на экзаменахъ ему будетъ легче отвѣчать, если онъ даже и плохо будетъ знать свой предметъ. Если ему удастся познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ профессоровъ—это будетъ лучше всего: знакомство съ умными и учеными людьми можетъ принести ему только пользу. Постарайтесь внушать ему, когда ему придется поступить на службу, что онъ долженъ будетъ служить честно, такъ какъ за подлости наказываетъ законъ, но въ то же время разъясните ему, что не его дѣло выводить на свѣжую воду гѣхъ изъ его сослуживцевъ, которые дѣлаютъ подлости, такъ какъ обличать ихъ и преслѣдовать—это дѣло закона и поставленныхъ закономъ властей. Разъясните ему также, что честность очень растяжимое понятіе и потому нужно поступать очень осторожно, чтобы съ одной стороны не сдѣлать подлостей, а съ другой—не быть Донъ-Кихотомъ: человѣкъ, получающій жалованье или плату за трудъ, хотя бы это жалованье или эта плата дошли до сотни тысячъ въ годъ, остается честнымъ, если онъ получаетъ эти деньги на законномъ основаніи; человѣкъ же, взявшій одинъ казенный листъ бумаги въ свою пользу, перестаетъ уже быть честнымъ и является воромъ; человѣкъ, платящій работающимъ на него людямъ самую ничтожную плату, остается честнымъ человѣкомъ, если эти люди добровольно условились работать за эту плату; человѣкъ же, не додавшій, вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, работающимъ на него людямъ хотя рубль, есть человѣкъ нечестный, хотя бы онъ и платилъ этимъ людямъ обыкновенно баснословно большія деньги; говоря проще и короче, вы должны внушить своему сыну, что все то честно, что законно, за что никакой судъ присяжныхъ не можетъ приговорить къ на-

Digitized by Google

казанію человѣка. Касаясь вопроса о правдивости, вы должны замѣтить своему сыну, что правда должна быть во всѣхъ его словахъ, что онъ не долженъ лгать, что ложью недалеко уйдешь, но въ то же время вы должны объяснить ему, что уличать во лжи другихъ людей—это значитъ вредить себѣ и имъ. Люди лгутъ часто, но кто же возложилъ на васъ обязанности полицейскихъ въ отношеніи къ нашимъ ближнимъ? Уличать, выводить на свѣжую воду, все это не только не наше дѣло, но это даже возмутительно съ извѣстной точки зрѣнія,—поступая такъ, человѣкъ играетъ роль какого-то шпіона и доносчика. Нѣтъ, мы должны отвѣчать только за себя, за свою искренность, а другіе могутъ и лгать, и обманывать, и отвѣчать за это передъ судомъ своей совѣсти. Относясь такимъ образомъ снисходительно къ ближнимъ, умный, честный человѣкъ будетъ всегда спокоенъ, онъ будетъ сознавать, что онъ не только уменъ, честенъ и правдивъ, но и добродушенъ, что онъ смотритъ съ состраданіемъ на чужіе пороки и ошибки, что онъ не играетъ самозванно роли строгаго и безпощаднаго судьи, что онъ не является непрошенно причиной гибели своихъ ближнихъ, что онъ не трогаетъ ихъ, пока ихъ не покараетъ законъ людской и Божескій. Подобное сознаніе сильно укрѣпляетъ спокойствіе совѣсти въ человѣкѣ и дѣлаетъ его благодушнѣе; при такомъ состояніи духа онъ охотно является даже помощникомъ и благодѣтелемъ ближнихъ, если у него есть на это излишнія деньги. Я говорю: «если у него есть излишнія деньги», потому что вы должны внушать своему сыну одно неизмѣнное правило относительно доброты: быть добрымъ, не значитъ быть расточителемъ. Если человѣкъ добръ, то онъ охотно помогаетъ ближнимъ, но помогать ближнимъ онъ долженъ только настолько, чтобы не лишать себя необходимаго, въ противномъ случаѣ онъ самъ будетъ терпѣть недостатки, запутаетъ свои собственныя дѣла, потеряетъ хорошее расположеніе духа, разстроитъ свое здоровье, — а это ведетъ къ озлобленію, къ потерѣ добродушія, къ утратѣ мягкаго взгляда на людей: благотворить до конца жизни можетъ только тотъ, кто спокоенъ за свое будущее, кто доволенъ своею судьбою, кто вполнѣ счастливъ, вотъ почему въ интересахъ самихъ бѣдняковъ нужно ограничивать въ себѣ ту неразумную страсть помогать направо и налѣво, которою отличаются многіе недалекіе добряки, превращающіеся подъ конецъ жизни нерѣдко въ нищихъ и мизантроповъ. Не забудьте разъяснить все это своему мальчику,

Digitized by Google

если вы хотите, чтобы онъ былъ счастливъ. Мнѣ очень досадно, что я не могу коснуться мелочей и подробностей той системы воспитанія, которой должны вы держаться, если вамъ хочется, чтобы вашъ сынъ, оставаясь умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ, былъ счастливъ и спокоенъ совѣстью. Рамки моего письма не позволяютъ мнѣ слишкомъ распространяться, а между тѣмъ условія современной жизни такъ запутанны и сложны, что въ немногихъ строкахъ нельзя начертить всего того плана, которому должна слѣдовать каждая мать, заботящаяся при воспитаніи своего ребенка о его будущемъ счастіи. Помните только одно, что вашему сыну придется жить, дѣйствовать и служить въ обществѣ, гдѣ есть мошенники и честные, радикалы и консерваторы, старики и молодежь, богачи и нищіе, начальники и подчиненные, среди которыхъ онъ долженъ лавировать такъ, чтобы не нажить себѣ враговъ, если онъ не желаетъ погибнуть: человѣкъ, нажившій враговъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ, добръ, честенъ и правдивъ, гибнетъ почти неизбѣжно, такъ какъ наши враги въ обществѣ бываютъ всегда дѣятельны, друзья же всегда бываютъ пассивны—они только сочувствуютъ, сожалѣютъ, вздыхаютъ, но не борются за погибающаго, боясь за свою собственную участь. Сражаясь одиноко съ массою враговъ, человѣкъ часто теряетъ вѣру въ людей, дѣлается озлобленнымъ, становится безполезнымъ мизантропомъ и умираетъ брошенный и забытый всѣми, проклиная нерѣдко и умъ, и доброту, и честность, и правду.

Вотъ отъ чего придется вамъ спасти въ будущемъ своего ребенка, хотя, конечно, воспитывая его по намѣченному мною плану, вы не застрахуете его отъ какихъ-нибудь мелкихъ огорченій, въ родѣ того, что какой-нибудь грубый нахалъ назоветъ его «ходячею мѣщанскою нравственностью». Въ жизни вѣдь нельзя прожить безъ мелкихъ непріятностей, и вы, какъ любящая мать, конечно, охотнѣе приготовите своему сыну эту маленькую непріятность, чѣмъ несчастную судьбу человѣка, вѣчно гонимаго за умъ, за доброту, за честность, за правду.

Вы, можетъ-быть, спросите меня: готовлю ли я по этой системѣ своихъ дѣтей къ жизни? Я вамъ могу отвѣтить только одно: къ счастію, у меня нѣтъ дѣтей. Если бы у меня были дѣти, милостивая государыня, можетъ-быть, я счелъ бы необходимымъ научить ихъ, главнымъ образомъ, только одному—умѣнью вовсе не дорожить жизнью, ни сча-

Digitized by Google

стливою, ни несчастною, и всегда спокойно идти навстрѣчу смерти; только съ этимъ умѣньемъ можно, при современномъ положеніи общества, смѣло и бодро пройти избранной дорогой, но для этого, сударыня, нужны вовсе не локончики вашего мальчика и не его голенькія ножки съ кокетливой, шотландской юбочкой.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи къ вамъ, готовый къ услугамъ вашимъ.

II.

Письмо къ бывшему другу.

Другъ моей юности, нынѣ мой врагъ!

Начинаю этою некрасовскою строкою письмо къ тебѣ, во-первыхъ, потому, что она вполнѣ характеризуетъ наши отношенія, а, во-вторыхъ, потому, что мнѣ, какъ человѣку, сходящему съ ума, постоянно при каждомъ новомъ событіи, при каждомъ новомъ явленіи вспоминаются какіе-то прочитанные когда-то стихи, изреченія, афоризмы и чаще всего твержу я теперь однѣ и тѣ же двѣ строки:

Бывали хуже времена, —
Но не было подлѣй...

Вчера впервые я не подалъ тебѣ своей руки, когда ты протянулъ мнѣ свою руку на прощаньи, и тебѣ, можетъ-быть, покажется страннымъ, что уже сегодня я протягиваю тебѣ снова руку не только для простого рукопожатія, но для того, чтобы написать тебѣ длинное письмо. Въ подобныхъ случаяхъ пишутся обыкновенно только ругательныя или извинительныя письма. Первыя не читаются получателями, вторыя вызываютъ въ получателяхъ гадливое чувство къ пишущимъ. Въ моемъ письмѣ ты не найдешь ни ругательствъ, ни извиненій. Въ настоящее время я и порываю, и завязываю связи съ людьми совершенно равнодушно и каждый разъ при сближеніи или разрывѣ съ ними думаю: «это только на короткое время, потому что для меня скоро замолкнетъ и злоба, и любовь, такъ какъ я самъ замолкну для нихъ въ царствѣ вѣчнаго сна — въ царствѣ смерти или безумія». Я пишу тебѣ и другимъ, когда-то близкимъ мнѣ людямъ, просто потому, что мнѣ, сходящему съ ума человѣку, все еще кажется, что я могу остановить ихъ на проходимомъ ими пути, — перемѣнить полетъ пущенной изъ лука стрѣлы, остановить громовой ударъ, когда

Digitized by Google

уже блеснула молнія. Эта безумная мысль позволительна, можетъ-быть, только мнѣ, но я крѣпко держусь за нее, какъ за послѣднее утѣшеніе, и продолжаю воображать, что мнѣ стоитъ только освѣтить передъ людьми ту пропасть, къ которой они стремятся, и они остановятся, своротятъ въ сторону и спасутъ себя. Они спасутъ себя и почему же?—потому, что имъ открылъ глаза сходящій съ ума человѣкъ! Впрочемъ, эта мысль не совсѣмъ безумная, такъ какъ какой-то мудрецъ сказалъ, что только безумцы спасали міръ и дѣлали перевороты въ умственномъ и нравственномъ направленіяхъ общества.

Мы никогда не ссорились съ тобою, до вчерашняго дня мы были друзьями; вчера тоже, повидимому, не произошло ничего особеннаго, и ты, можетъ-быть, крайне удивился, когда я не подалъ тебѣ руки. Ты, можетъ-быть, даже приписалъ мой поступокъ моему умственному разстройству и потому мнѣ нужно напомнить тебѣ всѣ мелочи вчерашняго, дня...

— Тебѣ нужно бы отдохнуть мѣсяцъ, другой, разсѣяться, полѣчиться...

Ты сказалъ мнѣ эти слова вчера—сказалъ ихъ теплымъ, дружескимъ тономъ; на твоемъ лицѣ отражалось чувство искренняго участія. Я могъ бы только поблагодарить тебя за этотъ совѣтъ, если бы онъ данъ былъ въ другое время, если бы я не зналъ, во имя какихъ принциповъ и убѣжденій давался онъ. Но вспомни все, что предшествовало вчера твоимъ послѣднимъ словамъ, обращеннымъ ко мнѣ.

Вчера были открыты въ правленіи желѣзной дороги, гдѣ мы оба служимъ, крупныя злоупотребленія одного изъ директоровъ. Управляющій призвалъ насъ на совѣтъ и спросилъ, что намъ дѣлать.

— Изслѣдовать все дѣло и представить общему собранію подробный отчетъ объ этомъ мошенничествѣ,—сказалъ я.

Управляющій поблѣднѣлъ и съ ироніей замѣтилъ мнѣ:

— Вашъ совѣтъ очень простъ, но, къ сожалѣнію, онъ никуда не годится. Мы не должны подрывать кредитъ нашей желѣзной дороги въ общественномъ мнѣніи и предавать огласкѣ всякіе закулисные дрязги.

— То-есть, мы должны прикрывать каждаго мерзавца?—спросилъ я. — Это хорошій способъ расплодить негодяевъ!

Я говорилъ, по обыкновенію, прямо и рѣзко, и вовсе не думалъ о томъ, пріятно ли это нашему управляющему, но

Digitized by Google

меня поразило выраженіе твоего лица: ты дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки глазами, какъ-будто старался остановить меня на полусловѣ. Я только потомъ вспомнилъ, что воръ-директоръ былъ родственникомъ нашего управляющаго, какъ и всѣ прочіе наши директора.

— Вы говорите такимъ тономъ, точно мы служимъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ воръ на ворѣ,—не безъ ѣдкости въ голосѣ сказалъ управляющій.—Но, не касаясь вопроса о томъ, насколько тактично съ вашей стороны такое мнѣніе, я долженъ вамъ сказать, что вашъ совѣтъ очень непрактиченъ, очень вреденъ именно для тѣхъ акціонеровъ, о пользѣ которыхъ вы такъ горячо заботитесь. Предать огласкѣ это дѣло, значитъ уронить кредитъ нашего общества, понизить цѣнность нашихъ бумагъ и дать случай биржевымъ спекуляторамъ раздуть скандалъ еще болѣе для полнаго паденія нашихъ бумагъ. Наши акціонеры, конечно, не выиграютъ отъ этого, а спекуляторы сумѣютъ нагрѣть руки. Вотъ къ чему приведетъ выполненіе вашего совѣта.

— А вы полагаете, что всего этого не случится, если мы домашнимъ образомъ замажемъ это мошенничество? — спросилъ я.—Шила въ мѣшкѣ не утаишь и слухи все равно пройдутъ въ общество. Эти слухи, быть-можетъ, еще хуже повліяютъ на наши бумаги, чѣмъ откровенное и честное изложеніе всего дѣла съ нашей стороны передъ общимъ собраніемъ. Разница будетъ только въ томъ, что наша откровенность сложитъ съ насъ упрекъ въ солидарности съ негодяемъ, тогда какъ ваше молчаніе заставитъ считать и насъ причастными къ мошенничеству.

— Такъ вы вполнѣ увѣрены, что въ нашемъ кружкѣ есть шпіоны и доносчики? — спросилъ съ насмѣшкой управляющій. — Я надѣюсь, что ихъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ между нами троими, за директоровъ же я ручаюсь, что это честные люди...

Онъ круто перемѣнилъ разговоръ и минутъ черезъ пять вышелъ съ тобою изъ моей комнаты.

Я не имѣю привычки подслушивать, но есть минуты, когда чужой разговоръ самъ собою долетаетъ до слуха, бьетъ по уху, заставляетъ застывать въ жилахъ кровь. Это случилось со мною вчера.

Я случайно зашелъ въ архивную комнату за справкой; комната была пуста; я отворилъ шкапъ и сталъ просматривать одно дѣло. Вдругъ до моего слуха долетѣли громкія, отрывистыя фразы управляющаго:

Digitized by Google

— Я нисколько не обижаюсь!—говорилъ онъ.— Мало ли грубіяновъ на свѣтѣ! Онъ пользуется своимъ исключительнымъ положеніемъ, которое далось ему знаніемъ дѣла, и потому ломается, оскорбляетъ...

Я замеръ на мѣстѣ; я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ; я считался лучшимъ дѣльцомъ въ правленіи, какъ не глупый человѣкъ среди дураковъ, какъ человѣкъ, бывшій въ университетѣ, среди выгнанныхъ за лѣность гимназистовъ, какъ хорошій работникъ среди праздныхъ тунеядцевъ. Меня заинтересовало, съ кѣмъ говоритъ управляющій, и я ждалъ отвѣта.

— Я васъ увѣряю, что онъ просто нездоровъ, разстроенъ,— послышался мягкій, вкрадчивый голосъ.

Это былъ твой голосъ.

— Нездоровъ! Разстроенъ! — желчно воскликнулъ управляющій. — Я тоже нездоровъ-съ, я тоже разстроенъ-съ, однакоже, я не говорю людямъ въ глаза: подлецъ, я не даю имъ нравственныхъ пощечинъ!..

— Я вамъ долженъ откровенно сознаться, что я замѣчаю въ немъ не простое нездоровье,—опять заговорилъ мягкій, вкрадчивый голосъ: — я просто боюсь въ послѣднее время за его умственныя способности...

— Мнѣ надо было уйти и не слушать далѣе, но—прости мнѣ этотъ грѣхъ—я продолжалъ слушать, я уже ловилъ съ жадностью каждое слово. Впрочемъ, оно и понятно: я впервые услыхалъ, что даже близкіе ко мнѣ люди начинаютъ считать меня за сумасшедшаго.

— Вотъ какъ!—съ ироніей сказалъ управляющій.—Умъ за разумъ зашелъ!..

— Мнѣ грустно говорить объ этомъ,—съ чувствомъ произнесъ ты:—но я вижу по всѣмъ его поступкамъ, по всѣмъ разговорамъ, что онъ близокъ къ сумасшествію...

— Этого только недоставало, чтобы онъ въ сумасшествіи надѣлалъ чортъ знаетъ чего!—воскликнулъ управляющій.

— Ему нужно бы дать отпускъ, уговорить его съѣздить на воды, дать ему значительное пособіе,—замѣтилъ ты.

— Теперь-съ намъ не отпуски нужны, а дѣльцы нужны,— сухо сказалъ управляющій.

— Дѣла можно и безъ него обдѣлать, — сказалъ ты. — Мнѣ даже кажется, что лучше бы было, если бъ онъ уѣхалъ на то время, когда мы изыщемъ средства потушить это прискорбное дѣло.

Digitized by Google

Слушая твой мягкій голосъ, слушая твои осторожныя фразы, я начиналъ убѣждаться, что я точно сумасшедшій: я называлъ кражу «мошенничествомъ», а ты нашелъ ей названіе «прискорбнаго дѣла»; я сразу вооружилъ противъ себя управляющаго, а ты незамѣтно мягко забиралъ его въ руки... Да, я безумецъ, и не мнѣ тягаться съ такими разумными людьми, какъ ты!

— Но какъ же потушить это дѣло? — воскликнулъ управляющій. — Я разсчитывалъ на него, онъ вѣдь всю нашу механику знаетъ, можетъ такъ составить отчеты...

— Я думаю, что я могъ бы попробовать это сдѣлать, такъ какъ я всегда помогалъ моему бѣдному другу въ составленіи отчетовъ,—сказалъ ты.—Я, признаюсь вамъ, самъ возмущенъ этимъ случаемъ, намъ нужно сдѣлать большія усилія, чтобы подобные случаи не повторялись... но я вполнѣ согласенъ съ вами, что для акціонеровъ выгоднѣе, если мы потушимъ это дѣло, вотъ почему я готовъ поработать надъ изысканіемъ средствъ, какъ все это поправить...

Я горько усмѣхнулся, услышавъ послѣднія слова. Я понималъ, что тебѣ еще гадко сознаться передъ самимъ собою въ томъ, что ты берешься сдѣлать подлость, и что потому ты стараешься оправдаться тѣмъ, что этою мерзостью ты приносишь пользу акціонерамъ.

Мнѣ стало скверно, тяжело, и я ушелъ въ свою комнату. Я не могъ болѣе работать, меня мучило сдѣланное мною открытіе. Я теперь зналъ, что мнѣ дадутъ продолжительный отпускъ, что въ это время ты изобрѣтешь средства для того, чтобы замазать слѣды мошенничества, что именно это откроетъ новый путь къ другимъ мошенничествамъ, такъ какъ форма для скрытія этихъ мошенничествъ будетъ найдена тобою. Я началъ мысленно припоминать всѣ обстоятельства совершенной кражи и понялъ, что эта кража сдѣлана была не вдругъ, а производилась въ теченіе извѣстнаго времени, что въ ней принимали участіе и другія лица, что изложеніе всего этого дѣла передъ общимъ собраніемъ поразило бы цѣлую шайку воровъ, и меня, какъ ножъ, рѣзала мысль, что я не могу сдѣлать этого открытія, не могу разогнать этихъ негодяевъ. Мысли, одна другой мрачнѣе, закрадывались мнѣ въ голову, и, наконецъ, я остановился на одной изъ нихъ...

— Что задумался?—послышался мнѣ твой вопросъ.

— О мерзавцахъ разныхъ думаю, что съ ними дѣлать,— отвѣтилъ я.

Digitized by Google

— Что это ты нынче все ругаешься только,—улыбнулся ты мягкой улыбкой.

— Скоро и драться начну,—сказалъ я.

— Ну, это ужъ послѣдній способъ доказывать свою правоту,—снова улыбнулся ты.

— А какъ ты думаешь, что я могу сдѣлать, чтобы общество узнало о продѣлкахъ, совершенныхъ у насъ? — спросилъ я.—Доложить общему собранію объ этомъ помимо правленія я не могу; описать это дѣло въ газетахъ я могу, но для этого мнѣ нужно выкрасть документы отсюда, а иначе меня сочтутъ клеветникомъ, что и докажетъ въ печати само наше правленіе; наконецъ, всѣ подобныя обличенія у насъ считаются слѣдствіемъ интриги, личной непріязни, желанія попасть на мѣсто обвиняемаго, и трудно сказать, на чью сторону склоняются симпатіи общества, на сторону ли обличаемаго мошенника, или на сторону обличающаго правдолюбца. Тутъ, право, невольно придешь къ заключенію, что нужно просто избить до полусмерти или даже убить такого мерзавца, какъ этотъ воръ, чтобы попасть подъ уголовный судъ и тамъ разсказать публично все дѣло, затребовать документы, доказывающіе совершенное мошенничество, разъяснить, что все правленіе состоитъ изъ шайки тѣсно сплоченныхъ между собою воровъ, покрывающихъ и защищающихъ другъ друга...

— Что тебѣ за мысли приходятъ въ голову! — съ испугомъ сказалъ ты.—Ты окончательно испортишь себѣ карьеру...

— Карьеру, карьеру!—воскликнулъ я съ негодованіемъ.— Мнѣ свою совѣсть хочется спасти, а не свою карьеру; съ испорченной карьерой я сумѣю смотрѣть людямъ прямо въ глаза, а съ запятнанной совѣстью я передъ подлецомъ буду краснѣть, боясь, что онъ мнѣ скажетъ: «э, братъ, да и ты тоже порядочный негодяй!..» Ты, вѣроятно, знаешь, что иногда пробуждается такое чувство, что хочется какъ-нибудь доказать и себѣ, и другимъ, что поступаешь честно, когда въ глубинѣ души уже сознаешь, что дѣлаешь подлость,—вотъ отъ этого-то гаденькаго чувства я и хочу навсегда застраховать себя...

Я сказалъ послѣднія слова насмѣшливымъ тономъ, вспомнивъ твой разговоръ съ управляющимъ. Ты прошелся по комнатѣ.

— Я понимаю, что твои убѣжденія вполнѣ честны, но нельзя же перешибить плетью обухъ, нельзя же лбомъ пробить стѣну,—проговорилъ ты.—Мы должны дѣлать то, что

Digitized by Google

намъ по силамъ. Если мы зададимся мыслію истребить вездѣ и всюду зло и неправду, то въ концѣ концовъ намъ придется отказаться отъ всякой дѣятельности: намъ закроютъ доступъ на всѣ пути, и мы издохнемъ какъ собаки.

— Такъ, значитъ, надо смотрѣть на все сквозь пальцы?

— Не на все, но есть случаи, когда иначе поступить нельзя... Вотъ ты утромъ вспылилъ у управляющаго, а вѣдь ты былъ не правъ.

И ты началъ опять доказывать мнѣ, что нужно скрыть совершенное мошенничество для пользы самихъ акціонеровъ, что нужно это сдѣлать для поддержанія кредита общества нашей желѣзной дороги, что разныя раскапыванья мелкихъ закулисныхъ исторій принесутъ пользу только биржевымъ игрокамъ, спекуляторамъ и т. д.

Все это я уже слышалъ отъ управляющаго, и потому меня не изумляли твои доводы. Но меня изумило одно: ты уже дошелъ до того, что среди своей горячей рѣчи въ пользу системы укрыванья воровъ вдругъ замѣтилъ:

— Вѣдь, дѣйствуя такъ, какъ предлагаешь ты, можно дойти до того, что общее собраніе смѣнитъ всѣхъ директоровъ и управляющаго, а вслѣдъ за ними полетимъ со своихъ мѣстъ и мы, такъ какъ новое начальство возьметъ и новыхъ подчиненныхъ, особенно, если оно увидитъ, что эти подчиненные склонны выносить соръ изъ избы. Это вѣдь значитъ лишить людей куска хлѣба...

Когда ты договорилъ эту послѣднюю фразу, я повернулся къ тебѣ спиною и пошелъ къ выходу: намъ дальше нечего было говорить. Ты договорился до того, до чего договаривались взяточники старыхъ временъ, говорившіе въ свое оправданіе: «жена, дѣти». Да, если кусокъ хлѣба дѣлается человѣку дороже всего, то отчего же и не идти воровать, грабить, убивать, подличать...

— Нѣтъ, голубчикъ, у тебя нервы разстроены, тебѣ нужно отдохнуть,—говорилъ ты, слѣдуя за мною.

Потомъ ты еще что-то говорилъ мнѣ ласковымъ, дружескимъ тономъ, но я спѣшилъ одѣться и не обращалъ на тебя вниманія. На улицѣ ты протянулъ мнѣ руку на прощанье, но я сѣлъ на дрожки и даже не взглянулъ на тебя. Ты для меня умеръ, какъ старый товарищъ, какъ единомышленникъ, какъ другъ. Передо мною стоялъ другой человѣкъ, и этого человѣка я началъ презирать...

«Бѣдняга, какъ онъ сталъ все преувеличивать, какое общественное значеніе придастъ онъ каждой мелочи, съ

Digitized by Google

какимъ пафосомъ онъ говоритъ о всякихъ житейскихъ пустякахъ!»

Эти восклицанія сорвутся у тебя съ языка, когда ты прочтешь все написанное мною выше. Въ этомъ случаѣ ты сойдешься во мнѣніи со всѣмъ нашимъ обществомъ, такъ какъ эти восклицанія сорвутся съ языка не у одного тебя, а у каждаго, такъ-называемаго порядочнаго человѣка, которому попадется въ руки это письмо. Дѣйствительно, изъ-за чего я волнуюсь, изъ-за чего кипячусь? Изъ-за того, что ты начинаешь поступать такъ, какъ поступаютъ всѣ другіе практическіе порядочные люди, что ты не плывешь съ ними по одному теченію, что ты не вступаешь въ борьбу съ тѣмъ грязнымъ потокомъ, который уже затянулъ въ омутъ биржевыхъ продѣлокъ, желѣзнодорожныхъ мошенничествъ, банковыхъ кражъ тысячи и тысячи молодыхъ жертвъ!

Стоитъ ли изъ-за этого волноваться? Вѣдь это такое будничное явленіе, вѣдь это все повторяется ежедневно, вѣдь теперь и счетъ потерянъ всѣмъ этимъ практикамъ наживы, Ковнерамъ, Струсбергамъ, Гулакъ-Артемовскимъ, Сѣдковымъ, Варшавскимъ, Коганамъ, Горвицамъ, Грегорамъ, Овсянниковымъ, Юханцевымъ. Кажется, нужно бы привыкнуть къ тому, что ихъ полчище все растетъ и растетъ, что и твой честный другъ дѣтства, и твой безупречный меньшой братъ, и твой бывшій благородный учитель, и твой нравственно неиспорченный ученикъ идутъ на ту же торную дорогу, приводящую, въ концѣ концовъ, къ милліонному состоянію или къ ссылкѣ въ Сибирь. И общество привыкаетъ къ этому, оно почти привыкло къ этому, и только иногда какіе-нибудь сошедшіе съ ума люди, подобные мнѣ, бьютъ тревогу, волнуются, видя, какъ человѣкъ, еще вчера бывшій честнымъ, сегодня подаетъ руку помощи и содѣйствія мошенникамъ. Это, конечно, глупо и смѣшно въ глазахъ серьезныхъ людей, и намъ, безумцамъ, остается утѣшаться только тѣмъ, что у насъ еще осталось право давать нравственныя пощечины этимъ людямъ каждый разъ, когда они своею воровскою поступью подкрадываются къ общественнымъ богатствамъ, когда они, изгибая свою низкопоклонную спину, пробираются по скользкому пути къ карьерѣ, когда они еще съ краской стыда на лицѣ и чувствомъ страха въ душѣ стараются оправдать себя въ глазахъ честныхъ безумцевъ, боясь, что эти безумцы въ порывѣ сумасшествія могутъ подставить имъ ножку при первомъ ихъ шагѣ на пути подлости, низкопоклонства, мошенничества и наживы.

Digitized by Google

Ты спросишь, можетъ-быть, меня: въ чемъ я вижу главный недостатокъ въ тебѣ и въ подобныхъ тебѣ людяхъ?

Я тебѣ отвѣчу вотъ что:

Кто-то—кажется, Бёрне—сказалъ, что онъ потерялъ долю своего гражданскаго мужества и долю своей честной смѣлости, пріобрѣтя фарфоровый сервизъ. Вы, порядочные люди нашего времени, не только пріобрѣли эти фарфоровые сервизы, но и сознали необходимость имѣть эти сервизы, пришли къ убѣжденію, что безъ этихъ фарфоровыхъ сервизовъ вы не можете существовать. Вслѣдствіе этого, каждый вашъ поступокъ, каждый вашъ шагъ, каждое ваше стремленіе сопровождается роковымъ вопросомъ: «а что будетъ съ нашими фарфоровыми сервизами, если мы сдѣлаемъ то-то и то-то?» Отвѣтъ является всегда одинъ и тотъ же: «если ты хочешь сохранить свой фарфоровый сервизъ, то ты долженъ быть осторожнымъ, ты долженъ подчиняться средѣ, ты долженъ плясать подъ дудку большинства, ты не долженъ идти навстрѣчу опасностямъ». И вы подавляете въ себѣ всѣ честные порывы, всѣ благія намѣренія, всѣ гражданскія чувства, лишь бы спасти въ цѣлости свои фарфоровые сервизы. Но дѣйствительно ли вамъ удастся сохранить свои фарфоровые сервизы навсегда или даже надолго? Нѣтъ ли такой силы, которая при всей вашей осторожности разобьетъ эти фарфоровые сервизы въ дребезги? Вспомни, что Овсянниковъ много грѣшилъ ради сохраненія своихъ фарфоровыхъ сервизовъ,—а гдѣ онъ теперь? Взгляни на этого блестящаго петербургскаго льва Юханцева; онъ ли не юлилъ, чтобы пріобрѣсти фарфоровые сервизы,—а каково ему теперь будетъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ? Каково будетъ всю жизнь притворявшейся изъ-за фарфоровыхъ сервизовъ Гулакъ-Артемовской провести нѣсколько дней въ судѣ, пригвожденною къ скамьѣ подсудимыхъ и не могущею удержать на своемъ лицѣ маску, которую сорвутъ съ ея лица, чтобъ показать его публикѣ во всей его неприглядности? Или ты скажешь, что попадаются впросакъ единицы: а десятки и сотни торжественно остаются побѣдителями со своими фарфоровыми сервизами? Но, вѣрь мнѣ, что можетъ наступить день, когда будутъ спасаться изъ вашей братьи только единицы, а десятки и сотни будутъ платиться за свои продѣлки, и тогда они будутъ не только людьми, не имѣющими, подобно намъ, фарфоровыхъ сервизовъ, но и людьми, оплеванными, забросанными грязью, опозоренными. Если не вѣрить въ это, то стоитъ ли и жить?.. Вы думаете,

Digitized by Google

что спокоенъ можетъ быть человѣкъ только тогда, когда у него уже припасены какими бы то ни было средствами фарфоровые сервизы,—а я вамъ скажу, что безстрашно и спокойно можетъ смотрѣть на будущее только тотъ, кто не запасался и не дорожилъ никакими фарфоровыми сервизами. Nihil habeo—nihil timeo,—это изреченіе древности было и останется великой истиной. Недаромъ же старикъ Гёте говоритъ:

Ich hab' mein Sach auf Nichts gestellt,
Iuchhé.
Drum ist's so wohl mir in der Welt,
Iuchhé.

Недаромъ онъ говорилъ, что весь міръ принадлежитъ только тому, кто не гонится ни за чѣмъ.

Я, можетъ-быть, не написалъ бы тебѣ этого письма, потому что самъ по себѣ ты не имѣешь теперь для меня значенія, но, обращаясь къ тебѣ, я въ сущности обращаюсь къ массѣ нашей выступающей на практическій путь молодежи, потому что ты представитель извѣстнаго типа и имя ему—легіонъ.

III.

Письмо къ доктору.

Любезный мой докторъ!

Я, право, не знаю, какъ благодарить васъ за ту заботливость обо мнѣ, которую выказали вы. Вы вчера выслушивали меня, вы уложили меня въ постель и пробовали сгибать мои ноги и руки, вы дѣлали мнѣ циркулемъ уколы на оборотѣ руки, спрашивая меня, сколько уколовъ я чувствую, два или одинъ; вы пристально всматривались въ мои глаза, вы ощупывали меня, нѣтъ ли у меня железокъ, говорящихъ, что моя болѣзнь является слѣдствіемъ «старыхъ грѣшковъ»; вы разспрашивали подробно о моемъ аппетитѣ, о моихъ идеяхъ, о моихъ занятіяхъ, о моемъ прошломъ и о моемъ настоящемъ, о томъ, чѣмъ умерли мои дѣдъ и бабка, мои дяди и тетки,—однимъ словомъ, вы сдѣлали все, чтобы узнать, сумасшедшій я или нѣтъ, отзываются ли на моей умственной дѣятельности «старые грѣшки» или просто малокровіе мозга доводитъ меня до состоянія невмѣняемости. За все это я благодарю васъ, но мнѣ кажется, что всѣ ваши заботы напрасны: лѣкарства мнѣ не помогутъ, ни cali jodati, ни cali bromati, ни ртутныя пти-

Digitized by Google

ранья съ теплыми ваннами черезъ каждые пять дней, ни отдыхъ отъ работы, ни усиленное занятіе серьезнымъ трудомъ, ни воздержаніе отъ горячительныхъ напитковъ, ни мясная пища, ни мушки, приставленныя къ затылку, не спасутъ меня. Моя меланхолія растетъ и растетъ, и если бы не упадокъ воли, за который вы упрекаете меня, объ устраненіи котораго вы хлопочете, то я уже давно отправилъ бы себя къ праотцамъ. Но, къ несчастію, моя болѣзнь именно такого свойства, что я ненавижу жизнь и страстно хочу жить, что я сознаю до болѣзненности свою неизлѣчимость и мучительно хочу вылѣчиться.

— Это не сумасшествіе, это меланхолія, — говорили вы на-дняхъ одному изъ близкихъ мнѣ лицъ, думая, что я не слышу васъ.

И это близкое мнѣ лицо утѣшилось, успокоилось. Было бы лучше, если бы вы сказали ему:

— Это не сумасшествіе, это хуже сумасшествія, — это меланхолія, отъ которой можно вылѣчить больного, перевернувъ предварительно вверхъ дномъ весь свѣтъ.

Свѣта вверхъ дномъ вы не перевернете и, значитъ, я такъ и останусь больнымъ до той минуты, когда настанетъ для меня минутный, вполнѣ свѣтлый промежутокъ: въ этотъ промежутокъ, сознавъ вполнѣ трезво неизлѣчимость своей болѣзни, я пристрѣлю себя...

Вѣдь пристрѣливаютъ же лошадей, когда онѣ переломаютъ себѣ ноги, потому что лошади, потерявшія способность употреблять на пользу общества свои ноги, такъ же не нужны людямъ, какъ люди, потерявшіе способность употреблять на пользу общества свой умъ... Когда вы разспрашивали меня о причинахъ моей болѣзни, я вамъ сказалъ, что «я боленъ отъ всѣхъ причинъ». По вашему лицу скользнула улыбка, и я понялъ, что вы приняли мою фразу за слѣдствіе умственнаго разстройства. Я хочу теперь разъяснить вамъ ее.

Когда мнѣ было одиннадцать, двѣнадцать лѣтъ, въ нашъ домъ взяли гувернантку,— женщину лѣтъ тридцати. Я былъ очень красивымъ ребенкомъ, и эта женщина влюбилась въ меня. Она научила меня и теоріи, и практикѣ любви, говоря въ то же время всѣмъ и каждому, что она спасаетъ меня отъ скрытыхъ пороковъ. Это продолжалось два года.

Докторъ, не отъ этого ли я теперь схожу съ ума?

Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, мой отецъ женился во второй разъ, и мачиха, боясь лишнихъ глазъ, лишняго свидѣтеля ея продѣлокъ, заставила отца выгнать меня изъ

Digitized by Google

дома. Меня отдали на полный пансіонъ въ гимназію и лишили той свободы, къ которой я уже слишкомъ сильно привыкъ. Въ гимназіи нравственность пансіонеровъ, какъ это всегда бываетъ въ закрытыхъ заведеніяхъ, была не особенно хороша, а я въ свою очередь былъ хорошею почвою для того мелкаго развратца, который царствуетъ нерѣдко среди дѣтей, запертыхъ вмѣстѣ, насмотрѣвшихся на всякую закулисную семейную грязь дома, живущихъ среди развращеннаго городского населенія. Я увлекался этимъ развратцемъ, я покучивалъ, я дурно учился. Меня наказывали учителя, наказывалъ отецъ. Но поддержки, тщательной заботливости, терпѣливой любви я не встрѣчалъ ни въ комъ и шелъ тѣмъ путемъ, на которомъ вырабатываются червонные валеты, жильцы долгового отдѣленія, кабачные посѣтители, люди, заѣденные средой. Какъ мнѣ жилось въ это время отцовскихъ пороковъ и гимназическихъ карцеровъ, это уяснитъ вамъ одинъ фактъ. Разъ у насъ стали перемѣнять старыя курточки на новыя, и это причинило мнѣ невыразимое горе. Я цѣловалъ свою старую куртку и не хотѣлъ ее отдать.

— Да что ты съ ума сошелъ, что ли?—спросилъ у меня одинъ товарищъ.

— Да какъ же мнѣ ее не жалѣть, —воскликнулъ я. —Она вся смочена моими слезами...

Не думайте, что я выдумываю этотъ фактъ: мой отецъ, моя мачиха, мои товарищи, знающіе этотъ фактъ, могутъ засвидѣтельствовать вамъ его правдивость. Да, я дошелъ въ гимназіи до того состоянія, что сталъ ежедневно плакать и молиться о своихъ грѣхахъ...

Докторъ, можетъ-быть, это могло не хорошо отозваться на моемъ мозгу?

Случайно, въ это время нравственнаго перелома, въ это время сознанія своихъ грѣховъ, мнѣ попался одинъ человѣкъ, сказавшій мнѣ: «съ твоими способностями стыдно быть такимъ пошлякомъ». Отъ этого человѣка я не слышалъ ничего, кромѣ упрековъ, но уже чрезъ полгода я любилъ его, какъ вѣрный песъ. Я любилъ его потому, что онъ первый сказалъ мнѣ про мой умъ, первый призналъ во мнѣ достоинства, которыхъ не замѣчалъ во мнѣ никто. Съ этимъ человѣкомъ просиживалъ я ночи, но уже не ради гульбы и разврата, а ради чтенія книгъ и толковъ о вопросахъ, о которыхъ я прежде и не думалъ. Подъ его вліяніемъ я началъ нравственно перерождаться, пересталъ кутить, сталъ

Digitized by Google

серьезно работать, отецъ далъ мнѣ комнату въ своемъ домѣ. Это было во дни моего студенчества. Вдругъ, однажды, я пришелъ домой и засталъ отца въ своей комнатѣ: онъ сидѣлъ у печки и что-то жегъ.

— Что ты дѣлаешь, отецъ?—спросилъ я.

— Помилуй, что у тебя за рукописи, что за письма, что за книги! Я случайно заглянулъ къ тебѣ въ столъ и ужаснулся.

Я поблѣднѣлъ.

— Ты шаришь у меня по столамъ?—спросилъ я.

— Я думаю, я отецъ тебѣ, а не чужой,—сказалъ онъ.— Хорошо еще, что это нашелъ я и могъ во-время все сжечь.

Я пришелъ въ бѣшенство и наговорилъ дерзостей отцу. Мы разстались и разстались, повидимому, навсегда.

Для меня началась нищенская студенческая жизнь: плохой уголъ, плохой столъ и плохая одежда, бѣганье по урокамъ въ грязь и холодъ, въ рваной одеждѣ, въ рваныхъ сапогахъ. Я выносилъ эту жизнь молча, стойко, смѣло. Но было одно обстоятельство, которое я не могъ перенести спокойно.

— Знаешь ли, что со мною случилось,—сказалъ мнѣ однажды мой другъ.—Мнѣ въ двухъ домахъ отказали отъ уроковъ.

— Что ты! Это почему?—удивился я.

— Въ эти дома вхожъ твой отецъ. Онъ разсказывалъ вездѣ, что я развращаю и совращаю съ прямого пути юношество, что я отъявленный мерзавецъ, что я сѣю раздоры въ семействахъ. Это бы ничего: на всякое чиханье не наздравствуешься, но слухи слишкомъ далеко заходятъ. У твоего отца большія связи. Этакъ и вовсе на подножномъ кормѣ останешься...

Докторъ, можетъ-быть, и это повліяло на складъ моего ума?

Въ одинъ прекрасный день я превратился изъ студента въ человѣка безъ занятій, безъ надежды получить казенное мѣсто, безъ возможности кончить курсъ и даже безъ нравственной поддержки своего друга, который вдругъ выбылъ изъ Петербурга. Я началъ искать работы: я занимался корректурой, переводами, перепиской, бился, какъ рыба объ ледъ. Въ это время порвались всѣ мои товарищескія связи: одни товарищи куда-то исчезли, другіе сторонились отъ меня, какъ отъ нищаго, третьи, при встрѣчахъ со мною, наставительно говорили мнѣ, что я испортилъ себѣ карьеру,

Digitized by Google

что я могъ бы съ моими талантомъ и умомъ приносить пользу, если бы я занимался наукой, а не пустыми вопросами, что я теперь не могу принести пользы именно разрѣшенію этихъ вопросовъ, не кончивъ курса, тогда какъ они, люди степенные и ученые, будутъ служить разрѣшенію этихъ вопросовъ на практикѣ. Это меня бѣсило и мучило. Во мнѣ проснулось мелкое самолюбіе, мнѣ хотѣлось доказать имъ, что я и безъ дипломовъ могу пробить себѣ путь, и мнѣ мучительно хотѣлось найти какое-нибудь обезпечивающее въ матеріальномъ отношеніи занятіе, чтобы имѣть возможность въ свободные часы заняться серьезно наукой. Я сознавалъ, что два-три года такой работы дадутъ мнѣ возможность составить себѣ въ литературѣ имя. Въ эту пору мнѣ случайно пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ тузовъ нашего биржевого и коммерческого міра. Я занимался въ это время въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ продажею книгъ, корректурой, чѣмъ попало. Однажды, стоя за прилавкомъ, я увидалъ этого коммерческаго туза, котораго я встрѣчалъ еще въ дѣтствѣ въ домѣ моего отца. Онъ узналъ меня, заговорилъ со мною.

— Что вамъ за охота сидѣть здѣсь за прилавкомъ? Съ вашими способностями можно посвятить свои силы болѣе полезной дѣятельности. Васъ приняли бы съ распростертыми объятіями вездѣ, гдѣ нужны честные и умные работники.

«Хорошо поетъ, собака! Убѣдительно поетъ!» Этотъ стихъ Некрасова всегда вспоминается мнѣ, когда мнѣ приходитъ на память разговоръ съ этимъ ловкимъ дѣльцомъ. Я растаялъ отъ любезностей. Еще бы! Самолюбіе пощекотали. Я отвѣтилъ, по своему обыкновенію, юмористически, что, несмотря на мои великія способности, кареты что-то никто за мною не присылаетъ съ приглашеніемъ осчастливить общество своею службою.

— Скажите только слово, и я вамъ предложу свою карету,—отвѣтилъ онъ шутливо.

Я сказалъ это слово—и черезъ двѣ недѣли я уже сидѣлъ въ правленіи желѣзной дороги, гдѣ служу до сихъ поръ. Мѣсто мнѣ сразу дали хорошее, требовавшее нѣкоторой смекалки, нѣкотораго развитія. Я быстро сдѣлался однимъ изъ лучшихъ работниковъ правленія. Опредѣлившій меня къ мѣсту тузъ любезничалъ со мною и даже посвящалъ меня въ свои ловеласовскія похожденія. Однажды, въ минуту откровенности, онъ мнѣ сказалъ:

Digitized by Google

— А вашъ старикъ очень доволенъ, что я васъ сманилъ на мѣсто.

— Да развѣ мой фатеръ еще помнитъ о моемъ существованіи?—спросилъ я.

— Эхъ вы, молодежь,—проговорилъ онъ.—Будете отцами, сами узнаете, какъ болитъ сердце по дѣтямъ. Конечно, вы погорячились и ушли отъ отца, но вѣдь старикъ вамъ же добра желалъ. Разумѣется, онъ глядитъ на вещи по-своему и, желая помочь вамъ, задѣлъ въ васъ больныя стороны, задѣлъ ваши самолюбіе, стремленіе къ свободѣ и самостоятельности, но нельзя же упрекать его за то, что онъ неумѣло выразилъ свою заботливость о васъ. На него скверно дѣйствуетъ вашъ разрывъ. И то сказать, онъ старѣетъ, дряхлѣетъ и не можетъ уже такъ бодро, какъ прежде, переносить разладъ съ собственнымъ своимъ сыномъ. Вы вѣдь все-таки его гордость...

Въ этомъ духѣ говорилось много и долго; мое сердце все болѣе и болѣе умилялось. Черезъ недѣлю у моего покровителя произошло мое свиданіе съ отцомъ. Отецъ плакалъ, я плакалъ, покровитель плакалъ, мачиха плакала, маленькія дѣти отца плакали. Это была чувствительная картина изъ библейской исторіи: блудный сынъ возвращался въ родную семью...

Черезъ полгода мачиха начала со слезами жаловаться мнѣ, что отецъ сталъ скупъ, что онъ мало даетъ на дѣтей, что имъ нужны шубки и кафтанчики.

— Голубчикъ, милый, какъ ты добръ!—говорили мнѣ, когда я привезъ и шубки, и кафтанчики.

Меня обнимали и цѣловали. Я былъ вполнѣ счастливъ: меня любили въ родной семьѣ, я могъ отплачивать ей за эту любовь своими заботами...

— Я очень, очень радъ, что вы сошлись опять съ семьею,—говорилъ мнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мой покровитель.—Отецъ вѣдь всегда заботился о васъ, онъ и просилъ меня, чтобы я съѣздилъ повидаться съ вами, чтобы я опредѣлилъ васъ къ мѣсту, подходящему къ вашимъ способностямъ.

Я слушалъ и внутренно былъ благодаренъ отцу.

— Дѣйствительно, онъ и не могъ не волноваться за васъ,—продолжалъ мой покровитель. Всѣ его знакомые дѣлали намеки на ваше плохое положеніе, на вашу бѣдность. Всѣ обвиняли его за безсердечность. Наконецъ, это было щекотливо: онъ въ такихъ чинахъ, а старшій сынъ сидитъ гдѣ-то въ лавчонкѣ за прилавкомъ... И то сказать,

Digitized by Google

теперь вы можете стать полезны семьѣ: вашъ отецъ, несмотря на свой чинъ, получаетъ относительно мало, вы, попавъ на выгодное мѣсто, можете не мало помочь младшимъ братьямъ, и въ случаѣ его смерти все же поддержите семью. Это его очень безпокоило...

Я упалъ съ неба на землю, я очнулся отъ радужнаго сна въ мірѣ грязныхъ и пошлыхъ расчетовъ...

Докторъ, мнѣ иногда кажется, что и это могло отозваться на моемъ психическомъ состояніи...

Можетъ-быть, вы скажете, что я, какъ человѣкъ, страдающій меланхоліей, вижу все въ мрачномъ свѣтѣ и изображаю себя какимъ-то бѣднымъ Макаромъ подъ валящимися на него шишками. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я не мученикъ, не страдалецъ, моя жизнь была полна и веселыхъ, и свѣтлыхъ минутъ. Кутежи съ товарищами, когда въ накуренной комнатѣ лилась водка, лилось пиво, лилось вино; загулъ съ падшими женщинами, когда въ тяжелой атмосферѣ ихъ домовъ слышались хмельныя пѣсни, шелъ хмельной плясъ, раздавались хмельные поцѣлуи; наслажденія театромъ въ тридцатиградусной температурѣ райка, откуда съ кучкой пріятелей мы шли обсуждать пьесу за кружками пива, шумя и споря до бѣлаго дня, все это испыталъ и я, какъ испытываютъ всѣ городскіе юноши-бѣдняки, не имѣющіе около себя ни честной семьи, ни серьезнаго кружка, связаннаго серьезнымъ дѣломъ...

Но, докторъ, я сильно боюсь, что и эти радости влили капельки яда въ мой разстроенный мозгъ.

Взвѣсьте все сказанное мною, призадумайтесь надъ жизнью бѣдной городской молодежи, чтобы дополнить недосказанное мною, и найдите лѣкарство, которое могло бы смыть въ моемъ организмѣ слѣды всего этого прошлаго,— и я буду здоровъ...

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи къ вамъ.

IV.

Письмо безъ заголовка.

... За мной слѣдятъ, меня развлекаютъ, меня уговариваютъ, и все это дѣлается ради того, чтобы я не покончилъ съ собою. Они воображаютъ, что они этимъ выказываютъ свою любовь ко мнѣ. Но если бы они знали, какую пытку я выдерживаю въ каждый лишній день жизни,—они сами дали бы мнѣ бритву, револьверъ или веревку и ска-

Digitized by Google

зали бы: «успокойся!» Я долженъ, наконецъ, откровенно сознаться, что меня сводитъ съ ума.

Наше время—время погони за наживой, мошенническихъ поставокъ, злостныхъ банкротствъ, громадныхъ кражъ, безумныхъ аферъ, биржевой игры, Варшавскихъ, Гулакъ-Артемовскихъ, Овсянниковыхъ, Юханцевыхъ. Нужно быть крайне осторожнымъ, крайне недовѣрчивымъ, крайне осмотрительнымъ человѣкомъ, чтобы не попасть какъ-нибудь случайно въ кашу, завариваемую разными червонными валетами, дамами и тузами, и не разыграть крайне непривлекательную роль дурачка или негодяя на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля или подсудимаго по дѣламъ этихъ господъ. Человѣку честному и самолюбивому, случайно запутанному въ подобное дѣло, остается нерѣдко одинъ исходъ—смерть, и, я думаю, не одно самоубійство совершилось именно потому, что подобные люди нерѣдко попадали въ эту грязь, завязали въ ней по уши и, боясь позора, спѣшили сойти со сцены жизни. Я, по крайней мѣрѣ, именно потому не могу долѣе жить. Я разскажу теперь подробно свою поучительную исторію.

Лѣтъ шесть тому назадъ, я встрѣтился съ человѣкомъ, про котораго ходили слухи, что это честный человѣкъ, что это человѣкъ съ широкими планами, что это чуть не будущій спаситель отечества. Въ первое же время знакомства съ нимъ я узналъ, что онъ устраиваетъ какія-то артели, что онъ хочетъ удешевить народныя книги, что онъ хочетъ устранить издательскую эксплоатацію, что онъ хочетъ поставить на новыя начала наше банковое дѣло. Когда онъ говорилъ — голова кружилась отъ его замысловъ. Ворочая большими дѣлами, онъ самъ жилъ до послѣдней степени просто, онъ помогалъ, кому могъ, онъ выглядѣлъ какимъ-то безсребренникомъ. Со мной онъ сошелся сразу, откровенно, дружески, какъ онъ сходился со всѣми въ качествѣ простой и широкой русской натуры. Я сталъ ему помогать въ его предпріятіяхъ, видя ихъ полезную сторону.

— Эхъ, голубчикъ, все это идетъ отлично и все это должно рухнуть завтра изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ,— сказалъ онъ мнѣ однажды.

Онъ былъ взволнованъ и блѣденъ.

— Что случилось?—спросилъ я.

— Да то, что нужны деньги, а денегъ нѣтъ,—сказалъ онъ. — Впрочемъ, это участь всѣхъ великихъ предпріятій, когда думаешь не о наживѣ, а объ общественной пользѣ. Будь-ка деньги у Песталоцци, у Ланкастера, у Оуэна, у

Digitized by Google

Фурье, развѣ то бы осталось отъ нихъ, что мы видимъ теперь.

Онъ тревожно ходилъ по комнатѣ и потиралъ себѣ лобъ.

— Да неужели же нельзя нигдѣ достать денегъ?—спросилъ я.

— Я и то придумываю, какъ бы извернуться на время,—сказалъ онъ.—Видите ли что: можно застраховать чью-нибудь жизнь и потомъ подъ эту страховку занять деньги въ одномъ изъ банковъ...

— Но кто же дастъ деньги подъ такую страховку?—замѣтилъ я.

— Дадутъ!

Онъ назвалъ мнѣ банкъ, гдѣ у него были знакомые директора и гдѣ охотно дали бы деньги подъ такое обезпеченіе. Кромѣ того, онъ сказалъ мнѣ, что если бы нѣсколько человѣкъ изъ нашего кружка сдѣлались членами этого банка, то намъ открылся бы въ банкѣ кредитъ въ десять разъ болѣе внесенной нами суммы. При этомъ у насъ въ рукахъ очутились бы большія суммы и мы могли бы начать свои предпріятія въ громадныхъ размѣрахъ. Широкіе планы развернулись передо мною во всей своей привлекательности, и прожектеръ доказалъ мнѣ, какъ дважды два четыре, что я могу принести неисчерпаемую пользу обществу.

— У насъ только смѣлости, предпріимчивости нѣтъ. Мы сидимъ, сложа руки, и высиживаемъ скуку, когда нужно работать и дѣйствовать, — говорилъ онъ съ жаромъ. — Вотъ почему мошенники и люди наживы и захватываютъ дѣло въ свои руки. Право, иногда, смотря на апатію и на трусость окружающихъ, бросилъ бы все и уѣхалъ бы въ Америку... Вѣдь вы подумайте, сколько пользы мы могли бы принести, если бы у насъ было побольше энергіи...

Онъ говорилъ горячо и много: черезъ недѣлю я уже застраховалъ свою жизнь, заложилъ страховку, вступилъ членомъ въ банкъ, занялъ деньги. Это все совершилось, какъ волшебный сонъ, по щучьему велѣнью энергичнаго фантазера. Началась дѣятельность составителя широкихъ плановъ. Я усердно помогалъ ему, видя честность его намѣреній...

Черезъ два года Петербургъ былъ изумленъ однимъ изъ тѣхъ грандіозныхъ банкротствъ, при которыхъ люди спрашиваютъ другъ друга: «Да что же мы пьяны были, что ли, когда давали этому человѣку деньги, или ужъ мы такіе дураки, что насъ каждый надуть можетъ». Достаточно сказать, что составитель широкихъ плановъ успѣлъ надѣлать

Digitized by Google

долговъ на семьсотъ тысячъ, пустить по-міру десятокъ людей, разорить двухъ богачей, поставить въ неловкое положеніе два акціонерныя общества. Я въ это время уже служилъ въ правленіи желѣзной дороги и былъ внезапно пораженъ повѣсткою изъ банка о томъ, что я состою поручителемъ по векселямъ на три тысячи и, кромѣ того, долженъ банку по заложенной страховкѣ двѣ тысячи. Я въ первую минуту потерялъ голову: отказаться платить, значило попасть въ скверную исторію, потерять мѣсто, поплатиться, можетъ-быть, свободой, скомпрометировать фамилію отца; заплатить долгъ—на это у меня не было средствъ, и я могъ предложить банку только одно — вычетъ изъ моего жалованья денегъ на уплату долга. Директора банка, скомпрометировавшіе себя допущеніемъ подобныхъ сдѣлокъ, обрадовались моему предложенію и написали мнѣ, чтобы я попросилъ кого-нибудь написать новые векселя на пять тысячъ, на которыхъ я поставлю свою поручительскую подпись; затѣмъ они пришлютъ мнѣ обратно мой вексель въ три тысячи и уничтожатъ залогъ страхованія въ двѣ тысячи, далѣе я буду уплачивать по частямъ деньги по векселю. Вексель нужно было выдать не болѣе какъ на полугодовой срокъ, а черезъ полгода нужно было обмѣнить его на новый вексель въ ту сумму, какую я буду долженъ послѣ сдѣланныхъ мною въ теченіе полугода взносовъ. Я согласился на все, лишь бы избѣжать огласки, суда, лишенія мѣста. Но, давъ свое согласіе на эту сдѣлку, я остановился на мысли: кто рѣшится написать вексель? Мои знакомые всѣ бѣдняки; мой отецъ никогда не напишетъ такого векселя; просить кого-нибудь изъ начальства было неловко и неудобно, такъ какъ тогда я попалъ бы въ руки этого начальства, какъ крѣпостной, да, можетъ-быть, никто изъ нихъ и не согласился бы на эту услугу; наконецъ, кто бы ни написалъ этотъ вексель, я буду мучиться и бояться, что я умру и подведу другое лицо подъ отвѣтственность, заставлю его уплатить пять тысячъ. Не мало безсонныхъ ночей провелъ я въ эту пору: мой умъ мутился, меня била лихорадка. Наконецъ, я рѣшился: я сѣлъ за письменный столъ и написалъ вексель не своею рукою, измѣненнымъ почеркомъ отъ имени Ивана Петровича Федорова: на оборотѣ я написалъ своимъ почеркомъ свою фамилію. Если бы кто-нибудь зналъ, что за страшные дни пережилъ я, ожидая отвѣта изъ банка, куда посланъ былъ этотъ вексель. Черезъ пять дней отвѣтъ получился: мой новый вексель приняли. У меня отлегло на душѣ.

Digitized by Google

Черезъ шесть мѣсяцевъ я получилъ изъ банка снова письмо, въ которомъ просили меня выслать новый вексель въ пять тысячъ и получить обратно старый. Въ пять тысячъ? Но, вѣдь, я же уплачивалъ деньги въ теченіе шести мѣсяцевъ? Это вѣрно ошибка. Я написалъ объ этомъ въ банкъ. Мнѣ отвѣтили, что я дѣлалъ взносы, равняющіеся какъ разъ только процентамъ по векселю... Меня бросило въ жаръ. Значитъ, я или долженъ отдавать чуть не все жалованье, или я вѣчно буду долженъ пять тысячъ. Но, кромѣ этого, меня мучило еще одно обстоятельство: въ банкѣ перемѣнились директора, и они могли попристальнѣе вглядѣться въ мой новый вексель, значитъ, нужно было потщательнѣе измѣнить руку и написать вексель отъ имени какого-нибудь болѣе или менѣе значительнаго по чину лица, а не просто отъ имени какого-нибудь купца Ивана Ивановича... Долго я старался надъ написаніемъ этого векселя отъ имени какого-то дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Васильевича Челищева. Еще болѣе трусилъ я, пославъ этотъ вексель въ банкъ. Его приняли опять. Но во мнѣ уже начинали появляться какія-то странности: мнѣ хотѣлось забыться, я то ѣздилъ почти ежедневно въ театры, то пилъ; то накупалъ книгъ и зачитывался до одурѣнія. Мнѣ словно хотѣлось уйти отъ самого себя, отъ мысли о будущемъ. Прошло и еще полгода. Я получилъ опять извѣщеніе о перемѣнѣ векселя и нашелъ въ письмѣ приписку о томъ, что, присылая векселя неизвѣстныхъ банку лицъ, я долженъ помѣчать адресъ ихъ мѣстожительства, чтобы, въ случаѣ моей смерти или чего-нибудь подобнаго, банкъ зналъ, куда обратиться къ векселедателю... Да вѣдь это же пытка, невыносимая пытка! Мои нервы не выдержали, и я расплакался, какъ ребенокъ, какъ женщина... Среди этихъ сценъ засталъ меня одинъ изъ моихъ друзей, и я признался ему во всемъ.

— Давай, я напишу вексель,—сказалъ онъ.

Это было сказано просто, честно, и я ожилъ на минуту. Онъ сказалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, это пустяки, что не умру же я въ эти полгода, что не откажусь же я въ это время платить, что онъ не рискуетъ ничѣмъ. Онъ былъ правъ, и я согласился. Но когда я послалъ вексель, я началъ мучиться еще болѣе: я боялся самой легкой простуды, мнѣ все казалось, что я не выживу эти полгода, что я «подведу» моего друга. Кромѣ того, въ концѣ полугодія явился вопросъ: «А кого же я стану просить теперь подписать вексель? Много ли у меня такихъ друзей, какъ этотъ другъ?

Digitized by Google

Я пришелъ къ заключенію, что нужно опять поддѣлывать векселя. А что, если банкъ сдѣлаетъ справку по адресу векселедателя и узнаетъ обманъ? Не привлекутъ ли меня къ суду? Новымъ директорамъ это будетъ выгодно, такъ какъ, обличивъ меня, они могутъ разомъ получить мой долгъ съ прежнихъ директоровъ, которыхъ обвинятъ за дурное веденіе дѣлъ банка. Въ эти дни въ моей головѣ мелькнула впервые мысль о самоубійствѣ, не оставляющая меня теперь ни на минуту...

На этомъ мѣстѣ обрывается это недоконченное письмо, писанное неизвѣстно къ кому. Я могу только добавить къ этому отрывку отъ себя одно: въ одномъ изъ іюльскихъ нумеровъ петербургскихъ газетъ было сообщено, что Иванъ Протопоповъ, такъ звали автора этихъ писемъ, въ припадкѣ меланхоліи бросился въ Неву и, несмотря на подоспѣвшую къ нему на спасеніе помощь, утонулъ...

Трупъ не былъ разысканъ. Впрочемъ, и на что?..

Digitized by Google

Оглавленіе

I ТОМА.

стр.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ. Очеркъ *А. М. Скабичевскаго* 5

Гнилыя болота. Исторія безъ героя.

Предисловіе автора 35
Часть первая 39
Часть вторая 147

Милые бездѣльнини. Разсказы.

I. Вмѣсто предисловія 223
II. Отставная царица 224
III. Членъ общества 242
IV. Барышни 257
V. Мужъ Марьи Александровны 274
VI. Идолъ 290
VII. Обломки старины 304
VIII. Бездѣльникъ по чужой винѣ 314
IX. Изъ встрѣчъ съ здоровыми людьми 338
X. Мой дядя Тарасъ Григорьевичъ Шаповаленко 353
XI. На кладбищѣ 359
XII. Соблазнъ 375

Разсказы.

I. Желчь 395
II. Vanitas vanitatum et omnia vanitas! 412
III. Сила, слабость и неразуміе 431
IV. Поврежденный 455
V. Пучина 478
VI. Письма человѣка, сошедшаго съ ума 517
I. Письмо къ неизвѣстной мнѣ молодой матери . . . 518
II. Письмо къ бывшему другу 527
III. Письмо къ доктору 536
IV. Письмо безъ заголовка 542

Digitized by Google

Книга 1.

(16)

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ I.

Изданіе
А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

О подпискѣ на „БОЛЬШОЙ ВСЕМІРНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ АТЛАСЪ МАРКСА“ см. слѣдующую страницу обложки.

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1904 ГОДЪ
(35-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1904 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, въ общемъ около 9.000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
ПЕРВЫЯ
20 КНИГЪ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.
(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 27 руб.).
Подъ редакціей и со вступительною статьею А. М. СКАБИЧЕВСКАГО.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ
16 КНИГАХЪ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.
(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 15 руб.).
Подъ редакціей и съ біографическимъ очеркомъ П. И. ВЕЙНБЕРГА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ
4 КНИГАХЪ И. Ф. ГОРБУНОВА.
(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 4 р. 50 к.).
Подъ ред. и съ обширнымъ вступит. очеркомъ А. Ф. КОНИ и некрологомъ Т. И. ФИЛИППОВА.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“ содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта, забавъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ иллюстраціями.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, вышивальныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

1 „ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1904 годъ, отпечатанный въ 9 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми приложеніями **БЕЗЪ ДОСТАВКИ:** 1) въ С.-Петербургѣ—**6 р. 50 к.**; 2) **въ Москвѣ** въ конт. **Н. Печковской** (Петровск. лин.)—7 р. 25 к.; 3) **въ Одессѣ** въ кн. маг. **„Образованіе“** (Ришельевская, 12)—7 р. 50 к. **СЪ ДОСТАВКОЮ** въ С.-Петербургѣ—**7 р. 50 к. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА И МѢСТНОСТИ РОССІИ—8 р.** За границу—**12 р.**

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **безплатно.**

Требованія просятъ адресовать: **въ Главную Контору журнала „НИВА“**

Digitized by Google

Книга 3.

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ I.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

О подпискѣ на „БОЛЬШОЙ ВСЕМІРНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ АТЛАСЪ МАРКСА“ см. слѣдующую страницу обложки.

☞ При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложеній, подписчики получатъ по одной книгѣ. ☜

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1904 ГОДЪ
(35-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1904 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“ (книгъ отъ 10—15 листовъ, въ общемъ около 9.000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ПЕРВЫЯ **20** КНИГЪ **А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА**

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. **27 руб.**).
Подъ редакціей и со вступительною статьею А. М. СКАБИЧЕВСКАГО.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

16 КНИГАХЪ **ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.**

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. **15 руб.**).
Подъ редакціей и съ біографическимъ очеркомъ П. И. ВЕЙНБЕРГА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

4 КНИГАХЪ **И. Ф. ГОРБУНОВА.**

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. **4 р. 50 к.**).
Подъ ред. и съ обширнымъ вступит. очеркомъ А. Ф. КОНИ и некрологомъ Т. И. ФИЛИППОВА.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“ содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта, забавъ и разныхъ игръ. До **2000** столбцовъ текста съ иллюстраціями.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, вышивальныхъ работъ и для вышиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

1 „ОТРѢЗНОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1904 годъ, отпечатанный въ 9 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми приложеніями
ДОСТАВКИ: 1) въ С.-Петербургѣ—**6** р. **50** к.; 2) въ Москвѣ въ конт. **Н. Печковой** (Петровск. лин.)—**7** р. **25** к.; 3) въ Одессѣ въ кн. маг. „Образованіе“ (Ришельевская, 12)—**7** р. **50** к. **СЪ ДОСТАВКОЮ** въ С.-Петербургѣ—**7** р. **50** к. **СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ** во **ВСѢ ГОРОДА И МѢСТНОСТИ РОССІИ—8** р. За границу — 12 р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **безплатно.**

Требованія просятъ адресовать: въ Главную Контору журнала „НИВА“

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУ́РГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Мать и сынъ.

Изъ вагоновъ только-что прибывшаго изъ-за границы поѣзда варшавской желѣзной дороги выходили пассажиры. Это было въ концѣ апрѣля 186* года. Среди оживленной, разнохарактерной и разноплеменной толпы пріѣхавшихъ въ Петербургъ людей, одинъ пассажиръ, изъ русскихъ, обращалъ на себя особенное вниманіе своими неторопливыми движеніями и офиціально безстрастной физіономіей, съ которой ни долгое скитаніе за границей, ни встрѣчи съ неусидчивыми дѣятелями не могли изгладить слѣдовъ чиновничества, золотушности и какого-то оторопѣлаго отупѣнія. Это былъ сутуловатый, худощавый, некрасивый человѣкъ лѣтъ двадцати семи или восьми, съ чахоточнымъ лицомъ сѣроватаго, гемороидальнаго цвѣта и съ узенькими тусклыми глазками, подслѣповато выглядывавшими изъ-подъ очковъ. Наружные углы глазъ, приподнятые кверху, придавали лицу путешественника калмыцкое выраженіе не то мелочной хитрости, не то злобной и холодной насмѣшливости. На этомъ господинѣ была надѣта мягкая дорожная шляпа, порядочно потасканная во время ея долголѣтней службы, и какое-то нѣмецкое пальто съ стоячимъ воротникомъ допотопнаго покроя. Такія пальто встрѣчаются въ Германіи только на тѣхъ старыхъ профессорахъ, которые обрюзгли, заржавѣли, обнеряшились и забыли все на свѣтѣ, кромѣ пива, сигаръ, нюхательнаго табаку и десятка сухихъ, излюбленныхъ ими книжонокъ. Казалось, въ этомъ пальто молодой пріѣзжій съ незапамятныхъ временъ спалъ, ходилъ на лекціи, лежалъ во время частыхъ припадковъ болѣзни и предавался кропотливымъ занятіямъ въ своемъ кабинетѣ. Даже самая пыль, приставшая къ этому пальто, придавала ему видъ

Digitized by Google

древности и напоминала о пыли тѣхъ выцвѣтшихъ фоліантовъ, надъ которыми отощалъ, сгорбился, засохъ и утратилъ блескъ и обаятельную свѣжесть молодости обладатель этого полухалата.

Въ сущности, этого господина нельзя было назвать ни путешественникомъ, ни ученымъ, какъ нельзя назвать писателемъ чиновника, составляющаго доклады. Путешествовать, то-есть ѣздить для удовольствія, для отдыха отъ занятій, для поправленія здоровья, онъ дѣйствительно никогда и не думалъ. Онъ просто считалъ необходимымъ и очень удобнымъ, ревностно исполняя порученіе благосклоннаго начальства, перевзжать въ томъ или другомъ вагонѣ изъ одного города въ другой. Въ городахъ его интересовали исключительно архивы, гдѣ было можно, не измѣняя своей привычкѣ къ кабинетнымъ занятіямъ, спокойно и дешево собрать нужныя—не ему, а начальству—свѣдѣнія изъ книгъ. Даже отъ самаго вагона онъ не требовалъ никакихъ особенныхъ удобствъ и цѣнилъ его только за тѣ качества, за которыя цѣнится и архивъ,—за общедоступность и тишину. Движеніе поѣзда могло быть медленно, вагоны могли подскакивать и шататься изъ стороны въ сторону, прислуга могла быть груба,—все это не касалось до нашего путника, и только та вѣтвь желѣзной дороги казалась ему прекрасною, гдѣ за проѣздъ брали не много и гдѣ ему удалось въ совершенномъ одиночествѣ или среди несообщительныхъ спутниковъ разобрать списанные въ послѣднемъ посѣщенномъ имъ архивѣ документы и записать на память, что должно требовать изъ слѣдующаго книгохранилища. Выгружая такимъ образомъ изъ неразлучнаго съ нимъ ручного чемоданчика десятки листиковъ, бумажныхъ лоскутковъ, старыхъ книжонокъ и проектированныхъ имъ «доносеній», онъ незамѣтно превращалъ самый вагонъ въ архивъ и какъ-то тупо и растерявшись глядѣлъ на кондуктора, когда тотъ докладывалъ оглушительнымъ голосомъ, что они пріѣхали. Вѣроятно, не меньше изумился бы какой-нибудь похороненный въ своемъ департаментѣ чиновникъ, если бы ему сказали, что онъ и его доклады, рапорты и отношенія пріѣхали. «Какъ? куда пріѣхали? въ чужой, волнующійся дѣйствительною жизнью, шумный городъ, можетъ-быть, на людную площадь, гдѣ ведутся торговыя сдѣлки и идетъ борьба изъ-за куска хлѣба!» Подобные крики неподдѣльнаго ужаса всегда готовы были вырваться изъ груди нашего путника при докладахъ кондуктора, но, мало-по-малу,

Digitized by Google

онъ привыкъ къ своему положенію и, заслышавъ слово о пріѣздѣ на мѣсто, торопливо засовывалъ въ чемоданчикъ свои дѣловыя бумаги, сознавая, что онъ пріѣхалъ въ новый архивъ.

Но, наконецъ, пришелъ день, когда его понесъ локомотивъ желѣзной дороги въ новое мѣсто, куда его принуждали ѣхать не одни архивы, не однѣ докладныя записки, а что-то совсѣмъ другое. Тамъ, въ этомъ городѣ, когда нашъ соотечественникъ покидалъ его два года тому назадъ, сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь копошились люди-муравьи; всѣ свои неуходившіяся силы отдавали они разнымъ вопросамъ дня, шумѣли, спорили, дорого платили за свой честный, молодой пылъ, и ихъ крики достигали даже до того мирнаго угла, гдѣ нашъ герой, имѣя въ виду благосклонное поощреніе начальства, рылся въ разныхъ старенькихъ скучныхъ книжонкахъ. «Крестьянскій вопросъ! Эмансипація женщинъ! Экономическія отношенія! Мировые судьи!» назойливо жужжало у него въ ушахъ, и онъ сотни разъ проклиналъ этотъ гамъ тревожной жизни, такъ какъ этотъ гамъ нисколько не могъ помочь, а только могъ помѣшать при разъясненіи красотъ, удачныхъ оборотовъ или темныхъ мѣстъ въ тѣхъ или другихъ классическихъ произведеніяхъ древности... И вотъ снова приходится вступить въ эти знакомыя мѣста... Вотъ и родные купола церквей мелькнули вдали, и фабрики съ длинными трубами задымились по сторонамъ, а вотъ и кладбище съ пестрыми подгнившими крестами, какъ-то уничиженно, какъ-то трусливо прижавшимися другъ къ другу вдали отъ кладбищенской церкви, и мраморными колоннами, и гранитными мавзолеями, гордо ставшими бокъ-о-бокъ съ храмомъ. Раза три принимался молодой человѣкъ, подъѣзжая къ этому городу, перечитывать Геродота, но дѣло какъ-то не шло впередъ, и странное, непріятное волненіе чуялось въ груди. «Надо будетъ завтра же явиться къ начальству», сталъ онъ думать, и вдругъ, безъ его воли, въ головѣ промелькнула мысль: «А вѣдь это все въ холеру захоронено бѣдняками». Молодой человѣкъ пожалъ плечами и, сердито отвернувшись отъ кладбища, сталъ пересматривать свои бумаги. «Надо будетъ, какъ пріѣду, Плинія еще разъ прочитать», разсуждалъ онъ мысленно, какъ будто желая этимъ чтеніемъ заглушить воспоминанія о бѣднякахъ, погибшихъ въ холеру отъ голода, холода, дурныхъ жилищъ и невѣжества. Пока онъ еще рылся въ бумагахъ, раздался свистокъ. «Что-то дядя, живъ ли?» опять подумалъ какъ-то

Digitized by Google

невольно нашъ герой, замыкая чемоданъ, и вышелъ изъ вагона. Послѣдняя мысль начала неотступно вертѣться въ его головѣ. Онъ съ трудомъ дотащилъ чемоданчикъ до площадки подъѣзда, остановился и опустилъ оттянувшую ему руки ношу, едва переводя духъ и съ усиліемъ вбирая воздухъ плоскою грудью.

— Леня, голубчикъ!—раздалось въ эту минуту восклицаніе въ массѣ шумѣвшаго народа.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, обернулся въ ту сторону, откуда послышался давно знакомый голосъ, и увидалъ немолодую, довольно плотную и еще свѣжую женщину; она угловато и безцеремонно продиралась локтями сквозь толпу людей, озабоченно суетившихся на подъѣздѣ дебаркадера.

— Маменька!—вырвался крикъ у господина въ профессорскомъ пальто, и въ ту же минуту его лицо покрылось десятками сочныхъ и звонкихъ поцѣлуевъ.—Какъ вы сюда попали?

— Тебя ждала, голубчикъ. Второй день дежурю здѣсь,—заговорила мать такимъ тономъ и съ такимъ размахиваніемъ рукъ, что сейчасъ можно было угадать, что эта женщина нерѣдко говоритъ: «Я своимъ рукамъ вскормила сына» и «Я его страшно люблю».

— А-а!.. А я думалъ, что вы по какому-нибудь дѣлу пріѣхали,—промолвилъ сынъ и поцѣловалъ во второй разъ руку матери.—Ну, спасибо! Только зачѣмъ тратились, вѣдь вамъ не легко дѣлать лишніе расходы изъ-за того, чтобы получасомъ раньше встрѣтить меня.

— Голубчикъ мой, все-то ты обо мнѣ заботишься,—произнесла мать и съ сожалѣніемъ добавила, осматривая сына и качая головой:—Мало ты поправился за границей-то. Все такой же худенькій и слабенькій. Дай-ка, Леня, я донесу твой чемоданчикъ.

— Донесите, я дѣйствительно утомился,—отвѣтилъ сынъ и закашлялъ глухимъ кашлемъ.—Только подождите немного, покуда народъ поразъѣдется; теперь, я думаю, къ извозчикамъ приступу нѣтъ. Рады, мерзавцы, случаю содрать лишній гривенникъ, благо съ ними дураки гуманничаютъ, да таксы на нихъ не налагаютъ...

Мать и сынъ остались стоять на подъѣздѣ, не обращая никакого вниманія на окружавшій ихъ народъ. Мать, вопреки мнѣніямъ постороннихъ людей, постоянно считала себя бѣдною, носила старомодныя крашеныя шляпки, съ большими бантами наверху, была практична и воспитала

Digitized by Google

сына, пріучая его не дѣлать лишнихъ расходовъ. Но по какому-то непонятному капризу человѣческаго чувства, несмотря на ея скупость, въ эти минуты свиданія, ее менѣе обыкновеннаго радовало, что сынъ былъ попрежнему трезвъ и разсудителенъ. Въ ней вдругъ проснулась какая-то опасная потребность, наперекоръ судьбѣ и своимъ собственнымъ привычкамъ, самой устроить себѣ праздникъ въ однообразной будничной жизни. Въ то же время, задумчиво глядя на свое платье, на одежду и болѣзненную фигуру сына, она сознавала и всю свою бѣдность, и всю разумность вскормленнаго ею существа.

— А что дядя?—озабоченно спросилъ сынъ.

— Плохъ, очень плохъ! —послышался скорбный отвѣтъ, и въ тонѣ этихъ словъ почуялось поползновеніе къ слезамъ.

— Но все-таки живъ еще?

— Живъ, голубчикъ, живъ... Тебя ждетъ...

— Я для того и пріѣхалъ ранѣе срока, чтобы застать его въ живыхъ... Признаюсь, я просто не могъ работать, не зная навѣрное, что тутъ дѣлается.

— Охъ, что у насъ тамъ творится,—уму непостижимо...

Мать торопливо отерла слезы, сморкнулась и скороговоркою начала передавать сыну, что творится у дяди. Судя по пламенному тону рѣчей матери и по вниманію сына, дѣло было очень важное для обоихъ. Въ минуту этихъ довольно скорбныхъ описаній семейныхъ событій, на подъѣздѣ дебаркадера раздался оглушительный крикъ:

— Карету генерала Егунова!

Молодой человѣкъ быстро обернулся, и вдругъ его лицо приняло мягкое, улыбающееся выраженіе.

— Мое почтеніе, генералъ!—произнесъ онъ почтительно привѣтливымъ голосомъ и снялъ шляпу передъ обрюзгшей, рыхлой, одѣтой въ генеральское пальто особой съ подстриженными по-солдатски волосами, съ щетинистыми, тоже подстриженными усами и съ ввалившимися, словно изъ пропасти, грозно выглядывавшими изъ-подъ нависшихъ бровей глазами. Тучная особа шла мелкими шагами, тяжело опираясь на толстую сучковатую палку и постукивая ею на ходу, какъ костылемъ.

— Прощайте, молодой человѣкъ,—хриплымъ басомъ произнесъ генералъ Егуновъ и выставилъ два плоскіе пальца лѣвой руки, облеченные въ просторную замшевую перчатку.

Молодой человѣкъ торопливо пожалъ генеральскіе пальцы.

— А васъ, кажется, уже и встрѣчать пріѣхали, — замѣ-

Digitized by Google

тилъ генералъ, взглянувъ на женщину, стоявшую около нашего героя.

— Моя матушка,—отрекомендовалъ послѣдній, наклоняя голову съ почтительной улыбкой.

— У васъ прекрасный сынъ, примѣрный молодой человѣкъ. Берегите его, сударыня!—внушительно произнесъ генералъ Егуновъ.

— Ахъ, покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство!.. Мнѣ такъ лестно,—заговорила мать молодого человѣка, кланяясь не только головою, но и половиною туловища.

— Хорошо, хорошо!—кивнулъ головой генералъ и, постукивая костылемъ, пошелъ къ своей каретѣ.

Молодой человѣкъ проводилъ его до ея дверцы.

— Позвольте!—грубо проговорилъ лакей, не очень вѣжливо толкнувъ нашего путника, и передъ самымъ его носомъ, съ быстротой, свойственной расходившимся лакеямъ и половымъ, захлопнулъ дверцы генеральской кареты.

— Кто это, Леня? Изъ твоего начальства кто-нибудь?—спросила мать, когда сынъ воротился.

— Нѣтъ... за границей познакомились,—отвѣтилъ сынъ.—Чортъ знаетъ, что за грубыя животныя у насъ эти лакеишки!—бормоталъ онъ про себя.

Въ эту минуту кто-то быстро пробѣжалъ по площадкѣ подъѣзда и, звонкимъ юношескимъ голосомъ разсказывая носильщику, куда нести багажъ, неосторожно толкнулъ мать нашего героя.

— Извините! — промолвилъ суетливый незнакомецъ и, увидавъ молодого человѣка въ профессорскомъ пальто, крикнулъ ему на ходу:

— Прощайте, Обносковъ!

— Прощайте,—холодно и сухо произнесъ Обносковъ.

— Что это за сорванецъ! Летитъ на людей, сломя голову. Ты его знаешь, Леня?—спросила мать у Обноскова, провожая сердитыми глазами суетливаго господина, за которымъ едва успѣвалъ шагать носильщикъ.

— Знаю,—процѣдилъ сквозь зубы сынъ:—да и вы его знаете отчасти. Это Левчиновъ; помните, со мной въ гимназіи былъ. Я ему давалъ уроки латинскаго языка...

— Господи! какъ же не помнить! — воскликнула мать, считавшая всѣ доходы сына и знавшая не только всѣхъ его знакомыхъ, но даже ихъ исторіи и исторіи ихъ родственниковъ, какъ ближайшихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ.

— Теперь и лицо-то его вспомнила,—продолжала Обнос-

Digitized by Google

кова.—Щеки лопнуть хотятъ, отъ великихъ занятій, должно-быть!.. Слышишь, какъ гогочетъ! Съ жиру, вѣрно, постоять на мѣстѣ не можетъ... Вѣдь вотъ знаетъ меня, знаетъ, а хоть бы подошелъ, хоть бы поклонился.

— Вѣтеръ въ головѣ ходитъ, такъ ему ни до кого и нѣтъ дѣла,—замѣтилъ сынъ; онъ уже начиналъ, по обыкновенію, сердиться подъ вліяніемъ рѣчей матери.

— И съ тобой-то какъ холоденъ, точно не вмѣстѣ учились, точно не ты его на ноги поставилъ... Усмѣшка такая ехидная... А чего смѣется... Надъ бѣдностью?.. Вотъ вѣдь оттого и за знакомыхъ насъ не считаетъ...

— И слава Богу, что эти щелкоперы отъ нашего брата бѣгутъ, — уже совсѣмъ злобно проговорилъ сынъ. — Верхогляды, проповѣдники модныхъ истинъ, перевѣшалъ бы ихъ всѣхъ! Право, иной разъ только то и даетъ возможность трудиться, что знаешь, что всѣ эти подстрекатели добромъ не кончатъ, что мы твердо стоимъ въ своемъ положеніи и разобьемъ ихъ... Изъ своихъ рукъ, кажется, задушилъ бы ихъ.

Сильный припадокъ кашля заставилъ Обносковa замолчать. Толпа между тѣмъ, мало-по-малу, разсѣялась. Два-три пассажира и нѣсколько извозчиковъ еще оставались у станціи. Обносковъ, крѣпко поторговавшись съ извозчикомъ, прочитавъ ему сначала наставленіе и выбранивъ его потомъ очень сердитымъ тономъ, нанялъ дрожки и, ворча вполголоса, поѣхалъ на Выборгскую сторону, гдѣ его мать нанимала квартиру и отдавала комнаты студентамъ. Давно уже существовала Марья Ивановна Обноскова этимъ промысломъ, оставшись послѣ смерти мужа-чиновника безъ всякихъ средствъ съ малолѣтнимъ сыномъ. Разсчетливая, скупая, готовая кланяться всѣмъ, льстить, гдѣ нужно, прикрикивать, гдѣ возможно, она видѣла одно утѣшеніе въ своемъ сынѣ—въ примѣрномъ сынѣ. Онъ былъ покоренъ, скроменъ, доставалъ уже съ четвертаго класса гимназіи деньги уроками, не заводилъ друзей изъ боязни развратиться, получалъ похвальные листы и медали въ гимназіи и въ университетѣ, кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ и былъ, какъ мы уже сказали, отправленъ за границу благосклоннымъ начальствомъ. И мать, и сынъ жили другъ для друга и, такъ-сказать, пополняли другъ друга. Сынъ не обладалъ ни особенно блестящимъ умомъ, ни особенно сильною памятью и потому долженъ былъ весь отдаваться книгамъ, брать усидчивостью, и не имѣлъ времени для разныхъ буд-

Digitized by Google

пичныхъ практическихъ занятій и вопросовъ. Зато мать, не имѣя надобности предаваться какимъ-нибудь ученымъ изысканіямъ и отвлеченнымъ вопросамъ, занималась практическою дѣятельностью и за себя, и за сына. Она соображала, взвѣшивала вопросы о склонности своей кухарки къ воровству, о развратной жизни своихъ жильцовъ-студентовъ, о каверзахъ и тайныхъ интригахъ своихъ драгоцѣнныхъ родственниковъ и знакомыхъ и передавала сыну всѣ эти наблюденія уже въ видѣ художественно сложившихся, цѣльныхъ и довольно длинныхъ исторій. Непрактичность сына доходила до того, что онъ однажды, во время своей студенческой жизни, очень серьезно спросилъ у матери: «что за вещь *уполовникъ?*» Практичность матери достигала до такой геніальности, что госпожа Обноскова объявляла: «У-у! я ужъ по глазамъ вижу, кто что думаетъ, насквозь вижу человѣка!» и глубоко скорбѣла она, видя, что всѣ люди черны, если станешь ихъ разсматривать насквозь. Мать и сынъ, повидимому, считали, что все окружающее ихъ живетъ исключительно для нихъ, по крайней мѣрѣ, жильцы, нанимавшіе комнаты у Обносковыхъ, непремѣнно дѣлались рабами хозяйки, получали выговоры за позднее возвращеніе домой, за шумные разговоры въ своихъ комнатахъ и за свое поведеніе вообще. Это нисколько не мѣшало Марьѣ Ивановнѣ плакаться на свою участь, ругая неуживчивость своихъ жильцовъ и дерзкую требовательность домоваго хозяина, не позволявшаго лить изъ окна помои.

Пріѣхавъ домой, мать засуетилась надъ приготовленіемъ чая и закуски для сына, а онъ размоталъ съ шеи вязаный шарфъ, снялъ съ себя пальто, сюртукъ и жилетъ, потомъ снова надѣлъ пальто вмѣсто халата и, положивъ на столъ очки, прилегъ на диванъ. Видно было, что онъ сильно усталъ въ дорогѣ. Его лицо было блѣдно и утомлено, узенькіе глаза были красны и щурились болѣе обыкновеннаго. Надо признаться, что безъ очковъ его физіономія теряла всѣ слѣды внушительности и вообще казалась очень непривлекательною и жалкою.

— Уфъ! вотъ я и дома!—вздохнулъ онъ, закидывая подъ голову руки.

— А хорошо, Леня, за границей?—спросила мать, суясь отъ комода къ шкапу и отъ шкапа къ комоду.

— Работать хорошо, а жить худо,—произнесъ полусонный Обносковъ.

— Отчего же, Леня, тамъ жить худо?—повидимому, из-

Digitized by Google

умилась мать, шаря что-то въ комодѣ и озабоченно бормоча себѣ подъ носъ: «И куда это салфетка затерялась?»

— Покоя тамъ нѣтъ, всѣ волнуются,—лѣниво говорилъ сынъ. — Въ каждое дѣло свой носъ суютъ. Каждая пѣшка въ политику лѣзетъ. Въ каждомъ третьеклассномъ вагонѣ только и слышишь разсужденія о Бисмаркѣ, о выборахъ. Одни Францію ругаютъ, другіе Россію клянутъ.

«Вотъ вѣдь, вѣрно, Наташка сюда ее сунула! Негодница, право, негодница!» — вполголоса разсуждала сама съ собой Обноскова и вдругъ обратилась къ сыну:

— Я тебя слушаю, слушаю, батюшка... Такъ это Россію они тоже ругаютъ... Гм... Что же это она имъ-то помѣшала?.. Кажется, мы ихъ не трогаемъ, войны не затѣваемъ... Ужъ это не турка ли все пакоститъ?..

— Наше могущество и наша стойкость имъ поперекъ въ горлѣ стали,—отвѣтилъ сынъ, зѣвая.

— Охъ, вѣдь какой же народъ эти нѣмцы!—покачала головой, тяжело вздохнувъ, госпожа Обноскова. — А вареньица къ чаю тебѣ принести?—перешла она къ другому предмету разговора.

— Нѣтъ, такъ выпью, — отвѣтилъ, потягиваясь, сынъ и началъ пить чай.

Нисколько не интересный для собесѣдниковъ разговоръ, который они считали своимъ долгомъ поддерживать нѣкоторое время, кончился. Мать облокотилась на столъ, опустила голову на ладони и любовалась сыномъ, глядя на его утомленное лицо. Въ небольшой, убранной старомодной мебелью комнатѣ царила тишина, и только неугомонный раскипѣвшійся самоваръ пѣлъ свою однообразную, скучную пѣсню, навѣвая какую-то безпредметную и все-таки безъисходную тоску. Все жилище Обносковыхъ, его обстановка и его обитатели приводили въ невольное уныніе свѣжаго человѣка. Потемнѣвшіе отъ времени обои, казалось, силились отодраться отъ стѣнъ, безплодно напоминая людямъ, что они давно отслужили свой вѣкъ, но люди, смотря на эти назойливо заглядывавшіе сверху внизъ клочья отодравшейся бумаги, говорили: «Не красна изба углами, а красна пирогами», и хмурились только тогда, когда слышали новый трескъ лопающейся на стѣнахъ бумаги; суевѣрно считая— и, можетъ-быть, не безъ причины — эти звуки за дурное предзнаменованіе, точно обои дѣйствительно стали угрожающими врагами своихъ владѣльцевъ. Не менѣе мрачно выглядѣла потерявшая свой лоскъ, пузатая, толстая, тяже-

Digitized by Google

лая мебель; каждый тяжелый стулъ продавилъ въ половицахъ ямки и словно вросъ въ нихъ, словно пробовалъ сопротивляться человѣку, задумавшему переставить его на новое мѣсто. Бронза, служившая въ былыя времена украшеніемъ комодовъ и предметомъ гордости хозяевъ, теперь стала совсѣмъ черною и напоминала оковы каторжниковъ и тюремныя скобы. Можетъ-быть, за этими оковами и скобами таились сокровища, но какой-то невѣдомый тюремщикъ сдѣлалъ ихъ невидимыми и похоронилъ навсегда отъ дневного свѣта. Не привлекательнѣе этой обстановки выглядѣли и сами хозяева. Обноскова была печальна, но эта печаль была не изъ тѣхъ, которыя вызываютъ слезы состраданія. Нѣтъ, въ лицѣ этой коренастой, здоровой женщины, даже въ минуты печали, проглядывало какое-то выраженіе тупой злостности и сварливости. Она походила не на мать, опечаленную хилостью сына, а на жирнаго тюремщика, боящагося, что скоро ускользнетъ изъ его тюрьмы послѣдній жилецъ. Но, Боже мой, куда уйти этому исхудалому, освоившемуся съ своимъ убогимъ казематомъ бѣдняку? Да и зачѣмъ? Жизнь не начнется съ начала.

Вдругъ среди этой тишины за стѣной послышался стукъ отворившейся двери и полились полные, чистые и пріятные звуки молодого голоса, напѣвавшаго какую-то арію изъ оперы.

— Вотъ, слышишь, такъ-то всегда. Ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ,—глухо заговорила Обноскова.—Голь вѣдь, голь перекатная, а поютъ, все поютъ. Иногда такъ бы, кажется, и вышвырнула ихъ изъ своей квартиры. На морозѣ бы живыхъ заморозила!..

— Студенты, вѣрно?—спросилъ сынъ, какъ бы пробужденный отъ тяжелаго сна, навѣяннаго роднымъ жильемъ.

— Студенты!—съ презрѣніемъ отвѣтила мать.—Другихъ жильцовъ здѣсь не достанешь, а съ этими хоть въ петлю, такъ въ ту же пору... Господи, прости ты мое согрѣшеніе!—перекрестилась Марья Ивановна.—Бѣжала бы, кажется, за тысячу верстъ отъ нихъ, если бы не нужда. Она, проклятая, она одна заставляетъ все терпѣть,—жаловалась мать.

Пѣнье въ сосѣдней комнатѣ, между тѣмъ, дѣлалось все тише и тише; было ясно слышно, какъ молодой пѣвецъ сталъ раздѣваться, отворялъ шкапъ и комодъ, переворачивалъ листы бумаги и, наконецъ, замолкъ совсѣмъ, вѣроятно, принявшись за дѣло или поддавшись наплыву разныхъ заботъ и мыслей.

Digitized by Google

— Вотъ о коммунахъ еще толкуютъ, а попробуй съ ними пожить дѣловой человѣкъ, такъ они ему своими пѣснями да шумомъ покою не дадутъ, всякую умственную дѣятельность смутятъ, — сердился сынъ, разгоряченный жалобами матери.—Что, я думаю, попрежнему и кутежи, и попойки, и споры съ криками у васъ тутъ идутъ?—спросилъ онъ, указывая на сосѣднюю комнату.

— Ужъ самъ знаешь, иногда всего бываетъ,—вздохнула мать.—Иной разъ изъ театра чуть не въ часъ ночи придутъ, первый сонъ перервутъ, ну, а потомъ и не уснешь. Такое наше дѣло, что все переносить приходится, и роптать не смѣй.

— Въ театръ ходятъ! — засмѣялся съ злобой сынъ.— А вѣдь искусство—зло? Вѣдь театры по боку нужно? Или теперь отрицать перестали, да какъ имъ за это ихъ стриженыя ушей не выдерутъ?

— Къ нимъ барышни не ходятъ, — наивно замѣтила мать: — я съ тѣмъ ихъ и впускала, чтобъ барышни не ходили.

Чай былъ допитъ. Ни одного отраднаго слова, ни одной задушевной мысли не было высказано собесѣдниками. Кругомъ этихъ двухъ союзниковъ на жизнь и на смерть вѣяло какимъ-то холодомъ; холодомъ вѣяло и отъ нихъ самихъ... Наконецъ сынъ простился съ матерью и отправился въ другую комнату, приготовленную для него. Онъ вынулъ изъ чемодана потертую книжку и осмотрѣлъ комнату, отыскивая что-то глазами. Повидимому, въ комнатѣ не нашлось отыскиваемаго предмета. Обносковъ задумался, взялъ стулъ, поставилъ его къ изголовью постели, попробовалъ поставить на него свѣчу, положилъ карандашъ, бумагу, и легъ. Но ему было неловко. Свѣча была слишкомъ близко у глазъ, за карандашомъ было неудобно протягивать руку. Стулъ не могъ замѣнить ночного столика. Сверхъ того, это было нововведеніе. Обносковъ не могъ этого потерпѣть. Онъ всталъ и позвалъ мать.

— Нѣтъ ли у васъ, маменька, маленькаго столика?— спросилъ онъ.

— Какого, батюшка? Тамъ у тебя два стоятъ?

— Нѣтъ, то большіе. Мнѣ нуженъ небольшой, къ постели... Я, знаете, привыкъ свѣчу и все такое ставить, чтобы подъ рукою было...

Столъ достали и поставили. Самъ Обносковъ приловчился его къ изголовью, поставилъ на него свѣчу, положилъ на

Digitized by Google

него книгу, карандашъ, бумагу и, кажется, былъ вполнѣ доволенъ, не нарушивъ даже и въ этотъ день одной изъ своихъ официальныхъ привычекъ, уже превратившихся въ рядъ неизбѣжныхъ обрядовъ. Теперь можно было почитать и потомъ погасить свѣчу...

II.

Впотьмахъ.

Чтеніе, однако, не шло впередъ. Отъ крѣпкаго ли чаю, отъ жалобъ ли матери, отъ пріѣзда ли въ родное гнѣздо, или вообще отъ какого-нибудь подобнаго, совершенно ничтожнаго обстоятельства у Обноскова тревожно билось сердце, и сотни какихъ-то смутныхъ мыслей о мелочахъ жизни имѣли смѣлость возмущать спокойствіе его серьезнаго ума. Его глаза перескакивали со строчки на строчку, почти не разбирая смысла напечатанныхъ словъ. Наконецъ, нашъ герой утомился отъ этихъ безплодныхъ усилій и рѣшился заснуть. Онъ отложилъ книгу, затушилъ свѣчу, повернулся на бокъ, подложилъ руку подъ щеку и съёжился. Сонъ, однако, не шелъ. Лежа въ этомъ положеніи и глядя сощуренными глазами на комнату съ закрытыми ставнями, едва озаренную лампадой, Обносковъ вспоминалъ былые годы, вспоминалъ ихъ наперекоръ своему желанію.

Онъ начиналъ помнить событія своей жизни съ того сѣраго, мутнаго зимняго дня, когда его мать была избита и выгнана въ одномъ платьѣ изъ дому своимъ пьянымъ мужемъ-чиновникомъ. Маленькій Леня долго сидѣлъ въ кухнѣ, забившись куда-то въ уголъ, заткнувъ уши и вздрагивая всѣмъ тѣломъ. День, между тѣмъ, проходилъ среди паническаго страха обитателей небольшого жилища господъ Обносковыхъ. Хозяйка не смѣла вернуться домой, кухарка не смѣла подавать обѣдъ, ребенокъ не смѣлъ говорить. Казалось, гдѣ-то за дверями стоялъ какой-то ужасный невидимый призракъ, готовый убить перваго, кто посмѣетъ проронить хоть одинъ звукъ или сойти съ мѣста. Наконецъ, вслѣдствіе совѣта, настоянія и даже угрозъ кухарки, Леня долженъ былъ идти къ своему «папашѣ» просить прощенья за мать. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, крадучись подобно вору, совершенно неслышно отворилъ ребенокъ дверь отцовскаго кабинета и остановился въ тупомъ ужасѣ:—передъ нимъ на полу съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, съ отброшеннымъ въ сторону галстукомъ и разбитымъ штофомъ, лежалъ во весь ростъ отецъ съ совершенно синимъ, обезоб-

Digitized by Google

раженнымъ смертью отъ пьянства лицомъ. Ребенокъ не могъ ни крикнуть, ни убѣжать и, широко открывъ глаза, съ выраженіемъ боязни, похолодѣвъ, плотно прижался къ стѣнѣ. Кругомъ не раздавалось ни звука, ни въ комнатѣ, ни на улицѣ; казалось, во всемъ мірѣ остались только эти два представителя самовольно загубившаго себя существованія и по чужой волѣ задушаемой въ зародышѣ жизни. Зимній день, между тѣмъ, гасъ, и вечернія тѣни набѣгали на предметы, угрожая скоро задернуть навсегда могильной тьмой и этотъ быстро разлагавшійся трупъ, и этого неподвижнаго, окаменѣвшаго, близкаго къ обмороку или сумасшествію ребенка. Минуты казались мальчику вѣчностью, и все-таки онъ не могъ сойти съ мѣста. Уже на улицѣ, покрытой снѣгомъ, было свѣтлѣе, чѣмъ въ комнатѣ, когда вдругъ ребенку послышалось, что кто-то возится и шебаршитъ за окномъ; онъ быстро обернулся: сквозь тощіе цвѣты за стеклами, смутно виднѣлась на улицѣ какая-то широкая косматая фигура, готовившаяся закрыть ставни. Леня, безъ крику, безъ вздоха, упалъ на полъ... Долгое время онъ бредилъ о томъ, какъ запирали надъ нимъ крышку гроба... Говорятъ, съ этой поры Леня изъ живого, здороваго мальчика сталъ больнымъ и слабымъ существомъ. Разбитое однажды здоровье не могло возвратиться въ гниломъ воздухѣ мачихи-столицы, въ одномъ изъ тѣхъ душныхъ и сырыхъ жилищъ, въ какихъ гнѣздится мелкое чиновничество, вдали отъ природы, отъ смолистаго воздуха лѣсовъ, отъ простора безбрежныхъ, облитыхъ солнцемъ нивъ.

Во всемъ своемъ ужасѣ вспомнилась теперь Обноскову картина смерти отца, и онъ невольно открылъ глаза и со страхомъ сталъ всматриваться въ полутьму, царившую въ его комнатѣ; по его тѣлу пробѣжала дрожь, передъ глазами носился призракъ почернѣвшаго покойника съ открытыми глазами.

— Простудился, кажется, я немного въ дорогѣ,—проговорилъ Обносковъ почти вслухъ, чтобы звуками своего голоса прервать роковое направленіе своихъ мыслей и разсѣять страхъ.

Черезъ минуту онъ натянулъ на голову простыню и закутался плотнѣе въ одѣяло.

Но сонъ, все-таки, не шелъ къ нему.

Мало-по-малу стали оживать передъ нимъ воспоминанія о дѣтствѣ, гимназіи и кружкѣ веселыхъ, здоровенькихъ дѣтей. Въ ушахъ назойливо началъ звенѣть чей-то бойкій,

Digitized by Google

рѣзкій, заразительный смѣхъ. Не любилъ Обносковъ этого смѣха. Первый разъ услышалъ онъ эти звуки искренней веселости въ тотъ день, когда его робкая, болѣзненная фигура появилась въ кружкѣ товарищей и когда рука какого-то буйнаго сорванца взъерошила его гладко прилизанные, жидкіе и прямые волосы. «Драться или покоряться?»—вотъ вопросъ, представившійся въ этотъ памятный день ребенку. Но какъ воевать, не имѣя ни силъ, ни здоровья, ни безумной отваги, разбивающей голову, но все-таки идущей на бой съ неравными силами сплотившихся враговъ? А покоряться развѣ легче? Развѣ и тутъ не нужно громадной силы воли? Особенно, если болѣзненная натура стала до мелочности воспріимчива къ обидамъ, если въ маленькомъ, хрупкомъ существѣ развилось нуждою до крайнихъ предѣловъ стремленіе къ самосохраненію, если крошечное сердчишко давно стало испытывать мученія зависти при видѣ веселаго лица, здороваго организма, безшабашнаго удальства и неудержимо несущагося ко всѣмъ міровымъ радостямъ, взлелѣяннаго въ роскоши существа? Нѣтъ, тутъ о покорности не можетъ быть и рѣчи, тутъ нужно отдѣлиться отъ всѣхъ, пролагать свой собственный путь, пролагать тайно, и идти особнякомъ, тихонько, и ждать, когда умаются тѣ быстро бѣгущіе люди, тѣ клокочущія силы, смѣшаться съ которыми—значитъ переживать въ мѣсяцъ годъ, подставлять себя подъ удары случайностей, можетъ-быть, выиграть что-нибудь или, что еще вѣрнѣе, погибнуть въ вихрѣ неосуществимыхъ стремленій. Нѣтъ! нѣтъ! Что хорошаго въ этой безшабашной бурѣ ощущеній? Лучше ждать, когда угомонятся эти волны, когда онѣ падутъ, и гордо поднимется надъ ними неподвижная скала, которую онѣ закрыли въ своей бѣшеной пляскѣ, въ которую онѣ плевали своей бѣшеной пѣной, швыряли поднятой со дна грязью. Онѣ считали ее униженной, подавленной, близкой къ разрушенію,—дѣти! дѣти!—падали только онѣ, а скала въ своей бездушной твердости даже не дрогнула подъ визгомъ ихъ бѣшеной бури... Не сознавалъ вполнѣ всего этого въ тѣ годы Обносковъ, но уже *такъ* дѣйствовалъ онъ и тогда. Вотъ въ классѣ устраивается продѣлка съ нѣмцемъ-учителемъ. Обносковъ ходитъ въ коридорѣ, чтобы не быть въ числѣ союзниковъ-шалуновъ. Нѣмецъ вмѣстѣ съ нимъ входитъ въ классъ и даже сердито спрашиваетъ у него:

— Зачѣмъ вы въ коридорѣ все ходите, а не сидите въ классѣ?

Digitized by Google

— Шумно тамъ, я учиться не могу, потому и хожу всегда въ коридоръ въ промежуткахъ между уроками,—отвѣчаетъ какимъ-то извиняющимся и обезоруживающимъ тономъ Обносковъ.

Въ классѣ нѣмецъ замѣчаетъ продѣлку: у него подломанъ стулъ, на каѳедрѣ положена грязь, журналъ подсунутъ не тотъ, который нуженъ, на потолкѣ болтаются бумажные чортики, прилѣпленные жеваной бумагой... Нѣмецъ зоветъ гувернеровъ, инспектора, директора. Идетъ допросъ, всѣхъ спрашиваютъ поочередно, доходитъ очередь до Обноскова.

— Его не было въ классѣ, онъ вошелъ со мною. Ему самому мѣшаютъ заниматься эти сорванцы,—говоритъ нѣмецъ, и Обноскова оставляютъ въ покоѣ.

Виновный, между тѣмъ, не находится, товарищество крѣпко стоитъ за своихъ членовъ, приходится наказать весь классъ.

— Обноскова, я думаю, можно исключить, онъ не могъ знать, что тутъ дѣлалось,—заступается снова нѣмецъ за ученика.

Директоръ соглашается. Власти, окончивъ судъ, удаляются. Обносковъ щуритъ свои калмыцкіе глаза и насмѣшливо обводитъ ими кучку тѣхъ слабодушныхъ товарищей, которые уже начинаютъ каяться въ своемъ проступкѣ и негодовать на зачинщиковъ-подстрекателей.

— Это хорошо, что вы дали себя знать нѣмцу,—смѣется онъ.—Такъ ихъ и надо учить. Умнѣе будутъ. Струсили, я думаю, они!

Безконечнымъ, подавляющимъ ехидствомъ и ироніей дышатъ его простодушнымъ тономъ высказанныя слова, а глаза свѣтятся жидкимъ блескомъ злорадства. Кающіеся товарищи ничего не отвѣчаютъ на эти рѣчи, но при слѣдующей продѣлкѣ они не соглашаются быть сообщниками зачинщиковъ, выдаютъ ихъ при разспросахъ директора. Зачинщики ругаютъ ихъ, бьютъ,—но не бьютъ Обноскова, потому что Обносковъ ихъ не выдавалъ, онъ не могъ выдавать ихъ, такъ какъ онъ въ свободное отъ уроковъ время постоянно находился внѣ класса. Они говорятъ, что Обносковъ «долбило», что Обносковъ «профессоръ», что Обноскову нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ науки. Никто не знаетъ, что во всѣхъ практическихъ столкновеніяхъ съ жизнью онъ поступаетъ не по своей волѣ, а по наставленіямъ матери, имѣющей мудрые отвѣты и совѣты при всѣхъ житейскихъ затрудненіяхъ.

Digitized Google

«Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ,—вбиваетъ она въ голову сына обносковскія правила:—а ты стой въ сторонкѣ, въ сторонкѣ... Плетью, батюшка, обуха не перешибешь, а ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ... И что тебѣ товарищи? Ума они тебѣ не прибавятъ, денегъ не дадутъ, только лишнее время своимъ знакомствомъ отнимутъ, да сапоги истаскаешь, ходя къ нимъ въ гости, или на чай разоришься, принимая ихъ у себя... Ну, а ласковъ съ ними будь, это нужно: бросишь хлѣбъ позади, и онъ очутится впереди. Будущее одинъ Господь, нашъ Творецъ небесный, знаетъ, не угадаешь, кто понадобится въ жизни... Такъ отцы наши жили и намъ такъ жить завѣщали...»

Товарищи не знали, что во имя этой обносковской мудрости совершаются всѣ поступки Лени, и думали, что онъ просто страстно любитъ науку и потому удаляется отъ ихъ проказъ. Отъ этого взгляда не далеко до уваженія. Хилый Обносковъ тоже началъ дѣлаться какой-то силой.

Дѣти робкія, безхарактерныя, вѣчно поддающіяся чужому вліянію, стали переходить на сторону Обноскова. Онъ имъ объясняетъ математическія задачи, онъ помогаетъ имъ переводить Саллюстія, онъ вступается за нихъ передъ учителями, бесѣдуя съ послѣдними въ коридорѣ. Да, онъ бесѣдуетъ теперь съ учителями, онъ—одинъ изъ всѣхъ гимназистовъ. Сперва онъ спросилъ у одного изъ нихъ совѣта, какую бы латинскую книгу ему начать дома для практики. Потомъ этотъ учитель спросилъ его:

— Ну, что ваше чтеніе? Подвигается впередъ?

— Да, я кончаю книгу,—отвѣтилъ Обносковъ:—мнѣ скоро опять придется просить вашего совѣта насчетъ выбора новой книги.

— Хорошо, вотъ погодите, я вамъ подарю двѣ книги изъ французскаго изданія классиковъ.

— Что ему нужно?—сурово спрашиваетъ директоръ, усмотрѣвъ ревнивыми глазами, что одинъ изъ гимназистовъ «пристаетъ» къ учителю.

Учитель объясняетъ.

— А-а!—многозначительно произноситъ директоръ.—Занимайся, занимайся, это хорошо.

Обносковъ съ поклономъ, скромно отходитъ отъ директора, а тотъ говоритъ съ учителемъ, что у нихъ растетъ замѣчательный человѣкъ, что *теперь* это особенно важно, такъ какъ надо истребить этотъ... этотъ... духъ.

На этотъ разговоръ подходятъ другіе учителя, и вдругъ

Digitized by Google

Обносковъ дѣлается предметомъ удивленія, толковъ и надеждъ.

— Не люблю я его,—замѣчаетъ учитель русской словесности:—въ немъ есть какое-то трусливое стремленіе выдать товарищей...

— Что вы! что вы!—ужасается нѣмецъ.—Напротивъ того, онъ еще вчера объяснялъ мнѣ въ коридорѣ, что многіе изъ его товарищей плохо учатся не отъ лѣни, а потому, что имъ дома не у кого спросить совѣта. Мы даже съ нимъ поспорили... Это очень свѣтлая голова...

— Однако, онъ изъ всѣхъ исторій выходитъ чистъ, никогда не попадается,—возражаетъ учитель русской словесности.

— Не попадается, потому что дѣломъ занятъ,—строго внушаетъ директоръ:—но это не значитъ, что онъ выдаетъ товарищей. Никто и никогда не слыхалъ отъ него сплетенъ на одноклассниковъ... Надо быть осторожнѣе въ выраженіяхъ, особенно если дѣло идетъ о такой недюжинной личности.

Слышите, недюжинной!!

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ директоръ дружески останавливаетъ Обноскова за плечо.

— Постойте,—говоритъ онъ.—Хотите давать лѣтомъ уроки сыну графа Родянки?

Лицо Обноскова вдругъ вспыхиваетъ багровымъ румянцемъ.

— Съ удовольствіемъ... я такъ вамъ благодаренъ...—волнуется онъ, ненавидящій всѣми силами души надутыхъ сыновей графа Родянки.

— Такъ я васъ отрекомендую. Заходите ко мнѣ вечеромъ.

Вечеромъ Обносковъ приходитъ къ директору, взволнованный, робкій. Но его принимаютъ отлично. Графъ Родянка сидитъ тутъ же, изрекаетъ какое-то поощреніе Обноскову, называетъ его шутливо и фамильярно «господиномъ профессоромъ». Обносковъ чувствуетъ, что графъ Родянка трунитъ надъ нимъ, какъ надъ ничтожнымъ, жалкимъ бѣднякомъ; его лицо покрывается багровыми пятнами, онъ вѣжливо говоритъ, скромно улыбается судорожно дрожащими губами.

— Э, графъ, этотъ человѣкъ пробьетъ себѣ дорогу безъ посторонней помощи. Это самобытная русская сила,—говоритъ нѣмецъ-директоръ, дружески положивъ руку на плечо Обноскова.

Директоръ торгуется за Обноскова. Оставляетъ его пить чай, шутитъ съ нимъ.

Digitized by Google

— А я вашъ должникъ,—смѣется директоръ еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ:—вы занимаетесь даромъ съ моимъ племянникомъ.

— Ну, помилуйте, что тутъ за счеты! Вы и безъ того много для меня дѣлаете,—улыбается семнадцатилѣтній Обносковъ, и въ его манерахъ видна уже развязность и что-то въ родѣ едва замѣтнаго пренебреженія къ людямъ, стоящимъ почему-нибудь ниже его или обязаннымъ ему.

Еще проходятъ дни, и онъ дѣлается домашнимъ человѣкомъ у директора. Обносковъ ѣздитъ съ директоромъ въ театры. Обносковъ знаетъ, какого мнѣнія директоръ о тѣхъ или другихъ ученикахъ и учителяхъ. Обносковъ уже носитъ очки, и только его одного не преслѣдуютъ за это, только ему не говорятъ съ презрительною усмѣшкою: «что вы модничаете-то?» Его полусерьезно, полушутливо уже называютъ «нашимъ будущимъ учителемъ...»

А въ классѣ теперь—его ненавидятъ. За что? Онъ, кажется, такой уживчивый съ товарищами. Они ругаютъ Пушкина, онъ, ухмыляясь, говоритъ:

— Да ужъ извѣстно, что такое Пушкинъ!

Они ему хвалятъ Пушкина; онъ, также ухмыляясь, говоритъ:

— Ну, такъ вѣдь это Пушкинъ!

Въ гимназіи вводятся тѣ или другія мѣры, онъ молча исполняетъ ихъ, не разсуждая, худы ли, хороши ли онѣ. Въ ней отмѣняются старые порядки, онъ очень спокойно отрекается отъ нихъ, точно эти порядки, составлявшіе еще вчера для него святыню, были сущею нелѣпостью и безобразіемъ. Гимназисты собираются потолковать о чемъ-нибудь, онъ хихикаетъ и молча щуритъ свои калмыцкіе глаза.

— Читалъ ты, какъ раскатали учебникъ нашего учителя исторіи?—спрашиваютъ его товарищи.

— Да,—ухмыляется онъ:—совсѣмъ уничтожили!

Но гимназисты пробуютъ отвѣчать по-своему или дѣлать возраженія учителю исторіи подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитанной критики, а Обносковъ зубритъ его учебникъ отъ доски до доски.

— Да вѣдь это ерунда,—говорятъ ему.

— Хи-хи-хи, извѣстно, что ерунда!—хихикаетъ Обносковъ.

— Тебя хоть магіи заставь учиться, такъ ты будешь и ее зубрить,—замѣчаютъ ему.

По лицу Обноскова видно, что онъ не отрицаетъ и этого положенія... Но вотъ кто-то грубо и рѣзко говоритъ Обноскову:

Digitized by Google

— А вѣдь ты просто подлецъ...

Обносковъ вспыхиваетъ на мигъ и вдругъ потухаетъ: улыбаясь, пожимаетъ плечами и отходитъ.

Живо, до безобразія живо вспоминалось все это теперь нашему герою и пробуждало въ немъ злобу.

— Что вы мнѣ?—шепталъ онъ.—Что вы вообще значите? Не думаете ли вы, что я стану съ вами мальчишествовать? Пѣшки!

Онъ сердито перевернулся на другой бокъ.

— Господа, въ одиннадцатую аудиторію соберитесь въ двѣнадцать часовъ!—послышался ему крикъ, и онъ невольно вздрогнулъ.

И вотъ онъ видитъ массу студентовъ, снующихъ по коридорамъ университета, слышитъ умные и глупые, но всегда искренніе споры, разсужденія о составленіи кассы, о помощи голяку, притащившемуся пѣшкомъ изъ Саратова для ученья, о концертѣ въ пользу неимущихъ; видитъ стриженыхъ дѣвушекъ съ тетрадями подъ мышками; ловитъ ихъ свободные, простые разговоры съ молодыми мужчинами и сознаетъ, что никто не замѣчаетъ его, ставшаго въ сторонѣ отъ этой толпы. Ей нѣтъ дѣла, что онъ отдалился отъ нея; ей нѣтъ дѣла даже до его существованія. Она кипитъ юной жизнью, хохочетъ, волнуется, увлекается, а онъ ждетъ, ждетъ, когда исполнится пророчество его матери, что «бойкіе кони устаютъ скоро». Но время идетъ, а эти кони не устаютъ. Все прибываетъ и прибываетъ ихъ число; вотъ и офицерскіе эполеты блестятъ въ ихъ средѣ; вотъ носится слухъ и о старомъ профессорѣ, группирующемъ ихъ около себя; вотъ какая-то личность со звѣздой на груди поощряетъ ихъ... Обносковъ начинаетъ сомнѣваться въ томъ, что эти кони устанутъ; его стойкость отчасти колеблется, обносковскому уму становится страшнымъ его одиночество; онъ рѣшается на бросанье хлѣба назадъ, думая, что и это можетъ пригодиться впереди; пробуетъ сойтись съ этой толпой, сходится съ ней, и вдругъ ему слышится, что надъ нимъ безжалостно смѣются, что кто-то угадалъ и его тайный образъ мыслей, и узналъ какія-то тайны его семейной жизни, и трунитъ надъ нимъ:

— Э, да твоя мать не только жильцовъ эксплоатируетъ, а и на проценты деньги даетъ, не хуже любого ростовщика. Этимъ она тебѣ кругленькій капиталецъ сколотитъ изъ денегъ бѣдняковъ, недаромъ ты и соціалистовъ, и Прудона ругаешь,—слышатся ему слова.

Digitized by Google

— Подлецы! шарлатаны! — пробормоталъ Обносковъ и перевернулся снова.

— Безсемейные, безродные проходимцы они, потому они и не понимаютъ, что значатъ чувства матери! Для кого, какъ не для любимаго сына, она сколачивала гроши? Во имя чего, какъ не во имя святой материнской любви, рѣшалась на все? Ужъ не долженъ ли я былъ, ради ихъ идеекъ, отречься отъ этой женщины, какъ отъ преступной ростовщицы?.. Да и почему же это преступно извлекать возможную пользу изъ своего капитала? Или въ самомъ дѣлѣ давать безъ процентовъ по ихъ теоріямъ и благодѣтельствовать жильцамъ?.. Такъ тогда и работать нужно бы безъ возмездія. Капиталъ и трудъ—двѣ совершенно равныя силы. У нихъ есть и свои равныя права... Чѣмъ больше сила приноситъ пользы, тѣмъ лучше... Да, дурачье, не понимаютъ они, хотя и прилагаютъ это на практикѣ, что только и существуетъ одно право силы, какая бы она ни была, денежная, физическая или умственная...

Думы начинали блѣднѣть; еще какіе-то смутные образы носились передъ глазами Обноскова, еще изрѣдка волновалось его сердце, но волненія были все слабѣе и слабѣе, на лицѣ все чаще скользила самодовольная улыбка.

«Въ насъ теперь сила», думалъ онъ уже совершенно смутно, и эта мысль стала безсвязно и безцѣльно повторяться въ его головѣ; наконецъ онъ уснулъ.

III.

Умирающій Обносковъ въ своей семьѣ.

Послѣ тревожно проведенной ночи, Обносковъ проснулся довольно поздно. Онъ чувствовалъ себя не очень хорошо, голова была тяжела, и въ тѣлѣ замѣчался небольшой ознобъ. Однако, болѣзненное состояніе не помѣшало ему выйти изъ дома. Сначала онъ хотѣлъ ѣхать представляться начальству, но потомъ раздумалъ и рѣшился отправиться съ матерью съ визитомъ къ своимъ роднымъ.

При входѣ въ большую и богатую квартиру, гдѣ жилъ дядя Обноскова, уже пахло лѣкарствами и чувствовалось, что кто-то въ домѣ нездоровъ. Прислуга ходила на цыпочкахъ, въ комнатахъ былъ нѣкоторый безпорядокъ. Въ гостиной Обноскова и его мать встрѣтили двѣ родственницы, сестры хозяина. Это были женщины не первой молодости, худощавыя, бѣлокурыя, съ тонкими губами, съ моргающими глазками и множествомъ веснушекъ. Сразу можно было ска-

Digitized by Google

зать, что это двѣ сестры, и никакъ нельзя было опредѣлить, которая изъ нихъ старшая. Онѣ сами и ихъ физіономіи обладали крайнею подвижностью, точно и сами эти женщины и ихъ взгляды и чувства хотѣли куда-то ускользнуть отъ наблюдателя. Заслышавъ въ ихъ голосѣ строптивый гнѣвъ, наблюдатель могъ обратить глаза на лица этихъ женщинъ, но передъ нимъ тотчасъ же начинали въ смущеніи моргать и потомъ смиренно потуплялись ихъ глаза и сжимались губы въ мягкую, заискивающую улыбку. Иногда же слышались ихъ вкрадчивыя рѣчи, но, неожиданно взглянувъ на ихъ лица, вы вдругъ ловили какой-то зловѣщій блескъ въ глазахъ двухъ дѣвственницъ, блескъ, потухавшій тотчасъ же, какъ только вы обращали на него вниманіе. Эти женщины съ самой колыбели жили со своимъ братомъ, заботились только о немъ, о своей невѣсткѣ Маріѣ Ивановнѣ, о ея сынѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Обносковѣ и вообще были такъ погружены въ семейныя заботы, были такъ исполнены чувствами семейной любви, что не обращали вниманія ни на что, стоящее внѣ ихъ семейнаго союза, если только посторонніе предметы и люди не вредили или не приносили непосредственной пользы этому союзу.

При появленіи племянника, онѣ привѣтствовали его горячими поцѣлуями и радостнымъ шопотомъ и, обмѣнявшись первыми привѣтствіями, тотчасъ же слезливо прошептали:

— А братецъ-то совсѣмъ плохъ! не проживетъ долго, ангелъ нашъ... Слава Богу, что ты пріѣхалъ...

— Ахъ, что у насъ дѣлается, такъ и сказать стыдно!— воскликнула старшая сестра, Ольга Александровна Обноскова.—Втерлись въ домъ чужіе люди...

Тетки и мать расплакались.

— Не плачьте, тетушка,—утѣшалъ Обносковъ.—Все пойдетъ хорошо.

— Знаю, знаю, умный ты нашъ. Тебя только и ждали, какъ красное солнышко. Мы женщины, что мы можемъ сдѣлать, беззащитныя...

Всѣ помолчали...

— А что, дядя духовную написалъ?—спросилъ Обносковъ.

— Нѣтъ, ангелъ мой. Начиналъ онъ издалека, знаешь, говоритъ, что распорядиться нужно, да мы его утѣшаемъ, что болѣзнь не опасна... Ужъ мы съ сестрицей и твоей маменькой его ни на минуту не оставляемъ, а то... Охъ, шепчутъ ему въ уши, шепчутъ, разлучники, недобрыя рѣчи... Грѣховодники! Цѣлый вѣкъ мы съ братцемъ душа въ душу

Digitized by Google

жили, все о насъ, голубчикъ, заботился, не разлучался никогда, а теперь вотъ до чего дожили... Чужіе люди хотятъ за нимъ ходить, хотятъ насъ отъ его смертнаго одра отдалить...

Тетки снова расплакались. Мать Обноскова тоже стала всхлипывать.

— Не плачьте, слезами дѣлу не помочь,—говорилъ Обносковъ, и его, пробывшаго два года вдали отъ родного гнѣзда, отчасти удивило, что тетки, всегда гордившіяся своею образованностію и говорившія о ней всѣмъ имѣющимъ уши, разсуждали теперь какимъ-то языкомъ кухарокъ. Повидимому, это былъ ихъ природный языкъ, а тотъ, книжный, жеманный, которымъ онѣ говорили въ другое время, казалось, былъ чѣмъ-то такимъ же напускнымъ, какъ ихъ кроткія улыбки и стыдливо потупленные взоры.

— Охъ, солнышко наше. Дай ты намъ выплакать свое горе... Родной нашъ, защити насъ, на тебя только и надежда,— снова заговорили тетки, и младшая, Вѣра Александровна, склонная къ сентиментальности и влюблявшаяся во всѣхъ, начиная съ церковнаго пѣвчаго-тенора, даже припала къ плечу племянника.

Этотъ ли смутный шопотъ достигъ до ушей больного или просто больной почувствовалъ, что его сестры недаромъ остаются цѣлый часъ въ другой комнатѣ, но ему захотѣлось узнать причину ихъ необычайнаго отсутствія. Дверь въ ту комнату, гдѣ собрались нѣжные родственники, отворилась, и на порогѣ появился юноша. Обносковъ съ невольнымъ любопытствомъ обернулся къ нему и, нахмуривъ брови и сощуривъ свои, и безъ того узкіе, калмыцкіе глаза, сталъ пристально и безцеремонно разсматривать незнакомаго ему юношу, о которомъ до него долетали тысячи самыхъ разнообразныхъ слуховъ.

Только на семнадцатомъ году жизни можетъ человѣкъ сверкать такою ослѣпительною, нѣжною свѣжестью, такимъ добродушіемъ и такою откровенностью, какимъ сверкало лицо этого стоявшаго на порогѣ комнаты мальчика. Здоровыя, облитыя теплымъ румянцемъ, отъ недавняго сна, щеки съ едва замѣтнымъ пушкомъ; откинутые назадъ безъ всякой претензіи на эффектъ и потому еще болѣе эффектные, густые, вьющіеся волосы; большіе глаза, честно, смѣло и откровенно смотрѣвшіе на людей, все это вмѣстѣ должно было производить на каждаго такое впечатлѣніе, что невольно хотѣлось пожать съ любовью, съ доброй улыбкой молодую руку

Digitized by Google

этого гостя на жизненномъ пути и сказать ему: «храни тебя Богъ, милое дитя!»

— Скажите...—началъ онъ, поглядывая съ порога на Обноскова какъ-то нерѣшительно, точно боясь ошибиться. — Скажите... Кажется, вы господинъ Обносковъ?—кончилъ онъ въ замѣшательствѣ неловко начатую фразу и покраснѣлъ еще болѣе.

— Дядюшка проснулся?—холодно спросилъ Обносковъ, не отвѣчая на вопросъ «смазливаго мальчишки». Это названіе Обносковъ уже далъ въ своемъ умѣ юношѣ.

— Да... Онъ давн оне спитъ...—проговорилъ юноша и съ какимъ-то недоумѣніемъ осмотрѣлъ своими большими глазами группу родственницъ, точно стараясь понять, что онѣ успѣли наговорить на него новоприбывшему гостю.

— Я пойду туда,—проговорилъ Обносковъ, обращаясь къ тёткамъ и матери.

— Иди, иди, Леня, и мы всѣ идемъ,—заговорили, перебивая другъ друга, женщины. — Какъ твой дядя радъ будетъ!.. Никого-то около него нѣтъ изъ близкихъ... Мы что? мы женщины! съ нами ему скучно... Не съ кѣмъ умнаго слова сказать, по душѣ побесѣдовать.

Тетки говорили эти фразы съ такими удареніями на словахъ и бросали такіе злобные и многозначительные взгляды на юношу, что его можно было счесть главнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій ихъ брата и ихъ самихъ. Юноша же все еще стоялъ на порогѣ, точно онъ окаменѣлъ, созерцая головы этихъ Медузъ.

— Позвольте же пройти!—раздражительно проговорилъ Обносковъ, слегка отстраняя юношу, стоявшаго въ дверяхъ.

— Вотъ такъ-то всегда,—зашептали тетки племяннику.— Это ужъ тебѣ дороги не даетъ, польское отродье, а нами-то просто помыкаетъ, помыкаетъ.... Охъ, Господи, до чего мы дожили!

Юноша, прислонившись къ открытой половинкѣ дверей, задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ за удалившимися родственниками. Каждая черта его лица дышала теперь невыразимою грустью и только въ закушенной нижней губѣ слегка были замѣтны слѣды строптиваго, но сдержаннаго гнѣва. По одной этой чертѣ можно было угадать, что у этого человѣка есть уже выработанный характеръ.

— Батюшка-баринъ, отдохнули ли вы?—послышался около него дребезжащій голосъ.

Digitized by Google

Онъ обернулся и увидалъ старое, потемнѣвшее, сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо хозяйскаго камердинера.

— Спасибо, Матвѣй Ильичъ, отдохнулъ, — отвѣтилъ юноша, и его лицо вдругъ прояснилось, снова стало откровеннымъ и добродушнымъ.

— Умаялись вы, ходя за папенькой!—говорилъ старикъ.

— Тсъ! не говорите, Матвѣй Ильичъ, этого слова,—прошепталъ, дѣлая знакъ рукою, юноша:—знаете, *они* не любятъ, когда кто-нибудь назоветъ его моимъ отцомъ. Вамъ же непріятностей надѣлаютъ... Это низкія, низкія женщины!—вдругъ быстро проговорилъ мальчикъ, и по его лицу скользнуло, какъ молнія, выраженіе не то презрѣнія, но то ненависти.

— У-у! про-кля-тыя!—прошепталъ старикъ.—Ну, да недолго теперь поцарствуютъ! и я вѣдь терплю теперь потому, что барина жаль оставить, а то я вѣдь теперь вольный... Его-то жаль. Вотъ теперь вы сами видите, батюшка, Петръ Евграфовичъ, что у насъ въ домѣ за жизнь шла. Цѣлый-то вѣкъ вашего папеньки заѣли эти аспиды, кровь изъ него высасывали. Чуть, бывало, шутя онъ заикнется о женитьбѣ, онѣ и начнутъ его въ три голоса пилить. Пилятъ, пилятъ, умается онъ, сердечный, и махнетъ рукой. А все оттого, что слабъ онъ, сумнителенъ былъ, десять разъ всякое дѣло, бывало, отмѣряетъ, а ни одного не отрѣжетъ... И вѣдь сколько пытались узнать онѣ, гдѣ ваша маменька живетъ, вѣдь вѣрно извести ее хотѣли, отъ нихъ всего станетъ... Да нѣтъ, только я и зналъ вашъ домикъ; ну, а изъ меня хоть бы жилы тянуть стали—не выдалъ бы васъ...

Юноша задумчиво слушалъ болтовню старика, безцѣльно возившагося надъ стираніемъ пыли и приведеніемъ въ порядокъ мебели. Въ послѣдній мѣсяцъ, когда мальчику пришлось поселиться въ домѣ отца, Матвѣй Ильичъ не разъ повторялъ эти рѣчи.

— И Господи, вѣдь бѣда-то какая приключилася, что маменька ваша въ Аршавѣ; не можетъ въ Петербургъ пріѣхать. А ужъ какъ бы нужно-то ей теперь здѣсь быть, охъ, какъ нужно!.. Вотъ, батюшка, никогда не давайте никому себѣ на шею насѣсть, какъ папенька вашъ позволили сестрицамъ себя осѣдлать. И васъ заѣздятъ, и другимъ плохо будетъ.

Юноша улыбнулся и ласково взглянулъ на старика.

— Спасибо, Матвѣй Ильичъ, за совѣтъ,—промолвилъ онъ:—за что только вы меня такъ любите?

Digitized by Google

— За что?—переспросилъ, останавливаясь съ тряпкой въ рукѣ, старикъ.—Да вѣдь вы и родились-то чуть не при мнѣ. Помните, папенька вашей маменькѣ либо письмо, либо деньги со мной пошлетъ, бывало, а я вамъ отъ себя пряниковъ куплю, да и потѣшаюсь, какъ вы лакомитесь?

Юноша засмѣялся. Старикъ, повидимому, понялъ причину этого смѣха и шутливо махнулъ рукой.

— Вспомнили видно, какъ я васъ своими пряниками чуть на тотъ свѣтъ не отправилъ,—проговорилъ онъ.—Ну, глупъ былъ, своихъ дѣтей не имѣлъ, не зналъ, что и отъ пряниковъ захворать можно... А ужъ натерпѣлся же я страху тогда. Рубль на свѣчи цѣлителю Пантелеймону истратилъ...

Старикъ въ тысячный разъ сталъ распространяться объ этомъ замѣчательномъ событіи изъ своей одинокой безцвѣтной жизни барскаго преданнаго лакея. Этотъ сгорбленный, говорливый, пережившій и горе, и радость старикъ, поспѣшно ловящій немногія остающіяся ему въ жизни мгновенья, чтобы еще разъ хотя въ воспоминаніяхъ пережить свое прошлое, и этотъ неопытный, задумчивый юноша, внимательно прислушивающійся къ отголоскамъ чужого существованія, еще съ боязнью стоящій на порогѣ жизни,—эти два существа, связанныя вмѣстѣ взаимною любовью, составляли поэтическій и трогательный контрастъ.

— Пошли бы вы, батюшка, къ папенькѣ, — заговорилъ снова старикъ, прибирая въ комнатѣ. — Не ровенъ часъ, наши-то аспиды, пожалуй, еще насплетничаютъ что-нибудь... Вотъ вѣдь и наслѣдникъ пріѣхалъ!.. Наслѣдникъ!... Дохлый, право, дохлый... Головой не кивнулъ мнѣ, въ маменьку весь... Всѣ вѣдь на него молятся, только отъ него спасенья и ждутъ, науку ихъ всю произошелъ... Ступайте, батюшка, ступайте, а то смутятъ папеньку-то противъ васъ.

— Не могу я, Матвѣй Ильичъ, съ ними изъ-за наслѣдства воевать, противно мнѣ это,—съ искреннимъ отвращеніемъ замѣтилъ юноша.

— Эхъ, батюшка, знаю я, знаю... Оно бы и не родному сыну объ этомъ думать, глядя на отходящаго отца... Да вѣдь что вы станете дѣлать? Не сдѣлаетъ папенька духовной,—ничего не получите, помяните мое слово.

— Да мнѣ ничего и не надо, Матвѣй Ильичъ,—съ жаромъ воскликнулъ юноша. — Я работать буду, я нужды не боюсь.

— Дитя вы, дитя!—покачалъ головой старикъ.—А маменька, а сестрица-малюточка, а братецъ что будутъ дѣлать?

Digitized by Google

Юноша опустилъ голову.

— Ступайте, голубчикъ, ступайте! Изъ глазъ вонъ—изъ ума вонъ,—говоритъ пословица: такъ и будьте же у папеньки на глазахъ.

Юноша вздохнулъ и пошелъ неторопливыми шагами въ комнату отца. Едва слышно отворилъ онъ дверь и, казалось, лучъ солнца прокрался въ эту мрачную комнату больного, такъ мгновенно озарилось привѣтливой улыбкой лицо лежавшаго на постели человѣка.

Это былъ исхудалый, умирающій человѣкъ съ запуганнымъ, нерѣшительнымъ и измученнымъ лицомъ. Выраженіе раздражительности и досады поминутно смѣнялось на этомъ лицѣ тоскливою страдальческою покорностью.

Сынъ графскаго управляющаго - чиновника, Евграфъ Александровичъ Обносковъ, въ дѣтскіе годы исполнялъ роль тѣхъ крѣпостныхъ дѣвчонокъ, которыхъ сѣкли для примѣра, когда барскія дѣти не знали уроковъ или шалили. Тяжело было ему учиться съ графскими дѣтьми и отвѣчать за ихъ проступки, но, несмѣлый и нерѣшительный, онъ покорился своей участи и даже полюбилъ графскихъ дѣтей, забывая всѣ оскорбленія, за ихъ малѣйшую ласку. Любилъ онъ и своего отца, и свою мать, оправдывая ихъ грубое обращеніе съ нимъ вліяніемъ нужды и необразованностью. Поступивъ въ московскій университетъ, онъ такъ же сталъ оправдывать лѣнь графовъ-друзей вліяніемъ пустой среды и работалъ за нихъ. Съ годами его мягкое, любящее сердце все болѣе и болѣе размягчалось и находило оправданія всѣмъ людскимъ порокамъ, всѣмъ гадостямъ. Семья воспользовалась этимъ и сдѣлала его своимъ батракомъ, платя ему за все сладкими рѣчами и нѣжными поцѣлуями. Было время, когда ему удалось вырваться на три мѣсяца изъ дома, уѣхавъ съ однимъ важнымъ лицомъ въ Варшаву по дѣламъ, — но среди чужихъ, трезво работающихъ, беззаботно веселящихся, не особенно любящихъ, не особенно враждующихъ людей его размякшему сердцу стало какъ-то пусто и холодно: онъ тосковалъ, не слыша нѣжныхъ рѣчей, не чувствуя сладкихъ родственныхъ лобызаній. «Прочь, прочь отъ этихъ безучастныхъ, самодовольныхъ людей!» уже воскликалъ онъ мысленно, когда произошелъ одинъ неожиданный случай, измѣнившій и его намѣренія, и его взгляды на свою семью.

Однажды въ одномъ изъ варшавскихъ садовъ онъ сдѣлался свидѣтелемъ одной грустной сцены. Въ довольно пу-

Digitized by Google

стой аллеѣ лежала въ обморокѣ немолодая женщина, около нея хлопотала молоденькая дѣвушка съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и полными слезъ глазами. Евграфъ Александровичъ подошелъ и спросилъ у дѣвушки, не можетъ ли онъ быть ей чѣмъ-нибудь полезнымъ.

— Ахъ, ради Бога, ради Бога, бѣгите за докторомъ,—ломанымъ русскимъ языкомъ воскликнула въ отчаяньи дѣвушка, даже не взглянувъ на Обноскова.

Онъ бѣгомъ отправился за знакомымъ ему докторомъ и черезъ нѣсколько минутъ привезъ его. Оказалось, что со старухой сдѣлался ударъ, и помочь ей уже не было возможности. Собралась полиція, чтобы взять трупъ.

— Я не хочу, я не хочу, чтобы мою мать таскала проклятая полиція. Везите ее домой!—ломая руки, рыдала дочь и крѣпко держалась за трупъ матери.

— Успокойтесь, я похлопочу, и вашу мать перевезутъ въ церковь,—утѣшалъ Евграфъ Александровичъ молодую незнакомку, а у самого были на глазахъ слезы.

— Гдѣ вы живете?

Кое-какъ адресъ былъ переданъ. Обносковъ поручилъ дѣвушку доктору, а самъ поѣхалъ хлопотать. Хлопоты окончились успѣшно, такъ какъ у его начальника были связи въ городѣ.

— Боже мой, если бы вы знали, сколько вы для меня сдѣлали! — говорила молодая незнакомка, горячо сжимая руки Обноскова.

Оказалось, между тѣмъ, что эта дѣвушка осталась совершенно одна и безъ всякихъ средствъ. Ея отецъ уже давно пропалъ неизвѣстно куда, о ея братѣ тоже не было никакихъ слуховъ. Она съ матерью пріѣхала въ Варшаву по дѣламъ и проживала въ одной изъ гостиницъ. Обносковъ помогъ ей похоронить мать. То плача, то проклиная судьбу, передала она Евграфу Александровичу свою исторію.

— Сперва за нами ухаживали, когда съ нами былъ мой отважный отецъ, когда около насъ жилъ мой чудный братъ,— говорила она.—А потомъ, насъ бросили; мы съ матерью, какъ женщины, не могли быть полезны людямъ въ ихъ дѣлѣ... Да и времена перемѣнились тогда, старыхъ друзей не стало...

— Что же вы теперь думаете дѣлать?—спросилъ Евграфъ Александровичъ.

— Что дѣлать?—почти съ ужасомъ переспросила его дѣ-

Digitized by Google

вушка.—Что дѣлать?.. Я сама не знаю, что я буду дѣлать!.. Утопиться, что ли?

Она сурово нахмурила брови и опустила голову.

— Надо мѣсто пріискать... въ гувернантки,—началъ нерѣшительно Обносковъ.—Только скверная эта жизнь... Учить испорченныхъ дѣтей и знать впередъ, что ихъ нельзя уже перевоспитать... Терпѣть униженіе и обиды за свой честный трудъ, встрѣчать холодность...

— О, если бы я была мужчиной, я не спросила бы, что мнѣ дѣлать?—вдругъ горячо перебила дѣвушка вялыя размышленія Обноскова, и съ ея языка полились живыя, пламенныя рѣчи.

Стройная и тонкая, какъ тополь, черноволосая, съ сверкающими глазами, она увлекла молодого человѣка и своей красотой, и своей страстной отвагой.

Каждый день сталъ Обносковъ посѣщать свою новую знакомую. Онъ давно привыкъ слышать отъ женщинъ одни пустые толки о погодѣ, модахъ, балахъ и театрахъ, или разсужденія о хозяйствѣ, сплетни о кухаркахъ и знакомыхъ, и удивлялся, что эта дѣвушка могла говорить и о политикѣ, и о положеніи своего отечества, и о всемъ томъ, о чемъ говорится въ кружкахъ университетской образованной молодежи. Часто сидя съ нею, Обносковъ забывалъ, что онъ сидитъ не съ товарищемъ, спорилъ, горячился и говорилъ, не пріискивая тѣхъ приличныхъ выраженій, какія обыкновенно употребляются въ разговорахъ съ барышнями. Всякое стѣсненіе, всякое желаніе рисоваться и нравиться пропали въ молодомъ человѣкѣ, и нерѣдко онъ жаловался на то, что онъ слабый, безхарактерный человѣкъ.

— Интересы у васъ узки, жизнь мелка, потому и характеръ не можетъ развиться, — замѣчала она. — Вы живете узкою семейною жизнью, оттого вы и силъ не можете развить. Да и на что вамъ онѣ? Чтобы ѣсть, пить весь вѣкъ и послѣ умереть незамѣченными, безызвѣстными, не сдѣлавъ ничего для общества? Вы враги общества, если поближе посмотрѣть на васъ, потому что частные интересы для васъ выше интересовъ общества. Не будь у него ни хлѣба, ни денегъ,—вы ничего ему не дадите, ничѣмъ не пожертвуете ему... Да если бы вы и вздумали пожертвовать чѣмъ-нибудь, такъ васъ удержатъ за рукавъ или мать, или сестры, или вообще какія-нибудь любящія женщины...

Чрезъ двѣ недѣли Обносковъ жилъ въ той же гостиницѣ, гдѣ жила Стефанія Станиславовна Высоцкая. Онъ запросто

Digitized by Google

являлся въ ея номеръ; по-товарищески пожималъ ей руку; полулежа на диванѣ, курилъ у нея папиросы... Ему свободно дышалось въ ея присутствіи, и если у него было горе, то никто не сумѣлъ бы такъ нѣжно, такъ по-женски утѣшить и развеселить его, какъ это молодое, полное силъ и страсти существо. Зато никто не умѣлъ такъ и выбранить его, какъ Стефанія; часто она не шутя сердилась и приказывала ему удалиться изъ своей комнаты. Какъ-то разъ, совершенно неожиданно для самого себя, наспорившись съ нею до-сыта, онъ на прощаньи поцѣловалъ ее. Этотъ поцѣлуй былъ до того простъ, что она только разсмѣялась.

— Славный вы человѣкъ!—въ восторгѣ промолвилъ Обносковъ.

— Потому и нужно цѣловать этого человѣка? — засмѣялась она, качая головой.

Еще чрезъ нѣсколько времени онъ сказалъ ей:

— Знаете ли что? Я безъ васъ не могу жить.

Стефанія молча сидѣла на диванѣ.

— Что же вы на отвѣчаете? — придвинулся къ ней Обносковъ.—Я вамъ всю жизнь отдамъ... всю свою жизнь...

— Для чего?—какъ-то мелькомъ, какъ бы про себя, промолвила она и вдругъ подняла голову.—Вы добрый, мягкій человѣкъ, — заговорила Высоцкая. — Положимъ, я отдамся вамъ,—что же изъ этого будетъ? Будемъ жить для себя, затворимся въ своемъ домѣ, какъ въ раковинѣ, чтобы ѣсть, пить, тѣшиться любовью и холодно смотрѣть, какъ гибнутъ люди, какъ страдаютъ ближніе... Вѣдь живой дѣятельности нѣтъ, да вы на нее и неспособны... Отчего это вы элегій о людскихъ страданіяхъ не пишете? — вдругъ съ ѣдкой усмѣшкой спросила она.

— За что вы разсердились?—изумился Обносковъ.

— Вотъ знаешь, что около тебя стоятъ хорошіе люди, добрые люди,—заговорила въ какомъ-то странномъ волненіи Высоцкая, заходивъ по комнатѣ: — и въ то же время сознаешь, что они ненужные, безполезные люди... Ихъ бы надо ненавидѣть всей душой, потому что они-то и могли бы пользу приносить, они-то и могли бы работать, и все-таки силъ нѣтъ на эту ненависть!..

Высоцкая, кажется, сердилась на себя за что-то. Она быстро сѣла на диванъ и закрыла лицо руками, нетерпѣливо и какъ-то нервно постукивая ногою объ полъ. Сквозь ея пальцы проступали слезы.

— Прости ты меня: я тебя встревожилъ,—съ сожалѣніемъ

Digitized by Google

промолвилъ Обносковъ, впервые говоря ей: *ты*, и опять въ его тонѣ послышалась такая нота, какъ-будто онъ говорилъ со старымъ другомъ-студентомъ.

Онъ хотѣлъ уйти.

— Милый мой, милый,—бросилась къ нему Высоцкая:—зачѣмъ ты такой, зачѣмъ въ тебѣ нѣтъ энергіи?.. Съ твоимъ умомъ, съ твоею честностью можно быть великимъ человѣкомъ...

— Ну, вотъ ты и веди меня на этотъ путь,—цѣловалъ ее Евграфъ Александровичъ...

— Ну, а топиться теперь ты не думаешь?—смѣялся на другой день Евграфъ Александровичъ, вспоминая одинъ изъ первыхъ своихъ разговоровъ съ Стефаніей.

— Не думаю,—засмѣялась она стыдливомъ смѣхомъ и вдругъ нахмурила брови и проговорила грустнымъ тономъ:—милый, живи такъ, чтобы мнѣ не пришлось медленно чахнуть въ апатичномъ бездѣйствіи...

И началась для него съ этого дня какая-то странная жизнь. Онъ стоялъ школьникомъ передъ этой женщиной, она журила его, она направляла всѣ его дѣйствія на честный путь, она заставляла его служить обществу и рѣшаться иногда на довольно смѣлые поступки. Часто приходилось ему краснѣть передъ этой подвижною, дѣятельною женщиною за свои мелкія слабости и только за одну слабость не бранила она его никогда, хотя именно за нее-то она имѣла болѣе всего правъ бранить Обноскова: онъ не имѣлъ смѣлости пойти наперекоръ своей семьѣ и жениться на любимой женщинѣ.

— Другъ мой, эта ошибка страшнымъ гнетомъ лежитъ на мнѣ,—говорилъ онъ Высоцкой.

— Ошибка передо мною,—это ничего не значитъ... Другія ошибки, ошибки передъ обществомъ важнѣе,—спокойно замѣчала она.

Счастье Обноскова въ кругу образованной молодежи, собиравшейся около этой женщины, было полное... Не такова была его жизнь въ своей семьѣ, гдѣ онъ лежалъ больнымъ въ то время, когда застаетъ его нашъ разсказъ. Онъ хмурился и охалъ, окруженный нѣжными, любящими и неоставляющими его ни на минуту родственницами, пожертвовавшими для него всѣмъ своимъ временемъ, всѣми своими желаніями. Довольно было ему обратить куда-нибудь свои потухающіе глаза, чтобы всѣ родные съ недоумѣвающими и вопросительными взорами бросались наперерывъ исполнять

Digitized by Google

еще невысказанное имъ желаніе. Онъ поворачивалъ голову и тотчасъ же три женскія руки протягивались поправить ему подушку, слышались три женскіе, заискивающіе и сладкіе голоса, спрашивавшіе: «Вамъ, братецъ, вѣрно неловко?» Боже мой, сколько любви, заботливости и нѣжности было въ этихъ словахъ, какимъ бархатнымъ, шепчущимъ и ласкающимъ напѣвомъ произносились они!

— Благодарю, мнѣ очень хорошо,—слабымъ голосомъ отвѣчалъ больной и закрывалъ глаза.

— Братецъ, вы, можетъ-быть, уснуть хотите?—шептали ему баюкающимъ тономъ заботливые голоса.—Мы посидимъ, мы не будемъ говорить...

— Зачѣмъ же сидѣть? Идите!—нетерпѣливо возражалъ больной, почему-то воображавшій, что его могутъ бросить хоть тогда, когда онъ уснетъ.

— Ахъ, братецъ, теперь мухъ такъ много. Онѣ васъ безпокоить будутъ,—шептали вкрадчивые голоса.

— Ничего, я не чувствую отъ этого безпокойства...

— Ангелъ, терпѣливый страдалецъ!—слышалось восклицаніе, исполненное благоговѣйнаго умиленія.—Вы все безпокоитесь насъ утомить... Да вѣдь мы всѣмъ, всѣмъ пожертвовали бы для вашего спокойствія... Приказывайте!.. Приказывайте намъ!..

Больной сохранялъ молчаніе и тяжело вздыхалъ, не имѣя ни силъ, ни охоты высказывать свои желанія, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, что сестры исполнятъ все, все, но только не рѣшатся оставить его одного, не рѣшатся не заботиться о немъ. Требовать чего-нибудь подобнаго, значило бы требовать, чтобы любящій человѣкъ бросилъ своего любимца въ минуту опасности, именно въ ту минуту, когда и нужна помощь любящаго существа. Конечно, на такія требованія нельзя согласиться и трудно ихъ предлагать. Теперь больной слушалъ разсказы пріѣхавшаго изъ-за границы племянника, съ выраженіемъ какой-то тупой разсѣянности.

— Поди ко мнѣ, дитя,—прошепталъ онъ съ просвѣтленнымъ лицомъ, завидѣвъ появившагося въ его комнатѣ юношу.

Мальчикъ подошелъ къ постели. Больной взялъ его за руку и обернулся къ племяннику.

— Ты его еще не видалъ?—спросилъ онъ.

— Мы уже познакомились,—уклончиво отвѣчалъ Обносковъ.

— Добрый ребенокъ, очень добрый ребенокъ!—пожавъ руку юноши, сказалъ больной.—И характеръ матери...

Digitized by Google

У мальчика навернулись на глазахъ слезы. Онъ присѣлъ на кровать.

— Ахъ, вы лучше на стулъ сядьте,—заговорили ласково вкрадчивые голоса:—братцу неловко будетъ.

Юноша закусилъ нижнюю губу и сконфуженно привсталъ съ мѣста, но больной удержалъ его за руку и съ упрекомъ взглянулъ на сестеръ.

— Пусть сидитъ тутъ, какъ можно ближе ко мнѣ сидитъ... Вѣдь не долго ему быть тутъ...—проговорилъ онъ и, поднявъ руку, опустилъ ее въ кудрявые, шелковистые волосы мальчика.

— Добрый, добрый братецъ!—воскликнули сестры и готовы были прослезиться отъ умиленія. — Всѣхъ обласкать, приголубить, пригрѣть хочетъ... Это надо цѣнить, цѣнить надо...

Юноша, съ яркой краской обиды на лицѣ и крупными, дрожавшими на рѣсницахъ слезами, сидѣлъ неподвижно на постели, обвивъ одною рукою больного, лицо котораго едва было видно Алексѣю Алексѣевичу Обноскову изъ-за груди мальчика.

— Ну, какъ тебѣ понравилось за границей?— лѣниво и безучастно разспрашивалъ больной.

Обносковъ сталъ разсказывать про заграничную жизнь.

— А что, твои занятія успѣшно кончились?

Обносковъ далъ отчетъ и о своихъ занятіяхъ.

— Ну, а какъ наша молодежь тамъ живетъ?— продолжалъ разспросы больной, видимо довольный близостью къ себѣ юноши и говорившій просто отъ нечего дѣлать. Его вопросы совсѣмъ не занимали его самого; ему было уютно и тепло около молодого, драгоцѣннаго существа, и онъ смотрѣлъ на остальное совершенно равнодушно.

— Скверно живетъ она, дядя,— рѣзко отвѣтилъ Обносковъ.—Мало учится, мало работаетъ.

— Не хорошо, не хорошо!—какимъ-то старчески-добродушнымъ, незлобивымъ тономъ нараспѣвъ замѣтилъ больной и ласково вскинулъ глаза на юношу.—Вотъ мы не такъ будемъ заниматься, Петя; мы привыкли къ труду,—по-дѣтски шутилъ онъ, и былъ вполнѣ доволенъ, увидавъ улыбку мальчика, вызванную этими шутливыми словами.

— Увлекается молодежь разными современными вопросами,— продолжалъ Обносковъ:—агитировать постоянно стремится, нахваталась разныхъ либеральныхъ идеекъ и носится съ ними, какъ дуракъ съ писаной торбой...

Digitized by Google

— Все то же, все то же, что̀ и въ наше время было,— шепталъ больной. — Не умираютъ юныя силы... не задавить ихъ...

— Но хуже всего эта эмансипація женщинъ, да то, что мальчишки развратничаютъ, живутъ съ эмансипированными любовницами, а толкуютъ о свободѣ женщины и о гражданскомъ бракѣ. Они...

Лицо больного сдѣлалось вдругъ тревожно. Его нѣжныя сестры и мать Обноскова замѣтили это и вскочили съ вопросомъ: «не надо ли чего-нибудь братцу?»

— Петя, иди въ залу, подожди доктора,—промолвилъ больной, обращаясь къ юношѣ.

Юноша всталъ, чтобы идти, но больной притянулъ его къ себѣ и поцѣловалъ.

— Теперь ступай,—окончилъ онъ.

Мальчикъ вышелъ; его глаза сверкали гнѣвомъ, точно послѣднія слова Алексѣя Алексѣевича Обноскова задѣли его за больное мѣсто.

— Послушайте... я хочу одинъ остаться... съ Алексѣемъ,— обратился больной къ сестрамъ.

Онѣ и мать Обноскова повиновались и оставили комнату, гдѣ воцарилось какое-то тяжелое молчаніе. Алексѣй Алексѣевичъ изъ почтительности къ старшему родственнику не прерывалъ этого безмолвія, а дядя, повидимому, собирался съ духомъ, чтобы заговорить. Казалось, что онъ собирается сказать что-то очень важное...

IV.

Исповѣдь стараго Обноскова.

— Ты неосторожно поступилъ, — началъ Евграфъ Александровичъ Обносковъ. — Такихъ вещей не должно говорить при *этомъ* ребенкѣ.

Племянникъ не то сконфуженно, не то холодно молчалъ и какъ-то сострадательно и даже презрительно смотрѣлъ на встревоженное лицо дяди.

— Но я радъ, что ты такъ или иначе вызвалъ меня на объясненіе. Я уже давно думалъ поговорить съ тобою о нашихъ дѣлахъ, хотѣлъ писать къ тебѣ, но не могъ... не могъ рѣшиться, — продолжалъ, запинаясь, нерѣшительный дядя, и по лицу его скользнула горькая усмѣшка. — Ты совершенно правъ, нападая на развратъ современнаго общества. Тебя, всегда осторожнаго, всегда разсудительнаго,

Digitized by Google

[illegible] промахи беззаботной юности, но, другъ [illegible] ее только за одно это—грѣхъ...

[illegible] закашлялъ, и его лицо вдругъ приняло свое [illegible] выраженіе нерѣшительности и изнеможенія. Можно [illegible] замѣтить, что онъ говоритъ совсѣмъ не о томъ, [illegible] хочетъ говорить, и что до этого желаннаго пред[illegible] разговора онъ можетъ дойти только послѣ множества [illegible]ршенно постороннихъ дѣлу фразъ.

— Мы больше всего виноваты, если современная моло[illegible] и вступаетъ въ незаконныя связи,—заговорилъ боль[illegible]. Мы всѣ, люди отживающаго поколѣнія, жили съ лю[illegible]ницами: одни при живыхъ женахъ имѣли постороннія [illegible]; другіе просто не женились на любимыхъ и близкихъ [illegible] женщинахъ потому, что имъ не позволяли этого родные; третьи жили весь вѣкъ съ женщинами, не женясь на нихъ, потому что считали сами женитьбу на нихъ за неравный бракъ и не имѣли смѣлости ввести въ свой домъ ту женщину, которая, несмотря на свое происхожденіе, хранила всю ихъ жизнь и дѣлала ихъ счастливыми... Свѣтъ смотрѣлъ на эти связи сквозь пальцы, потакалъ имъ, такъ какъ его приличія не нарушались, въ его кружки не вводились дочери людей темнаго происхожденія, но, другъ мой, тутъ приличіямъ приносилась въ жертву человѣческая личность.

Больной взволновался и замолчалъ. Алексѣй Алексѣевичъ никакъ не могъ понять, для чего это дядя толкуетъ о вещахъ, не касающихся ни до котораго изъ нихъ.

— Дядя, вамъ надо бы отдохнуть теперь,—замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—замахалъ рукою дядя.—Я сейчасъ дойду до того, что̀ я хочу сказать... Я договорю, договорю,—успокаивалъ онъ, кажется, не столько своего слушателя, сколько самого себя, какъ бы доказывая самому себѣ, что на этотъ разъ, можетъ-быть, впервые въ жизни, ему удастся побѣдить свою нерѣшительность и высказать именно то, что̀ ему нужно высказать.

— Никто не бросалъ въ насъ камня за то, что мы, подчиняясь условіямъ сыновняго долга, свѣтскимъ приличіямъ, или своимъ сословнымъ предразсудкамъ, налагали пятно на женскую личность, дѣлали ее въ глазахъ свѣта развратницей,—объяснялъ больной.—Молодежь назвала эти связи гражданскимъ бракомъ. Она сильно ошиблась въ практической сторонѣ дѣла, но все-таки въ ея стремленіи [illegible] честности. Она какъ бы хотѣла сказать своимъ

Digitized by Google

ближнимъ: хотя вы не позволяете мнѣ ввести въ вашъ кругъ любимую мною женщину, но я все-таки признаю ее моей женою, то-есть не существомъ, которое я брошу по прихоти, которое я развращаю, а личностью, съ которою я связываю себя навѣкъ передъ своею совѣстью... Разумѣется, это ошибка въ практическомъ смыслѣ, но виноваты въ ней мы, только мы, люди отжившіе. Мы поступали еще хуже, мы увлекали женщину, оставляя за собой право бросить ее, и въ то же время называли ее позорящимъ именемъ любовницы...

Больной остановился. На его лицѣ проступила краска. Алексѣй Алексѣевичъ Обносковъ холодно слѣдилъ за муками этого человѣка, лишеннаго силы воли, и презиралъ его въ душѣ за его стремленіе оправдать себя, оправдывая другихъ. Въ головѣ Алексѣя Алексѣевича мелькали теперь мысли о томъ, «что вотъ они, старые теоретики-то, фразеры, носящіеся въ облакахъ и незнающіе фактовъ, вѣчно ораторствуютъ, вѣчно стараются подвести все подъ какую-нибудь систему и любуются шумихой своихъ собственныхъ фразъ. А и подводить-то имъ подъ систему нечего».

— Дядя, вамъ, кажется, совершенно не нужно такъ длинно распространяться по поводу мелькомъ высказанной мною фразы,—замѣтилъ племянникъ.

— Погоди, погоди,—удерживалъ его движеніемъ руки больной, думая, что тотъ хочетъ уйти.—Я буду говорить о своихъ дѣлахъ... Были годы, когда ты каждое воскресенье проводилъ у меня. Были годы, когда ты постоянно присутствовалъ при нашихъ толкахъ о семейныхъ дѣлахъ, но ты былъ племянникъ, то-есть младшій членъ семьи, а я дядя—ея глава. Стоя въ этихъ отношеніяхъ другъ къ другу, люди странно относятся до сихъ поръ къ своимъ ближнимъ. Молодой человѣкъ откровенно высказываетъ своимъ старшимъ, что онъ читаетъ, съ кѣмъ друженъ, что онъ видѣлъ въ театрѣ, но никогда не скажетъ онъ имъ о первой вспышкѣ своей любви, никогда не скажетъ о первомъ проступкѣ на этомъ пути. Точно такъ же старшіе никогда не говорятъ при юношѣ о своихъ сердечныхъ дѣлахъ, все это считается за нѣчто неприличное. Но Боже мой! право, не такъ важно узнать, что юноша тогда-то пропустилъ нѣсколько лекцій въ университетѣ, какъ важно знать, не увлекался ли онъ недостойной любовью, не стоитъ ли онъ на краю пропасти, куда ведутъ первые порывы пробудившейся страсти. Лекціи, пропущенныя имъ, можно

Digitized by Google

нагнать, но первый проступокъ на пути любви иногда дѣлаетъ отцомъ того, кого мы, старшіе, считаемъ чуть не ребенкомъ! То же самое можно сказать и про насъ. Иной изъ насъ не стыдился передъ своею совѣстью имѣть гдѣ-то на сторонѣ семью, не стыдился называть прижитыхъ въ этой связи дѣтей своими дѣтьми, но считалъ постыднымъ знакомить съ этою семьею одного изъ младшихъ членовъ своего родственнаго кружка. Ему было бы оскорбительно, его самолюбіе пострадало бы, если бы ему пришлось, краснѣя, признаться передъ молодымъ племянникомъ въ своей ошибкѣ... Совѣстно! оскорбительно!—но ради этихъ мелочей, онъ лишалъ своихъ дѣтей, любимыхъ дѣтей, пріязни родныхъ и самъ какъ будто признавалъ, что эти дѣти отверженныя, что они не имѣютъ мѣста въ объятіяхъ его законной семьи...

Страшный кашель сталъ душить больного.

— Дядюшка, прекратимте этотъ разговоръ,—нетерпѣливо проговорилъ племянникъ.

Больной отрицательно замахалъ рукою. «Экъ его фразерство-то заѣло! Сороковымъ годамъ послѣднюю панихиду служитъ», подумалъ Алексѣй Алексѣевичъ и, зѣвнувъ украдкой, докончилъ мысленно: «а поглупѣлъ же онъ во время болѣзни, прежде онъ все-таки меньше былъ способенъ на подобныя словоизверженія». Повидимому, отъ вниманія больного не ускользнули настоящія чувства и мысли, занимавшія племянника, такъ какъ на исхудаломъ лицѣ появилось что-то похожее на неудовольствіе.

— Все это тебѣ очень скучно, но я долженъ договорить,—замѣтилъ дядя.—Такъ поставилъ и я свои отношенія къ покойному отцу, къ тебѣ, къ сестрамъ. Вы не знали, что жизнь въ вашемъ кругу, занятія по службѣ не могли наполнить всего моего существованія... Мнѣ нужно было болѣе теплыхъ, болѣе страстныхъ отношеній. Сперва это было увлеченіе молодости, о которомъ я не сказалъ моему отцу, моей матери, моимъ дядямъ. Въ такой несообщительности не было ничего необыкновеннаго... Вѣдь и ты, вѣроятно, увлекался... Какъ? когда? кѣмъ? Кому ты сообщилъ объ этомъ?.. Объ этомъ неловко говорить со старшими, съ опытными людьми и можно развѣ только смѣяться надъ этими первыми увлеченіями въ кругу своихъ сверстниковъ, такихъ же неопытныхъ, такихъ же увлекающихся. Да, это такъ, и счастливъ тотъ, у кого первая вспышка страсти прошла безслѣдно, если только можетъ проходить безслѣдно

Digitized by Google

что-нибудь,—но я послѣ подобной вспышки вдругъ очнулся отцомъ... Я никогда не шутилъ привязанностями... Иногда даже утрировалъ свои обязанности къ ближнимъ... Такъ я преувеличивалъ свои обязанности въ отношеніи къ сестрамъ... Скрывая отъ отца и матери до самой ихъ смерти свою связь, я не могъ открыть ее и сестрамъ... Онѣ ухаживали за мной, онѣ дрожали, когда я произносилъ слово о своемъ намѣреніи жениться, онѣ плакали, говоря, что тогда имъ придется разстаться со мной, что онѣ должны будутъ идти на мѣста, въ гувернантки, что онѣ не захотятъ брать денегъ изъ рукъ невѣстки. Я былъ мечтатель, нѣжный и слабый человѣкъ... очень слабый человѣкъ.

Больной умолкъ на нѣсколько минутъ. Въ головѣ племянника, хорошо знавшаго дядю и подобныхъ ему людей, промелькнуло: «Ну, бичевать теперь себя станетъ!»

— О, да будутъ прокляты мои мечты, моя нерѣшительность, моя слабость!—воскликнулъ съ оживленіемъ больной и поднялся на локтѣ.—Мое воображеніе рисовало мнѣ свѣтлую картину свободнаго, но прочнаго союза... Вѣдь тогда, въ мое время, мы объ этомъ даже стихи писали,—горько усмѣхнулся онъ.—Я представлялъ себя и любимую женщину героями, идущими однимъ путемъ, наперекоръ предразсудкамъ, наперекоръ злословію... Но я рисовалъ себѣ это не потому, что я былъ убѣжденъ въ необходимости полной свободы въ любви, а потому, что я былъ человѣкъ-тряпка, потому что я не могъ сдѣлать рѣшительнаго шага и ввести въ этотъ домъ, заставить сестеръ любить и уважать женщину, прижившую со мной дѣтей, я не могъ сказать сестрамъ, что если онѣ любятъ меня, то онѣ должны радоваться моему счастью. Я постоянно оправдывалъ ихъ грубый эгоизмъ, ихъ ложное пониманіе родственной любви, заставляющее выжимать послѣдній сокъ изъ любимаго человѣка для себя, только для себя... И вѣдь оправдывалъ-то я ихъ потому только, что силы бы не хватило на борьбу, на разъясненіе имъ ихъ ложныхъ отношеній ко мнѣ!.. Вотъ и прожилъ подъ опекой весь вѣкъ... а дорогія мнѣ личности едва смѣютъ переступать порогъ моего дома...

Снова послѣдовало мучительное молчаніе. Молодой Обносковъ былъ попрежнему почтителенъ, но холоденъ.

— Это чудное дитя,—почти со слезами продолжалъ больной:—этотъ ребенокъ, сидѣвшій на моей постели, мой сынъ... Только глядя на отношенія къ нему моихъ сестеръ, понялъ я вполнѣ, какъ мало онѣ меня любили. Мнѣ теперь

Digitized by Google

гадки, мнѣ мучительны ихъ ухаживанія за мной и если бы я всталъ еще съ постели, то я загладилъ бы свою ошибку. Я только теперь окрѣпъ, увидѣлъ истину... Но слишкомъ поздно открылась она, эта истина,—открылась для того, чтобы я покаялся передъ своею совѣстью... Вѣрь мнѣ, это страшное покаяніе... Тебѣ тяжело меня слушать... но ты долженъ выслушать все... Люди страдаютъ за тѣмъ, чтобы другіе могли избѣжать этихъ же страданій... Ты наслѣдникъ моего имѣнія, ты молодъ, ты воспитанъ въ то великое время, когда глупые предразсудки начинаютъ понемногу исчезать, потому я хочу поручить тебѣ заботы о моей семьѣ... Да, о семьѣ; я такъ называлъ ее передъ своею совѣстью и передъ Богомъ, потому что мы честно прошли путь нашей жизни, какъ, можетъ-быть, не прошла его ни одна чета, приносившая ложную клятву передъ алтаремъ Бога.

Алексѣй Алексѣевичъ молчалъ. Умирающій Обносковъ начиналъ все пристальнѣе всматриваться въ холодное, офиціальное, почтительное лицо только-что начинающаго жить Обноскова и, кажется, хотѣлъ прочитать въ душѣ этого человѣка его чувства и тайные помыслы.

— Не оставляй моихъ дѣтей, моей жены,—заговорилъ дядя.—Я не сдѣлалъ духовной, не могъ ее сдѣлать, но ты раздѣли все на ровныя части, не обижай никого.

— Дядюшка, я все сдѣлаю, что отъ меня зависитъ,—промолвилъ молодой Обносковъ.

Больной продолжалъ всматриваться въ его лицо. Калмыцкіе глаза нетерпѣливо начали бѣгать изъ стороны въ сторону и ускользали отъ взглядовъ дяди. Дядя, прожившій всю жизнь страстнымъ мечтателемъ, былъ почти смущенъ тѣмъ, что племянникъ не бросается ему на шею, не выражаетъ горячихъ чувствъ и остается все тѣмъ же холодно-почтительнымъ младшимъ членомъ семьи, выслушивающимъ съ покорностью наставленія старшаго члена семейства, какъ выслушиваетъ студентъ лекцію профессора или чиновникъ соображенія директора.

— Тебѣ понравился мой сынъ?—съ любопытствомъ спросилъ дядя.

— Да, онъ недуренъ,—отвѣчалъ племянникъ.

— Красавецъ, красавецъ!—одушевился больной.—А вѣдь какая душа! А какъ онъ уменъ!.. Ты говорилъ съ нимъ?

— Нѣтъ еще, не удалось.

— Поговори, поговори,—пристально смотрѣлъ на молодого Обноскова больной.—Я тебѣ поручаю его...

Digitized by Google

— Вамъ нуженъ отдыхъ,—произнесъ Алексѣй Алексѣевичъ и всталъ.

— Ничего, я не усталъ,—отвѣтилъ дядя, тяжело дыша, и вдругъ перемѣнилъ разговоръ.—А ты какъ думаешь устроить свою судьбу?.. Женишься на Кружовой?

— Да, я думаю...

— Что жъ, ты будешь счастливъ. Она хорошая дѣвушка.. Дай Богъ, чтобы она была счастлива...

Молодой Обносковъ пожалъ руку дяди и вышелъ изъ комнаты. Больной въ утомленіи перевернулся на спину. Въ его лицѣ были слѣды изнеможенія и отчаянія. Теперь его грызла мысль о томъ, что онъ не долженъ былъ объясняться съ племянникомъ, теперь онъ дорого бы далъ, чтобы этого разговора не существовало. Тысячу разъ въ жизни мучился этотъ человѣкъ, желая и не рѣшаясь высказать свои чувства и мысли, еще чаще рѣшался онъ, послѣ мучительныхъ усилій надъ собой, высказывать желанное и терзался, черезъ минуту послѣ откровеннаго признанія, за то, что сдѣлалъ это признаніе. Всѣ люди казались ему ангелами, покуда онъ не сходился съ ними, но какъ только онъ узнавалъ ихъ поближе, такъ тотчасъ же наступало разочарованіе и охлажденіе. Теперь разочарованіе было еще сильнѣе. Въ теченіе послѣдняго времени больной только о томъ и мечталъ, что кроткій, почтительный и скромный племянникъ вернется изъ-за границы, встрѣтитъ съ распростертыми объятіями дядю, приласкаетъ встрѣченнаго въ домѣ дяди мальчика, потомъ услышитъ исповѣдь дяди и бросится съ горячими поцѣлуями къ юношѣ, узнавъ, что этотъ юноша любимое дитя дяди-благодѣтеля. И всѣ эти мечты обманулись! И упрекнуть даже нельзя было племянника за какое-нибудь чувство, неприличное въ молодомъ человѣкѣ, стоящемъ передъ старшимъ родственникомъ. Нѣтъ, нѣтъ, почтительность, скромность, терпѣніе—все это было въ поведеніи племянника.

— А другомъ Пети онъ все-таки не будетъ!—проговорилъ больной.—Вѣдь Петя незаконный сынъ, ну, такъ и тревожиться о немъ было бы незаконно, когда есть законные наслѣдники. Вѣдь воръ, укравшій съ голода, можетъ быть и не негодяй, а просто несчастный человѣкъ, но онъ воръ—его и жалѣть не слѣдуетъ. Тутъ жалость незаконна, такъ какъ ее всю нужно отдать на долю того, кто обокраденъ воромъ... Женщина была моимъ единственнымъ вѣрнымъ другомъ, но она мнѣ не жена,—какое же имъ до нея

Digitized by Google

дѣло? Въ ихъ глазахъ это просто развратница—признать за нею всѣ права жены—незаконно; это можно бы сдѣлать изъ любви ко мнѣ, но приличія и законы выше всего... Они правы, правы, тысячу разъ правы!.. Вѣдь это только мы, всѣ *наши* были теоретиками и мечтателями, а они всегда будутъ практиками... Какъ я ихъ ненавижу... Я радъ бы имъ отомстить.

Больной волновался. Въ эту минуту дверь въ его комнату тихо пріотворилась; онъ торопливо закрылъ глаза и притворился спящимъ, зная, что это вошла одна изъ сестеръ, и не имѣя силы и смѣлости выгнать отъ себя одно изъ тѣхъ существъ, которымъ онъ за минуту передъ тѣмъ хотѣлъ отомстить за мученія всей жизни, глупо прожитой, глупо кончавшейся...

— Ну, какъ ты его нашелъ, Леня?—заботливо разспрашивали между тѣмъ родственницы у племянника о больномъ.

— Плохъ онъ, заговаривается порой,—отвѣтилъ племянникъ.—Но проживетъ еще.

— Знаешь, Леня, мы вотъ здѣсь все о тебѣ толковали,—озабоченно заговорила мать:—женился бы ты прежде его смерти. А то, спаси Господи, помретъ онъ, тогда неловко будетъ послѣ похоронъ сейчасъ за свадьбу приниматься.

— Такъ-то такъ,—задумчиво отвѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ:—но не знаю, успѣю ли я обдѣлать всѣ мои дѣла... Впрочемъ, я подумаю...

— Подумай, голубчикъ, подумай! Это и для здоровья твоего надо,—разсуждала мать и сообщила родственницамъ, что Ленѣ еще за границей говорилъ докторъ, что ему для здоровья нужно жениться, что онъ будетъ крѣпче, когда женится.

Обносковъ взялся за шляпу и уѣхалъ по какому-то дѣлу, обѣщаясь пріѣхать ночевать въ домъ дяди. Мать же и тетки остались бесѣдовать между собою.

Въ домѣ больного въ послѣднее время были совершенные праздники, въ немъ никто ничего не дѣлалъ, постоянно гостила тутъ Марья Ивановна Обноскова, каждый день пріѣзжали сюда разные дальніе родственники и знакомые, никогда не посѣщавшіе дома въ другія времена; почти не сходилъ со стола кофейникъ, а если и сходилъ, то только для того, чтобы уступить мѣсто самовару. Но страннѣе всего было то, что общество, находившееся теперь въ квартирѣ Евграфа Александровича, приняло какой-то мѣ-

Digitized by Google

щанскій характеръ. Въ былые дни, сюда являлись сослуживцы хозяина и его старые друзья по университету, люди извѣстные, важные, къ которымъ никогда не выходили сестры хозяина. Тутъ шли рѣчи о политикѣ, о дѣлахъ акціонерныхъ компаній, о реформахъ, о литературѣ. Теперь блестящія залы наполнялись какими-то вдовами-капитаншами, какими-то престарѣлыми дѣвами, благословляющими благотворительницъ. Теперь тутъ шли разсказы о чудесахъ и видѣніяхъ какого-то Алексѣя Колокольчикова, о томъ, что Наполеонъ снова явился и опять на Россію идетъ, о томъ, что къ братцу даже *сами* генералы, какъ друзья, ѣздятъ, и чаще всего, почти незамѣтно, эти разговоры сводились къ разсказамъ о скандалахъ, исторіяхъ и сценахъ, происшедшихъ въ домахъ какихъ-то Постниковыхъ, Лукошкиныхъ, Анучиныхъ и другихъ тому подобныхъ личностей, невѣдомыхъ міру, а, можетъ-быть, и самимъ разговаривающимъ...

Слушая всѣ эти разговоры, трудно было повѣрить, что обѣ хозяйки дома были когда-то въ институтахъ, правда не кончили тамъ ученья, но все-таки были. Все, что могъ привить институтъ, сгладилось, стерлось среди домашнихъ заботъ и соображеній о намѣреніяхъ братца, о поступкахъ дальнихъ родственницъ, о склонности прислуги къ воровству, о плутовствѣ лавочниковъ и тому подобныхъ предметахъ. При «братцѣ» объ этихъ предметахъ нельзя было говорить; при «братцѣ» нужно было иногда книжку въ рукахъ держать, въ театръ ѣздить; при «братцѣ» сестры дѣлали томные глазки, говорили о прочитанныхъ чуть ли не въ институтѣ французскихъ романахъ, полагая, что это *благородный разговоръ*,—но теперь можно было сбросить тяжелый, узкій корсетъ европейскаго издѣлія и надѣть широкій балахонъ домашней выдѣлки. Много нужно усилій, чтобы втащить человѣка на вершину горы, и совершенно не нужно труда, чтобы онъ скатился съ нея и увязъ снова въ грязной тинѣ стараго, родного болота...

V.

Ex-профессоръ Кряжовъ, дальній родственникъ Обносковыхъ.

Женитьба Алексѣя Алексѣевича Обноскова на дочери Кряжова должна была состояться черезъ нѣсколько дней. Это было уже въ самый разгаръ лѣта. Свадьбой торопились именно потому, что Евграфу Александровичу Богъ не давалъ «ни смерти, ни живота», какъ выражалась Марья Ива-

Digitized by Google

новна. А она болѣе всего хлопотала о бракосочетаніи сына съ дѣвицей Кряжовой, «такъ какъ Кряжовъ былъ человѣкъ достаточный и со связями, такъ какъ его дочь была красавица и не модница, такъ какъ Ленѣ давно уже надо жениться, что̀ говорилъ, какъ мы знаемъ, даже и докторъ, лѣчившій Леню». Всѣ эти причины заставляли Марью Ивановну напоминать сыну о Кряжовыхъ передъ отходомъ ко сну, заговаривать съ нимъ о нихъ послѣ возстанія отъ сна и тянуть эту пѣсню изо-дня въ-день при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ и даже безъ всякихъ случаевъ. Это было какое-то заботливое подтачиванье любимаго существа съ припѣвомъ:

— Не упускай, голубчикъ, своего счастья!

Отвѣтъ слышался одинъ и тотъ же:

— Ахъ, маменька, да я и самъ хлопочу объ этомъ!

Выгодность партіи была ясно видна уже изъ того, что Марья Ивановна поступала теперь совершенно противъ своихъ правилъ. Въ былые дни Ленѣ довольно было ласково взглянуть на какую-нибудь дѣвушку или похвалить ее, чтобы Марья Ивановна начала топтать въ грязь, порочить и поносить это существо, и если все это не помогало и Леня продолжалъ, хотя просто изъ настойчивости, хвалить невинное созданье, то мать начинала дѣлать сцены этому невинному созданію, рыдать и жаловаться передъ Леней, что онъ ее «мѣняетъ на какую-то дѣвчонку, на негодницу, на плюху, которая всѣмъ мужчинамъ на шею вѣшается, у которой стыда-то нѣтъ въ глазахъ» и проч., и проч. Со своимъ ни въ чемъ неповиннымъ врагомъ Марья Ивановна церемонилась еще меньше. Обыкновенно продолжались эти сцены и рыданія до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не начинала избѣгать встрѣчъ съ вѣрнымъ сыномъ любящей матери. Теперь было не то,—значитъ, Кряжовы были люди, во всѣхъ отношеніяхъ достойные принять въ свой кругъ Леню. Вѣроятно, и онъ былъ достоинъ ихъ, хотя объ этомъ, какъ водится, не могло быть и рѣчи у Марьи Ивановны и вообще въ семьѣ жениха.

Ex-профессоръ Кряжовъ, членъ и корреспондентъ разныхъ академій и ученыхъ «Обществъ» Европы, приходился сродни Обносковымъ—правда, онъ былъ имъ *дальнимъ* родственникомъ, но все-таки родственникомъ. Это былъ колоссальный, широкій въ кости, надѣленный желѣзнымъ здоровьемъ человѣкъ, съ огромной, немного обрюзгшей львиной головой, украшенной длинными, волнистыми, сѣдыми воло-

Digitized by Google

сами съ свинцовымъ отливомъ. Изъ-подъ его густыхъ бровей добродушно смотрѣли ввалившіеся голубовато-сѣрые глаза, иногда сверкавшіе какимъ-то веселымъ, плутоватымъ выраженіемъ, намекавшимъ не на то, что ихъ обладатель можетъ обмануть кого-нибудь, а скорѣе на то, что его надуваютъ всѣ, да онъ-то смѣется надъ плутнями людей и остается спокойнымъ, тогда какъ они, жалкіе людишки, копошатся, составляютъ разные злостные планы, ночей не спятъ, завязывая узелъ интриги, и все изъ-за того, чтобы, послѣ всѣхъ своихъ усилій и трудовъ, встрѣтить тѣ же спокойныя черты лица и тѣ же безмятежные, немного насмѣшливые глаза стараго льва. Эти глаза какъ будто говорили:

— Ну, чего вы интригуете? чего бьетесь головой объ стѣну? вѣдь вы только свое здоровье портите, а меня вамъ не смутить.

Голова престарѣлаго льва поддерживалась массивной шеей бронзоваго цвѣта, постоянно открытой, и въ холодъ, и въ жаръ, и почти нестѣсняемой широкимъ откиднымъ воротникомъ ненакрахмаленной рубашки. Воротникъ едва сдерживался небрежно повязанной черной косынкой. Разстегивать пуговицу у воротника рубашки вошло въ привычку у ex-профессора, такъ что очень часто, сидя въ многочисленномъ собраніи серьезныхъ и важныхъ ученыхъ и увлекаясь оживленнымъ споромъ, онъ машинально подносилъ руку къ воротнику, разстегивалъ пуговицу и старался ослабить обвивавшій его шею галстукъ. Казалось, его душило всякое малѣйшее стѣсненіе и, вѣроятно, потому-то онъ уединился въ свой домъ отъ людей, устроилъ себѣ какое-то независимое государство и хладнокровно смотрѣлъ на все, какъ хорошее, такъ и дурное, что происходило за стѣнами его владѣній.

Въ давно, очень давно былые годы Кряковъ былъ такимъ выносливымъ и беззаботнымъ голякомъ, какіе очень часто встрѣчаются среди безсемейной молодежи. Онъ откровенно и честно высказывалъ тѣ смѣлыя идеи, которыя зарождаются во всѣ вѣка въ молодыхъ, еще не отупѣвшихъ головахъ, за что считался опаснымъ вольтерьянцемъ, — въ тѣ времена эта кличка значила то же, что теперь значитъ кличка нигилистъ, хотя это обстоятельство и не мѣшаетъ старымъ вольтерьянцамъ ругать нигилистовъ. Кряковъ страстно увлекался женщинами и, обманутый ими, съ свойственнымъ ему юморомъ, смѣялся надъ тѣмъ, какъ его ловко провели за носъ, и безпечно утѣшался въ измѣнѣ,—за что

Digitized by Google

его звали безсовѣстнымъ, безсердечнымъ волокитой. Онъ любилъ иногда попировать, выпить брудершафтъ и стяжалъ этимъ названіе кутилы. Онъ и съ мужикомъ, и со студентомъ толковалъ о ихъ нуждахъ ихъ языкомъ, какъ съ равными себѣ, потому что самъ происходилъ изъ бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, недалеко ушедшихъ отъ мужиковъ, и рано увидавъ, что люди обманываютъ другъ друга на каждомъ шагу, понявъ, что не обманываетъ только одна наука, предался ей вполнѣ и не имѣлъ времени задумываться ни надъ людскимъ костюмомъ, ни надъ сословными раздѣленіями,—это доставило ему репутацію... чудака. Можетъ-быть, онъ и дѣйствительно былъ отчасти чудакомъ. По крайней мѣрѣ, ему какъ-то удалось начудить такимъ образомъ, что въ его филологическихъ лекціяхъ, трактовавшихъ о происхожденіи различныхъ словъ, были усмотрѣны слѣды опаснаго свободомыслія и даже атеизма, за что на него покосились гдѣ-то наверху и «попросили» его быть осторожнѣе, а онъ, не думавшій никогда либеральничать и отрицать что бы то ни было, уперся, написалъ пространную «записку» о необходимости свободы въ преподаваніи, заявилъ, что онъ никогда не отречется отъ своихъ взглядовъ и подалъ въ отставку, какъ будто ему дѣйствительно приходилось поступиться въ этомъ случаѣ какими-нибудь завѣтными убѣжденіями, а не случайно проскользнувшими фразами. Выйдя въ отставку, онъ продолжалъ заниматься своими изысканіями о происхожденіи тѣхъ или другихъ словъ того или другого языка, задумывался надъ объясненіемъ того или другого памятника древности и только тогда въ первый разъ вспомнилъ, что эти занятія ведутъ не только къ уясненію истины, но и къ знакамъ отличія, когда черезъ долгіе годы опалы о немъ вдругъ кто-то вспомнилъ тамъ наверху, далъ ему мѣсто и выхлопоталъ ему орденъ. Это было въ то живое время, когда давались ордена и мѣста всѣмъ обрѣтавшимся не въ авантажѣ въ теченіе предшествовавшихъ тридцати лѣтъ.

Кряжовъ надѣлъ орденъ на свой стереотипный, долгополый и широкій сюртукъ, подошелъ къ зеркалу и, улыбнувшись дѣтски-самодовольной улыбкой, какъ-то недовѣрчиво покачалъ головой. Вечеромъ онъ совершенно забылъ объ орденѣ и удивился, когда во время его занятій что-то хрустнуло у него на груди, прижатой къ столу. Ex-профессоръ озабоченно почесалъ въ затылкѣ и заходилъ по комнатѣ съ разстроеннымъ видомъ, поминутно растягивая шейную ко-

Digitized by Google

сынку; казалось, ему попалась подъ руку какая-то древняя рукопись, написанная на безслѣдно-исчезнувшемъ языкѣ. Черезъ полчаса онъ, какъ-то сконфуженно оглядываясь, снялъ съ сюртука сломанный орденъ, поспѣшно спряталъ его въ столъ, вздохнулъ и, снова садясь за рабочій столъ, проговорилъ, махнувъ рукою:

— Гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить!

— Папа, а орденъ-то твой гдѣ?—спросила его молоденькая дочь, когда онъ пришелъ въ столовую отдыхать и пить пиво.

— Въ столѣ, маточка, въ столѣ!—серьезно проговорилъ ех-профессоръ и заходилъ по комнатѣ въ замѣтномъ волненіи.—Знаешь, съ такими вещами шутить не должно!.. Это доказательство, что мы не даромъ гнули спину весь вѣкъ, что наши труды признаны людьми; признаны даже тамъ... наверху... Да, даже они,—неопредѣленно замѣтилъ Кряковъ, указавъ куда-то въ сторону:—знаютъ и помнятъ о насъ!.. Ты это пойми... Нѣтъ, нѣтъ, такія вещи беречь нужно. Я привыкъ къ разгильдяйству, къ неряшеству, мнѣ только бы въ халатѣ ходить, мнѣ не слѣдуетъ унижать подобной святыни, таская ее на своемъ затрапезномъ балахонѣ... А вѣдь это святыня, святыня; ты сама видѣла... А?

По мѣрѣ того, какъ ех-профессоръ увлекался этою рѣчью, лицо его дѣлалось все пасмурнѣе и озабоченнѣе; онъ тревожно потиралъ себѣ лобъ, поправлялъ галстукъ, точно ему представлялся фактъ, котораго онъ никакъ не могъ объяснить. Дочери стало тяжело видѣть это постоянно веселое и безмятежное лицо въ такой тревогѣ.

— Ну, брось, папочка, этотъ разговоръ, — приласкалась она къ нему, гладя его волосы.—Вотъ тебѣ пиво.

— Да, да, голубка, бросимъ этотъ разговоръ, не нужно объ этомъ говорить. И что намъ въ этихъ разговорахъ! Ну, сама посуди, что намъ въ нихъ? — вздохнулъ широкимъ вздохомъ ех-профессоръ. — Будемъ пить пиво и да царствуетъ наше семейное затишье!

Профессоръ поцѣловалъ худенькую руку балованной дочери, взялъ кружку пива и угнѣздился въ широкомъ покойномъ креслѣ посрединѣ комнаты, обратясь лицомъ къ пылавшему камину. На полу у камина усѣлась его молоденькая дочь со щипцами въ рукахъ; у ея ногъ помѣстился полулежа мальчикъ, почти такихъ же лѣтъ, какъ она; онъ положилъ ей на колѣни книгу и, при свѣтѣ горящихъ въ каминѣ дровъ и лампы съ матовымъ шаромъ, сталъ читать

Digitized by Google

вслухъ французскій переводъ Донъ-Кихота. Профессоръ задумчиво слушалъ чтеніе своей любимой книги, и снова, въ тысячный разъ, вызывали на его лицо полугрустную, полунасмѣшливую улыбку похожденія честнаго добряка, покидающаго свой мирный уголъ для поисковъ за какими-то невѣдомыми подвигами, битвами и почестями.

Много различныхъ дипломовъ на разныя почетныя званія, много знаковъ отличія получалось съ этого памятнаго дня ex-профессоромъ. Онъ былъ теперь въ модѣ, въ ходу. Въ самостоятельной, независимой и свободомыслящей республикѣ науки стали теперь безъ боязни признавать ученыя заслуги Кряжова, когда увидали, что съ него снята опала и что его снова жалуютъ наверху и даже тщетно приглашаютъ читать лекціи какой-то особѣ. Но всѣ дипломы, всѣ медали прятались Кряжовымъ въ завѣтный ящикъ стола и погребались тамъ на долгіе-долгіе дни. Попрежнему спокойно сидѣлъ облѣнившійся труженикъ по цѣлымъ днямъ дома, заставленный, какъ перегородками или щитами, грудами старыхъ книгъ, заслонивъ слабые глаза одною рукою, приложенной ко лбу въ видѣ зонтика. Попрежнему скупалъ онъ древнія вещи, начиная съ какого-нибудь почернѣвшаго шкапа и кончая замасленной рукописью; аккуратно ходилъ онъ на толкучій къ знакомому букинисту отрывать подходящія старыя брошюры; просиживалъ въ лавочкѣ два-три часа, потягивая принесенное собственно для него пиво и перекидываясь разговорами о житейскихъ новостяхъ со старымъ, похожимъ на распухнувшую древнюю книгу мѣщаниномъ-хозяиномъ запыленной лавочки книжнаго старья. Попрежнему по субботамъ заходилъ къ Кряжову во время его занятій такой же старый профессоръ и академикъ, художникъ Трегубовъ, и Кряжовъ, не поворачивая головы, не отнимая руки отъ глазъ, ласковымъ, нѣвучимъ голосомъ говорилъ ему:

— А, это ты, Абрамъ Семеновичъ, пришелъ!

— Я голубчикъ, Аркадій Васильевичъ,— отвѣчалъ точно такъ же нараспѣвъ Трегубовъ.

— Ну, спасибо, что завернулъ!

— Да гулялъ, знаешь, шелъ мимо, думаю: дай, молъ, погляжу я, что-то подѣлываетъ мой Аркадій Васильевичъ,— ну, и зашелъ.

Затѣмъ Трегубовъ садился въ древнія вольтеровскія кресла съ громадной почернѣвшей спинкой, бралъ газету или книгу и начиналъ читать. Минуты проходили за минутами,

Digitized by Google

въ комнатѣ царила невозмутимая тишина, изрѣдка едва слышно нарушаемая шелестомъ переворачиваемыхъ листовъ, еще рѣже смущаемая отрывистыми фразами собесѣдниковъ о томъ, что «погода-то того, портится», или «что вѣдь въ Германіи-то опять новый съѣздъ ученыхъ готовится».

— Да, братъ, облѣнились мы съ тобой, ухъ, какъ облѣнились!—замѣчалъ при этомъ Кряжовъ.—Вотъ вѣдь съѣздить бы надо туда, а подняться лѣнь, къ мѣсту приросли... Помяни ты мое слово, пришибетъ насъ когда-нибудь кондрашка!..

— Ну, нѣтъ, голубчикъ, Аркадій Васильевичъ, ты этого не говори,—возражалъ Трегубовъ:—я подумываю на будущій-то годъ непремѣнно въ Германію махнуть и ужъ поѣду, какъ Богъ святъ, поѣду!

— О-о?—бросалъ Кряжовъ удивленный взглядъ на пріятеля.—Ну что-жъ, съ Богомъ, съ Богомъ... А вѣдь знаешь ли что? и я посмотрю, посмотрю, да и махну съ тобой туда... Отчего же бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ и не ѣхать? А? Ну, самъ посуди, отчего не ѣхать?

— Вотъ то-то и есть, Аркадій Васильевичъ, что и я не вижу никакой причины, по которой тебѣ нельзя бы было ѣхать; рѣшительно не вижу такой причины, — глубокомысленно замѣчалъ Трегубовъ, разводя руками.

Потомъ снова наступало молчаніе между будущими путешественниками. Наконецъ, проходило три четверти часа; тогда, почти изъ минуты въ минуту угадывая время, поднимался Трегубовъ, тщательно складывалъ газету, аккуратно клалъ ее на старое мѣсто и прощался:

— Ну, я пойду теперь, милый мой Аркадій Васильевичъ.

— Христосъ съ тобой, голубчикъ, Абрамъ Семеновичъ. Не забывай меня, заверни, если случай такой выдастся.

— Нѣтъ, какъ можно; вотъ мимо придется когда-нибудь идти, такъ и заверну,—заканчивалъ Трегубовъ, тихо выходя отъ Кряжова и постукивая палкой.

Ни тому, ни другому, повидимому, не приходило въ голову, что и безъ обѣщаній прогулка Трегубова должна повторяться, изъ года въ годъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю для поддержанія его здоровья, что и безъ просьбы придется ему отдохнуть только у Кряжова, послѣдняго и единственнаго его друга и сверстника, что и Кряжовъ, постоянно ведущій сидячую жизнь, не видящій въ теченіе недѣли почти никакого живого лица кромѣ дочери и своего воспитанника, не обошелся бы и трехъ недѣль безъ этого

Digitized by Google

посѣщенія. Такъ шли многіе годы для двухъ профессоровъ-друзей, постоянно сидѣвшихъ сиднемъ въ своихъ кабинетахъ и рѣшавшихся на слѣдующій годъ совершить далекое путешествіе.

Кромѣ этой, такъ-сказать, внѣшней стороны, была у Кряжова и другая сторона въ жизни. Онъ былъ не только ex-профессоромъ, но и отцомъ. Женился онъ сорока слишкомъ лѣтъ на молоденькой нѣмочкѣ — гувернанткѣ, жившей въ томъ же домѣ, гдѣ онъ былъ гувернеромъ. Рѣшился онъ на этотъ шагъ только потому, что ему вдругъ досталось довольно большое наслѣдство, а значитъ и представилась необходимость завестись своимъ хозяйствомъ. Такъ какъ ходить далеко за невѣстой было не въ характерѣ тяжелаго на подъемъ человѣка и такъ какъ нѣмочка была кротка, несчастна и находилась подъ рукой, то Кряжовъ и повѣнчался безъ всякихъ отлагательствъ и лишнихъ переговоровъ съ нею. Она, съ своей стороны, пошла за него потому, что считала его великимъ человѣкомъ. Богъ знаетъ, былъ ли онъ великимъ человѣкомъ, но добродушнымъ человѣкомъ онъ былъ дѣйствительно, и мечтательница-нѣмочка была счастлива, что, однако, не помѣшало ей черезъ три года умереть, столкнувшись впервые съ дѣйствительными, совсѣмъ прозаическими послѣдствіями супружеской жизни—съ первымъ ребенкомъ.

Кряжовъ возился, какъ умѣлъ, съ малюткой-дочерью. Въ это время онъ жилъ уже богато въ собственномъ домѣ и имѣлъ довольно прислуги для ухода за дѣвочкой. Впрочемъ, это не мѣшало ему самому вмѣшиваться во все, что касалось ребенка, и даже можно было замѣтить, что онъ имѣетъ сильное поползновеніе научить кормилицу, какъ нужно кормить дѣтей грудью. Конечно, эти поползновенія не могли имѣть никакихъ послѣдствій, такъ какъ вообще вся прислуга Кряжова хотя и любила его, но смотрѣла на него съ какимъ-то высокомѣрнымъ снисхожденіемъ, какъ смотрятъ на капризничающаго шалуна-мальчугана. Въ своемъ кругу прислуга отзывалась съ неуваженіемъ даже о занятіяхъ ex-профессора и говорила постороннимъ:

— Э, *нашъ*-то вѣдь только цѣлый день книжки читаетъ! У него и дѣла-то другого нѣтъ!

Въ этихъ словахъ слышалось глубочайшее презрѣніе къ ученымъ трудамъ ex-профессора; еще съ большимъ неуваженіемъ отзывались *люди* объ его образѣ жизни:

— Да развѣ этакъ господа-то живутъ?—восклицали они.—

Digitized by Google

Развѣ это порядокъ цѣлый вѣкъ взаперти сидѣть? И какое это хозяйство! Ни до чего ему дѣла нѣтъ... Накупитъ разной рухляди, обтрепанныхъ книжонокъ натащитъ, и тронуть не смѣй... Вотъ и теперь корзина съ хламомъ въ кабинетѣ стоитъ... А это развѣ порядокъ корзины въ кабинетъ ставить?.. Прибрать ничего не даетъ, такъ у него и пыли не сметай... Ужъ потонетъ онъ въ ней когда-нибудь, прости Господи!.

Съ трехъ лѣтъ, дочь уже воспользовалась правомъ по цѣлымъ часамъ сидѣть на колѣняхъ отца во время его ученыхъ занятій. Кряжовъ былъ такъ силенъ, а ребенокъ такъ малъ, что отецъ иногда забывалъ о присутствіи живого существа на его широкихъ колѣняхъ, точно тамъ лежала просто какая-то еще ненужная для его изысканій книга. Потомъ отецъ сдѣлался учителемъ своей шестилѣтней дочери и въ часы отдохновенія, въ убранной по-старинному столовой, училъ дѣвочку, потягивая пиво, при свѣтѣ пылавшихъ въ каминѣ дровъ. Иногда среди занятій ребенку вдругъ приходила въ голову какая-нибудь странная, блажная фантазія.

— А вѣдь я тебѣ, папка, волосы взъерошу! —обращалась она къ отцу совершенно неожиданно и безъ всякихъ видимыхъ причинъ къ появленію подобнаго желанія.

— Ну, взъерошь!—хладнокровно улыбался отецъ, и дѣтскіе пальчики уже путали сѣдые волосы отца.

Въ комнатѣ раздавался веселый хохотъ старика и ребенка.

Если являлись посторонніе люди, то малютка сначала смотрѣла на нихъ тайкомъ, съ какимъ-то напряженнымъ любопытствомъ, стараясь не обратить ихъ вниманія на себя, потомъ, разсмотрѣвъ подробно гостя, она начинала заигрывать съ нимъ, кружилась по комнатѣ, подобно дикаркѣ съ какихъ-нибудь австралійскихъ острововъ, наконецъ подходила къ гостю, дергала его и очень рѣшительно замѣчала:

— А вѣдь ты, Тлегубовъ, какъ я замѣчаю!

Вѣроятно, такое заключеніе являлось вслѣдствіе того, что она только и знала эту фамилію. Подобныя дѣтскія выходки восхищали Кряжова, и ему не приходило въ голову, что дѣтскій умъ развивается какъ-то ненормально. Но черезъ нѣсколько времени, отецъ сталъ замѣчать, что дѣвочка груститъ, худѣетъ и становится все болѣе и болѣе странною, все сильнѣе и сильнѣе походитъ на австралійскую дикарку; онъ началъ волноваться не на шутку.

Digitized by Google

— Что съ тобой, голубчикъ, Аркадій Васильевичъ?— заботливо спрашивалъ Трегубовъ.—Ты на себя не похожъ становишься!

— Ребенка не могу найти!—развелъ руками въ стороны Кряжовъ и даже раскланялся, должно быть для того. чтобы Трегубовъ сильнѣе прочувствовалъ всю важность этого событія.

— Господи!—ужаснулся Трегубовъ. — Что же нянька-то глядѣла?.. А? Вотъ вѣдь давно я замѣчалъ, давно замѣчалъ, что вѣтеръ у нея въ головѣ ходитъ, только не говорилъ... Ахъ, ты, Господи!.. И куда же это она дѣвалась?..

— Не то, не то! — перебилъ Кряжовъ. — Груня, слава Богу, дома... Ты меня, Абрамъ Семеновичъ, не понялъ... Мнѣ еще нужно ребенка.

Трегубовъ хлопнулъ себя въ изумленіи по колѣнямъ, покачалъ головою и потомъ глубокомысленно закусилъ два пальца правой руки, въ знакъ сильнаго раздумья.

— Ну, какъ ты это сдѣлаешь, ужъ я и ума не приложу,— развелъ онъ черезъ нѣсколько минутъ руками.

Въ одинъ прекрасный день Кряжовъ повеселѣлъ и лукаво подмигивалъ, встрѣчая Трегубова.

— А ребенка-то я нашелъ, ей-Богу нашелъ! — говорилъ онъ и показалъ другу новый, очень невзрачный экземпляръ человѣческаго существа, уже умѣвшій говорить: «Ахъ ты чольтъ, мазуликъ плоклятый».

Это былъ черномазенькій мальчуганъ съ вздернутымъ носомъ, немного приплюснутымъ лбомъ и сердитыми глазенками. Мальчикъ былъ сирота, сынъ чиновника; его отыскалъ Кряжовъ гдѣ-то въ грязи, въ людской и боялся, что ребенка не отдадутъ ему, но оказалось, что не только этого ребенка рады были отдать люди, но предлагали Кряжову еще нѣсколькихъ такихъ же безродныхъ сиротъ.

— Эхъ, братъ, Абрамъ Семеновичъ, видно, самый дешевый товаръ безродныя дѣти, — говорилъ Кряжовъ своему другу. — Даромъ стараго каталога не дадутъ, а тутъ еще кланяются, чтобъ человѣкъ только взялъ ребенка. Не угодно ли, говорятъ, мы вамъ вотъ еще двухъ принесемъ, такъ тѣ будутъ получше... Ишь ты, получше!...

VI.

Дочь и воспитанникъ Кряжова.

Маленькій Павлуша Панютинъ сдѣлался любимцемъ Кряжова и его дочери, немного повеселѣвшей въ обществѣ но-

Digitized by Google

ваго товарища. Теперь все пошло отлично. Маленькое государство, гдѣ Кряжовъ былъ скорѣе послѣднимъ подданнымъ, чѣмъ президентомъ, благоденствовало. Груня и Паня росли вмѣстѣ, горячо любили другъ друга и прилежно, хотя и не бойко учились. Росли дѣти совершенно одиноко. Кряжовъ, погруженный въ свои работы, даже и не замѣчалъ, что прислуга ненавидитъ лишнюю обузу-пріемыша, что гувернантка совсѣмъ не занимается дѣтьми и читаетъ романы, оставляя воспитанниковъ безъ присмотра. Характеры дѣтей слагались какъ-то странно: Груня — божество прислуги — была задумчива, слаба и пуглива; Паня—плотъ прислуги—былъ мраченъ, горячъ и мстителенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ гувернантку отпустили, Паня поступилъ на казенный счетъ въ гимназію, а къ Грунѣ стало ходить еще больше учительницъ и учителей. Особенно мягкимъ и добрымъ учителемъ оказался одинъ студентъ, дальній родственникъ Кряжова. Онъ былъ такой робкій, почтительный и прилежный, что скоро сдѣлался пріятелемъ не только самого добродушнаго Кряжова, но даже и пугливой, несообщительной Груни. Зато съ первой же минуты знакомства Паня взглянулъ на этого учителя, какъ на врага. Съ свойственною ему мрачною злобою слѣдилъ онъ за учителемъ и обличалъ его передъ Груней. Между дѣтьми возникали горячіе споры и даже ссоры изъ-за этого учителя. Не меньшею ненавистью отплачивалъ мальчику и наставникъ. Онъ былъ не кто другой, какъ нашъ знакомецъ, Алексѣй Алексѣевичъ Обносковъ.

По цѣлымъ часамъ готовъ онъ былъ слушать разсужденія Кряжова о новыхъ изслѣдованіяхъ и очень часто самъ просилъ совѣтовъ старика по разнымъ ученымъ вопросамъ, какъ когда-то просилъ онъ у латинскаго учителя совѣтовъ насчетъ выбора книгъ для чтенія. Черезъ три года послѣ своего вступленія наставникомъ въ домъ Кряжова, Обносковъ былъ уже своимъ человѣкомъ въ этомъ домѣ.

Оставаясь послѣ уроковъ у Кряжова, Обносковъ бесѣдовалъ съ хозяиномъ о различныхъ предметахъ, волновавшихъ въ то время общество. А это была та кипучая пора, когда поднимались новые вопросы, и ежедневно появлялись статьи, говорившія на всѣ лады о томъ, кому нужно дать новыя права и кому не нужно, кого надо сѣчь и кого не надо. Эти разговоры послужили новою причиною для Павла Панютина ненавидѣть Обноскова. Обносковъ это замѣчалъ и искалъ случая дать генеральное сраженіе врагу.

Digitized by Google

Однажды передъ своимъ отъѣздомъ за границу, Обносковъ говорилъ объ этихъ же животрепещущихъ вопросахъ съ Кряжовымъ. Разговоръ коснулся розогъ.

— Давно пора было возбудить эти толки о розгахъ, — говорилъ Кряжовъ.—Я никогда не оправдывалъ жестокаго обращенія съ дѣтьми. Учителя не должны быть палачами.

— Но строгость, Аркадій Васильевичъ, нужна, — замѣтилъ Обносковъ скромнымъ тономъ.

— Ну, конечно, конечно! Безъ строгости нельзя,—согласился Кряжовъ, лаская дочь, присѣвшую на ручку отцовскаго кресла.

— Мнѣ кажется, наши доморощенные гуманисты придаютъ значенію розогъ не тотъ смыслъ, какой онѣ имѣютъ на самомъ дѣлѣ,—продолжалъ Обносковъ осторожно проводить свою мысль.—Эти крикуны съ одной стороны видятъ что-то позорящее въ розгѣ и съ другой предполагаютъ въ ребенкѣ такой развитый умъ, который можно наставить на путь истины убѣжденіями. Это двойная ошибка. Никто изъ насъ не былъ опозоренъ тѣмъ, что его сѣкли въ дѣтствѣ, и почти никто не можетъ похвалиться, что онъ ребенкомъ сознавалъ необходимость хорошихъ поступковъ. Иногда онъ только изъ страха передъ наказаніемъ и не дѣлался негодяемъ.

— А ужъ и пороли же нашего брата,—добродушно засмѣялся Кряжовъ, вспоминая свое собственное дѣтство.—Меня инспекторъ не любилъ,—я вѣдь былъ первымъ головорѣзомъ,—такъ онъ, бывало, какъ придетъ суббота, такъ и зоветъ меня. раба Божія,—ну, я ужъ и знаю, бывало, что порка будетъ... И что же это былъ за звѣрь-человѣкъ. Небо, бывало, съ овчинку покажется... Онъ меня во едину отъ субботъ такъ выпоролъ, что я и изъ школы бѣжалъ...

— Ну, такіе звѣри теперь немыслимы; это просто ненужная тиранія,—заговорилъ снова Обносковъ. — Но вотъ я сейчасъ имѣлъ честь вамъ говорить о нашихъ гуманистахъ,— вернулся онъ къ своей мысли.—Они признаютъ нелѣпымъ дѣйствовать на ребенка физическою болью, требуютъ, чтобы его наставленіями довели до хорошаго поведенія, а между тѣмъ, они же сами признаютъ несостоятельность поученій и хорошихъ примѣровъ, когда дѣло вообще касается исправленія преступниковъ...

— Э, батенька, вы смѣшиваете понятія, — прервалъ его Кряжовъ. — Поученія недостаточны для исправленія преступника, потому что онъ все-таки будетъ преступно дѣй-

Digitized by Google

ствовать подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, какъ нужда, неимѣнье работы, сознаніе неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ. Вмѣсто наставленій нужно или уничтожить эти причины его негодности, или пресѣчь ему путь къ преступленію...

— Ну-съ?

— Ну, а у ребенка нѣтъ этихъ причинъ для преступныхъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, школа старается ихъ устранить. Ребенокъ бываетъ дуренъ больше по привычкѣ, да по неразвитости. Онъ воруетъ не оттого, что у него хлѣба нѣтъ, а потому, что онъ не понимаетъ дурной стороны этого поступка. И лѣнится онъ потому, что не понимаетъ, какъ это вредно для него.

— Позвольте, Аркадій Васильевичъ, сдѣлать вамъ возраженіе,—почтительно перебилъ Обносковъ.—Вы, смѣю васъ увѣрить, ошибаетесь. Ребенокъ именно потому поступаетъ дурно, что его принуждаютъ къ этому окружающія его обстоятельства, такъ же, какъ и всякаго взрослаго преступника. Совершенно устранить ихъ нѣтъ никакой возможности, и еще менѣе есть возможность устранить ихъ вдругъ, потому-то наставленія, хорошіе примѣры, ласки, все то, что проповѣдуютъ гуманисты, просто чепуха и пустяки. Соловья баснями не кормятъ. Тутъ нужно прибѣгнуть къ устрашающимъ мѣрамъ. Да!.. Видя, что его богатый товарищъ лакомится, ребенокъ не захотѣлъ перенести лишенія лакомства,—а вы его накажите, да такъ накажите, чтобы онъ понялъ, что страданье отъ наказанія за проступокъ сильнѣе того страданія, какое онъ испытывалъ, не имѣя лакомства. Ребенокъ видитъ праздныхъ людей и хочетъ тоже ничего не дѣлать, сибаритничать,—а вы накажите его за лѣнь, чтобы онъ сознался, что лучше прилежно поработать, чѣмъ за минуту сладкой праздности подвергнуться тяжелому наказанію. Этимъ путемъ только вы и добьетесь чего-нибудь.

— Да вѣдь то скверно, что у насъ наказанія скоро переходятъ въ истязанія,—слабо защищалъ Кряжовъ дѣтей, продолжая скучный для него диспутъ.

— А! что касается до жестокости, то я первый ея врагъ,—оживился Обносковъ.—Мѣра вездѣ нужна. Жестокость, несправедливость—это гнусныя крайности...

— Да, да, справедливость—это первое!

— Ну, кто же станетъ противъ этого спорить!..

— Вы сами порете дѣтей или другихъ заставляете ихъ сѣчь, если они виноваты?—неожиданно спросилъ шестна-

Digitized by Google

дцатилѣтній Панютинъ, стоявшій въ полутьмѣ, за кресломъ Кряжова.

Обносковъ вдругъ вспыхнулъ и бросилъ гнѣвный взглядъ по направленію къ своему нелюбимому ученику. Тотъ почти весь былъ скрытъ высокой спинкой древняго кресла ex-профессора и надъ рѣзьбой спинки виднѣлся одинъ немного приплюснутый лобъ мальчика съ нависшими черными волосами, да сверкали, какъ два горящіе угля, злые черные глаза.

— Какія глупости ты спрашиваешь,—замѣтилъ немного смущенный Кряжовъ.

— Если бы васъ нужно было сѣчь, такъ я самъ бы высѣкъ, — засмѣялся насильственнымъ смѣхомъ Обносковъ, плохо скрывая досаду.

— Ну, и поплатились бы своими боками, — спокойно отвѣтилъ Панютинъ.

Обносковъ позеленѣлъ.

— Ступай вонъ, въ свою комнату иди!—строго проговорилъ Кряжовъ.

Панютинъ пошелъ изъ комнаты, стуча по-мужицки ногами.

— Ишь, другихъ, небось, заставляетъ сѣчь, а самъ не хочетъ, боится, что плюхъ надаютъ, — проговорилъ онъ вполголоса.

Нѣкоторыя изъ этихъ словъ смутно долетѣли до слуха собесѣдниковъ. Однако, ни Кряжовъ, ни Обносковъ не сказали ни слова. Молчаніе было какое-то натянутое.

— Нехорошій у него характеръ,—произнесъ черезъ нѣсколько минутъ Обносковъ.

Груня съ замираніемъ сердца ждала отвѣта отца. Отецъ молчалъ.

— Вы его сильно балуете, съ нимъ нужна строгость и строгость,—продолжалъ уже смѣлѣе Обносковъ.

— Папа, онъ добрый, ей-Богу, онъ добрый,—неожиданно прижалась Груня къ отцу.

Въ ея дрожащемъ голосѣ послышался испугъ и слезы.

— Голубка, что ты такъ взволновалась?—изумился Кряжовъ и обнялъ одною рукою дочь, склонившую къ нему на плечо свою головку.—Вели-ка лучше намъ чаю подавать, да скажи Павлу, чтобы не дулся.

Груня пошла.

— Чудное, нѣжное дитя!—прошепталъ какъ бы про себя Обносковъ.

Кряжовъ съ чувствомъ пожалъ его руку.

— А знаете ли что, Аркадій Васильевичъ, — вкрадчиво

Digitized by Google

началъ Обносковъ. — Вѣдь онъ ужъ не дитя, у него усики пробиваются надъ губой... Конечно, это не мое дѣло, но все же такая близость къ дѣвушкѣ... это слишкомъ близкія отношенія. Тутъ опасная игра...

Кряжовъ изумился и обратилъ на Обноскова удивленные глаза.

— Что это вы? — покачалъ онъ головою. — Они братъ и сестра...

— Чужіе, Аркадій Васильевичъ, чужіе! И притомъ обоимъ идетъ по семнадцатому году... Вы замѣтили сейчасъ это волненье у вашей дочери?.. Это не даромъ.

— Полноте, полноте!—замахалъ рукою Кряжовъ.

— Вы меня извините, но я такъ ваше семейство люблю, такъ люблю самого Павла, что... — Обносковъ засмѣялся и потомъ окончилъ:—его не худо бы удалить изъ дома.

— Ну, нѣтъ-съ, ужъ этого-то я не сдѣлаю,—почти разсердился Кряжовъ, входя съ Обносковымъ въ столовую.

— Что, молодой человѣкъ, вы, кажется, изволили на меня надуться? — шутливо потрепалъ Обносковъ Панютина по плечу, когда всѣ собрались въ столовой.

Панютинъ смотрѣлъ исподлобья куда-то въ сторону и ничего не отвѣчалъ.

— Вѣрьте мнѣ, что я горячо желаю добра молодежи и вамъ первымъ, уже потому, что васъ любятъ и балуютъ тѣ, которые дороги мнѣ,—еще разъ ласково прикоснулся Обносковъ къ плечу Панютина.

Тотъ, грубо отдернувъ плечо, стоялъ попрежнему безмолвно и, злобно обкусывая ногти, мрачно хмурилъ брови. Обносковъ съ веселымъ и добродушнымъ видомъ развязно отошелъ къ камину, гдѣ помѣстился Кряжовъ, а Груня прошептала Панютину:

— Ты злой, злой!

Ей ясно послышалось, какъ въ отвѣтъ на эти слова мальчикъ непріятно скрипнулъ зубами. У нервной, блѣденькой и слабой дѣвушки пробѣжала по тѣлу дрожь отъ этого скрежета зубовъ. Она, стоя у стола, принялась разливать чай. По другую сторону стола стоялъ Панютинъ. Въ глубинѣ комнаты сидѣли Кряжовъ и Обносковъ. Всѣ молчали,—всѣмъ было не по себѣ...

Убранство комнатъ очень часто заставляетъ насъ угадывать, какія лица появляются въ нихъ. Такъ, кабинетъ, съ десятками трубокъ, съ картинками вольнаго содержанія, съ соблазнительными статуэтками и съ открытымъ скандалез-

Digitized by Google

нымъ романомъ на столѣ, сразу рисуетъ въ нашемъ воображеніи плотнаго, пожилого холостяка съ довольнымъ видомъ, масляными глазами и слегка красноватымъ носомъ. Тюль кружева, розовый атласъ на мебели, пахучія растенія, бронзовыя и фарфоровыя бездѣлушки заставляютъ насъ искать глазами кокетку, прилегшую гдѣ-нибудь на кушеткѣ за плющемъ, и стоитъ только выскочить откуда-нибудь слезливой шавкѣ или предстать нашимъ глазамъ колодѣ картъ, чтобы мы не искали хозяйку этого будуара и угадали впередъ, что этой кокеткѣ уже давно перевалило за сорокъ лѣтъ. А бѣдное, сырое жилище, съ ободранными обоями, поломанными стульями, развѣ не заставляетъ ожидать появленія зеленовато-блѣднаго, изнеможеннаго лица? Но рѣдкія комнаты такъ гармонировали своей обстановкой съ лицами своихъ обитателей, какъ гармонировала столовая Кряжова съ собравшейся въ ней группой людей.

Крыжовъ, какъ всѣ профессора, занимающіеся археологическими, филологическими или вообще историческими изысканіями, скупалъ разныя древности и получалъ ихъ въ даръ, какъ отъ своихъ ученыхъ собратій, такъ и отъ уважающихъ его лицъ. Съ годами этихъ вещей накопилось столько, что его жилище превратилось въ музей рѣдкостей и нашлась возможность не громоздить эти рѣдкости, какъ нѣчто случайно попавшее сюда, въ безпорядочную кучу, наподобіе вещей, сгроможденныхъ въ аукціонной камерѣ, а можно было разсортировать ихъ со смысломъ и вкусомъ по отдѣльнымъ комнатамъ, изъ которыхъ каждая имѣла свой характеръ. Столовый залъ напоминалъ средніе вѣка и готическую архитектуру. Онъ былъ высокъ и мраченъ; кромѣ большого окна, всегда полузакрытаго тяжелыми темными драпри, падавшими на полъ широкими складками, въ немъ былъ еще стеклянный просвѣтъ сверху. Кресла, стулья и два угольные дивана въ этой комнатѣ были массивны и сдѣланы изъ темнаго дуба въ средневѣковомъ вкусѣ съ остроконечными спинками. Такой же работы буфетный шкапъ походилъ на органъ старой нѣмецкой церкви. Каминъ напоминалъ собою открытый входъ въ пропасть могильнаго, готическаго склепа и огонь, пылавшій въ этой пропасти, кажется, служилъ наглядным доказательствомъ существованія того ада, передъ которымъ такъ трепетали въ темные средніе вѣка. Несмотря на различіе физіономій и лѣтъ, гармонировали съ этою обстановкой и наши герои. Сѣдой маститый патріархъ Кряжовъ и зеленовато-блѣдный

Digitized by Google

сухой Обносковъ казались выхваченными изъ среднихъ вѣковъ и перенесенными въ наше время личностями Фауста и Вагнера. Худенькое и хрупкое существо Груни, съ двумя падавшими за плечами косами, несмотря на некрасивое лицо, напоминало Гретхенъ, а мрачный, безмолвный Панютинъ, продолжавшій кусать ноготь большого пальца, казалось, только ждалъ темной ночи, чтобы улизнуть куда-нибудь въ лѣсъ, либо на большую дорогу, гдѣ еще рѣшаются ѣздить поздней порою неосторожные путники. Огонь, пылавшій въ комнатѣ, освѣщалъ красноватымъ пламенемъ лица Кряжова и Обноскова; лица же Груни и Панютина казались еще блѣднѣе отъ бѣлаго свѣта лампы съ матовымъ шаромъ. Кромѣ этого освѣщенія наверху, въ просвѣтѣ потолка, виднѣлся какой-то угрюмый синевато-сѣрый свѣтъ вечерѣющаго дня.

Наконецъ чай былъ допитъ. Обносковъ простился съ хозяевами, горячо пожалъ руку Груни и ушелъ. Черезъ день онъ уѣзжалъ за границу...

— Павелъ,—позвалъ Кряжовъ воспитанника.

Тотъ подошелъ, молча потупивъ голову.

— Ты меня глубоко огорчаешь своимъ характеромъ, — заговорилъ, насколько могъ строго, старикъ, вообще не любившій и не умѣвшій читать наставленія. — Ты еще почти дитя; люди въ этомъ возрастѣ должны быть мягкими, добрыми. Если они будутъ злы уже съ этихъ лѣтъ, то что же выйдетъ изъ нихъ послѣ? Алексѣй, можетъ-быть, говорилъ такія вещи, которыя могли тебѣ не нравиться, но нельзя же заставить другихъ говорить только пріятное намъ и сверхъ того... сверхъ того...

Старика начинало смущать упорное молчаніе воспитанника, онъ тревожно потеръ себѣ лобъ рукою.

— И вотъ,—началъ снова Кряжовъ:—онъ же подошелъ къ тебѣ съ ласковымъ словомъ, а ты плечомъ-то дернулъ!... Это не хорошо! Ты уже ради того долженъ бы быть съ нимъ предупредительнымъ, что онъ старше тебя, что онъ былъ твоимъ учителемъ. Онъ всѣхъ насъ любитъ, ты это долженъ помнить и не отталкивать хорошаго человѣка...

Панютинъ слушалъ съ суровою покорностью рѣчи путавшагося старика.

— Да, да, онъ и тебя любитъ,—вмѣшалась Груня.—Ты слышалъ, онъ сказалъ: я вамъ добра желаю. Зачѣмъ же ты не протянулъ руки, зачѣмъ продолжалъ дуться на него?

Молчавшій въ продолженіе рѣчей Кряжова Панютинъ

Digitized by Google

теперь вдругъ вспыхнулъ, какъ порохъ, услышавъ слова Груни.

— Да ты-то что за него заступаешься?—воскликнулъ онъ и бросилъ на нее сверкавшій злобою взглядъ.—Тебѣ-то онъ еще заплатитъ за это!..

Груня отвернулась.

— Оставь его, папа. Онъ сегодня не въ духѣ,—проговорила она, обращаясь къ отцу, и сѣла къ его ногамъ, придвинувъ маленькую скамейку.

Панютинъ, ворча что-то себѣ подъ носъ, вышелъ изъ комнаты. «Лакеишки знаютъ, что онъ подлецъ, а она не знаетъ,—бормоталъ онъ въ своей спальнѣ, швыряя вещи.—Кухарки говорятъ, что онъ загубитъ ея вѣкъ, а она сахарничаетъ съ нимъ. Всѣ у нихъ милые, добрые, а мнѣ отъ послѣдней судомойки житья нѣтъ!» Панютинъ толкнулъ ногою къ столу первый попавшійся стулъ и съ шумомъ опустился на него, облокотившись руками на столъ и запустивъ пальцы въ свои взъерошенные, косматые волосы. А въ столовой, между тѣмъ, еще разсуждали отецъ и дочь.

— Боюсь я за Павла,—говорилъ въ раздумьѣ Кряжовъ.—И отчего это у него такой испорченный характеръ?

— Ничего, папа, онъ перемѣнится, онъ умный,—утѣшала дочь.—Онъ только Алексѣя не любитъ, а вѣдь съ нами онъ хорошъ, насъ онъ любитъ...

— Любитъ ли,—это еще вопросъ, задумчиво промолвилъ Кряжовъ.

Груня вся зарумянилась, сама не зная почему, и почти шопотомъ, застѣнчиво, протяжно промолвила:

— Лю-битъ!

Кряжовъ не обратилъ вниманія на стыдливое выраженіе лица дочери, махнулъ рукою, какъ бы отстраняя опасенія насчетъ судьбы воспитанника, и на другой день былъ попрежнему привѣтливъ съ дорогими сердцу людьми. Груня и Панютинъ тоже были попрежнему спокойны, читали вмѣстѣ книги, радовались переѣзду въ деревню и не разлучались ни на минуту другъ съ другомъ. Между ними царствовала примѣрная братская преданность, полная гармонія, тихая нѣжность. Нерѣдко Кряжовъ съ восторгомъ смотрѣлъ, какъ изъ-за лѣса несся къ его деревенскому дому легкій кабріолетъ, гдѣ сидѣла розовенькая отъ воздуха и быстрой ѣзды Груня, не безъ страха прижавшаяся къ своему молодому другу, у котораго сверкали глаза какимъ-то яркимъ огнемъ дикой отваги и страсти...

Digitized by Google

— Пошли вамъ Богъ счастья, милыя дѣти,—ласково говорилъ Кряжовъ, встрѣчая ихъ на балконѣ.

Груня звонко и безъ счету цѣловала отца, а Панютинъ, съ какимъ-то не дѣтскимъ, вызывающимъ улыбку выраженіемъ серьезности, крѣпко и мужественно пожималъ руку старика, точно онъ былъ рыцаремъ этой дѣвушки и хотѣлъ сказать своимъ ободряющимъ рукопожатіемъ этому старику:

— Не падай духомъ, старичина, я ужъ буду заботиться о ея счастьи!

Смѣсь дѣтства и мужества, братской любви и рыцарскаго обожанія такъ и сквозили во всемъ существѣ некрасиваго, но страстнаго юноши...

VII.

Драма, которую вполнѣ поймутъ ея герои только впослѣдствіи.

Каждое письмо Обноскова, присылавшееся изъ-за границы къ Кряжову, кромѣ отчетовъ объ ученыхъ новостяхъ, содержало въ себѣ пространныя приписки съ вопросами о Грунѣ, съ поклонами ей. Дѣловая сторона этихъ писемъ съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе возвышала мнѣніе Кряжова объ Обносковѣ, а теплыя слова о Грунѣ заставляли профессора все сильнѣе и сильнѣе любить юнаго ученаго. Черезъ годъ послѣ разлуки Кряжовъ уже не иначе называлъ Алексѣя Алексѣевича, какъ «нашимъ молодымъ другомъ», и постоянно бесѣдовалъ о немъ съ Грунею, передавая ей содержаніе писемъ и въ особенности приписокъ въ письмахъ «нашего молодого друга». Старику непремѣнно хотѣлось, чтобы дочь раздѣляла его восторгъ передъ «нашимъ молодымъ другомъ». Однажды, во второй годъ пребыванія Обноскова за границей, пришло отъ него одно письмо, отчасти встревожившее, отчасти обрадовавшее старика. Прочитавъ его два раза, старикъ бросилъ свои ученыя занятія и долго ходилъ изъ угла въ уголъ по своему кабинету, то потирая себѣ лобъ рукою и ослабляя галстукъ, то тяжело вздыхая, то сладостно улыбаясь старческою улыбкой.

— А знаешь ли, голубка,—говорилъ онъ вечеромъ, лаская Груню:—что пишетъ намъ нашъ молодой другъ?

— Нѣтъ, папа, не знаю,—простодушно покачала головой Груня.

— Не знаешь?—плутовато подмигнулъ отецъ. — Ну-ка, угадай!

— Право, придумать не могу...

Digitized by Google

— Нашъ молодой другъ предлагаетъ тебѣ свою руку,— торжественно объявилъ Кряжовъ и сдѣлалъ такіе испытующіе глаза, какъ будто онъ дѣйствительно могъ угадать, какое впечатлѣніе произведутъ эти слова на его дочь.

— Мнѣ папа еще рано выходить замужъ,—просто отвѣтила дочь и прибавила:— мнѣ такъ хорошо жить съ тобою.

— Ну, голубка, вѣчно со мною нельзя жить,—замѣтилъ глубокомысленно отецъ.—Да я и старъ, и слабъ становлюсь. Ты не знаешь, а я чувствую, что мнѣ уже недолго таскать ноги...

— Перестань, папа, что за мысли!—воскликнула дочь въ волненіи.—Не смѣй говорить о смерти! Слышишь, я не хочу этого слышать!—бросилась она цѣловать отца со слезами на глазахъ и улыбкой на губахъ.

— Ну, полно! — обнялъ ее отецъ.—Взволновалась ты... Вѣдь не сейчасъ же я умру. А что я старѣюсь, такъ тутъ и удивляться нечему: нужно же когда-нибудь и костямъ дать покой... Таковъ законъ природы, ласточка. Противъ него ничего не подѣлаешь... Да, да, голубка, а хорошо бы и мнѣ еще внучатъ понянчить. Опять бы ребятишки вокругъ меня завозились, ползали бы, какъ ты вотъ ползала... Славное это было время, Груня! Вспомнилось бы оно мнѣ снова... Я чувствую, что вѣдь я помолодѣлъ бы; жизни мнѣ на десять лѣтъ прибавилось бы... А то мы съ тобою вотъ затворились совсѣмъ, дѣтскаго смѣха не слышимъ, день за день какъ въ монастырѣ проводимъ... Это плохая жизнь. Намъ оживиться надо, встрепенуться надо, чтобы около насъ молодыя силы кипѣли, чтобы твое блѣденькое личико зарумянилось...

Старикъ оживился. Груня задумчиво слушала его и не говорила ни слова, въ ея головѣ вертѣлись роковыя слова отца: «Это мнѣ на десять лѣтъ жизни прибавило бы».

— Но, можетъ-быть, ты его не любишь? — вдругъ спросилъ Кряжовъ у дочери и снова взглянулъ на нее испытующими глазами.

— Я никого не люблю, папа, — безсознательно отвѣтила она, не выходя изъ своего раздумья.

— Что это за отвѣтъ?—покачалъ головою отецъ.— Такъ ты и меня не любишь, не любишь и Павла?..

При послѣднемъ имени лицо Груни покрылось яркимъ румянцемъ. Ни она, ни старикъ не замѣтили этого.

— Полно, папа. Ты знаешь, что я васъ всѣхъ люблю,— сказала какъ-то печально дочь.— Я не то хотѣла сказать... Я и Алексѣя люблю...

Digitized by Google

— Ну, вотъ видишь ли, ты и его любишь, а говоришь, что не любишь никого,—радостно поторопился перебить ее отецъ.

— Я не умѣю, папа, этого высказать тебѣ,—сдѣлала нетерпѣливый жестъ рукою Груня, досадуя на себя. — Но знаешь ли, я слышала... читала въ книгахъ... что если человѣкъ любитъ кого-нибудь, то ночей не спитъ, думая все о миломъ, готовъ идти на край свѣта, далеко-далеко,—показала рукой Груня куда-то вдаль, — радъ душу отдать за милое существо...

— Ну? ну?

— Ну, а я объ Алексѣѣ никогда такъ не думала...

— Это зависитъ отъ характера, отъ характера зависитъ,— заговорилъ отецъ. — Ты въ меня... Мы съ тобой сидни, люди съ лѣнцой, тюфяки... Это ужъ натуры такія... Вотъ и я,—самъ не знаю, какъ женился: не гадалъ, не думалъ и вдругъ взялъ да и женился... А вѣдь я любилъ твою покойную мать... Право, любилъ!.. Славная она была женщина, добрая, честная!

Кряжовъ отеръ слезу, навернувшуюся на глаза, и смолкъ на минуту.

— Вѣдь вотъ, тебѣ и на балахъ скучно,—продолжалъ онъ:—а посмотри на другихъ дѣвушекъ, онѣ ночей не спятъ, плачутъ, если имъ не удастся въ собраніи поплясать...

— Что ты это выдумалъ,—задумчиво улыбнулась Груня.— Кто же это станетъ мучиться изъ-за бала?

— Кто? Всѣ, рѣшительно всѣ дѣвушки, за исключеніемъ тебя,—утверждалъ отецъ.—Имъ все прыгать хочется, болтать хочется, наряжаться хочется, — ну, а ты этого не любишь, потому что у тебя не такая подвижная натура... Ты болѣе сосредоточенна, внутреннею жизнью живешь... Вотъ почему ты, голубка, ни о комъ и не мечтаешь такъ страстно, не чувствуешь возможности уйти за кѣмъ-нибудь на край свѣта.

— Кромѣ родныхъ, кромѣ родныхъ! — поспѣшила перебить Груня.

— Ну, голубка, и родные-то всѣ твои—одинъ я,—замѣтилъ отецъ.

— А Павелъ? — воскликнула дѣвушка почти съ негодованіемъ на отца за то, что онъ забылъ эту личность.—Ты не считаешь Павла роднымъ?.. Но вѣдь я и за него, какъ за тебя, готова умереть,—да, да, умереть готова!—воскликнула она, и ея лицо снова запылало румянцемъ.

Digitized by Google

— Ну, конечно, конечно, добрая заступница! Ты знаешь, что я и сержусь на него, браню его, а не могу не любить его... Онъ мой пріемный сынъ, твой братъ... Я самъ, можетъ-быть, менѣе любилъ бы тебя, если-бъ ты не чувствовала привязанности къ такому близкому намъ обоимъ человѣку... Жить вмѣстѣ долгіе годы, жить не разлучаясь, и не любить человѣка могутъ только черствыя, недостойныя уваженія сердца... Ты, моя ласточка, не такова!..

Груня молчала и не начинала прерваннаго разговора объ Обносковѣ. Отецъ вздохнулъ, видя ея потупленное, грустное лицо.

— Впрочемъ, голубка, ты не печалься,—заговорилъ онъ.— Я тебѣ не навязываю мужа насильно... Сохрани меня Богъ!.. Не выходи за Алексѣя, не выходи ни за кого, если не хочешь. Ты знаешь, ты мнѣ не въ тягость. Я не разстался бы съ тобой, если бы ты и замужъ вышла. Мы видѣлись бы каждый день... Да, да, непремѣнно каждый день... Мы вмѣстѣ бы няньчили дѣтей, вмѣстѣ бы радовались на ихъ игры... Но не хочешь идти замужъ, — не выходи! Проживемъ и такъ! Что же, вѣдь мнѣ не привыкать стать жить въ могилѣ своего кабинета, гнуть горбъ надъ книгами, не слышать юной зарождающейся жизни... Вѣдь и въ прошломъ только ты одна оживляла мой уголъ, развлекала меня дѣтскимъ лепетомъ во время отдыха, — тогда у меня былъ сплошной отдыхъ, я не чувствовалъ, что у меня идетъ работа, я не уставалъ... Да, прошло это время, и не вернуть его!.. Будемъ жить мирно, тихо, тянуть день за днемъ, стариться и ждать могилы...

Груня молчала, опустивъ голову на грудь. По ея щекамъ струились одинокія слезинки.

— Ради Бога, не печалься,—утѣшалъ ее опять отецъ, не замѣчая, что надрывалъ ей сердце. — Я не ропщу. Я спокоенъ. Видишь, я спокоенъ. Авось еще проживу, авось еще не скоро покину тебя. Вѣдь собственно обо мнѣ и заботиться нечего. Моя жизнь прожита. Страшно мнѣ только за тебя, какъ ты останешься одна послѣ моей смерти, никому не нужною дѣвушкой!.. Вѣдь у тебя почти никого и знакомыхъ-то нѣтъ... Да, надо тебѣ сближаться со свѣтомъ, надо выѣзжать, разсѣиваться... Послѣ будетъ поздно заводить знакомства, а безъ знакомыхъ жить нельзя дѣвушкѣ-сиротѣ.

— Папа, если бы я вышла за Алексѣя, — ты былъ бы счастливъ?—задумчиво спросила дочь какимъ-то надорваннымъ голосомъ.

Digitized by Google

— Дитя мое, зачѣмъ ты спрашиваешь? Я только тогда былъ бы счастливъ, когда ты была бы счастлива..,

— Ну, а ты думаешь, что я была бы счастлива съ нимъ?

— Дитя мое, если ты его не любишь, то, разумѣется, ты не будешь съ нимъ счастлива... Но я вообще говорю о замужествѣ.

— Я еще никого не люблю изъ постороннихъ мужчинъ...

— Ну, значитъ, и оставимъ этотъ разговоръ, и оставимъ, будто его не было,—тяжело вздохнулъ отецъ.

Непривычное волненіе утомило старика, и онъ ослабѣлъ. Въ его обрюзгшемъ лицѣ было замѣтно какое-то болѣзненное выраженіе усталости. Это не ускользнуло отъ вниманія дочери. Она поцѣловала отца на прощанье передъ сномъ. Ей показалось, что его поцѣлуй былъ холоденъ,—только *показалось*, но уже одно это могло доставить этому странному ребенку нѣсколько часовъ безсонницы. Уединенная жизнь, ненормальное воспитаніе успѣли разстроить ея нервы и развить воображеніе. Кряжовъ же прошелъ въ свой кабинетъ и заходилъ изъ угла въ уголъ. Вспомнились ему свѣтлые годы дѣтства дочери. Вспоминалась кроткая фигура Алексѣя Обноскова и тутъ же промелькнули лица разныхъ видѣнныхъ имъ молодыхъ хлыщей и фатовъ. Начались размышленія о томъ, кто можетъ скорѣе составить счастіе его дочери,— эти ли блестящіе, но пустые господа, или скромный, усидчивый, трудолюбивый домосѣдъ Обносковъ? Показалось старику, что этотъ человѣкъ напоминаетъ его самого, Кряжова. И вотъ пошли думы о томъ, не былъ ли онъ самъ хорошимъ мужемъ. Совѣсть не подсказывала и не могла подсказать въ этомъ случаѣ ни одного упрека, напротивъ того, передъ старикомъ ожила картина смерти его жены и послышались ему снова послѣднія слова этой женщины: «Ты былъ счастіемъ моей жизни!» Незабвенныя, дорогія слова. Ихъ повторила бы, можетъ-быть, и Груня, если бы она была женою Обноскова. Вѣдь и Груня любитъ только семейное затишье, вѣдь и она не будетъ счастлива съ мужемъ-модникомъ, гулякой, бальной куклой. А только такихъ мужей можно найти на всякомъ перекресткѣ. Обносковы рѣдки... Такъ думалъ старикъ. Часы били двѣнадцать, часъ, два, три, шесть, а онъ все ходилъ и ходилъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ на что-то рѣшился и сѣлъ писать отказъ Обноскову. Взялъ бумагу, обмакнулъ перо въ чернила и остановился...

— Бѣдный нашъ молодой другъ, за что я тебя-то обижу

Digitized by Google

рѣзкимъ отказомъ?—почти со слезами на глазахъ вздохнулъ старикъ.—Нѣтъ, подожду, подготовлю тебя къ горькой новости... и если бы ты хоть меньше любилъ ее, меньше бы думалъ о ней! Все было бы легче... Эхъ, молодость, сколько ты горя приносишь и себѣ, и другимъ!..

И Кряжовъ сталъ писать Обноскову, что онъ еще не говорилъ дочери о его предложеніи, что онъ не хочетъ вдругъ превратить ее изъ ребенка въ невѣсту, что онъ ее подготовитъ къ этой новости, что, можетъ-быть, и будетъ успѣхъ, хотя онъ, Кряжовъ, и не можетъ ничего утверждать навѣрное, даже и предположеній не рѣшается дѣлать, чтобы не обмануться, такъ какъ вѣдь все можетъ случиться, все,—даже отказъ... А день, между тѣмъ, занялся. Старикъ вѣчно проводилъ дни въ спокойномъ сидѣньи за книгами, а эту ночь онъ не спалъ и проходилъ въ тревогѣ по комнатѣ. Это отразилось на его физіономіи. Дочь чуть не вскрикнула, увидавъ его обвисшее, тусклое лицо,

«Это начало смерти!» промелькнуло въ ея до болѣзненности впечатлительномъ умѣ и опять ей вспомнились роковыя слова отца: «Это мнѣ на десять лѣтъ жизни прибавило бы».

Отъ вниманія отца тоже не ускользнуло, что дочь встревожена, и онъ удвоилъ свою нѣжность къ ней. Въ этой нѣжности былъ какой-то грустный оттѣнокъ; казалось, старикъ спѣшилъ наглядѣться въ послѣднія минуты жизни на свое обожаемое дитя. И видъ старика-отца, и его ласки отозвались острою болью въ сердцѣ Груни. Она поспѣшила уйти въ свою комнату, чтобы обдумать, обсудить все. Занятія отца шли плохо, и онъ раза три проходилъ по комнатамъ, надѣясь встрѣтить дочь. Но она не выходила изъ своей комнаты. Ему начало казаться, что Груня сердится и имѣетъ право сердиться на него. Насталъ часъ обѣда. Отецъ и дочь встрѣтились въ столовой.

— Маточка, ты не сердись на меня,—ласково и почти боязливо промолвилъ отецъ:—забудь весь нашъ разговоръ и будемъ жить по-старому...

«А! значитъ, онъ все объ этомъ думаетъ!» мелькнуло въ головѣ дочери.

— Папа, папа, дай мнѣ время подумать!—воскликнула она и расплакалась не на шутку.

— Полно, дитя, милая,—уговаривалъ отецъ, а у самого радостно билось сердце отъ обѣщанія дочери «подумать» о замужествѣ.

Digitized by Google

Это слово подавало надежду.

Съ этого дня вопросъ былъ почти рѣшенъ: отецъ свободно хвалилъ Обноскова, чтобы задобрить въ его пользу дочь и достигнуть исполненія валелѣяннаго имъ плана; дочь сознавала необходимость жертвы и даже увѣряла себя, что она ничѣмъ не жертвуетъ, такъ какъ Обносковъ ей не гадокъ, а, напротивъ того, милѣе всѣхъ, рѣшительно всѣхъ остальныхъ постороннихъ мужчинъ, въ число которыхъ не входили только ея отецъ да Павелъ Панютинъ. Дѣйствительно, лучшей партіи было трудно найти. Выходя замужъ за Обноскова, Груня могла быть увѣрена, что ея прежній образъ жизни не измѣнится. Будетъ въ домѣ мужа то же затишье, то же спокойствіе, будутъ тамъ появляться тѣ же лица, которыя появлялись въ домѣ ея отца, изрѣдка, попрежнему, они будутъ ѣздить въ театръ, читать какія-нибудь хорошія книги и безмятежно наслаждаться спокойствіемъ и миромъ. Только одно отчасти пугало Груню—это слабое здоровье Обноскова. Но и тутъ она давала себѣ роль спасительницы и была увѣрена, что ея заботы и ея любовь сдѣлаютъ ея будущаго мужа и здоровымъ, и бодрымъ. Это казалось ей тѣмъ болѣе возможнымъ, что ея отецъ говорилъ, какъ и онъ въ молодости былъ и слабъ, и болѣзненъ и сталъ здоровякомъ только на тридцатомъ году. Правда, ея любовь къ Обноскову не была страстнымъ чувствомъ, но это была какая-то тихая, немного грустная пріязнь. Груня, худенькая, блѣдная, съ немного морщинистымъ лбомъ, какъ это бываетъ у болѣзненныхъ дѣтей, съ большими, какъ-то вопросительно смотрѣвшими, словно недоумѣвающими глазами, была вполнѣ ребенкомъ, несмотря на свои лѣта. Ея развитіе состояло только въ кроткой любви, въ пониманіи чужихъ страданій, которыхъ ей приходилось видѣть очень немного; но если бы ее оставить одну, безъ посторонней помощи и наставленій, то она вѣрно не нашла бы себѣ исхода, не принялась бы ни за какое дѣло, и просто стала бы плакать и искать того добраго спасителя, подъ чье грѣющее крыло можно бы было пріютиться ей, пугливой птичкѣ. Жизнь за воротами ея дома представлялась ей точно такой же, какая шла въ этомъ домѣ; разницу между своей и чужой жизнью она видѣла только въ томъ, что у нея есть средства къ этой мирной жизни, а другимъ приходится добывать средства къ этой мирной жизни. Значитъ, главное различіе было въ количествѣ труда или денегъ. Это самостоятельно сложившееся пониманіе чужой жизни заставляло Груню при

Digitized by Google

возможности помогать первому бѣдняку, просящему помощи, чтобы дать ему возможность наслаждаться такимъ же міромъ, какимъ наслаждалась она. Этотъ взглядъ еще болѣе укрѣпился въ ней послѣ нѣсколькихъ уроковъ исторіи, прочитанныхъ ей Обносковымъ. Она слышала отъ него, какъ такой-то народъ наслаждался счастіемъ подъ властью такого-то короля; какъ потомъ, подъ конецъ царствованія этого короля, губительныя войны разорили народъ, и онъ сталъ несчастливъ. Но новый король, вступивъ на престолъ, заключилъ миръ, довелъ финансы до цвѣтущаго состоянія, и народъ снова сталъ счастливъ, покуда, подъ конецъ царствованія этого короля, не началась снова губительная война. Эти губительныя войны въ жизни народовъ казались Груни чѣмъ-то въ родѣ болѣзней, смущающихъ иногда спокойствіе семьи, и она понимала, что если болѣзнь кончится, то семейный кружокъ будетъ еще счастливѣе, еще тѣснѣе сомкнутся между собою его члены. Множество вопросовъ возникало въ ея головкѣ по поводу разныхъ извѣстій, прочитанныхъ въ газетахъ, по поводу разныхъ слуховъ, доходившихъ до нея. То она слышала про убійцу, убившаго нѣсколько человѣкъ, и ей казалось, что этотъ человѣкъ велъ бы всегда свою мирную жизнь, если бы у него были деньги или трудъ, и, несмотря на свое добродушіе, она жалѣла не убитыхъ, а этого преступника. Иногда до нея доходили слухи, что мужъ кухарки, живущей въ ихъ домѣ, бьетъ свою жену, и ей казалось, что онъ дѣлаетъ это именно потому, что у нихъ нѣтъ столько денегъ, чтобы жить вмѣстѣ, а не служить по разнымъ домамъ. Цѣлый міръ созданъ былъ Грунею, и неизвѣстно, насколько обитатели этого міра походили на Ванекъ и Анютокъ, мозолящихъ ноги на улицахъ большихъ городовъ и деревень, или на Пьеровъ и Жаннетъ, красующихся среди босоногой черни въ своихъ бобрахъ и брюссельскихъ кружевахъ. Груня была увѣрена, что она не ошибается, такъ какъ она на своемъ вѣку видѣла тоже не мало людей. У разныхъ родственниковъ она видѣла кузинъ и кузеновъ, танцующихъ во время бала; видѣла горничныхъ, привѣтливо и съ искреннею любовью цѣлующихъ ей руку; видѣла, какъ ея двоюродныя тетушки заботливо составляютъ разныя благотворительныя общества и устраиваютъ для бѣдныхъ лотереи. На театрѣ, правда, она видѣла иногда и злодѣевъ, но когда опускался занавѣсъ, театръ потрясали рукоплесканія, то она видѣла, какъ вызванный публикой злодѣй превращался въ улыбающагося

Digitized by Google

и расшаркивающагося актера, прижимающаго руку къ своему сердцу въ знакъ любви и благодарности къ поощряющимъ его ближнимъ, и Груня улыбалась, тяжелое впечатлѣніе, оставленное пьесой, исчезало, какъ сонъ. И потомъ, ночью ей снилось, что злодѣевъ нѣтъ въ жизни, что злодѣевъ только «играютъ» люди, добрые люди, похожіе на ея старую няню, которая иногда такъ страшно басила, если приходилось въ сказкѣ говорить за бабу-Ягу.—«Поваляюся, покатаюся на Ивашкиныхъ косточкахъ!» чудится Грунѣ въ полуснѣ басящій голосъ бабы-Яги, и Груня дрожитъ отъ страху, жмется къ нянѣ, а няня смѣется такъ добродушно, по-дѣтски или, лучше сказать, по-старчески смѣется, и тихо начинаетъ баюкать Груню... Да! да! это не баба-Яга, а няня, добрая няня...

Такое просто сложившееся существо, какъ Груню, понимали всѣ, и звали ее птичкой-пѣвуньей, невиннымъ ребенкомъ, мягкимъ воскомъ. Но никому и въ голову не приходило, что если птичка поетъ, то она хочетъ, чтобы и все пѣло вокругъ нея, чтобы и солнце свѣтило надъ нею, чтобы и цвѣты цвѣли во всемъ мірѣ, никто не думалъ, что невинный ребенокъ не вынесетъ безъ волненія чужихъ слезъ, хотя бы ихъ проливалъ злодѣй, и скажетъ: «Надо помочь этому человѣку: онъ плачетъ, значитъ, онъ несчастный». Никто не угадывалъ, что мягкій воскъ можетъ отвердѣть среди холодности и приметъ какую угодно форму, подъ вліяніемъ различныхъ давленій со стороны...

Къ концу недѣли, рѣшившей участь Груни, Кряжовъ повеселѣлъ: Груня дала свое согласіе на предложеніе Обноскова... Настала суббота. Вечеромъ пришелъ изъ гимназіи Панютинъ. Они пили чай въ столовой. Кряжовъ былъ веселъ, шутилъ. Груня, по большей части, молчала. Настала наконецъ пора идти спать.

— Останься здѣсь,—шепнула Груня Панютину.

Кряжовъ простился съ «дѣтьми» и ушелъ въ свой кабинетъ. Груня проводила его и вернулась въ столовую. Въ домѣ всѣ уже спали. Отворивъ дверь, Груня пріостановилась на порогѣ, полузакрытая массивною темною портьерой. Въ полумракѣ большой комнаты Панютинъ едва былъ виденъ въ глубинѣ большого кресла Кряжова. Онъ задумчиво смотрѣлъ на огонь, облокотясь на ручку кресла и опустивъ на ладонь голову. Его некрасивое, но мужественное лицо было по обыкновенію сурово и только едва можно было уловить въ этой суровости оттѣнокъ грусти. На этой физіономіи

Digitized by Google

остались слѣды всего испытаннаго въ жизни юношей. Грубость и боль отъ побоевъ въ людской, гдѣ онъ провелъ первые годы своего существованія; тоска однообразнаго безлюднаго затишья въ домѣ Кряжова; озлобленіе на тайные для всѣхъ нападки и щипки прислуги Кряжовыхъ; злопамятное негодованіе на несправедливости учителей, все это не прошло безслѣдно надъ этой страстной и привыкшей къ несообщительности натурой. Груня не переступала порога и, казалось, боялась начать задуманное ею самою объясненіе. Наконецъ, должно-быть, соскучившись ждать, Панютинъ поднялся съ мѣста. Это заставило Груню войти:

— А, это ты,—промолвилъ онъ и пожалъ ея руку.

Они сѣли у камина. Богъ знаетъ почему, ни ей, ни ему, не хотѣлось начинать разговора. Минуты проходили за минутами, и тишина не нарушалась.

— Холодно здѣсь,—вздрогнула Груня, прерывая тяжелое молчаніе.

— Такой ужъ проклятый домъ,—угрюмо проговорилъ Панютинъ.

Груня, зная, что Павелъ не любитъ ихъ стараго дома, ничего не возразила и плотнѣе закуталась въ платокъ. Черезъ нѣсколько минутъ Панютинъ всталъ, придвинулъ скамейку къ креслу Груни и сѣлъ у ея ногъ. Онъ взялъ ея руки, началъ ихъ грѣть своими руками и потомъ прижалъ къ нимъ губы.

— Меня отецъ замужъ выдаетъ,—проговорила она, не глядя на Панютина.

— Что?—спросилъ онъ быстро и выпустилъ ея руки.

— Меня отецъ замужъ выдаетъ за Алексѣя,—повторила она новость вполнѣ.

— Что ты это дразнить меня вздумала, что ли!—вскочилъ онъ съ мѣста и всталъ во весь ростъ передъ нею.

— Дразнить?.. Тебя?.. Что это тебѣ пришло въ голову, Павелъ?—просто спросила Груня и подняла на него глаза: онъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

— Дуракъ! старый дуракъ!—проворчалъ онъ и зашагалъ по комнатѣ.

Шаги глухо отдавались въ ночномъ затишьи.

— Зачѣмъ ты бранишь отца!—упрекнула Груня.

— Погубятъ они тебя, совсѣмъ погубятъ!—воскликнулъ онъ, ходя по комнатѣ и сжимая руки, такъ что было слышно, какъ хрустѣли пальцы.—И зачѣмъ ты идешь замужъ, зачѣмъ соглашаешься!

Digitized by Google

— Отца убилъ бы мой отказъ...

— Ну, такъ что-жъ? ну, такъ что-жъ?—строптиво спрашивалъ онъ, останавливаясь передъ нею и смотря ей прямо въ глаза.—А если ты погибнешь, это ничего?.. Молодая, хорошая, и погибнешь!—вдругъ бросился онъ къ ней и обвилъ ее рукою, присѣвъ на край широкаго кресла. Въ его голосѣ слышалось и страстное чувство, и рыданія.—Не выходи, любимая, не выходи за него... Ни за кого не выходи,—уже шопотомъ окончилъ онъ.

Грунѣ было какъ-то страшно то странное чувство, которымъ было полно впервые въ эту минуту все существо Павла, но она чувствовала, что ей хорошо, отрадно сознавать близость этого энергичнаго человѣка, слышать его пламенныя отрывистыя восклицанія, видѣть эти сверкающіе и гнѣвомъ, и любовью глаза. Ея лицо горѣло, ей хотѣлось прижаться къ губамъ этого юноши, покрыть поцѣлуями это лицо, и въ первый разъ въ жизни ей было стыдно поцѣловать этого друга дѣтства, этого названнаго брата, котораго она цѣловала такъ же, какъ и своего отца, при каждой встрѣчѣ, при каждомъ прощаньи, наединѣ и при всѣхъ. Точно такъ же новы были для Павла испытываемыя имъ чувства. Онъ какъ будто опьянѣлъ; казалось, у него кто-то отнимаетъ лучшую часть его существованія, казалось, какой-то молотъ разбиваетъ его сердце и всѣ его надежды. Но какія же надежды разбивались у него? Въ чемъ заключалась его потеря? Вѣдь Груня не умретъ, Груня будетъ попрежнему его сестрою, попрежнему будетъ обнимать его при встрѣчѣ... Онъ сознавалъ все это, и все-таки его сердце и бушевало, и ныло.

— Если онъ сдѣлаетъ тебя несчастною, если я когда-нибудь замѣчу твои слезы или ты скажешь, что онъ заѣдаетъ твою жизнь, я убью его,—шепталъ Павелъ, сжимая одной рукой талью Груни.

Огонь въ каминѣ давно уже погасъ, лампа едва горѣла. Въ непривѣтной, мрачной комнатѣ было темнѣе и холоднѣе обыкновеннаго. Груня жалась къ Павлу, дрожа отъ холода и какого-то непонятнаго страха.

— Да будетъ проклята эта комната,—угрюмо произнесъ онъ, и эти слова мрачно зазвучали и какъ-будто повторились въ затишьѣ большого покоя.—Здѣсь впервые мнѣ сказали, что я нищій, подобранный въ навозной ямѣ; здѣсь отъ меня закрывали дѣйствительную жизнь этими архивными лохмотьями архивнымъ хламомъ и архивнымъ сон-

Digitized by Google

ливымъ добродушіемъ, добродушіемъ сытости; здѣсь мнѣ отдали въ сестры тебя, заперли меня въ одну клѣтку съ тобою, оставили мое сердце прирастать къ твоему существу и здѣсь же оторвали, съ кровью оторвали тебя отъ этого сердца.

Павелъ, неслышно рыдая, закрылъ глаза руками и опустился на колѣни передъ Груней... Вся въ слезахъ, взволнованная, растерявшаяся, разсталась она съ своимъ названнымъ братомъ, едва смѣя, боясь угадывать и его, и свои настоящія чувства.

— Вѣдь онъ мой братъ, вѣдь онъ еще дитя,—шептала она, забывая, что это дитя было только нѣсколькими мѣсяцами моложе ея.—Какія скверныя у меня мысли. Вѣдь это грѣхъ намъ такъ любить другъ друга,—размышляла Груня.

Устроивъ свои дѣла по пріѣздѣ въ Петербургъ, Обносковъ женился. Рѣшено было, что «молодые» будутъ покуда жить у Кряжова, который ради этого событія не поѣхалъ въ деревню, а нанялъ дачу въ окрестностяхъ Петербурга; послѣ, юная чета должна была переѣхать на новую квартиру вмѣстѣ съ матерью Обноскова. Расцѣловавъ Груню, назвавъ ее тысячу разъ ангелочкомъ и душечкой, Марья Ивановна продолжала гостить у больного родственника и почти не заглядывала даже на Выборгскую сторону, гдѣ ея жильцы отдыхали въ отсутствіи хозяйки. Обносковъ тоже очень часто проводилъ время у постели дяди и возвращался къ Кряжовымъ скорѣе какъ другъ дома, чѣмъ какъ членъ семьи. Старая жизнь шла по-старому. Всѣ не чувствовали никакой особенной перемѣны и успокоились, только старикъ ex-профессоръ сердился на своего Павла за то, что тотъ упорно отказался пріѣхать на свадьбу Груни и остался въ деревнѣ, куда онъ уѣхалъ вскорѣ послѣ возвращенія Обноскова изъ-за границы. Иногда старикъ говорилъ, что Павелъ совсѣмъ отъ рукъ отбился; порой толковалъ Грунѣ, что непріѣздъ Павла на свадьбу ясно показалъ, какъ мало любитъ ихъ Павелъ; подчасъ намекалъ на то, что вотъ Павелъ «другихъ» (подъ этимъ словомъ подразумѣвался, вѣроятно, Обносковъ) упрекалъ за дурной характеръ, а самъ-то оказался злопамятнѣе всѣхъ (тутъ, вѣроятно, былъ намекъ на ссору Павла съ Обносковымъ). При всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Груня только блѣднѣла и иногда, нахмуривъ брови, замѣчала старику, если они были вдвоемъ:

— Папа, за что ты сталъ нынче нападать на Павла?

— Ну, голубка, развѣ я нападаю,— смущался старикъ.

Digitized by Google

какъ пойманный школьникъ.—Вѣдь ты знаешь, что я только тебя одну люблю больше, чѣмъ его. Мнѣ просто обидно... что онъ насъ бросилъ въ такое время... А любить—я его люблю попрежнему...

И, между тѣмъ, старикъ продолжалъ раздражаться при воспоминаніяхъ о Павлѣ: казалось, что ему непремѣнно нужно, чтобы именно Павелъ призналъ и достоинства Обноскова, и возможность счастья въ новой жизни какъ для новобрачныхъ, такъ и для самого Кряжова. И эти достоинства, и эта возможность счастья признавались всѣми и, кажется, никакого значенія не могло имѣть отсутствіе одного человѣка среди жаркихъ поцѣлуевъ этой вѣчно-льстивой, вѣчно-благодушествующей на чужихъ пирахъ толпы гостей, пророчащихъ блестящее будущее «молодымъ» и изливающихся въ восторгахъ отъ красоты невѣсты и душевныхъ добродѣтелей жениха. Между тѣмъ, изъ всей этой массы народа тревожилъ семью одинъ этотъ человѣкъ: онъ былъ той мрачной тучей на ясномъ небѣ, которая одна отравляетъ прогулку веселаго общества, заставляя всѣхъ торопиться домой до начала грозы; онъ былъ единственнымъ сомнѣвающимся въ массѣ вѣрующихъ и выраженіемъ недовѣрія на своемъ лицѣ смущалъ ихъ благоговѣйныя чувства, какъ живое доказательство возможности невѣрія.

VIII.

Смерть стараго Обноскова.

Евграфу Александровичу становилось между тѣмъ замѣтно хуже. Однажды вечеромъ, прощаясь съ сыномъ на ночь, онъ успѣлъ украдкою шепнуть ему, чтобы сынъ пришелъ къ нему въ комнату утромъ въ шесть часовъ и разбудилъ бы его, если онъ будетъ еще спать. Заботливыя сестры, несмотря на свое усердное ухаживанье за больнымъ, не замѣтили этого перешептыванья. Сынъ не спалъ почти всю ночь. Дня за четыре или за пять докторъ сказалъ Матвѣю Ильичу, что больной не проживетъ и недѣли. Матвѣй Ильичъ сообщилъ объ этомъ своему любимцу молодому барину, и оба дали объ этомъ знать въ Варшаву. Теперь юношѣ почему-то казалось, что отецъ непремѣнно умретъ завтра, и его мучила мысль—что мать не успѣетъ пріѣхать въ Петербургъ во-время. Ясное осеннее утро бросало свои лучи въ комнату, гдѣ помѣщался Петръ Евграфовичъ, когда онъ взглянулъ на часы и началъ торопливо одѣваться. На цыпочкахъ вошелъ онъ въ комнату отца и подошелъ къ постели.

Digitized by Google

Больной не спалъ. Онъ страшно быстро измѣнялся въ послѣдніе дни и былъ крайне слабъ, хотя старался, болѣе чѣмъ когда-нибудь, быть бодрымъ и все толковалъ о скоромъ своемъ выздоровленіи.

— А, это ты, дитя,—ласково произнесъ онъ едва слышнымъ голосомъ.—Садись... Вотъ такъ, ближе ко мнѣ,—говорилъ онъ, лаская сына. — Вотъ мы и одни,—съ дѣтски-плутоватою улыбкою промолвилъ онъ, точно желалъ этимъ высказать, что они успѣли-таки перехитрить своихъ надзирательницъ.

— Какъ тебѣ кажется, любитъ ли тебя Алексѣй?—спросилъ больной.

— Я... я, право, не знаю,—смѣшался сынъ.

— Не знаешь?—задумался больной:—значитъ, не любитъ?

— Папа, я не могу этого сказать,—торопливо замѣтилъ сынъ.—Онъ просто не говорилъ еще со мною.

Больной помолчалъ.

— Я это зналъ... долженъ былъ знать,—произнесъ онъ, какъ бы разсуждая съ самимъ собою. — Значитъ, я умно распорядился. Видишь ли, мнѣ надо сообщить тебѣ одно важное дѣло... Возьми ключъ, отомкни ящикъ моего стола и достань тамъ пакетъ, на которомъ написанъ адресъ твоей матери.

Сынъ повиновался и досталъ пакетъ.

— Передай это письмо матери, когда я умру,—сказалъ отецъ. — Я хотѣлъ сперва иначе распорядиться, но пришлось сдѣлать такъ... Знаешь ли, когда написана бумага, лежащая въ этомъ пакетѣ? А?.. Пять лѣтъ тому назадъ... Мать это помнитъ... Я былъ тогда тоже боленъ... Но она не взяла въ то время этого пакета..

— Отецъ,—началъ сынъ дрожащимъ голосомъ:—зачѣмъ ты не позволяешь написать матери о твоемъ положеніи?

Больной испугался.

— Что ты! что ты, дитя!—воскликнулъ онъ. — Ты самъ видишь, каково здѣсь смотрятъ на тебя... Тебя готовы унижать, готовы выгнать... Вообрази, что то же пришлось бы терпѣть и матери. Еще больше пришлось бы ей терпѣть... За что же заставлять ее страдать изъ-за меня?

— А ты думаешь, ей легче не видать тебя, не знать истины, пріѣхать сюда, когда будетъ поздно? — спросилъ сынъ и смутился, сказавъ послѣднія слова.—Или ты, папа, все еще не вѣришь, что мы тебя больше всего, больше всего на свѣтѣ любимъ!

Digitized by Google

— Охъ, Господи! — заметался больной. — Не вѣрю! Я-то не вѣрю!.. Да развѣ можно это говорить?.. Я просто самъ такой слабый, ничтожный человѣкъ, что не могу... не могу понять, какъ бы я вынесъ на ея мѣстѣ все то, что ждетъ ее здѣсь... Я не вѣрю, не могу понять, что человѣкъ ради любви въ силахъ перенести все.. Вѣдь я иногда боюсь.

Больной вдругъ остановился, и его взглядъ принялъ какое-то отупѣвшее выраженіе. Сынъ испугался, хотя подобные внезапные перерывы умственной дѣятельности больного и повторялись нерѣдко въ послѣдніе дни.

— А?—вдругъ спросилъ отецъ послѣ тяжелаго молчанія.— Что ты сказалъ?

— Ничего, папа.

— Да, да, — потеръ больной свой лобъ, вспоминая прерванный разговоръ. — Я вотъ, кажется, говорилъ, что я боюсь иногда, что ты, юноша, не вынесешь обращенія съ тобою моихъ родныхъ... убѣжишь...

— Полно, отецъ!—сказалъ съ упрекомъ сынъ. — Что за странная мысль.

Черезъ минуту онъ припалъ своимъ зарумянившимся лицомъ къ груди отца.

— Я, папа, уже писалъ ей обо всемъ,—шопотомъ произнесъ онъ.

— Ну? ну?—насторожилъ уши отецъ.

На его лицѣ выражались страхъ и надежда.

— И она пріѣдетъ завтра или... или сегодня,—кончилъ сынъ, знавшій, что мать пріѣдетъ именно въ этотъ едва начинавшійся день.

Отецъ захватилъ обѣими слабыми руками его голову и покрылъ ее поцѣлуями. Онъ и смѣялся, и плакалъ, какъ дитя.

— Ты большой, ты умный,—бормоталъ онъ, стараясь шутить сквозь слезы.—Отецъ изъ ума выжилъ... Сынъ теперь всѣмъ распоряжается... знаетъ, что отцу нужно. А то весь вѣкъ отца подъ опекой держали... а онъ молчалъ... Подъ опекой!..—больной закашлялъ.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ послышались торопливые, но осторожные шаги. Ихъ едва можно было разслышать. Такъ вотъ кошки къ своей добычѣ крадутся.

— Спрячь... спрячь... пакетъ спрячь!—тревожно и испуганно засуетился больной, продолжая кашлять. — Никто не долженъ знать!.. Послѣ смерти отдай... Никто...

Дверь въ комнату тихо отворилась, и въ нее просунулось озабоченное и улыбающееся заискивающей, сладкой

Digitized by Google

улыбкой лицо Ольги Александровны. При видѣ юноши, сидящаго на постели брата, сестра вытянула свое лицо до безобразія, и въ ея глазахъ выразилось что-то похожее на вопросъ: что же это такое значитъ? Ея подслѣповатые, золотушные глаза заморгали отъ испуга и удивленія.

— А вотъ мы съ Петей бесѣдуемъ,—усмѣхнулся братъ, стараясь придать своему голосу выраженіе невинности.

— Что же это вы такъ рано его подняли? Братцу сонъ нуженъ,—замѣтила Ольга Александровна юношѣ съ упрекомъ.

— Нѣтъ... я по... позвонилъ... онъ и пришелъ,—поспѣшилъ солгать братъ.—Я давно не сплю... такъ соскучился.

— Ахъ, Боже мой, какъ же это я не слыхала? Вы звонили? Ахъ, Господи, вотъ ужъ захочетъ Богъ наказать. такъ сонъ нашлетъ! — ужасалась сестра и бросила зловѣщій взглядъ на юношу, но онъ совершенно спокойно продолжалъ сидѣть на постели отца, и, кажется, былъ бы радъ, сталъ бы гордиться, если бы ему пришлось долго-долго сидѣть подлѣ этого слабаго, безхарактернаго старика и чувствовать, что онъ служитъ утѣшеніемъ и защитой для этой угасающей жизни. Какъ мелки и пошлы начинали казаться ему всѣ эти своекорыстные люди, а въ его душѣ шевелилось сознаніе, что истинно счастливъ и достоинъ зависти только тотъ, кто могъ въ своей жизни сказать: «Мнѣ удалось озарить блаженствомъ жизнь хотя одного человѣка въ мірѣ!» Вотъ честная гордость, вотъ никогда незабываемое наслажденіе человѣческой души. Прошумитъ гулъ вызванныхъ нами рукоплесканій и смѣнится онъ новыми, обидными для нашего мелкаго самолюбія, хвалебными криками въ честь другого, опередившаго насъ героя минуты; кончатся наши веселые пиры юношескихъ лѣтъ и оставятъ они въ наслѣдство однѣ болѣзни, да зависть къ тѣмъ, еще здоровымъ людямъ, которые еще могутъ пировать; окончатся опьяняющія насъ побѣды надъ врагами и останутся намъ въ память о нихъ наводящія грусть и, можетъ-быть, вызывающія раскаяніе вражескія могилы, но минуты, когда мы были нужнѣе хлѣба человѣку, когда мы одни во всемъ мірѣ заставляли его забывать всѣ страданія, когда мы создавали, наперекоръ всѣмъ людямъ и самой судьбѣ, его счастье, котораго не могла отнять никакая сила, эти минуты будутъ для насъ вѣчной отрадой, вѣчнымъ источникомъ силы къ жизни. Вотъ что сознавалъ этотъ юноша и чувствовалъ все это такъ, какъ можно чувствовать что-ни-

Digitized by Google

будь только въ невозвратные дни свѣтлой восторженной молодости.

Праздничное чувство счастія наполняло въ этотъ день все его существо. Онъ не замѣчалъ никакихъ колкостей, щедро расточавшихся на его счетъ со стороны хозяекъ дома. Онъ не замѣчалъ холодности Алексѣя Алексѣевича Обноскова, и только каждый звонокъ въ передней заставлялъ его вздрагивать и заглядывать въ прихожую, чтобы узнать, кто пріѣхалъ. Это необычайно тревожное состояніе мальчика и самого больного, постоянно посылавшаго своего сына посмотрѣть, не пріѣхалъ ли кто-нибудь, не ускользнуло отъ вниманія заботливыхъ хозяекъ, и онѣ встревожились не на шутку. Имъ представилось, что братцу очень худо и что братецъ далъ какое-то порученіе сыну. Но какое? этого не могли онѣ угадать и только съ ужасомъ говорили мысленно: «Господи, не вздумалъ ли онъ написать духовную!» Это предположеніе переходило почти въ увѣренность, и сестры, крестясь и бросая молящіе взоры на образъ Спасителя, шептали пламенную молитву: «Не попусти, Господи, его сдѣлать это дѣло. Отврати отъ него эти мысли». За этою молитвою слѣдовало восклицаніе: «Ужъ лучше пусть онъ умретъ, прежде чѣмъ исполнитъ это несправедливое дѣло!»

Онѣ съ нетерпѣніемъ ждали доктора. Наконецъ докторъ явился.

Поминутно отирая глаза и слезливо сморкаясь, окружили доктора двѣ сестры и мать Алексѣя Алексѣевича Обноскова и пустились въ разспросы о положеніи братца. Докторъ былъ человѣкъ мягкій и не могъ безъ волненія видѣть слезъ женщинъ.

— Ничего, ничего,—говорилъ онъ:—вашъ братъ слабъ, очень слабъ, но, Богъ дастъ, онъ поправится... Вы не отчаивайтесь, не разстраивайте себя... Все зависитъ отъ Бога.

— Господи, насъ убьетъ, убьетъ его смерть! — плакали сестры.—Вѣдь мы все съ нимъ теряемъ, докторъ!.. единственнаго защитника и покровителя теряемъ...

— Берегите себя, ради Бога, берегите,—успокаивалъ ихъ докторъ. — Вамъ надо теперь сохранять присутствіе духа, крѣпиться...

Въ волненіи вышелъ онъ отъ нихъ и подозвалъ къ себѣ Петра Евграфовича.

— Вы здѣсь гостите, — началъ докторъ: — значитъ, вы можете понемногу подготовить несчастныхъ сестеръ боль-

Digitized by Google

ного къ ожидающей ихъ потерѣ. У меня нѣтъ силъ высказать имъ правду... Онѣ такія любящія, слабыя созданья. Вы, какъ посторонній человѣкъ, какъ мужчина, разумѣется, хладнокровно перенесете, если что-нибудь случится.

— Развѣ моему... развѣ ему, — растерялся юноша:— такъ худо?

— Разумѣется, онъ едва ли проживетъ до вечера,—проговорилъ докторъ и удивился, что мальчикъ зарыдалъ.

— Помилуйте, что̀ съ вами? Не стыдно ли быть такимъ слабымъ? Вы мужчина, — говорилъ докторъ, почти сердясь.—Что-жъ остается дѣлать этимъ бѣднымъ созданіямъ, теряющимъ въ братѣ все свое счастье, если посторонніе теряютъ голову? Это не хорошо. Вы должны быть тверды. Еще въ студенты готовитесь, а плачете, какъ баба! Нашему брату надо поддерживать слабыхъ женщинъ, а не рюмить...

Докторъ, раздраженный слабостью Петра Евграфовича, ушелъ. Нетерпѣнію юноши теперь не было границъ. День былъ осенній, яркій, солнце освѣщало всѣ комнаты золотымъ свѣтомъ своихъ лучей. Въ растворенныя окна залы плылъ свѣжій воздухъ, уничтожавшій запахъ лѣкарствъ, которымъ была пропитана квартира. Юноша долго стоялъ у окна и все ждалъ. Каждый звукъ колесъ заставлялъ сильнѣе биться его сердце. Наконецъ, къ подъѣзду подъѣхала наемная коляска. Въ ней сидѣла черноволосая женщина, лѣтъ тридцати семи, довольно стройная, моложавая и красивая собой. Типъ лица былъ характерный, не русскій. Она съ озабоченнымъ видомъ взглянула на окна дома и вдругъ улыбнулась радостной улыбкой, увидавъ юношу. Онъ послалъ ей рукою поцѣлуй и бросился къ дверямъ передней, потомъ съ быстротою молніи перемѣнилъ намѣреніе и побѣжалъ къ больному. Несмотря на всѣ его старанія, онъ не могъ войти тихо въ эту комнату, не могъ сохранить спокойнаго выраженія на своемъ лицѣ; оно было взволновано, его ноги дрожали. Больной торопливо приподнялся на локтѣ въ своей постели и, почти задыхаясь, крикнулъ сыну:

— Веди, веди ее сюда!—и въ изнеможеніи опустился на подушку.

Сынъ исчезъ. Обнимая мать и цѣлуя ей то руку, то щеку, велъ онъ ее въ кабинетъ отца, спрашивалъ ее о здоровьи, объяснялъ, что онъ кончилъ экзамены, говорилъ, что отцу лучше. Это былъ какой-то хаосъ отрывочныхъ мыслей, вос-

Digitized by Google

клицаній, торопливаго выраженія заботливости, радости и счастья. Они вошли въ комнату Евграфа Александровича. При ихъ неожиданномъ появленіи изъ груди двухъ сестеръ и Марьи Ивановны вырвалось только единодушное:

— Ахъ!

Въ этомъ восклицаніи послышался ужасъ. Три женщины вскочили съ мѣстъ и, какъ бы окаменѣвъ, устремили неподвижные глаза на неожиданную гостью. Она не обратила вниманія на эту нѣмую, но краснорѣчивую сцену.

— Милый, милый!—цѣловала она черезъ минуту больного человѣка. — Не стыдно ли хворать и не написать даже о болѣзни?

— Да я... я поправляюсь,—шепталъ больной.—Я совсѣмъ здоровъ... слабость только... Право, только слабость... Ну, а что дѣти?.. Таня выросла, поправилась?.. Любимая, дай руку... Вотъ такъ... Да тебѣ неловко, можетъ-быть?.. Ну, вотъ я теперь и дома, и здоровъ...

— Братецъ, не говорите такъ много, вамъ вредно,—подбѣжала Ольга Александровна съ умоляющимъ взглядомъ.

Она уже вышла изъ оцѣпенѣнія и усиленно моргала глазами.

— Оставьте насъ однихъ съ женою,—обернулъ больной голову къ сестрамъ.—Слышите?

Въ его голосѣ звучали строгость и рѣшительность. Въ присутствіи этой любимой женщины онъ постоянно овладѣвалъ собою и былъ твердъ.

— Братецъ, вамъ можетъ что-нибудь понадобиться,— начали сестры.

— Оставьте меня съ женою... оставьте меня съ сыномъ...— настойчиво повторилъ больной.

— Но *онъ* не знаютъ... если что-нибудь понадобится,— попробовали возразить сестры, указавъ на Стефанію Высоцкую.

— Я вамъ выйти приказываю,—почти крикнулъ больной.

Сестры и мать Обноскова вышли съ глубокими вздохами и покорностью угнетенныхъ мученицъ. Въ комнатѣ больного начались живые разговоры, но онъ самъ замѣтно ослабѣлъ послѣ необычайнаго напряженія силъ. Онъ больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, и только улыбался, да притягивалъ къ губамъ руку жены.

— Вотъ мы и въ своей семьѣ, дома, — разсмѣялся онъ черезъ нѣсколько времени дѣтскимъ смѣхомъ, но улыбка его вышла какая-то странная, губы какъ-то сухо растяну-

Digitized by Google

лись около зубовъ.—Богъ съ ними... съ сестрами... Не обращайте на нихъ вниманія... На случай смерти...

— Не станемъ, милый, говорить о смерти, теперь жить надо,—прервала его жена.

— Жить надо... жить надо!—машинально повторилъ больной.—Я и жи-ву... жи-ву вполнѣ...

Онъ помолчалъ довольно долгое время, находясь въ забытьѣ и слегка какъ бы безсознательно покашливая...

— Вотъ жена... вотъ сынъ... благослови васъ Бо-гы!..—голосъ больного былъ твердъ и ясенъ, но слова выходили изъ груди съ разстановкою, медленно.

Въ звукахъ было что-то сухое, рѣзкое. Лицо его сохраняло еще выраженіе счастія и спокойствія, но приняло какой-то матовый, земляпистый оттѣнокъ. Въ горлѣ слышалась легкая хрипота, и глаза неподвижно глядѣли куда-то вдаль, точно имъ не составляла преграды противоположная стѣна. Черезъ нѣсколько минутъ грудь больного высоко приподнялась и, сдѣлавъ гримасу верхней губой какъ бы отъ непосильнаго напряженія, онъ вытянулся, словно желая поправиться и принять болѣе удобное положеніе. А его глаза все попрежнему продолжали смотрѣть куда-то въ неизвѣстную даль. Мать и сынъ переглянулись въ испугѣ. Сынъ чувствовалъ, какъ начинала холодѣть въ его рукѣ рука отца. Мать сдѣлала движеніе; сынъ приложилъ палецъ къ своимъ губамъ и тихо прошепталъ:

— Тссъ!

Въ комнатѣ можно было разслышать малѣйшій шумъ. Тишина была полная. Опустивъ на грудь голову, сидѣла на постели стройная, еще прекрасная женщина съ неподвижнымъ, полнымъ скорби лицомъ. Около нея стоялъ съ поникшей головой задумавшійся юноша, и передъ ними лежало холодное, успокоившееся навсегда человѣческое существо. Сквозь бѣлыя опущенныя шторы пробивался бѣловатый блескъ яркаго дня и игралъ по стѣнамъ комнаты какими-то безформенными, смутными и неуловимыми пятнами свѣта и тѣни. Минуты шли за минутами, и маятникъ столовыхъ часовъ, словно сознавая, что онъ остался единственнымъ живымъ существомъ въ этой комнатѣ, стучалъ громче обыкновеннаго, отчетливо и громко выбивая свое тикъ-такъ.

— Не надо ли чего братцу?—спутила это затишье своимъ ехидно-вкрадчивымъ вопросомъ Ольга Александровна, просунувъ въ двери свое желтоватое, золотушное лицо и дѣлая томные, чарующіе глазки.

Digitized by Google

— Ему... ему больше ничего не надо!—воскликнула, поднимаясь съ мѣста, Стефанія Высоцкая и зарыдала.

Слезы уже давно сдавливали ея грудь, теперь онѣ хлынули при первомъ произнесенномъ ею словѣ.

— Матушка, матушка, не плачьте,—проговорилъ сынъ, едва сдерживая свои собственныя рыданія, а у самого по щекамъ такъ и лились крупныя, горячія слезы.—Простимтесь съ нимъ и пойдемте.

— Братецъ! братецъ!—крикнули сестры и Марья Ивановна.

— Братецъ, голубчикъ, кормилецъ нашъ, пробудися!—тормошили онѣ на постели застывающій трупъ, и было что-то страшное въ его угловатыхъ движеніяхъ.

— Вы, вы его убили! Губители! Убійцы!—пронзительно взвизгнула Ольга Александровна, обращаясь съ яростными взглядами и сжатыми кулаками къ плачущей подругѣ и женѣ покойника.

— Какъ вы смѣете! — началъ съ негодованіемъ юноша, становясь между обезображенною отъ ярости мегерой и огорченною матерью; но мать, услышавъ строптивый гнѣвъ въ голосѣ сына, удержала его за руку.

— Дитя мое, здѣсь не мѣсто оскорбляться и оскорблять другихъ,—строго прошептала она, такъ что эти слова слышалъ только онъ.

Даже не взглянувъ на сестеръ бывшаго хозяина квартиры, она поцѣловала покойника и вышла подъ руку съ сыномъ изъ дома.

— Вонъ, вонъ изъ нашего дома! Развратница, развратница!—бѣсновалась, теребя свои жидкіе желтые волосы, Ольга Александровна и потомъ снова припадала къ трупу брата и тормошила его, впиваясь своими тонкими губами въ губы мертвеца:—Братецъ, братецъ, убійцы твои твой послѣдній вздохъ приняли. Но родныя руки твои глаза закрыли.

— Тетушка, нужно за полиціей послать, опечатать имущество,—проговорилъ Алексѣй Алексѣевичъ, являясь въ комнату покойника.

— Батюшка, зачѣмъ! родной нашъ, зачѣмъ! Никому-то теперь до насъ дѣла нѣтъ!—метались тетки въ какомъ-то дикомъ отчаяніи, раскачивая головами изъ стороны въ сторону.

— Это необходимо, чтобы послѣ исторій не вышло,—объяснялъ племянникъ.—Можетъ, у дяди долги есть...

Digitized by Google

— Какіе у братца долги? На чистоту жилъ, голубчикъ... другимъ еще давалъ.... Ой, ой, ой, не стало его у насъ, родимаго.

— Да мало ли что можетъ случиться... Наслѣдниковъ будутъ вызывать...

— Всѣ налицо, всѣ налицо! Сироты горемычныя! — зарыдали тетки.

— Эхъ, вы совсѣмъ потерялись, — махнулъ рукой Алексѣй Алексѣевичъ.

— Да что ты съ ними говоришь, батюшка? Распоряжайся, вотъ и конецъ весь,—проговорила мать Обноскова.— Вѣдь надо же имѣніе привести въ ясность, чтобы послѣ споровъ не вышло.

— Конечно! Объ этомъ же и я думалъ, — сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ и послалъ за полиціей.

Трупъ, между тѣмъ, стащили на простынѣ на полъ и началось обмываніе...

— Постойте, постойте, колечко надо снять съ руки брата... Еще обокрадутъ тебя, родимаго... Охъ, голубчикъ, голубчикъ ты нашъ!—рыдала Ольга Александровна, снимая съ застывшей руки брата кольцо съ брильянтомъ.

IX.

Передъ гробомъ ближняго.

Только вступивъ въ свое жилище, почувствовала Стефанія Высоцкая вполнѣ, какъ велика ея потеря. Весь вечеръ пролежала она на диванѣ, то плача, то сожалѣя о томъ, что другія дѣти не успѣютъ пріѣхать къ его похоронамъ. На слѣдующій день сынъ обратился къ матери съ озабоченнымъ лицомъ.

— Матушка, ты поѣдешь туда?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Разумѣется,—отвѣтила она.

Сынъ поцѣловалъ мать, какъ-будто благодаря ее за что-то. И онъ, и она понимали, что имъ можетъ встрѣтиться еще много мелкихъ огорченій въ томъ домѣ, гдѣ лежалъ дорогой для нихъ трупъ.

Въ квартирѣ покойнаго уже шла панихида, когда въ ней появились Высоцкіе. Въ комнатѣ начался едва замѣтный шопотъ.

— Какова смѣлость! Вотъ безстыдство-то! — волновались дѣвственницы-сестры покойника и мать молодого Обноскова.

— Бѣдный братецъ, какъ его позорятъ! и послѣ смерти-

Digitized by Google

то не даютъ покою, на глаза людямъ выставляютъ его грѣхъ!

Стефанія Высоцкая, стоя на колѣняхъ, не замѣчала ничего и тихо молилась. Но сынъ, стоя около нея на-стражѣ, какъ отважный защитникъ, все видѣлъ, все слышалъ. Въ немъ кипѣла кровь, лицо горѣло яркимъ румянцемъ негодованія. Святое чувство скорби о смерти отца было нарушено, вытѣснено на-время грубыми людьми изъ его сердца.

— Не могу, не могу не высказать!—воскликнула Ольга Александровна, вѣчное запѣвало въ семейномъ хорѣ, и подошла сзади къ юношѣ, дернувъ его за рукавъ.

Онъ обернулся. Панихида уже кончилась.

— Идите сюда,—позвала его Ольга Александровна.

Онъ пошелъ за нею.

— Я очень хорошо знаю... я очень хорошо знаю, что вы лишились всего, что братецъ кормилъ, поилъ и одѣвалъ васъ,—заговорила она скороговоркою.—Но вы должны сказать своей матери, что ей неприлично здѣсь быть и плакать при народѣ. Наша семья всегда, всегда была честною, и если братецъ сдѣлалъ ошибку, то онъ за нее отстрадалъ, видитъ Богъ, отстрадалъ, и стыдно позорить его передъ людьми, стыдно показывать всѣмъ, что онъ ошибался въ жизни...

— Я васъ не понимаю,—пожалъ плечами юноша.—Что вы хотите сказать?

— А то, что ваша мать не должна появляться въ нашемъ домѣ.

— Моя мать и не будетъ появляться въ немъ, когда отсюда вынесутъ тѣло моего отца,—серьезно отвѣтилъ юноша.

— Фью! Нѣтъ-съ! ее и теперь не велятъ впускать сюда. Къ намъ ѣздятъ такіе люди, къ брату ѣздятъ графы Струговы, княгиня Валунова, которые не привыкли стоять на одной доскѣ съ подобными женщинами.

Юноша вспыхнулъ.

— Не смѣйте бранить мою мать!—почти крикнулъ онъ, дрожа отъ гнѣва, и почувствовалъ, что чья-то рука кротко прикоснулась къ его плечу.

— Другъ мой, полно,—произнесъ тихій голосъ надъ его ухомъ.—Запретить посѣщать покойника никто не рѣшится, у христіанъ принято впускать всѣхъ въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, и если сюда могутъ войти нищіе, то можемъ войти и мы.

Digitized by Google

Въ этихъ словахъ Высоцкой звучало выраженіе такого холоднаго пренебреженія къ хозяйкамъ дома, что не понять его могли только онѣ однѣ. Ихъ взбѣсило еще болѣе то обстоятельство, что Высоцкая, не обращая вниманія на нихъ, готовилась уйти съ сыномъ.

— Нищіе, нищіе! Такъ они не позорятъ покойника, а вы его позорите!—крикнула Ольга Александровна, обращаясь къ Стефаніи Высоцкой.

— Какое у васъ черствое сердце!—произнесла та невозмутимымъ тономъ.

Высоцкая смотрѣла на родственницъ покойника скорѣе съ чувствомъ состраданія и сожалѣнія, чѣмъ съ негодованіемъ; казалось, что она стояла настолько выше этихъ женщинъ, что ни одинъ комокъ грязи, брошенный ими, не могъ долетѣть до нея.

— Тетушка, оставьте ихъ,—проговорилъ Алексѣй Алексѣевичъ Обносковъ, подходя къ группѣ родственниковъ.

— Не могу, голубчикъ, не могу! Позора братца не могу видѣть!..

— Что сдѣлано, того не воротить,—кончилъ племянникъ наставительнымъ тономъ.—Я вполнѣ понимаю, что вамъ тяжело,—обратился онъ исключительно къ Стефаніи Высоцкой.—Вы потеряли въ дядѣ все. Я не могу васъ содержать на свой счетъ...

— Ахъ, батюшка, да они этого и требовать не могутъ,—перебила его Ольга Александровна, но племянникъ не обратилъ на нее вниманія и продолжалъ свою рѣчь:

— Теперь вамъ придется жить однимъ *честнымъ* трудомъ,—сказалъ онъ, подчеркнувъ слово *честнымъ*.—Богъ поможетъ вамъ идти по этой дорогѣ... Если у васъ не станетъ средствъ воспитывать дѣтей, то я готовъ за нихъ платить въ училища, сколько могу, разумѣется...

— Ангелъ, ангелъ!—воскликнула Вѣра Александровна, склонная къ восторженности, но племянникъ не обратилъ вниманія и на нее.

— По закону вы не имѣете никакихъ правъ на какую-нибудь часть изъ имѣнія дяди,—говорилъ онъ, попрежнему обращаясь къ Стефаніи и стараясь не глядѣть на ея сына.— Но я считаю своимъ долгомъ помогать его дѣтямъ, насколько буду въ силахъ.

— Благодарю васъ. Но я отъ васъ ничего не требую,— сказала Высоцкая, удивленная настойчивымъ желаніемъ Обноскова покровительствовать ей. — Какъ бы тяжело ни

Digitized by Google

было мое положеніе, я его перенесу, и вы можете быть покойны, что моя нога не будетъ въ этомъ домѣ послѣ похоронъ вашего дяди. Но теперь не время толковать о нашихъ личныхъ дѣлахъ...

Обносковъ пожалъ плечами.

— Толковать о дѣлахъ всегда время, — замѣтилъ онъ тихо.—И вы совершенно напрасно даете обѣщаніе не посѣщать насъ. Вы еще не знаете, что̀ такое нужда и трудъ, и пренебрегать моимъ предложеніемъ не слѣдуетъ. Я не желаю, чтобы дѣти *моего* дяди выросли неучами.

— Не заботьтесь о нихъ, не заботьтесь обо мнѣ и оставьте насъ въ покоѣ,—твердо произнесла Высоцкая.—Я не прошу ни вашихъ черствыхъ наставленій, ни вашего холоднаго покровительства.

— Согласитесь сами, что у меня нѣтъ никакой причины нѣжничать,—усмѣхнулся Обносковъ, сощуривъ насмѣшливо глаза.

— О, я у васъ даже и этого не прошу!—съ презрѣніемъ вымолвила Высоцкая; на Обноскова она смотрѣла совершенно не такъ, какъ на его тетокъ. Онъ не казался ей жалкимъ, а былъ просто гадокъ.

— Но мнѣ будетъ очень жаль, если вы станете пренебрегать воспитаніемъ дѣтей *моего* дяди,—повторилъ Обносковъ, снова дѣлая удареніе на словахъ, какъ будто желая внушить Высоцкой, что онъ хлопочетъ не о *ея* дѣтяхъ, но именно о дѣтяхъ *своего* дяди.—Конечно, я тутъ посторонній человѣкъ. Я не имѣю никакихъ правъ заботиться о нихъ насильно, противъ вашего желанія. Но повинуясь послѣдней волѣ дяди, я сдѣлалъ это предложеніе; вы его не принимаете, тутъ не моя вина. Но помните, что я буду готовъ помогать вамъ, если вы попросите помощи. А передъ тѣмъ, что̀ будетъ, я умываю руки.

— Съ этого вы могли начать, — проговорила молодая женщина и, поклонившись нѣжнымъ родственникамъ покойника, вышла подъ-руку съ сыномъ.

— Какова? Какова? она же еще и носъ поднимаетъ!— разразились громомъ восклицаній родственницы. — Ты ангелъ, Леня, ангелъ!—восхищались онѣ племянникомъ.

— У-у! у меня такъ вотъ и кипѣло, такъ вотъ и кипѣло въ груди, — говорила Ольга Александровна. — Такъ вотъ и хотѣлось ее отдѣлать! Ты ей благодѣтельствовать хочешь, а она голову вздергиваетъ! Терпѣливъ ты, голубчикъ, право, терпѣливъ!

Digitized by Google

— Что же, тетушка, горячиться изъ-за пустяковъ? —промолвилъ племянникъ.—Право, всѣ эти сцены не нужны. Я поступаю законно и мнѣ совершенно все равно, какъ смотритъ она на это дѣло. Она, вѣроятно, думала, что ей достанется все имѣніе дяди, но вѣдь я не виноватъ, что она не имѣетъ на это права.

— Ужъ ты умникъ у насъ!—воскликнула Вѣра Александровна.

— Пожалуйста, не дѣлайте никакихъ сценъ, если она будетъ являться въ эти дни на панихиды, — замѣтилъ Обносковъ.—Это ни къ чему не поведетъ. Только лишнія волненія выходятъ.

— Миротворецъ, миротворецъ! — пришли въ умиленіе тетки.—Вотъ къ кому послала бы она сына учиться кротости. Руки бы твои цѣловать заставила, чтобы ты его отъ гордости-то вылѣчилъ, на добрый путь наставилъ бы. А то, гляди, какъ голову поднимаетъ полячишка. Земли подъ собой не чаетъ! Вѣдь ты, Леня, не все видѣлъ, что мы отъ этого негодяя-полячонка натерпѣлись. Вѣдь онъ барина изъ себя такого ломалъ, что проходу намъ не было... Слава Богу, что онъ не нашу фамилію носитъ, нашего имени не позоритъ... Ужъ дойти ему до бѣды... Повѣсятъ его, какъ пить дадутъ! Да!.. Видно, мало ихъ перевѣшали... Братца только не хотѣлось огорчать, такъ все терпѣли, все терпѣли... Вотъ теперь безъ всего остались, на одного тебя, голубчика нашего, вся надежда,—зарыдали тетки.

— Полноте, ради Бога, не плачьте!—холодно уговаривалъ ихъ племянникъ.—Ну что же, кое-какъ достанетъ средствъ жить. Вотъ приведемъ все имѣніе въ извѣстность, раздѣлимъ...

— Не обидь, голубчикъ, сиротъ беззащитныхъ! —молила Вѣра Александровна.

— Тетушка, какъ вамъ не стыдно,—вяло упрекнулъ Обносковъ.—Развѣ я могу утаить хоть грошъ, который слѣдуетъ отдать по закону другимъ?

— Кормилецъ, заступникъ нашъ! — воскликнула тетка Ольга Александровна.

— Однако, я сильно утомился,—замѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ, зѣвая.

— Отдохни, голубчикъ, отдохни! — засуетились тетки и повели племянника въ другую комнату, приловчили ему подушку на диванѣ и уложили его отдыхать.

— Вотъ колокольчикъ, позвони, если понадобится,—гово-

Digitized by Google

рили онѣ, заботливо ухаживая около Обноскова, гордости ихъ семьи.

Обносковъ закрылъ глаза и сдѣлалъ видъ, что желаетъ уснуть. Тетки и его мать на цыпочкахъ вышли въ другую комнату.

— Расходы-то какіе теперь. Народу-то что набирается,— совѣщались онѣ между собою.

— Надо бы, сестрица,—говорила Марья Ивановна, почему-то начинавшая царить въ домѣ, гдѣ она сперва старалась стушеваться и считала себя гостьею: — надо бы Матвѣя Ильича изъ дому уволить. Не надеженъ онъ мнѣ кажется. Не стащилъ бы чего въ суматохѣ.

— Пусть идетъ къ своему Петру Евграфовичу, — воскликнула Ольга Александровна съ злобной ироніей: — онъ же его такъ уважалъ!

— Да ужъ, нечего сказать, человѣчекъ!—негодовала мать Алексѣя Алексѣевича.—Не вы ли его кормили, поили? съ дѣтства, вѣдь, у вашего батюшки еще служилъ, а что вышло?—чужимъ угождать сталъ. Ужъ правду говорятъ, какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ. И то сказать, свой своему поневолѣ братъ, благороднымъ людямъ непріятности дѣлалъ, а этимъ... прости Господи, угождалъ!..

Марья Ивановна, должно-быть, мысленно употребила какое-нибудь очень крѣпкое словцо и потому попросила прощенія у Бога за этотъ грѣхъ.

Матвѣя Ильича, между тѣмъ, призвали и съ бранью объявили ему, что онъ можетъ идти на всѣ четыре стороны. Старикъ не сказалъ ни слова, ушелъ въ свою каморку, связалъ въ узелокъ свое мелкое имущество и съ этимъ узелкомъ и палкою въ рукахъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. Безмолвно опустился старикъ на колѣни, тихо положилъ три земные поклона, медленно поднялся своимъ старымъ тѣломъ съ пола, поцѣловалъ въ холодныя губы мертваго барина и тихо, безъ слезъ, безъ упрековъ, вышелъ изъ дома, гдѣ онъ провелъ долгіе годы, перенесъ тяжкія обиды, утратилъ здоровье въ трудѣ и безсонныхъ ночахъ, домыкался до безсилья, до старости и откуда теперь выходилъ безсемейнымъ, одинокимъ, искалѣченнымъ и никому не нужнымъ старикомъ... Это былъ дворовый, неимѣющій угла, дворовый калѣка, который, какъ на смѣхъ, не умеръ подъ ударами подлой судьбы и дострадалъ до поздней воли. Песъ, сторожившій дворъ, ослѣпъ, оглохъ отъ побоевъ, и его выгоняли изъ дома, чтобы не кормить

Digitized by Google

сго даромъ... Если бы мертвецы чувствовали, что происходитъ вокругъ ихъ, то, можетъ-быть, именно эта безмолвная сцена прощанья прогоняемаго изъ дома стараго слуги больнѣе всего отозвалась бы въ сердцѣ Евграфа Александровича: вѣдь онъ былъ такимъ нѣжнымъ, любящимъ существомъ.

— Куда же выписать васъ и чемоданъ вашъ отправить?—спросилъ старика дворникъ, качая головой при видѣ этой дряхлой фигуры. — Гдѣ вы жить-то будете, Матвѣй Ильичъ?

— У моей барыни, у Стефаніи Станиславовны Высоцкой,—гордо отвѣтилъ старикъ.

Если бы можно было въ настоящее время человѣку сдѣлаться крѣпостнымъ, то Матвѣй Ильичъ, кажется, сейчасъ бы закрѣпилъ себя, вступая въ домъ обожаемой имъ семьи.

Надломленная, измученная Стефанія Высоцкая возвратилась домой со своимъ сыномъ въ совершенномъ безмолвіи; въ эти два дня она еще впервые вспомнила о своихъ матеріальныхъ средствахъ и вспомнила о нихъ только потому, что ее на эту мысль навели другіе. Горе было слишкомъ велико, чтобы думать о будущемъ, сводить денежные счеты. Но теперь она очнулась и увидала, что она стоитъ на краю пропасти. До сихъ поръ ея жизнь текла мирно и хорошо. У нея было всегда довольно средствъ къ жизни. Ей пришлось получить черезъ годъ послѣ смерти матери кой-какія деньги. Евграфъ Александровичъ тоже вносилъ въ свою семью не малую помощь. Она экономничала, какъ умѣла, обшивала своихъ дѣтей сама, учила ихъ первымъ началамъ наукъ тоже сама и могла сказать съ чистой совѣстью, что она была хорошею женою, хорошею матерью, и не ѣла даромъ чужого куска хлѣба. Мало или, лучше сказать, совсѣмъ не цѣнится работа женщины, какъ хозяйки—экономки, какъ матери—воспитательницы дѣтей,—но это тоже работа, требующая платы. Если мужъ приноситъ извѣстное количество рублей, то на нихъ немного пріобрѣлъ бы онъ, если бы ему пришлось платить за трудъ экономкѣ, за шитье дѣтскаго бѣлья швеѣ, за первоначальное обученіе дѣтей гувернанткѣ. Женщина, исполняющая все это честно въ домѣ мужа, можетъ сказать, что она не ѣстъ его хлѣба, а живетъ на свой счетъ. Не вполнѣ еще ясно это для всѣхъ, но въ жизни встрѣчаются семейства, гдѣ сознается и мужемъ, и женою ихъ равноправность по приносимой ими пользѣ. Такою семьею была семья покой-

Digitized by Google

наго Обноскова. Этотъ слабый по характеру, лишенный силы воли человѣкъ былъ добрымъ семьяниномъ, хорошимъ мужемъ, честнымъ отцомъ. Онъ занималъ сперва значительное мѣсто вице-директора въ одномъ департаментѣ, потомъ перешелъ въ качествѣ директора въ одну изъ акціонерныхъ компаній. Его средства съ каждымъ годомъ дѣлались все болѣе и болѣе, такъ что Высоцкая имѣла бы возможность скопить кое-что. Но она была на это неспособна. Евграфъ Александровичъ совершенно справедливо называлъ ея домъ «комиссіею для вспомоществованія пострадавшимъ». Дѣйствительно, у нея постоянно шли сборы то на пользу какого-нибудь человѣка, принужденнаго ѣхать куда-нибудь за тридесять земель, не по своей волѣ, то въ пользу какого-нибудь, неизвѣстно гдѣ погибшаго смѣльчака. Она вѣчно за кого-нибудь хлопотала, кого-нибудь опредѣляла въ училища, что-нибудь устраивала. Ея подвижная до крайности натура требовала дѣятельности, и никто не удивлялся, когда Стефаніи Высоцкой приходилось даже уѣзжать изъ Петербурга не по своимъ дѣламъ. Но не всегда работала она на помощь ближнимъ; случалось ей съ такимъ же веселымъ смѣхомъ, съ такою же энергіею работать и на гибель людей. Какой-нибудь господинъ, загрубѣлый во взяточничествѣ и кляузахъ, бывало, надѣлаетъ какихъ-нибудь подлостей въ дѣлѣ тѣхъ лицъ, о которыхъ заботилась Высоцкая, и она начинаетъ подтачиваться подъ этого господина. Всѣ возможныя средства пускались ею въ ходъ для достиженія цѣли. Въ этихъ случаяхъ большую пользу приносили важные друзья Евграфа Александровича, къ которымъ Стефанія обращалась съ подобными просьбами объ изгнаніи изъ службы мерзавцевъ и у которыхъ зато никогда не просила денежной помощи для своихъ protégés... Теперь Евграфа Александровича не стало, и Высоцкая осталась почти безо всего; она могла просуществовать годъ или полтора, но не болѣе. Она часто просила безъ всякой застѣнчивости для бѣдняковъ, но никогда не попросила бы она помощи для себя. Теперь приходилось работать изъ за куска хлѣба, копить и разсчитывать каждый грошъ и все-таки терпѣть нужду, не имѣть средствъ дать хорошее образованіе остальнымъ дѣтямъ. Отъ дѣятельности, составлявшей всю цѣль жизни Высоцкой, приходилось отказаться совсѣмъ, заботиться о разныхъ погибающихъ, собирать на нихъ деньги можно было только тогда, когда у самой Стефаніи были средства: теперь она не рѣшилась бы дѣлать сборы, потому что и

Digitized by Google

самые честные люди могутъ быть заподозрѣны въ безчестности, если они бѣдны. И сами эти люди становятся страшно щекотливы и отстраняютъ отъ себя всякія занятія, при которыхъ ихъ можно заподозрить въ чемъ-нибудь дурномъ. Путь, на которомъ Стефанія находила защиту для погибающихъ и опоръ губящимъ, тоже закрывался со смертію Евграфа Александровича. Графы Струговы, князья Валуновы, изъ которыхъ послѣдній былъ женатъ на полькѣ, дѣлали все для своего покойнаго друга и оказывали глубочайшую симпатію и даже уваженіе Высоцкой, но теперь вѣдь и они откажутся отъ нея. Она еще боялась сообщить сыну о ихъ общемъ положеніи, когда къ ней вошелъ Матвѣй Ильичъ.

— А я къ вамъ, матушка-барыня, служить пришелъ,— промолвилъ онъ съ поклономъ.— Не прогоните старика!

— Полноте, Матвѣй Ильичъ, живите у меня,— проговорила съ болѣзненной улыбкой Высоцкая, глядя на эту живую развалину преданнаго слуги.— Живите, покуда у насъ будутъ средства.

Старикъ покачалъ головой.

— Охъ-хо-хо! Плохія времена пришли, матушка-барыня!— заговорилъ онъ.—Добрый былъ баринъ Евграфъ Александровичъ, только характеру у нихъ не было. Сколько разъ я ему говорилъ, чтобы сдѣлалъ распоряженіе, такъ нѣтъ! Осѣтили его эти чертовки (не въ этомъ раю будь сказано), вотъ и оставилъ семью ни при чемъ!

— Не грѣшите, Матвѣй Ильичъ! Покойниковъ грѣхъ бранить,—серьезно замѣтила Стефанія Высоцкая и испугалась своихъ невольно сказанныхъ словъ, воспомнивъ, что за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ въ ея умѣ тоже промелькнулъ горькій упрекъ любимому человѣку. — Перебьемся какъ-нибудь, все пойдетъ хорошо,— говорила она.— Я работать стану.

— Работать! Матушка-барыня, много ли нонче работой-то наживете!?— говорилъ старикъ, качая головой въ раздумьѣ.— У васъ дѣти, за ними присмотрѣть надо. Гдѣ тутъ работать?

Стефанія вздрогнула.

— Тяжело мнѣ, Матвѣй Ильичъ; съ силами я еще не собралась... Послѣ все обдумаю.

— Матушка, развѣ наше положеніе такъ нехорошо?— спросилъ сынъ, съ участіемъ заглядывая въ глаза матери.

— Дитя, мы нищими можемъ скоро сдѣлаться!— заплакала мать.

Digitized by Google

— Господи! Что же мы станемъ дѣлать? — воскликнулъ онъ, обнимая мать, и сталъ ее утѣшать:—Не плачь, милая! Все пойдетъ отлично, я уроки буду давать, наши ребятишки будутъ дома у меня учиться, платить будетъ не нужно... Постой, постой!—закричалъ онъ, вспомнивъ что-то.

— Какъ это я забылъ! Ахъ! Боже мой, какой я вѣтренный. Вотъ бранить стоитъ!—говорилъ онъ отрывисто и торопливо шарилъ во всѣхъ карманахъ. — Вѣдь папа тебѣ письмо оставилъ, велѣлъ, чтобы я никому не показывалъ, кромѣ тебя... Ахъ, Боже мой, ужъ не потерялъ ли я его!.. Нѣтъ, нѣтъ! вотъ оно.

Стефанія Высоцкая торопливо взяла письмо. Она читала знакомыя ей строки и плакала, пожимая руку сына.

— Голубушка-барыня, да что же съ вами?—спрашивалъ Матвѣй Ильичъ.—Успокойтесь, матушка!.. Постойте, я водицы принесу...

— Матвѣй Ильичъ, мы грѣшили съ вами, упрекая его, страшно грѣшили!—говорила Стефанія Высоцкая.—Онъ насъ обезпечилъ, мы будемъ счастливы... Дѣти мои, дѣти, вы не вырастете неучами, не пойдете по міру за подаяніемъ... къ Обносковымъ!..

Старикъ перекрестился. Стефанія Высоцкая преклонила голову на плечо къ сыну и долго-долго сидѣла безмолвно въ этомъ положеніи, опустивъ на колѣни письмо и вексель, оставленный ей Евграфомъ Александровичемъ.

— Такъ я вамъ, матушка, не буду въ тягость?— спрашивалъ старый слуга.

— Нѣтъ, нѣтъ, добрый мой, вѣрный старикъ! Никто изъ моей семьи не будетъ мнѣ въ тягость,—а вы другъ, членъ нашего семейства,—протянула Стефанія руку старику.

Онъ бросился ее цѣловать.

Вечеръ мирно догорѣлъ въ мирномъ кружкѣ небольшого семейства. Всѣ вѣрили въ свѣтлое будущее и снова не заботились о грошахъ, не завидовали участи Обносковыхъ...

На похороны Евграфа Александровича, кромѣ другихъ значительныхъ друзей покойнаго, явился и графъ Струговъ со своимъ сыномъ и братомъ. Съ графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Струговымъ покойный Обносковъ вмѣстѣ выросъ, вмѣстѣ воспитывался въ университетѣ и, наконецъ, вмѣстѣ служилъ въ обширной по дѣламъ акціонерной компаніи «Водяныхъ сообщеній въ Россіи», гдѣ графъ былъ однимъ изъ главныхъ директоровъ. Дошедшій до степеней извѣстныхъ, отчасти при помощи своего происхожденія,

Digitized by Google

своего образованія и своихъ блестящихъ способностей и еще болѣе при помощи своей красоты и умѣнья ловко вальсировать, графъ Григорій Струговъ былъ еще довольно привлекательнымъ мужчиной, хотя и успѣлъ посѣдѣть не отъ лѣтъ, а отъ тревожно проведенной, разгульной въ былые годы жизни. Но всему есть конецъ: вальсъ вышелъ изъ моды и не могъ помочь на службѣ, тогда графъ успѣлъ вовремя сдѣлаться набожнымъ, а потому шелъ все впередъ. Теперь онъ уже не кутилъ, занималъ нѣсколько должностей, состоялъ попечителемъ различныхъ богоугодныхъ заведеній и членомъ различныхъ акціонерныхъ компаній, однимъ словомъ, заглаживалъ и былые грѣхи, и былые долги. Спокойствіе въ манерахъ, тонкая, не лишенная гордаго сознанія своего значенія и своихъ достоинствъ, снисходительная деликатность въ обращеніи, склонность къ легкой, никого не оскорбляющей, но въ то же время мѣткой насмѣшливости — были отличительными чертами характера графа. Зная въ совершенствѣ французскій языкъ, онъ рѣдко говорилъ по-русски, но въ его русской рѣчи попадались такіе простонародные, не петербургскіе и не чиновническіе обороты, что его принадлежность къ числу родовитыхъ баръ, «отцовъ» безчисленнаго множества крестьянъ, была ясна, какъ день. Онъ болѣе всего старался не быть «выскочкой», хотя и безъ его усилій никакой графъ Струговъ не могъ бы быть сочтенъ выскочкой. Вслѣдствіе этой скромности, онъ всегда старался становиться въ задніе ряды во всѣхъ многолюдныхъ обществахъ и, кажется, не замѣчалъ, что именно это обстоятельство заставляло разступаться передъ нимъ тѣхъ, кто стоитъ впереди, а значитъ и обращало еще больше вниманія на него, великодушно стремящагося стушеваться и скрыть свою личность за спиною толпы. На пышныхъ раутахъ онъ забивался куда-нибудь въ такой уголъ, гдѣ его было бы очень трудно отыскать, если бы черезъ четверть часа этотъ уголъ не дѣлался такимъ шумнымъ и тѣснымъ, что многіе тщетно добивались чести постоять, хоть минуту, въ этомъ углу...

При появленіи графа въ комнатѣ, гдѣ стоялъ гробъ покойнаго Обноскова, Алексѣй Алексѣевичъ тотчасъ же подошелъ къ почетному гостю и предупредительно попросилъ его стать на самое удобное мѣсто.

— Пожалуйста, не безпокойтесь,—отвѣтилъ графъ:—мнѣ совершенно все равно, гдѣ стоять.

— Помилуйте, графъ, — разсыпался Обносковъ: — тутъ

Digitized by Google

постоянно будутъ сновать мимо васъ и тревожить васъ посѣтители.

— А я вотъ въ уголокъ проберусь,—отвѣтилъ графъ и пробрался въ уголокъ, скромно извиняясь передъ тѣми лицами, мимо которыхъ онъ пробирался и которыхъ, по его мнѣнію, а не въ дѣйствительности, онъ потревожилъ.

Обносковъ сбилъ всѣхъ съ ногъ, посылая гонца за гонцомъ торопить запоздавшихъ поповъ, и снова возвратился къ графу. Онъ, кажется, начиналъ мозолить глаза значительному гостю; это дало поводъ тому подумать, что Обносковъ напрашивается на разговоръ, и снисходительный аристократъ счелъ своимъ долгомъ исполнить желаніе неотходившаго отъ него ближняго.

— Вы, кажется, распорядитель похоронъ? — спросилъ графъ, чтобы какъ-нибудь начать бесѣду.

— Да-съ. У дядюшки не было другихъ ближнихъ родственниковъ мужчинъ, кромѣ меня, — отвѣтилъ Обносковъ, дѣлая умилительно-почтительное лицо.

— А! такъ это вы, значитъ, ѣздили, какъ я слышалъ, оканчивать ученье въ Берлинѣ?

— Въ Гейдельбергъ,—поправилъ Обносковъ.

— Да, да, виноватъ! въ Гейдельбергъ. Мнѣ такъ и говорилъ мой покойный другъ... Рано онъ у насъ свернулся,— вздохнулъ графъ.—Прекрасная была душа!

Обносковъ потупилъ глаза и тоже вздохнулъ, услышавъ эти теплыя слова.

— Скажите, графъ, — началъ онъ нерѣшительно черезъ минуту;—вѣроятно, общество «Водяныхъ сообщеній въ Россіи» выдастъ какое-нибудь вспомоществованіе родственницамъ дяди?..

— Непремѣнно,—утвердительно отвѣчалъ графъ.—Я думалъ, что вы уже получили деньги на похороны, ему назначена тысяча рублей... Конечно, это небольшая сумма, но что прикажете дѣлать: больше мы не могли выдать... Времена, времена плохія!—приподнялъ графъ плечи.

— Кажется, въ компаніи обыкновенно выдается годовое жалованье,—несмѣлымъ тономъ замѣтилъ Обносковъ.

— Да, но это не идетъ въ счетъ похоронныхъ денегъ. Я уже озаботился, чтобы одновременное пособіе было выдано женѣ покойнаго.

— Вы, вѣроятно, введены въ ошибку: онъ не былъ женатъ, графъ,—быстро перебилъ Обносковъ, и его лицо зарумянилось отъ волненья.

Digitized by Google

— Ну да, ну да,—повертѣлъ графъ рукою въ воздухѣ.— Не былъ вѣнчанъ... Но это все равно. У нихъ были дѣти.

— Помилуйте, это совсѣмъ не все равно, — уже совершенно серьезно проговорилъ Обносковъ.

— Ну, конечно, конечно, не все равно,—отвѣтилъ графъ совершенно спокойно, но у него слегка покоробило лицо, такъ что посторонній наблюдатель могъ бы замѣтить подъ маскою этого наружнаго спокойствія слѣды подавленной досады.— Но я хотѣлъ сказать,—продолжалъ онъ:—что покойный мой другъ жилъ столько лѣтъ съ этой женщиной въ гражданскомъ бракѣ...

— У насъ, графъ, не существуетъ подобныхъ браковъ,— холодно замѣтилъ Обносковъ.

— Э, Боже мой, вы гоняетесь за словами!—нетерпѣливо произнесъ графъ, едва не топнувъ ногою.

— Не за словами, а за идеями, за идеями! Гражданскій бракъ выдумали нигилисты, а это была просто незаконная связь...

— Ну, связь, прекрасно! Вамъ нравится это слово, возьмите его. Но эта связь продолжалась столько лѣтъ и была такъ серьезна, что ее нельзя считать простымъ развратомъ, и та женщина, съ которой жилъ мой покойный другъ, имѣетъ право на нашу помощь.

— Въ этихъ дѣлахъ, графъ, давность по нашимъ законамъ ничего не поправляетъ,—настойчиво стоялъ на своемъ Обносковъ.—И никто не имѣетъ права отдать этой женщинѣ деньги, слѣдующія наслѣдникамъ моего дяди, никто!

— Я!—рѣзко проговорилъ графъ Струговъ, уже метавшій глазами молніи на Обноскова.—То-есть наша компанія,— вдругъ спохватился графъ, увидавъ, что Обносковымъ подмѣчено его раздраженіе, и принялъ снова свое холодно-спокойное выраженіе.

— Развѣ вы, графъ, и ваша компанія стоите внѣ общихъ государственныхъ законовъ?—ѣдко спросилъ Обносковъ.

— Нѣтъ-съ, какъ можно! Мы подчиняемся имъ, какъ и всѣ другіе,—уже насмѣшливо отвѣтилъ графъ.

— Такъ какъ же вы отдадите наши деньги ей?

— Не ваши, а свои. Мы ихъ и за окно можемъ бросить,— уже совсѣмъ весело усмѣхался графъ и смотрѣлъ на Обноскова какъ-то сверху внизъ, точно передъ нимъ находилась какая-то маленькая, едва замѣтная букашка.

— Да вѣдь эти деньги намъ слѣдуютъ по закону!—волновался Обносковъ.

Digitized by Google

— По какому?—бросилъ на него насмѣшливый взглядъ собесѣдникъ. — Гдѣ это вы нашли законъ, что компанія обязана выдавать годовое жалованье роднымъ ея умершихъ агентовъ?

На лбу Обноскова проступилъ холодный потъ; это не ускользнуло отъ вниманія графа; онъ сохранялъ спокойствіе и смѣялся въ душѣ.

— Я, графъ, принужденъ вамъ сказать, что, по моему мнѣнію, вы просто желаете потакать разврату. Вы хотите покровительствовать тому, что̀ преслѣдуется нашими законами. Я готовъ все это считать шуткой, такъ какъ самое ваше положеніе въ свѣтѣ не оправдываетъ такого образа дѣйствій. Если бредни какого-нибудь безроднаго отрицателя брака и законныхъ правъ на наслѣдство могутъ быть только смѣшны, то ваше поощреніе, ваше признаніе правъ любовницы и незаконнорожденныхъ дѣтей на наслѣдство просто опасны.

Графъ молчалъ, точно Обносковъ шипѣлъ гдѣ-то очень далеко внизу и его слова не могли долетать до той вершины, гдѣ стоялъ его гордый противникъ.

— Я, графъ, долженъ вамъ замѣтить,—прошепталъ Обносковъ, задыхаясь отъ злобы: — что я буду требовать законнымъ порядкомъ.

— Вы?—спросилъ графъ, взглянувъ сверху внизъ прищуренными глазами, и вдругъ началъ усердно креститься.

Это взбѣсило Обноскова. Онъ готовъ былъ растерзать противника за эту злую выходку и даже не замѣтилъ, что въ комнатѣ уже началась служба.

— Я понимаю, что вы стоите такъ высоко, что я въ сравненіи съ вами...— шипѣлъ онъ, забывая всѣхъ и все, кромѣ шести тысячъ пособія.

— Вотъ вы меня въ нигилизмѣ заподозрили, а сами, какъ кажется, совсѣмъ не уважаете святости нашихъ церковныхъ обрядовъ,—отеческимъ шопотомъ замѣтилъ графъ и добродушнѣйшимъ образомъ съ упрекомъ покачалъ головою.

Обносковъ опомнился и сталъ еще зеленѣе, а графъ продолжалъ усердно молиться.

Отпѣваніе кончилось. Родные стали прощаться съ покойникомъ; раздались дикіе крики трехъ родственницъ и утѣшенія гостей. Стефанія Высоцкая, закутанная въ черную тальму, спускавшуюся почти до полу, стояла неподвижно въ углу. Она была блѣдна, какъ мертвецъ. Сынъ стоялъ около нея и, кажется, боялся, что она упадетъ въ обморокъ.

Digitized by Google

Наконецъ, гробъ понесли. Графъ Григорій Струговъ, его братъ и его друзья были въ числѣ несущихъ. Высоцкая пошла за гробомъ въ отдаленіи. Она едва переступала.

— Неужели вы до кладбища думаете идти пѣшкомъ?— спросилъ ее кто-то по-французски.

Она вздрогнула, какъ бы пробуждаясь отъ тяжелаго сна, и обернулась. Передъ ней стоялъ графъ Струговъ.

— Ахъ, это вы, графъ,—привѣтливо улыбнулась она грустною улыбкою.—Кажется, не дойду.

— Такъ садитесь въ мою карету. Сыро сегодня. Я тоже ѣду съ Мишелемъ,—пригласилъ графъ Высоцкую и указалъ на своего сына Мишеля, учившагося въ гимназіи вмѣстѣ съ молодымъ Высоцкимъ.

Товарищи уже разговаривали между собою.

Высоцкая согласилась на предложеніе. Всѣ четверо стали садиться въ карету графа.

— Гляди, гляди! развратница-то, развратница-то наша!— высунулись изъ своей кареты сестры покойника, дергая за рукавъ задумчиво сидѣвшаго противъ нихъ племянника.— Съ графомъ сѣла, въ его карету сѣла! Хоть бы братца-то, нашего голубчика, похоронить дала, да ужъ тогда и шла бы на всѣ четыре стороны...

— А-а!—протяжно проговорилъ Обносковъ, что-то соображая.—Такъ вотъ онъ отчего ей покровительствуетъ!

— И сына-то, сына-то не стыдится. При немъ вѣшается на шею новому любовнику... Да и онъ-то хорошъ! Среди бѣлаго дня съ публичной женщиной ѣдетъ, грязью себя мараетъ!

— Э, къ нимъ ничего не пристаетъ!—озлобленно прошепталъ Обносковъ и отвернулся въ другую сторону.

X.

Очень обыкновенная семейная жизнь.

Только черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, то-есть послѣ смерти и похоронъ Евграфа Александровича, молодой Обносковъ переѣхалъ отъ Кряжова и устроился своимъ домомъ. До сихъ поръ его жена не чувствовала никакой перемѣны въ своемъ положеніи. Только теперь она стала сознавать, что для нея началась новая жизнь. Мать Обноскова поселилась со своимъ сыномъ и разсталась какъ со своею квартирою на Выборгской сторонѣ, такъ и со своими жильцами. Съ первыхъ же дней послѣ переѣзда на новую квартиру, она принялась за хозяйство, за мелкія домашнія

Digitized by Google

распоряженія, за перебранку съ прислугою и выказала живое намѣреніе не выпускать изъ своихъ рукъ бразды домашняго правленія.

— Вы ужъ, цвѣточекъ мой, Агриппина Аркадьевна, не заботьтесь о хозяйствѣ,—говорила она однажды за утреннимъ чаемъ невѣсткѣ. — Вамъ это дѣло новое. Хлопотъ съ нимъ много. Возня съ людишками только здоровье ваше испортитъ. Вѣдь у насъ въ Петербургѣ народъ мошенникъ, выжига, у-у! какой продувной!..

— Да я, Марья Ивановна, уже занималась хозяйствомъ у отца,—замѣтила Груня.—Это совсѣмъ не такъ трудно...

— Изъ большихъ средствъ, не спорю, не трудно, не трудно... У нашего папеньки большія средства были,—заговорила часто дробью Марья Ивановна: — вотъ у него и хозяйство совсѣмъ другое было, а здѣсь не то, совсѣмъ не то. Вамъ папенька богатъ, а у моего сына средства-то маленькія, надо экономничать, по одежкѣ протягивать ножки...

— Да, маменька права,—замѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ.— Тебѣ не зачѣмъ допустту хлопотать и возиться съ прислугой и обѣдами.

— Да я и не настаиваю особенно на этомъ, но просто мнѣ не хотѣлось бы безъ дѣла сидѣть,—промолвила Груня.

— Ну, ангелочекъ мой, дома дѣла найдется,—утѣшала Марья Ивановна.—Безъ дѣла не останетесь...

— Дѣлайте, какъ вамъ угодно,—отвѣтила Груня и стала пить чай.

Всѣ помолчали.

— Вотъ вы, кажется, и обидѣлись,—вдругъ упрекнула Марья Ивановна.

— Чѣмъ же? я и не думала обижаться,—изумилась Груня.

— Нѣтъ, ужъ я вижу, что вамъ не по сердцу мое желаніе!.. Что-жъ, я не навязывалась. Вы хозяйка теперь въ домѣ, вамъ и книги въ руки. Была бы честь предложена, а отъ убытка Богъ избавилъ. Я вѣдь теперь здѣсь послѣдняя спица въ колесницѣ...

— Полноте, маменька,—недовольнымъ тономъ сказалъ Алексѣй.—Что тутъ за счеты, кто старше. Я не желалъ бы вообще, чтобы кто-нибудь считалъ себя здѣсь старшимъ,— строго замѣтилъ онъ и прибавилъ: — Хозяйничайте, распоряжайтесь и не обращайте ни на кого вниманія, дѣлая свое дѣло.

— Если ты хочешь, я готова, Леня, только чтобы послѣ претензій не было, что я худо распоряжаюсь или много трачу...

Digitized by Google

— Кто же это будетъ претендовать, ужъ не я ли?—спросила Груня, смущенная всею этою сценою. — Будьте увѣрены, что я не скажу ни слова, лишь бы Алексѣй былъ доволенъ...

— Алексѣй! Это вы кого же Алексѣемъ-то величаете?—спросила ѣдкимъ тономъ Марья Ивановна. — Ужъ не мужа ли? Ну, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, кажется, рано бы его такъ называть. Можно бы и поласковѣе быть. Вѣдь это только холоповъ зовутъ Алексѣями-то.

— Эхъ!—съ досадой махнулъ рукой Алексѣй Алексѣевичъ и нетерпѣливо началъ постукивать ногой.

— И меня-то вотъ вы все называете Марьей Ивановной, да Марьей Ивановной,—не унималась старуха.—А вѣдь не грѣхъ бы и маменькой назвать. Вѣдь ужъ какъ вы тамъ ни думайте, а я все-таки мать вашему мужу. Оно, можетъ-быть, по-вашему, по-новому, и не принято уважать старшихъ — ну да вѣдь вамъ не съ тѣми вертопрахами жить, которые старшихъ-то въ грошъ не ставятъ. Нѣтъ, голубчикъ мой, вы со старыми, съ честными людьми живете.

— Да что это вы, матушка, лѣвой ногой вѣрно встали?—съ раздраженіемъ замѣтилъ Обносковъ.

Марья Ивановна такъ и развела руками отъ удивленія.

— Ну, батюшка, отъ тебя-то я этого не ожидала,—произнесла она и торопливо поднесла платокъ къ глазамъ.— И то сказать, теперь жена тебѣ ближе, я третій человѣкъ, лишній человѣкъ въ домѣ...

Алексѣй Алексѣевичъ махнулъ рукою и вышелъ изъ комнаты.

— Вотъ полюбуйтесь, что вы надѣлали; сына съ матерью поссорили,—упрекнула Марья Ивановна невѣстку. — Сами матерью будете, поймете это... Чужія слезы отольются, рано ли, поздно ли, а отольются...

Груня наморщила свой лобъ и сидѣла совершенно безмолвно, начавъ вышивать. Ей первый разъ въ жизни пришлось испытать такую пошлую, такую безцѣльную семейную размолвку. Нѣсколько разъ у нея навертывались на языкъ отвѣты старухѣ, но извѣстный тактъ, свойственный свѣжимъ и чистымъ натурамъ, не позволялъ ей вставить какое-нибудь слово въ потокъ этихъ мелочныхъ придирокъ. Молодая женщина была, повидимому, даже спокойна, только игла въ ея рукѣ все попадала не туда, куда слѣдовало, и слегка дрожала. Старуха Обноскова перемывала чашки и время отъ времени бросала злые взгляды на невѣстку и

Digitized by Google

покачивала головой, видя, что та не обращаетъ на нее вниманія.

— Вотъ вы теперь молчите и дуетесь,—начала снова Марья Ивановна.—Вы въ душѣ-то меня ругаете, а вѣдь я вамъ же добра желаю. Вы-то по глупости, да по неопытности что-нибудь при людяхъ скажете, мужа Алексѣемъ, какъ лакеишку, обзовете, либо мать, какъ чужую, Марьей Ивановной величать станете, а васъ и осудятъ и пойдутъ славить: «Вонъ они какъ живутъ, заговоритъ про насъ народъ, какъ кошка съ собакой? У нихъ и имени-то ласковаго другъ другу нѣтъ даже при людяхъ, а ужъ что же должно быть, какъ они съ-глазу на-глазъ останутся». А худая-то слава бѣжитъ... Вы меня благодарить должны, что я васъ семейной жизни учу. Вѣдь и я была молода, и меня учили. Охъ, какъ учили!.. Вы вотъ и подумайте обо всемъ, да и поймите, правду ли я говорю; хорошенько подумайте!

Марья Ивановна поставила въ буфетный шкапъ чашки и вышла изъ комнаты. Груня вдругъ отбросила вышивку и залилась неудержимыми слезами.

— Что съ тобой?—спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ, входя въ столовую, чтобы проститься съ женою передъ отправленіемъ на службу.

— Ничего... Такъ...—прерывающимся голосомъ отвѣтила Груня и закусила губу, стараясь подавить слезы.

— Какъ же *такъ?* Развѣ можно плакать безъ причины?—замѣтилъ мужъ.—Нездорова ты, что ли?

— Скажи, за что твоя мать цѣлый часъ бранила меня?—воскликнула строптиво жена, поднимая свои большіе глаза на мужа.

— Э, Боже мой, начались дрязги!—недовольнымъ голосомъ сказалъ Обносковъ. — Ужъ гдѣ двѣ бабы сойдутся, тамъ и пойдетъ война!

— Да ты, кажется, считаешь меня виноватою?—изумилась Груня.

— Да, разумѣется! Вѣдь странно же связываться со старымъ человѣкомъ. У нея свои взгляды на жизнь, свои привычки, а ты еще молода и не выработала себѣ, не могла выработать убѣжденій, значитъ, тебѣ легче уступить. И вообще совѣтую тебѣ уважать мою мать; хотя у нея и есть ошибки, какъ у всякаго человѣка, но она опытная и дѣльная женщина.

— Да вѣдь она придирается ко...—начала Груня, но мужъ перебилъ ее.

Digitized by Google

— Прошу тебя,—сказалъ онъ строго:—разъ и навсегда прошу не жаловаться мнѣ на нее и не впутывать меня въ эти домашніе дрязги... У меня есть серьезное дѣло и мнѣ некогда мирить васъ. Да я и не судья въ этихъ исторіяхъ, потому что насколько я люблю тебя, настолько же уважаю и ее. Ты не думай, что я когда-нибудь изъ-за тебя вышвырну ее изъ дому. Это было бы такъ безнравственно, что ты сама перестала бы меня уважать послѣ подобнаго поступка... Да и вообще вы, женщины, взволнуетесь, потеряете нѣсколько праздныхъ часовъ времени, но убытка отъ этого нѣтъ, — а у нашего брата дѣло есть; если я стану волноваться да тревожиться изъ-за пустяковъ, то у меня не очень-то хорошо пойдутъ впередъ мои серьезныя занятія.

Опустивъ руки, стояла Груня передъ мужемъ и снять какая-то непонятная ей самой сила удерживала ее отъ возраженій.

— Ну, прощай, маленькая плакса!—улыбнулся Обносковъ и поднялъ за подбородокъ лицо жены.

Она отдернула голову назадъ и нахмурила брови.

— Ахъ! ты капризница!—шутливо промолвилъ мужъ, игриво скользнувъ двумя пальцами около груди жены, какъ это дѣлаютъ съ ребенкомъ, когда ему говорятъ: «а вотъ я тебя забодаю!» — и вышелъ изъ комнаты. «Какая она хорошенькая, когда капризничаетъ», промелькнуло у него въ головѣ, и онъ готовъ былъ снова воротиться къ женѣ, чтобы поцѣловать ее, но ему приходилось снѣзжать на службу, а потому это желаніе и отложилось до болѣе свободнаго времени.

Груня рѣшительно и быстро отерла слезы и, строптиво швырнувъ въ сторону носовой платокъ, припялась опять за вышивку. Прошло довольно много времени. Груня продолжала вышивать. Внутреннее волненіе замѣчалось только по излишней быстротѣ работы; наружность же молодой женщины, похожей на дѣвочку, оставалась невозмутимо спокойною, только лобъ морщился болѣе обыкновеннаго, да изрѣдка закусывались губы, какъ будто изъ желанія физическою болью подавить мученія нравственной пытки. Наконецъ въ комнату вошла Марья Ивановна.

— Что это вы сегодня все утро вышиваете,—замѣтила она, качая головой.

— А развѣ что-нибудь другое нужно сдѣлать?—спросила невозмутимо холоднымъ тономъ Груня.

— Да вѣдь вотъ прачка бѣлье принесла, ну и пересчитали бы все по запискѣ и уложили бы въ комодъ.

Digitized by Google

— Хорошо,—произнесла Груня тѣмъ же тономъ и пошла въ другую комнату пересчитывать и прибирать бѣлье.

Черезъ четверть часа туда же явилась и Марья Ивановна.

— Вы это какъ бѣлье укладываете?—спросила она у Груни.—Не пересмотрѣвши?

— Да.

— Ну, это не порядокъ!

— Значитъ, нужно пересматривать?

— А то какъ же? Ну, если прачка-то дурно выстирала, пятна оставила, такъ это ей и спустить? Нѣтъ-съ, это не дѣло! Этакъ все бѣлье перепортите. Да, надо посмотрѣть, нѣтъ ли и дыръ гдѣ-нибудь, вездѣ ли есть пуговицы, чтобы потомъ все исправить.

— Хорошо, я пересмотрю,—отвѣчала Груня попрежнему спокойно и холодно.

— Вотъ вы говорили, что дѣла не найдется въ домѣ, кромѣ хозяйства, а вы если одною штопкою бѣлья займетесь, такъ у васъ день-то весь и уйдетъ.

Груня молчала.

— Сейчасъ на рынокъ ходила, нашихъ тамъ встрѣтила, Ольгу и Вѣру,—заговорила дружескимъ и немного таинственнымъ тономъ Марья Ивановна, присаживаясь на стулъ около комода.—Грѣхъ, право, съ ними да и только! Ха-ха-ха! Сняли это онѣ себѣ траурныя шляпки и, можете себѣ представить, по модѣ, какъ есть по первому журналу. Ну, скажите, время ли тутъ о модѣ заботиться, когда братъ померъ и нужда на носу?

Груня перебирала бѣлье и не отвѣчала.

— А вы, ангелочекъ мой, что-то хмурыя сегодня такія, ужъ не чувствуете ли вы чего... знаете вѣдь теперь такое время для васъ... можетъ, еще и на внучка скоро придется порадоваться...

— Я ничего не чувствую,—отвѣчала Груня и вспыхнула до ушей.

— Такъ ужъ не на меня ли вы сердитесь? — съ добродушной укоризной покачала головой Марья Ивановна и, кажется, сама не вѣрила своему предположенію. — Грѣхъ вамъ зло помнить! Мало ли что въ семьѣ бываетъ. Часъ на часъ не придется. Мы повздоримъ, мы и помиримся. Нельзя всякое лыко въ строку ставить... А вотъ я вамъ про себя скажу: у меня сердце отходчиво. И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, всегда я была такою. Посержусь,

Digitized by Google

покричу, выскажу человѣку всю правду, выведу его на чистую воду, а потомъ и жаль мнѣ его станетъ. Это бывало и съ мужемъ, когда онъ запилъ; чего, чего я не натерплюсь, а ничего, все забуду, какъ только вотъ хоть на минутку онъ отъ глазъ моихъ скроется. И станетъ мнѣ его жаль, такъ жаль, такъ жаль, что вотъ такъ бы и бросилась къ нему, моему голубчику, на шею. А вѣдь ужъ какой человѣкъ-то онъ былъ въ ту пору, когда пить началъ, тиранъ, одно слово тиранъ?.. Прежде онъ ничего, смирный былъ, выскажешь, бывало, ему всю правду, смолчитъ, уйдетъ только, а потомъ какъ зачалъ пить, такъ аки звѣрь сдѣлался: и рветъ, и мечетъ, и въ драку лѣзетъ, ничѣмъ, бывало, его не укротишь... А вотъ вѣдь все вынесла и въ церкви его поминаю, и Господа объ отпущеніи его грѣховъ молю каждодневно... У меня сердце отходчиво, отходчиво... Да, цвѣточекъ мой, не должны люди зла помнить, и вы его не помните!

Марья Ивановна нѣжно поцѣловала Груню, а у Груни по тѣлу пробѣжала дрожь, точно къ ней прикоснулось что-то нечистое, отвратительное. Время кое-какъ прошло до обѣда, т. е. до четырехъ часовъ, когда обыкновенно возвращался Алексѣй Алексѣевичъ, прикомандированный на время къ министерству въ ожиданіи каѳедры въ университетѣ.

— Ну что, мы перестали капризничать?—улыбнулся онъ заигрывающей улыбкой женѣ, какъ мы улыбаемся дѣтямъ, которыхъ высѣкли и потомъ поспѣшили простить, чтобы ихъ хмурыя лица не тревожили насъ и не напоминали намъ о нашемъ вышедшемъ изъ границъ раздраженіи.

— Ты видишь, кажется, что я спокойна,—отвѣтила Груня.

— Спокойна и холодна?—пошутилъ мужъ.

— У меня такой характеръ.

— Немножко избалованный? не такъ ли?

— Можетъ-быть.

— Вотъ и я еще хочу баловать тебя,—засмѣялся онъ и подалъ ей коробку конфетъ. — Это тебѣ, чтобъ ты не плакала.

Груню оскорбило, что ее считаютъ ребенкомъ, но она удержалась отъ всякихъ объясненій по этому поводу.

— Мегсі,—сухо произнесла она и поставила коробку на столъ.—Обѣдъ уже поданъ, пойдемъ.

За обѣдомъ Обносковъ и его мать говорили о разныхъ семейныхъ дѣлахъ, въ число которыхъ вошли и сшитыя по модѣ шляпки тетокъ Обноскова. Мать была въ этотъ день

Digitized by Google

особенно предупредительна съ сыномъ, какъ человѣкъ, заглаживающій ошибку. Груня сидѣла молча и очень мало ѣла. Послѣ обѣда она ушла въ свою комнату.

— Вы, маменька, будьте съ ней осторожнѣе,—сказалъ сынъ матери. — Она очень избалована, и съ ней надо поступать осмотрительно. Исподволь ее ко всему пріучить можно.

— Ахъ, голубчикъ, да я ей ничего и не сказала обиднаго,—оправдывалась мать.

— Да я и не думаю этого, но все же старайтесь ее пріучать къ семейной жизни незамѣтно, постепенно. Этимъ капризнымъ дѣтямъ въ душу не влѣзешь, никогда не узнаешь, что они думаютъ. Они привыкли, чтобы все дѣлалось по ихъ желанію.

— Да, ужъ скажу откровенно, что скрытная она у насъ. У-у! какая скрытная! Вѣдь вотъ и теперь кажется такой спокойной, а я думаю, сердчишко-то такъ и рвется, такъ и рвется отъ злости.

— Ну, гнѣвъ уходится. Мало ли сколько разъ человѣку приходится сердиться въ жизни.

— Ужъ, разумѣется, не безъ того... А только скрытная, скрытная она у насъ.

— А все баловствомъ довели до этого. Старикъ-отецъ ее своей добротой испортилъ. Все по ней дѣлали, вотъ она и думаетъ, что всѣ подъ ея дудку плясать будутъ, что въ жизни ни сучка, ни задоринки нѣтъ.

Алексѣй Алексѣевичъ отправился къ себѣ въ кабинетъ, поработалъ, съѣздилъ на урокъ и, довольно поздно возвратившись домой, зашелъ на полчаса къ женѣ, а потомъ совершенно спокойно проработалъ съ часъ или два въ своемъ кабинетѣ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ.

На слѣдующій день Груня вышла къ чаю такою же спокойною, такою же безстрастною, какою была вчера, только почему-то она вздрагивала при ласкахъ мужа и поцѣлуяхъ Марьи Ивановны. Марья Ивановна почитала ей еще наставленія и встрѣтила въ невѣсткѣ полнѣйшую покорность и повиновеніе. Повидимому, невѣстка сочла своимъ долгомъ исполнять все, что ей прикажутъ, и вошла въ роль подавленной узницы, которая не противорѣчитъ тюремщикамъ. Ни Марья Ивановна, ни Алексѣй Алексѣевичъ не обладали тѣмъ деликатнымъ чувствомъ, которое заставляетъ человѣка лучше уступить, отказаться отъ своихъ требованій, чѣмъ играть роль угнетателя и видѣть собрата, безмолвно и тупо

Digitized by Google

исполняющаго изъ-подъ палки его волю. Алексѣй Алексѣевичъ, напротивъ того, былъ радъ покорности жены, даже поцѣловалъ ее за это. Она не оттолкнула его, но и не отвѣтила ему поцѣлуемъ. Онъ притянулъ ее къ себѣ и потрепалъ по щекѣ. Она спокойно постояла около него, пока онъ не освободилъ ее отъ своихъ объятій, и отошла прочь, какъ только раскрылись эти объятія. Сынъ и мать успокоились совершенно, и Алексѣй Алексѣевичъ подумалъ: «Хорошо, что я ошибся. Мнѣ она казалась такою страстною натурой, какія встрѣчаются у подобныхъ развившихся взаперти, нервныхъ дѣвушекъ. Но она холодна. Это гораздо лучше для честной семейной жизни».

На томъ и покончились всѣ разсужденія какъ о характерѣ Груни, такъ и объ устройствѣ семейной жизни. Поплыли дни за днями въ убійственномъ однообразіи. Семейные обѣды, питье чаю и кофе, время возставія отъ сна и отхода ко сну, пріемъ гостей въ неизмѣнные четверги, ссоры изъ-за мелочей съ-глазу на-глазъ и претящія нѣжности при гостяхъ, хожденіе мужа въ должность и на уроки и его законныя ласки, все это имѣло свой опредѣленный разъ навсегда, неизмѣнный срокъ и перешло въ обряды семейнаго культа въ домѣ Обносковыхъ. Ничто не было плодомъ увлеченія, плодомъ внезапно вспыхнувшаго желанія. Сегодня было похоже на вчера, завтра будетъ похоже на сегодня и такъ должно было все продолжаться на долгіе, долгіе годы, пока безсмысленная судьба не пошлетъ въ домъ новаго члена-младенца или не пришибетъ кого-нибудь изъ семьи и не заставитъ дѣйствующихъ лицъ разыгрывать на новый ладъ, уже не втроемъ, а вчетверомъ или вдвоемъ, все ту же пошлую, будничную семейную пьесу. Но есть нѣкоторыя личности, которыя видятъ возможность бороться или, лучше сказать, не могутъ жить безъ борьбы съ судьбой. Она довольно ясно опредѣлитъ ихъ роли, укажетъ границы ихъ дѣйствій, а онѣ, предназначенныя къ покорности, къ верченью въ бѣличьемъ колесѣ, вдругъ начинаютъ грубить, воевать, ломаютъ колесо, вырываются на свободу и окончательно путаютъ всѣхъ остальныхъ актеровъ, разыгрывающихъ съ ними одну и ту же пьесу. Эти люди хотятъ быть творцами той комедіи, которую называютъ человѣческою жизнью и которую создаетъ по большей части безсмысленный случай. Такою личностью, совершенно неожиданно для близорукихъ ближнихъ, оказалась Груня.

Грунѣ никто не дѣлалъ въ жизни зла, и потому она не

Digitized by Google

могла не возненавидѣть человѣка, который первый сдѣлалъ ей зло и, сверхъ того, такое безцѣльное и безсмысленное, на какое была способна Марья Ивановна. Но Груня не была приучена предыдущею жизнью къ пошлой борьбѣ, состоящей изъ мелкихъ нападокъ, язвительныхъ словъ и будничныхъ дрязгъ, а съ Марьей Ивановной возможно было или вести именно такую борьбу, или разойтись окончательно. Находясь въ такомъ положеніи, молодая женщина стала молча ненавидѣть свою противницу и чувствовала, что не пойдетъ ни на какія сдѣлки и соглашенія, не заключитъ никакого перемирія съ нею. Обѣ женщины жили вмѣстѣ, но между ними уже съ первой стычки лежала цѣлая пропасть, черезъ которую не могла перешагнуть ни та, ни другая. Марья Ивановна не замѣчала этого и съ младенческимъ невѣдѣніемъ усердно разрывала все глубже и глубже эту пропасть, продолжая неутомимо пилить свою невѣстку и обрывая въ ней своими грубыми, грязными руками послѣднія тонкія нити и безъ того слабой, неуспѣвшей окрѣпнуть привязанности. Алексѣй Алексѣевичъ, успокоенный наружнымъ спокойствіемъ жены, не замѣчалъ ничего и погрузился всецѣло въ свои серьезныя занятія. Никогда не былъ онъ такъ счастливъ и такъ довольнъ своею жизнью, какъ теперь. У него были не только надежды на наслѣдство, не только обѣды, приготовленные подъ присмотромъ матери, не только теплый уголъ, заботливо убранный, но и молодая женщина, которую онъ и только онъ могъ цѣловать и ласкать, когда имъ чувствовалась въ этомъ потребность. Такая жизнь была полнымъ осуществленіемъ того идеала, къ которому можетъ стремиться и стремится на самомъ дѣлѣ каждая мелкая обносковская натура. На желтомъ лицѣ Обноскова стало появляться все чаще и чаще сіяющее выраженіе самодовольства и даже гордости. Видя его, уютно развалившагося въ креслахъ, безмятежно бесѣдующаго по четвергамъ въ своемъ жилищѣ съ гостями, слыша его отчасти ласковыя, отчасти снисходительныя, покровительственныя шутки съ женой и матерью, можно было позавидовать ему и угадать, что этотъ болѣзненный человѣкъ скоро поздоровѣетъ среди такого семейнаго счастія и что не за горами даже и то время, когда онъ обзаведется кругленькимъ брюшкомъ и лоснящимися отъ жира и самодовольствія щеками. Безконечное блаженство стали доставлять Алексѣю Алексѣевичу тѣ минуты, когда въ его домъ начали заглядывать по четвергамъ не какіе-нибудь голыши, а

Digitized by Google

люди или заслуженные, или родовитые; когда самъ генералъ Егуновъ, которому Алексѣй Алексѣевичъ сдѣлалъ совершенно несожиданно визитъ, рѣшился отплатить этотъ визитъ своему юному заграничному знакомому и остался доволенъ и обносковскимъ обществомъ, и обносковскими разговорами; когда ненавидимые Обносковымъ старый и молодой графы Родянки, которыхъ Алексѣй Алексѣевичъ тоже счелъ своимъ долгомъ посѣтить, тоже удостоили его своимъ посѣщеніемъ. Не забылъ Алексѣй Алексѣевичъ даже Левчинова, узнавъ, что одинъ изъ родственниковъ этого ненавистнаго ему господина занялъ видное мѣсто въ министерствѣ. Блаженствуя въ вечерніе часы по четвергамъ, Алексѣй Алексѣевичъ нерѣдко проклиналъ въ душѣ графа Стругова за то, что тотъ вырвалъ изъ его рукъ и отдалъ Стефаніи Высоцкой послѣ смерти Евграфа Александровича шесть тысячъ, на которыя можно бы прожить еще лучше до полученія всего наслѣдства. Эта мысль, впрочемъ, не высказывалась никогда Алексѣемъ Алексѣевичемъ, хотя онъ и не упускалъ случая называть графа Стругова «опаснымъ человѣкомъ, нигилиствующимъ аристократомъ, нарушающимъ священнѣйшіе законы государства и потакающимъ разврату». Окружая себя полезными связями, экономничая, чуть не голодая въ теченіе шести дней, чтобы прикармливать на седьмой «нужныхъ людей», создавая изъ нихъ себѣ каменную стѣну, на которую потомъ можно опереться, или лѣстницу, по которой послѣ можно дойти до степеней извѣстныхъ, блаженствуя сознаніемъ своего упроченнаго въ свѣтѣ положенія, Алексѣй Алексѣевичъ, какъ разживающійся мѣщанинъ, чувствовалъ уже нѣкоторую радостную гордость и тогда, когда хвалили что-нибудь принадлежащее ему. Эти похвалы не могли быть часты, такъ какъ его домъ не блестѣлъ еще особенною или даже какою-нибудь роскошью; но все же похвалы слышались и вызывалъ ихъ постоянно одинъ и тотъ же, повидимому, самый неблестящій, самый скромный во всемъ обносковскомъ жилищѣ, предметъ. Этотъ предметъ, эта вещь была жена хозяина. Замѣчая, что на нее смотрятъ, что ею любуются, онъ подзывалъ ее къ себѣ и безцеремонно цѣловалъ ее въ лобъ, удерживалъ около своего кресла и, небрежно продолжая разговоръ съ гостями, поглаживалъ и похлопывалъ руку жены, которая, какъ бездушная статуя, стояла около его кресла и на которую онъ не поднималъ даже глазъ. Иногда послѣ ужина, выпивъ пару рюмокъ вина и оставшись въ болѣе интимномъ

Digitized by Google

кружкѣ, хозяинъ доходилъ даже до того, что сажалъ жену къ себѣ на колѣни и, попрежнему не глядя на нее, шутилъ съ гостями, точно желая наглядно доказать имъ, что она совсѣмъ ручной звѣрёкъ.

— У него совсѣмъ буржуазная манера, — говорилъ, зѣвая, съ гримасой и въ носъ молодой графъ Родянка, проникнутый до мозга костей аристократизмомъ и презиравшій въ душѣ Обноскова, который тоже въ душѣ ненавидѣлъ его.

— Просто нѣмецкій гелертеръ. Въ Германіи у профессоровъ то же пиво, камераденъ и безцеремонныя нѣжности съ гаусфрау являются одновременно и безъ всякихъ стѣсненій, — замѣчалъ со смѣхомъ противный хозяину Левчиновъ, ненавидѣвшій и нѣмецкихъ профессоровъ, и нѣмецкую науку, и Обноскова.

— Но она удивительно пикантна!—восклицалъ со слюнками на губахъ кузенъ Пьеръ.

Онъ ѣлъ, пилъ и любилъ все, и больше всего любилъ женщинъ, а въ женщинахъ, какъ и во всемъ остальномъ, выше всего ставилъ пикантность.

— Дитя мое, я вижу, что ты вполнѣ счастлива. Теперь я могу умереть спокойно, — говорилъ трогательнымъ голосомъ чуть не со слезами на глазахъ Кряжовъ, благоговѣйно цѣлуя свою дочь.

Она, склонивъ голову, покорно принимала поцѣлуй и не возражала...

XI.

Кузенъ Пьеръ—развиватель молодежи.

Мнѣніе, высказанное всеобщимъ кузеномъ Пьеромъ насчетъ пикантности Груни, имѣло свое основаніе и было признано вѣрнымъ всѣми юными старичками и старыми юношами, посѣщавшими домъ Обноскова.

До замужества Груни на нее никто изъ мужчинъ не обращалъ особеннаго вниманія. Она смотрѣла дѣвочкой, такой худенькой, не развившейся, даже костлявой дѣвочкой, что ни одинъ изъ ея знакомыхъ и не подозрѣвалъ, что она вышла изъ дѣтскаго возраста. Въ обществѣ она сама постоянно стояла въ сторонѣ отъ взрослыхъ и пряталась въ кругу дѣтей. Теперь же эта малютка съ миніатюрнымъ личикомъ и большими вопросительно смотрѣвшими глазами вдругъ сдѣлалась женщиной, и тѣ люди, которые не обращали на нее вниманія, стали засматриваться на нее и вос-

Digitized by Google

хищались ею. Въ этомъ восхищеніи не было ничего удивительнаго. Никакая красавица не въ состояніи такъ привлечь къ себѣ разныхъ развращенныхъ старичковъ, изношенныхъ roués и пресытившихся юношей, какъ замужняя женщина-ребенокъ. Всѣхъ этихъ людей вы встрѣтите на балетныхъ представленіяхъ, ежесточенно аплодирующими какой-нибудь воспитанницѣ-танцовщицѣ. Она еще не умѣетъ хорошо танцовать, у нея еще угловаты локти и плечи, не округлились колѣни, плоска грудь, но развратные старички, roués и юноши пожираютъ глазами этого ребенка: онъ уже выпущенъ на сцену жизни—значитъ его уже можно развращать; пора этой дѣтской неразвитости пройдетъ быстро—значитъ нужно ловить рѣдкій случай. Этотъ ребенокъ, можетъ-быть, сдѣлается красавицей, но это уже будетъ обыкновенное явленіе: красота не рѣдкость, красота продолжается долго. Замужество дѣвушки-ребенка то же самое, что выступленіе на сцену воспитанницы-танцовщицы. Малютка замужемъ, значитъ можно попробовать развратить ее. И какъ устоять противъ этого соблазна? Развратничать съ опытной женщиной, развратничать съ обольщающей кокеткой, развратничать съ циничной камеліей, все это такъ старо, такъ пріѣлось, но вызывать своими любезностями смущеніе женщины-ребенка, постепенно открывать ей тайны разврата, вести ее, неопытную, трепещущую и робкую, не дорогѣ къ пропасти, о! это такое наслажденіе для нихъ, тутъ такъ много «пикантности». Среди толпы людей, обратившихъ вниманіе на Груню, однимъ изъ первыхъ былъ, какъ мы видѣли, кузенъ Пьеръ.

Можетъ-быть, читатель спроситъ: чей кузенъ? Да вашъ, отвѣчу я, если вы столичный житель и имѣете состояніе. Если же онъ не состоитъ въ прямомъ родствѣ съ вами, то, вѣроятно, у него есть какой-нибудь другъ, такой же какъ онъ самъ, кузенъ Пьеръ, который ужъ навѣрное родственникъ вамъ. Кузенъ Пьеръ или иначе Петръ Петровичъ Фетидовъ, розовенькій брюнетъ съ масляными глазами, съ проборомъ посрединѣ лба, похожій на подгулявшую гризетку въ мужскомъ платьѣ, былъ enfant terrible et gâté столицы, и провинція представлялась ему такой злой мачихой, къ которой было лучше всего никогда не ѣздить. Столица глядѣла на него, какъ на своего человѣка, и могла во всякое время дня и ночи безошибочно сказать, что дѣлаетъ ея питомецъ, о чемъ онъ говоритъ и какъ онъ смотритъ въ данную минуту. Провинція ничего этого не могла бы дать

Digitized by Google

и вообразить, потому что у него еще не родилось подобных дѣтей. Но если бы какой-нибудь провинціалъ увидалъ впервые кузена Пьера, то онъ непремѣнно сказалъ бы: «А вѣдь я гдѣ-то видѣлъ этого человѣка». Провинціалъ, конечно, ошибся бы, онъ въ провинціи не встрѣчалъ самого кузена Пьера, но видѣлъ одинъ его оригиналъ — послѣднюю картинку парижскаго моднаго журнала. Дѣйствительно, кузенъ Пьеръ былъ копіею картинки, тогда какъ всѣ остальные смертные бываютъ оригиналами картинъ. Это нисколько не мѣшало ему быть интересной личностью, и онъ плѣнялъ сердца тридцатипятилѣтнихъ женщинъ, получая въ даръ рысаковъ и эгоистки уже на семнадцатомъ году, когда, при окончаніи ученья въ «Лицеѣ» или въ «Правовѣдѣніи», онъ сталъ являться въ циркахъ и на загородныхъ гуляньяхъ неизмѣннымъ спутникомъ какого-то гусара. Съ тѣхъ поръ прошли годы, но кузенъ Пьеръ пересталъ ихъ считать, и потому трудно опредѣлить, какихъ лѣтъ онъ является на сцену нашего романа. Но съ семнадцатилѣтняго возраста онъ велъ регулярную жизнь, аккуратно смѣнялъ рысаковъ, тридцатипятилѣтнихъ поклонницъ и спутниковъ гусаровъ.

Онъ вставалъ въ двѣнадцатомъ часу, надѣвалъ модный пиджакъ, пилъ черный кофе и чистилъ ногти, пробѣгая глазами столбцы газетъ или страницы новыхъ журнальныхъ нумеровъ. Такъ какъ газетъ и журналовъ много, то кузенъ Пьеръ читалъ во всѣхъ нумерахъ понемногу и тверже всего запоминалъ заглавія статей, чтобы имѣть полную возможность основательно спорить и судить о каждой изъ нихъ. Потомъ кузенъ Пьеръ дѣлалъ визиты, гулялъ по Невскому проспекту или по Дворцовой набережной и въ три часа пополудни его можно было застать у Вольфа, Бореля или Дюссо, здѣсь, съ тартинкою въ рукѣ, съ вброшеннымъ стеклышкомъ въ глазъ, съ сверкающими взглядами, съ живыми движеніями, онъ увлекался горячимъ споромъ, говоря, какъ и всѣ его друзья, немного въ носъ, отрывисто и очень громко о красотѣ Барбо, о пластичности Петина, о плохихъ финансахъ Россіи, о коварствѣ Наполеона, о рысакахъ Матильды, о послѣднихъ вредныхъ статьяхъ русскихъ либеральныхъ журналовъ. Оживленіе было искренно и зажигательно, несмотря на предметъ разговора. Толпа, окружавшая кузена Пьера и состоявшая большею частію изъ богатыхъ студентовъ, лицеистовъ, правовѣдовъ и гвардейскихъ юнкеровъ, увлекалась его бесѣдами, овладѣвала имъ на остальную половину дня, и потому онъ обѣдалъ въ кругу

Digitized by Google

пріятелей, ѣхалъ съ ними въ театръ, несся на пикникъ съ актрисами или въ маскарадъ и часовъ въ шесть утра возвращался домой, когда уже гасили фонари, чего, впрочемъ, онъ не видалъ, такъ какъ въ его собственныхъ глазахъ уже давно погасъ свѣтъ жизни. Только небо да камердинеръ кузена Пьера знали, какъ онъ добирался до постели, какъ раздѣвался и какъ проводилъ время до двѣнадцати часовъ дня,—этой тайны не зналъ и самъ кузенъ Пьеръ, по крайней мѣрѣ, на другой день онъ не помнилъ вчерашняго дня, какъ будто этого дня никогда не существовало въ его жизни: можно сказать смѣло, что кузенъ Пьеръ былъ каждый день новорожденнымъ младенцемъ, не имѣющимъ ничего прошлаго и потому пламенно отдающимся настоящему. О будущемъ кузенъ Пьеръ тоже не думалъ и имѣлъ на это очень основательныя причины.

— Помилуйте,—говорилъ онъ по-французски:—будущее—это неизвѣстность. Что же мнѣ ломать голову и подлаживаться къ неизвѣстному? Какъ ни подготовляйся, а оно все-таки будетъ ново и поразитъ неожиданностью. Стараться угадать его — то же, что стараться открыть философскій камень или разсуждать о загробной жизни.

Кузенъ Пьеръ числился гдѣ-то чѣмъ-то на службѣ, можетъ-быть, былъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ или даже камеръ-юнкеромъ, впрочемъ, это—одно предположеніе; сверхъ того онъ былъ членомъ покровителей животныхъ, нищенскаго комитета, миссіонерскаго общества, наблюдателемъ какихъ-то пріютовъ, пожертвовалъ куда-то для чего-то корпію, за что-то заслужилъ иностранный орденъ, откуда-то получилъ какой-то почетный дипломъ и даже выказалъ два раза всенародно свою гражданскую дѣятельность. Однажды онъ приказалъ будочнику отправить, куда слѣдуетъ, какую-то нищую съ ребенкомъ, просившую подаянія и возбудившую въ немъ тошноту своею искалѣченною на фабрикѣ рукою; въ другой разъ онъ призвалъ городового для взятія въ полицію оборваннаго и истощеннаго работника, мужика, черезъ мѣру нагрузившаго по приказанію хозяина телѣгу и загородившаго остановившимся возомъ дорогу поредъ эгоисткою нашего героя. Но собственно служилъ онъ обществу на другомъ поприщѣ: онъ, консерваторъ, былъ, какъ и бо́льшая часть даже самыхъ отсталыхъ людей въ наше странное время, пропагандистомъ, популяризаторомъ новыхъ идей и понятій, хотя каждый серьезный ученый, каждый передовой человѣкъ смотрѣлъ на него, какъ на

Digitized by Google

праздношатающагося, и никакъ не подозрѣвалъ, что даже кузенъ Пьеръ можетъ быть опаснымъ отрицателемъ. Но это было такъ. Кузенъ Пьеръ отрицалъ все, не потому, что онъ сознавалъ справедливость отрицаній извѣстнаго кружка людей, а потому, что онъ не могъ ничего утверждать, за исключеніемъ французскаго языка, на которомъ онъ умѣлъ отлично говорить или, лучше сказать, causer romans et chiffons, какъ онъ выражался самъ. Насмѣшки и двусмысленныя остроты надъ всѣми, и важными, и неважными, предметами, лились съ его бойкаго языка неизсякаемымъ потокомъ, и особенно въ то время, когда онъ заставалъ за чтеніемъ учебниковъ и лекцій какого-нибудь своего кузена изъ лицеистовъ, студентовъ или правовѣдовъ. Исторія Смарагдова и латинскій языкъ, лучшія произведенія поэзіи въ хрестоматіяхъ и лекціи о русскихъ законахъ или политической экономіи, богомольность бабушекъ и строгость отцовъ равно дѣлались мишенью для остроумныхъ шутокъ кузена Пьера и заучившійся юноша, впервые слыша, что «все это гиль и вранье и ни къ чему не ведетъ въ жизни», начиналъ понимать, что всѣ эти предметы совсѣмъ не такъ серьезны, какъ они кажутся, и могутъ быть очень смѣшны, если взглянуть на нихъ со стороны. Будуарныя тайны богомольной бабушки, закулисныя похожденія нравственнаго и строгаго папаши, нарушеніе на практикѣ строгихъ законовъ, скандалезные анекдоты изъ жизни идеально-чистыхъ жрецовъ искусства, проповѣдывавшихъ любовь къ природѣ, стремленіе къ свободѣ и развратничавшихъ гдѣ-нибудь на водахъ, выжавъ всякими притѣсненіями послѣднія деньги изъ своихъ крестьянъ, все это ярко умѣлъ изобразить кузенъ Пьеръ. Онъ же первый открывалъ своимъ шестнадцатилѣтнимъ кузинамъ, что онѣ хороши собою и что на свѣтѣ есть любовь. Онъ же первый возмущался заодно съ этими кузинами, развитыми имъ, если ихъ хотѣли отдать противъ воли замужъ, и похитилъ на своемъ вѣку двадцать родственницъ,—конечно, не для себя, но для тайнаго ихъ брака съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей. Подорвавъ такимъ образомъ двадцать разъ родительскую власть, онъ не менѣе десяти разъ явно нарушилъ крѣпость супружескаго союза, устроивъ побѣгъ чужихъ женъ съ посторонними людьми, конечно, въ этотъ счетъ не входятъ тѣ безчисленные случаи, когда побѣга не совершалось, когда кузенъ Пьеръ работалъ не въ чужую пользу, а просто собственными поступками практически доказывалъ, что онъ

Digitized by Google

стоитъ за свободу чувства въ замужней женщинѣ. Старухи и старики часто журили за такое поведеніе кузена Пьера, но серьезно сердиться на него не могли.

— Ты весь въ покойнаго своего отца!—говорили они ему, съ добродушной укоризною покачивая головами, и въ умахъ стариковъ оживало то время, какъ отецъ кузена Пьера помогъ имъ увезти ихъ теперешнихъ женъ, а старухамъ вспоминалось, какъ отецъ кузена Пьера впервые практически доказалъ имъ всю сладость свободы чувства въ замужней женщинѣ.

При этихъ воспоминаніяхъ самъ кузенъ Пьеръ казался старикамъ и старухамъ не просто сыномъ столицы, но отчасти и ихъ собственнымъ сыномъ. Кузенъ Пьеръ дѣйствительно игралъ по праву въ ихъ кружкахъ роль любимаго пасынка нѣсколькихъ любящихъ отчимовъ и нѣсколькихъ нѣжныхъ мачихъ.

Въ одинъ изъ четверговъ, наговоривъ сотни любезностей и комплиментовъ Грунѣ, кузенъ Пьеръ сидѣлъ и разсуждалъ въ сторонѣ съ своими друзьями, Левчиновымъ и молодымъ графомъ Родянкою, о прелестяхъ хозяйки дома.

— Да, она дѣйствительно очень мила,—соглашались съ нимъ собесѣдники.

— Мила! — съ увлеченіемъ воскликнулъ кузенъ Пьеръ тономъ упрека. — Что вы мнѣ говорите: мила! Она просто восхитительна. Эти худенькія, едва развившіяся женщины—огонь! Тутъ страстность таится, неукротимая страстность. Я вѣдь кое-что смыслю въ этомъ дѣлѣ.

— Что и говорить! Спеціалистъ по женской части!—усмѣхнулся Левчиновъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, сколько вамъ угодно,—хохоталъ кузенъ Пьеръ и выказалъ свои бѣлые зубы:—а между тѣмъ эта спеціальность доставляетъ наслажденій въ тысячу разъ больше, чѣмъ всякая другая спеціальность. Вотъ, вѣдь вы, не спеціалисты по этой части, говорите, что она мила, а я знаю, что она не только мила и надѣлена страстною натурою, но и вполнѣ несчастлива съ трупомъ своего мужа...

— Несчастлива?—изумились собесѣдники.—Кто это вамъ сказалъ?

— Опытность спеціалиста,—важно отвѣтилъ кузенъ Пьеръ и опять оскалилъ зубы.—Да-съ, милостивые государи,—балаганилъ онъ:—она несчастлива. А изъ этого слѣдуетъ, что она ищетъ счастія. Но счастіе, въ чемъ бы она его ни искала, найдется только въ любви, а если оно можетъ най-

Digitized by Google

тись только въ любви, то... то... ну, однимъ словомъ, надо попробовать, не можемъ ли мы послужить орудіемъ для ея счастія.

— Ха-ха-ха! — засмѣялся Левчиновъ.—Вы всегда найдете предлогъ для волокитства.

— Фи! для волокитства! Какія тривіальныя выраженія вы употребляете! — воскликнулъ кузенъ Пьеръ, дѣлая шутовски серьезную мину. — Тутъ не волокитство, а желаніе осчастливить ближняго, доставить ему то, чего недостаетъ въ его жизни.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ,—началъ носовымъ голосомъ и съ зѣвотой задумавшійся Родянка:—вы убѣждены, что она несчастлива?

— Убѣжденъ ли я? Да, убѣжденъ, клянусь гробами моихъ отцовъ!—съ комическою торжественностью произнесъ кузенъ Пьеръ и, вдругъ сощуривъ глаза, пристально взглянулъ на графа Родянку. — А вѣдь и вы что-то замышляете, вы это недаромъ спрашиваете о дѣйствительности ея несчастія... Ну, что же, вы моложе, вы побѣдите, вамъ честь и слава.

— А мнѣ кажется, что у нея есть еще болѣе молодые поклонники,—тихо замѣтилъ Левчиновъ, глядѣвшій на кого-то сквозь плющъ, за которымъ они сидѣли.

— Кто это? кто?—торопливымъ шопотомъ спросилъ кузенъ Пьеръ и устремилъ глаза по направленію въ ту сторону, куда смотрѣлъ Левчиновъ.

— Не знаю, какой-то юнецъ, вонъ онъ сидитъ,—указалъ Левчиновъ.

Глаза молодыхъ повѣсъ устремились на указаннаго юношу. Онъ былъ блѣденъ, худъ, съ черными всклоченными, курчавыми волосами; его черные глаза впились въ хозяйку дома, сидѣвшую въ кружкѣ женщинъ въ противоположномъ углу комнаты.

— Некрасивъ!—улыбнулся зѣвая графъ Родянка.—Злое выраженіе и непричесанная физіономія.

— Можетъ-быть, такіе растрепыши нравятся женщинамъ: какъ вы объ этомъ думаете, господинъ спеціалистъ по женской части? — спросилъ шутливо Левчиновъ, обращаясь къ кузену Пьеру.

— Вотъ оно что! — глубокомысленно соображалъ кузенъ Пьеръ, уже не слыша вопроса. — Здравствуйте, monsieur Поль!—громко проговорилъ онъ, выставляя свое цвѣтущее личико изъ-за плюща.

Панютинъ—это былъ онъ—вздрогнулъ и, растерявшись,

Digitized by Google

оглядывался во всѣ стороны, чтобы отыскать то лицо, которое назвало его по имени. Казалось, его мысли все это время носились гдѣ-то очень далеко. Наконецъ, онъ увидалъ, что его манитъ къ себѣ кузенъ Пьеръ.

— А, это вы, Петръ Петровичъ,—поздоровался онъ, подходя къ кузену Пьеру и пожимая ему руку.

— Вы это о чемъ же такъ задумались, что даже испугались, когда я васъ позвалъ?—трепалъ по плечу Панютина кузенъ Пьеръ, показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ.

— Мало ли о чемъ иногда думается, не все же разсказывать,—отвѣчалъ тотъ.

— Тайна? А вѣдь въ молодости только любовныя тайны бываютъ, значитъ вы думали о ней, — подшутилъ кузенъ Пьеръ.

— Вы ошибаетесь, я о *ней* не думалъ, — быстро отвѣтилъ Панютинъ съ румянцемъ на щекахъ и совершенно невольно обратилъ глаза въ ту сторону, гдѣ сидѣла Груня.

Повѣсы засмѣялись. Панютинъ сердито закусилъ губы, понявъ свою неосторожность.

— Ну, какъ вы теперь живете, что̀ подѣлываете?—сталъ разспрашивать кузенъ Пьеръ.

— Университетъ посѣщаю,—коротко отвѣтилъ Панютинъ.

Онъ не имѣлъ никакого желанія бесѣдовать.

— Скучаете, я думаю, безъ сестры?

— Занятія есть, скучать некогда...

— Да, да, конечно! А вотъ у нея нѣтъ занятій, она и скучаетъ. Вы замѣтили?

Панютинъ молча кусалъ губы.

— Какъ вы думаете, счастлива ли она? — спрашивалъ кузенъ Пьеръ, дѣлая очень серьезное лицо.—Вотъ мы сейчасъ спорили объ этомъ предметѣ. Я говорилъ, что она не можетъ быть счастлива съ трупомъ супруга, что ей нуженъ мужъ молодой, живой... вотъ хоть бы такой, какъ вы.

Панютинъ снова вспыхнулъ и сухо замѣтилъ:

— Я не мѣшаюсь въ дѣла сестры. Счастлива или несчастлива она—это ея дѣло.

— Такъ, такъ,—согласился кузенъ Пьеръ. — А я полагалъ, что вы такъ привыкли съ дѣтства другъ къ другу, что одного изъ васъ всегда должны интересовать дѣла другого.

Панютина снова передернуло. Кузенъ Пьеръ опять сталъ [illegible] въ похвалахъ прелестямъ Груни. Панютинъ [illegible]къ на горячихъ угольяхъ. Онъ то краснѣлъ, то

Digitized by Google

блѣднѣлъ. Трое повѣсъ наблюдали за жертвой своей плоской шутки и продолжали дразнить ее, какъ дразнятъ голоднаго, запертаго въ клѣтку тигренка, показывая ему изъза рѣшетки со всѣхъ сторонъ кусокъ мяса. Дикій тигренокъ сдѣлалъ попытку скрыться; его удержали.

— Постойте, куда же вы бѣжите?—остановилъ юношу кузенъ Пьеръ и взялъ его подъ руку.—Садитесь. Мы такъ давно не видались. Поговоримте. Что это вы хмуритесь? Ну, что на кладбищѣ вашего воспитателя все попрежнему появляются привидѣнія похороненныхъ мудрецовъ? Тѣнь Трегубова по-старому ли возстаетъ изъ своего могильнаго склепа и приходитъ во время шабаша осматривать мавзолеи кряжовскаго погоста? А мовзолеевъ все прибавляется или ими заставлены уже всѣ углы? Находите ли вы теперь пріятнымъ свое пребываніе въ жилищѣ мертвыхъ? Иногда, я думаю, становится немного скучно?

— По крайней мѣрѣ, тихо, если не весело; заниматься можно,—отвѣтилъ Панютинъ и поспѣшилъ прибавить:—но я бо́льшую часть времени провожу въ университетѣ.

— А! да, въ университетѣ,—серьезно проговорилъ кузенъ Пьеръ. — Конечно, тамъ скучать нельзя. Молодые профессора, новыя, живыя идеи приводятъ, животрепещущіе вопросы поднимаютъ; кружки молодежи составляются; товарищество крѣпко стоитъ за своихъ членовъ; споры, шумъ, сходки, заботы объ участи бѣдныхъ собратьевъ, все кипитъ, волнуется юною жизнью, жизнью дня... Чудное это существованіе.

— Нѣтъ... да...—началъ въ замѣшательствѣ Панютинъ. Ему очень хотѣлось выругать кузена Пьера, очень хорошо знавшаго, что въ университетѣ уже не было никакихъ кружковъ, никакихъ сходокъ, никакихъ новыхъ идей.

Трое повѣсъ захохотали дружнымъ смѣхомъ. Юноша снова съ злобою закусилъ губы и, оборвавъ листъ плюща, скомкалъ его въ рукѣ; казалось, онъ хотѣлъ бы въ эту минуту точно такъ же скомкать, отбросить и растоптать ногами свою собственную жизнь.

— Что вы ему сказки-то разсказываете, — проговорилъ Левчиновъ.—У васъ, я думаю, нѣтъ ни одного товарища? Вы едва ли знаете кого-нибудь изъ студентовъ даже по имени,—обратился онъ Панютину.

— Да, теперь студенты мало сходятся между собою,— отвѣчалъ неохотно Панютинъ.

— Жаль, жаль,—съ сожалѣніемъ произнесъ кузенъ Пьеръ,

Digitized by Google

продолжая свое начатое безъ всякой цѣли шутовство.—Ну, да это не бѣда, поскучаете дома и въ университетѣ, такъ здѣсь отдохнуть можно, въ добромъ родственномъ кружкѣ...

— Что это вы, Петръ Петровичъ, съ умысломъ или...—началъ Панютинъ глухимъ голосомъ и не могъ сразу подыскать слово:—или по вдохновенію дразните меня?—окончилъ онъ.

Ему хотѣлось сказать не по вдохновенію, а по глупости, но языкъ не повернулся на это.

— Дразню? Я и не думалъ дразнить васъ, — изумился кузенъ Пьеръ и снова выставилъ свои блестящіе зубы.

— Такъ что же вы расспрашиваете меня о моемъ житьѣ-бытьѣ. Ну, скверно оно, вы это сами знаете. Да вамъ-то что до этого?

Панютинъ сердито всталъ. Кузенъ Пьеръ ласково удержалъ его...

— Мнѣ, право, жаль васъ,—благодушно сказалъ онъ.—Вотъ вы все хмуритесь, скучаете, раздражаетесь, а между тѣмъ уходитъ то лучшее время, когда человѣку нужно жить полною жизнью.

Панютинъ пожалъ плечами и выказалъ снова намѣреніе уйти.

— Право, вамъ надо поближе съ обществомъ познакомиться, тамъ найдутся и друзья, и развлеченія.

— На улицу, что ли, выйти, да прохожихъ въ друзья скликать?—спросилъ Панютинъ.

— Зачѣмъ такая эксцентричность? Просто вотъ заходите ко мнѣ, я васъ и познакомлю съ молодежью,—сказалъ кузенъ Пьеръ.

Панютинъ сухо поблагодарилъ его и ушелъ.

— Ха-ха-ха! — захохотали Левчиновъ и графъ Родянка. — Для чего вы это такую комедію съ этимъ дикимъ звѣремъ разыграли?

— Субъектъ интересный!—отвѣтилъ кузенъ Пьеръ и выставилъ свои зубы.

Собесѣдники пожали плечами, какъ будто выражая этимъ то мнѣніе, что не стоило начинать комедіи изъ пустяковъ. Графъ Родянка даже зѣвнулъ, выражая этимъ томившую его скуку. А кузенъ Пьеръ очень многозначительно взглянулъ на нихъ и сталъ объяснять дѣло.

— Этотъ звѣрекъ очень сердитъ на свое положеніе и очень скучаетъ,—началъ онъ.—Сверхъ того, онъ очень не-

Digitized by Google

опытенъ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что его легко приманить какою-нибудь забавой къ себѣ.

— Очень нужно вамъ всякихъ дураковъ приманивать,— презрительно промолвилъ графъ Родянка и опять зѣвнулъ, точно зѣвота была задачею его жизни.

— Я не знаю, дуракъ онъ или умный, но мнѣ онъ нуженъ,—сказалъ кузенъ Пьеръ.—Онъ, во-первыхъ, мнѣ передастъ, любитъ ли его нареченная сестра своего мужа или не любитъ, счастлива ли она или нѣтъ, а, во-вторыхъ, онъ передастъ своей нареченной сестрѣ, что я интересуюсь ею и жалѣю ее.

— Такъ онъ и станетъ ей это передавать, если онъ самъ безъ ума отъ нея,—лѣниво замѣтилъ графъ Родянка, пожимая плечами.

— Вы упустили изъ виду его неопытность. Онъ разгорячится и все выскажетъ сестрѣ.

— Какое ужасное коварство!—съ комическимъ ужасомъ произнесъ Левчиновъ и захохоталъ.

— Это будетъ цѣлый романъ, — тѣмъ же скучающимъ и носовымъ тономъ промолвилъ графъ Родянка.

Кузенъ Пьеръ оскалилъ свои бѣлые зубы.

— А знаете, вѣдь дѣйствительно было бы интересно увидать первые шаги этого звѣрка въ нашемъ обществѣ. Смѣху доставило бы много.

— А чортъ его знаетъ, еще скандалъ какой-нибудь учинитъ. Это, кажется, грубая натура,—снова зѣвнулъ графъ.— Пошло все это и нисколько не весело, — добавилъ онъ и помолчалъ.

— Вы сегодня куда?—спросилъ онъ у собесѣдниковъ черезъ минуту.

— Не худо бы къ миссъ Шрамъ,—отвѣтилъ Левчиновъ.

— Идетъ, — отвѣтили остальные и, распрощавшись съ обществомъ Обносковыхъ, понеслись къ миссъ Шрамъ, одной изъ самыхъ отчаянныхъ наѣздницъ цирка.

У нея уже собралась цѣлая ватага разгульной молодежи. Трое новыхъ посѣтителей были встрѣчены съ восторгомъ.

— Погодите, погодите, я вамъ скоро новичка привезу!— говорилъ кузенъ Пьеръ.—Дикаря съ острововъ Тихаго океана.

Левчиновъ и графъ Родянка опять пожали плечами, какъ будто удивляясь странной настойчивости кузена Пьера, и скоро среди шумной оргіи у миссъ Шрамъ забыли обо всей пошлой сценѣ и пошлыхъ разговорахъ, происходившихъ между ними въ скучномъ домѣ Обносковыхъ.

Digitized by Google

Но у кузена Пьера не выходили изъ головы два молодыя лица: лицо Павла и лицо Груни. Это были два новыхъ актера, которыхъ онъ могъ заставить разыграть какую-нибудь комедію, еще неизвѣстнаго ему содержанія, но во всякомъ случаѣ потѣшную для него. Какъ всякій спеціалистъ, кузенъ Пьеръ принимался за новые, относящіеся къ его любимому предмету, опыты, не зная, что̀ изъ нихъ выйдетъ, но наслаждаясь впередъ самымъ процессомъ этихъ опытовъ и возможностью не сидѣть безъ дѣла. Сверхъ того кузену Пьеру давно пріѣлись азбука и зады его спеціальности; онъ замѣтно старѣлъ, не по лѣтамъ, но по усиленной жизни этихъ лѣтъ, и начиналъ чувствовать, что и дружба съ тридцатипятилѣтними женщинами, и кутежи съ наѣзднцами и актрисами, и возня съ пресытившимися друзьями становятся крайне однообразными, что въ этой музыкѣ онъ наизусть знаетъ каждую нотку. Ему нужно было что-нибудь новое, выходящее изъ ряда этого, повидимому, бурнаго и разнообразнаго, но въ сущности такого же скучнаго и однообразнаго существованія, какъ и существованіе какого-нибудь канцеляриста съ вѣчной перепиской похожихъ до крайности одна на другую бумагъ.

XII.

На краю пропасти.

Павелъ Панютинъ со дня свадьбы Груни не находилъ себѣ нигдѣ покоя, тосковалъ, худѣлъ и ходилъ, какъ человѣкъ, утратившій нѣчто, составлявшее всю цѣль его существованія. Дѣйствительно, въ Грунѣ онъ терялъ все.

Съ самаго дѣтства, никто не слѣдилъ за нимъ, не указывалъ ему дороги, не направлялъ его мыслей. Онъ росъ, игралъ, учился, скучалъ, терпѣлъ нападки отъ людей, озлоблялся; его ласкали или бранили, лѣчили отъ недуговъ и наказывали за лѣнь, но ни одинъ человѣкъ не сумѣлъ или не счелъ нужнымъ заглянуть въ его душевный міръ. Но было одно существо, которое никогда не успокоивалось на томъ, что Павла тогда-то наказали за лѣнь, и спѣшило помочь ему приготовить трудный урокъ или рѣшить непонятую мальчикомъ задачу. Это существо не считало прописаннаго докторомъ лѣкарства вполнѣ достаточнымъ для выздоровленія Павла, когда онъ хворалъ, но оно проводило дни у постели больного, старалось угадать его желанія и облегчить его безсонныя ночи своими нѣжными рѣчами, своимъ желаннымъ присутствіемъ. Всѣ отношенія

Digitized by Google

этого существа къ Павлу были проникнуты и согрѣты истиннымъ чувствомъ нѣжной любви, и потому каждая мелочь изъ этихъ отношеній оставила неизгладимый слѣдъ въ сердцѣ впечатлительнаго юноши. Онъ равнодушно, почти небрежно принималъ дорого стоящія благодѣянія Кряжова; не умилялся, получая отъ него хорошій столъ, уютную и мило обставленную комнату, отличную одежду и другія необходимыя для жизни вещи; онъ какъ будто считалъ исполненіе всѣхъ этихъ благодѣяній обязанностью добраго старика. Но на его глаза навертывались радостныя слезы, онъ становился веселъ и счастливъ на нѣсколько дней, онъ прыгалъ, какъ дитя, когда доброе существо, пригрѣвшее любовью его сиротствующую душу, дарило ему въ день его рожденья какой-нибудь ничтожный по цѣнѣ кошелекъ своей работы.

— Милая, милая, ты не забыла этого дня!—въ восторгѣ восклицалъ мальчикъ, безъ счету цѣлуя руки своего добраго ангела-хранителя, своей названной сестры.

Во время его недуговъ, Кряжовъ тратилъ десятки рублей, сзывая нѣсколькихъ докторовъ, покупая множество дорогихъ лѣкарствъ, но Павелъ не благодарилъ благодѣтеля за это, точно сознавая; что тотъ сталъ бы лѣчить и собаку, если бы она захворала, и не далъ бы ей безпомощно выть отъ боли. Но едва владѣя ослабѣвшими въ болѣзни руками, онъ протягивалъ ихъ, заслышавъ ночью знакомую воздушную поступь, и когда на край его постели садилось легкое, одѣтое въ бѣлое платье существо, тогда ему вдругъ становилось и сладко, и отрадно, и, кажется, никакія лѣкарства не могли помочь ему такъ, какъ помогала близость этого дорогого друга.

— Ты моя сестра, ты моя мама,—шепталъ онъ, обвивая исхудалою рукою стройную талію дѣвушки.

— Если бы такъ вся жизнь прошла!—шепталъ онъ еще тише, впадая въ забытье.

Ему становилось лучше. Кряжовъ удивлялся искусству докторовъ, заставлялъ Павла благодарить ихъ за выздоровленіе, а глаза юноши, полные выраженія святой признательности, обращались совсѣмъ въ другую сторону и ловили взглядъ той, которая одна могла спасти его жизнь.

Такъ постепенно въ маленькомъ душевномъ міркѣ Павла возникла и развилась эта привязанность. Съ каждымъ годомъ, чѣмъ яснѣе сознавались обиды, чѣмъ труднѣе становилась работа, чѣмъ скучнѣе дѣлалось безцѣльное прозяба-

Digitized by Google

піе среди памятниковъ древности, тѣмъ болѣе крѣпла эта привязанность и, наконецъ, превратилась въ страстное болѣзненное чувство, превратилась въ манію, въ idée fixe, поглотившую всѣ мысли, всѣ стремленія, все существо юноши. Онъ мечталъ, какъ будетъ счастлива, какъ будетъ гордиться Груня, если онъ выйдетъ изъ гимназіи съ медалью, и учился отлично, былъ первымъ ученикомъ. Онъ зналъ, что Груня любитъ кататься лѣтомъ въ кабріолетѣ, и старался наловчиться управлять лошадьми. Онъ полагалъ, что Груня скоро станетъ выѣзжать на балы, и развивалъ свою ловкость, чтобы *она* могла сказать, что съ нимъ пріятнѣе танцовать, чѣмъ съ другими. Онъ, воспитанный на рыцарскихъ сказкахъ и романахъ, замѣчалъ, что Кряжовъ дряхлѣетъ, ему казалось, что не далеко время смерти старика, и онъ заботился о развитіи своей физической силы, чтобы быть защитникомъ Груни. Во всемъ она—побужденіе къ дѣятельности, ея счастье—цѣль жизни. И никто никогда не замѣтилъ этого и никто никогда не указалъ ему ни другихъ побужденій, ни другихъ цѣлей! И все это дѣлалось имъ потому, что Груня любимая и любящая *сестра* и не болѣе, такъ, по крайней мѣрѣ, полагалъ самъ Павелъ. Впервые понялъ онъ, хотя и смутно, и степень своихъ чувствъ къ названной сестрѣ и ихъ характеръ въ тотъ скорбный вечеръ, когда она объявила ему о предстоящей своей свадьбѣ съ Обносковымъ. У Павла въ этотъ вечеръ точно что-то оборвалось въ сердцѣ. До сихъ поръ онъ до того былъ удовлетворенъ своими отношеніями къ Грунѣ, что никогда даже и не думалъ о какомъ-нибудь измѣненіи ихъ въ будущемъ. Ни разу не представлялось ему, что Груня выйдетъ замужъ, ни разу не мечталъ онъ, что онъ самъ можетъ быть ея мужемъ. Онъ любилъ такъ чисто, такъ платонически, какъ можетъ любить или, лучше сказать, обожать чистая натура на восемнадцатомъ году жизни. Но первое слово о замужествѣ любимой дѣвушки вдругъ пробудило тоску, злобу, ревность. Однако, ни одной грязной и пошлой мысли не было еще въ головѣ. Ни разу еще не представилось Павлу, что онъ могъ бы стать на мѣсто Обноскова. Нѣтъ, ему просто хотѣлось сохранить прежнюю жизнь, прежнюю сестру, живущую рядомъ съ нимъ, не считающую роднымъ никого, кромѣ его, Павла, и старика-отца. Но вотъ пріѣхалъ Обносковъ. Первый поцѣлуй, первая ласка жениха вдругъ перевернули все въ груди и головѣ юноши. Онъ сознался, что братское чувство

Digitized by Google

прошло и замѣнилось новымъ чувствомъ, чувствомъ страсти. Начались безсонныя ночи съ бредомъ наяву, явилось стремленіе бѣжать куда-нибудь далеко-далеко, чтобы не видать ни Груни, ни ея жениха, не слышать, не читать о нихъ. «Въ деревню! въ деревню!» мучительно восклицалъ Павелъ, шагая въ своей комнатѣ и крѣпко сжимая руками ныпающую голову, какъ будто изъ желанія сдавить этотъ мозгъ, уже богатый юношескимъ воображеніемъ.

Вотъ и деревня, вся въ зелени лѣсовъ и полей... Чудныя картины бодрой жизни и спокойствія природы встрѣчаются повсюду. Птицы ли въ густомъ лѣсу поютъ, пасется ли при блескѣ яркаго дня мирное стадо коровъ на пастбищѣ, несется ли съ веселымъ ржаніемъ табунъ лошадей, стуча копытами въ вечернемъ затишьѣ, во всемъ довольство своей долей, все какъ будто чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ. И среди этой благодати не нашелъ своей доли счастья только человѣкъ. Бѣдный, оборванный людъ, пришибленный съ дѣтства судьбою, усиленнымъ трудомъ добываетъ свой хлѣбъ. Грязныя, мозолистыя, тутъ и тамъ искалѣченныя руки не отдыхаютъ съ утра до вечера отъ работы. На загорѣлыхъ, изнуренныхъ лицахъ, облитыхъ потомъ, виднѣется не довольство, не счастье, но врѣзались слѣды тупой покорности и холодной безнадежности... И вотъ Павелъ чувствуетъ впервые свое полное одиночество. Безучастный міръ и яркій блескъ природы не вѣютъ на него отрадой. Изнуренный народъ вызываетъ его сожалѣніе, но Павелъ не понимаетъ, какъ можетъ обтерпѣться человѣкъ до такой безропотности, и ему становится дикою эта безмолвно покоряющаяся судьбѣ масса. Онъ понимаетъ, между прочимъ, что и ей показалось бы не менѣе дикимъ душевное горе, горе сытаго, обутаго, одѣтаго, полнаго силъ и молодости человѣка. Они не поняли бы, осмѣяли бы другъ друга и были бы правы каждый въ свою очередь. Итакъ, полное одиночество. Теперь Павла не волненіе душитъ, не тоска сосетъ, не злоба будитъ отъ сна, нѣтъ,— въ немъ какое-то новое чувство, чувство пустоты. Кажется, все живое смотритъ на него безъ участья или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ не смотритъ на него, точно его нѣтъ на свѣтѣ. «А вѣдь и точно, не будь меня,—на свѣтѣ ничего не убавилось бы, какъ не убавилось бы ничего со смертью Кряжова или Обноскова», думается ему, и онъ понимаетъ, что эта мысль вѣрна, и что люди правы, не замѣчая его. Онъ пробуетъ мечтать о будущемъ, но мысли не клеятся,

Digitized by Google

и онъ сознастъ, что ему не о чемъ мечтать: не все ли равно ему, что съ нимъ будетъ, чѣмъ онъ будетъ? Его самого не манитъ еще никакая дѣятельность, да онъ и не знаетъ въ сущности какой-нибудь дѣятельности. Цѣли у него также еще нѣтъ. «Быть докторомъ хорошо, ну, лѣчить людей буду; быть адвокатомъ тоже не дурно, буду защищать подсудимыхъ; быть технологомъ, и это можно, буду строить машины для перевозки, для прокормленія людей, и все-таки никому не будетъ до меня дѣла, какъ никому нѣтъ дѣла до Кряжова, до Обноскова, до всѣхъ встрѣченныхъ въ жизни личностей». А давно ли у Павла были и побужденія, и цѣль для жизни? Попробовалъ юноша читать: стихи все воспѣваютъ природу, лунные вечера и ночи, описываютъ восторги дружбы, оплакиваютъ разлуку съ *нимъ*, славятъ *ее*, воспѣваютъ блаженство, безуміе и мѵки любви; романы и повѣсти тоже полны прелестями дружбы и восторгами любви; герой имѣютъ друга—они блаженствуютъ; они имѣютъ милую—цѣль ихъ жизни достигнута, они на землѣ видятъ рай; умираетъ ихъ другъ—они не находятъ отрады на землѣ; покидаетъ ихъ возлюбленная,—они умираютъ. Дружба, любовь, семья, вотъ всѣ цѣли жизни, вотъ всѣ ея мотивы. У Павла не было ни друга, ни милой, ни семьи, онъ сознавалъ и безъ книгъ, что его цѣль жизни утратилась, и не зачѣмъ ему было еще бередить свои раны и подтверждать свое скорбное убѣжденіе. И стоило ли для такихъ жалкихъ истинъ писать книги? Онъ бросилъ книги, и снова кругомъ и внутри его была пустота, пустота, одна страшная пустота!

Кто бы вы ни были, мой читатель, вспомните свои юношескіе годы и не бросайте камня въ моего искалѣченнаго героя, онъ простое повтореніе васъ самихъ. И васъ въ школѣ научили географіи, исторіи, математикѣ, латинскому и греческому языкамъ и множеству другихъ наукъ и языковъ, и выпустили на волю. Для какой цѣли вы, вслѣдъ за своими родителями, считали пригодными всѣ эти знанія? Если вы были пустымъ юношею, вскормленнымъ страстными къ чинамъ и деньгамъ людьми, то вы мечтали кончить курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, сдѣлаться чиновнымъ человѣкомъ, пріобрѣсти значеніе въ свѣтѣ и нажить состояніе на радость любимымъ отцу и матери, потомъ жениться на богатой и прекрасной женщинѣ, зажить мирно и широко, воспитуя дѣтей,—и только. Въ этомъ состоялъ весь пошлый идеалъ вашей жизни, сытой, мирной,

Digitized by Google

спокойной. Если вы были хорошимъ товарищемъ и запаслись съ дѣтства двумя-тремя друзьями, то къ этому идеалу прибавлялось счастіе этихъ двухъ-трехъ друзей. Если у васъ, сверхъ того, уже успѣла вспыхнуть любовь на школьной скамьѣ, то къ идеалу прибавлялось еще одно желаніе жениться непремѣнно на царицѣ своего сердца и доставить ей блаженство, равняющееся вашему собственному счастію. Дальше этого не могло идти ваше желаніе. Членъ семьи и не болѣе по рожденью, вы могли только желать быть членомъ семьи и въ будущемъ. Но если слѣпая судьба отнимала у васъ одну за другою всѣ эти немногочисленныя личности, тогда что оставалось у васъ, кого вы могли надѣяться порадовать своимъ успѣхомъ, для кого вы могли желать трудиться? Для чужихъ, безучастно смотрящихъ на васъ людей? Нѣтъ! изломанные утратами всего близкаго, вы опускали въ отчаяньи руки и проклинали эту безучастную, холодную толпу, а она, состоящая изъ личностей такого же развитія, какъ вы, или проходила со своими семьями, со своими друзьями, не обращая вниманія на васъ, или давила васъ съ помощью этихъ семей и друзей, швыряя въ васъ грязью, какъ въ лишняго человѣка, занимающаго клочокъ земли и частицу богатства, отнятые у нея. Какъ членъ своей семьи, вы съ колыбели были врагомъ всѣхъ другихъ семей, а эти семьи, въ свою очередь, враждебно относились къ вамъ. Никто никогда не разъяснялъ вамъ въ золотую пору дѣтства, что прежде, чѣмъ сдѣлаться членомъ въ своей семьѣ, вы сдѣлались гражданиномъ, членомъ обширной, не умирающей семьи— общества. Только оно могло дать средства вашимъ родителямъ, за ихъ услуги ему, обзавестись своимъ домомъ и воспитать васъ. Только оно, а не ваши родители, могло приготовить для васъ школу. Только оно могло обѣщать вамъ въ будущемъ и чины, и богатство, и возможность семейнаго счастья. Но для того, чтобы оно могло, не дѣлая несправедливости, дать вамъ всѣ эти блага, оно требовало вашей службы, вашей помощи, вашей любви къ нему, однимъ словомъ, всего того, чего требовала и ваша частная семья. Но люди озлобленно ратуютъ на словахъ противъ эгоизма, стремятся убить рѣчами этотъ неискоренимый, прирожденный инстинктъ, и въ то же время всѣми своими поступками дѣлаютъ въ дѣтяхъ этотъ инстинктъ только еще болѣе грубымъ и безсмысленнымъ, тогда какъ, направленный ко благу, онъ могъ бы быть началомъ всѣ-

Digitized by Google

каго добра. Дѣти самыхъ честныхъ людей чуть не съ пеленъ пріучаются мечтать о своихъ чинахъ, о своемъ богатствѣ, о своей благотворительности, о своемъ счастьи съ любимымъ другомъ, съ любимой подругой, съ милыми родными; но никогда не научатъ ребенка тому, что это счастье можетъ явиться только тогда, когда мы заслужимъ его отъ общества, что общество не должно ничего давать намъ, если мы ничего еще не заслужили, что даже самая хваленая благотворительность наша есть только грустное свидѣтельство нашего непониманія роли гражданина: гражданинъ не можетъ быть благодѣтелемъ, какъ не можетъ быть семьянинъ благодѣтелемъ своихъ отца, матери и дѣтей; наша помощь ближнему есть просто служба, ради которой насъ не выталкиваютъ вонъ изъ общества и считаютъ его членами. Если бы насъ научили съ пеленъ любить общество и считать себя прежде всего его членомъ, то никогда въ жизни мы не потеряли бы жажды жить, никогда не осиротѣли бы, никогда не спросили бы себя: для чего я буду работать? для того, чтобы умереть незамѣченнымъ, нелюбимымъ, одинокимъ? Не было бы счета нашей роднѣ, не было бы числа нашимъ друзьямъ, не было бы границъ нашей дѣятельности, и никогда не знали бы мы, что̀ значитъ скука, отчаянье и безцѣльность жизни. Теперь же, состоя на службѣ, вы видите первыхъ своихъ враговъ въ сослуживцахъ, какъ въ людяхъ, перебивающихъ у васъ выгодное мѣсто; дѣлаясь простымъ работникомъ, вы видите враговъ въ ближайшихъ къ вамъ работникахъ, какъ въ людяхъ, могущихъ получить отъ хозяина бо̀льшую плату, чѣмъ получаете вы; являясь проповѣдникомъ извѣстныхъ идей, писателемъ, вы топчете въ грязь именно тѣхъ, кто проповѣдуетъ ваши идеи: вы видите въ немъ человѣка, могущаго стать выше васъ по своему значенію. Служба, трудъ, идеи—это все только средства для васъ достигнуть личнаго, узенькаго, подлаго счастья для себя и для своей семьи.

Прошло для Павла тяжелое лѣто, наступила осень и время поступленія въ университетъ. Это не было началомъ студенческой жизни, а просто хожденіемъ на лекціи, мало интересовавшія Павла и среди которыхъ онъ узналъ иногда и такія вещи, что «не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ читать Милля», что «Нимфа Эгерія помогала Нумѣ Помпилію при составленіи законовъ», что «въ петербургской губерніи есть годныя земли, продающіяся по пятидесяти копеекъ за десятину», что «смертная казнь необхо-

Digitized by Google

дима» и что «законы составляются для подданныхъ, а подданными называются люди, обязанные повиноваться законамъ» и т. д. Слушая среди многихъ полезныхъ свѣдѣній и подобныя диковинки, онъ охладѣлъ ради этихъ диковинокъ и къ полезнымъ знаніямъ, и скучалъ. Сотни студентовъ, между тѣмъ, ходили по университетскимъ коридорамъ отдѣльно, поодиночкѣ, какъ монахи въ монастырѣ, углубленные въ созерцаніе; между ними, кажется, не было и не могло быть ни малѣйшей внутренней связи. Если гдѣ-нибудь сходились три человѣка, то они спѣшили тотчасъ же разойтись, завидѣвъ начальство. Общіе толки поднимались только по поводу составленія литографированныхъ лекцій, и эти толки оканчивались рѣзкими и грубыми ссорами, такъ какъ дѣло шло о пріобрѣтеніи лишней копейки бѣдняками, знавшими, что товарищество не поможетъ и не имѣетъ возможности помочь имъ, если они будутъ голодать. Непривыкшій безъ того къ товариществу, Павелъ при этихъ жизненныхъ условіяхъ еще менѣе находилъ возможности сблизиться съ кѣмъ-нибудь изъ студентовъ. Ему было скучно въ этихъ стѣнахъ, среди этой отчужденной толпы, какъ бываетъ скучно какому-нибудь юному конторщику въ нѣмой, какъ могила, конторѣ, за перепискою непонятныхъ и противныхъ бумагъ, отъ которыхъ конторщикъ видитъ, можетъ-быть, пользу хозяину, но никакъ не себѣ. Не веселѣе было и дома. Единственный домъ, гдѣ могъ Павелъ встрѣтить общество, былъ домъ Груни. Но именно сюда-то и старался какъ можно рѣже заглядывать юноша. Онъ не сердился на Груню, но ему было тяжело видѣть ее, если она казалась счастливой и веселою; ему становилось еще тяжелѣе, если она являлась опечаленною и несчастною. Да и сама она старалась избѣгать встрѣчъ и разговоровъ съ нимъ. У нея на это были свои основательныя причины. Она боялась разжигать любовь Павла и хотѣла, чтобы время охладило эту страсть; она смущалась, ожидая разспросовъ юноши о ея счастьи, такъ какъ передъ этимъ юношею она не могла, ни за что на свѣтѣ, солгать и описать небывалое блаженство своего настоящаго положенія; она трепетала отъ страха, что первая откровенная бесѣда откроетъ ему въ настоящемъ свѣтѣ ея скорбную жизнь и отниметъ у него возможность спокойно заниматься, подтолкнетъ его, можетъ-быть, на какой-нибудь необдуманный поступокъ, который, безъ всякой пользы для кого бы то ни было изъ нихъ, сразу можетъ открыть глаза и ея мужу, и ея отцу. Во-

Digitized by Google

обще въ отношеніяхъ молодыхъ людей проглядывала какая-то застѣнчивость и стремленіе отдалиться другъ отъ друга. И здѣсь чувствовалась пустота.

Въ одно изъ рѣдкихъ появленій Павла въ домѣ Обносковыхъ мы слышали его разговоръ съ кузеномъ Пьеромъ. Этотъ разговоръ еще болѣе уяснилъ Павлу, какъ скверно его положеніе, какъ важенъ для него недостатокъ товарищей и друзей. Но Павелъ не поспѣшилъ воспользоваться знакомствомъ кузена Пьера и не пошелъ къ нему. Онъ, напротивъ того, еще упрямѣе затворился въ одной изъ келій кряжовскаго монастыря, среди памятниковъ отжившаго міра. Пустота въ душѣ и пустота кругомъ дѣлались между тѣмъ все страшнѣе и страшнѣе. Въ одинъ изъ дней непроходимой скуки, когда Павелъ лежалъ съ книгою на постели и не участвовалъ мыслью въ чтеніи, въ его комнату шумно отворилась дверь.

— Вхожу къ вамъ, милый послушникъ, безъ позволенія игумена, — засмѣялся кузенъ Пьеръ, показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ.—За это не будетъ выговора?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Павелъ, поднимаясь съ кровати и бросая книгу въ сторону.

— И выходить изъ монастыря вы можете, не дожидаясь благословенія отца-игумена? — шутилъ кузенъ Пьеръ, здороваясь съ нимъ.

— Могу.

— Ну, и отлично, потому что я хочу васъ сегодня похитить отсюда. А у васъ тутъ все по-старому,—осмотрѣлся кузенъ Пьеръ кругомъ:—всѣ памятники приросли къ мѣсту и находятся налицо.

— Куда же имъ дѣваться?—съ досадою пожалъ плечами Павелъ, точно онъ желалъ, чтобы всѣ эти древности провалились сквозь землю.

— Да, да, куда имъ дѣваться! На обыкновенныя кладбища хоть воры забираются, воруютъ разные бронзовые крестики, а вашъ монастырь даже и отъ воровъ-то каменною стѣною отгороженъ. Однако, одѣвайтесь и поѣдемъ.

— Я сегодня, право, не расположенъ никуда ѣхать...

— Вздоръ, вздоръ!—зачастилъ кузенъ Пьеръ. —Ужъ вы потому должны ѣхать, чтобы загладить свою невнимательность ко мнѣ: я васъ звалъ къ себѣ, а вы въ теченіе двухъ недѣль не хотѣли найти свободной минуты на посѣщеніе и даже скрылись изъ дома Обносковыхъ, чтобъ не видать меня.

Digitized by Google

— Право, я этого не имѣлъ въ виду, — началъ съ смущеніемъ Павелъ, совсѣмъ не привыкшій къ шуткамъ кузена Пьера.

— Пожалуйста, не отговаривайтесь, — съ поддѣльною серьезностью говорилъ кузенъ Пьеръ.—Но, видя, что вы не являетесь туда для избѣжанія встрѣчъ со мною, я, конечно, могъ придти къ тому заключенію, что мнѣ должно оставить домъ Обносковыхъ, такъ какъ посторонній человѣкъ не долженъ быть причиною разрыва между близкими родственниками. Согласитесь, что вы должны убѣдить меня, что вы не изъ-за меня не бываете у родныхъ.

— Повѣрьте мнѣ, — началъ оправдываться Павелъ, совершенно не понимая, насколько серьезности и насколько шутовства заключалось въ рѣчахъ кузена Пьера.

— Ну, ну, отговорки въ сторону и одѣвайтесь! — командовалъ кузенъ Пьеръ.—Я сяду спиною, чтобы не стѣснять васъ.

Кузенъ Пьеръ дѣйствительно усѣлся спиною къ Павлу. Тотъ сталъ одѣваться. Но пробыть пять минутъ въ одномъ и томъ же положеніи было не въ характерѣ кузена Пьера, а потому черезъ минуту онъ не только сидѣлъ лицомъ къ Павлу, но даже мѣшалъ ему одѣваться, стоя передъ самымъ его носомъ и съ жаромъ объясняя ему, что проводить молодые годы въ такой обстановкѣ, въ такомъ одиночествѣ нелѣпо и непрактично, что нужно жить полной жизнью и знакомиться съ тѣмъ обществомъ, которому скоро придется служить. Затѣмъ слѣдовали описанія какого-то блестящаго маскарада, далѣе рѣчь перескочила къ кобылѣ графа Родянки, помявшей какую-то нищую на Невскомъ, отъ этой кобылы былъ сдѣланъ скачокъ къ одной заѣзжей наѣздницѣ, которую подавали гдѣ-то во время десерта au naturel. Наконецъ, Павелъ, стыдившійся одѣваться при кузенѣ Пьерѣ, краснѣвшій отъ цинизма его разсказовъ, былъ одѣтъ.

XIII.

Продолженіе предыдущей.

— Куда же мы поѣдемъ? къ вамъ? — спросилъ онъ, выходя изъ дому.

— Нѣтъ, въ циркъ. Сегодня бенефисъ миссъ Шрамъ. Прекрасное созданіе. Грація какая, сила въ ногахъ, просто чудо! — восхищался кузенъ Пьеръ, садясь вслѣдъ за Павломъ въ роскошныя сани съ медвѣжьею полстью.

Digitized by Google

Бородатый, толстый кучеръ едва успѣлъ застегнуть одною рукою эту полсть, какъ нетерпѣливый рысакъ рванулся съ мѣста и понесъ путниковъ, взметая снѣгъ, по гладкой, зимней дорогѣ.

— Чудная лошадь! — вырвалось невольное восклицаніе у Павла.

— А вы любите лошадей?—спросилъ кузенъ Пьеръ.

— И лошадей, и быструю ѣзду,—отвѣтилъ Павелъ, любуясь рысакомъ и вспоминая свои лѣтнія катанья съ Грунею въ деревнѣ.

— Черты русской широкой натуры,—вскользь замѣтилъ кузенъ Пьеръ, оскаливъ зубы.

Павелъ молча наслаждался поѣздкой. Морозный, зимній вечеръ, блескъ фонарей, неистовыя «пади» бойкаго кучера, мельканіе экипажей и ярко освѣщенныхъ магазиновъ,—все это представляло какую-то дикую, не лишенную непонятной прелести, картину. Наконецъ, сани сразу остановились у освѣщеннаго подъѣзда цирка среди густой массы извозчиковъ, каретъ, пѣшеходовъ и надрывающихъ горло полицейскихъ и жандармовъ. Кто-то подскочилъ отстегнуть полсть саней кузена Пьера, помогъ ему выйти, распахнулъ передъ нимъ дверь; въ коридорахъ солдаты, хранящіе верхнюю одежду публики, низко раскланялись съ кузеномъ Пьеромъ и сняли на ходу его пальто; буфетчикъ спросилъ его о здоровьи; какой-то волтижеръ, еще одѣтый въ собственное пальто сомнительной новизны и сомнительнаго достоинства, съ заискивающей улыбкой пожалъ милостиво протянутую ему руку кузена Пьера.

— Не забыли-съ, что сегодня бенефисъ миссъ Шрамъ,— осмѣлился онъ, улыбаясь во весь ротъ, замѣтить ломанымъ русскимъ языкомъ.

Кузенъ Пьеръ отвѣтилъ ему что-то по-англійски, на что волтижеръ далъ отвѣтъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ. Кузенъ Пьеръ сказалъ на это какую-то французскую фразу и получилъ исковерканный отвѣтъ на этомъ же языкѣ. Затѣмъ послѣдовали двѣ нѣмецкія фразы, изъ которыхъ одна была сказана неправильно.

— Десятью языками владѣетъ и всѣ десять подлые,— замѣтилъ кузенъ Пьеръ Павлу, поворачиваясь спиной къ волтижеру.

— Кузенъ Пьеръ! Фетидовъ! Петръ Петровичъ!—раздались со всѣхъ сторонъ восклицанія, и Павелъ вдругъ былъ отрѣзанъ отъ кузена Пьера толпой блестящей молодежи.

Digitized by Google

Тутъ были военные мундиры, статскіе щегольскіе пиджаки, треугольныя шляпы съ невообразимо шикарно-загнутыми кверху носами, красные и зеленые воротники, офицерскія эполеты и юнкерскіе погоны, стеклышки въ глазахъ, pince-nez на носахъ, блескъ мишуры и газовыхъ огней, шумъ сабель и оглушительный вой и визгъ гадѣйшаго изъ самыхъ гадкихъ оркестровъ; французскія полированныя фразы и пѣтушье пѣніе клоуновъ, пискотня нарумяненныхъ наѣздницъ, одѣтыхъ еще въ свои платья, и ржанье коней въ сосѣдней конюшнѣ, запахъ bouquet de l'Impératrice и вонь навоза, матушкины сынки и конюхи, свѣжесть едва начинающейся розовой молодости и морщины гнусной, истасканной въ развратѣ старости. Толпа волновалась, сходилась и разступалась въ широкомъ проходѣ между ареной и занавѣсомъ въ конюшни, и потому было видно, что она здѣсь своя, что всѣ ея члены — члены одной семьи и принадлежатъ къ цирку, а не къ той терпѣливо и тупо сидѣвшей публикѣ, которая купила себѣ мѣста, чтобы полюбоваться, какъ люди за ея деньги ломаютъ шеи для ея потѣхи. Эта публика впивалась глазами въ наѣздницъ и наѣздниковъ, разсматривая подробно этихъ голодныхъ смѣльчаковъ, готовыхъ искалѣчить себя изъ-за куска хлѣба; для этой публики отважные смѣльчаки были какой-то диковинкой. Но не обращала никакого вниманія на штуки этихъ смѣльчаковъ та толпа «своихъ людей цирка», среди которой очутился кузенъ Пьеръ и за которой стоялъ Павелъ. Эта толпа только подавала сигналы глупой и непосвященной въ тайны публикѣ, когда надо хлопать и когда слѣдуетъ хранить молчаніе. Это клакеры, платящіе большія деньги за право хлопанья. Это кормильцы и поильцы голодной стаи балаганныхъ кривлякъ. Это жалкіе остатки прежнихъ владѣтелей крѣпостныхъ актеровъ и актрисъ.

Павелъ былъ ошеломленъ этимъ шумнымъ, блестящимъ и непривычнымъ для него зрѣлищемъ и не могъ сразу опомниться, къ тому же у него почти подъ ухомъ проклятый оркестръ гремѣлъ и визжалъ, заливаясь персидскимъ маршемъ. Мужественныя трубы и литавры, казалось, силились заглушить бабій визгъ пискливыхъ скрипокъ, а скрипки, въ свою очередь, наперерывъ другъ передъ другомъ старались взвизгивать, какъ можно рѣзче и чаще, точно это былъ шабашъ вѣдьмъ, не слушающихъ басовыхъ приказаній сатаны замолчать.

— А гдѣ же мой юный другъ? — очнулся кузенъ Пьеръ

Digitized by Google

и, увидавъ Павла, представилъ его толпѣ своихъ друзей.— Охотникъ до лошадей,—отрекомендовалъ онъ.

— А до наѣздницъ?—спросилъ кто-то носовымъ голосомъ.

— Все придетъ, все придетъ своимъ чередомъ! — успокоилъ кузенъ Пьеръ.

Къ Павлу протянулась рука графа Родянки.

— А ты замѣтно старѣешь, — насмѣшливо шепнулъ кузену Пьеру Левчиновъ.—Начинаешь дѣлаться наставникомъ и покровителемъ юношества.

— Что дѣлать, что дѣлать!—воскликнулъ съ ироническимъ добродушіемъ кузенъ Пьеръ.—Надо что-нибудь новое, свѣжее, вы всѣ стали до крайности однообразны, повыдохлись и пріѣлись.

— Это значитъ платить тою же монетою, — засмѣялся Левчиновъ.

— Господа, чуръ сегодня не вызывать Маньку! — обратился кто-то въ толпѣ къ окружающимъ. — Маньку надо проучить. Она ласковѣе, когда ее проучатъ.

— За себя ручаюсь. Я сегодня буду аплодировать только юному Банье. Да здравствуютъ юноши и ихъ свѣжесть! — воскликнулъ кузенъ Пьеръ.

— Пойдемте въ буфетъ, теперь дура Лоренъ будетъ трясти свои старыя кости на старой клячѣ, а потомъ Феликсъ будетъ ломаться, — проговорилъ кто-то раздражительнымъ голосомъ.

— И чортъ ихъ дергаетъ высылать такихъ уродовъ ребятъ, какъ Феликсъ, или такихъ старыхъ вѣдьмъ, какъ Лоренъ!—замѣтилъ кузенъ Пьеръ.—Кому они нужны!

Толпа, съ громомъ сабель и шумомъ рѣчей, хохота и брани противъ распоряженій цирка, двинулась въ буфетъ черезъ конюшни, гдѣ приготовлялись волтижеры и украшались лошади.

— Сейчасъ начинается, — замѣтилъ, раскланиваясь, содержатель цирка своимъ дорогимъ посѣтителямъ.

— Что начинается-то?—отвѣтили ему.—Скелетъ вашей Лорензи будутъ волочить по аренѣ? Толстый животъ и кривыя ноги вашего слюняваго Феликса будутъ показывать зѣвакамъ?

— Пра-о, къ вамъ по-адочные люди перестанутъ ѣздить, если вы такъ будете состаа-лять афиши.

Содержатель цирка, привыкшій понимать языкъ клоуновъ, понялъ и эти произнесенныя въ носъ и исковерканныя слова

Digitized by Google

и униженно раскланялся, постарался подобострастно улыбнуться и робко замѣтилъ:

— Что дѣлать, что дѣлать! хорошихъ сюжетовъ мало, и они капризничаютъ, не хотятъ себя утомлять. А надо какъ можно болѣе нумеровъ для афишъ. Публика цѣнитъ продолжительность представленій.

— Ка-а-кая публика? Эта-то?—съ презрѣніемъ кивнули въ толпѣ головами по направленію къ массѣ, терпѣливо ожидающей представленія. — Много она принесетъ вамъ доходу!

— Ду-аки эти ди-ектога цигковъ, — говорилъ кто-то въ толпѣ.—Не понимаютъ, что всѣ эти ка-а-меліи никогда не заглянули бы къ нимъ, если бы представленія длились всю ночь, но не было бы насъ. А съ гайка сбогъ не великъ.

Павелъ остался между тѣмъ на своемъ мѣстѣ и не пошелъ въ буфетъ.

Первые два нумера прошли вяло: протаскала по аренѣ разбитая кляча Фанни такую же разбитую клячу Лоренъ, и обѣ пошли отдыхать въ свои стойла, и, вѣроятно, стойло Фанни было гораздо лучше, уютнѣе и теплѣе стойла Лоренъ, давно пріютившейся среди обносковъ и хлама старыхъ тряпокъ въ грязной каморкѣ, не то гардеробной, не то кладовой въ богатой квартирѣ миссъ Шрамъ, у которой Лоренъ занимала мѣсто среднее между горничной и—какъ бы это прилично выразиться — секретаремъ въ юбкѣ, объявлявшимъ поклонникамъ миссъ Шрамъ, *что* нужно сдѣлать, чтобы добиться знакомства юной повелительницы. Послѣ старыхъ клячъ Фанни и Лоренъ, на аренѣ показалъ свои дѣйствительно кривыя ноги и дѣйствительно толстый животъ облеченный въ трико тѣльнаго цвѣта Феликсъ. О! лучше бы онъ никогда не облекался въ трико, лучше бы никогда не появлялся на аренѣ со своими вывихнутыми ногами! Онъ поломался, погнулся по-змѣиному, потрясъ во всѣ стороны тысячу разъ своею большой головой, какъ привязаннымъ на ниткѣ узломъ ненужнаго тряпья, потомъ скрылся и подъ рукоплесканія райка выбѣжалъ снова, перекувырнулся десять разъ въ навозной землѣ арены и всталъ въ позу летящаго амура, отставивъ одну кривую ногу назадъ, выпятивъ впередъ животъ и поднося съ лакейскою ловкостью правую руку къ губамъ, что должно было означать благодарственный воздушный поцѣлуй публикѣ со стороны этого милаго младенца. Послѣ такой любезности милый младенецъ легко повернулся на одной кривой ножкѣ

Digitized by Google

и убѣжалъ, снова вызвавъ новыя рукоплесканія райка. Лицо этого невиннаго младенца тотчасъ же измѣнилось, какъ только за нимъ задернулась занавѣса. Тамъ онъ обернулъ голову по направленію къ публикѣ и, искрививъ свое невинное личико уродливой гримасой, высунулъ языкъ. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, ему кто-то изъ милыхъ малютокъ цирка подставилъ ногу, и Феликсъ грохнулся на землю. Завязалась драка. Въ это время выводили лошадь для миссъ Шрамъ, и берейторъ очень безцеремонно и дружески хлеснулъ своимъ бичомъ по невинно забавлявшимся малюткамъ. На лицѣ одного изъ невинныхъ младенцевъ осталась розовая отъ выступившей крови полоса.

Начался плачъ, но шумъ сабель и говоръ заглушили эти хныканья и прекратили сцену; за лошадью миссъ Шрамъ изъ-за занавѣсы высыпала толпа конюховъ и молодежи; между этими членами семейства цирка порхнуло воздушное, коротенькое газовое платье, усѣянное камеліями, и легкія ножки, обтянутыя въ шелковое трико, рѣзво помчали по направленію къ коню миссъ Шрамъ, разсыпавшую во всѣ стороны воздушные поцѣлуи рукоплещущей публикѣ!

— Бра-о, бра-о!—неистовствовала толпа клоуновъ и кутящей молодежи.—Бра-о!

Клоуны коверкали языкъ для возбужденія сильнѣйшаго смѣха въ публикѣ своимъ полнѣйшимъ униженіемъ и исключеніемъ себя даже по языку изъ человѣческаго общества; блестящая молодежь коверкала тоже свой языкъ, но только изъ чувства сознанія своего достоинства, не позволяющаго говорить языкомъ людей.

— Безъ буффъ!—радостно шепнулъ кузенъ Пьеръ, понѣщаясь возлѣ Павла.

Отъ кузена Пьера пахло шампанскимъ.

Кузенъ Пьеръ продолжалъ дѣлать свои замѣчанія, одно циничнѣе другого, но Павелъ уже не слушалъ его и впился глазами въ носящуюся по аренѣ миссъ Шрамъ.

Въ этой, еще прекрасной, хотя и не первой молодости, женщинѣ было дѣйствительно какое-то безумное, безшабашное и опьяняющее ухарство. Она неслась по аренѣ, щелкая бичомъ и прерывистымъ дикимъ крикомъ подстрекая лошадь, неслась съ такою быстротою, какъ-будто за ней гналась стая голодныхъ и бѣшеныхъ волковъ, и у нея самой была тысяча жизней и всѣ одна другой ненужнѣе, одна другой постылѣе. Вся масса кровожадно приковалась глазами къ этому летающему въ воздухѣ существу. Только гиканье бе-

Digitized by Google

рейторовъ и миссъ Шрамъ, да хлопанье бичей нарушали тишину. Вдругъ какой-то клоунъ зазѣвался и не успѣлъ продернуть полотна, черезъ которое прыгала миссъ Шрамъ, и она на всемъ скаку слетѣла съ лошади на землю. Павелъ вскрикнулъ и вскочилъ... Но въ ту же минуту миссъ Шрамъ снова неслась на лошади и, погрозивъ пальцемъ неосторожному клоуну, снова кричала прерывающимся, дикимъ голосомъ, и циркъ оглушали неистовыя рукоплесканія одурѣвшей, опьяненной толпы дикарей. Казалось, что сотни обитателей сумасшедшаго дома собрались сюда устроить свой бѣшеный шабашъ. Какой-нибудь африканскій дикарь, привыкшій къ самымъ звѣроподобнымъ кривляньямъ, удивился бы при видѣ этого безумнаго ломанья цивилизованной толпы. Но каково было бы его удивленіе, если бы онъ могъ понять, что на эти ломанья бросаются десятки тысячъ образованными людьми? Но мы присмотрѣлись къ этому безумію и давно потеряли способность удивляться чему бы то ни было.

— Чего вы испугались, юноша?—промолвилъ рукоплещущій кузенъ Пьеръ. — Это часто бываетъ. Бѣды большой нѣтъ. Декольтируетъ на минуту свои ножки, вотъ и все.

Но хладнокровіе и увѣренность миссъ Шрамъ уже были потеряны. Строптивая и раздражительная, она смотрѣла гнѣвно, съ ея лица исчезла привѣтливая улыбка, и глаза сверкали злобой; въ ея ногѣ чувствовалась легкая боль, но скачки наѣздница не прекращала. Еще было сдѣлано два круга, наполовинѣ третьяго круга миссъ Шрамъ снова зацѣпилась за обручъ и полетѣла, но уже не на арену, а по направленію къ бенуару; стукнулась колѣнями о барьеръ, перекувырнулась въ воздухѣ и безъ чувствъ упала подъ ноги какого-то офицера. Неосторожный клоунъ съ обручемъ въ рукѣ тоже покатился въ ложу и всей массой своего тѣла стукнулся о голову другого господина, сбивъ съ него шляпу. Миссъ Шрамъ не вставала; ее подняли и повели подъ руки къ конюшнѣ, хотя лучше было бы ее нести, такъ какъ ея ноги не двигались. Часть публики двинулась къ конюшнѣ, но туда допускали только «своихъ людей», въ число которыхъ попалъ и Павелъ по протекціи кузена Пьера, а остальнымъ говорили, что «все пустяки, что послѣдствій не будетъ». На аренѣ уже кувыркались и пѣли пѣтухами клоуны... Черезъ четверть часа миссъ Шрамъ подъ крики «бра-о» раскланивалась публикѣ.

— Вы такъ испугали этого молодого человѣка, что онъ

Digitized by Google

крикнулъ и чуть не упалъ въ обморокъ,—замѣтилъ ей кузенъ Пьеръ, указывая на Павла и скаля зубы.

— Thank you!—мелодическимъ голосомъ произнесла она и дружески сжала на ходу руку юноши.

Онъ воротился на свое мѣсто въ восторгѣ.

— Если вы не выгоните этого мерзавца, я отказываюсь ѣздить, — говорила между тѣмъ миссъ Шрамъ содержателю цирка за занавѣсой злобнымъ голосомъ и съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ.

Человѣкъ, названный ею мерзавцемъ, стоялъ, понуривъ голову. Его лицо было худо и старо и разрисовано зеленой, красной, желтой и черной красками. Въ этомъ положеніи онъ былъ похожъ на какого-то голоднаго чорта въ отставкѣ и казался тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ жалостнѣе было выраженіе его лица. Плачъ шута всегда вызываетъ смѣхъ. Около него стоялъ оборванный и тоже худой мальчуганъ—его сынъ. Дома лежала больная жена и копошилось еще четверо дѣтей.

— Миссъ Шрамъ, я штрафъ внесу, — проговорилъ онъ жалобнымъ тономъ.

— Что мнѣ въ вашемъ штрафѣ?—сердито отвѣтила она и скрылась въ толпѣ клоуновъ и своихъ поклонниковъ.

— Сходи къ Лорешѣ, авось устроитъ дѣло, — сказалъ кто-то попавшему въ опалу клоуну.

— А штрафъ ты все-таки внесешь, — сурово произнесъ содержатель цирка.—Безъ этого ужъ не обойдется, любезный другъ! Пользы не приносите, а только гадите! Кому ты нуженъ? Кто тебѣ аплодируетъ? Какъ ни раскрашивай свою харю, а все на одра похожъ. Смотрѣть гадко! Тьфу! Ты думаешь, публикѣ нужна такая старая сволочь, какъ ты?

Клоунъ стоялъ, понуривъ голову; онъ самъ сознавалъ въ душѣ, что онъ давно уже не слышалъ рукоплесканій себѣ, что онъ давно пережилъ ту пору, когда его дарили, когда его привѣтствовали, когда онъ могъ являться передъ толпой съ природнымъ румянцемъ на молодыхъ, покрытыхъ первымъ пухомъ щекахъ, въ полупрозрачномъ шелковомъ трико, возбуждая восторгъ зрителей своей фигурой Аполлона! Теперь онъ былъ похожъ на поросшую мхомъ, отвратительную руину, полную гнилья, летучихъ мышей и червей, мозолящую глаза зрителя среди прелестей новыхъ, сверкающихъ свѣжестью и красотою зданій.

А представленіе шло своимъ чередомъ. Крики «бра-о» не умолкали. Клоуны выдѣлывали свои невообразимыя штуки,

Digitized by Google

присяжные посѣтители, «свои люди цирка», громко выражали свои мнѣнія. Кузенъ Пьеръ разжигалъ своего юнаго ученика и новаго друга своими замѣчаніями насчетъ удалыхъ наѣздниковъ и наѣздницъ. Павелъ не могъ преодолѣть своего увлеченія красотою лошадей и отвагой людей. Для него, для новичка въ этомъ мѣстѣ, было что-то одуряющее во всей этой массѣ разнообразныхъ впечатлѣній. Его душу волновали то страхъ за наѣздниковъ, то восторгъ за удачное окончаніе трудныхъ прыжковъ, то удивленіе передъ пламеннымъ оживленіемъ артистовъ, то иногда проскальзывало живое чувство грусти за униженіе человѣка. Но каковы бы ни были всѣ эти чувства, они всѣ приводили къ одному результату,—къ опьянѣнію. Оно усилилось еще болѣе, когда въ антрактѣ Павлу предложили бокалъ шампанскаго; когда кто-то подошелъ къ нему со словами: «паазольте закугить паа-пи-осу!» и началъ восхищаться артистками, разсказывая, что онѣ еще пламеннѣе внѣ цирка; когда миссъ Шрамъ въ мужскомъ охотничьемъ платьѣ стала танцовать ирландскій танецъ на натянутомъ канатѣ, то поднимаясь на воздухъ, то садясь на эластическій канатъ и сразу поднимаясь съ него снова на воздухъ,—Павелъ пожиралъ глазами эту пламенную, черноволосую и черноглазую женщину и не могъ оторвать отъ нея взоровъ, когда она на время останавливалась и, пронзая насквозь зрителей своимъ взглядомъ, съ минуту, не смигнувъ, мрачно глядѣла жгучими глазами исподлобья на кого-нибудь изъ нихъ. Казалось, въ эту минуту она выбирала свою жертву и ставила себѣ задачею смутить эту жертву однимъ своимъ медленнымъ, пронзающимъ, жгучимъ взглядомъ. Одинъ этотъ взглядъ вызывалъ бѣшеныя рукоплесканія, а миссъ Шрамъ, только натѣшившись вполнѣ смущеніемъ избранной жертвы, только наслушавшись досыта рукоплесканій, прояснялась улыбкой и снова порхала по канату. Павелъ не могъ сдерживаться и неистово рукоплескалъ ей. Ему казалось, что страсть, кипѣвшая въ немъ самомъ въ памятный для него скорбный вечеръ у Кряжова, должна была именно такъ отражаться на его лицѣ, и ему чудилось, что миссъ Шрамъ, такъ же, какъ онъ самъ, тщетно жаждетъ любви и, можетъ-быть, страдаетъ.

Когда представленіе кончилось, кузенъ Пьеръ — промолвилъ Павлу:

— Ну, вы довольны?

— Да,—отвѣтилъ безсознательно Павелъ.

Digitized by Google

— Здѣсь, по крайней мѣрѣ, не скучно и нѣтъ вялости. Чортъ знаетъ, какъ отупляютъ человѣка скука и вялая жизнь. Я пригласилъ бы васъ и на пикникъ съ нами, но на первый разъ съ васъ довольно... А то послушали бы, какъ поетъ миссъ Шрамъ англійскія пѣсни и какъ танцуетъ джигъ. Чудо! Это огонь женщина!.. Ну, да время не ушло; увидите еще!

Павелъ сталъ прощаться.

У подъѣзда стояло нѣсколько троечныхъ саней и около нихъ толпилась, хохотала и шумѣла буйная масса блестящей молодежи, и раздавались веселые и звонкіе женскіе голоса. Всѣ ждали только миссъ Шрамъ, чтобы тронуться въ путь; кони давно уже храпѣли отъ нетерпѣнія. Вдругъ среди этой суматохи и этого шума Павелъ услыхалъ за собою смѣлый и скорѣе юношескій, чѣмъ женскій голосъ; этотъ голосъ напѣвалъ одну изъ элегическихъ наивныхъ пѣсенъ Бёрнса. Павелъ настолько зналъ по-англійски, чтобы понять простыя и трогательныя слова этой пѣсни. Онъ обернулся, передъ нимъ стоялъ стройный юноша, съ немного откинутой назадъ головой и вьющимися черными кудрями.

— Бра-о, бра-о! Миссъ Шрамъ! Миссъ Шрамъ, васъ ждутъ!—раздались крики у саней, и юный пѣвецъ шаловливо, съ громкимъ смѣхомъ, вскочилъ въ сани.

Все заговорило, захохотало, въ воздухѣ раздался свистъ разгульныхъ троечниковъ, прозвучало ржанье коней, голосъ кузена Пьера произнесъ: «прощайте, Поль!» шаловливый юноша-пѣвецъ крикнулъ: «adieu, my poor boy!»—и черезъ мигъ кругомъ Павла все было тихо, темно и безлюдно, а въ его ушахъ все еще звенѣлъ веселый хохотъ и серебристые звуки: «adieu, my poor boy!» Ему чудились блестящіе огнями загородные залы богатаго отеля, танцы, веселье, беззаботный хохотъ, стройный юноша-пѣвецъ съ жгучими, впивающимися въ душу глазами, и среди этого веселья и шума слышались серебристые звуки: «adieu, my poor boy!» У Павла шумѣло въ головѣ шампанское, его била то лихорадочная дрожь, то бросало въ горячечный жаръ; съ трудомъ дотащилъ его на своей хромой клячѣ ночной извозчикъ до дома, съ трудомъ добрелъ онъ до своей мрачной, безмолвной, похожей на могильный склепъ комнаты, съ трудомъ улегся онъ въ холодную постель, тоскливо стараясь уснуть и заглушить эти неотступные, благословляющіе его на сонъ и въ то же время отгоняющіе сонъ серебристые звуки: «adieu, my poor boy!»

Отнынѣ долго не будетъ онъ знать спокойнаго сна!..

Digitized by Google

XIV.

Домашній адъ и случайное перемиріе.

Груня все чаще и чаще стала подумывать объ объясненіи со своимъ мужемъ насчетъ отношеній къ ней Марьи Ивановны и выжидала удобной минуты. Ей становились невыносимы нападки свекрови, и она еще вѣрила отчасти въ возможность какъ-нибудь уладить дѣло съ мужемъ. Но, прежде чѣмъ она успѣла привести въ исполненіе свое намѣреніе, въ ихъ домѣ случилась неожиданная тревога, отвлекшая еще болѣе вниманіе Алексѣя Алексѣевича отъ его жены и ея положенія. Онъ случайно узналъ о поданномъ ко взысканію векселѣ въ пятнадцать тысячъ, данномъ Стефаніи Высоцкой покойнымъ Евграфомъ Александровичемъ. Разстроенный и раздраженный, вернулся Обносковъ домой, узнавъ эту новость. Его лицо вдругъ пожелтѣло болѣе обыкновеннаго, губы дрожали и кривились какой-то неестественной улыбкой.

— Каково!—улыбаясь, говорилъ онъ задыхающимся голосомъ, обращаясь къ матери и женѣ. — Высоцкая представила вексель, подписанный дядею. Пятнадцать тысячъ требуетъ.

— Да она взбѣсилась, что ли! — неистово воскликнула Марья Ивановна, всплеснувъ руками. — Кто это ей ихъ дастъ? Вотъ нашла дураковъ!

— Да какъ же вы не дадите-то?—съ негодованіемъ прохрипѣлъ сынъ и засмѣялся какимъ-то глухимъ смѣхомъ.

— Да вѣдь ты, батюшка, законный, единственный наслѣдникъ всего имущества дяди.

— Ну, что-жъ изъ этого?—Законный наслѣдникъ! А что я наслѣдовать-то буду? Много ли останется имущества за вычетомъ пятнадцати тысячъ?

— Да ты ужъ и впрямь не хочешь ли уплатить ей эти деньги?—изумилась мать.

— Да поймите вы, что у нея въ рукахъ законно написанный вексель!

— А ты скажи, что она украла его. Вѣдь я образъ со стѣны сниму, къ присягѣ пойду, что она его украла. Она съ сыномъ и придушила братца и выкрала, вѣрно, бумаги.

— Да что вы говорите? Это не сохранная записка, а вексель, вексель! понимаете ли вы? тутъ никакой рѣчи не можетъ быть о воровствѣ. Украла или нѣтъ, а все-таки уплатить по немъ деньги нужно.

Digitized by Google

— Что же мы дѣлать-то будемъ? Беззащитные мы горемыки! Господи, за что Ты на насъ испытаніе посылаешь?— хныкала Марья Ивановна, ломая руки.

— Я думаю съѣздить къ ней, образумить ее... Вѣдь она грабитъ законныхъ наслѣдниковъ... Должна же у нея быть хоть капля совѣсти,—говорилъ Обносковъ, совершенно теряя разсудокъ и самообладаніе.

— Мнѣ кажется, Алексѣй,—вмѣшалась Груня:—что тебѣ и хлопотать не о чемъ. Слава Богу, что дядя такъ честно распорядился и не оставилъ нищими законныхъ наслѣдниковъ.

— Ты съ ума сошла? Дура!—съ гнѣвомъ сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ и, плюнувъ, вышелъ изъ комнаты.

— Да вы это кого законными наслѣдниками-то называете, матушка?—воскликнула Марья Ивановна, отирая торопливо слезы.

— Дѣтей дяди и его жену,—отвѣтила Груня.

— Господи! до чего мы дожили! — всплеснула руками Марья Ивановна.—Вы бы стѣнъ-то постыдились! Публичную женщину женой называете, незаконнорожденныхъ выкидышей законными дѣтьми признаете! И хоть бы кто-нибудь чужой это говорилъ, а то говоритъ родная, по закону вѣнчанная жена... Не вы бы говорили, не я бы слушала!.. Да вамъ мужъ-то что? Пѣшка? Вы на чей счетъ-то живете, что его деньгами не дорожите? Ужъ не на свой ли? Нѣтъ, вашъ милый папенька баловалъ васъ, холилъ, а капитала, небось, за вами не далъ. «Я, говоритъ, буду ежегодно давать на содержаніе»,—писклиро произнесла Марья Ивановна, должно быть, подражая басу Кряжова, и плюнула.—Ишь какой добрый! Нѣтъ, а ты дай весь капиталъ, весь капиталъ дай, а на одномъ содержаньи не отъѣзжай! Старый надувало! Скряга поганый!

— Марья Ивановна, я долго терпѣла,—заговорила Груня взволнованнымъ и дрожащимъ голосомъ: — но теперь терпѣніе лопнуло. Всему бываетъ конецъ. Вы ежедневно придирались ко мнѣ, я молчала. Но съ нѣкотораго времени вы стали дѣлать намеки на то, что я ничего не принесла за собою, бранить моего отца... Вы сами знаете, что это гнусная ложь, что вы и мой мужъ живете, большею частію, на деньги, выдаваемыя моимъ отцомъ. Я объ этомъ напоминаю вамъ затѣмъ, чтобы вы не смѣли болѣе упрекать меня и бранить моего отца.

— Ахъ, матушка, расхвасталась своими деньгами,—съ

Digitized by Google

пошлой ироніей развела руками Марья Ивановна.—Да что ваши деньги? тьфу! плюнуть и ногой растереть. За Леню и не такую бы нищую отдали, какъ вы. Нашли бы мы и получше невѣсту.

Груня съ отвращеніемъ взглянула на свою свекровь.

— Если бы я не уважала себя, то только въ такомъ случаѣ я могла бы говорить съ вами,—промолвила она.—Но я еще уважаю себя и считаю невозможнымъ препираться съ вами вашимъ же площаднымъ языкомъ; другого же языка вы не понимаете и не поймете. Но замѣчу вамъ разъ и навсегда, и прошу васъ это понять и помнить, что мы не можемъ жить вмѣстѣ...

— Ну, матушка, не съ сыномъ ли меня разлучить думаете?—перебила Марья Ивановна.—Такъ ошибаетесь, ошибаетесь! Дудки! Далеко кулику до Петрова дня. Не видать вамъ этого, какъ своихъ ушей безъ зеркала. Не выжить вамъ меня отсюда.

— Я и не говорю, что я непремѣнно васъ выживу,—холодно отвѣтила Груня.—Я утверждаю и повторяю только одно то, что вмѣстѣ мы жить не можемъ.

— Такъ ужъ не вы ли думаете мужа бросить?—крикнула Марья Ивановна, хлопая себя по колѣнямъ.

— Не знаю, что будетъ. Но вмѣстѣ съ вами я жить не могу,—отвѣтила Груня.

— Погодите, погодите! дайте Ленѣ съ дѣлами справиться, тогда онъ васъ научитъ, какъ нужно его мать уважать,—грозила Марья Ивановна.

— Я Алексѣя еще плохо понимаю,—сдержанно промолвила Груня.—Но во всякомъ случаѣ, или онъ самъ не станетъ меня учить уваженію недостойной женщины, или я не стану учиться этому. Такимъ вещамъ не учатъ. Уваженіе заслуживается людьми.

— Скажите, пожалуйста, какая умница. Обо всемъ говоритъ, какъ расписываетъ!—хлопнула себя еще разъ по колѣнямъ Марья Ивановна.

Груня съ омерзѣніемъ отвернулась и ушла въ свою комнату. Ей было отвратительно это грубое и пошлое созданіе. Бѣдную женщину давили сотни мыслей. Она не могла ничего сообразить и прежде всего старалась успокоиться. Но это было не такъ легко сдѣлать въ обносковскомъ домѣ. Марья Ивановна не оставила невѣстку въ покоѣ и явилась черезъ часъ къ ней снова.

— Хоть бы лампаду-то затеплили,—заговорила свекровь

Digitized by Google

укорительнымъ тономъ, вставая на стулъ, чтобы достать лампаду.—О Богѣ бы больше думали, такъ дурь и не лѣзла бы въ голову. Вспомнили бы, что сегодня суббота, люди ко всенощной идутъ. А у васъ и мысли-то о Господѣ нѣтъ, богоотступница!

— Ступайте вонъ изъ моей комнаты, — вскочила Груня со своего мѣста и указала на дверь стоящей передъ образомъ на стулѣ свекрови. — Чтобъ ваша нога никогда не была здѣсь. Слышите!

— Да вы хоть грѣха-то побоялись бы, поглядѣли бы, за какимъ я дѣломъ здѣсь стою, — проговорила Марья Ивановна, не сходя со стула и держа въ рукѣ лампаду.

— Говорятъ вамъ, идите вонъ! не то я людей позову, дворниковъ позову и велю васъ вытащить отсюда силой,— вышла изъ себя Груня, сверкая большими глазами.

Марья Ивановна впервые услышала такіе страшные звуки въ голосѣ человѣческомъ и струсила. Она вышла. Груня замкнула дверь на ключъ. Минутъ черезъ десять Марья Ивановна постучалась снова въ дверь.

— Отворите,—промолвила она довольно мягкимъ тономъ.

— Вамъ сказано, что васъ сюда не будутъ пускать,— отвѣтила ей Груня.

— Да мнѣ лампаду надо поставить. За что вы на Богато сердитесь.

— Не нужно мнѣ никакихъ вашихъ лампадъ. Идите прочь!—крикнула Груня, и снова въ ея голосѣ послышались страшныя ноты. Это не былъ жидкій, полудѣтскій крикъ, но слышались полные и твердые звуки гнѣва.

— Господи, да что же это такое? Свѣтопреставленіе начинается, что ли? Развратъ, безбожіе, беззаконіе. Сынъ на мать, жена противъ мужа идутъ,—вопила Марья Ивановна.— Вы лампаду-то возьмите, я ее на окно здѣсь поставлю,—продолжала она, немного погодя. — Вы Богу угодите, а Онъ, Творецъ нашъ небесный, васъ не оставитъ.

Груня не трогалась съ мѣста и оставила лампаду теплиться на окнѣ.

Алексѣй Алексѣевичъ Обносковъ несся, между тѣмъ, къ Стефаніи Высоцкой. Онъ совершенно не вѣрилъ въ успѣхъ своей поѣздки, не былъ нисколько увѣренъ въ ея необходимости и все-таки ѣхалъ. Его била лихорадка, душила злоба, и ему нужно было сорвать на комъ-нибудь эту злобу, высказаться до конца и уже тогда начать размышленія о необходимости примиренія со своею судьбою. Онъ хитрилъ

Digitized by Google

теперь даже съ самимъ собою и увѣрялъ себя, что его поѣздка должна имѣть благія послѣдствія, что должна же быть и у Стефаніи Высоцкой совѣсть, которая не позволитъ ей ограбить законныхъ наслѣдниковъ и пустить почти по міру двухъ сестеръ покойника. Возбужденіе было такъ сильно, что Обносковъ храбрился всю дорогу и струсилъ только тогда, когда въ его рукѣ уже дрогнулъ колокольчикъ у дверей Высоцкой. Въ эту минуту Алексѣй Алексѣевичъ готовъ былъ вернуться домой и отложить визитъ до другого времени, но дверь отворилась. Передъ Обносковымъ появилось привѣтливое морщинистое лицо сгорбленнаго старика,—черезъ минуту съ этого лица пропалъ всякій признакъ привѣтливости; оно вдругъ приняло то грубое выраженіе, на какое способны только старые лакеи изъ крѣпостныхъ; спина старика выпрямилась, голова поднялась.

— Кого вамъ? — сурово спросилъ Матвѣй Ильичъ, это былъ онъ.

— Высоцкую,—отвѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ и бокомъ прошелъ мимо заслонившаго дорогу старика. Онъ самъ сбросилъ съ себя пальто и выказалъ явное намѣреніе пройти въ комнаты.

— Да вы это куда?—остановилъ его Матвѣй Ильичъ.— Надо прежде доложить. Спросить: желаютъ ли принять... А то—на! безъ доклада прямо въ горницы прутъ! какой это такой порядокъ!—ворчалъ старикъ и пошелъ изъ передней въ комнаты, захлопнувъ дверь у самаго носа Обноскова.

— Старая бестія, лягается!—прошепталъ Алексѣй Алексѣевичъ, ходя по передней нетерпѣливой походкой.

— Ну, вотъ доложилъ,—заворчалъ Матвѣй Ильичъ, снова являясь предъ гостемъ и садясь въ уголъ, гдѣ онъ до того что-то портняжилъ.

— Ну, что же велѣли сказать?—спросилъ Обносковъ въ ярости.

— Что?! видите, дверь открыта, — ну, и ступайте, — отвѣтилъ старикъ, не обращая на него вниманія, и заворчалъ что-то себѣ подъ носъ.

Подъ вліяніемъ этой сцены у Алексѣя Алексѣевича прошла минутная трусость, и на мѣсто ея явилось дерзкое желаніе быть грубымъ до послѣдней степени и выместить на комъ-нибудь проглоченную обиду. Онъ вошелъ въ простую, но уютную гостиную. Передъ нимъ, почти на срединѣ комнаты, стояла Стефанія, спокойная, прекрасная, безъ всякихъ гримасъ и признаковъ волненія. Она молчала.

Digitized by Google

— Здравствуйте, — скороговоркой пробормоталъ Обносковъ.—Меня привело въ вашъ домъ только дѣло... Вы подали ко взысканію безденежный вексель, выпрошенный вами у дяди.

Стефанія молча слушала, ея лицо оставалось попрежнему спокойнымъ. Глядя на нее въ эту минуту, можно было подумать, что эта женщина сумѣетъ владѣть собою на какомъ угодно допросѣ.

— Вы, вѣроятно, не хорошо понимаете, что вы дѣласте,— заговорилъ снова Обносковъ, отчасти удивленный этимъ безстрастнымъ спокойствіемъ. — Требовать не свои деньги — вообще низко; но если притомъ онѣ отнимаются у законныхъ наслѣдниковъ, то подобному поступку трудно пріискать названіе.

Стефанія все молчала и слушала. Обносковъ вышелъ изъ терпѣнія.

— Что же вы молчите?—спросилъ онъ ее.

— Что же мнѣ отвѣчать? Вы выражаете свои мнѣнія, я ихъ слушаю,—улыбнулась Стефанія невозмутимо-холодною улыбкою.

— Я совсѣмъ не затѣмъ пріѣхалъ, чтобы высказывать свои мнѣнія,—съ досадой вымолвилъ Алексѣй Алексѣевичъ, взбѣшенный этой улыбкой.

— Но покуда ваши слова имѣли именно этотъ характеръ,—замѣтила Стефанія.

— Я очень слабъ, мнѣ тяжело объясняться стоя,—произнесъ съ одышкой Обносковъ и съ злобной ироніей прибавилъ:—*я* сяду, хотя вы, кажется, и не желаете этого.

— Мнѣ совершенно все равно, — равнодушно сказала Стефанія, и первая опустилась на кресло.

Обносковъ тоже сѣлъ. Оба помолчали. Онъ измѣрялъ ее яростными глазами, она же смотрѣла просто и невозмутимо спокойно,—казалось, что ей очень удобно сидѣть на мягкомъ креслѣ и слушать гостя. Такъ какъ Стефанія не изъявляла никакого желанія начать бесѣду, то ему снова пришлось заговорить первому.

— Вы должны отчасти знать, — началъ гость:—что у моего покойнаго дяди, кромѣ меня, прямого наслѣдника, было двѣ сестры. У этихъ женщинъ нѣтъ ничего, онѣ почти нищія. Вся ихъ надежда заключалась въ помощи брата и въ тѣхъ деньгахъ, которыя могли достаться имъ послѣ его смерти. Состояніе дяди оказалось, противъ всякихъ ожиданій, гораздо менѣе, чѣмъ мы думали. Я не стану упрекать

Digitized by Google

въ чемъ-нибудь васъ, хотя я знаю, что вы были главной причиной, уменьшившей состояніе дяди. Но этого не поправишь... Послѣ его смерти осталось имущества столько, что если уплатить вамъ деньги по взятому вами векселю, то въ остаткѣ получится почти нуль; если же вычесть изъ этого остатка слѣдующую мнѣ часть, то сестрамъ покойнаго достанется просто нѣсколько рублей.

По лицу Стефаніи скользнула едва замѣтная усмѣшка при упоминаніи объ этомъ вычетѣ законной части Алексѣя Алексѣевича изъ имущества, равняющагося нулю.

— Эти двѣ несчастныя женщины, плохо образованныя, не привыкшія къ труду, — продолжалъ гость: — останутся нищими. И причиной этого будете вы. Загляните въ свою совѣсть. Не должны ли пробудиться тамъ стыдъ и раскаяніе. Вы—любовница, извините за названіе, но вы добровольно принимали его, живя съ дядей; ваши дѣти—незаконнорожденныя,—чьи они, это—не наше дѣло,—и вы берете деньги, грабите ихъ у законныхъ наслѣдниковъ, пуская послѣднихъ по-міру. Это такое позорное преступленіе, это такой несмываемый грѣхъ, передъ которымъ человѣкъ не можетъ не краснѣть въ своей душѣ.

Стефанія спокойно полулежала въ креслѣ и упорно продолжала молчать.

— Вы, кажется, хотите сыграть со мною комедію,—раздражился Обносковъ:—хотите отмолчаться, вывести меня изъ терпѣнія и выгнать вонъ своимъ молчаніемъ?

— Что же я буду вамъ отвѣчать?—снова спокойно спросила Стефанія.—Вы опять выражаете только свои мнѣнія, я ихъ слушаю. Ваше дѣло такого рода, что вамъ приходится ограничиться именно одною этою ролью. Вы понимаете, что другого исхода для васъ нѣтъ.

— Вы такъ думаете-съ?—ѣдко спросилъ Обносковъ, разозленный тѣмъ, что Высоцкая сразу поняла и безплодность его разговоровъ, и характеръ его роли.—Но положимъ, что я только и могу дѣлать въ этомъ дѣлѣ одно—высказывать свои мнѣнія. Въ такомъ случаѣ, мнѣ хотѣлось бы слышать *ваше* мнѣніе.

— Мое мнѣніе высказано гораздо раньше вашего,—равнодушно отвѣтила Стефанія.

— Да вы все молчали!—увлекся Обносковъ и не сразу сообразилъ сущность отвѣта Стефаніи.

— Да, теперь я молчала, потому что высказалась уже прежде, подавъ ко взысканію векселъ,—улыбнулась Высоцкая.

Digitized by Google

Обносковъ позеленѣлъ и, вскочивъ съ мѣста, заходилъ по комнатѣ.

— А! такъ вы смѣетесь надъ нами!—заговорилъ онъ въ гнѣвѣ.—Прекрасно! Вы думаете, что мы такъ оставимъ это дѣло? Вы полагаете, что мы не станемъ требовать судомъ своихъ денегъ? Нѣтъ-съ, я послѣдній гропъ отдамъ, чтобы показать вамъ, что у насъ любовницы и незаконнорожденныя дѣти не могутъ ни при какихъ условіяхъ грабить законныхъ наслѣдниковъ. Вы думали, что вы нашли выходъ обойти законъ? Вы хотѣли насмѣяться надъ этимъ закономъ, жили безъ вѣнчанья съ человѣкомъ, грабили его, чтобы заставить общество поклоняться вамъ и уважать васъ за деньги; дураки даже называли васъ, любовницу, женою этого человѣка; потомъ вы вынудили его дать вамъ вексель и теперь вы опять хотите торжествовать, пуская по-міру законныхъ наслѣдниковъ и показывая всѣмъ, что и развратъ можетъ торжествовать надъ честностью и беззаконіе надъ законностью. Но вамъ этого не удастся, слышите вы, не удастся!

Обносковъ, весь покрытый потомъ, искривленный отъ злобы, опять бросился на стулъ и тотчасъ же вскочилъ снова.

— Кто же вамъ мѣшаетъ дѣйствовать судебнымъ порядкомъ, а не раздражать себя кричаньемъ здѣсь?—почти съ участіемъ спросила Стефанія своего измученнаго гостя.

Гость сжалъ кулаки и снова тяжело опустился на стулъ, облокотившись на столъ и стиснувъ голову руками.

Стефанія неторопливо встала и позвонила. Вошелъ Матвѣй Ильичъ.

— Матвѣй Ильичъ, подайте господину Обноскову воды,— обратилась она къ старику и, тихо наклонивъ голову, прошла мимо гостя въ другую комнату.

Матвѣй Ильичъ подалъ воду. Обносковъ молча выпилъ. Теперь онъ былъ похожъ на ослабѣвшаго ребенка. Его можно было заставить дѣлать, что угодно.

— Прикажете нанять извозчика? — спросилъ Матвѣй Ильичъ довольно мягкимъ голосомъ и съ невольнымъ сожалѣніемъ покачалъ головой, глядя на это вдругъ осунувшееся лицо съ мутными глазами.

— Да... ѣхать... больше нечего дѣлать...—бормоталъ Обносковъ, какъ пьяный.—Нужно было!..—треснулъ онъ кулакомъ по столу, не докончивъ своей фразы.

Стефанія между тѣмъ вошла въ свою комнату, и ея лицо приняло вдругъ озабоченный видъ.

Digitized by Google

— Что съ тобой, матушка?—спросилъ ее старшій сынъ, знакомый читателю. — Теперь онъ уже былъ студентомъ Технологическаго института.

— Надо будетъ съѣздить къ Обносковымъ,—сказала она и потерла въ раздумьѣ свой лобъ рукою.

— Къ Обносковымъ?—изумился сынъ.

— Да, къ сестрамъ покойнаго твоего отца,—продолжала мать и потомъ прибавила какимъ-то тономъ удивленія:— Вообрази, онѣ чуть не остались нищими. У отца оказалось совсѣмъ не такое большое состояніе, какъ всѣ думали. Надо будетъ успокоить этихъ несчастныхъ женщинъ.

Сынъ помолчалъ.

— Матушка, — началъ онъ нерѣшительно черезъ минуту.—Должно ли и полезно ли помочь имъ? Онѣ много сдѣлали тебѣ зла.

— Что же?. Мстить? — спросила мать съ упрекомъ въ голосѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отрицательно покачалъ головою сынъ.— Но онѣ вредныя женщины.

— Онѣ нищія и будутъ еще вреднѣе, если имъ не помочь,—промолвила мать.—Онѣ привыкли держать себя чопорно, жить безъ труда и порядочно одѣваться. Если у нихъ не будетъ средствъ, онѣ пустятся въ развратъ или станутъ обирать другихъ, отнимая кусокъ хлѣба у бѣдняковъ своими происками.

— Онѣ и теперь отнимутъ хлѣбъ у бѣдняковъ. Ихъ долю ты могла бы отдать другимъ...

— Но я не могла бы тогда имѣть вліянія на нихъ.

— Ты думаешь ихъ исправить?

— Нѣтъ, но для сдерживанья ихъ у меня будутъ въ рукахъ средства.

Сынъ замолчалъ.

— А я ужъ думалъ, — началъ онъ снова уже веселымъ тономъ:—что ты къ этому подлецу хочешь ѣхать,—указалъ онъ на ту комнату, гдѣ былъ за минуту Алексѣй Алексѣевичъ.

— Да, онъ подлъ и вреденъ, — съ отвращеніемъ произнесла мать и потомъ весело засмѣялась:—глупъ онъ невообразимо!

Сынъ тоже засмѣялся и нѣжно поцѣловалъ руку матери, точно благодаря ее за что-то.

Въ домѣ Алексѣя Алексѣевича шла уже въ это время суматоха. Хозяинъ былъ привезенъ домой совсѣмъ больнымъ,

Digitized by Google

и съ трудомъ дотащился до своей постели. Его била лихорадка, душилъ кашель, во всемъ тѣлѣ чувствовалась непомѣрная слабость.

— Леня, голубчикъ, что съ тобой? — всплеснула руками Марья Ивановна.

— Пошлите за докторомъ! Я умираю! Дышать трудно!— прошепталъ больной и закрылъ глаза.

Марья Ивановна бросилась изъ комнаты, послала за докторомъ, выругала за неповоротливость кухарку и, захвативъ съ вѣшалки изъ передней что-то изъ верхняго платья, кажется, салопъ, бросилась въ комнату сына. Здѣсь она прикрыла его принесенной теплой одеждой и снова побѣжала чѣмъ-то распоряжаться. Груня еще ничего не знала. Наконецъ пріѣхалъ докторъ, новыя хлопоты, новая бѣготня. До ушей Груни достигъ весь этотъ шумъ, она позвала горничную и спросила о его причинѣ.

— Баринъ умираетъ-съ!—отвѣчала горничная.

Груня поблѣднѣла и поспѣшно отправилась въ кабинетъ мужа.

— Поздно, поздно пожаловать изволили, — прошипѣла Марья Ивановна.

Груня вздрогнула.

— Какъ? — воскликнула она и бросилась къ постели мужа. Онъ, тяжело дыша, спалъ.

Видя, что онъ живъ, Груня съ негодованіемъ взглянула на Марью Ивановну, перепугавшую ее.

— Полюбуйтесь! Хорошъ?—шипѣла свекровь. — Вы все довели его до этого. Въ семьѣ-то радостей нѣтъ, такъ не поздоровѣешь.

— Здѣсь не мѣсто ссориться,—шопотомъ замѣтила Груня.—Вамъ надо заботиться объ его выздоровленіи, а не добивать его огорченіями... Надѣюсь, что эта потеря тяжелѣе всего отзовется на васъ.

Груня вышла.

— Ужъ на комъ же больше, какъ не на мнѣ!—воскликнула Марья Ивановна, и вдругъ ея воображенію представилась возможность смерти Лени. Что тогда дѣлать? Опять нищаться, опять содержать студентовъ-жильцовъ, прокармливать себя поданіями благотворителей? «Господи, спаси его и сохрани! Услышь материнскія слезы»,—шептала она, глядя на образъ и мысленно сравнивая настоящее свое сытое довольство съ пережитой нуждою. Ей стало страшно за свое будущее. Но мало-по-малу она начала понимать, что

Digitized by Google

ея настоящее довольство только отчасти и очень мало зависитъ отъ жалованья Лени, которое прекратится съ его смертью; она начала сознавать, что главный источникъ этого довольства заключается въ деньгахъ, выдаваемыхъ отцомъ Груни, что часть этихъ денегъ стала бы выдаваться и ей послѣ смерти сына, если бы она была въ хорошихъ отношеніяхъ съ невѣсткой. Прошлаго нельзя воротить, но можно управлять своими отношеніями къ людямъ въ настоящемъ. Сойтись съ невѣсткой, ухаживать за ней, поддѣлываться къ ней стало теперь цѣлью Марьи Ивановны. Казалось ей, что все надо перенести, что надо кошкѣ поклониться въ ножки, только бы обезпечить свое будущее. Тяжелая, безсонная ночь прошла для нея у постели умирающаго сына. Не менѣе тягостную ночь провела и Груня въ своей комнатѣ. Она не молилась, не плакала, подобно свекрови, она даже не содрогалась при мысли о смерти мужа. Нѣтъ, какое-то странное чувство боязливой радости было въ ея душѣ при мысли о смерти этого человѣка, и Груня даже не стыдилась этого чувства. Только теперь она поняла, что ея связь разорвана не только со свекровью, но и съ мужемъ.

Однако, у нея не стало силъ не пойти въ комнату этого чуждаго ея сердцу человѣка. Она говорила себѣ, что надо ходить даже и за чужими больными, а тѣмъ болѣе за тѣми, съ кѣмъ насъ связали законныя узы брака.

— Голубчикъ, ангелъ мой кроткій, вотъ и вы пришли сюда,—воскликнула Марья Ивановна, встрѣтивъ на другой день Груню въ комнатѣ Алексѣя Алексѣевича.

Груня изумилась этому привѣтствію.

— Простите вы меня! — всхлипывая, говорила свекровь.— Надѣлала я вамъ въ жизни непріятностей!.. Вспыльчива я, а вы сердиты, вы неуступчивы... Если бы вы хоть разъ приласкались ко мнѣ, такъ я бы ножки ваши цѣловала, какъ собачонка за вами бѣгала бы... Вѣдь я горя въ жизни натерпѣлась много, меня жизнь испортила... Развѣ я виновата, что мой характеръ таковъ?.. Забудьте вы все старое. У одра смертнаго люди сходятся, врагамъ прощаютъ. А вѣдь это сынъ мой умираетъ,—зарыдала Марья Ивановна:—сынъ мой.

У Груни дрогнуло сердце, но она не шевелилась съ мѣста.

— Простите меня, грѣшную, глупую!—еще разъ простонала Марья Ивановна и быстро поднесла къ губамъ руку невѣстки.

Digitized by Google

— Что вы, что вы дѣлаете!—закрыла лицо руками Груня и впервые зарыдала какими-то истерическими слезами.— Зачѣмъ это люди жить не умѣютъ другъ съ другомъ, зачѣмъ они губятъ другъ друга, когда и въ нихъ сердцахъ есть и любовь, и нѣжность!—восклицала она и тихо поцѣловала свекровь.

Молодое, неопытное существо было растрогано, потрясено голосомъ матери, рыдающей у постели умирающаго сына... Сыну не стало въ эту минуту легче, но горячо любящая мать успокоилась: у нея явилась надежда избавиться отъ нужды даже и тогда, когда онъ помретъ.

Настало затишье и перемиріе въ обносковскомъ семействѣ. Всѣ дружно хлопотали о выздоровленіи больного, совѣщались, проводили вмѣстѣ вечера, дружески говорили между собой, не скупились на поцѣлуи, и никто не думалъ заглянуть въ свою душу и прямо спросить себя: измѣнилась ли хоть какая-нибудь существенная черта въ ихъ характерахъ и убѣжденіяхъ? полюбили ли они другъ друга? и можетъ ли быть естественнымъ этотъ миръ, если ничто внутри примирившихся личностей не измѣнилось? Этихъ вопросовъ не дѣлалъ никто: одни по расчету и подлости, другіе по неопытности и довѣрчивости.

XV.

Во время выздоровленія Алексѣя Алексѣевича Обноскова.

Алексѣй Алексѣевичъ поправлялся медленно.

Долгіе дни, проведенные въ постели, въ одиночествѣ, не прошли для него даромъ и внесли еще болѣе желчи въ его и безъ того желчный характеръ. По цѣлымъ часамъ во время болѣзни размышлялъ онъ о недавнихъ событіяхъ, возмутившихъ мирное теченіе его жизни.

То представлялось ему, какъ графъ Струговъ, аристократъ по рожденію, консерваторъ въ душѣ, оказалъ покровительство «развратной женщинѣ», назвалъ ея любовную связь гражданскимъ бракомъ и отнялъ для нея деньги отъ законныхъ наслѣдниковъ. То вспоминалось ему, какъ его дядя, человѣкъ, постоянно уважавшій законы, сумѣлъ обойти законъ въ пользу своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей и, не имѣя силъ и смѣлости написать духовное завѣщаніе, все-таки передалъ бо́льшую часть имущества этой же развратницѣ. Все это будило злобу Обноскова, но еще бо́льшую злобу пробуждала въ больномъ та мысль, что и графъ Струговъ, и покойный дядя и, наконецъ, эта низкая жен-

Digitized by Google

щина видимо насмѣялись надъ нимъ, надъ честнымъ человѣкомъ, стоявшимъ за свои законныя права. «Одни хитры и ловко работаютъ для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей,—думалъ Алексѣй Алексѣевичъ,—другіе по своей слабости потакаютъ имъ, третьи же безъ всякаго сознанія роютъ яму тѣмъ принципамъ, за которые они стоятъ и должны стоять по своему положенію въ свѣтѣ. Какъ посмотришь со стороны, то подумаешь, что и дядя стоялъ по убѣжденію, а не по жалкой слабости, за гражданскій бракъ; подумаешь, что и графъ Струговъ признаетъ въ принципѣ, а не въ видѣ исключенія, право незаконнорожденныхъ дѣтей на деньги законныхъ наслѣдниковъ. И вѣдь не сознаютъ подобные дураки, что̀ значатъ исключенія, что̀ значатъ примѣры въ подобныхъ дѣлахъ. Если бы они сознавали это, то они сами испугались бы своихъ поступковъ. Вѣдь чѣмъ чаще открываются подобныя лазейки, чѣмъ больше надѣются найти ихъ наши противники, тѣмъ смѣлѣе они дѣйствуютъ. Сегодня выйдетъ счастливо изъ дѣла одна Стефанія Высоцкая, завтра явятся десять такихъ Высоцкихъ. Да и страшнѣе всего то, что всѣ эти Струговы не по неосмотрительности, не по необдуманности такъ поступаютъ, нѣтъ! это на нихъ духъ времени отразился. Теперь они мягче стали смотрѣть на то, противъ чего воевали и еще воюютъ сами. Прежде, сколько бы ни жила развратная женщина съ человѣкомъ, она все-таки оставалась въ ихъ глазахъ любовницей, развратницей, а теперь, извольте видѣть, давность связи въ подобныхъ дѣлахъ смываетъ, по ихъ мнѣнію, пятно. Дураки! да эта давность, эта продолжительность связи дѣлаетъ пятно только болѣе яркимъ, болѣе несмываемымъ... Тутъ уже не можетъ быть оправданія въ минутномъ заблужденіи, въ минутномъ увлеченіи, а это просто сознательное попираніе законовъ государства и нравовъ общества... Духъ времени, духъ времени, да будетъ онъ проклятъ! Скоро честному человѣку нельзя будетъ жить на свѣтѣ среди іезуитски-хитрыхъ противниковъ и до глупости слабыхъ и неосмотрительныхъ сторонниковъ. Теперь нужно бороться, теперь или никогда»...

Характеръ Алексѣя Алексѣевича, несмотря на свою желчность, вялый по природѣ и замѣтно клонившійся къ самодовольному добродушію подъ вліяніемъ наслажденій новаго строя семейной жизни, сталъ теперь замѣтно живѣе и—если можно такъ выразиться въ этомъ случаѣ—воинственнѣе. Дѣйствительно, Обносковъ началъ чувствовать теперь

Digitized by Google

не одну потребность копошиться въ канцеляріи министерства, собирать матеріалы для изслѣдованія разныхъ древностей и изрѣдка шипѣть на жизнь, но ему хотѣлось бороться и воевать съ обществомъ, идущимъ, по его мнѣнію, къ пропасти подъ вліяніемъ духа времени. Презирая съ давнихъ поръ всѣхъ газетныхъ и журнальныхъ болтуновъ, онъ сталъ теперь чувствовать потребность пустить въ свѣтъ нѣсколько шипящихъ статеекъ по тѣмъ или другимъ современнымъ вопросамъ. Насмѣхаясь постоянно надъ нашими ораторскими изліяніями на разныхъ торжественныхъ обѣдахъ и собраніяхъ, онъ теперь мечталъ о первой возможности произнести гдѣ-нибудь и отъ своего лица какую-нибудь рѣчь. Такое тревожное состояніе духа не мало поддерживалось въ нашемъ героѣ и нашептываніями его матери. Да и сами текущія событія какъ общественной, такъ и его собственной жизни были не такого свойства, чтобы онъ могъ успокоиться: наставала пора дѣлежа имѣнія.

— Леня, какъ же ты теперь съ тетками-то раздѣлаешься?—спрашивала Марья Ивановна сына, сидя однажды въ его кабинетѣ.

— Понятно, какъ раздѣлаюсь: дамъ имъ все, что имъ слѣдуетъ по закону,—отвѣтилъ сынъ.

— То-то! А я ужъ думала, добрый ты мой, что намъ придется все имъ отдать, такъ какъ твою-то часть захватила эта мерзавка...

— Что вы выдумываете!—раздражился Алексѣй Алексѣевичъ. — Она не мою часть захватила, а нашу общую, и если отъ этого уменьшилась моя доля наслѣдства, то точно такъ же уменьшилась и доля тетокъ... Имъ почти ничего не придется, ну, да мнѣ не изъ чего благодѣтельствовать. Пусть на нее и плачутся, если имъ мало достанется!

— И-и, батюшка, что за мало! На первый разъ станетъ. Проживутъ кое-какъ; руки, славу Богу, есть, надо вѣдь и потрудиться, не все же за чужой спиной на свѣтѣ жить. Богъ труды любитъ!..

— Что онѣ тамъ будутъ дѣлать, это не мое дѣло, — отвернулся Обносковъ отъ матери и взялъ книгу, чтобы прекратить разговоръ.

— Ну, занимайся, занимайся, я тебѣ не стану мѣшать,— проговорила мать и на цыпочкахъ вышла изъ комнаты.

Сестры покойнаго Евграфа Александровича пришли просто въ ужасъ, узнавъ, что имъ достается изъ имѣнія «братца» такая малая часть, на которую нельзя жить ни при какой

Digitized by Google

экономіи. Со слезами на глазахъ и мольбою въ голосѣ явились двѣ дѣвственницы къ племяннику просить помощи. Онѣ немного опустили крылья въ послѣднее время и были болѣе кротки, чѣмъ въ недавно прошедшія времена. Призракъ нужды заставитъ присмирѣть хоть кого...

— Поймите, что я радъ бы всей душою помочь вамъ,— говорилъ имъ Алексѣй Алексѣевичъ:—но мнѣ самому жить нужно, у меня семья... Вы получили законную часть, такъ же какъ и я, никто изъ насъ не виноватъ, что наши части такъ малы... Если мы можемъ на кого-нибудь пенять, такъ это на покойнаго дядю, да на ту, которая ограбила насъ всѣхъ.

— Проклятая! проклятая! она насъ обобрала, по-міру пустила,—воскликнула Марья Ивановна.—И вы, сестрицы, кругомъ виноваты!..

— Мы?—всплеснули руками отъ удивленія сестры.

— Да, да, вы... Не могли отвлечь отъ нея братца! — упрекнула Марья Ивановна.—Вотъ и были бы теперь всѣ и богаты, и счастливы. А то, на-ко, жили весь вѣкъ съ братцемъ, а не могли узнать, къ кому онъ ходитъ, въ кого деньги садитъ... Вы только подумайте, что онъ ей при жизни-то передавалъ?

— Да что же мы могли сдѣлать, сестрица? Братецъ все такъ тайно дѣлалъ, мы и мѣшаться въ его дѣла не смѣли,— заплакали сестры.

— Не смѣли, не смѣли! — передразнила ихъ пискливые голоса Марья Ивановна. — А вы развѣ не могли его въ рукахъ держать? Гдѣ такъ востры, а на это ума не хватило!.. Да на что же и женщина на свѣтъ создана, какъ не для того, чтобы мужчину въ рукахъ держать? Да дай-ка имъ, мужчинамъ-то, волю, такъ что же послѣ этого и со свѣтомъ-то сталось бы? Въ разоръ разорились бы всѣ... Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы-то кругомъ виноваты, только дрязги умѣли заводить, а дѣла дѣлать не умѣли.

— Грѣхъ вамъ, Марья Ивановна, насъ обижать,—проговорила слабодушная Вѣра Александровна.

— Это, видишь, потому, что мы бѣдны стали,—ѣдко замѣтила уже начинавшая сердиться Ольга Александровна.

— Ну да, бѣдны, а вотъ эта-то мерзавка теперь и смѣется надъ нами по вашей милости да по вашей слабости, — кричала Марья Ивановна. — По-міру пойдете — гроша не подастъ!

— Ну, это вы не подадите, а она подастъ,—раздражительно ввернула сестра Ольга.

Digitized by Google

— Она... она... вотъ и теперь хотѣла намъ помочь,— хныкала совсѣмъ растерявшаяся сестра Вѣра: — да мы на Леню надѣялись.

— Что-о?.. Да вы ее гдѣ это видѣли?—изумилась Марья Ивановна.

— Она къ намъ заѣзжала,—отвѣтила меньшая сестра.

— Да, матушки, такъ вы вотъ какъ поступаете!—хлопнула себя по колѣнкамъ Марья Ивановна и вся раскраснѣлась отъ гнѣва.—Такъ это вотъ какая механика-то подведена была! Вы это, значитъ, стакнулись съ ней! Ужъ и вексель-то братецъ не по вашей ли милости ей выдалъ?

— Что вы! что вы, сестрица! — молящимъ тономъ воскликнула перепуганная Вѣра Александровна.

— Да чего тутъ: что вы! Все, все теперь ясно, какъ день; это вы Леню-то ограбить хотѣли, втроемъ пятнадцать тысячъ раздѣлить задумали!.. Ай да роденька! Отлично!.. Ну, не ожидала я этой подлости отъ васъ!

— Оставьте, маменька! — сердито замѣтилъ Обносковъ, все время ходившій въ нетерпѣніи по комнатѣ.—Что вамъ за охота вѣчно начинать исторіи!

— Нѣтъ, батюшка, не оставлю, и ты мнѣ ужъ въ этомъ дѣлѣ не мѣшай, потому не успокоится моя душенька, пока я этимъ низкимъ дѣвкамъ всей правды не отпою! И нечего тебѣ насъ слушать, потому что дѣла у насъ свои и мы женщины, а ты мужчина и ничего этого не понимаешь! — отстранила Марья Ивановна своего сына.

Онъ пожалъ плечами и вышелъ. Сестры тоже изъявили видимое поползновеніе скрыться отъ раздраженной родственницы.

— Стойте, стойте! — удержала ихъ Марья Ивановна.— Вы это такъ улизнуть отъ меня хотите, голубушки. Нѣтъ!.. Такъ это какъ же она къ вамъ пріѣзжала? Зачѣмъ?

— Ахъ, Марья Ивановна, да что вы къ намъ пристали?— грубо промолвила Ольга Александровна.—Почему мы знаемъ, зачѣмъ она пріѣзжала? Пріѣхала, говоритъ: я вамъ помочь хочу, вотъ и все!

— Помочь! скажите, пожалуйста, какія нынче благодѣтельницы есть! Такъ прибѣгутъ съ вѣтру — мы, говорятъ, помочь вамъ хотимъ!.. Да статочное ли дѣло, чтобы она помогла вамъ, если бы вы во враждѣ весь вѣкъ прожили? Ну, гдѣ это видано?

— Да чѣмъ же мы-то тутъ виноваты, сестрица? — произнесла Вѣра Александровна.

Digitized by Google

— Ахъ, лицемѣрки! ахъ, лицемѣрки бездушныя!—всплеснула руками Марья Ивановна.

— Да, что вы, въ самомъ дѣлѣ, раскричались на насъ!—вышла изъ себя Ольга Александровна. — Мы вамъ не позволимъ браниться, потому что мы много горя перенесли отъ васъ и безъ того, а больше переносить не станемъ. Вы бы хоть постыдились, старую нашу хлѣбъ-соль вспомнили бы; вспомнили бы, какъ мы братца упрашивали вамъ и вашему сыну помочь!

— Да вы обязаны, обязаны были это дѣлать. Вѣдь мой сынъ-то родной племянникъ былъ вамъ, вѣдь онъ наслѣдникъ дядинъ былъ. Вотъ чѣмъ упрекать вздумали! А вы думаете, мнѣ сладка была ваша хлѣбъ-соль? Слезами я обливалась, униженіемъ передъ вами каждый кусокъ покупая! Богъ да Леня знаютъ, что я слезъ пролила, видя, какъ вы мной помыкаете, какъ вы меня отъ братца заслонить хотите.

— Грѣхъ вамъ, грѣхъ это говорить!—воскликнули сестры разомъ.—Вы сами нашептывали братцу на насъ, мы васъ съ нимъ на минуту однѣхъ оставить не смѣли... Вы и насъ ссорили; мы только теперь, въ горѣ нашемъ, узнали, какъ вы наговаривали намъ другъ на друга.

— Да вы сами одна другой бока мыли. Откуда бы я узнала всю вашу подноготную, какъ не отъ васъ самихъ!—кричала Марья Ивановна.

— Пойдемъ, сестрица, пойдемъ скорѣе! — прошептала Вѣра Александровна, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— А-а! къ своей сообщницѣ пойдете! Погодите, погодите, еще развратничать научитъ! Такъ всѣ три вмѣстѣ и живите. Отлично будетъ!—кричала Марья Ивановна вслѣдъ удаляющимся сестрамъ.—Вы, Вѣра Александровна, еще не стары, если подрумянитесь немного... Пѣвчему-то своему глазки опять начните дѣлать. Вѣдь вы къ Троицѣ-то недаромъ ходите, все противъ клироса становитесь!.. Теперь, небось, не придете къ намъ денегъ клянчить!..

Долго еще не умолкалъ и лился неудержимый потокъ брани и сальныхъ намековъ раздраженной Марьи Ивановны. Все надувательство, все обоюдное лицемѣріе, всѣ тайныя сплетни, всѣ низкія интриги, склеивавшія до этой поры въ тѣсный союзъ мирную и любящую обносковскую семью, поднялись теперь съ своего дна, какъ грязная и отвратительная липкая почва въ стоячей водѣ пруда, внезапно возмущеннаго и приведеннаго въ броженіе набѣжавшею на него

Digitized by Google

бурей. Эта буря уничтожила и сорвала покровъ яркихъ, но почти неимѣвшихъ прочнаго корня цвѣтовъ и рыхлыхъ листьевъ болотныхъ растеній, плававшихъ на поверхности и служившихъ внѣшнимъ украшеніемъ спрятанной подъ ними грязи. Родственная любовь, уваженіе къ старшимъ въ семьѣ, заботы о младшихъ и слабыхъ ея членахъ, снисходительность къ ошибкамъ тѣхъ или другихъ стоявшихъ въ обносковскомъ союзѣ лицъ, всѣ эти цвѣты, какъ оказалось, питали здѣсь свои непрочные корни сокомъ корыстолюбія, ловкихъ сплетенъ, лицемѣрнаго самоуниженія, стремленія каждаго члена въ свою очередь высосать послѣднюю каплю жизни изъ всѣхъ остальныхъ членовъ-союзниковъ. Теперь членамъ обносковской семьи не оставалось возможности прикрывать цвѣтами лицемѣрія свою грязь: она всплыла наружу и била въ глаза. Оставались два пути: нужно было или отречься навсегда, очиститься по возможности отъ этой грязи, или щеголять ею, хвалиться ею, говорить, что эта-то грязь и должна составлять настоящую подкладку жизни.

Ольга и Вѣра Обносковы стояли теперь другъ передъ другомъ почти нищими, то-есть такими созданіями, которымъ нужнѣе всего сходиться въ тѣсный союзъ, и вдругъ онѣ узнали, что каждая изъ нихъ въ свою очередь была виновна передъ другою въ мелкихъ сплетняхъ, въ мелкихъ интригахъ. Имъ было совѣстно взглянуть въ глаза другъ другу, имъ было совѣстно за себя въ душѣ. Только теперь онѣ поняли всю безцѣльность своихъ грязныхъ поступковъ, своей поддѣльной преданности своимъ родственникамъ, своихъ безобразныхъ нападеній на неизвѣстную имъ женщину, которая одна протягивала теперь имъ руку помощи. Онѣ чувствовали, что онѣ втянулись по уши въ эту грязь, что въ ихъ душахъ почти нѣтъ незагрязненнаго мѣста, что онѣ еще не могутъ вполнѣ честно относиться одна къ другой. Но онѣ уже раскаивались, онѣ уже какъ-то стыдливо, но искренно ухаживали одна за другой. Онѣ понимали, какъ добра опозоренная ими женщина, но какое-то безсознательное чувство стыда не пускало ихъ идти къ этой женщинѣ, пресмыкаться передъ нею, лгать ей о своемъ раскаяньи и выпрашивать у нея куски хлѣба своимъ униженіемъ. Онѣ видѣли, что лесть на этомъ пути дала бы имъ средства къ существованію, и все-таки не шли на этотъ путь. Жалкія созданія не знали, хорошее или дурное это чувство, но покорились ему...

Совсѣмъ въ другомъ положеніи стояла Марья Ивановна.

Digitized by Google

Она терпѣла въ теченіе всей своей жизни нужду и не понимала значенія честнаго труда. Ей приходилось по необходимости съ каждымъ годомъ все глубже и безсознательнѣе втягиваться въ этотъ омутъ, гдѣ она видѣла все свое спасеніе. Она окунулась въ него до такой степени, что у нея даже не было никакой потребности выйти изъ него теперь. Казалось, что эта женщина родилась въ этой грязи и внѣ ея не видѣла жизни. Разругавшись съ «сестрицами», она по цѣлымъ днямъ распространялась о томъ, какія онѣ подлыя, какой дурачина и филя былъ ихъ братъ, сколько она натерпѣлась горя отъ нихъ, какъ онѣ продавали на каждомъ шагу одна другую, какъ Вѣрка въ каждаго военнаго пѣвчаго влюблялась, какъ Ольга всѣмъ домомъ вертѣла и Вѣркой командовала, какъ теперь онѣ съ Степанидкою Высоцкою «гулять» будутъ, однимъ словомъ, все, что̀ можетъ быть грязнаго въ закулисной жизни каждой человѣческой семьи и личности, то было на языкѣ Марьи Ивановны. Алексѣй Алексѣевичъ, Груня, кухарка, дворникъ, всѣ равно годились, по мнѣнію Марьи Ивановны, на роль слушателей, и число ихъ все росло и росло.

Съ страннымъ чувствомъ вслушивалась въ эти рѣчи Груня. Тысячи мыслей и вопросовъ осаждали ея головку.

«Неужели могутъ люди въ теченіе всей своей жизни лицемѣрить и ужъ не лицемѣритъ ли теперь Марья Ивановна и передо мной?—спрашивала она себя.—Честно ли я дѣлаю, что поддаюсь ея ласкамъ, презирая ее въ душѣ? Но, что̀ заставило ее вдругъ примириться со мною? Неужели необходимость жить на мои деньги?.. Но я-то для чего примирилась съ нею наружно? Для того, чтобы избавиться отъ волненій, отъ правдиваго объясненія человѣку, что я съ нимъ не могу жить, что я его не могу уважать и любить? Это подло!.. Но что̀ же за женщина эта развратная Высоцкая?.. Неужели и она ради какихъ-нибудь видовъ предложила помощь двумъ ненавистнымъ ей и ненавидящимъ ее женщинамъ?.. И какъ можетъ она такъ спокойно, такъ равнодушно переносить свое постыдное положеніе, за которое ее клеймитъ и должно клеймить все общество?.. Я хотѣла бы увидѣть ее. Я никогда не видала еще такихъ наглыхъ женщинъ... Однако, за что же я браню ее? Вѣдь я ее еще не знаю, я слышала о ней только отъ тѣхъ людей, которыхъ я не люблю и не уважаю. Такъ, но она развратница, это-то я знаю навѣрное... Развратница? Почему? Въ чемъ ея развратъ?.. Это просто, можетъ-быть,

Digitized by Google

несчастная ошибка».—Груня совершенно терялась подъ наплывомъ этихъ вопросовъ. Развратъ и честность, беззаконіе и законность представлялись ей теперь чѣмъ-то смутнымъ и иногда доводили ее до странныхъ, неразъяснимыхъ парадоксовъ: «Я, остающаяся вѣрною нелюбимому мужу, съ отвращеніемъ позволяющая ему ласкать себя ради своего брака съ нимъ, — честная женщина; а Высоцкая, обожавшая въ теченіе всей своей жизни одного человѣка, остававшаяся вѣрною ему даже безъ всякой внѣшней принудительной причины,—развратница. Алексѣй и его мать, не любившіе покойнаго своего родственника, связанные съ нимъ чисто случайными узами родства,—законные его наслѣдники; а его любимыя дѣти, часть его самого, — незаконные грабители чужого имущества». Вотъ чего не могла разрѣшить въ своемъ умѣ неопытная, мало знающая условія жизни Груня...

Время, между тѣмъ, летѣло все впередъ и впередъ...

Однажды Груня гуляла и встрѣтилась съ Вѣрой Александровной Обносковой. Та сухо поклонилась Грунѣ и холодно спросила ее о здоровьѣ.

— Слава Богу, я здорова,—равнодушно отвѣтила Груня. и съ участіемъ спросила, какъ живетъ сама Вѣра Александровна и ея сестра.

Груню давно тяготила мысль, что эти жалкія дѣвушки терпятъ нужду по милости ея мужа.

— Ничего, живемъ кое-какъ,—отвѣтила Вѣра Александровна. — Конечно, теперь не то, что было при братцѣ... Но, дай Богъ здоровья Стефаніи Владиславовнѣ, она насъ не оставляетъ.

— Вы съ ней видитесь?—изумилась Груня.

— Какъ же не видаться-то? Что же стали бы мы дѣлать безъ ея помощи?.. Вотъ ужъ не родная, не знакомая, а лучше всѣхъ родныхъ и знакомыхъ!.. Сама отыскала насъ, пріѣхала, утѣшила и помощь оказала... Загладитъ она свои грѣхи передъ Богомъ своею добротою...

Груня задумалась.

— Однако, прощайте, меня сестрица ждетъ дома, — сказала она дружескимъ тономъ родственницѣ.

— Милости просимъ... Что-жъ, вы не виноваты, что вашъ мужъ такъ дурно поступилъ съ нами. Вы меня извините, а ужъ ему я по гробъ, по гробъ этого не прощу...

— Повѣрьте, мнѣ самой очень совѣстно за него,—поспѣшила замѣтить Груня.—Если бы я могла что-нибудь сдѣлать...

Digitized by Google

— Что ужъ можете вы сдѣлать! Я думаю, въ ежовыхъ рукавицахъ васъ самихъ держатъ. Знаю я вашу свекровь-то и мужа вашего знаю,—махнула рукой Вѣра Александровна.

Груня покраснѣла, но не заступилась за близкихъ ей людей, какъ заступилась бы она за своего отца или за Павла Панютина.

Черезъ недѣлю она посѣтила сестеръ покойнаго Евграфа Александровича. Онѣ жили въ довольно уютной, но очень маленькой квартирѣ. Обѣ сестры приняли довольно чопорно, но вѣжливо свою молодую родственницу. Разговоры шли о разныхъ предметахъ, но часто какъ-то неловко обрывались. Видно было, что какая-то черная кошка пробѣжала между женщинами и имъ было какъ-то неловко сидѣть рядомъ другъ съ другомъ. Нерѣдко Груня краснѣла, упомянувъ имена свекрови или мужа; еще чаще прорывалась стронтивая Ольга Александровна бранью противъ этихъ лицъ, на что сентиментальная Вѣра Александровна постоянно замѣчала, указывая на Груню:

— Полноте, сестрица; *имъ* непріятно слышать подобныя вещи!

Уходя отъ родственницъ мужа, Груня готова была дать себѣ обѣщаніе не заглядывать болѣе къ нимъ, но какое-то непреодолимое и непонятное любопытство увидать Стефанію влекло ее туда. Черезъ нѣсколько времени она сдѣлала новый визитъ къ двумъ сестрамъ и застала ихъ за работою. Онѣ шили дѣтское бѣлье.

— Что это вы шьете? — спросила она, разсматривая работу.

— Стефанія Владиславовна просила помочь ей сшить бѣлье на дѣтей,—отвѣтили сестры.

— А я думала, что это какой-нибудь посторонній заказъ.

— Нѣтъ, гдѣ же найти сразу заказы, а эта работа и не трудная, и выгодная.

— Она вамъ платитъ?

— Конечно... Вотъ не навернется ли у васъ работа, такъ дайте намъ... Теперь времени-то свободнаго много...

— Ну, вѣдь у васъ и прежде было немного работы — замѣтила Груня.

— Да работы-то не было, но за то, бывало, то сами ходимъ въ гости, то къ намъ кто-нибудь придетъ... Отлично мы при братцѣ жили,—вздохнула Вѣра Александровна и отерла слезу.

Digitized by Google

— Да, отлично жили, все гости да гости, а теперь никто вотъ и не заглянетъ, когда объѣдать да обпивать нельзя,—съ желчной ироніей ввернула Ольга Александровна и сердито дернула иглу, такъ что у нея оборвалась нитка.

— Это все урокъ... Богъ это посылаетъ,—замѣтила смиренно меньшая сестра.

— Ну, ужъ кто тамъ ни посылаетъ, а людишекъ вдоль и поперекъ узнали,—еще разъ сердито пробормотала старшая сестра и снова рванула нитку.—Не дай Богъ вамъ никогда горе узнать,—обратилась она къ Грунѣ.

— Чужая душа потемки,—прошептала Груня.—Жаловаться не стоитъ, никто не поможетъ...

— Ужъ конечно!

— Нѣтъ, сестрица, это грѣхъ говорить,—замѣтила младшая сестра.—Вотъ и намъ помогла же Стефанія Владиславовна.

— Много ли такихъ-то!—разсердилась Ольга и передернула свою работу.

За этими словами полился со стороны Вѣры Александровны потокъ благословеній Стефаніи, а Ольга Александровна опять прорвалась бранью на мужа и свекровь Груни, за что получила замѣчаніе отъ сестры. Еще два, три визита были сдѣланы Грунею родственницамъ мужа; она дала имъ какую-то работу и мало-по-малу сошлась довольно близко съ младшею изъ сестеръ, хотя и не открывала ей своей внутренней жизни—подобныя признанія и жалобы были не въ характерѣ Груни. Черная полоса, раздѣлявшая этихъ людей, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе блѣднѣла и становилась незамѣтною... Но желанной встрѣчи съ Высоцкою все не было.

Наступилъ день рожденія Ольги Александровны. Груня тревожно ожидала этого дня, точно готовилось для нея какое-то необычайное событіе. Наступилъ и онъ... Въ маленькой квартирѣ двухъ сестеръ собралось небольшое общество: двое, трое изъ старыхъ знакомыхъ, да семья Высоцкой. Всѣ были довольно веселы, и Груня услыхала смѣхъ гостей уже при входѣ въ квартиру родственницъ. Ее встрѣтили радушно и отрекомендовали знакомымъ. Начались разговоры; Груня вмѣшивалась въ нихъ, дѣлала свои замѣчанія и очень зорко наблюдала за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ Высоцкой, точно это было какое-то особенное существо. Высоцкая была, по обыкновенію, проста, весела, спокойна, но она не обращала ни малѣйшаго вниманія на

Digitized by Google

Груню. Раза два Груня прямо обратилась къ ней съ какими-то вопросами и получила односложные отвѣты. Ее немного удивила и задѣла за живое такая, повидимому, ничѣмъ незаслуженная холодность, близкая къ невнимательности. Послѣ завтрака Высоцкая уѣхала, очень вѣжливо, но холодно поклонившись Грунѣ и даже не протянувъ ей руки. Въ душѣ молодой женщины закипѣло чувство негодованія. Она была оскорблена, что передъ нею, передъ честною и чистою, держитъ такъ высоко голову это падшее созданіе. Но въ то же время молодая женщина не могла не сознаться, что въ этомъ падшемъ созданіи много привлекательной граціи, безпечной веселости и подкупающаго прямодушія, хотя всѣ эти обаятельныя качества сразу исчезали, какъ только это падшее созданіе обращалось лицомъ къ Грунѣ, и замѣнялись выраженіемъ спокойной, безстрастной холодности.

— Скажите, пожалуйста, Высоцкая, кажется, не любитъ меня?—спросила Груня Вѣру Александровну, уловивъ удобную минуту, когда онѣ остались вдвоемъ.

— Нѣтъ, милочка, ангелочекъ, она всѣхъ любитъ, она добрая,—сентиментальничала по старой привычкѣ младшая Обноскова.

— Зачѣмъ вы говорите неправду? — пристально посмотрѣла Груня на ея смущенное лицо, съ моргающими глазками.—Она не любитъ меня?

— Да... то-есть, душечка, она не васъ не любитъ... она вашего мужа не любитъ,—конфузясь, объясняла Вѣра Александровна.

— Но чѣмъ же я виновата, что мой мужъ дуренъ?—спросила Груня, нахмуривъ брови.

— Ну, полноте, милочка! Ахъ, какія вы, право, строптивыя?—увивалась Вѣра Александровна, желая ускользнуть отъ отвѣта.

— Нѣтъ, однако... Она, вѣрно, говорила вамъ что-нибудь по этому поводу,—настаивала Груня.

— Ахъ, да вѣдь это сплетни будутъ, если передавать...—мялась младшая Обноскова.

— Какія же это сплетни? Мнѣ очень нужно знать, какъ она смотрѣла на меня чтобы не напрашиваться напрасно на встрѣчи...

— Вы не сердитесь на нее, она добрая...

— Но что же она говорила? Что я виновата въ томъ,

Digitized by Google

что мой мужъ дуренъ? Что я его въ рукахъ держать не умѣю?—насмѣшливо спрашивала Груня.

— Нѣтъ... Она... Ахъ, да вы разсердитесь!.. Она говоритъ, что съ дурнымъ мужемъ можетъ жить только дурная жена, — совсѣмъ растерялась слабодушная Вѣра Александровна и еще болѣе заморгала глазами.

— У нея совсѣмъ извращенныя понятія!—холодно произнесла Груня, вставая съ мѣста.

— Вотъ вы и разсердились!.. По глазамъ вашимъ вижу, что разсердились,—слезливо шептала младшая Обноскова, цѣлуя Груню.

— Нисколько! эта женщина, несмотря на свое доброе сердце, просто жалка,—холодно отвѣтила Груня.

Это свиданіе съ Высоцкой и разговоръ съ Вѣрой Обносковой могли отбить навсегда въ молодой женщинѣ охоту продолжать начатое знакомство, и Груня, дѣйствительно, рѣшилась не напрашиваться на встрѣчи съ Высоцкой и готова была при случайномъ свиданіи съ нею поднять также гордо и высоко свою молоденькую, почти дѣтскую головку.

«Передо мной ей нечѣмъ гордиться, — думала Груня:— я чище и честнѣе ея!.. Я не жила съ посторонниимъ мужчиной и не убѣгу отъ законнаго мужа...»

XVI.

Внутренній разладъ.

Чѣмъ замѣтнѣе поправлялся Алексѣй Алексѣевичъ, тѣмъ болѣе охладѣвала Марья Ивановна къ своей невѣсткѣ, видя, что бѣда миновала ихъ семью, и не имѣя силъ продолжать мирную жизнь. Груня не могла не замѣтить этой перемѣны, такъ какъ переходъ отъ ухаживанья къ нападеніямъ былъ довольно рѣзокъ и не походилъ на случайныя семейныя недоразумѣнія, которыхъ было не мало и во время болѣзни Алексѣя Алексѣевича. Случаевъ для придирокъ къ невѣсткѣ находилось всегда довольно: то свекровь сердилась, что невѣстка неизвѣстно куда отлучается иногда изъ дома, то она злилась на ея постоянную холодность, то просто упрекала ее за вялость и нерадивость характера. Въ одинъ прекрасный день эти мелкія нападенія перешли въ серьезную сцену и не остались безплодными. Началось, по обыкновенію, съ пустяковъ: Алексѣю Алексѣевичу попался въ руки разорванный платокъ и онъ замѣтилъ женѣ, что надо поаккуратнѣе смотрѣть за бѣльемъ. Этого было вполнѣ достаточно для

Digitized by Google

Марьи Ивановны, чтобы начать бурную сцену, какъ только ея сынъ ушелъ въ должность.

— Вы и за мужемъ-то ходить не умѣете? — проговорила она, обращаясь къ Груняѣ.—Вамъ до него и дѣла нѣтъ. Онъ трудится, онъ работаетъ, а вы живете себѣ барыней и ни на что вниманія не обращаете. Боленъ ли онъ, здоровъ ли, вамъ все равно, въ васъ и перемѣны никакой не замѣтишь. Точно рыба, прости Господи, какая! Вамъ бы вотъ статуемъ быть, комнаты украшать собою!

Груня съ безмолвнымъ удивленіемъ выслушала эти неожиданные комплименты.

— Дивлюсь я, право, на васъ,—продолжала свое пиленье свекровь.—Ни ссорами, ни ласками ничего изъ васъ не подѣлаешь... Я-то, дура, думала: ну, вотъ у нея мужъ при смерти лежитъ, авось, она одумается, авось, къ семьѣ приняжется, такъ нѣтъ! куда! то же самое вижу, что и прежде... И куда вы это изъ дому стали бѣгать? какихъ такихъ знакомыхъ нашли?

— Кажется, я не обязана отдавать вамъ отчетъ, куда я хожу,—вспыхнувъ, замѣтила Груня.

— А кому же и отдавать отчетъ, какъ не мнѣ?—воскликнула Марья Ивановна.—Кажется, мнѣ Леня-то сыномъ приходится, недаромъ меня матерью называли, мнѣ его честь дороже всего...

— Что же это вы подозрѣваете меня въ чемъ-нибудь?— съ невольнымъ отвращеніемъ спросила невѣстка.

— Кто васъ знаетъ? Вы рядитесь, за вами ухаживаютъ, вамъ комплименты разные говорятъ, а голова-то у васъ молодая да вѣтреная, такъ вѣдь и Богъ знаетъ, что вамъ на умъ взбредетъ.

— Да кто же это за мной ухаживаетъ здѣсь? — пожала плечами Груня.

— Мало ли кто? Да вотъ хоть бы Петра Петровича, напримѣръ, взять,—прошипѣла Марья Ивановна и зорко посмотрѣла злыми глазами на невѣстку.—Развѣ вы думаете, что никто не замѣчаетъ, какъ онъ за вами увивается, да что-то нашептываетъ вамъ?.. И съ чего вы съ нимъ при мнѣ по-французски говорите? вѣрно по-русски-то нельзя этого говорить?.. Стыдно замужней женщинѣ позволять чужому мужчинѣ ухаживать за собою, а вѣдь онъ вамъ чужой, хоть вы его и называете родственникомъ. Этакой-то родни не оберешься!

Digitized by Google

— Такъ вы убѣждены, что я его люблю? — усмѣхнулась горькой улыбкой Груня.

— Ну, матушка, если бы я убѣждена-то въ этомъ была, такъ я не такъ бы съ вами заговорила! — угрожающимъ тономъ произнесла свекровь.—А я только предупреждаю васъ, говорю, что вамъ не слѣдъ разговаривать съ подобными подлипалами.

— Какъ же это я не стану съ нимъ говорить, если онъ бываетъ у насъ въ домѣ? Скажите лучше Алексѣю, чтобы онъ не принималъ его.

— Вотъ-съ какъ! Ради васъ гостей не принимать, знакомствъ не заводить. Ну, это ужъ непорядокъ! Нѣтъ-съ, каждая женщина сама себя должна соблюдать. Мужъ приводи, кого хочетъ, а она себя соблюдай. Такъ и отцы наши жили и намъ такъ жить велѣли.

Груня усмѣхнулась, хотя ей давило грудь отъ волненія и негодованія.

— Съ чего это вы, матушка, смѣетесь-то? Ужъ не надо мной ли?—воскликнула Марья Ивановна.

— Надъ вами,—съ презрѣніемъ отвѣтила невѣстка и пошла въ свою комнату.

Это было ея единственное убѣжище, ея единственная защита въ этомъ домѣ.

— Да ты это что выдумала? А? Что ты задумала?—кричала ей вслѣдъ свекровь, выходя изъ себя отъ необузданной ярости. — Ужъ не завела ли и впрямь какія-нибудь шашни на сторонѣ? Да я тебя тогда со свѣту сживу!.. А, смѣется! надо мной смѣется!.. Да такъ прямо и говоритъ, что надо мной. Да ты гдѣ этой храбрости набралась? Погоди, погоди, я тебѣ, голубушка, крылья-то пообшибу!

Вечеромъ въ тотъ же день Марья Ивановна прошла въ кабинетъ Алексѣя Алексѣевича и долго разъясняла ему, что онъ долженъ, наконецъ, взять жену въ руки и присматривать за нею.

— Ты-то, Леня, такой слабый, хилый, а она все здоровѣетъ,—говорила Марья Ивановна жалобнымъ тономъ:— такъ за ней нуженъ глазъ да глазъ. Ей молодежь-то голову вскружила похвалами, а надѣяться-то на нее нельзя...

— Что это вы, маменька, какія глупости выдумываете!— сердито замѣтилъ сынъ и взялся за книгу, надѣясь этимъ обыкновеннымъ пріемомъ прекратить бесѣду съ матерью. Но она, противъ своего обыкновенія, не замолчала, увидавъ, что сынъ хочетъ читать.

Digitized by Google

— Нѣтъ, батюшка, я ничего не выдумываю. Ужъ какая я выдумщица!—проговорила она съ горечью.—А только она теперь все одна по гостямъ ходитъ...

— Не сидѣть же ей все дома одной.

— То-то и плохо, что ей домъ-то опостылѣлъ. Другая бы жена, видя, что мужъ для нея цѣлый день горбъ гнетъ, сидѣла бы дома, да старалась бы, какъ бы для мужа родное гнѣздо уютить, а у нашей-то этого и въ мысляхъ нѣтъ. Ты въ должность, а она за дверь, а, между тѣмъ, на нее засматриваются...

Лицо Алексѣя Алексѣевича вдругъ омрачилось, что-то, какъ будто, укололо его въ самое сердце.

— Да кто же засматривается?—нетерпѣливо спросилъ онъ и отложилъ книгу въ сторону.

— Мало ли кто!.. Ты за Петромъ Петровичемъ-то наблюдай, за нимъ смотри,—шопотомъ произнесла мать и боязливо оглянулась во всѣ стороны, какъ будто боясь, что кто-нибудь ихъ подслушиваетъ.—Ухаживаетъ, ухаживаетъ,—протянула она.—Ужъ я эти подходы-то знаю. Сама...

— Тьфу! этого только недоставало!—произнесъ съ гнѣвомъ и досадою Алексѣй Алексѣевичъ.—И что вамъ за охота постоянно смущать мое спокойствіе?

— Да какъ же, Леня, голубчикъ, о комъ же мнѣ и заботиться, какъ не о тебѣ? Вѣдь ты родной мнѣ. Хуже, если чужіе на смѣхъ поднимутъ, да пальцами на тебя указывать будутъ... Ты думаешь, мнѣ легко, что тебя обманываютъ?..

— Да развѣ вы уже знаете что-нибудь? — вскочилъ съ мѣста Алексѣй Алексѣевичъ.

Онъ былъ страшно блѣденъ. Его маленькіе калмыцкіе глаза впились въ лицо матери, точно онъ хотѣлъ прочитать на этомъ лицѣ всѣ сокровенныя мысли этой близкой ему женщины. Но оно было невозмутимо.

— Навѣрнос, батюшка, ничего не знаю, но смотрю за ними, въ оба смотрю,—отвѣтила мать.

Алексѣй Алексѣевичъ махнулъ рукою и большими шагами заходилъ по комнатѣ въ страшномъ волненіи. Впервые онъ понималъ, что за чувство можетъ испытывать человѣкъ, когда ему угрожаютъ отнятіемъ его старой собственности, его достоянія. Марья Ивановна слѣдила за сыномъ съ скорбнымъ участіемъ, умиленными и сострадательными взглядами, полными той совершенно своеобразной материнской любви, на какую была способна Обноскова.

Digitized by Google

— Вы у меня цѣлую ночь покоя отняли!—желчно упрекнулъ ее сынъ, на минуту останавливаясь передъ нею.

— Бѣдный ты мой, бѣдный!—жалобно промолвила она, качая съ сожалѣніемъ головой.—Не понимаютъ люди, какъ ты ихъ любишь. Вотъ теперь одна вѣсть о ихъ глупости да вѣтрености тебя на цѣлую ночь разстроила, а что было бы, если бы ты-то во-время не узналъ объ этомъ, да вдругъ дождался бы того, что они по глупости, да по вѣтрености и грѣховъ натворить успѣли бы?... Не ночь бы тогда тебѣ они отравили, а всю жизнь твою драгоцѣнную!

Еще довольно долго распространялась Марья Ивановна убаюкивающимъ тономъ о негодности людей и слѣдила за тревожно шагающимъ по комнатѣ сыномъ нѣжными глазами. Наконецъ, она обняла его и ушла въ свою спальню, гдѣ набожно опустилась на колѣни передъ образами и начала свои обычныя молитвы за сына.

Но сыну не спалось.

«А что если мать не все сказала мнѣ, что она знаетъ?—думалось ему.—Меня цѣлые дни дома нѣтъ, я некрасивъ, я слабъ, а она молода, хорошѣетъ съ каждымъ днемъ, кругомъ разная молодежь вертится, книжки разныя подъ руку попадаются, долго ли закружиться головѣ! Да вѣдь нынче и въ модѣ бѣгать отъ мужей!.. «Я, скажетъ, миленькій, ошиблась, я тебя не любила, мы не сошлись характерами, и я ухожу съ другимъ...» Коротко и ясно!.. Нѣтъ-съ, со мной этого не сдѣлать! Я этого не допущу, не позволю!.. Впрочемъ, что я!.. И съ кѣмъ она уйдетъ!.. Съ Петромъ Петровичемъ?.. Вотъ глупости! Онъ волокита, но онъ не увезетъ чужой жены, не навяжетъ ее себѣ на шею... Отъ него можно ее предостеречь... Эхъ, если бы я могъ не принимать подобныхъ негодяевъ! Да вѣдь ему весь городъ родня, связи у него... Связи! Связи! Будь онѣ у меня самого, такъ я бы на порогъ не пустилъ этой сволочи, всѣхъ этихъ Петровъ Петровичей!.. Но надо поговорить съ нею, поговорить съ нею надо...»

Проходивъ съ часъ по комнатѣ, выпивъ два стакана воды, Алексѣй Алексѣевичъ прошелъ въ комнату жены.

— Что у васъ тамъ опять вышло съ матерью?—спросилъ онъ жену.

— То же, что и всегда выходитъ у меня съ нею,—отвѣтила Груня недовольнымъ тономъ.—Она придралась ко мнѣ безъ всякой причины и разбранила меня.

— Но...—началъ Алексѣй Алексѣевичъ.

Digitized by Google

— Позволь,—перебила его Груня.—Ты отъ кого узналъ, что между нами произошла ссора?

— Мать сказала...

— А-а! такъ ты ей позволяешь говорить про меня, и только я не имѣю права говорить тебѣ про нее? Или ея сплетни не мѣшаютъ твоимъ серьезнымъ занятіямъ?

— Да вѣдь нельзя же.

— Пожалуйста, не оправдывайся! Я это такъ замѣтила, чтобы знать, въ какомъ положеніи я стою въ этомъ домѣ.

Груня отвернулась отъ мужа.

— Послушай, Груня; ты сегодня какая-то странная,—промолвилъ Алексѣй Алексѣевичъ, удивленный тономъ Груни, отъ котораго вѣяло холодомъ и въ которомъ слышалась необычайная твердость.—Я не хочу передавать тебѣ, что говорила мнѣ мать, но замѣчу только одно: веди себя осторожнѣе и не играй съ огнемъ. Ты...

— Ахъ, это идетъ рѣчь насчетъ подозрѣній!

— Да, но я имъ не вѣрю; ты должна понимать это,— произнесъ Алексѣй Алексѣевичъ и пытливо взглянулъ на жену.

— И очень умно дѣлаешь,—сухо отвѣтила она.

— Ты настолько честная женщина и настолько знаешь обязанности жены, что...

— Пожалуйста, избавь меня отъ школьныхъ наставленій,—рѣзко перебила его Груня.—Я никого не люблю, я ни съ кѣмъ не кокетничаю и, значитъ, объ этомъ нечего и говорить.

— Но, знаешь, люди видятъ иногда то, чего еще и нѣтъ, и выводятъ...

— Я тебѣ сказала, что объ этомъ нечего говорить!— почти крикнула Груня и встала съ своего мѣста.—Неужели всѣ вы такъ тупы, что не можете понять, какъ вы оскорбляете женщину разъясненіемъ ей ея обязанностей? Или ты считай меня честною женщиной и никогда не учи меня моимъ обязанностямъ на этомъ пути, или прямо признай, что я одна изъ тѣхъ, которыя могутъ пасть, и тогда принимай свои мѣры и не толкуй о своей вѣрѣ въ мою честность.

Лицо Груни пылало негодованіемъ, она какъ-то черезчуръ горячо отстаивала себя отъ подозрѣній мужа. Алексѣй Алексѣевичъ и обрадовался, и растерялся отъ этой неожиданной вспышки. Онъ вдругъ увидалъ, что его жена принадлежитъ къ разряду тѣхъ женщинъ, которыя выше всего

Digitized by Google

ставятъ исполненіе своего супружескаго долга, и ему стало совѣстно, что онъ могъ, хотя въ теченіе минуты, подозрѣвать ее и сомнѣваться въ ней. Снова онъ былъ готовъ благодарить судьбу за то, что у его жены холодная, а не страстная натура. Почти совершенно успокоенный, ушелъ онъ и легъ спать, нисколько не думая о томъ, что его жена, можетъ-быть, не уснетъ во всю ночь послѣ этой сцены...

При всѣхъ своихъ обширныхъ и, можетъ-быть, для чего-нибудь необходимыхъ знаніяхъ, Алексѣй Алексѣевичъ все-таки былъ плохимъ психологомъ и совершенно не зналъ человѣческаго сердца. Онъ восхищался теперь тѣмъ, что его честная жена такъ горячо приняла къ сердцу его несправедливыя подозрѣнія, и не раздумывалъ о томъ, что эта вспышка была, можетъ-быть, результатомъ начала той внутренней борьбы, вслѣдствіе которой человѣкъ переходитъ отъ старыхъ убѣжденій къ новымъ, и тѣмъ горячѣе отстаиваетъ свои старыя убѣжденія, чѣмъ сильнѣе побиваютъ ихъ, противъ его воли, жизненные факты. Дѣйствительно, Груня переживала именно такую пору внутренней ломки: всѣ ея прежнія, освященныя преданіемъ и обычаемъ, отношенія къ близкимъ людямъ, видимо, побивались фактами жизни. Она начинала сознавать, что, слѣпо поддавшись желанію отца, она погубила себя, и что-то шептало ей, что подобная покорность была въ этомъ случаѣ нелѣпостью, что отецъ, можетъ-быть, и даже навѣрное, не умеръ бы, если бы она не вышла замужъ за мало извѣстнаго ей человѣка, а что она навѣрное зачахнетъ теперь съ тоски и горя подъ гнетомъ вѣчныхъ раздоровъ и при отсутствіи любви. Она, какъ мы видѣли, уже задавалась вопросами о томъ, честны ли ея хорошія отношенія къ нелюбимой свекрови, честенъ ли обманъ, и жизнь опять подсказываетъ ей, что обманъ не можетъ быть честнымъ и что, насилуя свои чувства, она ничего не выиграетъ, а только сдѣлается игрушкою въ рукахъ своей противницы. Не утѣшительнѣе былъ выводъ изъ размышленій объ отношеніяхъ къ нелюбимому мужу и, стоя на этомъ опасномъ и скользкомъ пути, уже нерѣдко спрашивала Груня у себя: «Да для кого же я жертвую собою, своею молодостію, своимъ счастіемъ, своею жизнію? Для отца, который выдалъ меня замужъ ради своихъ старческихъ причудъ? Для мужа, котораго не люблю? Для свекрови, которую ненавижу? Нѣтъ, нѣтъ, не для нихъ! Но я сдѣлала ошибку и моей

Digitized by Google

долгъ переносить ея послѣдствія»,—горячо заключила Груня, отстраняя какія-то другія мысли, а въ головѣ безъ ея воли возникали роковые, опасные вопросы: «Но признавать неисправимыми послѣдствія ошибки,—не фатализмъ ли, не глупость ли, не сонливость ли это? Послѣдствія всякой ошибки могутъ быть пресѣчены, по крайней мѣрѣ человѣкъ долженъ къ этому стремиться. И что за адъ былъ бы на землѣ, если бы не было возможности исправлять хотя отчасти прошлыя заблужденія и прошлыя ошибки? Но что же дѣлать? Уйти отъ мужа, порвать всѣ связи, сдѣлаться предметомъ переговоровъ, сплетенъ, произвести скандалъ, являться въ обществѣ съ ярлыкомъ бѣжавшей отъ мужа жены, развратницы, быть выкинутою изъ порядочнаго круга? Не будутъ ли эти публичныя мученія страшнѣе тѣхъ закулисныхъ дрязгъ и ссоръ, отъ которыхъ я хочу спастись? Теперь, по крайней мѣрѣ, никто не смѣетъ сказать, никто не смѣетъ подумать, что я безчестная, никто не смѣетъ наложить на меня тѣнь подозрѣнія. Да, да, въ этомъ и только въ этомъ осталось мое счастье!..»

Такъ думалось Грунѣ въ тѣ дни, когда на нее внезапно посыпались упреки свекрови, упреки за стремленіе кокетничать съ Петромъ Петровичемъ. Груня улыбалась, слушая эти подозрѣнія, Груня глядѣла спокойно, но внутри у нея словно что-то оборвалось: казалось, что у бѣдняка сжигаютъ послѣдній, единственный уголъ, гдѣ онъ надѣялся найти спасеніе и пріютъ отъ непогоды. Груня могла еще владѣть собою при разговорѣ съ ненавидимой ею свекровью, но когда мужъ высказывалъ ей намеки на тѣ же подозрѣнія, то она стала съ ожесточеніемъ отстаивать это послѣднее шаткое убѣжище, въ которомъ она видѣла единственную награду за всѣ свои жертвы. Ей хотѣлось въ эту минуту застраховать себя передъ цѣлымъ свѣтомъ отъ грязныхъ подозрѣній и крикнуть всѣмъ людямъ: «Поймите вы, что я страдаю, но переношу страданія потому, что я честная женщина!» А что если у нея отнимутъ и имя честной женщины? Если и ее заклеймятъ клеветой, какъ клеймятъ безчестныхъ женщинъ? Во имя чего будетъ она тогда исполнять свой долгъ и терпѣть всѣ муки за свою прошлую ошибку? Во имя собственнаго сознанія своей честности? Но въ томъ-то и горе, что у Груни уже подрывалось жизнью и это сознаніе, и она сознавалась передъ собою, что она лицемѣритъ и лжетъ на каждомъ шагу: лжетъ передъ мужемъ, выказывая ему любовь, лжетъ передъ свекровью, съ

Digitized by Google

отвращеніемъ отвѣчая на ея поцѣлуи, лжетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, говоря о довольствѣ своею судьбою. «Но почему же не они всѣ, а я одна должна страдать?—строптиво спрашивала себя Груня, все глубже и глубже разрывая передъ собою эту бездонную пропасть сомнѣній.—Неужели я одна совершила эту ошибку, а они были правы?»—«Нѣтъ,—отвѣчала она себѣ:—отецъ также виноватъ; онъ могъ понять, что я не люблю Алексѣя, я ему говорила объ этомъ; онъ просто исполнялъ свою прихоть, выдавая меня замужъ, и погубилъ меня. Алексѣй тоже не любилъ меня такъ, какъ должно любить жену, онъ выше меня цѣнилъ и ставилъ свою мать; онъ зналъ, что я неопытна, что наши характеры не сходны, но онъ гнался за смирной дѣвочкой, за игрушкой, за ребенкомъ, за деньгами и хотѣлъ просто пріобрѣсти рабу, а не жену-подругу, онъ тоже виноватъ. А Марья Ивановна,—Боже мой, да развѣ можетъ быть не виновата эта низкая женщина, отравившая съ первой минуты моего вступленія въ этотъ домъ и мое счастье, и мой покой? За что же они должны быть счастливы, а я должна быть несчастна? За что же они должны терзать меня, а я обязана покоряться? За что я одна являюсь жертвой, а они палачами?»

У Груни кружилась голова отъ этихъ проклятыхъ, безысходныхъ вопросовъ, думъ и сомнѣній, но она бодро, настойчиво шла имъ навстрѣчу и не старалась закрыть передъ ними глаза. Она забыла все окружающее и жила теперь этою лихорадочною внутреннею жизнью. Люди и мелкія событія внѣшней жизни мелькали передъ нею, какъ смутныя тѣни въ китайскомъ фонарѣ. Отецъ, Павелъ, книги, все, все забылось ею. Постоянно разсѣяная, постоянно задумчивая, она пропускала мимо ушей и любезности гостей, и брань свекрови, и даже не замѣчала, что мужъ иногда слѣдитъ за нею то тревожными, то ревнивыми глазами. Ей было тяжело жить въ этомъ омутѣ, но разорвать внѣшнюю связь съ мужемъ она не рѣшалась: отдаленная отъ него по своимъ чувствамъ, она жила подъ одной крышей съ нимъ и холодно играла роль его жены. Еще ничто не манило ее изъ этого дома. Она видѣла и за его стѣнами то же горе, ту же безрадостную, одинокую, отрѣзанную отъ всѣхъ и безцѣльную жизнь для себя. Она даже не рѣшалась строить планы какого бы то ни было счастливаго существованія, возможнаго за стѣнами этого дома, какъ будто тамъ была безлюдная, непривѣтная пустыня.

Digitized by Google

Время тянулось убійственно медленно и вяло. Дни были похожи, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой. Все чаще и чаще нападала свекровь на невѣстку; чвсе угрюмѣе и подозрительнѣе дѣлался Алексѣй Алексѣевичъ, тревожимый странною задумчивостью жены, и не на шутку началъ онъ ревновать ее ко всѣмъ людямъ, которые ухаживали за нею. Иногда онъ дѣлалъ ей сцены... Эта ревность была такъ замѣтна, что о ней уже говорили посторонніе.

— Вотъ мѣщанство-то; даже скрыть не умѣетъ, что жену считаетъ принадлежностью своего имущества,—съ презрѣніемъ замѣчалъ своимъ носовымъ голосомъ графъ Родянка.

— Нѣмецкіе профессора не любятъ, чтобы посторонніе даже заглядывали въ ихъ книги, а ужъ не то, что читали бы ихъ,—хохоталъ Левчиновъ.

— Надо его побѣсить. Это презабавно, когда онъ становится зеленымъ,—скалилъ свои бѣлые зубы кузенъ Пьеръ и подсаживался къ Грунѣ.

— Я боюсь и подходить къ вамъ, кузина. Вашъ мужъ смотритъ на всѣхъ такими ревнивыми глазами, что становится жутко,—смѣялся онъ.

— Вы ошибаетесь: онъ очень хорошо знаетъ, что ревность тутъ не у мѣста,—холодно и равнодушно замѣчала хозяйка.

— Да вѣдь это чувство невольное. Хорошенькихъ женщинъ мужья ревнуютъ ко всѣмъ, а подруги этихъ хорошенькихъ женщинъ завидуютъ имъ, подозрѣвая ихъ въ маленькихъ шалостяхъ.

— На эти подозрѣнія прежде всего нужно имѣть право,— вспыхивая, но такъ же холодно произносила Груня.

— Помилуйте, кузина, какія тутъ права? Молодость, красота, милое far-niente, немножко скуки и вотъ вамъ неизбѣжная почва для романа,—осклаблялъ свои зубы кузенъ Пьеръ.

— Ну, не неизбѣжная!

— Увѣряю васъ, что неизбѣжная. Рано ли, поздно ли, но онъ начнется и, право, лучше начинать рано, чѣмъ поздно...

— И лучше поздно, чѣмъ никогда?—улыбнулась хозяйка скучающею улыбкой.

— Послѣдняго я не добавилъ, потому что считаю романъ неизбѣжнымъ въ жизни молодой женщины. Разница въ томъ только, что одни романы дѣлаются популярными, а другіе

Digitized by Google

хранятся только для двухъ-трехъ заинтересованныхъ лицъ, какъ недосягаемыя сокровища.

— Кузенъ, у васъ всѣ такъ смотрятъ на женщинъ?

— Всѣ, кузина.

— Очень жаль.

— Почему же? Развѣ лучше было бы, если бы на нихъ смотрѣли, какъ на бездушныхъ куколъ, продающихся съ аукціоннаго торга въ крѣпостное владѣніе тѣмъ или другимъ господамъ мужьямъ?—усмѣхнулся кузенъ Пьеръ.

— Но вѣдь не всегда же женщина продается, иногда она идетъ замужъ и по любви...

— Да, да, это бываетъ... Но, кузина, свѣтъ всегда сначала задаетъ себѣ вопросъ: могла ли быть любовь между такою-то и такою-то личностями? и потомъ, получивъ отрицательный отвѣтъ, дѣлаетъ свои предположенія насчетъ предстоящаго романа.

— Свѣтъ очень любитъ мѣшаться въ чужія дѣла,—сердито проговорила Груня и взяла со стола альбомъ съ визитными карточками.

— Люди—братья, кузина; значитъ, ихъ дѣла не чужія, а свои свѣту,—засмѣялся кузенъ Пьеръ, выставляя свои зубы.

У Груни вертѣлся на языкѣ довольно щекотливый вопросъ: «А про меня что говорятъ?» Но она удержалась отъ него, взглянула на играющаго въ карты въ смежной комнатѣ мужа, сутуловатаго, худого, некрасиваго и желтаго, и мысленно рѣшила, что про нее свѣтъ говоритъ, что она не могла, не можетъ и никогда не будетъ любить своего мужа.

«Значитъ, тоже подозрѣваютъ въ развратѣ. Да какъ же и не подозрѣвать, когда самъ мужъ даетъ право на эти подозрѣнія, не выпуская меня изъ виду, дѣлая мнѣ сцены... Хотѣла бы я знать, есть ли хоть одинъ человѣкъ, который считалъ бы меня чистою и честною?»

Груня снова впала въ раздумье...

XVII.

Жизнь Павла.

Такъ проходилъ и кончался для Груни второй годъ ея замужней жизни. Всегда задумчивая и тоскующая, она не могла никому повѣрить своихъ тяжелыхъ и безвыходныхъ думъ. Только сентиментальная Вѣра Александровна считала своимъ долгомъ мягко и нѣжно обходиться съ Груней; но эта необразованная, очень слабая по уму и характеру дѣ-

Digitized by Google

вушка внушала молодой женщинѣ скорѣе чувство снисходительной жалости, чѣмъ ту горячую привязанность и уваженіе, которыя необходимо нужно питать къ человѣку, чтобы сдѣлать его своимъ повѣреннымъ. Всѣ остальные люди смотрѣли на Груню или холодно, или враждебно, или были сами настолько слабы, что не могли дать ей ни дѣльнаго совѣта, ни твердой опоры. Правда, былъ одинъ человѣкъ въ мірѣ, который понялъ бы ее и искренно раздѣлилъ бы ея горе, пошелъ бы на борьбу за нее, но именно отъ этого человѣка она сама старалась по возможности стоять въ сторонѣ. Этотъ человѣкъ былъ Павелъ Панютинъ. Такое насильственное отчужденіе отъ любимой личности стоило Грунѣ также не малой внутренней борьбы и еще бо́льшая боль пробудилась въ ея сердцѣ, когда она стала замѣчать, что и самъ Павелъ началъ все рѣже и рѣже посѣщать ихъ домъ. Бросая тайно зоркіе взгляды на Павла, молодая женщина замѣтила въ послѣднее время значительную перемѣну въ своемъ любимцѣ. Онъ уже давно пересталъ быть ребенкомъ и застѣнчивымъ, едва вступающимъ въ жизнь юношею; онъ сталъ развязнѣе, былъ болѣе ловокъ; его прежняя угрюмость и угловатость пропали совершенно. Въ его одеждѣ, во всей его фигурѣ появилась какая-то неуловимая изящность, въ его головѣ роились широкіе планы и въ рѣчахъ слышалось стремленіе ловить минуты молодой жизни: онъ переживалъ свой праздникъ—молодости годы. Иногда онъ даже рѣшался подсмѣиваться надъ Груней и говорилъ ей:

— Не понимаю я, какъ можетъ человѣкъ киснуть въ своемъ углу, когда въ жилахъ молодая кровь кипитъ, когда жить каждымъ нервомъ хочется, когда знаешь, что второй молодости не будетъ.

— Нельзя же веселиться, когда веселья нѣтъ,—вскользь замѣтила Груня.

— Надо отыскать его!—отвѣчалъ Павелъ.—Ужъ по-моему лучше закружиться, опьянѣть отъ жизни, чѣмъ заснуть непробуднымъ сномъ. По крайней мѣрѣ, хоть будетъ чѣмъ помянуть молодость. А то иные только тѣмъ и помянутъ молодую жизнь, что продавливали они весь вѣкъ въ своемъ углу свое мѣсто, ѣли, пили до отвала, да высиживали праздную скуку.

— Этихъ людей жалѣть надо, а не смѣяться надъ ними,—замѣтила Груня:—потому что, вѣрно, они не изъ любви къ праздной скукѣ, а только по необходимости подчинялись ей.

Digitized by Google

— По необходимости! Вотъ вздоръ говоришь! — смѣялся Павелъ.—Развлеченье всегда найдется. Одинъ работу найдетъ, если онъ ее любитъ, да такую работу, что день для нея малъ будетъ! Другой въ кутежѣ завихрится, если ничего лучшаго жизнь не даетъ, и птицей промчатся его молодые годы! Третій, если ему своя среда надоѣла, можетъ взять котомку за плечи, палку въ руки, да идти отъ постылыхъ людей смотрѣть на другія земли, на другіе народы, да учиться, какъ люди иначе на свѣтѣ живутъ:—походитъ, посмотритъ, а глядишь, скука-то и устанетъ шагать за нимъ по пятамъ.

— Ты который же путь выбралъ?— несмѣло спросила Груня, а у самой сердце отъ чего-то сжалось.

— Всего понемногу хочу попробовать. Сперва поработаю, да покучу, а тамъ палку въ руки, котомку на плечи и поминай, какъ звали, — махнулъ рукой Павелъ и засмѣялся.—Здѣсь оставлять будетъ нечего, пойду за границу.

— На это нужны средства...

— Глупости! Нѣмцы въ Америку и безъ средствъ уходятъ, да богатѣютъ...

— Иные и погибаютъ...

— Ну, такъ что же, что погибаютъ? Ихъ и дома задавили бы; такъ ужъ лучше гибнуть тамъ, гдѣ и просить о помощи не имѣешь никакого права... Тяжелѣй гибнуть дома, слыша, какъ смѣются, да, можетъ-быть, тебѣ же яму роютъ ближніе...

Грунѣ хотѣлось что-то замѣтить, но ей было трудно высказать желанное слово.

— А вотъ мы,—продолжалъ Павелъ, поддаваясь своимъ завѣтнымъ мечтамъ:—потому и сидимъ на мѣстѣ, потому и высиживаемъ праздную скуку, что все боимся со своимъ насиженнымъ гнѣздомъ разстаться. И не то, что ужъ куданибудь въ Америку боимся ѣхать, нѣтъ! просто въ глубину Россіи боимся уйти. Къ Петербургу приросли...

— Еще бы не прирасти, здѣсь все родное,—промолвила Груня съ грустью.

— Могилы?.. Что мнѣ въ нихъ?

— Ну, есть и живые люди изъ ближнихъ... Я думаю... и у тебя есть что-нибудь дорогое здѣсь...

Груня чуть не заплакала.

— Конечно, конечно,—задумчиво промолвилъ Павелъ.— Но что я могу сдѣлать для дорогихъ лицъ?.. Отецъ живетъ въ своемъ кабинетѣ и не умретъ съ тоски обо мнѣ, имѣя

Digitized by Google

около себя твое любящее существо... Ты... ты замужемъ, счастлива; для тебя не можетъ быть большой потери въ томъ, что я не стану являться разъ или два въ мѣсяцъ въ твоемъ домѣ... Да и сколько силъ убивается даромъ только потому, что мы пришиты къ своему семейному кружку, что мы дальше его ничего не знаемъ и не видимъ. Мы затянулись на своей дорогѣ, тащимся по грязи; намъ надо провѣтриться, набраться новыхъ силъ, новыхъ понятій и, можетъ-быть, тогда откроются для насъ новые пути, новыя не грязныя, не скучныя дороги...

— Это все мечты!—вздохнула Груня.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! Но и все начиналось съ молодыхъ мечтаній: Робинзонъ или Гусъ со своими друзьями, протестанты или соціалисты шли проповѣдывать свои доктрины, все было плодомъ восторженныхъ мечтаній, вдохновеній великими идеями!.. Чтобы что-нибудь сдѣлать, нужно лихорадочно ловить минуты и рисковать жизнью. Или будь она такою, какою мы желаемъ ее, или пропадай совсѣмъ!

Груня задумчиво покачала головой и ничего не отвѣтила Павлу; ей было тяжело думать, что онъ въ одинъ прекрасный день придетъ къ ней, весело пожметъ ея руку и скажетъ: «Прощай, я уѣзжаю отыскивать себѣ счастья!»

Но что же онъ дѣлалъ, какъ проводилъ свою молодую жизнь покуда?

Съ того памятнаго дня, когда кузенъ Пьеръ свезъ его въ циркъ, въ образѣ жизни Павла произошло много перемѣнъ. Во-первыхъ, Павелъ не на шутку увлекся на-время отважною миссъ Шрамъ и непремѣнно хотѣлъ познакомиться съ нею; во-вторыхъ, у Павла сперва явилось много такъ-называемыхъ шапочныхъ знакомыхъ, къ которымъ онъ сталъ ходить въ гости и которые посѣщали иногда и его. Это была по большей части молодежь, лишенная всякаго серьезнаго дѣла и старающаяся убить какъ-нибудь свое время и угомонить кипящую кровь. Кутежи отъ скуки, кутежи отъ избытка силъ, кутежи отъ праздности, обусловленной обезпеченнымъ положеніемъ, вотъ тотъ путь, на которомъ тратилась молодость этихъ людей и, можетъ-быть, не они одни были виноваты, что для нихъ не нашлось лучшаго и болѣе честнаго занятія. Павла давила та же скука, мучилъ тотъ же избытокъ молодыхъ, еще непочатыхъ силъ, и онъ иногда былъ радъ забыться среди буйнаго кружка кутящихъ юношей. Но у него не было большихъ средствъ для постоянныхъ кутежей съ ними, и было много гордости для того,

Digitized by Google

чтобы кутить на чужой счетъ. Это обстоятельство дало его образу жизни совершенно своеобразный характеръ. Павелъ, чтобы не отказывать себѣ ни въ чемъ, сталъ искать работы: уроки, переводы, это все не выпускалось имъ изъ рукъ. Трудъ, лихорадочно совершаемый съ какимъ-то смутнымъ желаніемъ забыться и утомиться до истомы, кипѣлъ и поспѣвалъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, а тамъ вдругъ Павелъ задавалъ себѣ праздники и въ какомъ-то опьянѣніи летѣлъ куда-нибудь на пикникъ за городъ, на какой-нибудь черезчуръ свободный балъ. Такая жизнь не могла принести пользы его здоровью, и иногда во всемъ его тѣлѣ чувствовалась истома, у него ломило кости, ныла грудь, тогда онъ заваливался у себя дома и «отсыпался», по его собственному выраженію. Такимъ образомъ, проходилъ ли періодъ работы, кутежа или «отсыпанья», а опомниться, все-таки, не было времени, да Павелъ, кажется, и боялся этого пробужденія, боялся той пустоты и безлюдности, которыя давили его въ предшествовавшій годъ.

Подобное существованіе могло окончательно загрязнить его въ нравственномъ отношеніи. Съ перваго же пикника онъ могъ попасть въ когти миссъ Шрамъ, на которую онъ такъ заглядывался въ первое свое посѣщеніе цирка. Но эта женщина, вѣчно вплетавшая въ свои фразы слова всѣхъ извѣстныхъ ей языковъ, это существо, изображавшее на своей физіономіи оттѣнки всѣхъ извѣстныхъ ей чувствъ, этотъ клоунъ женскаго рода, одѣтый то въ шотландскій, то въ балетный, то въ женскій, то въ мужской костюмы, изображавшіе собой то невинную дѣвочку, то едва возмужавшаго мальчика, однимъ словомъ, эта миссъ Шрамъ любила прежде всего деньги, деньги и большія деньги, а потому могла заигрывать, могла любезничать съ Павломъ, но не могла приковать его къ себѣ и протащить за собою въ омутъ мошенническихъ игръ и возмутительныхъ оргій, покупаемыхъ на занятыя, украденныя, добытыя всѣми неправдами и подлостями деньги. Обыкновенно степень любезности этихъ женщинъ прямо указываетъ на степень близости ласкаемыхъ ими людей къ долговому отдѣленію или къ подлости и преступленію. Застрахованный своимъ матеріальнымъ положеніемъ отъ этой опасности, Павелъ нашелъ себѣ спасеніе и въ чистотѣ своей натуры, еще не загрязненной нашею столичною жизнью. Цинизмъ новыхъ знакомыхъ, разсказывавшихъ Павлу со смѣхомъ возмутительныя біографіи всѣхъ тѣхъ личностей, на красоту которыхъ

Digitized by Google

глядѣлъ юноша любопытными глазами,—этотъ цинизмъ сразу оттолкнулъ Павла какъ отъ описанныхъ личностей, такъ и отъ самихъ разсказчиковъ. Подъ прилизанной внѣшностью разсмотрѣлась грязная подкладка. Видя, какъ эти люди пляшутъ, слыша, какъ они острятъ и хохочутъ, Павелъ не могъ удержаться отъ молодого, легко возбуждаемаго смѣха, но какое-то непріятное ощущеніе являлось въ его сердцѣ, когда эти люди слишкомъ близко и фамильярно прикасались къ нему. Ему въ эти минуты хотѣлось сказать имъ: «Стойте подальше, вы мнѣ и такъ видны, а больше мнѣ ничего не надо». Онъ могъ быть наблюдателемъ, могъ случайно стать дѣйствующимъ лицомъ, но не могъ вполнѣ втянуться въ этотъ кругъ. Пріѣзжая домой съ пикниковъ, онъ бросался на постель, старался скорѣе уснуть и на слѣдующій день лихорадочно принимался за работу.

Кряжовъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, ничего не зналъ о поведеніи своего воспитанника и былъ очень доволенъ, когда слышалъ, что тотъ даетъ уроки и занимается переводами. Иногда старикъ добродушно распространялся въ обществѣ даже о томъ, «что нынче славная, трудящаяся молодежь, что, правда, у нея много разныхъ непригодныхъ къ жизни идей, но что это все перебродится, осядетъ, когда пройдетъ молодость, и не пройдетъ только привычка къ труду, къ усидчивымъ занятіямъ».

— Вотъ хоть бы и мой Павелъ,—доходилъ добрякъ до желанной цѣли разговора:—денегъ я ему даю довольно, позволяю своею рукою брать, все у него есть, знаетъ, что я ему и капиталъ оставлю, могъ бы жить безъ труда, такъ вѣдь нѣтъ! работаетъ, работаетъ, такъ что я иногда журю его, совѣтую поберечь себя и не утомляться. Вѣдь даже худѣетъ, право худѣетъ!

Всѣ приходили въ изумленіе отъ достоинствъ Павла, а Кряжовъ гордо потиралъ руки и самодовольно улыбался: вотъ, молъ, какого человѣка я воспиталъ!.. Онъ съ каждымъ днемъ привязывался все сильнѣе къ своему воспитаннику. И не мудрено. Выдавъ замужъ Груню, Кряжовъ отчасти обманулся въ своихъ надеждахъ; онъ думалъ, что его дочь и зять будутъ постоянно пребывать въ его домѣ, но вышло совсѣмъ иначе. Марья Ивановна не согласилась жить въ домѣ Кряжова «подъ надзоромъ», какъ выражалась она, а Алексѣй Алексѣевичъ, имѣя много занятій, не могъ каждый день ходить съ женою къ старику въ гости. Такимъ образомъ, старикъ остался одинъ и скучалъ. При встрѣ-

Digitized by Google

чахъ съ Грунею радости было не больше: она не жаловалась на судьбу, говорила, что ей хорошо живется, но была грустна, молчалива. Старикъ потиралъ лобъ, снималъ шейную косынку, начинавшую душить ему горло, и не могъ ничего выдумать для развлеченія своей дочери и для разгадки ея сердечныхъ тайнъ. При такомъ положеніи развязность и веселость, явившіяся въ характерѣ Павла, были чистою находкою для старика. Онъ хохоталъ надъ выходками и продѣлками юноши, иногда даже добродушно позволялъ ему трунить надъ собою и замѣчалъ только при этомъ:

— Что съ нимъ подѣлаешь, всѣхъ на смѣхъ поднимаетъ! Таковъ ужъ паренекъ уродился!

Часъ, два, проведенные Кряжовымъ съ воспитанникомъ, успокаивали его на цѣлый день. Иногда старикъ, сидя въ своемъ креслѣ, мечталъ вслухъ, какъ онъ поѣдетъ съ Павломъ за границу.

— И Груню хорошо бы взять съ собою?—въ видѣ вопроса говорилъ онъ.

— Отчего же бы и не взять, возьмемъ, — утвердительно рѣшалъ Павелъ.—Въ студенты ее опредѣлимъ,—смѣялся онъ.

— Ну, вотъ ты балясничаешь, а я не шутя говорю, что ей надо разсѣяться, — серьезно говорилъ Кряжовъ.

— Надо, надо, батюшка,—уже задумчиво и грустно замѣчалъ Павелъ.

Кряжовъ вздыхалъ, но Павелъ вдругъ начиналъ смѣяться, представлялъ, какъ изумится Трегубовъ, когда узнаетъ, что они ѣдутъ за границу, какъ онъ самъ захочетъ ѣхать съ ними и какъ его не пуститъ туда его старая ключница, которую онъ все-таки впервые въ жизни надуетъ, вылѣзетъ ночью въ окно и уѣдетъ съ чужимъ паспортомъ. Затѣмъ слѣдовала не менѣе интересная исторія о путешествіи обманутой ключницы вслѣдъ за Трегубовымъ за границу... Старикъ смѣялся...

— Славный малый ты у меня, и какъ это ты такъ вдругъ развернулся,—ласкалъ иногда старикъ воспитанника, удаляясь въ свой кабинетъ.

Всѣ неровности вспыльчиваго характера юноши прощались теперь старикомъ, и онъ скорѣе умолкалъ самъ, чѣмъ настаивалъ на усмиреніи этой «горячей головы»... Такъ жили эти два младенца на жизненномъ пути—одинъ, едва вступая на этотъ путь, другой, подходя по немъ къ близкой могилѣ...

Добрякъ Кряжовъ былъ правъ, считая Павла добрымъ и

Digitized by Google

честнымъ человѣкомъ. Но не такимъ считалъ его Алексѣй Алексѣевичъ Обносковъ. Давно уже привыкъ онъ относиться съ ненавистью къ молодому человѣку и слѣдилъ зоркимъ глазомъ отъявленнаго врага за ненавистнымъ ему «мальчишкой». Богъ знаетъ, была ли эта ненависть слѣдствіемъ тайнаго предчувствія въ ревнивомъ мужѣ, что его жена еще слишкомъ сильно любитъ это существо, злился ли просто Обносковъ за прежнюю близость Груни къ этому «мальчишкѣ», или просто боялся онъ, что этому юношѣ оставятъ бо́льшую часть капитала, слѣдующую дочери Кряжова, но только Алексѣй Алексѣевичъ ненавидѣлъ Павла еще сильнѣе, чѣмъ прежде, и выискивалъ всевозможные случаи, чтобы отмстить своему врагу, подорвавъ его кредитъ въ глазахъ Кряжова. Былъ одинъ незначительный случай, которымъ думалъ съ успѣхомъ воспользоваться Обносковъ для своихъ цѣлей. Павелъ, кромѣ своихъ кутящихъ знакомыхъ, которые уже порядочно надоѣли ему, сталъ въ послѣднее время встрѣчаться и съ иными людьми, жившими трудомъ. Въ этомъ кружкѣ часто говорились довольно смѣлыя рѣчи, еще чаще дѣлались сборы незначительныхъ суммъ въ пользу различныхъ неблагонамѣренныхъ личностей. Павелъ участвовалъ и въ этихъ разговорахъ, и вносилъ свою долю помощи въ эти сборы. Онъ никогда не думалъ, что изъ этого можетъ выйти что-нибудь серьезное. Но однажды въ квартиру Кряжова неожиданно явилась ночью полиція и произвела обыскъ въ комнатѣ Павла. На слѣдующій день его пригласили къ допросу... Все кончилось очень благополучно. Но Кряжовъ струсилъ не на шутку за участь своего воспитанника.

— Какъ это ты такъ неосторожно ведешь себя! — говорилъ онъ ему по окончаніи всего дѣла.

— Да что-жъ тутъ такого важнаго? Ну, обыскали, допросили, однимъ опытомъ больше прибавилось, вотъ и все,— смѣялся Павелъ.—Отъ этого не убережешься. Всѣ подъ полиціей ходимъ.

— Съ тебя все, какъ съ гуся вода! — смѣялся остротѣ старикъ и не думалъ журить своего воспитанника за знакомство съ опасными людьми; къ такимъ же опаснымъ людямъ хаживалъ и онъ въ былые годы, были они во всѣ времена.

Но не такъ взглянулъ на дѣло Алексѣй Алексѣевичъ. Узнавъ о происшествіи, онъ замѣтилъ Кряжову:

— Вотъ до чего доводятъ разныя идеи-то! Эти ниги-

Digitized by Google

листы все вверхъ дномъ хотятъ перевернуть, чѣмъ бы о дѣлѣ думать... Вамъ надо слѣдить за Павломъ! онъ и себя погубитъ, и на насъ наброситъ тѣнь.

— Что это ты, Алексѣй Алексѣевичъ, говоришь?—недовольнымъ тономъ отвѣтилъ Кряжовъ. — Кто же станетъ подозрѣвать меня? А онъ молодъ, горячъ и всегда можетъ проговориться, сколько бы я ни присматривалъ за нимъ... И мы были молоды и увлекались... Да и не дитя онъ, чтобы я сталъ слѣдить за нимъ.

— Я не зналъ, что вы оправдываете эти ребяческіе толки о предметахъ, которыхъ и мы-то съ вами не должны касаться,—ехидно замѣтилъ Обносковъ.—Но, все-таки, совѣтую вамъ, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, построже смотрѣть за мальчикомъ ради собственнаго его блага... Тутъ опасность, а не шутки. Взгляните, сколько силъ гибнетъ теперь ради того, что ихъ не направили, а распустили старики... Послѣ поздно будетъ тужить...

Слабый по характеру старикъ, несмотря на свое заступничество за поведеніе Павла, призадумался и въ тотъ же вечеръ прочелъ проповѣдь своему воспитаннику, ероша себѣ волосы и потягивая галстукъ.

— Что съ тобой, батюшка?—спросилъ недовольнымъ тономъ Павелъ. — Ужъ не съ Обносковымъ ли ты обо мнѣ поговорилъ?

— Да, съ Алексѣемъ,—отвѣтилъ старикъ.—Онъ человѣкъ осторожный, разсудительный.

— Старая тряпка онъ!—сердито проговорилъ Павелъ.—Но что бы онъ ни былъ, а я попрошу тебя никогда не говорить съ нимъ обо мнѣ. Не люблю я подобныхъ опекуновъ, да и вообще опеки не потерплю... Я ужъ, слава Богу, вышелъ изъ дѣтскаго возраста.

Павелъ нахмурился; это не ускользнуло отъ вниманія Кряжова.

— Не хорошо, что ты такъ относишься къ Алексѣю, — попрекнулъ онъ.

— Не говори лучше со мною о немъ,—раздражился еще болѣе Павелъ. — Если хочешь, чтобы мы были съ тобой друзьями, то не упоминай его имени при мнѣ. На этой точкѣ мы всегда разойдемся въ разныя стороны.

Кряжовъ загорячился и сталъ отстаивать своего зятя.

— Послушай, батюшка,—серьезно сказалъ Павелъ.—Потакать твоимъ похваламъ ему я никогда не буду, на ложь у меня нѣтъ способности; бранить же его, высказывать все,

Digitized by Google

что я вижу, у меня духу не хватитъ, и если бы мнѣ пришла необходимость или прямо объясниться объ Обносковѣ съ тобой, или уйти навсегда отсюда, то я выбралъ бы послѣднее,—кончилъ, блѣднѣя, Павелъ.

— Спасибо за привязанность!—горько произнесъ старикъ.

— Ты не сердись. Это любви моей къ тебѣ не убавитъ, но ты долженъ же знать, какъ я, продолжая любить тебя, поступилъ бы въ подобномъ случаѣ.

Послѣ этого объясненія Кряжовъ дня три дулся на Павла, но отношенія Павла къ старику не измѣнялись, онъ былъ попрежнему мягокъ, веселъ, предупредителенъ, и старикъ забылъ случайную размолвку со своимъ любимцемъ, какъ за два года передъ тѣмъ забылъ умышленное отсутствіе Павла на свадьбѣ Груни.

Увидавъ неудачу своей попытки поселить раздоръ между Кряжовымъ и Панютинымъ, озлобясь еще болѣе при видѣ торжествующей и вызывающей физіономіи послѣдняго, Обносковъ искалъ новыхъ данныхъ для достиженія своей цѣли, разсчитывая довольно вѣрно, что нужно не много усилій для того, чтобы вывести изъ терпѣнія строптиваго и непокорнаго врага. Изъ случайно сказанныхъ различными личностями словъ о поѣздкахъ Павла на пикники и загородныя гулянья, Обносковъ началъ съ нѣкоторыхъ поръ составлять себѣ очень непривлекательное понятіе о поведеніи молодого человѣка и, наконецъ, рѣшился очень обязательно подѣлиться своими свѣдѣніями съ Кряжовымъ.

Старикъ былъ какъ-то въ гостяхъ у зятя. Зашла рѣчь о Павлѣ. Кряжовъ хвалилъ его.

— Плохо вы за нимъ смотрите, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, — промолвилъ со вздохомъ Обносковъ. — Васъ ослѣпляетъ ваша честная привязанность къ нему и ваша доброта.

— Ну, Алексѣй Алексѣевичъ, ты этого не говори! — горячо вступился Кряжовъ за своего любимца. — Вы вѣдь у меня все почему-то коситесь другъ на друга, такъ потому и относитесь такъ строго одинъ къ другому... А Павла и посторонній человѣкъ не можетъ не похвалить. Это честный, добрый и умный малый. Горячъ онъ, строптивъ, ну, да это пройдетъ съ молодостью, а ты погляди, какъ онъ быстро развился въ послѣднее время, какъ обо всемъ трезво судитъ...

— Не спорю, не спорю, это-то такъ, добрѣйшій мой Аркадій Васильевичъ, но...

Digitized by Google

Обносковъ вздохнулъ и остановился, не договоривъ начатой фразы. У Груни сжалось отъ страху сердце, она замѣтила, какъ по лицу ея мужа скользнула едва замѣтная насмѣшливая улыбка.

— Ну, что же ты не договорилъ?—спросилъ Кряжовъ.— Началъ и не договорилъ. Такъ, братъ, обвинять голословно нельзя; если началъ, такъ и досказывай.

Обносковъ сдѣлалъ какую-то сострадательную мину.

— Мнѣ непріятно огорчать васъ, добрѣйшій мой другъ...

— Ты, Алексѣй Алексѣевичъ, уже огорчилъ меня,—сухо замѣтилъ Кряжовъ. — Не люблю я недосказанной клеветы! Противъ нея защищаться даже нельзя.

Обносковъ вспыхнулъ, какъ порохъ.

— Не клевета-съ, Аркадій Васильевичъ, а правда,—заговорилъ онъ скороговоркой и съ одышкой. — Недосказанная правда—это такъ, но только потому недосказанная, что мнѣ тяжело открывать вамъ глаза...

Груня, вся блѣдная и дрожащая отъ негодованія, пристально слѣдила за мужемъ; въ эту минуту ей хотѣлось взять и увести отца изъ ихъ квартиры.

— Вашъ Павелъ, — продолжалъ Обносковъ, взвѣшивая слова и придавая имъ особенную важность:—вашъ Павелъ сошелся съ развратниками, картежниками и негодяями, для которыхъ нѣтъ ничего святого. Среди грязныхъ и циничныхъ камелій, среди отвратительныхъ оргій и пьянства проводитъ онъ ночи и пропиваетъ тамъ и свой умъ, и свое здоровье, и тѣ деньги, которыя вы, надѣясь на его честность, позволяете ему брать изъ вашего стола безъ счету...

— Это ложь! это ложь!—съ горячностью воскликнули разомъ Кряжовъ и Груня.

— Нѣтъ-съ, это правда... Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, я справлялся,—увлекся Обносковъ.

— Чтобы вооружить отца противъ Павла? — промолвила Груня задыхающимся отъ волненія и гнѣва голосомъ.

— Нельзя ли помолчать?—проговорилъ шопотомъ Обносковъ, обращаясь къ женѣ. — Я говорю съ твоимъ отцомъ о близкомъ ему человѣкѣ...

— Онъ точно такъ же близокъ и мнѣ,—перебила его жена.

— Я не знаю, можетъ ли быть близкимъ человѣкъ тебѣ только потому, что ты жила съ нимъ подъ одной кровлей,— сухо промолвилъ Обносковъ, зеленѣя. — Но мнѣ было бы пріятнѣе, если бы, кромѣ меня, никто изъ постороннихъ мужчинъ не былъ близокъ тебѣ... Назвалъ же я Павла

Digitized by Google

близкимъ человѣкомъ твоему отцу,—продолжалъ громко Алексѣй Алексѣевичъ: — потому, что твой отецъ взялся воспитать его и дастъ за него, за каждый его проступокъ, отвѣтъ передъ людьми и Богомъ.

Кряжовъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ.

— Моя жена отвлекла меня отъ нашего разговора,—заговорилъ зять.—Я всегда принималъ участіе въ судьбѣ Павла, хотя я и не имѣю способности выражать участіе и любовь послабленіями и потачками. Не безъ сожалѣнія выслушивалъ я въ послѣднее время различные толки о его прискорбномъ поведеніи. Я ни слова не говорилъ объ этомъ вамъ, боясь огорчить васъ этимъ. Можетъ-быть, я дурно поступалъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ жертвовалъ судьбою этого «мальчика» сохраненію вашего спокойствія, но сегодня вы сами заставили меня высказаться, не удовлетворившись однимъ моимъ совѣтомъ смотрѣть за нимъ.

Кряжовъ молча ходилъ по комнатѣ.

— Я не знаю, насколько успѣлъ втянуться этотъ мальчикъ въ разгульную жизнь,—продолжалъ Обносковъ.—Но я знаю, что она стоитъ денегъ, что эти деньги ему приходится или придется занимать гдѣ-нибудь, или брать у васъ безъ спросу...

— Павелъ не воръ, что вы мнѣ разсказываете!—сердито пробормоталъ Кряжовъ.

— Я и не думалъ обвинять его въ воровствѣ,—простодушно произнесъ Обносковъ.—Хотя эта пропасть втягиваетъ во всѣ пороки, и если онъ теперь, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, обманываетъ васъ, не говоря, гдѣ онъ бываетъ, или унижается, кутя на чужой счетъ, то послѣ ему придется дойти и до болѣе крупныхъ ошибокъ, можетъ-быть, просто до преступленій... Я говорю это потому, что мнѣ кажется необходимымъ во-время принять мѣры и удержать его на краю пропасти...

— Удержать! удержать! — бормоталъ Кряжовъ, потирая себѣ лобъ.—Легко это сказать!

— Тутъ, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, строгость нужна,—говорилъ Обносковъ.—Нужно добиться признанія, хотя это и трудно, и потомъ принять свои мѣры... Если вамъ трудно объясниться съ нимъ, то я согласенъ, хотя это и тяжело для меня, переговорить съ нимъ...

— Папа, ты, вѣроятно, *самъ* поговоришь съ нимъ?—быстро замѣтила Груня и обратила къ отцу вопросительный взглядъ.

Digitized by Google

— Конечно, конечно,—утвердительно кивнулъ головою старикъ и тревожно сталъ поправлять воротъ своей рубашки, точно она его душила въ эту минуту.—Охъ, ужъ мнѣ эти объясненія!—махнулъ онъ рукою.

— Необходимость, необходимость заставляетъ, — пожалъ съ прискорбіемъ своими узенькими плечами Обносковъ.— Или своимъ спокойствіемъ, или человѣкомъ жертвовать приходится...

Кряжовъ взялъ фуражку и простился съ дочерью и зятемъ. И дочь, и зять пошли за нимъ въ переднюю.

— Ты бы ушла отсюда; простудишься, пожалуй,—замѣтилъ заботливо Обносковъ женѣ, желая на минуту остаться вдвоемъ съ Кряжовымъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно съ отцомъ поговорить, — прямо отвѣтила жена, вышедшая въ переднюю съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и мужъ.

— Вотъ не могла этого сдѣлать въ комнатѣ!

— Мнѣ *одной* нужно переговорить съ нимъ.

— Значитъ, я мѣшаю?—сердито спросилъ мужъ.

— Да, я попросила бы тебя оставить насъ однихъ, — спокойно произнесла она.

— Я и не зналъ, что у тебя есть тайны отъ меня,— злобно усмѣхнулся онъ и прибавилъ, обращаясь къ Кряжову съ усмѣшкой: — Дитя еще, какъ видите, все хочется шептаться!

Пожавъ руку тестю, онъ вышелъ.

— Папа, не вѣрь, пожалуйста, ему, это все клевета!— торопливо заговорила Груня, когда за мужемъ затворилась дверь.

— Дитя мое, какая же можетъ быть цѣль у Алексѣя для клеветы на Павла? — покачалъ головой Кряжовъ. — Нѣтъ, это правда, Павелъ обманывалъ меня, низко обманывалъ говоря, что онъ работаетъ. Обманъ обиденъ!

— Папа, милый мой, какъ ты скоро всему вѣришь!—съ грустью воскликнула Груня. — Алексѣй ненавидитъ Павла, онъ видитъ въ немъ врага.

— Что ты, что ты!—замахалъ руками старикъ.

— Да, да, это ничтожный, мелкій и злой характеръ! — воскликнула молодая женщина, выходя изъ себя.—Онъ готовъ погубить всѣхъ, кого онъ ненавидитъ, а Павлу онъ завидуетъ, къ Павлу онъ ревнуетъ.

— Кого это? — безсознательно спросилъ ошеломленный неожиданными открытіями дочери старикъ.

Digitized by Google

— Меня.

— Къ брату-то? къ твоему брату? — покачалъ головою отецъ.—Дитя, дитя, всегда-то ты готова взволноваться изъ-за любимыхъ тобою людей... Но не хорошо, что ты такъ дурно думаешь о своемъ мужѣ, который тебя любитъ...

— Любитъ! — какъ-то горько произнесла Груня и снова стала просить отца:—Но, ради Бога осторожнѣе говори съ Павломъ. Ты знаешь его строптивый характеръ. Онъ не потерпитъ ни грубости, ни полицейскаго надзора въ домѣ... Позволь лучше мнѣ переговорить съ нимъ...

— Ну, хорошо бы ты поговорила съ нимъ! — улыбнулся Кряжовъ.—Но головкѣ его же погладила бы.

— Ну, такъ дай слово быть осторожнымъ,—настаивала Груня.

— Хорошо, хорошо! Вѣдь не звѣрь же я, въ самомъ дѣлѣ,— успокоивалъ ее Кряжовъ, задумчиво качая головой и выходя изъ дверей.

Груня, блѣднѣе обыкновеннаго, возвратилась въ комнаты. Обносковъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по гостиной.

— Скажи, пожалуйста, что за секреты могутъ быть у тебя съ отцомъ,—остановился онъ передъ женой, зорко и ревниво щуря свои калмыцкіе глаза, сверкавшіе злобнымъ свѣтомъ изъ-подъ очковъ.

— Если это *секретъ* отъ тебя, то, значитъ, именно его-то содержанія я и не могу передать тебѣ,—холодно проговорила жена и пошла въ свою комнату.

— Однако, ты съ нѣкотораго времени принимаешь все чаще и чаще въ обращеніи со мною такой тонъ, какого я не желалъ бы слышать, — внушилъ онъ ей, пытливо всматриваясь въ ея лицо. — Прошу тебя разъ и навсегда не играть въ эту игру.

— Мнѣ кажется, что намъ скоро придется перестать играть въ какую бы то ни было игру, — твердо сказала жена.—Тѣмъ болѣе, что здѣсь, кажется, всѣ только и умѣютъ играть въ кошки и мышки: кто кого поймаетъ, тотъ того и давитъ.

— Что съ тобой?—нахмурился мужъ, какъ осенняя ночь.— Ужъ не этому ли негодяю обязанъ я всей сегодняшней сценой?

— Нѣтъ, ты во всемъ обязанъ одному себѣ,—насмѣшливо отвѣтила молодая женщина, улыбаясь болѣзненной улыбкой, и вышла изъ гостиной.

Digitized by Google

Обносковъ походилъ большими шагами по комнатѣ и рѣшился объясниться съ женою на другой день при первой удобной минутѣ. Однако, на слѣдующій день его жена ускользнула отъ объясненій и вышла со двора гораздо раньше, чѣмъ Алексѣй Алексѣевичъ собрался начать важные для него переговоры...

XVIII.

Двѣ порванныя связи.

Проснувшись въ тревожномъ состояніи на другой день послѣ описанной нами сцены, Груня рѣшилась идти къ отцу, чтобы по возможности внести примиреніе въ его переговоры съ Павломъ. Одѣвшись наскоро, она вышла изъ дому и пришла въ домъ Кряжова,—оказалось, что ея отца не было дома. Онъ ушелъ съ утра, не сказавъ никому куда; Груня очень хорошо знала всѣ привычки отца и потому не могла не встревожиться, услышавъ о его выходѣ изъ дома: старикъ по привычкѣ покидалъ свой кабинетъ только въ опредѣленные съ давнихъ поръ часы и уходилъ изъ своей квартиры не въ опредѣленное время только вслѣдствіе головной боли или неспокойнаго состоянія духа.

— А Павелъ Петровичъ гдѣ? Дома?—спросила молодая женщина у лакея.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ онъ.

— Давно онъ ушелъ?

— Со вчерашняго дня не изволили возвращаться.

— Значитъ, отецъ не видалъ его вечеромъ?

— Нѣтъ-съ, не видали. Приказывали это они вечеромъ позвать къ нимъ Павла Петровича, коли они придутъ, да только Павелъ Петровичъ такъ и не пришли... Ужъ и мы безпокоимся, не случилось ли чего... Пожалуй, какъ ономедни, полиція забрала...

— Полиція?—испугалась Груня.

— Да-съ, вотъ какъ тогда, когда ихъ обыскивали-то...

— А-а!

Грунѣ самой стало совѣстно, что она не сразу поняла лакея и подумала, что Павла брали въ полицію за какое-нибудь буйство. Встревоженная больше прежняго, она не знала, что дѣлать,—приходилось идти домой, гдѣ ее ждали разспросы и подозрительные взгляды мужа и свекрови. Ей стало какъ-то особенно тяжело возвращаться къ нимъ, и она медлила.

Digitized by Google

— Я отдохну немного,—сказала она лакею и прошла въ столовый залъ отца.

Все стояло по-старому въ этой большой, убранной по-старинному комнатѣ. Тѣ же высокія, темныя кресла, тѣ же тяжелыя, темныя драпри, тотъ же мрачный, какъ пропасть, каминъ. Но все было пусто, угрюмо, въ каминѣ не пылалъ веселый огонекъ, какъ въ былые годы. И между тѣмъ, каждая изъ этихъ вещей, каждый изъ этихъ угловъ напоминали молодой женщинѣ какія-нибудь счастливыя или трогательныя событія изъ ея мирнаго дѣтства и дѣвической жизни. И со всѣми этими событіями неразрывно связывалось воспоминаніе о двухъ дорогихъ сердцу и теперь отчужденныхъ отъ нея существахъ—воспоминанія объ отцѣ и Павлѣ. Съ безмолвнымъ, сжимающимъ сердце чувствомъ безнадежной грусти смотрѣла Груня на всѣ эти предметы, а слезы сами собою катились по ея щекамъ. Такъ смотрятъ люди на заросшія травою, безотвѣтныя могилы, гдѣ безвозвратно схоронены дорогія имъ личности. А вотъ и то старое кресло, гдѣ она, Груня, впервые со страхомъ въ сердцѣ узнала, *какою* любовью любитъ ее Павелъ, гдѣ впервые на ея губахъ прозвучалъ страстный, не братскій поцѣлуй юноши, тогда почти еще мальчика, теперь—молодого возмужавшаго человѣка. Невольно, безсознательно опустилась молодая женщина на колѣни передъ этимъ кресломъ и закрыла лицо руками, точно передъ нею носился призракъ Павла и она просила у него за что-то прощенья. Какой-то тайный, внутренній голосъ шепталъ ей: «Взгляни, какъ все здѣсь стало пусто. Твой братъ, твой другъ, твой возлюбленный бѣжалъ отсюда, чтобы спастись отсюда. Твой нѣжный, привыкшій къ семейному затишью отецъ бросилъ свой обычный трудъ и ушелъ, тоже Богъ знаетъ куда, отъ этихъ безотвѣтныхъ стѣнъ. И ты сама, несчастная, нелюбимая въ своемъ домѣ, ненавидящая этотъ домъ, рыдаешь здѣсь о своемъ утраченномъ счастьи. Останься здѣсь и *они* снова придутъ сюда. Имъ недостаетъ только тебя... Ты помнишь, что они не бѣжали отсюда, когда здѣсь раздавался твой голосъ привѣтный, твой смѣхъ молодой... Зачѣмъ же ты колеблешься? Рѣшайся!.. Помнишь, твой братъ говорилъ тебѣ, что мы всѣ гибнемъ, потому что ничѣмъ не рискуемъ, всего боимся... Или жизнь такая, какою мы желаемъ жить, или смерть...»

— «Нѣтъ, нѣтъ!—быстро вскочила Груня. — Мнѣ надо бѣжать, бѣжать отсюда!.. Это мой долгъ, мое наказаніе за

Digitized by Google

прошлую ошибку, — это наше общее наказаніе, потому что мы всѣ виноваты и теперь всѣ равно несемъ свой крестъ. Да, я теперь только поняла, что не я одна — жертва, что наказаніе постигло всѣхъ виновныхъ...»

Торопливо отирая слезы, накинувъ шляпу, она поспѣшными шагами ушла изъ дома отца, какъ будто кто-то гнался за нею слѣдомъ и хотѣлъ силою удержать ее въ этомъ домѣ.

— Гдѣ это ты пропадала? — спросилъ ее мужъ, когда она, испуганная и трепещущая, вернулась домой.

— Я нездорова,—проговорила она вмѣсто отвѣта.

Онъ взглянулъ на ея лицо и изумился: ея глаза были еще красны отъ слезъ, щеки пылали горячечнымъ румянцемъ, губы запеклись.

— Что такое случилось?—тревожно спросилъ мужъ.

— Ничего... мнѣ нужно лечь, успокоиться... Я стоять не могу...

— Да ты не къ отцу ли ходила?

— Ради Бога, не спрашивай меня ни о чемъ! — съ невольнымъ ужасомъ произнесла молодая женщина, чувствуя, что первое грубое слово теперь разорветъ послѣднюю, туго натянутую нить ея связи съ мужемъ. — Мнѣ нужно отдохнуть, успокоиться... Тебѣ же будетъ хуже, если мы станемъ теперь объясняться,—почти съ угрозой говорила она.

Алексѣй Алексѣевичъ пожалъ плечами, но не рѣшился продолжать допросъ. Что-то зловѣщее и грозное было въ выраженіи лица его жены. Онъ позвалъ горничную, чтобы та уложила въ постель барыню, и хотѣлъ ѣхать за докторомъ. Жена не велѣла звать врача... Покуда Обносковъ безпокоился и добирался въ своемъ умѣ до причины всего случившагося, покуда мать настаивала, чтобы сынъ пугнулъ жену, — въ домѣ Кряжова происходили сцены совершенно другого рода.

Не заставъ дома Павла, при своемъ возвращеніи отъ Обноскова, старикъ Кряжовъ велѣлъ слугѣ сказать, когда возвратится Павелъ, и сталъ ходить въ ожиданіи по своему кабинету. Время шло своимъ чередомъ, а лакей все не являлся съ докладомъ. Чѣмъ болѣе сгущалась ночь, тѣмъ чаще звонилъ старый ех-профессоръ и спрашивалъ слугу, не пришелъ ли Павелъ Петровичъ.

Отвѣтъ получался отрицательный.

— Часто онъ не ночуетъ дома? — спросилъ Кряжовъ.

— Иногда не ночуетъ-съ,—отвѣтилъ заспанный лакей.

Digitized by Google

— Иногда! Иногда!.. Тебя спрашиваютъ: часто ли?—разсердился старикъ.

— Не то чтобы часто, а иногда бываетъ-съ, что ночевать не изволятъ, коли гдѣ-нибудь запоздаютъ...

— Дуракъ, толкомъ не умѣешь ничего сказать! Ступай!

Кряжовъ снова ходилъ по комнатѣ и ждалъ. Павелъ не являлся.

— Ну, что-жъ, и съ нами то же бывало въ молодости,— утѣшалъ себя старикъ.—А пожурить надо, все-таки надо... Однако, въ какое общество онъ попалъ? Вѣдь совсѣмъ погубятъ!.. И зачѣмъ онъ меня обманываетъ? Развѣ не могъ онъ откровенно все разсказать мнѣ? Обманъ, обманъ, вотъ что гадко!.. Пожалуй, въ карты играетъ, долги дѣлаетъ... Ну, вотъ и погибнетъ. А кто виноватъ будетъ? Я! Я потачку давалъ, не умѣлъ строгимъ быть, по головкѣ гладилъ, волю далъ, вотъ и плоды!.. Нѣтъ! Строгость, строгость нужна, въ ежовыхъ рукавицахъ надо ихъ держать... Мы откровенности ихъ дожидаемся! Гмъ! Хороша откровенность!.. Смѣются, поди, надъ старымъ дуракомъ, что онъ спитъ и не знаетъ, гдѣ гуляетъ его воспитанникъ!.. Спитъ! Спитъ! Нѣтъ, я не сплю, тутъ не уснешь, когда человѣкъ, близкій человѣкъ гибнетъ?.. Можетъ-быть, онъ уже и въ полиціи сидитъ, а я вотъ хожу, жду... Долго ли у насъ-то до бѣды!

— Иванъ, Павелъ Петровичъ не приходилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

«Ну да, ну да, и не придетъ, знаетъ, что я сплю, что я не забочусь о немъ, что я вѣрю ему!» — снова думалъ Кряжовъ, а утро уже бросало свои блѣдные лучи въ его кабинетъ.

На слѣдующій день старикъ не могъ работать и, какъ мы уже знаемъ, ушелъ изъ дома, чтобы освѣжить свою голову. Часамъ къ четыремъ онъ вернулся домой. Павла все еще не было. Кряжовъ одинъ сѣлъ обѣдать. Старикъ уже не сердился, но просто грустилъ и безпокоился. Черезъ нѣсколько минутъ въ передней послышался звонокъ. «Наконецъ-то!»—подумалъ Кряжовъ, и очень изумился, когда на мѣсто Павла къ нему явился Обносковъ. Алексѣй Алексѣевичъ пришелъ для объясненій со старикомъ насчетъ Груни и хотѣлъ узнать, между прочимъ, гдѣ она была утромъ.

— Ба! Какими судьбами ко мнѣ завернулъ? — спросилъ Кряжовъ.

— Пошелъ провѣтриться, голова что-то болитъ, — отвѣтилъ разсѣянно Обносковъ.

Digitized by Google

— У меня тоже побаливаетъ. Передъ погодой, вѣрно,—сказалъ Кряжовъ, зная, что у него совсѣмъ не передъ погодой болитъ голова.

— Должно-быть,—согласился зять, хотя тоже зналъ, что его голова болитъ не передъ погодой:—жена тоже не такъ здорова...

— Что съ ней?—встревожился старикъ.

— Такъ что-то привалилась немного, — отвѣтилъ Обносковъ.—Странная она какая-то стала въ послѣднее время, все капризы...

— Да, да, но, можетъ-быть... знаешь, Алексѣй Алексѣевичъ, у женщинъ время такое бываетъ...

Въ эту минуту раздался сильный звонокъ въ передней. Такъ обыкновенно звонилъ только Павелъ. Кряжовъ постарался нахмурить брови. Дверь въ столовую шумно отворилась, и Павелъ развязно и весело вошелъ въ комнату.

— А, наконецъ-то! — проворчалъ сквозь зубы Кряжовъ, хмуря брови.

— Опоздалъ, извини, батюшка,—промолвилъ молодой человѣкъ и, кивнувъ головой Обноскову, наклонился къ Кряжову и поцѣловалъ его въ лобъ.

Это была одна изъ тѣхъ ласкъ Павла, которую болѣе всего любилъ старикъ Кряжовъ.

— Обѣдалъ?—попрежнему хмуро спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, голоденъ, какъ собака,—отвѣчалъ Павелъ, бросая перчатки на столъ, и пристально взглянулъ на старика.—Ты здоровъ?—спросилъ онъ озабоченно.

— Здоровъ, что намъ дѣлается! Спимъ цѣлыя ночи, да и днемъ ходя спимъ,—съ иронiей и раздраженiемъ отвѣтилъ Кряжовъ и бросилъ такой взглядъ на Обноскова, какъ будто посылалъ его въ душѣ ко всѣмъ чертямъ.

Старику хотѣлось поскорѣй высказаться, поворчать, и въ то же время онъ не могъ говорить при Обносковѣ съ Павломъ. Любовь и раздраженiе боролись въ душѣ стараго добряка.

— Хорошо, если бы молодежь и днемъ, и ночью спала по-вашему,—не безъ ѣдкости замѣтилъ Обносковъ, кажется и не думавшiй объ уходѣ.

Кряжовъ нахмурился еще болѣе.

— А! Вы все на молодежь попрежнему нападаете, — развязно засмѣялся Павелъ, бросивъ бойкiй взглядъ на Обноскова и усердно истребляя супъ. — Я вотъ, дѣйстви-

Digitized by Google

тельно, не могу ни къ какой регулярности привыкнуть: и сплю, и работаю запоемъ.

— И кутите запоемъ?—обозлился Обносковъ за эту развязность своего веселаго врага.

— О! ужъ, разумѣется; тутъ-то регулярности и подавно не можетъ быть быть. А то, пожалуй, пришлось бы начать, что вотъ такого-то числа, въ такой-то часъ, такого-то мѣсяца я кутить буду... это ужъ вышло бы слишкомъ комично,—весело засмѣялся Павелъ.

— Вамъ, вѣроятно, сегодня все покажется смѣшно, потому что вы, какъ я замѣчаю, находитесь именно въ такомъ настроеніи, въ какомъ люди бываютъ, вернувшись съ кутежа.

— Ну, ужъ если пошло на сравненія, то ваше настроеніе похоже на настроеніе человѣка, выпившаго какой-то горькой дряни,—засмѣялся Павелъ.

Кряжовъ, который привыкъ въ послѣднее время забавляться выходками Павла, невольно улыбнулся, но тотчасъ же снова закусилъ губу, увидавъ, какое впечатлѣніе произвела послѣдняя фраза Павла на Обноскова.

— Хорошо вы шутите, Павелъ Петровичъ, да плохо живете,—промолвилъ Обносковъ шипящимъ тономъ.

— Ай, вы опять за наставленія хотите приняться! — махнулъ рукой Павелъ и продолжалъ преусердно истреблять жаркое.

— Да-съ, за наставленія! И хорошо, если бы вы слушались ихъ. Это вамъ скажетъ и добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, который, вѣроятно, еще не успѣлъ объясниться съ вами,—обратился онъ къ Кряжову:—но я зайду послѣ, а теперь оставлю васъ однихъ; вамъ, я думаю, нужно переговорить другъ съ другомъ, послѣ всего того, о чемъ мы говорили съ вами...

— Н-да... пожалуй... — почему-то смѣшался Кряжовъ, у котораго уже успѣлъ остыть гнѣвъ при видѣ Павла не пьянымъ, здоровымъ и веселымъ.

— Нѣтъ, постойте,—удержалъ Павелъ Обноскова, измѣняясь въ лицѣ, и обернулся къ Кряжову. — Ты, батюшка, дѣйствительно, за что-нибудь недоволенъ мною?

— Н-да, есть причины... то-есть, какъ бы это сказать, не то что причины, но подозрѣнія... — совсѣмъ растерялся Кряжовъ отъ прямодушнаго вопроса Павла.

— И ты говорилъ объ этихъ причинахъ, или объ этихъ, какъ ты ихъ назвалъ, подозрѣніяхъ съ Алексѣемъ Але-

Digitized by Google

ксѣевичемъ? — еще болѣе задушевно и уже грустно спросилъ Павелъ.

— Н-да... то-есть не я говорилъ... но... это онъ говорилъ,—совсѣмъ спутался Кряжовъ.

— Ну, и прекрасно, значитъ вамъ по праву слѣдуетъ первое мѣсто занимать при объясненіяхъ отца со мною, какъ судьѣ въ семейныхъ дѣлахъ.

Павелъ отодвинулъ отъ себя тарелку, у него вдругъ пропалъ всякій аппетитъ и исчезли послѣдніе слѣды веселости. Его голосъ дрожалъ отъ гнѣва.

— Что же, батюшка, я слушаю,— пробормоталъ онъ.

— Да это пустяки, мы переговоримъ одни, — замѣтилъ Кряжовъ, увертываясь отъ объясненій.

— Зачѣмъ же?.. Ужъ если ты про меня за глаза говорилъ дурно съ нимъ, — небрежно указалъ Павелъ на Обносова:—то въ глаза-то и подавно можно.

— Да чего ты злишься-то?—треснулъ по столу кулакомъ Кряжовъ, досадуя, кажется, болѣе на Обносова и на себя, чѣмъ на своего виновнаго воспитанника.

— Да какъ же и не злиться, когда ты жалуешься на меня чортъ знаетъ кому, совсѣмъ постороннимъ людямъ,— отвѣтилъ запальчиво Павелъ.

— Стыдись! — упрекнулъ Кряжовъ. — Алексѣй тебѣ не чужой.

— Я его никогда не считалъ своимъ родственникомъ, ты это знаешь.

— Ну, если такъ смотрѣть на вещи, такъ ты и меня съ Груней можешь считать чужими.

— Ты знаешь, что я уважаю тебя, какъ отца, и люблю ее, какъ сестру,—отвѣчалъ Павелъ.—А его, все-таки, считалъ и считаю чужимъ.

— Насильно милъ не будешь!—проговорилъ Обносковъ, иронически улыбаясь. — Но, оставимте разговоръ обо мнѣ, а перейдемте лучше къ дѣлу... Вы приняли такой тонъ, который совсѣмъ не подходитъ къ вашей роли. Вы огорчили своего воспитателя своимъ поведеніемъ и теперь грубите ему же.

— Да, да, ты меня огорчилъ, — проговорилъ Кряжовъ, постоянно терявшійся, когда ему приходилось дѣлать строгіе выговоры или принимать крутыя мѣры.

— До Аркадія Васильевича дошли слухи, что вы кутите...

— Это вы сообщили ему подобные слухи? — дерзко перебилъ Павелъ.

Digitized by Google

— Ну, хоть бы и я, такъ что же? — спросилъ Обносковъ.

— Очень вамъ благодаренъ, — насмѣшливо поклонился Павелъ.

— Да ты и долженъ благодарить его, потому что онъ заботится о твоей судьбѣ, — ввернулъ свое слово Кряжовъ, очень усердно и наивно подливая масло въ огонь, который ему хотѣлось потушить.

— Но дѣло не въ вашей благодарности, а въ вашемъ отвѣтѣ на вопросъ: имѣютъ ли основаніе эти слухи? — допрашивалъ сухимъ, учительскимъ тономъ Обносковъ.

— Ты уполномочиваешь этого доносчика и на роль инквизитора?—угрюмо спросилъ Павелъ, обращаясь къ Кряжову.

— Да, это будетъ тебѣ наказаніе. Ты обошелся и обходишься съ нимъ дерко, такъ и отвѣчай теперь ему же, — сказалъ Кряжовъ, обрадовавшись этому случаю отдѣлаться отъ несвойственной ему роли и не видя возможности прекратить допросъ.

— Да, — отвѣтилъ совершенно поблѣднѣвшій Павелъ: — я кучу иногда, если вамъ такъ угодно называть мои случайныя поѣздки на пикники и загородныя гулянья.

— Вы, кажется, считаете эти удовольствія очень невинными?

— Не невинными, но очень естественными въ молодости, если еще прибавить, что этой молодости скучно.

— То-есть, если она дѣла не дѣлаетъ, а бьетъ баклуши...

— Ну, въ этомъ-то не я виноватъ.

— Вѣроятно, среда?

— Можетъ-быть среда, а можетъ-быть характеръ. Во всякомъ случаѣ вы не поймете, почему иному человѣку тошно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, жить безъ людей, безъ дѣятельности и корпѣть надъ безплодной работой, которую онъ даже не считаетъ серьезнымъ дѣломъ...

— Такъ-съ! У васъ широкая натура, вамъ, вѣрно, гражданской дѣятельности нужно, такъ вы и ищете ее въ средѣ развратниковъ и развратницъ.

— Клевещете! Я тамъ просто думаю иногда разсѣять скуку, но и это теперь иногда не удается, наскучило...

— Полно, наскучило ли?—злобно улыбнулся Обносковъ.— Но дѣло въ томъ, что эти милые кутежи стоятъ денегъ, и очень жаль, что вы не такъ богаты, чтобы кутить на свои деньги...

Digitized by Google

— Что же, не думаете ли вы, что я на чужой счетъ веселюсь?— строптиво спросилъ Павелъ.

— Я ничего не думаю, но именно этотъ вопросъ могъ интересовать добрѣйшаго Аркадія Васильевича. Вы живете на его счетъ, у васъ нѣтъ ничего своего, ни гроша за душой, а потому не худо бы знать, на что и какія деньги вы тратите?—отчеканивалъ Обносковъ.

— Я зарабатываю деньги,—старался сдержать себя подсудимый.

— Ну, ихъ, вѣроятно, не достанетъ на всѣхъ этихъ камелій и на всѣ эти разъѣзды, можетъ-быть, картежныя игры.

— Батюшка, и ты тоже не вѣришь, что я трачу на эти глупости только свои деньги?—спросилъ Павелъ, обращаясь къ Кряжову.

— Ну... — началъ Кряжовъ, все время задумчиво чертившій что-то ножомъ по тарелкѣ.

— Аркадій Васильевичъ такъ честенъ и добръ, — перебилъ Обносковъ: — что повѣритъ всему, что вы говорите ему. Но если даже вы и тратили, дѣйствительно, только свои деньги, а не его, не взятыя въ долгъ на сторонѣ, то и тогда подобная жизнь не могла бы найти себѣ никакого оправданія и непремѣнно должна повести васъ ко всѣмъ мерзостямъ, до которыхъ доходятъ подобные вамъ голяки, вздумавшіе тянуться за богачами.

— Ну, пожалуйста, не переходите изъ роли допросчика въ слишкомъ почетную для васъ роль наставника, — оборвалъ его Павелъ.—Наставленій вашихъ я не стану слушать. Къ этому не можетъ принудить меня и отецъ...

— Я говорю вамъ только то, что сказалъ бы и онъ, — произнесъ Обносковъ.

— Да, да, все это и я хотѣлъ сказать тебѣ,—замѣтилъ Кряжовъ, не слышавшій половины разговора и размышлявшій о своей собственной бурной молодости, полной молодого разгула, молодыхъ увлеченій и ошибокъ.

— Вы видите, что я имѣю право давать вамъ наставленія, хоть это и непріятно вамъ, — улыбнулся Обносковъ.—Но что бы ни было въ прошломъ, — оно непоправимо. Поэтому, самое лучшее будетъ съ вашей стороны сознаться, не сдѣлано ли вами долговъ, и если, къ счастью, вы не успѣли ихъ сдѣлать, а могли обойтись тѣми деньгами, которыя вы всегда можете достать здѣсь, то васъ попросятъ на будущее время измѣнить образъ жизни и побольше думать о дѣлѣ, а не о развратѣ.

Digitized by Google

— Да, да, Павелъ, сдѣлай мнѣ это удовольствіе и веди себя порядочно, — ласково промолвилъ Кряжовъ, полагая, что вся исторія пришла къ концу.

— Во всякомъ случаѣ, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ и я, мы постараемся слѣдить за вами болѣе зорко, чѣмъ слѣдили прежде,—ввернулъ Обносковъ.

— Что же это я буду жить подъ надзоромъ домашней полиціи и шпіоновъ-любителей?—гнѣвно воскликнулъ Павелъ.

— Вы это своего воспитателя шпіономъ называете?—ѣдко спросилъ Обносковъ.

— Нѣтъ, васъ!—рѣзко отвѣтилъ Павелъ.

— Ты опять-таки говоришь дерзости,—разсердился Кряжовъ. — Ты благодарить долженъ Алексѣя, что онъ заботится о тебѣ, заботится потому, что я прошу его объ этомъ... Н-да!

— Ты просишь?—блѣднѣя произнесъ Павелъ.—Такъ ты думаешь, что я когда-нибудь стану уважать этого человѣка, или подчиняться ему?

— Да, да, и будешь, если я заставлю!—сказалъ Кряжовъ съ какою-то старчески-добродушною и настойчивою увѣренностью.

— Ну, нѣтъ!

— Не нѣтъ, а да! И если я тебя жить у Алексѣя заставлю, такъ и жить тамъ будешь. Да!—настаивалъ Кряжовъ, до комизма стараясь быть строгимъ.

Онъ такъ сжился съ Павломъ, что все еще видѣлъ въ немъ того самаго ребенка, который сиживалъ у него когда-то на колѣняхъ.

— Въ такомъ случаѣ, я лучше заранѣе уйду изъ твоего дома,—промолвилъ Панютинъ.

— Этимъ-то, вѣроятно, и выразится ваша любовь къ отцу?—спросилъ Обносковъ и съ умысломъ впервые назвалъ въ этотъ день Кряжова отцомъ Павла.

— Какой я ему отецъ! Мы чужіе! Вы видите: жилъ-жилъ на квартирѣ, а теперь не понравилась, такъ на другую переѣхать хочетъ,—съ горечью промолвилъ старикъ.—Ну, что жъ, переѣзжай! Да поскорѣй переѣзжай! Что долго раздумывать? И тебѣ, и мнѣ покойнѣе будетъ.

— Покойнѣе всѣхъ будетъ вотъ этому мерзавцу, — вымолвилъ Павелъ, стискивая зубы, и указалъ на Обноскова.— Онъ погубилъ одну половину твоего счастія, теперь губитъ и послѣднюю. Жаль мнѣ тебя, отецъ.

Обносковъ позеленѣлъ.

Digitized by Google

— Что? — вскочилъ Кряжовъ со своего мѣста. — Ты, подобранный съ улицы, наплевалъ на меня за всѣ мои благодѣянія, да ты же еще смѣешь оскорблять горячо преданныхъ мнѣ и избранныхъ мною людей?

— Э, какое тутъ благодѣяніе, если подберутъ щенка, да потомъ станутъ его на веревкѣ водить и позволять каждому негодяю съ улицы ломаться надъ нимъ!—проговорилъ, задыхаясь, Павелъ.

— Если бы вы не были мальчишка, такъ вы расквитались бы со мною за свои дерзости,—прошипѣлъ Обносковъ.

— Напротивъ того, только изъ того, что вы не расплачиваетесь со мною, я и понимаю, что я уже не мальчишка,— разсмѣялся нервнымъ смѣхомъ Павелъ.

— Ступай вонъ!.. Иди!.. И не смѣй болѣе являться ко мнѣ на глаза!—кричалъ Кряжовъ.

Павелъ вышелъ. Кряжовъ зашагалъ по комнатѣ, развязалъ на ходу шейную косынку, швырнулъ ее въ сторону и разстегнулъ воротъ рубахи.

— Негодяй, какъ онъ разстроилъ васъ, — проговорилъ Обносковъ.

Кряжовъ ходилъ по комнатѣ, изрѣдка отирая ладонью свой лобъ.

— И вѣдь черствость сердца какая,—еще рѣшился произнести Обносковъ.

Кряжовъ все ходилъ молча. Взялъ со стола салфетку, отеръ ею вспотѣвшую шею и сталъ засовывать салфетку въ карманъ.

— Я пойду, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ. Прощайте,—поднялся съ своего мѣста Обносковъ, совершенно сконфуженный молчаніемъ тестя.

— Хорошо... Прощай!..

Кряжовъ даже не взглянулъ на зятя и продолжалъ шагать по комнатѣ изъ одного угла въ другой.

Изрѣдка потирая себѣ лобъ, старикъ размышлялъ о тысячѣ предметовъ. Думалось ему, что не умѣлъ онъ составить ни своего счастья, ни счастья любимыхъ дѣтей. «Вѣдь вотъ и Павелъ обозлился, нагрубилъ, уходитъ отъ меня, а все-таки ему не сладко. И у Груни есть какое-то горе, что-то случилось у нея съ мужемъ, отчего-то она худѣетъ... Теперь хоть въ могилу ложись, да умирай! И какъ это Алексѣй такъ повелъ дѣло, что разозлилъ Павла... Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, не мальчишка же Павелъ, не ребенокъ

Digitized by Google

онъ. А я чего смотрѣлъ? чего молчалъ, покуда Алексѣй говорилъ? Вѣдь я своими руками подложилъ огня къ ссорѣ... Ну, да и то сказать, могъ бы и помолчать передо мною Павелъ. Вѣдь не грубила же, покорялась же мнѣ Груня?» И вдругъ въ головѣ Кряжова возникли вопросы: нашла ли счастіе за свою покорность Груня? наслаждается ли она семейными радостями въ домѣ навязаннаго ей мужа? доставила ли эта покорность наслажденіе хотя самому ему, Кряжову?—На всѣ эти вопросы онъ готовъ былъ отвѣчать скорѣе отрицательно, чѣмъ утвердительно. Начались думы о томъ, что и самъ Кряжовъ велъ такую же жизнь, какую велъ Павелъ, что и онъ еще мальчишкой бѣжалъ изъ школы, потомъ студентомъ бѣжалъ отъ своего дяди, потомъ профессоромъ вышелъ въ отставку по капризу изъ университета.

— Что же, ужъ не мнѣ ли прощенія просить у Павла? нѣтъ, молодъ еще онъ для этого! — разсуждалъ старикъ.— И какой чортъ дернулъ Алексѣя впутаться въ это дѣло!— топнулъ онъ ногою, вытащилъ изъ кармана салфетку, чтобы отереть лобъ, посмотрѣлъ на нее съ какимъ-то тупымъ удивленіемъ и швырнулъ на полъ. — Правду Груня говорила, что ни я, ни Алексѣй не сумѣемъ повести дѣло,— продолжалъ онъ.—Однако, почему она такъ скверно говорила о мужѣ? На что намекалъ Павелъ, говоря, что Алексѣй погубилъ уже половину моего счастья? Что у нихъ тамъ дѣлается? Скрытная она, молчитъ все... Вотъ и Павелъ такой же былъ... За дурака они меня считаютъ, за безсильнаго ребенка... Да я ребенокъ и есть, не умѣю я жить... Вездѣ что-нибудь напутаю!..

Кряжовъ махнулъ рукой и снова шагалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Тревожный день взаимныхъ недоразумѣній окончился безсонной ночью. Рано утромъ Кряжовъ спросилъ у лакея:

— Павелъ дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, вчера ушли...

— Ничего не бралъ съ собою?

— Книги, кажется, взяли-съ... Такъ, узелокъ маленькій несли-съ подъ мышкой...

— Ступай!..

Кряжовъ опять ходилъ по комнатѣ.

— Ну, Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ! — шепталъ старикъ. — Я спокоенъ, я свое дѣло сдѣлалъ, я проживу и одинъ. У меня дѣло есть, мнѣ некогда тосковать. И что

Digitized by Google

мнѣ онъ?.. Чужой... Правда, привыкли жить вмѣстѣ, привыкли... Ну, да это ничего не значитъ. Отвыкну... Какъ не отвыкнуть!.. Къ тому же, онъ въ послѣднее время часто не бывалъ дома... Вѣдь я и безъ того почти всегда одинъ былъ.

Кряжовъ надувалъ и старался увѣрить себя, что Павелъ не каждый день сидѣлъ въ столовой, пока старикъ пилъ пиво.

Протянулось кое-какъ утро, настало время обѣда. Кряжовъ вошелъ въ столовую. На большомъ столѣ стоялъ только одинъ приборъ и столъ выглядѣлъ какимъ-то пустымъ. Слуга подалъ супъ и ушелъ. Кряжову не съ кѣмъ было говорить, некого было поджидать, не на кого было посердиться за поздній приходъ... Онъ молча принялся за супъ, зачерпнулъ ложку и остановился; передъ его глазами носился образъ какого-то чумазаго ребенка; вотъ мало-по-малу образъ ребенка превращается въ образъ бойкаго, но сурового и строптиваго мальчика; вотъ онъ становится задумчивымъ юношею съ страстными глазами, наконецъ, это уже совсѣмъ возмужалый молодой человѣкъ, быстро развернувшійся, стройный, лихорадочно подвижной, иногда увлекательно веселый, иногда какъ-то трогательно грустный, но всегда ласковый, даже въ минуты вспышекъ...

— Прикажете принять супъ?—спросилъ лакей, появляясь въ комнатѣ и видя, что Кряжовъ не ѣстъ.

— Убирай!.. Я не буду обѣдать, — очнулся Кряжовъ и всталъ.

Онъ провелъ рукой по лицу, оно было мокро: онъ опустилъ руку на грудь, на рубашкѣ были капли слезъ...

Точно забывъ что-то и тщетно стараясь вспомнить забытое, пошелъ Кряжовъ въ свою комнату, обвелъ ее глазами, пошарилъ что-то на полкахъ, повертѣлъ какую-то книгу, положилъ ее снова на мѣсто и безсознательно вышелъ изъ дома. Черезъ нѣсколько времени онъ сидѣлъ въ домѣ Обноскова передъ диваномъ, на которомъ лежала Груня; она не была больна, но чувствовала непомѣрную слабость и истому.

— Не хорошо, не хорошо хворать,—говорилъ старикъ, стараясь придать шутливый тонъ своимъ словамъ.

— Да ты самъ, папа, какъ-то дурно выглядишь сегодня,— замѣтила Груня, всматриваясь въ его лицо.

— Ничего, я-то здоровъ. Что мнѣ дѣлается!

Всѣ помолчали.

Digitized by Google

— Ну, а что Павелъ? Говорилъ ты съ нимъ?

— Да, да, все пустяки.

— Ну, я такъ и знала, что ты не правъ,—обратилась Груня къ мужу съ торжествующимъ лицомъ.

— Аркадій Васильевичъ говоритъ про ничтожность объясненія, а не про самый фактъ, заявленный мною. Оказалось, что Павелъ, дѣйствительно, кутилъ, моталъ деньги и даже, вдобавокъ, вмѣсто раскаянья, надѣлалъ грубостей отцу и мнѣ, — произнесъ Обносковъ, не обращая вниманія на таинственные знаки тестя, приглашавшіе его замолчать.

— Ты развѣ былъ при ихъ объясненіи? — поднялась Груня на локтѣ, чтобы лучше видѣть лицо мужа, на которомъ она научилась читать всѣ тайные помыслы.

— Былъ.

— Ну? ну? Что же? чѣмъ же кончилось? — спрашивала она, уже не помня, что говорить, и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Пустяки, пустяки все! — заговорилъ Кряжовъ и тихонько замахалъ рукою, дѣлая очень выразительные глаза.

— Кончилось тѣмъ, что онъ ушелъ изъ дому твоего отца,—объяснилъ сухо Обносковъ.

— Какъ ушелъ?—крикнула Груня.

— Совсѣмъ... Неблагодарный мальчишка!..

— Что я надѣлала, что я надѣлала! Зачѣмъ я бѣжала изъ отцовскаго дома, когда я могла спасти брата!—закрыла лицо руками Груня и зарыдала.

— Дитя мое, что съ тобою? Когда же ты бѣжала изъ моего дома? — подошелъ поспѣшно къ ней съ утѣшеніемъ Кряжовъ, думая, что Груня говоритъ о своемъ замужествѣ, и не зная о ея вчерашнемъ посѣщеніи его дома.

— Она бредитъ, я за докторомъ съѣзжу, — сказалъ Обносковъ.

— И какъ вы допустили его уйти,—рыдала Груня.—Вы оба, оба погубили его! Знали, что онъ гибнетъ, что онъ стоитъ надъ пропастью, и въ эту минуту рѣшились оттолкнуть его отъ себя! Куда онъ пойдетъ? Къ тѣмъ развратнымъ женщинамъ, у которыхъ онъ, по вашимъ словамъ, проводилъ время? Къ тѣмъ гнуснымъ кутиламъ, съ которыми, какъ вы говорите, онъ былъ друженъ? Вѣдь вы знали, что у него нѣтъ другихъ знакомствъ, что вы держали его взаперти, вдали отъ общества. И какъ тебѣ-то не стыдно, отецъ! Если Алексѣй умѣетъ только ненавидѣть всѣхъ, только рыть яму всѣмъ, то у тебя-то такое мягкое, доброе сердце...

Digitized by Google

— Дитя мое, дитя мое, успокойся,—говорилъ старикъ и поспѣшно вызвалъ Обноскова въ другую комнату.

— Съѣзди за докторомъ, она больна,—сказалъ онъ.

Черезъ полчаса явился докторъ, нашелъ въ своей паціенткѣ маленькій жаръ, маленькое нервное раздраженіе, маленькую слабость, объявилъ, что, можетъ-быть, все пройдетъ само собою, что, можетъ-быть, болѣзнь разовьется, но что во всякомъ случаѣ больной прежде всего нужно спокойствіе. Послали за лѣкарствомъ, заплатили доктору за визитъ и оставили больную одну. Иного средства для успокоенія нѣтъ...

— Мнѣ надо объясниться съ вами,—сказалъ Обносковъ Кряжову.

— Извини, Алексѣй Алексѣевичъ, я сегодня неспособенъ ни на какія объясненія. Довольно вчерашняго... Береги свою жену, а я зайду завтра, — проговорилъ старикъ и ушелъ.

Обносковъ не спалъ всю ночь. Онъ былъ встревоженъ, его мучила ревность, въ головѣ роились разныя подозрѣнія.

— Что же это, мальчишка—соперникъ?—шепталъ онъ въ ярости. — Отлично! отлично!.. онъ хорошъ собою, онъ ловокъ, здоровъ, а я слабъ, боленъ, дуренъ, какъ же не полюбить его! И это такъ удобно исполнить, имѣя занятаго дѣломъ мужа: мужъ въ должность,— жена на свиданіе; мужъ горбъ гнетъ, — жена хохочетъ въ это время съ молокососомъ-возлюбленнымъ... Никто вѣдь не узнаетъ! Это не дѣвушка развратничаетъ, уликъ нѣтъ... Потому мы и замужъ пошли, не любя, свобода была нужна. Не за гимназиста же было, въ самомъ дѣлѣ, выйти... Не ждать же, когда онъ подрастетъ... ха-ха-ха! Славные люди, славное поколѣніе растетъ!.. Подлецы, подлецы! Сгністе вы у меня оба, я васъ придушу, медленно придушу,—медленно, какъ вы опутывали меня сѣтью своихъ интригъ... И за что это, Господи? За что все противъ меня? Потому, что я иду прямымъ путемъ, потому, что я стою за правду, за свои права... Вѣдь умри она, ее же назовутъ жертвой... Палача назовутъ жертвой... Вѣдь нужно допускать свободу чувства, кормить развратныхъ женъ, воспитать незаконнорожденныхъ дѣтей! Это все модныя идеи!.. Господи, у меня голова кругомъ идетъ!—восклицалъ Обносковъ и, почти рыдая, въ изнеможеніи падалъ на диванъ.

На слѣдующій день онъ пошелъ въ должность въ самомъ тревожномъ настроеніи духа. Ему хотѣлось остаться дома,

Digitized by Google

пролежать день, но манкировать службой было не въ его характерѣ.

Около двѣнадцатаго часа Груня позвала къ себѣ горничную.

— Баринъ ушелъ?—спросила она.

— Ушли-съ.

— А Марья Ивановна?

— На рынкѣ-съ.

— Одѣнь меня.

Горничная помогала Грунѣ одѣться.

— Найми извозчика.

— Что вы, барыня, вамъ нельзя выѣзжать.

— Найми извозчика: мнѣ надо ѣхать...

— Охъ, да вѣдь меня бранить будутъ, со свѣту сживутъ...

— Ничего не сдѣлаютъ... милая, сходи за извозчикомъ...: Я тебя возьму къ себѣ... въ домъ отца.

— Да развѣ вы совсѣмъ хотите уѣхать отсюда?—изумилась горничная.

— Совсѣмъ.

Черезъ полчаса Груня, шатаясь отъ слабости, входила въ квартиру своего отца.

— Дитя мое, какъ тебя отпустили, какъ ты сюда попала? — всплеснулъ руками старикъ и бросился поддержать дочь.

— Папа, я болѣе не уйду отъ тебя,—слабымъ голосомъ произнесла она, теряя послѣднія силы, и прижалась къ груди отца.—Они меня измучили... Я презираю, я ненавижу ихъ. Я лучше пойду въ могилу, чѣмъ вернусь къ нимъ.

Кряжовъ отшатнулся отъ нея, но она едва не упала отъ слабости. Старикъ бросился къ ней и обнялъ ее.

— Разскажи, что случилось, что случилось, — говорилъ онъ, обнимая и поддерживая ее, свое единственное сокровище.

— Не спрашивай, я ничего не стану разсказывать. Но не выгоняй, ради Бога, не выгоняй меня! — еще крѣпче прижалась Груня къ отцу.

— Дитя мое, дитя мое, могу ли я выгнать тебя! — воскликнулъ старикъ, поднялъ Груню и, какъ ребенка, какъ въ былые годы ея дѣтства, донесъ дочь до ея старой дѣвической спальни. — Вотъ ты и опять здѣсь, какъ прежде, какъ жила дѣвочкой!..

Груня въ изнеможеніи закрыла глаза и впала въ забытье. Кряжовъ сидѣлъ надъ ней, понуривъ свою львиную

Digitized by Google

сѣдую голову, и о чемъ-то думалъ. Невыносимой тоской дышала каждая черта его честнаго, обрюзглаго старческаго лица...

Груня не шевелилась.

XIX.

Отецъ и мужъ.

Кряжовъ сидѣлъ у постели дочери, не замѣчая, какъ летитъ время, и не дѣлалъ никакихъ распоряженій, даже не посылалъ за докторомъ. Онъ былъ совершенно ошеломленъ неожиданною бѣдою. Въ его головѣ былъ какой-то хаосъ, мысли путались и не вязались одна съ другою. Старикъ не зналъ, что начать дѣлать, какъ поправить случившееся несчастіе. Съ самаго дѣтства не умѣлъ онъ справляться съ житейскими невзгодами и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ находилъ спасеніе себѣ только въ бѣгствѣ: такъ онъ бѣжалъ отъ розогъ изъ школы, бѣжалъ отъ неволи изъ дома своего дяди, бѣжалъ отъ стѣснительныхъ для его преподаванія мѣръ изъ университета, вѣроятно, убѣжалъ бы и отъ своей жены, если бы она была дурна. Но въ настоящемъ положеніи патентованное средство никуда не годилось и на мѣсто его требовалась дипломатическая тонкость для объясненій съ зятемъ; а именно этой-то способности и не было у Кряжова, не умѣвшаго, какъ мы знаемъ, ни въ какихъ случаяхъ объясняться съ людьми. Старикъ теперь кипятился и злился, хотя именно въ эту минуту ему всего нужнѣе было спокойствіе и хладнокровіе. Рѣзкій звонъ колокольчика въ передней вывелъ его изъ оцѣпенѣнія и заставилъ поспѣшить въ другую комнату, чтобы встрѣтить непрошеннаго гостя. Входя въ столовую, Кряжовъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ зятемъ. Обносковъ былъ встревоженъ не менѣе тестя.

— Что у васъ тамъ вышло съ женою?—сурово спросилъ Кряжовъ у зятя, не подавая ему руки.

— Она здѣсь? — торопливо спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Здѣсь.

— Слава Богу, слава Богу!—обрадовался Обносковъ и, вздохнувъ свободно, отеръ со своего плоскаго лба крупныя капли пота.—Фу, какъ я струхнулъ!.. Вѣдь я ужъ думалъ, что въ бреду горячки она, Богъ знаетъ, куда убѣжала... Вы не можете себѣ представить, какъ это меня перевернуло... Мать прискакала въ должность, говоритъ: «жена

Digitized by Google

убѣжала!» я ничего не могу въ толкъ взять, въ головѣ какой-то туманъ,—отвратительная минута!..

Обносковъ налилъ себѣ воды и залпомъ опорожнилъ стаканъ.

— Не въ томъ дѣло! — прервалъ его Кряжовъ, хмуря брови.—Я спрашиваю, что у васъ тамъ вышло съ женою?

— Ничего не выходило,—отвѣчалъ уже болѣе спокойно Обносковъ.

— Какъ ничего не выходило?

— Я ее со вчерашняго вечера, когда вы у насъ были, и не видалъ даже.

— А какъ вы съ ней постоянно-то обращались? Какъ жили?—раздражительно промолвилъ тесть.—Мучили ее!

— Что съ вами, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ? — изумился зять, слыша строптивый тонъ старика.—Живемъ мы, слава Богу, мирно, тихо... Вы сами знаете, что иначе я и не могу жить при моихъ занятіяхъ... Но меня удивляетъ, добрѣйшій...

— Убирайтесь вы къ чорту со своимъ *добрѣйшимъ*!.. Что я вамъ за добрѣйшій достался! Вы меня за мокрую курицу считаете, что ли?—вышелъ изъ себя плохой дипломатъ и ближе подступилъ къ Обноскову, отступившему на шагъ назадъ.

Начало не сулило ничего хорошаго.

— Что съ вами?

— А то, сударь, что вы измучили мою дочь. То, сударь, что она, Груня, мое дитя, не воротится больше въ вашъ домъ!.. Понимаете вы это?

Обносковъ въ изумленіи довольно широко открылъ свои подслѣповатые глазки и еще на шагъ отступилъ передъ угрожающей фигурой стараго ex-профессора.

— Что же это такое? — прошепталъ онъ, слегка измѣняясь въ лицѣ. — Разрывъ... бѣгство... это уже не бредъ, не горячка...—потеръ онъ рукою лобъ.—Да нѣтъ! Вы разстроены, вы сами не знаете, что вы говорите!—промолвилъ онъ и выпилъ еще стаканъ воды. — Глупости какія-нибудь пришли въ голову женщинѣ, а вы изъ мухи слона сдѣлали... Гдѣ она? Я пойду къ ней... Надо переговорить...

Обносковъ совсѣмъ растерялся.

— Я вамъ сказалъ, что вы ее не увидите, и она не воротится въ вашъ домъ, — сердито топнулъ ногою Кряжовъ и заходилъ по комнатѣ.

Digitized by Google

— Помилуйте, кто же ей позволитъ оставаться здѣсь?— нетерпѣливо пожалъ плечами зять.

— Я! Слышите вы: я! — крикнулъ Кряжовъ, точно онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, перекричать, если не убѣдить зятя, и рванулъ съ шеи свою косынку.—Я ее не пущу къ вамъ; не пущу, если она сама захочетъ идти къ вамъ... Мало того, что вы сами мучили жену, такъ вы позволяли своей матери мучить ее... Вы отъ чужихъ прячете эту бабу; она за кулисами, когда у васъ гости; вамъ стыдно показать это неотесанное чучело постороннимъ людямъ, но не стыдно заставлять жену жить изо-дня-въ-день съ этою грубою тварью...

— Послушайте, — началъ задыхающимся, но сдержаннымъ голосомъ Обносковъ. — Я извиняю ваши дерзости только потому, что вы стары и не помните, что говорите... Вы раздражены... Я понимаю ваше положеніе. Вы слѣпо любите свою дочь, вы не можете видѣть ея слезъ... Она, вѣроятно, разсердилась на меня и на мою мать за какую-нибудь мелочь, пришла къ вамъ жаловаться, расплакалась и разстроила васъ окончательно...

Кряжовъ молча продолжалъ шагать по комнатѣ, опустивъ на грудь свою сѣдую львиную голову.

— Вы знаете,—продолжалъ зять, успокоиваясь подъ мѣрное теченіе своей рѣчи: — что я человѣкъ не свѣтскій, не паркетный шаркунъ, не праздный острякъ... Я не умѣю и не желаю быть любовникомъ своей законной жены, я считаю брачный союзъ слишкомъ священнымъ для того, чтобы осквернять его мелкимъ развратцемъ любезностей, ухаживаній и безконечныхъ поцѣлуевъ... Можетъ-быть, моей женѣ,—извините меня за этотъ упрекъ вамъ,—начитавшейся въ вашемъ домѣ разныхъ современныхъ развратныхъ романчиковъ, захотѣлось на мигъ имѣть именно такого мужа-любовника. Но она, какъ умная по природѣ женщина, испорченная только воспитаніемъ, скоро пойметъ, что церковь не для этого освящаетъ союзъ мужа и жены. Теперь повѣтріе на бѣгство женъ и мужей, это зараза въ воздухѣ, внесенная десяткомъ развратныхъ сорванцовъ, подтачивающихъ всѣ основы честной, законной и, говорю смѣло, христіанской жизни... Не намъ съ вами, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, потакать этому злу. Мы призваны на борьбу съ нимъ,—вы по лѣтамъ, я по убѣжденіямъ...

Кряжовъ давно уже сидѣлъ у стола, скорбно опустивъ на руки голову, и, кажется, не слышалъ рѣчей Обносковъ.

Digitized by Google

— Помните, другъ мой, — продолжалъ зять, сверкая узенькими глазами: — сколько разъ мы толковали съ вами здѣсь, въ затишьѣ семейнаго кружка, объ этихъ прискорбныхъ, все чаще и чаще повторявшихся заблужденіяхъ? Вы смотрѣли съ такимъ же неподдѣльнымъ ужасомъ, какъ и я, на этихъ несчастныхъ жертвъ, бѣжавшихъ при первой размолвкѣ отъ законныхъ мужей. Мы знали, что ихъ ждетъ развратъ, позоръ и гибель. Какъ же вы хотите, чтобы я, зная ваши убѣжденія на этотъ счетъ, хоть на минуту повѣрилъ, что вы желаете содѣйствовать разврату и гибели своей любимой дочери?

Кряжовъ молчалъ. Все ниже и ниже склонялась его сѣдая голова, все болѣе скорбнымъ становилось выраженіе его лица. Обносковъ съ невольнымъ удивленіемъ, почти съ любопытствомъ, смотрѣлъ на эту безмолвную, полную тоски и горя фигуру старика.

— Успокойтесь, бѣдный мой другъ, — съ покровительствомъ и участіемъ произнесъ Обносковъ, подходя къ старику и дотрогиваясь до его плеча.—Дѣло поправимое!

Этотъ тонъ снисхожденія внезапно вывелъ Кряжова изъ забытья. Старикъ вскочилъ и поднялъ голову.

— Прочь, негодяй!—крикнулъ онъ, встряхивая съ омерзѣніемъ плечомъ, до котораго дотронулся зять. — Я тебя изъ своихъ рукъ задушу, если это будетъ нужно для свободы моей дочери. Я черезъ твой трупъ перенесу ее на волю, бездушная, пресмыкающая тварь!.. Сожалѣніе!.. Ты смѣешь жалѣть меня!.. Понимаешь ли ты, что ты надѣлалъ?.. Ты человѣка загубилъ! Мою дочь загубилъ!.. Да что я говорю: дочь! Ты загубилъ насъ всѣхъ, все наше счастіе, весь нашъ семейный миръ... Слышишь ты? — трясъ Кряжовъ зятя за плечи, какъ бы готовясь вышвырнуть его за окно на улицу.

— Что же это, убійство? — прошепталъ Обносковъ глухимъ голосомъ, обезсилѣвъ въ могучихъ рукахъ старика, и его лицо исказилось отъ страха.

Кряжовъ опомнился и съ отвращеніемъ оттолкнулъ отъ себя это больное, слабое и трусливое созданіе. Обносковъ едва переводилъ духъ и тяжело опустился на кресло.

— Ты лучше не являйся ко мнѣ на глаза,—ворчалъ съ угрозой старикъ, шагая въ волненіи по комнатѣ. — Ты умѣешь говорить... ну, а я не привыкъ съ такими подлецами объясняться... Н-да, не умѣю и, слава Богу, что не умѣю!.. Не готсвился въ дипломаты,—ворчалъ вполголоса Кряжовъ.

Digitized by Google

— Вы... вы... не забудьте, — съ усиліемъ шепталъ зять, дрожа отъ недавняго испуга и злобы:—что у насъ... у насъ есть законы...

— Да... есть законы! — пробормоталъ Кряжовъ, разводя руками. — Ну, и обращайся къ нимъ, когда я тебѣ расшибу голову!—скрипнулъ онъ зубами и вышелъ въ другую комнату.—Есть законы,—говорилъ онъ самъ съ собою, шагая въ другой комнатѣ. — И нечѣмъ оправдать бѣгство жены отъ такого мужа: тихій, скромный, не развратникъ, ну, и должна жить вмѣстѣ! Вѣдь и точно, не потакать же гнуснымъ прихотямъ всякой развратницы, захотѣвшей бѣжать отъ законнаго мужа! Вѣдь ее не насильно за него выдавали!.. Да, это значитъ: погубить ее же, если позволить ей бѣжать... Да, да, это все *мои* слова, *мои* убѣжденія!.. Дитя мое, дитя мое, что я съ тобой сдѣлалъ!—рыдалъ, какъ ребенокъ, старикъ, припадая къ постели лежавшей безъ движенія дочери. — До сѣдинъ дожилъ, общество всю жизнь училъ, а не научился понимать людей, не сумѣлъ понять, что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю... Старый дуракъ, паяцъ въ шутовской одеждѣ!

Кряжовъ рванулъ воротъ своей рубашки такъ, что у него отлетѣли пуговицы. Въ эту минуту, должно-быть подъ вліяніемъ восклицаній отца, Груня стала бредить во снѣ.

— Что же докторъ не идетъ? — очнулся старикъ. — Вѣдь я, кажется, посылалъ за нимъ... Нѣтъ!.. Забылъ... Дуракъ, дуракъ!.. Недостаетъ еще, чтобы самъ ее уморилъ теперь!

Старикъ бѣгомъ отправился въ людскую и поднялъ на ноги всю прислугу... Бѣготня, толки докторовъ, посылка за лѣкарствомъ, хлопоты около больной, и все это утихло только къ ночи, когда, наконецъ, въ домѣ настала тишина и покой. Вездѣ погасили огонь, всѣ уснули и только едва-едва теплилась лампа съ темнымъ абажуромъ въ спальнѣ лежавшей безъ памяти Груни, у постели которой не спалъ Кряжовъ: онъ сидѣлъ, въ полумракѣ, въ большомъ креслѣ, опустивъ на грудь и поддерживая одною рукой свою сѣдую голову.

Идутъ дни за днями своимъ чередомъ. Кряжовъ не заглядываетъ въ свой любимый, уютный кабинетъ. Пусто и тихо въ этой комнатѣ. Пыль покрываетъ книги; до нихъ никто не дотрогивается; нѣкоторыя изъ нихъ такъ и остались открытыми, какъ бросилъ ихъ хозяинъ, выбѣжавъ навстрѣчу къ своей дочери, пришедшей искать спасенія, мо-

Digitized by Google

жетъ-быть, спокойствія могилы въ отцовскомъ домѣ; какъ-то непріятно дѣйствуютъ на глаза эти открытыя страницы, занесенныя густымъ слоемъ пыли, словно онѣ говорятъ о скоропостижной смерти труженика, словно напоминаютъ, что у этого труженика не было въ мірѣ ни одного близкаго существа, которое закрыло бы съ священной скорбью недописанную имъ страницу. Такое любимое существо было у Кряжова, и у его-то постели проводитъ онъ теперь дни, для этого-то любимаго существа бросилъ онъ недописанныя страницы своихъ изысканій и не заботится ни о пыли, осѣдающей на свѣжія чернила, ни о мышахъ, которыя могутъ, если имъ вздумается, обгрызать эти исписанные листы. Все это писалось для науки, для общества, для потомства, можетъ-быть; но что за дѣло теперь старику до этихъ любимыхъ умомъ предметовъ, когда судьба отрываетъ у его сердца всю его жизнь — его любимую дочь? Онъ долженъ быть здѣсь: у ея постели его мѣсто. Это мѣсто его нравственной пытки, его лобное мѣсто, но старикъ не хочетъ, ради чего бы то ни было, уступить это мѣсто другому. Оно надрываетъ его старое сердце, но оно дорого ему. Тянется долгій мучительный день, — старикъ чутко прислушивается къ каждому шороху и трепещетъ, что вотъ-вотъ раздастся звонокъ въ передней, отворится дверь и появится въ этой комнатѣ зять, чтобы потребовать къ себѣ свою жену. Какъ подѣйствуетъ его появленіе на больную? Не убьетъ ли оно сразу это хрупкое существо? Можетъ-быть, и убьетъ, но какъ предупредить это естественное появленіе зятя, какъ устранить отъ постели дочери ея законнаго мужа?.. Но, слава Богу, день, проклятый, истомившій нервы, меркнетъ: мужъ дочери не приходилъ, теперь можно успокоиться до слѣдующаго дня. Успокоиться? Едва ли! Наступаетъ ночь, воцаряется тишина, — но старикъ тщетно старается задремать въ своемъ большомъ креслѣ. Сонъ не идетъ, а идутъ новыя страшныя думы. Эта проклятая ночь не разгоняетъ ихъ, она какъ будто только для того и тиха, и беззвучна, чтобы не нарушать этихъ думъ, — и онѣ все растутъ и растутъ. Что будетъ, если дочь выздоровѣетъ? Не должна ли она идти на новыя муки, не будетъ ли ея выздоровленіе только средствомъ заставить ее переносить новыя страданія, новыя сцены, новыя болѣзни? Такъ лѣчили преступниковъ, чтобы они имѣли возможность получить недоданные имъ удары кнута... Такъ неужели же нужно желать, чтобы она умерла?

Digitized by Google

Отцу желать смерти любимой дочери?.. У старика болѣзненно сжимается сердце, и онъ начинаетъ тревожно прислушиваться къ дыханію дочери: жива ли она? ужъ не умерла ли и въ самомъ дѣлѣ? Но вотъ она бредитъ, вотъ она чуть слышно шепчетъ его имя, имя мужа, имя Павла... Новыя воспоминанія, новую пытку переживаетъ старикъ. Гдѣ Павелъ? За что разорвана связь и съ этимъ дорогимъ существомъ? Что оно дѣлаетъ? Не гибнетъ ли въ омутѣ столичной жизни?.. А бредъ дочери все продолжается, вотъ слышатся слова любви... Она говоритъ о любви, ужъ не любила ли она Павла болѣе, чѣмъ брата? Онъ былъ хорошъ, она молода; они росли вмѣстѣ, они сжились вмѣстѣ по чувствамъ, по мыслямъ, по стремленіямъ... Да, да, они любили другъ друга... Любили! Они и теперь любятъ другъ друга... Безнадежная любовь эта—источникъ новыхъ мукъ. Жить съ ненавистными людьми, терпѣть отъ нихъ гоненія и знать, что гдѣ-то близко есть любящее, дорогое существо, съ которымъ можно бы прожить счастливо всю жизнь, да вѣдь это невыносимо... Но гдѣ же исходъ, гдѣ исходъ?.. Опустивъ на руки свою измученную голову, сидитъ старикъ до утра, и болью отдается въ его сердцѣ каждое слово, произнесенное въ бреду его дочерью, и такою же болью сжимается его сердце, когда кругомъ воцаряется могильная тишина, и дочь лежитъ, подобно трупу, безъ всякаго движенія на постели...

Да, это лобное мѣсто для Кряжова. Даже нѣтъ въ его головѣ мысли, что онъ наказанъ безъ вины, что онъ правъ. Даже не ищетъ никакого оправданія себѣ этотъ честный и прямодушный старикъ. Онъ сознаетъ, что онъ не подлецъ, не негодяй, но онъ слабый человѣкъ, неопытный младенецъ въ дѣлахъ жизни, а это хуже подлости. Подлецъ имѣетъ опредѣленную цѣль, подлецъ знаетъ, кого онъ долженъ погубить своею подлостью, подлецъ знаетъ, что его можетъ встрѣтить наказаніе за его поступки; но ничего этого не знаетъ слабый и неопытный человѣкъ: нѣтъ у него умѣнья достигнуть полезной цѣли, не предвидитъ онъ, кто можетъ погибнуть отъ его безсознательныхъ и неумѣлыхъ поступковъ, не понимаетъ онъ, что и его можетъ ждать казнь за эти поступки, безполезные, можетъ-быть, даже для него самого. Подлецъ съ полнымъ сознаніемъ губитъ враговъ и стоитъ за своихъ сторонниковъ; слабый человѣкъ очень часто безсознательно помогаетъ врагамъ и запутываетъ положеніе своихъ друзей...

Digitized by Google

Жизнь въ эти дни казалась Кряжову какимъ-то тягостнымъ сномъ, невыносимымъ кошмаромъ, горячечнымъ бредомъ. Его заставило отчасти очнуться и вспомнить о необходимости дѣйствовать письмо зятя:

«Ваше возмутительное обращеніе со мною при нашей послѣдней встрѣчѣ,—писалъ, между прочимъ, зять въ своемъ длинномъ-посланіи: — заставило меня отказаться отъ личныхъ переговоровъ съ вами и прибѣгнуть къ письменнымъ объясненіямъ. Я узналъ отъ вашей прислуги, что моя жена опасно больна. Очень естественное чувство заботы о ея здоровьи заставляетъ меня не требовать ея немедленнаго возвращенія въ мой домъ въ настоящую минуту. Мнѣ тяжело не видать ея, но приходится въ этомъ случаѣ покориться судьбѣ. На вашъ уходъ за нею я надѣюсь вполнѣ, зная, какъ вы любите ее, и потому я покоенъ хотя въ этомъ отношеніи. Не желая тревожить и раздражать ее, покуда она будетъ слаба, я обѣщаюсь вамъ не являться ей на глаза. Но за эти уступки *вы обязаны*, какъ честный человѣкъ, какъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, приложить всѣ свои старанія для внушенія своей дочери твердыхъ понятій о ея долгѣ. Не думайте, многоуважаемый Аркадій Васильевичъ, что вы этимъ сдѣлаете только услугу мнѣ, нѣтъ! Вы спасете честь своего семейства, спасете свою дочь и избавите себя отъ скандала и огласки всей этой прискорбной исторіи. *Вы должны* подготовить свою дочь къ лучшему пониманію супружескихъ обязанностей, потому что *именно вы* должны загладить этимъ свое прошлое неумѣнье воспитать честную женщину—жену и мать семейства. Вы должны исправить прошлое и ради того, чтобы для вашей дочери началась мирная и счастливая жизнь въ домѣ ея мужа. Поймите, что только моя любовь къ женѣ заставляетъ меня временно уклониться отъ тѣхъ мѣръ, на которыя я имѣю полное, неоспоримое и, такъ-сказать, священное право. Я даю вамъ срокъ уладить все прочнѣе, спокойнѣе, безъ ломки, безъ шуму. Но я долженъ предупредить васъ, что никто не заставитъ меня отказаться отъ моихъ законныхъ правъ. Я не изъ тѣхъ, которые грабятъ, и не изъ тѣхъ, которыхъ грабятъ. Законность для меня выше всего, и я еще не считаю себя въ правѣ думать, что вы серьезно придерживаетесь другого образа мысли. Живую или мертвую, но я ворочу въ свой домъ свою жену и не позволю ни одному мерзавцу смѣяться надо мною. Мы, слава Богу, живемъ въ такомъ обществѣ

Digitized by Google

и въ такія времена, что можемъ найти справедливый судъ и расправу. Говорю все это вамъ, чтобы вы смотрѣли серьезнѣе на свою задачу примирителя и не думали, что есть какой-нибудь незаконный путь для удовлетворенія каприза вашей дочери. Этого пути нѣтъ. Вы знаете, что она должна или вернуться ко мнѣ въ домъ, или идти въ монастырь; послѣдняго она, конечно, не сдѣлаетъ, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ случай узнать ея, къ несчастію, очень печальный взглядъ на такіе предметы, какъ монастыри.»

Кряжовъ опустилъ руки, прочитавъ посланіе. Онъ увидалъ необходимость выпросить у зятя отсрочку для вступленія Груни въ домъ мужа... Начинаются переписка, свиданія, переговоры. Обносковъ держитъ себя холодно, спокойно, съ достоинствомъ, иногда язвительно подсмѣивается надъ старикомъ. Кряжовъ сначала проситъ, почти умоляетъ, потомъ раздражается, бушуетъ и вдругъ приходитъ въ себя, сознаетъ свое положеніе и снова переходитъ къ просьбамъ. Но оба выглядятъ не весело, не хорошо, лица обоихъ осунулись, пожелтѣли; Кряжовъ ходитъ невѣрною походкою, Обносковъ сильно кашляетъ.

— Скорѣй надо ковать желѣзо, скорѣй!—говорилъ Обносковъ на прощаньи съ Кряжовымъ.—Вы видите, чего намъ обоимъ стоитъ эта исторія. Мы оба въ гробъ смотримъ и уходимъ себя, если не кончимъ дѣла скорѣе...

— Подождите, дайте ей совсѣмъ поправиться, тогда я ее подготовлю къ свиданію съ вами... Ради Бога, подождите, теперь она такъ слаба,—умоляетъ старикъ.

— Вы видите: я жду... Вѣдь надо удивляться, какъ иногда бываютъ снисходительны тираны-мужья, — насмѣшливо и злобно заключаетъ Обносковъ:—и какъ не снисходительны ихъ страдалицы-жены. Тиранъ-мужъ боится женѣ на глаза показаться, чтобы не повредить ея здоровью излишними волненіями, а страдалица-жена позоритъ мужа, бросаетъ его по капризу, доводитъ его чуть не до могилы... Дивныя дѣла бываютъ на свѣтѣ!

Кряжовъ молча и задумчиво выслушиваетъ эти желчныя слова, и въ его головѣ вертится мысль:

«А что если *онъ* умретъ черезъ полгода? какъ бы протянуть это время?»

Старикъ пристальнѣе всматривается въ лицо зятя: оно желто, изнуренно и мѣстами на щекахъ горитъ пятнами зловѣщій румянецъ.

«Умретъ, скоро умретъ!.. А можетъ-быть, еще десятки

Digitized by Google

лѣтъ проживетъ!» думается старику, и онъ боится этой послѣдней мысли; гонитъ ее отъ себя... Да, онъ, честный, прямодушный, не стыдится теперь желать смерти ближнему; старикъ не стыдится желать смерти молодому человѣку!

XX.

Заря новой жизни.

— Дитя мое, не холодно ли здѣсь... Не простудись... И зачѣмъ ты ходишь одна, ты еще такъ слаба, — такъ говорилъ однажды Кряжовъ, заботливо суетясь около дочери, перешедшей въ столовый залъ безъ его вѣдома.

Она была еще слаба и блѣдна, но уже могла ходить безъ посторонней помощи. Закутанная въ большую шаль, она полулежала теперь въ дорогомъ ей по воспоминаніямъ креслѣ и, не слыша словъ отца, задумчиво смотрѣла на огонь, пылавшій въ каминѣ.

— Позволь, я проведу тебя въ твою спальню,—уговаривалъ ее старикъ.

— А-а! ты здѣсь, — очнулась молодая женщина отъ забытья.—А я мечтала... Все воспоминанія... Скажи мнѣ, что ты знаешь о немъ?—отрывисто говорила она, какъ будто отецъ долженъ былъ знать, о комъ она думала во время своихъ мечтаній.

— Какъ бы тебѣ сказать, дитя мое,—смѣшался старикъ, не понимая ея вопроса и не желая показать этого.—Покуда я ничего не могу сказать навѣрное... Я не знаю...

— Такъ ты справься... Я хотѣла бы знать, что онъ дѣлаетъ, какъ живетъ.. Неужели ты совершенно разлюбилъ его?.. Вѣдь онъ росъ на твоихъ рукахъ, онъ былъ близокъ тебѣ, какъ сынъ... Не понимаю я, какъ это могутъ люди забывать другъ друга только потому, что не родные!..

— Что ты, что ты, голубка! Я его и теперь помню, люблю, какъ сына,—поторопился сказать Кряжовъ, понявъ, о комъ идетъ рѣчь.—Я на-дняхъ пошлю узнать... Это время все о тебѣ хлопоталъ, совсѣмъ потерялся... Хорошая моя, напугала ты меня!

Кряжовъ ласкалъ дочь, но она была какъ-то апатично холодна. Казалось, что вмѣстѣ съ здоровьемъ отцвѣла ея любовь, погибла ея нѣжность. Постоянно задумчивая, постоянно молчаливая, она не ласкалась, какъ прежде, къ отцу, не говорила съ нимъ по цѣлымъ часамъ и какъ-то разсѣянно слушала его болтовню. Онъ же никогда не былъ такъ говорливъ, какъ теперь. Казалось, что онъ хочетъ воз-

Digitized by Google

наградить себя за долгіе дни молчанія и одинокой тоски. Подъ его говоръ нерѣдко засыпала дочь въ своемъ большомъ креслѣ. У старика навертывались на глаза слезы, когда онъ замѣчалъ, что дочь не слушала его и заснула, но онъ быстро оправлялся и тихо, осторожно отвозилъ больную въ креслѣ въ ея комнату, гдѣ, при помощи горничной, укладывалъ дочь, какъ ребенка, въ постель.

— Дитя мое, я справился о немъ,—толковалъ, радостно потирая руки, Кряжовъ на другой день послѣ разспросовъ дочери о Павлѣ.

— Ну и что же?—спросила молодая женщина.

— Ничего, работаетъ, здоровъ.

— Не думаетъ зайти къ намъ?

— Какъ бы тебѣ это сказать... Онъ заходилъ, то-есть не то чтобы заходилъ, а справлялся о твоемъ здоровьи у дворника... почти каждый день справлялся... Я это отъ лакея вчера узналъ... Да этого и нужно было ожидать. Я всегда былъ увѣренъ, что Павелъ насъ любитъ. Строптивъ онъ, непокоренъ, но насъ никогда не забудетъ. Добрая душа!

Дочь молча слушала болтовню разговорившагося старика.

— Н-да, справлялся и не зашелъ,—качая головою, разсуждала она какъ бы про себя.—Онъ и не зайдетъ сюда, никогда не зайдетъ...

— Отчего же, дитя мое, отчего же!—торопливо прервалъ ее отецъ.—Теперь вотъ ты поправилась, говорить можешь, онъ и зайдетъ непремѣнно...

— Нѣтъ, отецъ, онъ не зайдетъ... И не зачѣмъ ему заходить сюда... Мы его оттолкнули отъ себя... Ты позабылъ о немъ, я... что я ему теперь?

— Что за мысли, что за мысли!—воскликнулъ старикъ, подергивая шейную косынку. — Зачѣмъ этотъ тонъ? Развѣ мы враги съ нимъ? Развѣ онъ не знаетъ, что мы любимъ его, какъ родного?... И отчего это ты вдругъ могла сдѣлаться чуждою его сердцу? Развѣ онъ такъ черствъ? Вотъ ужъ этого я не люблю, когда такъ думаютъ о ближнихъ...

Старикъ горячился и путался, но дочь уже не слушала его рѣчей и дремотно смотрѣла на огонь въ каминѣ. Какія-то неуловимыя и смутныя видѣнія носились передъ ея глазами, въ головѣ роились отрывки воспоминаній, клочки разговоровъ; иногда ей вдругъ представлялось на мгновеніе будущее и по ея лицу пробѣгало выраженіе ужаса, плечи слегка вздрагивали... Но слабость сдѣлала свое дѣло, и молодая женщина снова заснула, какъ убаюканное дитя.

Digitized by Google

На слѣдующій день Кряжовъ весь сіялъ, не могъ посидѣть на мѣстѣ, не могъ наговориться.

— А знаешь ли, голубка, гдѣ я былъ вчера? — весело спрашивалъ онъ у дочери и какъ-то лукаво подмигивалъ добродушными глазами.

— Почему же я знаю!—отвѣтила разсѣянно дочь.

— У него, у нашего Павла,—торопился высказать старикъ. — Я знаю его, онъ упрямъ, непокоренъ, онъ не пришелъ бы первый... Да ему и не слѣдъ было приходить первому. Я старше его, я долженъ былъ первый показать ему, что прошлое забыто... Вотъ я такъ и сдѣлалъ... Обрадовался онъ, цѣлуетъ... Все о тебѣ говорилъ... Онъ теперь придетъ. Только поправляйся скорѣе, онъ тогда и придетъ.

— Это онъ тебѣ сказалъ?

— Да, да, онъ сказалъ, что придетъ, когда тебѣ будетъ лучше.

— Онъ это обманулъ тебя, успокоить хотѣлъ, — промолвила молодая женщина.—Онъ не придетъ. Я теперь поняла это... Ему *нельзя* придти сюда... И для чего?.. Ну, скажи мнѣ, для чего придетъ?

— Какъ для чего?—растерялся старикъ и засуетился, не вынося пристальнаго взгляда дочери.—Вотъ ты увидишь, я самъ его приведу!

— Зачѣмъ?—еще пристальнѣе и неотступнѣе взглянула дочь.

Старикъ растерялся окончательно и началъ развязывать шейную косынку, подергивая и запутывая узелъ.

— Зачѣмъ?—продолжала въ раздумьи дочь.—Увидаться на минуту, погорѣвать вмѣстѣ, еще болѣе убѣдиться въ томъ, что въ будущемъ тьма и безысходность... Стóитъ ли для этого видѣться?.. И одной надоѣло страдать, ныть...

— Что у тебя за мысли! — тревожно проговорилъ старикъ, чувствуя, что дочь касается именно того предмета, о которомъ онъ старался не думать, обманывая себя насчетъ ея будущаго возвращенія къ мужу.—Мы должны быть всѣ вмѣстѣ... Старую жизнь начнемъ...

— Ты вѣришь въ возможность этого? — съ упрекомъ въ голосѣ спросила дочь.

— Да, да, мы будемъ счастливы,—увернулся отъ ея взгляда отецъ.—Пожалуйста, не возражай! Вѣдь ты хочешь увидать его? Хочешь?

— Отецъ, что ты спрашиваешь! Зачѣмъ ты это спрашиваешь!.. Все, все отдала бы я, чтобы онъ былъ здѣсь,—ожи-

Digitized by Google

вилась на мигъ молодая женщина, и вдругъ снова на ея лицо набѣжала какая-то мрачная тѣнь.—Да нѣтъ, зачѣмъ!— раздражительно проговорила она. — Не напоминай мнѣ объ этомъ... Это мечта, бредъ... Лучше приготовить меня перенести дѣйствительность, близкое будущее... Ты не могъ отвратить его, такъ, по крайней мѣрѣ, постарайся облегчить...

Что-то суровое и почти черствое было въ этихъ словахъ дочери. Отецъ опустилъ на грудь голову, и его говорливость внезапно смѣнилась тоскливымъ молчаніемъ. Онъ почти боязливо ждалъ, что вотъ-вотъ дочь еще заговоритъ и поразитъ его сердце сотнями упрековъ за прошлыя и предстоящія страданія. Но она молча поднялась съ мѣста и тихо, почти шатаясь, пошла въ свою спальню.

Отецъ бросился поддержать ее.

— Оставь, я дойду одна, — проговорила она холоднымъ тономъ.

— Дитя мое, ты сердишься,—началъ старикъ.

Дочь остановилась на минуту; выраженіе ея лица стало совершенно мрачнымъ.

— Пора все кончить, пора кончить игру въ прятки,— отрывисто проговорила она, поддаваясь нервному раздраженію.—Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Я тебя не упрекаю, но зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ прямо, что исхода нѣтъ?.. Надо было принудить меня жить съ мужемъ: закрѣпостили, такъ и нужно было разъяснить это... А то отъ слугъ приходится узнавать, что мужъ можетъ черезъ полицію вернуть... черезъ полицію!.. А ты... ты еще новые сны навѣваешь... точно нарочно хочешь сдѣлать болѣе страшнымъ мое пробужденіе... Скорѣе, скорѣе кончай все, какъ-нибудь, но кончай... или я сама развяжу узелъ...

Дочь отвернулась отъ отца и прошла, шатаясь, въ свою спальню.

Онъ, какъ оглушенный громомъ, стоялъ безъ движенія на мѣстѣ и опять ни одного оправданія себѣ не находилось въ его умѣ. «Виноватъ, кругомъ виноватъ!»—шепталъ онъ, и казалось, что ему не далеко было до сумасшествія.

Странныя чувства овладѣли теперь Кряжовымъ: онъ не сердился, не смѣлъ сердиться на дочь за ея рѣзкія слова; нѣтъ, напротивъ того, онъ еще болѣе понялъ всю тягость ея положенія и страдалъ за нее болѣе прежняго. До сихъ поръ любовь молодой женщины къ Павлу казалась однимъ предположеніемъ старику, теперь же онъ увѣрился въ справедливости своихъ догадокъ. Нѣсколько дней, какъ мы уже

Digitized by Google

видѣли, онъ тѣшился, радуя свою дочь разсказами о Павлѣ, и готовъ былъ продолжать эти невинные, по его мнѣнію, толки о молодомъ человѣкѣ. И вдругъ нѣсколько отрывочныхъ фразъ дочери открыли ему, къ чему онъ ведетъ ее этими подогрѣваніями того чувства, которое она старалась насильно задушить въ себѣ, вырвать съ корнемъ изъ своего сердца. «Что дѣлать?»—спрашивалъ себя старикъ. Снова цѣлую ночь провелъ онъ безъ сна, снова взвѣшивалъ всѣ обстоятельства и тщетно старался найти исходный путь. Наконецъ, онъ на что-то рѣшился. Дня черезъ три онъ явился къ дочери опять съ сіяющимъ лицомъ.

— Дитя мое, тебѣ лучше? У тебя сегодня и цвѣтъ лица свѣжѣе,—говорилъ старикъ молодой женщинѣ.

— Да, я почти здорова,—отвѣчала она.

— Ну, и отлично, и отлично!—радовался отецъ, потирая руки.—А что, если бы... Только ты будь покойна, не волнуйся, не волнуйся... Если бы, знаешь, вдругъ теперь вошелъ...

— Папа, онъ здѣсь? Здѣсь?.. Веди его сюда, милый! Я хочу его видѣть, въ послѣдній разъ видѣть! — волновалась дочь, и ея щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— Ну, полно, полно, успокойся... Погоди...

— Павелъ, Павелъ, другъ мой!—поднялась молодая женщина съ кресла и опустила свою голову на грудь Павла, быстро подошедшаго къ ней.

Съ минуту длилось молчаніе. Никто не могъ выговорить ни слова. Первый очнулся Кряжовъ.

— Ахъ, я и забылъ, мнѣ еще нужно къ Трегубову съѣздить. Ты побудь здѣсь, Павелъ, покуда я не возвращусь, — засуетился старикъ и торопливо, почти бѣгомъ скрылся изъ комнаты.

— Милый, милый, какъ я счастлива!—шептала молодая женщина, любуясь лицомъ своего друга.—Какъ ты измѣнился, похудѣлъ... Какъ ты жилъ это время? что дѣлалъ? Я все хочу знать...

— Послѣ, послѣ разскажу все,—говорилъ Павелъ, цѣлуя руки Груни и сидя у ея ногъ на скамейкѣ.—Теперь надо думать не о прошломъ, а о будущемъ.

— О будущемъ?—вздрогнула Груня и по ея лицу скользнуло выраженіе боязни. — Другъ мой, не лучше ли не заглядывать въ это будущее? Тамъ мракъ.

— Тамъ свѣтъ, тамъ счастье! — говорилъ Павелъ оживленнымъ и страстнымъ тономъ.—Будущее наше. Будущее создаемъ мы.

Digitized by Google

Молодая женщина вздохнула.

— Это мечты!

— Нѣтъ, не мечты! Надо дѣйствовать и добиться счастья. Надо искать исхода.

— Я, по крайней мѣрѣ, теперь не въ состояніи ничего придумать... Я думала—ничего не выходило: впереди была все та же безразсвѣтная тьма... Практической, дѣйствительной жизни я не знаю... Я думала сперва, что такъ легко отдѣлаться отъ мужа...

— Полно! Я все устрою, я все отдамъ, но устрою наше будущее. Говорятъ, нѣтъ для насъ исхода. Глупости! Найдемъ исходъ!.. Онъ есть вездѣ для всего. Лѣнивые и трусы только не находятъ его... Какой исходъ былъ у меня, когда я вышелъ отсюда изъ дома безъ гроша въ карманѣ? Какой исходъ былъ у меня, когда три дня я питался кускомъ хлѣба и водой, оставшись безъ помощи въ этомъ чуждомъ для меня обществѣ? Однакоже, я выбился изъ нужды. Я готовъ былъ кули таскать, готовъ былъ въ лакеи идти, только бы выбиться своимъ трудомъ изъ рукъ голодной смерти, и выбился. И всякій человѣкъ выбьется изъ ея рукъ, если въ немъ есть энергія, если онъ не станетъ плакать, что у него не явится сразу богатства. Но только былъ бы кусокъ хлѣба да силы, а то явится и остальное. Или борьба съ случаемъ, или смерть. А исходы будутъ всегда. Биться, биться нужно до послѣдней капли крови и побѣдить или умереть. И то и другое благо, и то и другое освобождаетъ отъ гнета...

— Я сама думала о смерти, — задумчиво проговорила Груня.

— Думала о смерти, не начавъ борьбы?—горячо проговорилъ Павелъ, тономъ строптиваго упрека. — Умереть, не помѣрявшись силами съ врагомъ? Убить себя прежде битвы, чтобы прямо уступить ему поле сраженія? Да развѣ тутъ есть смыслъ?.. Нѣтъ! надо всѣ средства испробовать, надо не сдаваться до послѣдней минуты... И развѣ это такъ трудно тебѣ сдѣлать? Ты не изъ-за хлѣба бьешься, ты деньги имѣешь для борьбы, а это уже не малое подспорье.

— Укажи мнѣ путь, и я пойду на него,—произнесла Груня.—Но еще разъ повторяю, что я теперь ничего не могу придумать... У меня есть рѣшимость, но нѣтъ опытности... Веди меня, куда хочешь. Я вся твоя. Что бы ни случилось, я перенесу все. Позоръ, лишенія, трудъ,—все, все перенесу, только бы вырваться изъ этой грязи, отдѣ-

Digitized by Google

ляться отъ этой лжи, прикрытой маской нравственности, набожности и серьезности...

Молодая женщина горячо и крѣпко сжимала руки Павла.

— Ну, вотъ, дѣти мои, мы и вмѣстѣ, и опять по-старому живемъ, дружно, мирно,—говорилъ Кряжовъ, появляясь въ комнатѣ.—А ты, Павлушка, ужъ не дуешься на меня? А?—шутилъ онъ съ своимъ воспитанникомъ.

Тотъ пожалъ его руку.

— Береги мою Груню, береги! Я слабъ, я старъ, а ты теперь не дитя, тебѣ можно ввѣрить ее,—говорилъ старикъ, и въ его словахъ было какое-то особенное значеніе.—Ну, а ты довольна? счастлива?—спрашивалъ онъ у дочери.

Она притянула къ себѣ его сѣдую голову и поцѣловала ее. Она была веселѣе, оживленнѣе, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе дни.

Отецъ снова чуствовалъ, что дочь любитъ и прощаетъ его. Въ ея ласкѣ было даже что-то похожее на благодарность. Вполнѣ довольный перемѣною въ настроеніи дочери, старикъ былъ веселъ и болтливъ, но почему-то онъ какъ будто считалъ своею обязанностью поминутно ускользать изъ комнаты и, не выдерживая, возвращался снова къ своимъ дѣтямъ... Вечеръ кончался, Павелъ сталъ собираться домой.

— Переѣзжай къ намъ теперь,—сказалъ ему Кряжовъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Павелъ и простился съ Груней.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой,—замѣтилъ онъ шопотомъ Кряжову и пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

Кряжовъ встревожился.

— Скажи, какъ ты уладилъ дѣло съ ея мужемъ?—спросилъ Павелъ у старика.

— Покуда ничего не могъ уладить,—заговорилъ старикъ.—И нельзя ничего сдѣлать... вотъ посмотри его письма.

Павелъ прочиталъ посланія Обноскова.

— Но думаешь ли ты, что онъ оставитъ у тебя Груню хоть на нѣсколько мѣсяцевъ еще? Можешь ли ты сдѣлать хоть это?—спросилъ Павелъ.

— Я думаю... надо хлопотать... просить,—волновался Кряжовъ.

— Я къ тебѣ не переѣду,—серьезно замѣтилъ Павелъ.—Мой переѣздъ сюда заставитъ Обноскова сильнѣе настаивать на возвращеніи Груни въ его домъ.

— Ну, это почему?—съ недовѣріемъ промолвилъ старикъ, сильно желавшій переѣзда Павла въ его домъ.

Digitized by Google

— Почему?—въ раздумьи повторилъ Павелъ.—Онъ меня ревнуетъ къ ней.

— Глупости!

— Не глупости, а правда. И онъ имѣетъ на это полное основаніе,—отчетливо проговорилъ Павелъ.—Каковы бы ни были наши отношенія до сихъ поръ, но они не могутъ остаться навсегда такими... Подумай объ этомъ и ты... Но что бы тамъ ни было въ будущемъ, а все-таки дѣло въ томъ, что я жить здѣсь не буду для пользы Груни... Хорошо, если бы ты запретилъ и людямъ разсказывать, что я буду ходить сюда... Надо выждать время, обдумать все... До весны бы протянуть...

— А тогда?

— Тогда... Я самъ не знаю покуда, что будетъ тогда, но намъ надо выиграть время, чтобы успѣть все сообразить и чтобы она поправилась совсѣмъ, стала бы бодрѣе... Вдругъ ничего не придумаешь...

— Дѣлай, какъ знаешь,—проговорилъ Кряжовъ и растроганнымъ голосомъ прибавилъ:—тебѣ я поручаю спасти ее, тебѣ отдаю ее...

— И даже не спрашивая, какія выйдутъ изъ этого послѣдствія?

— Спасеніе, спасеніе, вотъ все, что я жду отъ тебя,— проговорилъ Кряжовъ.

Павелъ крѣпко сжалъ его руку, и казалось, что онъ, какъ въ былыя времена, хотѣлъ этимъ ободряющимъ рукопожатіемъ сказать ex-профессору: «Не падай, старичина, духомъ, я спасу твою дочь!»

Съ этого дня выздоровленіе Груни пошло быстрѣе, силы возвращались съ каждымъ днемъ. Она снова была весела, говорлива и почти не чувствовала боязни при взглядѣ на будущее. Если же эта боязнь и закрадывалась въ ея душу, то Павелъ всегда умѣлъ разсѣять это мимолетное чувство своими горячими рѣчами. Онъ приходилъ не часто въ домъ Кряжова и оставался здѣсь недолго; Груня знала, что у него есть занятія, что онъ поступаетъ такъ недаромъ, и не настаивала на частыхъ визитахъ. Ихъ братскія, прежнія отношенія возстановились вполнѣ. Любовныхъ объясненій, порывовъ страсти не было никакихъ. Они были попрежнему свободны въ своихъ отношеніяхъ и въ этомъ было ихъ счастье. Иногда въ домъ Кряжова появлялись сестры Обносковы. Сентиментальная Вѣра Александровна даже оставалась изрѣдка ночевать у Груни. Она стала приносить своей

Digitized by Google

молодой родственницѣ извѣстія, что Высоцкая справляется о ея здоровьи; потомъ отъ Высоцкой стали приноситься поклоны; она теперь какъ будто напрашивалась на знакомство съ Груней; наконецъ, Груня поручила попросить ее пріѣхать въ ихъ домъ. Отношенія этихъ двухъ женщинъ измѣнились совершенно: Груня уже не упрекала въ душѣ Стефанію за развратъ, Стефанія, въ свою очередь, не считала Груню ни дурной, ни слабой женщиной. Нерѣдко встрѣчалъ Павелъ Высоцкую въ домѣ Кряжова и началъ любить и уважать ее, какъ любила и уважала ее теперь Груня. Дни, между тѣмъ, шли впередъ.

— Что ея мужъ?—спрашивалъ Павелъ потихоньку у Кряжова.

— Бунтуетъ, не хочетъ болѣе терпѣть, хочетъ огласить все дѣло, если Груня не вернется,—печально говорилъ старикъ.

— Постарайся затянуть еще на нѣсколько времени дѣло. Ей надо совершенно оправиться.

— Хорошо, хорошо, попытаюсь.

Проходили еще дни.

— Другъ мой, я боюсь, что ты ничего не придумаешь для моего спасенія,—грустно говорила Груня Павлу.

— Не бойся. Все уладится,—утѣшалъ онъ.—Я давно нашелъ средство, его легко было найти. Но я боюсь еще за твои силы, тебѣ еще нуженъ уходъ близкихъ людей.

Прошла еще недѣля.

— Ну, братъ, ничего, кажется, больше не подѣлаешь,—говорилъ Кряжовъ Павлу.—Алексѣй Алексѣевичъ требуетъ объясненія съ женою.

— Можетъ объясняться, сколько ему угодно, дней черезъ пять,—улыбнулся Павелъ.—Груня теперь здорова и можетъ рѣшиться на все.

Вечеромъ въ этотъ же день у Кряжова были въ гостяхъ Высоцкая и сестры Обносковы. Груня была какъ-то особенно мила и оживленна въ этотъ вечеръ. Высоцкая смѣялась и шутила.

— Вы удивительно помолодѣли и похорошѣли въ послѣднее время,—говорила она Грунѣ.

— Это потому, вѣрно, что волосы обрѣзала, такъ и выгляжу дѣвочкой,—улыбнулась Груня.

— Премиленькой, надо прибавить,—ласково промолвила Стефанія.—Но какъ вы думаете устроить свои дѣла? Я слышала отъ Вѣры Александровны, что въ домѣ вашего мужа собирается гроза. Надо бы подумать о громоотводѣ.

Digitized by Google

— Не знаю, право, это зависитъ отъ... случая,—проговорила, краснѣя, Груня, бросивъ взглядъ на Павла.

— И, можетъ-быть, отъ васъ,—замѣтилъ онъ.

— О, если отъ меня, то она будетъ счастлива,—горячо произнесла Высоцкая.—Даже не изъ одной любви къ ней, а ради мести этому человѣку я готова все сдѣлать... Это первый человѣкъ въ жизни, котораго я ненавижу... Но что же я могу сдѣлать?

— Достать ей заграничный паспортъ,—промолвилъ Павелъ и пристально взглянулъ на Кряжова: онъ боялся, что придуманная имъ мѣра встрѣтитъ несогласіе со стороны старика, и потому рѣшился молчать до поры и вдругъ сдѣлалъ быструю атаку.

— Какъ же это я достану ей пассъ? — спросила Стефанія.

— Да, т. е. вы возьмете на свое имя...

— Ха-ха-ха! Это мило!—засмѣялась звонкимъ смѣхомъ Высоцкая.—Тамъ не пишутъ примѣтъ?

— Нѣтъ.

— Отлично! А то, пожалуй, мнѣ пришлось бы ради этого стриженаго ребенка обрѣзать свои длинныя косы... Душа моя, такъ вы черезъ нѣсколько дней будете называться Стефаніей Высоцкой...

Груня, изумленная и взволнованная, не могла выговорить ни слова. Кряжовъ тревожно ходилъ по комнатѣ.

— Молодость, молодость!—бормоталъ онъ, качая головой, и вдругъ остановился передъ Павломъ.—Но, знаешь ли ты,—началъ онъ:—что это... это можетъ отрѣзать ей дорогу на родину?..

— А возвращеніе къ мужу не отрѣжетъ ли ей дороги къ жизни?—строптиво спросилъ Павелъ, и его лицо нахмурилось.

— Что ты! что ты!.. развѣ я что-нибудь возражаю,—поторопился оправдаться старикъ.—Я только сказалъ, чего она можетъ ожидать... Пусть ѣдетъ... Не мнѣ давать теперь совѣты, довольно я давалъ ихъ и прежде.

Въ голосѣ старика послышалась горечь. Ему было тяжело помириться съ мыслью, что его дочь бѣжитъ, можетъ-быть, навсегда за границу, бѣжитъ съ чужимъ паспортомъ. Онъ молча, понуривъ голову, ходилъ по комнатѣ.

— Что-жъ, и я не прикованъ къ мѣсту, и я поѣду,—бормоталъ онъ, утѣшая себя хоть этимъ.

— Да, но покуда тебѣ лучше остаться здѣсь,—замѣтилъ

Digitized by Google

Павелъ.—Ты могъ бы сказать ея мужу, что не знаешь, куда она уѣхала, чтобы тебя не считали сообщникомъ въ дѣлѣ этого бѣгства...

— Сообщникъ... сообщникъ въ противозаконномъ дѣлѣ!—шепталъ Кряжовъ въ раздумьи и опять внезапно, какъ-то неестественно ободрился.—Хорошо, хорошо,—заговорилъ онъ.—Я покуда здѣсь дѣла приведу въ порядокъ... Все отлично пойдетъ, отлично!

— А какъ же ты?—взглянула Груня на Павла боязливыми глазами.

— Пріѣду весной къ тебѣ. Мнѣ здѣсь работать надо... Да и тебѣ лучше пожить тихой, покойной жизнью, отдохнуть, собраться съ силами.

— Вѣра Александровна, не поѣдете ли вы со мною мѣсяца на три, на четыре?—спросила Груня у младшей Обносковой.

— Ахъ, мой ангелъ, помилуйте, какъ же это я вдругъ за границу попаду!—застѣнчиво захихикала Вѣра Александровна.—Мнѣ, право, совѣстно!

Груня закусила себѣ губы, чтобы удержаться отъ смѣху.

— Чего же совѣститься? Вы очень, очень обяжете меня этимъ,—пожала она руку младшей Обносковой.

— Ахъ, нѣтъ, это вы обяжете меня,—воскликнула Вѣра Александровна.—Мнѣ такъ хочется видѣть заграницу!—восторженно воскликнула она и захихикала снова.

— Вотъ воображаю я изумленіе нашего взаимнаго родственника и его матушки,—разсмѣялась Высоцкая.

— Такъ имъ и надо, аспидамъ!—злобно промолвила Ольга Александровна.—Ехидные люди!

Начались толки о будущемъ. Составлялись планы поѣздокъ за границу въ гости къ Грунѣ. Въ семейномъ кружкѣ царствовало то оживленіе, которое всегда бываетъ, когда одинъ изъ членовъ семьи ѣдетъ въ далекій путь. Всѣ какъ будто хотятъ наговориться, вознаградить себя за долгое время предстоящей разлуки и разсѣять невольную грусть, стѣсняющую подчасъ сердце въ эти послѣднія минуты свиданія.

Приготовленія къ отъѣзду пошли быстро. Груня и Павелъ были особенно нѣжны съ Кряжовымъ въ эти дни: они понимали, чего стоитъ старику согласіе на отъѣздъ дочери. Но онъ старался бодриться, старался шутить и смѣяться; только иногда онъ говорилъ Павлу:

— Ну, теперь ты побереги меня, покуда я не уѣду къ ней.

Digitized by Google

— Я переѣду къ тебѣ тотчасъ же, какъ только она уѣдетъ,—отвѣчалъ Павелъ.

— Спасибо, спасибо, братъ. Теперь мнѣ нужна нянька. Старъ я становлюсь!—вздыхалъ Кряжовъ и на минуту его лицо темнѣло отъ грусти.

Насталъ день отъѣзда.

— Все ли вы отправили? все ли вы уложили?—заботилась Ольга Александровна, какъ практическій человѣкъ.

— Никогда, можетъ-быть, я не увижусь съ тобою?—плакала чувствительная Вѣра Александровна, обнимая сестру.

— Чудесно, чудесно, все кончится сегодня вечеромъ,—радовалась Высоцкая. — Корабли сожгутся и возврата не будетъ.

— Ахъ, развѣ мы на кораблѣ поѣдемъ?—испугалась простодушная Вѣра Александровна.

— Нѣтъ, не на кораблѣ.

— А вы о какихъ-то корабляхъ говорили.

— Да,—засмѣялась Высоцкая: — я хотѣла сказать, что Агриппинѣ Аркадьевнѣ нельзя будетъ вернуться на старый путь.

— А! а ужъ я испугалась!

— А вы-то не боитесь, сжигая корабли?—спросила Высоцкая у Груни.

— Нѣтъ, я спокойна,—твердо отвѣтила молодая женщина.

Въ кабинетѣ Кряжова шелъ, между тѣмъ, разговоръ другого рода.

— Павелъ, если мнѣ не удастся ѣхать весною къ дочери, то поручаю ее тебѣ, береги ее, не покидай ее,—говорилъ Кряжовъ.—Я сдѣлаю распоряженіе насчетъ имѣнія, оно все перейдетъ вамъ обоимъ. Надѣюсь, что ты не бросишь ее...

— Ты сомнѣваешься во мнѣ?—спросилъ Павелъ.

— Нѣтъ, мой другъ,—задумчиво проговорилъ старикъ.—Правда, ты молодъ, ты моложе ея на нѣсколько мѣсяцевъ, но... но ты твердъ и любишь ее, какъ добрый другъ. Ты не бросишь ее, никогда не бросишь... Скажи мнѣ, успокой старика, обѣщаешь ли ты мнѣ не бросить ее?

— Отецъ, ты совсѣмъ не то думаешь, что говоришь,—мягко и задушевно произнесъ Павелъ.—Можетъ-быть, я отчасти угадываю твои мысли... Скажу тебѣ одно, это не минутная вспышка, это даже совсѣмъ не вспышка, это привязанность, выросшая со мною съ колыбели, и она умретъ только тогда, когда умру я самъ... Можетъ-быть, ты боишься того, что скажетъ свѣтъ...

Digitized by Google

— Сынъ мой, другъ мой, я ничего не боюсь,—обнялъ Кряжовъ Павла.—Старъ я, старъ я, трудно мнѣ себя ломать, свои взгляды измѣнять трудно... Ну, да самъ виноватъ! Тутъ выбора нѣтъ: или ваше несчастье, или ломка своихъ убѣжденій... Да благословитъ васъ Богъ, да благословитъ васъ обоихъ, неразлучныхъ!

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ позвалъ дочь въ свой кабинетъ.

— Груня, можетъ-быть, мнѣ не удастся пріѣхать къ тебѣ лѣтомъ,—заговорилъ онъ.

— Милый, почему же?—печально спросила дочь.

— Я ничего не говорю положительно, но, можетъ-быть, можетъ-быть... Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ,—промолвилъ отецъ.—Лучше предвидѣть все дурное, чѣмъ тѣшиться розовыми мечтами... По опыту узналъ я это!.. Да, такъ если я не пріѣду, или пріѣду позже Павла, то я передаю тебя въ его руки. Онъ твой другъ, твой защитникъ... Будьте счастливы!

— Папа, да зачѣмъ же этотъ мрачный, прощальный тонъ? Мы еще увидимся,—сказала дочь.

— Да, да, можетъ-быть, увидимся... Но... но Богъ знаетъ, что̀ можетъ произойти въ вашей жизни, прежде моего свиданія съ тобой... Я васъ благословляю.

Старикъ отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Груня, я не хочу,—началъ онъ твердо послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія:—чтобы говорили, что я обманутъ дочерью... Нѣтъ, я теперь все вижу, знаю, что̀ было прежде, что̀ будетъ дальше. Въ прошломъ виноватъ я, и если за будущее кто-нибудь станетъ упрекать тебя, то пусть этотъ упрекъ падетъ на меня, а не на тебя. Ты не виновата, ты не должна краснѣть... Я неосторожной рукой хотѣлъ вырвать взлелѣянную мною самимъ траву, которая должна была расти... и вотъ, она не погибла, но только пробилась другимъ путемъ... Вы не должны краснѣть за мою ошибку...

Груня тихо сжала руку Павла, и оба стали успокоивать старика. Его мучила мысль, что его Груня не можетъ сдѣлаться женою Павла, и въ то же время онъ зналъ, что отношенія брата и сестры должны непремѣнно кончиться между молодыми людьми. Старику непремѣнно хотѣлось найти оправданіе новымъ, предстоящимъ въ будущемъ, отношеніямъ этихъ людей. Но сами молодые люди не искали этого оправданія и очень спокойно и трезво смотрѣли на новый, открывавшійся передъ ними путь...

Digitized by Google

XXI.

Обносковъ навсегда лишается жены.

Не легко жилось въ это время Алексѣю Алексѣевичу Обноскову. Огорченный бѣгствомъ жены, боящійся пуще всего огласки, раздражаемый постоянно вопросами постороннихъ людей о Грунѣ, не находилъ онъ утѣшенія и спокойствія даже тогда, когда оставался одинъ въ своемъ домѣ и стремился забыть все случившееся за книгами, за учеными занятіями. Эти занятія постоянно прерывались приходомъ его матери и ея то плаксивыми сожалѣніями, то подзадаривающими нашептываніями. Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ: у него, какъ это обыкновенно случалось съ нимъ при всякихъ непріятностяхъ, начались сильные припадки кашля и лихорадочное состояніе. Бо́льшую часть свободнаго времени онъ проводилъ, лежа на диванѣ, загромоздивъ стулья и неизмѣнный ночной столикъ книгами и бумагами. Марья Ивановна, видя, что ея сынъ часто «приваливается», какъ она выражалась, ухаживала за нимъ и совѣтовала ему, хотя безплодно, бросить на время занятія. По возможности она старалась какъ можно чаще быть около сына, вязала въ его кабинетѣ чулокъ и сообщала ему грязныя сплетни о женѣ или читала ему наставленія.

— Охъ, Леня, Леня, что́ люди-то про насъ толкуютъ,— вздыхала она, пощелкивая вязальными спицами: — весь городъ говоритъ, что ужъ это недаромъ наше-то сокровище у своего отца находится. Никого не обманешь, никого не увѣришь, что она такъ гоститъ у своего отца, съ твоего согласія. Да какъ и повѣрить? Какой мужъ позволитъ гостить женѣ у отца, когда отецъ живетъ въ томъ же городѣ и безъ того можетъ видѣть каждый день свою дочь.

Обносковъ упорно молчалъ.

— Ну, да и она хорошо ведетъ себя, — продолжала мать.—Нашихъ-то мерзавокъ, Вѣрку и Ольку, зазвала къ себѣ, съ ними компанію ведетъ. Видно намъ бока моетъ. Нечисто что-то у нихъ, что-то онѣ затѣваютъ...

— Ну, скажите, что́ онѣ могутъ затѣвать! — раздражительно говорилъ Обносковъ.—Что́ онѣ могутъ затѣвать?

— Не знаю, батюшка, не знаю, только ужъ не даромъ къ нимъ Степанида-то стала ходить,—провязывала мать новую спицу своего вязанья.—Разузнавала я—не ходитъ ли кто-нибудь изъ мужчинъ, людишки не говорятъ, подкуплены... Всѣ подкуплены... А сдается мнѣ, что кто-то ходитъ. Вчера

Digitized by Google

я своими глазами видѣла, какъ кто-то шмыгнулъ къ нимъ на подъѣздъ. Ужъ не Павлушка ли, чего добраго.

— Да перестаньте вы меня раздражать!—сердито вскрикивалъ Обносковъ. — Кто бы тамъ ни ходилъ, а я все это на-дняхъ покончу.

— Охъ, хорошо, если бы покончилъ,— качала головой мать.—Да нѣтъ! ты такой добрый, все потакаешь имъ.

— Да что же вы прикажете дѣлать!— поднимался на локтѣ Обносковъ. — Съ полиціей ее тащить? Вы поймите, что я на виду стою, я скандала боюсь, я своего имени не хочу отдать на пересуды, я свою карьеру не хочу портить. Вѣдь все надо огласить. Что они вздумаютъ наговорить на меня, это еще неизвѣстно... Вы думаете, легко мнѣ будетъ, когда всѣ пальцами станутъ указывать на меня? Вонъ и теперь Петръ Петровичъ, Родянка, Левчиновъ, всѣ они перестали ходить, а если и придутъ, такъ въ каждомъ словѣ слышится насмѣшка...

— Ахъ, батюшка, да пусть ихъ смѣются!

— Пусть смѣются! Хорошо вамъ говорить, а я черезъ это уроковъ могу лишиться. Эти болтуны не мою жену чернить станутъ, а меня, меня!.. Теперь во всемъ одни мужья виноваты, бабье царство настало...

— Такъ это, значитъ, такъ и нужно позволить ей жить у отца?—всплеснула руками мать.

— Нѣтъ, нужно запугать Кряжова, чтобы онъ выгналъ ее изъ дому; нужно заставить ее, чтобы она сама пришла въ мой домъ, за прощеньемъ пришла... Вотъ чего я добиваюсь и добьюсь! Кряковъ уже въ моихъ рукахъ, онъ кланяется, онъ понялъ, что право на моей сторонѣ,— говорилъ сынъ.

Вечеромъ онъ писалъ новое письмо къ Кряжову съ угрозами и настоятельными требованіями. На слѣдующій день къ нему приходилъ уклончивый отвѣтъ съ обѣщаніями скораго примиренія. А мать снова вязала чулокъ въ кабинетѣ сына и снова пилила его.

— Береги себя, Леня,— заботливо и плаксиво говорила она. — Брось ты свои занятія. Теперь тебѣ укрѣпиться надо, голубчикъ, чтобы собраться съ силами и поѣхать за нашей негодяйкой. Она со своимъ папенькой-то, я думаю, рада, что успѣла уходить тебя. Поди-ко, полагаетъ, что ты такъ и оставишь ее на волѣ гулять на всѣ четыре стороны...

— Ничего она не полагаетъ,— злился сынъ.—Я ей ши-

Digitized by Google

салъ, что не оставлю ее у отца, и она знаетъ, что это мое *послѣднее* рѣшеніе.

— Э, голубчикъ,—вздыхала мать:—мало ли что въ письмахъ-то пишется, бумага все терпитъ, да на нее никто и вниманія-то не хочетъ обращать! Ты ей пишешь одно, а она въ свой носъ дуетъ!

— Погодите, одумается! Вѣдь и она, и ея отецъ очень хорошо знаютъ, что я не шучу и что право на моей сторонѣ...

— Плохо мнѣ что-то вѣрится, что они знаютъ это... Для нихъ, видно, и правъ-то никакихъ нѣтъ, такіе ужъ беззаконники!

— А вотъ увидимъ: поѣду къ нимъ, какъ немного поспокойнѣе буду. Все это проклятое нездоровье затянуло дѣло... Кажется, все бы отдалъ, чтобы быть теперь здоровымъ! А то отъ перваго волненья чуть не въ обморокъ падаю... Тутъ твердость нужна...

— Ужъ что и говорить! Больнымъ не поѣдешь къ нимъ,— вздыхала мать. — А ты бы мнѣ позволилъ переговорить съ ними.

— Э, вы только хуже испортите дѣло!

— Ну, батюшка, если ужъ ты такой дурой меня считаешь, такъ это твоя воля!—оскорбилась мать.—Мы вѣдь вотъ стары да глупы, а все же въ наши-то времена не дѣлалось такихъ дѣловъ. Жили съ мужьями честно, терпѣли все, да никто и не зналъ, что мы терпимъ. Да если бы въ наше время такая исторія случилась, такъ мы бы дѣло-то мигомъ уладили бы, церемониться не стали бы... Ну, а теперь люди умны стали, порядки другіе; что-то только изъ этого выйдетъ, не пришлось бы кому-нибудь эту кашу-то расхлебывать...

Сынъ молчалъ.

На слѣдующій день шла та же пѣсня, то же пытье. Алексѣй Алексѣевичъ почти привыкъ къ этимъ бесѣдамъ и очень часто не произносилъ ни одного звука во время сѣтованій матери. А эти сѣтованія принимали все болѣе и болѣе угрожающій тонъ.

Однажды Алексѣй Алексѣевичъ возвратился домой съ одного урока и хотѣлъ пройти къ себѣ въ кабинетъ, но былъ остановленъ на порогѣ матерью. Ея видъ не предвѣщалъ ничего хорошаго, глаза сверкали какимъ-то злораднымъ блескомъ, движенія были торопливы и тревожны.

— Ну, что, дождался?—ѣдко заговорила она скороговоркою.—Радуйся теперь, обманули, провели!..

Digitized by Google

— Что такое? Будете ли вы когда-нибудь толково говорить!—раздражился сынъ.—Что случилось?

— Ничего, батюшка, ничего!—язвительно говорила Марья Ивановна.—Мать у васъ дура, мать ничего не понимаетъ, ее слушать не стоитъ. Ну, и прекрасно, и наслаждайтесь, какъ изъ васъ дурака дѣлаютъ.

— Да станете ли вы говорить, какъ слѣдуетъ? Что вы меня-то пилите? Понимаете ли вы, что вы измучили меня?— почти простоналъ сынъ. — У васъ святого-то ничего нѣтъ! Вы, вы меня сводите въ могилу!

Марья Ивановна вдругъ разрыдалась.

— Прости, родной мой, прости!—застонала она.—Не могу я, не могу сдержать себя при этакомъ-то позорѣ! Вѣдь наша-то развратница, душегубка-то наша, сбѣжала!

Обносковъ тяжело опустился на диванъ.

— Сбѣжала за границу, съ любовникомъ, вѣрно, сбѣжала, съ Паклушкой, вѣрно! Безъ ножа зарѣзала! Срамъ-то, срамъ-то какой! Что теперь говорить-то будутъ!

— Что же это такое? Надо идти, справиться,—бормоталъ Обносковъ.—Да это ложь, у нея не было паспорта... Ложь! ложь!.. Кто вамъ сказалъ?

— Людишки, людишки ихъ,—рыдала мать.—Лица этакія поганыя съ улыбочками дѣлаютъ, радуются нашему горю нашему позору... Подкуплены, бестіи, подкуплены!

Обносковъ съ усиліемъ поднялся съ дивана...

— Батюшка, я съ тобою поѣду, ты слабъ,—засуетилась мать.

— Подите прочь,—оттолкнулъ ее сынъ съ непривычной грубостью.

Въ его глазахъ сверкала злоба.

— Не смѣйте никому разсказывать объ этомъ до моего возвращенія. Слышите?

— Слышу, слышу,—робко произнесла мать, и въ ея головѣ вдругъ промелькнула мысль: «что это онъ точно мой покойникъ мужъ сдѣлался!»

— Ступайте въ свою комнату, а то вы съ прислугой болтать станете. Привыкли къ сплетнямъ!—еще болѣе рѣзко и сухо проговорилъ сынъ, и, дѣйствительно, въ эту минуту онъ былъ похожъ на своего забитаго отца, когда тотъ бывалъ пьянъ и грозенъ.

Обносковъ вышелъ. Его походка была неторопliва, но тверда. Во всей его фигурѣ было что-то зловѣщее и мучительное. Худой и истомленный, но сдержанный, появился

Digitized by Google

онъ въ домѣ Кряжова и приказалъ лакею доложить о своемъ приходѣ старому ex-профессору. Онъ сѣлъ въ столовой и устремилъ глаза на дверь, изъ которой долженъ былъ выйти Кряжовъ. Въ этомъ не было ничего разсчитаннаго на эффектъ, но этотъ пристальный взглядъ, встрѣтившій Кряжова при первомъ его шагѣ въ столовую, смутилъ старика и заставилъ его впервые потупить глаза передъ зятемъ. Обносковъ не спускалъ съ него глазъ. Оба они страшно измѣнились за послѣднее время, на обоихъ страданіе наложило свою неизгладимую печать. Кряжовъ молча поклонился и сѣлъ. Онъ какъ-то совсѣмъ сгорбился.

— Что же это значитъ?—неторопливо заговорилъ Обносковъ довольно твердымъ голосомъ. — Я жду вашихъ объясненій!

— Что же мнѣ объясняться!—произнесъ старикъ.

— Гдѣ ваша дочь?

— Не знаю, — солгалъ Кряжовъ и глянулъ въ сторону, избѣгая встрѣчи съ испытующимъ взглядомъ зятя.—Она уѣхала куда-то безъ моего вѣдома...

Старику было непривычно, мучительно лгать и еще передъ кѣмъ, передъ презираемымъ человѣкомъ.

— Безъ вашего вѣдома?—засмѣялся Обносковъ и въ его голосѣ уже послышалось лихорадочное волненіе.—Безъ вашего вѣдома! И вы думаете, что я вамъ повѣрю? Не въ ваши бы годы прибѣгать ко лжи. Вы когда-то такъ гордились своею прямотою.

Кряжовъ промолчалъ; онъ ясно слышалъ насмѣшку въ словахъ зятя, но говорить не могъ.

— И что вы хотите этимъ выиграть? продолжалъ Обносковъ.—Не думаете ли вы, что вашу дочь не вернутъ назадъ?.. Да я ее изъ могилы отрою, я ее съ того свѣта верну!—вдругъ прорвался Обносковъ болѣзненнымъ восклицаніемъ.—Знаете ли вы, чего мнѣ все это стоитъ! Жизнью, жизнью я поплачусь!

Кряжовъ молчалъ. Какую-то тупую боль пробудилъ въ немъ измученный видъ этого больного человѣка, какъ-то странно звучалъ въ его ушахъ этотъ хриплый, задыхающійся голосъ, прерываемый глухимъ кашлемъ. Старикъ возненавидѣлъ зятя въ послѣднее время, но теперь ему было жаль этого человѣка, и въ глубинѣ своей честной души онъ слышалъ упреки совѣсти, чувствовалъ, что и онъ виноватъ, можетъ-быть, болѣе всѣхъ виноватъ и въ горѣ, и въ теперешней болѣзненности этого человѣка. Здѣсь рѣзко отрази-

Digitized by Google

лась противоположность характеровъ этихъ двухъ человѣкъ: Кряжова страшно мучили упреки совѣсти, а Обносковъ не упрекалъ себя ни въ чемъ и считалъ себя вполнѣ правымъ и безупречнымъ.

— Полно, Алексѣй Алексѣевичъ,—промолвилъ старикъ:— мы оба равно несчастны, мы оба равно ошиблись.

— Ошиблись!—гнѣвно проговорилъ Обносковъ, сверкнувъ глазами.—Значитъ, и вы ошиблись во мнѣ? Но я все тотъ же, какимъ я былъ прежде. Зачѣмъ же вы выбирали меня въ мужья своей дочери? Гдѣ были тогда ваши глаза?.. Вы ошиблись во мнѣ и потому рѣшились принести въ жертву *меня*. Стыдитесь! Стыдитесь!

Кряжовъ смутился и опять отвелъ въ сторону свои глаза, чтобы не встрѣтить взглядовъ зятя.

— Полно, полно, Алексѣй Алексѣевичъ,—снова промолвилъ старикъ. — Я говорю, что мы оба несчастны и намъ остается только примириться со своею участью.

— Примириться? Никогда, никогда! — крикнулъ Обносковъ, волнуясь все болѣе и болѣе.—Я призову васъ къ суду, какъ сообщника въ дѣлѣ ея бѣгства. У меня найдутся и улики; и свидѣтели. Я призову къ допросу вашу прислугу. Вы подкупили ее, но я разожму ей ротъ... Я опозорю васъ, а все-таки заставлю сознаться, заставлю!

Старикъ поднялся съ мѣста и выпрямился во весь ростъ. Его колоссальная, величавая въ своей скорби фигура была прекрасна въ эту минуту.

— Ну, и что же будетъ дальше?—спокойно спросилъ онъ безмятежнымъ и твердымъ тономъ.—Опозоришь и заставишь сознаться, а дальше-то что?

Голосъ старика былъ необыкновенно ясенъ. Обносковъ не отвѣчалъ.

— Я опозоренъ уже и тѣмъ, — продолжалъ старикъ, не измѣняясь въ лицѣ:—что моя дочь *должна* была бѣжать отъ мужа, выбраннаго мною. Я опозоренъ уже и тѣмъ, что *я* выбралъ такого зятя, какъ ты. Ты хочешь наказать меня, но я уже наказанъ, видитъ Богъ, что я наказанъ. Ты видишь, я одинъ, я оставленъ дочерью, я чувствую себя виноватымъ передъ нею и не нахожу оправданія себѣ даже въ своей совѣсти. Чего же мнѣ бояться еще? Публичнаго скандала? Но его боятся только тѣ, кто не боится суда своей совѣсти; для меня высшее наказаніе ея судъ. Этотъ судъ я перенесъ, тутъ я уже отстоялъ свой законный срокъ у

Digitized by Google

позорнаго столба... Ты видишь, я постарѣлъ на десятки лѣтъ, а моя натура не легко ломается...

Обносковъ какъ-то тупо молчалъ и слушалъ эту странно спокойную, безмятежную и все же потрясающую по своей глубокой скорби рѣчь старика.

— Итакъ, ты хочешь скандала, — продолжалъ Кряковъ все тѣмъ же тономъ.—Все въ твоей волѣ. Объявляй, жалуйся. Пусть судятъ меня, я не испугаюсь. Я могъ бы испугаться, если бы судъ могъ воротить въ твой домъ мою дочь. Но, благодареніе Богу, на землѣ нѣтъ такой власти, которая могла бы сдѣлать это. Здѣсь ваши законы безсильны...

— Ошибаетесь, ошибаетесь! Ее вернутъ, непремѣнно вернутъ!—вскричалъ Обносковъ.

Старикъ сострадательно усмѣхнулся.

— Ты убѣжденъ въ этомъ?—промолвилъ онъ.—Подумаешь посерьезнѣе, увидишь, что это ошибка, что никто не смѣетъ вернуть ее, никто... И откуда вернуть? гдѣ она? кто это скажетъ?.. Значитъ, вся польза изъ скандала будетъ въ нашемъ позорѣ съ тобою. Я не боюсь суда и публичности, какъ я уже сказалъ тебѣ. Но загляни поглубже въ свою душу; ты, какъ видно, считаешь себя безупречнымъ и не знаешь, что значитъ страшный судъ совѣсти. Отъ этихъ мученій ты сумѣлъ избавиться, къ несчастію. Да, къ несчастію, потому что это судъ всѣхъ честныхъ людей!.. Но не дрогнешь ли ты передъ гласностью? Не побоишься ли ты сдѣлаться, безъ всякой пользы для себя, предметомъ салонныхъ толковъ? И будетъ ли говорить въ твою пользу тотъ свѣтъ, который уже насмотрѣлся на подобныхъ тебѣ мужей? Не будетъ ли колоть тебя каждое двусмысленное слово, каждый намекъ, каждое насмѣшливое сожалѣніе? Твоя совѣсть покуда спокойна и не видитъ твоихъ ошибокъ, но тогда ей укажутъ на каждую мелочь, на каждый промахъ, тебѣ разъяснятъ, что за женщина твоя мать, каково жить съ нею, насколько было честно отдать жену подъ ея гнетъ, и едва ли даже ты сохранишь свое спокойствіе. Что-жъ, поступай, какъ знаешь. Я на все смотрю уже такъ холодно, какъ можно смотрѣть, только стоя одной ногой въ могилѣ, а ты — ты привыкъ волноваться даже изъ-за пустяковъ, изъ-за отнятыхъ у тебя грошей...

— Надѣли петлю, затягиваютъ ее и глумятся, доказывая, что ее нельзя снять!—почти зарыдалъ Обносковъ и треснулъ кулакомъ по столу.

— Богъ свидѣтель, что я глубоко жалѣю тебя и каюсь

Digitized by Google

за свою ошибку, — потрясеннымъ голосомъ произнесъ Кряжовъ.

— Будьте вы прокляты съ вашимъ сожалѣніемъ!—крикнулъ Обносковъ и направился, шатаясь, къ дверямъ.

— Не намъ проклинать другъ друга, и разсудитъ насъ только Богъ,—тихо и грустно промолвилъ Кряжовъ.

Опять долго проходилъ онъ по комнатѣ въ глубокомъ раздумьи. Въ его душѣ не было волненія, не было тревоги, но какое-то торжественное спокойствіе хладнокровнаго взвѣшиванья своихъ дѣлъ и мнѣній, спокойствіе молчаливой провѣрки своего прошлаго царило въ этой старой, честной душѣ. Что-то покорное, тихое, хотя и не лишенное слѣдовъ мученія, отражалось на похудѣвшемъ и обрюзгшемъ лицѣ стараго ex-профессора.

Вечеромъ за часомъ онъ мелькомъ замѣтилъ Павлу о посѣщеніи Обноскова.

— Что, онъ обѣщалъ выдать ей паспортъ?—спросилъ Павелъ.

— Мы объ этомъ не говорили, онъ очень разстроенъ,—отвѣтилъ Кряжовъ.

— Жаль его; съ пеленъ совсѣмъ искалѣчили человѣка!—проговорилъ Павелъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ.

Кряжовъ вздохнулъ и особенно горячо пожалъ на прощаньи руку своего названнаго сына. Старику было крайне пріятно, что Павелъ не сказалъ ни одного рѣзкаго слова про Обноскова.

Не въ такомъ безмятежномъ настроеніи духа возвратился домой Алексѣй Алексѣевичъ. Онъ былъ угрюмъ, раздраженъ и нетерпѣливъ. Марья Ивановна вышла къ нему навстрѣчу, желая разспросить о результатахъ его визита къ Кряжову, но увидала выраженіе его лица и струсила. Опять лицо сына напомнило ей лицо мужа, когда тотъ бывалъ въ буйномъ настроеніи духа.

— Не надо ли тебѣ чего-нибудь, Леня? Чаю не хочешь ли?—боязливо спросила она.

— Оставьте меня одного,—проговорилъ онъ, не обращая на нее вниманія.

— Утомился ты, бѣдный! Ты прилегъ бы,—съ участіемъ проговорила мать.

— Оставьте меня одного, слышите ли вы?—топнулъ ногою Алексѣй Алексѣевичъ.—И меня выжить изъ дому хотите, что ли?—гнѣвно остановился онъ передъ матерью.

Digitized by Google

— Отъ тебя-то этого я не ожидала! — захныкала Марья Ивановна.

— Идите въ другую комнату плакать, довольно я насмотрѣлся на ваши слезы, — сказалъ сынъ и отвернулся отъ матери.

Она украдкой поспѣшно отерла слезы и вышла походкой наблудившей кошки... Алексѣй Алексѣевичъ сталъ ходить по комнатѣ. Сотни думъ роились въ его головѣ, онъ мысленно обвинялъ во всемъ случившемся тестя, жену, Павла, свою мать, но ни разу не пришло ему въ голову, что и онъ виноватъ не менѣе ихъ всѣхъ. Онъ представлялъ себя мученикомъ испорченныхъ людей, испорченныхъ нравовъ современнаго общества и отчасти даже съ гордостью думалъ, что чаша еще не выпита до дна, что онъ еще будетъ страдать за свою честность, за свои права. Эта мысль отчасти давала ему силы смотрѣть безъ особеннаго страха на предстоящую ему въ свѣтѣ роль обманутаго и брошеннаго мужа. Онъ зналъ, что въ глазахъ свѣта всегда правъ побѣдитель и смѣшонъ побѣжденный, но Обносковъ теперь презиралъ и ненавидѣлъ этотъ свѣтъ, какъ скопище мерзавцевъ, подрывающихъ всѣ основы спокойствія, и дураковъ, не умѣющихъ бороться противъ этихъ нарушителей порядка. Въ его головѣ возникъ вопросъ: что дѣлать? объявлять ли о бѣгствѣ жены, или выдать ей паспортъ?—Сначала ему хотѣлось, во что бы то ни стало, произвести скандалъ. Но мало-помалу онъ склонился къ мысли о выдачѣ паспорта. Трусость передъ гласностью взяла верхъ надъ желаніемъ опозорить Кряжова и его дочь. Алексѣй Алексѣевичъ видѣлъ ясно, что его дѣло проиграно безвозвратно, что жену воротить нельзя, что Кряжовъ слишкомъ зарекомендованъ въ мнѣніи общества для того, чтобы къ нему пристала грязь, что, наконецъ, борьба будетъ неровная, такъ какъ онъ, Обносковъ, располагаетъ очень небольшими матеріальными средствами и связями, а Кряжовъ заручился и тѣмъ, и другимъ. Первый разъ Обноскову приходилось поступить противъ своихъ убѣжденій, и это было причиною самыхъ сильныхъ мученій. Но на комъ выместить злобу? кого обвинить за необходимость такой поблажки противникамъ? Подъ рукой была мать. Она уже давно вызывала негодованіе Алексѣя Алексѣевича своимъ нытьемъ, своими упреками и сплетнями. Болѣе чѣмъ когда-нибудь чувствовалъ онъ въ настоящее время на себѣ весь гнетъ ея безобразнаго характера. Теперь онъ обвинялъ ее болѣе всѣхъ другихъ людей за бѣгство жены.

Digitized by Google

— Леня, что же ты теперь будешь дѣлать?—говорила она на другой день новымъ и слезливымъ тономъ.

— Паспортъ женѣ выдамъ,—отвѣтилъ онъ съ усмѣшкой.—Пусть гуляетъ и радуется, что обманула меня.

— Что ты это, голубчикъ, шутишь!—воскликнула мать.—Какъ же это можно такую негодяйку прикрывать!

— А вы что прикажете дѣлать? Не угодно ли вамъ, чтобы Кряжовъ разсказалъ, почему его дочь бѣжала отъ меня? Да вы знаете ли, что она изъ-за васъ бѣжала?—злобно взглянулъ Обносковъ на мать.

— Господи! Да кто же повѣритъ этому!—всплеснула руками мать.

— Всѣ, всѣ повѣрятъ! Вы думаете, что ваши кухарки, ваши родные, ваши знакомые не знаютъ, что вы за женщина?—ядовито и раздражительно говорилъ сынъ.—Вы не только ея жизнь отравляли, вы теперь мою жизнь отравляете!

— Грѣхъ тебѣ, Леня! Отвѣтишь ты Богу за меня на томъ свѣтѣ!—заплакала Марья Ивановна.

— Никогда не отвѣчу!—гнѣвно произнесъ сынъ.—Я и теперь избѣгаю скандала, чтобы спасти вашу репутацію. Я своею грудью заслоняю васъ, я свою жизнь отдаю за вашу честь, я своимъ убѣжденіямъ измѣняю для спасенія васъ отъ сплетенъ... Полноте плакать, слезы тутъ не поведутъ ни къ чему! Много я ихъ видѣлъ на своемъ вѣку! Если бы вы не были моей матерью, то я отшатнулся бы отъ васъ при первой встрѣчѣ. Но вы мнѣ мать—и моя обязанность отстаивать васъ передъ обществомъ. Да, поймите все это!

Понимала Марья Ивановна всѣ эти разсужденія довольно плохо, но они, все-таки, имѣли довольно благотворное вліяніе какъ на ея сына, такъ и на нее. Обносковъ, высказавъ эти мысли, пришелъ къ убѣжденію, что онъ дѣлаетъ невольную уступку женѣ для спасенія чести своей матери, и возгордился этимъ великимъ подвигомъ. Марья Ивановна, слушая его рѣчи, поняла то, что сынъ, хотя и сердится на нее, но все-таки, не выгоняетъ ее изъ дому, и потому въ глубинѣ души тоже успокоилась и даже подумала: «Пусть его поутихнетъ, тогда и поговорю съ нимъ толкомъ, вѣдь это не въ первый разъ молодая-то кровь въ немъ расходилась. Вотъ такъ же сердился, какъ я ему на первой невѣстѣ жениться не позволила, да ничего, утихъ, и меня же потомъ благодарилъ. Охъ, ужъ эта молодежь, словно порохъ, вспыхиваетъ; только бѣги въ сторону, чтобъ не опалила». Принявъ сми-

Digitized by Google

ренный видъ угнетенной невинности, мать стала надрывать сердце сына сжеминутными вздохами и невообразимою предупредительностью. Въ его комнату она входила не иначе, какъ на цыпочкахъ. Говорила почти шопотомъ. Если ему нужно было что-нибудь, то она не шла, а бѣжала за понадобившеюся вещью. Такимъ образомъ, Обносковъ и его мать играли роль двухъ мучениковъ и показывали видъ, а можетъ-быть, даже и вѣрили сами, что они принесли себя въ жертву другъ другу и своему долгу...

XXII.

Затишье послѣ грозы.

Въ первыхъ числахъ іюня Кряковъ собрался за границу къ немалому удивленію Трегубова, который никакъ не могъ помириться съ мыслью, что его старый другъ уѣзжаетъ одинъ, не дождавшись его. Павелъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Кряковымъ. Всю дорогу шли у нихъ безконечные разговоры о Грунѣ, о нетерпѣніи поскорѣй увидаться съ нею и, кажется, оба путешественника считали чуть ли не минуты, остающіяся до ихъ свиданія съ любимой ими женщиной. Оба они походили на школьниковъ, вырвавшихся на свободу. Павелъ сознавалъ, что Кряковъ желаетъ видѣть дочь едва ли не сильнѣе его самого, и потому онъ чрезвычайно удивился, когда старикъ неожиданно сказалъ ему въ одинъ прекрасный день:

— А вотъ мы теперь разстанемся. Ты поѣзжай прямо къ ней въ Женеву, а я заѣду въ Баденъ-Баденъ.

— Что тебѣ это вздумалось?—въ недоумѣніи посмотрѣлъ Павелъ на старика.

— Полѣчиться надо немного, — проговорилъ Кряковъ, избѣгая испытывающихъ взглядовъ своего спутника и принимая равнодушное выраженіе лица.

— Однако, ты прежде не хотѣлъ лѣчиться!... Ты развѣ чувствуешь себя худо!—встревожился Павелъ и еще пристальнѣе взглянулъ на Кряжова.

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшилъ старикъ успокоить его.—Не знаешь... вотъ я полѣчусь и недѣли черезъ четыре пріѣду къ вамъ...

Павелъ не спускалъ глазъ съ смущеннаго ex-профессора и, кажется, хотѣлъ прочитать его затаенныя мысли.

— А вы, между тѣмъ, обживетесь, приготовите все для моего пріѣзда...

— Да тамъ все приготовлено...

Digitized by Google

— Ну да, ну да, приготовлено,—совсѣмъ спутался старикъ.—Но... но... лишній я буду теперь при вашемъ свиданіи,—отвернулся онъ въ сторону.

Павелъ весь покраснѣлъ и не могъ сказать ни одного слова. Ему хотѣлось поблагодарить Кряжова и въ то же время было почему-то совѣстно. Онъ былъ особенно веселъ вечеромъ въ этотъ день. Старикъ тоже шутилъ и забавлялся, какъ малое дитя. Рано утромъ на слѣдующій день имъ приходилось разъѣхаться въ разныя стороны. Они горячо обнялись и поцѣловались.

— Скажи Грунѣ, что я здоровъ, веселъ и спокоенъ,—промолвилъ Кряжовъ.—Непремѣнно скажи ей это.

— Мы сами къ тебѣ дня черезъ три пріѣдемъ,—сказалъ Павелъ, обнимая его.

— Смотри, чтобы мѣсяцы за дни не показались!—спутилъ старикъ, а въ тонѣ его словъ, все-таки, послышалась невольная грусть.

Тщетно старался Кряжовъ въ послѣднее время скрыть этотъ оттѣнокъ грусти, онъ невольно примѣшивался теперь къ его рѣчамъ даже въ самыя счастливыя минуты.

Однажды, недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда въ Баденъ-Баденъ, Кряжовъ возвращался съ прогулки и еще издали увидѣлъ стройнаго молодого человѣка, шедшаго подъ руку съ молоденькой женщиной. Молодые люди были, повидимому, вполнѣ счастливы, очень близки другъ къ другу и вели оживленный разговоръ. Старикъ съ волненіемъ сталъ всматриваться въ нихъ слабыми глазами, узналъ эту пару, хотѣлъ ускорить свою старческую поступь и не могъ сдѣлать ни шагу; ему пришлось поскорѣй опуститься на первую попавшуюся скамью. Молодые люди, наконецъ, тоже замѣтили его и бросились бѣжать къ нему на перегонку, крикнувъ:

— Кто скорѣе?

— Я прежде! — отвѣтилъ молодой человѣкъ, добѣжавъ первымъ къ старику.

— Ну, зато ее на закуску поцѣлую!—весело поддразнилъ молодого человѣка старикъ и обнялъ дочь.—Милые, милые, спасибо вамъ, что и теперь вспомнили обо мнѣ!

Молодые люди, краснѣя, переглянулись между собою и улыбнулись.

— А ты думалъ, что ты лишній между нами? Какъ тебѣ не стыдно!—ласково упрекнула старика дочь и покрыла горячими поцѣлуями его лицо.

Digitized by Google

— Теперь ты не долженъ разставаться съ нами,— говорилъ Павелъ.—Вмѣстѣ жизнь будетъ полнѣе.

— Будетъ кого няньчить?—улыбнулся ех-профессоръ.

Съ этого дня для маленькаго семейнаго кружка, въ средѣ котораго была и Вѣра Александровна, болѣе всего удивлявшаяся тому, что она здѣсь все по-французски говоритъ, началась мирная счастливая жизнь. Кряжовъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привыкалъ къ новымъ отношеніямъ своихъ любимыхъ «дѣтей» и все рѣже омрачалось его старое лицо грустными думами. Въ эти немногія минуты на выручку являлась простодушная Вѣра Александровна: ея неумолкающая болтовня, ея наивное удивленіе передъ разными иностранными обычаями, ея смѣшно сентиментальныя выходки развлекали старика, и онъ, въ концѣ-концовъ, говаривалъ ей:

— Ну, оставимте нашу молодежь да пойдемте бродить по городу, мы съ вами тоже пара не хуже ихъ!

Вѣра Александровна приходила въ восторгъ, брала подъ руку стараго ех-профессора и гордо смотрѣла на всѣхъ проходящихъ, полагая и, можетъ-быть, не безъ основанія, что всѣ удивляются и даютъ невольно дорогу ея спутнику: дѣйствительно, рѣдкій встрѣчный проходилъ, не взглянувъ съ видимымъ любопытствомъ на прекрасную львиную голову, съ волнистыми, совсѣмъ сѣдыми волосами, и съ открытымъ взглядомъ, на колоссальную фигуру широкоплечаго старика, всегда просто, но оригинально одѣтаго, все въ тотъ же завѣтный, просторный и длинный сюртукъ, все съ тѣмъ же откиднымъ, широкимъ воротникомъ на рубашкѣ, все съ тою же, едва завязанною около шеи косынкой.

— Ахъ, вашъ папаша такой удивительный человѣкъ! восторженно шептала Вѣра Александровна Груняѣ.

— Папа, папа, Вѣрочка влюблена въ тебя,—шутила со смѣхомъ Груня.

Вѣра Александровна краснѣла до ушей и, моргая глазами, умоляющимъ тономъ чопорно шептала молоденькой шалуньѣ:

— Ахъ, что вы меня конфузите!

— Ничего, ничего, Вѣра Александровна, пусть ихъ смѣются надъ нами, вотъ и мы когда-нибудь надъ ними подшутимъ,—дружески говорилъ Кряжовъ своей постоянной спутницѣ по прогулкамъ.

Пробывъ недолго въ Баденъ-Баденѣ, семья переселилась въ Швейцарію, гдѣ и было проведено время до поздней осени. Осенью Павелъ сталъ собираться въ Россію, съ

Digitized by Google

нимъ уѣзжала и Вѣра Александровна, но только на время, для свиданія съ сестрою: безъ нея уже не могли обойтись здѣсь, да и она сама отвыкла отъ прежней жизни и чувствовала горячую привязанность къ пріютившимъ ее людямъ. Груня порядочно грустила передъ разлукою съ Павломъ, но старалась скрыть свою грусть и обѣщала работать и учиться до возвращенія своего друга. Онъ разсчитывалъ пріѣхать снова къ ней зимою на мѣсяцъ.

— Береги, отецъ, Груню,—говорилъ Павелъ Кряжову передъ отъѣздомъ.—Я долженъ тебѣ сказать,—началъ онъ въ смущеніи нерѣшительнымъ тономъ:—что теперь ей нуженъ особенный уходъ... Ты, можетъ-быть, это замѣтилъ.

— Положись во всемъ на меня. Я все знаю, все вижу,—задушевно перебилъ его старикъ, положивъ руку на его плечо. Но старикъ запнулся на первомъ словѣ и только черезъ двѣ-три минуты собрался съ духомъ.—Ты знаешь,—сказалъ онъ:—что ребенокъ можетъ быть записанъ законнымъ, хотя это...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога,—быстро перебилъ его Павелъ:—даже и не упоминай о существованіи ея мужа! Пусть мой ребенокъ носитъ какое хочешь имя, какое хочешь званіе, но только онъ не долженъ быть Обносковымъ!

Кряжовъ тихо вздохнулъ.

— Не сердись на меня,—кротко проговорилъ онъ.—Тяжело мнѣ мириться со всѣмъ этимъ, очень тяжело! И не потому тяжело, что я гляжу на мнѣніе свѣта или придаю значеніе названіямъ вещей, но мнѣ все еще больно, что именно *я* виноватъ во всемъ...

— Полно, отецъ! Ты видишь, что мы спокойны; зачѣмъ же тебѣ тревожить себя? Будемъ жить мирно, и пусть люди говорятъ про насъ, что имъ угодно.

Пошли дни, недѣли, мѣсяцы, безъ особенныхъ волненій, безъ особенныхъ событій. Всѣ герои этихъ семейныхъ сценъ стали мало-по-малу отдыхать отъ пережитыхъ тревогъ и бурь и сознавали, что ихъ жизнь принимаетъ ровное и правильное теченіе. Это было затишье послѣ грозы; всѣ чувствовали, что надъ ними прошумѣла гроза, что она оборвала многіе листья, обломала многія вѣтви, только сами они не согнулись передъ ней и остались цѣлы. Эти уцѣлѣвшіе люди не считали себя окончательно поломанными людьми и имъ, можетъ-быть, не безъ основанія казалось, что подъ грозой погибли только тѣ части ихъ самихъ, которыя уже давно были гнилы и только могли мѣшать развитію здо-

Digitized by Google

ровой части их организма. Павел работал в Петербурге особенно усиленно, без прежних порывов, но зато постоянно и осмысленно; счастье опять придало ему силы и ни разу думы о Груне, желание свидания с нею, смутныя стремления dahin не прервали его занятий; напротив того, он именно потому работал бодро, что только этим путем он надеялся, спокойно, не разлучаясь, жить с нею в будущем. Кряжов, испытавший, что значит полное одиночество, стал теперь искать людского общества и поселился со своею дочерью на время в одном из немецких университетских городов. У них образовался небольшой кружок знакомых: у Груни собиралась большею частью русская молодежь; у Кряжова сходились иногда немцы-профессора попить пиво и поспорить. Неизвестно, почерпнул ли что-нибудь вполне довольный своею судьбою Кряжов из этих бесед, но Груня развивалась с каждым днем, жадно хватаясь за каждую новую мысль, за каждое новое знание, и уже в ея голове бродили смелые планы различных предприятий, которым ей хотелось отдаться по приезде в Петербург. Не когда настанет этот день? Эта мысль иногда заставляла молодую женщину строптиво хмурить брови и впадать в глубокое раздумье. Но облако печали проходило снова и опять являлась бодрость, пробуждались силы и надежды. А время шло. Вот и зима наступила; воротилась за границу Вера Александровна с наивными разсказами, как она, в качестве девицы, боялась ехать одна; пришло Рождество, прикатил Павел к своей семье на елку, как он говорил; прошли праздники, и Павел уехал снова в Россию; все чаще и чаще стали приходить от него письма не к Груне, а на имя ея отца с вопросом о ея здоровьи, наконец получилась телеграмма на имя Кряжова со словами: «Благодарю тебя, отец, и да сохранит судьба младенца. Целую Груню»,—а желанный день возвращения в Россию все не наступал.

Дело в том, что Алексей Алексеевич, выдав жене заграничный паспорт, никак не хотел выдать ей постоянный вид для отдельнаго свободнаго проживания в России. Сделав поневоле, по необходимости одну уступку, он никак не решался согласиться, чтобы его жена жила в России; по его мнению, ея поездка за границу могла еще не вызывать толков и не походить на формальный развод, но ея отдельная жизнь в Петербурге прямо да-

Digitized by Google

вала возможность обществу заглянуть въ закулисныя тайны ихъ семейной жизни и дѣлать свои нелестные выводы. Кряжовъ уже рѣшился не хлопотать о выдачѣ для дочери вида на жительство, тѣмъ болѣе, что и она сама на время успокоилась и перестала думать о возвращеніи въ Россію, такъ какъ Павелъ окончилъ курсъ въ университетѣ и переселился въ Германію, гдѣ впервые увидалъ маленькое дорогое ему созданьице, носившее имя Аркадія Панютина. Семья окончательно устроилась на мѣстѣ и, повидимому, позабыла совершенно, что гдѣ-то далеко есть человѣкъ, который можетъ и, по всей вѣроятности, не затруднится вдругъ смутить ея семейное затишье хотя бы просто изъ чувствъ зависти и мести. Переставъ на время думать о возвращеніи на родину, Груня радовалась, что Павелъ пробудетъ съ нею неразлучно два года, и няньчилась со своимъ младенцемъ никакъ не менѣе, чѣмъ няньчилась Вѣра Александровна съ другимъ младенцемъ—со старикомъ Кряжовымъ...

XXIII.

Заключеніе.

Совсѣмъ иная жизнь шла въ это время въ домѣ Обноскова. Алексѣй Алексѣевичъ, несмотря на болѣзненное и раздраженное состояніе своего организма, весь отдался работѣ и старался забыть всѣ невзгоды своей дѣйствительной жизни среди памятниковъ давно забытой и чуждой ему древности. Между нимъ и его матерью царствовала замѣтная непріязнь. Сынъ всячески избѣгалъ бесѣдъ съ нею и сталъ затворять отъ нея двери своего кабинета; если же она случайно врывалась въ это послѣднее убѣжище сына, то онъ прямо говорилъ ей:

— У меня работа есть, не мѣшайте мнѣ!

Сухой и холодный тонъ этихъ словъ дѣлалъ невозможнымъ какое бы то ни было возраженіе. Мать вознаграждала себя за потерю сыновней любви жалобами на невѣстку, говорила всѣмъ и каждому, что эта змѣя подколодная се съ сыномъ разссорила, что онъ теперь въ меланхолію впалъ, не ѣстъ, не пьетъ и ни съ кѣмъ говорить не хочетъ, что онъ чахнетъ, какъ свѣча передъ образомъ таетъ, и что каково же все это материнскому-то сердцу видѣть! Откуда-то Марья Ивановна узнала, что «Павлушка» за границу ѣздилъ къ своей «полюбовницѣ», что «старый грѣховодникъ-отецъ самъ, самъ повезъ къ своей доченькѣ любовника, и что если бы Леня-то захотѣлъ, такъ ей бы, женѣ-

Digitized by Google

то его, публично выдали бы такой, знаете, билеть, какіе развратнымъ женщинамъ выдаютъ, а то еще, можетъ-быть, въ монастырь на покаяніе засадили бы; да только Леня-то духомъ, духомъ упалъ и ничего не хочетъ съ ними, съ мошенниками-то, съ кровопивцами-то дѣлать, хоть онъ теперь воленъ въ ихъ смерти и животѣ: захочетъ сказнить, захочетъ помилуетъ!..»

— Ахъ, дѣла, дѣла!—разѣвали рты слушательницы, по большей части принадлежавшія къ сословію кухарокъ.

Эта сфера была самая достолюбезная для Маріи Ивановны, такъ какъ только здѣсь ее называли «барынею», преклонялись передъ ея великимъ чиномъ титулярной совѣтницы и считали ея Леню какимъ-то грознымъ судьею, имѣющимъ право казнить и миловать не только жену, но и всѣхъ ея родныхъ и близкихъ. Неизвѣстно, какія думы мучили въ это время Обноскова: тосковалъ ли онъ о женѣ, придумывалъ ли для нея какую-нибудь месть или боялся людскихъ толковъ, сплетенъ и огласки, но только онъ, дѣйствительно, избѣгалъ общества и выѣзжалъ лишь на уроки, въ должность или на университетскіе диспуты, гдѣ постоянно вступалъ въ ожесточенные и колкіе споры, преслѣдуя каждую живую и новую мысль. Онъ самъ готовилъ диссертацію, полную тонкихъ и ѣдкихъ намековъ на совершенную безграмотность, на верхоглядство и дилетантизмъ въ наукѣ; ожидая полнаго успѣха своему труду, онъ надѣялся скоро получить каѳедру, и уже впередъ говорилъ, что у него на экзаменахъ пройдутъ счастливо только тѣ, которые будутъ знать его предметъ, по крайней мѣрѣ, не хуже его самого. Среди этихъ занятій и надеждъ ему представился еще одинъ случай публично высказать свои мнѣнія.

Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ приготовлялось одно изъ часто повторявшихся въ послѣднее время торжествъ; десятокъ докторовъ и ученыхъ готовилъ юбилейный обѣдъ для одного престарѣлаго, заслуженнаго доктора изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, извѣстнаго нѣсколькими, написанными на иностранныхъ языкахъ статьями. Несмотря на свое несомнѣнно нѣмецкое происхожденіе, докторъ Гренингъ былъ извѣстенъ за яраго славянофила; несмотря на свою принадлежность къ міру медиковъ, докторъ Гренингъ прославился одной надѣлавшею шуму статьею, гдѣ выражалось то мнѣніе, что только классическія науки развиваютъ умъ и нравственность человѣка, а естествознаніе ведетъ къ без-

Digitized by Google

божію и невѣрію. Эта статья прославилась еще болѣе, когда одинъ естествоиспытатель сталъ доказывать, отвѣчая на нее, что именно естественныя-то науки и развиваютъ вѣру, и указалъ при этомъ на нѣсколькихъ вѣрующихъ и даже служащихъ обѣдни иностранныхъ естествоиспытателей. На эту статью явилось возраженіе какого-то литератора, который замѣтилъ: «А! такъ вы своихъ учениковъ заставляете все принимать на вѣру? А я думалъ, что первая обязанность естествоиспытателя — заявить своимъ слушателямъ, что каждый ихъ выводъ, каждый ихъ взглядъ долженъ быть основанъ на фактахъ и опытахъ, что безъ фактовъ и опытовъ нельзя составлять никакихъ понятій и заключеній, и что понятія, составленныя инымъ образомъ, — ерунда». Воспользовавшись этимъ возраженіемъ, докторъ Гренингъ тонко указалъ кому слѣдуетъ, какія идеи проповѣдуютъ естественники, и вышелъ побѣдителемъ изъ спора. Помня эту бурю въ стаканѣ воды, можно было ожидать очень многаго отъ юбилейнаго обѣда, тѣмъ болѣе, что и всѣ другіе подобные обѣды не проходили безъ шума и курьезовъ. Петербургъ, да и вся Россія, какъ, вѣроятно, замѣтилъ каждый, такъ же стремительно бросились на путь ораторства, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ они бросились на путь обличительной литературы; Богъ знаетъ для какихъ цѣлей развиваются теперь эти ораторскія способности, но вѣроятнѣе всего, что въ результатѣ получится то же, что получилось отъ обличительной литературы, т. е. почти полнѣйшее исчезновеніе съ лица земли. Но что бы ни было въ будущемъ, а покуда мы ораторствуемъ, видимъ отъ этого великую пользу, относимся къ «рѣчамъ» съ неподражаемо комичною серьезностью и глубокомысленно съ какою-то боязливой оглядкой называемъ эти невинныя упражненія «подготовкой къ будущему», а потому юбилейный обѣдъ доктора Гренинга, какъ и обѣдъ для братьевъ славянъ, какъ и всѣ другіе обѣды, казался чѣмъ-то важнымъ, какимъ-то событіемъ въ жизни всѣхъ согражданъ и всей Россіи, навѣрное не одному Обноскову. Что-жъ мудренаго, что и онъ поспѣшилъ воспользоваться возможностью свободно, съ дозволенія начальства, высказать свои мнѣнія и подписался чуть ли не первымъ на обѣдъ. Этому гражданскому подвигу онъ даже жертвовалъ своимъ здоровьемъ и сильнѣе всего боялся только того, что его нездоровье разовьется не на шутку до дня юбилея. Онъ употреблялъ неимовѣрныя усилія надъ собою, чтобы казаться, даже въ своихъ собственныхъ

Digitized by Google

глазахъ, здоровѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и увѣрялъ себя, что и кашель, и лихорадка были просто слѣдствіемъ неопаснаго гриппа. Наканунѣ давно ожидаемаго дня Обноскова бросало и въ потъ, и въ дрожь; отъ нетерпѣнія онъ почти не могъ ничего дѣлать, двадцать разъ ложился и снова вставалъ и набрасывалъ на бумагу рѣчь, которую, подобно всѣмъ другимъ ораторамъ, хотѣлъ произнести на обѣдѣ, конечно, экспромтомъ. Наконецъ насталъ и желанный день. Алексѣй Алексѣевичъ пріободрился и одѣлся, посмотрѣлъ на часы и увидалъ, что еще слишкомъ рано ѣхать на обѣдъ.

— Не ѣздилъ бы ты, голубчикъ, сегодня,—сказала ему мать. — На тебѣ лица нѣтъ, а сегодня морозъ такой, что носъ страшно на улицу показать.

— Что вы выдумываете! — разсердился сынъ. — Я совсѣмъ здоровъ, да если бы и былъ боленъ, то все-таки надо ѣхать.

— Охъ, Леня, ужъ неужели начальство и на болѣзнь-то не смотритъ...

— Какое начальство? Я на обѣдъ ѣду...

— Господи, ужъ будто ты дома-то пообѣдать не можешь! Слава Богу, живемъ мы...

— Ничего вы не понимаете, а суетесь во всякое дѣло!

Обносковъ повернулся къ матери спиною, вышелъ, хлопнувъ дверью, и подумалъ:

«Вотъ и живи вѣкъ съ такою круглою невѣждою! И какъ это она умѣетъ во все свой носъ сунуть. Мало ей кухоннаго царства!»

Пріѣхавъ на обѣдъ не въ очень хорошемъ настроеніи духа, Алексѣй Алексѣевичъ имѣлъ несчастіе неожиданно встрѣтить тамъ Левчинова. Это обстоятельство еще болѣе раздражило Обноскова. Левчиновъ, по обыкновенію, довольно пошло балагурилъ и хохоталъ громкимъ смѣхомъ.

— Что, Алексѣй Алексѣевичъ, отъ скуки по торжественнымъ обѣдамъ разъѣзжаете?—сказалъ онъ Обноскову, фамильярно хлопая его по плечу въ качествѣ стараго товарища.

— Вамъ подражаю,—хмуро отвѣтилъ Обносковъ.

— Я-то по обязанности здѣсь, нужно «отчетку» веселенькую настрочить о томъ, какъ это люди будутъ нѣмца за русскій патріотизмъ выхвалять и доктора славить за борьбу противъ естествознанія. Ну, да послѣ такого драматическаго представленія и на балетъ посмотрѣть хочется.

— На какой балетъ?—сердито спросилъ Обносковъ.

Digitized by Google

— А какъ наши престарѣлые тузы въ присядку ради патріотизма пойдутъ.

— Что вы выдумываете?

— А вотъ увидите. И трепака пропляшутъ. Ей-Богу! Вотъ его превосходительство докторъ Винтеръ непремѣнно въ присядку пойдетъ. Ему уже не впервые этимъ художествомъ заниматься, навострился!

— Удивляюсь я, какъ вамъ не надоѣстъ всякой чепухѣ вѣрить. Негодяи гдѣ-нибудь распустили пошлую выдумку, а вы вѣрите.

Обносковъ ходилъ по залѣ, желая скрыться отъ Левчинова, но тотъ, какъ тѣнь или вѣрный песъ на травѣ, слѣдовалъ по его пятамъ.

— Ой, какой вы сердитый нынче стали!—смѣялся онъ.— Ну, а что ваша супруга? Здорова ли? Скоро ли мы ее снова увидимъ?

— Она еще не поправилась,—прошипѣлъ Обносковъ и бросилъ свирѣпый взглядъ на Левчинова, какъ будто онъ хотѣлъ его уничтожить.

Левчиновъ не унимался.

— Какъ жаль, какъ жаль!—говорилъ онъ съ участіемъ въ голосѣ.—Гдѣ же она теперь? въ Ниццѣ или въ Швейцаріи?

Обносковъ закусилъ губы. Онъ не зналъ навѣрное, гдѣ живетъ теперь его жена, и боялся явно и смѣшно провраться, если Левчинову почему-нибудь извѣстно настоящее мѣстопребываніе Груни.

— Не хотите ли вы навѣстить ее?—постарался онъ отдѣлаться отъ прямого отвѣта и поспѣшно улизнулъ въ толпу, увидавъ какое-то знакомое лицо.

Но Левчиновъ не отступалъ отъ своей жертвы и тѣшился травлею со всею нахальностью и неотвязчивостью праздношатающагося повѣсы. Во время обѣда онъ усѣлся возлѣ Обносковa и отравлялъ своими шутками каждый кусокъ стараго пріятеля. Каждая рѣчь, каждый тостъ давали поводъ къ насмѣшкамъ и остротамъ. Обносковъ кусалъ губы и молчалъ. Обѣдъ, между тѣмъ, дѣлался все шумнѣе, нѣкоторые голоса уже звучали какъ-то невѣрно, мѣстами уже слышались приглашенія выпить на *ты*; приходилось торопиться произнести рѣчь.

Алексѣй Алексѣевичъ всталъ, попросилъ слова и началъ говорить... Желчная и ѣдкая рѣчь Обносковa о необходимости борьбы съ модными идеями развращеннаго поколѣ-

Digitized by Google

нія матеріалистовъ, реалистовъ и нигилистовъ уже начала возбуждать вниманіе, какъ вдругъ Левчиновъ крикнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, теперь примиреніе нужно! Да погибнетъ вражда и распри! Мы всѣ дѣти одной матери, какіе бы ярлыки и клички мы ни носили, и нашъ почтенный юбиляръ служитъ яркимъ доказательствомъ истины моихъ словъ: онъ нѣмецъ по фамиліи, но онъ русскій въ душѣ!

— Да, да, ты нашъ братъ русакъ!—крикнулъ кто-то невѣрнымъ голосомъ.

— Качать его, качать!

Десятокъ пожилыхъ и еще не старыхъ людей, пошатываясь, окружилъ юбиляра, и началось качанье.

— Пей, братъ, пей и докажи, что и ты русскій! Къ чорту шампанское! подавай намъ родной сивухи!—сипло раздавалось въ одномъ углу.

— Ну-ка, Эдуардъ Карловичъ, пройдемся, — говорилъ кто-то почтенному доктору Винтеру, размахивая взятымъ за уголъ носовымъ платкомъ, въ знакъ приготовленія къ русской пляскѣ.

Среди этого хаоса ошеломленный и безмолвный Обносковъ остался одинъ, не досказавъ своей строго обдуманной рѣчи. Кто-то подошелъ къ нему и ударилъ его по плечу. Обносковъ обернулся и увидалъ передъ собою улыбающагося старичашку съ лысой, словно обмазанной саломъ, лоснящейся головой; онъ не зналъ этого человѣка.

— Вы Обносковъ?—спросилъ старикашка, едва стоя на ногахъ и умильно улыбаясь.

— Да,— отвѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Ну, и выпьемте за вашу будущность! Выпьемте, потому что я люблю васъ, люблю всю такую молодежь.

— Я не могу много пить,—сухо отвѣтилъ Обносковъ.

— Глупости! Брудершафтъ выпьемъ... На *ты*... Ну, давай! Къ чорту церемоніи, къ чорту скуку! Мы здѣсь въ своей семьѣ, и всѣ мы братья!

Обносковъ выпилъ бокалъ вина черезъ руку съ лысымъ старичкомъ. Послѣдовало лобзаніе. Старикъ потащилъ Обноскова въ другую комнату, усадилъ на диванъ, велѣлъ подать кофе и подлилъ въ него рому. Началась бесѣда; старикъ со слезами на глазахъ разсказывалъ о своей студенческой жизни, выболталъ всѣ свои семейныя тайны, пожаловался на жену и на непокорныхъ дѣтей и налилъ еще стаканъ вина Обноскову, заставивъ его насильно выпить.

Digitized by Google

— Нѣтъ, ты пойми, каково мнѣ жить,—рыдалъ подгулявшій лысый старичокъ, полируя носовымъ платкомъ свою лоснящуюся голову.—Сынъ у меня, Николашка, разбойникъ, говоритъ: «Не хочу я съ мачихой жить...» Ну, говорю, и убирайся къ чорту!.. «Да я, говоритъ,—и сестеръ съ собой возьму, потому что не хочу, чтобы онѣ на безобразіе смотрѣля...» Ну, говорю, и бери ихъ на свою шею, а я вамъ гроша не дамъ... Хорошо! Ушли, бросили меня... А она-то, жена-то моя, обманываетъ меня, на каждомъ шагу обманываетъ... А? каково мнѣ это сносить?.. Вотъ ты молодой человѣкъ, а какъ бы ты это снесъ, если бы тебя жена обманывать стала?... Ну, скажи мнѣ откровенно, скажи,—приставалъ лысый старичокъ, рыдая.

Обносковъ молчалъ и, неизвѣстно почему, тоже горько плакалъ. Онъ захмелѣлъ окончательно.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ: ты мнѣ другъ? А?—приставалъ лысый старичокъ.

— Господа, не здѣсь ли юбиляръ? — громко спросилъ кто-то, вбѣгая въ комнату, гдѣ сидѣли наши собесѣдники.

— Нѣ-ѣтъ,—отвѣтили они, оглядывая комнату мутными глазами.

— Боже мой, онъ пропалъ! Кучеръ его ждетъ, а его отыскать нигдѣ не могутъ.

— Надо идти! Иска-аты!—заговорилъ старичокъ путающимся языкомъ, громко икая, и потащилъ за собою Обноскова, говоря ему: «Поддерживай насъ, стариковъ, поддерживай, молодой человѣкъ!»

Безплодно отыскивая пропавшаго юбиляра, толпа подкутившихъ гостей вышла на улицу безъ шубъ и шляпъ, чтобы разспросить кучеровъ. Одинъ изъ гостей отправился на домъ къ юбиляру. Черезъ полчаса онъ возвратился и объявилъ, что юбиляра увезли въ чужой каретѣ, и что онъ спокойно спитъ въ своей спальнѣ.

— Ура, пить за его здоровье!—крикнули сиплые голоса...

Обносковъ, шатаясь, улизнулъ изъ комнаты и вышелъ на крыльцо, гдѣ едва отыскали ему шубу. Онъ чувствовалъ себя скверно и не могъ дать себѣ отчета, что дѣлается съ нимъ.

— Ѣдешь уже, Алексѣй Алексѣевичъ?—нѣжнымъ и печальнымъ голосомъ спросилъ его, появляясь на крыльцѣ, Левчиновъ, говорившій уже со всѣми на *ты* и съ чрезвычайною сладостью и мягкостью. — А у насъ, голубчикъ,

Digitized by Google

женка устраивается, Gaudeamus споемъ,—еще болѣе огорченнымъ тономъ добавилъ онъ.

— Нѣтъ, ты свинья! Ты глубоко, глубоко оскорбилъ меня!—почти плача, произнесъ Обносковъ заплетающимся языкомъ.—Ты подлецъ!

— Полно! ну, что ты ругаешься? Ну, подлецъ я, подлецъ, а ты прости меня,—полѣзъ съ открытыми объятіями Левчиновъ къ своему старому пріятелю. — Ну, какіе мы враги? Что намъ дѣлить-то! Всѣ мы мученики подневольные...

— Да вѣдь больно мнѣ, больно! — разрюмился Алексѣй Алексѣевичъ, лобзаемый Левчиновымъ.—Ты думаешь, я подлецъ, ты думаешь я не понимаю васъ? Я очень понимаю... Но я за законъ, за законъ... Ну, зачѣмъ вы не законъ? А, зачѣмъ?.. Ну и я бы съ вами, за васъ бы... за конституцію...

— Ну, останься, останься, голубчикъ, хоть теперь съ нами,—умолялъ огорченный Левчиновъ.—Вѣдь ты не повѣришь, какъ я тебя люблю. Будь ты женщиной, я бы женился на тебѣ. Ей-ей!—объяснялся онъ въ любви.

— Нѣтъ, я поѣду, измучился я,—бормоталъ Обносковъ, безсмысленно мотая головой.

— Ну, не хочешь оставаться, Богъ съ тобой! Давай я тебя провожу, давай я тебя усажу! Помнишь, Леша, я тебя маленькаго на рукахъ подымалъ... Маленькій ты такой былъ, сла-абенькій...

— Эхъ, бра-атъ, горько мнѣ, о-очень горько!—шепталъ Обносковъ совсѣмъ заплетающимся языкомъ почти въ полуснѣ.

Левчиновъ, обнимая и цѣлуя пріятеля, отвелъ его на улицу, усадилъ въ сани и закуталъ, поднявъ воротникъ его шубы до самыхъ ушей. Извозчикъ уже хотѣлъ ѣхать, когда Левчиновъ еще разъ облобызалъ Обноскова и пробормоталъ:

— Постой, голубчикъ, я тебя перекрещу!

Левчиновъ сотворилъ крестное знаменіе надъ лицомъ пріятеля. Обносковъ во всю дорогу заливался слезами...

Рано на слѣдующій день поднялась Марья Ивановна и, узнавъ отъ кухарки, что барина привелъ дворникъ «не въ своемъ видѣ», прошла на цыпочкахъ въ комнату сына. Онъ, нераздѣтый, лежалъ на спинѣ на своемъ диванѣ въ страшномъ жару. Марья Ивановна попробовала разбудить его, онъ не просыпался. Она позвала служанку и кое-какъ съ ея помощью раздѣла сына. Онъ что-то пробормоталъ во снѣ,

Digitized by Google

но не открылъ глаза. Его пылающее худое лицо было покрыто пятнами. Къ вечеру сынъ все еще спалъ, но бредилъ. Пришлось звать доктора. Докторъ покачалъ головою, сказалъ, что дѣло плохо, прописалъ лѣкарства и уѣхалъ... Прошло недѣли двѣ, Алексѣй Алексѣевичъ былъ уже въ памяти, но надеждъ на выздоровленіе не было никакихъ.

— Священника позовите, — слабымъ голосомъ говорилъ онъ однажды матери.

Она расплакалась.

— Не плачьте... мнѣ надоѣли слезы,—прошепталъ онъ и отвернулся.

— Какая она въ дѣвушкахъ была веселая, — пробормоталъ онъ черезъ минуту въ забытьи.

— Про кого это ты, голубчикъ, говоришь?—съ участіемъ спросила мать.

— Вы еще здѣсь?—очнулся больной.—Ступайте за священникомъ... Что-жъ, одну жизнь отняли, такъ и другую хотите отнять?—съ испугомъ на лицѣ бормоталъ больной.—Священника, священника!..

Онъ потянулся за колокольчикомъ.

— Что ты, Леня?—спросила мать.

— Священника!.. Вы меня губите... Адъ... адъ...—стоналъ больной.

Мать вышла.

— А потомъ она была всегда такая печальная, — снова черезъ нѣсколько минутъ бормоталъ Обносковъ въ забытьи.

Пришелъ духовникъ и попросилъ Марью Ивановну выйти изъ комнаты.

— Да, да, уйдите, васъ не надо,—проговорилъ больной.

Мать повиновалась и вышла. Началась исповѣдь. Больной отвѣчалъ несвязно.

— Жена меня не проститъ... проклинать будетъ, — совсѣмъ тихо произнесъ онъ, принимая причастіе, и опять на его лицѣ появилось выраженіе мучительнаго испуга.—Жену! жену!—громко и звучно крикнулъ больной почти съ ужасомъ.

— Не хотите ли, чтобы я что-нибудь передалъ ей?—спросилъ священникъ.—Подумайте.

Онъ помолчалъ, чтобы дать больному время подумать, и сталъ укладывать крестъ въ небольшой ящикъ. Прошло нѣсколько минутъ.

— Ну, что же, не имѣете ли вы еще чего-нибудь сказать?

Священникъ обратилъ свои глаза на больного: тотъ не

Digitized by Google

шевелился и лежалъ съ открытыми и неподвижными глазами. Священникъ тихо началъ читать надъ нимъ молитву...

Отъ Обноскова остался одинъ бездушный трупъ, да нѣсколько никому не нужныхъ начатыхъ работъ... На лицѣ покойника, когда онъ лежалъ на столѣ, виднѣлось все то же выраженіе испуга; казалось, что онъ именно для того закрылъ глаза, чтобы не видать окружающихъ людей и кипящей кругомъ жизни, а, можетъ-быть, въ этомъ выраженіи отразился его послѣдній страхъ передъ тою жизнью, въ которую онъ такъ боялся вступить... Марья Ивановна дико кричала, рвалась и билась у гроба...

Похороны совершались довольно торжественно и нашлось много людей, придавшихъ какое-то особенное значеніе покойнику. «Онъ былъ, какъ Россія, весь въ будущемъ!» «Мы хоронимъ наши лучшія надежды на будущее!» «Это былъ стойкій и глубоко убѣжденный человѣкъ, способный направить на путь новое поколѣніе», раздавалось со всѣхъ сторонъ и кто-то даже тиснулъ въ этомъ родѣ статейку: Богъ знаетъ, заставило ли выкинуть эту штуку искреннее убѣжденіе, или просто желаніе сказать, что и авторъ статейки былъ тоже знакомъ съ порядочными людьми, или, можетъ быть, побужденіе было еще мельче и просто явилось слѣдствіемъ желанія зашибить лишнюю копейку...

На могилѣ одинъ изъ провожатыхъ совершенно неожиданно рѣшился произнести рѣчь и принялъ приличный случаю видъ.

— Господа, кого мы хоронимъ?—торжественно спросилъ ораторъ и обвелъ собраніе глубокомысленнымъ, немного отупѣлымъ взглядомъ, какъ это обыкновенно дѣлается при подобныхъ вопросахъ во время надгробныхъ рѣчей.—Кого мы хоронимъ? — еще торжественнѣе повторилъ онъ, выкатывая глаза и многозначительно качая головой.

— Сына моего, батюшка, сына моего... Обноскова...— зарыдала Марья Ивановна, услышавъ вопросъ и совершенно не зная, что на подобные вопросы въ рѣчахъ обыкновенно отвѣчаютъ сами же ораторы.

По лицамъ присутствующихъ промелькнули неприличныя, плохо сдержанныя улыбки, а ораторъ совсѣмъ растерялся, остолбенѣлъ и, потерявъ нить своей рѣчи, могъ продолжать ее только черезъ нѣсколько минутъ. Но, къ сожалѣнію, ему надо было торопиться, такъ какъ Марья Ивановна окончательно рѣшилась вступить съ нимъ въ разговоръ и помнутно отвѣчала на всѣ похвалы оратора.

Digitized by Google

— Это точно, батюшка! Такъ, такъ! Охъ, онъ, мой голубчикъ, еслибъ онъ зналъ, какъ его люди-то хвалятъ! Вотъ ужъ видно, что вы добрый человѣкъ! Не имѣю чести только знать, какъ васъ зовутъ...

Вслѣдствіе этихъ возгласовъ надгробная рѣчь, противъ всякаго ожиданія, превратилась въ какой-то странный діалогъ; ораторъ, посылая чуть не къ чорту Марью Ивановну, спѣшилъ, путался, а недоумѣвающая публика смотрѣла на это необычайное зрѣлище совсѣмъ не съ похороннымъ настроеніемъ духа.

— Фу! — отеръ ораторъ со своего лица потъ, окончивъ рѣчь, и отошелъ отъ могилы. — Нѣтъ, каково эта баба-то ко мнѣ привязалась! совсѣмъ, разбойница, доѣхала!—воскликалъ онъ въ кругу своихъ знакомыхъ. — Это вѣдь чортъ знаетъ, что за положеніе!

— Позвольте-съ, засыпать надо! — проговорили могильщики и, поплевавъ на ладони, принялись за лопаты.

Комки мерзлой земли глухо застучали о крышу гроба.

— О-й, пустите меня къ нему, къ моему голубчику! Охъ, отцы родные, не могу я безъ него жить! Тошнехонько мнѣ!.. Леня, ангелъ мой, ненаглядный, разочекъ дай взглянуть на себя!—рвалась Марья Ивановна изъ поддерживавшихъ ее рукъ.

Провожатые начинали понемногу расходиться... Раздосадованный ораторъ обдумывалъ теперь, что надо бы еще сказать на обѣдѣ, и рѣшился иначе начать свою новую рѣчь, надѣясь на болѣе удачный конецъ...

— Не пожалуете ли, сударь, на чаекъ?.. За копанье могилъ... умаялись... Здѣсь грунтъ-отъ, пусто бы ему было, чистая глина, да и замерало все... Пока копаешь, такъ самъ десять разъ въ яму носомъ ткнешься, — разсуждалъ одинъ изъ могильщиковъ, пока распорядитель похоронъ шарилъ въ своемъ кошелькѣ, отыскивая мелочь.

— Батюшка, имъ заплачено... Охъ, всѣмъ заплачено, всѣмъ!—вмѣшалась, рыдая, Марья Ивановна. — Мошенники здѣсь обобрать норовятъ... Жалости-то въ нихъ нѣтъ!.. Охъ, я сирота-горемычная!.. На кого ты меня оставилъ, кормилецъ ты мой!..

— Ишь ты, полтину на трехъ далъ,—съ укоризной разсуждалъ могильщикъ, когда и Марья Ивановна была уведена съ могилы.—Ну, кулакъ народъ! И вѣдь экое время-то, ни къ чему приступу нѣтъ...

— А вотъ погоди, хлѣбъ-отъ, говорятъ, еще подорожаетъ,—замѣтилъ другой могильщикъ, сердито прибивая лопатою землю на могилѣ Обноскова.

Digitized by Google

— Черти, черти проклятые! — ругался собесѣдникъ, не менѣе сердито оканчивая свою работу. — Довольно, и такъ не встанетъ! — отеръ онъ потъ съ лица и поднялъ лопату на плечо, какъ солдатъ ружье.

Отъ кладбища уже мчались на похоронный обѣдъ кареты, и шли въ нихъ веселые, беззаботные разговоры о житейскихъ дѣлахъ, о сегодняшнемъ днѣ, о вечернемъ спектаклѣ... Сегодня похороны, завтра свадьба; утромъ погребальное пѣніе, вечеромъ обнаженныя плечи Деверій, или балетъ чуть не голыхъ фей; одинъ умеръ, другой родился; Алексѣя Алексѣевича Обноскова похоронили, а гдѣ-нибудь съ нетерпѣніемъ и радостью ждутъ рожденія какого-нибудь его однофамильца; покойникъ стоялъ за чистую, отвлеченную отъ жизни науку и, къ сожалѣнію, не кончилъ своего поприща, даже не началъ настоящей борьбы за свои идеи, но, можетъ-быть, новорожденный его однофамилецъ будетъ успѣшнѣе бороться за тѣ же самыя идеи; вѣдь не сегодня началась эта борьба, не завтра кончится; наука не скоро унизится до того, чтобы сойти въ простую кухню или въ грязный подвалъ мастерового, ну, да и жизнь-то обходится безъ науки, немного нужно знать, чтобы весело прожить... Зимой кутили въ пользу несносныхъ голодающихъ, лѣтомъ поѣдемъ на воды за границу мотать послѣднія деньги; на нашъ вѣкъ всего хватитъ, а внуки пусть сами о себѣ думаютъ; старые порядки, можетъ-быть, и худы, да не ломать же намъ себя, а новые, можетъ-быть, и хороши, ну, такъ и пусть ихъ вводятъ, когда насъ не будетъ... Житейскія рѣчи, житейская мудрость! Плохо живется на свѣтѣ съ этою мудростью...

Въ Германіи стояла уже давно чудесная весна. Однажды небольшой семейный кружокъ Кряжова и нѣсколько короткихъ знакомыхъ Панютина и Груни усѣлись въ саду пить послѣ обѣда кофе. Между собесѣдниками шли тѣ не слишкомъ торопливые, отчасти задумчивые разговоры, къ которымъ обыкновенно располагаетъ послѣобѣденная пора. Толки шли о Россіи, о газетныхъ извѣстіяхъ, о голодѣ, о женскомъ вопросѣ, о просьбѣ женщинъ позволить имъ слушать университетскій курсъ естественныхъ наукъ. Одни выражали свои молодыя надежды, другіе, болѣе опытные, покачивали головами и повторяли свой вѣчный припѣвъ: «ничего не выйдетъ!» Вопросъ перешелъ къ тому, отчего ничего не выйдетъ? Начались споры, и бесѣда оживилась. Не вмѣшивалась въ разговоры въ этотъ день только Груня. Она въ послѣднее время съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждала

Digitized by Google

вѣстей изъ Петербурга, такъ какъ оттуда долженъ былъ пріѣхать старшій сынъ Высоцкой, а можетъ-быть, и она сама. Споры еще продолжались, какъ вдругъ Груня быстро поднялась съ мѣста, взяла на руки ребенка и быстро побѣжала съ нимъ по аллеѣ сада.

— Куда ты?—съ удивленіемъ спросилъ Павелъ.

— Она, она пріѣхала!—крикнула Груня, продолжая бѣжать.

— Милая, дорогая! — раздавалось у калитки сада.— Сколько времени мы не видались.

— Давай ребенка!—послышался мелодическій голосъ Стефаніи Высоцкой.—Боже мой, какой онъ у тебя бутузъ! Ты чѣмъ его кормишь?

— Не смѣй смѣяться надъ нимъ!

— Ну, а ужъ щипать я его непремѣнно буду!

— Такъ я тебѣ и позволю!

— Да вы не поссорьтесь на радостяхъ!—засмѣялся Павелъ и нагнулся къ рукѣ Стефаніи.

— Богъ мой, какой онъ цивилизованный сталъ за границею!—захохотала она, подставивъ ему свободную руку.

— Все попрежнему веселы, живы,—ласково промолвилъ Кряжовъ, здороваясь съ пріѣзжею.

— Что мнѣ дѣлается!

— А сынъ, другія дѣти гдѣ?

— Всѣ, всѣ со мною. Возятся въ отелѣ.

— Ну, ужъ это не дѣло, изволь сюда перевезжать,—произнесла Груня и побѣжала распоряжаться о перенесеніи вещей Высоцкой въ ихъ домъ.

— Да вѣдь это такой гвалтъ здѣсь поднимется, что вы убѣжите изъ своего кабинета,—обратилась Стефанія къ Кряжову.

— Ну, я и безъ того изгнанился здѣсь, постоянно бѣгаю отъ работы. То внученка поняньчить хочется, то милѣйшая Вѣра Александровна безъ меня скучаетъ, ее утѣшать надо,—смѣялся старикъ.

— Ахъ, а гдѣ же она? Ведите меня къ ней! Она все по-старому влюблена въ васъ?

— Да смѣйтесь, смѣйтесь! А мы такими друзьями стали, что жить другъ безъ друга не можемъ,—шутилъ Кряжовъ, дѣйствительно привыкшій, какъ къ близкой родной, къ наивной и немного сентиментальной старой дѣвѣ.

Когда поутихъ первый шумъ и гамъ веселаго свиданія, Стефанія осторожно завела рѣчь объ опасной болѣзни Обноскова.

— Говори прямо: онъ умеръ?—измѣняясь въ лицѣ и пристально глядя на Высоцкую, спросила Груня.

Digitized by Google

— Да,—отвѣтила Стефанія.

Всѣ разомъ замолчали. Кряжовъ, опустивъ голову, заходилъ по комнатѣ и время отъ времени по старой привычкѣ подергивалъ шейную косынку. Груня чертила что-то на пескѣ и по ея щекѣ катилась едва замѣтная слеза.

— Что-жъ, этого надо было ожидать, этимъ должно было все рано или поздно кончиться,—проговорила Стефанія.

Груня не поднимала головы.

— Знаю,—прошептала она, украдкой отирая упавшую на руку слезу:—но мнѣ тяжело, что я могу воротиться въ Россію, только перешагнувъ черезъ его могилу.

— Да вѣдь и всегда приходится шагать чрезъ чьи-нибудь могилы къ новой жизни!—отвѣтила Высоцкая серьезнымъ тономъ.—Мы-то это знаемъ по опыту.

— Да, ты говоришь о великихъ событіяхъ, а тутъ мелкіе семейные интересы...

— Ну, зато и могилъ не много,—отвѣтила Высоцкая.—Это грустно, да вѣдь свѣтъ не передѣлаешь. Не перешагнешь ты черезъ могилу врага,—онъ перешагнетъ черезъ твою... Остается то утѣшеніе, что не мы виноваты въ такомъ порядкѣ дѣлъ.

Павелъ подошелъ къ Грунѣ и взялъ ее за руку.

— Ты не согласна съ нею?—тихо спросилъ онъ.

— Согласна, но ты знаешь, какъ трудно пріучить нервы къ выносливости въ этихъ случаяхъ,—отвѣтила Груня.

Павелъ тихо поцѣловалъ ее и, взявъ ее подъ руку, удалился съ нею въ глубину сада. Между ними зашелъ серьезный разговоръ о будущемъ.

Что будетъ далѣе съ нашими героями—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ ихъ дальнѣйшая исторія, несмотря на всѣ ихъ ошибки, недостатки и промахи, не можетъ принадлежать къ исторіи господъ Обносковыхъ. Мы могли бы поговорить здѣсь о Марьѣ Ивановнѣ, но подобныя женщины не измѣняются до гробовой доски и потому съ ними довольно познакомиться разъ, чтобы уже никогда не желать продолженія начатаго знакомства. Носятся слухи, что она снова переѣхала на Выборгскую сторону и наклеила на окна объявленія объ отдачѣ комнатъ для студентовъ. Что-жъ, это очень вѣроятные слухи: такая жизнь, все-таки, доставитъ ей утѣшеніе ежедневно изо всѣхъ силъ пилить кого-нибудь и горько плакаться передъ каждымъ встрѣчнымъ на угнетеніе судьбы и на сиротскую долю.

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Бѣдные углы большого дома.

I.

Большой домъ и его отношенія къ рожденію, жизни и смерти его обитателей.

Это былъ дѣйствительно большой домъ, какъ Россія есть дѣйствительно большое государство. Число его жителей равнялось числу жителей иного изъ безуѣздныхъ и даже уѣздныхъ русскихъ городовъ. Его достопочтенные обитатели, какъ это бываетъ и въ городахъ, принадлежали ко всѣмъ сословіямъ, даже были въ немъ и такіе, которые простонапросто не принадлежали ни къ какому сословію, несмотря на то, что законодательство устроило сословіе «разночинцевъ». Кромѣ этихъ «Ивановъ, не помнящихъ родства», гулявшихъ съ «волчьими паспортами», было въ большомъ домѣ нѣсколько семей толстыхъ купцовъ, у которыхъ висѣли на шеяхъ медали за пожертвованія, теплились во всѣхъ комнатахъ жертвенныя лампады съ запыленными фарфоровыми яйцами и понемногу приносилась въ жертву времени и молли дорогая мебель, скрывавшаяся въ теченіе многихъ лѣтъ подъ чехлами. О бокъ съ однимъ изъ купцовъ нанимала квартиру «мадамъ», какъ называли въ домѣ дѣвицу, содержавшую школу исключительно для женскаго пола, между которымъ въ неурожайные годы были и мальчики. Надъ школой жилъ какой-то разбогатѣвшій изъ скуднаго жалованья и пившій запоемъ надворный совѣтникъ, съ Станиславомъ въ петлицѣ и пряжкою за безпорочную службу. Надъ нимъ существовала какая-то вдовица, устроившая государство въ государствѣ, то-есть раздѣлившая свою квартиру на части, и такимъ образомъ превратившаяся въ хозяйку-собственницу. Этимъ раздѣленіемъ она пріобрѣла право

Digitized by Google

изгонять изъ своихъ владѣній непокорныхъ вассаловъ-жильцовъ и доказала міру, какъ легко захватить въ свои руки извѣстную долю власти. Былъ въ домѣ даже и генералъ, но—успокойтесь, встревожившійся читатель,—генералъ былъ статскій. Не стану исчислять всѣхъ жильцовъ большого дома, но скажу, что тутъ было все, начиная съ нѣмецкой аптеки господина Гифта и кончая русскимъ трактиромъ. О немъ гласила вывѣска съ нарисованными на ней тарелками, летящимъ ножомъ и чайнымъ приборомъ. Надъ нимъ красовалась надпись: «Трахтиръ сѣми купающихся лѣбѣдей», а внизу значилось лаконическое: «въ хотъ». Всѣ эти предметы съ ихъ жизнью и видомъ до того знакомые и, такъ сказать, родные, что, глядя на правописаніе этой вывѣски—я боюсь болѣе смѣлыхъ примѣровъ—и на правописаніе другихъ вывѣсокъ, невольно приходишь втупикъ и думаешь, что именно это—появляющееся на вывѣскахъ и во всѣхъ безъ исключенія письмахъ великихъ и малыхъ россіянъ—правописаніе есть настоящее, а другое, — появляющееся только въ учебникахъ,—есть вымышленное злонамѣренными людьми для нашей гибели. Въ теченіе каждаго года въ домѣ родилось, женилось и умирало скоропостижно и отъ изнурительныхъ болѣзней, отъ пьянства и насильственною смертью, ни болѣе, ни менѣе людей, какъ сколько слѣдуетъ по неизмѣннымъ законамъ статистики, то-есть какъ разъ столько, чтобы жители могли имѣть всегда свѣжія темы для разговоровъ, тѣмъ болѣе интересныхъ, что предметъ ихъ весьма близко касался каждаго изъ жителей.

Если глядѣть со стороны, изъ пустынь Африки, напримѣръ, то, пожалуй, можетъ казаться, что до жильцовъ большого дома нисколько не касалось вотъ хоть бы рожденіе сына—немного преждевременное—у двадцатидвухлѣтняго портного Приснухина, котораго женили на двадцатипятилѣтней генеральской горничной, видя всѣ признаки его пламенной любви къ ней. Но это можетъ казаться только изъ пустынь Африки, и то людямъ вѣтреным, готовымъ назвать сплетнями возникшіе по поводу этого рожденія толки, споры и счеты недѣль,—за неимѣніемъ мѣсяцевъ,—дней и даже часовъ, протекшихъ со дня брака. Но благоразумный, практическій человѣкъ, надѣленный съ избыткомъ способностью къ глубокимъ соображеніямъ, сейчасъ смекнетъ, что новорожденный младенецъ очень и очень важное событіе въ жизни большого дома и что средства его родителей непремѣнно должны быть приведены въ ясность.

Digitized by Google

— Рожаетъ, рожаетъ! — кричала жирная и вѣчно тревожная слесарша Иванова, или, попросту, Иваниха, своему мужу, вбѣгая съ одышкой въ свою грязную квартиру въ день рожденія Порфирія Приснухина, одного изъ моихъ любезныхъ героевъ.

— Экъ тебя розобрало! — флегматично пробормоталъ сквозь зубы слесарь, отирая оборотомъ грязной руки грязный потъ съ грязнаго лба.—Четырехъ недѣль нѣтъ, какъ они повѣнчались.

— А все-таки рожаетъ.

— Машинный онъ, что ли, у нихъ будетъ! Хлебнула ты, вѣрно, на радостяхъ,—произнесъ мужъ, стуча молоткомъ.

— Ну да, ты подносилъ! Дни-то я и безъ тебя сосчитала: сегодня двадцать-пятый пошелъ, третьяго дня онъ ее въ шестой разъ билъ...

— Такъ что-жъ, что билъ?—прервалъ неторопливо слесарь потокъ женинныхъ рѣчей. — Тебѣ-то какое дѣло? Завидно, что ли?

— Какое дѣло? — избоченилась слесарша и покраснѣла отъ злобы.—Она третьяго дня на весь домъ орала, съ нашимъ Васькой съ перепугу родимчикъ сдѣлался. Такъ что-жъ, я не мать развѣ своему дѣтищу? Какое мнѣ дѣло! Это тебѣ-то, безстыжіе твои глаза, дѣла ни до чего нѣтъ, благо ты ночью-то, чѣмъ бы съ женой быть, чортъ знаетъ гдѣ шляешься. Закона-то ты не знаешь, христопродавецъ, фармазонъ ты этакой! Сосѣди рѣзаться будутъ, а намъ и дѣла нѣтъ!.. А ты чего подъ ноги суешься? У-у, чтобъ васъ не было!—крикнула раздраженная женщина и выгребла за волосенки вбѣжавшаго со двора грязнаго сынишку.

Маленькое созданье вытаращило глаза на мать и стало пятиться задомъ къ отцу.

— Плюнь, братъ, на нее: дура у тебя мать,—шопотомъ проговорилъ слесарь и провелъ жесткою и сырою рукой по щекѣ сына, оставивъ на ней четыре сѣровато-черныя полосы.

Маленькое созданье юркнуло подъ ноги отца, и черезъ секунду его головенка уже торчала между стуломъ, наковальнею и колѣнями слесаря. Это нисколько не смутило работника, и онъ хладнокровно продолжалъ стучать молоткомъ около самой головы сына. Этотъ тощій господинъ, какъ человѣкъ, имѣвшій въ жизни столкновенія съ полиціей, съ ремесленной управой и мѣщанской гильдіей, былъ выносливымъ философомъ и съ должнымъ презрѣньемъ смотрѣлъ на глупый бабій задоръ своей жены.

Digitized by Google

— Разбойникъ, разбойникъ! — воскликнула она: — сына изуродовать хочешь. Чего ты молотищемъ-то стучишь у его носа, чего потакаешь-то ему? Вѣдь дитё глупо, вѣдь...

— Здравствуйте! Готовъ мой замочекъ?—зазвенѣлъ голосокъ, и между желѣзными опилками слесарной зашуршали крахмаленныя юбки молоденькой горничной надворнаго совѣтника.

— Да вѣдь я сказалъ, что въ субботу будетъ готовъ, въ субботу и будетъ, — сурово отвѣтилъ неразговорчивый человѣкъ.

— Ахъ, а я и забыла, думала въ пятницу,—раскаялась въ своей мнимой забывчивости горничная и обратилась къ хозяйкѣ съ желаннымъ вопросомъ:—слышали, рожаетъ?

— Какъ не слыхать,—слышали! Это мой-то оселъ только не вѣритъ. Начнутся теперь крики да ревъ, не дадутъ и ночью покоя, вѣдь къ намъ отъ нихъ все до слова слышно.

— А по мнѣ, хоть изъ пушекъ пали, такъ я не услышу, если спать завалюсь,—замѣтилъ философъ, дѣлая расклепку на замкѣ.

— Ну, ужъ что про тебя и говорить. А вотъ, погоди, годика черезъ три твоему Васькѣ проходу не будетъ, портняжкино дѣтище тузить его станетъ. Разбирай ихъ тогда. Будетъ еще горя, ложками не выхлебаемъ, кулаками слезы отирать будемъ.

— Это точно,—согласилась горничная.

— А пусть ихъ дерутся,—рѣшилъ хозяинъ.—Битая посуда два вѣка живетъ...

— Пусть дерутся! А какъ такой разбойникъ вырастетъ, какъ у полового? Намедни разбилъ стекло у насъ камнемъ, а самъ драло,—намъ же пришлось стекло вставлять. Что, скажешь, не правда? Дѣла намъ нѣтъ, хоть у всѣхъ сосѣдей по шести ребятъ родись?

— Свиньи они, что ли, что по шести рожать станутъ?

— Тьфу, дуракъ!

Въ эту минуту въ двери слесарской просунулось худощавое лицо частной повивальной бабки, принимавшей у всего бѣднаго населенія дома дѣтей и извѣстной всѣмъ подъ именемъ «бабушки».

— Пожалуйста, Кузьма Петровичъ, стучите потише!— промолвила эта женщина, поздоровавшись съ присутствующими.—Роженица страшно мучится, повремените немного работать.

— Ахъ, матушка, ужъ и въ своей-то конурѣ работать

Digitized by Google

нельзя!—взбѣсилась слесарша.—Да я нарочно все вверхъ дномъ поставлю, покажу, что я у себя хозяйка.

— Полноте, Анна Семеновна! У васъ у самихъ недавно ребенокъ родился, вы знаете, что это не шутка,—кротко замѣтила бабка.—Съ больною отъ испугу можетъ несчастье случиться, да вы потомъ себѣ покою не найдете, каяться будете.

— По мнѣ, пожалуй, я и отдохну часокъ, — промолвилъ слесарь по уходѣ бабки и, захвативъ, какъ бы мимоходомъ, со стѣны фуражку съ раздвоеннымъ козырькомъ, побрелъ хѣнивою, болѣзненною походкой къ двери, уводя за руку сынишку.

— Знаю я твой отдыхъ! Безстыжіе твои глаза, въ кабакъ пойдешь отдыхать, вернешься буянить, жену колотить! Человѣконенавистникъ, кровопійца ты! — сквозь слезы кричала ему вслѣдъ жена и махнула рукой, когда тощая фигура мужа и его заломленная на-бокъ, сальная фуражка пропали изъ виду.—Вотъ время-то подоспѣло, а я-то дура думала, что еще мѣсяцевъ семь будемъ спокойны!

— Нашихъ барина и барыню тоже страхъ беретъ, все утро сегодня только объ этой исторіи и толковали,—снова зазвенѣлъ голосокъ горничной.—Сама-то у насъ скаредная такая, боится, что у портняжки расходовъ прибавится, дровъ не на что будетъ купить, станутъ изъ нашего сарая таскать; тамъ, глядишь, молока ребенку понадобится, тоже у сосѣдей красть начнутъ... Вотъ вамъ прибыль, замки ко всему нужно будетъ придѣлать...

— Какая теперь работа! Чуетъ мое сердце, что мой соколъ теперь загуляетъ. Больно буенъ онъ во хмелю-то,— вздохнула слесарша и съ свойственной ей живостью перешла къ новому разговору:—а что у генерала?

— Лакей ихъ горюетъ: платье чистить онъ отдалъ портняжкѣ, теперь боится, что тотъ заложитъ вещи...

— А сами-то, сами-то что?

— Сама, сказывалъ лакей по секрету, вчера весь вечеръ сыну выговаривала. «Вотъ, говоритъ, теперь и помогай имъ, заботься о всякой дряни, воспитывай чужого ребенка, чтобы не срамили насъ».—«Эка важность,—отвѣтилъ сынъ:— бросить имъ грошъ, такъ и будутъ молчать, а нѣтъ—такъ и ничего не дадимъ. Имъ же хуже будетъ. Что я, дѣвчонка, что ли, что это сдѣлаетъ мнѣ мараль? Слушая васъ, подумаешь, что я преступленіе сдѣлалъ. Шалость—вотъ и все! Въ восемнадцать лѣтъ это позволительно».—«Ну, что тамъ

Digitized by Google

толковать, въ наше время и не то дѣлалось,—говоритъ генералъ.—Вотъ время-то было!!!..» Шутникъ онъ, знаете, такой...

— Я думаю, сынъ-то ихній и крестить будетъ?

— Конечно!

— Ужъ только и тяжело же ей жить! Когда она подъ вѣнецъ становилась, такъ я ужъ знала, что плохо ей будетъ. Женихъ-то фертомъ къ налою подлетѣлъ, а она, точно ее на веревкѣ волокли, едва дотащилась до подножки. Такъ мнѣ и хотѣлось ее толкнуть въ спину. Свое счастье, дура, упустила, своими руками выдала, а вотъ теперь и плачься, какъ мужъ свое право купилъ, первымъ сталъ. И намъ-то было бы лучше, когда бы она верхъ надъ нимъ взяла, а то съ этого битья покою нѣтъ...

Никто не позаботился, хорошо ли будетъ жить новорожденному человѣчку, никто не подумалъ, что, можетъ-быть, надо для общаго благополучія сдѣлать что-нибудь болѣе дѣйствительное, чѣмъ замки къ сараямъ; но зато долго продолжались разныя глубокія соображенія и занимали они всѣхъ жильцовъ. Даже одинъ изъ сотни нашихъ геніальныхъ писателей, жившій въ большомъ домѣ, терпѣливо выслушалъ отъ своей жены-институтки всѣ подробности этой исторіи, вѣроятно, съ благою цѣлью написать на подготовленную самою жизнью тему одинъ изъ своихъ блистательныхъ, столь любимыхъ публикою, комическихъ разсказовъ. Я привелъ бы здѣсь всѣ эти разсужденія, если бы не зналъ, во-первыхъ, что мои соотечественники способны къ точно такимъ же глубокимъ соображеніямъ. Однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ этой способности было признаніе, гордившагося красотою своихъ формъ, Чичикова за безногаго калѣку капитана Копѣйкина. Но я, однако, сомнѣваюсь, что мы не способны къ еще болѣе крупнымъ соображеніямъ, до того твердо укоренившимся въ насъ, что никакія послѣдующія и противорѣчащія имъ событія не заставятъ насъ попотчивать себя именемъ телятины. Во-вторыхъ, я знаю, что моимъ соотечественникамъ, вѣроятно, и нѣтъ покуда другого дѣла, кромѣ глубокихъ соображеній.

Итакъ, въ большомъ домѣ всегда былъ неистощимый запасъ разговоровъ. Такъ какъ подобные разговоры, какъ мы видѣли, близко касались каждаго изъ жителей, то послѣдніе, несмотря на свои лѣта, знаніе и образованность, не имѣли ни охоты, ни времени, ни нужды заниматься ка-
[illegible]-нибудь общественными, политическими, научными или

Digitized by Google

литературными вопросами, или какимъ-нибудь тому подобнымъ «посторонним» вздоромъ, очень вѣрно, по своей великой русской смѣтливости, соображая, что своя рубашка къ тѣлу ближе и что имъ не для чего заботиться, напримѣръ, объ общественныхъ дѣлахъ, потому что это дѣла общества, т.-е. чьи-то чужія, а не ихъ личныя, собственныя, не дѣла портного Присухина, не дѣла содержательницы комнатъ Игнатьевны или кого-нибудь изъ близкихъ, изъ «своихъ». Все это заставляетъ меня съ прискорбіемъ сознаться, что избранные мною герои большого дома были люди дюжинные, ничѣмъ не выдававшіеся изъ общаго колорита нашей сѣренькой жизни, и что я, какъ пѣвецъ ихъ мелкихъ радостей и страданій, стою очень не высоко, доказывая свою неспособность къ воспроизведенію великихъ событій и великихъ личностей. Но могу увѣрить читателя, что я не щадилъ усилій отыскать болѣе великихъ героевъ, болѣе кипучей жизни, болѣе высокихъ страстей, желая возвысить себя описаніемъ возвышенныхъ предметовъ, и, все-таки, усилія моего сильно разбитаго самолюбія остались тщетными...

Теперь прологъ конченъ, исторія начинается, дѣйствующія лица дѣлаютъ приличныя своимъ ролямъ физіономіи, ненужные актеры бѣгутъ за кулисы, и зрители успѣваютъ увидать изъ-подъ приподнятаго занавѣса только ихъ ноги...

Въ тотъ день, или, лучше сказать, въ тѣ три дня, съ которыхъ собственно начинается разсказъ, большой домъ не былъ разстроенъ рожденіемъ какого-нибудь человѣческаго образчика, не бѣжалъ въ ближайшій храмъ удостовѣриться въ дѣйствительности и законности вѣнчанія одного изъ «своихъ», не подсматривалъ, кто первый изъ вѣнчающихся встанетъ на розовую подстилку и неминуемо вырветъ у судьбы для себя право на старшинство въ будущей семьѣ, не шепталися по поводу обычной драки и глухихъ воплей въ жилищѣ портного Присухина, но, тѣмъ не менѣе, домъ былъ видимо взволнованъ. Повсюду слышался какой-то зловѣще таинственный шопотъ, на нѣкоторыхъ лицахъ выражались признаки испуга, сожалѣнья и болѣе всего нетерпѣнья. Волненіе росло съ приближеніемъ къ квартирѣ Игнатьевны, но начиналось оно у самыхъ воротъ, гдѣ вы могли узнать причину его, подслушавъ разговоръ дворника съ какимъ-то мѣщаниномъ въ смазныхъ сапогахъ, въ длиннополомъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до шеи и

Digitized by Google

засаленномъ на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, до которыхъ могли касаться длинныя и худыя руки его владѣльца. Шея послѣдняго была обмотана черной шелковой тряпкой, состоявшей въ должности галстука и походившей на обрывокъ веревки. Мѣщанинъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, что онъ съ этой веревкой на шеѣ очень походилъ на человѣка, почти покончившаго съ жизнью, сорвавшагося съ висѣлицы. Сходство сильно подкрѣплялось всею его вытянутою, узкою и костлявою фигурою. Встрѣтивъ его ночью, вы отстранились бы отъ него, хотя онъ не былъ ни воромъ, ни разбойникомъ и жилъ честнымъ и прибыльнымъ трудомъ гробовщика.

— Что, еще не отправился?—спросилъ онъ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно спрашиваютъ про лѣнтяя, кончилъ ли онъ заданное ему дѣло.

— Нѣтъ еще,—лѣниво позѣвывая, отвѣтилъ дворникъ.

Онъ сидѣлъ на тумбѣ у воротъ и, поигрывая метлой, дѣлалъ узоры изъ кучи сметенной пыли.

— Долго мается! Ужъ одинъ бы конецъ да и на боковую, — замѣтилъ мѣщанинъ, вертя жадными и высматривающими глазами, похожими на глаза хищной птицы, ищущей пàдали.

Сходство съ сорвавшимся съ висѣлицы человѣкомъ заставляло думать, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ друженъ съ этими птицами.

— Ну, да вамъ-то все равно, немного отъ него поживитесь,—проговорилъ дворникъ, подогнавъ метлой подъ хвостъ бѣжавшую развлечься собачонку.—Не знаю я, что вамъ за охота пришла изъ-за такой дряни сюда по жару переть. Дѣло-то все сломаннаго гроша не стоитъ!

— Копейка рубль бережетъ!.. Да я, впрочемъ, не для него шелъ. Это я мимоходомъ остановился. Я вотъ тутъ черезъ двѣ улицы у купца Иванова былъ...

— А что? нешто сама-то померла?

— Померла. Тамъ ужъ теперь и полиція понаѣхала. Опечатываютъ все. Дѣти-то малолѣтнія остались. И вѣдь какъ пронюхаетъ эта полиція? Изъ Иванихи духъ вонъ, а красные воротники въ двери со своими печатями. Видно, деньгамъ нигдѣ пропасть не дадутъ. Опекать, вишь, дѣтей надо! Богаты, такъ вотъ и станутъ ихъ денежки опекать. Мой молодецъ тоже всю ночь провелъ у ихъ дома, ждалъ, когда она Богу душу отдастъ.

— Поладили?

Digitized by Google

— Еще бы! Я ужъ, благодареніе Богу, на нихъ не впервые работаю. Шокинъ хотѣлъ перебить. Да нѣтъ,—шалишь! Рыломъ, значить, не вышелъ такія работы справлять. И время-то нынче плохое, радъ-радъ, какъ какая-нибудь работишка наверется. Вотъ въ холеру такъ не то было... Тоже и матеріалъ вздорожалъ, а господа скупятся, торгуются. Да что! Хоронить нонче вздумали въ необитыхъ гробахъ безъ глазету. Вотъ тутъ и получай барыши!..

Въ эту минуту подъ ворота протряслась изъ лавочки старушонка, желавшая, повидимому, показать, что она бѣжитъ, и встрѣтилась съ содержательницею комнатъ Игнатьевною, бѣжавшею со двора и по дорогѣ натягивавшею на растрепанную голову платокъ.

— Ну, что, мать моя? — жалобно воскликнула старушонка.

— Преставился, голубушка моя, преставился! Охъ! Тихо умеръ—ровно заснулъ... Намъ, сиротамъ, долго жить велѣлъ. За гробовщикомъ бѣгу...

— Варька-то, я думаю, убивается?

— Охъ, ужъ и не спрашивай! — простонала слезливо, сморкаясь въ шерстяной шейный платокъ, Игнатьевна, очень довольная, какъ былъ бы доволенъ каждый изъ насъ на ея мѣстѣ, что Богъ привелъ похлопотать на чужихъ похоронахъ, знать всѣ подробности, предшествовавшія имъ, сдѣлаться черезъ это первымъ лицомъ на нихъ и обратить на себя вниманіе цѣлаго дома, какъ обращаютъ на себя вниманіе цѣлаго государства неизвѣстные прихлебатели извѣстныхъ покойниковъ.—А, Филиппъ Ивановичъ!—воскликнула Игнатьевна, увидавъ мѣщанина:—васъ-то мнѣ и нужно. Семенъ Мартыновичъ приказалъ долго жить, такъ ужъ вы гробикъ-то подешевле по сосѣдству сдѣлайте.

— Дешевле денегъ не будетъ.

— Это что говорить!

— Мы съ нашимъ удовольствіемъ всегда готовы служить, когда вамъ угодно. Умрите, такъ мы васъ такъ похоронимъ, что и не услышите.

— Подите вы, грѣховодникъ, съ вашими шутками! Такое ли теперь время?..

— А что же? время какъ время! Или вы насчетъ того, что Семенъ Мартыновичъ-то умеръ?.. Такъ могу васъ увѣрить, что ежечасно въ году кто-нибудь да умираетъ. Такъ этакъ и ротъ пришлось бы запечатать-съ. Даже вотъ и теперь-съ, въ эту минуту, я думаю, что не только множество

Digitized by Google

людей умираетъ, а, можетъ-быть, иного изъ нихъ и Семеномъ Мартыновичемъ зовутъ-съ. Право слово-съ! такъ что же тутъ печалиться?

Мѣщанинъ, какъ всѣ сухіе, отжившіе и похожіе на сорвавшихся съ висѣлицы людей субъекты, очень любилъ разсуждать сухо, доказательно и хладнокровно. Извѣстно, что не отжившіе еще люди не разсуждаютъ, а спорятъ, но въ сущности это все равно.

Во время этихъ разсужденій вся компанія съ дворникомъ въ хвостѣ добралась по черной, узенькой лѣстницѣ съ обкусанными временемъ ступенями до четвертаго этажа, гдѣ помѣщались ленныя владѣнія Игнатьевны. Всѣ путники вошли въ квартиру. Дворникъ, втянувшійся въ свою службу, не преминулъ подмахнуть метлой соръ на площадкѣ лѣстницы, за что его объявила грѣховодникомъ какая-то старушка, такъ какъ не слѣдуетъ убирать сору тамъ, гдѣ есть покойникъ; на этотъ упрекъ дворникъ проворчалъ: «ну да, вы все знаете», поставилъ метлу въ уголъ, покачалъ перила, пробуя ихъ крѣпость, потрогалъ замокъ дверей и затѣмъ послѣдовалъ за другими въ жилище.

Оно начиналось кухней, гдѣ была отгорожена половинкою ширмы, шкапомъ и комодомъ кровать хозяйки и гдѣ подъ печкой возились куры, сообщая кухнѣ своеобразный запахъ. На столѣ бѣгали въ волненіи прусаки, видимо недоумѣвая, почему въ это утро хозяйка не пила чаю и лишила ихъ обычныхъ хлѣбныхъ крошекъ. Они, кажется, совѣщались о значеніи этого необыкновеннаго событія и значительно поводили усами. Далѣе находилась проходная комната вдовы капитана Акулины Елизаровны Успенской, женщины, имѣвшей видъ вареной груши, которую мужики продаютъ въ лѣтнее время. Лицо этой особы очень легко было спрятать подъ ладонью, такъ оно было бѣдно размѣромъ, и вообще вся она имѣла особенное свойство юркости скользить, выскальзывать и вырастать, неизвѣстно откуда, передъ людьми, поражая ихъ своимъ жалобнымъ голосомъ, имѣвшимъ всего двѣ-три ноты для выраженія всѣхъ душевныхъ ощущеній, горя, радостей, страстей. Не знаю, были ли эти свойства слѣдствіемъ маленькаго роста или бѣдности, которая пріучаетъ дѣлать и не такіе потѣшные фокусы,— но это было такъ; до причинъ мнѣ, какъ эпическому писателю, нѣтъ дѣла. За комнатою капитанши слѣдовала комната дочери маіора, тоже проходная, тоже раздѣленная «драпировкою», какъ выражалась гордая, сухая и длин-

Digitized by Google

ная маіорская дочь, имѣвшая громадный лобъ, надъ которымъ по случаю неумѣстнаго вихра выстригались посрединѣ волоса, такъ что этотъ лобъ придавалъ лицу маіорской дочери египетское выраженіе, извѣстное всѣмъ знатокамъ древнихъ египетскихъ изваяній, то-есть, когда она смѣялась, то вы должны были чувствовать въ этомъ смѣхѣ затаенныя слезы и глухой, какъ шумъ далеко скачущаго коня, ропотъ на судьбу. Слыша, напримѣръ, бойко произнесенное ею французское слово «драпира», вы невольно должны были впасть въ тоску и воскликнуть: «О! зачѣмъ ее не учили по-французски: она была бы счастлива». Можетъ-быть, и это былъ фокусъ съ ея стороны, которому научила бѣдность, а, впрочемъ, какихъ лицъ не создаетъ мать-природа! Послѣдняя непроходная, но самая маленькая комната принадлежала до этого дня человѣку, котораго добрые люди звали въ дѣтствѣ Сенюшкой и сироточкой и, замѣчая, что у него нѣтъ куска хлѣба, изъ сожалѣнія надѣляли грошовыми пряниками, цареградскими стручьями и подсолнечниками. Потомъ добрые люди прозвали его Сенькой и бабочникомъ и драли за выбитыя бабками стекла и за лѣность въ уѣздномъ училищѣ и выдрали двѣсти тридцать четыре раза. Послѣ двѣсти тридцать четвертой порки онъ былъ пожалованъ въ Семены Мартыновичи, въ приказную крысу, въ чернильную душу, въ міроѣда, въ взяточника, и, кромѣ этихъ общихъ многихъ титуловъ, прозванъ горемыкой и кротомъ, а теперь... Теперь кто-то захватывающимъ душу голосомъ шепчетъ ему тысячи ласкательныхъ, страстныхъ и сладкихъ прозвищъ, зоветъ его ими къ жизни и счастью, но онъ не откликнется ни на одно... Страшное дѣло смерть!.. Впрочемъ, я смѣюсь на похоронахъ людей и плачу въ день ихъ рожденія... Эта комната была чище другихъ, на окнахъ стояли горшечки съ дешевенькими цвѣтами, занавѣски у оконъ были не новы, но чисты и искусно подштопаны, въ простѣнкѣ висѣло завѣшанное зеркало, въ углу стоялъ диванъ, хранившій во всю длину углубленіе, въ которомъ смутно можно было узнать оттискъ, сдѣланный долго лежавшимъ человѣческимъ тѣломъ; здѣсь спалъ и умеръ кротъ, а наискосокъ дивана стояла довольно нарядная кровать съ дѣвственно бѣлымъ пологомъ. На этой кровати спала обыкновенно «Варя», «Варюшка», «Варичка», «понаглядная», «жизнь», «счастіе» чернильной души, міроѣда, приказной крысы, Семена Мартыновича—его четырнадцатилѣтняя дочь. Теперь это дитя стояло на колѣняхъ,

Digitized by Google

положивъ голову на столъ, гдѣ лежалъ покойникъ, и горько рыдало, какъ никогда не рыдали вы, читающій отъ праздности эту исторію, читатель,—рыдало, не обращая вниманія ни на любопытные взгляды, ни на нѣжныя утѣшенія собравшейся вокругъ толпы, передъ которою какъ-то страшно вытянулся худой покойникъ. У него были закрыты глаза мѣдными пятаками, накрѣпко притянута платкомъ нижняя челюсть къ верхней и связаны на груди руки, у правой руки были подогнуты два крайніе пальца, а три другіе сложены для крестнаго знаменія,—точно эти люди боялись, что онъ сброситъ эти мѣдные пятаки, крикнетъ и взглянетъ на всѣхъ грозными глазами, чтобы испугать навѣкъ того, кто думаетъ сдѣлать вредъ его Варѣ. Эти пятаки могли бы подѣйствовать страшно даже на твердые и выносливые нервы, если бы каждый изъ присутствовавшихъ не былъ погруженъ въ свои глубокія соображенія...

— Ну, не много онъ унесетъ тѣла съ собою,—проговорилъ мѣщанинъ, снимая мѣрку съ покойника.

— Исхудалъ, исхудалъ совсѣмъ голубчикъ!

— Оно, впрочемъ, и хорошо: нести легче будетъ, — сообразилъ мѣщанинъ.

— Ну, какъ отпоютъ, такъ тоже отяжелѣетъ, — рѣшилъ дворникъ.

— Извѣстное дѣло! Ужъ какой щепкой ни высохни, а какъ скажутъ: «Земля въ землю отыдетъ»,—такъ и отяжелѣетъ, земля, значитъ, станетъ тянуть свое.

— Это, я думаю, преданіе! — гордо усомнилась маіорская дочь, и въ ея лицѣ было видно, что ей самой прискорбно это сомнѣніе.

— Что намъ до этого за дѣло, что оно такое! А ужъ вѣрно такъ постановлено,—пустила въ ходъ свои жалобныя три нотки Акулина Елизаровна.

— Это точно-съ! — ввернулъ мѣщанинъ. — Вотъ теперь хоть бы и объ кошкѣ сказать. Тоже, кажется, такъ себѣ: дрянь — скотина. Ну, а сколько бы ни ѣхало на телѣгѣ людей, все ничего, присади же къ нимъ только кошку—и пойдетъ лошадь въ мыло, въ мыло; совсѣмъ умается. Ужъ такое животное отъ Бога эта кошка!

Всѣ молчали, вѣроятно, скорбя о судьбѣ Вари и ея отца. Покойникъ попрежнему пугалъ своими пятаками. Читальщикъ-сосѣдъ гнусливо бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, катая восковой шарикъ и выскабливая изъ-подъ ногтей грязь. Онъ читалъ у всѣхъ покойниковъ въ домѣ «по сосѣдству»,

Digitized by Google

а плату нерѣдко получалъ натурою, то-есть штофъ въ день и приличную закуску.

— А деньги-то за гробъ, Авдотья Игнатьевна, оставилъ онъ или собирать отъ продажи имущества будете?—спросилъ мѣщанинъ, высматривая ястребомъ комнату.

— Нѣтъ, батюшка, на гробъ и попу оставилъ. Всѣмъ этимъ распорядился. Халата даже шить не велѣлъ, въ сюртукѣ приказалъ хоронить, да и тотъ сзади не разрѣзать... Ужъ языкъ это у него мѣшался, а говорилъ:—«Не надо халата!.. Что я—мастеровой, что ли?.. Не рѣжьте сюртука, задомъ стать будетъ нельзя...» Остальное-то продавать будемъ. Варюшкѣ деньги на первый случай нужны. Ничего-то у нея нѣтъ!..

— Да-съ, богатая невѣста осталась! Истинно безприданница!..

— Поди-ко, сюда полиція носу не покажетъ имущество спечатывать.

— Побоится, что все на сургучѣ останется!

— Охъ! хлопоть-то сколько! Не знаю я, справлюсь ли, успѣю ли все обдѣлать,—жаловалась Игнатьевна, и всѣ прочіе добрые люди признались, что у нихъ дѣла много, что едва ли они успѣютъ сдѣлать все нужное.

И когда же у человѣка бываетъ мало дѣла? Помните, читатель, какъ вы торопились на-дняхъ по дѣлу, когда вамъ попался вашъ знакомый и въ теченіе часа передавалъ вамъ и о родинахъ, и о крестинахъ, и о похоронахъ у какихъ-то Ивановъ Ивановичей и Матренъ Кузьминишенъ, а другой знакомый затащилъ васъ въ кондитерскую и разсказалъ вамъ смѣшную исторію Амаліи Ѳедоровны, любовницы Василія Васильевича, съ которымъ друженъ родственникъ вашего начальника? Пропасть дѣла было у васъ въ этотъ день, страшно вы торопились.

Толпа любопытныхъ, между тѣмъ, росла. Покойника ежеминутно осматривали, приподнимали надъ нимъ простыню. Боязливые люди, осмотрѣвъ его до мельчайшихъ подробностей, разспросивъ всю его, всему дому извѣстную, исторію, трогали его за большой палецъ ноги, чтобы онъ не пригрезился имъ ночью, и сильно боялись, что патентованный способъ можетъ не помочь, какъ выдохшійся персидскій порошокъ. Они очень, очень боялись смотрѣть на покойниковъ! Мухи бродили по лицу трупа, какъ бы желая ободрить людей и сказать имъ: да смотрите, онъ и насъ вонъ спугнуть не можетъ! Настала ночь, насталъ еще день,

Digitized by Google

время шло своимъ чередомъ, шумно, дѣятельно и, признаюсь съ сожалѣніемъ, очень прозаично, безъ всякой торжественности. И помилуйте! какая торжественность можетъ быть въ смерти какого-нибудь бѣдняка Семена Мартыновича въ чаду глубокихъ соображеній? Насталъ и третій день. Черноглазая Варя въ черненькомъ ситцевомъ платьицѣ снова стояла у трупа, въ послѣдній разъ рыдала надъ своимъ отцомъ. Вотъ передъ нею закрыли его крышкою и понесли съ лѣстницы, гдѣ раздавались крики разныхъ чиновниковъ, иногда черезъ мѣру и опасно либеральные.

— «Вотъ ужъ чисто петербургская лѣстница!—кричали безумные сѣльчаки.—Каковы у насъ домохозяева-то! Ой, вы меня придавили гробомъ! Выше, выше поднимайте на новоротѣ черезъ эти проклятыя перила. На конную площадь вывелъ бы я здѣшняго хозяина!»

Наконецъ, гробъ снесли внизъ, поставили на дроги, и двѣ клячи, вѣроятно, завидовавшія участи каждаго покойника, кряхтя, потащили дроги. Чиновники обтерли съ пальцевъ приставшее къ нимъ сусальное золото и спокойно выпрямились для шествованія за гробомъ, такъ какъ ихъ ропотъ и протесты не навлекли на нихъ рѣшительно никакихъ дурныхъ послѣдствій. Все народонаселеніе большого дома было обращено въ глаза, изо всѣхъ оконъ торчали головы, матери отталкивали дѣтей, чтобы достать лучшее мѣсто, дѣти карабкались имъ на спины, чтобы увидать хоть что-нибудь, на дворѣ была давка. Въ воротахъ вся толпа засуетилась, заговорила, загалдѣла и остановилась; въ заднихъ рядахъ люди встали на цыпочки и закинули кверху головы, чтобы дальше видѣть.

— Что такое случилось? Почему не ѣдутъ дальше?—кричали взволнованные голоса.

— Нельзя. Иваниху везутъ. Подождать надо, — перебѣгало по рядамъ.

— Худая примѣта. У дворницкой остановились. Помереть дворнику,—рѣшила слесарша.

— Ну, вотъ еще! Это не причинѣ лошадей остановили, а не онѣ сами по себѣ остановились, — заспорила другая баба.

— Это все равно.

— Все равно, да не одно!

— Экая умная! всѣ порядки знаетъ, тебѣ вѣрно кульера прислали съ спешей,—озлилась слесарша.

— Ну, да, кульера!

Digitized by Google

— Усь, усь, хвати ее за косы-то!—крикнулъ халатникъ-мастеровщина.

Бабы напустились на него. Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы дроги не тронулись, и самихъ бабъ не увлекла все увлекающая за собою толпа.

— Взгляни на эту праздную чернь,—говорила генеральша своему сыну, выходя съ лорнетомъ въ рукѣ на балконъ и раздвигая дорогіе цвѣты.—Чего сбѣжались смотрѣть? Похоронъ не видали! И это въ будни, когда у нихъ работа стоитъ. Послѣ этого жалѣй ихъ, сочувствуй ихъ нуждамъ!

— Кто же не знаетъ теперь, что они лѣнтяи, тунеядцы? дураки одни могутъ имъ сочувствовать,—отвѣтилъ сынъ, выдвигая голову за рѣшетку балкона.

— Вонъ генеральша съ сыномъ на похороны смотритъ,— говорили въ толпѣ глупой черни, указывая на балконъ и не зная, что никакая генеральша не унизится до такого глупаго любопытства, что ей нѣтъ на это времени, и что она интересуется не похоронами, а просто желаетъ на дѣлѣ убѣдиться въ грубости, праздности и отвратительныхъ привычкахъ черни. Съ этою же цѣлью оторвался отъ своихъ великихъ трудовъ и подошелъ къ окну на зовъ своей жены одинъ изъ нашихъ славныхъ писателей, жившій въ домѣ; но геній, какъ это всегда случается, не былъ замѣченъ толпой...

Между тѣмъ, тѣло Семена Мартыновича поѣхало за богатымъ погребальнымъ поѣздомъ купчихи Ивановой, точно и его назначили для увеличенія и безъ того длинной процессіи. Впрочемъ, Игнатьевну и ея вассалокъ радовало это стеченіе обстоятельствъ.

— Вотъ ужъ не ждалъ онъ, голубчикъ, что ему такое счастье выпадетъ. И попы-то, и пѣвчіе впереди идутъ, путь ему въ царствіе небесное указываютъ,—говорила жалобнымъ голосомъ капитанша.

— Да, да, не всякій такого счастья дождется,—соглашалась какая-то особа въ поношенномъ салопѣ, приставшая по дорогѣ къ провожатымъ.—А что, видно, онъ бѣдный былъ?

— Охъ, ужъ и не говорите! Меня спросите, видѣла я его нужды-то. Штаны самъ себѣ шилъ, носки штопалъ!

— Охъ ты, Господи, чиновникъ-то!.. Сиротъ вѣрно оставилъ?

— Да, вонъ дочь идетъ...

— А мальчикъ-то, гимназистъ, что съ ней идетъ, тоже сирота, племянникъ какой-нибудь?

Digitized by Google

— Нѣтъ, это чужой ей, это мой сынишка,—сказала капитанша.

— Мм!.. Ну, а насчетъ судьбы-то дочери сдѣлалъ онъ распоряженіе?

— Какое распоряженіе? Началъ онъ ей, должно-быть, наставленье читать. «Не живи...»—говоритъ,—да и замолчалъ; кашель началъ его душить. Мы ужъ и то, и другое,—поотдохнулъ. Спрашиваемъ: «Семенъ Мартыновичъ, ты, батюшка, что-то сказать хотѣлъ Варѣ»... Рукой замахалъ. Мы и то, и се,—молчитъ; вѣрно языкъ у него отнялся... либо что. Такъ и не знаетъ она, наша голубушка, что онъ ей сказать хотѣлъ. Не живи! Вотъ теперь и догадывайся, что онъ думалъ. Не живи! А какъ не жить, если самъ ей жизнь далъ? Руки на себя наложить, что ли? Такъ для этого и родиться не стоило. Не живи! вотъ оно слово-то!

А дроги все подвигались впередъ...

Отпѣли купчиху Иванову въ особенной церкви, Семена Мартыновича въ общей, и обоихъ зарыли въ одинаково тѣсныя, въ одинаково темныя и безотвѣтныя могилы. Гости поѣхали въ собственныхъ экипажахъ, на наемныхъ дрожкахъ и потащились пѣшкомъ на поминки. Много высказали разныхъ глубокихъ соображеній у Ивановыхъ и не менѣе того у Игнатьевны.

— И умеръ то онъ, голубчикъ, въ экое время, весною, когда жильцовъ и собаками не отыщешь, такъ и разсчитывай, что два мѣсяца комната простоитъ пустая,—говорила Игнатьевна, въ которой на минуту проснулись эгоистическіе расчеты. Потомъ опять пришла ей на умъ продажа имущества для помощи Варѣ.—Боюсь я, послѣ покойника платья не купятъ. Всякій боится, знаетъ, что оно тлѣетъ на человѣкѣ, лѣзетъ и разлетается, точно кто-нибудь самою тайною тянетъ его и снизу, и сверху, и въ стороны...

— Ахъ, это преданіе!—опечалилась своимъ собственнымъ сомнѣніемъ маіорская дочь.

— Ну, ужъ нѣтъ-съ! это извѣстно, что сорокъ дней душа-то къ мукамъ приготовляется, по землѣ летаетъ, ни въ раю, ни въ аду, и это она-то и дѣлаетъ.

— Вы только свѣшайте его на вѣсахъ, да замѣтьте, сколько вѣсу, такъ все какъ рукой снимете. Это дѣло всѣмъ извѣстное,—утѣшила капитанша.

— Вотъ мы теперь тутъ разсуждаемъ, а его душа, можетъ-быть, здѣсь носится, грѣхи свои оплакиваетъ, молитвъ нашихъ грѣшныхъ проситъ. Все-то ей теперь ясно, и вражда

Digitized by Google

паша, на грѣхъ ее наводившая, и прегрѣшенья старыя. Гнѣвно смотритъ она теперь на насъ, искусителей. Охъ, тяжко ей, бѣдной!—расчувствовалась Игнатьевна, у которой сочились слезы сожалѣнія за бѣдную душу.—Разскажите-ко намъ, какъ это тамъ вы по божественному знаете,—обратилась она къ читальщику, наливая ему рюмку водки изъ пустѣвшаго штофа.

Читальщикъ выпилъ, крякнулъ и замогильнымъ голосомъ началъ разсказывать замогильныя тайны, точно онъ самъ недавно вернулся изъ далекаго путешествія на тотъ свѣтъ...

Вечеръ тихо наступалъ и бросалъ тѣнь на окружающіе предметы... Особенно чутко и болѣзненно вслушивался въ гробовые разсказы отставного дьячка маленькій гимназистъ, сынъ капитанши, прижавшійся къ матери и косо поглядывавшій на полурастворенную дверь, за которой была тьма. Изрѣдка заставляли его вздрагивать возившіяся въ кухнѣ куры... Одно, повидимому, главное лицо молчало и не то прислушивалось къ рѣчамъ, не то о чемъ-то размышляло. Это лицо—была Варя.

— Не боишься ли ты, Варя, здѣсь спать? — спросила Игнатьевна, когда разошлись гости.

— Нѣтъ.

— Да и я-то что горожу! Вѣдь ты и при покойникѣ тутъ спала, а теперь и подавно бояться нечего, ты ему не врагъ была, дурного ему не сдѣлала. Не придетъ онъ тебя укорять, что ты ему грѣховъ прибавила. Спи, голубчикъ мой!

Варя простилась съ Игнатьевной, отъ которой попахивало водкой, и осталась одна въ комнатѣ, гдѣ по лѣтнему положенію не было и свѣчи. У ней вдругъ сжалось сердце отъ непонятнаго страха. Ей помнилось, что здѣсь стоялъ покойникъ и—странное дѣло!—онъ казался ей не отцомъ, не ея любимымъ отцомъ, а просто страшнымъ покойникомъ, съ пятаками вмѣсто глазъ, съ грознымъ лицомъ, покойникомъ, котораго душа мучается въ эти минуты, пугаетъ враговъ, не находитъ себѣ мѣста и носится надъ землей, иногда стонетъ и проситъ молитвъ, молитвъ и прощеній... Варя оглядѣлась: ея кровать съ бѣлымъ пологомъ стояла, какъ катафалкъ съ бѣлымъ балдахиномъ; дѣвочка не рѣшилась лечь на нее и, крадучись, сѣла на кресло, прижалась въ уголокъ и закрыла глаза руками. По ея тѣлу то пробѣгала дрожь, то бросало ее въ жаръ, передъ глазами носились какіе-то ужасные призраки, все смутнѣе и смутнѣе.

Digitized by Google

Наконецъ, ея руки медленно упали на колѣни, голова опустилась на грудь, остриженные волосенки выбились изъ-подъ траурнаго чепчика и разсыпались по лицу: она спала. А сумерки вечера побѣлѣли, и въ окно глядѣла блѣдная, безстрастно спокойная, петербургская майская ночь, безъ звѣздъ, безъ мѣсяца, съ безслѣдно тающими въ воздухѣ облаками, не сулящими ни освѣжительной грозы, ни истребляющаго града, ни благодатнаго дождя, ночь похожая и на разсвѣтъ, и на сумерки, и, болѣе всего, на призракъ, созданный больнымъ воображеніемъ, и обливала она своимъ бѣлесоватымъ свѣтомъ и безъ того блѣдное лицо дѣвочки, дѣлая его еще блѣднѣе...

II.

Что могло случиться и что случилось на дѣлѣ послѣ похоронъ.

На третій день послѣ похоронъ, содержательница школы въ большомъ домѣ, госпожа Скрипицына или mademoiselle Skripizine, какъ называлъ ее учитель-французъ, сидѣла въ ожиданіи сбора ученицъ въ своемъ кабинетѣ-гостиной и такъ чинно, граціозно и медленно пила недорогой кофе, что если бы въ комнатѣ имѣлось постороннее лицо, то можно было бы предположить, что она не пьетъ, а только даетъ урокъ, какъ должно пить кофе благовоспитаннымъ людямъ съ развитымъ вкусомъ. Можетъ-быть, это и въ самомъ дѣлѣ была репетиція урока, если не самый урокъ. Предположеніе, тѣмъ болѣе похожее на истину, что и самая дорогая чашка, изъ которой пился недорогой напитокъ, болѣе походила на красивую игрушку, нежели на настоящій, назначенный на полезное употребленіе, сосудъ. Госпожа Скрипицына считала себя аристократкой по происхожденію и потому была ревностной помощницей нашего общества въ его ожесточенной войнѣ противъ грубаго и убивающаго всякія высокія стремленія утилитаризма. Ея глаза, когда опустѣла игрушка,— на что, при всей убійственной медленности, не требовалось много времени, — неторопливо и съ приличной мыслящимъ людямъ задумчивостью, устремились на письменный столъ; съ него взялась французская книга: «Мученики христіанства Шатобріана», развернулась наудачу и положилась на колѣни. Сдѣлавъ это, наставница продолжала попрежнему смотрѣть на столъ и не думала читать; вѣроятно, оно такъ и слѣдовало, потому что и книги бываютъ разныя: иную нужно прочесть, другую подержать на колѣняхъ. Впрочемъ, и столъ госпожи Скрипицыной заслуживалъ вниманія и могъ

Digitized by Google

оторвать человѣка отъ любой книги. Онъ былъ искусно сдѣланъ изъ орѣховаго дерева и окруженъ точеными перильцами. Посрединѣ его стояла чернильница, отлично поддѣланная подъ бронзу и проданная за бронзовую; около нея такіе же подсвѣчники; далѣе лежало нѣсколько пресъ-папье, изображавшихъ голову араба, женскую руку, ящерицу и тому подобные крайне интересные предметы; передъ чернильницей лежалъ отдѣланный перламутромъ портфель для почтовой бумаги и три перламутровыхъ съ затѣйливою рѣзьбою ножа. Въ углахъ находились портреты въ красивыхъ рамкахъ, около нихъ виднѣлись вазочки для перьевъ и карандашей, и стоялъ красивенькій бронзовый мальчикъ, державшій термометръ. Единственное пустое мѣсто занималъ томъ путешествія ко святымъ мѣстамъ Авраама Норова. Норовъ лежалъ иногда на Шатобріанѣ, иногда же, наоборотъ, Шатобріанъ лежалъ на Норовѣ; это дѣлалось прилично случаю, то-есть смотря по тому, говорили или нѣтъ по-французски посѣтители Скрипицыной. Неизвѣстно, какъ находилось мѣсто на этомъ столѣ, если нужно было написать письмо, но писанье писемъ—утилитаризмъ, потому объ этомъ не стóитъ и говорить. Не видавъ этого стола, даже трудно повѣрить, что онъ могъ помѣстить такую кучу предметовъ, безъ сомнѣнія, необходимыхъ, такъ какъ иначе зачѣмъ бы имъ было и лежать на столѣ и заставлять какого-нибудь новаго Сизифа въ юбкѣ заниматься ежедневно сметаніемъ пыли съ безполезныхъ вещей? Пыль же сметалась съ каждой вещицы каждый день. Но не одинъ этотъ столъ отличался изумительною вмѣстительностью. Вся комната казалась на первый взглядъ свѣжему человѣку складочнымъ магазиномъ, и нуженъ былъ нѣкоторый промежутокъ времени, чтобы понять, что это дѣйствительно жилой покой, а не магазинъ, что и восхитительная козетка, стоявшая посрединѣ комнаты и являвшаяся на первомъ шагу посѣтителя баррикадой къ дальнѣйшему шествованію, была столь же необходима, какъ двѣ пустыя урны у оконъ, какъ на столѣ у зеркала изящное блюдечко съ визитными карточками, съ которыхъ тожъ стиралась пыль, какъ фальшивый каминъ, какъ портретъ Авраама Сергѣевича Норова, висѣвшій надъ письменнымъ столомъ, какъ десятки дорогихъ растеній въ не менѣе дорогихъ горшкахъ и рѣшеткахъ орѣховаго дерева, однимъ словомъ, все въ комнатѣ было не менѣе необходимо, чѣмъ сама госпожа Скрипицына. Да не подумаетъ читатель, что я злостно хочу унизить одну изъ моихъ ге-

Digitized by Google

роинь, намекнуть на сходство ея сердца съ складочнымъ магазиномъ, съ пустою урною или съ блюдечкомъ для визитныхъ карточекъ. Совсѣмъ нѣтъ! Я, говоря это, даю понять, что создательница воплотила себя въ своемъ созданіи, и соглашаюсь съ преданнымъ ей душой и тѣломъ учителемъ-французомъ, нерѣдко восклицавшимъ: «Глядя на эту комнату, чувшь присутствіе de mademoiselle Skripizine!» Не знаю, о чемъ она думала во время нашей прогулки по ея комнатѣ, можетъ-быть, присутствіе назойливыхъ соглядатаевъ, вторгающихся въ чужія владѣнія, помѣшало ея геніальному уму придумать новое украшеніе для своего жилища. Но намъ легко успокоить свою совѣсть, такъ какъ слѣдомъ за нами къ ней вошла ея горничная и доложила о приходѣ Авдотьи Игнатьевны.

— Кто она?—спросила mademoiselle Skripizine, не безъ ловкости щуря глаза, надъ которыми хотя и не имѣлось бровей, но тянулись по тѣлу тонкія черныя полоски.

— Въ нашемъ домѣ живетъ-съ, комнаты жильцамъ отдаетъ.

— Баба какая-нибудь?

— Баба-съ. Я вамъ, сударыня, говорила-съ вчера объ ней, какъ у нея...

— Ахъ, какъ ты наивна, Даша! Неужели ты думаешь, что я слышу и помню все то, что ты мнѣ болтаешь по вечерамъ?—сострадательно улыбнулась госпожа Скрипицына.

Она въ самомъ дѣлѣ ничего, совсѣмъ ничего не помнила изъ вседневной болтовни Даши. У нея было столько заботъ, занятій и размышленій.

— Какія же могутъ быть отношенія между мной и ею?— спросила барышня, пожимая плечами послѣ минутнаго раздумья и внимательно поправляя бѣлые нарукавники. — Спроси ее, — добавила она: — о чемъ она пришла меня просить?

— Она пришла съ дочерью того, что третьяго дня хоронили, — промолвила Даша, позабывшая, повидимому, имя покойника.

— Аа!.. Ну, такъ что же?.. Классы начнутся черезъ полчаса... Впрочемъ, вели имъ подождать въ передней, я выйду.

Горничная вышла съ поклономъ. Mademoiselle Skripizine медленно встала, лѣниво подошла къ зеркалу, съ какою-то граціозной истомой поглядѣла, хорошо ли щурятся ея глаза, вздернула складки платья на груди, неизвѣстно

Digitized by Google

почему сохранившей полноту, хотя лицо, шея и руки Скрипицыной были чрезвычайно тощи. Потомъ, тщательно поправивъ прическу, она тихо вышла въ переднюю и, снова сощуривъ глаза, оглядѣла неизвѣстную ей Игнатьевну и извѣстную ей ея ученицу Варю.

— Bonjour, mon enfant! Mais qu'avez-vous? Est-ce qu'on porte le bonnet dans votre âge?.. C'est stupide! — неторопливо и хладнокровно проговорила она своей ученицѣ и обратилась къ Игнатьевнѣ съ повелительными словами: — ты можешь идти!

— Матушка-мадамъ, у меня есть просьба!—жалобно произнесла Авдотья Игнатьевна, видя, что нуждающаяся въ помощи сирота Варя ничего не отвѣтила на привѣтствіе нѣжной наставницы.

— Что тебѣ нужно?

— Ужъ сдѣлайте такую божескую милость, позвольте Варюшѣ-то доходить этотъ мѣсяцъ въ пансіонѣ, не пропадать же заплаченнымъ деньгамъ, а можетъ все же чего-нибудь она еще понахватается.

— Пусть ходитъ! — снисходительно разрѣшила содержательница школы, выслушавъ безъ улыбки простодушную просьбу Игнатьевны, и даже не подумала, какъ не подумалъ бы каждый изъ насъ простодушныхъ русскихъ людей на ея мѣстѣ, что тутъ и просить было не о чемъ.

— Награди васъ Богъ за вашу добродѣтель, а то что ей болтаться-то дома, вѣдь тоже не скоро въ магазинъ ее опредѣлишь...

— Въ какой магазинъ?

— Къ портнихѣ какой-нибудь отдать хотимъ.

— Развѣ *вы* и *она* родныя?

— Гдѣ намъ, матушка-мадамъ, вѣдь она благородная.

— Что же ея родные?

— Какіе родные? У нея одинъ Отецъ Небесный, всѣхъ насъ грѣшныхъ Заступникъ, родной,—отвѣтила Игнатьевна и, перекрестившись, высморкала носъ концомъ шерстяного нѣмецкаго платка.

— Гм!—задумчиво произнесла Скрипицына, постояла съ минуту и, кивнувъ головой, пошла въ свою комнату.

Игнатьевна взялась за ручку двери, чтобы уйти, когда Скрипицына съ порога дверей обернулась къ ней и сказала:

— Ты подожди отдавать ее въ магазинъ. Я подумаю, можно ли это.

— Будьте мать родная! подумайте, матушка-мадамъ, по-

Digitized by Google

думайте. Ужъ мы и ума не приложимъ, что̀ съ ней дѣлать, мы вѣдь люди темные. Вотъ, говорятъ, что ее въ анститутъ можно отдать, да поди, сунь-ка носъ туда наша сестра, такъ какой-нибудь тамъ пѣтухъ индѣйскій, швейцаръ, булавою своей шею накостыляетъ, вотъ тебѣ и будетъ анститутъ, наука: не суйся, ворона, въ высокія хоромы! Вѣдь не на улицу же ее, бѣдную, выбросить, чтобъ подобрали да призрѣли! — разсуждала Игнатьевна, не замѣчая, что двери школы давно закрылись за нею, и что она, Игнатьевна, уже шагаетъ по лѣстницѣ, возвращаясь въ свое феодальное государство.

Mademoiselle Skripizine медленно походила по своему кабинету, поправила разныя вещицы на себѣ и на своемъ столѣ, оборвала три желтыхъ листа съ цвѣтовъ, пощурила для практики глаза и, наконецъ, услышавъ бой часовъ, приняла такое безстрастное выраженіе лица, какъ будто приготовлялась позировать въ роли статуи правосудія, и пошла въ классы. Тамъ уже собрались дѣвочки и тихо шушукались между собою, но едва пошевелилась ручка двери, какъ шушуканье утихло, и въ комнатѣ можно было разслышать одно шуршанье шелковаго платья наставницы и легкую поступь французскаго учителя. Наставница осмотрѣла классъ и ровнымъ голосомъ произнесла:

— Mademoiselle Rabon, priez!

Рабонъ стала читать молитву на французскомъ языкѣ, какъ это дѣлалось всегда передъ французскимъ урокомъ. Утреннія занятія начались. Дѣвочки удивлялись присутствію наставницы, что̀ бывало только во время экзаменовъ. Уже нѣсколько разъ прозвучало въ классѣ: Adam, redoutant la présence de Dieu и т. д., когда пришла очередь отвѣчать Варѣ. Она начала говорить урокъ; mademoiselle Skripizine вся обратилась въ слухъ, поправляла ученицу на каждомъ грубо произнесенномъ le и r, не похожемъ на r Людовика XIV. Потомъ спросила дѣвочку:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Четырнадцатый годъ.

— Покажи мнѣ твою тетрадь для диктовки.

Варя показала наставницѣ тетрадь съ розовыми листиками протечной бумаги и бѣлыми атласными ленточками. Наставница сочла всѣ ошибки, подвела имъ итогъ, посмотрѣла издали на почеркъ и замѣтила:

— Ты пишешь писарскимъ почеркомъ, женщина не должна такъ писать. Это не принято. Садись!

Digitized by Google

Классъ кончился.

— Mesdames, Скрипицына сказала Крыловой: *ты*,—кричали дѣвочки другъ другу.

— Почему она сказала ей: ты? Не будетъ ли она и намъ говорить: ты?

— Я сама скажу ей: ты! Меня maman возьметъ послѣ этого изъ ея пансіона.

— Меня и то бранили за то, что я рубля мѣдными деньгами не могу отсчитать.

Приходъ жиденькой гувернантки и начало рукодѣльнаго класса прервали этотъ шумъ, въ которомъ Варя, по обыкновенію, играла роль безмолвнаго существа, что̀ начинаетъ тревожить меня за ея умственныя способности. Въ половинѣ класса явилась Скрипицына и спросила работы Вари. Осмотрѣвъ разныя вышитыя подстилки подъ колокольчики и лампочки, бисерные кошельки и воротнички, наставница сдѣлала нѣсколько замѣчаній и, когда классъ кончился, сказала Варѣ:

— Иди обѣдать съ пансіонерками!

Варя повиновалась, не спрашивая ничего, ни о чемъ не разсуждая. Послѣ обѣда начались вечернія занятія; Варя снова подверглась экзамену; кончился и онъ, дѣвочка собралась идти домой.

— Иди заниматься съ пансіонерками!—приказала содержательница школы.

Ученица повиновалась. Между пансіонерками начался шопотъ. Въ комнатѣ носился чадъ глубокихъ соображеній. Насталъ ужинъ. Послѣ ужина госпожа Скрипицына позвала горничную и велѣла привести Варю. Варя явилась тихая, робкая и стала у дверей извѣстнаго читателю кабинета. Со стѣны тайный совѣтникъ со звѣздой смотрѣлъ съ любопытствомъ на дѣвочку, козетка гордо загораживала ей путь.

— Подойди сюда, — произнесла Скрипицына и зорко осмотрѣла походку Вари.—Тебя хотятъ отдать въ магазинъ къ портнихѣ. Ты благородная, а тамъ живутъ простыя дѣвчонки. Какая-нибудь баба, въ родѣ той, у которой ты жила со своимъ отцомъ, — при словѣ «отецъ» Варя начала тихо плакать,—какая-нибудь баба, говорю я, считаетъ столь же возможнымъ бросить дочь дворянина въ этотъ омутъ безнравственности, неприличій и грязи, какъ высморкать свой носъ въ шерстяной шейный платокъ.—Наставница пріостановилась, чтобы дать понять Варѣ силу своей собственной наблюдательности. — Но благородные люди думаютъ иначе.

Digitized by Google

Ихъ святой долгъ, ихъ обязанность спасать отъ гибели равныхъ или, по крайней мѣрѣ, *почти* равныхъ съ ними. Они готовы жертвовать собою для спасенія другихъ. Это высокое нравственное преимущество развитыхъ надъ неразвитыми, благородныхъ надъ неблагородными. Я рѣшилась пожертвовать долею своего спокойствія, чтобы спасти тебя. Ты остаешься у меня.

Варя, которую такъ же не изумила эта рѣчь, какъ слово *ты*, сказанное ей впервые въ этотъ день наставницею, тихо плакала и молчала. Госпожа Скрипицына ждала и была въ правѣ ждать экзальтированныхъ благодарностей, слезъ умиленія и восторга, но загрубѣвшій между неблагородными людьми ребенокъ остался неподвиженъ и тупоумно хныкалъ Богъ знаетъ о чемъ, хныкалъ передъ зарею новой жизни и яркаго счастья. Это немного смутило и оскорбило наставницу.

— Тебя хотятъ отдать въ магазинъ,—начала она снова своимъ ровнымъ, холоднымъ, какъ приговоръ судьбы, голосомъ. — Другого исхода для тебя нѣтъ. Никто въ цѣломъ мірѣ,—ты знаешь, что міръ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ людей—пойми же это хорошенько!—никто, рѣшительно никто изъ этихъ сотенъ милліоновъ людей не думаетъ, не заботится, не хочетъ заботиться о твоей судьбѣ. Ты всѣмъ имъ чужая,—что я говорю!—ты просто не существуешь для нихъ. Если тебя выбросятъ на улицу, то ты пробудешь на ней часы, дни, ночи, тебѣ даже не подадутъ гроша, какъ нищей, потому что каждый подумаетъ: негодница, на пряники проситъ! Ты навѣрное слышала эти слова даже отъ своего отца, когда у него просили милостыни дѣти. Правда: ты слышала?

— Слышала,—глухо прошептала Варя.

— Я и не сомнѣвалась. Всѣ это слышали. Нѣтъ человѣка, который бы не слыхалъ этого... кто скажетъ, что не слыхалъ, тотъ солжетъ... Итакъ, ты проходишь одна до тѣхъ поръ, пока не упадешь отъ голода, отъ изнеможенья, отъ злобы, и тогда тебя подберетъ какой-нибудь пьяный, грубый полицейскій солдатъ, чтобы отвести тебя, какъ бродягу, въ полицію, гдѣ содержатъ воровъ, нищихъ, пьяницъ... Они встрѣтятъ тебя наглымъ смѣхомъ, и едва ли ты спасешься отъ гибели... О тебѣ публикуютъ въ газетахъ, будутъ ждать, когда явятся родственники. Ихъ у тебя нѣтъ... И тогда — тогда тебя отправятъ въ пищенскій комитетъ, пройдутъ дни, недѣли, мѣсяцы, прежде чѣмъ тебя бросятъ

Digitized by Google

въ какой-нибудь пріютъ не имѣющихъ родни, неблагородныхъ дѣтей. Но и для этого людямъ нужно прежде выбросить тебя на улицу, ихъ эгоизмъ не позволяетъ имъ сдѣлать это: испорченные, загрубѣлые, они, все-таки, боятся позднихъ упрековъ совѣсти и вотъ тебя хотятъ отдать въ магазинъ...

Скрипицына выпила стаканъ воды, можетъ-быть, было бы не худо выпить воды и Варѣ, но она не попросила, да и графинъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, былъ пустъ.

— Но знаешь ли ты, что̀ значитъ быть ученицей въ магазинѣ, какая тамъ жизнь? Тамъ тебя не будутъ учить ничему, рѣшительно ничему, что̀ дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, равняетъ его съ ближними, тамъ даже не научатъ тебя необходимымъ каждому христіанину истинамъ религіи,— на это зло никто не обращаетъ вниманія, хотя и требуютъ нравственности отъ этихъ людей,—и ты, можетъ-быть, будешь молиться Богу по привычкѣ, по инстинкту, но ты не будешь знать, что такое Богъ? Ты, можетъ-быть, и не развратишься, но отъ этого удержитъ тебя случай, а не сознаніе, что это грѣхъ, что это порокъ! Зато тебя заставятъ шить, цѣлый день шить, и если понадобится какой-нибудь другой богатой женщинѣ къ спѣху бальное платье, то тебя заставятъ шить и ночью въ грязной, сырой, душной комнатѣ, почти въ подвалѣ, набитой до-нельзя злыми, оборванными, простыми дѣвчонками, дочерями кухарокъ, дворничихъ, прачекъ, солдатокъ... Ты будешь спать на одной постели съ десяткомъ этихъ дѣвчонокъ, больныхъ, покрытыхъ слоемъ грязи, заѣденныхъ насѣкомыми, будешь дышать зараженнымъ ими воздухомъ и, чтобы не зябнуть въ холодныя зимнія ночи, прижмешься къ этимъ дѣвчонкамъ, будешь грѣться ихъ ядовитой теплотой...

Скрипицына смолкла на мгновеніе; ей хотѣлось высказать всю горькую правду. Она прошлась по комнатѣ.

— Вонъ, взгляни!—зловѣщимъ голосомъ произнесла она, подводя Варю къ окну и показывая ей на узкую улицу, застроенную высокими, какъ стѣны тюрьмы, домами, походившую въ сумеркахъ туманнаго вечера на угрюмое подземелье.

По этому подземелью бѣшено неслись лихіе экипажи лихихъ господъ; тянулись съ поклажей ломовые извозчики, ругаясь съ встрѣчными легковыми; частили мелкими шажками бездушныя фигуры мертвенно приличныхъ чиновни-

Digitized by Google

ковъ; шаталась пьяная и оборванная мастеровщина, оглашая воздухъ циническою, доходившею въ своей иронiи до ужаса, бранью; сѣменили ногами истаскавшiеся юноши и съ безстыдствомъ нетерпѣливаго разврата, не стѣсняясь передъ прохожими, поддавались только своимъ животнымъ побужденiямъ, бѣжали за нарумяненными жертвами общественнаго темперамента, заглядывали имъ подъ шляпки, шепча какiя-то рѣчи, не тайныя въ этой обстановкѣ даже для ребенка, да, суясь подъ ноги людей, кружились въ какомъ-то бѣшеномъ чаду никому не принадлежавшiя собаки...—Вонъ, взгляни,—продолжала Скрипицына:—на эту грязную босую дѣвочку съ подвязанной щекой, затертую, затерянную въ грубой толпѣ народа. Это ученица изъ магазина. Ее послали куда-нибудь въ лавку или даже, мнѣ скверно сказать это слово,—въ кабакъ! Съ тобой было бы то же самое. Представь себѣ, ты уже не дитя, ты можешь это представить, что твой отецъ, дворянинъ, служившiй тридцать лѣтъ отечеству, имѣвшiй регалiи, увидѣлъ бы съ небесъ, что его дочь, оборванная, прибитая, идетъ босикомъ за водкою для мужа своей хозяйки, идетъ въ то мѣсто, гдѣ шумятъ пьяные мужики, погибшiя женщины, полунагiе люди, гдѣ человѣкъ становится ниже животнаго и готовъ оскорбить, опозорить даже беззащитную дѣвочку, готовъ погубить ее... Вотъ отъ чего я тебя спасаю!

Послѣднiя слова и выраженiе, съ какимъ они произнеслись, полныя тихаго спокойствiя и гордаго достоинства, стоили знаменитаго: qu'il mourût.

Скрипицына замолчала. Варя рыдала, какъ въ день смерти своего отца, но не благодарила. Неужели этотъ ребенокъ по своей тупости не чувствовалъ величины благодѣянiя или — но это невѣроятно! — онъ понималъ, что благодѣяніе само по себѣ есть самая величайшая награда для благодѣтеля?

— О чемъ ты плачешь?—холодно спросила Скрипицына.

— По-озвольте мнѣ про-проститься,—всхлипывала Варя.

— Съ кѣмъ?

— Съ ни-ми... Съ на-ашими... Съ Игнатьевной...

Такая неблагодарность возмутила Скрипицыну.

— Вотъ глупости! Развѣ прощаются съ хозяевами, переѣзжая отъ нихъ? Гдѣ это видано? Неужели, если бы я стала переѣзжать, то и мнѣ нужно было бы идти къ нашему хозяину въ лабазъ прощаться? Нелѣпость! Твои вещи перенесутъ сюда завтра—и конецъ!

Digitized by Google

— Онѣ до-обрыя!—зарыдала Варя.

— Добрыя! Ты такъ мала и неразвита, какъ я вижу теперь, что не понимаешь, кто добръ, кто золъ. И какъ можетъ быть доброю какая-нибудь баба, отдающая внаймы комнаты, какъ ей показать свою доброту жильцамъ? И что за дѣло жильцамъ до доброты, до характера хозяевъ! Объ этомъ даже неприлично справляться, это слѣдствіе привычки мѣшаться въ чужія дѣла, это первое начало страсти къ сплетнѣ, страсти низкой, марающей высокое достоинство человѣка. Тебя уже успѣли испортить, но я надѣюсь, что я успѣю исправить тебя, развить. Я приложу всѣ свои силы, пожертвую всѣмъ, чтобы ты развилась... Теперь иди спать.

Госпожа Скрипицына протянула Варѣ руку для цѣлованія. Варя тихо поцѣловала ее и съ поникшей головой вошла въ спальню, гдѣ уже спали пансіонерки и жиденькая гувернантка. Варя тихо раздѣлась и легла въ постель; ей стало тяжело, страшно, по тѣлу пробѣгала лихорадочная дрожь. Черезъ четверть часа природа взяла свое, и дѣвочка начала дремать. Въ полуснѣ она почувствовала надъ собой теплое дыханье, и кто-то едва слышнымъ поцѣлуемъ коснулся ея щеки; она открыла глаза и увидала удаляющуюся на цыпочкахъ жиденькую гувернантку. По лицу Вари пробѣжала ясная улыбка, и въ эту ночь ей снились свѣтлые сны...

Видѣла она во снѣ знакомую комнатку съ кисейными занавѣсками, съ кроватью, украшенной бѣлымъ пологомъ, съ дешевыми цвѣтами на окнахъ. Въ комнатѣ ходитъ съ завязанными глазами бѣлокурый мальчикъ и, вытянувъ впередъ руки, старается поймать двухъ человѣкъ, играющихъ съ нимъ въ жмурки: эти люди были сама Варя и ея старый отецъ, отставная приказная крыса, чернильная душа. Вотъ мальчуганъ поймалъ отца Вари и, сдернувъ повязку, кричитъ:

— «Вамъ, вамъ завязывать глаза!»

— «Ну, довольно!»—смѣется чернильная душа, и въ ея словахъ слышится святое, нѣжное чувство любви.—«Измучили вы меня, старика. Играйте одни!»

Онъ улыбается и садится въ кресла, безконечная ласка свѣтится въ его лицѣ, кажется, если бы ему сказали: «рѣшись вытерпѣть страшную пытку, дай отрубить себѣ голову, и эти дѣти будутъ счастливы», то онъ съ улыбкой пошелъ бы на колесо, легъ бы на плаху и почувствовалъ бы, что

Digitized by Google

только впервые въ жизни, въ эту минуту онъ узналъ, что значитъ блаженство. Чернильная душа! Приказная крыса!..

Варя и гимназистъ придумываютъ, какъ бы имъ поиграть вдвоемъ, берутъ карты и играютъ въ дурачки, а солнце свѣтитъ такъ ярко, такъ хорошо и обливаетъ комнату своими грѣющими лучами, рисуетъ прихотливые узоры на полу... Варя улыбалась въ своемъ снѣ, Варя была счастлива...

Да благословитъ же Богъ жиденькую, жалкую гувернантку за то, что въ чаду глубокихъ соображеній ей показалось нужнѣе всего въ данную минуту напечатлѣть поцѣлуй на лицѣ печальной дѣвочки, отходившей ко сну!

«Что-то дѣлаетъ теперь Ардальоша?»—думала Варя, проснувшись на другой день и смутно вспоминая сонъ. Ей очень хотѣлось идти съ горничной за вещами въ квартиру Игнатьевны, но она уже начала «соображать», разсудила, что это разсердитъ госпожу Скрипицыну, что откровенно высказанное желаніе навлечетъ упреки, гнѣвъ и наставленія, что лучше затаить его въ глубинѣ души и постараться сдѣлать веселое лицо, попробовать выказать ласку къ благодѣтельницѣ.

— Ты сегодня очень мила,—улыбнулась Скрипицына, когда Варя пришла поутру къ ней и цѣловала ея руку.— Я вижу, что мои наставленія не пропадутъ даромъ. Будь всегда такою скромною, признательною и откровенною.

Варя покраснѣла, и ей стало неловко, точно она согрѣшила, солгала передъ кѣмъ-то, впервые въ жизни была и неоткровенна, и непризнательна.

— Экая гордянка: и меня не приняла, и Варю не пустила ко мнѣ,—говорила вечеромъ того же дня Игнатьевна въ кругу своихъ подданныхъ, распивая кофейные переварки.—Убавилось бы ея, что ли, если бы она поговорила со мной.

— Ну, Богъ съ ней,—жалобно произнесла Акулина Елизаровна.— Слава Богу, что хоть Варю, сироту горемычную, призрѣла. Намъ-то и Богъ велѣлъ терпѣть униженія, недаромъ сказано въ писаніи: бражени кротци.

— Ахъ, друзья мои, она благородная! Вы не осуждайте ее. Ей съ вами нельзя говорить, — воскликнула маіорская дочь, и слышно было, что она скорбѣла о неблагородствѣ своихъ друзей.

— Что мнѣ въ ея благородствѣ! я сама себѣ благородная. Я своимъ потомъ хлѣбъ достаю, ночей не сплю, чтобы

Digitized by Google

кусокъ хлѣба достать, подлаживаюсь ко всѣмъ, все переношу, чтобы не нажить враговъ. Мнѣ ваши благородныя ни пенсій, ни вспомоществованій не дають,—жаловалась съ обычной желчью Игнатьевна на свою долю, должно-быть намекая на свой великій трудъ отдачи комнатъ, такъ какъ это была ея единственная дѣятельность.

— Ардальоша, ты хоть бы книжечку взялъ почитать,— назидательно пустила въ ходъ три нотки Акулина Елизаровна.—Какъ тебѣ не стыдно съ котенкомъ возиться? Нарисовалъ бы что-нибудь, вѣдь въ гимназіи, чай, учатъ рисовать-то?

— Учатъ-съ,—печальнымъ шопотомъ отвѣтилъ Ардальонъ и, съ сожалѣніемъ оставивъ нитку, съ привязанною къ ней бумажкою, принялся раскладывать на столѣ бумагу, рисунки и сталъ рисовать, прислушиваясь въ то же время къ разговорамъ, на которые до этой минуты онъ не обращалъ никакого вниманія.

Котенокъ потрепалъ его за штанишки, словно говоря: вѣдь тебѣ не хочется рисовать, брось это, Ардальоша, давай играть!—и, оскорбившись невнимательностью своего юнаго друга, пошелъ на середину комнаты и, поддразнивая упрямца, сталъ одинъ подшвыривать и ловить игривыми лапками комокъ бумаги.

А разговоры шли своимъ чередомъ.

— Благородная!—съ иронією воскликнула Игнатьевна.— А небось съ французишкой шашничаетъ? Все въ него садить, по всѣмъ лавочкамъ задолжала, а передъ нами носъ поднимаетъ.

— Ахъ, душа моя, это коммеражи!—воскликнула маіорская дочь.—Вѣдь вы это отъ ея горничной слышали?

— Да, отъ Дашки слышала!

— Ну, можно ли вѣрить этому народу? И что намъ за дѣло, съ кѣмъ она живетъ? Нѣтъ, нѣтъ, вы не правы, она доброе дѣло сдѣлала.

— Ну, и оставайся ея добродѣтель при ней, а меня-то ей не слѣдъ было обижать. И съ Варей-то проститься не дала! Да я ей этого по гробъ не забуду, умирать буду, на духу покаюсь, что врага не прощаю. Вотъ вамъ и весь сказъ!

А Ардальонъ все слушалъ, и въ его бѣлокуренькой головкѣ бродили смутныя мысли о томъ, что вотъ бѣдныхъ и неблагородныхъ нельзя принимать богатымъ и благороднымъ, что вотъ и его мать, потому что она бѣдная и не-

Digitized by Google

благородная, валялась въ ногахъ у директора гимназіи, когда Ардальону пришлось держать вступительный экзаменъ, и просила принять сына, и что хотя онъ выдержалъ экзаменъ не хуже другихъ, получилъ изо всего пятерки, а все-таки мать благодарила господина директора за то, что тотъ сжалился надъ ними, надъ сиротами беззащитными. И онъ — Ардальонъ тоже кланялся, сознавая, что директоръ только по добротѣ своего сердца говорилъ ему:

— «Не надо, не надо благодарить! Я принимаю всѣхъ, кто оказываетъ удовлетворительныя познанія на испытаніяхъ».

И все яснѣе и яснѣе казалось Ардальону, что онъ недаромъ, по приказанію матери, кладетъ ежедневно земной поклонъ за благодѣтеля-начальника, сказавшаго ему разъ и навсегда:

— «Если ты будешь дурно учиться и вести себя, то тебя выгонятъ, а тебѣ не на что надѣяться: твоя мать бѣдна, необразована, ты погибнешь, тебя въ дворники не возьмутъ».

Задумчиво подошелъ Ардальонъ къ окну и, повидимому, безцѣльно началъ смотрѣть на дворъ; быть-можетъ, въ эту минуту онъ думалъ угадать будущность обитателей большого дома, быть-можетъ, просто дышалъ молодою, но слабою грудью теплымъ майскимъ воздухомъ... Въ нѣсколькихъ окнахъ уже мелькали огни и, какъ въ китайскомъ фонарѣ, двигались огромныя, большеголовыя тѣни проходившихъ по комнатамъ людей; то тамъ, то тутъ высовывались въ форточки разнообразныя лица, выставлялась за окна провизія. Въ спальнѣ госпожи Скрипицыной было отворено окно, блестѣлъ, не колеблясь, такъ тихо было въ воздухѣ, огонекъ свѣчи и озарялъ двѣ женскія головы: одну—съ осунувшимися чертами лица, другую—полненькую и молодую; молодая женщина, повидимому, читала вслухъ книгу...

На дворѣ спорили и изощряли свое остроуміе мастеровые, дворникъ травилъ, отъ нечего дѣлать, собакъ, куча дѣтей играла въ бабки, между играющими Ардальонъ узналъ одного изъ своихъ товарищей по гимназіи, сына портного «Приснухина изъ Парижа», какъ значилось на вывѣскѣ этого честнаго ремесленника. «Мундиръ-то маретъ!»—подумалъ Ардальонъ про своего товарища и тихо началъ раздѣваться, услышавъ молящій и нокущій голосъ матери:

— Легъ бы ты спать, Ардальоша,—говорила она:—а то,

Digitized by Google

спаси насъ Владычица Небесная, пожалуй, раннюю обѣдню проспимъ. Сними-ка сапожки, я ихъ вычищу.

— Да я самъ, маменька, вычищу ихъ.

— Э, голубчикъ, что тебѣ руки марать, да мозоли на нихъ натирать щеткой. Мое дѣло привычное, мнѣ некому рукъ показывать, а твоя жизнь впереди; Богъ знаетъ, кому придется руки жать.

Ардальонъ снялъ сапоги, легъ, но долго ему не спалось въ душной, низенькой комнаткѣ. Долго слышалъ онъ и крики мастеровыхъ, и лай собакъ, и громкій смѣхъ Порфирія Приснухина, и шарканье щетки по сапогамъ. Но вотъ все мало-по-малу начало стихать, только изрѣдка глухо дребезжали проѣзжавшія по улицѣ дрожки, раздавался легкій храпъ капитанши, долетало изъ другой комнаты сопѣнье Игнатьевны, смѣшанное съ какимъ-то не лишеннымъ сладости присвистомъ, да безостановочно стучалъ громадный маятникъ широкихъ стѣнныхъ часовъ съ засиженнымъ мухами циферблатомъ. Въ комнатѣ вдругъ послышалось медленное шипѣнье, легкій трескъ и потомъ раздался первый глухой ударъ часовъ, за нимъ послѣдовали снова то же шипѣнье, тотъ же трескъ и ударъ... Часы пробили полночь, то-есть пробили безъ остановки двадцать семь разъ, но привычные люди знали, что это они только шалятъ по праву стариннаго знакомства, и догадывались о настоящемъ времени. Ардальонъ поднялся съ постели и на цыпочкахъ подошелъ къ окну. Небо было свѣтло, но на дворѣ было темно, какъ въ пропасти, всюду погасли огни и только въ спальнѣ Скрипицыной, страдавшей безсонницей, попрежнему теплился огонь свѣчи, и виднѣлись двѣ женскія головы.

— Варька все еще читаетъ!—произнесъ вслухъ Ардальонъ со вздохомъ и испугался, услышавъ движеніе и бредъ матери.

— Молись, молись!—шептала она во снѣ.

Онъ поспѣшно легъ.

Рано подняла его мать на другой день. Приготовила ему чистое бѣлье, вычищенные сапоги и верхнюю одежду, съ которой заботливо счистились всѣ пушинки и вся пыль. Когда ребенокъ одѣлся, мать напомадила ему голову и, причесавъ его, перекрестила.

— Ступай впередъ въ церковь. Что тебѣ со мной со старухой-лохмотницей идти, я въ уголочкѣ гдѣ-нибудь встану, чтобы меня не видали. Поди-ка, у васъ тамъ пересмѣшники гимназисты, на зубки тебя подымутъ, что вотъ

Digitized by Google

какая у тебя мать замухрышка,—говорила мать, провожая сына и глядя съ площадки лѣстницы, какъ онъ спускался внизъ.

Звучно лилось въ храмѣ пѣніе пѣвчихъ, носились волны дыма, сверкая при утреннихъ лучахъ солнца, кружилась пыль, пахло ладаномъ и воскомъ, мигали свѣчи и какъ будто изъ недосягаемой дали тихо проносился старческій голосъ благословляющаго священника, и было что-то неизъяснимо поэтическое, какъ младенческій сонъ, во всей этой торжественной картинѣ. Полусонный ребенокъ то любовался съ упоеніемъ ею, то жарко молился, то уносился куда-то своей дѣтской фантазіей, какъ будто ее подняли за собою несущія вверхъ волны ѳиміама. «Что-то я буду дѣлать теперь одинъ, безъ Вари? Опять рисовать? Нѣтъ, скучно! лучше я книжку почитаю. Славныя есть книжки волшебныя! Вотъ гдѣ о феяхъ пишутъ», — думалось Ардальону. И точно, по возвращеніи домой, напившись кофею съ сдобной булочкой, онъ отрылъ у себя замасленную волшебную книжку, притащилъ къ окну старое, обтянутое черной кожею, кресло, подладилъ его такъ, чтобы на него падали солнечные лучи и, поджавъ подъ себя ноженки, угнѣздился, какъ котенокъ, и сталъ читать, грѣясь на солнцѣ, разгораясь хорошенькимъ личикомъ и уносясь далеко-далеко отъ бѣдной, низенькой, проходной комнатки...

А мать погладила его по головкѣ, поцѣловала и, натянувъ на голову платчишко, побѣжала мелкими шажками на рынокъ купить мучки, да яицъ, да разнаго другого снадобья, чтобы испечь прѣсные пирожки для своего сынишки. Онъ читалъ-читалъ, наконецъ, одолѣла его дремота и, горя яркимъ румянцемъ, съ улыбкой на лицѣ, онъ уснулъ, а во снѣ снились чудныя грёзы: богатство, воздушные дворцы, безконечное яркое небо, летающія въ горячемъ воздухѣ феи и, качаясь на сонной, залитой блескомъ рѣкѣ, пѣли русалки ему сладкую пѣсню...

Кому изъ насъ незнакомы эти волшебныя, разнѣживающія душу сновидѣнья? Развѣ какому-нибудь маравшему въ дѣтствѣ свой гимназическій мундиръ сорванцу Приснухину...

Да, кстати, гдѣ онъ теперь?

Вонъ далеко на концѣ города, въ устьѣ Фонтанки, продирается онъ между барокъ на дрянной лодчонкѣ съ двумя шестнадцатилѣтними мастеровыми-халатниками изъ мастерской своего отца. Фуражка натянута на затылокъ, крупныя капли пота струятся съ пылающаго лица, глаза бле-

Digitized by Google

стять огнемъ силы и страсти, онъ снуетъ по лодкѣ, поднимаетъ протянутые по рѣкѣ канаты и веревки, отпихивается отъ барокъ, работаетъ багромъ.

— Ей вы, спутанные! — кричитъ онъ: — чего по рѣкѣ слюни-то распустили? Не можете къ сторонѣ причалить? Проѣзду нѣтъ! Черти, черти проклятые! Митрій, забирай правымъ-то весломъ. Вотъ такъ, молодецъ! Ну, теперь прихвати лѣвымъ... Фу, ты Господи, совсѣмъ умаялся!—говоритъ онъ, садясь на доску, играющую роль скамьи, и, отирая потъ обшлагомъ рукава, любуется, какъ быстро несется лодка, вырученная имъ на свободу. А вдали уже мелькаетъ зелень, островокъ. Еще нѣсколько минутъ—и передъ пловцами откроется широкое раздолье залива, а грязная Фонтанка и неугомонный, пьяный, ради праздника, городъ исчезнетъ вдали, закутанный своимъ дымомъ, опоясанный кладбищами.

— «Эхъ, если бы вѣтеръ разыгрался!»—говоритъ Порфирій, и искренно это его желаніе, и нѣтъ въ немъ страха, онъ дѣйствительно убѣжденъ, что борьба съ бурей чудное дѣло; ему кажется, что онъ могучій гигантъ, и въ эту минуту онъ любитъ болѣе всего картину, висящую въ магазинѣ его отца и изображающую Петра на Ладожскомъ озерѣ, усмиряющаго бурю.

Ему кажется, что онъ скорѣе бы утонулъ, чѣмъ рѣшился бы крикнуть: помогите! И то сказать: кто—если трезво глядѣть на міръ и на всѣ его глубокія соображенія — положетъ ему, Приснухину, когда онъ самъ не сможетъ спасти себя? Ему никто никогда не говорилъ о существованіи спасительницъ фей, а онѣ, отъ тупоумной гордости, или отъ крайней лѣни, не поспѣшили какимъ-нибудь чудомъ заявить ему о своемъ существованіи и такимъ образомъ навѣки потеряли одного изъ возможныхъ поклонниковъ. Бѣдныя, жалкія, глупыя феи!

III.

Маленькая сестрица и бѣдный братишка.

Въ то же воскресенье госпожа Скрипицына возвратилась съ Варей отъ поздней обѣдни и застала у себя обычныхъ праздничныхъ гостей: учителя-француза и своего восемнадцатилѣтняго брата-кадета, молодого человѣка съ ухарской прической и беззаботно-удалымъ выраженіемъ на недурненькомъ личикѣ съ вздернутымъ носикомъ, сильно развитыми ноздрями и полными, алыми губами. Этотъ достой-

Digitized by Google

ный всякаго уваженія и потому любившій принимать признаки уваженія, молодой человѣкъ любилъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ, напѣвать отрывки изъ арій и романсовъ, изъ которыхъ онъ отлично помнилъ первыя двѣ строчки и мотивъ. Онъ серьезно говорилъ, какъ и слѣдуетъ истинному таланту, что у него «прекрасный теноръ», и иногда высказывалъ сожалѣніе, что у него нѣтъ времени обработать свой «замѣчательный голосъ», и вообще смотрѣлъ съ должнымъ презрѣніемъ на тѣхъ, кто не имѣлъ голоса или просто стѣснялся пѣть, не зная первыхъ строчекъ арій и романсовъ. Не менѣе прекрасно, и тоже не стѣсняясь вкусами постороннихъ, умѣлъ молодой человѣкъ свистать и съ восторгомъ говорилъ, просвиставъ удачно какой-нибудь мархъ, что онъ «отлично свищетъ». Въ эти минуты онъ былъ особенно привлекателенъ, потому что нѣкоторымъ образомъ находился въ положеніи вдохновеннаго свыше лица, размахивалъ руками и шагалъ огромными шагами по комнатѣ, стуча каблуками, наступая на чужія ноги и задѣвая за мебель. По обыкновенію онъ не любилъ сидѣть, но лежалъ въ креслѣ, закинувъ назадъ голову, свѣсивъ въ стороны руки, протянувъ и расширивъ длинныя ноги, такъ что вся его фигура представляла человѣка, лежащаго на покатой доскѣ. Онъ находилъ эту позу граціозною и ловкою и почему-то называлъ ее «вызывающею». Если онъ не свисталъ, не напѣвалъ первыхъ строчекъ арій, не лежалъ въ креслѣ, то крошилъ ножницами попавшіяся ему вещи, или комкалъ ихъ въ рукахъ, за неимѣніемъ ножницъ. Ѣлъ аппетитно, по-кадетски, бралъ кушанья, не дожидаясь приглашенья, изъ любви къ лучшимъ кускамъ блюда; если ставилась на столъ коробка съ конфетами, то онъ спокойно ставилъ ее себѣ на колѣни или, лучше сказать, на грудь, такъ какъ это было удобнѣе въ его лежачемъ положеніи, и рылся въ конфетахъ, осматривалъ и вертѣлъ каждую, иногда даже подносилъ къ носу, отыскивая самыя лучшія, подходившія къ его развитому вкусу, оставляя гостямъ довольствоваться тѣмъ, что не нравится ему. Это, впрочемъ, могло быть непріятно только тѣмъ, у кого былъ одинаковый съ нимъ вкусъ, но такъ какъ на вкусъ товарища нѣтъ, то подобное дѣйствіе и не могло быть непріятнымъ кому бы то ни было. Иногда онъ пряталъ нѣсколько конфетъ для друга, съ которымъ его звали *неразлучкой*. Тотъ былъ хорошенькій мальчикъ, ходившій большею частью въ шинели, а не въ курточкѣ, хотя это и

Digitized by Google

было запрещено въ корпусѣ. Но до него намъ нѣтъ дѣла. Госпожу Скрипицыну часто возмущало поведеніе брата, чего мы, при всемъ уваженіи къ ней, разумѣется, не оправдываемъ, любя воинственную свободу и полное сознаніе своихъ достоинствъ въ воинахъ. Но Скрипицыной это было простительно, она была *такъ* воспитана, выросла въ *такомъ* обществѣ и была въ *тѣхъ* лѣтахъ... Да, кстати, о лѣтахъ госпожи Скрипицыной.

Читательница, не приходите въ ужасъ, что, говоря о лѣтахъ женщины, я могу добраться и до вашихъ лѣтъ. Вы молоды, я знаю навѣрное, что вы молоды; я васъ встрѣтилъ послѣ десятилѣтней разлуки на балу и былъ радъ, что на вашихъ щечкахъ цвѣтутъ попрежнему розы, что у васъ роскошные локоны, падающіе на алебастровую шейку, что ваши бровки черны, узки и правильно очерчены. Этого съ меня довольно; подробнѣе узнаетъ степень вашей молодости вашъ будущій супругъ на другой день вашей свадьбы...

Скрипицына же была въ той порѣ, когда всякая женщина перестаетъ прибавлять лѣта своей милой, дорогой подругѣ, а мужчины перестаютъ справляться о нихъ. И такъ она, державшаяся прямо, говорившая плавно и медленно, изящно поправлявшая нарукавнички и складочки платья, не смущавшая своей особой гостей даже въ гостиной графовъ Дикобразовыхъ, своихъ дальнихъ родственниковъ, она огорчалась воинственностью брата и называла его манеры «армейскими».

— Ты знаешь, мой другъ,—говорила она:—что именно за эти манеры у графовъ Дикобразовыхъ, нашихъ родственниковъ, не принимаютъ армейскихъ офицеровъ.

— Ну, вотъ еще выдумала. Графиня сама таскала свою дочь къ намъ на балы въ корпусъ, а тамъ не станетъ же наша братья для нихъ перемѣнять манеръ. «Пью за здравіе Мери»,—вдохновенно пѣлъ братъ, качая во всѣ стороны головой.

— Могу тебя увѣрить, графиню ужасаютъ эти манеры. Она повезла дочь на балъ, потому что тамъ былъ Жоржъ Гребецкій. Она хочетъ устроить эту партію, и онъ долженъ какъ можно чаще видѣть ея чудную, несравненную дочь. Ты долженъ вести себя прилично, отличаться тѣмъ аристократизмомъ, которымъ отличались всѣ «наши». Вспомни, что фамилія Скрипицыныхъ не изъ тѣхъ, которыя стоятъ въ переднихъ. Ты знаешь по исторіи судьбу нашихъ пред-

Digitized by Google

ковъ въ 1612 году. Да что я говорю! Довольно взглянуть на твои черты, на твои ручонки и ноги, чтобы убѣдиться, что твой дѣдъ вышелъ не изъ курной избы.

— «Лобзай меня, твои лобзанья»,—моталъ головой братъ, выставляя свою хорошенькую, протянутую на середину комнаты, ногу.

— Я согласна, что твой голосъ рѣдкій алмазъ, но онъ не обработанъ. Если бы у меня были средства...

— Кстати, сестра, что эти подлецы, мои мужики, не приносили оброка?

— Нѣтъ, мой другъ.

— По-міру, канальи, ходятъ, чѣмъ бы на мѣста идти. Конечно, скоро ли по грошамъ соберешь оброкъ, да еще, я думаю, каждый день нализываются. «Что за ночь, за луна»,— заливался братъ.

— Итакъ, мой другъ, если бы у меня были средства, или если бы твои мужики работали, а не ходили по-міру, и платили бы большіе оброки, то мы взяли бы тебѣ учителя пѣнія, и ты, конечно, могъ бы пѣть даже у графа Дикобразова. Его же младшая дочь, которая еще не просватана, такъ любитъ пѣть дуэты. Но пѣть, ходя по комнатѣ, это не принято.

— Ты, душа моя, ничего не понимаешь. Вы всѣ въ институтѣ привыкли быть нѣмыми, чопорными куклами, ходить на пружинахъ, se tenir droit и цѣловать подругъ за блѣдныя, чахоточныя лица. Идеализмъ! Къ тому же ты позабыла, я думаю, какое дѣйствіе производитъ мужской голосъ на женщинъ, онъ магически дѣйствуетъ на нихъ. «Обойми, поцѣлуй»,—пѣлъ братъ и, вытянувшись еще прямѣе въ креслѣ и закинувъ еще выше свою умную головку, вспоминалъ, какъ его пѣніе очаровало одну изъ знакомыхъ ему дѣвицъ, жившихъ въ одной общей квартирѣ, куда привезъ его впервые, вышедшій въ полкъ товарищъ, и куда съ того дня онъ ходилъ съ друзьями по субботамъ. Но возвратимся къ разсказу.

— Отчего ты не съ вечера пришелъ? — спросила сестра у брата послѣ обычныхъ привѣтствій съ гостями, садясь за столъ, гдѣ былъ поставленъ кофе, и заботливо стала расправлять платье и нарукавнички.

— Нельзя было. Мы съ товарищами въ гости ходили,— отвѣтилъ братъ.

— Къ кому?

— Такъ... къ знакомымъ...

Digitized by Google

— Надѣюсь, что это порядочные люди, что ты не роняешь своего достоинства знакомствомъ съ ними?

— Вотъ еще выдумала! Знакомые, какъ знакомые!

— Хорошее общество у нихъ собирается?

— Всѣ, кто хочетъ, тотъ и идетъ...

— Весело провелъ время?

— О, у нихъ-то всегда весело! — плутовато засмѣялся братъ, подмигивая учителю-французу, которому онъ уже успѣлъ сообщить, кто такіе эти знакомые, и что дѣлаютъ тамъ мужчины.

— Что же вы тамъ дѣлали?

— Да все!

— То-есть, что же все?

— Да такъ все, что хочешь... Пѣли, танцовали... Странная ты, сестра, развѣ можно разсказывать все? «Когда легковѣренъ и молодъ я былъ».

— Отчего же нѣтъ?

— Ну, вотъ еще! «Младую гречанку...»

— Однако?

— Ты такая пуританка!.. «я страстно любилъ...»

— Что съ тобою? Развѣ тамъ было что непозволительное?

— Ну, хоть бы и непозволительное, такъ что же? Это вѣдь все относительныя понятія. Что непозволительно для тебя, то можетъ быть позволительно для меня.

— Il est spirituel! — ввернулъ, весело улыбаясь, французъ, у котораго начинались судороги отъ скрываемой зѣвоты, онъ поминутно отиралъ навертывавшіяся отъ нея на глаза слезы.

— Но я боюсь за него, онъ такъ пылокъ!

— О, это ничего. Мы, французы, тоже чрезвычайно рано развиваемся, и потому насъ не пугаетъ раннее развитіе.

— Вы думаете, что оно не опасно?

— Нисколько.

Братъ, не говорившій, къ прискорбію сестры, по-французски, считалъ за лучшее, во время этого разговора, напѣвать восхитительную строчку изъ моднаго романса. Варя, между тѣмъ, напилась кофе, и госпожа Скрипицына обратилась къ ней:

— Ступай, дитя мое, вышивать мой воротничокъ. Только, пожалуйста, выполни аккуратно рисунокъ. Тамъ, помнишь, есть прорѣзъ, ты будь осторожна, чтобы послѣ не сыпалось на этихъ мѣстахъ. И тамъ, гдѣ паутинки, дѣлай ихъ отчетливѣе. Каждое искусство требуетъ внимательности.

Digitized by Google

Варя вышла изъ комнаты, получивъ предварительно поцѣлуй въ щеку и поцѣловавъ протянутую ей руку.

— Что это за лѣнь наказуемая? — спросилъ братъ, удивляясь присутствію дѣвочки у сестры въ праздничный день.

— Нѣтъ, я ее взяла на воспитаніе.

— А! Прибавка барышей!—родственно обрадовался братъ счастью сестры.

— Фи! Она нищая, у нея нѣтъ никого въ мірѣ, я ей замѣнила мать.

— Вотъ фантазія! Охота няньчиться!

— Нельзя же жить вѣчно для одной себя.

— Ты, кажется, рѣшительно хочешь закабалить себя. Няньчишься съ дѣвчонками въ будни, а теперь и въ праздники не будешь имѣть отдыха. Да это и стоитъ чего-нибудь, ты не такъ богата.

Братъ въ своей юной головкѣ тотчасъ же сообразилъ, что лишніе расходы сестры убавятъ его приходы, и разсердился на алчную дѣвчонку; навязавшуюся на шею его сестры. Такая разсчетливость насъ рѣшительно изумляетъ, потому что у него было молодое, то-есть мягкое и доброе сердце, онъ, какъ всѣ запертые въ корпусѣ кадеты, былъ щедрый молодой человѣкъ и каждую недѣлю давалъ своему другу часть своихъ карманныхъ денегъ, платилъ щедро каптенармусу за то, что тотъ выбиралъ ему лучшую одежду, прибавлялъ извозчикамъ, смѣясь, что они называли его графчикомъ и вашимъ сіятельствомъ; даже Даша знала его щедрость. Хотя за что бы ему платить хорошенькой Дашѣ? Не за то ли, что она смотрѣла, какъ чистила по субботамъ его сапоги и платье старая, рябая кухарка, которой (нельзя же всѣмъ платить) не платилось ничего?

— Это нашъ святой долгъ, мой другъ, спасать ближнихъ.

— Mademoiselle такъ добра, — промолвилъ учитель: — что для нея величайшее счастье есть счастье ея ближнихъ.

— Не хвалите меня, я испорчусь, — сладко улыбнулась добрая Скрипицына и, опустивъ глаза, стала задумчиво помѣшивать ложкой въ чашкѣ. — Меня страшно безпокоитъ,—какъ бы про себя говорила она:—удастся ли мнѣ ее развить, внушить ей высокія понятія о призваніи женщины-христіанки. Она такъ очерствѣла, такъ испортилась въ этой грязной обстановкѣ среди необразованныхъ, грубыхъ людей, погруженныхъ въ мелочные матеріальные расчеты. Я опасаюсь, что у меня не хватитъ на это силъ, я такъ жарко прошу ихъ у Бога. Если бы у меня было

Digitized by Google

краснорѣчіе графа Дикобразова, нашего великаго родственника, — о, тогда бы другое дѣло! Но я — я бѣдная, слабая женщина!

— Давай я буду тебѣ помогать!—воскликнулъ съ вѣтренымъ смѣхомъ братъ.

— Ты шутишь, Basile, ты дитя и не понимаешь, что значитъ принять на себя эти обязанности.

— Такъ зачѣмъ же и брать ихъ, если трудно исполнить? Сестра съ сожалѣніемъ меланхолически пожала плечами.

— А наше нравственное развитіе? А наше образованіе? Развѣ они не принуждаютъ насъ къ исполненію извѣстныхъ обязанностей? Какой-нибудь грубый невѣжда, мужикъ, не считаетъ нужнымъ помогать ближнимъ, онъ спокоенъ, видя ихъ нужды; но мы, получая извѣстныя права и преимущества, получаемъ и извѣстныя обязанности. Трудъ страшный, но, разумѣется, мы не промѣняемъ его святыни на беззаботную, безсмысленную, животную жизнь неразвитаго мужика. Въ насъ не дремлетъ сознаніе своего человѣческаго достоинства и, ставъ однажды на верхнюю ступень лѣстницы, мы не сойдемъ въ пропасть грязи, грубости и эгоизма.

Госпожа Скрипицына, какъ видитъ читатель, любила и умѣла произносить рѣчи; это было слѣдствіемъ сознанія своего умственнаго и нравственнаго превосходства надъ окружающими. Это сознаніе не могло не навѣвать на нее грусти, проявлявшейся во всѣхъ ея рѣчахъ и очень понятной въ ея положеніи. Мои развитые и понимающіе свое развитіе читатели знаютъ это по себѣ. Тяжело стоять одиноко, на какой бы то ни было высотѣ! Всякій богачъ, это извѣстно всѣмъ, обладая умственными или матеріальными, или другими сокровищами, терзается, зная, что этихъ богатствъ нѣтъ у его братьевъ-бѣдняковъ, терзается болѣе этихъ бѣдняковъ, потому что они даже и не понимаютъ, что значитъ быть богатымъ.

— Ты судишь, какъ англійская лэди,—замѣтилъ братъ, по-кадетски называвшій въ своемъ кругу всѣхъ англичанокъ *дохлыми*.

— Вы правы только отчасти, — замѣтилъ учитель, не умѣвшій льстить по своей гордой французской натурѣ. — Въ вашей сестрѣ, при всемъ нравственномъ сходствѣ съ англичанками, есть еще то высокое качество, котораго нѣтъ у нихъ: она мягка, женственна, въ ней нѣтъ ихъ сухости и черствости.

Digitized by Google

— О, вы сегодня сговорились баловать меня. Вы сговорились, покуда были одни. Это награда за мою рѣшимость. И вѣрьте, друзья мои, эта награда нужна мнѣ, какъ поддержка, какъ одобреніе для слабаго путника въ трудной дорогѣ къ высокой цѣли.

Госпожа Скрипицына съ искреннимъ чувствомъ пожала руки учителя и брата, хотя послѣдній и удивлялся, почему его сестрѣ кажется комплиментомъ найденное въ ней сходство съ дохлыми англичанками, тощими, какъ щепки, и длинными, какъ жерди. Этотъ миленькій ребенокъ именно такими представлялъ себѣ англичанокъ. Его сестра вдругъ приняла веселое выраженіе лица, и минутное облако печали, налетѣвшее на нее, исчезло, какъ весеннія облака при лучахъ солнца. Ея еще юное сердце, лѣта котораго, по обыкновенію, не считаются никѣмъ, затрепетало подъ корсетомъ отъ одобренія милыхъ друзей. Быстро пролетѣло время до обѣда. Скрипицына разсказывала объ институтѣ, о пріѣздѣ туда разныхъ знаменитостей, о поцѣлуѣ, данномъ ей тамъ княгинею Мухортовой-Таракановою, о кадрили, гдѣ Скрипицына танцовала съ княземъ Миловидовымъ и vis-à-vis съ своимъ кузеномъ, графомъ Дикобразовымъ, бросавшимъ ревнивые взгляды на князя и едва не вызвавшимъ послѣдняго на дуэль за нее. Даже кусочекъ широкой орденской ленты, подаренный какою-то еще болѣе значительною особой, явился на сцену и удивилъ своимъ полинялымъ голубымъ цвѣтомъ, походившимъ на загрязненное тучами осеннее небо, не дающее никакого понятія о его лазури, ослѣплявшей глаза въ весенніе дни. Французъ-учитель толковалъ объ удовольствіяхъ Парижа, о нарядахъ и локонахъ дамъ изъ сенъ-жерменскаго предмѣстья, объ очаровательныхъ головкахъ юношей и, не мудрено, что его разсказы выходили и вѣрны, и картинны, такъ какъ онъ самъ держалъ гребенки, помаду и пудру во время того, какъ его патронъ-куаферъ убиралъ эти чудныя головки; даже одинъ изъ пальцевъ monsieur Davoust хранилъ до сихъ поръ слѣды обжога, полученнаго, по его словамъ, на дуэли за маркизу Ріо, а по словамъ исторіи — отъ куаферскихъ щипцовъ. Большой же палецъ правой руки учителя навѣки остался изогнутымъ наружу отъ долгаго ежедневнаго верченія этихъ щипцовъ, когда они слишкомъ перекалялись. Василій Николаевичъ Скрипицынъ между пѣніемъ и свистомъ ввертывалъ тоже свое словцо о томъ, что «мы первые *фрунтовики,* что у насъ нѣтъ *кол-*

Digitized by Google

паковъ, то-есть дурныхъ фрунтовиковъ, что экономъ у насъ воръ, а директорша отдаетъ чинить на казенный счетъ свои сковороды, приказывая вносить плату за починку въ число расходовъ по ремонту лазаретныхъ принадлежностей, что гусарская форма самая лучшая, и что какой-нибудь *штафирка* не можетъ угоняться за гусаромъ, что гусаръ ему по носу надаетъ, что никакая барышня не устоитъ противъ гусара и каждая смѣется надъ рябчикомъ».

Но, любезный читатель, вы давно знаете, о чемъ говорить и будетъ говорить каждый изъ вашихъ милыхъ, добрыхъ, скучныхъ знакомыхъ... Не прерывайте, читательница, вашу милую, умную подругу Ольгу Петровну Черемухину, и она будетъ въ теченіе всего своего визита говорить о нарядахъ, ленточкахъ, кружевцахъ, воланцахъ, брошкахъ, сережкахъ и непремѣнно — о, непремѣнно! — припомнитъ ихъ фасонъ того времени, когда «она жила въ Парижѣ», то-есть, пробывъ тамъ три недѣли, бѣжала отъ кредиторовъ. Объ этомъ вы могли бы прочесть въ иностранныхъ газетахъ, если бы изъ нумеровъ, долетѣвшихъ до васъ, не исчезло, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, именно это извѣстіе на горе для вашего маленькаго сердечка, обожающаго Ольгу Петровну. А Иванъ Ивановичъ Добронравинъ (тотъ самый, что нажилъ деревню изъ трехсотъ рублей жалованья), онъ будетъ въ теченіе всего вечера всѣмъ и всюду разсказывать о крестѣ, полученномъ недостойнымъ Чубуковымъ, будетъ до мельчайшихъ подробностей разбирать всю позорную дѣятельность Чубукова, его жены, дѣтей, родственниковъ, слугъ, крестьянъ и, все-таки, не успокоитъ своей желчи, почувствуетъ ея приливы и завтра, и послѣзавтра, и по необходимости будетъ ее изливать снова за вистомъ до тѣхъ поръ, пока самъ не получитъ креста. А опера? Княжнѣ Мери дѣлается дурно, если ей не дадутъ говорить объ оперѣ. Тамберликъ, Кальцоляри, аріи, дуэты, парижская опера, петербургская опера, — о, восторгъ! — о, счастіе! о, княжна Мери, какъ громадно великъ, какъ подавляющъ вашъ умъ! Моя кухарка тоже цѣлый день надоѣдаетъ мнѣ разсказами о дороговизнѣ говядины и злокачественности картофеля, она даже знаетъ, почему дорога говядина и въ пятнахъ картофель, — но, другъ мой, чѣмъ я могу помочь тебѣ?

Итакъ, очертивъ характеры своихъ героевъ, я могу не передавать всѣхъ ихъ разговоровъ. Достаточно сказать, что Скрипицына и ея друзья любили другъ друга, и каж-

Digitized by Google

дый изъ нихъ давалъ довольно много времени своему собѣднику на разсужденья о любимомъ его предметѣ. Такимъ образомъ, наговорившись досыта, одинъ уступалъ слово другому, тотъ тоже договаривался до изнеможенія, вывертывалъ свой предметъ на изнанку и показывалъ, что пришелъ чередъ третьему, за третьимъ слѣдовалъ первый. Эта система взаимныхъ услугъ и одолженій знакома всѣмъ, кто хоть разъ былъ въ русскомъ обществѣ: оно очень скучно для посторонняго, но зато каждый членъ общества можетъ до совершенства объѣздить своего «конька». Да что же и дѣлать, не объ общественныхъ ли дѣлахъ разсуждать? Этимъ витьемъ веревокъ изъ песку и себя не потѣшишь! Послѣ обѣда братъ отправился въ ту комнату, гдѣ вышивала Варя, и сѣлъ противъ нея. Варя не пошевельнулась и продолжала вышивать. Кадетъ посмотрѣлъ на вышивку, посвисталъ, зѣвнулъ два раза, наконецъ, взялъ ножницы и сталъ играть ими. «Не стану я съ нимъ говорить»,—думала Варя. «А вѣдь ты первая заговоришь»,—размышлялъ онъ. Долго длилось молчаніе, наконецъ, Варѣ понадобились ножницы. Она поискала ихъ и, увидавъ, что онѣ въ рукахъ кадета, покраснѣла и устремила на нихъ глаза.

— Позвольте,—промолвила она почти шопотомъ.

— Что вамъ позволить?

— Ножницы дайте.

— Вотъ онѣ... Вы, кажется, годъ просидѣли бы молча, если бы онѣ не были вамъ нужны. Я думалъ, что вы нѣмая.

— О чемъ же говорить?

— Такъ неужели вы не можете найти предметовъ для разговора.

— Нѣтъ.

Воцарилось молчаніе. Варя, дѣйствительно, не умѣла *разговаривать*, она до *сихъ* поръ только играла, отвѣчала на вопросы и спрашивала, если ей что-нибудь было нужно.

«Ну, матушка, — подумалъ кадетъ: — ты порядочная тупица!»

— Вы любите вышивать?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы и въ праздники вышиваете?

— Mademoiselle велѣла.

— Какое право имѣетъ кто-нибудь велѣть что-нибудь другому?

Digitized by Google

Варя не поняла вопроса и промолчала.

— Развѣ вы ея крѣпостная?

— Не знаю.

— Го-го-го, — захохоталъ кадетскимъ смѣхомъ Скрипицынъ.—Какъ вы не знаете: крѣпостная вы или нѣтъ?

Варя опять промолчала, вполнѣ доказывая этимъ свое крайнее тупоуміе.

— А вѣдь я на вашемъ мѣстѣ не пошелъ бы жить сюда. Здѣсь скука смертная! Я думаю, васъ все Шатобріашку заставляютъ вслухъ читать? У сестры безсонница. Дуракъ былъ этотъ Шатобріашка! Сама сестра его, кажется, какъ рыбій жиръ глотаетъ отъ золотухи.

— Развѣ у нея золотуха?—наивно спросила Варя.

— Го-го-го! — залился кадетъ. — Разумѣется, золотуха! Это она и васъ согласилась взять отъ золотухи, чтобы ей не такъ тошно было. Она съ вами будетъ играть, какъ дѣти съ котятами играютъ... А вы, дѣйствительно, хорошенькій котенокъ. Вы ей не поддавайтесь.

— Вамъ грѣхъ это говорить.

— Ого!

— Да, грѣхъ, и мнѣ грѣхъ! Mademoiselle моя благодѣтельница, она сказала: я спасаю тебя отъ гибели!

— Отъ какой?

Варя не отвѣтила.

— Ну, отъ чего же она васъ спасаетъ?

— Отъ битья, отъ голода...

— А кто ей сказалъ, что васъ стали бы бить? что вы умерли бы съ голода?

— Она говорила, что простые люди всегда бьютъ дѣтей.

— А вы жили у благородныхъ?

— Нѣтъ.

— Били васъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ видите ли, какой вы глупости повѣрили! Какое вы дитя. Она васъ ни отъ чего не спасла. Люди не умираютъ съ голода. Вы глупо сдѣлали, что просили ее взять васъ къ себѣ, вы думали, что она богата, глаза разгорѣлись, да въ расчетѣ ошиблись.

Послѣднія глубокія соображенія казались вполнѣ вѣрными миленькому ребенку-кадету, онъ не зналъ, что Варя еще слишкомъ глупа для подобныхъ расчетовъ, и все считалъ ее болѣе умною, чѣмъ она была на дѣлѣ.

— Я не просила.

Digitized by Google

— Вотъ это хорошо! Такъ, значитъ, она насильно взяла васъ къ себѣ? Молодецъ-сестра, даромъ крестьянъ пріобрѣтаетъ, пожалуй, цѣлую деревню для меня пріобрѣтетъ.

Варя съ удивленіемъ посмотрѣла на собесѣдника; какія-то новыя, до сихъ поръ неслыханныя ею соображенія высказывались имъ, но она ничего не могла вдругъ понять изъ нихъ, не могла сдѣлать выводовъ.

— Вотъ теперь и шейте ей воротнички, нарукавнички, вяжите кошелечки, читайте Шатобріашку, а какъ она разорится,—вамъ и придется идти по-міру или въ горничныя дѣвки. Еще до пятнадцатаго года дожили, а этого не поняли. Вѣдь черезъ два годика вы замужъ можете выйти, черезъ три, да еще и раньше, своихъ дѣтей можете имѣть. Иныя очень рано развиваются и могутъ рожать. Я зналъ...

Варя вспыхнула и вспомнила слова маіорской дочери, что о такихъ вещахъ стыдно говорить, хотя сама и не понимала, почему стыдно.

— Ступайте прочь!

— Это зачѣмъ?

— Я не хочу съ вами говорить.

— Почему?

Отвѣта не послѣдовало.

— Или вамъ стыдно слушать о томъ, что у васъ дѣти будутъ? Полноте, черезъ годикъ сами объ этомъ будете шептаться съ подругами. Знаю я васъ. Я думаю, вы и теперь учителямъ записочки суете, а по вечерамъ между собою...

— Уйдите!

— Чего вы волнуетесь, малютка? Давайте вашу лапенку и помиримся!

— Уйдите!

— Ну нѣтъ, вотъ на зло не уйду, чтобы вы не капризничали. Давайте руку.

— Не дамъ! — воскликнула упрямая Варя, и въ ея голосѣ послышалась не нервная раздражительность слабаго существа, а злоба, лицо покрылось блѣдностью, глаза засверкали гнѣвомъ. Котенокъ обратился въ тигренка.

— Дашь!—крикнулъ кадетъ и подошелъ къ ней.

Она схватила съ пялецъ катушки и, швырнувъ ихъ въ лицо противника, убѣжала въ спальню. Пяльцы полетѣли на полъ.

Шумъ достигъ до ушей госпожи Скрипицыной. Она, какъ заслышавшій драку адъютантовъ Отелло, съ гнѣвомъ

Digitized by Google

явилась въ комнату и обратилась съ разспросами къ брату. Онъ чистосердечно признался, что Варя задремала за работой, уронила во снѣ пяльцы и, испугавшись ихъ паденія, убѣжала въ спальню. Позвали Варю.

— Какъ ты неосторожна! — сказала Скрипицына, разглядывая, не порвался ли воротничокъ.—Шумишь на весь домъ. Насъ трое, и мы не дѣлаемъ шума, насъ даже не слышно, а ты одна тревожишь всѣхъ. Эта угловатость манеръ неприлична, это свойство мужиковъ.

— Но развѣ я виновата, что...

— Пожалуйста, оставь привычку оправдываться. Я ее уже не разъ замѣчала въ тебѣ. Сознаніе своей вины, раскаяніе — лучшія оправданія. Въ женщинѣ должна быть покорность и покорность. Ты должна учиться принимать дѣльныя наставленія, должна дорожить ими. Время летитъ и, можетъ-быть, придетъ пора, когда я не въ силахъ буду подать тебѣ совѣтъ, протянуть руку помощи.

Скрипицына впала въ элегическій тонъ.

— Но знаете ли вы, что...

— Все, все знаю и не браню тебя. Теперь шей и будь осторожна.

Варя нахмурила брови, взглянула исподлобья на наставницу и опустила голову; въ эту минуту было ясно, что она дурная, злая дѣвочка. Ея лицо было непріятно, въ ея глазенкахъ горѣлъ зловѣщій свѣтъ.

— Что, выслушали проповѣдь? — засмѣялся кадетъ по удаленіи сестры.

Ему не отвѣчали.

— Послушайте, не дуйтесь! Будемъ друзьями.

Варя молчала, кадетъ посвистывалъ.

— Ну, хотите, я вамъ что-нибудь почитаю?

Отвѣта не было. Кадетъ еще посвисталъ и побарабанилъ пальцами, что онъ дѣлалъ весьма ловко.

— Вѣдь это отвратительно быть такой упрямой! Вы знаете, кто упрямѣе всѣхъ? Оселъ!

Варя и тутъ выдержала свой характеръ.

— Сестра правду говоритъ, что вы неразвиты. Съ вами не стоитъ и говорить. Я хотѣлъ быть вашимъ другомъ, научить васъ, какъ должно поступать, чтобы быть независимой, свободной, а вы дуетесь, какъ глупая дѣвчонка. Прочли бы сказку о томъ, какъ баба не хотѣла сказать: слава Богу, мужъ лапоть сплелъ. Тогда увидали бы, какъ нелѣпо упрямство. Оставайтесь же одна, я уйду

Digitized by Google

Въ комнатѣ только иголка щелкала по натянутому батисту.

— Прощайте, истуканчикъ!

Вечеромъ подали чай.

— Сестра, ты любишь истуканчиковъ?—спросилъ кадетъ.

— Какихъ истуканчиковъ?

— Вотъ такихъ съ кривыми ножками, съ глупенькими рыльцами, какимъ китайцы молятся.

— Фи! о какихъ гадостяхъ ты говоришь.

— О гадостяхъ! А вотъ mademoiselle хочетъ сдѣлаться похожею на нихъ.

— Какъ такъ?

— Да, она хочетъ постоянно молчать, чтобы сдѣлаться похожею на нихъ. Я о чемъ ни говорилъ съ ней, она ни на что не отвѣчала.

— Она неразвита и не понимаетъ, что это невѣжливость. Нельзя же, мой другъ, все въ минуту сдѣлать, Богъ дастъ, отучится и отъ этого. У нея жесткій и черствый характеръ, она огрубѣла въ грубой средѣ.

— Ну, да ты сдѣлаешь его мягкимъ.

— Можетъ-быть. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ хочется, чтобы онъ получилъ болѣе женственности.

Кадетъ сталъ собираться въ корпусъ.

— Дай, пожалуйста, мнѣ денегъ, сестра...

— Неужели ты въ недѣлю издержалъ пять рублей?

— Да вѣдь я же былъ вчера у...

— У кого?

— А, чортъ возьми!—смѣшался и разсердился братъ.— Ну, у кого бы ни былъ, но у меня денегъ нѣтъ!

Сестра покачала головой.

— Моя маленькая сестрица, кажется, жалѣетъ дать своему бѣдному братишкѣ на bonbons? Ну, такъ братишка и безъ нихъ обойдется,—проговорилъ кадетъ печальнымъ и замѣтно дрожавшимъ голосомъ и, поспѣшно, нервно простившись со всѣми, вышелъ изъ комнаты.

Госпожа Скрипицына вышла за нимъ въ переднюю.

— Ступай, сестра, я одинъ найду шинель,—слышался оттуда дрожащій голосъ.

— Полно, Basile, полно! —говорила маленькая сестрица.— Перестань! Ты плачешь?

— Нѣтъ!.. Ничего... Говорю тебѣ, уйди, сестра!

— У тебя голосъ дрожитъ и руки тоже.

— Нѣтъ, нѣтъ, это такъ!.. Ахъ, уйди!.. Да что же это!..

Digitized by Google

Уйди!—говорилъ братъ, стараясь высвободить свои конвульсивно дрожавшія руки и скрыть трепетавшее въ истерическихъ судорогахъ лицо.

Бѣдный! ему такъ не хотѣлось огорчить сестру и показать нервную чувствительность своей нѣжной натуры.

— Неправда, неправда, у тебя и глаза влажны. Я пошутила. Я не разсчитываю. Видитъ Богъ, я никогда не разсчитываю, я не жалѣю денегъ. Ну, перестань, поцѣлуй меня, прости!

— Сестра, сестра!—воскликнулъ бѣдный братишка и скрылъ на ея мягкой, какъ вата, груди свое взволнованное лицо.—Можетъ-быть, тебѣ теперь нужны деньги, у тебя теперь расходовъ болѣе?.. Ты добрая, великая женщина! Я понимаю это. Твой бѣдный братишка сумѣетъ тоже пожертвовать долею своихъ привычекъ... Онъ не эгоистъ... Онъ понимаетъ, что ты дѣлаешь добро...

— Ну, милый, милый мой, полно... Ахъ, онъ же мои руки цѣлуетъ! Я его оскорбила, а онъ же мои руки цѣлуетъ! Голубчикъ! Милый!

Госпожа Скрипицына дала бѣдному братишкѣ денегъ и проводила его до дверей передней.

— Чортъ возьми, какъ это все глупо!—ругался еще сильнѣе дрожавшимъ голосомъ бѣдный братишка.—Съ этими институтками безъ слезъ ничего не подѣлаешь. Кислятины онѣ этакія! Эй, извозчикъ! Только лицо все перемаралъ слезами. Хороши и слезы-то,—расхохотался онъ, вспомнивъ, изъ какого источника онѣ нашлись.

А маленькая сестрица, въ свою очередь, тоже поспѣшила осторожно, не задѣвая румянца на щекахъ, отереть слезы и прошла въ спальню. Пробывъ тамъ нѣсколько минутъ, она возвратилась къ гостю-учителю. Глаза не были красны и даже почему-то одна рѣсница побѣлѣла, какъ будто на нее упалъ легкій иней. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы въ спальнѣ Скрипицыной и притомъ въ лѣтнее время могъ быть даже легкій иней.

Въ одиннадцать часовъ, по уходѣ француза, госпожа Скрипицына пошла въ свою спальню въ сопровожденіи Вари и горничной. Варя должна была читать вслухъ французскую книгу, покуда не заснетъ наставница, такъ какъ для дѣвочки, не имѣвшей чистаго французскаго произношенія, такія чтенія должны были оказать громадную пользу, а госпожа Скрипицына, вѣрная принятымъ на себя обя-

Digitized by Google

заботамъ, заботилась о сиротѣ, какъ мать, все предвидѣла, все разсчитала.

— Вчера въ домѣ у насъ опять исторія случилась, всѣхъ жильцовъ всполошила,—говорила горничная, раздѣвая свою госпожу.

— Опять скандалъ какой-нибудь?—съ пренебреженіемъ замѣтила госпожа.

— Да еще какой! Кажется, какъ свѣтъ стоитъ, такъ такого не бывало. Портняжка, что у насъ въ домѣ живетъ, пьянъ напился по обыкновенію, ну, и сталъ жену бить, ей ужъ это не въ диво...

— Дай мнѣ другой чепчикъ, съ кружевами, знаешь,— сказала Скрипицына, конечно, нисколько не обращавшая вниманія на болтовню горничной, какъ на болтовню попугая.

— Извольте, сударыня... Вотъ сталъ онъ ее бить, а она въ слезы. «Лучше бы, говоритъ, мнѣ помереть, чѣмъ съ тобою жить! Заступиться, говоритъ, за меня некому». А на эту пору и вернись ихъ сынишка со двора. «Что ты, говоритъ, отецъ, мать-то колотишь? Натрескался»...

— Какія у тебя выраженія пошлыя, Даша!

— Право-съ, такъ и сказалъ: «Самъ, говоритъ, натрескался, а мать своими боками отдувайся! И безъ того она тщедушная, на ладанъ дышитъ, а ты ее еще заколачиваешь. Ложись! говоритъ, не то я тебѣ руки свяжу». «Какъ ты смѣешь такъ съ отцомъ разговаривать? — говоритъ портняжка. — Да я тебя въ бараній рогъ согну, убью, пасченокъ!»

— Помилуй, Даша, ты забываешься!

— Извините, сударыня!.. «Убью, говоритъ, тебя!» «Ну, это еще старуха на-двое сказала»,—говоритъ сынъ. Отецъ на него замахнулся, а онъ, какъ взялъ его за обѣ руки, скрестилъ ихъ, да такъ его, раба Божія, и положилъ на кровать. «Лежи, говоритъ, пока не отрезвишься, не то къ кровати привяжу». И вѣдь, говорятъ, до трехъ часовъ ночи это онъ просидѣлъ на отцовской кровати и продержалъ его руки. Такъ тотъ и уснулъ. Ну, сегодня проспался, въ ногахъ у жены валяется, благодѣтельницей ее своею называетъ, у сына прощенья проситъ. Тотъ уѣхалъ на цѣлый день на лодкѣ кататься... Вотъ разбойникъ-то растетъ, ужъ не уйти ему отъ висѣлицы, помяните мое слово.

— Пожалуйста, не передавай мнѣ этой грязи. Что мнѣ за дѣло до этихъ исторій? Ступай!

— Прикажете этотъ чепчикъ спрятать?

Digitized by Google

— Нѣтъ, онъ на мнѣ неловко сидитъ, мнѣ его не надо.

— Такъ неужели же бросить такой миленькій чепецъ?

— Возьми себѣ, если онъ такъ хорошъ.

— Ахъ, Господи, благодарствуйте! Вотъ ужъ не ожидала. Недаромъ у меня бѣленькое пятнышко на ногтѣ всю недѣлю было. А я-то думала: ну, ужъ обманетъ, не откуда подарка получить.

— Какъ ты наивна! Ты еще вѣришь этимъ дѣтскимъ примѣтамъ!

— Ахъ, сударыня, да какъ же имъ не вѣрить? вотъ и теперь вышла правда. Впрочемъ, у васъ и примѣтъ никому не нужно, вы всѣмъ мать родная, только всѣ ли это цѣнить-то будутъ,—вздохнула Даша, совершенно случайно взглянувъ на Варю.

— Ты добрая дѣвушка, Даша!—сообразила Скрипицына.—Прощай!

— Покойной ночи, пріятнаго сна!

Варя начала читать, смутно понимая содержаніе перваго читаемаго ею романа. Это былъ не Шатобріанъ, а Польде-Кокъ, лежавшій не въ гостиной, а въ спальнѣ.

— Читай, дитя мое, не такъ громко. Вообще пріучайся говорить и читать, не торопясь и не возвышая голоса. Въ обществѣ это не принято. Вообрази, если бы сошлось двадцать человѣкъ въ комнатѣ, и всѣ начали бы говорить скоро и громко—изъ этого вышла бы жидовская школа, базаръ. Это нервы раздражаетъ.

Подъ тихое чтеніе Вари нервы госпожи Скрипицыной не раздражались, но успокоились, и она уснула сладкимъ сномъ ребенка или чистаго, безгрѣшнаго существа, какимъ она была, какъ видитъ читатель, на самомъ дѣлѣ, а Варя, увидавъ, что слушательница уснула, опустила книгу на колѣни и впервые серьезно задумалась о своемъ положеніи. Она, что ясно видно изъ разсказа, была, повидимому, тупоумна и принадлежала къ разряду тѣхъ дѣтей, которыхъ съ негодованіемъ назвалъ мнѣ генералъ Воиновъ мерзавцами и негодными, дрянными вѣтряными мельницами. «Вы заступаетесь въ своемъ Шуповѣ,—грозно внушалъ онъ мнѣ,—за эту дрянь, вертящуюся въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ. Ваши любимые герои, попавъ въ среду разбойниковъ, не думаютъ вести благонамѣренную жизнь, а готовы сами сдѣлаться разбойниками. Заступаться за такихъ лицъ, милостивый государь, безнравственно, вы кладете этимъ, милостивый государь, пятно на себя.» Я согласился съ мнѣніемъ

Digitized by Google

генерала Воинова и возненавидѣлъ бы эту вѣтряную мельницу, Варю, если бы наблюдателю-романисту было позволено ненавидѣть и преслѣдовать кого бы то ни было (хоть бы даже самихъ васъ, генералъ Воиновъ) въ своихъ романахъ. Въ головѣ этой вѣтряной мельницы, Вари, роились весьма непохвальныя мысли. Она не чувствовала умиленія, глядя на свою спящую благодѣтельницу, не чувствовала благоговѣнія къ ея бѣдному братишкѣ за его попытку развить сироту, не чувствовала занимательности разсказа горничной и романа Поль-де-Кока и уносилась мысленно въ грязную квартиру необразованной, иногда попахивавшей водкою Игнатьевны, не ощущая ни малѣйшаго отвращенія къ грязи и необразованности и ни малѣйшей привязанности къ блеску и благовоспитанности. Вставъ со стула, она приподняла свѣчу такъ, что лучи упали на лицо спавшей женщины и озарили его вполнѣ. Румянецъ на лѣвой щекѣ этого существа, лежавшаго во время чтенія на лѣвомъ боку, и черная полоска на мѣстѣ лѣвой брови исчезли безъ всякаго слѣда и остался румянецъ и черная бровь только на правой сторонѣ, что, при содѣйствіи жиденькихъ волосъ, заплетенныхъ въ тощія косички, при остромъ носѣ, придавало дѣйствительно довольно потѣшный и оригинальный видъ госпожѣ Скрипицыной: дѣвочка съ непріятной насмѣшливостью улыбнулась и пошла изъ комнаты. Въ ея лицѣ было что-то ядовитое и вмѣстѣ съ тѣмъ неудержимо-веселое, торжествующее. Она мелькомъ взглянула на себя въ зеркало, впервые улыбнулась своему юному личику и легла спать. Черезъ полчаса къ ней подошла возвратившаяся отъ родныхъ жиденькая гувернантка и напечатлѣла третій поцѣлуй на ея щеку.

«Очень мнѣ нужны твои поцѣлуи!» съ пренебреженіемъ подумала еще не спавшая Варя, и, вспомнивъ, что ея подруги зовутъ жиденькую гувернантку «медовой сосулькой», раздражительно отерла щеку.

Варя, Варя, то ли ты думала три дня тому назадъ? Знала ли теперь ты, что ты надолго, можетъ-быть, навсегда, по своей волѣ прогоняешь отъ себя свои свѣтлые сны?

IV.

Жизнь Вари и ея Трезора въ школѣ большого дома.

Варѣ, какъ дѣвочкѣ неразвитой и уже освоившейся съ будничною жизнью въ жилищѣ необразованной Игнатьевны, было неловко въ болѣе изящномъ и праздничномъ домѣ

Digitized by Google

благодѣтельницы. Ее подавлялъ братъ Скрипицыной своею благородною воинственностью и взглядомъ на всѣхъ окружающихъ, какъ на осажденныхъ или покоренныхъ враговъ. Конечно, воинственность болѣе пригодна въ военную пору, но она требуетъ, какъ и всѣ другія качества, постоянной практики и въ мирное время, такъ какъ иначе война можетъ застать врасплохъ неосмотрительнаго воина. Значитъ, братъ Скрипицыной былъ правъ въ своемъ поведеніи. Варю подавляла госпожа Скрипицына своимъ высокимъ, сопряженнымъ съ горечью развитіемъ, своимъ сознаніемъ собственнаго превосходства надъ окружающими, своими кроткими, но, тѣмъ не менѣе, длинными и подавляющими рѣчами, своими воспоминаніями о Дикобразовыхъ и пожатыхъ во время институтскихъ баловъ лаврахъ. Варю подавляла бойкая Даша своею смѣтливостью, говорливостью, своею способностью извиваться мелкимъ бѣсомъ, дѣлать тонкіе, но колкіе намеки на «неблагодарность нѣкоторыхъ людей», своею манерой говорить: «Всѣ ли будутъ цѣнить васъ, сударыня?»—и въ это время случайно бросать взглядъ на Варю, какъ будто Варя похожа на отогрѣваемую за пазухой змѣю. Варю подавляли ея подруги, глядѣвшія свысока и имѣвшія полное право такъ глядѣть на даровую ученицу, могущую ради выслуги сплетничать на нихъ, хотя еще и удерживавшуюся отъ сплетенъ. Подавляли ее рѣзные перламутровые ножички, могущіе хрустнуть въ рукѣ при разрѣзываніи книгъ; подавляли книги въ богатыхъ переплетахъ, падавшія иногда на полъ и мявшіяся во время паденія; кушетки, столы, ковры, стѣны, все, все подавляло Варю, все блестѣло, сверкало и даже грязный, ничѣмъ, кромѣ своей наглости, не блестѣвшій мясникъ, ворвавшійся однажды въ комнату Скрипицыной, стучавшій грязными сапожищами, сморкавшійся въ запачканный кровью передникъ и требовавшій уплаты долга,—даже этотъ мясникъ подавилъ Варю, взглянувъ на нее злобными глазами. Варя почему-то вдругъ поняла изъ этого взгляда, что и онъ, и лавочникъ, и дворникъ, и вся улица, и весь городъ знаютъ, что она живетъ даромъ у Скрипицыной, что, можетъ-быть, изъ-за нея Скрипицына не можетъ свести концовъ съ концами и все больше и больше входитъ въ долги,—и Варю, эту глупую, бездушную, вѣтряную мельницу, стали подавлять всѣ встрѣчные...

Случалось ли вамъ, читатель, въ дѣтствѣ, послѣ того, какъ ваша добрая мамаша, разсерженная неудачно спи-

Digitized by Google

тымъ платьемъ, очень, очень неудачно сшитымъ, потрепала васъ за ухо и сказала, что она пожалуется на васъ вашему доброму папашѣ, а добрый папаша, возвратившійся изъ должности, сердитый на своего писаря, услышалъ эту угрозу и, не требуя никакихъ объясненій, не дѣлая никакихъ справокъ, пребольно высѣкъ васъ,—случалось ли вамъ послѣ подобной исторіи дать сильный пинокъ ногою вашему любимому Трезору, всегда лизавшему ваши руки, катавшему васъ на своей лоснистой спинѣ? Помните, какъ Трезоръ поджималъ хвостъ, цѣлый день былъ грустенъ, и съ особенною нѣжностью лизалъ ваши руки, съ особенною осторожностью каталъ васъ, когда вы снова подзывали его къ себѣ? И послѣ каждаго подобнаго случая Трезоръ становился все нѣжнѣе и нѣжнѣе, дошелъ, наконецъ, до той нѣжности, что вздрагивалъ и прислушивался къ каждому шороху во время вашего сна, а тебя, другъ мой, Тоня, даже спасъ изъ омута твой вѣрный Трезоръ. Кстати, Тоня, гдѣ онъ находится съ тѣхъ поръ, какъ ты по расчету женился на перезрѣлой дѣвѣ, чаще цѣлующей свою слезливую Контеску, чѣмъ тебя? Не твоего ли Трезора, голоднаго, обкусаннаго другими собаками, протащили на-дняхъ фурманщики?..

У Вари, подавленной всѣми, не было Трезора, но у нея была жиденькая гувернантка, и Варя сдѣлала ее своимъ Трезоромъ.

— Подите вы со своими конфетами! Меня при гостяхъ разбранили, попрекнули, какъ нищую, а вы съ конфетами суетесь! Очень мнѣ онѣ нужны!—давала Варя свой пинокъ вѣрному Трезору, и Трезоръ грустно отходилъ прочь, вздыхалъ и зорко слѣдилъ за всѣми поступками Вари, ловилъ, какъ сбѣгали одна за другою тѣни злобы съ молодого лица, и, привѣтствуя сильнымъ біеніемъ сердца первый лучъ свѣта въ дѣтскихъ выглядывавшихъ исподлобья глазенкахъ, ждалъ, что вотъ-вотъ подойдетъ Варя и, шутя, спроситъ у своего Трезора:

— А что, конфеты-то вы кому-нибудь другому отдали?

— Нѣтъ, голубчикъ, нѣтъ! Вотъ онѣ,—слышался отвѣтъ.

Какъ сильно, сильно билось въ эти минуты сердце Варинаго Трезора!..

Есть особый разрядъ людей, способныхъ безкорыстно,—впрочемъ, тутъ о корысти не можетъ-быть и рѣчи,—сдѣлаться чьими-нибудь Трезорами. Это существа бѣдныя, некрасивыя собою, одинокія; они столько терпѣли, не встрѣчая ни въ комъ любви, что имъ стало больно ненавидѣть кого

Digitized by Google

бы то ни было; первая вспышка ненависти потухаетъ въ нихъ при мысли, что, можетъ-быть, и этотъ, вызывающій ненависть, человѣкъ сдѣлался такимъ дурнымъ вслѣдствіе недостатка любви въ ближнихъ, и ненависть смѣняется въ Трезорахъ жалостью, «дурной» человѣкъ получаетъ у нихъ названіе «несчастнаго» человѣка. Рѣзкихъ сужденій вы отъ нихъ не услышите; они, пожалуй, разойдутся съ дурными людьми, но обвинять будутъ все-таки только себя за свою черствость, за неумѣнье прощать. Не знаю, нужные ли это для жизни, умные ли это люди, но я самъ не разъ состоялъ въ должности Трезора при иномъ дрянномъ созданьицѣ, и потому могу сказать одно то, что это грустная роль и много нужно любить и перестрадать, чтобы дойти до нея. Ольга Васильевна, «жиденькая гувернантка» или, еще проще, «медовая сосулька», долго напрашивалась на роль чьего-нибудь Трезора. Сначала она привязалась къ Скрипицыной, «сочувствуя горечи ея рѣчей», но ей почему-то не понравились отношенія Скрипицыной къ учителю-французу, а Скрипицыной показалась неприличною дружба съ гувернанткою, получавшей отъ нея жалованье. Отношенія сдѣлались холодными. Потомъ Ольга Васильевна пробовала каждое воскресенье привозить дѣтямъ гостинца и «ласкать самыхъ слабыхъ и самыхъ бѣдныхъ» воспитанницъ пансіона, но одна бѣдная воспитанница украла у нея брошку, другая слабая воспитанница пришпилила ей къ платью билетъ съ позорною надписью, третья назвала ее медовою сосулькою, и пансіонъ утвердилъ кличку. Вслѣдствіе этого прозвища Ольга Васильевна выслушала замѣчаніе Скрипицыной:

— Что это такое?—воскликнула, по-французски, Скрипицына.—Какъ васъ называютъ?

— Развѣ это моя вина?—оправдывалась тоже по-французски Ольга Васильевна.

— Ну, а если Дикобразовъ или кто-нибудь другой изъ моихъ родныхъ пріѣдетъ и увидитъ это слово на доскѣ,—что онъ скажетъ? Вы подумайте, что онъ скажетъ!—произнесла Скрипицына, забывъ, что ея родственники не посѣщаютъ ея школы.

— Но развѣ это я выдумала?—вздохнула Ольга Васильевна.

— Чтобы я этого не слыхала больше!—рѣшила Скрипицына.

Ольга Васильевна расплакалась, и съ этого дня ей было болѣе прилично названіе «пансіонской тряпки», чѣмъ медовой

Digitized by Google

сосульки, такъ какъ ею помыкали всѣ, и она давала дѣтямъ конфеты, чтобы они не дразнили ее, не писали ея прозвища на доскахъ. Всѣ продолжали шумѣть, когда она появлялась въ классѣ. Если какая-нибудь работа была невѣрно сдѣлана, то всѣ говорили, что такъ велѣла сдѣлать Ольга Васильевна, и Скрипицына, чтобы показать дѣтямъ свою строгую и честную справедливость, дѣлала при нихъ же выговоръ гувернанткѣ. Послѣ одного изъ подобныхъ выговоровъ Ольга Васильевна собрала свои вещи и хотѣла тайкомъ уѣхать отъ Скрипицыной, желая избѣжать ссоры. Послѣднее слово для Ольги Васильевны было такъ же страшно, какъ слово «жупелъ» для одной изъ героинь Островскаго. Она готова была десять верстъ пѣшкомъ пройти, по городу босикомъ пробѣжать, только бы спастись отъ ссоры. Она нерѣдко оставляла мѣста, не получивъ жалованья, и радовалась, что сумѣла-таки схитрить, избѣжать ссоры, не заикнувшись о деньгахъ. Теперь она радовалась, пробираясь изъ спальни съ чемоданчикомъ, чтобы передать его потихоньку дворнику, но вдругъ ее поразилъ голосъ:

— Что это вы?—спросила Скрипицына, явившись въ спальню совершенно случайно, такъ какъ сборы гувернантки были подсмотрѣны только Дашею.

— Иду къ... въ классъ,—пробормотала Ольга Васильевна.

— Съ чемоданомъ?—изумилась Скрипицына.

Ольга Васильевна покраснѣла до волосъ, провела въ воздухѣ рукою и проговорила:

— Это... это я въ разсѣянности!..

— Помилуйте, какой примѣръ подаете вы дѣтямъ, мой другъ? По разсѣянности идете съ чемоданомъ въ классъ! Хорошо еще, что я васъ остановила, душа моя. Вы и безъ того такъ мало внушили къ себѣ уваженія, а тутъ еще чемоданъ! Да вамъ бы проходу не было отъ насмѣшекъ!

«Сейчасъ поссоримся!»—ужаснулась Ольга Васильевна, чувствуя, что ее до глубины души оскорбили и возмутили слова содержательницы пансіона, что у нея самой готово вырваться рѣзкое слово упрека, и прошептала:

— Благодарю васъ!

— Помилуйте, я васъ такъ люблю! Вы знаете, какъ я забочусь о васъ, какъ я стараюсь внушить дѣтямъ любовь къ вамъ. Я хочу помощницу вамъ взять, облегчить вашъ трудъ... Видитъ Богъ, что я не виновата, если дѣти болѣе уважаютъ меня. Вы слабы, мой другъ, съ ними, вы не имѣете этой, этой dignité, которая нужна въ наставницѣ.

Digitized by Google

Но все же я васъ люблю... Вы, можетъ-быть, сердитесь, что я не могла отдать вамъ жало...

— Ради Бога, ради Бога, не думайте этого!—воскликнула Ольга Васильевна.

— Доброе созданье!—трогательнымъ тономъ произнесла Скрипицына.

Она была очень мягка въ послѣднее время вообще и особенно въ этотъ день.

«Не поссорились!»—обрадовалась Ольга Васильевна и заплакала отъ радости, горячо благодаря Скрипицыну и сознавая, что Скрипицына могла бы поссориться съ нею, выгнать ее, конечно, заплативъ ей за годъ жалованье. Но что значатъ эти деньги передъ ужасомъ ссоры? И стала ли бы ласкать ее изъ-за нихъ прямодушная Скрипицына? Это событіе случилось какъ разъ въ тотъ день, когда въ домъ Скрипицыной поступила на житье Варя. Трауръ, печаль, беззащитность, сиротство были достаточными причинами для того, чтобы Ольга Васильевна сдѣлалась Варинымъ Трезоромъ. Мы видѣли, что Варя не очень гналась за поцѣлуями Ольги Васильевны, но Ольгу Васильевну ставало не на одни поцѣлуи. Въ сороковой день послѣ смерти своего отца Варя захотѣла посѣтить его могилу.

— Помилуй, не одной же тебѣ идти туда,—сказала Скрипицына.—Ты можешь помолиться за душу отца въ любой церкви.

— Я попрошу Дашу сходить со мной на кладбище,—сказала Варя.

— Нѣтъ, барышня, мнѣ некогда-съ,—отвѣтила Даша.

— Я свезу ее туда,—вмѣшалась Ольга Васильевна.

— Для чего? Это прихоть. Ей погулять хочется, а не молиться. Молиться она можетъ вездѣ,—замѣтила разсудительная наставница.

— Но вѣдь и вамъ дорога могила вашего отца,—чрезвычайно просто и кротко произнесла Ольга Васильевна.

Скрипицына посмотрѣла на нее удивленными глазами и какъ-то разсѣянно промолвила:

— Поѣзжайте... я не держу васъ...

Даша стала что-то разсказывать своей госпожѣ, когда уѣхали Варя и Ольга Васильевна, но госпожа выслала ее вонъ и долго, долго ощипывала какіе-то листочки съ цвѣтовъ; въ ея головѣ вертѣлись, Богъ знаетъ почему, слова жиденькой гувернантки... «Дорога могила отца»,—шептала она, въ раздумьи качая головой...

Digitized by Google

На кладбищѣ Варя встрѣтила всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ и очень обрадовалась имъ. Ей какъ-то легко дышалось въ этотъ день.

— Давно, давно, моя голубка, мы тебя не видали,— говорила Игнатьевна, цѣлуя Варю.—Хоть бы глазкомъ взглянуть на тебя хотѣлось.

Варя вздохнула.

— А я тебя каждую ночь видѣлъ,—шепнулъ ей Ардальонъ.

— Во снѣ?—тоже шопотомъ спросила Варя.

— Нѣтъ, я каждый вечеръ ждалъ, когда ты пройдешь со свѣчой по комнатѣ книжку читать мадамѣ,—едва слышно произнесъ онъ и покраснѣлъ до ушей.

Варя задумчиво посмотрѣла на могилу отца и снова о чемъ-то вздохнула.

— Это новое платьице на тебѣ?—освѣдомилась Акулина Елизаровна.—Поди-ка, по сороку копеекъ за аршинъ плочено, за барежъ-то?

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнула маіорская дочь.—Это барежъ-крепе, шестьдесятъ копеекъ аршинъ стоитъ, никакъ не меньше!

— Ну, что бы тамъ ни стоилъ, а ужъ я ей по гробъ не прощу, что она тебя къ намъ не пускаетъ,—сказала злопамятная Игнатьевна.

— Ахъ, она благодѣтельствуетъ!—раздалось восклицаніе маіорской дочери.

— Пошли ей Господь здоровья! — умилилась Акулина Елизаровна.—Вотъ она тебя выучитъ всему, жениха тебѣ богатаго найдетъ...

Варя молчала и, кажется, не слышала глубокихъ соображеній бѣдныхъ женщинъ. Начались толки о былomъ житьѣ-бытьѣ, о Семенѣ Мартыновичѣ, о дороговизнѣ говядины, о смертности человѣка, о попѣ, долго неидущемъ служить панихиду; наконецъ, пришелъ и онъ, пропѣлъ вѣчную память, всѣ поплакали и пошли. Одинъ Ардальонъ безучастно смотрѣлъ на все и слушалъ толки. Онъ тихонько дернулъ Варю за платье, когда всѣ пошли съ могилы, и остановилъ ее на этомъ мѣстѣ.

— Ты, Варька, ни за кого не выходи,—проговорилъ онъ и потупилъ глаза.

— Что?

— Ты, говорю я,—ни за кого замужъ не выходи, потому что я женюсь на тебѣ.

Digitized by Google

Въ дѣтскомъ голосѣ Ардальона было столько застѣнчивой любви и мягкой грусти, что Варѣ вдругъ вспомнилось все, все прошедшее, всѣ игры съ отцомъ и Ардальономъ, всѣ долгіе вечера за чтеніемъ волшебныхъ сказокъ съ заключенными царевнами, всѣ ласки, давно невѣдомыя ей. Изъ ея глазъ впервые въ этотъ день хлынули горькія, неудержимыя слезы, она припала къ землѣ. Ардальонъ наклонился, на лету поцѣловалъ ее въ щеку и хотѣлъ бѣжать, испугавшись своей смѣлости, но Варя торопливо схватила его за рукавъ, притянула къ себѣ и съ быстротой молніи нѣсколько разъ крѣпко поцѣловала его испуганное личико. Ея глазенки блестѣли какою-то отвагою и силой.

— Вонъ наша парочка идетъ, — сказала Игнатьевна своимъ спутницамъ, встревоженнымъ по случаю отсутствія дѣтей.—Женихъ съ невѣстой.

— Ну, мой Ардальоша бѣденъ, ему богатую нужно,—сообразила Акулина Елизаровна.

— И Варя не пойдетъ за бѣднаго; съ ея образованіемъ можно сдѣлать блестящую партію, — вступился Трезоръ за Варю.

— Ахъ, нѣтъ, они оба благородные, они могутъ обвѣнчаться только по страсти!—прекратила маіорская дочь первую стычку Акулины Елизаровны съ Ольгой Васильевной.

Эти двѣ кроткія, простыя женщины не могли предвидѣть будущаго, какъ не предвидитъ его и читатель, повидимому, умѣющій сообразить все, что можетъ произойти въ русской жизни и въ русскомъ романѣ. И слава Богу, что будущее было неизвѣстно, иначе оно ужаснуло бы бѣдныхъ женщинъ и заставило бы ихъ съ ненавистью отшатнуться другъ отъ друга, для читателя же романъ потерялъ бы половину своего интереса.

Возвратившись домой, Ольга Васильевна обѣщала Варѣ ѣхать съ нею на кладбище въ день, когда совершится полугодіе смерти Семена Мартыновича, и Варя стала мечтать объ этомъ днѣ, какъ о предстоящемъ великомъ праздникѣ. Въ привязанности къ ней необразованныхъ обитательницъ ленныхъ владѣній Игнатьевны было для ребенка что-то неизъяснимо отрадное. Эта мечта о свиданіи съ бѣдными женщинами занимала Варю долго; выѣзды съ Скрипицыной въ театры и на парадные визиты только на время заставляли дѣвочку забыть свою любимую мечту, но они не заставляли ее ни на минуту забыть о томъ, что въ одно изъ оконъ ленныхъ владѣній каждый вечеръ смотритъ на нее

Digitized by Google

Ардальонъ, и она почти всегда, проходя по комнатѣ, дружески кивала ему головой, хотя и не могла видѣть, стоитъ ли онъ у окна или нѣтъ. Въ этомъ дружескомъ ежедневномъ поклонѣ невидимому другу было нѣчто поэтическое, граціозное, какъ граціозна дѣтская любовь. И если невидимое существо обладало чуткимъ, понимающимъ сердцемъ, то оно могло каждый день по поклону, по жесту Вари угадать ея настроеніе. Настроеніе угадывалось, невидимое существо очень часто бывало озабочено, убѣдясь, что Варя провела тотъ или другой день дурно. Объ этихъ тревогахъ, за неимѣніемъ другихъ повѣренныхъ, оно передавало своему товарищу Порфирію Приснухину.

— Варьку сегодня разобидѣли,—грустно качало головой невидимое существо.

— А ты почему знаешь?—спрашивалъ Порфирій.

— Она плакала, когда мы видѣлись съ ней сегодня,—отвѣчало невидимое существо.

— Погань должна быть эта Скрипицына!—выражалъ на своемъ подворотномъ жаргонѣ Приснухинъ.

— Можетъ-быть и не она обидѣла Варьку, а кто-нибудь другой. Она благодѣтельница!—сомнѣвалось доброе невидимое существо, напоминая своимъ голосомъ Акулину Елизаровну.

— Гляди ей въ зубы-то! Благодѣтельница! Она вонъ ее вмѣсто холопки держитъ, заставляетъ книжки себѣ читать, уроки у дѣтей спрашивать, въ комнатахъ прибирать...

— Тебѣ кто это сказалъ?

— Даша косолапая говорила.

— Ты развѣ съ нею знакомъ?

— Давно она около меня подхалимничаетъ,—съ пренебреженіемъ отозвался шестнадцатилѣтній Порфирій.—«Я вамъ говоритъ, Порфирій Александровичъ, если не побрезгуете, манишечку подарю». А на кой чортъ мнѣ ея манишечки? Нищій я, что ли?

— Она тебя любитъ вѣрно,— съ участіемъ рѣшило невидимое существо.

— Вотъ какъ молоко на губахъ обсохнетъ, тогда и будемъ объ любви толковать.

— А вотъ я люблю Варю,—грустно сказало невидимое существо.

— Это не то! Ты, братъ, ни въ чемъ ни уха, ни рыла не смыслишь!—рѣшилъ Порфирій и махнулъ какъ-то безнадежно рукою.

Digitized by Google

Порфирій Приснухинъ былъ правъ относительно занятій Вари въ домѣ Скрипицыной. Мы видѣли, что на второй же день послѣ своего поступленія въ этотъ домъ Варя заняла при благодѣтельницѣ мѣсто чтицы. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на нее возложили долю обязанностей по дѣлу убиранія классныхъ комнатъ и стиранія пыли съ бездѣлушекъ въ кабинетѣ содержательницы школы. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ и Варѣ поручили спрашивать уроки у ученицъ меньшаго класса и смотрѣть за порядкомъ.

— Ты должна, дитя мое, пріучаться къ труду,—говорила добрая Скрипицына.—Теперь, твой трудъ—игра, ты не утомляешься, не трудишься изъ-за куска хлѣба, не заботишься о необходимыхъ для жизни вещахъ, у тебя все есть въ избыткѣ; но, играя въ трудъ, если можно такъ выразиться, ты все же привыкаешь къ нему, втягиваешься въ него. И въ этомъ-то я вижу громадную пользу для тебя.

Варя цѣловала руку наставницы и—хитрая, неблагодарная дѣвочка—думала: «Господи, скоро ли она уснетъ сегодня! Мнѣ еще нужно чернила разлить въ классныя чернильницы для завтрашняго дня».

— Вонъ наша горничная пришла,— шептались, между тѣмъ, дѣвочки при входѣ Вари въ классъ.

— Крылова, здѣсь пыль не сметена!—кричали ей болѣе смѣлыя.

— Сметите ее сами, если не сметена,—отвѣчала Варя и блѣднѣла.

— Мы не горничныя!

— И я не горничная.

— Ты обязана смотрѣть за порядкомъ, тебя для этого держатъ здѣсь,—отвѣчали дѣвочки въ чаду глубокихъ соображеній.

Варя спокойно подходила къ доскѣ и еще спокойнѣе записывала на нее фамиліи досаждавшихъ ей подругъ. Въ ея спокойствіи было что-то роковое: такъ, стиснувъ зубы, старается быть спокойнымъ человѣкъ, переносящій мучительную операцію.

— Что это ты насъ записываешь?—кричали подруги.

— Я должна за порядкомъ смотрѣть, меня для этого держатъ здѣсь,—сухо отвѣчала Варя, и только въ ея глазенкахъ сверкала злоба.

— А, ты думаешь, что насъ накажутъ изъ-за тебя? Такъ нѣтъ же, не накажутъ! Горничная, горничная! — кричали возмутившіяся подруги, видя, къ чему привели высказан-

Digitized by Google

пыя ими глубокія соображенія насчетъ обязанностей Вари.

Варя, безмолвная, какъ статуя, сидѣла у доски и ждала, когда скрипнетъ дверь, и войдетъ учитель. Дверь отворялась, учитель входилъ, и начиналось разбирательство. Иногда Варя, пристыженная и униженная, должна была собственноручно стирать съ доски имена, записанныя ею.

— Что взяла? что взяла?—шептали ей подруги.—Дрянь, туда же хочетъ, чтобы изъ-за нея наказывали! Фискалка!

Въ одинъ изъ такихъ дней въ классъ вошелъ учитель-французъ. Его обожалъ весь старшій классъ... Видѣли ли вы когда-нибудь этихъ милыхъ, завитыхъ, припомаженныхъ учителишекъ, которые радуются, что ихъ «обожаютъ» ученицы! Это преинтересные субъекты. Они изысканно одѣваются, даже часто шьютъ себѣ платье въ долгъ у Шармера, они нѣжно и элегантно обходятся съ воспитанницами, любезно благодарятъ послѣднихъ, когда тѣ ставятъ имъ на каѳедру лимонадъ или подсовываютъ богато переплетенные учебники, въ листки которыхъ вложены страстныя записочки. Эти учителишки не краснѣютъ, когда при появленіи ихъ раздается: «Душка Жадовъ!» «Мимишка Купидоновъ!» «Киска Телушкинъ!» или звучатъ другія, еще болѣе глупыя, прозвища. Они ничего и никогда не сдѣлаютъ, чтобы прекратить этотъ публичный скандалъ и показать ученицамъ, что они сошлись здѣсь не для романтическаго развратца, а для болѣе великихъ цѣлей. Кончаютъ они тѣмъ, что раздражатъ свою дрянную натуришку до крайности, увлекутъ какую-нибудь изъ выпускныхъ ученицъ за предѣлы романтизма, женятся на ней и на другой день послѣ свадьбы слышатъ, какъ остальныя обитательницы пансіона кричатъ вслѣдъ имъ: «Бяшка Жадовъ!» «Фифишка Купидоновъ!» «Мовешка Телушкинъ!» Этихъ дрянныхъ, хотя и типичныхъ созданьицъ безчисленное множество, отъ этихъ личностей отворачиваемся не только мы, но отворачиваются отъ нихъ даже ихъ обожательницы, какъ только удастся этимъ обожательницамъ выйти на свѣтъ Божій. Скажите любой матери семейства при ея дѣтяхъ, что она когда-то, закатывая подъ лобъ глазки, называла Купидонова «киской» и «бяшкой»—и она покраснѣетъ отъ стыда до ушей... А Купидоновъ? Э, да его и теперь еще зовутъ «бяшкой!..» Къ разряду такихъ людей принадлежалъ и monsieur Davoust. Его обожали всѣ, начиная съ Скрипицыной, не умѣвшей во всю свою жизнь оторваться отъ старыхъ привычекъ.

— Monsieur Davoust, Крылова насъ напрасно записала,—

Digitized by Google

кричали въ описываемый день учителю его обожательницы.— Она не за порядкомъ смотритъ, а только сплетничаетъ!

Даву съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Варю и сказалъ ей:

— Сотрите съ доски, что вы тамъ намарали.

— Потрудитесь ихъ наказать,—твердо отвѣтила Варя.

— Вы меня учить хотите?—насмѣшливо спросилъ отставной куаферъ.—Дѣлайте то, что вамъ приказываютъ.

Варя стерла съ доски имена виновныхъ. Дѣвочки торжествовали и посмѣивались.

— Вотъ такъ-то лучше,—сказалъ Даву.—Теперь ступайте на мѣсто.

Варя пошла.

— Куда же вы идете? Я вамъ велѣлъ на ваше мѣсто сѣсть,—сказалъ Даву.

— Я иду къ mademoiselle,—отвѣтила Варя дрожащимъ отъ злобы голосомъ.

— Ябедничать хочетъ,—послышались голоса.

— Оставайтесь здѣсь,—произнесъ Даву.

— Мнѣ нужно отдать ей это письмо,—сказала Варя и показала изъ кармана клочокъ какого-то письма.

Даву вспыхнулъ и вскочилъ со стула.

— Подайте сюда эту бумажку!—крикнулъ онъ.

Варя разсмѣялась злымъ и непріятнымъ смѣхомъ и взялась за ручку двери.

— Какъ вы смѣете чужія письма брать? Вы знаете, что это шпіонство, подлость, за такіе поступки плохо расправляются съ людьми,—удержалъ Варю за руку учитель.

— Я ничего не знаю. Но mademoiselle имѣетъ право читать все, что приносятъ съ собой ученицы въ классъ, и она велѣла мнѣ смотрѣть за порядкомъ. Я это и дѣлаю,—отвѣтила Варя.

— Что же вы хотите этимъ сдѣлать?—спросилъ Даву.

— Я хочу, чтобы онѣ,—Варя указала на провинившихся подругъ:—простояли весь классъ на колѣняхъ.

Даву исполнилъ желаніе Вари. Дѣвочки не хотѣли повиноваться; произошла довольно живая сцена. Варя усмѣхалась, слыша плачъ и угрозы ученицъ. Даву проповѣдывалъ ей, какъ не хороша ея мстительность, какъ мало въ ней женственности, но она была совершенно спокойна, точно ея сердце было совсѣмъ испорчено жизнью. Вечеромъ, съ раскраснѣвшимся отъ злобы и волненія личикомъ, она передавала подробности этой исторіи Ольгѣ Васильевнѣ.

Digitized by Google

— Варя, Варя, зачѣмъ ты такая злая!—прервала ее кроткимъ голосомъ Ольга Васильевна.

Варя вдругъ задрожала и разрыдалась.

— О чемъ это, дитя мое, милая моя? — испугалась Ольга Васильевна, не ожидавшая такого перехода отъ торжества къ слезамъ.

— Если бы вы были въ классѣ, я не сдѣлала бы этого.— всхлипывала Варя.—А онъ и онѣ сами такіе гадкіе...

Ольга Васильевна взяла обѣими руками голову Вари и поцѣловала ее въ лобъ.

— При васъ я добрая... Вы меня и бранить можете... Я васъ послушаюсь,—рыдала Варя на груди своего Трезора.—А они злые, они дурные, они не смѣютъ меня учить... Я на зло имъ буду злою... Я лучше ихъ!..

Ольга Васильевна растерялась отъ изумленія. Она вполнѣ сознавала, что Варя лучше всѣхъ людей въ мірѣ, она была готова трубить объ этомъ всему городу, даже присягнуть въ этомъ, но будь она сама на мѣстѣ Вари, то ей никогда бы не пришло и на мысль сказать про себя, что она лучше кого-нибудь. Варя же сказала это про себя и въ этой-то чертѣ характера впервые высказалось ясно, что изъ Вари выйдетъ не второй экземпляръ Ольги Васильевны, а нѣчто совершенно другое, новое. Не будь этой черты въ характерѣ Вари, узнавшей въ дѣтствѣ, что и ее могутъ любить и цѣнить близкіе люди, и она, можетъ-быть, сама сдѣлалась бы жиденькою гувернанткою, медовою сосулькою и никогда ничѣмъ не изумила бы своего Трезора, никогда не разошлась бы съ нимъ. Долго думала Ольга Васильевна о послѣднихъ словахъ Вари, о томъ, что дурные не могутъ учить хорошихъ, и что хорошіе, на зло дурнымъ, могутъ поступать дурно.

— Да развѣ есть дурные люди? всѣ они такіе несчастные, — разсуждала Ольга Васильевна.—Но, можетъ-быть, я сама нехорошая, оттого я такъ и думаю. Можно ли, слѣдуетъ ли Варѣ слушаться меня? И что я могу ей посовѣтовать? Я такая глупая. Варя, одна только Варя умѣетъ обращать мои глупыя слова въ умныя, потому что она сама умная и добрая. Отчего же ей и не сознаваться, что она лучше другихъ? А я еще хотѣла ее побранить за это! Вотъ глупая-то, глупая я!

Digitized by Google

V.

Комедія жизни, по обыкновенію, оканчивается драмою смерти.

Тяжело возиться съ дѣтьми! Это мы всѣ знаемъ не только по слухамъ, но и по опыту, такъ какъ каждый изъ насъ, по добротѣ своей души, или воспитывалъ какого-нибудь пріемыша-бѣдняка, употребляя его на посылки, или былъ опекуномъ богатыхъ сиротъ, забывая изъ любви къ нимъ свой домъ, свою жену и своихъ дѣтей, или, несмотря на то, что его считали въ дѣтствѣ ни на что неспособнымъ и тупымъ, развивалъ чужихъ ребятъ въ качествѣ домашняго учителя. Честные, безупречные люди, мы если и погибали когда-нибудь нравственно, то погибали не за свои ошибки, не за свои дурныя наклонности, нѣтъ! ихъ не было въ нашихъ чистыхъ сердцахъ, но гибли мы ради дѣтей, въ чемъ и признавались, когда насъ ловили на взяткѣ или въ воровствѣ.—«Семья, дѣти, ваше превосходительство!» лепетали мы заплетающимся языкомъ въ эти роковыя минуты. Но даже если кто-нибудь не былъ ни въ одномъ изъ этихъ положеній, то ужъ, конечно, рѣдкій изъ насъ могъ безъ стѣсненія въ сердцѣ глядѣть на шалости брошенныхъ родителями безъ присмотра ребятишекъ, и хотя мимоходомъ, а замѣчалъ имъ: «У-у! срамъ какой плакать, вотъ тебя бука съѣстъ!» или: «Зачѣмъ вы воробушка мучаете, вотъ васъ Богъ камешкомъ убьетъ!» или просто принималъ на себя роль судьи и разнималъ дерущихся дѣтей, освобождая тщедушнаго ребенка и давая подзатыльники здоровымъ ребятамъ,—такъ какъ тщедушность, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, служитъ всегда признакомъ правоты,—и, довольный своимъ добрымъ дѣломъ, возвращался импровизированный судья домой съ длиннымъ разсказомъ о томъ, какъ онъ спасъ отъ негодяевъ бѣднаго «малютку», и какъ эти негодяи бѣжали за нимъ—судьею—по улицѣ, дразнили его и показывали ему языки. — «Ахъ, дѣти, дѣти, бѣда съ вами», съ горечью заключалъ разсказчикъ повѣсть о своемъ подвигѣ, вспоминая послѣднія событія, то-есть высунутые языки, ознаменовавшіе этотъ подвигъ... Да, господа, мы люди добрые, очень добрые, мы любимъ дѣтей, только о нихъ и думаемъ, и потому тяжело намъ жить на этомъ свѣтѣ, и, глядя на все совершающееся вокругъ, невольно приходишь къ мысли, что жизнь съ каждымъ днемъ становится труднѣе и труднѣе для добрыхъ людей, посвятившихъ себя всецѣло дѣтямъ, тогда какъ дѣти все болѣе и болѣе

Digitized by Google

отбиваются теперь отъ рукъ и даже опекаемые богатые сироты рѣшаются иногда клеветать на своихъ опекуновъ! Скверныя времена! тяжелыя времена!

Не легко жилось и госпожѣ Скрипицыной. То дѣти реверансы плохо дѣлали, то выказывали неприличныя манеры, дурныя наклонности, рисуя портретъ наставницы съ усами, то, наконецъ, приходилось страдать, слушая выговоры ихъ глупыхъ родителей, не воспитывавшихся, должно-быть, нигдѣ.

— Что это вы, мадамъ, мою-то дѣвчонку арихметикѣ не учите, сосчитать сдачи съ рубля не умѣетъ,—говорила толстая купчиха госпожѣ Скрипицыной, являясь съ платой за ученье. Дѣло было въ горячее время, передъ экзаменомъ.— Вы ужъ лучше не заставляйте ее вышивать, ей не бѣлошвейкой быть. А безъ арихметики какая же она будетъ мужу жена?

— Помилуйте, какъ же я могу не учить вышивать, когда всѣ вышиваютъ въ классѣ?—отвѣтила Скрипицына.

— Ну, а она пусть въ арихметикѣ учитъ...

— Это невозможно, на все свое время.

— Нѣтъ, ужъ это что же!

— Я васъ увѣряю.

— Что меня увѣрять-то! Это вы вотъ, что она простого купца дочь, говорите. А то почему бы не время?—Мой хозяинъ подарковъ не можетъ дарить, нешто сахарцу голову...

— Мнѣ не нужно подарковъ.

— Нѣтъ, ужъ это что! Кому не нужно подарковъ! Небось другія-то и пишутъ лучше, а у нашей-то ничего и не разберешь, словно мухи, прости Господи, бумагу засидѣли.

— У нея почеркъ порядочный, женщины не пишутъ крупно.

— Ну, ужъ я неграмотный человѣкъ, надо мной можно смѣяться; по мнѣ можетъ и впрямь для бабъ другая грамота, а про нее и отецъ говоритъ, что у нея ничего не разберешь. Ужъ знали бы это, такъ и учить не стоило бы, даромъ деньги платили. Та же безграмотная, царапать перомъ-то я, пожалуй, нацарапаю. А еще хвалились, что у васъ не такая дрянь школа, какъ у Митрофанихи; необразованной ту называли, а въ ея-то школѣ дочь нашего молодца нашу-то Машутку во всѣхъ статьяхъ обогнала.

— Зачѣмъ же вы не отдадите и вашу дочь къ madame Mitrofanoff, если тамъ хорошо?—холодно замѣтила Скрипицына.

Digitized by Google

— Да что же намъ по-сорочьи съ мѣста на мѣсто скакать, это ужъ не резонъ; отдали, а потомъ, нако-сь, и бери опять!

— Вѣрно вы и сами поняли, что у madame Mitrofanoff дѣтей развращаютъ, что въ ея школѣ нравственность не развиваютъ, что оттуда можетъ выйти горничная, и то дурная, а не благовоспитанное дитя.

— Ну, да, а вы послушали бы, что Митрофаниха-то про васъ поетъ! Я ужъ было и испугалась, каюсь, подумала: гласъ народа, гласъ Божій! Можетъ, это все и правда, что вы-то живете съ...

— Ради Бога, не передавайте мнѣ сплетенъ этой отвратительной женщины! — воскликнула съ ужасомъ госпожа Скрипицына, чувствуя стѣсненіе въ груди. Она глубоко страдала въ эту минуту.—Вы меня извините, отъ этихъ разсказовъ у меня спазмы, я не могу... Я не такъ воспитана... Охъ, что же это!.. Боже мой, за что Ты меня испытываешь?—изъ глазъ бѣдной женщины брызнули слезы, пальцы ея руки, лежавшей на столѣ, судорожно дрожали.

Купчиха испугалась не на шутку.

— Охъ, я окаянная! Ужъ вы простите меня, старую дуру! Не даромъ мой-то мнѣ говоритъ: ну, ты воды не удержишь? Не хотѣла, видитъ Богъ, не хотѣла васъ изобидѣть, мадамъ, вы ужъ меня простите! на Машуткѣ-то не вымещайте.

— Я васъ не держу, извините, мнѣ нужно отдохнуть... Все это... Отдохнуть мнѣ нужно...

— Отдохните, отдохните, авось пройдетъ... Это у меня тоже случаемъ бываетъ, какъ мой-то воевода хмельнымъ придетъ, ну, у меня и въ глазахъ замутится... Отдохните. Только ужъ Машутку-то не обижайте, ребенокъ что? не виноватъ въ нашей глупости!

Другой визитъ окончился печальнѣе. Какая-то нарядная чиновница, выбивающаяся на дорогу благосостоянія, негодовала на Скрипицыну за то, что въ школѣ дурно кормятъ пансіонерокъ.

— Я думала, что у васъ *такіе* родственники,—говорила она язвительнымъ тономъ, точно каждое ея слово должно было пронзить и проколоть Скрипицыну.—Я думала, что вы хоть въ ихъ домахъ привыкли, какъ надобно обращаться съ благородными дѣтьми. А вы? Вы чѣмъ кормите дѣтей?

Скрипицына искала въ своемъ умѣ оправданія; она сама

Digitized by Google

знала, что столъ сталъ дурнымъ въ послѣднее время, и страдала отъ этого болѣе всѣхъ окружающихъ.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, чѣмъ вы кормите дѣтей? — язвила чиновница, видя смущеніе содержательницы школы.— Этимъ кормятъ дѣтей у вашихъ родственниковъ?

— Ахъ, Боже мой!..

— Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ основательно отвѣтьте, этимъ ли кормятъ дѣтей у вашихъ родственниковъ?.. А я вамъ вотъ что скажу: надо или школу содержать, или покровительствовать бѣднымъ учителямъ-иностранцамъ, что-нибудь одно, что-нибудь одно...

— Послушайте!— воскликнула Скрипицына.

— Нѣтъ-съ, не буду и слушать, и не говорите! Если я и начала говорить съ вами, такъ только для того, чтобы дать вамъ почувствовать, что благородные люди понимаютъ васъ, насквозь понимаютъ. У-у, какъ! сощурила чиновница глаза и ткнула указательнымъ пальцемъ въ воздухъ.—А то бы я и не стала говорить съ вами; я не говорю съ «такими» женщинами!

Скрипицына вскочила, послѣдняя фраза поразила ее.

— Вонъ!—крикнула она, не владѣя собою.

— Постойте! — воскликнула чиновница. — Я за тѣмъ и пришла, чтобы сказать вамъ, что никогда, никогда нога моя не будетъ въ вашемъ домѣ. Не вы выгоняете изъ него, а люди сами бѣгутъ отъ васъ... Да я, да я всѣмъ разскажу, всѣхъ обѣгаю!—не выдержала чиновница благороднаго, но колкаго тона и обличила свои неблагородныя стремленія «обѣгать всѣхъ» съ разсказами объ «исторіи».

Но этимъ не кончилось; этимъ только, такъ сказать, началась суть романа Скрипицыной. Чиновница взяла изъ школы свою дочь и, должно-быть, «обѣгала» многихъ, потому что за ея дочерью начали убывать и другія ученицы. Большой домъ, а за нимъ и другіе дома, и весь кварталъ начали бить въ набатъ о дѣлахъ Скрипицыной. Одни говорили, что у нея худо учатъ, другіе, что у нея худо кормятъ, третьи, что она развратничаетъ. Добрые граждане предостерегали другъ друга отъ опасности, и даже самые страшные враги теперь самоотверженно забыли свои личные дрязги, стараясь помогать другъ другу въ распространеніи слуховъ. Добрая сторона человѣческой природы взяла верхъ надъ злой. Болѣе всѣхъ другихъ отличались въ успѣшномъ распространеніи слуховъ сестры Скрипицыной по профессіи. Madame Mitrofanoff клялась, что Скрипицына близка не

Digitized by Google

только съ учителемъ французомъ, но и завлекаетъ другого учителя, что французъ узналъ объ этомъ и вышла сцена такая, такая сцена, что «ахъ и не говорите!» Mademoiselle Petroff съ гримасой объяснила, что Скрипицына едва ли можетъ учить дѣтей, что она была и въ институтѣ послѣднею ученицею, въ томъ самомъ институтѣ, откуда сама mademoiselle Petroff вышла первою, что, конечно, можетъ-быть, Скрипицына послѣ училась, но это едва ли правда, такъ какъ mademoiselle Petroff видѣла сама своими глазами одно изъ писемъ Скрипицыной, «съ двадцатью ошибками, съ двадцатью, можете себѣ представить!» Madame Glanz и mademoiselle Rondeau говорили еще болѣе, и особенно опасна была mademoiselle Rondeau, которая ровно ничего не говорила, а только со вздохомъ восклицала на всѣ разспросы о Скрипицыной: «Богъ съ ней! мнѣ только страшно за ея воспитанницъ! Бѣдныя, бѣдныя дѣти!» Родители этихъ воспитанницъ приходили въ ужасъ и чувствовали, какъ морозъ пробѣгалъ по ихъ кожѣ. Всѣ поименованныя мною женщины держали школы, тоже хотѣли приносить пользу отечественному просвѣщенію, какъ же имъ было не говорить дурного про Скрипицыну? Это все въ порядкѣ вещей и отъ этого-то всякое дѣло у насъ и идетъ такъ успѣшно впередъ, дѣлаетъ изумительные успѣхи при помощи братьевъ по профессіи!..

Съ убылью ученицъ убывали и средства Скрипицыной. Ея школа, какъ и всѣ наши частныя школы, была открыта для хлѣба, и запасныхъ денегъ не было; въ нее, тоже какъ во всѣ русскія школы, сначала хлынуло много народу, вѣчно поддающагося золотымъ надеждамъ; теперь эти надежды были обмануты, народная волна бѣжала прочь, и корабль становился на мель. Пришлось отказать нѣсколькимъ учителямъ, послѣдней школьной приманкѣ; пришлось не платить остальнымъ двумъ и забирать все, что можно, въ долгъ.

— Лавочники, сударыня, ужъ очень насъ одолѣли,—говорила Даша госпожѣ, прибирая въ комнатѣ.—Скоро ли вы, говорятъ, долги-то отдадите. Нахлѣбницъ разныхъ, сиротъ неблагодарныхъ держите, а въ лавки не платите...

— Ахъ, Даша, я всѣмъ заплачу, — произнесла Скрипицына, пропуская безъ замѣчанія намекъ на Варю.

— Знаю, барышня, только очень ужъ ругаются они...

— Богъ съ ними, я ихъ прощаю! — трогательно отвѣчала госпожа и кротко вздыхала, поднимая къ потолку потухающіе глаза.

Digitized by Google

Въ это тяжелое время подоспѣла новая, но не неожиданная бѣда. Василій Николаевичъ Скрипицынъ оканчивалъ курсъ ученія и выходилъ въ офицеры. Уже часто въ послѣднее время примѣрялъ онъ на голову мѣховую гусарскую шапку и мечталъ объ этой красивой формѣ съ шнурочками и побрякушками. Также часто пробовалъ онъ расчеркиваться для практики «корнетомъ Скрипицынымъ», но, къ сожалѣнію, выйти въ гусары не представилось средствъ. Весна—пора цвѣтовъ, пора любви и, можетъ-быть, поэтому самаго сильнаго истребленія денегъ. Въ это время во всѣ концы Россіи несутся грамотныя и безграмотныя письма, гласящія: «Любезные родители, я, слава Богу, здоровъ, выхожу въ полкъ, то пришлите мнѣ триста рублей денегъ». Получая эти письма, провинція приходитъ въ ужасъ; мамаши, нашивавшія для сыновей всякихъ принадлежностей мужского туалета изъ домашняго холста, никакъ не подозрѣвали, что сынкамъ понадобятся еще и деньги, и какія деньги! Триста рублей—да этого мамашѣ въ провинціи на два года хватаетъ! И вотъ провинціалы-родители бѣгаютъ изъ дома въ домъ занимать триста рублей, а провинція шепчетъ: «ну, петербургскіе сынки протрутъ глаза батюшкинымъ деньгамъ!» Въ эту же пору явился и Василій Николаевичъ къ сестрѣ съ требованіемъ трехсотъ рублей на обмундировку.

— Мнѣ нужно бѣлье, — говорилъ онъ: — нужны разныя мелочи; ты, пожалуйста, выдай мнѣ на это денегъ, послѣ изъ оброка крестьянъ вычтешь.

— Другъ мой, я не могу себѣ сдѣлать всего вдругъ, мои дѣла идутъ плохо,—говорила сестра.

— Помилуй, ты взяла къ себѣ эту дѣвчонку, значитъ, у тебя есть средства, а мнѣ не хочешь въ долгъ дать,—разсердился братъ.

Скрипицына потупила голову; ей хотѣлось сознаться, разумѣется, драматическимъ тономъ, что Варя взята по другимъ соображеніямъ, что она приноситъ не убытокъ, а пользу, но сознаться въ этомъ значило отказаться отъ званія благодѣтельницы, а это было не въ силахъ Скрипицыной, несмотря на все появившееся въ ней въ послѣднее время смиреніе.

— Попробуй съѣздить къ Дикобразову, можетъ-быть, онъ дастъ тебѣ взаймы,—начала она.

— Мнѣ ѣхать къ нему? Унижаться? — воскликнулъ Василій Николаевичъ.—Нѣтъ! Если ты не хочешь этого сдѣлать, то я и подавно не могу. Моя жизнь впереди, я не хочу войти въ свѣтъ съ именемъ нищаго.

Digitized by Google

— Мой другъ, что же дѣлать?—убивалась сестра.

Василій Николаевичъ шагалъ по комнатѣ.

— Ты пойми, я отъ гусарскаго мундира отказываюсь, чтобы не разорять тебя, я отказываюсь отъ своего призванія,—желчно говорилъ онъ.—Ты только вздыхать умѣешь, когда людямъ нужна помощь! Ты губишь меня... И если бы я требовалъ подарковъ, жертвъ, а то я прошу въ долгъ. Ты получишь эти деньги обратно... Не бойся, я не отрекусь отъ уплаты.

— Другъ мой, другъ мой, пойми, что я нищая!—воскликнула сестра.

— Нищая!—бросился къ ней братъ.—Нищая, а въ шелковыхъ платьяхъ ходишь, бирюльки разныя покупаешь, французишку содержишь; ты думаешь, я ребенокъ, не понимаю ничего?

— Мои отношенія къ нему святы!—зарыдала сестра.—Неужели ты-то этого не знаешь? Господи, Господи, до чего я дожила!

— Полно хныкать! Довольно я видѣлъ слезъ, пора покончить съ этими комедіями! Поѣзжай къ Дикобразовымъ и проси у нихъ денегъ, но на себя проси, слышишь, на себя проси!

Въ голосѣ Василія Николаевича было нѣчто свирѣпое, безпощадное; его молодое личико было грозно.

— Я не поѣду,—зарыдала сестра.

— Поѣдешь! Слышишь: поѣдешь! Если ты откажешься отъ этого, то я здѣсь, въ твоей комнатѣ, передъ твоими глазами застрѣлюсь!

— Ахъ!—истерически крикнула сестра, и въ ея ушахъ уже раздавался звукъ будущаго выстрѣла.

Пришлось ѣхать къ Дикобразовымъ, просить у нихъ денегъ.

— Помилуйте, вѣдь вы школу содержите, у васъ должны быть средства,—отвѣтили Дикобразовы на просьбу.

— Моя школа падаетъ, она мнѣ убытокъ приноситъ,—говорила Скрипицына.

— Такъ бросьте ее, идите въ гувернантки.

— Въ гувернантки!—ужаснулась Скрипицына, и ея воображенію представилась картина жизни въ гувернанткахъ.

Эта жизнь заставляетъ человѣка отказаться отъ всѣхъ своихъ привычекъ, заставляетъ его подлаживаться подъ новые характеры, навлекаетъ на него сотни выговоровъ; на эту жизнь трудно рѣшиться въ тѣ годы, въ какихъ была Скрипицына. По ея тѣлу пробѣжала дрожь.

Digitized by Google

— Ни за что,—проговорила она:—лучше умереть!

— Хорошо, если умрете; а если жизнь протянется, такъ надо же найти средства къ существованію,—холодно замѣтили ей.

Переговоры кончились ничѣмъ. Скрипицына не спала всю ночь послѣ этого визита и перебирала всѣ вещи, думая, что бы такое продать, чтобы достать денегъ. Но за что она ни бралась, все было такъ ничтожно по своей стоимости, все было поддѣльное, ненужное, лощеное только снаружи.

— А вѣдь за все деньги платила!—какъ-то тупо произнесла она, качая головою, и развела руками.

Ея умъ, повидимому, началъ ей измѣнять. Что-то недоумѣвающее и трусливое выражалось въ ея помутившихся глазахъ. На слѣдующій день явился Василій Николаевичъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ.

— Не дали,—отвѣтила сестра.

— Надо еще къ кому-нибудь съѣздить,—возразилъ братъ.

— Некуда больше ѣхать. Вотъ продай мои часы и серебро.

— Что за это дадутъ!—съ пренебреженіемъ воскликнулъ братъ.

— Что бы ни дали, но больше ничего нѣтъ для продажи,—отвѣтила глухо сестра и еще глуше прибавила:—и не ѣзди ко мнѣ, что тебѣ ко мнѣ ѣздить?

Василій Николаевичъ поглядѣлъ на нее и удивился, увидавъ, что ея брови почему-то не черны, а щеки не блистаютъ свѣжимъ румянцемъ.

— Ты больна?—спросилъ онъ.

— Чего тутъ спрашивать? Бери вещи, ступай и дай Богъ тебѣ счастья.

Скрипицына говорила не своимъ голосомъ. Братъ, молча, забралъ вещи и ушелъ. «Новую комедію ломаетъ, дура!»—думалъ онъ дорогою.

Скрипицына легла на диванъ и не трогалась съ мѣста до вечера.

— Нездоровы вы, барышня?—спрашивала Даша.

— Да.

— Охъ, ужъ горе какое! Бывало вы и не хворали прежде и веселы были, а вотъ, какъ я замѣтила, съ приходомъ этой дѣвчонки, ужъ вы меня за слово извините, все пошло подъ гору.

— Оставь ты ее въ покоѣ,—замѣтила Скрипицына.

Digitized by Google

— Нѣтъ-съ, я правду говорю, — заспорила Даша. — И люди все ею попрекаютъ, и я сама вижу, что мы на нее разорились.

— Да какое тебѣ дѣло, на кого я разорилась?—сердито произнесла Скрипицына.

— Какъ какое?—обозлилась Даша.—Вѣдь и мнѣ не весело, когда мнѣ два мѣсяца жалованья не отдаютъ!

— Господи!—вырвался вздохъ у Скрипицыной.

Кончились, между тѣмъ, экзамены, настали каникулы. Кредиторы осаждали двери. Въ одинъ прекрасный день явился Даву.

— Mademoiselle, — говорилъ онъ Скрипицыной: — мнѣ очень грустно, но я долженъ попросить васъ выдать мнѣ жалованье.

— Ахъ, добрѣйшій monsieur Davoust, — отвѣтила Скрипицына: — подождите, я въ настоящее время нахожусь въ страшно затруднительномъ положеніи.

— Я знаю. Я и не безпокоилъ бы васъ. Вы знаете, что я и не заикался о деньгахъ въ теченіе всего времени, — оправдался Даву;—но, къ сожалѣнію, я долженъ оставить школу.

Скрипицына поблѣднѣла.

— Вы оставляете школу? Другъ мой, вы чѣмъ-нибудь недовольны?

— Нѣтъ, нѣтъ, помилуйте! Но я уѣзжаю изъ Петербурга навсегда.

Скрипицына провела рукой по лбу.

— Какъ же это?.. Такъ вдругъ...—начала она.

— Мнѣ необходимо нужно. Я ѣду черезъ недѣлю. Вы будете такъ добры и передадите деньги моему повѣренному, господину Гро.

Даву сталъ откланиваться. Скрипицына безсмысленно и безсознательно простилась съ нимъ. Ея мысли перемѣшались совсѣмъ. Три послѣднихъ года ея дѣла шли все хуже и хуже, но событія послѣдняго года выходили изъ ряда вонъ. Теперь въ ней точно что-то оборвалось.

— Уѣзжаетъ,—говорила она, ходя по комнатѣ и машинально поправляя нарукавнички на костлявыхъ рукахъ.— Уѣзжаетъ!—простонала она, потерла рукой лобъ и подошла къ столу, взяла книгу и бросила ее снова на столъ.— Уѣзжаетъ!!.—зарыдала она и прильнула головой къ столу.

Скрипицына была смѣшна даже въ эту минуту. Ея изліянія походили на ломанье мелодраматическаго яраго ак-

Digitized by Google

тера, ея тощая подкрашенная фигурка походила на уродливую куклу, все это было комично.

И точно, какъ же не смѣяться до колотья надъ этой женщиной? Ей говорили въ дѣтствѣ: tenez vous droit! и она держалась прямо, за что ее прозвали потомъ «гренадеромъ въ юбкѣ»; она слышала съ пеленъ, что тонкія манеры и хорошая обстановка важнѣе всего, что безъ этого на человѣка смотрятъ подозрительно и не принимаютъ его въ порядочное общество, и она отличалась такими манерами и такой одеждой; за первое ее считали бездушнымъ истуканомъ, за вторую она вошла въ долги; ее не учили въ дѣтствѣ разсчитывать, называя это мѣщанствомъ, но теперь ее называли безчестною, такъ какъ она не могла платить долговъ бѣднякамъ ремесленникамъ; она научилась въ юности обожать подругъ и учителей и считать «позорными» всякія другія отношенія къ людямъ, и вотъ она обожала monsieur Даву, что заставило Даву насмѣяться надъ ея романтизмомъ, постороннихъ людей забросать ее грязью за развращенность, а насъ улыбнуться и дать ей эпитетъ «старой дѣвы», играющей роль пансіонерки. Каждая бездѣлушка, каждый ея поступокъ были слѣдствіемъ привитыхъ къ ней съ дѣтства понятій и привычекъ, и за все это ее осмѣивали, обманывали, злословили. Да, дѣйствительно, она была смѣшна, шла бы учиться жизни въ общество всѣхъ тѣхъ людей, которые закрыли для нея двери, шла бы замужъ за тѣхъ жениховъ, которые не являлись къ ней, попросила бы по выходѣ изъ института совѣтовъ и помощи у тѣхъ юныхъ родственниковъ, которые возили ей конфеты въ институтъ и бросили ее по выходѣ оттуда... Давайте же смѣяться надъ нею! Веселѣе же! чего тутъ задумываться?

Въ комнату вошла Варя и сѣла за пяльцы. Скрипицына опомнилась, подняла голову и стала смотрѣть на Варю.

«Какая она тихая. Славное у нея лицо,—думала Скрипицына.—У нея и сердце доброе. Я видѣла, какъ она ласкала Ольгу Васильевну. Отчего же она не ласкаетъ меня, боится меня? Я сама, вѣрно, виновата. Запугала я ее, я мало вниманія на нее обращала. Она будетъ меня любить, если я буду съ ней ласковѣе. И что я падаю духомъ? Дѣла устроятся. Даву вѣрно чѣмъ-нибудь обидѣлся; онъ вернется, я ему напишу. Будемъ мы жить мирно. Продамъ что-нибудь, займу, средства будутъ. Вотъ Варя подрастетъ, помогать будетъ. Доброе дитя!»

Digitized by Google

Скрипицына встала и подошла къ Варѣ. Она провела рукою по шелковистымъ волосамъ дѣвочки; въ этомъ движеніи была какая-то необычайная нѣжность и мягкость.

— Варя,— сказала она грустнымъ тономъ:—слышала ли ты, нашъ добрый Даву уѣзжаетъ?

— Да-съ, онъ женится,—отвѣтила спокойнымъ голосомъ Варя, не поднимая головы отъ пялецъ. Она не понимала всего ужаса своихъ словъ.

— Что?! — воскликнула Скрипицына и схватила руку Вари.

— Онъ женится на Бѣляевой,—отвѣтила Варя, поднявъ голову и чувствуя боль въ рукѣ, сжатой костлявыми пальцами Скрипицыной.

Это пожатіе походило на пожатіе командора въ Донъ-Жуанѣ.

— Лжешь, лжешь, лжешь, негодная дѣвчонка!—схватила Скрипицына плечи Вари своими костлявыми пальцами. — На Бѣляевой, на моей бывшей ученицѣ! Женится! Лжешь! Какъ онъ могъ ее полюбить, какъ она смѣла? Говори, почему ты знаешь это?

— Они переписывались, когда она была еще здѣсь,— отвѣтила Варя, дрожа всѣмъ тѣломъ подъ костлявыми пальцами, сжавшими ея плечи.

— Переписывались! Переписывались! и я не знала!

Варя почувствовала, какъ костяные пальцы, державшіе ее, разжались, и въ комнатѣ раздался глухой стукъ отъ паденія человѣческаго тѣла. Варя въ ужасѣ вскочила и прислонилась къ стѣнѣ, не имѣя силъ пошевельнуться съ мѣста. Ея плечи еще ныли отъ боли. Въ комнату на стукъ прибѣжали Даша, Ольга Васильевна и кухарка. Онѣ хлопотали около лежавшей въ обморокѣ Скрипицыной, и никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на Варю.

— Чего вы стоите-то истуканомъ? лучше бы помогли намъ. Вѣдь она ваша благодѣтельница была, а не наша,— сказала, наконецъ, Даша, замѣтивъ Варю.

Варя вздрогнула и сѣла, почти упала на стулъ. Ея голова была отуманена всей предшествовавшей сценой. Ей самой нужна была помощь. Скрипицыну уложили въ постель. Пріѣхалъ докторъ и сказалъ, что у нея горячка. Варя начала ходить, чередуясь съ Ольгой Васильевной, за благодѣтельницей. Она какъ-то боялась этой женщины, костлявой, блѣдной, съ полусѣдыми волосами, прежде казавшимися черными. Ее заставлялъ вздрагивать горячечный бредъ по-

Digitized by Google

лумертваго существа. Сначала этотъ бредъ вертѣлся на давно минувшихъ свѣтлыхъ событіяхъ молодости, что подавало доктору надежду на выздоровленіе, и дѣйствительно, Скрипицына какъ будто забыла недавно случившееся и отдыхала въ далекомъ прошломъ; но какъ только стали воскресать ея силы, такъ тотчасъ же недавнее вспомнилось ей снова.

— Модисткѣ не смѣютъ давать совѣтовъ, а мнѣ, начальницѣ школы, смѣютъ!—бормотала она.—Я тряпка... Кредиторы, братъ... Переписывались, переписывались!.. Лжешь, лжешь, лжешь, негодная дѣвчонка!

Варю бросало въ жаръ отъ этихъ отрывистыхъ фразъ, а ночи, блѣдныя, тихія, мутныя, снова напоминали ей другія ночи, другую потухающую жизнь и тоже бредъ, полубезсмысленный, полупонятный, среди котораго яснѣе всего звучало слово: «не живи!..» Какъ не жить? Вопросы, мечты, воспоминанія ронились, какъ пчелы, жужжали, мѣшались между собою, иногда убаюкивали молодую голову, и тихо клонилась она въ полудремотѣ, низко, низко клонилась на грудь. Вдругъ какой-нибудь внезапный шумъ на дворѣ пробуждалъ Варю; она поднимала голову, медленно обводила глазами комнату, видѣла все ту же полумертвую массу худого человѣческаго тѣла, тотъ же едва мерцающій ночникъ, едва теплющуюся лампаду, озаряющую потемнѣвшіе лики святыхъ, и снова дремала усталая дѣвушка. Въ одно изъ такихъ полупробужденій она увидѣла въ полудремотѣ, что полуживой трупъ копошится на кровати, его голова какъ-то странно поднята и прислонена къ столбику кроватной спинки, на шеѣ повязанъ платокъ, обвивающій и этотъ столбикъ отъ кровати, тѣло какъ будто силится податься впередъ, въ горлѣ трупа слышится какая-то страшная хрипота, ночникъ едва горитъ и, кажется, готовъ потухнуть. Варя долго смотрѣла испуганными глазами на эту картину, наконецъ, очнулась и бросилась изъ комнаты.

Въ комнату явились со свѣчами люди и внезапно озарили свѣтомъ Скрипицыну, которой худая голова была привязана къ спинкѣ кровати, а руки силились оттянуть тѣло отъ этой страшной головы съ острымъ носомъ и впалыми глазами. Стали развязывать платокъ. Скрипицына начала биться, у нея на мигъ явилась сила.

— Не хочу, не хочу жить!—бормотала она. — Слышите, не хочу! Не смѣйте трогать! Негодная, ты имъ сказала! Проклятая дѣвчонка! Слышите, не хочу!

Digitized by Google

Скрипицына билась, ее пришлось держать. Черезъ минуту силы снова оставили ее. Не долго пришлось ей жить, судьба услужила ей, послала смерть.

Опять похороны, опять осмотръ покойника и глубокія соображенія, теперь еще болѣе глубокія, такъ какъ весь домъ интересовался предстоящимъ аукціономъ и разглядывалъ, нѣтъ ли какой-нибудь посудины для выгодной покупки. Вѣроятно, и читатель поинтересовался бы всѣмъ этимъ, потому что интересно видѣть, какъ продаютъ для уплаты долговъ тѣ вещи, которыми мы любовались. Вотъ кушетка, гдѣ вы часто сиживали, расточая комплименты хозяйкѣ; вотъ блюдечко, гдѣ лежала ваша визитная карточка, она лежитъ на немъ и теперь, и суровый кредиторъ, прочитавъ на ней вашу фамилію, говоритъ: «Ишь, тоже, вѣрно, какой-нибудь прихлебатель былъ, поѣдалъ, что у насъ въ долгъ забиралось». Все это интересно, но я напомню читателю, что у насъ есть одна живая вещь, которую некому взять,—это Варя. Передъ нею въ эти два года совершился цѣлый романъ человѣческой жизни, описанный въ этихъ пяти главахъ, она понимала это и не думала, что эти два года прошли безсодержательно, нѣтъ! она научилась понимать многія вещи, которыхъ не понимала прежде. Два года тому назадъ она слышала дома одни вопросы о томъ, что испечь въ воскресенье: пирожокъ или каравайчикъ? и въ этомъ видѣла почти всю сущность жизни. Теперь она узнала, что значитъ блескъ баловъ и театровъ, прочитала нѣсколько романовъ; поняла, что такое значитъ привязанность Ардальона, Игнатьевны, Ольги Васильевны, Скрипицыной и ея брата, и яснѣе всего поняла, что значитъ остаться одной среди сотенъ тысячъ чужихъ, не знающихъ о ея существованіи людей. Два года тому назадъ эти слова были для нея китайской фразой, теперь они стали роковою частью ея думъ. Она твердила себѣ: «я никому не нужна!» и эти страшныя слова были правдой. Вѣдь, положа руку на сердце, читатель, вы должны сознаться, что и вы не взяли бы ее ни въ горничныя, ни въ гувернантки, ни въ швеи; вѣдь она ни къ чему не была еще приготовлена. Да, она была никому ни на что не нужна.

— Душенька, о бѣтній мой малютка! — говорила ей ломанымъ языкомъ на похоронахъ Скрипицыной какая-то нѣмка.—Фи совсѣмъ сиротъ, никого у фасъ нѣтъ?

— Никого!—опустивъ голову, отвѣтила Варя.

— О, я такъ любитъ такой молотенькой созтань! — вос-

Digitized by Google

кликнула съ чувствомъ нѣмка. — Хотитъ, я фасъ къ себѣ беретъ?

Варя взглянула на нее благодарными глазами и вдругъ почувствовала, что кто-то грубо, по-мужицки, дернулъ ее въ сторону.

— Чего вы съ ней разговариваете?—произнесъ молодой, но суровый голосъ.

Варя съ изумленіемъ взглянула на юношу.

— Никогда не говорите съ ней; слышите? не то пальцами на васъ показывать будутъ,—продолжалъ онъ.

Нѣмка снова подошла къ Варѣ.

— Послушайте, мадамъ, лучше не подходите къ ней, худо будетъ,—погрозилъ юноша нѣмкѣ.

Нѣмка сцѣпилась съ нимъ ругаться, а Варя поспѣшила уйти. Ей было знакомо это молодое, широкое лицо, но она забыла имя этого человѣка...

Что же оставалось ей дѣлать?..

VI.

Приснухины,—романъ въ одной главѣ.

Разговоръ Вари съ нѣмкой былъ прерванъ Порфиріемъ Приснухинымъ. Хорошо ли, дурно ли было это вмѣшательство,—объ этомъ нечего говорить; но во всякомъ случаѣ оно показывало, что Приснухинъ рано началъ понимать многое и могъ возбудить любопытство своею особою. Глядя на его голову, можно было сказать: да, это будетъ энергичный человѣкъ! Рядомъ съ этими словами идутъ мечты о свѣтлой жизни, о широкой дѣятельности, о великихъ поступкахъ... Но, Боже мой, какъ много видѣлъ я энергичныхъ головъ, никогда не сдѣлавшихъ ничего путнаго въ жизни! Не будемъ же увлекаться мечтами, пророчить славу энергичнымъ головамъ, но шагъ за шагомъ станемъ слѣдить за ихъ жизнью, и если будетъ счастье — порадуемся, если же ихъ ждетъ нравственная гибель—поплачемъ,—вѣдь это намъ не новость!

Какъ же развивалась энергичная голова Порфирія?

Мать Порфирія была изъ крѣпостныхъ,—дѣло, какъ видите, было очень давно и принадлежитъ къ числу казусовъ, сданныхъ въ архивъ. Сначала дѣвочка Глаша играла съ барышней и барченкомъ и отъ нихъ научилась грамотѣ, ариѳметикѣ и кое-чкамъ другихъ наукъ; потомъ барышню отдали въ институтъ, барченка въ гимназію, а Глашу засадили въ дѣвичью, и она шила по цѣлымъ днямъ

Digitized by Google

кружева или вышивала прошивки, воротнички, нарукавнички и изрѣдка, во время отсутствія господъ, урвавшись на свободу, въ село, смотрѣла на хороводы, присутствовала на посидѣлкахъ. Молодая, стройная, здоровая, она была типомъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя расцвѣтали въ дѣвичьихъ старыхъ, хорошихъ помѣщичьихъ домовъ. Не было у нея ни особеннаго горя, ни особенныхъ желаній; всегда она была сыта, находилась въ теплой, сухой комнатѣ, пользовалась расположеніемъ добрыхъ, простыхъ господъ и, конечно, не заглядывала со страхомъ впередъ, такъ какъ впереди не предстояло особенныхъ печалей: ее ждало мѣсто горничной при молодой доброй барышнѣ, а тамъ—ну, нянькой сдѣлаютъ, въ ключницы произведутъ, какой-нибудь любимецъ барина камердинеръ на ней женится... Наконецъ, пришли годы, когда барышня вышла изъ института, — господа поднялись съ насиженнаго гнѣзда, поѣхали въ Петербургъ и взяли съ собой Глашу. Поселились господа въ «большомъ домѣ». Столичный блескъ и шумъ, балы у господъ, привѣтливость молодой институтки-барышни, ласковость молодого барина-студента, росшаго тоже съ Глашей, общія воспоминанія о далекомъ дѣтствѣ, почетъ и заискиванье со стороны бѣдныхъ жильцовъ большого дома, — все это вмѣстѣ заставило Глашу успокоиться и осушить слезы по деревенскомъ углѣ, гдѣ жилось такъ тихо и мирно, гдѣ плылъ такой свѣжій воздухъ въ окна, гдѣ то соловей вечеромъ пѣлъ за густымъ малинникомъ, то издалека слышались ухарскіе звуки балалайки и пѣсни какого-нибудь парня, или звенѣли бубенцы на большой дорогѣ все ближе и ближе и заставляли молодое сердце биться непонятнымъ любопытствомъ: кто это тамъ ѣдетъ? мимо или къ намъ? если къ намъ, то надолго ли? можетъ-быть, это молодой баринъ?.. Въ Петербургѣ, сходя по черной лѣстницѣ, Глаша часто встрѣчалась съ какимъ-то вертлявымъ, припомаженнымъ юношей, постоянно отдававшимъ ей поклонъ.

— Наше вамъ-съ почтеніе, — говорилъ кавалеръ, наотмашь снимая фуражку и шаркая по-господски ногою.

— Здравствуйте,—сухо кланялась Глаша.

— Что рѣдко изволите выходить-съ, осмѣлюсь сдѣлать вопросъ?

— Мнѣ и въ комнатахъ хорошо.

— Это показываетъ вашу безчувственность, потому что есть люди, которымъ ваше отсутствіе причиняетъ печаль.

Глаша хихикала надъ вычурными фразами кавалера и,

Digitized by Google

слыша его тяжелый, похожій на сопѣнье вздохъ, спрашивала, убѣгая въ комнату:

— У васъ, вѣрно, насморкъ?

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кавалеръ, называвшійся Александромъ Приснухинымъ, презентовалъ Глашѣ колечко съ бирюзой. Глаша не хотѣла брать; кавалеръ умолялъ ее взять подарокъ, объясняя, что «вы, молъ, не подумайте чего дурного, а это мы вамъ презентуемъ только ради нашего уваженія». Глаша, смѣясь, взяла колечко. Любовь Приснухина была проста, серьезна; выраженія ея были вычурными, шутовскими. Вліяніе трактирныхъ знакомствъ и лакейской полированности не могли не сказаться въ дѣлѣ любовныхъ объясненій. Глаша слышала только эти смѣшныя фразы, но не знала, что таится подъ ними, и не могла смотрѣть серьезно на знакомство съ Приснухинымъ. Послѣ перваго подарка она, еще смѣясь, еще не измѣняя своего гордаго вида, чаще говорила со своимъ поклонникомъ. Это дало ему смѣлость подарить ей платочекъ и выразить крайнюю степень своей любви къ ней щипкомъ въ руку повыше локтя. На это Глаша отвѣтила сильнымъ ударомъ по рукѣ Приснухина и строптиво замѣтила ему:

— Вы рукамъ воли-то не давайте, я вамъ не позволю!

Какъ видите, дѣла шли къ обычной развязкѣ, къ свадьбѣ, но вмѣсто свадьбы произошло совсѣмъ другое: Глаша вдругъ начала избѣгать встрѣчъ съ Приснухинымъ и, встрѣчаясь съ нимъ, на всѣ его любезности отвѣчала, что у нея нѣтъ свободнаго времени говорить съ нимъ. Приснухинъ вздыхалъ, но Глаша уже не хихикала и оставалась серьезной, даже грустной. Какъ-то поклонникъ рѣшился высказать яснѣе свою любовь, но ему отвѣтили:

— Полноте, что вамъ меня любить!

Приснухинъ опустилъ голову, его поразилъ грустный и серьезный тонъ этихъ словъ. Встрѣчи кончились,—правда, была еще одна встрѣча, но Глаша даже не замѣтила своего обожателя.

— Что за жизнь распроклятая, такъ я и изобразилъ тебѣ, братецъ ты мой, не умѣю,—говорилъ Приснухинъ тощему сосѣду слесарю, уже знакомому читателямъ.

— А по мнѣ — первое вышей, и ничего твоя жизнь съ тобою не сдѣластъ? Потому что вино — значитъ веселіе, духъ бодрый, вотъ оно что!—отвѣчалъ слесарь и брался за фуражку съ раздвоеннымъ козырькомъ.

— Въ кабакъ, кабакъ пойдетъ, такъ я и знала! кровопійца

Digitized by Google

ты этакой, — кричала толстая слесарша.—И вы-то хороши, Александръ Ивановичъ, мужа моего смущаете,—накидывалась она на Приснухина.

— Помилуйте-съ, чѣмъ же мы тутъ причинны,—оправдывался Приснухинъ.

— Какъ чѣмъ?. Да чего вы нюни-то передъ нимъ распустили? Передъ нимъ заплачь, такъ онъ и думаетъ, что ему тоже ревѣть надо.

— Такъ что же-съ?

— Какъ что? Извѣстно, у него какъ слезы, такъ и водки подавай! Ужъ такой нравъ его, кажется, знаете, вѣдь не чужіе, — сосѣди... Ну, а тамъ бить начнетъ меня же, вамъ хорошо...

— Ужъ какое хорошо,—хуже быть не можетъ! — вздыхалъ Приснухинъ.

А Глаша дѣлалась все задумчивѣе и грустнѣе. Смѣхъ молодой, улыбка радостная, краска свѣжая на лицѣ, — все пропало. Люди около нея о чемъ-то шушукались, а она и смотрѣть въ глаза имъ не смѣла.

— Ты это что, какъ въ воду опущенная, ходишь,—сурово спросила у нея однажды барыня.

У Глаши навернулись слезы, и дрогнуло тѣло.

Барыня осмотрѣла ее пристальнымъ взглядомъ, а у самой сердце сжалось. Любила она Глашу въ теченіе многихъ лѣтъ чисто родственною любовью.

— Ты знаешь, у кого ты служишь?—еще строже и грознѣе спросила она, стараясь подавить въ себѣ чувство естественной привязанности къ Глашѣ. — У моей дочери ты служишь, у дѣвушки, у ангела чистаго.

Глашу била лихорадка, грудь поднималась отъ сдержанныхъ рыданій.

— Что же ты думаешь, что и еще годы пройдутъ, а никто и не узнаетъ, въ какомъ ты положеніи? Ты взгляни на себя-то!

Глаша инстинктивно опустила глаза на свою талію и побѣднѣла, какъ полотно.

— Хорошо?—спросила барыня.

— Матушка, Вѣ-ра Га-ври...—не договорила Глаша, захлебнувшись слезами, и рухнулась къ ногахъ барыни.

— Глаша, Глаша, голубушка! — вырвалось у барыни, и она быстро наклонилась къ лежавшей на полу дѣвушкѣ.

Много въ этотъ день пролилось слезъ.

— Не являлся бы ты ко мнѣ на глаза, — говорила ба-

Digitized by Google

рыня Вѣра Гавриловна своему сыну-студенту.—Что ты надѣлалъ, за что ты ее погубилъ? Ты бы хоть вспомнилъ, что это за дѣвушка была!

Сынъ покраснѣлъ.

— Увлекся!—пробормоталъ онъ, передернувъ плечами.

— Увлекся! Неужели за тобой, какъ за малымъ ребенкомъ, еще нянекъ нужно, чтобъ ты бѣды не надѣлалъ? Жизнь-то вамъ чужая не дорога! И чему вы учитесь? Всѣ науки выучили, а умнѣй не сдѣлались,—отвернулась мать.—Душегубцы!

Наступило молчаніе; человѣчное, горячее состраданіе въ доброй женщинѣ начало смолкать; проснулось сознаніе того, что она живетъ въ свѣтѣ, что кругомъ кишитъ муравейникъ со своими толками, соображеніями...

— Надо что-нибудь сдѣлать, пристроить ее какъ-нибудь,—промолвила мать.

— За ней, кажется, портной какой-то ухаживаетъ,—отвѣтилъ сынъ.

— Откуда ты узналъ эти подробности?—спросила мать.

— Она разсказывала.

Мать съ отвращеніемъ посмотрѣла на него.

— Иди ты отъ меня!—проговорила она.—Бѣдная ты моя, Глаша! А я еще, грѣшница, подумала, что ты сама завлекла его, негодяя!

Сынъ повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ комнаты, пожимая плечами, но не имѣя силъ скрыть краску стыда. Вѣра Гавриловна плакала. Она любила Глашу; она привыкла къ ней; она любовалась, какъ въ былые годы молилась Глаша въ деревенскомъ храмѣ; она иногда мечтала, что никогда не разстанется съ Глашей, что Глаша будетъ няньчить ея внучатъ, будетъ одною изъ тѣхъ вѣрныхъ слугъ, какія были и въ домѣ матери самой Вѣры Гавриловны, какія хранили и ея собственную жизнь въ далекія времена дѣтства; она, пріѣхавъ въ столицу, радовалась, что и ея дочь, и ея сынъ не забыли въ годы разлуки своей подруги дѣтства и привѣтливо приняли ее, эту бѣдную Глашу. И что же вышло, что вышло! Теперь всѣ мечты Вѣры Гавриловны разлетѣлись въ прахъ. Была минута, когда барыня думала простить Глашу,—нѣтъ, не простить; она вѣдь даже и не обвиняла свою любимицу, но просто думала она оставить дѣвушку у себя, отдавъ будущаго ребенка на воспитаніе въ деревню. Была минута, когда барыня увлеклась этими мечтами и даже представляла Глашу еще болѣе

Digitized by Google

преданной, благодарной слугой; но всѣ эти мечты смѣнились новыми соображеніями, болѣе глубокими, болѣе вѣрными, можетъ-быть, но зато болѣе безотрадными. Барыня думала, что, оставивъ Глашу у себя, она дастъ ей возможность видѣться съ молодымъ бариномъ, а кто поручится, что онъ перестанетъ ухаживать за Глашей? Потомъ примѣръ для дочери, потомъ толки прислуги, знакомыхъ, потомъ мысли о томъ, что повадился кувшинъ по воду ходить, — далѣе извѣстно, что̀ бываетъ съ кувшиномъ. Барыня рѣшилась переговорить съ портнымъ, переговорить съ Глашей. Не легки были эти переговоры для всѣхъ трехъ существъ, и, право, тяжело ихъ передавать. Еще тяжелѣе было бы разсказывать, какъ молодой баринъ говорилъ своимъ товарищамъ: «у меня дома цѣлая драма разыгралась. Расчувствовался и попалъ въ петлю...»

— Такъ-то-съ, Глафира Николаевна,—покачалъ портной головою, когда онъ и Глаша остались одни.—Не хотѣли вы нашихъ рѣчей слушать, загубили себя не за денежку!

— Ужъ не говорили бы вы мнѣ этого,—зарыдала Глаша:— мнѣ и безъ того тяжело.

— Мнѣ, думаете, легче?—отозвался портной.

Наступило молчаніе.

— Не берите вы меня за себя, голубчикъ мой, Александръ Ивановичъ! Не стою я васъ!—рыдала Глаша.—Любить-то вы меня не будете.

— Эхъ, Глафира Николаевна, если бъ я не пропащій человѣкъ былъ, такъ я и не знаю, какъ бы я васъ осчастливилъ,—махнулъ рукою портной.

Глаша и онъ помолчали: она слышала какіе-то новые звуки любви, это были уже не полированныя фразы ухаживателя, но скорбь страстнаго человѣка, хватавшая за сердце.

— Пить я началъ,—глухо пробормоталъ портной, отвернувшись въ сторону.

Глаша рыдала. Портной тихо приблизился къ ней и обнялъ ее одною рукой. Она не трогалась съ мѣста. Онъ поцѣловалъ ее въ щеку. Въ былые дни онъ не посмѣлъ бы сдѣлать этого, а она ударила бы его за такой поцѣлуй,— теперь было не то.

— Голубчикъ мой, какъ мы жить-то будемъ!—вырвалось у Глаши.

— Живы будемъ,—увидимъ!—промолвилъ онъ, и въ его глазахъ сверкнулъ огонь страсти.

Кажется, этотъ человѣкъ готовъ былъ схватить ее въ эту

Digitized by Google

минуту и унести куда-то далеко-далеко, на край свѣта, чтобы жить съ нею вдвоемъ, чтобы не видать, не слышать людей!.. А вечеромъ ему говорилъ весь большой домъ на сотнѣ своихъ разнообразныхъ языковъ:

— Ну ужъ, Александръ Ивановичъ, убили бобра!.. Не такая бы пошла за васъ... Охота пришла на ней жениться, вы человѣкъ работящій, честный... И что вы нашли въ ней хорошаго? ничего мы въ ней хорошаго не видимъ!

— Намъ-съ хороша, а на другихъ плевать,—сурово отвѣчалъ Приснухинъ и, гордо отворачиваясь отъ сосѣдей, шелъ со двора.

— Ишь, онъ же и рыло поднимаетъ! Шваль этакая! — говорили про достойнаго уваженія человѣка.

А этотъ человѣкъ бродилъ безцѣльно по городу, словно бѣжалъ отъ кого-то, словно хотѣлъ скрыться отъ своихъ думъ, а думы были безотрадныя, и не у кого было допроситься отвѣта на нихъ, никто и не могъ и не умѣлъ укрѣпить портного, да онъ самъ едва ли бы сумѣлъ высказать, что давило его грудь, что надрывало сердце. То ему казалось, что плевать онъ хотѣлъ на толки, а то стыдно было на людей смотрѣть; то горячо, безумно любилъ онъ Глашу, то попрекалъ ее мысленно за ея грѣхъ; то въ будущемъ видѣлъ счастье, а то живо до безобразія, до цинизма, къ которому способна необузданная страстная натура, представлялъ себѣ свою женитьбу, и въ эти минуты хоть въ воду броситься, такъ и то было бы легче. И шелъ онъ, находившись по городу, въ кабакъ...

Гордо, фертомъ, какъ выразился большой домъ, стоялъ онъ подъ вѣнцомъ, чтобы показать людямъ, что, мол, смотрите, какъ мы женимся и на васъ плевать хотимъ; а на другой день встрѣтился съ сосѣдомъ, тотъ его съ законнымъ бракомъ поздравилъ, пожелалъ ему дѣтей,—и пошелъ Приснухинъ выпить. Вечеромъ онъ билъ жену.

— Голубчикъ мой, простите меня... Рабой вашей буду, только не бейте меня... Все послѣ вымстите, только теперь пощадите, вѣдь вы знаете...—рыдала Глаша, а у замочной скважины, у оконъ, у стѣнъ были уши,—незримыя въ темнотѣ ночи тѣни ловили каждый вопль и разносили о немъ вѣсти по дому.

— Билъ ее сегодня!

— О-о!

— Вотъ житье-то будетъ!

— Ха-ха-ха! — хохотали злые духи во мракѣ и, кажется,

Digitized by Google

этотъ хохотъ слышался въ бѣдномъ жилищѣ портного, доходилъ до самаго сердца обитателей этого угла. — Ха-ха-ха, вотъ житье-то будетъ!

На слѣдующій день портной бушевалъ:

— Молчать!.. Никто меня уговорить не смѣй! я самъ себѣ господинъ. Ну, и кончено!.. Какъ хочу, такъ и дѣлаю! Слесарша усовѣщиваетъ? исколочу проклятую!.. Ты моя жена, ну, и конецъ, ну, и конецъ!.. Ноги твои цѣловать буду и никто не запретитъ, никто!.. Я самъ себѣ господинъ... Подслушиваютъ? Пусть подслушиваютъ, окаянные!

Еще насталъ день. Портной протрезвился, валялся въ погахъ у своей жены, руки ея цѣловалъ, просилъ прощенья, и страстной, горячей любви было полно все его существо.

— И за что я ее гублю?—говорилъ онъ себѣ. — Каинъ я проклятый, демонъ отверженный. Да я этакую жену на рукахъ носить долженъ; и вѣдь хоть бы попрекнула она меня,—такъ нѣтъ: я ее билъ, а она руки мои цѣловала!

И думы все росли, все росли въ теченіе недѣли, когда портной кроилъ, шилъ сюртуки, брюки, жилеты, и все тяжелѣй и тяжелѣй становились его упреки себѣ; въ праздникъ дѣлалось совсѣмъ тошно... Вечеромъ слышались мольбы Глаши...

Родился сынъ. Портной запилъ сильнѣе, но черезъ шесть недѣль онъ началъ остепеняться. Сына онъ не любилъ, но зато сильнѣе сталъ любить жену и рѣже билъ ее. Въ Глашѣ тоже произошла перемѣна: она уже не молила мужа, не плакала, но суровымъ шопотомъ говорила ему:

— Ты меня не бей, ребенокъ спитъ... Не подходи ко мнѣ, неровенъ часъ...

Мужъ, несмотря на опьянѣніе, замѣчалъ зловѣщій блескъ жениныхъ глазъ и дѣлался тише, смирнѣе. На другой день онъ просилъ извиненія у жены безъ страстнаго порыва, но искренно и какъ-то вѣжливо.

— Скверную я привычку взялъ, Глафира, — говорилъ онъ.—Не пускай ты меня въ кабакъ, совсѣмъ пропаду и тебя-то загублю.

Какъ-то онъ увидалъ, что жена тащитъ ведро съ помоями. Это было слишкомъ черезъ два года послѣ женитьбы.

— Что ты, Глаша, сама таскаешь ведра,— сказалъ онъ ей.—Бѣда еще какая-нибудь приключится, храни Господи!

Приснухинъ надѣялся скоро сдѣлаться отцомъ.

Родилась дочь.

— Вотъ она какая красавица! — любовался отецъ ребен-

Digitized by Google

комъ, лежавшимъ въ люлькѣ. — Ты куда ползешь! — крикнулъ онъ сынишкѣ, едва тащившемуся около стѣны къ ложу сестренки.—Убьёшь, сорванецъ, младенца!—портной погрозилъ сыну кулакомъ.

— Не любишь ты его, Александръ Ивановичъ,—слабымъ голосомъ говорила Глаша, лежавшая въ постели.

— Что мнѣ его не любить!—отозвался мужъ:—я только насчетъ того, что онъ вездѣ суется...

— Нѣтъ, ты его притѣсняешь,—заплакала Глаша.

— Ишь, чего расплакалась!—взволновался портной.—И безъ того больна, вѣдь этакъ и Катя захвораетъ... Ну, вонъ смотри, я ему пряника далъ. На, баринъ, пряника, чего хвостъ поджалъ, — обратился отецъ къ сыну, остановившемуся въ раздумьи въ ту минуту, когда ему былъ показанъ кулакъ.

Такъ пошли дни, мѣсяцы и годы въ жилищѣ Приснухина. Семья прибавлялась и убавлялась ежегодно. То родины, то похороны. Бѣдность росла. Нерѣдко приходилось Глашѣ просить помощи у старой барыни. Барыня стала холодна къ Глашѣ, но помогать не отказывалась. Портной почти пересталъ пить и началъ относиться къ своей женѣ болѣе гуманно. Работа стала прибавляться: Приснухинъ вошелъ въ сдѣлку съ какимъ-то подрядчикомъ. Сына, какъ мы видѣли, онъ не любилъ и готовъ былъ всегда побить, но за сына стояла мать, и злоба отца мало-по-малу перешла въ какую-то насмѣшливую холодность. Разъ сынишка, играя на дворѣ, увидалъ нищую съ ребенкомъ.

— Вотъ, батюшка, рубашечки даже нѣтъ у ребенка, — говорила она жалобнымъ голосомъ прохожему.

— Возьми мою; у меня другая есть,—быстро подвернулся Порфирій и, стянувъ черезъ голову верхнюю рубашонку, отдалъ ее нищей.

— Ишь, какой жалостливый, такъ и видно, что не холопъ,—отозвался отецъ, услышавъ о поступкѣ сына.

Въ другой разъ Порфирій сотворилъ другую штуку. Сынъ жившаго въ домѣ надворнаго совѣтника постоянно задиралъ сына портного: то толкнетъ его, то языкъ ему высунетъ, а иногда и скажетъ:

— Дрянь!

Порфирій въ одну изъ такихъ встрѣчъ не вытерпѣлъ и «вздулъ», какъ онъ выражался, семилѣтняго врага.

— Обидчивъ больно, не наша кровь!—презрительно улыбнулся портной, когда ему пожаловались на буяна.

Digitized by Google

Встрѣчая холодность и притѣсненія со стороны отца, Порфирій привязался къ матери. Сынъ и мать научились понимать каждый жестъ, каждый взглядъ другъ друга. Мать не бранила сына за шалости, чтобы не навлечь гнѣва отца, но качала ему незамѣтно головой, и сынъ конфузился, утихалъ. Мать не плакала при сынѣ, но сынъ угадывалъ по цвѣту ея глазъ, по выраженію ея лица, что ей тяжело, что она плакала безъ него. Въ обоихъ существахъ развилась изумительная чуткость.

— Мамка, что ты все плачешь?—спрашивалъ маленькій Порфирій, сидя съ нею по вечерамъ у топившейся печки.

— Такъ... горя много... — отвѣчала мать, ласково глядя на него.

Сынъ вздыхалъ, точно и ему было извѣстно тяжелое горе, и смотрѣлъ на огонь, который дрожалъ и вспыхивалъ въ печи. Какіе-то сны носились надъ дѣтской головкой ребенка и надъ головой его матери. Въ комнатѣ царила тишина.

— Что ты шляешься по двору! — раздавался крикъ на лѣстницѣ, и въ комнату появлялся Приснухинъ-отецъ, ведя за ухо одного изъ мальчишекъ-работниковъ.

— Я только вышелъ,—хныкалъ мальчуганъ.

— Халаты дерете, сапоги топчете, не напасешься на васъ одежи, разбойники!—бушевалъ портной.

— Полно, Александръ Ивановичъ, ложись спать, — уговаривала его жена.

— А! ты думаешь, я пьянъ?—кричалъ мужъ.—Врешь, я не пьянъ! Гдѣ баринъ-то?

Баринъ, или, иначе сказать, Порфирій успѣвалъ спрятаться въ уголъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ушелъ, дома его нѣтъ!—отвѣчала жена.

— Погоди, приди онъ, такъ я ему задамъ выволочку!— грозилъ портной, и если жена очень сильно рѣшалась возражать, то мужъ пробовалъ вспомнить былые годы и побить ее.

— Мамка, отецъ за меня тебя колотитъ,—говорилъ сынъ на слѣдующій день, сидя снова съ матерью у огня. — Я прятаться отъ него не буду...

— Нѣтъ, это онъ не за тебя дерется,—отвѣчала мать.

— А за что же?

— Такъ, Порфирушка, пьетъ онъ...

— А съ чего онъ пьетъ, мамка?

— Христосъ его знаетъ,—говорила мать, едва сдерживая слезы.

Digitized by Google

Знала она, съ чего онъ пьетъ.

Наставало молчаніе; сынъ глядѣлъ въ огонь и о чемъ-то размышлялъ.

— Я не буду пить, какъ большой вырасту! — какъ бы самому себѣ говорилъ сынъ, а можетъ-быть, онъ говорилъ огню, который весело и бойко сверкалъ передъ его глазами, съ трескомъ пожирая смолистыя дрова.

Шли еще годы, сынъ началъ читать,—мать научила его, научила, сидя все у той же печки въ полусумеркахъ зимнихъ вечеровъ. Нерѣдко ребенокъ, разбирая склады, засыпалъ у ея ногъ съ книжкою въ рукахъ, и когда онъ просыпался, то видѣлъ тѣ же потухающія дрова въ печи и ту же мать съ заплаканными глазами и грудным младенцемъ на рукахъ.

— Мамка, ты любишь мою сестричку?—спрашивалъ сынъ.

— Люблю, я всѣхъ васъ люблю,—отвѣчала мать.

— А отецъ не всѣхъ любитъ,—задумывался сынъ и протяжно говорилъ, устремляя глаза въ огонь:—меня онъ не любитъ!

— Мамка, хочешь, я въ книжкѣ читать буду?—спрашивалъ онъ, когда научился читать.

— Читай, голубчикъ.

— Ну, слушай!

Начиналось чтеніе какой-нибудь книжки, романа Лажечникова или Загоскина, Нарѣжнаго или Масальскаго,—всего того, что мать могла гдѣ-нибудь достать для любящаго чтеніе сынишки, и эти, то наивныя, какъ дѣти, то чувствительныя, какъ женщины, книги занимали дѣтскій умъ и согрѣвали дѣтское сердце: онѣ были, со всѣми своими странностями и ошибками, и добрѣе и умнѣе людей, окружавшихъ ребенка.

— Кто же это, мамка, французы? Нехристи они, что ли?—спрашивалъ сынишка, встрѣтивъ въ книгѣ разсказъ о нашествіи французовъ на Россію.

— Должно-быть, нехристи.

— А за что они нашихъ бьютъ?

— Такъ, Порфирушка... Объяснить-то я тебѣ ничего не умѣю.

Порфирій устремлялъ глаза въ печку и думалъ, искалъ объясненій для своихъ вопросовъ, обѣщалъ матери научить и ее всему, чему выучится самъ. Вопросы становились между тѣмъ, съ каждымъ днемъ сложнѣе и сложнѣе. Рядомъ съ этими вопросами шло развитіе ребенка въ практическомъ

Digitized by Google

отношеніи. Родился ли у него братишка или сестренка, Порфирій сновалъ по комнатѣ, услуживалъ, бѣгалъ за священникомъ. Умиралъ ли кто-нибудь изъ дѣтей, Порфирій зналъ, что будетъ стоить гробъ, панихида, могила. Приходилъ ли отецъ изъ мѣщанской или ремесленной управы, Порфирій зналъ, на что будетъ злиться отецъ и кого ругать будетъ. Отецъ началъ понемногу входить въ подряды при помощи протекціи женіной барыни; Порфирій и тутъ зналъ, какое сукно поставитъ отецъ, кого угощать будетъ, кому деньгами ротъ заткнетъ. Пріемъ новаго мальчишки въ ученье заставлялъ Порфирія предугадывать всю судьбу этого мальчугана, и жаль ему было отца и мать этого ребенка, когда они кланялись и просили его отца, Приснухина, поберечь ихъ дитятко ненаглядное. И чѣмъ тяжелѣе становились сцены семейной жизни, тѣмъ сильнѣе тянуло Порфирія къ книжкѣ или за порогъ квартиры къ бабкамъ. Мы видѣли его управлявшимъ лодкою на Фонтанкѣ; мы могли бы увидѣть его въ кулачномъ бою на дворѣ. Мы слышали, какъ онъ успокоилъ однажды отца, заступаясь за мать,—мы могли бы подслушать, какъ онъ говорилъ отцу:

— За меня крестный отецъ въ гимназію платитъ, ты меня не попрекай.

— Кто тебя, баринъ, попрекаетъ; ты въ генералы выйдешь, а мы порадуемся,—насмѣшливо отвѣчалъ портной и кланялся сыну. — И насъ, грѣшныхъ, можетъ-быть, не позабудешь, накормишь подъ старость за то, что мы тебя въ малолѣтствѣ кормили.

Мы могли бы увидать въ эти минуты на лицѣ Порфирія краску стыда и негодованія. Онъ былъ изъ тѣхъ натуръ, которымъ нужны прямые отвѣты на прямые вопросы, открытый бой съ незамаскированнымъ врагомъ. Эти натуры могутъ дѣлать дѣло, могутъ бороться, могутъ успѣвать во всемъ; но онѣ испортятъ всякое дѣло, если съ ними будутъ хитрить; онѣ вспыхнутъ, какъ порохъ, и сожгутъ весь запасъ своей силы въ то время, какъ врагъ будетъ медленно и тайно подводить свои мины, разставлять сѣти. Передъ Порфиріемъ стоялъ теперь человѣкъ, котораго онъ никакъ не могъ назвать своимъ другомъ, потому что помнилъ его тайныя колотушки, и не могъ считать его врагомъ, потому что этотъ человѣкъ наклонялъ передъ нимъ голову, отвѣчалъ на его дерзости кротостью и только изрѣдка въ этой кротости слышался звукъ насмѣшливости и презрѣнья. Порфирій не зналъ, какъ держать себя съ этимъ

Digitized by Google

человѣкомъ, выходилъ изъ себя въ столкновеніяхъ съ нимъ, встрѣчалъ въ отвѣтъ на свои вспышки спокойные отвѣты и краснѣлъ, терялся, внутренно ругая себя.

Въ гимназіи Порфирій отличался своею откровенностью, быстрымъ соображеніемъ, бойкостью, но считался не очень прилежнымъ ученикомъ и засиживался въ классахъ по два года. Лѣнтяй—это названіе часто прилагалось бы къ нему, если бы его горячая натура могла быть заподозрѣна въ сонливости, всегда сопровождающей настоящую лѣность. Его прозвали вѣтромъ, огнемъ, вспышкою. Но почему же онъ лѣнился? Начнетъ онъ уроки учить, а отецъ въ это время треснетъ кого-нибудь изъ своихъ учениковъ, тотъ разревется,—глядишь, Порфирій покраснѣетъ, заткнетъ уши, броситъ книгу и бѣжитъ во дворъ. Тамъ игра, смѣхъ, его приглашаютъ въ бабки играть,—заиграется онъ, а вечеръ идетъ къ концу.

— Что ты, Порфирушка, все бѣгаешь, не учишься?—упрекнетъ его мать.

— Не могу я учиться, когда въ домѣ стонъ стоитъ. Чего отецъ-то зря мальчишекъ забиваетъ?—отвѣчаетъ Порфирій.

— Да ты вниманья не обращай на это,—совѣтуетъ мать.

— А ты, мамка, зачѣмъ по вечерамъ плачешь? Нешто не отъ того тебѣ горько, что въ домѣ у насъ Содомъ? Нешто не оттого ты вонъ то во щи соль забудешь положить, то въ комодъ вмѣсто шкапа чашки ставишь.

Мать вздыхаетъ.

— Посмотрѣлъ бы я, много ли бы ты научилась, если бъ тебя на мое мѣсто засадить,—говорилъ сынъ.

— Умный ты, на все у тебя отвѣтъ найдется,—усмѣхается и въ то же время вздыхаетъ мать.—А учиться надо, голубчикъ, надо.

— Самъ я это знаю!

Воскресный вечеръ приходитъ, и снова мать съ сыномъ сидятъ у огня, сынъ снова читаетъ ей книги и говоритъ съ нею, но теперь онъ учитъ ее: онъ передаетъ ей слышанное отъ учителей, разсказываетъ, за что били насъ французы, и мать чутко слушаетъ; ей становится весельѣе, и у нея является какая-то бодрость, та бодрость, которая дѣлала ее прекрасною въ дѣвическіе годы. Иногда разговоры смолкнутъ, мать и сынъ задумчиво глядятъ на огонь, и носятся въ ихъ головахъ какія-то свѣтлыя думы.

— Теперь я счастлива,—задумчиво шепчетъ мать.—Учись, голубчикъ, меня учи...

Digitized by Google

— Сынъ удивленными глазами смотритъ на мать; онъ еще и не сознавалъ, что онъ учитъ ее, а она уже поняла это и увлекалась мыслью, что и она будетъ что-нибудь знать.

— Помнишь, сколько ты за меня отъ отца терпѣла?— спрашиваетъ сынъ нѣжнымъ голосомъ, вспоминая, какъ мать защищала его.

— Богъ съ нимъ, со старымъ житьемъ!—произноситъ мать и проводитъ рукой по волосамъ сына, а тутъ бѣжитъ кто-нибудь изъ младшихъ ребятишекъ и кричитъ:

— Мама, мама, мнѣ игьюшку подалили!

Ночь наступаетъ мирно...

Шелъ Порфирію семнадцатый годъ. Въ это время портной, уже перенесшій мастерскую изъ маленькой квартиры въ большую, задумалъ открыть еще большую мастерскую и прихватилъ третью квартиру. Денегъ у него скопилось не мало, подряды вывезли его на хорошую дорогу. Мало и рѣдко онъ пилъ, теперь онъ называлъ питье желаньемъ «побаловаться», но оно уже не было необходимостью забыться отъ горя. Жену онъ уже не билъ, рѣдко билъ и мальчишекъ, хотя иногда и давалъ имъ мимоходомъ тумака. Фигура его сдѣлалась степенною; глаза, горѣвшіе прежде лихорадочнымъ блескомъ отъ страсти, отъ недовольства жизнью, отъ гнѣва, стали спокойнѣе, холоднѣе, лукавѣе, и зорко высматривали человѣка. Низко гнулась его спина передъ всѣми, кто стоялъ выше его или кого можно было провести. Холодно выпрямлялся онъ передъ просителемъ, передъ должникомъ, и на всѣ мольбы сухо отвѣчалъ:

— Всѣмъ ѣсть хочется!

«Изъ прошенья шубы не сошьешь», «слезами сытъ не будешь», «всѣхъ покойниковъ не оплачешь», «не побожишься—не продашь», и тому подобныя фразы пошли въ ходъ, и говорились онѣ съ добродушно-лукавою улыбкою. Теперь «большой домъ» въ лицѣ своихъ жильцовъ кланялся въ поясъ Александру Ивановичу; теперь «большой домъ» боялся говорить дурно объ Александрѣ Ивановичѣ; теперь Александръ Ивановичъ глядѣлъ съ презрѣньемъ на «большой домъ» и словно вызывалъ его на бой: «ну, говори, что ты про меня, подлецъ, знаешь?» Въ это время умерла барыня Глаши, а молодой баринъ отказался платить за Порфирія въ гимназію. Приходилось окончить годъ ученья и выйти изъ пятаго класса. Порфирій сталъ просить отца платить за него въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ.

Digitized by Google

— Видно, и кошкѣ поклонишься иногда въ ножки,— усмѣхнулся отецъ.—Нѣтъ, братъ, довольно учености набираться, умъ за разумъ зайдетъ. Посмотри-ка на нашихъ ученыхъ купчиковъ, все пьяницы; что отцы нажили, то они прожили. Сволочь!.. Теперь ты можешь у меня дѣломъ заняться, а мнѣ другихъ дѣтей грамотѣ обучить надо.

— Я буду ихъ учить, только платите за меня,—просилъ Порфирій.—Я все готовъ дѣлать.

— Смѣшной ты человѣкъ! Много ли времени будетъ у тебя оставаться отъ ученья на дѣло и за что же я тратиться буду?

— Да вѣдь я же буду учить дѣтей, книги вамъ вести...

— Ну, эти дѣла и за харчи всякій согласится вести,— усмѣхнулся отецъ.—Махни я рукой, такъ студентишки-оборванцы сотнями набѣгутъ. Ѣсть-то и имъ, чай, хочется. А ты, баринъ, больно дорого свой трудъ цѣнишь... Тебя, пожалуй, и одѣвать надо?

Началась одна изъ страшныхъ, скорбныхъ сценъ. Поднялась грязь упрековъ, воспоминаній, обличеній и брани. Насмѣшки отца и ѣдкія фразы юноши-сына слились въ одинъ какой-то адски-мучительный и безобразный по своей безчеловѣчности хоръ.

— Такъ живите же вы одни со своими деньгами; я найду гдѣ-нибудь кусокъ хлѣба,—воскликнулъ сынъ.

— Не видалъ я что-то, чтобы хлѣбъ на улицахъ валялся, а впрочемъ, поищи, баринъ, можетъ, ты и счастливый,—усмѣхнулся отецъ.

— Да ты лучше избилъ бы меня, чѣмъ издѣваться надо мною!—вырвался стонъ изъ груди сына.

Глаза отца сверкнули на мигъ и потухли снова.

— Зачѣмъ бить, Порфирій; вольному воля, спасенному рай... Хочешь особнякомъ жить—живи; придешь ко мнѣ— милости просимъ... Ты вотъ теперь все кулаки сжималъ, а ты кулакомъ стѣны не прошибешь, ты проси; знаешь: просите и дастся вамъ!

— Онъ и просилъ тебя, Александръ Ивановичъ,—послышался неожиданно женскій голосъ.—Только если кулакомъ стѣны не прошибешь, такъ и просьбой не много изъ нея сдѣлаешь... Стыдно тебѣ, да и грѣхъ...

Упрекъ былъ произнесенъ ровнымъ, тихимъ голосомъ, но Александръ Ивановичъ поблѣднѣлъ.

— Сынъ горячъ, но тебя не ударитъ,—продолжала жена

Digitized by Google

все тѣмъ же тономъ.—А вѣдь ты, когда горячъ былъ, такъ ты людей въ гробъ заколачи...

— Полно, Глафира Николаевна, что про старое говорить,—торопливо перебилъ Александръ Ивановичъ. Его, точно коленое желѣзо, жгли простыя слова жены и ея убійственно спокойный тонъ.—Я не могу заплатить за него, потому что другихъ дѣтей обучать надо. Или тебѣ эти не милы, только онъ милъ?

— Ты вѣдь и не думаешь этого,—просто отвѣтила жена.

Мужъ отвернулся. Порфирій вышелъ изъ комнаты, махнувъ рукою. Порфирій пошелъ къ инспектору гимназіи спросить, не можетъ ли тотъ доставить ему уроковъ. Инспекторъ любилъ Приснухина, но помочь ему не могъ: уроковъ не было на примѣтѣ. Инспекторъ обѣщалъ доставить ихъ своему любимцу зимою, а теперь предложилъ написать письмо къ его отцу и усовѣстить врага.

— Нѣтъ, не пишите; онъ только осмѣетъ васъ,—отвѣтилъ Порфирій.

— Какъ осмѣетъ?—изумился инспекторъ.

— Да такъ; скажетъ, что на чужія деньги у всѣхъ глаза горятъ, что въ чужомъ карманѣ всѣ считать умѣютъ.

Инспекторъ задумался и обѣщалъ хлопотать, чтобы Порфирія по бѣдности избавили отъ взноса платы. Возвращаясь домой, Порфирій встрѣтился съ отставнымъ дьячкомъ-читальщикомъ, читавшимъ псалтырь и надъ тѣломъ Семена Мартыновича. Юношу озарила какая-то мысль.

— А что, взяли бы вы меня къ себѣ, если бы я сталъ пѣть въ хорѣ вашего сына или читать съ вами по покойникамъ?—спросилъ онъ.

— Отчего не взять,—отвѣтилъ дьячокъ.—Сходи, поговори съ Васькой.

Порфирій пошелъ къ Васькѣ, къ сыну дьячка, регенту пѣвчихъ, нанимавшихся къ кому угодно на свадьбы и на похороны и пѣвшихъ въ одной изъ ближайшихъ отъ «большого» дома церквей. Квартира регента Богословскаго находилась на чердакѣ. Тамъ Порфирій засталъ юнаго хозяина, какую-то отвратительную женщину и водку; въ углу, свернувшись клубкомъ, спалъ на дырявой пинелишкѣ одинъ изъ маленькихъ пѣвчихъ и изрѣдка почесывался, вѣроятно, обороняясь отъ клоповъ. Регентъ былъ полупьянъ. Объясняться было почти невозможно, но надежда на принятіе въ число пѣвчихъ была, такъ какъ хозяинъ радушно предложилъ гостю водки и, хлопнувъ его по плечу, сказалъ:

Digitized by Google

— Поступай-ка, братъ, къ намъ въ хоръ. Ты вѣдь лихо поешь!

Женщина отъ чего-то захихикала. Порфирію стало гадко, а въ головѣ, между тѣмъ, промелькнула мысль: авось, привыкну! Поздно вечеромъ вернулся онъ домой и легъ спать. На слѣдующій день,—это было воскресенье,—онъ снова видѣлся съ Богословскими и пошелъ посмотрѣть на бывшую въ домѣ покойницу, словно желая убѣдиться, можетъ ли онъ сдѣлаться читальщикомъ. Покойница эта была Скрипицына. Здѣсь онъ встрѣтилъ Варю, разговаривавшую съ нѣмкою. Порфирій вспомнилъ встрѣченную имъ вчера у Богословскаго женщину и не удержался отъ вмѣшательства въ дѣло, отвелъ Варю отъ нѣмки. Этимъ онъ возобновилъ или, лучше сказать, началъ знакомство съ Варею, такъ какъ они почти забыли другъ друга въ послѣдніе два года. Оба они изъ дѣтей превратились въ молодыхъ людей: она сдѣлалась дѣвушкою, готовою идти хоть подъ вѣнецъ, у него пробивался тонкій пухъ надъ верхней губой. Изъ квартиры Скрипицыной онъ пробрался домой въ свою каморку и сталъ связывать нѣкоторыя изъ своихъ вещей. Мысль объ оставленіи родного гнѣзда не покидала его. Юность, самонадѣянность, чуткость къ обидамъ,—все вмѣстѣ толкало его отсюда, а вѣра въ свои еще неиспытанныя, но свѣжія силы обольщала надеждой на будущее, на возможность бороться съ судьбой. Но куда идти? Все чужія, незнакомыя, непривѣтливыя лица. У Богословскихъ грязь... Что-жъ, что грязь? Надо испытать, перенести все. Узелокъ былъ связанъ. Порфирій осмотрѣлъ свою каморку и вздохнулъ. Тутъ пережилось не одно горе, были и счастливые часы... Вотъ на стѣнѣ, надъ постелью, выцарапанъ какой-то стишокъ, сочиненный въ день рожденія матери самимъ Порфиріемъ въ подраженіе Кольцову; вотъ комодъ съ замыкающимися ящиками, подаренный тоже матерью, здѣсь прятались отъ меньшихъ братьевъ и сестеръ любимыя книги, картинки, купленныя на деньги матери, и все это связано съ ея именемъ, съ ея любовью. И вдругъ бросить ее, бросить въ воскресный вечеръ, когда она, вѣрно, сидитъ у огня и ждетъ сына! Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Порфирій бросился въ комнату, гдѣ обыкновенно сидѣла мать, и, отворивъ двери, остановился на порогѣ. Мать, спокойная, кроткая, сидѣла у огня; у ея ногъ играло двое дѣтей, третій ребенокъ спалъ на колѣняхъ.

— А я все тебя поджидала,—проговорила она, не пово-

Digitized by Google

рачивая головы и узнавъ сына по походкѣ.—Я придумала, какъ устроить дѣло. Все пойдетъ хорошо.

Порфирій съ поникшей головой и опущенными глазами приблизился къ ней и остановился передъ нею, спиной къ огню, такъ что она почти не могла разсмотрѣть его лица.

— У меня есть деньги,—продолжала она.—Я ихъ копила для всѣхъ васъ. Теперь я пущу ихъ въ оборотъ, открою магазинъ, стану платья шить на заказъ. Ты будешь жить и учиться на мои деньги. Вѣдь тебѣ тяжело оставить гимназію?

— Я бы и не оставилъ ее! Никогда, никогда не оставилъ бы!—вырвалось восклицаніе у сына.

— Такъ ты, вѣрно, тоже придумалъ что-нибудь,—просто замѣтила мать.—Скажи, что? Можетъ-быть, по-твоему удобнѣе сдѣлать...

Сынъ еще ниже опустилъ голову и молчалъ.

— Что же, голубчикъ?—подняла мать на сына свои глаза.

— Матушка, я уйти хотѣлъ,—опустился онъ на колѣни передъ нею и положилъ свою голову около спавшаго на ея рукахъ ребенка.

— Дитя, дитя!—проговорила мать, и въ ея глазахъ сверкнула слеза.

Наступило продолжительное молчаніе.

— А еще меня училъ,—улыбалась черезъ нѣсколько минутъ мать.—Хорошъ учитель, бѣжать хотѣлъ! Кто же бы съ ученицей-то остался? Что бы она стала безъ тебя дѣлать?..

— Нечему мнѣ тебя учить,—прошепталъ сынъ, все еще не отнимая головы отъ колѣней матери.

Воскресный вечеръ шелъ къ концу. Мать и сынъ вели серьезные разговоры. Они впервые сознавали, что они, словно по ошибкѣ, заброшены въ этотъ домъ; что она не похожа на жену, а онъ не похожъ на сына портного; что они стоятъ выше; что ихъ подняло что-то надъ этой сферой самодурства, пьянства, торгашества, черствой мѣщанской морали и мѣщанскихъ наслажденій. Они поняли, что они стоятъ не въ отношеніяхъ матери и сына, но въ отношеніяхъ брата и сестры, испытавшихъ одно и то же общее горе, общія притѣсненія и общія радости. Они были вполнѣ счастливы и даже не подозрѣвали, что это счастье будетъ смѣшно людямъ, что оно погибнетъ или, по крайней мѣрѣ, его будутъ стараться губить люди въ чаду своихъ глубокихъ соображеній. Вечеръ кончился. Порфирій вошелъ

Digitized by Google

въ свою каморку и осмотрѣлся, какъ будто онъ вернулся сюда послѣ десятилѣтняго отсутствія, и каждая вещь здѣсь казалась ему теперь еще милѣе, еще дороже, чѣмъ прежде; онъ впервые понялъ, что̀ значитъ родное гнѣздо.

На слѣдующій день онъ зашелъ къ Ардальону.

— Вонъ ты съ Варькой всякій день раскланивался въ окно,—сказалъ онъ пріятелю:—а что бы теперь пройти къ ней, да помочь ей. Ее вонъ нѣмка къ себѣ жить сманиваетъ.

— Какая нѣмка?—спросилъ Ардальонъ.

Порфирій началъ разсказывать. Ардальонъ ничего не понималъ.

— Эхъ ты, младенчество горемычное,—промолвилъ Порфирій.

Ему щемило сердце за участь Вари; онъ думалъ, что ей такъ же горько покидать квартиру Скрипицыной, какъ было трудно ему покинуть свой уголъ. Онъ не зналъ, что у Вари не было родного гнѣзда, родныхъ сердцу воспоминаній, связанныхъ съ какими-нибудь вещами, не понималъ, что она равно холодно смотрѣла на всѣхъ и готова была идти за первымъ встрѣчнымъ, если онъ возьметъ ее съ собою.

Черезъ нѣсколько времени на стѣнѣ «большого дома» появилась пятнадцатая вывѣска съ надписью: «Моды и Платья, Modes et Robes»; вывѣска жалась къ вывѣскѣ портного, но нарисованная на ней рука указывала на отдѣльную дверь, не имѣвшую, повидимому, ничего общаго съ мастерской портного; почти въ то же время въ ленныхъ владѣніяхъ Порфирій встрѣтился съ новыми жильцами, можетъ-быть, немного знакомыми и намъ.

VII.

Трезоръ пробуетъ осчастливить людей и терпитъ за это непріятности.

Читатель видѣлъ, что Варѣ предстояла почти неизбѣжная гибель, но въ то же время онъ могъ угадать, что кто-нибудь непремѣнно долженъ спасти бѣдную дѣвочку, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, разсказъ долженъ бы былъ кончиться въ самомъ началѣ. Читатель, можетъ-быть, даже угадалъ и то, кто спасетъ Варю: онъ уже успѣлъ познакомиться съ ея Трезоромъ, съ жиденькой гувернанткой. Дѣйствительно, Ольга Васильевна Суздальцева рѣшилась спасти Варю. Но какъ? Вотъ вопросъ, долго мучившій бѣдную дѣвушку. Сначала она начала строить различные

Digitized by Google

планы, доказывавшіе вполнѣ, что у нея очень сильно развито воображеніе и что она довольно своеобразно понимаетъ дѣйствительную жизнь. Если бы мы сказали, что она представляла себѣ пріѣхавшаго изъ-за границы наслѣднаго принца, что она представляла его влюбившимся въ Варю, что она представляла его бракосочетаніе съ Варей, сопровождаемое торжествомъ и ликованіемъ всего «большого дома», то все это было бы не очень далеко отъ истины и уступало бы только немного въ яркости колорита, такъ какъ у насъ въ воображеніи не могло бы найтись столь яркихъ красокъ, какія были въ воображеніи Ольги Васильевны. Но изъ подобныхъ соображеній ничего не выходило, несмотря на сладкія улыбки, вызванныя ими на лицо бѣдной, доброй, простенькой дѣвушки. Долго тѣшилась этими соображеніями Суздальцева, называя мысленно Варю «Сандрильоной» и представляя ея шествованіе къ вѣнцу; наконецъ, насталъ день, когда нужно было очистить квартиру Скрипицыной. Ольга Васильевна неожиданно, даже для себя самой, сказала Варѣ:

— Сходимъ, Варя, къ Авдотьѣ Игнатьевнѣ, не уступитъ ли она намъ комнату твоего отца.

— Сходимте, Ольга Васильевна,—отвѣтила Варя.—Но чѣмъ же мы будемъ жить?

— Полно, полно, милочка! Что тебѣ объ этихъ мелочахъ заботиться. Объ этомъ и думать не стоитъ!

Къ вечеру слѣдующаго дня Ольга Васильевна и Варя перебрались къ Авдотьѣ Игнатьевнѣ въ ленныя владѣнія. Это былъ первый «поступокъ» Ольги Васильевны. Вторымъ «поступкомъ» было то, что она рѣшилась давать частные уроки, чтобы существовать съ своей любимицей; третьимъ «поступкомъ» были ея занятія съ Варей «всѣми предметами науки», цѣлью этихъ занятій былъ университетскій экзаменъ, который Варя должна была когда-нибудь выдержать. Послѣ этихъ «поступковъ» Ольга Васильевна снова предалась своимъ соображеніямъ и снова мечтала о наслѣдномъ принцѣ или, по крайней мѣрѣ, о графѣ, предлагающемъ руку и сердце милой Сандрильонѣ, и стала совершенно спокойна, видя, какая блестящая будущность ждетъ ихъ всѣхъ впереди.

— Тяжело вамъ, голубчикъ, трудиться,—говорила ей Варя.

— Полно,—отвѣчала Ольга Васильевна съ сладкой и немного плутоватой улыбкой.—Все это мелочи, все это

Digitized by Google

пройдетъ. Мы теперь, какъ солдаты, на бивуакахъ живемъ. Нельзя же безъ этихъ маленькихъ непріятностей прожить. А вотъ ты подожди, что будетъ-то... Хорошо будемъ мы жить!..

Варя вѣрила.

— Иногда вы мнѣ кажетесь той волшебницей, которая однимъ движеніемъ руки обращаетъ тыкву въ богатую карету,—говорила Варя.

— А знаешь, Варя, это самое мнѣ снилось вчера во снѣ; даже Акулину Елизаровну и ту я сдѣлала такою счастливою, счастливою,—улыбалась жиденькая гувернантка.

Нечего говорить, какъ обрадовалась Игнатьевна новымъ жильцамъ, какъ она выгнала съ позоромъ и свойственнымъ ей озлобленіемъ изъ комнаты Семена Мартыновича худо платившую за помѣщеніе жилицу, какъ маіорская дочь говорила выѣзжающей жилицѣ, что «ужъ, конечно, пріятнѣе жить съ образованными людьми, чѣмъ съ какой-нибудь мѣщанкой», а Акулина Елизаровна, какъ только взглянула на Ольгу Васильевну, такъ тотчасъ же и прослезилась и прошептала: «Награди ее, Господи, за благодѣянія!» Все это было въ порядкѣ вещей и объясненій тутъ не нужно. Началась новая жизнь въ феодальномъ государствѣ. Съ утра до вечера шли тамъ разговоры о предшествовавшихъ событіяхъ, разсужденія о будущемъ, въ комнатѣ капитанши сталъ чаще появляться Ардальонъ, прежде проводившій многіе часы у товарищей; въ комнатѣ маіорской дочери чаще раздавались французскія слова въ родѣ «драпиры» и даже если подавались хорошія булки, то маіорская дочь громогласно объявляла, что онѣ настоящій «при-фиксъ». Гувернантка очень уставала отъ бѣготни на уроки, но ни разу не явилась она домой съ угрюмымъ лицомъ и при входѣ въ феодальныя владѣнія уже въ первой комнатѣ на ея губахъ появлялась ея добродушная улыбка, потому что изъ третьей комнаты уже слышался тихо напѣвающій какую-нибудь пѣсню голосокъ Вари, и молодое существо, заслышавъ скрипъ двери, бѣжало навстрѣчу къ своему вѣрному другу-Трезору.

— Не смѣйте, не смѣйте сами шляпки снимать, я васъ раздѣну,—суетилась Варя около Трезора, развязывая ленты шляпки.—Вотъ такъ, садитесь, я все уберу.

— Да я не устала,—говорила съ улыбкой Ольга Васильевна.

— Устали! Устали!—кричала Варя, усаживая Ольгу Ва-

Digitized by Google

сильевну, прибирая ея вещи и поминутно выбѣгая въ кухню, чтобы поторопить Игнатьевну, приготовлявшую чай. Молоденькая хозяйка то забывала подать себѣ чашку, то наливала сливокъ вмѣсто чаю, то вмѣсто сахару клала сухари, начинался хохотъ, звонъ серебристаго молодого голоса проносился черезъ всѣ ленныя владѣнія, и ихъ обитательницы оживлялись, смѣялись, говорили: «Ай-да молодая хозяйка, хорошо хозяйничаетъ!» А Варя иногда звала ихъ, по желанію Ольги Васильевны, къ себѣ и тоже поила чаемъ. Шли безконечные разговоры, совѣщанія, признанія, и вечеръ летѣлъ быстро.

— Да вотъ скоро мнѣ безъ Ардальоши придется жить, выйдетъ онъ черезъ годъ изъ емназіи, студентомъ будетъ, разъѣдемся,—жалобно говорила Акулина Елизаровна.

— Отчего же вамъ и тогда не жить вмѣстѣ?—удивлялась Ольга Васильевна.

— Гдѣ мнѣ, вѣдь я неблагородная! Товарищамъ неловко будетъ къ нему ходить.

— Да почему вы считаете себя неблагородною, вѣдь вы капитана жена?

— Да-съ, это точно, что мой мужъ капитанъ былъ, царство ему небесное, а я-то неблагородная... Ужъ и какъ это я замужъ-то за него, моего голубчика, вышла,—сама по сію пору не знаю!—предавалась грустнымъ воспоминаніямъ капитанша.—Жили мы это съ покойницей-матушкой въ бѣдности, семья была большая, дѣти малъ-мала-меньше, вотъ я однажды по мѣщанству да по бѣдности и мою полы,—вдругъ дверь настежь, гляжу—офицеръ въ дверяхъ. Молода я была, платьишко подобрано, прости Господи, мочалка въ рукахъ,—покраснѣла я. Оно, знаете, трудиться Богъ велѣлъ, а вотъ покраснѣла-таки тогда, грѣшница! «Кого вамъ?» спрашиваю офицера.—«Не здѣсь ли, говоритъ, Мухраковы живутъ?»—«Здѣсь», отвѣтила я-то.—«А вы, вѣрно, Акулина Елизаровна?» спрашиваетъ онъ. — «Да-съ,» отвѣчаю я, да платьишко обдергиваю.—«Ничего, ничего, говоритъ, не стыдитесь, трудиться не стыдно... Я это, знаете, только потому зашелъ, что вы мнѣ понравились. Хотите выйти за меня замужъ?»—Какъ онъ сказалъ это, я такъ и залилась слезами, представилось мнѣ, что онъ шутитъ надо мной, а вѣдь что-жъ, если бъ и пошутилъ? не барыня была! Я бѣжать, онъ за мной въ комнату... Помяни его Господи во царствіи Твоемъ!—слезливо произнесла капитанша и утерла набѣжавшую слезу.

Digitized by Google

— Ну, и что же?—полюбопытствовала Ольга Васильевна.

— Повѣнчались, — въ раздумьи отвѣтила Акулина Елизаровна.

— И счастливо вы жили, любилъ онъ васъ?

— Какъ же-съ, вѣдь онъ благородный былъ... Вотъ теперь тоже и Ардальонъ благородный, пошли ему Господи счастья! А я что?—кое-какъ вѣкъ доживу...

— Такъ-то вамъ весь вѣкъ и пришлось трудиться?

— Что-жъ, мое дѣло такое, мнѣ не привыкать, вотъ дай Богъ, чтобы Ардальошѣ-то не пришлось чернаго дѣла дѣлать, онъ не мнѣ чета.

— Ну, авось еще будетъ счастливъ и васъ осчастливитъ, будете въ довольствѣ съ нимъ жить...

— Ни, ни, ни, что вы! Мнѣ ничего не надо! Да я на него изъ-за уголка смотрѣть буду, когда онъ на службу станетъ ходить. Что я срамить его, что ли, буду своимъ холопствомъ? Какая же я послѣ этого мать ему буду?

— На боковую, однако, пора, — говорила Игнатьевна, когда сумерки вечера смѣнялись полумглою лѣтней ночи.— Благодаримъ за угощенье.

— Къ заутрени завтра далъ бы Господь не проспать,— крестилась Акулина Елизаровна.

— Мерси-съ, монъ анжъ,—оканчивала маіорская дочь, и всѣ тихо и мирно расходились по своимъ комнатамъ. Въ ленныхъ владѣніяхъ наступала тишина, носились какіе-нибудь запахи истребленнаго ужина, слышались звуки храпѣнья, присвиста, бой часовъ, и все это стихало все болѣе и болѣе, а въ комнатѣ Семена Мартыновича еще звучалъ едва внятный, полудремотный шопотъ.

— Всѣ онѣ такія добрыя, любятъ насъ,—говорила Ольга Васильевна.—Хорошо намъ жить, Варя. И вотъ говорятъ, что нѣтъ хорошихъ людей... Да ты спишь, голубчикъ? Ну, спи, спи, дитя мое!.. Ди-тя мо-е...—уже сквозь сонъ шептала Ольга Васильевна и тихо засыпала.

Счастье было бы полное, если бы на землѣ, то-есть въ обществѣ, имѣющемъ свои глубокія соображенія, могло быть полное счастіе. Если бы я былъ мелодраматическимъ писателемъ, то я сейчасъ бы привелъ въ квартиру Ольги Васильевны какого-нибудь яраго героя, и онъ погубилъ бы счастье моихъ героинь.—«Маниловщина!—воскликнулъ бы онъ, ероша волосы,—плѣсень старосвѣтскихъ помѣщиковъ, духота, животная жизнь и т. д.»—Услышавъ эти страшныя рѣчи, Варя начала бы ненавидѣть животную жизнь и про-

Digitized by Google

клинать маниловщину; Ольга Васильевна, слыша, что ее причисляютъ къ маниловцамъ, выбросилась бы съ горя въ окно; Варю потрясъ бы этотъ поступокъ, и она тоже выбросилась бы въ окно; маіорская дочь воскликнула бы: «ахъ какой пассажъ!» и упала бы въ обморокъ, читатели послѣдовали бы ея примѣру, и сотни докторовъ получили бы по лишнимъ тремъ рублямъ за визитъ и вмѣстѣ со своими паціентами признали бы мой разсказъ за произведеніе, полное содержанія. Но, къ несчастію, я не мелодраматическій писатель, героевъ въ моемъ разсказѣ нѣтъ, а трагическія исторіи, напоминающія сказку, я оставляю въ полное владѣніе всѣмъ салоннымъ болтунамъ, разносчикамъ новостей, провозвѣстникамъ скандаловъ. Читатель, полагающій, что безъ *такого* содержанія не можетъ быть никакого разсказа, можетъ обратиться къ этимъ господамъ, и они его непремѣнно утѣшатъ разсказомъ—ну, хоть про исторію какой-нибудь Даріи Ивановны или Вѣры Дмитріевны и ихъ мужей,—это будутъ непремѣнно трагическія исторіи, полныя глубокаго содержанія, въ нихъ будутъ играть роль пистолеты, яды, ножи, невѣрность, обмороки, и будетъ отсутствовать только здравый смыслъ, но за такой бездѣлицей не стоитъ и гнаться! Я же вижу въ жизни своего рода смыслъ и занимаюсь именно имъ, потому-то даже самыя скорбныя мѣста въ моей исторіи не будутъ неожиданными и явятся вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ. Итакъ, непріятности явились къ моимъ дюжиннымъ героинямъ не отъ появленія недюжиннаго героя, а совершенно съ другой стороны. Черезъ мѣсяцъ послѣ переселенія въ квартиру Игнатьевны двухъ дѣвушекъ къ нимъ явились неожиданныя гостьи. Это была тетушка Ольги Васильевны Дарья Петровна со своими тремя средними дочерьми. У тетушки было ихъ шесть и столько же сыновей; старшей дочери, родившейся во времена мучительныхъ стремленій къ благосостоянію, няньчившей своихъ сестеръ и едва знавшей грамоту, было лѣтъ тридцать пять, младшей дочери, родившейся во времена самодовольнаго пользованія плодами долгихъ трудовъ и воспитывавшейся въ институтѣ, было лѣтъ пятнадцать. Тетушка, судя по лѣтамъ ея дѣтей, была не молода, но она была толста, бойка, бодра. Она была не бѣдна, ея мужъ, статскій совѣтникъ Гребешковъ, получалъ значительное жалованье, но она не могла считаться и богатой, потому-что четырнадцати человѣкамъ нужно очень много денегъ, чтобы быть богатымъ, а если эти люди къ тому же не могутъ уже

Digitized by Google

заниматься работою по своему званію и положенію въ свѣтѣ, то средства должны быть еще больше. Ольга Васильевна въ былое время воспитывала трехъ среднихъ дочерей своей тетушки, разумѣется, даромъ,—она была такъ осчастливлена, такъ осчастливлена предложеніемъ жить у родныхъ, а не наниматься въ чужой домъ, что готова была сама платить за это одолженіе, возможное только со стороны родныхъ, уже выбившихся изъ нужды, уже заботившихся не о хлѣбѣ единомъ, но еще даже и не мечтавшихъ объ институтѣ. Потомъ она постоянно получала приглашенія ѣздить къ добрымъ родственникамъ по праздникамъ и такъ цѣнила эту родственную привязанность, что постоянно возила маленькіе подарочки кузинамъ; правда, у нея у самой нерѣдко бывали худы сапожки, не было перчатокъ, но развѣ можно не дарить такихъ милыхъ, добрыхъ кузинъ; онѣ такъ любили ее! Онѣ, я думаю, даже увѣренъ въ этомъ, и принимали подарочки только для того, чтобы не обидѣть ее, такъ какъ что же значили какія-нибудь трехрублевыя брошки для людей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи три, четыре тысячи въ годъ? Появленіе неожиданныхъ гостей напомнило Ольгѣ Васильевнѣ всю ея черную неблагодарность къ нимъ: она въ тревогахъ послѣ смерти Скрипицыной ни разу не была у нихъ! Теперь это волновало ее, дремавшая совѣсть проснулась.

— Ахъ, Ольга, куда ты забралась! Мы едва дошли до тебя. Я ужъ думала, что мы заблудились. Ужасный ходъ!— говорила тетушка, цѣлуя Ольгу Васильевну, и въ ту же минуту раздалось еще три звонкихъ поцѣлуя.—Какъ жаль, что мы не могли предложить тебѣ комнату у себя, но ты знаешь, мы сами такъ стѣснены! Теперь дѣти выросли, всѣмъ нужны отдѣльныя комнаты...

— Знаю, знаю, тетя! Я бы и не рѣшилась стѣснять васъ,—сказала Ольга Васильевна, даже и не вспомнившая, что въ квартирѣ тетки было для нея мѣсто, когда кузины еще не выросли и не кончили курса ученья.

— Ты, милочка, нехорошая, недобрая,—лепетала маленькая двадцатилѣтняя кузина Жени, дѣлая такія сердитыя губки, что ихъ непремѣнно хотѣлось расцѣловать.—Ты забыла своихъ маленькихъ кузинъ!

— Да, да, пять воскресеній не была у насъ!— быстро проговорила другая кузина Фани, неожиданно передернувъ и выставивъ изъ-подъ открытаго лифа кругленькія плечики, которыя, казалось, говорили этимъ дѣтскимъ

Digitized by Google

движеніемъ: а погляди-ка на насъ, ты на насъ только посмотри!

— По-смо-три, какъ хо-рошъ, какъ идетъ ко мнѣ твой браслетъ,—меланхолически произнесла третья кузина Софи, медленно протянувъ свою обворожительную руку и, кажется, этотъ жестъ прямо говорилъ: на колѣни передъ этой рукой!

— Къ тебѣ все идетъ, душка, — поцѣловала Ольга Васильевна кузину Софи.

Она точно такъ же должна была поцѣловать и кузину Фани, кузину Жени, такъ какъ всѣ равно требовали и равно заслужили поцѣлуевъ. Въ сущности, это были не три существа, но одно,—кузина Фани говорила и дѣлала только то, что могла бы сказать и сдѣлать кузина Жени или Софи, и наоборотъ. Вся разница была въ тонѣ, и это объяснялось очень просто: у кузины Жени были хорошенькія губки, и она надувала ихъ и говорила будирующимъ тономъ; у кузины Фани были прелестныя плечики, и она рѣзко передергивала и выставляла ихъ изъ-подъ открытаго лифа, произнося фразы дѣтскимъ тономъ; у кузины Софи была чудная рука, и кузина Софи была меланхолична,—ахъ, какъ хорошо было это задумчивое протягиванье руки впередъ, dahin, dahin! Говоря это, конечно, я смѣю утверждать, что это были сильные, недюжинные характеры и что для измѣненія ихъ нужна была нечеловѣческая сила, такъ какъ губки, плечики и ручки, при всѣхъ постороннихъ вліяніяхъ, оставались попрежнему прекрасными, тогда какъ какой-нибудь будто бы сильный характеръ, сложившійся подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ, измѣняется чрезвычайно легко съ измѣненіемъ этихъ условій жизни, но плечики, губки, ручки,—о, ихъ не уничтожатъ никакіе перевороты, надъ ними сильно одно всемогущее время.

— Полноте, вы совсѣмъ заговорили Ольгу, — вступилась тетушка, слушая лепетъ дочерей.—Ну, что ты думаешь, Ольга, насчетъ мѣста? Я пріѣхала къ тебѣ съ предложеніемъ отъ генерала Семенова...

— Ахъ, душка, душка, онъ въ одномъ домѣ съ нами живетъ, къ намъ будешь каждый день ходить,—вздернула плечики Фани.

— Его ма-лютки про-сто удивленіе!—провела въ воздухѣ рукою Софи.

— Я тебя къ нимъ ревновать буду, — надула губки Жени.

Digitized by Google

— Нѣтъ, тетя, благодарю васъ, но я...—смѣшалась Ольга Васильевна, точно ее поймали въ какой-нибудь страшной шалости.

— Браво! браво! Ты, вѣрно, нашла мѣсто? Я знала, что кузина не будетъ безъ мѣста, — весело передернулись шаловливыя плечики.—А вотъ Фани со мною спорила, что ты не найдешь мѣста до моего рожденія и что я останусь безъ маленькаго cadeau! Браво! браво!

— Ахъ, перестань!—перебила тетушка.—Егоза! У васъ все глупости на умѣ. Настоящія вы дѣти!

— Ничего, ничего, тетушка! Фани такъ наивна,—вступилась Ольга Васильевна, не зная, что говорить насчетъ своего положенія, и радуясь, что разговоръ можетъ принять другое направленіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо говорить о дѣлѣ,—настаивала тетка. Ты ихъ избаловала. Онѣ только и толкуютъ о твоихъ cadeaux. Соня до сихъ поръ носилась съ твоимъ портмоне, но—вообрази ея несчастіе,—у нея его вытащили третьяго дня у обѣдни; бѣдная чуть не захворала. Вотъ грѣховодники-то, гдѣ воруютъ,—въ храмѣ Божіемъ! А вѣдь ты знаешь, что я не могу дѣтей баловать, мнѣ невозможно покупать имъ эти мелочи.

— Бѣдная кузина!—воскликнула Ольга Васильевна.

— Да, и у меня сломали твою брошку. Стали на балу салопъ снимать и сломали: теперь хотѣла отдать починить, мама говоритъ, что заплатить не можетъ,—надулись просящія поцѣлуевъ губки.

— Я заплачу,—сказала Ольга Васильевна.

— Не надо, не надо, мой другъ! Не балуй ихъ,—строго замѣтила тетка.—Будь бережливѣе, душа моя, не обращай вниманія на ихъ вздохи, — повздыхаютъ и перестанутъ. Нужно же учиться переносить маленькія непріятности...

— Мама вотъ всегда такая!—роптали губки.

— Однако, мы все же не кончили разговора о мѣстѣ,—промолвила тетка.—Итакъ, ты нашла мѣсто?

— Нѣтъ, но я...

— Ну, если ты только надѣешься получить его, то лучше согласиться на предложеніе Семенова; это тѣмъ болѣе пріятное предложеніе, что мы знакомы домами и живемъ рядомъ.

— О, кузина, намъ бу-детъ такъ отра-дно, мы каждый день будемъ видѣться, говорить, мечтать,—томно провела въ воздухѣ рукою «меланхолія».

— Ты меня, можетъ-быть, будешь учить на фортепьяно

Digitized by Google

играть; я такъ плохо играю, — надулись губки «недовольства».

— Душка, душка, согласись! Я съ тобой буду въ колескѣ кататься, когда ты поѣдешь съ дѣтьми Семенова!—заговорило безпечное «ребячество».

— Добрыя мои, я не могу согласиться покуда ни на что,—воскликнула Ольга Васильевна.

— Это отчего?—воскликнули разомъ примадонна и хоръ.

— У меня, вотъ видите ли...

Ольга Васильевна смѣшалась; ей на языкъ напрашивалась сотни разъ слышанная отъ Скрипицыной фраза: у меня есть святыя обязанности! И именно потому, что эту фразу затаскала Скрипицына, Ольга Васильевна не могла ее произнести, и ей казались какъ-то неподходящими эти высокія слова къ ея простенькому, доброму дѣлу и къ ея столь же простенькой особѣ.

— Что у тебя?—кричали между тѣмъ примадонна и хоръ.

— Я живу здѣсь съ одной дѣвушкой, съ бывшей пансіонеркой Скрипицыной, и не могу ее оставить.

— А-а!—многозначительно выговорила тетушка, и шепнула:—хорошо она тебѣ платитъ?

— А-а!—протянули кузины и, вытянувъ лица, съ неудовольствіемъ отошли къ окну.

— Это та! —быстро пролепетала на ухо сестрамъ бойкая Фани, косясь на Варю.

— Н-да, э-то она!—вздохнула Софи, опустивъ въ отчаяніи руки.

— Какое же сомнѣніе, это та самая! — надула губки Женя.

Хоръ смолкъ на мгновеніе, исподлобья, издалека оглядывая врага; вдругъ онъ мгновенно отвернулся къ окну и сошелся еще ближе въ кружокъ, замѣтивъ *что-то*.

— У нея въ ушахъ Ольгины серьги! — дернуло сестеръ за платья «ребячество».

— А-а! А-а!—протянули сестры.

— Я надѣюсь, что ты, Ольга, все разсчитала и не отталкиваешь отъ себя предложенія по пустому капризу,—сказала тетка.—Мнѣ очень пріятно будетъ видѣть у насъ въ домѣ тебя съ твоей воспитанницей.

— Mercі, тетя.

— Нѣтъ, теперь маленькая кузина забудетъ своихъ бѣдныхъ кузинъ, — отозвался хоръ изъ своего добровольнаго изгнанія, и мрачный тонъ этихъ словъ дошелъ до глубины души Ольги Васильевны.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, мои милыя; я васъ не забуду, никогда не забуду! — взволновалась Ольга Васильевна, и ей очень хотѣлось заплакать, но, странное дѣло, она почти не понимала во все это время, что ей говорили, и слезы навертывались на глаза просто отъ какого-то нервнаго раздраженія.

Тетушка и кузины стали собираться домой. Жени оставила свою сломанную брошку и просила отдать ее въ починку.

— Я бы никакъ не отдала ее тебѣ для отдачи въ починку, но ты иначе не пріѣдешь къ намъ, забудешь своихъ кузинъ, а это заставитъ тебя вспомнить о нихъ, пріѣхать къ нимъ,—будировала она.

Кузина Фани очень, очень, совсѣмъ по-дѣтски, залюбовалась платочкомъ Ольги Васильевны, и когда та хотѣла подарить его Фани, то Фани обидѣлась и не хотѣла его брать; Ольга Васильевна настаивала; Фани отговаривалась, вслѣдствіе чего десять разъ повторилось съ каждой стороны:

— Ты меня обижаешь!

Послѣ двадцатаго повторенія этихъ словъ, платочекъ перешелъ въ карманъ Фани, увѣрявшей, что она беретъ его «въ залогъ» затѣмъ, чтобы отдать его Ольгѣ Васильевнѣ при первомъ ихъ свиданіи. Когда гости уѣхали, Ольга Васильевна возвратилась въ комнату, проводивъ ихъ, и сѣла на диванъ. Варя тихо подошла къ ней и положила ей на плечи свои руки; онѣ взглянули другъ на друга и вдругъ обѣ заплакали. О чемъ? Ни та, ни другая не могла дать себѣ отчета, но ихъ грудь давилъ какой-то гнетъ, и слезы, подступавшія подъ самое горло, вылились при первомъ словѣ, а это слово было слѣдующее:

— Слава Богу, уѣхали!

Это восклицаніе вырвалось у обѣихъ дѣвушекъ. Когда волненіе поутихло, Варя взяла книгу и начала читать вслухъ. Ольга Васильевна была этому очень рада; ей, какъ и Варѣ, не хотѣлось въ этотъ день говорить. Вечеромъ, лежа въ постели, Ольга Васильевна долго не могла уснуть; въ ея головѣ вертѣлись мысли, какъ бы объяснить теткѣ всю правду и можно ли утаить отъ нея эту правду теперь, когда Ольга Васильевна не можетъ болѣе носить подарковъ кузинамъ. Будутъ ли эти кузины любить ее, и если нѣтъ, то оставятъ ли ее въ покоѣ, не будутъ ли тиранить совѣтами поступить на выгодное мѣсто и бросить Варю, и возможно ли при этихъ совѣтахъ сохранить спокойствіе и не пссо-

Digitized by Google

риться съ кузинами и теткой. Читатель же знаетъ, какъ страшно было слово «ссора» для Ольги Васильевны и потому не удивится, что по ея тѣлу пробѣгала дрожь при этихъ соображеніяхъ. Среди этихъ мыслей, она отъ времени до времени взглядывала на спавшую и склонившуюся головкой къ ея плечу Варю и кротко улыбалась сквозь слезы. «Дитя мое, я тебя никогда не оставлю», шептала она, и въ этой простой, нехитрой головкѣ при всѣхъ горькихъ размышленіяхъ, промелькнула тысяча печальныхъ мыслей, но не промелькнуло одной, что ей трудно дѣлать благодѣяніе, не промелькнуло даже слово «благодѣяніе». Только въ то время, когда часы капитанши усиленно прошипѣли и пробили двадцать девять, то-есть въ два часа ночи, уснула Ольга Васильевна, переставшая быть жиденькой гувернанткой и замышлявшая громадные планы того; какъ бы осчастливить всѣхъ окружающихъ ее людей.

VIII.

Варя знакомится съ домашней Аркадіей семейства Гребешковыхъ.

— Варя, завтра тебѣ надо получше одѣться: мы поѣдемъ къ тетушкѣ,—говорила Ольга Васильевна своей воспитанницѣ черезъ недѣлю послѣ визита тетушки и кузинъ.— Посмотри, чисты ли твои нарукавнички и воротничокъ. Тамъ празднуютъ завтра рожденіе кузины Жени; вѣроятно, гости будутъ. Ты подаришь ей и другимъ кузинамъ, какъ будто отъ себя, по парѣ перчатокъ. Я конфетъ имъ везу.

— Для чего же мнѣ дарить? Вы сами отдайте имъ подарки,—отвѣтила Варя.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ будетъ лучше: онѣ любить тебя будутъ. Нужно, чтобы тебя любили.

— Меня и такъ всѣ любятъ.

— Всѣ, всѣ, это я знаю! Но нужно, чтобы и у нихъ тебя любили.

Ольга Васильевна смолкла на минуту въ нерѣшимости и потомъ продолжала:

— Онѣ, знаешь, добрыя, простыя, но... какъ бы это тебѣ сказать?.. знаешь, онѣ привыкли къ подаркамъ... Ну, вѣдь онѣ дѣвушки молодыя, ихъ всѣ дарятъ, вотъ онѣ и привыкли,—совсѣмъ смѣшалась Ольга Васильевна.

— Не нравятся мнѣ онѣ,—покачала головой Варя.

— Вотъ ты какая!—торопливо перебилъ Варю Трезоръ.— Строгая! Нельзя такъ, душа моя, о людяхъ судить. Недо-

Digitized by Google

статки у всѣхъ есть... Варя, ей-Богу, эй Богу, онѣ добрыя, милыя...

— Сами-то вы, голубчикъ, добры, потому такъ и говорите о нихъ.

— Полно! полно! — зарумянилась Ольга Васильевна и стала торопливо рыться въ комодѣ.

Утромъ на слѣдующій день Варя и ея Трезоръ хлопотливо наряжались въ свои лучшія платья и, наконецъ, отправились въ путь. Варя не безъ робости входила первый разъ въ жизни въ чужой домъ въ качествѣ гостьи; робость должна была быть тѣмъ сильнѣе, что этотъ домъ былъ не изъ простыхъ, не изъ бѣдныхъ, какіе дѣвочка видала до сихъ поръ. Квартира Гребешковыхъ была большая, роскошно убранная, народу въ ней было много; всѣ какъ-то ходили изъ угла въ уголъ, точно впервые любуясь на новую обстановку, точно удивляясь каждой кушеткѣ и каждому креслу. Статскій совѣтникъ Гребешковъ былъ тоже какъ будто въ гостяхъ въ своемъ жилищѣ, какъ и его жена и его дочери. Это былъ маленькій, кругленькій, сальный человѣчекъ съ рысьими глазками. Ходилъ онъ мелкими шажками, быстро передвигая толстенькія, несгибавшіяся ножки, говорилъ тоненькимъ голоскомъ, иногда отпускалъ сальныя остротцы, за что собесѣдники фамильярно похлопывали его по брюшку, а онъ зажмуривалъ, какъ котъ, свои и безъ того узенькіе неглупые глазки. Никто изъ знакомыхъ не зналъ, добрые или злые были эти глазки, такъ быстро они бѣгали, такъ часто сжимались, задергивались влагой, походившей по своему блеску на масло. Толстая, рослая его супруга звала его «папочкой», онъ звалъ ее «мамочкой». Въ должности про него говорили: «малъ золотникъ, да дорогъ». Дочери въ счастливыя минуты, подхвативъ съ надеждой комплиментъ какого-нибудь молодого человѣка, его-зили иногда около «папочки», и папочка, ухвативъ которую-нибудь изъ нихъ своими жирненькими пальчиками за подбородокъ, говаривалъ:

— Замужъ, плутовки, хотите! хе-хе-хе! Погодите, всѣхъ перевѣнчаю, всѣхъ перевѣнчаю!

— Гадкій, гадкій папка!—кричали дѣвицы.

У-у-у! —щурилъ глазки «папочка» и бодалъ двумя крайними пальцами, сложенными въ видѣ роговъ, которую-нибудь изъ дочерей.

Появившись среди этой семейной Аркадіи, Варя расте-

Digitized by Google

рялась и сунула свой подарокъ первой попавшейся изъ сестрицъ Гребешковыхъ.

— Ольга, это ты научила Варвару Семеновну!—упрекали хоромъ сестрицы Трезора.

— Нѣтъ, милыя мои, я и не знала, ей-Богу, ничего не знала!—лгала Ольга Васильевна.

— Неправда, неправда!—шумѣли кузины.

— Божусь вамъ! Я ей сказала, что сегодня рожденіе Жени,—гляжу, она куда-то скрылась и, вѣрно, въ это время она и купила вамъ... Да что такое она привеала? Я и не знаю! Покажите, пожалуйста, это интересно!—лгала коварная Ольга Васильевна съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, что Варя сочла долгомъ покраснѣть за нее.

— Посмотри, посмотри, перчатки. Всѣмъ по парѣ!—кричали кузины.—Mercі, mercі, mademoiselle Barbe! Вы позволите называть васъ этимъ дружескимъ именемъ?—обратились кузины къ Варѣ.

— Конечно... Мнѣ очень пріятно... — смѣшалась Варя, изумленная способностью Ольги Васильевны ко лжи и склонностью кузинъ къ дружбѣ.

— Но, душка, зачѣмъ вы тратились, вѣдь вы не такъ богаты,—заегозило мягкосердечное ребячество Фани.

— Не богата, но вѣдь у нея есть же карманныя деньги,—вмѣшалась Ольга Васильевна.

— А-а!—вырвалось восклицаніе у кузинъ.

— Ольга васъ очень любитъ?—допытывалось «ребячество» по секрету у Вари.

— Да, очень... Сестра не могла бы такъ любить,—отвѣчала Варя.

— Душка! душка! у меня будетъ до васъ просьба: попросите Ольгу давать уроки музыки сестрѣ.

— Хорошо.

— Вы думаете, она сдѣлаетъ для васъ это?

— Навѣрное.

— Она для васъ все сдѣлаетъ?

— Все.

— Ангелъ! ангелъ! — засосало Варю «ребячество» поцѣлуями.

— Не си-дите у о-кна, здѣсь очень холодно, про-студитесь,—протяжно и нѣжно произнесла «меланхолія», то-есть Софи, обращаясь къ Варѣ, и вздрогнула всѣмъ тѣломъ, чтобы показать, какъ холодно у окна.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтила неохотно Варя.

Digitized by Google

— Нѣ-ѣтъ, нѣтъ, тутъ дуетъ, мой другъ,—отвела Варю «меланхолія».

— Счастливица, какое миленькое колечко у васъ!—замѣтило «недовольство».

— Хотите я вамъ его подарю,—спросила Варя, дерзко взглянувъ на «недовольство»...

— Ахъ, что вы!—обидѣлась Жени.

— На память о первомъ днѣ нашей дружбы,—еще болѣе раздражительно настаивала Варя.

— Ну, ты ужъ не можешь отказаться въ этомъ случаѣ!—воскликнуло «ребячество».

— Но... Ольга разсердится на васъ...

— Ольга Васильевна ни за что не сердится на меня.

— Я, право, такъ неловко поступила,—сердилось на себя «недовольство».

— Берите!—презрительно воскликнула Варя и снова, какъ въ былые дни, подумала:—«я лучше ихъ!»

— Что? попалась, попалась?—дразнило «ребячество» сестру Жени.

Жени, молча, съ надутыми губками разсматривала кольцо и думала про Варю, что Варя скверная дѣвчонка.

— Вы видѣли нашихъ братьевъ?—спросили сестры.

— Нѣтъ.

— Душка, это красавцы! Пойдемте къ нимъ въ комнату, мы вамъ покажемъ ихъ портреты.

— Но какъ же... въ ихъ комнату?—смутилась Варя.

— Ихъ дома нѣтъ, дома нѣтъ, пойдемте!

Всѣ четыре сестры вспорхнули и увлекли Варю въ комнату братьевъ. Началось показыванье портретовъ, чернильницъ, прессъ-папье, книгъ, которыя дѣвушкамъ нельзя читать и которыхъ сестры, по ихъ словамъ, не читали. Толпа бродила по комнатѣ, какъ бродятъ зѣваки по разнымъ выставкамъ. Сестра Жени взяла въ ротъ трубку и вздрогнула отъ своей невинной шалости, прибавивъ съ отвращеніемъ:

— Говорятъ, иныя женщины курятъ! Пфа-а!—потрясла она головой и при этомъ разсыпала себѣ на лицо свои чудныя кудри, что заставило ее отбросить ихъ назадъ быстрымъ движеніемъ руки, и въ эту минуту ея запылавшее лицо сдѣлалось очаровательнымъ.—Это дурныя женщины.—продолжала она въ раздумьи:—падшія...

— Наша хозяйка куритъ! она хорошая,—замѣтила Варя.

— Фи-и!—протянула очаровательная дѣвочка, едва успѣвшая смѣнить коротенькое платьице на длинное.

Digitized by Google

— Братъ!—вдругъ раздался убійственно пугливый крикъ, и Варя увидѣла позади себя какого-то молодого франта. Начались извиненія, рекомендаціи, замѣшательство и бѣгство четырехъ сестеръ, увлекшихъ за собою и Варю.

Къ обѣду пріѣхали еще двѣ дѣвицы со своими матерями, и возвратились изъ должности еще два брата Гребешковы, одѣтые въ одинаковые вицъ-мундиры, причесанные по одной и той же модной картинкѣ, носившіе совершенно одинаковые галстуки, смѣявшіеся одинаково громкимъ смѣхомъ однѣмъ и тѣмъ же остротамъ. Они и ихъ третій братъ, уже познакомившійся съ Варей, бросали на нее многозначительные взгляды, и всѣ поспѣшили подать ей солонки, когда ей понадобилась соль, и всѣ вдругъ отдернули эти солонки, когда она хотѣла взять изъ нихъ соль.

— Поссоримся!—вдругъ засмѣялись три брата своей выдумкѣ и снова подвинули солонки.

Острота вызвала всеобщій смѣхъ; не смѣялась одна Варя къ великому удивленію всѣхъ. Эта острота дала, между прочимъ, поводъ проговорить до конца обѣда сперва о томъ, что слѣдуетъ ли бояться ссоры при передачѣ соли, а потомъ о предразсудкахъ вообще, и бывали ли примѣры, оправдывающіе существованіе этихъ предразсудковъ. Кончился обѣдъ разсказомъ барыни о страшномъ, страшномъ привидѣніи, подошедшемъ къ ея постели и ужасно сопѣвшемъ въ темнотѣ; всѣ испугались, у всѣхъ захватило духъ,—наконецъ, барыня объявила, что это ея лакей напился пьянъ и забрелъ въ ея спальню... Всѣ вздохнули свободнѣе, а одна изъ самыхъ невинныхъ дѣвицъ потупила глазки.

— А гдѣ же кузина Даша?—спросила Ольга Васильевна во время десерта и тотчасъ же покраснѣла за себя, чувствуя, что она сдѣлала непростительную глупость. Гости посмотрѣли на Ольгу Васильевну съ такимъ изумленіемъ, какъ будто она спросила объ отсутствіи какого-то миѳическаго существа.

— Нездорова,—небрежно отвѣтила тетушка и спросила у Ольги Васильевны, давно ли она сшила себѣ это миленькое платье, надѣтое на ней.

Кузины торопливо завязали разговоръ съ Варей о томъ, что съ военными ловчѣе танцовать, чѣмъ со статскими, и вопросъ о миѳической кузинѣ Дашѣ исчезъ безслѣдно среди этихъ болѣе достойныхъ вниманія жизненныхъ вопросовъ.

Послѣ обѣда, одной изъ дѣвицъ, бывшихъ въ гостяхъ у Гое-

Digitized by Google

бешковыхъ, понадобилось поправить что-то изъ ея туалета, и всѣ дѣвицы отправились въ комнату сестеръ Гребешковыхъ. Вообще, эта толпа юныхъ грацій цѣлый день порхала съ мѣста на мѣсто и представляла что-то подобное перелетнымъ птицамъ. Въ святилищѣ дѣвической спальни начались новыя показыванья разныхъ нарядовъ, зазвучали разныя жалобы и выраженія разныхъ тайныхъ желаній и надеждъ. Тоненькіе голоса звучали такъ звонко и быстро, что Варя едва ловила мысли и различала слова.

— Чего пришли сюда хвосты-то трепать, мало въ другихъ комнатахъ мѣста, что ли? Шмыгаете изъ комнаты въ комнату, какъ угорѣлыя!—раздался, грубый, похожій на мужской басъ, голосъ среди тоненькаго писка сестеръ.

Варя обернулась и увидала топорную, толстую фигуру немолодой дѣвушки съ грубымъ лоснящимся лицомъ, рабочими руками и злыми глазами, смотрѣвшими твердо и прямо. Она была одѣта безъ вкуса, но съ претензіями на моду.

— Дурища необразованная!—прошептала одна изъ сестеръ съ презрѣніемъ.

— Не говорите съ ней!.. Не обращайте на нее вниманія!.. Это Дашка!—прошептали Варѣ другія сестры.

— Хоть бы обѣдъ-то прислали,—злобно заговорила сестра Дарья:—а то и объѣдковъ-то не оставите, слопали все со своею сволочью!

— Уйдемте, уйдемте, душа моя!—воскликнула одна изъ сестеръ.—Она у насъ сумасшедшая.

Варя взглянула со страхомъ на сестру Дарью; та не походила на сумасшедшую, но въ ея лицѣ выражалась злоба и грубость. Всѣ дѣвицы двинулись изъ комнаты, не двигалась одна Варя.

— Что, небось, языки-то прикусили; правда-то, видно, не свой братъ, глаза колетъ!—крикнула сестра Дарья.

— Мы maman пожалуемся на тебя, дура!—отвѣтили ей сестры на ходу.

— Дура! дура! только отъ васъ и слышишь! Пожалуемся! А кто нянчилъ-то васъ? Грязь-то за вами кто прибиралъ? Горничныхъ-то тогда не было. Сами рады были за деньги полы мыть! На свою голову васъ выняньчила! Точно что дура! Утопить бы васъ въ грязи-то слѣдовало. Матери пожалуетесь! Да вы и ей-то голову вскружили, ошалѣла она съ вами-то...

— Замужъ не вышла, такъ и бѣсишься!—отвѣтили ей дѣвицы Гребешковы съ порога комнаты.

Digitized by Google

— Да, замужъ не вышла! Сами выйдите! А изъ-за кого я-то въ дѣвкахъ сижу?—грызлась сестра Дарья, швыряя по комнатѣ разныя вещи, разбросанныя сестрами.—Ту обмой, другую въ пансіонъ отведи, третьей платьишко почини,—выйдешь тутъ замужъ, держи карманъ! И дура была, что не плюнула на васъ. Думала, вотъ сестры вырастутъ, мнѣ легче будетъ,—ну, ужъ и выросли, нечего сказать! Ишь, дылды какія!—лился необузданный дикій потокъ рѣчей сестры Дарьи.

— Уйдемте! что съ вами? что же вы стали?—вернулась не безъ досады одна изъ сестеръ за Варей.

Та все еще задумчиво стояла у стола съ наклоненной головой и безсознательно перелистывала какую-то книгу, не видя страницъ.

— А!—вздрогнула она, словно очнувшись отъ тяжелаго сна, и съ отвращеніемъ отдернула руку, до которой дотронулась дѣвица Гребешкова.

— Пойдемте.

— Иду,—съ разстановкой отвѣтила Варя и тряхнула головой.

— Я себѣ хочу сдѣлать платье къ первому зимнему балу,—залепетала кузина Фани, съ быстротою дѣтства оправившаяся отъ непріятнаго столкновенія съ необразованной сестрой Дарьей.—Изъ бѣлаго тюля сдѣлаю, съ буфами, вотъ до сихъ поръ все буфы велю нашить, и въ буфы хочу продернуть голубыя ленты, во всякую буфу по лентѣ. У меня бѣлокурые волосы...

— Рыжіе,—замѣтила Жени, еще не успокоившая своего раздраженія.

— Бѣлокурые волосы...—продолжала Фани.

— Рыжіе,—снова остановила Жени.

— Ты думаешь, что ты все еще съ Дашкой говоришь!?—крикнуло разсерженное «ребячество», чисто по-дѣтски, топнувъ ножкой, и проговорило скороговоркой:—У меня бѣлокурые волосы, и ко мнѣ голубое идетъ. Неправда ли, ко мнѣ вѣдь идетъ голубое?

— Идетъ,—медленно отвѣтила Варя, все еще погруженная въ раздумье.

— Что съ вами, душка?—изумилось «ребячество».

— Вы всегда съ ней такъ обращаетесь?—рѣзко спросила Варя и глянула прямо въ глаза «ребячеству».

— Тс... тс!.. Дикобразовъ! Дикобразовъ здѣсь!—воскликъ-

Digitized by Google

нули сестры, не отвѣтивъ на вопросъ Вари, и стали оправляться, входя въ гостиную.

Какъ цвѣты сверкаютъ весною при появленіи солнца, такъ сверкали теперь улыбками эти милыя дѣвическія лица— и Богъ знаетъ, которое изъ нихъ въ эту минуту было прелестнѣе и больше напоминало о веснѣ, о блескѣ молодости и радостяхъ любви!

Къ нимъ лѣнивой, медленной походкой подошелъ юноша лѣтъ двадцати-четырехъ, съ нѣжнымъ и прекраснымъ лицомъ, и небрежно кивнулъ имъ головой.

— Поздравляю васъ,—обратился онъ къ Софи.

— Вы ошибаетесь: это не ея рожденье сегодня, а мое,— съ яркимъ румянцемъ на щекахъ улыбнулась Жени и потупила глаза; ея голосъ звучалъ мелодическими звуками наивнаго упрека.

— Да-а? виноватъ! Но вы, кажется, всѣ родились въ одинъ день,—насмѣшливо отвѣтилъ юноша.

— Это было бы очень выгодно для Софи, но не для меня,—замѣтило «ребячество».

— Для васъ это тоже выгодно: вы можете быть увѣрены, что черезъ десять лѣтъ вы такъ же мало измѣнитесь, какъ Софья Дмитріевна,—уже совсѣмъ лѣнниво и съ трудомъ кончилъ юноша.

— Вы все шутите!

— Вѣдь и вы тѣмъ же занимаетесь.

— Вы злы.

— Ну, вотъ для этого вы слишкомъ невинны! Правда? вѣдь вы для этого слишкомъ невинны?—засмѣялся дѣланнымъ, оскорбительнымъ смѣхомъ юноша.

Онъ зѣвнулъ, откинулъ назадъ волосы, повернулся и опустился въ кресло спиною къ дѣвицамъ. Около него вертѣлись братья Гребешковы.

— Гребешки, вы мнѣ сегодня надоѣли!—промолвилъ онъ, зѣвая.

Братья Гребешковы осклабились при этихъ словахъ и разсыпались отъ кресла, гдѣ сидѣлъ юноша. Варя смотрѣла съ нѣмымъ изумленіемъ на это прекрасное лицо, на эти нахальныя манеры и старанье юноши выказать утомленье.

Между матушками барышень шелъ въ это время очень интересный и оживленный разговоръ. Мать одной изъ дѣвицъ, находившейся въ гостяхъ, восхищалась красотою сестеръ Гребешковыхъ, а мать Гребешковыхъ восхищалась красотою дочери этой любезной гостьи.

Digitized by Google

— Какъ мила Софья Дмитріевна!—восхищалась гостья.— Что за цвѣтъ лица, какіе волосы!

— Нѣтъ, вы попросите ее сыграть что-нибудь, сыграть попросите! Она новый вальсъ разучила,—шептала съ чисто материнскимъ лукавствомъ хозяйка.

— Душечка, Софья Дмитріевна, присядьте-ка къ фортепьяно, дайте намъ насладиться вашей игрой,—обратилась гостья къ Софи, и ея голосъ былъ такъ сладокъ, такъ сладокъ, что могъ усладить всѣ горечи жизни.

— Ахъ, я ничего не играю,—съ разстановкой возразила «меланхолія».

— Неправда, неправда, играетъ!—заговорила мать плутоватымъ тономъ.

— Ну, ma-man, ma-man!—умоляющимъ тономъ возразила снова «меланхолія».

— Разумѣется, играешь. Зачѣмъ церемониться? Тутъ все свои... Надѣюсь, что вы не осудите,—обратилась Гребешкова къ юношѣ; но онъ такъ занялся разсматриваньемъ своихъ ногтей, что и не замѣтилъ ни этого вопроса, ни того, что и *его* причислили къ *своимъ*.

Софи сѣла за фортепьяно, еще разъ отказалась играть, попробовала привстать, еще разъ выслушала просьбу своей матери и матери своей подруги и заиграла.

— Софи плохо играетъ,—замѣтила Варѣ Жени, поддавшаяся, по обыкновенію, своему вѣчному чувству недовольства, и надула губки.

— А вы лучше играете?—спросила Варя съ замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— То-есть... да... немного,—отвѣтила застѣнчиво Жени.

— Что же вы играете, тоже польки, вальсы?—спросила Варя съ пренебреженіемъ.

— О, да!

— Лучше бы ничего не играть.

— Совершенная правда,—черезъ плечо повернулъ голову юноша къ Варѣ, сидѣвшей за нимъ, и вдругъ какъ будто окаменѣлъ въ этомъ положеніи, раскрывъ широко глаза, точно передъ нимъ было какое-то видѣніе. Прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ по его лицу скользнула насмѣшливая улыбка.

— А вы какъ играете?—нахально спросилъ онъ.

— Довольно плохо,—отвѣтила Варя, прямо и открыто взглянувъ ему въ лицо:—но моя добрая Ольга Васильевна

Digitized by Google

хорошо понимаетъ музыку и вѣрно сдѣлаетъ изъ меня что-нибудь.

— Довольно плохо,—съ разстановкой повторила юноша:—то-есть лучше или хуже Софьи Дмитріевны?—еще нахальнѣе спросилъ онъ.

— Лучше,—отвѣтила еще рѣзче Варя.

— Вы...—началъ онъ и вдругъ обратился къ Жени, ставъ съ мѣста.—Евгенія Ивановна, познакомьте насъ.

Жени назвала фамиліи и имена Вари и Дикобразова.

— Вы сыграете что-нибудь?—спросилъ онъ.

— Пожалуй, но я давно не играла, съ тѣхъ поръ, какъ умерла mademoiselle Скрипицына... У насъ нѣтъ фортепьяно.

— А, вы у Скрипицыной воспитывались.

— Да.

Завязался разговоръ. Варя говорила откровенно, просто и весело. Два-три раза она рѣзко возразила сестрицамъ Гребешковымъ, и въ тонѣ ея возраженій послышалось презрѣнье къ нимъ. Можно было угадать, что Варя мысленно уже поставила себя неизмѣримо выше ихъ. Ни малѣйшей черты изъ ея манеръ, рѣчей и оттѣнковъ голоса не ускользнуло отъ Дикобразова. Тонкое чутье, пріобрѣтенное въ теченіе пяти лѣтъ самостоятельной жизни въ свѣтѣ, заставляло его очень часто сразу угадывать людей. Во время всего разговора съ Варей онъ успѣвалъ отвѣчать ей и въ то же время не упускать изъ виду ея лица и мысленно дѣлать замѣчанія на ея рѣчи. «Свѣжа! Не ломается! Презираетъ ихъ. Славная дѣвочка, какъ она попала къ этой дряни?» мелькало въ головѣ Дикобразова, и самъ онъ дѣлался все проще и проще; нахальное выраженье, искусственная апатія, стремленіе острить, иногда очень неудачно, вся эта фальшь, появлявшаяся изъ желанія юноши показать, что онъ не въ своемъ кругу, что онъ презираетъ этихъ людей, все это исчезло, и видно было, что тутъ говоритъ человѣкъ съ человѣкомъ.

— А вы еще хотѣли сыграть что-нибудь,—напомнилъ Дикобразовъ, окончивъ разговоръ.

Варя покраснѣла, но не трогалась съ мѣста.

— Что же вы не хотите играть?

— Нѣтъ... но мнѣ все кажется, что это экзаменъ... Вѣдь mademoiselle Скрипицына всегда пугала насъ вашимъ пріѣздомъ на экзаменъ,—засмѣялась Варя своимъ дѣтскимъ смѣхомъ

Digitized by Google

— Ха-ха-ха!—засмѣялся такъ же откровенно Дикобразовъ, и вдругъ его лицо просвѣтлѣло и сдѣлалось невыразимо привлекательнымъ.

У него, какъ у всѣхъ молодыхъ Дикобразовыхъ, былъ свѣжій цвѣтъ лица и на двадцать четвертомъ году едва пробивался пушокъ на губахъ, только около ушей на розовыхъ щекахъ были мелкіе, шелковистые темнорусые волосы, совершенно особенно оттѣнявшіе матовую нѣжную кожу. Когда онъ оставался спокойнымъ и естественнымъ, какъ въ эту минуту, тогда его глаза блестѣли ровнымъ, гордымъ и отчасти холоднымъ свѣтомъ; очертанія свѣжихъ губъ были правильны и красивы. Кому приходилось вставать рано и встрѣчать первыя минуты весенняго дня, тотъ знаетъ, что такое значитъ свѣжесть, почти холодъ весенняго утра,—пыль прибита къ землѣ, въ воздухѣ нѣтъ движенья, кругомъ все блеститъ, каждое окно, каждая травка еще покрыта влагой, между тѣмъ въ воздухѣ свѣжо, самый блескъ еще влажныхъ цвѣтовъ какъ-то холоденъ и, можетъ-быть, тѣмъ болѣе привлекателенъ, тѣмъ дольше хотѣлось бы продлить эти минуты и отсрочить наступленіе знойнаго, пыльнаго, удушливаго полдня. Этотъ холодъ утра напоминало лицо юноши. Явись онъ въ свѣтъ съ этимъ лицомъ въ одеждѣ савояра—и онъ обратилъ бы на себя вниманіе, пробилъ бы себѣ молодыми ногами дорогу въ жизнь,—какую?—не спрашивайте объ этомъ?

— Чтобы не казаться экзаменаторомъ, я буду вашимъ пажомъ и стану перевертывать листы нотъ,—улыбнулся онъ.

Варя, смѣясь, подошла къ фортепьяно; она уже не чувствовала робости и заиграла одну не очень трудную, но серьезную пьесу. Играла она съ толкомъ.

— Поняли, Гребешки?—обратился Дикобразовъ, когда она кончила, къ братьямъ Гребешковымъ, столпившимся около фортепьяно.

— Отлично-съ!—разомъ воскликнули братья и осклабились одинаковыми улыбками.

— Что отлично?

— Играютъ-съ,—ухмыльнулись братья.

— Ну, и прекрасно! Ступайте теперь, Гребешки, занимать барышень,—промолвилъ Дикобразовъ, подвинувъ себѣ ногою стулъ. Братья поспѣшили помочь ему въ дѣлѣ подвиганья стула и отошли съ тѣми же одинаковыми улыбками къ дѣвицамъ.

— Такъ у васъ нѣтъ фортепьяно?—задумчиво спросилъ

Digitized by Google

Дикобразовъ.—А это, право, жаль; вы были бы хорошей музыкантшей... Отчего вы не купите?

— Мы очень не богаты.

Дикобразовъ помолчалъ.

— Хотите, моя мать подаритъ вамъ фортепьяно?—спросилъ онъ неожиданно.

— Я... я никогда не просила милостыни,—еще неожиданнѣе отвѣтила Варя и, дрожа всѣмъ тѣломъ, хотѣла приподняться со стула.

Дикобразовъ тихо удержалъ ее.

— Не сердитесь,—искренно произнесъ онъ, глядя на ея поблѣднѣвшее личико.—Я пошутилъ.

— Такъ не шутятъ,—прошептала Варя.

— Здѣсь-то? — вдругъ насмѣшливо спросилъ Дикобразовъ:—Вы думаете, что каждый порознь и всѣ вмѣстѣ изъ этихъ Гребешковыхъ, Сусликовыхъ и, какъ ихъ тамъ еще зовутъ!—не бросились бы, если бы я швырнулъ имъ свою старую перчатку?

— Но я...

— Вы не они? Это вы хотѣли сказать? Да? А знаете ли пословицу: dis moi qui tu hante... Вѣрная пословица!

— Вы ихъ тоже не любите?—наивно спросила Варя.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся юноша неестественнымъ смѣхомъ.—Знаете ли вы, что одинъ изъ этихъ Гребешковъ попалъ въ нашъ домъ въ годы моего дѣтства, чтобы стоять въ углу, когда я не зналъ уроковъ? Сегодня онъ такъ причесался, какъ былъ причесанъ я вчера. Завтра онъ причешется такъ, какъ я причесался сегодня. Онъ думаетъ, что въ этой прическѣ, въ этомъ узлѣ галстука *все*. Онъ старается забыть, можетъ-быть, и не понимаетъ,—вѣдь онъ глупъ,—что если онъ станвалъ въ углу за меня, то я никогда не пошевельнулся бы за него съ мѣста... Вонъ барышни ходятъ за мною, ихъ папаша услуживаетъ мнѣ. Вы думаете, что они считаютъ меня женихомъ? Боже сохрани! Я просто сынъ начальника, важнаго лица, они говорятъ въ канцеляріи: у насъ вчера Дикобразовъ былъ... Добровольные холопы. Некому кланяться, такъ надо создать барина!..

— Зачѣмъ вы къ нимъ ходите? — тихо спросила Варя, только наполовину понявшая не то дѣтскую, не то серьезную вспышку собесѣдника.

— Это длинная исторія, долго разсказывать, — отвѣтилъ онъ.

Digitized by Google

Они помолчали.

— Теперь мнѣ будетъ пріятно встрѣчаться здѣсь съ вами,—шепнулъ онъ самымъ дружескимъ и почти дѣтски-веселымъ откровеннымъ голосомъ.

Варя вся зарумянилась.

Въ это мгновеніе подбѣжали дѣвицы Гребешковы, замѣтивъ, что Дикобразовъ поднимается со своего мѣста; изливаясь въ похвалахъ насчетъ игры Вари, онѣ столпились около смущенной дѣвушки. Лицо Дикобразова приняло прежнее непріятное, дѣланное выраженіе презрѣнья. Онъ всталъ и лѣниво протянулъ руку Варѣ.

— До свиданья! — промолвилъ онъ и сталъ откланиваться.

Начались упрашиванія остаться, писк и хихиканье, маленькіе застѣнчивые упреки и невинныя колкости раздраженныхъ Грацій, покидаемыхъ Аполлономъ.

Варя тоже встала и предложила Ольгѣ Васильевнѣ ѣхать домой.

— Вѣдь вамъ не по дорогѣ; онъ въ своей каретѣ уѣхалъ,—ѣдко улыбнулась вѣчно недовольная Жени и надула губки.

— Если бы и на извозчичьей лошади, то мы не побѣжали бы за нимъ,—сухо отвѣтила Варя.

— Вы обижаетесь пустяками,—замѣтила Жени.

— Я не люблю пустяковъ.

— Это и замѣтно, играете Шопена!

Варя пожала плечами.

— Вы всегда такъ начинаете и такъ кончаете знакомства?—спросила она.

— Ахъ, Боже мой! кто же знаетъ людей, при первой встрѣчѣ съ ними!—воскликнула Жени.

— А я васъ узнала при первой встрѣчѣ.

Другія сестры подбѣжали къ двумъ раскраснѣвшимся дѣвушкамъ и начали уговаривать Варю остаться, стали просить ее оказать имъ какія-то маленькія услуги: купить шелку для вышиванья, вышить платочекъ, сшить манишечку. Варя съ насмѣшливой улыбкой и злымъ смѣхомъ обѣщала исполнить всѣ просьбы и замѣтила съ улыбкой:

— А Жени ничего не нужно—она отошла прочь.

— Ахъ, она капризная, играть не умѣетъ, а туда же суется судить о другихъ... Она въ него влюблена... Думаетъ сдѣлаться... Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!

— Прощайте, прощайте!

Digitized by Google

— Не забывайте насъ, милочка! Пріѣзжайте, намъ буд
весело!

Ольга Васильевна и Варя уѣхали, и долго въ ихъ уш
раздавался писк перелетныхъ птичекъ-сестрицъ.

Позднимъ вечеромъ въ спальнѣ сестрицъ Гребешковы
когда уѣхали гости, раздавались странные разговоры—
бетанья. Всѣ сестры говорили вмѣстѣ, и трудно бы
догадаться, которой изъ нихъ принадлежала та или друг
фраза.

— Перчатки даритъ отъ себя, точно мы не знаемъ, ч
это Ольга купила! И что Ольга ей поддалась?—раздавал
въ спальнѣ.

— Я просила ее, чтобы она сказала Ольгѣ объ урока
музыки.

— Нужно попросить ее, чтобы она сказала Ольгѣ, ч
мнѣ мало двухъ уроковъ въ недѣлю.

— Говори сама.

— А ты не можешь?

— Не хочу!

— Трудно?

— Да, трудно! Кланяться дряни не хочу!

— А кольцо отъ нея взяла!

— Ну, да, взяла, взяла! Завистница!

— Злючка!

— Молчи!

Въ комнатѣ послышались чьи-то рыданья.

— Плачь, плачь со злости!

— Тише, тише, mesdames!

— Будетъ ли смерть-то на васъ, колотырки поганыя!

— Колотырки! Слышите, mesdames. C'est bien drôle!

— Parlons français.

— Чего по птичьи-то затрещали? Пропасти на васъ нѣтъ! День-деньской-то не набѣгаетесь, языковъ-то не отколотите! Тьфу, ты! Одурь съ вами возьметъ.

— Молчи, дурища безграмотная!—Mesdames à l'ordre!

— Что ты командуешь?!

Долго еще продолжалась перестрѣлка; наконецъ, птички почувствовали утомленье, и мирный сонъ воцарился въ домашней Аркадіи семейства Гребешковыхъ.

Если дѣвицы Гребешковы долго не могли уснуть въ этотъ вечеръ, то еще дольше не могла заснуть Варя. Сотни мыслей осаждали ее, и среди нихъ тысячу разъ мечтала она о красавцѣ-юношѣ, видѣнномъ ею въ этотъ день. Не-

Digitized by Google

когда еще въ жизни она не встрѣчала такого прекраснаго лица, такой цвѣтущей и нѣжной молодости. Снился онъ ей и во снѣ, когда она задремала съ слабой улыбкой на губахъ. На слѣдующій день она ходила въ какомъ-то чаду, о чемъ-то мечтала...

IX.

Недолгій праздникъ юношескихъ дней.

Хорошо зная Ольгу Васильевну, не трудно догадаться, что она не была сильна по части математики. Вообще всѣ люди, умѣющіе создавать такіе великіе планы, какіе создавала она насчетъ будущности Вари, приходятъ въ затрудненіе, если имъ нужно рѣшить какую-нибудь болѣе сложную задачу, чѣмъ помноженіе двухъ на два. Очень естественно, что она, сознавая въ себѣ этотъ недостатокъ, рѣшилась найти кого-нибудь другого, кто преподавалъ бы Варѣ ариѳметику. Подъ рукой былъ Ардальонъ, но при первомъ же урокѣ и онъ оказался несостоятельнымъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ все тѣмъ же Ардальошей, котораго мы видѣли однажды мечтавшимъ надъ волшебною книгою, не хуже Ольги Васильевны. Онъ былъ первымъ ученикомъ по гимназіи въ дѣлѣ описаній весны, зимы и другихъ временъ года, служившихъ темою для гимназическихъ сочиненій; онъ писалъ сочиненія даже для другихъ учениковъ, иногда рисковалъ сочинить описаніе «Кавказскихъ горъ» или «Поѣздки за границу», но именно поэтому и былъ плохимъ счетчикомъ и еще болѣе плохимъ объяснителемъ математики. Пришлось искать другого учителя. Учителя были дороги, а требовался дешевый. Въ ленныхъ владѣніяхъ нерѣдко появлялся Порфирій Приснухинъ, и его-то пригласили быть преподавателемъ Вари. Это была чисто для математики созданная голова. Сначала Порфирій, окончивъ урокъ, тотчасъ же брался за фуражку; потомъ его стали приглашать выпить чаю; еще черезъ нѣсколько времени въ ленныхъ владѣніяхъ стали говорить: «Что это, Порфирія Александровича нѣтъ? безъ него и веселья нѣтъ!» Но ужъ зато при Порфиріи Александровичѣ дымъ шелъ коромысломъ! Одинъ разъ дѣло дошло до того, что онъ, Варя, Ардальонъ и сама Ольга Васильевна танцовали безъ музыки. Съ его приходомъ въ ленныя владѣнія врывалась жизнь, жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова,—молодая, бодрая, веселая, не звучащая ни одною вялою и ноющею ноткою плаксивой жалобы. Ленныя владѣнія, въ лицѣ своихъ

Digitized by Google

обитательницъ, сознавали всю прелесть этой жизни, но не удивляться передъ ея появленіемъ не могли. Акулина Елизаровна, нахохотавшись до слезъ своимъ дребезжащимъ голосомъ надъ выдумками Порфирія, вздыхала сильнѣе прежняго, оставшись наединѣ съ своею скорбною и нагоняющею тоску особою, и шептала: «Господи, прости мое согрѣшеніе! Ужъ передъ добромъ ли я это развеселилась? За смѣхомъ-то слезы идутъ, какъ говорится». Размышленія шли дальше и дальше; тоска и боязнь передъ будущимъ росли и грызли слабодушную капитаншу, а тамъ лились и слезы... Маіорская дочь, ложась въ постель, думала: «Ужъ очень много мы хохочемъ, неприлично это, точно у мужиковъ въ обществѣ, такой мове-тонъ». Маіорская дочь начинала соображать, что нѣтъ нынче общества, гдѣ бы велись умные и глубокомысленные разговоры о деликатныхъ предметахъ, и скорбно вздыхала. Слабая здоровьемъ Ольга Васильевна отъ долгаго смѣха чувствовала маленькую боль въ груди или, по крайней мѣрѣ, боялась, что у нея будетъ эта боль. Варя завидовала веселому характеру Порфирія и съ горечью говорила: «Отчего я не такая веселая? отчего мнѣ иногда плакать безъ причины хочется? отчего, если я и пѣсню пою, то мнѣ не веселѣй, а больнѣй становится? Завистливая я!» Ардальонъ, — тотъ дѣлался совсѣмъ хмурымъ, отправляясь спать, и отрывисто бормоталъ: «Только и знаетъ, что смѣяться! Волосы давеча мнѣ растрепалъ!» Воспоминаніе о растрепанныхъ волосахъ отнимало почти полчаса у сна юноши. А на другой день надломанные жизнью люди снова сходились вмѣстѣ, вздыхали, охали, жаловались, серьезничали и къ концу вечера съ сожалѣніемъ произносили: «А вотъ безъ Порфирія-то Александровича и молодежь наша не весела». Молодежь безмолвствовала и мысленно сознавалась, что въ этотъ вечеръ она переговорила объ очень умныхъ вещахъ, можетъ-быть, набрела даже на новыя для нея мысли; но не была молода, не смотрѣла бодро: какой-то гнетъ скорби, недовольства, безсилія, завѣщанный ей въ наслѣдство отцами и дѣдами, лежалъ на ея плечахъ и гнулъ ее къ землѣ... Варя ясно сознавала это и начала цѣнить своего учителя за его способность развеселять людей, но она, все-таки, оставила за собой право говорить про него, когда ей дѣлалось очень скучно, что «вѣчно смѣяться нельзя, однимъ смѣхомъ не проживешь, иногда смѣхъ и надоѣстъ». Среди этихъ глубокихъ соображеній, какой-то тайный, едва слышный голосъ шепталъ

Digitized by Google

Варѣ: «А ты спросила бы его, можетъ-быть, онъ не только смѣяться умѣетъ, можетъ-быть, онъ и горе переносить можетъ. Ты что-то слышала у Скрипицыной про его жизнь... И вспомни, какъ онъ поспѣшилъ отвести тебя отъ нѣмки...» Варя сердито заглушала этотъ голосъ и разсуждала съ презрительной улыбкой: «Что и Ардальонъ спасъ бы ее отъ нѣмки, если бы онъ былъ въ то время въ квартирѣ Скрипицыной...» Полно, такъ ли, Варя?

Несмотря на все это, веселый учитель привлекалъ къ себѣ все болѣе и болѣе сердца бѣдныхъ жильцовъ. Какая-то неисчерпаемая веселость была въ это время во всемъ его существѣ; бодрый, живой, онъ не могъ посидѣть на мѣстѣ, ему хотѣлось двигаться, пѣть, танцовать, и болѣе всего хотѣлось изобрѣсти какую-то *общую* работу, *общую* жизнь. Иногда ему казалось, что онъ раздвинулъ бы широко, широко стѣны этого бѣднаго жилища, привелъ бы въ него и свою мать, и ея учениць-швей и засадилъ бы ихъ всѣхъ, и Варю, и Акулину Елизаровну, и Игнатьевну за одну работу, заставилъ бы тутъ же Ардальона учить своихъ маленькихъ братьевъ и другихъ дѣтей, читалъ бы въ свободные часы книжки всѣмъ собравшимся въ свѣтлыхъ просторныхъ комнатахъ, весело и шумно звалъ бы всѣхъ къ большому, чисто накрытому столу въ обѣденный часъ, и лились бы въ это время неумолкаемыя рѣчи и потолстѣла бы даже тощая маіорская дочь отъ этой жизни... Часто онъ сообщалъ эти мысли Варѣ и Ардальону, они приходили въ восторгъ и потомъ, вздыхая, говорили:

— Хорошія эти мечты.

— Какія мечты!—кипятился Порфирій и начиналъ горячо спорить, что онъ не думалъ мечтать, что это-то и есть правда, дѣлалъ счеты, смѣты и этимъ окончательно поражалъ Ардальона, не умѣвшаго считать.

Приближалась осень. Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда въ садахъ спѣшатъ срѣзать послѣднія георгины и на улицахъ продаются букеты по гривеннику, Порфирій вдругъ, неожиданно для самого себя, появился въ квартирѣ Игнатьевны съ букетомъ цвѣтовъ.

— Это я вамъ принесъ, Варя, — сказалъ онъ, подавая ей букетъ, и сдѣлался красенъ, какъ вареный ракъ.

Варя засмѣялась. Глаза всѣхъ обратились на Порфирія и на Варю, стоявшихъ посреди комнаты. Молодые люди смѣшались и стояли другъ противъ друга, потупивъ глаза.

Digitized by Google

— Это вмѣсто хорошаго балла за ученье?— шопотомъ рѣшилась спросить Варя.

— Это за то, что вы хорошенькая,—еще тише прошепталъ Порфирій и засмѣялся добрымъ, молодымъ смѣхомъ; ему очень хотѣлось въ эту минуту расцѣловать и Варю, и Ардальона, и всѣхъ присутствующихъ.

Варя еще болѣе покраснѣла, поднесла букетъ къ лицу и вдругъ побѣжала ставить его въ воду. Приснухинъ сѣлъ и былъ какъ-то разсѣянъ. Варя, между тѣмъ, выдернула одинъ душистый цвѣтокъ изъ букета и все время играла имъ, поднося его къ носу, раза два она поднесла его къ губамъ и, кажется, поцѣловала, не зная, что играетъ съ огнемъ. Приснухинъ слѣдилъ за нею.

— Пойдемте гулять!—неожиданно предложилъ онъ.—Въ садъ куда-нибудь, на вольный воздухъ...

— Чудесно! чудесно! Пойдемте, Ольга Васильевна, Ардальонъ, Любовь Алексѣевна!—обратилась Варя ко всѣмъ.

Любовь Алексѣевна, такъ звали маіорскую дочь, почувствовала щекотанье въ сердцѣ отъ приглашенія идти гулять съ образованными людьми и сочла непремѣннымъ своимъ долгомъ—отказаться.

— Помилуйте, я въ такомъ абилье!—потупила она стыдливо глаза.

— Ничего, ничего; что за дѣло до вашей одежды!—кричала Варя.—Милочка, пойдемте!

— Ахъ, монъ анжъ, монъ анжъ!—захлебнулась отъ радости маіорская дочь.

— Вы, Авдотья Игнатьевна, чай намъ къ вечеру приготовьте,—распоряжалась молодая царица.—Булокъ, душечка, купите...

— Нѣтъ, Варя, мы по дорогѣ купимъ, — вмѣшалась Ольга Васильевна. — Тамъ, я знаю, есть такая отличная булочная.

— Ну, и чудесно, чудесно!—кричала Варя.

Всѣ засуетились: кто надѣвалъ шляпку, кто искалъ зонтикъ, кто поправлялъ нарукавнички и воротнички, — наконецъ, партія двинулась въ путь. На лѣстницѣ вспомнилъ кто-то, что забылъ носовой платокъ, и послалъ за нимъ Ардальона, но Порфирій побѣжалъ тоже на перегонку, и оба, красные, облитые потомъ, запыхавшіеся, вернулись съ двумя носовыми платками. Причина для смѣху, и всѣ, смѣясь громкими голосами, пошли въ Екатерингофъ. Маіорская дочь шла съ Ольгой Васильевной, Варя—съ молодыми

Digitized by Google

людьми. Разговоры въ городѣ шли очень обыкновенные: то о неровныхъ и избитыхъ тротуарахъ, то о нарядахъ, выставленныхъ въ окнахъ магазиновъ, то о восковой куклѣ парикмахера, мимо котораго шли наши путники, то, наконецъ, о томъ, что никто не ѣлъ и каждый хотѣлъ бы попробовать тѣхъ яствъ, которыя продаются въ разныхъ затѣйливыхъ банкахъ и коробкахъ во фруктовыхъ лавкахъ. Наконецъ, воздухъ сталъ чище, улица просторнѣе, мостовая кончилась, и показалась зелень Екатерингофа, а тамъ виденъ кусочекъ залива и снующія по немъ лодки. Порфирію вспомнились дѣтскіе годы, катанье на челнѣ, уженье рыбы, буйный хохотъ друзей-мастеровыхъ, отвага не понимающаго опасности дѣтства,—все то, что сдѣлало его здоровымъ, крѣпкимъ и бодрымъ. Онъ предался воспоминаніямъ. Варя и Ардальонъ заслушались его своеобразныхъ, отрывистыхъ и удалыхъ рѣчей. У нихъ духъ захватывало, когда онъ говорилъ про волны, хлещущія въ лодку, про дождь, пробиравшій до костей, про черныя тучи, про то, какъ онъ въ одеждѣ выкупался, на солнцѣ высушился, какъ попалъ въ тиски между барокъ, и тому подобные ужасы.

— Вотъ жизнь-то!—воскликнула Варя.

— Да, это жизнь, — отвѣтилъ Порфирій. — Не кататься мнѣ больше, какъ прежде... Да нѣтъ, что я!—тряхнулъ онъ головой. — Загуляю еще, закачусь когда-нибудь на цѣлый день на острова, и поминай какъ звали! Воля тамъ...

Всѣ смолкли на нѣсколько минутъ.

— Варя, что вы не начнете учиться платья шить?— вдругъ спросилъ Порфирій.

— Какія платья?—спросила Варя съ недоумѣніемъ.

— Обыкновенныя, женскія,—отвѣтилъ Порфирій.—Вотъ у моей матери стали бы учиться. Потомъ выучились бы, магазинъ открыли бы... Вмѣстѣ бы жили... всѣ...—добавилъ онъ едва слышно и покраснѣлъ отъ какой-то, одному ему извѣстной, мысли.

— Что это ты такое выдумалъ!—воскликнулъ Ардальонъ.— Развѣ Варя въ портнихи пойдетъ, этимъ мѣщанки занимаются.

— Такъ что-жъ, что мѣщанки?

— А она не мѣщанка.

— Не все равно развѣ, кому чѣмъ заниматься? Кто чѣмъ захотѣлъ, тотъ тѣмъ и занимайся,—отвѣтилъ сердито Порфирій. — Въ учительшахъ не лучше, я думаю, жить;

Digitized by Google

только въ воскресенье и будемъ видѣться,—возразилъ онъ, не зная, что житье въ гувернанткахъ представляетъ не одно только это неудобство.—А въ магазинѣ-то вмѣстѣ бы всѣ жили, мы бы тоже работали...

— Ну, братъ, не пошла бы работа на умъ въ магазинѣ, ты вонъ и самъ жаловался, что у отца заниматься не могъ въ мастерской.

— Такъ вѣдь это былъ бы не такой магазинъ.

— А какой же?

Порфирій не могъ сразу найти выраженія для своей мысли.

— Ну, не дрались бы тамъ, не плакали бы, — рѣшилъ онъ. — Жили бы вотъ такъ, какъ теперь у Игнатьевны, тихо, весело, только работали бы.

— Да, толкуй, а все же и товарищи порядочные не пошли бы къ намъ. Тутъ говорить неловко. Вотъ они и ко мнѣ не ходятъ.

— Ну, и чортъ съ ними!

— Нѣтъ, братъ, соскучишься... О чемъ я дома стану говорить съ матерью и Игнатьевной? Необразованныя онѣ! А у товарищей разговоры, книжки, о театрѣ, обо всемъ говорятъ... Вотъ ты не ходишь къ нимъ, такъ и не знаешь, какъ у нихъ хорошо.

— Плевать я хотѣлъ на ихъ книги и разговоры!

— Такъ и оставался бы портнымъ безграмотнымъ,—разсердился Ардальонъ.

— Ай!—раздался крикъ позади заспорившихъ молодыхъ людей.

Они обернулись и увидали, что передъ Варей, отставшей отъ нихъ и собиравшей какіе-то поздніе цвѣты, стоялъ съ распростертыми объятіями полупьяный господинъ.

Порфирій бросился къ ней, подставилъ чисто по-школьнически ногу пьяному ухаживателю и треснулъ его кулакомъ въ спину, тотъ рухнулся на толченый кирпичъ аллеи. Порфирій съ яростью звѣря пнулъ его два-три раза ногою и плюнулъ.

— Подлецъ,—гаркнулъ онъ.—Изломаю тебя!

Ардальонъ и Варя схватили его дрожащими руками и потащили за собою.

— Сохрани Господи, еще привяжется!—прошепталъ въ испугѣ Ардальонъ.—Изъ гимназіи выгонятъ!

— Такъ что же! не прикажешь ли позволить ему обнимать ее?—выдернулъ Порфирій свою руку изъ рукъ Ардальона.

Digitized by Google

— Нѣтъ... но исторіи-то эти. Мы, братъ, еще не большіе.

Порфирій сжалъ кулакъ и въ доказательство, что онъ большой, показалъ его Ардальону,—это былъ дѣйствительно большой кулакъ.

— Справлюсь!—промолвилъ буянъ и вдругъ захохоталъ, обернувшись назадъ.

Пьяный господинъ карабкался по песку и, вставши, падалъ снова. Варя и Ардальонъ послѣдовали примѣру Порфирія и съ дружнымъ смѣхомъ прошли въ аллею, гдѣ сидѣли отдыхавшія отъ дороги Ольга Васильевна и Любовь Алексѣевна. Порфирій велъ Варю подъ руку и, кажется, боясь ее выпустить, придерживалъ лѣвою рукою ея руку. Варя хотя и смѣялась, но все еще пугливо жалась къ нему.

— Пора, пора домой, — сказали обѣ дѣвы нашей молодежи, и всѣ отправились въ обратный путь.

Всю дорогу Порфирій не выпускалъ руки Вари, а Ардальонъ почему-то хмурился и шелъ одинъ. Взбираясь по темной лѣстницѣ въ ленныя владѣнія, Приснухинъ внезапно выпустилъ руку Вари.

— Что вы?—спросила Варя.

Приснухинъ ничего не отвѣтилъ и быстро исчезъ, только внизу лѣстницы отдавались его быстрые и звонкіе шаги.

Долго не могъ онъ уснуть въ эту ночь и въ полутемной комнатѣ, едва освѣщенной лампадой, сто разъ принимался писать и рвалъ бумагу. Какія-то неуклюжія строки съ риѳмами виднѣлись на клочьяхъ бумаги, и только одна строка не выходила изъ его головы и постоянно повторялась въ ней:

Черезъ весь міръ я пройду за тобою...

Куда? зачѣмъ? что изъ этого будетъ?—этого не могъ придумать Порфирій. Онъ то смѣялся, то готовъ былъ плакать, свертывался, какъ котенокъ, кутаясь въ одѣяло, потомъ становилось душно, жарко, онъ разбрасывался снова и до зари не могъ уснуть.

А путники добрались до своихъ ленныхъ владѣній. Ардальонъ дулся и выглядѣлъ очень жалко, какой-то мокрой курицей. Всѣ усѣлись пить чай.

— Что ты, Ардальонъ, все молчишь?—спросила у него Варя со смѣхомъ.

— Вѣдь я не умѣю смѣшить, какъ Порфирій,—отвѣтилъ Ардальонъ съ мрачнымъ видомъ.

— Да ужъ точно весельчакъ онъ,—замѣтила Игнатьевна.

— Герой, герой просто!—воскликнула маіорская дочь и стала распространяться о пассажѣ въ Екатерингофѣ.

Digitized by Google

— Экая у него силища-то богатырская! — ужаснулась Акулина Елизаровна.—Погубитъ онъ себя этою самою силою... А что ты-то такой блѣденькій, Ардальошенька? Слабенькій ты, усталъ, голубчикъ мой.

— И не думалъ уставать!—разсердился Ардальонъ за то, что его подозрѣваютъ въ слабости.

— Какое ужъ не усталъ, лица на тебѣ нѣтъ,—сожалѣла Акулина Елизаровна сына.—Лягъ, батюшка, отдохни.

— Что вы выдумываете!

— Да нѣтъ, ужъ вижу я по лицу, что усталъ и умаялся. И молчалъ вотъ все время, это ужъ не спроста. Ты не церемонься, мы допьемъ чай и однѣ, а ты лягъ.

— Точно, Ардальонъ, вы измучились, ходили много. Ступайте спать,—замѣтила Ольга Васильевна.

— Да, да, не женируйтесь,—ввернула маіорская дочь.— Вы деликатнаго тѣлосложенія.

— Покойной ночи, пріятнаго сна!—засмѣялась Варя.

Ардальонъ вскочилъ съ мѣста и выбѣжалъ въ свою комнату; онъ бросился на постель и залился слезами. Такъ онъ и уснулъ въ одеждѣ, уткнувшись лицомъ въ подушки. Черезъ часъ явилась въ комнату и Акулина Елизаровна, увидала сына, спящаго въ одеждѣ, и всплеснула руками.

— Ишь вѣдь какъ умаялся, бѣдняжка!.. Ардальоша,— шопотомъ проговорила она, дотрогиваясь до его плеча.— Дай я сапожки съ тебя сниму. Ножки затекутъ въ сапожкахъ-то.

Полупроснувшись, Ардальонъ далъ матери раздѣть себя и заснулъ снова.

— Христосъ съ тобою, родной мой, цвѣтикъ нѣжный,— шептала мать и тихо опустилась на колѣни передъ образами.—Долго продолжалась ея неслышная молитва, и только иногда слышался едва внятный шопотъ:

— Брысь! Охъ, ужъ эта кошка... И вѣчно начнетъ по ночамъ бродить! Васька, Васька, брысь!..

Потомъ снова бѣдная капитанша невнятно шевелила губами и клала земные поклоны.

— А вѣдь образокъ-то надо почистить, ишь какъ закоптился,—еще разъ внятно прошептала она среди безмолвной молитвы и, наконецъ, вздыхая и охая, съ озабоченнымъ лицомъ начала укладываться въ постель, словно совершая трудную, мучительную работу.

— Косточки-то всѣ болятъ, маслицомъ, что ли, потереть!—шамшила она.—Клопъ, кажется, прости Господи! У

Digitized by Google

Ардальоши надо будетъ диванчикъ-то посмотрѣть, да-а...— разсуждая такимъ образомъ, засыпала капитанша.

На слѣдующій день, во время урока, Варя посмѣялась Порфирію насчетъ его бѣгства.

— Мнѣ поцѣловать васъ вдругъ захотѣлось, — хмурясь отвѣтилъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

— Ну, и поцѣловали бы, если захотѣлось, — засмѣялась она шутливо.

— Варя, зачѣмъ вы шутите этимъ?—спросилъ онъ сурово.—Мы ужъ не дѣти...

— Вотъ еще! Я часто цѣлую Ардальона. Что же мы такое, если не дѣти?

— Какъ что? Да вы взгляните на себя, а про меня и говорить нечего... Вы думаете, что я мальчишка-молокососъ, какъ Ардальошенька? Вонъ я ему разсказывалъ, какъ нѣмка васъ приглашала къ себѣ жить, такъ онъ только ротъ разинулъ и не понялъ ни слова.

Варя нахмурилась.

— Такъ зачѣмъ же вы о такихъ глупостяхъ думаете,— спросила она сердито.

— Въ томъ-то и дѣло, что не глупости,—съ жаромъ замѣтилъ Порфирій.—Или вы думаете, что не придется намъ устроить по-своему жизнь? Что я объ этомъ не думаю?

И Варя, и Порфирій смолкли. Урокъ шелъ довольно вяло. Вечеромъ Приснухинъ съ особенною страстностью спорилъ съ Ардальономъ насчетъ того плана жизни, который постоянно занималъ его молодую и горячую голову.

— Вотъ твоя мать бѣдная, Любовь Алексѣевна бѣдная, Игнатьевна тоже,—говорилъ онъ: — а почему онѣ бѣдныя? Потому что не работаютъ, все просьбы пишутъ, по три рубля въ мѣсяцъ отъ благодѣтелей получаютъ, должны вездѣ. Вотъ онѣ по угламъ картофель ѣдятъ, масла на копейку покупаютъ, а у насъ на эти же деньги всѣхъ мастеровыхъ мать обѣдомъ кормитъ: здѣсь одного чаю сколько выйдетъ, какъ каждый въ своемъ чайникѣ завариваетъ. Вотъ посмотри, Варя учительшей будетъ, а денегъ тоже не скопитъ.

— Она замужъ выйдетъ,—рѣшилъ Ардальонъ.

— Тоже за бѣдноту, такъ ужъ не лучше будетъ! А лучше бы шить училась, съ моею матерью жила бы, и другія стали бы жить съ нами,—указалъ онъ на бѣдныхъ жилицъ ленныхъ владѣній.

Въ такихъ разговорахъ шло время. Варя иногда посѣщала Гребешковыхъ, и все болѣе и болѣе ухаживали за

Digitized by Google

нею дѣвицы Гребешковы, потому что стоило ей придти, чтобы явился и Дикобразовъ. Онъ даже бралъ иногда ложу въ театрѣ для семейства Гребешковыхъ, непремѣнно настаивая на Варинomъ присутствіи въ ложѣ. Варя, совершенно незамѣтно для себя, завлекала юношу своимъ совершенно невыработаннымъ, чисто-дѣтскимъ характеромъ. Она и сердилась, и смѣялась, и невинно кокетничала безъ всякаго умысла, безъ всякихъ глубокихъ соображеній, хотя всѣ ея поступки и вызывали глубокія соображенія въ головахъ дѣвицъ Гребешковыхъ.

— Она порядочная кокетка, — осмѣлились онѣ какъ-то замѣтить Дикобразову.

— Это бѣлая страница, на которой покуда каждый старается прочитать то, что онъ хочетъ, — отвѣтилъ Дикобразовъ.

— Такъ вы ее пустою называете? — засмѣялись ядовито дѣвицы.

— Я хотѣлъ сказать, что только въ ней еще не нашелъ грязи, — отвѣтилъ онъ, съ гримасой взглянувъ на нихъ.

Было что-то странное въ отношеніяхъ этого страннаго юноши къ Варѣ. Никто не понималъ, почему онъ сошелся съ ней, почему онъ искалъ встрѣчи съ нею и даже дѣлалъ попытку получить позволеніе пріѣхать въ ленныя владѣнія. Попытка эта была отклонена, и, повидимому, это обстоятельство опечалило Дикобразова. Свое неудовольствіе онъ выразилъ совершенно своеобразно тѣмъ, что надулся, какъ дуются избалованныя, капризныя дѣти. Дѣйствительно, онъ былъ избалованный барчукъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ знакомства съ Варей онъ узналъ всѣ подробности житья-бытья ленныхъ владѣній и при встрѣчѣ съ дѣвушкой спрашивалъ уже, какъ про своихъ давнишнихъ знакомыхъ, про Ардальона, Порфирія и другихъ бѣдныхъ жильцовъ «большого дома». Варя тоже привязалась къ нему болѣе, чѣмъ къ кому-нибудь другому; отъ него узнала она многое про жизнь того круга, котораго она прежде не знала и гдѣ постоянно вращался Дикобразовъ; отъ него она получила нѣсколько книгъ, которыя не могли бы получиться ею отъ другихъ ея знакомыхъ; при помощи его, она довольно часто бывала въ театрѣ съ Гребешковыми. Голова неопытной дѣвушки часто очень сильно кружилась. Однажды, послѣ долгихъ разговоровъ съ Дикобразовымъ, она воротилась домой и встрѣтила Приснухина; онъ былъ мраченъ.

— Что съ вами, Порфирій? — спросила она.

Digitized by Google

— Отецъ пьянъ!—отвѣтилъ Порфирій.

— Но вѣдь онъ пересталъ пить.

— Опять началъ... Не къ добру это! — махнулъ рукою Приснухинъ.

На слѣдующій день «большой домъ» былъ какъ-то особенно взволнованъ, какъ умѣлъ онъ волноваться только вслѣдствіе необычайныхъ событій, и шепталися о какомъ-то важномъ поразительномъ происшествіи. Наконецъ, слухи достигли и до ленныхъ владѣній, при помощи слесарши, переговорившей со всѣми жильцами «большого дома», сотни разъ всплеснувшей руками и произнесшей тысячи проклятій.

— Подъ судъ, подъ судъ упрятали!—кричала она, вбѣгая къ Игнатьевнѣ съ краснымъ отъ волненія лицомъ.

— Кого?—воскликнули съ испугомъ жилицы.

— Съ жандарами увезли, въ крѣпость! Говорятъ, казнить будутъ,—кричала она.

— Да кого, кого?—приставали къ ней.

— Да все его же, окаяннаго!.. Кого же другого подъ судъ упекутъ? Гдѣ другой-то такой извергъ найдется?.. Вѣдь, какъ свѣтъ стоитъ, такъ такого мошенника не было!..

— Да вы, душа моя, успокойтесь! — попробовала успокоить слесаршу маіорская дочь.

— Ахъ, подлецъ, подлецъ!..—продолжала волноваться слесарша.—Жену загубилъ, сына загубилъ! Провалиться бы ему въ тартарары! Говорила я, что не добромъ наживается, слушать не хотѣли! А вотъ дѣло-то по-моему и вышло... Подлецъ, подлецъ!!

Послѣ долгихъ восклицаній и оханій оказалось, что увезли не «жандары», не въ крѣпость и не для казни, а просто въ тюрьму и увезли не кого-нибудь другого, а Александра Ивановича Приснухина, бывшаго подрядчика, плута и мошенника-поставщика. Въ департаментѣ, съ которымъ велъ дѣла Александръ Ивановичъ, былъ тоже переполохъ. Десятки чиновниковъ чуяли, что имъ не сдобровать, и жались на своихъ протертыхъ стульяхъ, зная, что въ послѣдній, можетъ-быть, разъ сидятъ они на этихъ въ теченіе двадцати лѣтъ просиженныхъ мѣстахъ. Громадная плутня поставки гнилого товара, счетъ вещей, не принятыхъ, но зачисленныхъ въ число принятыхъ, фальшивыя квитанціи и расписки,—все это начинало приводиться въ ясность, и Приснухинъ былъ, можетъ-быть, менѣе всѣхъ другихъ достоинъ наказанія. Мрачный, потерявшій всякое сознаніе

Digitized by Google

происходившаго, онъ палъ духомъ и трепеталъ, какъ пойманный звѣрь; въ этомъ трепетѣ видѣлись и безсильная злоба, и подлая трусость. Въ чаду глубокихъ соображеній, надѣясь нажиться и разбогатѣть, на зло всѣмъ, началъ онъ когда-то плутовать: отлично смазалъ всѣ колеса машины, пригналъ въ ней, повидимому, винтъ къ винту, заткнулъ всѣ дыры и прорѣхи, гордо поднялъ голову, вышелъ на торную дорогу обмана, и вдругъ все, все оборвалось разомъ. Тутъ уже были не мысли о томъ, что скажетъ подлецъ «большой домъ», какъ придется кланяться, можетъ-быть, даже ненавистному сыну; но были тутъ полный страхъ передъ наказаніемъ и сознаніе своего безсилья вынести предстоящую кару и жить гдѣ-нибудь въ Сибири. Приснухинъ то приходилъ въ ярость, то валялся въ ногахъ у судьи и смотрителей и, видя безполезность всѣхъ попытокъ, скрежеталъ зубами. Тысячи ругательствъ и проклятій сыпались на жену и сына; онъ велѣлъ не впускать ихъ къ себѣ, грозилъ убить ихъ при первой встрѣчѣ... Ему все казалось, что они ходятъ любоваться и тѣшиться его несчастьемъ... А они бѣгали, какъ помѣшанные, тоже кланялись, хлопотали, суетились,—и ничего не могли сдѣлать. Порфирій попробовалъ въ первый разъ въ жизни отправиться къ своему *крестному* отцу съ просьбой о помощи. Первыя слова юноша произнесъ дрожащимъ, тихимъ голосомъ; слѣдующія фразы уже звучали громкимъ упрекомъ; еще черезъ минуту въ комнатѣ слышалась цѣлая буря. *Крестный* отецъ грозилъ Порфирію отправить его въ полицію и выдрать, какъ послѣдняго щенка.

— Что вы думаете, что я ничего не знаю! — гремѣлъ Порфирій.

— Вонъ, мерзавецъ! Я лакеямъ прикажу тебя вытолкать!—кричалъ *крестный* отецъ.

Зеленый отъ злобы, разбитый, возвратился Порфирій домой... Глаша забывала въ это время, что у нея дома сидятъ голодныя дѣти, и бѣгала по дѣламъ; Порфирій забывалъ, что въ гимназіи каждый день идутъ уроки. Время и послѣднія деньги тратились совершенно безплодно. Бѣдными людьми писались просьбы, платилось писарямъ за то, что просьба принималась; писаря и чиновники знали, что изъ этого ничего не выйдетъ, но деньги принимали и даже совѣтовали, съ очень добродушнымъ видомъ, дать тому-то и тому-то изъ ихъ собратій. Каждый сторожъ, каждая послѣдняя спица въ колесницѣ разныхъ департаментовъ требо-

Digitized by Google

вали денегъ, денегъ и денегъ. Они соображали, что: отчего же и не взять, если такой случай подошелъ? Глафира Николаевна соображала въ свою очередь, что: какъ же не дать, если это можетъ помочь? и размышляла, что она вѣчно упрекать себя будетъ, если не дастъ денегъ, а мужа накажутъ, что тогда она будетъ вѣчно считать, что его наказали вслѣдствіе ея жадности и нерадѣнья. Ни сынъ, ни мать не понимали, что при всей бѣготнѣ, при всѣхъ тратахъ, они не сдѣлаютъ ничего, не облегчатъ ни судьбы Александра Ивановича, ни своей собственной. Въ такихъ случаяхъ голова теряется у человѣка, онъ бѣгаетъ, хлопочетъ, суетится, говоритъ, чтобы только не оставаться въ бездѣйствіи, въ одиночествѣ, чтобы хоть на мгновенье имѣть возможность не глядѣть въ лицо своей будущности и не думать,—а эта будущность и эти думы чернѣе осенней ночи и неотвратимо, быстро сгущается ихъ долгая, почти безразсвѣтная тьма... Удастся ли еще дожить до свѣта?

А на дворѣ была уже весна...

— Порфирій, что мы дѣлать-то будемъ?.. Какъ ты въ гимназію-то будешь ходить?—спрашивала мать у Приснухина однажды послѣ долгихъ и неудачныхъ хлопотъ.

— Богъ съ ней, съ гимназіей!.. Теперь надо кусокъ хлѣба добывать,—говорилъ сынъ, исхудавшій и пожелтѣвшій за послѣднее время.

— Вотъ Ардальонъ переѣзжаетъ отъ матери... Что если бы ты тоже одинъ жилъ, тебѣ бы легче...—начала нерѣшительнымъ тономъ Глафира Николаевна, опустивъ въ землю глаза, на которыхъ уже сверкали слезы.

— Что ты, мать, говоришь? Бросить тебя? Теперь бросить? Развѣ я разбойникъ?.. Вспомни только одно: бросила ли ты меня годъ тому назадъ, когда отецъ выгонялъ меня изъ дому? Ты грудью стала за меня, ты ночей за меня не спала... А братья, сестры?.. Кто ихъ учить будетъ? Или имъ тоже неучами вырасти?.. Пусть хоть они доучатся!..

Порфирій зарыдалъ при послѣднихъ словахъ, какъ дитя; въ его пылкой головѣ вдругъ мелькнула картина его будущности; онъ былъ и долженъ былъ остаться недоучкой, оторваннымъ отъ быта своего отца и еще не попавшимъ на другую дорогу человѣкомъ. Эта мысль уже грызла его сердце.

— Господи, Господи, что съ тобою?—закрыла лицо руками мать.—Загубила я тебя своею любовью! Какъ цѣпями, я тебя опутала ею... И умереть-то я не могу для твоего

Digitized by Google

счастія! Они, они тебя свяжутъ!—указала она на дѣтей.— Нѣтъ, голубчикъ, терпи, будемъ вмѣстѣ биться...

Порфирій плакалъ.

— Дура я, дура, сама не знаю, что говорю!.. Господи, вѣдь молодъ еще ты, тебѣ жить бы надо... И за что ты мучаешься? За грѣхъ мой поганый!.. Видитъ Богъ, каялась я за него, по ночамъ не спала, плакала...

Порфирій махнулъ рукою и не могъ болѣе выдержать этой сцены, убѣжалъ въ свою комнату и рухнулся на постель...

X.

Семейныя драмы.

Какъ на саванъ сшиваетъ куски полотна любящая мать мертвому сыну, такъ шила Акулина Елизаровна бѣлье для своего Ардальоши.

— Переѣдетъ, не будетъ его у меня, голубчика! — причитала она, по своему обыкновенію вслухъ, тихимъ шопотомъ и украдкой отирала слезы. — Переѣдетъ! семнадцать лѣтъ жили вмѣстѣ... маленькаго грудью кормила... Растила, няньчила... Дура я, дура необразованная, что я плачу, развѣ я могу съ сыномъ-то жить?.. Мучить-то его своимъ холопствомъ? Чтобъ товарищи-то отъ него бѣгали и на смѣхъ его поднимали... Охъ ты, Господи, Боже мой, Мать Пресвятая Богородица, Владычица Небесная!..

— Что вы, маменька, все плачете?—спрашивалъ возвращавшійся изъ гимназіи Ардальонъ.

— Какъ же мнѣ не плакать, батюшка? съ тобою разстаюсь,—слезливо сморкалась Акулина Елизаровна.

— Такъ вѣдь не хороните же меня! Будемъ видѣться. Вѣдь нельзя же мнѣ въ этой конурѣ жить! Вотъ меня на кондицію одинъ помѣщикъ приглашаетъ.

— На что же это онъ тебя приглашаетъ?

— Дѣтей учить.

— А-а!

— Вотъ въ деревню съ нимъ уѣду...

— Господи!— всплеснула руками Акулина Елизаровна и уставила глаза на сына.—Уѣдешь, какъ же это, батюшка!

— Что же, маменька, вѣдь это мнѣ счастье. Шутка ли сколько денегъ заработаю! Отъ этого моя будущность зависитъ... Не могу же я здѣсь, маменька, жить... Я васъ люблю, но вѣдь надо привыкать жить одному... Потомъ, и по службѣ

Digitized by Google

можетъ тоже такой случай выйти, что надо будетъ въ отъѣздъ... Вѣдь служба не посмотритъ на наши слезы.

— Охъ, знаю, батюшка, знаю... Христосъ съ тобою! Да неужто ты думаешь, что я твоей судьбѣ стану мѣшать... Да какая же я мать была бы послѣ этого?.. Развѣ я не знаю!.. Вѣдь дура я, вотъ отчего и плачу, ты на эти слезы вниманья не обращай...

— Да и я такъ только сказалъ, что здоровье портите...

— Ну его, здоровье-то мое!.. Вырастила тебя, слава Богу, теперь на покой пора... Ты живи...

Акулина Елизаровна торопливо отирала слезы и принималась снова за работу.

Если не весело теперь жилось Акулинѣ Елизаровнѣ, то хоть и весело, но не легко жилось и Ольгѣ Васильевнѣ. Она рѣшилась дѣлать доброе дѣло, не разсчитывая, достанетъ ли у нея силъ и средствъ на этотъ подвигъ. Доброе дѣло—вещь прекрасная, но (хотя въ этомъ и грустно сознаться чувствительнымъ сердцамъ) и къ нему нужна подготовка, даже болѣе серьезная, чѣмъ подготовка къ самымъ злодѣйскимъ поступкамъ. Послѣдніе удаются легче. Чтобы не считать этой мысли за парадоксъ, спросите себя: что легче—убить или вылѣчить человѣка? Лѣченіе ближнихъ—дѣло прекрасное; лѣченіе же бѣдныхъ, лѣченіе даромъ еще прекраснѣе, но можно ли поощрять тѣхъ добрыхъ, превосходныхъ женщинъ, которыми полны наши уѣздные города и деревни и которыя, затративъ свои деньги, рѣшились безъ всякой подготовки лѣчить даромъ своихъ ближнихъ гомеопатіей! Вы не докажете, что, совершенно не зная медицины, можно узнать характеръ болѣзни, и что, не зная характера болѣзни, можно ее лѣчить; значитъ, эти женщины могутъ приносить только вредъ или совершенно безполезно, подобно бѣгающимъ въ колесѣ бѣлкамъ, убивать свой трудъ. Но взгляните на ихъ любовь къ ближнимъ, самоотверженную затрату денегъ, на ихъ смѣлыя посѣщенія опасныхъ больныхъ, на ихъ геройское перевязыванье и обмываніе язвъ, и попробуйте сказать послѣ всего этого: онѣ взялись за дурное дѣло. Я скажу только одно то, что онѣ взялись за доброе дѣло, но взялись за него въ чаду глубокихъ соображеній, подъ вліяніемъ прописного правила: дѣлай добро ближнимъ! и не обвиню ихъ за то, что прописи не сказали имъ: лучше не дѣлайте добра, если васъ не подготовляли, не хотѣли подготовлять къ этому, думая, что вы не способны даже на это по своей натурѣ. Бѣдныя женщины, на-

Digitized by Google

смѣшку прописей вы приняли за истину! «Дѣлай добро» на языкѣ прописей значитъ: ходи на головѣ, думай ногами, топи печи льдомъ... Не я брошу въ васъ камень! Не разъ въ жизни слушалъ я съ горькою улыбкой, какъ вы же первыя возставали противъ женщинъ, вздумавшихъ учиться медицинѣ, желчны были ваши нападки на сующихся не въ свое дѣло вашихъ сестеръ. Но, богобоязненныя, человѣколюбивыя, вы ли были виноваты, что васъ не пріучили даже думать? Весь процессъ вашей мысли сложился въ какой-то чадъ глубокихъ соображеній, напоминающихъ логику жалкой помѣщицы Коробочки. Вы многихъ заставляете страдать, многимъ отравляете жизнь, но все это изъ желанія добра, одного добра!.. Хорошо ли, худо,—Ольга Васильевна начала давать уроки,—тутъ не мѣсто говорить о ея подготовкѣ къ этому дѣлу,—у нея было много знакомыхъ, и недостатка въ ученицахъ и ученикахъ не было, но жизнь дорога, а трудъ дешевъ. Потому Ольгѣ Васильевнѣ пришлось, во-первыхъ, лишить своихъ кузинъ доли маленькихъ подарочковъ; во-вторыхъ, выслушивать за это самое вѣчныя жалобы и птичій пискъ кузинъ-птичекъ; въ-третьихъ, пришлось хуже прежняго одѣваться. Ея платья сдѣлались смѣшны, они вышли изъ моды, пообносились, подшились и стали короче; шляпка покрылась сальцемъ отъ помады; платочки, прежде красивые и яркіе, теперь полиняли, выкрасились и стали черненькими; такая же участь скоро постигла и платья, и шляпку. Ольга Васильевна въ одинъ прекрасный день могла бы увидѣть себя въ этомъ траурномъ нарядѣ, если бы она имѣла время и охоту смотрѣться въ зеркало и думать о себѣ; но она,—къ счастью или къ несчастью, я этого не знаю—забыла совершенно о существованіи жиденькой гувернантки и видѣла и любовалась только однимъ существомъ—Варей, которая теперь сдѣлалась для нея дороже ея собственной особы; насколько это было полезно Варѣ,—опять не наше дѣло. Забывъ о себѣ и помня только о Варѣ, Ольга Васильевна, очень естественно, думала, обѣдая въ гостяхъ: «какъ жаль, что Варя не ѣстъ этихъ слоеныхъ пирожковъ!» — и одинъ изъ пирожковъ исчезалъ со стола въ ея карманъ. Такія же мысли являлись у нея, когда подавались къ чаю вкусныя бріоши, и бріошь незамѣтно переходила въ карманъ въ то время, какъ всѣ думали, что Ольга Васильевна наслаждалась ею, и спрашивали, «понравилось ли ей это печенье, купленное въ новой булочной, такъ какъ старый булочникъ разжился и совсѣмъ

Digitized by Google

испортился». Черезъ мѣсяцъ, Ольга Васильевна торопливо пропорола полотнище платья на лѣвой сторонѣ и вшила второй карманъ... Это событіе очень радовало ее, потому что провизія пирожковъ, бріошей, яблоковъ, апельсиновъ и тому подобныхъ предметовъ гастрономической роскоши могла увеличиваться. Похищеніе—если можно такъ назвать прятанье предложенныхъ намъ лакомствъ—было скоро подмѣчено, какъ это всегда бываетъ, быстроглазыми дѣтьми; они первыя сообщили своимъ papas и mamans, что учительница прячетъ провизію въ карманы, что у нея ихъ два, съ обѣихъ сторонъ платья. Это возбудило смѣхъ. Разговоръ господъ, какъ это тоже всегда водится, дошелъ до слуха прислуги, и она первая переименовала Ольгу Васильевну изъ *учительши* въ *побирушку*.

— Кто тамъ звонилъ?—спрашивалъ лакей, проводившій все время въ дремотѣ и кражѣ барскаго вина.

— Побирушка наша пришла,—отвѣчала егоза-горничная, улучшавшая обѣдъ для прислуги объѣдками съ господскаго стола.

— Опять напрячетъ всего. Какъ она бутылокъ не носитъ, чтобъ вино сливать!

— Третьяго дня пять пирожковъ утащила,—промолвила горничная, вѣроятно забывъ, что эти пирожки передала она своему троюродному или какому-то другому брату.

— А еще барышней зовется! Хуже насъ, хамовъ!

— Ну, ужъ барышня! Видали мы этакой-то дряни!

Горничная имѣла полное право презирать Ольгу Васильевну, потому что та въ послѣдній новый годъ, краснѣя и бормоча извиненія, дала ей вмѣсто обычнаго рубля только двугривенный!

Эти разговоры не ушли отъ слуха господъ,—я этимъ не намекаю на то, что господа могутъ подслушивать или выспрашивать слугъ о своихъ знакомыхъ,—и презрѣнье прислуги необходимо должно было отразиться и на образованныхъ господахъ. Ужъ если даже лакей презираетъ когонибудь, то какъ же господину стоять ниже его по своимъ нравственнымъ взглядамъ. Это было бы стыдно и нелѣпо, нечестно даже, если хотите, такъ какъ подобный поступокъ ронялъ бы, нѣкоторымъ образомъ, значеніе образованности развитія. Ольгу Васильевну стали трактовать съ тономъ покровительства, какъ бѣдное и голодное созданье, падающее до безнравственности отъ бѣдности и голода. Ей стали прямо говорить:

Digitized by Google

— Возьмите, Ольга Васильевна, себѣ этотъ пирожокъ! Ольга Васильевна, душечка, мы вамъ велѣли рябчика завернуть. Вы, милочка, не сердитесь; вѣдь мы васъ, какъ родную, любимъ и знаемъ, какъ вамъ неудобно готовить для себя одной. Это крайне невыгодно. Какъ тяжело у насъ женщинѣ жить одной: мужчина въ кухмистерской можетъ пообѣдать, а женщинѣ мѣшаютъ эти глупые предразсудки и обращеніе нашихъ звѣрей-мужчинъ. Одной же держать столъ невозможно, просто невозможно при этой дороговизнѣ. Право, при видѣ этого иногда готова проповѣдывать въ пользу ассоціацій, а ужъ, кажется, знаешь, какое это зло, какъ это... это... подрываетъ тамъ, ну, знаете, эти... эти основы...

Далѣе барыни вздрагивали, договорившись до «основъ», и рѣчь шла въ серьезномъ тонѣ, съ извѣстною долей запинокъ и подысканья разныхъ ученыхъ словъ. Ольга Васильевна, краснѣя, принуждена была брать завернутаго въ бумагу рябчика, дерзко сунутаго ей горничною, и, улыбаясь, благодарила «душеньку», «миленькую», «голубушку», то-есть эту горничную. Черезъ мѣсяцъ еще, она уже не краснѣла, и что же ей было краснѣть? Она, Ольга Васильевна, не существовала, — существовала одна Варя, а для Вари можно было сдѣлать все.

— Настоящая старая дѣвка сдѣлалась,—говорилъ то тотъ, то другой мужъ женѣ про Ольгу Васильевну.—Я думаю, у нея тамъ на цѣлый годъ провизіи запасено.

— Я думаю! Мнѣ кажется, у нея привязные карманы подъ платьемъ.

— Что ты? Ха-ха-ха!.. Однако, серьезно говоря, это отвратительная скаредность! И какъ она одѣвается, платье— поддергулька какая-то, шляпка блиномъ...

— Да, я ее какъ-то на улицѣ встрѣтила,—маршируетъ она по грязи, точно отъ кредиторовъ улепетываетъ,—я, согрѣшила, сдѣлала видъ, что не вижу ея; да она и не замѣтила меня, она, кажется, и никого не видитъ, бѣгая по городу.

— Хорошо еще, что сплетнями не занимается...

— Ну, мой другъ, не вѣрю я этому! Недаромъ она изъ дома въ домъ шмыгаетъ... Правда, я ее разспрашивала, знаешь, для испытанія, про тѣхъ и про другихъ—такъ ничего не сказала, вѣдь она хитрая... у-у, какая хитрая! знаетъ, что я не терплю сплетенъ: я вѣдь и разспрашивала, такъ мнѣ было гадко, гадко; можетъ-быть, вѣдь и на лицѣ

Digitized by Google

моемъ это было видно... А то, я думаю, сплетничаетъ... Вотъ хотѣлось бы мнѣ узнать, что она про Ивашевыхъ говоритъ, выпытаю у нея непремѣнно, ужъ ихъ-то, я думаю, чернитъ, чернитъ хуже грязи...

— Хорошо еще, что дѣти поняли всю смѣшную сторону этой скаредности и попрошайства, а то иначе она вредно бы подѣйствовала на нихъ; теперь же это даже полезно, они смѣются надъ ней. Она служитъ имъ вмѣсто Илота. Вчера я самъ слышалъ, какъ Ванька съ серьезнѣйшимъ видомъ предлагалъ ей пастилки, и вѣдь не улыбнулся, подлецъ,—ни-ни!

— И взяла?

— Взяла, даже поцѣловала Ваньку. А у него, у мошенника, только щеки надулись, и глаза таращатся, чтобы удержать смѣхъ. Бестія будетъ мальчишка!

Супруга пожала плечами и покачала головой, благодаря въ душѣ Бога, что она совсѣмъ не похожа на Ольгу Васильевну, что ей не пришлось просидѣть въ дѣвушкахъ и дойти до этой грязной сальности, до этого безстыдства. Варя видѣла, какъ у Ольги Васильевны, мало-по-малу, изгонялось все цвѣтное изъ туалета, и попробовала протестовать противъ чернаго крашеннаго облаченія, не понимая, что только при этомъ облаченіи она сама могла одѣваться въ цвѣтное. Но Ольга Васильевна сказала ей, что она уже отжила свой вѣкъ, что ей пора перестать щеголять, что, наконецъ, на улицѣ дѣвушка безопаснѣе въ темной одеждѣ, что къ ней не пристанутъ нахальные провожатые, что черное удобнѣе и для занятій ея съ маленькими дѣтьми: чернилъ на немъ не видно. Варя, цѣлуя, упрекала сначала Ольгу Васильевну и за пирожки, говоря, что она напрасно ихъ покупаетъ и тратится на нее. Потомъ, мало-по-малу, ей стала открываться часть истины, и она начала краснѣть за Ольгу Васильевну. «Она,—думала Варя,—и въ пансіонъ привозила вечеромъ по воскресеньямъ конфеты и пирожки, значитъ, она и тогда была попрошайкой, и, слава Богу, что это не для меня дѣлается». Варя не знала, что Ольга Васильевна привозила въ пансіонъ конфеты и пирожки не отъ знакомыхъ, а изъ кондитерской, гдѣ постоянно оставляла часть своего жалованья, любя, въ качествѣ жиденькой гувернантки, полакомиться и побаловать любимыхъ воспитанницъ. Эта черта первая примѣшала къ Вариной любви долю какого-то страннаго, непріятнаго чувства. Ольга Васильевна стала казаться Варѣ

Digitized by Google

ниже ея самой, показалась женщиной, любящей унижаться, любящей собирать всякую дрянь. Варѣ нерѣдко казалось, что Ольга Васильевна готова носить обноски изъ жадности, только бы не купить ихъ. А Варя даже вѣдь обидѣлась, чуть не заплакала, когда Дикобразовъ вполнѣ радушно предложилъ ей подарить фортепьяно? Вотъ какова была сама Варя! И вотъ та самая Ольга Васильевна, которую боготворили, — разумѣется, съ свойственною имъ искренностью,—кузины за ея частые подарки, за ея даровые уроки, за ея самоотверженную преданность, стала черносалопницей, попрошайкой, врагомъ слугъ, посмѣшищемъ дѣтей, предметомъ благодѣяній взрослыхъ, алчной побирушкой, вселявшей что-то въ родѣ отвращенія въ то самое существо, которое погибло бы черезъ минуту, если бы эта алчная побирушка сказала:

— Довольно! Ольга Васильевна снова будетъ прежней Ольгой Васильевной, жиденькой гувернанткой, мокрой курицей, пансіонской тряпкой; она устала играть роль Трезора!

А между тѣмъ, это существо, наша Варя, приготовлялась къ экзамену. Экзаменъ въ университетѣ былъ назначенъ весною. На каждый предметъ посвящался день въ недѣлю. Пріѣзжали на экзаменъ и дѣвицы въ блестящихъ собственныхъ экипажахъ, державшія экзаменъ изъ прихоти; тащились на извозчичьихъ клячахъ дочери болѣе бѣдныхъ родителей, и приходили пѣшкомъ совсѣмъ бѣдныя дѣвушки; собирались и молодыя созданія, и старыя дѣвы. Пестрота одеждъ, званій, возрастовъ, физіономій была полная. Но всѣ эти созданія были барышни очень обыкновенныя, и, значитъ, знакомства и самая прочная дружба завязывались въ одну минуту.

— Позвольте, у васъ воротничокъ завернулся, — говорила одна.

— Ахъ, благодарю васъ! Я такъ торопилась, думала, опоздаю!—отвѣчала другая.

— Да, да, я сама торопилась. Вы первый экзаменъ держите?

— Нѣтъ, второй.

— Ну, такъ вы ознакомились, вѣрно. А я такъ боюсь, такъ боюсь!

— Ничего. Тутъ не страшно. У васъ сережка отстегнулась. Позвольте я поправлю.

— Ахъ, mercі, mercі, mercі!.. Сядемте рядомъ.

— Да, да. Я такъ рада, что вы мнѣ попались. Такъ непріятно быть между незнакомыми.

Digitized by Google

— О, я вполнѣ согласна съ этимъ. Все чужія, незнакомыя, неловко такъ. Такъ мы вмѣстѣ будемъ сидѣть и на будущей недѣлѣ?

И обѣ барышни вполнѣ были рады, что онѣ не будутъ между незнакомыми и чужими: онѣ уже знакомы, искренно любятъ одна другую и по дорогѣ узнаютъ всѣ тайны другъ отъ друга, черезъ день забѣгутъ другъ къ другу, черезъ недѣлю другъ за друга напишутъ сочиненіе или рѣшатъ задачу на экзаменѣ, черезъ мѣсяцъ... черезъ мѣсяцъ одна изъ нихъ, обнявъ своего друга, шепнетъ своимъ другимъ друзьямъ, что этотъ другъ пренавязчивое существо и воображаетъ себя красавицей, а между тѣмъ у нея «и тутъ, и тутъ, и тутъ вата!»

Варя не была какимъ-нибудь идеальнымъ исключеніемъ рода человѣческаго и имѣла тѣ же добродѣтели и тѣ же пороки, которые имѣли и ея сестры-барышни. Она точно такъ же поправила одной новой знакомой воротничокъ, поблагодарила другую за указаніе на разстегнутую сережку, поклялась въ вѣчной дружбѣ третьей за то, что та сидѣла рядомъ съ нею на трехъ экзаменахъ. Послѣ третьяго экзамена у Вари было уже нѣсколько искреннихъ друзей, радовавшихся, что имъ приходилось идти по одной дорогѣ. Маленькія сестры, маленькія подробности о своемъ прошломъ, маленькія жалобы на своихъ враговъ,—все это быстро и крѣпкими, чрезвычайно крѣпкими, узами связало дѣвушекъ,—конечно, навѣкъ.

— Ахъ, вы съ Ольгой Васильевной Суздальцевой живете!—сказала одна изъ искреннихъ подругъ Вари.

— А вы ее знаете?—спросила Варя.

— Кто же не знаетъ Ольгу Васильевну? Это нарицательное имя! Это типъ!—засмѣялась новая подруга Вари.

— Чему вы смѣетесь?

— Нѣтъ, нѣтъ, душечка, я не скажу! Вы, можетъ-быть, ей родня?..

— Нѣтъ, мы чужія, мы совсѣмъ чужія, у меня нѣтъ родныхъ, — сухо, но торопливо произнесла Варя и покраснѣла.

— Ну, такъ я могу сказать! Она такая смѣшная! Я ее не знаю сама, но въ городѣ о ней говорятъ. Она вхожа въ десятки домовъ; вездѣ поспѣетъ она; мнѣ разсказывали про нее. Она воруетъ у всѣхъ кушанье, у нея привязные карманы. Ее всѣ зовутъ побирушкой. Это типъ старой дѣвы-учительницы...

Digitized by Google

— Это неправда!—воскликнула Варя и покраснѣла еще болѣе, сознавая, что она лжетъ, что это правда, гадкая для нея самой правда.

— Вотъ мило! Разумѣется, она вамъ не покажетъ своихъ похищеній. Всѣ жидоморки притворяются, что онѣ ничего не берутъ отъ другихъ. А что она побирается—это вѣрно. И вы, душечка, остерегайтесь ея; можетъ-быть, она выпрашиваетъ это для васъ, чтобы не такъ было стыдно самой. Она вашу репутацію можетъ испортить, пользуясь тѣмъ, что вы не имѣете знакомыхъ въ свѣтѣ...

Варя поблѣднѣла. Ей стало, какъ день, ясно, что Ольга Васильевна выпрашиваетъ для нея эти пирожки, проситъ милостыню для нея. Варя вполнѣ поняла только теперь, какъ отвратительно поступала Ольга Васильевна; она сообразила даже, что Ольга Васильевна не по бѣдности, не по привычкѣ жить скромно, но по желанію не вводить ее. Варю, въ свѣтъ, не знакомитъ ее ни съ кѣмъ за исключеніемъ Гребешковыхъ,—вѣдь въ первомъ новомъ семействѣ знакомыхъ Варя узнала бы истину, а этого-то и боится Ольга Васильевна. Варя негодовала до глубины души. Злоба, стыдъ, отвращеніе мѣшались въ ней въ одно тяжелое чувство. Въ день этого знаменитаго открытія истины Ольга Васильевна возвратилась домой усталая и предложила Варѣ, по обыкновенію, пирожки.

— Что это вы, Ольга Васильевна, пирожки отвсюду таскаете? — сказала съ раздраженіемъ Варя, замѣнивъ обычное «мой другъ» болѣе вѣжливыми и болѣе холодными словами.

— Душа моя, ты ребенокъ, и я знаю, что ты любишь лакомиться,—начала простенькая Ольга Васильевна.

— Но не милостынею, не обглодками!—прервала ее Варя.

— Об-глод-ками!—съ недоумѣніемъ повторила Ольга Васильевна и печально начала вертѣть пирожокъ, точно желая удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ обглоданъ.

— Разумѣется, обглодками. Развѣ вы думаете, что я не понимаю, что вы выпрашиваете эти пирожки, что вы на мое имя выпрашиваете ихъ, жалуясь, что вамъ нечѣмъ меня кормить, марая мою репутацію, заставляя людей указывать на меня пальцами...

— Варя! Варя!

Ольга Васильевна тихо положила пирожокъ на столъ и начала безъ всякаго сознанія рыться въ рабочемъ столикѣ. Уже нѣсколько крупныхъ, горячихъ слезъ упало на ея

Digitized by Google

руки, но она ихъ не замѣчала и все чего-то искала. Наконецъ, она вынула вышивку и начала работать, но игла не попадала въ матерію, глаза ничего не видали, а слезы все текли и текли... Ни одного вздоха, ни одного упрека не вырвалось изъ груди Трезора; но Варя смутилась и, сознавая всю свою правоту, почему-то стыдилась взглянуть на эту безмолвную, покорную фигуру со слезами на щекахъ. Варя сконфуженно ходила по комнатѣ. Прошло съ часъ времени. Игнатьевна вошла объявить, что самоваръ скипѣлъ.

— Можете его подать, Авдотья Игнатьевна,—произнесла Ольга Васильевна, поспѣшно отирая катившуюся по щекѣ слезу.

Самоваръ подали.

— Варичка, не послать ли за сухарями?—спросила Ольга Васильевна.

— Нѣтъ... Я не хочу...

— Я тебѣ налила, мой другъ... Какъ экзаменъ? — раздался робкій вопросъ.—Ты меня встрѣтила такъ... то-есть, ты была раздра... Ахъ, Боже мой!.. Ну, какъ же прошелъ экзаменъ?

Ольга Васильевна терялась и не находила словъ; ей хотѣлось объяснить, что она боится, не произошло ли раздраженіе Вари отъ неудачи.

— Ничего, хорошо.

— Ну, слава Богу, слава Богу! Ты меня... про... прости... не сердись! — шопотомъ произнесла Ольга Васильевна и неожиданно припала губами къ рукѣ Вари.

Несчастное существо въ теченіе часа раздумывало о своей судьбѣ, перебирало всѣхъ своихъ знакомыхъ, родныхъ, представляло себѣ свое будущее и видѣло, что среди всего этого волнующагося міра оно теперь стало не нужно никому; что этотъ людный городъ для него пустыня, гдѣ оно видитъ только одного близкаго живого человѣка—Варю, и этотъ-то человѣкъ готовъ уйти. Ольга Васильевна испугалась могильнаго одиночества среди тысячеустной толпы...

Варя вся вспыхнула, у нея сердце перевернулось отъ этого поцѣлуя; она за что-то даже упрекала себя, хотя понимала, какъ глубоко виновата передъ нею Ольга Васильевна, какъ скверно поведеніе послѣдней, но по добротѣ, по великодушію, столь свойственнымъ молодымъ дѣвушкамъ, подобнымъ Варѣ, простила Ольгу Васильевну и тихо поцѣловала ее. Ольга Васильевна разрыдалась...

Digitized by Google

Характеръ Вари высказался вполнѣ,—болѣе нечего ждать отъ него. Это характеръ бездомнаго пролетарія, брошеннаго нами безъ сожалѣнія, лишеннаго всѣхъ опредѣленныхъ обязанностей, дающихъ право на жизнь. Наши радости, наши скорби, наша слава и нашъ позоръ, все, все будетъ ему чуждо,—его не призвали раздѣлить ихъ. Ему бросали ть или другія личности кусокъ хлѣба, онъ не зналъ, за что ему брошенъ этотъ кусокъ хлѣба, и въ то же время онъ сознавалъ, что точно такъ же спокойны остались бы мы, если бы ему и не бросилъ никто этого черствaго куска. Его интересы не близки намъ, потому они вдвое ближе ему. Насъ цѣлое общество, а онъ одинъ; ему нужно быть безпощаднѣе, злѣе въ борьбѣ, потому что вся его жизнь будетъ борьба,—борьба съ нами, закрывшими передъ нимъ свои двери. Это—страшное существо, но въ то же время это жалкое, до боли жалкое существо. Ольга Васильевна помнила пансіонскихъ подругъ, помнила, что о ней заботились десятки людей въ молодости, что они развили въ ней потребность любви, поставили ее на извѣстную дорогу, сказали: ты получаешь образованіе, чтобы учить нашихъ дѣтей,—а Варя, кто указалъ ей ея мѣсто въ обществѣ? Скрипицына? Ольга Васильевна? Отдѣльныя личности, взявшія ее, потому что она была жалка, а онѣ одиноки. Подвернись имъ другая дѣвочка въ то же время,—и Варя осталась бы на улицѣ, была бы брошена. Всей ея судьбой управляла случайность, и она почувствовала, угадала это, и не привязалась ни къ чему. И стоитъ ли привязываться къ тому, что можетъ черезъ минуту измѣниться, смѣниться новою случайностью? Не стоило бы слѣдить за жизнью этого безучастнаго, ледянаго и въ то же время надменнаго существа. Но оно будетъ сталкиваться съ нами и потому посмотримъ: кто прольетъ больше слезъ; оно ли, одинокое, брошенное нами, или мы, сошедшіеся дружно въ кружокъ, довольные, сытые? Наши роли раздѣлятся такъ: мы забудемъ про него и будемъ веселиться, наслаждаться жизнью, интересоваться своими общими задачами и вопросами, а оно будетъ—мстить...

XI.

Бѣдные жильцы прощаются съ большимъ домомъ.

Съ этой роковой минуты, которую мы описали въ предъидущей главѣ, у Ольги Васильевны явились новыя заботы, новыя соображенія и, вслѣдствіе ихъ, развилась новая

Digitized by Google

черта въ характерѣ; умѣнье изобрѣтать и обманывать. Она стала теперь носить пирожки и рябчиковъ, но не выгружала ихъ при Варѣ, а отдавала Игнатьевнѣ и уговаривала ту подогрѣвать ихъ и дѣлать видъ, что это все куплено или приготовлено дома. Очень часто Игнатьевну посылали купить пятокъ апельсиновъ, который уже два дня лежалъ въ кухонномъ шкапу и совсѣмъ не былъ купленъ. Варя, между тѣмъ, искала мѣста, публиковала о себѣ въ газетахъ и приготовляла себѣ разныя принадлежности женскаго туалета. Наконецъ, мѣсто нашлось отличное и нашлось не черезъ газеты. Наставали дни разлуки. Уже въ іюнѣ мѣсяцѣ въ послѣдній разъ собрались всѣ бѣдные жильцы ленныхъ владѣній, по случаю отъѣзда Ардальона. Молодежь сидѣла въ комнатѣ Ольги Васильевны, у маіорской дочери собрались старыя жилицы. Разговоры не вязались: какой-то гнетъ грусти, недовольства и раздраженія лежалъ у всѣхъ на душѣ.

— Вотъ и несчастье пришло и разлука подоспѣла,—замѣтилъ Порфирій.

— Ну, какое же несчастье?—воскликнулъ Ардальонъ.— Я на мѣсто ѣду, Варя тоже; тебѣ одному плохо, потому что ты вышелъ изъ гимназіи, глупость сдѣлалъ.

— А какъ же бы ты сдѣлалъ?—спросилъ Порфирій.

Онъ похудѣлъ и словно выросъ въ послѣднее время, его лицо было серьезно и сурово. Онъ начиналъ понимать, что онъ теперь глава дома, и съ чисто юношескою надменностью, не лишенною прелести, исполнялъ эту роль.

— Остался бы учиться.

— А мать-то, братьевъ и сестеръ бросилъ бы.

— Да-а...

— И то хорошо,—желчно промолвилъ Приснухинъ.

— Да ты пойми меня, ты вотъ все меня какимъ-то бездушнымъ считаешь,—началъ Ардальонъ.—А я вотъ какъ думаю: твоя мать въ теченіе года перебилась бы, а ты-то, кончивъ курсъ, былъ бы полезнѣе ей, чѣмъ теперь. Кто тебя безъ диплома возьметъ на службу?

— Служу же теперь,—отвѣчалъ Порфирій.

— Да, хороша служба! Корректуру знакомый типографщикъ, Христа ради, сталъ давать...

— Не Христа ради, а потому, что дешево взялъ...

— Ну, это все равно. На это не разживешься.

— Однако, я и перепиской зарабатываю, и еще время остается на ученье братьевъ и на свои занятія.

Digitized by Google

— А что изъ твоихъ занятій выйдетъ? Ну, выучишься ты всему, ученѣе меня будешь, а сунь носъ на государственную службу, не бывъ въ университетѣ,—такъ и не примутъ.

— Ты это насчетъ диплома говоришь?

— Да.

— Ну, такъ знай же, что никакихъ дипломовъ не буду я брать, ни на какую службу не пойду, а добьюсь того, что всякій подлецъ мнѣ кланяться станетъ. Голова да руки есть, такъ безъ хлѣба не останусь!

Ардальонъ вытаращилъ глаза на Порфирія, услышавъ въ его голосѣ какую-то ѣдкую злобу и заносчивость.

— По правдѣ сказать, братъ, мнѣ противно твое отношеніе къ матери,—продолжалъ Приснухинъ.—Пріучила она тебя считать ее неблагородною, а себя благороднымъ, вотъ ты и гонишься за разными дипломами и свидѣтельствами. Бери ихъ, они не мѣшаютъ, только сдается мнѣ, что будешь ты чиновникомъ вонъ такимъ, какъ тѣ, что съ моимъ отцомъ фальшивыя квитанціи писали...

Ардальонъ покраснѣлъ и отвернулся. Всѣ помолчали.

— Что тебѣ вздумалось ссориться на прощаньи?—ласково спросилъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ.

— Это не ссора; я просто сказалъ, что я думаю,—отвѣтилъ Порфирій.—Не обижайся, братъ! Всѣхъ насъ заѣла нужда. Вотъ взгляни, и онѣ всѣ горюютъ,—указалъ онъ на женщинъ, сидѣвшихъ въ комнатѣ маіорской дочери.—Твоя мать плачетъ, что не можетъ жить по своему неблагородству съ тобою, а ты привыкъ къ этой мысли и повѣрилъ, что это правда. Моя мать мучается, что я изъ-за нея здоровье гублю; а скажи я, что я переѣду, она меня удержитъ. Да и не можетъ не удержать... Впрочемъ, и я-то не уѣду. Что я безъ ея любви?.. Кому нуженъ?

— Порфирій, мы васъ любимъ,—промолвила тихо Варя.

— Полноте, Варвара Семеновна! Мы привыкли другъ къ другу, а кто кого любитъ—это узнаемъ послѣ, когда другъ другу помочь будетъ нужно. Кто первый прибѣжитъ на крикъ,—тому и дипломъ на любовь...

Всѣ помолчали.

— А вѣдь это вы правду говорили о томъ, что насъ бѣдность заѣла,—замѣтила Варя.—Вотъ и Ольга Васильевна унижается, потому что и я, и она бѣдны.

— Разумѣется. Долго я раздумывалъ,—задумчиво произнесъ Порфирій:—и увидалъ, что какъ ни бейся каждый

Digitized by Google

изъ бѣдняковъ, а въ концѣ-концовъ все то же выйдетъ,— придется или разойтись другъ съ другомъ, какъ Ардальону съ матерью, какъ Варѣ съ Ольгой Васильевной, или губить себя другъ для друга, какъ губимъ себя мы съ матерью... Мнѣ работать за троихъ приходится и о себѣ думать нельзя а ее это грызетъ,—а разстанемся, такъ еще хуже будетъ обоимъ... Вотъ если бъ мы всѣ вмѣстѣ-то остались жить, такъ дѣло лучше бы было...

— Ну, нѣтъ; я ужъ не осталась бы больше здѣсь!— воскликнула Варя.

— А были вѣдь и хорошіе дни,—элегическимъ тономъ произнесъ Ардальонъ:—помнишь Варя, какъ мы дѣтьми играли въ этой же комнаткѣ, твой отецъ былъ живъ. Порфирій въ тѣ годы еще буянилъ на дворѣ, иногда забѣгалъ и къ намъ. Все, каждая мелочь оживаетъ теперь передъ моими глазами и заставляетъ меня горевать объ этихъ дняхъ.

— О чемъ тутъ горевать, если все это надоѣло!—воскликнулъ Приснухинъ.

— Совсѣмъ не надоѣло; кто тебѣ это сказалъ? Я всей душой радъ бы воротить это время.

— Оно и воротилось бы, если бы не надоѣло тебѣ нытье твоей матери, вѣчная праздность Любови Алексѣевны и вѣчныя сплетни Игнатьевны. Варѣ тоже надоѣли и поцѣлуи, и пирожки Ольги Васильевны... Глупая, братъ, это жизнь и настроился ты на скорбь о ней, потому что ты ныть любишь. Душно было здѣсь и глупо прошло наше дѣтство. Слышались здѣсь ласки, но звучали онѣ словно заупокойное пѣніе, точно все кого-то отпѣвали здѣсь. Всѣ о хлѣбѣ охали, а добывать его никто не умѣлъ... Вотъ и мы выросли тоже олухами, не знаемъ, какъ взяться за дѣло и какое-такое это дѣло будетъ. Чортъ съ ней, съ этою жизнью, и да благословитъ Господь этихъ бѣдныхъ женщинъ за ихъ любовь къ намъ!

Лицо Приснухина горѣло лихорадочнымъ румянцемъ, и глаза сверкали уже не дѣтскимъ огнемъ.

— Давеча,—продолжалъ Порфирій страстнымъ тономъ:— кто-то изъ васъ сказалъ о вашей любви ко мнѣ. Вотъ эта-то любовь другъ къ другу есть все, что дала намъ хорошаго прошлая жизнь. Но мы еще сами не знаемъ, что такое любовь. Мы только цѣловать другъ друга умѣемъ, а когда-нибудь понадобится и помощь, и не нужны будутъ поцѣлуи. Я это уже испыталъ. Меня мать цѣлуетъ теперь, братья

Digitized by Google

ласкаютъ, а никто изъ нихъ не могъ мнѣ пособить, не могъ научить меня въ эти тяжелые дни. Дорого я далъ бы, если бы кто-нибудь поддержалъ меня теперь... Придется, можетъ-быть, и вамъ испытать такое горе, тогда идите ко мнѣ,—я помогу. Не знаю, поможете ли вы мнѣ, но я за себя ручаюсь.

Тонъ этихъ задушевныхъ словъ былъ до того искреннимъ, что ихъ нельзя было назвать хвастовствомъ. Ардальонъ, съ свойственной ему чувствительностью, бросился на шею къ Приснухину. Варя тихо подошла къ нему и поцѣловала его. Онъ вспыхнулъ и, совершенно растерявшись, прильнулъ губами къ ея рукѣ.

— Варя, я васъ очень люблю!—взволнованнымъ голосомъ прошепталъ Порфирій.

Варѣ даже и въ голову не пришло, что ей объяснялись въ любви, что эти слова вырвались изъ глубины этой открытой, честной души.

На другой день уѣхалъ Ардальонъ. Еще болѣе принизилась крошечная Акулина Елизаровна, еще жалобнѣе стали звучать единственныя три нотки ея голоса. Варя торопилась шить себѣ платья. Ольга Васильевна старалась добыть побольше денегъ на покупку нужныхъ для Вари вещей. Наконецъ, осенью переѣхала съ квартиры и Варя... Всѣ были какъ-то грустны, словно не на жизнь провожали цвѣтущую юность, а готовились къ ея похоронамъ. Повидимому, и Ольга Васильевна, при поступленіи Вари на мѣсто, могла снова начать жизнь жиденькой гувернантки и оставить ленныя владѣнія, опустѣвшія и безъ того. Но привычка къ новому образу жизни была уже очень сильна въ Ольгѣ Васильевнѣ. Она разсудила, что, во-первыхъ, она стала теперь свободнѣе жить, чѣмъ прежде, что у нея хотя нѣсколько часовъ въ день принадлежитъ собственно ей самой и не смущается шумомъ дѣтей; во-вторыхъ, она думала, что Варя можетъ, по какому-нибудь случаю, лишиться мѣста, и тогда ей снова понадобится помощь друга,—значитъ, лучше удержать квартиру за собой и быть всегда наготовѣ принять свою любимицу. Сообразивъ послѣднее, Ольга Васильевна рѣшилась копить деньги, чтобы Варя могла занимать ихъ у нея на свои нужды или, въ случаѣ своего замужества, сдѣлать на нихъ, хотя необходимое, приданое. Ольга Васильевна, несмотря на потребность копить деньги, все-таки рѣшилась на одинъ расходъ: на шитье новаго платья для себя, и дала себѣ слово не пользоваться чужими

Digitized by Google

пирожками; но, внимательно разсмотрѣвъ свой гардеробъ, она увидѣла, что онъ еще очень и очень хорошъ, особенно, если вывернуть черное шелковое платье и изъ двухъ черныхъ люстриновыхъ сдѣлать одно. Она даже упрекнула себя въ стремленіи къ мотовству, когда выгладила распоротыя полотнища двухъ платьевъ и увидѣла, что у нея изъ остатковъ выйдетъ даже небольшая пелеринка. Что-то въ родѣ страха закралось въ ея сердце при мысли о своей склонности къ мотовству. «Такія ли теперь мои средства и лѣта, чтобы мотать?—думала она.—И вдругъ я захвораю, что тогда будетъ?» Ей стало казаться неблагоразумнымъ готовить для себя ежедневный обѣдъ, потому что ее непремѣнно гдѣ-нибудь накормятъ на урокахъ, да сверхъ того, что же она за исключеніе? Вѣдь не готовитъ же обѣдовъ никто въ своеобразномъ царствѣ Игнатьевны? И сама его правительница, и ея капитанша, и ея маіорская дочь, всѣ онѣ живутъ кофеемъ и ѣдятъ въ «сухомятку», то-есть, сегодня питаются ситникомъ съ колбасой, завтра варенымъ картофелемъ съ маслицемъ, послѣзавтра поѣдятъ рѣдечки съ кваскомъ да прихватятъ студеню, и только развѣ въ воскресенье испекутъ пирожокъ... Это и дешево, и удобно, хлопотъ меньше.

— Мы не семейные люди; Богъ напиталъ, никто не видалъ, а кто и видѣлъ, такъ тотъ не обидѣлъ. Живъ Богъ—жива и душа, не отъ хлѣба человѣкъ сытъ будетъ, какъ говорится. Куда намъ кушанья-то разстряпывать, однихъ горшковъ потомъ не перемоешь; да оно и лучше, какъ въ печи-то у насъ стряпни нѣтъ: горшокъ съ горшкомъ столкнется, а тамъ и ссора. Ну ее, ссору-то!

Всѣ эти правила принимались всѣми, и только маіорская дочь, иногда чувствуя невыносимый голодъ, рисковала произвести неожиданный эффектъ и говорила, что ее у знакомыхъ угощали сегодня «тертымъ пуреемъ» и «французскимъ потажемъ»... Итакъ, Ольга Васильевна повела, несмотря на всѣ колебанія, ту же жизнь и иногда радовалась, угощая своихъ добрыхъ, добрыхъ сосѣдокъ разными кусочками рябчиковъ и пирожковъ. Она любила этихъ жилицъ отъ всей души; да, впрочемъ, кого же не любила Ольга Васильевна? Для нея всѣ, весь міръ были добрыми, добрыми, добрыми существами...

— Что вы, матушка, не подадите просьбы о вспомоществованіи?—спросила ее однажды ноющимъ голосомъ капитанша:—Убиваетесь вы работою, а тутъ, все-таки, вамъ денежная помощь была бы.

Digitized by Google

— Куда же это подать просьбу?—удивилась Ольга Васильевна.

— Какъ куда? гдѣ вашъ папенька изволили служить, или въ человѣколюбивое. Разумѣется, тутъ ужъ мало выдадутъ, къ митрополиту отошлютъ, левизоръ пріѣдетъ. А нѣтъ, такъ подайте въ комиссію прошеній.

— Да я и не знаю, какъ написать эту просьбу.

— И, матушка, что тутъ мудренаго; вотъ у насъ есть форма, вы съ нея и спишите... Гдѣ-то она у меня завалилась только... Память-то у меня стала... Все послѣ Ардальоши,— захныкала бѣдная женщина.—А вотъ, кажется, она. Я ее по уголку знаю, уголокъ вонъ тутъ оборванъ.

— «Ваше Сіятельство,—начала читать Ольга Васильевна затасканную и почернѣвшую отъ грязи бумагу.—Оставшись послѣ смерти мужа моего, коллежскаго совѣтника Тараканчикова, безъ всякой пенсіи и не имѣя состоянія, будучи притомъ обременена пятерыми малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ»...

— Какъ же это?— сконфузилась Ольга Васильевна.—Тутъ о дѣтяхъ говорится и мужъ...

— А вы мужа-то выкиньте и дѣтей тоже, вотъ оно и подойдетъ. И Ардальоша такъ дѣлалъ. Это, видите, Тараканчиковой прошеніе; счастливое оно такое, всегда на него выдаютъ...

— Кто эта такая?

— А Христосъ ее знаетъ, коллежская совѣтница какая-то была. Мнѣ, знасте, эту форму-то одна знакомая дала, помяни ее, Господи, во царствіи Своемъ. Умерла она... Ардальоша былъ тогда малъ еще, охъ-хо-хо!.. Сочинять онъ, голубчикъ мой, тогда еще не умѣлъ, такъ вотъ съ формы и писалъ.

— Нѣтъ ужъ,—вздохнула Ольга Васильевна:—я не буду просьбы подавать. Какъ-то совѣстно.

— И-и, чего тутъ совѣститься. Для того и капиталы эти есть, чтобы бѣдные люди просьбы подавали,—заговорила строптиво Игнатьевна.—Вѣдь вотъ вы бѣдняетесь, бѣгаете, а вдругъ что случится, захвораете, на вѣтеръ будь сказано, тогда деньги-то и пригодятся. Вѣдь безъ нихъ належитесь, никто и не поможетъ, ваши-то знакомые, чай, и не заглянутъ справиться о васъ. Вотъ знавала я одну учительшу, тоже неподалеку здѣсь жила; такъ, матушка, какъ захворала она, то ровно деревяжка какая навалялась, такъ и умерла, можетъ и не отъ болѣзни, а съ голода просто. Да что хло-

Digitized by Google

потъ было, какъ пришлось ее чужимъ людямъ хоронить...

Ольга Васильевна задумалась, и передъ нею воскресъ образъ этой брошенной учительницы. Она вздрогнула. Стало ей ясно, что ее ждетъ та же участь, если не будетъ скоплено денегъ. Она теперь думала объ этомъ съ невольнымъ страхомъ. Черезъ день, изъ просьбы вдовы Тараканчиковой вышло, при помощи всѣхъ жилицъ, прошеніе отъ имени Ольги Васильевны Суздальцевой. Ольга Васильевна краспѣла, составляя эту просьбу; она готова была выкинуть изъ нея и «ангела кротости и милосердія, и молитвы къ престолу Всевышняго за истинно отеческую любовь» невѣдомаго для нея его сіятельства,—но ареопагъ феодальнаго государства возсталъ и безъ того на Ольгу Васильевну за то, что она не соглашалась въ своей просьбѣ «припасть къ стопамъ его сіятельства и лобзать его щедрую руку». Наконецъ, просьба написалась и была подана...

Изъ комиссіи принятія прошеній вышло довольно значительное вспомоществованіе.

— Ну, теперь въ человѣколюбивое подайте,—жалобно посовѣтовала капитанша.—Жаль, что вы замужемъ-то не были, дѣтей у васъ нѣтъ, а то и отсюда побольше бы на первый разъ выдали.

Разъ сочиненная просьба переписалась снова и подалась. Пріѣхалъ ревизоръ, сморщенный, тощій, съ разбитыми ногами и мигавшими отъ старости глазами. По совѣту своихъ опытныхъ наставницъ, Ольга Васильевна объявила, что она живетъ въ одной комнатѣ съ маіорской дочерью, что у нея глаза плохи, и работать она не можетъ. Старикъ, полудремотно сидя на стулѣ и какъ-то тыкаясь впередъ головою, безмолвно слушалъ исповѣдь просительницы.

— А вонъ, того... пирожки ѣдите...—указалъ онъ на лежавшіе на столѣ пирожки.

— Батюшка, ѣсть нечего, такъ хозяйка сжалилась,—вмѣшалась Акулина Елизаровна, уже десятки лѣтъ знакомая съ ревизоромъ.

— Хоро-шіе пи-ро-жки,—сонно проговорилъ старикъ и нюхнулъ съ ногтя большого пальца табаку.

— Не угодно ли, если не побрезгуете,—предложила Акулина Елизаровна.

— Отъ хлѣба-соли, того... не отказываются... Что-жъ, попробую,—прошамшилъ ревизоръ и, стряхнувъ пальцы, выпачканные въ табакѣ, взялъ пирожокъ.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

Digitized by Google

— Такъ, того, кто мужъ-то былъ?—очнулся старикъ.

— Я дѣвица,—покраснѣла Ольга Васильевна.

— Без-дѣ-тная, значитъ... Ну, что-жъ, не у всѣхъ дѣти... Да и какія дѣти теперь!.. Н-да, такъ я, того, похлопочу-у. Охъ-хо-хо!—кряхтя, поднялся онъ со стула и медленною походкою, сопровождаемый поклонами и просьбами бѣдныхъ женщинъ, вышелъ вонъ.

Получилось и еще пособіе въ пять рублей.

Путь проторился...

Читатель, вѣроятно, очень часто встрѣчался съ бѣднымъ Трезоромъ—съ Ольгой Васильевной. Вонъ она съ нотами подъ мышкой въ черномъ коротенькомъ платьѣ, въ засаленной кофточкѣ, съ озабоченнымъ сухимъ лицомъ маршируетъ по грязи на уроки, быть-можетъ, къ вашимъ дѣтямъ, читатель...

II.

Подъ гнетомъ окружающаго.

I.

— А ну-ка, Михайло Ивановичъ Топтыгинъ, покажи намъ, какъ старыя бабы румянятся, въ зеркальце смотрятся, молодыхъ парней къ себѣ зовутъ,—говорилъ густымъ искусственнымъ басомъ довольно плотный, порядочно обрюзгшій и помятый кутежами, усачъ не первой молодости, одѣтый въ истасканную венгерку.

Въ отвѣтъ на эти слова ребенокъ лѣтъ шести, сидѣвшій на полу, поджавъ подъ себя ноги и держа въ зубахъ веревку, другой конецъ которой держалъ господинъ въ венгеркѣ, началъ изображать, какъ румянятся старыя бабы.

— А какъ мужики изъ кабака идутъ, пѣсни поютъ, да съ боку-на-бокъ переваливаются, земли подъ собой не слышатъ,—снова забасилъ немолодой господинъ.

Ребенокъ поднялся на кривыя отъ англійской болѣзни ноги и сталъ неуклюже, по-медвѣжьи, представлять пьянаго мужика, потомъ повалился на полъ и началъ ворчать, вѣроятно, желая изобразить, какъ ругается упавшій въ грязь пьяница.

Digitized by Google

Кругомъ раздавался дружный хохотъ пятерыхъ дѣтей, окружавшихъ этихъ двухъ странныхъ актеровъ.

— А ну, честные господа, не поднесете ли Михайлу Иванычу водочки?—забасилъ господинъ въ венгеркѣ.

Одинъ изъ дѣтей, мальчуганъ лѣтъ десяти, побѣжалъ къ шкапику, досталъ оттуда графинчикъ, налилъ въ небольшую чарку водки и поднесъ ее старшему изъ комедіантовъ.

— Любишь, Михайло Иванычъ, водочку?—спросилъ господинъ въ венгеркѣ.

Ребенокъ, изображавшій медвѣдя, зарычалъ по-звѣриному и началъ утвердительно трясти головой.

— Молодецъ, Михайло Иванычъ! Только рыломъ ваше благородіе не вышло,—пробасилъ усачъ и разомъ осушилъ поднесенную ему чарку, опрокинувъ ее въ ротъ.

Въ кругу дѣтей снова раздался хохотъ; шестилѣтній мальчуганъ на четверенькахъ поскакалъ къ обманувшему его усачу, вскарабкался къ нему на колѣни и, сердито рыча, сталъ отнимать пустую чарку.

— Папка, папка, покажи ему, какъ лягушки скачутъ!— кричали со смѣхомъ дѣти.

Усачъ изобразилъ на столѣ, при помощи трехъ пальцевъ, какъ скачутъ лягушки, и вызвалъ новый взрывъ хохота.

Эта сцена происходила между отцомъ и дѣтьми въ большой комнатѣ помѣщичьяго дома въ деревнѣ Бабиновкѣ. Комната, гдѣ помѣщалась веселая компанія, несмотря на свою обширность, представляла очень мало простора, такъ какъ она была захламощена различными, не гармонировавшими одинъ съ другимъ предметами. Повидимому, это была дѣтская; тутъ стояли кровати разныхъ размѣровъ, валялись жалкія игрушки, висѣли на стѣнахъ дѣтскія одежды. Но при болѣе тщательномъ взглядѣ на комнату, она начинала казаться кладовой, куда внесли, просто за ненужностію, въ числѣ другихъ вещей и разныя дѣтскія принадлежности въ родѣ сдѣланныхъ изъ бумаги киверовъ. Эти кивера, поломанныя деревянныя сабли, безногія куклы, торчали среди трехъ боченковъ изъ-подъ огурцовъ и капусты, еще сохранившихъ кислый запахъ, среди изломанной маслобойни и испорченной кофейной мельницы, среди безструнной, запачканной грязными пальцами гитары и ненужнаго ящика изъ-подъ сальныхъ свѣчей, сообщавшаго комнатѣ свой ароматъ и наполненнаго стоптанными башмаками, пестрыми обрѣзками отъ обоевъ, нѣсколькими сбитыми подковами и тому подобной дрянью. Въ одномъ изъ угловъ

Digitized by Google

лежалъ общипанный вѣникъ, а такъ какъ въ этой комнатѣ, повидимому, никто не имѣлъ обыкновенія подметать соръ, да и не могъ бы подмести его этими сухими прутьями, то и они невольно наводили на вопросъ: попали ли они сюда, какъ необходимые спутники и хранители дѣтской жизни, или просто не выбрасываются они въ помойную яму потому, что въ этомъ домѣ люди имѣютъ обыкновеніе беречь въ кладовой всякій ненужный никому мусоръ? Въ концѣ концовъ, можно было прійти къ заключенію, что и дѣтская, и кладовая, и дѣти, и ненужный хламъ означаютъ въ этомъ домѣ одно и то же.

Но какъ бы ни были замазаны и оборваны, сколько бы толчковъ и колотушекъ ни получали при каждомъ кускѣ хлѣба эти дѣти, они, все-таки, были веселы, бойки, даже буйны, и изъ-подъ грязи на ихъ вѣчно загорѣлыхъ лицахъ такъ и пробивался яркій румянецъ здоровья. Болѣзненнымъ выглядѣлъ только самый меньшой изъ нихъ, страдавшій англійской болѣзнью. Глядя на нихъ, вы безъ труда могли догадаться, что этотъ мелкій народъ растетъ на военномъ положеніи, въ вѣчной готовности къ самозащитѣ и не унываетъ: ему дадутъ подзатыльника, а онъ выругается, и тѣмъ отведетъ свою душу; его безъ обѣда погрозятъ оставить, а онъ, очень хорошо зная, что такая угроза никогда не исполняется нѣжною матерью и нѣжною нянею, возьметъ да и украдетъ себѣ чего-нибудь изъ съѣстного и, такимъ образомъ, не только одинъ разъ пообѣдаетъ, а еще и закуску неожиданную устроитъ.

— Не кричи, мошенникъ! Мы тебя выпоремъ!—орутъ ему во все горло, а онъ на сѣновалъ заберется, да тамъ и сидитъ и слушаетъ, какъ его ищутъ, какъ толкуютъ:

— Охъ, не поджегъ бы онъ чего, сорванецъ! Охъ, не сдѣлалъ бы онъ чего надъ собою, оглашенный!

Слушаетъ онъ и ждетъ, когда раздадутся желанныя слова:

— Да ужъ выходи! Гдѣ ты тамъ застрялъ? Кто тебя, озорника этакого, сѣчь-то будетъ? Лѣсу на тебя не выросло.

— А варенья дашь?—вступаетъ озорникъ въ переговоры.

— Ну, такъ и есть, на сѣновалъ забрался! Ахъ, ты, Боже мой, наказалъ Ты насъ дѣтьми!

— Дашь варенья?—кричитъ озорникъ съ сѣновала.

— Нѣ-ѣтъ, ты погоди, погоди, кучеръ Никита изъ города вернется, онъ тебя веревками стащитъ. Вотъ будетъ тогда тебѣ варенье,—отвѣчаютъ ему его враги, отчасти успокоен-

Digitized by Google

ные тѣмъ, что онъ живъ, и что его мѣстопребываніе стало извѣстно.

— А я сѣно спалю!—угрожаетъ шельмецъ, зная, что именно этого-то «пассажа» и боятся его враги.

Враги снова пугаются, опять вступаютъ въ переговоры, обѣщаютъ не вытягивать его веревками изъ засады, не сѣчь по выходѣ оттуда, и, наконецъ, сдаются понемногу на выдачу варенья. Шельмецъ-народъ торжествуетъ; враги ругаются:

— Отъ рукъ отбился, разбойникъ! Голову свертѣлъ. О, чтобъ ихъ не было! Да и отецъ-то ихъ непутящій, съ собаками его не сыщешь, а сыщешь, такъ самъ же наплачешься!

— А вотъ я отцу-то скажу, какъ вы ему бока-то моете,— угрожаетъ сорванецъ и дразнитъ враговъ.

— Погоди, погоди, въ солдаты угодишь, по вдадиміркѣ уйдешь!—обѣщаютъ ему блестящую будущность враги, то-есть люди, принявшіе на себя обязанность воспитать его, вспоившіе его своимъ молокомъ, не спавшіе ночей во время его болѣзней и рыдающіе при первой его невзгодѣ.

Пробовали они и не поддаваться ему; случалось, что сгоряча они и безъ обѣда оставятъ, и высѣкутъ его, а онъ сейчасъ физіономію умирающаго постника устроитъ, едва ноги таскаетъ, сидѣть не можетъ, на постель приваливается и тайкомъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ реветъ на весь домъ.

— Чего ты? — сердито спрашиваютъ враги, дергая его за плечо.

— Ни-ни-че-го! — смиренно всхлипываетъ побѣжденный сорванецъ. — Живо-о-тикъ и го-оловка бо-лятъ! — рыдаетъ онъ.

— Экая невидаль! — небрежно замѣчаютъ враги и отходятъ отъ него, а у самихъ сердце сжимается отъ страху.

— Голова-то, и въ самомъ дѣлѣ, горяча, — шушукаются они между собою.—А отъ щекъ-то такъ и пышетъ, такъ и пышетъ! Охъ уже, право, горе съ ними.

А умирающій смиренникъ попрежнему украдкою реветъ на весь домъ.

— Поѣшь, лучше будетъ, — говорятъ враги, ткнувъ его въ бокъ.

— Не-не мо-огу я ѣсть!—рыдаетъ несчастный.

— Ну, вольному воля, спасенному рай!—отходятъ враги, все еще не теряющіе самообладанія.

— И не ѣстъ ничего!—съ ужасомъ шепчутся они между

Digitized by Google

собою. — Горитъ, горитъ, точно отъ печки пышетъ! Охъ, своего ребенка уморили!..

И опять враги, попрекая другъ друга, идутъ ухаживать за умирающимъ сорванцомъ, а онъ ужъ, и въ самомъ дѣлѣ, до того паревѣлся, что весь горитъ и ѣсть не можетъ. Глядишь, въ домѣ всѣ впопыхахъ, всѣ въ тревогѣ: кучеръ Никита въ городъ за докторомъ скачетъ, нянька Марѳа горчицу растираетъ, дѣвка Машка кувшины грѣетъ, мать озорника, въ сущности, ничего не дѣлаетъ, но всѣхъ больше мечется изъ угла въ уголъ и едва ноги волочитъ.

— Вотъ и высѣкла, вотъ и у праздника!—разводитъ она въ отчаяньи руками.

И ужъ послѣ этой исторіи надолго никто и думать не смѣетъ о сѣченьи...

Въ ту пору, съ которой начинается нашъ разсказъ, вся эта буйная братья была въ самомъ благодушномъ и веселомъ настроеніи духа по случаю выходящаго изъ ряда вонъ событія — двухмѣсячнаго пребыванія въ семьѣ главы дома, самаго буйнаго изъ всѣхъ буйныхъ членовъ этой компаніи. Онъ пріѣзжалъ домой только какъ-то проѣздомъ, какъ-то случайно, какъ на самую скучную изъ всѣхъ скучныхъ станцій, попадавшихся на пути его скитальческой жизни. Покуда выдумывалась новая затѣя, кто-то изъ ребятишекъ взглянулъ въ окно и разразился громкимъ смѣхомъ.

— Что? Что такое?—пристали его братья.

— Мамка, мамка-то,—захлебывающимся отъ смѣха голосомъ проговорилъ мальчуганъ:—мужика возитъ!

Этотъ возгласъ и указаніе на дорогу заставили всю ватагу подбѣжать къ открытому окну, и въ комнатѣ снова послышались раскаты дѣтскаго смѣха.

— Гляди, гляди, какъ шагаетъ!

— А мужикъ-то и руки, и ноги опустилъ, такъ и болтаются!—кричали озорники, держась за бока и шаловливо карабкаясь другъ на друга, чтобы лучше видѣть происходившую на улицѣ сцену.

Сцена на дорогѣ была, дѣйствительно, очень странная. Какая-то женщина, повидимому, барыня изъ небогатыхъ, шагая по грязи, тянула подъ-уздцы крестьянскую клячу. На клячѣ мѣшковато сидѣлъ мужикъ, болтая опущенными руками и ногами съ совершенно спокойнымъ и даже пахальнымъ видомъ. Кажется, его очень забавляло то обстоятельство, что ему не нужно править лошадью, которую за него ведетъ барыня. Барыня гнѣвно размахивала свободной

Digitized by Google

рукой и отъ времени до времени грозила мужику кулакомъ. Сквозь отворенное окно въ дѣтскую стали доноситься звуки голосовъ этой странной пары.

— Ты что это, по нашимъ овсамъ ѣздить вздумалъ? а?— кричала барыня.

— Какіе овсы-то теперь! — хладнокровно замѣтилъ мужикъ.

— А вотъ я тебѣ покажу, какіе!.. Да ты что сидишь-то? а?.. я иду, а ты сидишь!

— Я-то?—переспросилъ мужикъ.—Да сапоги замараешь, ишь грязь-то какая! — усмѣхнулся онъ, указывая кнутовищемъ на грязь.

— А! сапоги замаратъ! Я, барыня, иду, а онъ, вахлакъ, сапоговъ марать не хочетъ. Скажите, пожалуйста!—воскликцала барыня, обращаясь неизвѣстно къ кому.

— Ваша воля идти, никто васъ тянетъ.

— Это ты что же смѣяться надо мной задумалъ? Погоди, погоди, за все сдерутъ, за все заплатишь?

— Платить-то за что?

— А вотъ увидишь! И овсы зачтутъ, и обиду зачтутъ... Слава Богу, хоть судъ-то на васъ, окаянныхъ, есть!

Странная пара вступила во дворъ и скрылась отъ глазъ наблюдателей. Вся веселая компанія ребятишекъ выбѣжала на крыльцо, чтобы посмотрѣть на развязку любопытной для нихъ, хотя и не очень новой, исторіи. На дворѣ раздавались крики барыни и возраженія мужика, никакъ не соглашавшагося оставить за свою вину въ рукахъ барыни лошадь или зипунъ. Дѣло, наконецъ, уладилось въ нѣсколько минутъ, и барыня въ сопровожденіи дѣтей, которыхъ она ругала на ходу, явилась въ дѣтской съ зипуномъ въ рукахъ.

— Что ты? Что ты такое?—крикнула она, приближаясь къ господину въ венгеркѣ.—Мужъ ты мнѣ, или такъ, проходимецъ какой? Меня оскорбляютъ, наше добро топчутъ, а ты что? Ты съ этими шельмецами озорничаешь? А? Да ты лучше бы провалился сквозь землю! На! подавись!— кинула она въ лицо мужу мужицкій зипунъ.

— Да на что онъ мнѣ?—спросилъ мужъ, отклоняя голову.

— А мнѣ на что? Что я съ нимъ стану дѣлать?—въ свою очередь спросила жена.—Уѣзжай ты лучше отъ грѣха, не смущай ты меня! Изъ-за тебя я мучаюсь, изъ-за тебя покою не имѣю! При тебѣ весь домъ вверхъ дномъ идетъ. Какой ты мнѣ помощникъ? Развратитель ты! Я и гостей принимай, я и накорми всѣхъ, я и за хозяйствомъ смотри.

Digitized by Google

я и добро свое соблюдай. Тьфу ты! Да что я, двухжильная, что ли?.. Уѣзжай ты, говорятъ тебѣ: уѣзжай! Одни ребята, при тебѣ, голову свернуть готовы...

— Уѣду, уѣду, сегодня же уѣду! — проговорилъ мужъ, повторявшій въ послѣднее время уже не разъ эту успокоительную фразу.

— Да, да, сегодня же уѣзжай! Слышишь? Чтобы я и духу твоего не слыхала!

— Сумасшедшая ты баба, и больше ничего! Вѣдь отъ тебя чортъ—и тотъ убѣжитъ!

— И пусть бѣжитъ, окаянный!—плюнула жена и вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Черезъ минуту дверь отворилась снова, и въ нее просунулась голова барыни.

— Да ты не отлынивай, а сегодня же, сегодня же уѣзжай! — крикнула она и снова скрылась изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ гдѣ-то вдали снова зазвенѣлъ ея раздраженный голосъ.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!—развелъ руками господинъ въ венгеркѣ.

Дѣти изумленною и безмолвною толпой окружили его.

— Папка, ты куда же поѣдешь-то? — довольно жалобно спросилъ одинъ изъ сыновей.

— Куда?.. Да теперь надо будетъ покуда у Волкова погостить, — въ раздумьи, какъ бы про себя, проговорилъ отецъ. — Больше некуда ѣхать... У Ивашевыхъ былъ, съ Телицыными мать тяжбу затѣяла... Развѣ къ Дубровинымъ съѣздить?.. Да нѣтъ, скареды они!.. Эхъ, кабы ярмарка теперь была, махнулъ бы туда!—щелкнулъ онъ въ воздухѣ двумя пальцами.

Въ эту минуту вошла въ комнату дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Что-то живое, веселое и подвижное было во всемъ ея миніатюрномъ, моложавомъ существѣ. Она была не то ребенкомъ, не то взрослою. Она походила на отца нѣкоторыми чертами лица. Но ея лицо было настолько же свѣжо, насколько его было помято. Бойкость и живость ея глазъ нисколько не походили на бойкость и живость глазъ ея отца. Ея глаза просто съ веселымъ любопытствомъ и зоркостію новичка въ жизни смотрѣли на все окружающее; его глаза какъ-то испуганно бѣгали, высматривали какую-то поживу, и въ нихъ было нѣчто не то заискивающее, не то лукавое.

Digitized by Google

— Ты опять уѣзжаешь?—спросила она у отца.

— Да какой же дьяволъ уживется съ твоею матерью!— воскликнулъ онъ и вдругъ торопливо началъ передавать сцену съ мужикомъ.

Дѣти снова засмѣялись и стали наперерывъ разсказывать сестрѣ, чѣмъ все окончилось на дворѣ.

Дѣвушка закусила губу, чтобы не разсмѣяться, но по ея глазамъ было видно, что природная смѣшливость брала свое, даже несмотря на усвоенное съ дѣтства убѣжденіе, что надъ матерью смѣяться нельзя и грѣшно.

— Что жъ, это не новость,—серьезно и холодно замѣтила она, безплодно стараясь подавить улыбку и скрыть свои настоящія чувства.

— Вѣдьма, матушка, сущая вѣдьма! Про нее и сказку сложили, какъ она въ аду чертей переполошила,—произнесъ отецъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!—упрекнула его дочь.—Слава Богу, что ты ѣдешь... Ты только дѣтей портишь,—произнесла она, жалѣя всей душой, что бѣдный отецъ снова долженъ скитаться по чужимъ домамъ.

— Ну да, она не портитъ ихъ! Я, по крайней мѣрѣ, ихъ невинными играми занимаю, а она являетъ ихъ очамъ картины преступленій! — съ комическою важностью продекламировалъ господинъ въ венгеркѣ.

Дѣвушка вдругъ нахмурилась.

— Репетируешь свою завтрашнюю роль? — сурово спросила она.

Господинъ въ венгеркѣ сконфузился, какъ-то съежился и что-то не то робкое, не то горькое выразилось въ его лицѣ.

— Что дѣлать, что дѣлать, маточка! — заговорилъ онъ тоскливо и заискивающимъ тономъ. — Не пошутишь — не поѣшь!

Лицо дѣвушки на мгновенье вспыхнуло, на глаза навернулись крупныя слезы, но она не сказала ни слова и отвернулась въ сторону. Отецъ взялъ и нѣжно поцѣловалъ ея руку. Дѣвушка не отнимала руки, задумчиво стояла въ кругу дѣтей; вся ея веселость исчезла безслѣдно, лицо поблѣднѣло... Дѣти, кажется, позабыли, что отецъ уѣзжаетъ, и снова начали приставать къ нему. Онъ сѣлъ и сталъ командовать имъ, какъ генералъ солдатамъ.

Старшая дочь молча помѣстилась возлѣ него и опустила на его плечо свою голову. Ей былъ жалокъ этотъ человѣкъ:

Digitized by Google

она любила его, несмотря на то, что его ругали всѣ; любила, можетъ-быть, за тѣ немногія минуты, когда ему становилось совѣстно за свою шутовскую роль въ обществѣ;—можетъ-быть, за нѣсколько добрыхъ и честныхъ порывовъ, мгновенно прорывавшихся среди его глупой и безпутной жизни,—а можетъ-быть, просто подкупали ее въ его пользу давно прошедшіе тихіе вечера ея дѣтской жизни, когда онъ, и только онъ одинъ ухаживалъ за ней, разсказывалъ ей разныя сказки, смѣшилъ ее анекдотами, ласкалъ ее, убаюкивалъ ее своею пѣснью... Да, значительную роль въ ея привязанности къ отцу играли эти вечера, когда ея мать, какъ сумасшедшая, неслась въ городъ, чтобы начать ни на чемъ не основанную тяжбу съ сосѣдомъ, или цѣлый день ругалась съ мастеровыми, строившими ея никогда не отстроивавшійся домъ. Живо вспомнились молодой дѣвушкѣ эти вечера, передъ самымъ отъѣздомъ отца.

Пора была послѣобѣденная; отецъ и дѣти сидѣли въ дѣтской; онъ долженъ былъ черезъ часъ уѣхать, и дѣтямъ какъ-то было не по себѣ; они не играли, не шумѣли и присмирѣвшей толпой окружали отца, сидя на полу, на столѣ и на его колѣняхъ. Разговоры шли о будущемъ, каждый высказывалъ свои желанія...

— А вотъ, когда папка богатъ будетъ,—говорилъ десятилѣтній мальчуганъ.

— А когда ты, папка, богатъ будешь?—спросилъ, перебивая брата, шестилѣтній ребенокъ.

— Когда ваша тетка умретъ и мнѣ наслѣдство оставитъ,—серьезно отвѣтилъ отецъ, покачивая на своихъ колѣняхъ ребенка.—Тогда возьму я васъ и увезу отъ матери...

— Въ большомъ, въ большомъ тарантасѣ увезешь насъ!—прервалъ сладкимъ голосомъ ребенокъ, точно этотъ большой тарантасъ былъ цѣлью всѣхъ его желаній.

— Ну да, въ большомъ тарантасѣ увезетъ онъ насъ, и станемъ мы домъ строить,—говорилъ десятилѣтній мальчуганъ.—Ты, Мишка, будешь плотникомъ надъ плотниками...

— А ты садовникомъ и огородникомъ будешь,—торопливо перебилъ брата девятилѣтній мальчикъ.—А Катька будетъ на насъ бѣлье мыть за то, что мы ей въ домѣ комнату выстроимъ. Ванюшка за лошадьми будетъ смотрѣть, а сестрица Лиза царицей будетъ и станетъ она насъ кормить, когда мы съ работы придемъ, и станетъ она намъ пѣсни пѣть, хо-ро-шія пѣсни станетъ пѣть,—сощурилъ, какъ котенокъ, свои глазенки мальчуганъ. Видно было, что эти

Digitized by Google

мечты о спокойной и мирной жизни были ему давно знакомы и очень дороги.

— А мать насъ не найдетъ и останется здѣсь одна жить, совсѣмъ одна. И станутъ ее мужики притѣснять...

— Неправда, неправда! Мать соскучится и придетъ къ намъ, и мы ее кормить будемъ, — торопливо перебила маленькая Катя.—Такъ сестрица Лиза говорила,—тихо прибавила она.

— Да, да, сестрица Лиза дурного не выдумаетъ, — задумчиво проговорилъ отецъ. — Ея слушайтесь; никого не слушайтесь, а ея слушайтесь! — добавилъ онъ ласково и грустно.

— Да ты, папка, не уѣзжай!—жалостно произнесъ одинъ изъ дѣтей.

Отецъ вздохнулъ, но промолчалъ. Въ комнатѣ настала тишина. Всѣ, кажется, погрузились въ мечты о планахъ будущей мирной жизни. Эти планы давно были извѣстны во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ каждому изъ дѣтей. Отецъ — этотъ вѣчный изобрѣтатель новыхъ анекдотовъ и удивительныхъ исторій, какъ-то вмѣсто сказки неумышленно высказалъ дѣтямъ эти фантазіи, и дѣти подхватили разсказъ, дополнили его различными подробностями, расширили картину и постоянно возвращались къ ней послѣ бурныхъ сценъ въ домѣ. Это будущее было для нихъ то же, что далекая пристань для потерпѣвшихъ кораблекрушеніе моряковъ. Всѣ они давно знали, что и кому принадлежитъ въ разсказѣ, знали, что добавленіе о пріѣздѣ соскучившейся матери къ бѣжавшей отъ нея семьѣ принадлежитъ старшей сестрицѣ Лизѣ, про которую они говорили между собою: «Извѣстно, она у насъ добрая», и которая теперь задумчиво сидѣла, склонивъ голову на плечо отца...

Балованное дитя родителей, любимецъ родныхъ, добродушный, но, тѣмъ не менѣе, страшный мучитель учителей и начальниковъ, съ пятнадцатаго года побѣдитель женскихъ сердецъ, честнѣйшій и преданнѣйшій товарищъ, защитникъ слабыхъ и открытый кошелекъ неимущихъ, гуляка тридцатыхъ годовъ, душа общества, незамѣнимый собесѣдникъ, декламирующій наизусть всего Пушкина и всего Баркова, юнкеръ въ отставкѣ, таковъ былъ Николай Николаевичъ Баскаковъ до женитьбы. Чуть не нищій и первый врагъ своей довольно не бѣдной и совсѣмъ не образованной жены; приживалка и шутъ въ домахъ сосѣдей, гдѣ проводилъ онъ цѣлые мѣсяцы, изрѣдка заглядывая въ родное гнѣздо; ярма-

Digitized by Google

рочный игрокъ на бильярдѣ, при помощи котораго онъ зашибалъ кое-какія деньги на нѣсколько дней; любящій, но безалаберный отецъ; то проливающій слезы грѣшникъ, то дикій звѣрь въ пьяномъ видѣ, таковъ былъ Николай Николаевичъ Баскаковъ послѣ женитьбы. При первомъ удобномъ случаѣ онъ готовъ былъ обыграть на бильярдѣ до послѣдней копейки какого-нибудь купчика и, возвращаясь съ игры, съ такой же искренностію готовъ былъ дать хоть десятокъ рублей первому попавшемуся бѣдняку. Во время своего пребыванія у какого-нибудь грознаго сосѣда старыхъ временъ, онъ могъ спокойно смотрѣть, какъ пороли крестьянъ, и такъ же хладнокровно бѣжалъ тушить пожаръ въ избахъ этихъ крестьянъ, жертвуя даже своею жизнію. Онъ позволялъ иногда продѣлывать надъ собою невообразимо-пошлыя штуки и въ то же время дрался два раза на дуэляхъ за самыя невинныя шутки. Онъ любилъ своихъ дѣтей, но болѣе портилъ, чѣмъ развивалъ ихъ, и не умѣлъ отстоять ихъ передъ своею женою, убѣгая изъ дому; впрочемъ, онъ могъ не бояться за жизнь дѣтей, такъ какъ именно подъ его вліяніемъ они стали «озорниками» и умѣли постоять за себя. Иногда онъ былъ радъ куску хлѣба, но подчасъ, зашибивъ копейку, вмѣсто порядочной одежды, вмѣсто хлѣба, накупалъ бронзовыхъ цѣпочекъ, духовъ и помады. Въ обществѣ на Николая Николаевича смотрѣли различно: одни называли его «добрымъ малымъ и широкою натурою», другіе — «жалкимъ шутомъ, потерявшимъ стыдъ», третьи — «хитрой бестіей и подлецомъ». Славянофилы считали его безгрѣшной жертвою, погибшей при введеніи къ намъ западной цивилизаціи, въ узкія рамки которой не можетъ втиснуться могучая русская натура. Западники указывали на него, какъ на ходячее доказательство неспособности русскаго человѣка сдѣлать что-нибудь безъ основательнаго знакомства съ западной наукой. Сходились люди только въ одномъ мнѣніи о немъ: никто не считалъ его дуракомъ и, несмотря на то, что онъ во всю свою жизнь ничего не дѣлалъ, кромѣ глупостей, его называли очень умнымъ человѣкомъ.

Супруга Николая Николаевича, Дарья Власьевна Баскакова, урожденная Бабинова, была еще болѣе оригинальнымъ и безтолковымъ существомъ. Мужъ разъ и навсегда охарактеризовалъ ее слѣдующими словами:

— Дарья Власьевна, пожалуй, иногда и можетъ разсудить что-нибудь умно, только безъ умысла... Вѣдь по исторіи

Digitized by Google

извѣстно, что Богъ сподобилъ однажды и ослицу промолвить человѣческое слово.

Эта женщина, способная только безъ умысла обмолвиться умнымъ словомъ, вѣчно съ кѣмъ-нибудь ссорилась, что-нибудь строила и кого-нибудь рожала. Тяжбы съ сосѣдями у нея не прекращались никогда. Самое замѣчательное изъ дѣлъ этого рода было то, когда умеръ ея крестный отецъ, и она потребовала себѣ долю изъ его имѣнія отъ законныхъ наслѣдниковъ. Сначала она поскакала съ просьбой въ уѣздный городъ, потомъ въ губернскій и, наконецъ, въ столицу. Нигдѣ не хотѣли принять ея прошенія.

— Онъ вамъ не родня!—говорили ей чиновники.

— Да что вы, отцы родные? Не родня? Отецъ-то крестный мнѣ не родня? — волновалась Дарья Власьевна. — Да если бы у него сынъ былъ, такъ я за него бы даже замужъ-то не могла бы выйти. Вотъ какая мы родня-то!— объяснила она.

На всѣ возраженія она только таращила глаза и выражала на своемъ лицѣ тупое недоумѣніе, за которое одна изъ ея служанокъ дала ей на своемъ жаргонѣ кличку «отолпѣшенной»; это выраженіе постоянно являлось на ея лицѣ во всѣ трудныя минуты ея дѣятельной жизни.

— Да зачѣмъ же я ѣздила-то, тратилась-то я зачѣмъ?— восклицала она.—И что это за законы такіе: то родня, то чужой, и женой не смѣешь быть, и наслѣдницей не можешь сдѣлаться?.. Да нѣтъ, батюшки, вы думаете, что на простую дуру напали? Я и до государя дойду, у меня, слава Богу, защитники есть!

Дарья Власьевна, дѣйствительно, имѣла кучу защитниковъ и протерлась въ сотни барскихъ передникъ, дѣвичьихъ, швейцарскихъ и, то кланяясь, то суя взятки прислугѣ, добивалась до лицезрѣнія важныхъ особъ. Но, несмотря на всѣхъ своихъ покровителей и защитниковъ, дѣло съ наслѣдствомъ отъ крестнаго отца, какъ и всѣ другія ея дѣла, принесло только убытки и заставило Дарью Власьевну долгіе годы роптать на наши законы.

Съ тѣхъ поръ, какъ ей досталась Бабиновка и четыре другія деревни, она не переставала строить свой домъ, который вѣчно оставался недостроеннымъ, и потому она весь вѣкъ возилась съ плотниками, столярами, слесарями и тому подобнымъ рабочимъ народомъ, получавшимъ съ нея деньги только при помощи суда. Но она ухитрялась устраивать свои дѣла такъ, что по суду ей приходилось и дороже

Digitized by Google

платить рабочимъ, и давать взятки чиновникамъ; въ войнѣ съ дѣтьми ей приходилось уступать имъ; послѣ изгнанія мужа приходилось плакаться на свою беззащитность и вдовство, такъ какъ ни на чемъ не основанныя тяжбы съ сосѣдями проигрывались, а это обстоятельство Дарья Власьевна приписывала только своей беззащитности. Она вѣчно строила свой домъ, чтобы въ немъ было какъ можно больше удобства и простора, и именно потому въ этихъ вѣчно недостроенныхъ сараяхъ было всѣмъ и тѣсно, и неуютно. Замужъ она вышла потому, что Николай Николаевичъ слылъ за человѣка «на всѣ руки молодца», а между тѣмъ, съ первыхъ же дней супружеской жизни, послѣ перваго сраженія, даннаго мужу женой и ея родными, жившими съ нею, какъ кошки съ собакой, онъ оказался ни на что негоднымъ для нея и заставилъ ее же заплатить свои старые долги, ради чего пришлось на первыхъ же порахъ заложить Бабиновку, а потомъ продать другія деревни. Однимъ словомъ, начавъ какое-нибудь дѣло, начавъ войну, Дарья Власьевна играла роль угнетенной невинности, жаловалась на судьбу и впадала въ тупое недоумѣніе. Въ ея домѣ все было въ безпорядкѣ: гдѣ стулъ стоялъ лицомъ къ стѣнѣ, такъ какъ у него не было передней ножки; гдѣ диванъ былъ отставленъ отъ стѣны, потому что на эту стѣну не хватило обоевъ, и ее еще будутъ оклеивать; гдѣ банка осталась на окнѣ въ ожиданіи варенья, которое еще намѣреваются варить и не варятъ потому, что крестьянскіе ребятишки поворовали всѣ ягоды, и по поводу этого идетъ дѣло. Распоротый капотъ лежалъ постоянно гдѣ-нибудь на виду, и хозяйка указывала на него, какъ на очевидное свидѣтельство множества ея занятій.

— Приняться ни за что не могу, — жаловалась она гостямъ.—Капота, капота некогда перешить, столько дѣла. Я одна, я все дѣлай, я за всѣмъ смотри!

Если при этихъ жалобахъ присутствовалъ Николай Николаевичъ, то онъ непремѣнно прибавлялъ:

— Да ужъ чего хуже? Моя Дарья Власьевна и не достроилась еще, и въ интересномъ положеніи опять, и новую тяжбу затѣяла...

Но если такъ шли ея дѣла во время старыхъ порядковъ, то при новомъ положеніи, при продажѣ половины имѣнія, она окончательно потеряла голову, и выраженіе недоумѣнія почти не сходило съ ея лица. Въ былые годы, кромѣ матери и тетки, жили на шеѣ Дарьи Власьевны дѣти ея ма-

Digitized by Google

тери, прижитыя въ первомъ бракѣ; это были двѣ сестры, старыя дѣвственницы, и братъ, горькій пьяница и задушевный пріятель Николая Николаевича. Эти семь постоянныхъ членовъ ея семьи, не считая постоянно рождавшихся, выживавшихъ два-три года и потомъ умиравшихъ дѣтей, могли жить въ довольствѣ и праздности при помощи двухсотъ душъ крестьянъ, составлявшихъ около ста двадцати тяглъ. Двѣ трети тяглъ были посажены на оброкъ, одна треть считалась на барщинѣ, которая отправлялась по три дня въ недѣлю, такъ что каждый день лѣтомъ приходило на работу до тридцати пяти человѣкъ мужиковъ и бабъ, а въ случаѣ слишкомъ запоздавшаго сѣнокоса или жатвы дѣлался общій сгонъ, то-есть собирались на барскую работу всѣ крестьяне, и барщинные, и оброчные. Тутъ являлось до четырехсотъ человѣкъ мужиковъ и бабъ, можетъ-быть, не успѣвшихъ додѣлать своихъ собственныхъ работъ. Такіе сгоны дѣлались въ лѣто болѣе десяти разъ. Въ лѣто, отъ 23-го апрѣля, когда въ деревняхъ уже начинались полевыя работы, и до 24-го ноября, когда поканчивалось молоченье, Дарья Власьевна занимала, такимъ образомъ, своею работою до десяти тысячъ даровыхъ работниковъ, считая мужиковъ и бабъ. Конечно, при всей ея безалаберности, можно было при помощи этой массы жить, уплачивать долги, строиться и тягаться. Но, кромѣ того, на нее шло до шестисотъ лошадей въ лѣто, такъ какъ мужики обязаны были представлять съ каждаго тягла по лошади на пашню и на возку сноповъ, а барщинные приводили съ собою лошадей на работу для возки копенъ, такъ что ихъ было въ распоряженіи барыни каждый день отъ пятнадцати до двадцати. Кромѣ оброка въ двадцать рублей съ тягла, состоявшаго изъ двухъ душъ, каждый крестьянинъ долженъ былъ доставлять Дарьѣ Власьевнѣ по четверику малины, черники, брусники, орѣховъ и сушеныхъ грибовъ, по десятку яицъ, по заколотому полугодовалому пѣтуху, да по двадцати аршинъ холста изъ барскаго льну. Сверхъ того, въ лѣтніе дни обязаны были являться и дѣти крестьянъ по зову барыни для сбора ягодъ и грибовъ на разные годовые запасы. Наступала зима, оброчные совсѣмъ не призывались на работу, только барщинные отрабатывали два дня въ недѣлю; но зато, когда нужно было везти масло на ярмарку или хлѣбъ въ городъ на продажу, то эти обязанности падали на однихъ оброчныхъ; барщинные, справлявшіе частныя подводы, возившіе дрова, сѣно и хлѣбъ на мельницу, не

Digitized by Google

принимали участія въ этой операціи. Такимъ образомъ, Дарья Власьевна имѣла въ своемъ распоряженіи въ годъ до тысячи трехсотъ лошадей и до двѣнадцати тысячъ человѣкъ рабочихъ.

Новые порядки застали ее совершенно врасплохъ и съ уменьшившимся наполовину числомъ крестьянъ. Она не умѣла обращаться съ вольнонаемными людьми:—нѣтъ-нѣтъ, да и съѣздитъ ихъ въ рыло, а они взяли скверную привычку за всякую ничтожную пощечину жаловаться, а судъ ввелъ еще болѣе скверный обычай брать за все штрафы, даже за то, что какого-нибудь Митьку Шестипалаго по щекѣ ударишь. Прежде Дарья Власьевна въ сущности ничего не дѣлала и только распекала старостъ и дралась собственными своими ручками за плохо исполненную работу; теперь ей приходилось самой и на поляхъ побывать, и присутствовать съ утра до ночи на молоченьи, чуть не зерна считать, и съ продажей хлѣба возиться, и за каждую мелочь платить; приходилось или оставаться безъ малины, брусники и грибовъ, или—просто и сказать-то смѣшно—покупать эти продукты! Платить—это было одно изъ самыхъ страшныхъ словъ для Дарьи Власьевны.

— Да помилосердуйте, отцы родные!—восклицала она.—Я же мужикамъ, холопамъ своимъ, волю дала, да я же имъ и за работу плати! Съ одного вола двѣ шкуры содрать хотятъ. Да этакъ никакихъ капиталовъ не хватитъ.

— Но вѣдь ваши деньги вернутся, вы за хлѣбъ послѣ вдвое возьмете,—успокоивали ее слушатели.

— Какъ это вдвое, благодѣтели? Да нешто хлѣбъ-то вдвое вздорожалъ? Не слыхала я этого что-то! Какія прежде цѣны стояли, такія и теперь стоятъ...

— Да вы не такъ поняли; вамъ говорятъ, что вы вдвойнѣ вернете то, что̀ заплатите за работу.

Дарья Власьевна въ тупомъ недоумѣніи моргала глазами и, вздыхая, произносила:

— Ужъ точно, что этого мнѣ и во вѣки вѣковъ не понять. А одно то я понимаю, отцы мои, что въ конецъ разорилась моя головушка: и за работу-то я заплати, и земли-то у меня убавилось, и хлѣба-то у меня теперь, если рубль и выручишь при продалѣ, такъ половину за подводы отдашь... Вотъ онѣ цѣны-то двойныя каковы...

Несмотря на страшно низкія рабочія цѣны, она, все-таки, обсчитывала рабочихъ и нанимала ихъ до крайности мало, такъ что бо́льшая часть изъ уцѣлѣвшей земли или обрабо-

Digitized by Google

тывалась плохо, или отдавалась за ничто. Стала она нанимать на все лѣто шестерыхъ работниковъ и двухъ работницъ, но такъ какъ это составляло въ лѣто только полторы тысячи работниковъ, вмѣсто прежнихъ десяти тысячъ, то пришлось половину сѣнокоса отдать мужикамъ изъ половины, а землю, оставшуюся за отводомъ крестьянскаго надѣла, барыня рѣшилась отдать мужикамъ за то, чтобы они дали ей, когда потребуется, по полутораста работницъ и до девяноста лошадей въ лѣто, да свезли бы на мельницу хлѣбъ. Для работы Дарья Власьевна держала теперь только двухъ лошадей; на зиму нанимала только одного работника и одну работницу, такъ что въ годъ у нея уменьшилось рабочаго народа въ восемь разъ, а лошадей вчетверо, и приходилось отправлять и масло, и хлѣбъ на продажу наймами...

Кто хорошо знастъ нашъ старый помѣщичій бытъ, тотъ пойметь, что крестьяне Дарьи Власьевны находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне сотенъ другихъ помѣщиковъ. Ея семья состояла только изъ девяти человѣкъ, а не изъ пятнадцати, у нея крестьянъ было сначала двѣсти душъ, а не какихъ-нибудь двадцать, она не тянула съ нихъ пяти барщинныхъ дней въ недѣлю; она чаще жаловалась на свою беззащитность, чѣмъ порола мужиковъ, и больше всего брала женскими средствами—языкомъ и руками... Но все же, разоренные почти въ конецъ предшественниками Дарьи Власьевны, имѣя дурную землю, не умѣя ее хорошо обрабатывать, да и не имѣя къ тому средствъ при недостаткѣ скота, они бѣдствовали невообразимо. Были для нихъ не малымъ несчастіемъ незначительность Дарьи Власьевны и ея страсть къ тяжбамъ. Начальство, то-есть становые, исправники, слѣдователи, уѣздные врачи,—не уважало помѣщицу и было озлоблено противъ нея. Это неуваженіе и эта злоба отражались и на ея крестьянахъ, которыхъ каждое слѣдственное дѣло приводило просто въ ужасъ. А за слѣдственными дѣлами недостатка не было, такъ какъ сосѣдніе помѣщики, вѣчно состоявшіе въ тяжбѣ съ Дарьей Власьевной, мстили ей и ея мужикамъ. Даже сосѣдніе крестьяне, зная, что бабиновскій мужикъ воръ и пропонца, валили на него все: онъ и лошадь увелъ изъ сосѣдняго села, онъ и кабакъ спалилъ съ пьяныхъ глазъ, онъ и прохожаго на дорогѣ убилъ... Съ горя пили бабиновцы, съ горя, вмѣсто работы, добывали нищенствомъ оброчныя деньги. Не мало горя прибавляло имъ и то обстоятельство,

Digitized by Google

что они были подгородные. Все, что жило кругомъ бабиновцевъ, относилось къ нимъ или съ презрѣніемъ, или съ злобой.

— Ишь, бабиновская оборванка!.. Ты съ бабиновской барыней пара!.. Держи ухо востро, не то бабиновскіе пострѣлята оберутъ!.. Поди-ка къ бабиновцамъ, да поучись, какъ люди кланяются!

Такія позорящія бабиновцевъ фразы слышались очень часто какъ между помѣщиками, такъ и между крестьянами, какъ о семьѣ, такъ и о мужикахъ Дарьи Власьевны... Пословица «каковъ попъ, таковъ и приходъ» оправдывалась вполнѣ.

Среди подобной обстановки можно было жить только очертя голову, плюя на все, платя окомъ за око, зубомъ за зубъ, какъ жили дѣти и вѣчно пьяные, ворующіе, гдѣ можно украсть и, все-таки, голодные крестьяне Дарьи Власьевны; или нужно было бѣжать отсюда, какъ бѣжалъ Николай Николаевичъ, какъ убѣгала, при первой возможности, его старшая дочь... Въ тотъ день, съ котораго начинается нашъ разсказъ, Дарья Власьевна, раздраженная мужикомъ, заѣхавшимъ на ея поле, разсерженная бездѣятельностью мужа, немного утѣшилась тѣмъ, что, наконецъ, ея «шалопай» снова уѣдетъ и скроется отъ ея глазъ.

Окруженный дѣтьми, Николай Николаевичъ уже садился въ бричку старомоднаго фасона, какія встрѣчаются только въ провинціи, когда къ крыльцу дома подкатилъ щегольскій кабріолетъ. Изъ кабріолета, бросивъ вожжи стоявшему на дворѣ работнику, легко и ловко выскочилъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ тонкими чертами лица, съ маленькими ручками, съ красивыми узкими ногами и съ изящными тонкими усиками. Это былъ истый франтъ, парядившійся по послѣдней модѣ въ лѣтній статскій костюмъ. Гость бросилъ небрежный и разсѣянный взглядъ на столпившуюся на крыльцѣ группу, кивнулъ головою хозяину дома и мелькомъ спросилъ его:

— Куда это?

— Опять въ бѣга!—отвѣтилъ Баскаковъ и, поцѣловавъ дѣтей, сталъ садиться въ бричку, но еще не ѣхалъ, повидимому, поджидая кого-то, должно-быть, старшую дочь, которой не было на крыльцѣ.

Гость прошелъ въ господскій домъ, не обращая никакого вниманія на пятившихся отъ него ребятишекъ.

— А, Михаилъ Александровичъ, милости просимъ. Прошу покорно!—суетливо заговорила хозяйка дома и стала то-

Digitized by Google

ропливо очищать для гостя одно изъ захламощенныхъ креселъ.

— Бла-годарю,—проговорилъ гость.—А Лизавета Николаевна?

— Дома, дома! Что-то понадобилось передать моему благовѣрному, побѣжала къ себѣ,—скороговоркою заговорила хозяйка.—Вѣрно денегъ попросилъ, такъ пошла у себя всѣ мышиныя норки обыскивать, послѣднія копейки сбирать... Охъ, ужъ вы знаете наше положеніе!—точно оправдывалась въ чемъ-то заискивающимъ тономъ хозяйка.—Да Лиза сейчасъ придетъ, сейчасъ. Вотъ я ее позову.

— Я могу и подождать, — небрежно замѣтилъ гость, похлопывая себя хлыстомъ по сапогу.—Зачѣмъ спѣшить?

Онъ разсѣянно сталъ ходить по комнатѣ, вбросилъ для чего-то въ глазъ стеклышко и подшвырнулъ ногой какую-то, попавшуюся ему подъ ноги, тряпку. Хозяйка поспѣшила нагнуться и прибрать эту вещь, помѣшавшую гостю.

— Не достроилась я, все въ безпорядкѣ еще,—оправдывалась она, но не получила отвѣта.

Прошла минута молчанія. На дворѣ загремѣли колеса.

— Ну, уѣхалъ!—обрадовалась хозяйка и крикнула:—Лиза, Лиза, Михаилъ Александровичъ пріѣхалъ!

— Я видѣла,—послышался сдержаннымъ голосомъ произнесенный отвѣтъ, и въ комнату вошла Лиза; она вся зарумянилась и тщетно старалась скрыть волненіе.

Скрывать свои чувства ей никогда не удавалось.

Михаилъ Александровичъ пожалъ ей руку.

— А я пріѣхалъ къ вамъ...—началъ онъ.

— Я уйду, я уйду! Извините, у меня дѣла... Но достроилась я... Я, вѣдь, мать семейства,—перебила его хозяйка и засовалась по комнатѣ, захватывая съ собою что-то изъ валявшагося подъ диваномъ хлама.

Задонскій кивнулъ головой, даже не взглянулъ на нее. Она вышла.

— Свиданіе устраиваетъ! — раздражительно и съ злой иронією произнесла Лизавета Николаевна и отвернулась лицомъ отъ гостя.

— Вы сегодня не въ духѣ?—спросилъ онъ.

— Да развѣ можно быть здѣсь въ духѣ?— строптиво спросила въ свою очередь дѣвушка.

— Привыкнуть надо,—мягко и наставительно произнесъ онъ; потомъ нѣжно взялъ и поцѣловалъ ея руку.

Digitized by Google

Дѣвушка стояла, не шевелясь, на мѣстѣ и, сдвинувъ брови, о чемъ-то думала.

— Знаете ли, мнѣ иногда кажется, что вы не только презираете мою семью, но смѣетесь и надо мной,—задумчиво и серьезно проговорила она.

— И вы вѣрите этимъ чернымъ думамъ?—вкрадчиво и мягко спросилъ онъ, любуясь ея прекраснымъ въ задумчивости лицомъ.

— Что толку, если бы и повѣрила теперь?—спросила она глубоко-печальнымъ тономъ, невольно дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Да! я и прежде говорилъ, что я кажусь вамъ человѣкомъ слишкомъ помятымъ жизнью, для того, чтобы ваша чистая натура отдалась мнѣ безъ сомнѣній, безъ подозрѣній, съ полной вѣрой въ меня,—съ упрекомъ и горечью замѣтилъ онъ.

— Милый, что же мнѣ съ собой дѣлать! Это мимолетныя облака, это весенніе дожди,—страстно проговорила она, прижимаясь къ нему.

Казалось, что теперь она такъ же искренно желала удержать его возлѣ себя, какъ за минуту ей хотѣлось отогнать его прочь. Что-то нервное, нетерпѣливое было во всемъ ея существѣ. Такъ выглядятъ люди, не давшіе себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ, не нашедшіе своего настоящаго пути и даже не знающіе, гдѣ его искать. Они бросаются туда и сюда, удовлетворяются чѣмъ-нибудь на минуту и потомъ снова мечутся и волнуются нетерпѣливой досадой и чувствомъ неудовлетворенности.

— А теперь опять проглянуло солнце?—шутилъ съ нею пріѣзжій, какъ съ капризнымъ ребенкомъ.

— Солнце, солнце и любовь!.. Любовь прежде всего, выше всѣхъ подозрѣній, внѣ всякихъ вопросовъ,—говорила она, и ея глаза вдругъ заблестѣли необычайнымъ огнемъ страсти, веселости и удали.

— Здѣсь скверно, грязно, душно; поѣдемъ въ поле!—смѣло предложила она.

— Но ты забываешь, что теперь вездѣ народъ, вездѣ глаза... Насъ увидятъ.

— Ты трусишь?—захохотала она и прибавила вызывающимъ тономъ:—А я ничего не боюсь, ничего! Пусть смотрятъ, пусть говорятъ!.. Вѣдь у насъ, у кисейныхъ барышень, ни въ чемъ нѣтъ мѣры!—насмѣшливо закончила она.

Михаилъ Александровичъ очень боялся тѣхъ минутъ,

Digitized by Google

когда Лизавета Николаевна начинала очень горько и безпощадно подтрунивать надъ собою. Онъ почему-то угадывалъ, что въ одну изъ такихъ минутъ она разомъ взглянетъ на свое положеніе и отрезвится отъ увлеченія. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Меня тетка ждетъ. Завтра она пришлетъ за тобой. Соскучилась... Ты пріѣдешь?

— Да.

Въ эту минуту на дворѣ послышался шумъ и раздались крики ребятишекъ:

— Иванъ Григорьичъ пришелъ! Иванъ Григорьичъ пришелъ!

Черезъ нѣсколько времени въ гостиную, гдѣ стояли молодые люди, явился новый гость. Это былъ не очень красивый, немного неуклюжій человѣкъ, не то баринъ, не то мѣщанинъ; на видъ ему можно было дать двадцать семь, двадцать восемь лѣтъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, ему едва минуло двадцать четыре года. На немъ были надѣты высокіе сапоги, въ которые были засунуты брюки. Ребятишки бѣжали за нимъ въ припрыжку, и одинъ изъ нихъ шаловливо привѣсился за руку гостя; тотъ, кажется, даже и не замѣчалъ этой, не совсѣмъ легкой и не очень удобной, ноши.

— Иванъ Григорьевичъ, здравствуйте. Давно ли пріѣхали?—дружески протянула гостю руку Лизавета Николаевна.

— Сегодня, по утру,—отвѣтилъ онъ, радушно сжимая протянутую ему руку.

— Лиза, Лиза, Иванъ Григорьичъ мнѣ книжку съ картинками привезъ,—кричалъ одинъ мальчуганъ.

— И мнѣ, и мнѣ,—кричали другія дѣти.

— Попрежнему балуетъ ихъ, — разсмѣялась Лизавета Николаевна.

— Чтобъ пугаломъ учителя не считали, — усмѣхнулся онъ.

— Ну, васъ-то и безъ того не сочтутъ пугаломъ,—проговорила она и поспѣшила представить другъ другу гостей.

Они раскланялись.

— Я васъ, кажется, встрѣчалъ прежде; вы тогда еще семинаристомъ были,—промолвилъ Михаилъ Александровичъ.

— Да, вы тогда еще пажомъ, кажется, были,—отвѣтилъ съ усмѣшкой Иванъ Григорьевичъ.

Всѣ молчали послѣ этихъ неловкихъ фразъ. Видно было, что имъ не о чемъ говорить другъ съ другомъ.

Digitized by Google

— Такъ вы завтра будете къ теткѣ?—спросилъ Михаилъ Александровичъ, прерывая неловкое молчаніе.

— Пріѣду,—отвѣтила Лизавета Николаевна.

Михаилъ Александровичъ откланялся. Лизавета Николаевна вышла за нимъ. Вскорѣ раздался стукъ колесъ его кабріолета.

— Ахъ, что это Михаилъ Александровичъ и не посидѣлъ, а я чай приготовила,—вбѣжала впопыхахъ хозяйка дома съ выраженіемъ недоумѣнія на лицѣ.

— Ну, что жъ, меня напоите,—замѣтилъ шутливо Иванъ Григорьевичъ, здороваясь съ ней.

— Да какъ же, я и не простилась съ нимъ,—заботилась она.—Вотъ, невѣжей назоветъ! Какъ бы не разсердился...

Иванъ Григорьевичъ съ любопытствомъ слѣдилъ за волненіемъ хозяйки. Для него, не бывшаго въ деревнѣ всю зиму, эти ухаживанья за Михаиломъ Александровичемъ Задонскимъ были новостью. Онъ не зналъ ни о присутствіи Задонскаго въ деревнѣ, ни о его близкомъ знакомствѣ съ Баскаковыми, ни объ отношеніяхъ къ нему Лизаветы Николаевны.

— Вѣдь я мать, я обо всемъ должна подумать. У меня семеро дѣтей, дочь невѣста,—заговорила хозяйка.—У меня, просто, голова кругомъ идетъ... Мой-то соколъ опять крылья расправилъ, улетѣлъ...

— Куда?—почти безцѣльно спросилъ гость, у котораго какъ-то невольно вертѣлся въ головѣ вопросъ объ отношеніяхъ Задонскаго къ Баскаковымъ.

— Христосъ его знаетъ! Вѣдь онъ мнѣ отчета не отдаетъ. Рыскаетъ, рыскаетъ по свѣту круглый годъ, налетитъ на недѣлю, на мѣсяцъ домой, откормится, отоспится и поминай, какъ звали, ну, а у меня, глядишь, дѣти.

Иванъ Григорьевичъ очень серьезно дослушалъ конецъ этой жалобы, какъ нѣчто давнымъ-давно извѣстное ему, и принялся толковать съ дѣтьми о будущихъ учебныхъ занятіяхъ на лѣто. Подали чай. Въ комнату пришла и Лизавета Николаевна. Она весело и оживленно стала разговаривать съ Иваномъ Григорьевичемъ, передала ему, какъ она занималась съ дѣтьми зимою. Сразу можно было замѣтить, что молодые люди находятся въ безцеремонныхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ.

— Она сердитъе васъ, Иванъ Григорьичъ,—заговорили дѣти.—У-у, какая она строгая!

— Я съ вами часъ, да два занимаюсь, такъ не мудрено

Digitized by Google

добрымъ, да терпѣливымъ быть, а ой вы, я думаю, весь день досаждаете,—усмѣхнулся учитель.—Вотъ погодите, и я васъ къ рукамъ приберу!

— Да, да, Иванъ Григорьичъ, строже надо быть съ ними,—сказала хозяйка.—Я ужъ вамъ ихъ съ рукъ на руки передаю; порите ихъ, сколько душѣ угодно!

Дѣти захихикали, зная, что учитель не станетъ ихъ пороть и что, напротивъ того, его присутствіе обѣщаетъ имъ цѣлый рядъ разнообразныхъ удовольствій въ родѣ уженья рыбы, ловленія бабочекъ, исканія грибовъ и тому подобныхъ занятій, во время которыхъ Иванъ Григорьевичъ любилъ и умѣлъ очень ловко передавать дѣтямъ безчисленное множество свѣдѣній по естественнымъ наукамъ.

— Ну, а больше никакихъ новостей нѣтъ?—спрашивалъ Иванъ Григорьевичъ у Лизаветы Николаевны.

— Нѣтъ, все по-старому идетъ,—отвѣтила Лизавета Николаевна.—Ахъ да, вспомнила!.. Паша няня Марѳа померла...

— Ну, что-жъ, довольно пожила,—добродушно проговорилъ учитель, точно дѣло шло о какомъ-нибудь до конца догорѣвшемъ полѣнѣ.—Я думаю, за восьмой десятокъ перевалило?

— Да, восемьдесятъ-два года было... Ѳеклуша наша замужъ вышла,—продолжала вспоминать новости Лизавета Николаевна.

— А! За своего Гришутку вѣрно?

— Да!

— Ну, дай Богъ имъ счастья! Давно слюбились,—также добродушно замѣтилъ онъ.

— А про Трезорку-то, про Трезорку-то ты и забыла!—торопливо заговорили дѣти.—Она, Иванъ Григорьичъ, Трезорка-то наша, бѣшеною стала и стала рычать на всѣхъ: подойдешь, бывало, къ ней, а она на тебя: р-р-р... Потомъ кучеръ Никита взялъ ее въ мѣшокъ и отнесъ съ камнемъ на шеѣ въ Желтуху... Тамъ ее, бѣдную, и бросили, Трезорку нашу!—наперерывъ разсказывали дѣти жалобнымъ тономъ.

Иванъ Григорьевичъ и Лизавета Николаевна задумчиво слушали эту печальную исторію изъ дѣтскихъ воспоминаній и молчали.

— А давно Михаилъ Александровичъ переселился въ деревню?—совершенно неожиданно спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

Digitized by Google

— Да... то-есть нѣтъ,—смѣшалась Лизавета Николаевна отъ неожиданнаго вопроса.—Онъ здѣсь, кажется, уже три мѣсяца живетъ...

Иванъ Григорьевичъ невольно взглянулъ своими добрыми и немного насмѣшливыми глазами на Лизавету Николаевну и удивился, увидавъ ея пылающее и смущенное лицо.

— Ну, вѣдь это тоже новость не хуже бѣшенства Трезорки, а вы ее-то и пропустили!—разсмѣялся онъ.

«Сначала забыла о немъ, и потомъ, когда напомнили, смутилась. Что это значитъ?»—подумалъ молодой пріятель Лизаветы Николаевны.

Дарья Власьевна, между тѣмъ, давно уже сидѣла молча. Молодые люди такъ заговорились, что даже и забыли о ея присутствіи, когда тихія всхлипыванія, раздавшіяся въ той сторонѣ, гдѣ сидѣла хозяйка, заставили ихъ взглянуть на нее. Она сидѣла за чайнымъ столомъ, скорбно наклонивъ на бокъ голову и подпершись ее одною рукою, и заливалась самыми искренними, горькими слезами.

— Что съ вами? — заботливо спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Да какъ же, отецъ мой родной, не взгрустнуться!—заначала она изъ стороны въ сторону головой, убиваясь отъ горя.—У всѣхъ-то мужья есть, одна я сирота горемычная вдовствую... Уѣхалъ, и прощай не сказалъ!.. Вѣдь вотъ теперь смотрѣла я, смотрѣла на васъ, и вспомнилось мнѣ, какъ онъ утромъ еще сегодня, голубчикъ мой, на этомъ самомъ мѣстѣ сидѣлъ, чай съ нами пилъ... Мою я стаканчикъ, а самой такъ и кажется, что не вы изъ него пили, а мой Николаша пилъ...

— Ну, авось скоро вернется!—замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ, добродушно улыбаясь.

— Нѣтъ, батюшка, чуетъ мое сердце, что въ послѣдній разъ мы съ нимъ пожили... О-охъ! останусь я одна на бѣломъ свѣтѣ,—неутѣшно заливалась Дарья Власьевна горькими слезами.

Иванъ Григорьевичъ поднялся съ мѣста и взялся за фуражку.

Всѣ распрощались съ гостемъ; онъ дружески пожалъ руку молодой дѣвушки и неспѣшными шагами вышелъ изъ дому. Передъ нимъ, извиваясь, тянулась длинная, покрытая грязью и озаренная луннымъ свѣтомъ дорога изъ Бабиновки въ село Привольe. Молодой человѣкъ снялъ фуражку и пошелъ, опираясь на сучковатую толстую дубинку,

Digitized by Google

открывъ свой лобъ встрѣчному свѣжему вѣтру. Черезъ часъ ходьбы онъ увидалъ въ полутьмѣ блестящую змѣйку родной Желтухи, и вскорѣ вдали забѣлѣли освѣщенныя луной стѣны каменной церкви села Приволья, которое, разбросавшись по берегу Желтухи, доходило до самаго угла, образуемаго Желтухою и большой судоходной рѣкой, и шло далѣе по берегу этой большой рѣки пестрымъ и плотнымъ рядомъ красивыхъ избъ, амбаровъ, ригъ и тому подобныхъ построекъ. Церковь на берегу Желтухи, окруженная кладбищемъ, какъ-то отдалилась отъ прочихъ построекъ, и около нея жался только чистенькій, городской постройки домикъ священника, гдѣ уже было совсѣмъ темно, и куда направлялся Иванъ Григорьевичъ

II.

Даровой лѣтній учитель, студентъ медицинской академіи и сынъ священника изъ села Приволья, Иванъ Григорьевичъ Борисоглѣбскій, возвратясь изъ Бабиновки, лежалъ съ сигарою въ зубахъ въ своей комнаткѣ въ домѣ отца. Ему не хотѣлось спать, какія-то смутныя, не то тоскливыя, не то сладкія чувства наполняли все его существо. Онъ снова былъ на родинѣ, въ своемъ отчемъ домѣ, «подъ тѣми самыми березами, съ которыхъ, по его выраженію, рвали сучья для его порки»; передъ нимъ въ этотъ день прошли всѣ лица, мелькнули всѣ картины, съ которыми тѣсно и неразрывно связывалась вся его прошлая, то скорбная, то радушевно и тепло пережитая жизнь.

Онъ родился на томъ краю села Приволья, гдѣ начинаются владѣнія Баскаковыхъ. Эти два помѣстья, Бабиновка и Приволье, столь близкія другъ къ другу, представляли рѣзкій контрастъ, и на ихъ судьбѣ, какъ это всегда бываетъ, вполнѣ отразилась судьба ихъ владѣльцевъ. Мы видѣли, что за жизнь шла въ Бабиновкѣ, теперь мы должны заглянуть въ Приволье, тѣмъ болѣе, что характеры и жизнь нашихъ дѣйствующихъ лицъ сложились всецѣло подъ вліяніемъ этихъ деревень.

Село Приволье издавна принадлежало князьямъ татарскаго происхожденія Мурзатовымъ и только въ послѣднее время перешло въ руки графини Серпуховской, послѣдней дочери послѣдняго изъ князей Мурзатовыхъ. Въ давнобылыя времена Мурзатовы жили въ столицѣ и играли значительную роль при дворѣ. Не имѣя никакой возможности управлять лично своимъ имѣніемъ, они посылали туда упра-

Digitized by Google

вителей, приказчиковъ, конторщиковъ и тому подобный, наживавшійся въ деревнѣ, людъ. Тогда это село помѣщалось еще за нѣсколько верстъ отъ большой рѣки и носило названіе «Никитинскаго погоста». Крестьяне, кромѣ взноса оброка, отработывали чуть ли не пять дней въ недѣлю на барщинѣ и были разорены въ конецъ. Не менѣе гибельно дѣйствовало на нихъ сосѣдство города Никитина съ его кабаками и мелкими заработками. Подѣлаетъ, бывало, крестьянинъ что-нибудь въ городѣ, добудетъ грошъ и снесетъ его тутъ же въ кабакъ. Жены почти не видали своихъ мужей и отбывали за нихъ всю домашнюю работу въ небарщинные дни. Не богатѣли и Мурзатовы. Имъ то-и-дѣло доносили изъ деревни, что мужики пьянствуютъ и не могутъ выплачивать оброковъ. Негодуя на управляющихъ, видя, какъ они богатѣютъ, Мурзатовы смѣняли ихъ почти ежегодно, и каждый новый управитель приносилъ съ собою свой взглядъ на дѣло, свои порядки и еще болѣе путалъ и разорялъ крестьянъ. Изъ преданій видно, что жители «Никитинскаго погоста» нерѣдко убивали управителей, поджигали ихъ жилища, или просто бѣжали на большія дороги и въ лѣса промышлять разбоемъ. Наконецъ, одному изъ Мурзатовыхъ пришла въ голову благая мысль: онъ рѣшился не тратить денегъ на жалованье управляющимъ, призвалъ къ себѣ старосту, выругалъ его мошенникомъ, оттаскалъ за бороду, и послѣ этого поощрительнаго приступа приказалъ хоть родить, а доставлять въ годъ извѣстную сумму оброка. Староста почесалъ въ затылкѣ и обѣщалъ свято и нерушимо исполнять волю барскую. Мужики, узнавъ отъ старосты, сколько съ нихъ требуютъ, стали толковать, что они не могутъ платить оброка. Только одинъ изъ нихъ, старый, хитрый раскольникъ, замѣтилъ, что онъ, хоть убей его, не можетъ платить требуемой суммы, а что, пожалуй, онъ и больше бы заплатилъ, если бы его совсѣмъ освободили отъ барщины.

— Выселился на Приволье, такъ и сталъ богачомъ,—укоряли его другіе мужики.—Тебѣ все въ руки плыветъ, а мы гдѣ денегъ-то возьмемъ?

— Проситесь избы переносить, такъ и вамъ не худо будетъ,—отвѣтилъ богатый мужикъ, какъ бы позабытый всѣми въ своемъ привольскомъ уединеніи и уже давно добывавшій со своею многочисленною семьею деньги на этомъ мѣстѣ.

Мужики потолковали, что не легкая штука переселяться на новое мѣсто, что, пожалуй, и баринъ не позволитъ. Нѣ-

Digitized by Google

которые твердо рѣшились оставаться на своихъ мѣстахъ, не видя никакой пользы въ томъ, что они будутъ жить на нѣсколько верстъ дальше отъ города и ближе къ рѣкѣ; другіе склонялись на переселеніе. Староста написалъ объ этомъ барину и получилъ отвѣтъ, что мужики могутъ хоть къ чорту переселиться, но должны оброкъ сполна выплачивать. Тотчасъ же, по полученіи этого отвѣта, нѣсколько семей перенесло свои избы на другое мѣсто, на «Приволье». Тутъ была подъ рукой судоходная рѣка, богатая рыбой; тутъ ежедневно тянулись лѣтомъ барки, сплавлялся лѣсъ, перевозился хлѣбъ, нерѣдко случались несчастія во время бурь или обмелѣнія рѣки; постоянно требовались здѣсь рабочія руки. Пугало выселившихся мужиковъ одно обстоятельство: они не надѣялись на первый годъ выработать столько денегъ, чтобы внести сполна оброкъ. Но хлопотавшій болѣе всего объ этомъ переселеніи раскольникъ, давно жившій на Привольѣ и «мутившій православный народъ», отстранилъ и это сомнѣніе. Онъ съ таинственнымъ видомъ объявилъ, что есть у него на примѣтѣ такіе благодѣтели, которые дѣло-то могли бы уладить, да только какъ бы не провѣдалъ кто этого. Послѣ многихъ приступовъ и переговоровъ дѣло уладилось, и мужики попали въ кабалу къ своему же брату-крестьянину. Настала для переселенцевъ новая жизнь. Работы было на первыхъ порахъ больше, чѣмъ во время барщины. Приходилось работать на себя, да кромѣ того старый раскольникъ выжималъ свои деньги.

Но какъ бы ни прижималъ онъ мужиковъ, въ его сношеніяхъ съ ними была и хорошая сторона: онъ показалъ имъ, что можно извлечь изъ счастливаго положенія «Приволья», и отучилъ ихъ ѣздить въ близкій отъ нихъ городъ.

— Либо къ рѣкѣ, либо къ городу; либо къ Богу, либо къ чорту,—говаривалъ онъ.

И скоро всѣ поняли, что «тянуть къ рѣкѣ выгоднѣе». Прошло не очень много лѣтъ, и переселившіеся мужики разбогатѣли, приманили къ себѣ новыхъ переселенцевъ и пріобрѣли какую-то особенную физіономію. Это былъ суровый, «забубенный» народъ, передъ которымъ, такъ сказать, проплыла на судахъ вся Россія. Видалъ онъ и бурлака, и татарина, и каторжниковъ, и высшихъ сановниковъ. Ловилъ онъ отважно рыбу въ бурное время, да не трусилъ и тогда, когда ночною порой вылавливалъ тайкомъ грузъ затопувшей барки. Наживался онъ гдѣ правдой, а гдѣ и неправдой. Проѣзжать мимо Приволья было не всегда безопасно. Но

Digitized by Google

шелъ онъ въ городъ на мелкіе заработки по совѣту стараго раскольника, да не шелъ и въ церковь «Никитинскаго погоста»: «далеко, молъ, ходить; часъ промолишься, а пять прошляешься».

Это было въ концѣ двадцатыхъ годовъ. Князь Мурзатовъ попалъ въ немилость и считалъ себя счастливымъ, что долженъ былъ удалиться въ деревню, а не куда-нибудь подальше. Его барскій домъ стоялъ на берегу большой рѣки, на значительномъ разстояніи отъ Приволья. Выстроенный во дни Екатерины, этотъ домъ не безъ основанія назывался «дворцомъ». Роскошный, обширный, онъ былъ окруженъ садами; тутъ были бесѣдки, гроты, статуи, такъ-называемый *эрмитажъ*, то-есть просто уединенный домикъ съ комнатою изъ сплошныхъ зеркалъ, обвитыхъ искусственными цвѣтами; цвѣты, кажется, готовы были упасть и засыпать пуховые турецкіе диваны, обитые бѣлымъ съ розами атласомъ и отражавшіеся въ зеркальномъ потолкѣ и въ каждой изъ зеркальныхъ стѣнъ. Въ этомъ домикѣ, какъ говоритъ преданіе, происходили самыя грязныя и ужасающія сцены, оканчивавшіяся нерѣдко смертью несчастныхъ жертвъ разврата, и самъ домикъ былъ построенъ именно для этой цѣли... Барскія палаты какъ-то сторонились какъ отъ «Никитинскаго погоста», такъ и отъ «Приволья». Переѣхавъ въ деревню, князь Мурзатовъ сразу почувствовалъ нѣчто непріятное, нѣчто зловѣщее въ положеніи своего дворца. Онъ зналъ, что одинъ изъ его предковъ во времена Анны Іоанновны занимался разбоемъ, грабилъ и дворянъ, и мужиковъ, и потому выстроилъ себѣ притонъ среди лѣса на берегу рѣки, отъ которой отдалилъ своихъ крестьянъ; зналъ онъ также, что этотъ разбойничій вертепъ въ началѣ царствованія Екатерины вдругъ превратился въ какой-то русскій братскій тріанонъ, превратился при помощи громадныхъ издержекъ, и только для того, чтобы самъ помѣщикъ провелъ въ немъ два года, но зато какіе два года! Все это припомнилъ опальный баринъ, пріѣхавъ въ свой дворецъ, и ему стало скверно въ этомъ отдалившемся отъ крестьянъ и отъ помѣщиковъ пріютѣ. Онъ увидалъ бѣдность и пьянство въ «Никитинскомъ погостѣ», и довольство и трезвость въ «Привольѣ», и рѣшился переселить всѣхъ крестьянъ изъ «Никитинскаго погоста» въ «Приволье». Послѣ двухлѣтняго его пребыванія въ деревнѣ, около его дворца уже красовались выстроенныя на его деньги избы послѣднихъ переселившихся жителей «Никитинскаго погоста». «При-

Digitized by Google

вольс» представляло теперь сплошное село, заканчивавшееся съ одной стороны барскимъ домомъ, а съ другой — новою каменною кладбищенскою церковью, кромѣ которой были еще деревянная «лѣтняя» церковь, да такъ-называемая *дворцовая* церковь, находившаяся въ барскомъ домѣ. Въ «Никитинскомъ погостѣ» уцѣлѣли только небольшая полуразвалившаяся часовня съ кладбищемъ, да постоялый дворъ съ кабакомъ на большой дорогѣ, помѣщавшійся недалеко отъ врѣзавшейся угломъ въ мурзатовское имѣніе Бабиновки.

Городъ Никитинъ находился теперь въ четырнадцати или въ двѣнадцати верстахъ отъ мурзатовскихъ крестьянъ, тогда какъ прежде они жили отъ него въ пяти или въ четырехъ верстахъ. Но дѣло было не въ разстояніи, а въ стремленіи мужиковъ къ рѣкѣ. Вновь переселенные крестьяне стали кое-какъ поправляться, хотя и не могли сравняться въ довольствѣ съ первыми поселенцами. Они долго отличались отъ нихъ и характеромъ, чаще ходили въ церковь, были менѣе предпріимчивы, больше пили и считали, можетъ-быть, не безъ основанія, всѣхъ старыхъ жителей Приволья раскольниками или, по крайней мѣрѣ, людьми, сочувствующими расколу и очень холодно смотрящими на православіе. Можетъ-быть, тутъ не было ни раскольничества, ни православія, а былъ просто индифферентизмъ народа, разжившагося и закалившагося въ неусыпномъ трудѣ и въ вызванномъ обстоятельствами мошенничествѣ. Но богатые мужики неохотно говорили объ этомъ предметѣ; еще неохотнѣе говорили они о своемъ денежномъ положеніи и имѣли привычку прикидываться очень небогатыми людьми.

— Что сработаешь, то и проѣшь. Какіе у насъ капиталы могутъ быть!—говорили они.

А въ народѣ ходили слухи, что у старыхъ мужиковъ Приволья водится деньга и большая деньга, только это кулакъ-народъ.

— Много ли, мало ли, а все же хоронить на черный день надо, — отвѣчали они уклончиво, если къ нимъ очень приставали съ вопросами объ ихъ матеріальномъ положеніи, и тутъ же подсмѣивались надъ другими мужиками.—А вы деньги-то на улицу выложите, авось добрые люди припрячутъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ жители Приволья окончательно сжились, и остались только едва уловимыя отличительныя черты въ ихъ характерахъ. Это было село торговое, дѣятельное, съ большимъ трактиромъ и постоялымъ

Digitized by Google

дворомъ на берегу рѣки, съ нѣсколькими лавками, не только не уступавшее ни въ чемъ, но даже превосходившее во многомъ Никитинъ, откуда часто пріѣзжали горожане за товарами въ село, не находя этихъ товаровъ въ городѣ. Ободранные, придавленные чиновничествомъ былыхъ временъ, городскіе мѣщане-лавочники; чиновничество, берущее мелкія взятки и трепещущее передъ ревизіями губернскаго начальства; одна церковь, десятокъ кабаковъ и трактиръ, поглощающіе послѣднія деньги у мѣщанъ и все нажитое грошевыми взятками у чиновниковъ; жалкія поползновенія на полицейскій надзоръ,—все это придавало какой-то скорбный видъ городу, построенному по чьему-то приказанію, Богъ знаетъ для какихъ цѣлей, среди нагихъ и плоскихъ полей. Стоя незначительно выше мужиковъ по образованію, никитинскіе жители утратили всякую возможность работать такъ, какъ работали привольскіе мужики; чиновники стыдились явно плотничать, сапожничать, портняжничать; мѣщане привыкли къ городской торговлѣ, то-есть къ отупляющей, праздной и сидячей жизни, и не работали отчасти и потому, что никитинское народонаселеніе очень мало потребляло на мѣстѣ, а заказывало одежду и даже обувь въ губернскомъ городѣ; хлѣбъ, масло, яйца покупало изъ деревень; иные товары закупало прямо въ Привольѣ. Отставъ отъ привольскихъ мужиковъ на этомъ поприщѣ, отстали никитинцы отъ нихъ и на поприщѣ наслажденій жизнію. Они еще не доразвились, не добогатѣли настолько, чтобы завести собранія, библіотеку, театръ, но уже зашли за ту черту, гдѣ люди начинаютъ гнушаться мужикомъ и стыдятся его удовольствій, хороводовъ, посидѣлокъ и тому подобнаго. Сплетни, карты, пьянство и вѣчный сонъ наполняли все свободное время ихъ жизни. Совсѣмъ иначе выглядѣли жители Приволья. Долгое знакомство съ проѣзжающимъ со всей Россіи людомъ значительно развило ихъ; довольно значительные торговые обороты пробудили смѣтливость, отчасти кулачество и способность надуть хоть родного брата; постоянная работа на сердитой рѣкѣ придавала имъ смѣлости и умѣнья пользоваться чужимъ несчастьемъ, какъ въ былые годы пользовались другіе люди ихъ бѣдственнымъ положеніемъ; отсутствіе управителей и полиціи, господъ и барщинныхъ дней пробудило въ нихъ какую-то гордость, самоуваженіе, отчасти самодурство; эти люди, кажется, могли постоять за себя; уже многіе изъ нихъ, имѣя родню въ селѣ, сдѣлались значительными купцами и кормили не только какихъ-нибудь

Digitized by Google

«канцелярскихъ» своими обѣдами, а и самихъ губернаторовъ. Всѣ помнятъ, какъ на одномъ изъ своихъ обѣдовъ купецъ Туговъ представилъ гостямъ и посадилъ за столъ на первое мѣсто своего отца, простого мужика привольскаго. Эта выходка надѣлала шуму даже въ столицѣ. Имѣя такихъ родственниковъ и милостивцевъ, гордившихся и коловшихъ разнымъ баричамъ глаза своимъ происхожденіемъ, привольскіе мужики смотрѣли дерзко и смѣло на мелкихъ властей. Рѣзко стали они отличаться отъ всѣхъ своихъ сосѣдей, жившихъ вдали отъ рѣки, «тянувшихъ къ городу». Послѣдніе снимали шапку передъ каждымъ бариномъ, но никогда не дѣлалъ этого привольскій житель. Правда, жители Приволья и не были такъ добродушны, какъ ихъ сосѣди. Надуть они были готовы всякаго.

— На то Богъ и дурака создалъ, чтобы умные на немъ ѣздили,—смѣялись они.

— Проходи, проходи, Богъ подастъ! — говорили они по бо́льшей части нищимъ вмѣсто подаянія и разсуждали между собою: — На всѣхъ не напасешься; ишь ты, чѣмъ бы работать, а они шляются.

Неохотно впускали они на ночлегъ прохожихъ, дорожа трудно нажитымъ богатствомъ и говоря, что «Богъ его знаетъ, какой это человѣкъ; еще, пожалуй, и село спалитъ; шляется, значитъ непутящій».

— Постоялый дворъ на то есть, братецъ. Проваливай!— захлопывали они двери передъ странникомъ.

Страха передъ становыми и тому подобными властями у нихъ почти не было никакого, и они очень хладнокровно смотрѣли на ихъ пріѣздъ.

Но чѣмъ богаче становилось Приволье, тѣмъ бѣднѣе становились Мурзатовы. Правда, въ первые годы богатства въ Привольѣ, Мурзатовы вдругъ поднялись и ожили. Ихъ фамилія сдѣлалась одною изъ самыхъ богатыхъ, и они стали жить широко: бросили службу, уѣхали за границу. Чѣмъ шире шла жизнь, тѣмъ болѣе требовали они съ мужиковъ, тѣмъ болѣе дѣлали долговъ и безобразій... Мужики стали пользоваться положеніемъ господъ и выкупались за большія деньги цѣлыми семьями... Надъ князьями назначили опеку... Года черезъ два послѣ этого событія умеръ послѣдній изъ нихъ, и имѣніе досталось графинѣ Серпуховской, родной теткѣ Михаила Александровича Задонскаго, поселившейся послѣ смерти своего мужа въ деревнѣ.

Вотъ почва, на которой выросъ Иванъ Григорьевичъ

Digitized by Google

Борисоглѣбскій въ домѣ бѣднаго сельскаго священника, обремененнаго выжившимъ изъ ума отцомъ, матерью съ отнявшимися ногами и множествомъ дѣтей, полуобразованнаго, немного опустившагося отъ бѣдности и отсутствія великихъ сношеній съ образованною средою. Въ этомъ старикѣ, рядомъ съ горячею любовью къ дѣтямъ, ужились мелочные, скряжническіе расчеты ницаго о томъ, что дѣти должны кормить его подъ старость; рядомъ съ трезвымъ практическимъ взглядомъ на жизнь гнѣздились самыя странныя идеи невѣжды обо всемъ, что стояло внѣ узкаго круга его дѣйствій; то онъ напускалъ на себя важность и хотѣлъ явиться проповѣдникомъ среди «мошенниковъ» привольныхъ, то кланялся въ поясъ этимъ «мошенникамъ», потому что и онъ хотѣлъ ѣсть... Его сынъ, Иванъ Григорьевичъ, перетерпѣлъ бурсацкую жизнь, грязь, мелкое базарное мошенничество и нищету; перенесъ побои и проклятія отца за отказъ отъ дьяконства и за поступленіе въ медицинскую академію; пережилъ цѣлый годъ въ столицѣ, въ углѣ, иногда почти на нарахъ за двѣ копейки, не доѣдая днемъ, не досыпая ночью, сколачивая наперекоръ своей натурѣ гроши, чтобы привезти ихъ отцу, купить этою цѣною примиреніе съ нимъ и провести у него лѣто. Зачѣмъ примиряться? зачѣмъ проводить лѣто въ его домѣ? Объ этомъ Иванъ Григорьевичъ почти и не разсуждалъ, и просто поддавался какому-то инстинктивному стремленію на родину, подъ родную крышу, къ родной рѣкѣ. Даже планы сдѣлаться земскимъ врачомъ въ Приволѣ были скорѣе слѣдствіемъ этого стремленія, чѣмъ однимъ изъ его причинъ. Съ дѣтства передружился онъ тутъ со всѣми мужиками, со всѣми ихъ ребятишками. Игралъ онъ съ ними въ бабки, ночевывалъ у нихъ, когда отецъ слишкомъ сильно нападалъ на него. Въ первое лѣто, проведенное въ Приволѣ по прибытіи изъ академіи, Иванъ Григорьевичъ еще болѣе скрѣпилъ свою дружбу съ крестьянами, покумился съ нѣкоторыми, у другихъ привилъ оспу ребятишкамъ, далъ два-три совѣта больнымъ бабамъ. Всѣ, начиная со стараго бобыля Тараса, въ деревнѣ Бабиновкѣ, занимавшагося издѣліемъ затѣйливыхъ тавлинокъ и бураковъ, и кончая старою богомолкою графинею Серпуховскою, владѣтельницей Приволья, считали Ивана Григорьевича за своего человѣка. Его простотѣ не удивлялись, потому что въ ней и не было ничего удивительнаго: держитъ себя человѣкъ, какъ и слѣдуетъ человѣку держать себя; его не цѣнили, какъ какую-нибудь рѣдкость; не превозносили его,

Digitized by Google

какъ выдающееся явленіе, потому что и примелькался онъ всѣмъ, и казалось каждому, что ужъ онъ постоянно у батюшки священника проживать лѣто долженъ, и что некуда ему дѣваться. Такъ вообще привыкаютъ люди ко всякой необходимой, но сроспейся съ ихъ жизнью, вещи или личности. Оцѣниваютъ они эту вещь или личность только послѣ утраты ея; только тогда начинаетъ мозолить имъ глаза оставшаяся ею пустота; только тогда говорятъ они: эхъ, вотъ и видно, что ея нѣтъ! Эти вещи, эти личности — любимые наши старые халаты, стороживпіе насъ собаки, вѣрные наши слуги, заботившіеся о насъ друзья дѣтства. Такія отношенія людей къ Ивану Григорьевичу были особенно по сердцу ему самому. Онъ зналъ, что онъ не пятая спица въ колесницѣ въ жизни этихъ людей, что онъ такъ же необходимъ для ея полноты, какъ какой-нибудь Дмитрій Сысоевъ, содержатель трактира, или, какъ какой-нибудь выборный Иванъ Михѣевъ; сознавалъ, что онъ такъ же необходимъ въ этой жизни, какъ какой-нибудь винтъ въ машинѣ, а не служитъ въ ней какою-нибудь блестящею бляхою, ярвимъ украшеніемъ, которое, можетъ-быть, и краситъ машину, но о которомъ никто и не вспомнитъ, если его не будетъ. Его умъ, подъ вліяніемъ бѣдности, притѣсненій хитрой изворотливости, вызванной необходимостью, и многихъ разочарованій, всегда соединенныхъ съ бѣдностію, сложился довольно своеобразно: онъ съ какою-то добродушною ироніей и недовѣріемъ относился ко всему. Явятся у него золотыя мечты или надежды, онъ поддастся имъ, а уже черезъ минуту самъ подсмѣивается надъ собою. Назовется ему въ друзья какой-нибудь восторженный юноша, онъ честно отвѣтитъ на дружбу, а потомъ какъ-то иронически говоритъ о своихъ «чувствительныхъ» отношеніяхъ къ этому юношѣ... Случится въ обществѣ какая-нибудь пакостная исторія, придавитъ его самого кто-нибудь, — онъ вспылитъ, бѣсится, а черезъ день уже говоритъ со своей добродушной насмѣшливостью:

— Все это оттого случается, что мы, какъ Дарья Власьевна, все еще не достроились; а если что и было выстроено, такъ пришлось перестраивать. Ну, хоть однимъ какая-нибудь упавшая балка кости переломала; другіе ругаются, что лѣса худо подвезены; третьи — мусоръ, да матеріалы до поту должны таскать; четвертымъ угла нѣтъ, гдѣ бы прилечь да отдохнуть, и въ тишинѣ наслаждаться семейнымъ счастіемъ... Въ сущности, это славная жизнь; бранятся ли, падаютъ ли,

Digitized by Google

угла ли себѣ ищутъ люди — вездѣ движеніе и бодрость чуется... Вонъ въ Китаѣ, тамъ все достроено, все прилажено, хлопотать не о чемъ, покойся себѣ, какъ праведникъ въ гробу... Это, можетъ-быть, и спокойнѣе, да жизни тутъ нѣтъ, желаній, надеждъ не можетъ быть. Это навѣваетъ тоску, какъ плохой конецъ хорошо начатаго романа.

Во всемъ этомъ были видны слѣды горькаго прошлаго и усилій смѣхомъ заглушить слезы, ироніей подавить отчаянье. Такой характеръ складывается нерѣдко у сильныхъ и трезвыхъ по натурѣ бѣдняковъ изъ молодежи.

Иванъ Григорьевичъ не задумался надъ вопросомъ: почему онъ стремится каждое лѣто въ родныя мѣста? Но если бы онъ и задумался надъ этимъ вопросомъ, то увидалъ бы, что обойтись безъ этой потребности ему трудно. По крайней мѣрѣ, разъ онъ рѣшился не ѣхать домой, а отправился къ одному помѣщику въ учителя. Помѣщикъ былъ баринъ обходительный, благовоспитанный, но какъ-то особенно изысканно вѣжливо и предупредительно относился къ учителю, какъ относятся люди къ новому, совершенно чуждому имъ лицу. Дѣти въ домѣ въ повиновеньи растутъ; причесанныя, кроткія, тихія, ко всякому слову «съ» прибавляютъ, не спорятъ съ учителемъ, но какъ-то, оторопѣвъ, запуганно смотрятъ ему въ глаза и словно ртомъ ловятъ каждое его слово. Барышни, дочери помѣщика, потупляютъ глазки передъ учителемъ; не смѣются, а только краснѣютъ, если онъ смѣшное что-нибудь скажетъ; вечеромъ онѣ на фортепьяно играютъ въ четыре руки. Ровно въ двѣнадцать часовъ общій завтракъ, ровно въ четыре часа общій обѣдъ, ровно въ девять общій ужинъ; на этихъ собраніяхъ идутъ толки о политикѣ, о геніальномъ Наполеонѣ, о геніальномъ Гарибальди, о геніальномъ Мадзини, о геніальномъ Бисмаркѣ. Барыня-помѣщица старается учителю чай и кофе пересластить и все такіе томные глазки дѣлаетъ. Скука! Попробовалъ Иванъ Григорьевичъ съ мужиками душу отвести — они передъ нимъ шапки снимаютъ; онъ говоритъ съ ними хочетъ, а они только отвѣчаютъ или слушаютъ и соглашаются; а онъ для нихъ баринъ, притомъ баринъ чужой и, сверхъ того, получающій плату отъ ихъ господъ, то-есть, вѣроятно, поддѣлывающійся къ господамъ. Опять скука и тоска. Пожилъ учитель недѣлю, другую и является однажды къ помѣщику.

— Я ѣду-съ домой,—сказалъ онъ, сконфуженно глянувъ въ сторону и кусая губу.

Digitized by Google

— Что вы не довольны чѣмъ-нибудь,—удивился помѣщикъ.

— Нѣтъ, всѣмъ доволенъ...

— Такъ что же?

— Да жить я здѣсь не могу; по родной сторонѣ соскучился...

Помѣщикъ вѣжливо усмѣхнулся, полагая, что это одна изъ тѣхъ простыхъ отговорокъ, которыми прикрываются болѣе серьезныя причины.

— Вамъ, вѣроятно, кто-нибудь надѣлалъ непріятностей. Мнѣ очень...

— Никто мнѣ ничего не сдѣлалъ,—перебилъ Иванъ Григорьевичъ, для котораго вся эта сцена была крайне тяжела.—Просто ѣду, вотъ и все. Я вамъ другого учителя доставлю, гораздо лучшаго, чѣмъ я...

— Какъ вамъ угодно; насильно милъ не будешь!—обидчиво промолвилъ помѣщикъ.—Только надо было сперва подумать о своихъ нѣжныхъ чувствахъ къ роднымъ полямъ и не ѣздить на мѣсто, имѣя такое мягкое сердце,—колко добавилъ онъ.

— Да я ужъ за это прежде васъ себя выругалъ,—усмѣхнулся учитель.—Я чуть-было потихоньку не удралъ... Ошибаться свойственно человѣку, вотъ я и ошибся.

Такъ онъ и уѣхалъ; повеселѣлъ даже, когда чужая деревня скрылась изъ глазъ. Подъѣзжаетъ онъ къ Приволью, толкуетъ съ знакомымъ ямщикомъ, тотъ его выспрашиваетъ, надолго ли онъ на побывку къ отцу ѣдетъ, гдѣ онъ теперь въ ученьи. Вотъ въѣхалъ и въ село, навстрѣчу мужики идутъ.

— Постой-ка, Матвѣй,—крикнулъ одинъ изъ мужиковъ ямщику.

Ямщикъ остановился.

— Здравствуй, Иванъ Григорьевичъ, а я ужъ о тебѣ у попа справлялся. Съ бабой моей что-то сдѣлалось, вторую недѣлю на печи лежитъ, встать не можетъ...

Расплатился Иванъ Григорьевичъ съ ямщикомъ, велѣлъ отвезти къ отцу чемоданъ, а самъ пошелъ къ мужику, посмотрѣлъ на больную бабу, сказалъ, что нужно дѣлать, и какъ вышелъ изъ избы, такъ вдругъ ему показалось, что онъ никогда и не выѣзжалъ изъ родного Приволья, или что, если и выѣзжалъ, то пріѣхалъ сюда не сейчасъ, а когда-то давно, давно... Никто не смотритъ на него съ удивленіемъ и любопытствомъ, ребятишки не прячутся отъ него, какъ въ чужой деревнѣ; каждый ему поклонится, какъ

Digitized by Google

своему человѣку, поговоритъ съ нимъ и идетъ своею дорогой. Вошелъ онъ въ свой домъ; вѣчно запуганная мать и плачетъ, и смѣется, отецъ подтруниваетъ надъ ней, а самъ, нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ на сына, любуясь имъ; маленькіе ребятишки, братья и сестры, смотрятъ на его чемоданъ съ любопытствомъ, ждутъ, не привезъ ли старшій брать чего-нибудь изъ столицы.

Свѣтло стало на душѣ у Ивана Григорьевича. Вошелъ онъ въ отцовскій садикъ, тянувшійся къ берегомому скату до самой рѣки, легъ на песокъ у берега; солнце его грѣетъ, вдали широкая рѣка видѣется, барки тянутся, чьи-то голоса раздаются въ воздухѣ.

— Ишь ты, Ваня, дни-то какіе Богъ нынче дастъ хорошіе,—послышался позади его голосъ матушки-попадьи, не утерпѣвшей и забѣжавшей въ садъ за ненаглядным сынкомъ.

— Да, матушка, хорошіе дни стоятъ!—отвѣтилъ сынъ, поддаваясь полной душой хорошему настроенію.

А тутъ батюшка вышелъ въ подрясничкѣ, съ заплетенной назади жиденькой косичкой въ родѣ мышинаго хвостика, бороду широкимъ гребнемъ расчесываетъ, смотритъ любовно на своего сына.

— Поставь-ка намъ самоваръ, мать-попадья,—говоритъ онъ женѣ.—Соловья баснями не кормятъ. Ишь, любо теперь, что сынъ-то выросъ!

Сѣли чай пить, закуску подали.

— Мы, Ваня, по рюмочкѣ пропустимъ?—съ добродушнымъ подмигиваньемъ спросилъ священникъ.

— Отчего не пропустить съ дороги,—разсмѣялся сынъ.

— Ну что, какъ у васъ тамъ насчетъ Польши слышно?—началъ священникъ, стараясь на первыхъ порахъ занять сына городскими умными разговорами.

— Ничего, теперь тихо все!—отвѣтилъ сынъ.

— Охъ, не вѣрится мнѣ что-то,—съ сомнѣніемъ покачалъ головою священникъ.—Врага мы себѣ въ ней нажили. Только убытки она намъ приноситъ, да козни строитъ. И отчего бы не написать намъ въ Европу письмо, чтобы хоть англичанинъ взялъ ее на аренду? А чтобы она насъ и тогда не безпокоила, выставить бы на границу три милліона войска, ну, тогда и тягайся съ нами.

Иванъ Григорьевичъ усмѣхнулся.

— Ну, теперь авось и такъ обойдется!

— Дай Богъ, дай Богъ!

Digitized by Google

— Ну, а что ректоръ семинаріи все тотъ же?—спросилъ сынъ.

— Охъ, и не говори!—вздохнулъ отецъ и началъ горячо и толково разсказывать сыну про ректора семинаріи, про благочиннаго, да про всѣ свои нужды и заботы. Такъ о Польшѣ и не вспоминали болѣе...

Напились чаю и всѣ улеглись спать съ пѣтухами, а Ивану Григорьевичу и спать не хотѣлось. Вышелъ онъ опять на берегъ, легъ на песокъ и впалъ въ немалое раздумье. Вспомнилось ему все пережитое, перенесенное; вспомнилось, какъ онъ воровалъ, не имѣя гроша за душою въ годы дѣтства, какъ его, сына бѣднаго попа, пороли въ бурсѣ, какъ избилъ его голякъ-отецъ, когда онъ задумалъ отказаться отъ выгоднаго дьяконства и сталъ продолжать ученье, пришелъ на память сегодняшній ласковый пріемъ отца и радость матери, увидавшей, что «батюшка» совсѣмъ пересталъ гнѣваться на сына,—и какъ-то грустно и въ то же время легко стало у него на душѣ. Вдругъ онъ какъ будто простилъ всѣмъ, забылъ все и помнилъ только одно, что если его гнула въ бараній рогъ нищета, то гнула она еще болѣе, еще дольше и этихъ мужиковъ-плутовъ, и этихъ отупѣвшихъ профессоровъ семинаріи, и его отца, и его запуганную, глуповатую, но полную любви мать, и не было въ его сердцѣ ничего, кромѣ теплой и полной любви. Иванъ Григорьевичъ былъ скупъ на ловкія фразы, на нѣжныя чувства.

— Какъ живого человѣческаго мяса порѣжешь на своемъ вѣку, какъ больной человѣкъ у тебя подъ ножомъ умретъ, оттого что у тебя рука дрогнула, да заѣхала въ сторону,—говаривалъ онъ:—такъ тутъ не до нѣжныхъ чувствъ, да не до точеныхъ фразъ.

Ну, а въ этотъ вечеръ лежалъ онъ на пескѣ въ такомъ настроеніи, что, кажется, обнялъ бы весь живой міръ, подставилъ бы свою грудь за каждаго изъ ближнихъ, и впервые понялъ онъ всю силу своей любви къ роднымъ мѣстамъ и родному народу.

— Ахъ ты, моя родина, бѣдная!—прошепталъ онъ, а по лицу тихо, одна за другой, скатились теплыя слезы.

И, подсмѣивающійся надо всѣмъ, скептически относящійся ко всему, никогда не смѣялся Иванъ Григорьевичъ, вспоминая эту сцену на берегу рѣки. Расчувствуйся онъ въ этотъ вечеръ по поводу какого-нибудь другого событія, а не по поводу встрѣчи съ родными мѣстами и роднымъ на-

Digitized by Google

родомъ, то онъ вѣрно въ ту же минуту, слѣдомъ за изліяніемъ нѣжнаго чувства, промолвилъ бы:

— Подгулялъ, значитъ, человѣкъ на радостяхъ, ну и расчувствовался.

Такова ужъ натура была...

Теперь онъ снова былъ дома, снова готовился приняться за свое обычное лѣтнее дѣло, учить дѣтей Баскаковыхъ, крестьянскихъ ребятишекъ, своихъ братьевъ и сестренокъ, лѣчить лихорадки, пораненныя на работѣ руки и ноги, крестить дѣтей, ходить на охоту. Жизнь по сердцу, по влеченью готовилась начаться во всей своей полнотѣ, не оставляющей ни минуты для скуки или тоски. Размышляя о своихъ встрѣчахъ, Борисоглѣбскій невольно вспомнилъ о своей встрѣчѣ съ Михаиломъ Александровичемъ, и его занялъ вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ находится къ семьѣ Баскаковыхъ этотъ новый въ деревнѣ человѣкъ, этотъ «столичный гусь», какъ называлъ его мысленно Иванъ Григорьевичъ? Давно Борисоглѣбскій привыкъ смотрѣть на семью Баскаковыхъ, и въ особенности на Лизавету Николаевну, какъ на родню. Онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей ихъ бытъ, ихъ радости и ихъ печали, и интересовался всѣмъ, что касалось ихъ, точно такъ же, какъ интересовался радостями и печалями каждаго изъ мужиковъ Приволья. Ему не для чего было анализировать, какія это чувства; не вызываетъ ли ихъ какая-нибудь другая причина, кромѣ простой привычки. Гораздо болѣе страннымъ и требующимъ анализа показалось бы ему противоположное явленіе, то-есть, если бы онъ, интересующійся бытомъ всего окрестнаго народа, ни съ того, ни съ сего, не сталъ бы интересоваться только жизнью однихъ Баскаковыхъ. Вслѣдствіе этого и теперь, погрузившись въ думы о семейныхъ дѣлахъ Баскаковыхъ, Иванъ Григорьевичъ не видѣлъ ничего особеннаго въ своемъ любопытствѣ...

Рано утромъ онъ вышелъ къ чаю.

— Ну, что у Баскаковыхъ всѣ ли здоровы?—спросилъ отецъ.

— Всѣ здоровы... Самъ опять удралъ куда-то.

— Непутящій, право непутящій!.. Чѣмъ бы за семьей присмотрѣть, а онъ по свѣту рыскаетъ, словно и не знаетъ, что жена—дура-баба! Тоже вѣдь и дѣти малыя, и дочь на возрастѣ: однихъ обучить нужно, за другой глаза нужны... Вѣдь тоже мало ли что люди-то могутъ наплести про нее.

— А развѣ что-нибудь дурное говорятъ?—уже съ любо-

Digitized by Google

пытствомъ спросилъ Иванъ Григорьевичъ, сначала едва поддерживавшій разговоръ.

— Ну, да вѣдь люди всяко говорятъ: и дурное, и хорошее, а дурного больше,—отвѣтилъ отецъ, оттопыривая губы и подувая на чай, налитый на блюдечко.

Иванъ Григорьевичъ помолчалъ.

— Я тамъ Михаила Александровича встрѣтилъ,—началъ онъ черезъ минуту и зорко взглянулъ на отца.

— Ну да, извѣстно, гдѣ же ему и быть, какъ не около бабъ! Дѣла нѣтъ, такъ ничего другого на умъ и не идетъ... Дѣвушку-то только марaетъ,—сердито замѣтилъ отецъ.

— Да онъ зачѣмъ сюда пріѣхалъ? Мало публичныхъ домовъ въ столицѣ показалось?

— Больной,—усмѣхнулся отецъ.—Лѣчиться пріѣхалъ... Должно-быть, въ отставку вышелъ... Да что-то я въ толкъ не возьму, зачѣмъ онъ здѣсь лѣчится, а не за границей... Вѣдь тамъ-то по нихъ, чай, француженки плачутъ... Прокутился вѣрно!.. И что это, подумаешь, бездѣлье-то изъ людей дѣлаетъ!—оставляя блюдечко, глубокомысленно произнесъ священникъ.—Правда, что лѣнь мать всѣхъ пороковъ, и что верблюду легче пройти въ игольное ухо, чѣмъ богатому въ рай... За всѣми бабами гоняется. Вонъ сталъ и на постоялый дворъ къ Марьѣ Мироновой захаживать. Бабенка она шустрая, съ проѣзжими купчиками все водилась...

— Да съ ней-то онъ какъ познакомился?—спросилъ сынъ.—Демократомъ, что ли, хочетъ сдѣлаться, что за простой бабой ухаживаетъ?

— Ну, они давно знакомы. Я помню, ты еще маленькій былъ—ему лѣтъ этакъ пятнадцать было, такъ онъ ей косу обрѣзалъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ, началъ онъ за нею бѣгать. Она ему согрубила что-то... Въ дѣвичьей она жила у ея сіятельства... А онъ забрался къ ней ночью, да косу ей и обрѣзалъ въ отместку. Только это у нихъ и на умѣ. Юбочники, право юбочники!

— Такъ, значитъ, она теперь не молода?

— Да такъ, годикомъ помоложе его... Ничего, красивая баба, въ соку...

Иванъ Григорьевичъ нахмурился, и еще сильнѣе сталъ занимать его вопросъ объ отношеніяхъ Баскаковыхъ и Задонскаго.

Digitized by Google

— Ну, а у Баскаковыхъ-то онъ зачѣмъ бываетъ?—продолжалъ онъ разспросы.

— Господь его знаетъ!.. Слухи недобрые ходятъ. Ну, да всякому слуху вѣрить нельзя... Вотъ ты поговори съ Лизаветой-то Николаевной... Дѣвушка хорошая, ее жаль... Онъ поиграетъ, да и броситъ ее, а ей горе!

— Жениться, можетъ-быть, хочетъ,—усмѣхнулся Иванъ Григорьевичъ.

— Ну, тоже не радость!—возразилъ священникъ.

— Не радость-то, не радость, да вѣдь насильно не оттолкнешь, если она его любитъ.

— Охъ, грѣхи, грѣхи!—вздохнулъ отецъ, вставая съ мѣста, чтобы идти въ свой городъ.—Любовь-то что? Такъ, мечтанье одно. Скучно человѣку, дѣла у него нѣтъ, дома содомъ, молодъ онъ, кровь у него горячая, подвернулось смазливое личико, вотъ онъ и говоритъ: я, молъ, люблю!.. Ну, а тамъ ребята, заботы, дрязги, мужъ въ одну сторону, жена въ другую, развратъ!

Иванъ Григорьевичъ молчаливо слушалъ, какъ философствовалъ его отецъ. Его умъ всецѣло поглотили мысли о Лизаветѣ Николаевнѣ. Онъ не удивлялся, что она могла увлечься отставнымъ петербургскимъ героемъ. Отвратительная обстановка въ семьѣ, полное отсутствіе опредѣленной дѣятельности, грязь и недостатки, скука и рядомъ съ нею молодая кипучая кровь, простодушная бойкость неопытности, все это, дѣйствительно, могло толкнуть дѣвушку къ первому попавшемуся навстрѣчу смазливому человѣку, съ вкрадчивыми рѣчами любви, съ блестящимъ образованіемъ, съ острымъ умомъ, съ хорошей обстановкой... Иванъ Григорьевичъ зналъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, что Лизавета Николаевна была просто типомъ деревенской барышни и не могла сдѣлаться ничѣмъ инымъ подъ вліяніемъ окружающей ее среды и глупаго воспитанія. Но онъ зналъ, что эта барышня не глупа, настойчива и смѣла, и потому отчасти надѣялся на счастливый исходъ ея увлеченія, если оно и было въ дѣйствительности.

— Ну, да увидитъ, что это за гусь, и все пройдетъ,—замѣтилъ онъ, выходя съ крыльца вмѣстѣ съ отцомъ.—Можетъ-быть, и этотъ опытъ пойдетъ въ пользу. Говорятъ же умные люди, что кто не отвѣдалъ горькаго, тотъ не узнаетъ и сладкаго... Вотъ, бѣдняковъ и кормятъ все горькимъ, вѣроятно, для того, чтобы послѣ имъ сладкое слаще было,—усмѣхнулся онъ своей добродушно-насмѣшливой улыбкой.

Digitized by Google

— Такъ-то такъ, только иногда столько горькаго наглотаешься, что потомъ и сладкаго не станешь есть,—промолвилъ отецъ.—Далеко ли зашло, вотъ что надо спросить. Иногда и вернуться нельзя.

Иванъ Григорьевичъ мгновенно весь всплыхнулъ и сердито нахмурился.

— Глупости!—рѣзко проговорилъ онъ.—всегда можно вернуться!.. Ну, а не вернется, такъ туда и дорога.

Онъ вышелъ изъ дома, направляясь къ селу. Побывавъ у нѣсколькихъ мужиковъ, потолкавшись на биржу между рабочимъ людомъ, давъ нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ, Иванъ Григорьевичъ, проголодавшійся и успокоенный, послѣдняго и бодро возвращался домой, когда на больной дорогѣ, по направленію ко *двору*, пронесся экипажъ графини Серпуховской. Борисоглѣбскій увидалъ дружески и весело кланяющуюся ему головку: это была Лизавета Николаевна.

— А вѣдь, дѣйствительно, надо будетъ все разузнать,—подумалъ онъ, входя въ жилище своего отца.

III.

Передъ Лизаветой Николаевной широко и шумно распахнулась дверь привольскаго «дворца» и щегольски, по-столичному, наряженный во фракъ и бѣлый галстукъ лакей поддерживалъ ее подъ руку при выходѣ изъ экипажа. Она стала подниматься по широкой, роскошно украшенной статуями, колоннами и цвѣтами лѣстницѣ. Вся эта роскошь, весь этотъ блескъ, весь этотъ просторъ были давнымъ-давно извѣстны ей, извѣстны не менѣе, чѣмъ грязь ея родныхъ, вѣчно-строившихся бабиновскихъ сараевъ, только носившихъ названіе жилыхъ комнатъ. Здѣсь былъ тоже ея домъ, здѣсь тоже были прожиты ею многіе дни и притомъ счастливые, а не скорбные, какъ дни, прожитые въ Бабиновкѣ...

Взглянемъ на это прошлое...

Среди роскоши привольскаго «дворца» постилась на стерляжьей ухѣ и молилась на мягкихъ коврахъ и бархатныхъ подушкахъ графиня Серпуховская. Это была высокая, худощавая, темноволосая женщина съ густыми, сурово-сдвинутыми бровями, когда-то привлекавшими къ ней сотни поклонниковъ, а теперь пугавшими дѣтей своею строгостью. Говорятъ, что она была когда-то красавицей, была несчастна съ мужемъ-самодуромъ, развратникомъ и мотомъ,

Digitized by Google

что она ни разу не измѣнила этому мужу вплоть до его смерти, и тѣмъ болѣе послѣ его смерти. Когда онъ умеръ, она удалилась въ свое имѣніе поправлять дѣла, воспитывать въ благочестіи свою дочь и оплакивать грѣхи всего міра; она молилась и за мужа, много нагрѣшившаго въ жизни, и за брата, перешедшаго къ ужасу всѣхъ родныхъ въ католичество, и за свою сестру, погибшую среди блестящаго и циническаго разврата. Она не пропускала случая обращать на путь истинный заблудшія души. Вела переписку со многими замѣчательными людьми и любила вспоминать, какъ ей удалось повліять на одного талантливаго человѣка, обративъ его къ религіи и покаянію; хотя онъ послѣ поздняго обращенія и потерялъ свой талантъ и немного помѣшался, но все-таки умеръ истиннымъ христіаниномъ. Она не окружала себя глупыми приживалками, грязными юродивыми, не любила пресмыкающихся личностей и не терпѣла, чтобы люди унижались передъ нею, такъ какъ это подло и совсѣмъ не нужно,—да, не нужно,—вѣдь прожила же она весь свой вѣкъ, не унизившись ни разу? Но, не любя униженія, она въ то же время не выносила противорѣчій своимъ убѣжденіямъ, не потому, конечно, что противорѣчіе оскорбило бы ее, но потому, что оно оскорбило бы тѣ святыя истины, о которыхъ она говорила и противъ которыхъ не можетъ быть спора. Но такъ какъ всѣ ея разговоры вертѣлись около этихъ предметовъ, то всѣ ея знакомые и дѣлались почтительными слушателями. Каждый новый губернаторъ считалъ своимъ долгомъ явиться къ ней, всѣ окрестные помѣщики считали за честь побывать у нея въ домѣ. Митрополиты, архіереи, игумены были самыми обычными ея корреспондентами и посѣтителями. Незначительные монахи-сборщики и сельское духовенство являлись къ ней только въ пріемную, только съ прошеніями, и только на минуту. Члены послѣдняго относились къ ней съ благоговѣніемъ, зная ея вліяніе на значительныя лица изъ духовенства; но она, себя держала съ ними, какъ истинная христіанка, и показывала, что они все-таки по своему пастырскому сану стоятъ выше нея. Всѣ помнятъ одну изъ ея замѣчательныхъ фразъ, сказанныхъ по этому поводу. Старикъ Борисоглѣбскій явился къ ней однажды съ просьбою объ опредѣленіи въ семинарію своего сына Ивана; старикъ совсѣмъ растерялся, когда графиня смиренно поцѣловала его руку, и торопливо наклонился, чтобы, въ свою очередь, облобызать ручку ея сіятельства.

Digitized by Google

Графиня быстро отдернула свою руку и замѣтила священнику:

— Батюшка, служитель Бога не долженъ унижаться до цѣлованія рукъ грѣшниковъ.

Никогда ни съ кѣмъ не ссорилась графиня. Затѣетъ съ ней кто-нибудь, хотя это и рѣдко случалось, тяжбу, она спокойно напишетъ губернатору и ужъ больше даже не говоритъ объ этомъ дѣлѣ: непремѣнно рѣшится оно въ ея пользу. Провинится, бывало, у нея слуга, она ему не даетъ выговора, а просто удаляетъ его изъ дому; даетъ ему паспортъ, если онъ крѣпостной; отказываетъ отъ мѣста, если онъ вольный. Она это дѣлала, не сердясь, не унижая человѣка, что было бы противно съ ея христіанскимъ взглядомъ на людей.

— Не можемъ ужиться—такъ надо разъѣхаться,—разсуждала она въ этихъ случаяхъ.

Вслѣдствіе этого гуманнаго правила слуги боялись ея до невѣроятной степени. У нея имъ жилось хорошо, работы было мало, жалованье большое, квартира, столъ, всего было вволю. Но чтобы сохранить за собой всѣ эти блага, которыми не могли не дорожить люди, испытавшіе и голодъ, и холодъ, нужно было быть безусловно хорошимъ слугой въ барскихъ покояхъ. На сторонѣ можно было пьянствовать, развратничать, но слѣдовало только исполнять свое дѣло во время службы. Частная жизнь не касалась графини: она считала сплетни грѣхомъ; зная свою дальновидность, не терпѣла вмѣшательства въ свои дѣла; исправлять людей хотѣла только своею примѣрною жизнію и не считала возможнымъ внушать этой несчастной неразвитой черни, которую она не забывала въ своихъ молитвахъ, великія истины, доступныя только развитому уму... Отъ нея, отъ ея комнатъ, отъ ея слугъ, когда они являлись въ этихъ комнатахъ, вѣяло холоднымъ спокойствіемъ и непоколебимою строгостью...

— Въ вашемъ домѣ что-то такое святое чуется,—говорили ей люди, потому что имъ становилось холодно и жутко отъ этой безмятежности, какъ отъ заупокойнаго пѣнія: «во блаженномъ успеніи»...

Кромѣ высокопоставленныхъ личностей, кромѣ заслуженныхъ стариковъ, кромѣ своего вдоваго управляющаго изъ чиновниковъ, взявшаго недавно къ себѣ двухъ дочерей изъ столичнаго института, она любила видѣть у себя молодыхъ гостей и молодую прислугу. Воспитанницъ она не держала,

Digitized by Google

потому что считала обязанность воспитывать человѣка по своимъ силамъ и даже говорила, что она почти радуется потери дочери и пеленію другихъ дѣтей, такъ какъ Богъ знаетъ, что было бы изъ нихъ. Но молодые люди, пріѣзжавшіе иногда къ ней гостить, были ей просто милы, какъ цвѣты, какъ попугаи.

— Это моя послѣдняя слабость,—говорила она.

Дѣйствительно, пребываніе въ ея домѣ молодежи было такъ же не нужно, какъ появленіе роскошныхъ бронзовыхъ и фарфоровыхъ украшеній, какъ появленіе всего этого блеска для нея, для женщины, проповѣдывавшей аскетизмъ и воздержаніе, молитву и смиреніе. Чаще всѣхъ другихъ дѣвушекъ появлялись здѣсь невинныя, наивныя, всему изумлявшіяся дочери управителя и Лиза Баскакова. Послѣдняя когда-то росла съ покойной дочерью Сорнуховской, и графиня чувствовала что-то въ родѣ холодной привязанности къ молодой дѣвушкѣ. Она ласково цѣловала ее въ лобъ при встрѣчѣ, спрашивала, здорова ли она, давала ей полную свободу ходить по комнатамъ, читать духовныя и нравственныя книги, играть на фортепьяно, и въ день отъѣзда спрашивала ее, не нужно ли ей чего-нибудь. Хотя всегда получался отрицательный отвѣтъ, графиня все-таки дарила что-нибудь Баскаковой, прибавляя:

— Это дѣтямъ отъ меня!

Иногда графиня, окончивъ свои бесѣды съ управителемъ и часть своей душеспасительной переписки, входила неслышными шагами по мягкимъ коврамъ въ залъ, гдѣ стоялъ рояль, и опускалась на какое-нибудь кресло въ темномъ углу комнаты. Не замѣчая присутствія графини, Баскакова продолжала играть. Эта задушевная игра не для публики, игра мечтающей въ сумеркахъ и въ одиночествѣ дѣвушки, то веселая, бойкая и бурная, какъ сама молодость, то едва-слышная, замирающая и страстная, какъ какое-то безотчетное стремленіе къ неизвѣстной, созданной воображеніемъ жизни, эта игра странно дѣйствовала на графиню. Она задумчиво опускала голову на руку и не шевелилась въ своемъ креслѣ по цѣлому часу. Но едва только замиралъ послѣдній звукъ, какъ только вставала Лиза, такъ тотчасъ же поднималась и графиня.

— А я вошла взглянуть, дитя, не скучаете ли вы. Сегодня мы какъ-то одни остались,—говорила она, дѣлая видъ, что едва-едва успѣла переступить черезъ порогъ въ эту комнату.

Digitized by Google

— Нѣтъ, мнѣ не скучно. Вы знаете, я люблю музыку; мнѣ такъ хорошо здѣсь,—отвѣчала Лиза, и дѣйствительно, ей легко дышалось среди этой тишины, послѣ бури и криковъ, огласившихъ бабиновское жилище.

Графиня тихо цѣловала въ лобъ молодую дѣвушку и тихо удалилась въ свои покои. Лиза даже и не подозрѣвала, что ее долго слушали, что звуки ея музыки пробуждали нѣчто въ родѣ чувства въ вѣчно невозмутимой душѣ набожной женщины, безропотно покорившейся своей судьбѣ...

Въ такомъ-то домѣ Лиза провела почти безвыѣздно пять лѣтъ жизни, начиная съ десятаго года. Въ это время, въ ея собственномъ домѣ, ей житья не было; отецъ воевалъ съ матерью и ея родными; имѣнье закладывалось и продавалось для уплаты его долговъ; нѣчтыя постройки остановились, и бѣдной дѣвочкѣ не только нельзя было учиться, но даже некуда было прититься. Графиня въ эту пору неожиданно предложила Дарьѣ Власьевнѣ отпустить въ ея «дворецъ» маленькую Лизу «погостить». Дарья Власьевна даже прослезилась и облобызала ручку ея сіятельства, несмотря на всѣ возраженія графини. Лизу тоже заставили поцѣловать эту щедрую руку, и съ этой минуты графиня сдѣлалась благодѣтельницей Баскаковыхъ. Въ сущности, она совсѣмъ не думала о благодѣяніи, пригласивъ на время въ свой домъ дочь небогатыхъ сосѣдей. У нея была болѣзненная, скучающая въ одиночествѣ дочь, ровесница Лизы, и ей нужна была подруга. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, Лиза должна была принести пользу только дочери графини; извлечетъ ли она какую-нибудь выгоду изъ этой роли для себя—объ этомъ, разумѣется, и не думала Серпуховская. Но такъ все ведется на свѣтѣ, Лизу всѣ стали считать облагодѣтельствованною воспитанницею графини, и никто и не думалъ, что ей благодѣтельствуютъ для своихъ цѣлей, для своихъ выгодъ, и что о ней и не позаботились бы, если бы она не была нужна самимъ благодѣтелямъ. Не думала объ этомъ какъ графиня, такъ и Лиза, привыкшая видѣть въ Серпуховской свою покровительницу. Прошло пять лѣтъ, успѣла Лиза оплакать свою зачахнувшую въ богатомъ нарядѣ подругу, переселилась она въ родной постылый домъ, такъ какъ ея ученіе окончилось въ день смерти молодой Серпуховской, и навсегда сохранила свѣтлыя воспоминанія о дворцѣ, гдѣ каждая вещь тѣшила глаза, гдѣ все было чисто и прилично, гдѣ и виды были

Digitized by Google

лучше, и люди довольнѣе, и не было ни дрязгъ, ни ссоръ. Да и изъ-за чего было тутъ ссориться? Всѣмъ доставало хлѣба, всѣ привыкли повиноваться за деньги графинѣ. Теперь этотъ дворецъ сталъ еще дороже Лизѣ. Въ немъ жилъ тотъ, кого она помнила, какъ веселаго друга дѣтства, кузена своей покойной подруги, кого она теперь любила, правда немного странною любовью, но все же любила.

Михаилъ Александровичъ Задонскій служилъ еще недавно въ столицѣ, захворалъ, вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ деревню. Говорятъ, онъ уѣхалъ изъ столицы потому, что долженъ былъ бѣжать отъ кредиторовъ; говорятъ, онъ уѣхалъ въ деревню, а не за границу, потому что у него не было средствъ на поѣздку за границу, и была надежда выпросить денегъ у тетки на уплату долговъ. Тетка обрадовалась ему своею набожною, невозмутимою радостью и попросила пожить съ нею. Намеки о деньгахъ оставались покуда безъ всякаго положительнаго отвѣта. Встрѣча Лизы съ Михаиломъ Александровичемъ была странная: онъ удивился, увидавъ хорошенькое и бойкое личико простенькой деревенской барышни; она сконфузилась и боялась его. Но въ первые же дни у Лизы проснулись воспоминанія, она опять стала видѣть въ Михаилѣ Александровичѣ рѣзваго и удалого пажа Мишеля, украдкою цѣловавшаго ее въ былые годы въ дѣтское плечико. Михаилъ Александровичъ сталъ ухаживать за нею, иногда они играли въ четыре руки, иногда весело болтали о разныхъ пустякахъ, подчасъ онъ пѣлъ страстныя пѣсни, порою становился задумчивъ, выражалъ мысли о своемъ разочарованіи, о своей тоскѣ,—все это понемногу сближало съ нимъ Лизу. Дешевенькое, салонное остроуміе, хорошій голосъ, ловкость, хитрость, все это уже не разъ пускалось въ ходъ Михаиломъ Александровичемъ, когда ему хотѣлось побѣдить какое-нибудь молодое женское сердце, и почти всегда черезъ недѣлю или черезъ двѣ настойчивая атака оканчивалась побѣдой. Уже пажомъ онъ насмотрѣлся на скандалезную жизнь своей матери, покойной сестры графини Серпуховской; уже шестнадцати лѣтъ онъ былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ балета, близкимъ знакомымъ танцовщицъ, постояннымъ членомъ на кутежахъ своихъ пріятелей; онъ, въ сущности, не зналъ ничего основательно, былъ вполнѣ однимъ изъ тѣхъ блестящихъ неучей, которые нахально и свысока болтаютъ обо всемъ въ нашихъ мало-образованныхъ гостиныхъ. Стоя по умственному и нравственному развитію,

Digitized by Google

подобно многимъ изъ своихъ друзей, крайне низко, онъ не могъ приняться ни за какую дѣятельность; всякое занятіе, начиная съ составленія канцелярскихъ бумагъ, до занятій агрономіей, торговлей или ремесломъ, было не по силамъ ему, такъ какъ онъ изъ всего зналъ только какіе-то кончики, отрывки и ненужности; онъ могъ только красоваться на лошади, гремѣть саблей на публичныхъ гуляньяхъ, свысока смотрѣть на несравненно болѣе, чѣмъ онъ, нравственную и развитую массу и пользоваться значеніемъ, покуда въ его карманѣ оставалась послѣдняя копейка, которую можно было поставить ребромъ. Но эти копейки скоро исчезаютъ у людей, умѣющихъ проживать и не умѣющихъ работать; эти люди постоянно должны заглушать звономъ золота ничтожество высказываемыхъ ими идей, должны покупать себѣ за деньги друзей и поклонниковъ, такъ какъ въ нихъ самихъ нѣтъ ничего, что привлекаетъ къ человѣку. Покуда они богаты, надъ ними всѣ смѣются только за глаза; когда они бѣднѣютъ—всѣ явно отворачиваются отъ нихъ. Но таково свойство неразвитого, стоящаго по уму на самой низшей ступени человѣка, что онъ, сдѣлавъ ошибку, будучи наказанъ за нее, не можетъ сознаться въ ошибочности своихъ дѣйствій и приняться за исправленіе себя. Нѣтъ, онъ разыгрываетъ роль угнетенной невинности, онъ ругаетъ весь свѣтъ, онъ воображаетъ себя умирающимъ подъ ослиными копытами львомъ, тогда какъ у него если и была когда-нибудь львиная грива, то она была взята напрокатъ за деньги и теперь красуется у какого-нибудь ростовщика вмѣстѣ съ другими его украшеніями, продающимися съ аукціоннаго торга и готовыми придать временное значеніе какому-нибудь новому шуту... Пора такого безцѣльнаго, безсодержательнаго озлобленья и разочарованья наступила и для Задонскаго, когда онъ домоталъ послѣдній грошъ на кормленіе праздной толпы столичныхъ лизоблюдовъ и уѣхалъ въ деревню. Уже черезъ двѣ или три недѣли онъ началъ все яснѣе и яснѣе высказывать Лизѣ довольно странныя идеи о непрочности всего существующаго и о ничтожествѣ всѣхъ людскихъ стремленій къ хорошему.

Сначала Лизу, бойкую и по своей живой, подвижной натурѣ, и по полнѣйшей деревенской неопытности, нисколько не трогали и даже смѣшили эти сѣтованья.

— Ну, вы опять принялись за свои жалобы,—смѣялась она вызывающимъ смѣхомъ.—Да если бы я была мужчиной,

Digitized by Google

тогда я бросила бы, на край свѣта ушла бы, а сыскала бы свое счастье.

— Въ томъ-то и дѣло, что я знаю каждый край свѣта и знаю, что тамъ идетъ та же жизнь, какая идетъ и у насъ,—возражалъ отставной герой.

— Да вы ровесникъ Мафусаилу, что ли, что все знаете?

— Не знаю, какъ старъ былъ вашъ сказочный Мафусаилъ,—пожималъ плечами Задонскій:—но и сколько бы онъ ни жилъ, я все-таки опытнѣе его.

— Книжкамъ вѣрите, такъ и думаете, что опытны...

Невинныя управительскія барышни, присутствовавшія иногда при этихъ бесѣдахъ, краснѣли за необразованность Лизы и, называя ее деревенщиной, строили какіе-то очень выгодные для себя планы насчетъ Задонскаго.

— Въ васъ говоритъ настойчивость неопытнаго ребенка,— замѣчалъ онъ сухо Лизѣ:—а во мнѣ убѣжденіе опытной зрѣлости.

— Да Богъ съ нею, съ такою опытностью!—восклицала Лиза.—Что я изъ нея сдѣлаю?

— Ничего!.. Но и изъ своей настойчивости вы ничего не сдѣлаете, развѣ только себя поскорѣе загубите... Впрочемъ, и то благо въ этомъ мірѣ...

Лиза бойко смѣялась. Управительскія барышни дѣлали презрительныя гримаски и по своей невинности и неопытности ждали, что вотъ-вотъ душка Задонскій перестанетъ говорить съ дурой Лизой. Но Задонскаго раздражала и поддразнивала упорная настойчивость деревенской барышни, и онъ настойчиво шелъ къ своей цѣли, торжествуя, если по этому вѣчно веселому лицу пробѣгали минутныя облака грустнаго раздумья.

— Вы счастливы,—повторялъ онъ однажды во время отсутствія управительскихъ барышень свою обычную пѣсню:— вы полны вѣры въ людей, вы надѣетесь на будущее. Жизнь для васъ—рядъ новыхъ блестящихъ представленій.

— А для васъ будто бы въ ней нѣтъ ничего новаго, ничего привлекающаго?—спросила она.

— Ничего... я слишкомъ рано началъ жить и понялъ жизнь.

Михаилъ Александровичъ задумался и замолчалъ.

— Я впередъ знаю, встрѣчаясь съ человѣкомъ, что онъ или гадокъ, или сдѣлается гадкимъ вслѣдствіе нужды или вслѣдствіе богатства, вслѣдствіе излишняго самолюбія, или вслѣдствіе недостатка самолюбія, вслѣдствіе всегда плохо

Digitized by Google

направленнаго образованія, или вслѣдствіе полнѣйшаго невѣжества... Я знаю впередъ, что самый честный человѣкъ потому честенъ, что ему еще ни разу не пришлось поставить свою честность на большую карту,—предлагали взятку въ рубль, ну, а онъ дороже цѣнитъ свою честность; предложить ему двѣсти, триста тысячъ—можетъ-быть, и продастся... И вѣдь дойдетъ до такой подлости, что станетъ увѣрять даже себя, что онъ и взятку эту взялъ ради великихъ цѣлей, ради какого-нибудь святого дѣла... Самые ярые либералы при малѣйшемъ противномъ вѣтрѣ всегда пѣли гимны своимъ недавнимъ врагамъ, а когда вѣтеръ перемѣнялся, они оправдали свою подлость желаніемъ продолжать служеніе святому дѣлу. «Мы сдѣлали уступку,—говорили они:—чтобы спасти свою жизнь и продолжать свой трудъ»... Ложь! Уступили потому, что честности не хватило, и подлый страхъ потерять земныя блага закрался въ ихъ душонки!.. А что это за святыя дѣла! Вотъ образованіе народа—чего прекраснѣе? А взгляните, сдѣлается мужикъ грамотнымъ и сдѣлается или плутомъ, или погибнетъ самъ отъ пьянства съ горя...

— Да что съ вами сегодня?—невесело улыбнулась Лизавета Николаевна.—Образованіе должно дѣлать плутовъ или пьяницъ!

— Не должно, но дѣлаетъ,—это неотразимый фактъ. Взгляните у насъ въ Привольѣ, да и гдѣ угодно: что грамотный, то плутъ. Они всѣ хоть и считаются зажиточными, остаются въ сущности бѣдняками, и потому считаютъ, должны считать позволительнымъ каждое средство для пріобрѣтенія денегъ. Грамотность даетъ имъ одно изъ средствъ обманывать неграмотныхъ простяковъ, ну, они и обманываютъ. Это изворотливыя натуры. Но есть и въ народѣ идеалисты, непрактическіе люди, самородки честности, эти не воспользуются грамотой и образованіемъ, какъ средствомъ для плутовства и мошенничества. Но образованіе приподнимаетъ передъ ними такъ или иначе хоть кончикъ завѣсы, за которою таится иная, лучшая жизнь, и они дѣлаются еще болѣе несчастными, еще болѣе недовольными своею жизнью. Но выйти изъ нея у нихъ нѣтъ ни силъ, ни средствъ, и вотъ они пьянствуютъ съ горя...

Лизавета Николаевна чуяла во всемъ этомъ какую-то ложь, но у нея не было средствъ обличить Михаила Александровича въ подтасовкѣ картъ.

— Но все же образованіе, какое бы зло оно ни прино-

Digitized by Google

сило, можетъ уничтожить, въ концѣ концовъ, нищету,— замѣтила она.

— Не думаю. Въ Пруссіи почти весь народъ грамотный, а нищета все та же и даже еще хуже. Фабричные во Франціи тоже большею частію грамотны,—но это самые бѣдные изъ бѣдныхъ людей.

— Не знаю, правда ли все это, что вы говорите,—замѣтила Лизавета Николаевна, которой становилась тяжела эта неспособность къ серьезному спору. — Можетъ-быть, если бы я больше знала, я сумѣла бы возразить вамъ. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, если вы и правду говорите, то это только правда относительно настоящаго времени...

— То-есть какъ это? Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Да такъ, что теперь худо людямъ, покуда они не всѣ образованы, но когда будутъ всѣ образованы, то никто не будетъ имѣть больше средствъ, чѣмъ другіе, для надуванья другъ друга. Что теперь и грамотнымъ фабричнымъ худо живется, это правда, но они добьются чего-нибудь и устроятъ свою жизнь какъ-нибудь иначе.

— Вотъ эта-то вѣра ваша и приводитъ меня въ зависть,— разсмѣялся Михаилъ Александровичъ. — Устроятъ свою жизнь какъ-нибудь иначе, добьются чего-нибудь! Тысячи лѣтъ устраиваютъ они свою жизнь, добиваются чего-нибудь лучшаго и ничего не могутъ подѣлать. Сперва были на Западѣ рабы de jure и de facto; теперь de jure—они свободны, но de facto—тѣ же рабы. Это улучшеніе такого рода, какъ если бы узникъ сперва носилъ названіе преступника, а потомъ получилъ бы названіе невиннаго, но попрежнему содержался бы въ цѣпяхъ и въ тюрьмѣ. Сперва ихъ держали въ рабствѣ физическою силою, теперь имъ дали свободу; но только за тѣмъ, чтобы они сами покорно сдѣлались рабами капитала... Все та же роковая необходимость... Много создавалось системъ и теорій для счастія человѣчества, но всѣ онѣ были только системами и теоріями и распадались прахомъ при первомъ практическомъ примѣненіи. И что же тутъ мудренаго? Теорія, можетъ-быть, совершенно вѣрна, какъ теорія, но гдѣ ее нужно примѣнить къ дѣлу? Среди испорченныхъ вѣками людей, зараженныхъ наслѣдственными пороками и предразсудками, привыкшихъ къ праздности или къ излишеству, къ рабству или властвованію... Одна теорія говоритъ: всякому по его потребностямъ, всякому по его трудамъ,—продолжалъ Задонскій, помолчавъ

Digitized by Google

минуту.—Но какъ уравняете вы плату? Самые неспособные люди будутъ въ выгодѣ, потому что ихъ потребности могутъ равняться съ потребностями способныхъ. Опять будутъ труженики и тунеядцы... Другая теорія говоритъ: всякому по его таланту, труду или капиталу. Прекрасно. Но у меня идіоты и нищіе родители, и я родился идіотомъ и нищимъ, силъ у меня мало на физическій трудъ, талантовъ нѣтъ, богатства тоже—и вотъ мнѣ не достается ничего. Вотъ вамъ опять нищіе и богачи. Говорятъ, что съ распространеніемъ богатства, съ развитіемъ науки, человѣческія способности будутъ нормальнѣе распредѣляться, что уродовъ и идіотовъ будетъ меньше. Согласенъ. Хотя я могу замѣтить, что тутъ множество неблагопріятныхъ и неустранимыхъ условій: расположеніе родителей въ минуту зачатія ребенка, впѣшнія обстоятельства, въ родѣ испуга, горя и тому подобнаго, случайное паденіе матери, все это вліяетъ на рождающагося человѣка, какъ какой-нибудь толчокъ на образованіе кристалловъ. Но, положимъ даже, что все это устранится: родители будутъ здоровы, женщины не будутъ пугаться и падать, и все пойдетъ прекрасно. А климатическія условія? Какъ вы избѣгнете того, чтобы житель крайняго Сѣвера былъ такимъ же пламеннымъ, чтобы онъ былъ такою же подвижною натурою, какъ итальянецъ? Но разъ будутъ существовать эти различія—и одинъ народъ непремѣнно будетъ преобладать надъ другимъ, а будетъ преобладаніе народовъ—будетъ и преобладаніе отдѣльныхъ личностей.

Лиза, стиснувъ губы, упорно молчала. Если бы тутъ были невинныя барышни, то онѣ, вѣрно, шепнули бы одна другой: «Что, теперь пришлось и ей язычокъ прикусить! Туда же съ умными людьми говорить хочетъ!» Но ихъ не было здѣсь, и Михаилъ Александровичъ, видя упорное желаніе своей собесѣдницы молчать, продолжалъ свою рѣчь:

— Но, если бы эти всѣ великія теоріи были даже примѣнимы къ практикѣ,—говорилъ онъ:—то имъ бы повредило уже одно то, что онѣ появляются только черезъ долгіе промежутки времени и потомъ замираютъ, уступая поле битвы враждебному лагерю. Оптимисты видятъ въ этомъ добрый знакъ, говорятъ, что это періодическое возникновеніе однѣхъ и тѣхъ же идей свидѣтельствуетъ о ихъ живучести и будущемъ торжествѣ. Это ошибка. Если эти теоріи и возникаютъ постоянно черезъ извѣстные періоды времени, то враждебныя имъ теоріи не замираютъ совсѣмъ и су-

Digitized by Google

ществуютъ безъ перерывовъ. Послѣднія входятъ въ жизнь свои идеи, покуда первыя бездѣйствуютъ, а когда первымъ приходитъ время ожить снова, тогда имъ нужно начинать свое дѣло съ начала, съ азбуки: онѣ не успѣютъ еще научить общество складамъ, когда враги снова отодвинутъ ихъ на задній планъ.... И что можетъ руководить общественнымъ прогрессомъ? Искусства, литература, промышленность... Но живопись производитъ тысячи мадоннъ, вакханокъ, батальныхъ картинъ, голенькихъ амуровъ и тому подобную дрянь, захламощая ею нѣсколько дѣйствительно полезныхъ по содержанію картинъ. И, къ несчастію, эти картины по исполненію самыя плохія, потому что додуматься до потрясающихъ и реальныхъ сюжетовъ можетъ только художникъ-голякъ, но имѣвшій, быть-можетъ, средствъ ни для хорошаго образованія, ни для покупки хорошихъ красокъ, ни для долгой обработки взятаго сюжета... Театръ развращаетъ балетомъ, портитъ смыслъ нелѣпымъ водевилемъ, вноситъ буржуазную, самодовольную мораль драмою и комедіей... Литература дошла до ремесла, выдумываетъ или небывалые ужасы для потрясенія притупленныхъ воловьихъ нервовъ сытаго мѣщанства, или кропаетъ фривольные стишки, или скандалезныя повѣсти для угожденія вкусамъ развращенной молодежи и ослабѣвшихъ старцевъ.. Наука находится въ рукахъ чиновныхъ профессоровъ, и ей выгодно бороться противъ новыхъ идей, она полагаетъ въ этомъ свою задачу, роется въ архивной пыли, разъясняетъ какія-нибудь древнія рукописи, считаетъ зубы какихъ-нибудь допотопныхъ звѣрей и предлагаетъ, какъ послѣднее средство спасенія, массѣ, не имѣющей за душой гроша, откладывать на черный день капиталъ или не жениться, чтобы не распложать нищихъ... Промышленность—это современный бичъ рабочихъ—почти вся пошла на производство и усовершенствованіе предметовъ роскоши, то-есть на поглощеніе у общества и безъ того скудныхъ матеріальныхъ средствъ... Съ такими помощниками плохо подвигаться впередъ; съ такими гигантами трудно бороться...

Эта смѣсь лжи и правды, нахватанныхъ знаній и полнѣйшаго отсутствія серьезнаго образованія въ промотавшемся кутилѣ страшно начала дѣйствовать на Лизу. Дѣвушка инстинктивно понимала, что во всѣхъ этихъ рѣчахъ кроется много неправды, что свѣтъ не можетъ быть такъ гадокъ, что положеніе людей не можетъ быть такъ безнадежно. Но что могла она возражать? Она ничего не знала

Digitized by Google

Каждая ея мысль опровергалась имъ съ такою твердою самонадѣянностью, что ей приходилось только молчать и слушать. Она могла сердиться на этого человѣка за его стремленіе убить всѣ ея надежды, или жалѣть его, какъ существо, утратившее свѣтлые взгляды на жизнь. Онъ говорилъ такъ горячо, такъ искренно увлекался, что сердиться на него было невозможно. «Развѣ онъ виноватъ, что жизнь сгубила въ немъ вѣру во все доброе? Нѣтъ, онъ просто несчастный человѣкъ, его надо жалѣть, его надо ободрять», думалось Лизаветѣ Николаевнѣ. Да, такая роль и свойственна болѣе всего деревенской барышнѣ-простушкѣ, хотя и бойкой, и веселой, но, тѣмъ не менѣе, чувствительной и мягкой. Недаромъ же работали ея чувства въ теченіе стольких лѣтъ умственной спячки, почти не нарушаемой никакими вопросами, никакими событіями, никакими дѣльными книгами.

— Вы, должно-быть, страшно страдаете,—замѣтила Лиза послѣ долгихъ изліяній Михаила Александровича.—Я, кажется, не пережила бы и дня, если бы исчезли моя веселость, мой свѣтлый взглядъ на будущее, моя любовь къ людямъ.

— Да, для свѣжаго человѣка потеря вѣры въ людей, въ возможность честнаго дѣла—истинное страданіе, невыносимое, убивающее страданіе,—отвѣтилъ онъ задумчивымъ тономъ и тутъ же прибавилъ съ горькой ироніей:—ну, а для меня прошли и эти годы. Я теперь не страдаю. Я вижу, что люди гадки, вижу, что каждое честное дѣло только свѣтлая мечта неопытнаго идеалиста, погибающая при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью,—вижу и не страдаю. Для меня насталъ холодъ трезвости.

Это было очень чувствительно.

— Что же это, смерть заживо?—спросила Лиза.—Жить и ни во что не вѣрить. Не вѣрить ни во что и не чувствовать отъ этого страданія. Нѣтъ, это хуже страданія, это какой-то тупой ужасъ передъ жизнью,—невольно вздрогнувъ, проговорила она.—Знаете ли,—продолжала она въ раздумьи:—я сравнивала это съ положеніемъ похороненнаго заживо человѣка, и это такъ! Правда, онъ можетъ думать, что его крики не помогутъ среди могилъ, онъ можетъ думать, что всѣ его стремленія, радости и надежды должно отложить въ сторону, что теперь ему остается задыхаться и разрушаться; онъ не борется, покоряется своей участи, но вѣдь онъ страдаетъ, страшно страдаетъ!.. Нѣтъ, пусть

Digitized by Google

онъ кричитъ, пусть бьется, кто-нибудь, можетъ-быть, зайдетъ случайно на кладбище, кто-нибудь, можетъ-быть, спасетъ его, кто-нибудь, можетъ-быть, докажетъ ему, что, покуда въ человѣкѣ есть жизнь, бьется хоть одна жилка, онъ долженъ надѣяться!

Молоденькая дѣвушка говорила горячо и съ полной искренностью. Ея лицо и глаза горѣли отъ невольнаго увлеченья. Задонскій задумчиво слѣдилъ за выраженіемъ этого оживленнаго, дѣтскаго лица, и что-то знойное пробѣжало по его тѣлу. Впервые, послѣ десятилѣтняго холоднаго разврата, на него пахнуло свѣжею страстью и смѣлостью, на какую способна только неопытность, еще и не подозрѣвающая никакихъ опасностей въ жизни.

— Да, если бъ въ жизни часто попадались и спасали заживо похороненныхъ людей такія страстныя спасительницы, какъ вы,—проговорилъ онъ и тихо, но крѣпко и медленно пожалъ руку молодой дѣвушки.

Въ его глазахъ блеснулъ какой-то зловѣщій, непріятный огонекъ. Такой, на мгновенье вспыхивающій огонь можно подмѣтить въ глазахъ неподвижно сидящей кошки, завидѣвшей мышь: она присмирѣла, она не пошевельнетъ ни однимъ членомъ, она выражаетъ собою олицетворенную невинность, но вотъ мышь сдѣлала одно неосторожное движеніе, и вдругъ въ кроткихъ кошачьихъ глазахъ, какъ электрическая искра, быстро сверкнулъ и сразу потухъ зловѣщій огонекъ, хитрая тварь снова спокойно и какъ-то дремотно сидитъ и почти не слѣдитъ за своею жертвою.

Богъ знаетъ, подмѣтила ли Лизавета Николаевна этотъ зловѣщій огонекъ въ глазахъ своего собесѣдника, просто ли испугалась слишкомъ крѣпкаго пожатія руки, но она вся вздрогнула и инстинктивно отняла свою руку. Это невольное и безотчетное движеніе не ускользнуло отъ опытнаго наблюдателя, и онъ воспользовался этимъ движеніемъ, какъ воспользовался бы и всякимъ другимъ движеніемъ въ свою пользу и для своихъ цѣлей.

— Видите ли, страстныя-то спасительницы всегда готовы отдернуть руку, если ее возьмутъ даже не для своего спасенія, а просто для теплаго пожатія, подобные мнѣ, заживо похороненные, люди,—иронически проговорилъ онъ.—Все дѣло въ томъ, Лизавета Николаевна, что разныя спасенія и геройскіе подвиги хороши только на словахъ, а на дѣлѣ бываетъ иначе. Иная филантропка только и мечтаетъ объ этихъ несчастненькихъ нищенкахъ, бѣдненькихъ падшихъ

Digitized by Google

дѣвушкахъ и о помощи имъ. А приведите ее въ ихъ притоны, покажите ей этихъ зараженныхъ и испорченныхъ—и нравственно, и физически,—созданій; дайте время имъ, привыкшимъ къ обману и воровству, разъ или два обмануть свою благодѣтельницу, и вы увидите, что вчерашняя платоническая любовница погибающаго человѣчества превратится въ его неумолимаго врага... Все мечты!.. Вотъ потому-то нѣтъ спасенья и такимъ людямъ, какъ я. Многіе будутъ, подобно вамъ, говорить мнѣ успокоительныя фразы, а подойдешь къ нимъ поближе, сейчасъ же отойдутъ на благородную дистанцію: «ахъ, что это вы! вамъ надо спастись, только мы не рѣшимся спасать васъ»... Да и на что? Проживемъ и такъ!

Михаилъ Александровичъ бойко встряхнулъ головой.

— Да что мы похоронные разговоры ведемъ?— неожиданно произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, смѣясь удушливымъ смѣхомъ. — Музыки, пѣсенъ, и будемъ веселиться, смѣяться!

Онъ быстро сѣлъ къ роялю и заигралъ одну изъ удалыхъ русскихъ пѣсенъ.

Лизавета Николаевна, опустивъ на колѣни руки и склонивъ на грудь голову, сидѣла въ какомъ-то чаду. Она сама не знала, почему ея сердце замерло, почему ей стало какъ-то жутко. Ей казалось, что ее вызываетъ на какую-то борьбу человѣкъ, обладающій вдвое большими силами, чѣмъ ея силы. Ей хотѣлось бѣжать отъ этого человѣка, бѣжать далеко и навсегда. Михаилъ Александровичъ еще игралъ, когда она встала и тихо прошла въ кабинетъ графини.

— Я уѣзжаю,—проговорила она въ смущеніи.

Графиня взглянула на нее ласковымъ взглядомъ и удивилась блѣдности ея лица.

— Вы больны, дитя?—спросила она.

— Нѣтъ, но мнѣ нужно побывать дома,—отвѣтила Баскакова.—Съ дѣтьми заняться нужно...

— Но вѣдь вы всегда даете имъ каникулы въ эту пору вмѣсто лѣта, когда они учатся съ Борисоглѣбскимъ?—возразила удивленная графиня.

Лизавета Николаевна смутилась.

— Нынче надо заняться... Да, сверхъ того, мнѣ хотѣлось бы взглянуть на своихъ.

— А, да, это естественно... Съѣздите. Но я беру съ васъ слово, что вы дня черезъ два вернетесь... Теперь у насъ такъ хорошо...

Digitized by Google

Графиня поцѣловала Лизавету Николаевну и позвонила.

— Лизавета Николаевна ѣдетъ домой, заложите экипажъ,—проговорила она лакею.

Тотъ молча поклонился и вышелъ почти въ одно время съ молодою дѣвушкою. Графиня снова принялась за письма...

Михаилъ Александровичъ просидѣлъ довольно долго въ гостиной, потомъ походилъ по комнатѣ и, наконецъ, не дождавшись возвращенія Лизы, пошелъ въ свой кабинетъ. Его лицо было какъ-то самодовольно, въ головѣ мелькала мысль, что Лиза удивительно мила, и что его слова произвели на нее впечатлѣніе. Проходя мимо одного изъ слугъ, онъ небрежно спросилъ:

— Лизавета Николаевна у графини?

— Никакъ нѣтъ-съ. Изволили домой уѣхать,—отвѣтилъ лакей.

Михаилъ Александровичъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на лакея, постоялъ передъ нимъ съ минуту, потомъ быстро прошелъ въ свой кабинетъ, вѣроятно, что-нибудь сообразивъ. Онъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа.

— Бѣгутъ—значитъ боятся; боятся—значитъ есть причины для страха,—разсуждалъ онъ мысленно.—А вѣдь, право, это первая дѣвушка, которая можетъ серьезно увлечь меня. Чортъ знаетъ, какая смѣлость, какая искренность въ каждомъ ея движеніи!

Черезъ полчаса, попробовавъ полежать и почитать, онъ взялъ фуражку и отправился на постоялый дворъ къ Марьѣ Мироновой.

Лиза, между тѣмъ, пріѣхала домой.

— Ну, мало мелюзги, такъ на! еще и большая нахлѣбница пріѣхала,—встрѣтила Лизавету Николаевну ея мать.—Мѣста, что ли, недостало для тебя у графини-то? Ты бы хоть одно то подумала, что мнѣ теперь одинъ отецъ твой всю жизнь отравитъ... У меня постройка, у меня дѣти, а тутъ еще этотъ пьяница глаза мозолитъ!..

— Отецъ дома,—обрадовалась Лиза.

— Дома! Чему радуешься!—раздражительно замѣтила мать.—Обтрепался, по гостямъ шляясь; домой откармливаться пріѣхалъ...

Лизавета Николаевна молча прошла въ дѣтскую, гдѣ обыкновенно помѣщался ея отецъ во время своего пребыванія дома. Онъ былъ, дѣйствительно, какъ-то помятъ, по-прежнему плоско шутилъ, тянулъ по рюмочкѣ водку, возился съ дѣтьми, забавляя ихъ нелѣпыми играми, и жало-

Digitized by Google

калсл на жену. Этотъ разоренный домъ, грязь, хламъ, оборванныя и грязныя дѣти, отецъ въ шутовской роли, мать съ вѣчною бранью на языкѣ вдругъ обдали, какъ холодною водою, Лизавету Николаевну, послѣ блеска и мира въ прикольскомъ дворцѣ. Кажется, она была готова въ омутъ броситься, такъ ей опостылѣлъ этотъ домашній адъ.

— Ну, а что Михаилъ Александровичъ подѣлываетъ? Здоровъ ли? — разспрашивала у нея мать за вечернимъ чаемъ.

— Что ему дѣлается!—серьезно проговорила дочь.

— Фыркаешь-то ты съ чего? А?—спросила мать.

Лизавета Николаевна промолчала.

— Вы ужъ не съ нимъ ли повздорили, барышня?—съ укоризною и насмѣшливостью замѣтила мать.

— Изъ-за чего мнѣ съ нимъ ссориться?

— Да кто васъ знаетъ! Всѣ вы у меня какіе-то тальные, да верченые,—проговорила Дарья Власьевна, указывая на ребятъ.—А ты помни, что тебѣ восемнадцать стукнуло, что ты у меня седьмая, а достатковъ у насъ нѣтъ. Просидишь въ дѣвкахъ,—подъ старость по-міру напляшешься, гдѣ-нибудь на дорогѣ съ голоду издохнешь. Братья тебѣ не кормильцы, сами угодятъ на каторгу.

Лизавета Николаевна нахмурилась.

— Полноте вы глупости-то говорить.—сказала она.—Ну, можетъ ли онъ на мнѣ жениться?.. Коли и полюбитъ, такъ поиграетъ, обманетъ и броситъ.

— Ну, матушка, за обманы-то и къ суду притягиваютъ!

Лиза съ негодованіемъ отвернулась въ сторону и промолчала.

Черезъ три дня графиня прислала за ней экипажъ. Не минуты не думая, холодная дѣвушка написала къ Серпуховской письмо, гдѣ отговаривалась отъ поѣздки въ Привольe неожиданнымъ пріѣздомъ своего отца.

— Да ты съ ума сошла, что ли? — кричала мать. — Да ты какъ смѣла не поѣхать, когда тебя благодѣтельница наша зоветъ?

— Не поѣхала, значитъ, надо не ѣхать,—отрывисто отвѣтила Лиза.

— Ну, матушка, я терплю-терплю, да когда-нибудь и лопнетъ терпѣніе. Вы всѣ отъ рукъ отбились, такъ я васъ опять къ рукамъ приберу!

Раздраженная дочерью, Дарья Власьевна бушевала весь

Digitized by Google

день и поколотила одну изъ служанокъ. Та убѣжала съ жалобой на барыню.

— Ну, опять дѣло затѣялось! Раскошелится наша Дарья Власьевна,—хохоталъ Николай Николаевичъ.—Ишь, руки-то старыя, помѣщичьи остались и удержу имъ нѣтъ.

Лиза сердито насупила брови.

— Чего ты радуешься?—проговорила она.—Удержать ее не можешь.

— Мамочка, да я самъ радъ, что меня не бьютъ,—жалобно отвѣтилъ отецъ.—Мнѣ самому скоро мѣста не будетъ. Дома, что въ аду, а бѣжать некуда. Куда ни пріѣдешь, вездѣ косятся, всѣ дуются, со всѣми мать въ ссорѣ... Да ты-то что у меня нынче такая скучная?

— Тебѣ-то что до моего горя?—спросила строптивымъ тономъ дочь.—Поможешь ты мнѣ? Научишь ты меня чему-нибудь?.. Самого-то тебя только безрукій не бьетъ...

— Маточка, и ты-то меня обижаешь!—со вздохомъ произнесъ отецъ, успѣвшій пропустить лишнюю чарку водки.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ руку дочери.

Дочь отвернулась въ сторону. Ей было жаль отца и въ то же время ей было гадко, ее сердило его безсиліе... Для нея прошла еще недѣля, тяжелая, полная домашнихъ дрязгъ и непріятностей. Послѣ каждой изъ грязныхъ сценъ семейнаго раздора Лиза хмурилась и невольно приходило ей въ голову:

— Да зачѣмъ я здѣсь живу, зачѣмъ терплю эту муку? Гостила бы у графини, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть не видала бы, что за жизнь идетъ дома, сердце бы не болѣло. Такъ нѣтъ, Михаила Александровича испугалась! И чего было бояться его? Ну, любитъ онъ меня, такъ была бы и сама счастлива, и его осчастливила бы. Повеселѣлъ бы онъ со мною. Недаромъ у меня характеръ веселый, да живой. «Вашего смѣха на двоихъ станетъ», говаривала мнѣ Маша... Да, станетъ!.. А если онъ обманулъ бы? Ну, такъ что жъ? Хоть день пожила бы счастливо, хоть разъ пожила бы на волѣ; а бросилъ бы, такъ хуже не стало бы, чѣмъ теперь... Да если бы и хуже стало, ну, руки бы на себя наложила. Терпѣть бы не стала... Недаромъ же мать меня верченой, да шальною зоветъ!.. Вотъ вѣдь домовыхъ не боюсь, въ лѣсъ одна хожу, разъ побилась объ закладъ съ Машей, что по кладбищу ночью пройду, и прошла, а человѣка испугалась!

Не давали покою Лизѣ эти мысли, но она настойчиво

Digitized by Google

гнала ихъ прочь, не сознавая, почему она ихъ гонитъ. Однажды ей было очень тяжело, когда неожиданно къ ихъ дому подъѣхалъ кабріолетъ Михаила Александровича.

Хозяйка, по обыкновенію, засуетилась передъ гостемъ и поспѣшила сказать:

— Извините, мнѣ по хозяйству надо! Вы ужъ съ Лизой переговорите!

Задонскій молча поклонился. Дарья Власьевна скрылась, думая про себя: «Они побранились, они помирятся. Оно лучше, послѣ ссоры-то милѣе другъ другу будутъ!»

— Извините меня, Лизавета Николаевна,—началъ вѣжливымъ тономъ гость, державшій себя какъ-то сдержанно и холодно:—вы уѣхали отъ насъ вслѣдствіе неосторожныхъ фразъ съ моей стороны. Я поступилъ опрометчиво. Я самъ очень хорошо знаю, что мнѣ не слѣдуетъ искать вашего участія, вашего сочувствія. Я для этого слишкомъ изломанъ, слишкомъ испорченъ жизнью.

Лизавета Николаевна, дослушавъ эти жалостныя, упорно произнесенныя фразы, подняла на Михаила Александровича свои большіе, откровенные глаза: они были полны слезъ и словно молили о пощадѣ. Михаилъ Александровичъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого скорбнаго выраженія лица своей собесѣдницы.

— Что же вамъ надо отъ меня?—спросила она такимъ спокойнымъ тономъ, который былъ какъ-то потрясающимъ своею безнадежностью.

— Я пріѣхалъ по порученію тетушки, она проситъ васъ къ себѣ,—холодно и вѣжливо отвѣтилъ Задонскій.

— Я сейчасъ напишу ей нѣсколько словъ.

Лизавета Николаевна вошла къ себѣ въ комнату и сѣла писать письмо. Ея руки дрожали. На бумагу падали рѣдкія, крупныя слезы. Лизаветѣ Николаевнѣ казалось, что стоитъ сдѣлать еще одно усиліе, написать еще нѣсколько словъ—и побѣда надъ собою будетъ окончена. И въ то же время въ головѣ дѣвушки невольно возникали смутные вопросы: «Да для чего эта борьба? Кто выиграетъ отъ этой побѣды? Не будетъ ли жизнь еще тяжелѣе?». Письмо писалось медленно...

— Ну, что же ты копаешься? Долго ли тебя ждать-то будутъ?— крикнула мать, входя въ ея комнату и дергая ее за рукавъ.

— Сейчасъ, только письмо допишу,— отвѣчала дочь, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

Digitized by Google

Ея думы мгновенно разсѣялись, и ей сразу вспомнился весь отвратительный семейный бытъ въ родномъ домѣ.

— Къ кому это?—спросила мать про письмо.

— Къ графинѣ...

— Да ты не думаешь ли опять по ѣхать?

— Да, но ѣду...

— Что-о! Да какъ ты смѣешь? Да ты знаешь ли, что я тебя веревками стану туда!

Въ комнатѣ поднялась буря.

Лиза, блѣдная, гнѣвная, поднялась во весь ростъ и остановилась передъ Дарьей Власьевной. Она злобно скомкала письмо и швырнула его въ лицо матери.

— Вотъ такъ, можетъ-быть, меня скомкаютъ!.. Я этого не хотѣла, вы настаивали... Я хоть минуту, да буду счастлива, а вы весь вѣкъ плакаться будете,—задыхаясь, проговорила она и, оттолкнувъ мать, съ бойкимъ и рѣшительнымъ видомъ вышла изъ комнаты...

Черезъ минуту, по дорогѣ къ Приволью, несся щегольской кабріолетъ; въ немъ сидѣли Михаилъ Александровичъ и Лизавета Николаевна. Навстрѣчу имъ попался управляющій графини на бѣговыхъ дрожкахъ и пристально посмотрѣлъ на весело разговаривавшихъ молодыхъ людей.

— Вотъ пойдетъ разсказывать своимъ ангельчикамъ, что я ѣзжу съ вами одна,—разсмѣялась Лиза.

— Это васъ смущаетъ?—спросилъ Михаилъ Александровичъ довольно холодно.

— Я теперь ничего не боюсь!—бойко отвѣтила она.— Да и чего бояться? Вѣдь всѣ не лучше насъ! Они про насъ говорить станутъ, а мы про нихъ,—засмѣялась она.

Михаилъ Александровичъ зорко посмотрѣлъ на свою разгорѣвшуюся спутницу, и въ его головѣ промелькнула мысль, что эта дѣвушка принадлежитъ теперь ему всецѣло...

IV.

Задонскій не ошибся въ своихъ расчетахъ: молодая дѣвушка отдалась ему всецѣло.

Да какъ можно было и ошибиться-то? На дворѣ стояла теплая, чудесная весна. Рѣка изломала послѣдніе остатки своихъ ледяныхъ оковъ и широко и свободно разлилась, какъ море, по окрестнымъ полямъ, сверкая своими волнами подъ яркими лучами солнца въ знойные дни и подъ кроткимъ свѣтомъ луны въ бѣлыя, прозрачныя ночи. Въ лѣсу и въ саду слышится оживленный и веселый шумъ; изрѣдка

Digitized by Google

гдѣ-то соловей начинаетъ пощелкивать. Народъ въ движеніи, повыползъ изъ своихъ норъ и трущобъ; на берегу и въ поляхъ закипаетъ работа; вездѣ голоса слышатся тревожные, и звуки какъ-то рѣзко несутся въ чистомъ воздухѣ. Жизнь и дѣятельность разлиты повсюду; этотъ шумъ словно опьяняетъ человѣка, не нашедшаго себѣ ни опредѣленнаго труда, ни опредѣленной цѣли, не знающаго, гдѣ ему искать счастья. А молодая кровь кипитъ и принуждаетъ броситься на какой-нибудь путь тревожной жизни; если нѣтъ впереди никакихъ, болѣе широкихъ и смѣлыхъ, задачъ, если нѣтъ въ будущемъ иного идеала счастья, молодость проситъ хотя личной любви, наслажденія вдвоемъ. А тутъ, подъ ухомъ нѣжныя, вкрадчивыя рѣчи слышатся; вспоминается безъ любви, безъ покоя проведенное прошлое; настойчиво отгоняются всѣ опасенія за будущее; является безшабашная отвага, и человѣкъ ловитъ мгновенье страстнаго порыва. Лизавета Николаевна находилась именно въ этомъ положеніи. Ее давила и возмущала домашняя грязная жизнь, гдѣ сердце не находило ни ласки, ни покоя и вѣчно ныло и болѣло отъ брани и возмутительныхъ сценъ. Молодая дѣвушка чувствовала потребность вырваться изъ этого омута, но не знала, куда и зачѣмъ. У нея не было составлено никакого идеала лучшей жизни, хотя ее и давила та жизнь, которую вела она. Трудъ самъ по себѣ не манилъ ее, да она и не знала, за что бы могла она приняться. Первыя горячія слова страстной любви, сказанныя ей, первая возможность спасти отъ отчаянья, отъ гнетущихъ мыслей, отъ пороковъ одного изъ ближнихъ, возможность, пробудившая въ головѣ молодой дѣвушки радужныя грёзы, вдругъ открыли ей какой-то еще смутный, но привлекательный міръ счастья. Съ инстинктивной дѣвической боязнью она то вѣрила, то не вѣрила словамъ этимъ словамъ и грёзамъ, и съ невольнымъ трепетомъ сознавала, что она заходитъ все дальше и дальше по этому пути. Иногда ей хотѣлось бѣжать, но куда и зачѣмъ?—домой, на прежнюю муку?.. Не та ли же это гибель? Искать счастья на другомъ пути? Но кто объяснитъ ей, что это за счастье, къ которому инстинктивно стремится человѣчество, и гдѣ путь къ этому таинственному счастью?..

— Не обманите меня!—говорила она Задонскому, когда онъ рисовалъ передъ ней картины ихъ будущей свѣтлой жизни, и эти слова звучали мучительной боязнью.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца продолжалось полное счастье

Digitized by Google

Лизы. Она съ непонятной удалью, съ полнымъ самозабвеніемъ пошла по новому пути, разъ поверивъ Михаилу Александровичу. «Хоть день, да мой!» думалось ей, и мысли о будущемъ упорно отгонялись прочь. Она—то рѣзвилась, какъ пригрѣтый солнцемъ котенокъ; то вдругъ дѣлалась серьезной, говорила, что Михаилъ Александровичъ долженъ служить, долженъ работать, что она составитъ его счастіе въ часы его отдыха отъ трудовъ; то внезапно для нея наступали минуты раздумья, и она съ болѣзненной проніей говорила Задонскому, что она знаетъ, какъ скоро онъ ее забудетъ и броситъ, но что ей все равно, что и безъ того пришлось бы погибнуть дома, что она сумѣетъ и умереть. Иногда она при людяхъ прикидывалась холодной, даже подтрунивала надъ Михаиломъ Александровичемъ и относилась къ нему чуть не съ пренебреженіемъ, иногда ей приходила въ голову мысль гулять и кататься съ нимъ вдвоемъ по берегу рѣки, гдѣ сновалъ народъ, гдѣ всѣ обращали на нее вниманіе, и она хохотала и говорила: «Пусть смотрятъ!» Это было что-то лихорадочное, что-то ненормальное.

— Ты нездорова?—говорилъ ей Задонскій.

— Что-жъ, этого надо было ожидать! — отвѣчала она, и вдругъ ея веселость пропадала, она со страхомъ и трепетомъ заглядывала въ неотразимо приближавшееся будущее.

А потомъ опять встряхнетъ бойкой головкой и смѣло глядитъ на Задонскаго.

— Ну, что будетъ, то будетъ!—говоритъ она.—Только ты не бросай меня.

Михаилъ Александровичъ если не былъ дѣтски счастливъ, то былъ доволенъ новымъ развлеченіемъ. Въ первое время онъ даже забылъ начатую имъ интрижку на постояломъ дворѣ и очень серьезно смотрѣлъ на свои отношенія къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Но чѣмъ болѣе проходило дней, чѣмъ чаще волновалась Лизавета Николаевна за неотразимое «будущее», тѣмъ тревожнѣе сталъ смотрѣть на свои отношенія къ ней, тѣмъ чаще сталъ уходить на постоялый дворъ Задонскій. «Забыться хочется!» думалось ему. «Не умѣю я разъяснить это дѣло теткѣ, а надо. Не губить же эту дѣвушку! Это будетъ подло! Да и для чего? Я ее люблю, я могу быть счастливымъ съ нею. Отъ нея свѣжестью вѣетъ, это не то, что наши пансіонерки, пріучившіяся къ платоническому разврату даже въ пансіонѣ. Одинъ ея поцѣлуй говоритъ, что она любитъ впервые, что она даже не

Digitized by Google

играла въ любовь съ какой-нибудь сентиментальной подругой. Но что тетка скажетъ? Чортъ возьми, не могъ всего обдумать и подготовить прежде. Поиграть съ огнемъ вздумалъ. Это вѣдь не одна изъ петербургскихъ барышень, тѣмъ только глазки сдѣлать, а онѣ тебѣ сейчасъ: «Ахъ, спросите у маменьки, можетъ-быть, она отдастъ вамъ мою руку!» Все законнымъ бракомъ хотятъ насладиться. Но съ теткой, съ теткой-то какъ объясниться?»

Дѣйствительно, вопросъ былъ важный: что скажетъ тетка? Графиня, какъ мы сказали, не любила сплетенъ, не любила указаній и наставленій; она знала свою проницательность, свое умѣнье понять все, что дѣлается кругомъ нея, потому никто не смѣлъ указать ей на отношенія Лизаветы Николаевны и Задонскаго. Довольно долго она не замѣчала ничего, попрежнему удерживала Лизу въ своемъ дворцѣ, иногда поручая ей вечеромъ почитать вслухъ какую-нибудь нравственную книгу, иногда приглашая ее съ собою покататься, и забавлялась ея болтовнею. Но нѣсколько фразъ въ родѣ того, что «Михаилъ Александровичъ вспомнилъ старину и все съ Лизаветой Николаевной гуляетъ», что «Лизавета Николаевна удивительно развилась и бойка сдѣлалась въ послѣднее время», фразъ, сказанныхъ мелькомъ, невзначай, съ выраженіемъ отеческой любви къ молодымъ людямъ, заставили дальновидную графиню посерьезнѣе взглянуть на дѣло и предупредить заранѣе племянника, чтобы онъ не увлекся.

— Мишель, тебѣ, дѣйствительно, недурно бы съѣздить за границу, ты засидишься здѣсь въ глуши, — говорила однажды тетка Задонскому, зашедшему къ ней въ кабинетъ.

— Мнѣ здѣсь не скучно,—возразилъ Михаилъ Александровичъ.

— Ну, скучно-то—скучно. Я сама соскучилась бы здѣсь безъ дѣла... Но твои обстоятельства, кажется, немного разстроены? Можетъ-быть, это причина...

— Да, мои денежныя средства находятся не въ блестящемъ положеніи.

Графиня вздохнула.

— Ты весь въ мать и дядю Алексѣя... Я ихъ не обвиняю... Теперь поздно обвинять ихъ; мы можемъ только молиться за прощеніе ихъ ошибокъ... Но я не могу не замѣтить, что они также запутали безъ всякаго смысла свои дѣла... И до чего ихъ довели стѣсненныя обстоятельства?.. Не сыну стану я напоминать, какъ кончила свою жизнь

Digitized by Google

его матъ,—но возьмемъ дядю Алексѣя. Онъ домоталъ въ Парижѣ послѣднія деньги, чуть не попалъ за долги въ тюрьму; долженъ былъ прибѣгнуть къ милостынѣ—да, иначе я не могу назвать сбора, сдѣланнаго въ его пользу русскими, проживавшими въ Парижѣ,—потомъ онъ скитался по свѣту съ какой-то женщиной. Что это было—я не знаю; но, во всякомъ случаѣ, это было даже и не увлеченіе, а что-то позорное: онъ былъ безъ денегъ, она была стара... Я знаю, какъ страшно было его положеніе, какъ его грызла тоска, какъ ему хотѣлось выпутаться изъ опутавшихъ его сѣтей... И гдѣ онъ нашелъ спасеніе? Іезуиты, видя его умъ, его знанія, его ловкость, вырвали его душу изъ одной пропасти, чтобы погрузить его въ еще болѣе страшную бездну. Они обѣщали ему много и здѣсь, и въ будущемъ; онъ давно мучительно рвался къ чему-нибудь новому, хотѣлъ сразу покончить со всѣмъ прошлымъ, и вотъ онъ сталъ католикомъ, іезуитомъ, врагомъ нашей церкви, нашей родины...

Графиня замолчала въ скорбномъ раздумьи о судьбѣ брата Алексѣя, наклонивъ голову на руки. Черезъ минуту она заговорила снова:

— Да, человѣку нуженъ трудъ, нужна серьезная дѣятельность на пользу ближнихъ... Деньги должны быть только средствомъ къ этой дѣятельности... Иначе онѣ одно изъ самыхъ страшныхъ золъ... Нельзя вѣрнѣе погубить человѣка, какъ сдѣлавъ его богатымъ и не пріучить къ труду... Въ этомъ наказаніе богачей. За временныя блага они продали свою душу... Боже мой, какъ всѣ эти истины вѣрно и давно высказаны въ святомъ писаніи и какъ мало обращаютъ на нихъ вниманія эти умные безумцы—люди!—графиня снова задумалась о священномъ писаніи и о людяхъ.—Надо намъ будетъ выбрать свободное время и обсудить вопросъ о твоемъ будущемъ, — продолжала она черезъ минуту. — Кстати, ты слышалъ, мнѣ совѣтуютъ ѣхать на зиму въ Ниццу, или, по крайней мѣрѣ, въ Швейцарію?

— Да,—отвѣтилъ Задонскій, почтительно слушая тетку.

— Я не поѣхала бы. Ты знаешь, какъ я люблю нашу святую Москву, наше мирное Приволье, нашъ бѣдный, добрый народъ. Но, Боже мой, наша зима такъ убійственно дѣйствуетъ на меня, и докторъ опасается, что я не легко перенесу ее и, можетъ-быть, окончательно убью себя, если не подкрѣплюсь нынче за границей.

Графиня нахмурила брови и помолчала.

— Если бы я знала навѣрное, что все обойдется безъ

Digitized by Google

серьезныхъ послѣдствій, что опасность не большая, то, конечно, я не поѣхала бы. Но вѣдь можетъ случиться, что и дѣйствительно эта зима убьетъ меня. Что-жъ, это будетъ просто самоубійство, если я откажусь предупредить опасность во-время и умру... Грѣхъ не заботиться о ближнихъ, но грѣхъ забывать и свою жизнь, играть съ нею... Тѣмъ болѣе мнѣ нужно дорожить собою, что я надѣюсь еще принести посильную пользу ближнимъ...

Эти смиренные, христіанскіе взгляды на свою жизнь, посвященную служенію ближнимъ, уже три раза принуждали несчастную женщину рѣшаться на дорого-стоящія поѣздки за границу. При ея любви къ родинѣ, это было, дѣйствительно, тяжело для нея, и не вознаграждало ее даже то положеніе, въ которомъ она стояла за границей въ средѣ русскихъ «ницшардовъ». Тамъ она пользовалась почетомъ, какъ самая богатая, умнѣйшая и нравственнѣйшая русская женщина; около нея собирался кружокъ отставныхъ знаменитостей, хлопотавшихъ о постройкѣ за границею русскихъ церквей; руссофиловъ, толковавшихъ о народности, замышлявшихъ подавить въ Россіи западничество, составлявшихъ планы различныхъ миссіонерскихъ обществъ для борьбы съ католическими миссіонерами. Графиня становилась во главѣ ихъ, дѣлала сборы въ пользу промотавшихся за границей личностей, давала этимъ личностямъ высоконравственныя наставленія, даже устраивала русскія литературныя чтенія, на которыхъ, собравъ съ посѣтителей десяти- и двадцати-франковыя монеты, могла хозяйничать, какъ ей угодно, и говорить при всемъ обществѣ которому-нибудь изъ чтецовъ: «Ну, довольно, довольно, вы устали. Мы будемъ вамъ благодарны, если вы намъ прочтете теперь одно изъ ненапечатанныхъ стихотвореній графа Тугоуховскаго». Чтецъ прекращалъ начатое чтеніе и принимался за декламированіе ненапечатаннаго произведенія графа Тугоуховскаго— этого колкаго остряка былыхъ временъ, сердитаго за свою старость, порицателя всего молодого, грубаго обличителя современной Россіи, выражавшаго въ топорныхъ стихахъ, поддѣлываясь подъ мужицкую рѣчь, идеи крайняго обскурантизма. Послѣ чтенія ненапечатаннаго произведенія графа Тугоуховскаго, графиня вставала, любезно благодарила чтеца и удалялась, а люди, заплатившіе за свои мѣста, съ почтеніемъ уступали ей дорогу, и потомъ, такъ какъ чтеніе болѣе не продолжалось, также расходились, можетъ-быть, жалѣя, что заплатили даромъ деньги... Впрочемъ, за эти

Digitized by Google

деньги они имѣли счастіе посидѣть въ одной комнатѣ съ графиней... Но даже этотъ почетъ и уваженіе, конечно, не могли вознаградить графиню за разлуку съ милой для нея родиною.

— Я подумаю, можетъ-быть, мы поѣдемъ вмѣстѣ,—заговорила снова графиня, обращаясь къ племяннику. — Тебѣ тоже будетъ полезна эта поѣздка. Ты посмотришь на истинно-русскихъ людей, которымъ, при современномъ настроеніи нашего общества, не даютъ у насъ мѣста; ты серьезнѣе взглянешь на свои обязанности и, кромѣ того, разсѣешься... Да! кстати, я хотѣла тебѣ сказать насчетъ Лизы...

Задонскій весь превратился въ слухъ.

— Держи, пожалуйста, себя подальше отъ нея. Я знаю: васъ связываютъ воспоминанія дѣтства, вы все еще смотрите другъ на друга какъ дѣти, но она теперь въ такихъ лѣтахъ, что можетъ увлечься...

Михаилъ Александровичъ закусилъ губу и, сдѣлавъ усиліе надъ собой, шутливо замѣтилъ:

— Что же тутъ страшнаго, если увлечется? Она и сама можетъ вызвать увлеченіе.

Графиня строго посмотрѣла на племянника.

— Такими вещами не шутятъ! Увлеченіе, любовь должны имѣть послѣдствіями женитьбу. А я надѣюсь, что ты понимаешь невозможность своего брака съ ней.

— Отчего же?

— Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ,—серьезно произнесла тетка.—Ты знаешь, что есть предметы, о которыхъ я или не говорю совсѣмъ, или говорю съ благоговѣніемъ. Играть святыней я не привыкла и не умѣю.

Графиня стала раскладывать на столѣ письменныя принадлежности и дружески кивнула головой племяннику.

— Извини, дружокъ, мнѣ надо написать нѣсколько писемъ,—ласково сказала она и занялась своей безконечной перепиской.

Михаилъ Александровичъ понялъ, что оставаться въ кабинетѣ тетки было невозможно и не зачѣмъ. Онъ вышелъ отъ нея въ смущеніи и тревогѣ. Передъ нимъ были двѣ дороги: пойдешь по одной—разсердишь тетку, останешься чуть не нищимъ, будешь принужденъ жениться на нищей и попадешь за долги въ долговое отдѣленіе; пойдешь по другой—угодишь теткѣ, заплатишь долги и вольный, какъ птица, обманувъ бѣдную дѣвушку, съ комфортомъ проживешь нѣсколько мѣсяцевъ среди блестящаго общества за

Digitized by Google

границей. Задонскій не могъ рѣшиться ни на то, ни на другое, а между тѣмъ выбрать третью дорогу было не только трудно, но почти невозможно. Впервые онъ началъ мысленно проклинать и свое знакомство съ Лизой, и свое увлеченіе ею. «А что тутъ станешь дѣлать съ своею натурою, если не можешь пройти мимо подобнаго цвѣтка?» съ досадой топнулъ онъ ногою.

Раздраженный, проѣхавшись верхомъ, онъ пришелъ въ комнату, гдѣ сидѣла Лиза за роялемъ, и въ разсѣянности не отвѣтилъ на ея вопросъ: гдѣ онъ былъ? Лиза удивилась этому молчанію и взглянула на Задонскаго; онъ угрюмо ходилъ по комнатѣ, съ досадой похлопывая себя хлыстомъ ко ногѣ.

— Что съ тобой?—спросила она.

— Ничего!—раздражительно отвѣтилъ Задонскій.—Тетка сдѣлала намекъ, что ей было бы непріятно, если бы мы сблизились другъ съ другомъ.

— Ну, и Богъ съ ней! вѣдь мы ее въ долю не примемъ,—засмѣялась Лизавета Николаевна.

— Ее не примемъ, но намъ нужно принять въ долю ея деньги,—сердито проговорилъ Михаилъ Александровичъ.

— Э, Боже мой, мы и безъ нихъ проживемъ! Еще лучше будетъ...

— Да, дѣйствительно, лучше будетъ: ты здѣсь будешь у матери въ каторгѣ жить, а я буду въ столицѣ, въ долговомъ отдѣленіи сидѣть!

Лизавета Николаевна съ удивленіемъ обратилась лицомъ къ Задонскому, повернувъ свой стулъ спинкой къ роялю.

— Какъ такъ?.. Я тебя не понимаю...

— Да, вѣдь я долженъ, и много долженъ. Меня и изъ города выпустили только потому, что знали, какъ богата тетка...

— Я этого не знала...

— Мало ли ты чего не знала!

По лицу Лизы проскользнуло какое-то болѣзненное, тоскливое выраженіе.

— За что же ты на меня-то сердишься?.. Отъ этого легче не будетъ... Но какъ же ты бралъ въ долгъ, не имѣя средствъ отдать?

Михаилъ Александровичъ началъ снова первно и злобно стегать себя хлыстомъ по ногѣ.

— Какъ это я сошелся съ тобой, не зная навѣрное, можно ли будетъ жениться? Какъ это ты отдалась мнѣ,

Digitized by Google

зналъ, что мужчинѣ не слѣдуетъ отдаваться до свадьбы?— раздражительно говорилъ онъ съ насмѣшкой и упрекомъ въ голосѣ.

— Что же это, упреки?—поднялась съ мѣста Лиза, вся блѣдная и строгая.—Я тебя не стѣсняю...

Она, едва переступая, пошла прочь. Ее до глубины души оскорбили эти необдуманныя и нахальныя слова. Она еще не знала, какъ обращаются люди съ своими любовницами и женами. Она показалась Задонскому въ эту минуту вдвое прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ удержалъ ее.

— Полно, Лиза, что съ тобой! Я раздражился, а ты сейчасъ и бросаешь меня.

Михаилъ Александровичъ обнялъ за талію плачущую дѣвушку.

— Полно! Вотъ ты, малютка, какая! Я говорилъ, что спасать и прощать труднѣе на дѣлѣ, чѣмъ въ мечтахъ... Ну, разбрани меня, отведи душу, и конецъ весь!

— Что толку-то?—тихо и грустно прошептала Лиза.

Задонскій продолжалъ утѣшать ее. Мало-по-малу она немного поуспокоилась, и на ея лицѣ опять появился румянецъ и заиграла полугрустная улыбка. Лиза, попрежнему, начала строить различные планы насчетъ будущаго.

— Ты говоришь, что намъ безъ помощи тетки нельзя жить,—разсуждала она.—Но развѣ мы оба не молоды, не имѣемъ силъ? Ты еще служить можешь, я буду работать. Правда, мы будемъ бѣдны, мы будемъ тяжело пробивать свой путь, но зато, какъ сладко будетъ намъ сознавать, что мы пробили его сами, не кланяясь никому, не нуждаясь ни въ комъ.

— Дитя, дитя, мечты-то какія у тебя свѣтлыя!—ласкалъ ее Задонскій, какъ ребенка.—Только какъ это мы долги-то заплатимъ изъ своихъ трудовыхъ денегъ? Тутъ вѣдь тысячи отдать надо. И какую это работу возьметъ моя крошка? И что я могу дѣлать?

Лиза снова нахмурилась.

— Такъ ты думаешь, что и ты, и я, мы оба можемъ жить только на содержаніи у другихъ людей?

— Не на содержаніи, но, все-таки, на первое время намъ нужна посторонняя помощь.

— Ты также увѣренъ, что я не могу работать? — еще серьезнѣе допрашивала Лиза.

— Ну, конечно!.. Я знаю, что ты не привыкла къ труду, и не хочу дѣлать изъ тебя чернорабочей...

Digitized by Google

— Значитъ, все, что я постоянно говорила о будущей нашей жизни, о твоемъ честномъ трудѣ, о своей усиленной работѣ—ребячество?

— Мечты!

— Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ этого раньше? Зачѣмъ соглашался со мной прежде?

— Дитя, я такъ люблю, когда ты мечтаешь...

— Мы вѣдь, кажется, не въ куклы играемъ!

Лиза встала.

— Ты былъ правъ, говоря, что спасать людей трудно,— проговорила она.—Но, кажется, это не потому трудно, что у спасителей нѣтъ желанія помочь падшимъ, а потому, что падшіе не хотятъ сдѣлать ни одной попытки къ своему спасенію... Если ты будешь сидѣть на мѣстѣ, и все, что я предлагаю попробовать, будешь называть ребяческими мечтами, то, конечно, тутъ и толковать не о чемъ.

— Ты опять разсердилась!—сказалъ Задонскій.

— За что мнѣ сердиться? Мнѣ, просто, грустно,—проговорила Лиза.—Ты называешь ребяческими мои планы, но ты самъ не пробуешь составить болѣе зрѣлыхъ...

— Ошибаешься! Я надѣюсь, что тетка поможетъ мнѣ выпутаться изъ долговъ и дастъ мнѣ средства прожить первое время... Ну, а потомъ подумаю я о службѣ и о трудѣ, конечно, не о твоемъ; ты-то не можешь и не должна трудиться...

— Я за себя, вѣдь, и не прошу думать,—вскользь замѣтила Лиза.—Буду въ Петербургѣ, найду работу.

— Ну, не такъ-то скоро это дѣлается!

— Ахъ, оставь, пожалуйста, эти злыя пророчества!— строптиво произнесла Лиза.—Спасай только себя, а я или спасусь, или погибну, но, все-таки, о помощи не попрошу...

Она выглядѣла совсѣмъ серьезно. Ея лицо было очень энергично, и только въ стиснутыхъ губахъ было еще замѣтно что-то болѣзненное. Задонскій снова хотѣлъ обнять ея талію, она тихо высвободилась изъ его рукъ и пошла изъ комнаты.

— Ты сердишься!—упрекнулъ онъ ее.

— Неужели ты не понимаешь, что есть минуты, когда человѣкъ можетъ не сердиться, и, все-таки, ему совсѣмъ не до обниманій?—отвѣтила она на ходу и быстро вышла вонъ.

Вечеромъ въ этотъ же день и на слѣдующій день утромъ она была, повидимому, спокойна, хотя и не такъ оживлена, какъ во всѣ другіе дни. На нее очень сильно подѣйство-

Digitized by Google

вала вчерашняя сцена. До сихъ поръ Задонскій соглашался со всѣми планами Лизаветы Николаевны, какъ взрослые соглашаются съ дѣтскими фантазіями изъ желанія не заставлять дѣтей капризничать; теперь Михаилъ Александровичъ невольно открылъ молодой дѣвушкѣ свой настоящій взглядъ на дѣло, и этотъ взглядъ непріятно встревожилъ ее. Вначале ей показалось, что онъ смотритъ на нее, какъ на игрушку, что онъ дастъ ей роль своей спасительницы, какъ взрослые въ шутливой борьбѣ съ ребенкомъ поддаются ему и признаютъ его своимъ побѣдителемъ. Эта роль пробуждала въ молодой дѣвушкѣ не боль, но страхъ за свое будущее. Задонскій счелъ необходимымъ, при первомъ удобномъ случаѣ, еще разъ извиниться передъ нею. Она грустно улыбнулась.

— Что это ты, милый, извиняешься, какъ школьникъ!— говорила она. — Я и не думаю сердиться. Меня, просто, серьезныя мысли осаждаютъ... Справиться съ ними не могу сразу.

Вслѣдъ за этимъ Лиза поспѣшила перемѣнить разговоръ и начала черезъ силу смѣяться и подтрунивать надъ управительскими «ангелочками».

А управительскіе «ангелочки», эти наивныя и невинныя пансіонерки, уже давно все сильнѣе и сильнѣе косились на Лизу и какъ-то ухитрялись мгновенно вспыхивать краской стыдливости при встрѣчахъ съ нею. Онѣ старались уходить изъ дома графини тотчасъ послѣ обѣда, чтобы «не мѣшать Лизаветѣ Николаевнѣ и Михаилу Александровичу». Онѣ вскрикивали «ахъ!» при встрѣчѣ съ влюбленной парой въ саду и старались избѣгать этихъ встрѣчъ, хотя злая судьба, постоянно искушающая невинныхъ младенцевъ и праведниковъ, дѣлала именно такъ, что «ангелочки» вездѣ и всюду наталкивались на падшую дѣвушку и ея друга... А онѣ такъ боялись этихъ встрѣчъ! Но что вы подѣлаете противъ судьбы?.. На другой или на третій день послѣ непріятнаго объясненія двухъ молодыхъ людей, «ангелочки» хотѣли, по обыкновенію, уйти послѣ обѣда съ грустными и очаровательно-стыдливыми лицами, но Задонскій, боявшійся остаться въ этотъ день съ-глазу-на-глазъ съ Лизой, замѣтилъ имъ:

— Вы, вѣрно, какой-нибудь подарокъ папашѣ вышиваете, что постоянно такъ сильно спѣшите домой?

Ангелочки покраснѣли и засмѣялись.

— Нѣтъ... право, мы ничего не вышиваемъ... но...

Барышни конфузились все болѣе и болѣе. Задонскій съ

Digitized by Google

душѣ хохоталъ надъ ними и даже подумалъ: «а вѣдь вы преразвращенныя дѣвчонки!»

— Что же это за *но*?—допрашивалъ онъ.

— Мы здѣсь лишнія!—потупили онѣ глаза и зардѣлись до самыхъ ушей.

— Вы—лишнія?—съ комическимъ ужасомъ воскликнулъ Задонскій.—Помилуйте, мнѣ всегда такъ грустно, что вы пролетаете и скрываетесь, какъ весеннія бабочки.

Барышни еще болѣе смутились.

— Да... вамъ... но...—снова залепетали онѣ.

— Опять *но*! Боже мой, сколько у васъ этихъ *но*?—смѣялся Задонскій.

— Но, можетъ-быть, Лизаветѣ Николаевнѣ будетъ непріятно, если мы станемъ оставаться здѣсь, — застѣнчиво прошептали невинныя простушки.

— Помилуйте, я увѣренъ, что Лизавета Николаевна будетъ очень рада вашему присутствію здѣсь, — проговорилъ Задонскій.—Неправда ли, Лизавета Николаевна?—обратился онъ къ Лизѣ.

Она сидѣла у рояля и, нахмуривъ брови, разсматривала какія-то ноты. Это шутовство было ей непріятно. Казалось, она ожидала, что дѣло не кончится добромъ. При вопросѣ Задонскаго она какъ-то горько улыбнулась и неожиданно подняла свою голову, такъ что ея ясные и еще спокойные глаза прямо устремились на смущенныя лица двухъ невинныхъ дѣвицъ. Въ теченіе минуты Лиза не произносила ни слова. Ей было почему-то отрадно насладиться смущеніемъ невинныхъ «ангелочковъ», постаравшихся тонко намекнуть грѣшницѣ, что она грѣшница, и этимъ намекомъ уколоть ее.

— Почему же вы думаете, что мнѣ непріятно ваше присутствіе?—спокойно спросила она черезъ минуту, и по ея губамъ скользнула презрительная усмѣшка.

Невинныя созданія потупили глазки и съежились.

— Можетъ-быть, мы мѣшаемъ,—начали онѣ.

— Чему?—спросила Лиза, настойчиво преслѣдуя ихъ насмѣшливымъ взглядомъ.

Въ этомъ взглядѣ уже сверкалъ едва замѣтный огонекъ злорадства. Казалось, что эта грѣшница хотѣла показать «ангелочкамъ», что онѣ совсѣмъ не такъ безгрѣшны въ душѣ, какъ выглядятъ.

— Ахъ, Боже мой!.. Просто мѣшаемъ вамъ говорить съ Михаиломъ Александровичемъ,—отвѣтили барышни.

— А развѣ *вамъ* мѣшаютъ посторонніе люди говорить съ

Digitized by Google

мужчинами?—допрашивала Лиза, заставляя невинность высказывать грѣшные помыслы.

— Нѣтъ! намъ!—обидчиво произнесли наивныя дѣвицы.— *Намъ* никто не мѣшаетъ...

— Почему же вы думаете, что *мнѣ* могутъ мѣшать, если *вамъ* не мѣшаютъ посторонніе свидѣтели вашихъ разговоровъ съ мужчинами?.. Объясните, пожалуйста, это... Слышать подобное объясненіе очень любопытно, особенно отъ *васъ*.

Лиза продолжала преслѣдовать своими насмѣшливыми и уже совсѣмъ злыми глазами смущенныя лица барышень. Къ ея величайшему изумленію, онѣ вдругъ захныкали.

— Вы насъ оскорбляете!.. Мы... мы не позволимъ смѣяться надъ собой... Мы честныя дѣвушки!—заговорили онѣ прерывающимися голосами.

Лиза поднялась съ мѣста и быстро подошла къ нимъ.

— Вы жалкія, а не честныя дѣвушки! Если бы вы были честныя дѣвушки, то вы не подозрѣвали бы ни въ чемъ дурномъ другихъ людей, ничѣмъ не заслужившихъ этого,— рѣзко проговорила она, сверкнувъ глазами, и вышла изъ комнаты.

Вся эта сцена произошла такъ неожиданно для всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ней лицъ, что они не могли сразу опомниться.

Давно уже невинныя барышни хотѣли уколоть и оскорбить Лизу за ея «позорное для всѣхъ дѣвицъ» поведеніе; давно Лиза негодовала на нихъ за ихъ постоянное смущеніе, за ихъ постоянныя вскрикиванія при встрѣчахъ съ ней; но никто изъ нихъ даже и не подозрѣвалъ, что дѣло разыграется такъ неожиданно и такъ непріятно. Вообще бо́льшая часть рѣзкихъ стычекъ между людьми происходитъ не вслѣдствіе заранѣе подготовленныхъ и обдуманныхъ плановъ, а является случайно, въ пылу увлеченія. Иногда человѣку приходится горько раскаяться за горячее слово, не приносящее никому пользы и надѣлавшее много вреда. Но слово, какъ птица, вылетитъ, не поймаешь... Лизѣ оставалось только ожидать новыхъ сценъ за свою невольную смѣлость; барышнямъ оставалось только пожаловаться папашѣ на оскорбившую ихъ негодницу. Отчасти, чтобы избѣжать возможныхъ объясненій съ графиней, которой управляющій могъ пожаловаться, отчасти, чтобы успокоиться отъ несвоевременныхъ ухаживаній Михаила Александровича, Лиза уѣхала въ Бабиновку.

Дома она застала одну изъ сосѣднихъ помѣщицъ, за-

Digitized by Google

ѣхавшую къ нимъ случайно. Это удивило Лизу, такъ какъ къ нимъ рѣдко заѣзжали сосѣди, бывшіе въ ссорѣ съ ея матерью. Лиза видѣла въ этомъ посѣщеніи нѣчто особенное, нѣчто выходящее изъ ряду вонъ и имѣющее какія-нибудь болѣе серьезныя причины, чѣмъ простое желаніе повидаться съ сосѣдями. Разговоры между Дарьей Власьевной и ея гостьей шли очень незначительные и вообще не клеились. Наконецъ, гостья обратилась съ сладенькимъ лицомъ къ хозяйкѣ.

— А васъ можно поздравить, Дарья Власьевна?—спросила она вкрадчивымъ голосомъ.

— Съ чѣмъ, матушка, Марья Ивановна?—изумилась хозяйка.

Гостья-помѣщица замялась.

— Можетъ-быть, это нескромность... Можетъ-быть, это одни слухи,—начала она.—Вы, пожалуйста, не сердитесь за мой вопросъ!.. Я такъ люблю ваше семейство!.. Но я слышала, что наша милая Лизавета Николаевна замужъ выходитъ за племянника нашей графини.

— А-а!—произнесла Дарья Власьевна и постаралась сдѣлать равнодушное лицо.—Это слухи, слухи!.. Навѣрное еще ничего нельзя сказать... Правда, Михаилъ Александровичъ хорошій человѣкъ и, можетъ-быть, Лиза ему нравится, и къ семейству нашему онъ расположенъ... Но вѣдь десять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь... Лиза у насъ еще молода!.. И я вѣдь мать! Мнѣ тяжело разставаться съ нею, мнѣ полюбоваться на нее хочется!.. Конечно, противъ судьбы не пойдешь, дочь при себѣ на вѣкъ не оставишь...

Дарья Власьевна говорила очень гордо и серьезно. Лиза, отвернувъ голову къ окну, молча смотрѣла на дорогу.

— Дай Богъ, дай Богъ! — вздохнула гостья. — Только какъ на это графиня посмотритъ; вѣдь родъ-то ихъ...

— Ахъ, Владыко Небесный! — вспылила хозяйка. — Да развѣ мы-то мѣщане, что ли? Что намъ въ роду-то ихъ? Наши отцы и дѣды тоже дворянами были и царю вѣрой и правдой служили! Да мой отецъ крестный самъ генераломъ былъ! Вотъ что!.. И къ тому же графиня такъ насъ любитъ; Лизу она и теперь за дочь считаетъ, ну, и мнѣ постоянно поклонъ, и то, и се, пято и десято пришлетъ... Не ѣзжу я къ ней,—такъ вѣдь я еще не достроилась, вѣдь я мать семерыхъ дѣтей, я не могу, какъ другія, по гостямъ рыскать, чужіе пороги обивать.

«Мотай себѣ на усъ, матушка, мотай себѣ на усъ», — мысленно произносила Дарья Власьевна.

Digitized by Google

Лиза не выдержала долѣе этого разговора и разомъ рѣшилась прекратить толки. Она не знала, что съ подобными вопросами къ ея матери уже пріѣзжали человѣкъ пятьшесть, и думала, что, зажавъ ротъ этой сплетницѣ, можно окончательно прекратить и всѣ дальнѣйшіе толки.

— Михаилъ Александровичъ и не подумаетъ на мнѣ жениться, и я сама никогда не пошла бы за него замужъ, — рѣзко сказала она, поднимаясь со стула. — Я попрошу васъ, — обратилась она прямо къ гостьѣ: — говорить всѣмъ, что эти слухи ложь и что не хорошо и не честно мѣшаться въ чужія дѣла.

Лиза вышла изъ столовой.

— Да что же это она у васъ! Еще графиней не сдѣлалась, а съ благородными людьми, какъ съ холопьями обращается, — обозлилась гостья. — Ну, замужъ не идетъ, такъ еще хужо — любовницей слыветъ... Объ этомъ весь уѣздъ толкуетъ!.. Вѣдь я только изъ вѣжливости предупредить васъ намеками хотѣла. А вы и уши развѣсили, повѣрили, что когда-нибудь племянникъ графини можетъ жениться на вашей дочери!.. Да вы на себя, на свой домъ-то только взгляните!

Хозяйка и гостья сцѣпились, какъ двѣ дворовыя голодныя собаки, которымъ бросили кость. Лиза слышала половину всей этой грязной брани и трепетала всѣмъ тѣломъ. Для нея ясно стало, что она сдѣлалась сказкой, предметомъ пересудовъ и толковъ для всѣхъ окрестныхъ жителей.

— Что-жъ, за чѣмъ пошла, то и нашла! — горько усмѣхнулась она. — Цѣлый мѣсяцъ зато была счастлива.

Она задумалась объ этомъ счастьи; почему-то даже и оно казалось ей теперь не счастьемъ, а тяжелымъ, горячечнымъ бредомъ, опьянѣніемъ отъ горя.

— Нѣтъ, этого мнѣ мало, мнѣ чего-то другого нужно, — шептала она и скорбно опустила голову на руки.

Въ этомъ забытьи она просидѣла до поздней ночи. Богъ знаетъ, что она думала, что придумала...

V.

Невинныя управительскія барышни, между тѣмъ, явились въ слезахъ къ своему папашѣ послѣ сцены съ Лизой.

— Что это вы, мои цыпочки, расплакались? — приласкалъ ихъ нѣжный отецъ, котораго онѣ очень тяготили своею пансіонерскою неспособностью ни къ какому дѣлу. — Ну, стоитъ ли вамъ связываться съ этой дѣвчонкой. Ее вамъ

Digitized by Google

ничѣмъ нельзя пристыдить, у нея весь стыдъ давно потерянъ. А она вамъ всегда можетъ непріятностей надѣлать.

— Да зачѣмъ же она насъ оскорбляетъ, мы честныя дѣвушки!—восклицали, всхлипывая, невинныя барышни.

— А, все-таки, надо терпѣть и молчать,—наставительно говорилъ отецъ. — Вы можете и Михаила Александровича вооружить противъ себя, связываясь съ ней, потому что онъ увлеченъ ею. «Не борися съ сильнымъ», сказалъ премудрый Соломонъ, — окончилъ управляющій, не зная точно, говорилъ это Соломонъ, или не говорилъ.

— Намъ обидно, что онъ эту низкую дѣвчонку выше насъ ставитъ.

— Не выше васъ, нисколько не выше, чистыя мои птички! Онъ, просто, играетъ съ нею, потому что съ такими дѣвчонками можно играть молодымъ людямъ. Хорошо она поетъ, только гдѣ-то сядетъ. Будетъ время, и близко это время, когда онъ ее броситъ, какъ выжатый лимонъ. А вы молчите и ждите. Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. Помните, что это въ священномъ писаніи сказано... Графиня стара, не сегодня, завтра умретъ,— тогда Михаилъ Александровичъ самъ себѣ господинъ будетъ и о какой-нибудь Лизаветѣ Николаевнѣ и думать не станетъ. Ему будетъ нужна невѣста со средствами... Ну, тогда и мы подумаемъ, что дѣлать, и мы лицомъ въ грязь не ударимъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, тогда Бабиновка-то и съ молотка продастся, можетъ-быть, и мы помѣщиками будемъ... Будущее только одинъ Богъ знаетъ. Въ рукѣхъ Его сердце... Нѣтъ, это не то!—махнулъ управляющій рукою, неудачно подобравъ текстъ. — А и не сдѣлается ничего, такъ все же Михаила Александровича намъ раздражать не слѣдуетъ, потому что не самъ же онъ управлять имѣніемъ станетъ, и намъ же выгоднѣе, если онъ другого управляющаго не возьметъ.

Отецъ поцѣловалъ дочерей и еще разъ замѣтилъ имъ, что надо молчать и терпѣть, что всѣ честные и невинные люди всегда молчали и терпѣли, что это и въ священномъ писаніи сказано. Въ подтвержденіе послѣдняго, управляющій привелъ цитату изъ заповѣдей блаженства и, вполнѣ довольный и самимъ собою, и своими текстами, сталъ пить чай.

Управляющій графини, надворный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Тернуговъ, кругленькій, какъ арбузъ, жирненькій, какъ сало, выглядѣвшій какимъ-то куцымъ херувим-

Digitized by Google

чикомъ съ вербы, былъ человѣкъ сдержанный, онъ какъ кротъ рылся гдѣ-то незамѣтно, во мракѣ, скопилъ многое невѣдомо для людей, постоянно обладалъ манерами смиреннаго кота, незамѣтно выпускающаго свои когти изъ мягкихъ лапъ; онъ всегда говорилъ: «Моя изба съ краю—ничего не знаю!» Люди называли его—то примѣрнымъ и набожнымъ человѣкомъ, то продувною бестіею; то добрымъ простякомъ, то кремнемъ и кулакомъ; такія разнорѣчивыя мнѣнія зависѣли вполнѣ отъ того, кто говорилъ про него, такъ же, какъ и его образъ дѣйствій зависѣлъ отъ того, съ кѣмъ онъ велъ дѣло. Только въ двухъ случаяхъ оставался онъ неизмѣннымъ въ сношеніяхъ съ людьми различныхъ званій и состояній, это въ непреодолимой страсти говорить не то, что думаетъ, и думать не то, что говоритъ, да въ любви опираться во всемъ на священное писаніе, которое онъ коверкалъ безъ всякой пощады. Онъ ухитрялся какъ-то такъ подбирать его тексты, существовавшіе иногда только въ воображеніи Андрея Андреевича, что оно давало ему возможность и учить повиновенію слугъ, такъ какъ власти отъ Бога; оно же давало ему возможность холодно относиться къ страданію ближнихъ, такъ какъ мзда ихъ будетъ великою на небесахъ; оно же мотивировало его взяточничество, такъ какъ онъ признавалъ, что всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ; однимъ словомъ, Андрей Андреевичъ выворотилъ наизнанку всякое библейское выраженіе, да этимъ и оградилъ свою совѣсть отъ всякихъ нападеній... Говоря не то, что онъ думаетъ, Андрей Андреевичъ очень часто говорилъ невообразимо глупо, но поступалъ чрезвычайно умно. Иногда онъ прикидывался такимъ дурачкомъ, что люди, изъ сожалѣнія, начинали поучать его, а онъ, похлопывая въ умиленіи глазками, выслушивая ихъ умныя рѣчи до конца, узнавалъ до тонкости умственныя способности своего собесѣдника, такъ сказать, раскусывалъ его, да потомъ и нападалъ на него съ самой слабой стороны, если ему приходилось столкнуться на практической почвѣ. Теперь онъ рѣшился не вмѣшиваться въ отношенія Лизы и Задонскаго, чтобы не раздражать послѣдняго, и надѣялся, что время сдѣлаетъ свое. Планы его невинныхъ дочерей насчетъ любви Задонскаго къ которой-нибудь изъ нихъ не имѣли въ его глазахъ почти никакого серьезнаго значенія, и поэтому онъ дѣлалъ видъ, что они имѣютъ для него значеніе; но очень большое значеніе придавалъ онъ своему плану забрать въ руки Задонскаго и,

Digitized by Google

главнымъ образомъ, его имѣніе, когда умретъ графиня, и потому никогда не высказывалъ этихъ надеждъ. Иногда онъ даже улыбался, помышляя о томъ, что первые будутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми, и почему-то ему казалось въ эти минуты, что не Задонскій, а онъ самъ, Андрей Андреевичъ Терпуговъ, будетъ хотя не номинальнымъ, но зато фактическимъ наслѣдникомъ Серпуховской, то-есть приберетъ къ рукамъ все Приволье.

Рѣшимость Терпугова молчать и терпѣть спасла Лизу отъ непріятныхъ послѣдствій ея необдуманной ссоры съ невинными дѣвицами. Графиня ничего не узнала объ этой исторіи и снова прислала за Лизой экипажъ. Это было на другой день послѣ пріѣзда Ивана Григорьевича въ Приволье. Онъ, какъ мы видѣли, рѣшился узнать подробно объ отношеніяхъ Лизы и Задонскаго, и потому дня черезъ три завернулъ къ управляющему. Невинныя барышни обыкновенно имѣли привычку «презирать» поповича и говорили съ нимъ только изъ снисхожденія къ его студенческому сюртуку. Но въ настоящее время, сверхъ всякаго ожиданія, онѣ очень обрадовались молодому гостю. Это немного удивило Ивана Григорьевича, и онъ сталъ тщательно доискиваться причинъ такой неожиданной привѣтливости. «Вѣрно что-нибудь сообщить хотятъ!» — подумалось ему. Сначала разговоры шли о столицѣ, барышни охали и вздыхали о столичномъ обществѣ, котораго онѣ никогда не видали во время пансіонской жизни; онѣ жаловались на деревенскую скуку и на провинціальныхъ жителей, съ которыми еще не были знакомы, и, наконецъ, перешли къ болѣе интересному предмету.

— А вы были у Баскаковыхъ? — вдругъ спросили онѣ въ одинъ голосъ.

Иванъ Григорьевичъ насторожилъ уши и сразу почувствовалъ въ этомъ вопросѣ желаніе барышень разсказать ему нѣчто интересное.

— Былъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, какъ нашли у нихъ все? Не замѣтили ли какихъ перемѣнъ?

— Нѣтъ, кажется, ничего не замѣтилъ...

— Ахъ, что вы! — воскликнули разомъ объ сестры.—А Лизу вы видѣли?

— Видѣлъ.

— Ну, такъ какъ же не замѣтить перемѣны!

— Право, я никогда не могу ничего сразу замѣтить.

Digitized by Google

Ужъ вы лучше сами объясните мнѣ, какая тамъ перемѣна случилась,—улыбнулся онъ, догадываясь, что именно возможность сообщить объ этой перемѣнѣ заставила барышень разсказать даже ему, презрѣнному поповичу.

Дѣйствительно, барышни, краснѣя и потупляя глазки, таинственно прошептали:

— Да вѣдь она влюблена!

За этими стыдливо произнесенными словами вдругъ полился цѣлый потокъ такихъ же таинственныхъ разсказовъ, какъ «они» сидѣли вечеромъ въ саду, какъ «они» катались вдвоемъ, какъ «они» играли въ четыре руки на фортепіано, какъ «они» избѣгали общества, и тому подобное, все въ томъ же родѣ. Иванъ Григорьевичъ чутко слушалъ невинную болтовню и старался составить по ней кое-какія заключенія о степени серьезности дѣла. Наконецъ, эта болтовня была прервана появленіемъ Андрея Андреевича.

— А, это онѣ вамъ про наши сельскія исторіи разсказываютъ, — засмѣялся Андрей Андреевичъ жирнымъ смѣхомъ. — Какъ же, какъ же, и у насъ свои романы затѣваются. Только глупости все это, шалости... Вотъ, къ концу лѣта уѣдутъ наши за границу, и конецъ весь!

— Кто это уѣдетъ за границу? — спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Да ея сіятельство съ Михаиломъ Александровичемъ.

— Какъ? онъ уѣзжаетъ? — тревожно поднялся съ мѣста Иванъ Григорьевичъ.

— Да. Что же тутъ удивительнаго? — равнодушно спросилъ Андрей Андреевичъ. — Не все же въ нашей глуши жить, надо и на свѣтъ посмотрѣть.

— Но она-то знаетъ ли это?

— Кто это? Лизавета-то Николаевна?.. Нѣтъ, должно-быть, не знаетъ... Это ей маленькій сюрпризъ будетъ... къ именинамъ, — снова засмѣялся жирнымъ смѣхомъ Андрей Андреевичъ и шутливо ущипнулъ отъ печего дѣлать за щеку одну изъ своихъ розовенькихъ дочерей.

Ивана Григорьевича точно чѣмъ-то пришибло. Онъ торопливо взялся за фуражку и, несмотря на упрашиванья остаться, ушелъ, почти убѣжалъ изъ дому управляющаго.

Нѣсколько минутъ онъ быстро шагалъ по дорогѣ безъ всякаго сознанія и безъ всякой цѣли. «Однако, куда же я бѣгу? Ужъ не къ графинѣ ли?.. Чортъ побери, надо предупредить Лизавету Николаевну... Но какъ ее поймать!..» Иванъ Григорьевичъ рѣшился попытаться подстеречь ее и

Digitized by Google

переговорить съ нею въ графскомъ саду; онъ боялся, что подастъ поводъ къ толкамъ, если просто велитъ слугамъ графини вызвать къ себѣ Лизу, такъ какъ подобное необычайное свиданіе непремѣнно заставило бы графиню спросить у Лизы, зачѣмъ онъ вызывалъ ее... Главнымъ же образомъ заставляло его дѣйствовать такъ желаніе сообщить Лизаветѣ Николаевнѣ свое извѣстіе между прочими разговорами, не придавая ему особеннаго значенія, чтобы не стать въ смѣшное положеніе, если Лизавета Николаевна знала и прежде о намѣреніяхъ графини и Задонскаго.

Дня черезъ два Ивану Григорьевичу удалось встрѣтиться съ Лизой въ привольскомъ саду. Передавъ ей нѣсколько извѣстій о ея домашнихъ, которыхъ онъ видѣлъ ежедневно, онъ замѣтилъ вскользь:

— А вы нагуляться здѣсь досыта хотите, покуда не опустѣютъ палаты.

— Отчего же имъ опустѣть?—удивилась Лиза.

— Да вѣдь графиня осенью уѣзжаетъ за границу, — отвѣтилъ Борисоглѣбскій, видя по лицу своей собесѣдницы, что она ничего не знаетъ объ этихъ предположеніяхъ.

— Можетъ-быть, это только слухи,—усомнилась Лиза.

— Нѣтъ, это дѣло рѣшеное, — утвердительнымъ тономъ отвѣтилъ Борисоглѣбскій.—Она, по словамъ Андрея Андреевича, въ сопровожденіи Михаила Александровича хочетъ проѣхать въ Ниццу и...

— Что это вы за слухи разносите! Я ничего не знаю, а вы знаете...

— Да мало ли чего вы не знаете, а я знаю,—шутливо замѣтилъ Борисоглѣбскій.

— Этого не можетъ быть... Михаилъ Александровичъ не можетъ уѣхать...

— Не можетъ?—переспросилъ Борисоглѣбскій, пристально взглянувъ на Лизу.

— Да... то-есть... У него есть въ Петербургѣ обязательства, — смущеннымъ голосомъ произнесла молодая дѣвушка, замѣтивъ свою опрометчивость и стараясь поправиться.

— Все-то у нихъ долги, и все-то неоплатные! — усмѣхнулся Борисоглѣбскій.

Лиза промолчала.

Въ это время на аллеѣ показался Задонскій. Онъ удивился, увидавъ съ Лизой Борисоглѣбскаго, и сухо поклонился ему.

Digitized by Google

— Я вамъ не помѣшалъ?—спросилъ онъ Лизу.

— Напротивъ того, я рада, что встрѣтила васъ,—отвѣтила она.—Я, вотъ, хотѣла васъ поздравить съ вашею будущею поѣздкой за границу...

— Кто это вамъ сказалъ такую штуку?—засмѣялся Задонскій, стараясь подавить смущеніе.

Лиза указала на Борисоглѣбскаго.

— Вы, однако, больше меня самого знаете о моихъ планахъ, — насмѣшливо проговорилъ Михаилъ Александровичъ.

— Вашихъ плановъ я не знаю, а вотъ планы вашей тетушки случайно сдѣлались мнѣ извѣстными,—спокойно и холодно отвѣтилъ Борисоглѣбскій. — И я счелъ своею обязанностью сообщить ихъ Лизаветѣ Николаевнѣ... Неожиданности и сюрпризы иногда нездоровы...

— Ну, до меня планы моей тетки не касаются; къ тому же я вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда люди подчиняются чужой волѣ,—презрительно замѣтилъ Задонскій.

— Лѣта-то тутъ ни при чемъ. Все зависитъ отъ того, кто намъ выражаетъ свою волю, — усмѣхнулся Борисоглѣбскій.

Задонскій строго и надменно посмотрѣлъ на него.

— Что вы этимъ хотите сказать?—угрожающимъ тономъ промолвилъ онъ и, кажется, однимъ взглядомъ хотѣлъ уничтожить Борисоглѣбскаго.

— Да то, что бываютъ и такіе случаи: мы служить хотимъ, а начальнику нашъ носъ не нравится, ну, вотъ, онъ и посылаетъ насъ, не спрашивая о нашемъ желаніи, отдыхать отъ трудовъ служебныхъ... Бываютъ и другіе случаи, когда мы по чужой дудкѣ пляшемъ, да вы, Михаилъ Александровичъ, ихъ и сами подобрать можете.

Борисоглѣбскій говорилъ твердо и не спѣша. Его лицо не выражало ни гнѣва, ни раздраженія, но выглядѣло сухо и черство въ эту минуту. Въ его голосѣ не слышалось ни насмѣшливости, ни угрозы, но слова выговаривались до того отчетливо и рѣзко, что Задонскій не рѣшился отвѣтить достойнымъ образомъ на дерзость «поповича». Въ его головѣ почему-то промелькнула ни съ того, ни съ сего мысль, что такіе люди,—обломы,—не имѣютъ привычки стрѣляться, а, въ крайнемъ случаѣ, просто бьютъ своихъ задорныхъ противниковъ.

Иванъ Григорьевичъ пожалъ руку Лизы и неторопливо завернулъ въ другую аллею.

Digitized by Google

Молодая дѣвушка въ недоумѣніи смотрѣла на Задонскаго. Онъ молчалъ, ощипывая сорванную съ дерева вѣтку.

— Неужели въ этихъ слухахъ есть хоть доля правды? — спросила, наконецъ, Лизавета Николаевна.

— Ни малѣйшей!.. Тетка, можетъ-быть, и собирается за границу, но я-то не поѣду,—отвѣтилъ Задонскій.

— Она, однако, говорила тебѣ объ этомъ?

— Нѣтъ... Сперва были предположенія, но потомъ объ этомъ и забыли...

Лиза недовѣрчиво смотрѣла на Михаила Александровича.

— И кто это ему передалъ эти извѣстія?—спросилъ онъ.

— Андрей Андреевичъ...

— А-а! мститъ за дочерей! хочетъ этимъ путемъ разссорить насъ... Наивный человѣкъ! — засмѣялся Задонскій и сталъ острить насчетъ управляющаго.

Лиза задумчиво, безъ улыбки слушала остроты. Ей было не по себѣ. Въ душу начинало закрадываться сомнѣніе.

Прошло немного времени, во «дворцѣ» графини произошла новая, непріятная для Лизы исторія. У графини обѣдало нѣсколько человѣкъ гостей. Это былъ день именинъ графини. Бесѣда шла по обыкновенію монотонно, графиня говорила съ авторитетомъ и почти одна, гости почтительно соглашались и удивлялись. Лиза давно привыкла къ этимъ офиціальнымъ обѣдамъ и скучнымъ разговорамъ, а потому не обращала особеннаго вниманія на то, что говорилось около нея. Вдругъ ея слухъ былъ пораженъ особенно возвысившимся голосомъ графини.

— А я вотъ все прихварываю, — говорила она, такимъ тономъ, какъ будто желала, чтобы всѣ слышали каждое ея слово.

Лиза взглянула на нее и удивилась, замѣтивъ, что глаза графини смотрятъ прямо на нее.

— За границу докторъ совѣтуетъ ѣхать на зиму,—продолжала графиня, не спуская глазъ съ Лизы.—Тяжело мнѣ разставаться съ Привольемъ и, еще, слава Богу, что я не одна поѣду, что Мишель ѣдетъ со мною...

Въ комнатѣ, среди всеобщей тишины, звонко прозвенѣла, какъ оборвавшійся колокольчикъ, упавшая на полъ серебряная вилка. Лакей подбѣжалъ и наклонился, чтобы поднять ее и подать Лизаветѣ Николаевнѣ. Графиня пристально, испытующимъ взглядомъ, смотрѣла на смущенную дѣвушку. Лиза сдѣлала надъ собой нечеловѣческое усиліе и улыбнулась.

Digitized by Google

— А я проиграла пари, — обратилась она, со смѣхомъ на посинѣвшихъ губахъ, къ сидѣвшему возлѣ нея Андрею Андреевичу: — я пророчила Михаилу Александровичу, что онъ съ ума сойдетъ отъ скуки въ нашемъ Привольѣ...

Управляющій какъ-то глупо осклабилъ зубы.

— Я первый разъ слышу отъ васъ, дитя, что въ Привольѣ вамъ кажется такъ скучно, — строго и серьезно замѣтила графиня.

— О, я думаю, вездѣ скучно безъ дѣла, а въ Привольѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, такъ какъ здѣсь всѣ, начиная съ васъ и кончая послѣднимъ мужикомъ, заняты работой, — бойко проговорила Лиза, едва переводя дыханіе. — А Михаилъ Александровичъ такъ молодъ, что ему должно быть не только скучно, но даже стыдно сидѣть безъ дѣла...

Графиня была совсѣмъ сбита съ толку. Она заговорила о поѣздкѣ за границу именно только для того, чтобы узнать, какъ приметъ эту новость Лиза. Оброненная вилка въ одну минуту объяснила графинѣ все. Но смѣхъ Лизы, тотчасъ же бойко заглушившій жалобный звукъ скатившагося на полъ серебра, но ироническія фразы Лизы насчетъ Задонскаго, фразы, напоминавшія постоянныя насмѣшки этой вострушки надъ Михаиломъ Александровичемъ, снова заставили графиню подумать, что между молодыми людьми нѣтъ ничего серьезнаго, что если Баскакова и увлеклась молодымъ человѣкомъ, то очень не сильно, что, наконецъ, вилка могла упасть чисто случайно, и ея паденіе не имѣло никакого значенія, что легкая блѣдность Лизы могла быть просто слѣдствіемъ смущенія отъ неловкости. Лиза, между тѣмъ, какъ будто желая окончательно сбить съ толку графиню или стремясь подавить невольно роившіяся въ головѣ мысли, продолжала насильно смѣяться и подпучивать насчетъ Михаила Александровича. Графинѣ начинало казаться, что Лиза радуется отъѣзду Михаила Александровича; ей думалось, что нравственной дѣвушкѣ надоѣли его неотвязчивыя ухаживанья и любезности. Лиза, между тѣмъ, чувствовала, что если обѣдъ продлится еще долго, то ея смѣхъ кончится не хорошо. У нея никогда въ жизни не бывало истерики, теперь она чувствовала возможность подобнаго припадка... Къ ея счастію, обѣдъ пришелъ къ концу... Всѣ встали изъ-за стола... Графиня подошла къ Лизѣ и нѣжно поцѣловала ее въ лобъ...

— Но обо мнѣ, дитя, вы, вѣрно, вспомните безъ смѣха?— ласково промолвила старуха и поспѣшила прибавить: — Ну,

Digitized by Google

полноте, полноте, дитя! Зачѣмъ же плакать? Будемъ живы—увидимся!

Лиза быстро поцѣловала руку графини и, подавляя рыданія, вышла изъ комнаты.

Графиня стояла съ задумчиво-опущенной на грудь головой.

— Да, я всегда знала, что она любитъ меня. И я сама привыкла къ ней, какъ къ дочери,—тихо проговорила она и провела рукой около глазъ... Богъ знаетъ, хотѣла ли она этимъ движеніемъ отстранить отъ глазъ какую-нибудь созданную воображеніемъ непріятную картину, или желала предупредить во-время слезы, еще не скатившіяся съ рѣсницъ на ея худыя щеки...

Она, по обыкновенію, ушла въ свой кабинетъ; гости группами разбрелись по комнатамъ. Управляющій выждалъ удобную минуту, когда лакеи ушли за чѣмъ-то изъ столовой, и подошелъ къ столу, на которомъ отобралъ четыре ломтика бѣлаго хлѣба. — Это моимъ цыпочкамъ,—проговорилъ онъ самъ себѣ. — Пусть и птицы небесныя знаютъ, что у насъ сегодня праздникъ!

Онъ по чистотѣ своего сердца очень любилъ собственноручно кормить куръ и цыплятъ, и въ такія минуты его кругленькая добродушная фигурка выглядѣла поистинѣ умилительно. Отойдя къ окну, онъ вытащилъ изъ кармана бумажку—бумажками были всегда полны его карманы—осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и, удостовѣрившись, что бумага не нужна, не дѣловая, сталъ завертывать въ нее хлѣбъ, стоя спиною къ комнатѣ. Совершивъ эту операцію, спрятавъ завернутый хлѣбъ въ карманъ, онъ медленно заходилъ одинъ по столовой и, прочищая перомъ зубы, предался тѣмъ глубокомысленнымъ и благодушнымъ размышленіямъ, на какія бываютъ способны только жирные, ощущающіе полное спокойствіе совѣсти люди послѣ изобильнаго и хорошаго обѣда.

«Это просто чортъ, а не дѣвка, — разсуждалъ онъ съ самимъ собою. И что бы вышло изъ нея, если бы она въ хорошія руки попала, женой степеннаго, да умнаго человѣка сдѣлалась? Вѣдь золото, просто золото!.. У самой кошки на сердцѣ скребутъ — а она смѣется... А наша-то сіятельная таращитъ на нее глаза и ничего не видитъ... Да, ей бы умнаго, дѣлового мужа надо,—далеко бы ушла!.. Ей не нарядовъ, не обниманій нужно; ей ломовую работу подавай, ей командовать въ домѣ позволь, ей за себя по-

Digitized by Google

стоять дорогу открой, и ужъ слезъ да вздоховъ отъ нея не услышишь... Нѣтъ, мои не то!.. Мои не въ меня,—въ мать пошли... Съ покойницей не умѣлъ возиться, ну и съ ними не умѣю сладить... И ласкаешь, и цѣлуешь ихъ, да нѣтъ, это все не то! Ущипнешь ихъ въ шутку покрѣпче, такъ онѣ ужъ и въ слезы!.. Вотъ мнѣ бы жену такую, чтобы на нее какъ на себя положиться могъ... Нажили бы мы деньгу!.. А вѣдь эта пошла бы!.. Ей-Богу пошла бы теперь... А?»

Управляющій остановился у камина и самодовольно взглянулъ въ зеркало на свое заплывшее жиромъ, животное лицо съ маленькими маслянистыми глазками.

«Не казистъ, — добродушно усмѣхнулся онъ надъ собою:—а пошла бы, и за такого пошла бы, потому что ей, во-первыхъ, лица и не надо, а во-вторыхъ, всеравно, она теперь чорту баранъ будетъ».

Онъ потянулся, зѣвнулъ и придвинулъ кресло къ камину, чтобы положить на его холодную рѣшетку свои коротенькія, топорно обтесанныя ножки. Его сальная фигура выглядѣла въ эту минуту крайне добродушно и невинно... Онъ никогда не думалъ жениться на Лизѣ, никогда не женился бы на ней, но помечтать объ этомъ было пріятно. Иногда Андрей Андреевичъ послѣ обѣда мечталъ даже о томъ, что было бы, если бы онъ былъ княжескаго происхожденія, или если бы онъ былъ «военнымъ фельдмаршаломъ»? Послѣ такихъ мечтаній ему обыкновенно удавалось хорошо вздремнуть и увидать сладкіе сны.

Михаилъ Александровичъ въ это время ходилъ въ тревогѣ по комнатамъ и все посматривалъ на двери, ожидая, не появится ли въ нихъ Лиза. Онъ начиналъ бояться, что она, съ обычною своею рѣзкостью, уѣдетъ изъ дома графини, и этимъ докажетъ основательность всѣхъ подозрѣній и толковъ на ея счетъ. Онъ еще никакъ не могъ понять, что эта деревенская простушка сумѣетъ, гдѣ надо, выдержать до конца свою роль, какъ бы трудно ни было это для нея. Черезъ полчаса онъ ушелъ въ садъ, желая освѣжиться и, можетъ-быть, тамъ встрѣтить Лизу. Онъ не ошибся въ послѣднемъ. Въ одной изъ аллей онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, задумчиво ходившую по саду. Онъ окликнулъ ее. Она почти съ изумленіемъ посмотрѣла на него, какъ будто для нея былъ совершенно непонятенъ его приходъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Чтобы люди продолжали толковать о нашихъ свиданіяхъ?—строго и серьезно спро-

Digitized by Google

сила она, совершенно невольно говоря ему *вы*, какъ будто теперь ей стало невозможно говорить ему попрежнему *ты*.

— Что это, Лиза, ты вдругъ стала бояться людскихъ толковъ?—спросилъ онъ, не зная съ чего начать разговоръ.

— Не боюсь, но не хочу, чтобы кто-нибудь сказалъ, что я и *теперь* бѣгу на свиданія съ вами, когда я знаю, что вы бросаете меня и ѣдете за границу... Тутъ и передъ собой увлеченіемъ не оправдаешься.

Въ голосѣ молодой дѣвушки была какая-то сухость и рѣзкость, точно у нея что-то оборвалось въ груди.

— Перестань, пожалуйста! — сталъ успокоивать ее Задонскій.—Вѣдь это все предположенія! Я и не думаю ѣхать...

— Однако, вы не опровергали словъ графини...

— Ну, да, я еще не успѣлъ окончательно отказаться отъ ея предложенія... Мы еще не говорили съ ней серьезно объ этомъ предметѣ...

— Ну, вотъ когда переговорите серьезно, тогда и приходите ко мнѣ, тогда и говорите со мною, — перебила его Лиза.—А теперь я прошу васъ идти прочь... Мнѣ нужнѣе, чѣмъ вамъ, освѣжиться, и потому я не хотѣла бы уйти изъ сада... Хоть эту-то услугу вы можете мнѣ оказать и оставить меня въ покоѣ...

Михаилъ Александровичъ молча смотрѣлъ на Лизу и не зналъ, что ему дѣлать: она выглядѣла такой неприступною и серьезною, что продолжать объясненія было трудно. Онъ пожалъ плечами и пошелъ прочь. Черезъ минуту онъ снова услыхалъ ея голосъ и остановился.

— Только, пожалуйста, вы не пытайтесь утѣшать меня ложными обѣщаніями,—проговорила она, подходя къ нему.— Мнѣ теперь ничего не надо, кромѣ правды. Я хочу знать, что меня ждетъ впереди, чтобы приготовиться къ новой роли, обдумать все... Я теперь не особенно обрадуюсь, если вы останетесь здѣсь, не особенно опечалюсь, если вы уѣдете, но и то и другое я хочу знать навѣрное...

Лиза отвернулась и удалилась отъ Задонскаго. Она подошла машинально къ *Эрмитажу*, зашла въ него и сѣла въ одной изъ комнатъ этой бесѣдки отдохнуть. Довольно долго просидѣла она, не замѣчая даже, гдѣ она сидитъ; ея лицо выглядѣло скорбно и мучительно; по временамъ она молча стискивала свои руки, словно желая физическою болью заглушить нравственную пытку. Наконецъ, она безсознательно подняла опущенную на грудь голову, и передъ нею мелькнуло въ зеркалахъ нѣсколько блѣдныхъ отраженій ея бо-

Digitized by Google

лѣзненно выглядѣвшаго лица. Она съ нѣмымъ ужасомъ такъ же безсознательно стала осматривать комнату: вездѣ ея глаза встрѣчали одно и то же измученное выраженіе ея лица. По ея тѣлу пробѣжала дрожь, какъ будто сама судьба хотѣла показать ей, до чего она довела себя, или какъ будто передъ ея глазами пронеслись внезапно всѣ блѣдныя, загубленныя здѣсь въ былые годы жертвы. Она быстро встала и пошла вонъ. «И онѣ были молоды, и ихъ погубили такіе же люди», — подумала она и сурово нахмурила брови.

«Нѣтъ, меня не удастся погубить, нѣтъ, я не такъ легко отдамъ имъ свою жизнь!» — окончила она свои думы, и какъ-то твердо, какъ-то гордо вошла во «дворецъ»...

Пробывъ здѣсь еще два дня, чтобы не подать повода къ новымъ подозрѣніямъ, она уѣхала домой, давъ слово графинѣ возвратиться въ Приволье въ непродолжительномъ времени и мысленно рѣшившись переступать порогъ этого роскошнаго дома только въ случаѣ крайней необходимости.

VI.

Лизавета Николаевна возвратилась домой. Въ ея лицѣ была напряженная сосредоточенность, она словно окаменѣла. Брань матери, крики и продѣлки дѣтей, постоянныя непріятности съ прислугой, все то, что еще такъ недавно возмущало ее до глубины души въ домашнемъ омутѣ, теперь, повидимому, стало для нея совершенно безразлично. Она, какъ будто, ничего не видѣла, ничего не слышала. На всѣ вопросы она отвѣчала не то, что слѣдовало, а иногда просто и ничего не отвѣчала. Въ ея головѣ бродили сотни мыслей, смутныхъ, безотчетныхъ и гнетущихъ умъ. Недавнее прошлое казалось ей тяжелымъ бредомъ, ея любовь казалась ей сумасшествіемъ, опьянѣніемъ, чѣмъ угодно, но только не любовью. Она только теперь начинала сознавать, что Михаилъ Александровичъ и не думалъ искать въ ней своего спасенья, но просто поигралъ съ нею, можетъ-быть, былъ готовъ продолжать начатую игру, можетъ-быть, готовъ былъ съ согласія тетки жениться на ней, но она-то, Лизавета Николаевна, глядѣла теперь на этотъ бракъ, какъ на одно изъ самыхъ тяжелыхъ золъ, которыя ей суждено встрѣтить въ будущемъ. Роль жены-куклы, роль жены, потерявшей право на уваженіе мужа, была не по ней. Тысячи горькихъ и злобныхъ упрековъ себѣ высказывала молодая дѣвушка, и у нея хватало силы прямо сказать себѣ,

Digitized by Google

что всѣ будущія непріятности и страданія вполнѣ заслужены ею. Она ставила теперь себя ниже всѣхъ окружающихъ ее личностей. Но, снявши голову, по волосамъ не тужатъ, она знала это, и ей хотѣлось сразу отрезвиться отъ прошлаго, какъ бы отрѣзать его отъ себя, чтобы думать только о будущемъ, подготовиться только къ этому будущему. Какъ это бываетъ съ сильными натурами, она бодро перенесла первую минуту горя, но когда эта минута прошла, горе почувствовалось сильнѣе, и явилась совершенно неожиданная слабость въ душѣ. Подчасъ, не умѣя справиться со своими мыслями, Лизавета Николаевна была готова хоть руки на себя наложить. Ей было бы тяжело говорить даже съ самымъ близкимъ человѣкомъ о своихъ дѣлахъ, и потому она старалась въ первое время избѣгать встрѣчъ съ Иваномъ Григорьевичемъ. Онъ сразу понялъ, что въ этомъ стремленьи его пріятельницы скрыться отъ него было что-то недоброе, что-то зловѣщее, прямо говорившее о какой-то бѣдѣ. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, Лизавета Николаевна достаточно овладѣла собой и рѣшилась встрѣтиться съ Борисоглѣбскимъ. Она старалась при первой встрѣчѣ съ нимъ казаться веселою и спокойною, но ея веселость звучала фальшивыми нотами, а спокойствіе черезъ каждыя пять минутъ нарушалось строптивыми и нетерпѣливыми выходками. Борисоглѣбскій попробовалъ вызвать ее на откровенность; но это не удалось. Онъ покачалъ головой.

— Что съ вами? Вы совсѣмъ на себя не похожи, — замѣтилъ онъ. — То слишкомъ разсѣянны и грустны, то не въ мѣру веселы...

— Скучно, такъ и скучаю, весело, такъ и веселюсь,— отвѣчала Лизавета Николаевна.—День на день не придется.

— Такъ-то оно такъ, только прежде у васъ всякій день на день приходился. Когда ни придешь къ вамъ, всегда вы распѣваете, всегда вашъ смѣхъ слышится...

— Ребячество было!

— А теперь вдругъ выросли и состарились?

— Ну да, вдругъ выросла и состарилась,—раздражилась Лиза за этотъ вопросъ.

— Да вы не сердитесь! — мягко и ласково замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ.—Вы знаете, что я васъ ребенкомъ на рукахъ нашивалъ, такъ не могу я не интересоваться вами. Не идете ли вы по опасному пути?

Баскакова отвернулась, избѣгая зоркихъ глазъ Борисо-

Digitized by Google

глѣбскаго, и стала обрывать листы на сорванномъ цвѣткѣ. Они шли по саду.

— Знаете ли, что про васъ управительскія барышни толкуютъ, — началъ онъ, продолжая пристально и настойчиво смотрѣть на Лизу и желая добиться объясненія.

Она вся вспыхнула и сдвинула брови.

— Что мнѣ за дѣло; что про меня говорятъ?—сердито произнесла она. — Говорить не запретишь людямъ. Пусть выдумываютъ, что имъ угодно. А если и правду говорятъ, такъ я ничего не боюсь!

— Да, сплетенъ и не слѣдуетъ бояться,—серьезно замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ.—Нужно бояться только послѣдствій тѣхъ поступковъ, которые вызвали сплетни.

Баскакова сдѣлала нетерпѣливое движеніе и, кажется, хотѣла прекратить разговоръ. Но Борисоглѣбскій и не думалъ о прекращеніи бесѣды.

— Для серьезныхъ цѣлей можно жертвовать своей репутаціей и не стараться устранить всѣ поводы къ пересудамъ,—говорилъ онъ.—Но дѣлаться жертвой людскихъ толковъ ради какого-нибудь петербургскаго шалопая, развращеннаго до мозга костей барича, нахватавшагося разныхъ фразъ неуча,—это, право, нелѣпо. Тутъ надо вывести людей изъ заблужденія.

— Какое право вы имѣете чернить человѣка, котораго вы не знаете и который, можетъ-быть, дорогъ мнѣ?—строптиво замѣтила Баскакова, не желая показать Борисоглѣбскому, что уже поняла свою ошибку и страшно платится за это.— И кто далъ вамъ, вообще, право вмѣшиваться въ мои дѣла?

— Недаромъ я сказалъ, что вы перемѣнились,—дружески промолвилъ Иванъ Григорьевичъ.—Прежде, бывало, всякую мелочь изъ своей жизни спѣшите мнѣ передать, сердитесь, если и я не разскажу во всѣхъ подробностяхъ, что я дѣлалъ, что со мной случилось. А теперь говорите, что я вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, когда я хочу узнать, что сдѣлалось съ вами. Вѣдь другихъ повѣренныхъ у васъ и прежде не было, а теперь-то не найдется и подавно. Ну, да бросимъ этотъ разговоръ, если онъ вамъ непріятенъ...

— Не сердитесь, другъ мой!- ласково промолвила Лиза.— Я раздражаюсь теперь изъ-за пустяковъ. Это пройдетъ. Мнѣ иногда и самой становится и досадно, и смѣшно... А знаете ли что? Вѣдь я думаю на зиму въ Петербургъ уѣхать... Я вамъ когда-нибудь все подробно разскажу, когда буду по-

Digitized by Google

спокойнѣе... Тогда и зимой будемъ видѣться. Я буду учиться и работать буду въ Петербургѣ. Жаль мнѣ только, что ребятишки наши безъ меня не будутъ учиться. Ну, да авось я буду въ состояніи послѣ и для нихъ что-нибудь сдѣлать. У меня есть уже на это разные планы. Обдумать надо все хорошенько...

— Что-жъ, дай Богъ, дай Богъ, чтобы все хорошо уладилось!—замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ, не понимая еще, хочетъ ли Лизавета Николаевна одна ѣхать въ столицу, или ѣдетъ по чьему-нибудь приглашенію.

Онъ зналъ, что въ Петербургѣ у нея есть богатая тетка—вдова.

— Да вы, кажется, сомнѣваетесь въ успѣхѣ моихъ плановъ?—спросила Лиза.

— Я ничего не знаю, — въ чемъ же мнѣ сомнѣваться? Можетъ-быть, дѣло и хорошее, можетъ-быть, и я ему порадуюсь, когда узнаю все вполнѣ. Ну, а покуда извѣстны мнѣ только неказистыя сплетни, да личность, которой я не довѣряю,— вотъ и все. Во всякомъ случаѣ помните только пословицу: десять разъ примѣрь, да одинъ разъ отрѣжь, не забывайте и того, что одинъ умъ — хорошо, а два — лучше.

Баскакова закусила губу и промолчала. Она ясно видѣла, что Борисоглѣбскій еще и не подозрѣваетъ, какъ далеко она зашла въ своемъ увлеченіи. Ей даже на минуту хотѣлось объяснить все своему пріятелю, чтобы разомъ покончить всѣ толки и выспрашиванья съ его стороны. Но не то стыдливость женщины, не то настойчивость твердаго характера, желавшаго все сдѣлать безъ чужой помощи, заставили Лизавету Николаевну не посвящать Борисоглѣбскаго во всю суть дѣла. Иванъ Григорьевичъ еще разъ далъ совѣтъ Баскаковой беречь себя и распрощался съ нею въ довольно грустномъ настроеніи духа.

Несмотря на выносливые нервы, на привычку спокойно терпѣть всякія невзгоды, на отсутствіе разныхъ блестящихъ плановъ будущей жизни, онъ теперь тоскливо смотрѣлъ на совершавшійся передъ его глазами фактъ. Ему порою казалось, что предотвратить гибель молодой дѣвушки уже не въ его власти, иногда же онъ думалъ: «Да какое право я имѣю утверждать, что она гибнетъ; можетъ-быть, этотъ человѣкъ еще не успѣлъ окончательно испортиться, и она сумѣетъ поднять его; она не дюжинная натура!» Но, во всякомъ случаѣ, ясно для Борисоглѣбскаго было только одно,

Digitized by Google

что эта дѣвушка въ обоихъ случаяхъ погибнетъ для него. Но что она ему? Ни разу не задавалъ онъ себѣ этого вопроса прежде. И зачѣмъ было задавать? Они росли вмѣстѣ; привыкли другъ къ другу; были дружны, какъ братъ и сестра; ни особенныхъ порывовъ, ни особенныхъ охлажденій не было между ними въ теченіе всей жизни; ихъ заботы другъ о другѣ, ихъ бесѣды, все было такъ ровно, будничко, что не для чего было анализировать своихъ взаимныхъ отношеній. Привыкли другъ къ другу, ну, и продолжаютъ знакомство. Привычка къ существовавшему теченію ихъ жизни была такъ сильна, что имъ даже не приходило въ голову вопросовъ о томъ, что въ будущемъ все это можетъ измѣниться, что молодые люди не могутъ оставаться до безконечности въ такихъ отношеніяхъ, что Лизавета Николаевна можетъ выйти замужъ, что для ея мужа можетъ показаться странною и подозрительною эта дружба жены съ молодымъ человѣкомъ, а въ Иванѣ Григорьевичѣ можетъ пробудиться зависть къ этому человѣку, ставшему гораздо ближе къ его старой пріятельницѣ, чѣмъ стоитъ онъ. Теперь Иванъ Григорьевичъ видѣлъ, особенно изъ послѣднихъ теплыхъ словъ Лизы, что ихъ отношенія продолжаютъ, повидимому, оставаться неизмѣнными, но ему вдругъ стало тяжело, какъ будто они перестали удовлетворять его, какъ будто онъ кого-то хотѣлъ отодвинуть съ дороги, чтобы ближе подойти къ Баскаковой.

«Экая подлая натура-то у человѣка, — разсуждалъ онъ со своей обычной ироніей.—Сколько лѣтъ жилъ около молодой дѣвушки и никогда не подумалъ спросить себя: а какого рода чувства, братецъ, питаешь ты къ ней? А вотъ какъ полюбила она другого, когда она, можетъ-быть, вполнѣ счастлива будетъ, когда, можетъ-быть, и ты можешь оставаться на старомъ положеніи, — такъ и оказывается, что старыхъ-то отношеній мало, что завидно становится чужое счастье, что просто-на-просто ты любилъ ее. Когда кусокъ хлѣба у человѣка передъ носомъ былъ, такъ онъ и не думалъ о голодѣ, а взяли этотъ кусокъ хлѣба другіе, такъ вдругъ и оказывается, что и голоденъ-то человѣкъ, что и прожить-то не можетъ онъ безъ этого куска... Да глупости! можно прожить. Не поколѣю съ голоду, ну, потерплю, поскучаю, а тамъ другихъ встрѣчу, съ которыми характеромъ сойдусь,—не клиномъ же свѣтъ сошелся!»

Эти разсужденія, однако, нисколько не успокоивали Борисоглѣбскаго, хотя онъ, вслѣдствіе рѣшимости перетерпѣть

Digitized by Google

горе, сталъ усиленнѣе заниматься, больше охотиться, чаще просиживать въ бесѣдахъ съ привольскими мужиками.

— Разсѣянья ищу, какъ скучающая барыня,—подтруниваль онъ надъ собой, съ обычною добродушною насмѣшливостью, а у самого кошки на сердцѣ скребли...

Лизавета Николаевна продолжала бороться съ собою и казаться твердою. Она изрѣдка посѣщала на день, на два привольскій дворецъ; иногда на полчаса заѣзжалъ въ Бабиновку Михаилъ Александровичъ; но и въ Привольѣ, и въ Бабиновкѣ Лизавета Николаевна избѣгала встрѣчъ съ Задонскимъ наединѣ. Однажды ей не удалось избѣжать подобнаго свиданія, и Михаилъ Александровичъ сталъ просить у нея прощенія, сталъ бичевать себя.

— Я чувствую, что я виноватъ, что я долженъ былъ обдѣлать все и подготовить тетку къ нашей свадьбѣ заранѣе,—говорилъ онъ.—А теперь ты вполнѣ права, сомнѣваясь во мнѣ. Я, дѣйствительно, поступилъ подло.

— Значитъ, вы окончательно рѣшились бросить меня и уѣхать за границу?—холодно спросила Лиза, подавляя свое волненіе.

— Помилуй, я и не думалъ этого!—воскликнулъ Задонскій. — Напротивъ того, я твердо рѣшился поставить на своемъ...

— Такъ зачѣмъ же и называть себя подлецомъ?—еще холоднѣе замѣтила Баскакова. Она все менѣе и менѣе вѣрила ему.

— Да, но, не подготовивъ ничего заранѣе, я заставилъ тебя сомнѣваться во мнѣ и страдать...

— Вы знаете, что мои сомнѣнія въ васъ вызвало не то, что вы не подготовили графиню къ нашей свадьбѣ, а то, что вы скрыли свое намѣреніе уѣхать отъ меня за границу.

— Да у меня и не было этого намѣренія! Правда, я не далъ тогда положительнаго отвѣта теткѣ, но мнѣ помѣшала сдѣлать это моя трусость передъ грозящею намъ нищетою. Я и прежде говорилъ тебѣ, что у меня много ошибокъ, много пороковъ. Моя трусость передъ бѣдностью — одинъ изъ этихъ пороковъ,—каялся Задонскій. — Но ты можешь спасти меня отъ него, можешь ободрить меня своимъ вліяніемъ. Я стану...

— Постойте, постойте! — прервала его Лизавета Николаевна.—Вы говорите нелѣпыя вещи. Ваши ошибки, ваши пороки я бы могла переносить и, можетъ-быть, исправлять.

Digitized by Google

Но какъ это стану я исправлять васъ, вліять на васъ, когда вы сами бѣжите отъ своего спасенія? Такое бѣгство, кажется, ясно показываетъ, что вамъ совсѣмъ не нужна была моя помощь.

— Помилуй, да я не хотѣлъ уѣзжать! я не уѣду, рѣшительно не уѣду!—горячо проговорилъ Задонскій.

— Вы уже сказали объ этомъ графинѣ? — пристально взглянула на него Лиза.

Онъ смутился и понялъ, что лгать передъ нею невозможно, что у этой дѣвушки хватитъ смѣлости прямо спросить графиню о планахъ ея племянника и вывести его, такимъ образомъ, на чистую воду.

— Нѣтъ, я еще не говорилъ объ этомъ съ теткой,— угрюмо произнесъ онъ.

— Ну, такъ и со мной не стоило говорить, — окончила Лизавета Николаевна разговоръ.

Съ этого дня она рѣшилась не ѣздить въ Приволье. Ей казалось, что лучше вызвать новыя сплотни, чѣмъ мучить себя и видѣть постоянно передъ собой этого человѣка, которому она уже не вѣрила ни въ чемъ. Насколько полно и безгранично вѣрилось ей прежде во все, что онъ говорилъ, настолько полно и безгранично сомнѣвалась она теперь даже и въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ искренно. Каждое его слово казалось ей наглою ложью. Она уже ясно сознавала, что связь между ними оборвана навсегда, что если бы даже онъ предложилъ ей теперь выйти за него замужъ, то она, вѣроятно, отказалась бы отъ предложенія, не надѣясь на возможность исправить это изолгавшееся существо...

Графиня продолжала попрежнему присылать за Лизой экипажъ, но постоянно получала отвѣтъ, что «барышня не такъ здорова». Это была, и въ самомъ дѣлѣ, правда. У Лизы хватило нравственныхъ силъ для борьбы, но физическія силы начинали измѣнять ей. Иванъ Григорьевичъ уже нѣсколько разъ совѣтовалъ ей полѣчиться, но она съ непонятною для него боязнью отклоняла этотъ совѣтъ и увѣряла своего пріятеля, что она здорова. Черезъ силу уходила она, опираясь на его руку, въ поле, иногда просиживала съ нимъ въ саду и на берегу Желтухи по цѣлымъ часамъ и съ любопытствомъ разспрашивала про Петербургъ, про тѣхъ дѣвушекъ, которымъ приходится тамъ жить трудомъ. Иванъ Григорьевичъ не старался окрасить передъ нею въ розовый цвѣтъ столичную жизнь; онъ прямо гово-

Digitized by Google

рилъ, что тамъ не всегда есть работа, и что оплачивается она, въ большинствѣ случаевъ, скверно; но, въ то же время, онъ замѣчалъ, что въ деревнѣ или въ какомъ-нибудь Никитинѣ и совсѣмъ не найдешь работы и даже гроша на хлѣбъ не добудешь; онъ говорилъ, что многія изъ дѣвушекъ, живущихъ трудомъ, полны тѣхъ же старыхъ, унаслѣдованныхъ отъ праздныхъ отцовъ пороковъ и ошибокъ; что не всѣ изъ нихъ понимаютъ необходимость сплотиться въ тѣсный и твердый кругъ; что многія изъ нихъ расходятся и враждуютъ между собою ради мелочного самолюбія, ради мелочныхъ различій во взглядѣ, ради желанія царить въ своемъ кружкѣ за свой умъ и дѣятельность, какъ царили въ обществѣ ихъ матери за свою красоту и наряды, что эти личности или вредятъ своимъ ближнимъ, своему общему дѣлу, или гибнутъ сами, такъ какъ одного человѣка всегда сломить можно нуждою, да и мало ли чѣмъ другимъ, и силенъ онъ бываетъ только въ союзѣ съ другими; но, въ то же время, Борисоглѣбскій замѣчалъ, что всѣ эти ошибки являются только остатками, наслѣдствомъ старой жизни или слѣдствіями ограниченности сферы для работы, ограниченности, заставляющей бороться за свое мѣсто, бороться за каждую работу и глядѣть враждебно на новыхъ конкурентовъ; тутъ неотразимые экономическіе законы повторяются. Но, по словамъ Борисоглѣбскаго, школа труда — хорошая школа, и особенно теперь, когда работникамъ давно разъяснено наукой, что они должны дѣлать для достиженія какихъ-нибудь благотворныхъ результатовъ. Отъ его рѣчей вѣяло какимъ-то ободряющимъ спокойствіемъ. Даже его юмористическія замѣчанія о нѣкоторыхъ личностяхъ звучали такъ добродушно, что видно было, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и добрѣйшихъ пріятелей для тѣхъ личностей, надъ которыми подтрунивалъ, какъ подтрунивалъ и надъ самимъ собою. Даже къ самой нуждѣ онъ относился съ такимъ хладнокровіемъ, что она казалась не такъ страшна.

— Ну, ужъ, разумѣется, широко на наши деньги нельзя жить, да, вѣдь, многимъ и еще хуже живется, — говорилъ онъ.—И то сказать: люби кататься, люби и саночки возить. Или за честностью гонись, или за богатствомъ; или стремись хоть голякомъ быть, да свободнымъ, или гнись въ три погибели, только бы ближнихъ грязью своего экипажа обдавать. Новичкамъ особенно трудно подладиться къ нашей жизни. Все старыя барскія замашки имъ мѣшаютъ: и къ работѣ-то они не привыкли, дѣлаютъ ее кое-какъ, по-ста-

Digitized by Google

ринному: тяпъ-ляпъ — и вышелъ корабль, а глядишь, и остаются безъ дѣла; и жить-то имъ сразу въ отдѣльной комнатѣ хочется; и платье-то покупаютъ они себѣ и не прочное, и не тамъ, гдѣ дешевле оно продается; и полакомиться имъ хочется, когда лишній грошъ заведется, и нужно бы необходимое купить; и въ театръ ихъ манитъ, да не въ раекъ, а куда-нибудь пониже. Въ принципѣ всякую роскошь, всякое излишество отрицаютъ, ну, а на дѣлѣ все еще нѣтъ-нѣтъ, да и прорвутся на старую дорожку. И больше всего хваленая непрактичность мѣшаетъ. Ею иные даже хвастаютъ, какъ чѣмъ-то очень доблестнымъ. Оно, разумѣется, въ теоріи-то это хвастовство объяснить можно; прежде практики и подлецы были одно и то же, вотъ мы и отрицаемъ и подлость, и практичность, огуломъ, смѣшавъ два различныя понятія. Я самъ въ первое время своимъ неумѣньемъ жить хвалился, да потомъ понялъ, что это мнѣ накладно, и барышъ только тѣмъ приноситъ, кому я больше всего повредить хотѣлъ бы. Вѣдь просто глупо хотѣть шапками закидать, да ослиной челюстью побить тѣхъ, кто давно идетъ на тебя съ ружьями Шаспо! Вѣдь нужно въ чудеса вѣрить, чтобы думать, что ружья Шаспо не устоятъ передъ шапками и ослиными челюстями... Скажите, что солдаты идутъ на врага съ надеждой закидать его шапками — всѣ захохочутъ; а скажите, что непрактичный человѣкъ идетъ воевать при помощи своей непрактичности противъ практиковъ — всѣ закричатъ: значитъ онъ честный. Хороша честность! Это честность цыпленка, подставляющаго голову подъ ножъ повара, какъ говоритъ Писаревъ. Равное орудіе — первое условіе въ борьбѣ... Ну, да авось, нужда научитъ калачи ѣсть...

Смѣясь, шутливымъ тономъ разсказывалъ Иванъ Григорьевичъ и о мелкихъ удовольствіяхъ своей бѣдной трудовой жизни, о товариществѣ, о книгахъ, о посѣщеніяхъ въ компаніи театровъ...

— Сидишь это въ райкѣ, куда только праведники забираются, и свищешь за свой четвертакъ, потому что четвертакъ-то у тебя кровный, родной, и не хочешь ты, чтобы онъ даромъ пошелъ, за безобразное ломанье какого-нибудь шута,— разсказывалъ онъ, вызывая улыбку на лицо Лизы.

Она все болѣе и болѣе увлекалась этими разсказами, все бодрѣе смотрѣла на будущее. О Задонскомъ молодые люди уже не упоминали вовсе; кажется, онъ пересталъ существо-

Digitized by Google

вать для Лизы, по крайней мѣрѣ, она старалась вычеркнуть изъ своей памяти имя этого человѣка.

Дарья Власьевна, видя, что дочь не ѣдетъ въ Приволье, начала не на шутку волноваться. Однажды она рѣшилась на объясненіе съ дочерью.

— Да когда же это, матушка, наконецъ, дозовется тебя графиня? Долго ли ей еще пережидать твои капризы,—говорила мать.

— Когда захочется, тогда и поѣду,—отвѣтила дочь.

— Ты это съ Михаиломъ Александровичемъ вѣрно въ контрахъ? Такъ я тебѣ вотъ что, дѣвка, скажу: куй желѣзо, пока горячо. Послѣ близокъ будетъ локоть, да не укусишь!.. Ты думаешь, что ты ему очень дорога, что онъ другихъ невѣстъ не найдетъ?.. Успокойся, матушка, успокойся! Каждая къ нему на шею повѣсится...

— Я буду очень рада...

— Чему это? Да ты съ ума сошла, что ли?—всплеснула мать руками. — Да кого же тебѣ надо, если ты такого жениха упускаешь? Да на что ты надѣешься? Ни за тобой, ни передъ тобой ничего нѣтъ, какъ есть ничего! Лицомъ тоже не Богъ знаетъ какая красота, одному дураку понравилась,—а иной и смотрѣть не захочетъ.

— Пусть не смотритъ, я и не прошу!..

— Ну, да я-то прошу, мнѣ-то ты солона досталась, вотъ гдѣ ты сидишь у меня! — показала Дарья Власьевна на свою шею.

— Я и безъ замужества могу васъ избавить отъ своего присутствія,—сдержанно отвѣтила Лиза.—Я могу къ теткѣ въ Петербургъ уѣхать...

— И уѣзжай, и уѣзжай! Плакать не будутъ!—раскричалась мать, размахивая руками. — Ты это кому же угрозить хочешь — мнѣ или Михаилу Александровичу? Не больно-то испугаемся, мнѣ вы и безъ того надоѣли, а Михаилъ-то Александровичъ, видя твою дурь, вонъ и теперь все у Миронихи на постояломъ дворѣ пребываетъ... Не очень-то они тужатъ о вашей сестрѣ...

Лиза плотно прислонилась къ стѣнѣ.

— Вѣдь надъ тобой же люди будутъ смѣяться! Прежде сама къ нему лѣзла, на шею вѣшалась!..

— Никогда и ни къ кому я не вѣшалась на шею, — глухо, какъ бы сквозь сонъ, прошептала дочь.

— Не вѣшалась, не вѣшалась! А все же люди-то видѣли, что вы все вмѣстѣ, да вмѣстѣ, теперь и станутъ говорить,

Digitized by Google

что ты къ нему лѣзла, а онъ отъ тебя къ Мироновѣ бѣгалъ. Онъ вонъ, какъ пріѣхалъ, да свелъ съ ней знакомство, такъ и по сю пору знакомы...

Лиза какъ-то разслабленно поднялась съ мѣста и пошла къ двери, придерживаясь за стѣну. У нея въ глазахъ было мутно: она теперь видѣла, что Задонскій лгалъ ей съ первой минуты до послѣдней, лгалъ во всемъ и вездѣ. Она теперь не просто охладѣла къ нему, но ненавидѣла его...

А Задонскій рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Ему не хотѣлось сразу отказаться отъ Лизы, не хотѣлось явиться передъ нею совсѣмъ подлецомъ, и въ то же время онъ не зналъ, какъ обдѣлать дѣло иначе. До сихъ поръ всѣ его любовныя интриги завязывались въ средѣ замужнихъ женщинъ, которыя молчали поневолѣ при его измѣнѣ и только упрекали его въ письмахъ, разорванныхъ на закуриванье папиросъ, или послужившихъ на потѣху пріятелей; были у него связи и въ той средѣ, гдѣ бѣдныя, простыя дѣвушки отдавались ему, зная впередъ, что онъ, баринъ, не женится на нихъ: онѣ получали отъ него мелкіе подарки и потомъ плакали передъ нимъ, укоряя его только за то, что онъ такъ скоро разлюбилъ ихъ; онѣ если на что-нибудь и надѣялись съ самаго начала, такъ только на прочность и постоянство любви; наконецъ, онъ былъ коротко знакомъ съ уличнымъ продажнымъ развратомъ, но тутъ не было даже и помину о любви. Совсѣмъ другого рода дѣло было теперь. Передъ нимъ стояло не развратное, не продающее себя созданіе, не погуливающая тайкомъ отъ мужа жена, не какая-нибудь швея или горничная, даже не мечтавшая о вѣчности своего союза съ бариномъ; тутъ не было ни драматическихъ писемъ, ни робкихъ слезъ; нѣтъ, передъ нимъ стояло чистое въ душѣ, опрометчиво увлекшееся существо, готовое скорѣе погибнуть, чѣмъ отдаться ему безъ вѣры въ него. Онъ чувствовалъ, что онъ впервые, какъ ночной воръ, обокралъ, безъ всякой надобности, беззащитное созданіе, и тяжелѣе слезъ, тяжелѣе укоровъ дѣйствовала мучительная покорность совершившемуся факту, покорность, звучавшая въ каждомъ словѣ этого загубленнаго существа. Въ развращенной душѣ проснулось чувство стыда и раскаянья, тѣмъ болѣе сильное, что первая вспышка страсти еще не прошла въ самомъ Задонскомъ, и онъ, попрежнему, видѣлъ въ Лизѣ одну изъ лучшихъ дѣвушекъ, какихъ онъ встрѣчалъ на своемъ вѣку. Но мелкая и слабая натуришка не позволяла Михаилу Александровичу дѣйствовать рѣшительно и загла-

Digitized by Google

дить свой проступокъ. Вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій, онъ только предавался иногда разнымъ мечтамъ о томъ, что, можетъ-быть, тетка раздумаетъ ѣхать, что, можетъ-быть, она дастъ ему порядочную сумму денегъ. Изъ этихъ мечтаній, конечно, не могло ничего выйти, а Задонскій все откладывалъ свои переговоры съ теткой, все выискивалъ удобнаго случая. Наконецъ, такой случай насталъ. Графиня была въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и даже смѣялась, что случалось съ нею довольно рѣдко. Во время разговоровъ съ племянникомъ, она замѣтила, что Лиза бываетъ у нихъ теперь слишкомъ рѣдко и гоститъ мало, и начала распространяться о достоинствахъ Лизы и своей любви къ ней.

— Да,—рѣшился сказать Задонскій: — я-то болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой знаю, какъ прекрасна эта дѣвушка. Я просто безъ ума отъ нея...

— Надѣюсь, что это не имѣетъ никакого серьезнаго значенія,—замѣтила графиня и сдвинула брови.

— Если вы не считаете серьезнымъ дѣломъ любовь,— возразилъ племянникъ: — то, конечно, тутъ нѣтъ ничего серьезнаго...

— Не любовь, а увлеченіе,—проговорила тетка.—Это понятно. Я тебя предупреждала, зная, что ты способенъ увлекаться...

— Да, я способенъ увлекаться. Но люблю я впервые. Это чувство совсѣмъ не похоже на прежнія, которыя вспыхивали и черезъ минуту потухали во мнѣ снова...

— Ахъ, это точно такое же увлеченіе, какъ и всѣ прежнія,—настаивала графиня.—И что-жъ тутъ удивительнаго? Ты здѣсь живешь безъ дѣла, ты не видишь почти никого изъ молодыхъ дѣвушекъ, кромѣ нея, ну, и увлекся... Я этого-то и боялась, зная, что ты наслѣдовалъ отъ покойной матери и отъ несчастнаго дяди эту способность увлекаться... Да проститъ ихъ Богъ, но они тоже постоянно влюблялись въ кого-нибудь и увѣряли себя, что каждая ихъ послѣдняя любовь есть первая любовь.—Графиня вздохнула и печально покачала головой, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ родныхъ.— Но слава Богу, что Лиза сама, какъ я замѣчаю, сторонится отъ тебя...

— Она тоже любитъ меня, — поспѣшилъ замѣтить племянникъ.

— Любитъ?—изумилась графиня.—Ну, да, можетъ-быть, но она не глупа, и потому, вѣроятно, поняла, что ей невозможно питать какія-нибудь надежды на вашъ союзъ...

Digitized by Google

— Отчего же невозможно?—воскликнулъ съ жаромъ Задонскій.

— Я думаю, ты настолько разсудителенъ, что самъ понимаешь всю нелѣпость подобнаго брака. Не говоря уже о томъ, что было бы странно породниться съ какими-нибудь Баскаковыми, считать тестемъ ярмарочнаго героя, нахлѣбника и шута цѣлой губерніи, считать тещею безсмысленную женщину, знакомую только Богъ знаетъ съ кѣмъ, съ разными лавочницами, содержательницами постоялыхъ дворовъ... Но даже эта дѣвочка была бы просто смѣшна въ томъ кругу, гдѣ живешь ты... Я согласна, что она получила кое-какое образованіе, что она не глупа, — но этого мало, чтобы заставить близкихъ намъ людей забыть ея происхожденіе.

— Я постараюсь перевоспитать ее...

Графиня съ изумленіемъ посмотрѣла на племянника и только теперь поняла, что онъ говоритъ о дѣлѣ серьезно, что онъ, кажется, дѣйствительно хочетъ жениться.

— Дѣлай, какъ знаешь,—холодно проговорила она.—Я могу совѣтовать, но не имѣю никакого права запрещать или позволять... Только, пожалуйста, предупреди ея родныхъ, что я не желаю этого брака,—многозначительно произнесла она:—не желаю, и потому не буду считать ихъ родными. Люди всѣ равны передъ Богомъ, но у насъ есть право или, лучше сказать, нашъ домъ сходится только съ тѣми, кому мы симпатизируемъ, съ кѣмъ мы родня по духу... Что касается до Лизы, то я думаю переговорить съ нею лично...

— Вы сердитесь на меня? — заискивающимъ голосомъ произнесъ Задонскій, испугавшійся суроваго тона тетки, и поцѣловалъ ея руку.

— Я не имѣю никакого права сердиться на своихъ ближнихъ за то, что они живутъ по-своему. Можетъ-быть, они правы, а я заблуждаюсь,—произнесла смиренно графиня.— Ты знаешь мое правило: пусть каждый живетъ, какъ онъ хочетъ; я могу давать только совѣты. Примутъ ихъ люди— я очень рада, не примутъ — ну, что-жъ? это значитъ, что мы разошлись въ убѣжденіяхъ, должны разойтись и въ жизни и не безпокоить другъ друга... Я, дружокъ, не отступала ни разу отъ этого правила и прошу Бога дать мнѣ силы идти и въ будущемъ по этому пути, и не кичиться передъ людьми своею безошибочностью, не господствовать надъ ними... Я поставлена въ такое положеніе, что могла бы

Digitized by Google

иногда настоять на своемъ, могла бы заставить ближнихъ поступиться ихъ убѣжденіями; но не этого хочу я. Я радуюсь искреннему согласію людей со мной, но лицемѣрнаго подчиненія себѣ я не терплю. Я стремлюсь не къ своему господству надъ ближними, но къ господству надъ ними тѣхъ святыхъ истинъ, тѣхъ благородныхъ правилъ, передъ которыми я сама являюсь покорною рабою...

Графиня встала съ мѣста и начала ходить по комнатѣ; она была, повидимому, взволнована. Задонскій еще разъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ вонъ. Онъ былъ окончательно ошеломленъ словами тетки. Она никакъ не воображала, что простое напоминаніе о ея правилахъ было самымъ сильнымъ аргументомъ, доказывавшимъ племяннику всю нелѣпость его плановъ насчетъ женитьбы, что эти аргументы были страшнѣе запрещенія. Передъ такою угрозою не могъ не струсить молодой наслѣдникъ графини... Теперь онъ не зналъ, что̀ начать дѣлать. Ему хотѣлось забыться, опьянѣть, чтобъ только заглушить непрошенные упреки некстати проснувшейся совѣсти. Казалось, что совѣсти никогда не было въ душѣ; но теперь она мучила его, можетъ-быть, потому, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, чувствовалъ нѣчто въ родѣ любви къ Лизѣ, или потому, что жертва была слишкомъ чиста, слишкомъ невинна... Ему то хотѣлось бѣжать къ Лизѣ, чтобы излить передъ нею свое раскаянье; то являлась рѣшимость никогда не встрѣчаться съ нею, чтобы не слышать ея ровнаго, мучительно-холоднаго голоса, не видѣть ея карающаго, пристальнаго взгляда.

Подобные Задонскому люди думаютъ въ такихъ экстренныхъ случаяхъ: «а, будь, что̀ будетъ!»—и складываютъ руки, стараются больше спать, чаще находиться въ кругу посторонникъ людей. Дѣлать дѣло поручается судьбѣ—и иногда эта глупая особа оказывается гораздо умнѣе своихъ довѣрителей.

VII.

День стоялъ жаркій. Это было въ половинѣ августа. Въ небѣ не было ни тучки, но какой-то бѣловатый знойный туманъ носился надъ горячею землею. Въ воздухѣ сильно пахло, послѣ дождя, шедшаго наканунѣ, сѣномъ. Время было около полудня. По узенькой тропинкѣ, отдѣлявшей бабиновскій лѣсъ отъ лѣса привольскихъ мужиковъ неторопливо ѣхалъ верхомъ господинъ въ бѣлой лѣтней одеждѣ. Это былъ Михаилъ Александровичъ. Онъ возвращался съ

Digitized by Google

постоялаго двора «Никитинскаго погоста», куда ѣздилъ въ послѣдній разъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Графиня посылала его въ столицу для расплаты съ его кредиторами и для взятія заграничныхъ пассовъ. Онъ былъ задумчивъ и, можетъ-быть, невольно, проѣзжая этими знакомыми мѣстами, вспоминалъ о той дѣвушкѣ, которую онъ готовился бросить навсегда. Проѣхавъ съ версту, онъ былъ пораженъ громкими голосами аукавшихся дѣтей. На ихъ крики отвѣчалъ тоже ауканьями мужественный, знакомый Задонскому, голосъ. То былъ голосъ Борисоглѣбскаго. Задонскій невольно вздрогнулъ и пришпорилъ лошадь. Но она не успѣла еще сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ его глаза встрѣтили слишкомъ коротко знакомую ему фигуру дѣвушки. Она сидѣла подъ деревомъ около лѣсной тропинки и машинально разбирала наваленные около нея грибы. Задонскій не могъ миновать ее. Съ минуту онъ въ нерѣшимости придержалъ лошадь, потомъ соскочилъ съ нея, привязалъ ее къ дереву и пошелъ по направленію къ дѣвушкѣ. Она замѣтила его приближеніе только тогда, когда онъ стоялъ уже на шагъ отъ нея. Она вопросительно глядѣла на него и не произносила ни слова. Задонскій хотѣлъ взять ее за руку, но она быстро отдернула руку и поднялась съ мѣста, чтобы уйти.

— Постойте,—умоляющимъ голосомъ произнесъ Михаилъ Александровичъ:—намъ надо объясниться.

— Я не хочу никакихъ объясненій. *Мнѣ* они не нужны,— сухо отвѣтила она.

— Нѣтъ, они нужны для васъ такъ же, какъ для меня!— воскликнулъ онъ. — Вы должны ненавидѣть и презирать меня. Но я заглажу свои ошибки. У меня не хватило духу настоять на своемъ теперь, но я буду преслѣдовать свою цѣль до конца... Вамъ будетъ тяжело пережить настоящее время... Но говорите, что я могу сдѣлать для того, чтобы вамъ легче перенести тѣ дни, которые пройдутъ до моего возвращенія?.. Уѣзжайте въ Петербургъ, ждите меня тамъ, я дамъ вамъ на это средства... Это моя обязанность.

— До настоящей минуты я васъ ненавидѣла, но теперь вы мнѣ просто жалки,—задыхающимся голосомъ произнесла Лизавета Николаевна.

— Ради Бога, не считайте моихъ намѣреній грязными. Я вижу въ васъ свою жену, которой я поклялся въ любви передъ Богомъ. Мы связаны, — горячо говорилъ Задонскій.

— Мы? Связаны? Чѣмъ?—спросила Лизавета Николаевна, поднимая на него глаза.

Digitized by Google

Онъ взглянулъ на нее какимъ-то изумленнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ и едва слышно проговорилъ:

— Вы готовитесь быть матерью!

Она слабо вскрикнула, закрыла лицо руками и тотчасъ же снова отняла ихъ.

— Да, я буду матерью, но мой ребенокъ никогда не назоветъ васъ своимъ отцомъ! Идите!

Она указала ему рукою на дорогу.

— Вы губите себя, губите своего будущаго ребенка.

Она медленно пошла отъ него.

— Ради Бога, ради Бога, подумайте, что вы дѣлаете, что скажутъ ваши родные,—говорилъ онъ въ волненіи.

Она все шла и шла, не поворачивая головы, наконецъ, ей попался навстрѣчу вышедшій изъ лѣсу Борисоглѣбскій. Она бросилась къ нему.

— Скажите, пожалуйста, ему, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ! — обратилась она къ Ивану Григорьевичу и въ изнеможеніи опустилась на траву.

Борисоглѣбскій взглянулъ на Задонскаго такимъ взглядомъ, что тотъ повернулся назадъ, торопливо отвязалъ лошадь и понесся къ Приволью. Въ его головѣ не было никакой опредѣленной мысли, ни радостной, ни тоскливой. Пріѣхавъ домой, онъ бросился на свою постель и пролежалъ на одномъ мѣстѣ, не шевелясь, около двухъ часовъ. Потомъ онъ всталъ и провелъ рукой по лбу, отирая капли холоднаго пота.

— Ну, теперь будь, что будетъ, но, во всякомъ случаѣ, я умываю руки! Она сама этого хотѣла,—прошепталъ онъ, и съ его груди, какъ-будто, свалился какой-то тяжелый гнетъ.

Да, она сама этого хотѣла! О чемъ же тутъ и тужить, въ чемъ же тутъ и раскаиваться? Михаилъ Александровичъ никакъ не ожидалъ, что дѣло разыграется такъ счастливо и хорошо для него. Но ему было тяжело то обстоятельство, что около него не стояло ни одной личности, передъ которой онъ могъ излить свою печаль, побичевать себя и обвинить Лизу за то, что она такъ безжалостно бросила его... Ему теперь поскорѣе хотѣлось уѣхать въ Петербургъ, тамъ всегда найдутся люди, полные сочувствія къ несчастіямъ богатыхъ ближнихъ...

Лизавета Николаевна сидѣла, между тѣмъ, на травѣ, опустивъ голову на руки, грустная и безмолвная. Она чувствовала, что она оборвала послѣднюю нить, еще привязывавшую ее къ Задонскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ деревнѣ.

Digitized by Google

Иванъ Григорьевичъ созвалъ дѣтей и велѣлъ имъ разбирать грибы, лежавшіе на томъ мѣстѣ, гдѣ, за полчаса передъ тѣмъ, сидѣла Лизавета Николаевна. Занявъ такимъ образомъ дѣтей, онъ снова вернулся къ ней и прилегъ на траву. Съ четверть часа они оба молчали.

— Что же, когда мы въ Петербургъ-то поѣдемъ?—шутливымъ тономъ произнесъ Борисоглѣбскій, чувствуя, что необходимо нужно вывести изъ задумчивости это несчастное созданіе.

— Я и сама объ этомъ думала,—проговорила она, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, точно пробуждаясь отъ тяжелаго сна.— Только все еще страшно одной ѣхать.

— Да вѣдь я туда же ѣду,—отвѣтилъ Борисоглѣбскій.

— Ну, у васъ тамъ занятія, некогда будетъ со мной няньчиться...

— Эхъ, да я все брошу, только бы быть вамъ полезнымъ,—горячо проговорилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Что вы это! я первая отказалась бы отъ вашихъ услугъ, если бы вамъ пришлось изъ-за нихъ чѣмъ-нибудь пожертвовать...

— Да какая же это жертва, если я это сдѣлаю для васъ?— произнесъ Борисоглѣбскій.

Лизавета Николаевна промолчала. Впервые ей было почему-то страшно продолжать разговоръ со своимъ старымъ пріятелемъ. Онъ въ этотъ день выглядѣлъ какъ-то тревожно, какъ-то слишкомъ горячо относился къ ней. Она немного отодвинулась отъ него. Борисоглѣбскій замѣтилъ это и нахмурилъ брови.

— Что, ваши всѣ домашніе, я думаю, скучаютъ, что вы скоро уѣдете?—спросила Лизавета Николаевна, чтобы, начавъ новый разговоръ, избѣжать нѣмого, особенно блестящаго взгляда Ивана Григорьевича.

— Мнѣ-то какое дѣло до нихъ!—грубо отвѣтилъ Борисоглѣбскій и стиснулъ зубы.—Вотъ,—началъ онъ черезъ минуту:—вы хотите начать новый разговоръ; вы что-то угадали изъ моихъ мыслей и боитесь, что я выскажу ихъ вамъ вполнѣ. Вы знаете, что я вамъ преданъ, какъ собака, знаете, что меня вы можете заставить сдѣлать все, и, конечно, понимаете, что безъ причины люди не выказываютъ такой собачьей преданности... Такъ почему же вы боитесь, что я выскажу эту причину? Почему, понимая ее, вы стараетесь ея не понимать? Неужто вы боитесь, что я брошу васъ, когда вы скажете, что не любите меня?

Digitized by Google

Лизавета Николаевна судорожно сжала свои руки. Она ясно видѣла, что Борисоглѣбскій и не подозрѣваетъ, какъ сильно было ея увлеченіе Задонскимъ, а считаетъ это мимолетнымъ чувствомъ, которое давно забыто.

— Иванъ Григорьевичъ, — начала она надрывающимся, мучительнымъ голосомъ: — вы видите, что я обхожу этотъ вопросъ. Для чего же вы настаиваете на своемъ? Я вамъ не говорю ни да, ни нѣтъ, совсѣмъ не касаюсь этого предмета, а вы непремѣнно хотите, чтобы я сказала, что я не люблю васъ...

— Ну, да, не люблю я неясныхъ положеній. Или да, или нѣтъ, а то—чортъ знаетъ, въ мечтанія впадаешь, замки воздушные строишь,—проговорилъ Борисоглѣбскій.—Теперь, по крайней мѣрѣ, легче будетъ. Не любите—значитъ и не думай о счастьи, не про насъ оно писано!...

Лицо Борисоглѣбскаго выглядѣло въ эту минуту жалко. Лизавета Николаевна не могла вынести равнодушно этого печальнаго вида.

— Я вамъ не говорила, что я не люблю васъ,—начала она.—Нѣтъ, я только хотѣла сказать, что любовь здѣсь не поведетъ ни къ чему... Послушайте,—продолжала она тихо и въ смущеніи:—не думайте обо мнѣ!.. Не думайте, потому что я не стою васъ... Вамъ нужна жена честная, развитая, а не какая-нибудь деревенская барышня, готовая увлечься первымъ смазливымъ лицомъ, и сама не знающая, чего ей нужно... Будьте, просто, моимъ другомъ и защитникомъ, потому что всѣ, всѣ скоро отвернутся отъ меня... Я скоро сдѣлаюсь ма...

— Слышалъ я, да не вѣрилъ,—перебилъ ее Борисоглѣбскій, подмѣтившій блѣдность ея лица и понявшій только теперь, что людскія сплетни не преувеличивали дѣла.—Ну, такъ что-жъ? я не младенецъ какой-нибудь невинный!—окончилъ онъ.

Лизавета Николаевна посмотрѣла на него съ глубокимъ чувствомъ благодарности.

— Если только это пугало васъ, такъ, право, не стоитъ и думать объ этомъ,—заговорилъ Борисоглѣбскій съ надеждой на лицѣ.—Теперь, когда я все знаю, когда я вамъ говорю снова, что я...

— Иванъ Григорьевичъ,—быстро и твердо перебила его Лизавета Николаевна: — я прошу у васъ одного: помогите мнѣ въ Петербургѣ совѣтомъ... Если вамъ тяжело видѣть меня, откажитесь прямо отъ этой роли. Но не говорите мнѣ о любви... Откажитесь, и я найду путь одна...

Digitized by Google

Борисоглѣбскаго облило, какъ холодною водою, онъ наклонилъ голову. Ему вдругъ стало совѣстно за самого себя, что онъ увлекся своимъ чувствомъ и не во-время сталъ дѣлать предложеніе. Онъ обозлился на себя.

— Когда мы поѣдемъ?—спросилъ онъ глухо.

— Я думаю ѣхать недѣли черезъ три.

— Хорошо. Я къ тому времени напишу кое-кому въ Петербургѣ о васъ.

Борисоглѣбскій серьезно заговорилъ о дѣлахъ. Прошло съ часъ времени.

— Такъ, значитъ, мы попрежнему друзья?—спросила Лизавета Николаевна, вставая съ мѣста, чтобы идти домой.

— Все попрежнему въ собачьей должности состоять буду,—усмѣхнулся добродушной улыбкой Иванъ Григорьевичъ.

— Скажите, это упрекъ?—остановилась Лизавета Николаевна.—Я не хочу быть вамъ въ тягость.

— Ну, значитъ, мы еще не совсѣмъ друзья, если вы сегодня и шутокъ не понимаете,—промолвилъ Борисоглѣбскій.—Было бы тяжело, не бѣгалъ бы за вами... Слава тебѣ, Господи, вольный человѣкъ... Вы меня извините,—проговорилъ онъ черезъ минуту:—я сдѣлалъ, просто, пошлость, заговорилъ съ вами о своей любви...

Лизавета Николаевна горячо пожала ему руку. Эта рука была холодна. «Нѣтъ,—думалось Лизаветѣ Николаевнѣ:—никогда не выйду я замужъ за этого человѣка. Ему не такую жену нужно!.. Я не стою его... Иногда я готова поцѣловать его добрую руку... Я готова слушать и исполнять его совѣты, какъ будто передо мною стоитъ не этотъ молодой другъ, а добрый и честный старикъ-отецъ... Ахъ, если бы мой отецъ хотя немного походилъ на него!»—вздохнула она, вспомнивъ объ отцѣ.

Съ этого дня молодая дѣвушка стала смотрѣть на свой домъ, какъ на совершенно чужое ей мѣсто, какъ на грязную станцію, гдѣ она сидитъ поневолѣ, въ ожиданіи почтовыхъ лошадей. Она холодно и твердо переносила домашнія непріятности, въ которыхъ не было недостатка особенно теперь, когда Дарья Власьевна то грозила не отпустить дочь въ Петербургъ, то оплакивала ее, какъ погибшую.

— Ты и не думай ѣхать. Я тебя не пущу, паспорта тебѣ не дамъ... Я мать, я должна заботиться о тебѣ,—говорила Дарья Власьевна.—Вы всѣ у меня верченыя, за вами глазъ, да глазъ нуженъ!

— Вамъ же лучше, что хоть одною меньше у васъ на

Digitized by Google

шеѣ сидѣть будетъ,—отвѣчала Лизавета Николаевна.—Вы, вѣдь, только этого и хотѣли.

— Такъ, что-жъ я по-твоему злодѣйка какая, что ли, а не мать?—начинала жалобно упрекать ее Дарья Власьевна.—Жалѣла я когда что-нибудь для васъ? Для кого я убивалась, для кого мучилась и теперь мучаюсь? Я домъ отстраиваю, я тяжбы веду, я съ холопьями бьюсь,—для кого же это по-твоему? Не для себя ли? Нѣтъ, матушка, мнѣ шесть досокъ да саванъ—вотъ и все! А для васъ это все нужно, ваша жизнь впереди!..

— Не знаю, для кого и для чего вы мучились, но вы сами гнали меня изъ своего дома,—холодно отвѣчала дочь.

— И это дочь, это дочь матери говоритъ!—восклицала мать. — Стыдись! стыдись! у самой дѣти будутъ, тогда узнаешь, каково материнскому сердцу такія слова слышать... Не гнала я никого изъ васъ, а если что сказалось когда сгоряча, такъ вы снести должны были, снести. Покорности, покорности въ васъ нѣтъ. Вы меня въ гробъ уложите!...

— Я затѣмъ и уѣзжаю, чтобы вамъ меньше непріятностей пришлось отъ меня видѣть...

— Да я развѣ ропщу?.. Развѣ мнѣ легче, что ты на чужой сторонѣ погибать будешь?.. Ночей не буду я теперь спать, о тебѣ думать буду!.. Ты думаешь, что меня ужъ одно то не убиваетъ, что твой отецъ Богъ знаетъ гдѣ пропадаетъ...

— Не говорите объ отцѣ. И онъ бѣжалъ отъ васъ, какъ бѣгу я,—сурово замѣтила Лизавета Николаевна.— Въ чужихъ углахъ жить не весело, чужой хлѣбъ ѣсть не сладко, и если люди бѣгутъ отъ своего дома, отъ своего хлѣба, значитъ, имъ тошно стало на родинѣ.

Дарья Власьевна расплакалась.

— Богъ тебя накажетъ, Богъ накажетъ!—всхлипывала она.—Ты бы лучше повинилась во всемъ матери, если что сдѣлала... Ты не думаешь ли въ Петербургѣ-то Михаила Александровича встрѣтить?.. Не встрѣтишь, матушка!.. А если бы ты съ матерью-то откровенна была, такъ дѣло-то мать и уладила бы. Не дали бы ему уѣхать-то!.. Ты мнѣ скажи, до чего дѣло-то между вами дошло?.. Вѣдь я знаю вашу сестру, опаски у васъ нѣтъ... И сама я была молода, мало ли чего бываетъ въ молодости, однако, отецъ-то твой не отвертѣлся отъ меня.

Лизавета Николаевна съ отвращеніемъ отвернулась отъ матери. Между ними не существовало никакой привязанности, ихъ не связывали даже тѣ теплыя воспоминанія,

Digitized by Google

ради которыхъ многое прощается человѣку, ради которыхъ Лизавета Николаевна любила и жалѣла своего отца... Иногда мать вела разговоры въ другомъ тонѣ и совѣтовала дочери прибрать тетку въ Петербургѣ къ рукамъ.

— Покорна будь, покорна будь!—наставляла мать.—Пусть она духовную сдѣлаетъ въ нашу пользу... Не давай чужимъ-то въ домъ къ ней втираться. Люди рады чужое добро захватить. Словно вороны на падаль на деньги-то слетаются... А ты дѣло-то осмотрительно веди... Для своей семьи будешь добро дѣлать...

Дочь молча сидѣла, пропуская мимо ушей эти наставленія. Ей были противны рѣчи матери, но, въ то же время, она спрашивала себя: «Да я-то чѣмъ лучше ея? Только развѣ тѣмъ, что ни съ кѣмъ не ругаюсь. Она ничего путнаго не дѣлаетъ, да вѣдь и я ничего не дѣлала. Она крестьянъ ругала, да на ихъ деньги жила; я тоже бранила ее, а одѣвалась, пила, ѣла на ея счетъ, еще капризничала, что худо кормятъ. Все то же... Прошло бы еще лѣтъ восемь, девять, такъ никто и не отличилъ бы насъ другъ отъ друга...»

Время быстро приближалось къ отъѣзду. Однажды графиня снова прислала экипажъ за Лизаветой Николаевной. Та рѣшилась съѣздить въ Приволье, гдѣ, какъ она знала, не было уже Михаила Александровича. Съ Привольемъ у молодой дѣвушки были связаны лучшія воспоминанія въ жизни; правда, они значительно ослабѣли въ послѣднее время вслѣдствіе горькихъ событій. Но все же ей хотѣлось, можетъ-быть, въ послѣдній разъ, взглянуть на эти мѣста, гдѣ ей былъ знакомъ каждый кустъ, была извѣстна каждая тропинка; ей хотѣлось даже взглянуть на графиню, которую Лиза не обвиняла и не могла обвинять ни въ чемъ и попрежнему любила той ровною и немного холодною любовью, какою и можно любить подобныхъ графинѣ женщинъ. Когда Лиза явилась въ кабинетъ старухи, та чуть не вскрикнула отъ удивленія, такъ измѣнилась въ послѣднее время Лиза; она похудѣла, держалась прямѣе прежняго, ступала тверже, даже, какъ-будто, выросла; на ея лицѣ были слѣды сосредоточенной мысли и озабоченности, глаза не искрились прежнимъ живымъ огонькомъ, но смотрѣли пристальнѣе, были, какъ-будто, глубже и темнѣе.

— Какъ вы измѣнились, дитя,—ласково произнесла графиня.—Мы такъ давно не видались. Я соскучилась о васъ...

— Я была нездорова,—отвѣтила Бэскакова.

Digitized by Google

Графиня говорила въ этотъ день особенно ласково, особенно мягко, какъ говорятъ съ больными или страдающими людьми. Въ ея кабинетѣ царствовала тишина, распространялся на всѣ предметы мягкій и таинственный полусвѣтъ, вѣяло тѣмъ миромъ и покоемъ, которые такъ любила Лиза въ былые дни. Ей и теперь было и грустно, и сладко отдохнуть въ этомъ затишьѣ.

— Но теперь, надѣюсь, вы здоровы?—заботливо спрашивала графиня, всматриваясь въ лицо молодой дѣвушки и любуясь серьезностью и осмысленностью его выраженія.

— Здорова и даже собираюсь на-дняхъ уѣхать въ Петербургъ... Я пріѣхала проститься съ вами.

— Въ Петербургъ?—повторила съ разстановкой графиня и еще пристальнѣе стала всматриваться въ лицо молодой дѣвушка. Брови старухи успѣли немного сдвинуться; въ ея головѣ промелькнула мысль, что молодая дѣвушка и ея племянникъ могли условиться встрѣтить другъ друга въ столицѣ.

— Скажите, что вамъ вздумалось ѣхать туда?—спросила она, не спуская пытливыхъ глазъ съ Лизы.

— Хочу поучиться и пріискать работы...

— Я думаю, работы у васъ нашлось бы довольно и дома...

— О да, но здѣсь мнѣ тяжело жить. Вы знаете, какая жизнь идетъ у насъ въ семьѣ,—откровенно и просто сказала Баскакова.

Графиню поразилъ этотъ искренній и, попрежнему, мягкій тонъ Лизы. Старуха не знала, что заключить: если эта дѣвушка знаетъ, что она, графиня, противилась ея браку, то она должна сердиться; если она не знаетъ этого, то почему она считаетъ нужнымъ, и какъ можетъ скрывать съ такой наружной невинностью свои истинныя цѣли и маскировать причину своего отъѣзда? Эту загадку графиня рѣшилась разъяснить.

— Я слышала, что Мишель хочетъ на васъ жениться?—неожиданно спросила она, устремляя глаза на юную собесѣдницу.

— Да, но я ему отказала,—коротко произнесла Лиза, слегка блѣднѣя.

Ни искренность тона, ни внезапная блѣдность не ускользнули отъ зоркихъ глазъ старухи.

— Отказали?—съ удивленіемъ спросила она.

— Да.

Digitized by Google

Графиня, несмотря на свою постоянную сдержанность, въ волненіи встала и начала тихо ходить по комнатѣ. Въ ея головѣ носились такія мысли, которыхъ она не могла привести въ порядокъ. Сначала ей показалось, что Лиза, вѣроятно, узнала ея мнѣніе насчетъ этой предполагаемой женитьбы племянника и отказала жениху во имя своей покорности волѣ благодѣтельницы.

— Онъ говорилъ вамъ о моемъ разговорѣ съ нимъ по поводу этого брака?—спросила старуха, останавливаясь посреди комнаты.

— Я даже не знала, что вамъ извѣстны его намѣренія,— отвѣтила Лиза: ее уже начиналъ волновать этотъ допросъ.

Графиня снова продолжала ходить по кабинету.

— Значитъ, вы его не любили?—остановилась она черезъ минуту передъ Лизаветой Николаевной.

— Графиня! — умоляющимъ голосомъ воскликнула молодая дѣвушка, вся блѣдная, трепещущая, съ крупными слезами на глазахъ.—Есть вещи, о которыхъ тяжело говорить даже... даже съ матерью!.. Я только потому и рѣшилась пріѣхать къ вамъ, что вамъ ничего неизвѣстно.

Она остановилась на минуту подъ вліяніемъ сильнаго волненія.

— Если бы я знала, что вы станете говорить объ этомъ, я никогда бы не пришла сюда, хотя вы знаете, какъ я привыкла любить и уважать васъ...

Графиня медленно провела рукою по лбу, какъ будто передъ ея глазами былъ какой-то мучительный призракъ. Впервые, можетъ-быть, послѣ долгихъ лѣтъ самодовольной безгрѣшности, эта женщина испытывала теперь сильное волненіе и готова была поддаться голосу чувства. Она понимала, что передъ нею было глубоко любившее, глубоко несчастное существо, и что одною изъ главныхъ причинъ этого несчастія была, можетъ-быть, она сама, графиня. Сильнѣе упрековъ, страшнѣе слезъ пробудили въ ней еще не совсѣмъ умерщвленное чувство эти простыя и теплыя слова любви, сказанныя тѣмъ самымъ созданіемъ, которое должно было возненавидѣть ее.

— Дитя мое,—промолвила тихо старуха, опускаясь на софу возлѣ Лизы:—все можно исправить... Подобныя несчастья и ошибки поправимы...

— Я и хочу ихъ исправить,—сквозь слезы отвѣтила Баскакова.—Я ѣду не на веселую жизнь, я ѣду на нужду и трудъ...

Digitized by Google

Старуха обняла ее. Она не понимала, какъ можно исправлять ошибки не покаяньемъ, не эпитимьею, не монастырскимъ схимничествомъ, онъ не понимала, какъ можно успокоить горе не смиреніемъ, не покорностію, не молитвою,—но впервые въ жизни она не рѣшалась давать совѣтовъ и предоставляла человѣку право искать исправленія и забвенія на другомъ пути, на пути честнаго, упорнаго труда и полной независимости. Этого пути спасенія она не знала, навѣрное сочла бы его ошибочнымъ, но теперь передъ нею совершалась дѣйствительная драма, и она видѣла, что тутъ учить и давать совѣты не время...

Черезъ нѣсколько дней Иванъ Григорьевичъ заѣхалъ за Лизаветой Николаевной въ Бабиновку. Они отправились въ Петербургъ. За часъ или за два передъ ихъ отъѣздомъ пріѣхалъ къ Баскаковымъ лакей графини и передалъ Лизаветѣ Николаевнѣ небольшой пакетъ, въ немъ было ласковое и нѣжное письмо графини, просившей Лизу писать къ ней и обращаться откровенно за помощью, въ случаѣ нужды; кромѣ того, въ пакетѣ были вложены сто рублей и небольшія брильянтовыя серьги «на память отъ старухи, которой, можетъ-быть, остается недолго жить», какъ писала графиня.

— Что же, деньги всегда годятся,—шутливо замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ:—а брильянты,—хошь вамъ и не щеголять въ нихъ,—при случаѣ, все-таки, продать можно.

Лиза наскоро написала графинѣ записку, въ которой благодарила ее за все.

Начались сборы. Дарья Власьевна плакала и причитала надъ дочерью, какъ надъ покойницей. Но дочь оставалась холодна и торопилась уѣхать. Съ сожалѣніемъ прощалась она только съ дѣтьми. Они просили ее скорѣе пріѣхать домой, поручали ей купить для нихъ гостинцевъ и, кажется, даже не подозрѣвали, что сестра уѣзжаетъ навсегда. Молодые люди уже готовились сѣсть въ экипажъ, когда маленькая сестра Лизаветы Николаевны робко подошла къ ней.

— Лизочка, голубчикъ, родная, возьми меня съ собой!—тихо прошептала она и, неслышно рыдая, спрятала свое лицо въ одеждѣ старшей сестры.

Изъ глазъ Лизаветы Николаевны брызнули градомъ слезы.

— Нельзя... не могу,—проговорила она сестрѣ, покрывая ее поцѣлуями, и торопливо усѣлась въ экипажъ.

Черезъ минуту онъ несся по дорогѣ...

Дѣти постояли на дворѣ, помахали руками, покричали

Digitized by Google

уѣзжающимъ: «Пріѣзжай, Лиза! Будьте здоровы, Иванъ Григорьевичъ!»—и разбѣжались. Дарья Власьевна всплакнула, потомъ убѣжала въ домъ, накинулась съ горя на прислугу и начала бушевать. Дворъ опустѣлъ... Только на ступенькахъ еще недостроеннаго и полуразвалившагося крыльца сидѣла маленькая Катя и, тихо плача, смотрѣла на большую дорогу, гдѣ уже давно было совершенно пусто, и вѣтеръ успѣлъ занести легкій слѣдъ, оставленный на пыли колесами удалившагося экипажа... Около плачущей дѣвочки, кудахтая, вертѣлись куры, потыкивая носами въ землю и, вѣроятно, думая, что ребенокъ усѣлся тутъ именно для того, чтобы накормить ихъ...

Съ этой же минуты въ домѣ все должно было войти въ свою обычную колею, такъ какъ ничего особеннаго, нарушающаго теченіе будничной жизни, и не случилось: однимъ человѣкомъ убавилось—вотъ и все!..

Digitized by Google

Оглавленіе

II ТОМА.

стр

Господа Обносновы. Романъ.

I. Мать и сынъ 5
II. Впотьмахъ 16
III. Умирающій Обносковъ въ своей семьѣ 24
IV. Исповѣдь стараго Обноскова 37
V. Ех-профессоръ Кряжовъ, дальній родственникъ Обносковыхъ. 45
VI. Дочь и воспитанникъ Кряжова 54
VII. Драма, которую вполнѣ поймутъ ея герои только впослѣдствіи. 63
VIII Смерть стараго Обноскова 75
IX. Передъ гробомъ ближняго 84
X. Очень обыкновенная семейная жизнь 98
XI. Кузенъ Пьеръ—развиватель молодежи 109
XII. На краю пропасти. 120
XIII. Продолженіе предыдущей 129
XIV. Домашній адъ и случайное перемиріе. 139
XV. Во время выздоровленія Алексѣя Алексѣевича Обноскова. 150
XVI. Внутреній разладъ 162
XVII. Жизнь Павла. 172
XVIII. Двѣ порванныя связи. 186
XIX. Отецъ и мужъ 202
XX. Заря новой жизни 211
XXI. Обносковъ навсегда лишается жены. 224
XXII. Затишье послѣ грозы 234
XXIII. Заключеніе. 239

Digitized by Google

Разсказы.

I. **Бѣдные углы большого дома** 255
I. Большой домъ и его отношенія къ рожденію, жизни и смерти его обитателей 255
II. Что могло случиться и что случилось на дѣлѣ послѣ похоронъ. 272
III. Маленькая сестрица и бѣдный братишка 287
IV. Жизнь Вари и ея Трезора въ школѣ большого дома. 304
V. Комедія жизни, по обыкновенію, оканчивается драмою смерти 317
VI. Приснухины,—романъ въ одной главѣ 330
VII. Трезоръ пробуетъ осчастливить людей и терпитъ за это непріятности. 348
VIII. Варя знакомится съ домашней Аркадіей семейства Гребешковыхъ. 359
IX. Недолгій праздникъ юношескихъ дней 373
X. Семейныя драмы. 386
XI. Бѣдные жильцы прощаются съ большимъ домомъ . 396
II. **Подъ гнетомъ окружающаго** 404

Digitized by Google

Книга 4.

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ II.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904-Й ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

НИВА

СО МНОГИМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Гг. подписчики „НИВЫ" получатъ въ теченіе 1904 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА", заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2.000 столбцовъ текста и 1.100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 **ТОМОВЪ** „Сборника Нивы" (каждый 10—15 листовъ, въ общемъ около 9000 страницъ), содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ПЕРВЫЯ **20** КНИГЪ **А. К. ШЕЛЛЕРА**

(А. Михайлова)

(цѣна въ отдѣльной продажѣ 27 руб.).
Подъ ред. и со статьею **А. М. Скабичевскаго.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

16 КНИГАХЪ **Г. ГЕЙНЕ**

(цѣна въ отдѣльной продажѣ 15 руб.).
Подъ ред. и съ біогр. очеркомъ **П. И. Вейнберга.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

4 КНИГ. **ГОРБУНОВА**

(цѣна въ отдѣльной продажѣ 4 р. 50 к.).
Подъ ред. и съ вступит. очеркомъ **А. Ф. Кони.**

12 **КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ"**, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта и разныхъ игръ. До 2.000 столбцовъ текста съ иллюстраціями.

12 **№№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ"**. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на вопросы подписчиковъ.

12 **ЛИСТОВЪ** рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 **„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ"** на 1904 г., отпечатанный въ 9 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями на годъ: **въ С.-Петербургѣ:** безъ доставки — **6 р. 50 к.**, съ доставкой — **7 р. 50 к.**; Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи)—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ кн. магаз. „Образованіе" (Ришельевская, 12)—7 р. 50 к. **Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи — 8 р.** За границу — **12 руб.**

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛІОТЕКУ „НИВЫ",

въ составъ которой входитъ:

БОЛЬШОЙ ВСЕМІРНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ АТЛАСЪ МАРКСА

подъ редакціею

проф. Э. Ю. ПЕТРИ и Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

62 главныхъ и 148 дополнит. картъ на 53 большихъ двойныхъ таблицахъ in folio (подъ №№ 1—62). Выходитъ 12-ю ежемѣс. выпусками, съ краткимъ поясн. текста къ 8 картамъ по климатологіи, и при 12 выпускѣ — полнаго, **алфавитнаго указателя,** содержащаго около **250.000** географич. названій, помѣщенныхъ въ атласѣ, съ обозначеніемъ мѣста нахожденія каждаго названія.

Для ознакомленія съ изданіемъ, ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО и высылается иногороднымъ за ОДИНЪ РУБЛЬ (можно ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ въ заказномъ письмѣ), который засчитывается при подпискѣ на все изданіе.

Въ Западной Европѣ давно имѣются большіе настольные географич. атласы, выдающіеся богатствомъ, полнотой и точностью свѣдѣній. У насъ же, въ Россіи, до сихъ поръ нѣтъ ни одного подобнаго атласа, что и побудило насъ предпринять изданіе БОЛЬШОГО ВСЕМІРНАГО НАСТОЛЬНАГО АТЛАСА. Это оказалось очень труднымъ дѣломъ. Потребовалось много лѣтъ неустанныхъ трудовъ и заботъ, пришлось затратить огромныя средства, прежде чѣмъ мы увидѣли результатъ своихъ трудовъ.

Надъ чѣмъ особенно пришлось поработать и чѣмъ мы можемъ по справедливости гордиться, это — картой Европейской Россіи, составленной изъ 16 громадныхъ листовъ.

Такого масштаба карты Европ. Россіи еще не было ни въ одномъ атласѣ. Благодаря огромному размѣрамъ карты, оказалось возможнымъ обозначить на ней самые мелкіе мѣста и пункты, какъ напримѣръ: мѣстечки, слободы, села, деревни, форты, сторожевые посты, колодцы, бекеты, болота, пороги, подводные камни, соляные и пресноводныя озера, минеральные источники и курорты, каналы, маяки, курганы, рудники и золотые пріиски, таможни, ярмарки, монастыри, церкви, мечети, желѣзныя, почтовыя, шоссейныя, проселочныя дороги, перевалы, гавани и пароходныя пристани, почтовыя и телеграфныя станціи, пароходныя линіи, телеграфныя и телефонныя линіи и т. д. Благодаря алфавитному указателю, найти любое географическое названіе въ атласѣ—дѣло одной минуты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе въ 12-ти вып. по одному вып.—въ мѣсяцъ. Безъ доставки: 1) **ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—12 р.**; 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской и въ Одессѣ въ книжн. маг. „Образованіе"—**13 р. Съ дост. въ С.-Петербургѣ и съ перес. во всѣ мѣсти. Россіи — 14 р.** Съ перес. за границу — 16 руб. **Разсрочка допускается въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.**

Для лицъ, не подписавшихся, цѣна атласа въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно повышена.

Иллюстрированное объявленіе высылается безплатно по первому требованію.

Требованія адресовать въ Главную Контору журнала „НИВА", С.-Петербургъ, улица Гоголя (бывш. Малая Морская).

Книга 5.

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ II.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., ул. Гоголя, 22.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. ГОЛОВИНА

(К. Орловскаго),

въ 12-ти томахъ in 8°, съ портретомъ автора.

СОДЕРЖАНІЕ:

ТОМЪ I. Медовый мѣсяцъ. Романъ. — Живая загадка. Повѣсть. **ТОМЪ II.** Пощечина. Разсказъ. — Искушеніе. Романъ. — Двѣ статуи. Разсказъ. **ТОМЪ III.** Внѣ колеи. Романъ въ 5 частяхъ, ч. 1, 2 и 3. **ТОМЪ IV.** Внѣ колеи. Романъ, части 4 и 5.—Въ свѣтлый праздникъ. Разсказъ. **ТОМЪ V.** Театральный цвѣтокъ. Повѣсть. — На вѣсахъ. Романъ. **ТОМЪ VI.** Блудный братъ. Романъ въ 2 частяхъ. **ТОМЪ VII.** Погромъ. Романъ.—Баловень счастья. Повѣсть. — Ты. Разсказъ. **ТОМЪ VIII.** Дядюшка Михаилъ Петровичъ. Изъ записной книжки Сергѣя Васильевича Градищева. **ТОМЪ IX.** Второе поколѣніе. Повѣсть.—Чья вина. Повѣсть. **ТОМЪ X.** Молодежь. Романъ въ 4 частяхъ, ч. 1 и 2. **ТОМЪ XI.** Молодежь. Романъ, части 3 и 4. **ТОМЪ XII.** Портретъ автора. — Сильный человѣкъ. Романъ.—Андрей Ологинъ. Повѣсть.

Изданіе отпечатано четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ и содержитъ въ себѣ 4730 страницъ in 8° СПБ. 1903 г.

Цѣна 12-ти томамъ **15 руб.**, съ перес. **16 р. 50 к.**, въ 7 коленкоровыхъ переплетахъ **18 р. 50 к.**, съ перес. **20 руб.** Тома продаются и отдѣльно (но только безъ переплетовъ) по **1 р. 25 к.**, съ перес. по **1 р. 50 к.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ШЕКСПИРА

въ переводѣ и объясненіи **А. Л. Соколовскаго.**

Въ восьми большихъ томахъ in 8° (3.698 стр.).

Съ обширною вступительною статьею: „Шекспиръ и его значеніе въ литературѣ", біографич. очеркомъ, обстоятельными историко-критическими этюдами къ каждому произведенію и многочисленными (3.097) объяснительными примѣчаніями.

Переводъ А. Л. Соколовскаго встрѣченъ очень сочувственно критикою, а Императорскою Академіею Наукъ удостоенъ **ПОЛНОЙ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМІИ.**

Содержаніе: Т. I. Вступительная статья: Шекспиръ и его значеніе въ литературѣ.—Трагедіи: Отелло. Король Лиръ. Макбетъ.—Т. II. Трагедіи: Гамлетъ. Ромео и Джульетта. Тимонъ Аѳинскій.—Т. III. Драмы: Венеціанскій купецъ. Мѣра за мѣру. Цимбелинъ. Зимняя сказка. Периклъ.—Т. IV. Трагедіи изъ древняго міра: Коріоланъ. Юлій Цезарь. Антоній и Клеопатра. Троилъ и Крессида.—Т. V. Драматическія хроники: Король Іоаннъ. Король Ричардъ второй. Король Генрихъ четвертый. Король Генрихъ пятый.—Т. VI. Драматическія хроники: Король Генрихъ шестой. Король Ричардъ третій. Король Генрихъ восьмой.—Т. VII. Комедіи: Сонъ въ лѣтнюю ночь. Виндзорскія проказницы. Укрощеніе своенравной. Много шуму изъ пустяковъ. Двѣнадцатая ночь. Два Веронца.—Т. VIII. Комедіи: Буря. Какъ Вамъ угодно. Конецъ вѣнчаетъ дѣло. Потерянные труды любви. Комедія ошибокъ.—Трагедія: Титъ Андроникъ.

„Шекспиръ" въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго допущенъ Основными и Особыми отдѣлами Учен. Комитета М. Н. П. въ ученич. библіотеки средн. учебн. заведеній, въ учит. библіотеки низш. училищъ и въ безплатн. народн. читальни и библіотеки.

Цѣна 8 томамъ—**10** руб., съ перес. **11** руб.; въ 4-хъ перепл. **12** руб., съ перес. **13** руб. также продаются (только безъ переплетовъ) отдѣльные томы (кромѣ I и II) по **1** руб. **25** коп., съ перес. **1** руб. **50** коп.

Digitized by Google

Къ подпискѣ на „**Ниву**" **1904 г.** и „**Большой всемірный Настольный Атласъ Маркса**" см. слѣдующія обложки.

Книга 6.

Сборникъ „Нивы" за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ II.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Только-что вышли изъ печати и поступили въ продажу
новыя изданія А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ:

Анри Купенъ.

ПРИЧУДЛИВЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

Съ 211 рисунками въ текстѣ.

Переводъ съ французскаго женщины-врача Е. Д. Вургафтъ.

Изобрѣтательный геній природы, не довольствуясь обыкновеннымъ установленнымъ, постоянно создаетъ новыя формы, причудливо отклоняющіяся отъ существующихъ типовъ животныхъ или своею чудовищною внѣшностью, или странными привычками и образомъ жизни.

Весь этотъ разнообразный міръ причудливыхъ животныхъ до сихъ поръ былъ лишь достояніемъ ученыхъ спеціалистовъ. Популярныя книги по естествознанію не касались этихъ животныхъ, не умѣя, видимо, извлечь изъ ученыхъ трактатовъ то, что было бы доступно пониманію публики.

Анри Купенъ, извѣстный популяризаторъ научныхъ знаній, сумѣлъ извлечь изъ спеціальной научной литературы по этому предмету все наиболѣе интересное и достойное вниманія и разсказалъ все это въ такой занимательной формѣ, что отъ книги нельзя оторваться, — такъ она увлекательна.

Опытной, умѣлой рукой Купенъ объединилъ самыхъ, повидимому, разнородныхъ животныхъ по общимъ физическимъ или внутреннимъ психологическимъ признакамъ.

Каждую такую группу животныхъ онъ описалъ отдѣльно, раздѣливъ свое талантливое описаніе на главы. Приведемъ для примѣра нѣкоторыя: „Животныя блюдолизы", „Плачущія животныя", „Животныя, ведущія суровый образъ жизни", „Животныя, чувствующія приближеніе смерти", „Животныя, принимающія причудливыя положенія".

Въ высшей степени удачно распланировавъ всѣ эти оригинальныя группы животныхъ, Купенъ придалъ своимъ описаніямъ живую, образную форму. Совершенно изгнавъ научную терминологію, запугивающую неподготовленнаго читателя, авторъ внесъ въ свое изложеніе значительную долю юмора, придающаго книгѣ большую живость.

Умѣло подобранныя многочисленныя иллюстраціи-сразу вводятъ читателя въ эту „кунсткамеру" природы, въ міръ чудовищъ и оригиналовъ животнаго царства.

Читать эту книгу можетъ всякій: тема книги одинаково интересна и взрослому, и юношѣ, и ребенку; изложеніе настолько общедоступно, что можетъ увлечь и заинтересовать каждаго.

Изящно изданная книга in 8°, 447 стр., отпечатанная на хорошей бумагѣ. СПБ. 1904.

ЦѢНА 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.; въ коленкор. переплетѣ 3 р. 50 к., съ перес. 4 руб.

РУКОВОДСТВО КЪ ХОЗЯЙСТВУ И ДОМОВОДСТВУ

ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Составила **Марія Ределинъ.**

Предлагаемая читателямъ книга принадлежитъ перу извѣстной популяризаторши знаній по раціональному и практическому домоводству, г-жѣ Маріи Ределинъ. Въ настоящее время, когда вопросъ о средствахъ къ жизни сталъ однимъ изъ жгучихъ вопросовъ, когда требованія гигіены выдвинулись на первый планъ и когда жена и мать должна быть настоящей хозяйкой всего внутренняго быта семьи, — вопросъ о правильномъ веденіи домашняго хозяйства является далеко не маловажнымъ въ существованіи человѣка. Однако, ознакомленіе съ основами кулинарнаго искусства и домоводства поставлено крайне поверхностно и слабо въ современной семьѣ. Настоящая книга полняетъ этотъ пробѣлъ и является первой удачной попыткой дать необходимый сводъ свѣдѣній по домоводству и хозяйству. Не всякая женщина въ состояніи пройти курсъ какой-нибудь хозяйственной школы, да и школъ этихъ немного; съ появленіемъ этой книги каждая хозяйка получитъ въ руки готовый курсъ. Это — настоящая энциклопедія хозяйства и домоводства, изложенная въ удобной и практической формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, и могла бы быть принята въ руководство не только въ семьѣ, но и, глазнымъ образомъ, въ школѣ, для которой она особенно цѣнна формой своего изложенія — въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Книга эта имѣетъ 23 отдѣла и, кажется, не найдется ни одного вопроса по хозяйству, на который въ ней не было бы отвѣта. Вопросы питанія, гигіены, фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ, припасовѣдѣнія, освѣщенія, отопленія, содержанія бѣлья, веденія книгъ и пр. разработаны въ руководствѣ детально и практически.

Изящно изданная книга in 8°, 339 страницъ въ 8-ю долю листа.

ЦѢНА книги 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.; въ коленк. пер. 2 р., съ перес. 2 р. 40

Требованія и деньги адресовать: въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google